ФЕДОР СОЛОГУБ

МЕЛКИЙ БЕС

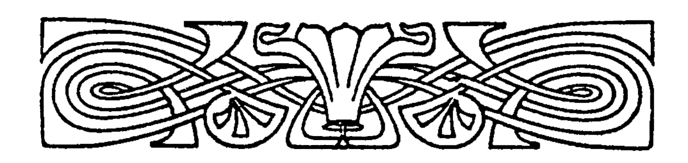
Федор Сологуб.
Фотография ателье «А. Рентц и Ф. Шрадер».
Санкт-Петербург, 1899 г. Музей ИРЛИ.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ФЕДОР СОЛОГУБ

МЕЛКИЙ БЕС

Издание подготовила
М. М. Павлова

Санкт-Петербург
«Наука»
2004

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)1
С60

Ответственный редактор
А. В. ЛАВРОВ

Часть исследования выполнена при финансовой поддержке Американского совета научных сообществ (American Council Learned Societies), грант 2001 года

ТП-2004-II-218
ISBN 5-02-027129-2

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Роман «Мелкий бес» начат в 1892 году, окончен в 1902 году. Первый раз напечатан в журнале «Вопросы жизни» за 1905 год, №№ 6—11, но без последних глав.[1] В полном виде роман появился первый раз в издании «Шиповника» в марте 1907 года.

В печатных отзывах и в устных, которые мне пришлось выслушать, я заметил два противоположные мнения.

Одни думают, что автор, будучи очень плохим человеком, пожелал дать свой портрет и изобразил себя во образе учителя Передонова.[2] Вследствие своей искренности автор не пожелал ничем себя оправдать и прикрасить и потому размазал свой лик самыми черными красками. Совершил он это удивительное предприятие для того, чтобы взойти на некую Голгофу и там для чего-то пострадать. Получился роман интересный и безопасный.[3]

Интересный потому, что из него видно, какие на свете бывают нехорошие люди. Безопасный потому, что читатель может сказать: «Это не про меня писано».

Другие, не столь жестокие к автору, думают, что изображенная в романе передоновщина — явление довольно распространенное.[4]

Некоторые думают даже, что каждый из нас, внимательно в себя всмотревшись, найдет в себе несомненные черты Передонова.[5]

Из этих двух мнений я отдаю предпочтение тому, которое для меня более приятно, а именно второму. Я не был поставлен в необходимость сочинять и выдумывать из себя;[6] все анекдотическое, бытовое и психологическое в моем романе основано на очень точных наблюдениях, и я имел для моего романа достаточно «натуры» вокруг себя. И если работа над романом была столь продолжительна, то лишь для того, чтобы случайное возвести к необходимому, чтобы там,

где царствовала рассыпающая анекдоты Айса, воцарилась строгая Ананке.[7]

Правда, люди любят, чтобы их любили. Им нравится, чтоб изображались возвышенные и благородные стороны души. Даже и в злодеях им хочется видеть проблески блага, «искру Божию», как выражались в старину. Потому им не верится, когда перед ними стоит изображение верное, точное, мрачное, злое. Хочется сказать:

— Это он о себе.

Нет, мои милые современники, это о вас я писал мой роман о Мелком бесе и жуткой его Недотыкомке, об Ардалионе и Варваре Передоновых, Павле Володине, Дарье, Людмиле и Валерии Рутиловых, Александре Пыльникове и других. О вас.

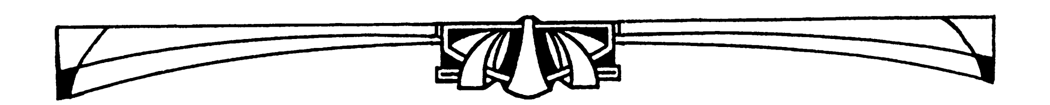
Этот роман — зеркало, сделанное искусно. Я шлифовал его долго, работая над ним усердно.

Ровна поверхность моего зеркала, и чист его состав. Многократно измеренное и тщательно проверенное, оно не имеет никакой кривизны.

Уродливое и прекрасное отражаются в нем одинаково точно.[8]

Январь 1908 года

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТОМУ ИЗДАНИЮ

Мне казалось когда-то, что карьера Передонова закончена и что уж не выйти ему из психиатрической лечебницы, куда его поместили после того, как он зарезал Володина. Но в последнее время до меня стали доходить слухи о том, что умоповреждение Передонова оказалось временным и не помешало ему через некоторое время очутиться на свободе, — слухи, конечно, мало вероятные. Я упоминаю о них только потому, что в наши дни и невероятное случается.[1] Я даже прочитал в одной газете, что я собираюсь написать вторую часть «Мелкого беса».[2]

Я слышал, будто бы Варваре удалось убедить кого-то, что Передонов имел основание поступить так, как он поступил, — что Володин не раз произносил возмутительные слова и обнаруживал возмутительные намерения, — и что перед своею смертью он сказал нечто неслыханно-дерзкое, что и повлекло роковую развязку. Этим рассказом Варвара, говорили мне, заинтересовала княгиню Волчанскую, и княгиня, которая раньше все забывала замолвить слово за Передонова, теперь будто бы приняла живое участие в его судьбе.

Что́ было с Передоновым по выходе его из лечебницы, об этом мои сведения неясны и противоречивы. Одни мне говорили, что Передонов поступил на службу в полицию, как ему и советовал Скучаев, и был советником губернского правления. Чем-то отличился в этой должности и делает хорошую карьеру.[3]

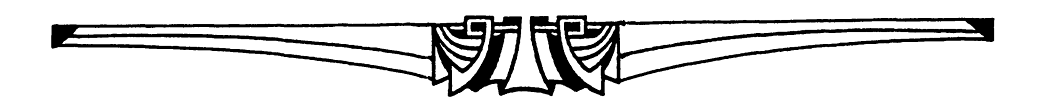
От других же я слышал, что в полиции служил не Ардальон Борисович, а другой Передонов, родственник нашего. Самому же Ардальону Борисовичу на службу поступить не удалось или не захотелось; он занялся литературною критикою.[4] В статьях его сказываются те черты, которые отличали его и раньше.[5]

Этот слух кажется мне еще неправдоподобнее первого.

Впрочем, если мне удастся получить точные сведения о позднейшей деятельности Передонова, я расскажу об этом достаточно подробно.

⟨*Август 1909 г.*⟩[6]

ДИАЛОГ

⟨к седьмому изданию⟩

— Душа моя, чем ты так смущена?

— Ненавистью, которая окружает имя автора «Мелкого беса». Многие, такие различные в остальном, сошлись в этом.

— Прими смиренно злость и брань.[1]

— Но разве этот наш труд не достоин того, чтобы нас благодарили? Откуда же ненависть?

— Эта ненависть подобна испугу. Ты слишком громко будишь совесть, ты слишком откровенна.

— Но разве нет пользы в моей правдивости?

— Ты ждешь комплиментов! Но ведь здесь не Париж.

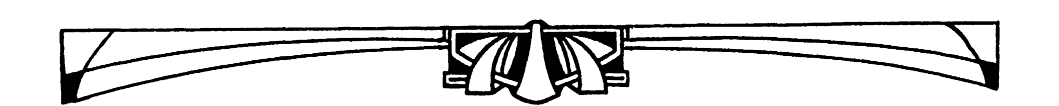
— О да, не Париж!

— Ты, душа моя, истинная парижанка, дитя европейской цивилизации. Ты пришла в нарядном платье и в легких сандалиях туда, где носят косоворотки и смазные сапоги. Не удивляйся же тому, что смазной сапог порою грубо наступит на твою нежную ногу. Его обладатель — честный малый.

— Но такой угрюмый! И такой неловкий!

Май 1913

⟨ПРЕДИСЛОВИЕ⟩ К СЕДЬМОМУ ИЗДАНИЮ

Внимательные читатели моего романа «Дым и Пепел» (четвертая часть «Творимой Легенды»), конечно, уже знают, какою дорогою идет теперь Ардальон Борисович.[1]

Май 1913 г.

МЕЛКИЙ БЕС

РОМАН

Я сжечь ее хотел, колдунью злую...[1]

I

После праздничной обедни прихожане расходились по домам. Иные останавливались в ограде, за белыми каменными стенами, под старыми липами и кленами, и разговаривали. Все принарядились по-праздничному, смотрели друг на друга приветливо, и казалось, что в этом городе живут мирно и дружно. И даже весело. Но все это только казалось.[2]

Гимназический учитель Передонов, стоя в кругу своих приятелей, угрюмо посматривая на них маленькими, заплывшими глазами из-за очков в золотой оправе, говорил им:

— Сама княгиня Волчанская обещала Варе, уж это наверное. Как только, говорит, выйдете за него замуж, так я ему сейчас же и выхлопочу место инспектора.[3]

— Да как же ты на Варваре Дмитриевне женишься? — спросил краснолицый Фаластов, — ведь она же тебе сестра! Разве новый закон вышел, что и на сестрах венчаться можно?

Все захохотали. Румяное, обыкновенно равнодушно-сонное лицо Передонова сделалось свирепым.

— Троюродная... — буркнул он, сердито глядя мимо собеседников.

— Да тебе самому княгиня обещала? — спросил щеголевато-одетый, бледный и высокий Рутилов.

— Не мне, а Варе, — ответил Передонов.

— Ну вот, а ты и веришь, — оживленно говорил Рутилов. — Сказать все можно. А ты сам отчего к княгине не явился?

— Пойми, что мы пошли с Варей, да не застали княгини, всего на пять минут опоздали, — рассказывал Передонов, — она в деревню уехала, вернется через три недели, а мне никак нельзя было ждать, сюда надо было ехать к экзаменам.

— Сомнительно что-то, — сказал Рутилов и засмеялся, показывая гниловатые зубы.

Передонов призадумался. Собеседники разошлись. Остался с ним один Рутилов.

— Конечно, — сказал Передонов, — я на всякой могу, на какой захочу. Не одна мне Варвара.

— Само собою, за тебя, Ардальон Борисыч, всякая пойдет, — подтвердил Рутилов.

Они вышли из ограды и медленно проходили по площади, немощёной и пыльной. Передонов сказал:

— Только вот княгиня как же? Она разозлится, если я Варвару брошу.

— Ну, что ж княгиня! — сказал Рутилов. — Тебе с ней не котят крестить. Пусть бы она тебе место сначала дала, — окрутиться успеешь. А то как же так, зря, ничего не видя!

— Это верно... — раздумчиво согласился Передонов.

— Ты так Варваре и скажи, — уговаривал Рутилов. — Сперва место, а то, мол, я так не очень-то верю. Место получишь, а там и венчайся, с кем вздумаешь. Вот ты лучше из моих сестер возьми, — три, любую выбирай. Барышни образованные, умные, без лести сказать, не чета Варваре. Она им в подметки не годится.

— Ну, — промычал Передонов.

— Верно. Что твоя Варвара? Вот, понюхай.

Рутилов наклонился, оторвал шерстистый стебель белены,[4] скомкал его вместе с листьями и грязно-белыми цветами и, растирая все это пальцами, поднес к носу Передонова. Тот поморщился от неприятного, тяжелого запаха. Рутилов говорил:

— Растереть да бросить, — вот и Варвара твоя. Она и мои сестры — это, брат, две большие разницы. Бойкие барышни, живые, — любую возьми, не даст заснуть. Да и молодые — самая старшая втрое моложе твоей Варвары.

Все это Рутилов говорил, по обыкновению своему, быстро и весело, улыбаясь, — но он, высокий, узкогрудый, казался чахлым и хрупким, и из-под шляпы его, новой и модной, как-то жалко торчали жидкие, коротко-остриженные светлые волосы.

— Ну, уж и втрое, — вяло возразил Передонов, снимая и протирая золотые очки.

— Да уж верно! — воскликнул Рутилов. — Смотри не зевай, пока я жив, а то они у меня тоже с гонором, — потом захочешь, да поздно будет. А только из них каждая за тебя с превеликим удовольствием пойдет.

— Да, в меня здесь все влюбляются, — с угрюмым самохвальством сказал Передонов.

— Ну, вот видишь, вот ты и лови момент, — убеждал Рутилов.

— Мне бы, главное, не хотелось, чтобы она была сухопарая, — с тоскою в голосе сказал Передонов. — Жирненькую бы мне.

— Да уж на этот счет ты не беспокойся, — горячо говорил Рутилов. — Они и теперь барышни пухленькие, а если не совсем вошли в объем, так это только до поры до времени. Выйдут замуж, и они раздобреют, как старшая, — Лариса-то у нас, сам знаешь, какая кулебяка[5] стала.

— Я бы женился, — сказал Передонов, — да боюсь, что Варя большой скандал устроит.

— Боишься скандала, так ты вот что сделай, — с хитрою улыбкою сказал Рутилов, — сегодня же венчайся, не то завтра: домой явишься с молодой женой, и вся недолга. Правда, хочешь, я это сварганю,[6] завтра же вечером? С какою хочешь?

Передонов внезапно захохотал, отрывисто и громко.

— Ну, идет? по рукам, что ли? — спросил Рутилов. Передонов так же внезапно перестал смеяться и угрюмо сказал, тихо, почти шепотом:

— Донесет, мерзавка.

— Ничего не донесет, нечего доносить, — убеждал Рутилов.

— Или отравит, — боязливо шептал Передонов.

— Да уж ты во всем на меня положись, — горячо уговаривал его Рутилов, — я все так тонко обстрою тебе...

— Я без приданого не женюсь, — сердито крикнул Передонов.

Рутилова нисколько не удивил новый скачок в мыслях угрюмого собеседника. Он возразил все с тем же одушевлением:

— Чудак, да разве они бесприданницы! Ну, что же, идет, что ли? Ну, я побегу, все устрою. Только чур, никому ни гу-гу, слышишь, никому!

Он потряс руку Передонова и побежал от него. Передонов молча смотрел за ним. Барышни Рутиловы припомнились ему, веселые, насмешливые. Нескромная мысль выдавила на его губы поганое подобие улыбки, — оно появилось на миг и исчезло. Смутное беспокойство поднялось в нем.

«С княгиней-то как же? — подумал он. — За теми гроши, и протекции нет, а с Варварой в инспекторы попадешь, а потом и директором сделают».

Он посмотрел вслед суетливо-убегающему Рутилову и злорадно подумал:

«Пусть побегает».

И эта мысль доставила ему вялое и тусклое удовольствие. Но ему стало скучно оттого, что он один, — он надвинул шляпу на лоб, нахмурил светлые брови, и торопливо отправился домой по немощёным, пустынным улицам, заросшим лежачею мшанкою[7] с белыми цветами да жерухою, травою, затоптанною в грязи.

Кто-то позвал его тихим и быстрым голосом:

— Ардальон Борисыч, к нам зайдите.

Передонов поднял сумрачные глаза, и сердито посмотрел за изгородь. В саду за калиткою стояла Наталья Афанасьевна Вершина, маленькая, худенькая, темнокожая женщина, вся в черном, чернобровая, черноглазая. Она курила папироску в черешневом, темном мундштуке и улыбалась слегка, словно знала такое, чего не говорят, но чему улыбаются. Не столько словами, сколько легкими, быстрыми движениями зазывала она Передонова в свой сад: открыла калитку, посторонилась, улыбалась просительно и вместе уверенно и показывала руками, — входи, мол, чего стоишь.

И вошел Передонов, подчиняясь ее словно ворожащим, беззвучным движениям. Но он сейчас же остановился на песчаной дорожке, где в глаза ему бросились обломки сухих веток, — и посмотрел на часы.

— Завтракать пора, — проворчал он.

Хотя часы служили ему давно, но он и теперь, как всегда при людях, с удовольствием глянул на их большие золотые крышки. Было без двадцати минут двенадцать. Передонов решил, что можно побыть немного. Угрюмо шел он за Вершиною по дорожкам, мимо опустелых кустов черной и красной смородины, малины, крыжовника.

Сад желтел и пестрел плодами да поздними цветами. Было тут много плодовых и простых деревьев да кустов: невысокие раскидистые яблони, круглолистые груши, липы, вишни с гладкими блестящими листьями, слива, жимолость. На бузиновых кустах краснели ягоды. Около забора густо цвела сибирская герань — мелкие бледно-розовые цветки с пурпуровыми жилками. Остропестро[8] выставляло из-под кустов свои колючие пурпуровые головки. В стороне стоял деревянный дом, маленький, серенький, в одно жилье,[9] с широкою обеденкою[10] в сад. Он казался милым и уютным. А за ним виднелась часть огорода. Там качались сухие коробочки мака да беложелтые крупные чепчики ромашки, желтые головки подсолнечника никли перед увяданием, и между полезными зелиями поднимались зонтики: белые у кокорыша и бледно-пурпуровые у цикутного аистника, цвели светло-желтые лютики да невысокие молочаи.[11]

— У обедни были? — спросила Вершина.

— Был, — угрюмо ответил Передонов.

— Вот и Марта только что вернулась, — рассказывала Вершина. — Она часто в нашу церковь ходит. Уж я и то смеюсь: для кого это, говорю, вы, Марта, в нашу церковь ходите? Краснеет, молчит. Пойдемте, в беседке посидимте, — сказала она быстро и без всякого перехода от того, что говорила раньше.

Среди сада, в тени развесистых кленов, стояла старенькая, серенькая беседка, — три ступеньки вверх, обомшалый помост, низенькие стены, шесть точеных, пузатых столбов и шестискатная кровелька.

Марта сидела в беседке, еще принаряженная от обедни. На ней было светлое платье с бантиками, но оно к ней не шло. Короткие рукава обнажали островатые красные локти, сильные и большие руки. Марта была, впрочем, недурна. Веснушки не портили ее. Она слыла даже за хорошенькую, особенно среди своих, поляков, — их жило здесь немало.

Марта набивала папиросы для Вершиной. Она нетерпеливо хотела, чтобы Передонов посмотрел на нее и пришел в восхищение. Это желание выдавало себя на ее простодушном лице выражением беспокойной приветливости. Впрочем, оно вытекало не из того, чтобы Марта была влюблена в Передонова: Вершина желала пристроить ее, семья была большая, — и Марте хотелось угодить Вершиной, у которой она жила несколько месяцев, со дня похорон старика мужа Вершиной, — угодить за себя и за брата-гимназиста, который тоже гостил здесь.

Вершина и Передонов вошли в беседку. Передонов сумрачно поздоровался с Мартою, и сел, — выбрал такое место, чтобы спину защищал от ветра столб и чтобы в уши не надуло сквозняком. Он посмотрел на Мартины желтые башмаки с розовыми помпончиками, и подумал, что его ловят в женихи. Это он всегда думал, когда видел барышень, любезных с ним. Он замечал в Марте только недостатки — много веснушек, большие руки и с грубою кожею. Он знал, что ее отец, шляхтич, держал в аренде маленькую деревушку верстах в шести от города. Доходы малые, детей много: Марта кончила прогимназию,[12] сын учился в гимназии, другие дети были еще меньше.

— Пивка позволите вам налить? — быстро спросила Вершина.

На столе стояли стаканы, две бутылки пива, мелкий сахар в жестяной коробке, ложечка мельхиоровая, замоченная пивом.

— Выпью, — отрывисто сказал Передонов.

Вершина посмотрела на Марту. Марта налила стакан, подвинула его Передонову, и при этом на ее лице играла странная улыбка, не то испу-

ганная, не то радостная. Вершина сказала быстро, точно просыпала слова:

— Положите сахару в пиво.

Марта подвинула к Передонову жестянку с сахаром. Но Передонов досадливо сказал:

— Нет, это гадость — с сахаром.

— Что вы, вкусно, — однозвучно и быстро уронила Вершина.

— Очень вкусно, — сказала Марта.

— Гадость, — повторил Передонов и сердито поглядел на сахар.

— Как хотите, — сказала Вершина, и тем же голосом, без остановки и перехода, заговорила о другом. — Черепнин мне надоедает, — сказала она и засмеялась.

Засмеялась и Марта. Передонов смотрел равнодушно: он не принимал никакого участия в чужих делах, — не любил людей, не думал о них иначе, как только в связи со своими выгодами и удовольствиями. Вершина самодовольно улыбнулась и сказала:

— Думает, что я выйду за него.

— Ужасно дерзкий, —сказала Марта, не потому, что думала это, а потому, что хотела угодить и польстить Вершиной.

— Вчера у окна подсматривал, — рассказывала Вершина. — Забрался в сад, когда мы ужинали. Кадка под окнами стояла, мы подставили под дождь, — целая натекла. Покрыта была доской, воды не видно, он влез на кадку, да и смотрит в окно. А у нас лампа горит, — он нас видит, а мы его не видим. Вдруг слышим шум. Испугались сначала, выбегаем. А это он провалился в воду. Однако вылез до нас, убежал весь мокрый, — по дорожке так мокрый след. Да мы и по спине узнали.

Марта смеялась тоненьким, радостным смехом, как смеются благонравные дети. Вершина рассказала все быстро и однообразно, словно высыпала, — как она и всегда говорила, — и разом замолчала, сидела и улыбалась краем рта, и оттого все ее смуглое и сухое лицо пошло в складки и черноватые от курева зубы слегка приоткрылись. Передонов подумал и вдруг захохотал. Он всегда не сразу отзывался на то, что казалось ему смешным, — медленны и тупы были его восприятия.

Вершина курила папиросу за папиросою. Она не могла жить без табачного дыма перед ее носом.

— Скоро соседями будем, — объявил Передонов.

Вершина бросила быстрый взгляд на Марту. Та слегка покраснела, с пугливым ожиданием посмотрела на Передонова и сейчас же опять отвела глаза в сад.

— Переезжаете? — спросила Вершина — Отчего же?

— Далеко от гимназии, — объяснил Передонов. Вершина недоверчиво улыбалась. Вернее, думала она, что он хочет быть поближе к Марте.

— Да ведь вы там уже давно живете, уже несколько лет, — сказала она.

— Да и хозяйка стерва, — сердито сказал Передонов.

— Будто? — недоверчиво спросила Вершина и криво улыбнулась.

Передонов немного оживился.

— Наклеила новые обои, да скверно, — рассказывал он. — Не подходит кусок к куску. Вдруг в столовой над дверью совсем другой узор, вся комната разводами да цветочками, а над дверью полосками да гвоздиками. И цвет совсем не тот. Мы было не заметили, да Фаластов пришел, смеется. И все смеются.

— Еще бы, такое безобразие, — согласилась Вершина.

— Только мы ей не говорим, что выедем, — сказал Передонов и при этом понизил голос. — Найдем квартиру и поедем, а ей не говорим.

— Само собой, — сказала Вершина.

— А то будет, пожалуй, скандалить, — говорил Передонов, и в глазах его отразилось пугливое беспокойство. — Да еще плати ей за месяц, за такую-то гадость.

Передонов захохотал от радости, что выедет и за квартиру не заплатит.

— Стребует, — заметила Вершина.

— Пусть требует, я не отдам, — сердито сказал Передонов. — Мы в Питер ездили, так не пользовались это время квартирою.

— Да ведь квартира-то за вами оставалась, — сказала Вершина.

— Что ж такое! Она должна ремонт делать, так разве мы обязаны платить за то время, пока не живем? И главное, она ужасно дерзкая.

— Ну, хозяйка дерзкая оттого, что ваша... сестрица уж слишком пылкая особа, — сказала Вершина с легкою заминкою на слове «сестрица».

Передонов нахмурился и тупо глядел перед собою полусонными глазами. Вершина заговорила о другом. Передонов вытащил из кармана карамельку, очистил ее от бумажки и принялся жевать. Случайно взглянул он на Марту и подумал, что она завидует и что ей тоже хочется карамельки.

«Дать ей или не давать? — думал Передонов. — Не стоит она. Или уж разве дать, — пусть не думают, что мне жалко. У меня много — полны карманы».

И он вытащил горсть карамели.

— Нате, — сказал он и протянул леденцы сначала Вершиной, потом Марте, — хорошие бомбошки, дорогие, тридцать копеек за фунт плачены.

Они взяли по одной. Он сказал:

— Да вы больше берите. У меня много, и хорошие бомбошки, — я худого есть не стану.

— Благодарю вас, я не хочу больше, — сказала Вершина быстро и невыразительно.

И те же слова за нею повторила Марта, но как-то нерешительно. Передонов недоверчиво посмотрел на Марту и сказал:

— Ну, как не хотеть! Нате.

И он взял из горсти одну карамельку себе, а остальные положил перед Мартою. Марта молча улыбнулась и наклонила голову.

«Невежа, — подумал Передонов, — не умеет поблагодарить хорошенько».

Он не знал, о чем говорить с Мартою. Она была ему нелюбопытна, как все предметы, с которыми не были кем-то установлены для него приятные или неприятные отношения.

Остальное пиво было вылито в стакан Передонову. Вершина глянула на Марту.

— Я принесу, — сказала Марта.

Она всегда без слов догадывалась, чего хочет Вершина.

— Пошлите Владю, он в саду, — сказала Вершина.

— Владислав! — крикнула Марта.

— Здесь, — отозвался мальчик так близко и так скоро, точно он подслушивал.

— Пива принеси, две бутылки, — сказала Марта, — в сенях, в ларе.

Скоро Владислав подбежал бесшумно к беседке, подал через окно Марте пиво и поклонился Передонову.

— Здравствуйте, — хмуро сказал Передонов, — пива сколько бутылок сегодня выдудили?

Владислав принужденно улыбнулся и сказал:

— Я не пью пива.

Это был мальчик лет четырнадцати, с веснушчатым, как у Марты, лицом, похожий на сестру, неловкий, мешкотный[13] в движениях. Одет он был в блузу сурового полотна.

Марта шепотом заговорила с братом. Оба они смеялись. Передонов подозрительно посматривал на них. Когда при нем смеялись и он не знал, о чем, он всегда предполагал, что это над ним смеются. Вершина забеспокоилась. Уже она хотела окликнуть Марту. Но сам Передонов спросил злым голосом:

— Чему смеетесь?

Марта вздрогнула, повернулась к нему и не знала, что сказать. Владислав улыбался, глядя на Передонова, и слегка краснел.

— Это невежливо, при гостях, — выговаривал Передонов. —Надо мной смеетесь? — спросил он.

Марта покраснела, Владислав испугался.

— Извините, — сказала Марта, — мы вовсе не над вами. Мы о своем.

— Секрет, — сердито сказал Передонов. — При гостях невежливо о секретах разговаривать.

— Да не то что секрет, — сказала Марта, — а мы тому, что Владя босиком и не может войти сюда, — стесняется.

Передонов успокоился, стал выдумывать шутки над Владею, потом угостил и его карамелькою.

— Марта, принесите мой черный платок, — сказала Вершина, — да загляните заодно в кухню, как там пирог.

Марта послушно вышла. Она поняла, что Вершина хочет говорить с Передоновым, и была рада, ленивая, что не к спеху.

— А ты иди подальше, — сказала Вершина Владе, — нечего тебе тут болтаться.

Владя побежал, и слышно было, как песок шуршит под его ногами. Вершина осторожно и быстро посмотрела вбок на Передонова сквозь непрерывно испускаемый ею дым. Передонов сидел молча, глядел прямо перед собою затуманенным взором и жевал карамельку. Ему было приятно, что те ушли, — а то, пожалуй, опять бы засмеялись. Хоть он и узнал наверное, что смеялись не над ним, но в нем осталась досада, — так после прикосновения жгучей крапивы долго остается и возрастает боль, хотя уже крапива и далече.

— Что вы не женитесь, — вдруг часто и быстро заговорила Вершина. — Чего еще ждете, Ардальон Борисыч! Варвара ваша вам не пара, извините, прямо скажу.

Передонов провел рукою по слегка растрепанным каштанового цвета волосам и с угрюмою важностью молвил:

— Здесь для меня и нет пары.

— Не скажите, — возразила Вершина и криво улыбнулась. — Здесь есть много лучше ее, и за вас всякая пойдет.

Она стряхнула пепел с папиросы решительным движением, словно поставила на чем-то утвердительный знак.

— Всякой мне не надо, — ответил Передонов.

— Не о всякой и речь, — быстро говорила Вершина. — Да вам ведь не за приданым гнаться, была бы девушка хорошая. Вы сами получаете достаточно, слава Богу.

— Нет, — возразил Передонов, — мне выгоднее на Варваре жениться. Ей княгиня протекцию обещала. Она даст мне хорошее место, — говорил Передонов с угрюмым одушевлением.

Вершина слегка улыбалась. Все ее морщинистое и темное, словно прокопченное табаком, личико выражало снисходительную недоверчивость. Она спросила:

— Да вам она говорила это, княгиня-то?

С ударением на слове «вам».

— Не мне, а Варваре, — признался Передонов, — да это все равно.

— Уж слишком вы полагаетесь на слова вашей сестрицы, — злорадно говорила Вершина. — Ну, а скажите, она много старше вас? Лет на пятнадцать? Или больше? Ведь ей под пятьдесят?

— Ну, где там, — досадливо сказал Передонов, — тридцати еще нет.

Вершина засмеялась.

— Скажите, пожалуйста, — с нескрываемою насмешкою в голосе сказала она, — а на вид она гораздо старше вас. Конечно, это не мое дело, а только со стороны жалко, что такой хороший молодой человек должен жить не так, как бы он заслуживал по своей красоте и душевным качествам.

Передонов самодовольно оглядывал себя. Но не было улыбки на его румяном лице, и казалось, что он обижен тем, что не все его понимают, как Вершина. А Вершина продолжала:

— Вы и без протекции далеко пойдете. Неужто не оценит начальство! Что ж вам за Варвару держаться! Да и не из Рутиловых же барышень вам жену брать: они — легкомысленные, а вам надо жену степенную. Вот бы взяли мою Марту.

Передонов посмотрел на часы.

— Пора домой, — сказал он и встал прощаться.

Вершина была уверена, что Передонов уходит потому, что она задела его за живое и что он из нерешительности только не хочет говорить теперь о Марте.

II

Варвара Дмитриевна Малошина, сожительница Передонова, ждала его, неряшливо одетая, но тщательно набеленная и нарумяненная.

Пеклись к завтраку пирожки с вареньем: Передонов их любил. Варвара бегала по кухне вперевалку, на высоких каблуках, и торопилась все к его приходу приготовить. Варвара боялась, что служанка — рябая, толстая девица Наталья — украдет пирожок, а то и больше. Потому

Варвара не выходила из кухни и, по обыкновению, бранила служанку. На ее морщинистом лице, хранившем следы былой красивости, неизменно лежало брюзгливо-жадное выражение.

Как всегда при возвращении домой, Передонова охватили неудовольствие и тоска. Он вошел в столовую шумно, швырнул шляпу на подоконник, сел к столу и крикнул:

— Варя, подавай!

Варвара носила кушанья из кухни, проворно ковыляя в узких из щегольства башмаках, и прислуживала Передонову сама. Когда она принесла кофе, Передонов наклонился к дымящемуся стакану и понюхал. Варвара встревожилась и пугливо спросила его:

— Что ты, Ардальон Борисыч? Пахнет чем-нибудь кофе?

Передонов угрюмо взглянул на нее и сказал сердито:

— Нюхаю, не подсыпано ли яду.

— Да что ты, Ардальон Борисыч! — испуганно сказала Варвара. — Господь с тобой, с чего ты это выдумал?

— Омегу[14] набуровила![15] — ворчал он.

— Что мне за корысть травить тебя, — убеждала Варвара, — полно тебе петрушку валять!

Передонов долго еще нюхал, наконец успокоился и сказал:

— Уж если есть яд, так тяжелый запах непременно услышишь, только поближе нюхнуть, в самый пар.

Он помолчал немного и вдруг вымолвил злобно и насмешливо:

— Княгиня!

Варвара заволновалась.

— Что княгиня? Что такое княгиня?

— А то княгиня, — говорил Передонов, — нет, пусть она сперва даст место, а уж потом я и женюсь. Ты ей так и напиши.

— Ведь ты знаешь, Ардальон Борисыч, — заговорила Варвара убеждающим голосом, — что княгиня обещает только, когда я выйду замуж. А то ей за тебя неловко просить.

— Напиши, что мы уж повенчались, — быстро сказал Передонов, радуясь выдумке.

Варвара опешила было, но скоро нашлась и сказала:

— Что же врать, — ведь княгиня может справиться. Нет, ты лучше назначь день свадьбы. Да и платье пора шить.

— Какое платье? — угрюмо спросил Передонов.

— Да разве в этом затрапезе[16] венчаться? — крикнула Варвара. — Давай же денег, Ардальон Борисыч, на платье-то.

— Себе в могилу готовишь? — злобно спросил Передонов.

— Скотина ты, Ардальон Борисыч! — укоризненно воскликнула Варвара.

Вдруг Передонову захотелось подразнить Варвару. Он спросил:

— Варвара, знаешь, где я был?

— Ну, где? — беспокойно спросила Варвара.

— У Вершиной, — сказал он и захохотал.

— Нашел себе компанию, — злобно крикнула Варвара, — нечего сказать!

— Видел Марту, — продолжал Передонов.

— Вся в веснушках, — с возрастающею злобою говорила Варвара, — и рот до ушей, хоть лягушке пришей.

— Да уж красивее тебя, — сказал Передонов. — Вот возьму да и женюсь на ней.

— Женись только на ней, — закричала Варвара, красная и дрожащая от злости, — я ей глаза кислотой выжгу!

— Плевать я на тебя хочу, — спокойно сказал Передонов.

— Не проплюнешь! — кричала Варвара.

— А вот и проплюну, — сказал Передонов.

Встал и с тупым и равнодушным видом плюнул ей в лицо.

— Свинья! — сказала Варвара довольно спокойно, словно плевок освежил ее.

И принялась обтираться салфеткою. Передонов молчал. В последнее время он стал с Варварою грубее обыкновенного. Да и раньше он обходился с нею дурно. Ободренная его молчанием, она заговорила погромче:

— Право, свинья. Прямо в морду попал.

В передней послышался блеющий, словно бараний, голос.

— Не ори, — сказал Передонов, — гости.

— Ну, это Павлушка, — ухмыляясь, отвечала Варвара.

Вошел с радостным громким смехом Павел Васильевич Володин, молодой человек, весь, и лицом, и ухватками, удивительно похожий на барашка: волосы, как у барашка, курчавые, глаза выпуклые и тупые, — все как у веселого барашка, — глупый молодой человек. Он был столяр, обучался раньше в ремесленной школе, а теперь служил учителем ремесла в городском училище.

— Ардальон Борисыч, дружище! — радостно закричал он, — ты дома, кофеек распиваешь, а вот и я, тут как тут.

— Наташка, неси третью ложку! — крикнула Варвара.

Слышно было из кухни, как Наталья звенела единственною оставшеюся чайною ложкою: остальные были спрятаны.

— Ешь, Павлушка, — сказал Передонов, и видно было, что ему хочется накормить Володина. — А я, брат, уж теперь скоро в инспекторы пролезу, — Варе княгиня обещала.

Володин заликовал и захохотал.

— А, будущий инспектор кофеек распивает! — закричал он, хлопая Передонова по плечу.

— А ты думаешь, легко в инспекторы вылезть? Донесут, — и крышка.

— Да что доносить-то? — ухмыляясь, спросила Варвара.

— Мало ли что. Скажут, что я Писарева читал, — и ау![17]

— А вы, Ардальон Борисыч, этого Писарева на заднюю полочку, — посоветовал Володин, хихикая.

Передонов опасливо глянул на Володина и сказал:

— У меня, может быть, никогда и не было Писарева. Хочешь выпить, Павлушка?

Володин выпятил нижнюю губу, сделал значительное лицо знающего себе цену человека и сказал, по-бараньи наклоняя голову:

— Если за компанию, то я всегда готов выпить, а так ни-ни.

А Передонов тоже всегда готов был выпить. Выпили водки, закусили сладкими пирожками.

Вдруг Передонов плеснул остаток кофе из стакана на обои. Володин вытаращил свои бараньи глазки и огляделся с удивлением. Обои были испачканы, изодраны. Володин спросил:

— Что это у вас обои? Передонов и Варвара захохотали.

— Назло хозяйке, — сказала Варвара. — Мы скоро выедем. Только вы не болтайте.

— Отлично! — крикнул Володин и радостно захохотал.

Передонов подошел к стене и принялся колотить по ней подошвами. Володин по его примеру тоже лягал стену. Передонов сказал:

— Мы всегда, когда едим, пакостим стены, — пусть помнит.

— Каких лепех насажали! — с восторгом восклицал Володин.

— Иришка-то как обалдеет, — сказала Варвара с сухим и злым смехом.

И все трое, стоя перед стеною, плевали на нее, рвали обои и колотили их сапогами. Потом, усталые и довольные, отошли.

Передонов нагнулся и поднял кота. Кот был толстый, белый, некрасивый. Передонов теребил его, — дергал за уши, за хвост, тряс за шею. Володин радостно хохотал и подсказывал Передонову, что еще можно сделать:

— Ардальон Борисыч, дунь ему в глаза! Погладь его против шерсти!

Кот фыркал и старался вырваться, но не смел показать когтей, — за это его жестоко били. Наконец забава Передонову наскучила, и он бросил кота.

— Слушай, Ардальон Борисыч, что я тебе хотел сказать, — заговорил Володин. — Всю дорогу думал, как бы не забыть, и чуть не забыл.

— Ну? — угрюмо спросил Передонов.

— Вот ты любишь сладкое, — радостно говорил Володин, — а я такое кушанье знаю, что ты пальчики оближешь.

— Я сам все вкусные кушанья знаю, — сказал Передонов.

Володин сделал обиженное лицо.

— Может быть, — сказал он, — вы, Ардальон Борисыч, знаете все вкусные кушанья, которые делают у вас на родине, но как же вы можете знать все вкусные кушанья, которые делаются у меня на родине, если вы никогда на моей родине не были?

И, довольный убедительностью своего возражения, Володин засмеялся, заблеял.

— На твоей родине дохлых кошек жрут, — сердито сказал Передонов.

— Позвольте, Ардальон Борисыч, — визгливым и смеющимся голосом говорил Володин, — это, может быть, на вашей родине изволят кушать дохлых кошечек, этого мы не будем касаться, а только ерлов вы никогда не кушали.

— Нет, не кушал, — признался Передонов.

— Что же это за кушанье такое? — спросила Варвара.

— А это вот что, — стал объяснять Володин, — знаете вы кутью?

— Ну, кто кутьи не знает, — ухмыляясь, ответила Варвара.

— Так вот, пшенная кутья, с изюмцем, с сахарцем, с миндалем, — это и есть ерлы.

И Володин подробно рассказал, как варят на его родине ерлы. Передонов слушал тоскливо. Кутья, — что ж, его в покойники, что ли, хочет записать[18] Павлушка?

Володин предложил:

— Если вы хотите, чтоб все было как следует, вы дайте мне материал, а я вам и сварю.

— Пусти козла в огород, — угрюмо сказал Передонов.

«Еще подсыплет чего-нибудь», — подумал он.

Володин опять обиделся.

— Если вы думаете, Ардальон Борисыч, что я у вас стяну сахарцу, так вы ошибаетесь, — мне вашего сахарцу не надо.

— Ну, что там валять петрушку, — перебила Варвара. — Ведь вы знаете, у него всё привереды. Приходите и варите.

— Сам и есть будешь, — сказал Передонов.

— Это почему же? — дребезжащим от обиды голосом спросил Володин.

— Потому, что гадость.

— Как вам угодно, Ардальон Борисыч, — пожимая плечами, сказал Володин, — а только я вам хотел угодить, а если вы не хотите, то как хотите.

— А как тебя генерал-то отбрил? — спросил Передонов.

— Какой генерал? — ответил вопросом Володин и покраснел, и обиженно выпятил нижнюю губу.

— Да слышали, слышали, — говорил Передонов.

Варвара ухмылялась.

— Позвольте, Ардальон Борисыч, — горячо заговорил Володин, — вы слышали, да, может быть, недослышали. Я вам расскажу, как все это дело было.

— Ну, рассказывай, — сказал Передонов.

— Это было дело третьего дня, — рассказывал Володин, — об эту самую пору. У нас в училище, как вам известно, производится в мастерской ремонт. И вот, изволите видеть, приходит Верига с нашим инспектором осматривать, а мы работаем в задней комнате. Хорошо. Я не касаюсь, зачем Верига пришел, что ему надо, — это не мое дело. Положим, я знаю, что он предводитель дворянства, а к нашему училищу касательства не имеет, — но я этого не трогаю. Приходит, — и пусть, мы им не мешаем, работаем себе помаленьку, — вдруг они к нам входят, и Верига, изволите видеть, в шапке.

— Это он тебе неуважение оказал, — угрюмо сказал Передонов.

— Изволите видеть, — обрадованно подхватил Володин, — и у нас образ висит, и мы сами без шапок, а он вдруг является этаким мамелюком.[19] Я ему и изволил сказать, тихо, благородно: ваше превосходительство, говорю, потрудитесь вашу шапочку снять, потому, говорю, как здесь образ. Правильно ли я сказал? — спросил Володин и вопросительно вытаращил глаза.

— Ловко, Павлушка, — крикнул Передонов, — так ему и надо.

— Конечно, что им спускать, — поддержала и Варвара. — Молодец, Павел Васильевич.

Володин, с видом напрасно обиженного человека, продолжал:

— А он вдруг изволил мне сказать: всякий сверчок знай свой шесток. Повернулся и вышел. Вот как все дело было, и больше никаких.

Володин чувствовал себя все-таки героем. Передонов в утешение дал ему карамельку.

Пришла и еще гостья, Софья Ефимовна Преполовенская, жена лесничего, полная, с добродушно-хитрым лицом и плавными движениями. Ее посадили завтракать. Она лукаво спросила Володина:

— Что это вы, Павел Васильевич, так зачастили к Варваре Дмитриевне?

— Я не к Варваре Дмитриевне изволил прийти, — скромно ответил Володин, — а к Ардальону Борисычу.

— Уж не влюбились ли вы в кого-нибудь? — посмеиваясь, спрашивала Преполовенская.

Всем известно было, что Володин искал невесты с приданым, сватался ко многим и получал отказ. Шутка Преполовенской показалась ему неуместною. Дрожащим голосом, напоминая всею своею повадкою разобиженного баранчика, он сказал:

— Если я влюбился, Софья Ефимовна, то это ни до кого не касается, кроме меня самого и той особы, а вы таким манером выходите в сторонке.

Но Преполовенская не унималась.

— Смотрите, — говорила она, — влюбите вы в себя Варвару Дмитриевну, кто тогда Ардальону Борисычу сладкие пирожки станет печь?

Володин выпятил губы, поднял брови, и уже не знал, что сказать.

— Да вы не робейте, Павел Васильевич, — продолжала Преполовенская, — чем вы не жених! и молоды, и красивы.

— Может быть, Варвара Дмитриевна и не захотят, — сказал Володин, хихикая.

— Ну, как не захотят, — ответила Преполовенская, — уж больно вы скромны некстати.

— А может быть, и я не захочу, — сказал Володин, ломаясь. — Я, может быть, и не хочу на чужих сестрицах жениться. У меня, может быть, на родине своя двоюродная племянница растет.

Уже он начал верить, что Варвара не прочь за него выйти. Варвара сердилась. Она считала Володина дураком; да и получал он вчетверо меньше, чем Передонов. Преполовенской же хотелось женить Передонова на своей сестре, дебелой поповне. Поэтому она старалась поссорить Передонова с Варварою.

— Что вы меня сватаете, — досадливо сказала Варвара, — вот вы лучше вашу меньшуху[20] за Павла Васильевича сватайте.

— Зачем же я стану его от вас отбивать! — шутливо возразила Преполовенская.

Шутки Преполовенской дали новый оборот медленным мыслям Передонова; да и ерлы крепко засели в его голове. С чего это Володин

выдумал такое кушанье? Передонов не любил размышлять. В первую минуту он всегда верил тому, что ему скажут. Так поверил он и влюбленности Володина в Варвару. Он думал: вот окрутят с Варварой, а там, как поедут на инспекторское место, отравят его в дороге ерлами и подменят Володиным: его похоронят как Володина, а Володин будет инспектором. Ловко придумали!

Вдруг в передней послышался шум. Передонов и Варвара испугались: Передонов неподвижно уставил на дверь прищуренные глаза, Варвара подкралась к двери в залу, едва приоткрыла ее, заглянула, потом так же тихо, на цыпочках, балансируя руками и растерянно улыбаясь, вернулась к столу. Из передней доносились визгливые крики и шум, словно там боролись. Варвара шептала:

— Ершиха — пьяная-распьяная, Наташка ее не пускает, а она в залу так и прет.

— Как же быть? — испуганно спросил Передонов.

— Надо перейти в залу, — решила Варвара, — чтоб она сюда не залезла.

Пошли в залу, а двери за собой плотно закрыли. Варвара вышла в прихожую со слабою надеждою задержать хозяйку или посадить ее в кухню. Но нахальная баба ворвалась-таки в залу. Она подбочась остановилась у порога и сыпала ругательные слова в виде общего приветствия. Передонов и Варвара суетились около нее и старались усадить ее на стул поближе к прихожей да подальше от столовой. Варвара вынесла ей из кухни на подносе водки, пива, пирожков. Но хозяйка не садилась, ничего не брала и рвалась в столовую, да только никак не могла признать, где дверь. Она была красная, растрепанная, грязная, и от нее далеко пахло водкою. Она кричала:

— Нет, ты меня за свой стол посади. Что ты мне выносишь на подносе! Я на скатертке хочу. Я — хозяйка, так ты меня почти. Ты не гляди, что я — пьяная. Зато я честная, я своему мужу жена.

Варвара, трусливо и нагло ухмыляясь, сказала:

— Да уж мы знаем.

Ершова подмигнула Варваре, хрипло захохотала и ухарски щелкнула пальцами. Она становилась все более дерзкою.

— Сестра! — кричала она — знаем мы, какая ты есть сестра. А отчего к тебе директорша не ходит? а? что?

— Да ты не кричи, — сказала Варвара.

Но Ершова закричала еще громче:

— Как ты можешь мне указывать! Я в своем дому, что хочу, то и делаю. Захочу — и сейчас вас выгоню вон, и чтобы духу вашего не

пахло. Но только я к вам милостива. Живите, ничего, только чтоб не фордыбачить.[21]

Меж тем Володин и Преполовенская скромненько посиживали у окна да помалкивали. Преполовенская легонечко усмехалась, посматривала искоса на буянку, а сама притворялась, что глядит на улицу. Володин сидел с обиженно-значительным выражением на лице.

Ершова на время пришла в благодушное настроение и дружелюбно сказала Варваре, пьяно и весело улыбаясь ей и похлопывая ее по плечу:

— Нет, ты меня послушай-ка, что я тебе скажу, — ты меня за свой стол посади да барского разговорцу мне поставь. Да поставь ты мне сладких жамочек, почти хозяйку домовую, так-то, милая ты моя девушка.

— Вот тебе пирожки, — сказала Варвара.

— Не хочу пирожков, хочу барских жамочек,[22] — закричала Ершова, размахивая руками и блаженно улыбаясь, — скусные жамочки господа жрут, и-их скусные!

— Нет у меня никаких тебе жамочек, — отвечала Варвара, делаясь смелее оттого, что хозяйка становилась веселее, — вот, дают тебе пирожки, так и жри.

Вдруг Ершова разобрала, где дверь в столовую. Она неистово взревела:

— Дай дорогу, ехидина!

Оттолкнула Варвару и кинулась к двери. Ее не успели удержать. Наклонив голову, сжав кулаки, ворвалась она в столовую, с треском распахнув дверь. Там она остановилась близ порога, увидела испачканные обои и пронзительно засвистала. Она подбоченилась, лихо отставила ногу и неистово крикнула:

— А, так вы и в самом деле хотите съезжать!

— Что ты, Иринья Степановна, — дрожащим голосом говорила Варвара, — мы и не думаем, полно тебе петрушку валять.

— Мы никуда не уедем, — подтверждал Передонов, — нам и здесь хорошо.

Хозяйка не слушала, подступала к оторопелой Варваре, и размахивала кулаками у ее лица. Передонов держался позади Варвары. Он бы и убежал, да любопытно было посмотреть, как хозяйка и Варвара подерутся.

— На одну ногу стану, за другую дерну, пополам разорву! — свирепо кричала Ершова.

— Да что ты, Иринья Степановна, — уговаривала Варвара, — перестань, — у нас гости.

— А подавай сюда гостей! — закричала Ершова, — гостей-то твоих мне и нужно!

Ершова, шатаясь, ринулась в залу, и, вдруг переменив совершенно и речь, и все свое обращение, смиренно сказала Преполовенской, низко кланяясь ей, причем едва не свалилась на пол:

— Барыня милая, Софья Ефимовна, простите вы меня, бабу пьяную. А только что я вам сейчас скажу, послушайте-ка. Вот вы к ним ходите, а знаете, что она про вашу сестрицу говорит? И кому же? Мне, пьяной сапожнице! Зачем? Чтобы я всем рассказала, вот зачем!

Варвара багрово покраснела и сказала:

— Ничего я тебе не говорила.

— Ты не говорила? Ты, касть поганая?[23] — закричала Ершова, подступая к Варваре со сжатыми кулаками.

— Ну, замолчи, — смущенно пробормотала Варвара.

— Нет, не замолчу, — злорадно крикнула Ершова и опять обратилась к Преполовенской:

— Что она с вашим мужем будто живет, ваша сестра, вот что она мне говорила, паскудная!

Софья сверкнула сердитыми и хитрыми глазами на Варвару, встала и сказала с притворным смехом:

— Благодарю покорно, не ожидала.

— Врешь! — злобно взвизгнула на Ершову Варвара.

Ершова сердито гукнула, топнула и махнула рукою на Варвару, и сейчас же снова обратилась к Преполовенской.

— Да и барин-то про вас, матушка барыня, что говорит! Что вы будто раньше таскались, а потом замуж вышли! Вот они какие есть, самые мерзкие люди! Плюньте вы им в морды, барыня хорошая, нечего с такими расподлыми людишками вожжаться.[24]

Преполовенская покраснела и молча пошла в прихожую. Передонов побежал за нею, оправдываясь:

— Она врет, вы ей не верьте. Я только раз сказал при ней, что вы — дура, да и то со злости, а больше, ей-Богу, ничего не говорил, — это она сама сочинила.

Преполовенская спокойно отвечала:

— Да что вы, Ардальон Борисыч! ведь я вижу, что она пьяная, сама не помнит, что мелет. Только зачем вы все это позволяете в своем доме?

— Вот поди знай, — ответил Передонов, — что с нею сделаешь!

Преполовенская, смущенная и сердитая, надевала кофту. Передонов не догадался помочь ей. Еще он бормотал что-то, но уже она не слушала его. Тогда Передонов вернулся в залу. Ершова принялась крикливо

упрекать его. Варвара выбежала на крыльцо и утешала Преполовенскую:

— Ведь вы знаете, какой он дурак, — что говорит, сам не знает.

— Ну, полноте, что вы беспокоитесь, — отвечала ей Преполовенская. — Мало ли что пьяная баба сболтнет.

Около дома, на дворе, куда выходило крыльцо, росла крапива, густая, высокая. Преполовенская слегка улыбнулась, и последняя тень неудовольствия сбежала с ее белого и полного лица. Она по-прежнему стала приветлива и любезна с Варварою. Обида будет отомщена и без ссоры. Вместе пошли они в сад пережидать хозяйкино нашествие.

Преполовенская все посматривала на крапиву, которая и в саду обильно росла вдоль заборов. Она сказала наконец:

— Крапивы-то у вас сколько. Вам она не нужна?

Варвара рассмеялась и ответила:

— Ну вот, на что мне она!

— Коли вам не жалко, надо у вас нарвать, а то у нас нету, — сказала Преполовенская.

— Да на что она вам? — с удивлением спросила Варвара.

— Да уж надо, — сказала Преполовенская, посмеиваясь.

— Душечка, скажите, на что? — взмолилась любопытная Варвара.

Преполовенская, наклонившись к Варварину уху, шепнула:

— Крапивой натирать — с тела не спадешь. От крапивы-то и моя Геничка такая толстуха.

Известно было, что Передонов отдает предпочтение жирным женщинам, а тощих порицает. Варвару сокрушало, что она тонка и все худеет. Как бы нагулять побольше жиру? — вот в чем была одна из главнейших ее забот. У всех спрашивала она: «Не знаете ли средства?» Теперь Преполовенская была уверена, что Варвара по ее указанию будет усердно натираться крапивою, и так сама себя накажет.

III

Передонов и Ершова вышли на двор. Он бормотал:

— Вот поди ж ты.

Она кричала во все горло и была веселая. Они собирались плясать. Преполовенская и Варвара пробрались через кухню в горницы и сели у окна смотреть, что будет на дворе.

Передонов и Ершова обнялись и пустились в пляс по траве кругом груши. Лицо у Передонова по-прежнему оставалось тупым и не выра-

жало ничего. Механически, как на неживом, прыгали на его носу золотые очки и короткие волосы на его голове. Ершова повизгивала, покрикивала, помахивала руками и вся шаталась.

Она крикнула Варваре в окно:

— Эй ты, фря,[25] выходи плясать! Ай гнушаешься нашей компанией?

Варвара отвернулась.

— Чёрт с тобой! Уморилась! — крикнула Ершова, повалилась на траву и увлекла с собою Передонова.

Они посидели обнявшись, потом опять заплясали. И так несколько раз повторялось: то попляшут, то отдохнут под грушею, на скамеечке или прямо на траве.

Володин искренно веселился, глядя из окна на пляшущих. Он хохотал, строил уморительные гримасы, корчился, сгибал колени вверх и вскрикивал:

— Эк их разбирает! Потеха!

— Стерва проклятая! — сердито сказала Варвара

— Стерва, — согласился Володин, хохоча, — погоди ж, хозяюшка любезная, я тебе удружу. Давайте пачкать и в зале. Теперь уже все равно сегодня не вернется, упаточится[26] там на травке, пойдет спать.

Он залился блеющим смехом и запрыгал бараном. Преполовенская подстрекала:

— Конечно, пачкайте, Павел Васильевич, что ей в зубы смотреть. Если и придет, так ей можно будет сказать, что это она сама с пьяных глаз так отделала.

Володин, прыгая и хохоча, побежал в залу и принялся шаркать подошвами по обоям.

— Варвара Дмитриевна, дайте веревочку, — закричал он.

Варвара, ковыляя, словно утка, пошла через залу в спальню и принесла оттуда конец веревки, измочаленный и узловатый. Володин сделал петлю, поставил среди залы стул и подвесил петлю на крюк для лампы.

— Это для хозяйки! — кричал он. — Чтоб было на чем повеситься со злости, когда вы уедете.

Обе дамы визжали от хохота.

— Дайте бумажки клочок! — кричал Володин, — и карандашик.

Варвара порылась еще в спальне и вынесла оттуда обрывок бумажки и карандаш. Володин написал: «Для хозяйки» и прицепил бумажку к петле. Все это делал он с потешными ужимками. Потом он снова принялся неистово прыгать вдоль стен, попирая их подошвами и весь сотрясаясь при этом. Визгом его и блеющим хохотом был наполнен весь

дом. Белый кот, испуганно прижав уши, выглядывал из спальни и, по-видимому, не знал, куда бы ему бежать.

Передонов отвязался наконец от Ершовой и возвратился домой один, — Ершова и точно утомилась и пошла домой спать. Володин встретил Передонова радостным хохотом и криком:

— И в зале напачкали! Ура!

— Ура! — закричал Передонов и захохотал громко и отрывисто, словно выпаливая свой смех.

Закричали «ура» и дамы. Началось общее веселье. Передонов крикнул:

— Павлушка, давай плясать!

— Давай, Ардальоша, — глупо хихикая, ответил Володин.

Они плясали под петлею, — и оба нелепо вскидывали ноги. Пол вздрагивал под тяжкими стопами Передонова.

— Расплясался Ардальон Борисыч, — заметила Преполовенская, легонечко улыбаясь.

— Уж и не говорите, у него всё причуды, — ворчливо ответила Варвара, любуясь, однако, Передоновым.

Она искренно думала, что он красавец и молодец. Самые глупые поступки его казались ей подобающими. Он не был ей ни смешон, ни противен.

— Отпевайте хозяйку! — закричал Володин. — Давайте подушку!

— Чего ни придумают! — смеясь, говорила Варвара.

Она выкинула из спальни подушку в грязной ситцевой наволочке. Подушку положили на пол, за хозяйку, и стали ее отпевать дикими, визгливыми голосами. Потом позвали Наталью, заставили ее вертеть аристон,[27] а сами, все четверо, танцевали кадриль, нелепо кривляясь и высоко вскидывая ноги.

После пляски Передонов расщедрился. Одушевление, тусклое и угрюмое, светилось на его заплывшем лице. Им овладела решимость, почти механическая, — может быть, следствие усиленной мышечной деятельности. Он вытащил бумажник, отсчитал несколько кредиток и, с лицом гордым и самохвальным, бросил их по направлению к Варваре.

— Бери, Варвара! — крикнул он, — шей себе подвенечное платье.

Кредитки разлетелись по полу. Варвара живо подобрала их. Она нисколько не обиделась на такой способ дарения. Преполовенская злобно думала: «Ну, мы еще посмотрим, чья возьмет», — и ехидно улыбалась. Володин, конечно, не догадался помочь Варваре поднять деньги.

Скоро Преполовенская ушла. В сенях она встретилась с новою гостьею, Грушиною.

Марья Осиповна Грушина, молодая вдова, имела как-то преждевременно опустившуюся наружность. Она была тонка, — и сухая кожа ее вся покрылась морщинками, мелкими и словно запыленными. Лицо, не лишенное приятности, — а зубы грязные и черные. Руки тонкие, пальцы длинные и цепкие, под ногтями грязь. На беглый взгляд она не то чтоб казалась очень грязною, а производила такое впечатление, словно она никогда не моется, а только выколачивается вместе со своими платьями. Думалось, что если ударить по ней несколько раз камышовкою, то поднимется до самого неба пыльный столб. Одежда на ней висела мятыми складками, словно сейчас только вынутая из туго завязанного узла, где долго лежала скомканная. Жила Грушина пенсиею, мелким комиссионерством[28] и отдачею денег под залог недвижимостей. Разговоры вела по-преимуществу нескромные и привязывалась к мужчинам, желая найти жениха. В ее доме постоянно занимал комнату кто-нибудь из холостых чиновников.

Варвара встретила Грушину радостно: было до нее дело. Грушина и Варвара сейчас же принялись говорить о прислуге и зашептались. Любопытный Володин подсел к ним и слушал. Передонов угрюмо и одиноко сидел за столом и мял руками конец скатерти.

Варвара жаловалась Грушиной на свою Наталью. Грушина указала ей новую прислугу, Клавдию, и расхвалила ее. Решили ехать за нею сейчас же, на Самородину-речку, где она жила пока у акцизного чиновника, на днях получившего перевод в другой город. Варвару остановило только имя. Она с недоумением спросила:

— Клавдия? А ейкать-то[29] ее как же я стану? Клашка, что ли?

Грушина посоветовала:

— А вы ее зовите Клавдюшкой.

Варваре это понравилось. Она повторяла:

— Клавдюшка, дюшка.

И смеялась скрипучим смехом. Надо заметить, что дюшками в нашем городе называют свиней.[30] Володин захрюкал. Все захохотали.

— Дюшка, дюшенька, —лепетал меж приступами смеха Володин, корча глупое лицо и выпячивая губы.

И он хрюкал и дурачился до тех пор, пока ему не сказали, что он надоел. Тогда он отошел с обиженным лицом, сел рядом с Передоновым и, по-бараньи склонив свой крутой лоб, уставился на испачканную пятнами скатерть.

Заодно по дороге на Самородину-речку Варвара решила купить и материю для подвенечного платья. Она всегда ходила по магазинам вместе с Грушиною: та помогала ей сделать выбор и сторговаться.

Крадучись от Передонова, Варвара напихала Грушиной в глубокие карманы для ее детей разного кушанья, сладких пирожков, гостинцев. Грушина догадалась, что ее услуги сегодня на что-то очень понадобятся Варваре.

Узкие башмаки и высокие каблуки не давали Варваре много ходить. Она скоро уставала. Поэтому она чаще ездила на извозчиках, хотя больших расстояний в нашем городе не было. В последнее время она зачастила к Грушиной. Извозчики уж заприметили это; их и всех-то было десятка два. Сажая Варвару, уж и не спрашивали, куда везти.

Уселись на дрожки и поехали к господам, у которых жила Клавдия, осведомляться о ней. На улицах было почти везде грязно, хотя дождь прошел еще вчера вечером. Дрожки только изредка продребезжат по каменной настилке и опять вязнут в липкой грязи на немощёных улицах. Зато Варварин голос дребезжал непрерывно, часто сопровождаемый сочувственною болтовнею Грушиной.

— Мой-то гусь опять был у Марфушки, — сказала Варвара.

Грушина ответила с сочувственною злостью:

— Это они его ловят. Еще бы, жених-то хоть куда, особенно ей-то, Марфушке. Ей такого и во сне не снилось.

— Уж не знаю, право, как и быть, — жаловалась Варвара, — ершистый такой стал, что просто страх. Поверите ли, голова кругом идет. Женится, а я на улицу ступай.

— Что вы, голубушка Варвара Дмитриевна, — утешала Грушина, — не думайте этого. Никогда он ни на ком, кроме вас, не женится. Он к вам привык.

— Уйдет иногда к ночи, а я заснуть не могу, — говорила Варвара. — Кто его знает, может быть, венчается где-нибудь. Иногда всю ночь промаешься. Все на него зарятся, — и Рутиловские три кобылы, — ведь они всем на шею вешаются, — и Женька толсторожая.

И долго жаловалась Варвара, и по всему ее разговору Грушина видела, что у нее еще что-то есть, какая-то просьба, и заранее радовалась заработку.

Клавдия понравилась. Жена акцизного ее хвалила. Ее наняли и велели приходить сегодня же вечером, так как акцизный уезжал сегодня.

Наконец приехали к Грушиной. Грушина жила в собственном домике, довольно неряшливо, с тремя малыми своими ребятишками, обтрепанными, грязными, глупыми и злыми, как ошпаренные собачонки. Откровенный разговор только теперь начался.

— Мой-то дурак Ардальошка, — заговорила Варвара, — требует, чтобы я опять княгине написала. А чего я ей попусту писать стану! Она и не ответит или ответит неладное. Знакомство-то не больно великое.

Княгиня Волчанская, у которой Варвара когда-то жила домашнею портнихою для простых работ, могла бы оказать Передонову покровительство: ее дочь была замужем за тайным советником Щепкиным, важною в учебном ведомстве особою. Она уже писала Варваре в ответ на ее просьбы в прошлом году, что не станет просить за Варварина жениха, а за мужа — другое дело, при случае можно будет попросить. То письмо Передонова не удовлетворило: там дана только неясная надежда, а не сказано прямо, что непременно княгиня выхлопочет Варварину мужу инспекторское место. Чтобы разъяснить это недоумение, ездили нынче в Петербург; Варвара сходила к княгине, потом повела к ней и Передонова, но нарочно оттянула это посещение, так что уже не застали княгиню: Варвара поняла, что княгиня в лучшем случае ограничится только советом повенчаться поскорее да несколькими неопределенными обещаниями при случае попросить, — обещаниями, которые были бы совсем недостаточны для Передонова. И Варвара решила не показывать княгиню Передонову.

— Уж я на вас, как на каменную гору, надеюсь, — сказала Варвара, — помогите мне, голубушка Марья Осиповна.

— Как же я могу помочь, душечка Варвара Дмитриевна? — спросила Грушина. — Уж вы знаете, я для вас все готова сделать, что только можно. Поворожить не хотите ли?

— Ну, что ваша ворожка,[31] знаю я, — сказала со смехом Варвара, — нет, вы мне иначе должны помочь.

— Как же? — с тревожно-радостным ожиданием спросила Грушина.

— Очень просто, — сказала, ухмыляясь, Варвара, — вы напишите письмо, будто бы от княгини, под ее руку, а я покажу Ардальону Борисычу.

— Ой, голубушка, что вы, как это можно! — заговорила Грушина, притворяясь испуганною, — как узнают все это дело, что мне тогда будет?

Варвара нисколько не смутилась ее ответом, вытащила из кармана измятое письмо и сказала:

— Вот я и письмо княгинино взяла вам для образца.

Грушина долго отнекивалась. Варвара ясно видела, что Грушина согласится, но что ей хочется получить за это побольше. А Варваре хотелось дать поменьше. И она осторожно увеличивала посулы, наобещала

разных мелких подарков, шелковое старое платье, и наконец Грушина увидела, что уж больше Варвара ни за что не даст. Жалобные слова так и сыпались с Варварина языка. Грушина сделала вид, что соглашается только из жалости, и взяла письмо.

IV

В билиардной было дымно, накурено. Передонов, Рутилов, Фаластов, Володин и Мурин — помещик громадного роста, с глупою наружностью, владелец маленького имения, человек оборотливый и денежный, — все пятеро, окончив игру, собирались уходить.

Вечерело. На грязном дощатом столе возвышалось много опорожненных пивных бутылок. Игроки, много за игрою выпившие, раскраснелись и пьяно галдели. Рутилов один сохранял обычную чахлую бледность. Он и пил меньше других, да и после обильной выпивки только бы еще больше побледнел.

Грубые слова носились в воздухе. Никто на это не обижался: по дружбе.

Передонов проиграл, как почти всегда. Он плохо играл на билиарде. Но он сохранял на своем лице невозмутимую угрюмость и расплачивался с неохотою. Мурин громко крикнул:

— Пли!

И прицелился в Передонова кием. Передонов крикнул от страха и присел. В его голове мелькнула глупая мысль, что Мурин хочет его застрелить. Все захохотали. Передонов досадливо пробормотал:

— Терпеть не могу таких шуток.

Мурин уже раскаивался, что испугал Передонова: его сын учился в гимназии, и потому он считал своею обязанностью всячески угождать гимназическим учителям. Теперь он стал извиняться перед Передоновым и угощал его вином и сельтерскою. Передонов угрюмо сказал:

— У меня нервы немного расстроены. Я директором нашим недоволен.

— Проигрался будущий инспектор, — блеющим голосом закричал Володин, — жаль денежек!

— Несчастлив в игре, счастлив в любви, — сказал Рутилов, посмеиваясь и показывая гниловатые зубы.

Передонов и без того был не в духе из-за проигрыша и от испуга, да еще его принялись дразнить Варварою. Он крикнул:

— Женюсь, а Варьку вон!

Приятели хохотали и подзадоривали:

— А вот и не посмеешь.

— А вот посмею. Завтра же пойду свататься.

— Пари! идет? — предложил Фаластов, — на десять рублей.

Но Передонову жаль стало денег, — проиграешь, пожалуй, так платить придется. Он отвернулся и угрюмо отмалчивался.

У ворот из сада расстались и разошлись в разные стороны.

Передонов и Рутилов пошли вместе. Рутилов принялся уговаривать Передонова сейчас же венчаться на одной из его сестер.

— Я все наладил, не беспокойся, — твердил он.

— Оглашения не было, — отговаривался Передонов.

— Я все наладил, говорю тебе, — убеждал Рутилов. — Попа такого нашел: он знает, что вы не родня.

— Шаферов нет, — сказал Передонов.

— Ну вот, нет. Шаферов достанем сейчас же, пошлю за ними, они и приедут прямо в церковь. Или сам за ними заеду. А раньше нельзя было, сестрица твоя узнала бы и помешала.

Передонов замолчал и тоскливо озирался по сторонам, где темнели редкие, молчаливые дома за дремотными садишками да шаткими изгородями.

— Ты только постой у ворот, — убедительно говорил Рутилов, — я тебе любую выведу, которую хошь. Ну, послушай, я тебе сейчас докажу. Ведь дважды два четыре, так или нет?

— Так, — отвечал Передонов.

— Ну вот, дважды два четыре, что тебе следует жениться на моей сестре.

Передонов был поражен.

«А ведь и правда, — подумал он, — конечно, дважды два четыре». И он с уважением посмотрел на рассудительного Рутилова. «Придется венчаться! с ним не сговоришь».[32]

Приятели в это время подошли к Рутиловскому дому и остановились у ворот.

— Нельзя же нахрапом, — сердито сказал Передонов.

— Чудак, ждут не дождутся, — воскликнул Рутилов.

— Да я-то, может быть, не хочу.

— Ну вот, не хочешь, чудород![33] Что ж, ты век бобылем жить станешь? — уверенно возразил Рутилов. — Или в монастырь собираешься? Или еще Варя не опротивела? Нет, ты подумай только, какую она рожу скорчит, если ты молодую жену приведешь.

Передонов отрывисто и коротко захохотал, но сейчас же опять нахмурился и сказал:

— Да и они, может быть, не хотят.

— Ну, как не хотят, чудак! — отвечал Рутилов. — Уж я даю тебе слово.

— Они гордые, — придумывал Передонов.

— Да тебе-то что! еще лучше.

— Насмешницы.

— Да ведь не над тобой, — убеждал Рутилов.

— Почем я знаю!

— Да уж ты мне поверь, я тебя не обману. Они тебя уважают. Ведь ты не Павлушка какой-нибудь, чтоб над тобой смеяться.

— Да, поверь тебе, — недоверчиво сказал Передонов. — Нет, я хочу сам увериться, что они надо мной не смеются.

— Вот чудак, — с удивлением сказал Рутилов, — да как же они смеют смеяться? Ну, как же ты, однако, хочешь увериться?

Передонов подумал и сказал:

— Пусть выйдут сейчас же на улицу.

— Ну, ладно, это можно, — согласился Рутилов.

— Все трое, — продолжал Передонов.

— Ну, ладно.

— И пусть каждая скажет, чем она мне угождать будет.[34]

— Зачем же это? — с удивлением спросил Рутилов.

— Вот я и увижу, что они хотят, а то вы меня за нос поведете, — объяснил Передонов.

— Никто тебя за нос не поведет.

— Они надо мною, может быть, посмеяться хотят, — рассуждал Передонов, — а вот пусть выйдут, потом уж они коли захотят смеяться, так и я буду над ними смеяться.

Рутилов подумал, передвинул шляпу на затылок и опять на лоб и наконец сказал:

— Ну, погоди, пойду скажу им. Вот-то чудодей![35] Только ты во двор войди пока, а то еще кого-нибудь чёрт понесет по улице, увидят.

— Наплевать, — сказал Передонов, но все же вошел за Рутиловым в калитку.

Рутилов отправился в дом к сестрам, а Передонов остался ждать на дворе.

В гостиной, угловой к воротам горнице, сидели все четыре сестры, все на одно лицо, все похожие на брата, все миловидные, румяные, веселые: замужняя Лариса, спокойная, приятная, полная, — вертлявая да быстрая Дарья, самая высокая и тонкая из сестер, — смешливая Людмила, — и Валерия, маленькая, нежная, хрупкая на вид. Они лакомились орехами да изюмом и, очевидно, чего-то ждали, а потому волнова-

лись и смеялись более обычного, вспоминали последние городские сплетни и осмеивали знакомых и незнакомых.

Уже с утра они были готовы ехать под венец. Оставалось только надеть приличное к венцу платье да приколоть фату и цветы. О Варваре сестры не вспоминали в своих разговорах, как будто ее и на свете нет. Но уже одно то, что они, беспощадные насмешницы, перемывая косточки всем, не обмолвились во весь день ни одним словечком только о Варваре, одно это доказывало, что неловкая мысль о ней гвоздем сидит в голове каждой из сестриц.

— Привел! — объявил Рутилов, входя в гостиную, — у ворот стоит.

Сестры взволнованно поднялись, и все разом заговорили и засмеялись.

— Только есть закавычка, — сказал Рутилов, посмеиваясь.

— Что, что такое? — спросила Дарья.

Валерия досадливо нахмурила свои красивые, темные брови.

— Уж не знаю, говорить ли? — спросил Рутилов.

— Ну, скорее, скорее! — торопила Дарья.

С некоторым смущением Рутилов рассказал о том, чего желает Передонов. Барышни подняли крик и взапуски принялись бранить Передонова. Но мало-помалу их негодующие крики заменились шутками и смехом. Дарья сделала угрюмо-ожидающее лицо и сказала:

— Вот он так стоит у ворот.

Вышло похоже и забавно.

Барышни стали выглядывать из окна к воротам. Дарья приоткрыла окно и крикнула:

— Ардальон Борисыч, а из окошка сказать можно?

Послышался угрюмый голос:

— Нельзя.

Дарья поспешно захлопнула окно. Сестры расхохотались звонко и неудержимо и убежали из гостиной в столовую, чтобы Передонов не услышал. В этом веселом семействе умели от самого сердитого настроения переходить к смеху и шуткам, и веселое слово зачастую решало дело.

Передонов стоял и ждал. Ему было грустно и страшно. Подумывал он убежать, да не решился и на это. Откуда-то очень издалека доносилась музыка: должно быть, предводителева дочь играла на рояле. Слабые, нежные звуки лились в вечернем тихом, темном воздухе, наводили грусть, рождали сладкие мечты.

Сначала мечты Передонова приняли эротическое направление. Он представлял барышень Рутиловых в самых соблазнительных положени-

ях. Но чем дольше продолжалось ожидание, тем больше Передонов испытывал раздражение, — зачем заставляют его ждать. И музыка, едва задев его мертвенно-грубые чувства, умерла для него.

А вокруг спустилась ночь, тихая, шуршащая зловещими подходами и пошептами. И еще темнее казалось везде оттого, что Передонов стоял в пространстве, освещенном лампою в гостиной, свет от которой двумя полосами ложился на двор, расширяясь к соседскому забору, за которым виднелись темные бревенчатые стены. В глубине двора подозрительно темнели и шептались о чем-то деревья Рутиловского сада. На улицах по мосткам где-то недалеко долго слышались чьи-то замедленные, тяжелые шаги. Передонов начал уже бояться, что, пока он тут стоит, на него нападут и ограбят, а то так и убьют. Он прижался к самой стене, в тень, чтобы его не видели, и робко ждал.

Но вот по освещенным полосам на дворе пробежали длинные тени, захлопали двери, послышались за дверью на крыльце голоса. Передонов оживился. «Идут!» — радостно подумал он, и приятные мечты о красотках-сестрицах опять лениво зашевелились в его голове, — паскудные детища его скудного воображения.

Сестры стояли в сенях. Рутилов вышел на двор к воротам и огляделся, не идет ли кто по улице. Никого не было ни видно, ни слышно.

— Никого нет, — громким шепотом сказал он сестрам в сложенные трубою руки.

Он остался сторожить на улице. Вместе с ним вышел на улицу и Передонов.

— Ну вот, сейчас они тебе скажут, — сказал Рутилов.

Передонов стоял у самой калитки и смотрел в щель меж калиткою и приворотным столбом. Лицо его было угрюмо и почти испуганно, — и всякие мечты и думы погасли в его голове и сменились тяжелым, беспредметным вожделением.

Дарья первая подошла к приотворенной калитке.

— Ну, чем же вам угодить? — спросила она.

Передонов угрюмо молчал. Дарья сказала:

— Я вам блины буду превкусные печь, горячие, — только не подавитесь.

Людмила из-за ее плеча крикнула:

— А я каждое утро буду по городу ходить, все сплетни собирать, а потом вам рассказывать. Превесело.

Между веселыми лицами двух сестер показалось на миг капризное, тонкое Валерочкино лицо, и послышался ее хрупкий голосок:

— А я ни за что не скажу, чем вам угожу, — догадывайтесь сами.

Сестры побежали, заливаясь хохотом. Голоса их и смех затихли за дверьми. Передонов отвернулся от калитки. Он был не совсем доволен. Он думал: болтнули что-то и ушли. Дали бы лучше записочки. Но уже поздно тут стоять и ждать.

— Ну, видел? — спросил Рутилов. — Которую же тебе?

Передонов погрузился в размышление. Конечно, сообразил он наконец, надо выбирать самую молоденькую, Что же ему на перестарке жениться!

— Веди Валерию, — решительно сказал он.

Рутилов отправился домой, а Передонов опять вошел во двор.

Людмила выглядывала тайком в окно, стараясь услышать, что говорят, но ничего не услышала. Вот прозвучали шаги по мосткам на дворе. Сестры притихли и сидели взволнованные и смущенные. Вошел Рутилов и объявил:

— Валерию выбрал. Ждет, — стоит у ворот.

Сестры зашумели, засмеялись. Валерия слегка побледнела.

— Вот, вот, — повторяла она, — очень я хочу, очень мне надо.

Ее руки дрожали. Ее стали наряжать, — все три сестры хлопотали около нее. Она, как всегда, жеманилась и медлила. Сестры ее торопили. Рутилов неустанно болтал, радостно и возбужденно. Ему нравилось, что все это дело он так ловко устроил.

— А извозчиков ты приготовил? — озабоченно спросила Дарья.

Рутилов отвечал с досадою:

— Да разве можно? Весь город сбежался бы. Варвара бы его за волосы оттащила к себе.

— Так как же мы?

— А так, до площади дойдем попарно, а там и наймем. Очень просто. Сперва ты с невестой да Лариса с женихом, — да и то не сразу, а то еще увидит кто в городе. А я с Людмилой за Фаластовым заеду, они вдвоем поедут, а я еще Володина прихвачу.

Передонов, оставшись один, погрузился в сладкие мечтания. Ему грезилась Валерия в обаянии брачной ночи, раздетая, стыдливая, но веселая. Вся тоненькая, субтильная.

Мечтал, а сам таскал из кармана завалявшиеся там карамельки и сосал их.

Потом пришло ему на память, что Валерия — кокетка. Ведь она, подумал он, потребует нарядов, обстановки. Уж тогда, пожалуй, деньги придется не откладывать каждый месяц, а и прикопленное растрачивать. А жена-то станет привередничать, а за кухней, пожалуй, и недо-

глядит. А еще на кухне подсыплют ему яду, — Варя со злости подкупит кухарку. Да и вообще, — думал Передонов, — уж слишком тонкая штучка — Валерия. К такой не знаешь, как и подступиться. Как ее обругаешь? Как ее толканешь? Как на нее плюнешь? Изойдет слезами, осрамит на весь город. Нет, страшно с нею связываться. Вот Людмила, так та проще. Не взять ли ее?

Передонов подошел к окну и стукнул палкою в раму. Через полминуты Рутилов высунулся из окна.

— Чего тебе? — спросил он с беспокойством.

— Передумал, — буркнул Передонов.

— Ну! — испуганно крикнул Рутилов.

— Веди Людмилу, — сказал Передонов.

Рутилов отошел от окна.

— Чёрт очкастый, — проворчал он и пошел к сестрам.

Валерия обрадовалась.

— Твое счастье, Людмила, — весело сказала она.

Людмила принялась хохотать, — упала в кресло, откинулась на спинку и хохотала, хохотала.

— Что ему сказать-то? — спрашивал Рутилов, — согласна, что ли?

Людмила от смеха не могла сказать ни слова и только махала руками.

— Да согласна, конечно, — сказала за нее Дарья. — Скажи ему скорее, а то еще уйдет сдуру, не дождется.

Рутилов вышел в гостиную и сказал шепотом в окно:

— Погоди, сейчас будет готова.

— Да живее, — сердито сказал Передонов, — что там копаются!

Людмилу проворно наряжали. Минут через пять она была уже совсем готова.

Передонов думал о ней. Она веселая, сдобная. Только уж очень любит хохотать. Засмеет, пожалуй. Страшно. Дарья, хоть и бойкая, а все же посолиднее и потише. А тоже красивая. Лучше взять ее. Он опять стукнул в окно.

— Стучит опять, — сказала Лариса, — уж не за тобой ли, Дарья?

— Вот чёрт-то! — выругался Рутилов и побежал к окну.

— Чего еще? — сердитым шепотом спросил он, — опять передумал, что ли?

— Веди Дарью, — отвечал Передонов.

— Ну, подожди, — свирепо прошептал Рутилов.

Передонов стоял и думал о Дарье, — и опять недолгое любование ею в воображении сменилось страхом. Уж очень она быстрая и дерзкая.

Затормошит. Да и чего тут стоять и ждать? — подумал он, — еще простудишься. Во рву на улице, в траве под забором, может быть, кто-нибудь прячется, вдруг выскочит и укокошит. И тоскливо стало Передонову. Ведь они бесприданницы, думал он. Протекции у них в учебном ведомстве нет. Варвара нажалуется княгине. А на Передонова и так директор зубы точит.

Досадно стало Передонову на самого себя. С чего он тут путается с Рутиловым? Словно Рутилов очаровал его. Да, может быть, и в самом деле очаровал его. Надо поскорее зачураться.

Передонов закружился на месте, плевал во все стороны и бормотал:

— Чур-чурашки, чурки-болвашки, буки-букашки, веди-таракашки. Чур меня. Чур меня. Чур, чур, чур. Чур-перечур-расчур.

На лице его изображалось строгое внимание, как при совершении важного обряда. И после этого необходимого действия он почувствовал себя в безопасности от Рутиловского наваждения. Решительно застучал он палкою в окно, сердито бормоча:

— Донести бы, — заманивают. Нет, не хочу сегодня жениться, — объявил он высунувшемуся к нему Рутилову.

— Да что ты, Ардальон Борисыч, ведь уже все готово, — пытался убеждать Рутилов.

— Не хочу, — решительно сказал Передонов, — пойдем ко мне в карты играть.

— Вот чёрт-то! — выругался Рутилов. — Не хочет венчаться, струсил, — объявил он сестрам. — Но я еще уломаю дурака. Зовет к себе в карты играть.

Сестры закричали все разом, браня Передонова.

— И ты пойдешь к этому прохвосту? — с досадою спросила Валерия.

— Ну да, пойду, и возьму с него штраф. И он еще от нас не уйдет, — говорил Рутилов, стараясь сохранить уверенный тон, но чувствуя себя очень неловко.

Досада на Передонова быстро заменилась у девиц смехом. Рутилов ушел. Сестры побежали к окнам.

— Ардальон Борисыч! — крикнула Дарья, — что ж вы такой нерешительный? Так нельзя.

— Кисляй Кисляевич! — с хохотом крикнула Людмила.

Передонову стало досадно. По его мнению, сестры должны бы плакать от печали, что он их отверг. «Притворяются!» — подумал он, молча уходя со двора. Девицы перебежали к окнам на улицу и кричали вслед Передонову насмешливые слова, пока он не скрылся в темноте.

V

Передонова томила тоска. Уже и карамелек не было в кармане, и это его опечалило и раздосадовало. Рутилов почти всю дорогу говорил один, — продолжал выхвалять сестер. Передонов только однажды вступил в разговор. Он сердито спросил:

— У быка есть рога?

— Ну, есть, так что же из того? — сказал удивленный Рутилов.

— Ну, а я не хочу быть быком, — объяснил Передонов.

Раздосадованный Рутилов сказал:

— Ты, Ардальон Борисыч, и не будешь никогда быком, потому что ты — форменная свинья.

— Врешь! — угрюмо сказал Передонов.

— Нет, не вру и могу доказать, — злорадно сказал Рутилов.

— Докажи, — потребовал Передонов.

— Погоди, докажу, — с тем же злорадством в голосе ответил Рутилов.

Оба замолчали. Передонов пугливо ждал, и томила его злость на Рутилова. Вдруг Рутилов спросил:

— Ардальон Борисыч, а у тебя есть пятачок?

— Есть, да тебе не дам, — злобно ответил Передонов.

Рутилов захохотал.

— Коли у тебя есть пятачок, так как же ты не свинья! — крикнул он радостно.

Передонов в ужасе хватился за нос.

— Врешь, какой у меня пятачок, у меня человечья харя, — бормотал он.

Рутилов хохотал. Передонов, сердито и трусливо посматривая на Рутилова, сказал:

— Ты меня сегодня нарочно над дурманом водил, да и одурманил, чтобы с сестрами окрутить. Мало мне одной ведьмы, на трех разом венчаться!

— Чудород, да как же я-то не одурманился? — спросил Рутилов.

— Ты средство знаешь, — говорил Передонов. — Ты, может быть, через рот дышал, а в нос не пускал или слова такие говорил, а я ничего не знаю, как надо против волшебства. Я не чернокнижник. Пока не зачурался, все одурманенный стоял.

Рутилов хохотал.

— Как же ты чурался? — спрашивал он.

Но уже Передонов молчал.

— Что ты за Варвару так уцепился? — говорил Рутилов. — Ты думаешь, хорошо тебе будет, если ты через нее получишь место? Она тебя оседлает.

Это было непонятно Передонову.

Ведь она для себя старается, — думал он. — Ей самой будет лучше, когда он будет начальником и будет получать много денег. Значит, не он ей, а она ему должна быть благодарна. Да и во всяком случае с нею ему удобнее, чем с кем бы то ни было другим.

Передонов привык к Варваре. Его тянуло к ней, — может быть, вследствие приятной для него привычки издеваться над нею. Другую такую ведь и на заказ бы не найти.

Было уже поздно. У Передонова в квартире горели лампы, — окна ярко выделялись в уличной темноте. Вокруг чайного стола сидели гости, Грушина — она же теперь ежеденничала у Варвары, — Володин, Преполовенская, ее муж, Константин Петрович, высокий человек лет под сорок, матово-бледный, черноволосый и необычайно молчаливый. Варвара принарядилась, — надела белое платье. Пили чай, беседовали. Варвару, как всегда, беспокоило, что Передонов долго не возвращался. Володин с веселым блеющим хохотом рассказал, что Передонов пошел куда-то с Рутиловым. Это увеличило Варварино беспокойство.

Наконец явились Передонов с Рутиловым. Их встретили криком, смехом, глупыми, нескромными шутками.

— Варвара, а где же водка? — сердито крикнул Передонов.

Варвара метнулась из-за стола, виновато ухмыляясь, и быстро принесла водку в большом, грубо граненном графине.

— Выпьем, — угрюмо пригласил Передонов.

— Подожди, — сказала Варвара, — Клавдюшка закуску принесет. Копа,[36] шевелись, — крикнула она в кухню.

Но уже Передонов разливал водку по рюмкам и бормотал:

— Чего ждать, время не ждет.

Выпили и закусили пирожками с черносмородинным вареньем. У Передонова, чтобы занимать гостей, только и было в запасе, что карты да водка. Так как за карты сесть еще нельзя было, — чай надо было пить, — то оставалась водка.

Меж тем принесли и закуску, так что можно было и еще выпить. Клавдия, уходя, не затворила двери, и Передонов забеспокоился.

— Вечно двери настежь, — ворчал он.

Он боялся сквозняка, — простудиться можно. Поэтому в квартире всегда было душно и смрадно.

Преполовенская взяла яйцо.

— Хорошие яйца, — сказала она, — где вы их достаете?

Передонов сказал:

— Это еще что яйца, — а вот в нашем имении у отца курица по два крупных яйца в день круглый год несла.

— Что ж такое, — ответила Преполовенская, — эка невидаль, нашли чем хвастать! У нас в деревне была курица, несла в день по два яйца и по ложке масла.

— Да, да, и у нас тоже, — сказал Передонов, не замечая насмешки. — Если носят другие, так и она несла. У нас выдающаяся была.

Варвара засмеялась.

— Петрушку валяют, — сказала она.

— Уши вянут, такой вздор вы несете, — сказала Грушина.

Передонов свирепо посмотрел на нее и ответил с ожесточением:

— А коли вянут, оборвать их надо.

Грушина смутилась.

— Ну, уж вы, Ардальон Борисыч, всегда такое скажете! — жалобно сказала она.

Остальные сочувственно смеялись. Володин, щуря глаза и потряхивая лбом, смешливо объяснял:

— Если у вас уши вянут, то вам их оборвать надо, а то нехорошо, коли они у вас завянут и так мотаться будут, туда-сюда, туда-сюда.

Володин показал пальцами, как будут мотаться вялые уши. Грушина прикрикнула на него:

— Ну уж вы, туда же, сами ничего придумать не умеете, на готовенькое прохаживаетесь!

Володин обиделся и сказал с достоинством:

— Я и сам могу, Марья Осиповна, а только как мы в компании приятно время проводим, то отчего же не поддержать чужую шутку! А если это вам не нравится, то как вам будет угодно, — как вы к нам изволите, так и мы к вам изволим.

— Резонно, Павел Васильевич, — со смехом одобрил его Рутилов.

— Уж Павел Васильевич за себя постоит, — с лукавою усмешкою сказала Переполовенская.

Варвара отрезала кусок булки и, заслушавшись затейливых речей Володина, держала нож в руке. Острие сверкало. Передонову стало страшно, — а ну, как вдруг зарежет. Он крикнул:

— Варвара, положи нож!

Варвара вздрогнула.

— Чего кричишь, испугал! — сказала она и положила нож. — Ведь вы знаете, у него всё привереды, — объяснила она молчаливому Преполовенскому, видя, что он поглаживает бороду и собирается что-то сказать.

— Это бывает, — сладостным и грустным голосом заговорил Преполовенский, — у меня был один знакомый, так тот иголок боялся, все боялся, что его уколют и иголка уйдет во внутренности. И ужасно боялся, представьте, как увидит иголку...

И, раз начавши говорить, уже он не мог остановиться и все на разные лады пересказывал одно и то же, пока его не перебил кто-то, заговорив о другом. Тогда он опять погрузился в молчание.

Грушина перевела разговор на эротические темы. Она рассказала, как ее ревновал покойник муж и как она ему изменяла.[37] Потом рассказала слышанную от столичного знакомого историю о любовнице некоего высокопоставленного лица, как она ехала по улице и встретила своего покровителя.

— Она ему и кричит: здравствуй, Жанчик! Это на улице-то! — рассказывала Грушина.

— А вот я на вас донесу, — сердито сказал Передонов, — разве можно про таких знатных лиц такие глупости болтать?

Грушина испуганно залепетала:

— Да ведь я что ж, — мне так рассказывали. За что купила, за то и продаю.

Передонов сердито молчал и пил чай с блюдечка, налегая на стол локтями. Он думал, что в доме будущего инспектора не подобает непочтительно говорить о вельможах. Он злился на Грушину. Еще досадовал его и был ему подозрителен Володин: что-то уж слишком часто называл он Передонова будущим инспектором. Один раз Передонов даже сказал Володину:

— Что, брат, завидно, небось! Да, вот ты не будешь инспектором, а я буду.

На это Володин, придав своему лицу внушительное выражение, возразил:

— Всякому свое, Ардальон Борисыч, — вы в своем деле специалист, а я в своем.

— А Наташка-то наша, — сообщила Варвара, — от нас прямо к жандармскому поступила.

Передонов вздрогнул, и лицо его выразило ужас.

— Врешь? — вопросительно сказал он.

— Ну вот, чего мне врать, — ответила Варвара, — хоть сам поди к нему, спроси.

Это неприятное известие подтвердила и Грушина. Передонов был ошеломлен. Наскажет, чего и не было, а жандармский на ус намотает и, пожалуй, напишет в министерство. Это скверно.

В это самое время глаза Передонова остановились на полочке над комодом. Там стояло несколько переплетенных книг: тонкие — Писарева и потолще — «Отечественные Записки».[38] Передонов побледнел и сказал:

— Книги-то эти надо спрятать, а то донесут.

Раньше эти книги Передонов держал на виду, чтобы показать, что у него свободные мнения, — хотя на самом деле он не имел ни мнений, ни даже охоты к размышлениям. И эти книги он только держал, а не читал. Давно уже не прочел он ни одной книги, — говорил, что некогда, — газет не выписывал, новости узнавал из разговоров. Впрочем, и узнавать ему нечего было, — ничто во внешнем мире его не занимало. Над подписчиками на газеты он даже издевался, как над расточителями денег и времени. Дорого, подумаешь, было для него его время!

Он пошел к полочке, бормоча:

— Уж у нас такой город — сейчас донесут. Помоги-ка, Павел Васильевич, — сказал он Володину.

Володин подошел к нему с серьезным и понимающим лицом и осторожно принимал книги, которые передавал ему Передонов. Себе взял Передонов пачку книг поменьше, Володину дал побольше и пошел в залу, а Володин за ним.

— Куда же вы их спрячете, Ардальон Борисыч? — спросил он.

— А вот увидишь, — с обычною угрюмостью ответил Передонов.

— Что же это вы потащили, Ардальон Борисыч? — спросила Преполовенская.

— Строжайше запрещенные книги, — ответил Передонов на ходу. — Донесут, коли увидят.

В зале Передонов присел на корточки перед печкою, свалил книги на железный лист, — и Володин сделал то же, — и принялся с усилием запихивать книгу за книгою в неширокое отверстие. Володин сидел на корточках рядом с ним, немного позади, и подавал ему книги, сохраняя глубокомысленное и понимающее выражение на своем бараньем лице с выпяченными из важности губами и склоненным от избытка понимания крутым лбом. Варвара заглядывала на них через дверь. Со смехом сказала она:

— Пошел валять петрушку!

Но Грушина остановила ее:

— Ой, голубушка Варвара Дмитриевна, вы так не говорите, — за это большие неприятности могут быть, коли узнают. Особенно, если учитель. Начальство страсть как боится, что учителя мальчишек бунтовать научат.

Напились чаю и уселись играть в стуколку,[39] все семеро вокруг ломберного стола в зале. Передонов играл с азартом, но плохо. Каждое двадцатое число ему приходилось уплачивать дань своим соучастникам в игре, особенно Преполовенскому; этот получал и за себя, и за жену. В выигрыше чаще всего были Преполовенские. У них были условленные знаки — постукивание, покашливание, — посредством которых они обменивались известиями о своих картах. Сегодня Передонову сразу не повезло. Он спешил отыграться, а Володин медлил сдавать и тщательно уравнивал карты.

— Павлушка, сдавай, — нетерпеливо крикнул Передонов.

Володин, чувствуя себя в игре особою, равною всем остальным, сделал значительное лицо и спросил:

— То есть как это Павлушка? По дружбе или как?

— По дружбе, по дружбе, — небрежно ответил Передонов, — только сдавай скорее.

— Ну, если по дружбе, то я рад, я очень рад, — говорил Володин с радостным и глупым смехом, сдавая карты, — ты хороший человек, Ардаша, и я тебя очень даже люблю. А если бы не по дружбе, то это был бы другой разговор. А если по дружбе, то я рад. Я тебе туза сдал за это, — сказал Володин и открыл козыря.

Туз, точно, оказался у Передонова, но не козырный, и подвел его под ремиз.

— Сдал! — сердито ворчал Передонов, — туз, да не тот. Под руку говоришь. Надо было козырного, а ты что сдал? На что мне тиковый пуз?

— На что тебе тиковый пуз,[40] у тебя свое пузо растет, — подхватил со смехом Рутилов.

Володин заблеял и захихикал:

— Будущий инспектор язычком заплетается, — пуз, пуз, карапуз.

Рутилов непрерывно болтал, сплетничал, рассказывал анекдоты, иногда весьма щекотливого содержания. Чтобы подразнить Передонова, он стал уверять, что гимназисты плохо себя ведут, особенно те, которые живут на квартирах: курят, пьют водку, ухаживают за девицами. Передонов верил. И Грушина поддерживала. Ей эти рассказы доставляли особое удовольствие: она сама хотела было, после смерти мужа, держать у себя на квартире трех-четырех гимназистов, но директор не

разрешил ей, несмотря на ходатайство Передонова, — о Грушиной в городе была дурная слава. Теперь она принялась бранить хозяек тех квартир, где жили гамназисты.

— Они взятки дают директору, — заявила она.

— Хозяйки все стервы, — убежденно сказал Володин, — вот хоть моя. У нас с нею был такой уговор, когда я комнату нанимал, что она будет давать мне вечером три стакана молока. Хорошо, месяц, другой так мне и подавали.

— И ты не опился? — спросил Рутилов со смехом.

— Зачем же опиваться! — обиженно возразил Володин. — Молоко — полезный продукт. Я и привык три стакана выпивать на ночь. Вдруг вижу, приносят мне два стакана. Это, спрашиваю, почему же? Прислуга говорит, — Анна Михайловна, говорит, просят извинить, что коровка у них, говорит, нынче мало молока дает. А мне-то что за дело! Уговор дороже денег. У них совсем коровка не даст молочка, так мне и кушать не дадут? Ну, я говорю, если нет молока, то скажите Анне Михайловне, что я прошу дать мне стакан воды. Я привык кушать три стакана, мне двух стаканов мало.

— Павлушка у нас герой, — сказал Передонов. — Расскажи-ка, брат, как ты с генералом сцепился.

Володин охотно повторил рассказ. Но теперь его подняли на смех. Он обиженно выпятил нижнюю губу.

За ужином все напились допьяна, даже и женщины. Володин предложил еще попачкать стены. Все обрадовались: немедленно, еще не кончив есть, принялись за дело и неистово забавлялись. Плевали на обои, обливали их пивом, пускали в стены и в потолок бумажные стрелы, запачканные на концах маслом, лепили на потолок чертей из жеваного хлеба. Потом придумали рвать полоски из обоев на азарт, — кто длиннее вытянет. На этой игре Преполовенские еще выиграли рубля полтора.

Володин проиграл. От этого проигрыша и опьянения он внезапно загрустил и стал жаловаться на свою мать. Он сделал укоризненное лицо и, толкая зачем-то вниз рукою, говорил:

— И зачем она меня родила? И что она тогда думала? Какая моя теперь жизнь! Она мне не мать, а только родительница. Потому как настоящая мать заботится о своем детище, а моя только родила меня и отдала на казенное воспитание с самых малых лет.

— Зато вы обучились, вышли в люди, — сказала Преполовенская.

Володин уставился вниз лбом, покачивал головою и говорил:

— Нет, уж какая моя жизнь, — самая последняя жизнь. И зачем она меня родила? Что она тогда думала?

Вчерашние ерлы вдруг опять припомнились Передонову. «Вот, — думал он про Володина, — на свою мать жалуется, зачем она его родила, — не хочет быть Павлушкой. Видно, и в самом деле завидует. Может быть, уже и подумывает жениться на Варваре и влезть в мою шкуру», — думал Передонов и тоскливо смотрел на Володина.

Хоть бы женить его на ком-нибудь!

Ночью, в спальне, Варвара говорила Передонову:

— Ты думаешь, все эти девки, что за тобою вяжутся, молоденькие, так и хорошенькие? Они все дряни, я их всех красивее.

Она поспешно разделась и, нахально ухмыляясь, показывала Передонову свое слегка раскрашенное, стройное, красивое и гибкое тело.

Хотя Варвара шаталась от опьянения и лицо ее во всяком свежем человеке возбудило бы отвращение своим дрябло-похотливым выражением, но тело у нее было прекрасное, как тело у нежной нимфы, с приставленною к нему, силою каких-то презренных чар, головою увядающей блудницы. И это восхитительное тело для этих двух пьяных и грязных людишек являлось только источником низкого соблазна. Так это и часто бывает, — и воистину в нашем веке надлежит красоте быть попранной и поруганной.

Передонов угрюмо хохотал, глядя на свою голую подругу.

Всю эту ночь ему снились дамы всех мастей, голые и гнусные.

Варвара поверила, что натирание крапивою, которое она себе сделала по совету Преполовенской, ей помогло.[41] Ей казалось, что она сразу начала полнеть. У всех знакомых она спрашивала:

— Правда, ведь я пополнела?

И она думала, что уж теперь непременно Передонов, увидев, как она полнеет, и получив к тому же поддельное письмо, женится на ней.

Далеко не так приятны были ожидания Передонова. Уже он давно убедился, что директор ему враждебен, — и на самом деле директор гимназии считал Передонова ленивым, неспособным учителем. Передонов думал, что директор приказывает ученикам его не почитать, — что было, понятно, вздорною выдумкою самого Передонова. Но это вселяло в Передонова уверенность, что надо от директора защищаться. Со злости на директора он не раз начинал поносить его в старших классах. Многим гимназистам такие разговоры нравились.

Теперь, когда Передонов захотел стать инспектором, директоровы неприязненные отношения к нему являлись особенно неприятными. Положим, если княгиня захочет, то ее протекция превозможет директоровы козни. Но все же они не безопасны.

И другие были в городе люди, — как заметил в последние дни Передонов, — которые враждебны ему и хотели бы помешать его назначению на инспекторскую должность. Вот Володин: недаром он все повторяет слова «будущий инспектор». Ведь бывали же случаи, что люди присваивали себе чужое имя и жили себе в свое удовольствие. Конечно, заменить самого Передонова Володину трудненько, — да ведь у дурака, такого, как Володин, могут быть самые нелепые затеи. Известно, злого человека надо всегда бояться. И еще Рутиловы, Вершина со своею Мартою, сослуживцы из зависти, — все рады ему повредить. А как повредить? Ясное дело, опорочат его в глазах у начальства, выставят человеком неблагонадежным.

Итак, у Передонова явились две заботы: доказать свою благонадежность и обезопасить себя от Володина, — женить его на богатой.

И вот однажды Передонов спросил Володина:

— Хочешь, к Адаменковой барышне тебя посватаю? Или все еще по Марте скучаешь? Целый месяц утешиться не можешь?

— Что ж мне по Марте скучать! — ответил Володин. — Я ей честь честью сделал предложение, а коли ежели она не хочет, то что же мне! Я и другую найду, — разве уж для меня и невест не найдется? Да этого добра везде сколько угодно.

— Да, а вот Марта натянула тебе нос, — подразнил Передонов.

— Не знаю уж, какого жениха они ждут, — обидчиво сказал Володин, — хоть бы приданое большое было, а то ведь гроши дадут. Это она в тебя, Ардальон Борисыч, втюрилась.

Передонов посоветовал:

— А я бы на твоем месте ей ворота дегтем вымазал.

Володин захихикал, но сейчас же успокоился и сказал:

— Ежели поймают, так неприятность может выйти.

— Найми кого-нибудь, зачем самому, — сказал Передонов.

— И следует, ей-Богу, следует, — с одушевлением сказал Володин. — Потому как ежели она в законный брак не хочет вступать, а, между прочим, к себе в окно молодых людей пускает, то уж это что ж! Уж это значит — ни стыда, ни совести нет у человека.

VI

На другой день Передонов и Володин отправились к девице Адаменко. Володин принарядился — надел новенький свой узенький сюртучок, чистую крахмальную рубашку, пестрый шейный платок, намазал волосы помадою, надушился — и взыграл духом.

Надежда Васильевна Адаменко с братом жила в городе в собственном кирпичном красном домике; недалеко от города было у нее имение, отданное в аренду. В позапрошлом году кончила она учение в здешней гимназии, а ныне занималась тем, что лежала на кушетке, читала книжки всякого содержания да школила своего брата, одиннадцатилетнего гимназиста, который спасался от ее строгостей только сердитым заявлением:

— При маме лучше было. Мама в угол только зонтик ставила.

С Надеждою Васильевною жила ее тетка, существо безличное и дряхлое, не имевшее никакого голоса в домашних делах. Знакомства вела Надежда Васильевна со строгим разбором. Передонов бывал у нее редко, и только малое знакомство его с нею могло быть причиною предположения, что эта барышня может выйти замуж за Володина.

Теперь она удивилась неожиданному посещению, но приняла незваных гостей любезно. Гостей надо было занимать, — и Надежде Васильевне казалось, что самый приятный и удобный разговор для учителя русского языка — разговор о состоянии учебного дела, о реформе гимназий,[42] о воспитании детей, о литературе, о символизме,[43] о русских журналах. Всех этих тем она коснулась, но не получала в ответ ничего, кроме озадачивших ее отповедей, обнаруживших, что ее гостям эти вопросы не любопытны. Она увидела, что возможен только один разговор — городские сплетни. Но Надежда Васильевна все-таки сделала еще одну попытку.

— А вы читали «Человек в футляре» Чехова?[44] — спросила она. — Не правда ли, как метко?

Так как с этим вопросом она обратилась к Володину, то он приятно осклабился и спросил:

— Это что же, статья или роман?

— Рассказ, — объяснила Надежда Васильевна.

— Господина Чехова, вы изволили сказать? — осведомился Володин.

— Да, Чехова, — сказала Надежда Васильевна и усмехнулась.

— Это где же помещено? — продолжал любопытствовать Володин.

— В «Русской Мысли», — ответила барышня любезно.

— В каком нумере? — допрашивал Володин.

— Не помню хорошенько, в каком-то летнем, — все так же любезно, но с некоторым удивлением ответила Надежда Васильевна.

Маленький гимназист высунулся из-за двери.

— Это в майской книжке было напечатано, — сказал он, придерживаясь рукою за дверь и обводя гостей и сестру веселыми синими глазами.

— Вам еще рано романы читать, — сердито сказал Передонов, — учиться надо, а не скабрезные истории читать.

Надежда Васильевна строго посмотрела на брата.

— Как это мило — за дверьми стоять и слушать, — сказала она и, подняв обе руки, сложила кончики мизинцев под прямым углом.

Гимназист нахмурился и скрылся. Он пошел в свою комнату, стал там в угол и принялся глядеть на часы; два мизинца углом — это знак стоять в углу десять минут. «Нет, — досадливо думал он, — при маме лучше было: мама только зонтик ставила в угол».

А в гостиной меж тем Володин утешал хозяйку обещанием достать непременно майский нумер «Русской Мысли» и прочесть рассказ господина Чехова. Передонов слушал с выражением явной скуки на лице. Наконец он сказал:

— Я тоже не читал. Я не читаю пустяков. В повестях и романах все глупости пишут.

Надежда Васильевна любезно улыбнулась и сказала:

— Вы очень строго относитесь к современный литературе. Но пишутся же теперь и хорошие книги.

— Я все хорошие книги раньше прочел, — заявил Передонов. — Не стану же я читать того, что теперь сочиняют.

Володин смотрел на Передонова с уважением. Надежда Васильевна легонько вздохнула и — делать нечего — принялась пустословить и сплетничать, как умела. Хоть и не люб ей был такой разговор, но она поддерживала его с ловкостью и веселостью бойкой и выдержанной девицы. Гости оживились. Ей было нестерпимо скучно, а они думали, что она с ними исключительно любезна, и приписывали это обаянию прелестной наружности Володина.

Когда они ушли, Передонов на улице поздравлял Володина с успехом.

Володин радостно смеялся и прыгал. Он уже забыл всех отвергнувших его девиц.

— Не лягайся, — говорил ему Передонов, — распрыгался, как баран. Погоди еще, натянут тебе нос.

Но говорил он это в шутку, а сам вполне верил в успех задуманного сватовства.

Грушина чуть не каждый день забегала к Варваре, Варвара бывала у нее еще чаще, так что они почти и не расставались. Варвара волновалась, а Грушина медлила, — уверяла, что очень трудно скопировать буквы, чтобы вышло совсем похоже.

Передонов все еще не хотел назначить дня для свадьбы. Опять он требовал, чтобы ему сначала место дали инспекторское. Помня, как много у него готовых невест, он не раз, как и прошлою зимою, грозил Варваре:

— Вот сейчас пойду венчаться. Вернусь утром с женой, а тебя вон. Последний раз ночуешь.

И с этими словами уходил — играть на билиарде. Оттуда иногда к вечеру приходил домой, а чаще кутил в каком-нибудь грязном притоне с Рутиловым и Володиным. В такие ночи Варвара не могла заснуть. Поэтому она страдала мигренями. Хорошо еще, если он вернется в час, в два ночи, — тогда она вздохнет свободно. Если же он являлся только утром, то Варвара встречала день совсем больная.

Наконец Грушина изготовила письмо и показала его Варваре. Долго рассматривали, сличали с прошлогодним княгининым письмом. Грушина уверяла: похоже так, что сама княгиня не узнала бы подделки. Хоть на самом деле сходства было мало, но Варвара поверила. Да она же и понимала, что Передонов не мог помнить мало знакомого ему почерка настолько точно, чтобы заметить подделку.

— Ну вот, — радостно сказала она, — наконец-то. А то я уже ждала, ждала, да и жданки потеряла. А только как же конверт, — если он спросит, что я скажу?

— Да уж конверта нельзя подделать, — штемпеля, — сказала Грушина, посмеиваясь, поглядывая на Варвару лукавыми, разными глазами: правый — побольше, левый — поменьше.

— Так как же?

— Душечка Варвара Дмитриевна, да вы скажите ему, что конверт в печку бросили. На что же вам конверт?

Варварины надежды оживились. Она говорила Грушиной:

— Только бы он женился, тогда уж я не стану для него бегать. Нет, я буду сидеть, а он пусть для меня побегает.

В субботу после обеда Передонов шел поиграть на билиарде. Мысли его были тяжелы и печальны. Он думал:

«Скверно жить среди завистливых и враждебных людей. Но что же делать, — не могут же все быть инспекторами! Борьба за существование!»

На углу двух улиц он встретил жандармского штаб-офицера. Неприятная встреча!

Подполковник Николай Вадимович Рубовский, невысокий плотный человек с густыми бровями, веселыми серыми глазами и прихрамывающею походкою, отчего его шпоры неровно и звонко призвякивали, был весьма любезен, и за то любим в обществе. Он знал всех людей в городе, все их дела и отношения, любил слушать сплетни, но сам был скромен и молчалив, как могила, и никому не делал ненужных неприятностей.

Остановились, поздоровались, побеседовали. Передонов насупился, оглянулся по сторонам и опасливо сказал:

— У вас, я слышал, наша Наташа живет, так вы ей не верьте, что она про меня говорит, это она врет.

— Я от прислуги сплетен не собираю, — с достоинством сказал Рубовский.

— Она — сама скверная, — продолжал Передонов, не обращая внимания на возражение Рубовского, — у нее любовник есть поляк; она, может быть, нарочно к вам и поступила, чтоб у вас что-нибудь стащить секретное.

— Пожалуйста, не беспокойтесь об этом, — сухо возразил подполковник, — у меня планы крепостей не хранятся.

Упоминание о крепостях озадачило Передонова. Ему казалось, что Рубовский намекает на то, что может посадить Передонова в крепость.

— Ну, что крепость, — пробормотал он, — до этого далеко, а только вообще про меня всякие глупости говорят, так это все больше из зависти. Вы ничему такому не верьте. Это они доносят, чтоб от себя отвести подозрение, а я и сам могу донести.

Рубовский недоумевал.

— Уверяю вас, — сказал он, вздергивая плечами и бряцая шпорами, — я ни от кого не получал на вас доноса. Вам, видно, кто-нибудь в шутку погрозил, — да ведь мало ли что говорится иногда.

Передонов не верил. Он думал, что жандармский скрытничает, — и стало ему страшно.

Каждый раз, как Передонов проходил мимо Вершинского сада, Вершина останавливала его и своими ворожащими движениями и словами заманивала в сад. И он входил, невольно подчиняясь ее тихой ворожбе.

Может быть, ей скорее Рутиловых удалось бы достичь своей цели, — ведь Передонов одинаково далек был от всех людей, и почему бы ему было не связаться законным браком с Мартою? Но, видно, вязко было то болото, куда залез Передонов, и никакими чарами не удавалось перебултыхнуть его в другое.

Вот и теперь, когда, расставшись с Рубовским, Передонов шел мимо, Вершина, одетая, как всегда, вся в черном, заманила его.

— Марта и Владя домой на день едут, — сказала она, ласково глядя сквозь дым своей папироски на Передонова коричневыми глазами, — вот бы и вы с ними погостить в деревне. — За ними работник в тележке приехал.

— Тесно, — сказал Передонов угрюмо.

— Ну вот, тесно, — возразила Вершина, — отлично разместитесь. Да и потеснитесь, не беда, что ж, недалеко, шесть верст проехать.

В это время из дома выбежала Марта спросить что-то у Вершиной. Хлопоты перед отъездом немного расшевелили ее лень, и лицо ее было живее и веселее обычного. Опять, уже обе, стали звать Передонова в деревню.

— Разместитесь удобно, — уверяла Вершина, — вы с Мартой на заднем сиденье, а Владя с Игнатием на переднем. Вот посмотрите, и тележка на дворе.

Передонов вышел за Вершиною и Мартою во двор, где стояла тележка, а около нее возился, укладывая что-то, Владя. Тележка была поместительная. Но Передонов, угрюмо осмотрев ее, объявил:

— Не поеду. Тесно. Четверо, да еще вещи.

— Ну, если вы думаете, что тесно, — сказала Вершина, — то Владя и пешком может идти.

— Конечно, — сказал Владя, улыбаясь сдержанно и ласково, — пешком дойду в полтора часа отлично. Вот сейчас зашагаю, так раньше вас буду.

Тогда Передонов объявил, что будет трясти, а он не любит тряски. Вернулись в беседку. Все уже было уложено, но работник Игнатий еще ел на кухне, насыщаясь неторопливо и основательно.

— Как учится Владя? — спросила Марта.

Другого разговора с Передоновым она не умела придумать, а уже Вершина не раз упрекала ее, что она не умеет занять Передонова.

— Плохо, — сказал Передонов, — ленится, ничего не слушает.

Вершина любила поворчать. Она стала выговаривать Владе. Владя краснел и улыбался, пожимался плечами, как от холода, и подымал, по своей привычке, одно плечо выше другого.

— Что же, только год начался, — сказал он, — я еще успею.

— С самого начала надо учиться, — тоном старшей, но слегка от этого краснея, сказала Марта.

— Да и шалит, — жаловался Передонов, — вчера так развозились, точно уличные мальчишки. Да и груб, мне дерзость сказал в четверг.

Владя вдруг вспыхнул и заговорил горячо, но не переставая улыбаться:

— Никакой дерзости, а я только правду сказал, что вы в других тетрадках ошибок по пяти прозевали, а у меня все подчеркнули и поставили два, а у меня лучше было написано, чем у тех, кому вы три поставили.

— И еще вы мне дерзость сказали, — настаивал Передонов.

— Никакой дерзости, а я только сказал, что инспектору скажу, — запальчиво говорил Владя, — что же мне зря двойку...

— Владя, не забывайся, — сердито сказала Вершина, — чем бы извиниться, а ты опять повторяешь.

Владя вдруг вспомнил, что Передонова нельзя раздражать, что он может стать Марте женихом. Он сильнее покраснел, в смущении передернул пояс на своей блузе и робко сказал:

— Извините. Я только хотел попросить, чтобы вы поправили.

— Молчи, молчи, пожалуйста, — прервала его Вершина, — терпеть не могу таких рассуждений, терпеть не могу, — повторила она и еле заметно дрогнула всем своим сухоньким телом. — Тебе делают замечание, ты молчи.

И Вершина высыпала на Владю немало укоризненных слов, дымя папироскою и криво улыбаясь, как она всегда улыбалась, о чем бы ни шла речь.

— Надо будет отцу сказать, чтобы наказал тебя, — кончила она.

— Высечь надо, — решил Передонов и сердито посмотрел на обидевшего его Владю.

— Конечно, — подтвердила Вершина, — высечь надо.

— Высечь надо, — сказала и Марта и покраснела.

— Вот поеду сегодня к вашему отцу, — сказал Передонов, — и скажу, чтобы вас при мне высекли, да хорошенько.

Владя молчал, смотрел на своих мучителей, поеживался плечьми и улыбался сквозь слезы. Отец у него крут. Владя старался утешить себя, думая, что это — только угрозы. Неужели, думал он, в самом деле захотят испортить ему праздник? Ведь праздник — день особенный, отмеченный и радостный, и все праздничное совсем несоизмеримо со всем школьным, будничным.

А Передонову нравилось, когда мальчики плакали, — особенно, если это он так сделал, что они плачут и винятся.[45] Владино смущение, и сдержанные слезы на его глазах, и робкая, виноватая его улыбка — все это радовало Передонова. Он решил ехать с Мартою и Владею.

— Ну, хорошо, я поеду с вами, — сказал он Марте.

Марта обрадовалась, но как-то испуганно. Конечно, она хотела, чтобы Передонов ехал с ними, — или, вернее, Вершина хотела этого за нее и приворожила ей своими быстрыми наговорами это желание. Но теперь, когда Передонов сказал, что едет, Марте стало неловко за Владю, — жалко его.

Жутко стало и Владе. Неужели это для него Передонов едет? Ему захотелось умилостивить Передонова. Он сказал:

— Если вы думаете, Ардальон Борисыч, что тесно будет, то я могу пешком пойти.

Передонов посмотрел на него подозрительно и сказал:

— Ну да, если вас отпустить одного, вы еще убежите куда-нибудь. Нет уж, мы вас лучше свезем к отцу, пусть он вам задаст.

Владя покраснел и вздохнул. Ему стало так неловко, и тоскливо, и досадно на этого мучительного и угрюмого человека. Чтобы все-таки смягчить Передонова, он решился устроить ему сиденье поудобнее.

— Ну, уж я так сделаю, — сказал он, — что вам отлично будет сидеть.

И он поспешно отправился к тележке. Вершина посмотрела вслед за ним, криво улыбаясь и дымя, и сказала Передонову тихо:

— Они все боятся отца. Он у них очень строгий.

Марта покраснела.

Владя хотел было взять с собою в деревню удочку, новую, английскую, купленную на сбереженные деньги, хотел взять еще кое-что, да это все занимало бы в тележке немало места. И Владя унес обратно в дом все свои пожитки.

Было нежарко. Солнце склонялось. Дорога, омоченная утренним дождем, не пылила. Тележка ровно катилась по мелкому щебню, унося из города четырех седоков; сытая серая лошадка бежала, словно не замечая их тяжести, и ленивый, безмолвный работник Игнатий управлял ее бегом при помощи заметных лишь опытному взору движений вожжами.

Передонов сидел рядом с Мартою. Ему расчистили так много места, что Марте совсем неудобно было сидеть. Но он не замечал этого. А если бы и заметил, то подумал бы, что так и должно: ведь он гость.

Передонов чувствовал себя очень приятно. Он решил поговорить с Мартою любезно, пошутить, позабавить ее. Он начал так:

— Ну, что, скоро бунтовать будете?

— Зачем бунтовать? — спросила Марта.

— Вы, поляки, ведь все бунтовать собираетесь, да только напрасно.[46]

— Я и не думаю об этом, — сказала Марта, — да и никто у нас не хочет бунтовать.

— Ну да, это вы только так говорите, а вы русских ненавидите.

— И не думаем, — сказал Владя, повертываясь к Передонову с передней скамейки, где сидел рядом с Игнатием.

— Знаем мы, как вы не думаете. Только мы вам не отдадим вашей Польши. Мы вас завоевали. Мы вам сколько благодеяний сделали, да, видно, как волка ни корми, он все в лес смотрит.

Марта не возражала. Передонов помолчал немного и вдруг сказал:

— Поляки — безмозглые.

Марта покраснела.

— Всякие бывают и русские, и поляки, — сказала она.

— Нет, уж это так, это верно, — настаивал Передонов. — Поляки глупые. Только форсу задают. Вот жиды — те умные.

— Жиды — плуты, а вовсе не умные, — сказал Владя.

— Нет, жиды — очень умный народ. Жид русского всегда надует, а русский жида никогда не надует.

— Да и не надо надувать, — сказал Владя, — разве в том только и ум, чтобы надувать да плутовать?

Передонов сердито глянул на Владю.

— А ум в том, чтобы учиться, — сказал он, — а вы не учитесь.

Владя вздохнул и опять отвернулся и стал смотреть на ровный бег лошади. А Передонов говорил:

— Жиды во всем умные, и в ученье, и во всем. Если бы жидов пускали в профессора, то все профессора из жидов были бы. А польки все неряхи.[47]

Он посмотрел на Марту и, с удовольствием заметив, что она сильно покраснела, сказал из любезности:

— Да вы не думайте, я не про вас говорю. Я знаю, что вы будете хорошая хозяйка.

— Все польки — хорошие хозяйки, — ответила Марта.

— Ну да, — возразил Передонов, — хозяйки, сверху чисто, а юбки грязные. Ну, да зато у вас Мицкевич был. Он выше нашего

Пушкина.[48] Он у меня на стене висит. Прежде там Пушкин висел, да я его в сортир вынес, — он камер-лакеем был.[49]

— Ведь вы русский, — сказал Владя, — что ж вам наш Мицкевич? Пушкин — хороший, и Мицкевич — хороший.

— Мицкевич — выше, — повторил Передонов. — Русские — дурачье. Один самовар изобрели, а больше ничего.

Передонов посмотрел на Марту, сощурил глаза и сказал:

— У вас много веснушек. Это некрасиво.

— Что ж делать? — улыбаясь, промолвила Марта.

— И у меня веснушки, — сказал Владя, поворачиваясь на своем узеньком сиденье и задевая безмолвного Игнатия.

— Вы мальчик, — сказал Передонов, — это ничего, мужчине красота не нужна, а вот у вас, — продолжал он, оборачиваясь к Марте, — нехорошо. Этак вас никто и замуж не возьмет. Надо огуречным рассолом лицо мыть.

Марта поблагодарила за совет.

Владя, улыбаясь, смотрел на Передонова.

— Вы что улыбаетесь? — сказал Передонов, — вот погодите, приедем, так будет вам дера отличная.

Владя, повернувшись на своем месте, внимательно смотрел на Передонова, стараясь угадать, шутит ли он, говорит ли взаправду. А Передонов не выносил, когда на него пристально смотрели.

— Чего вы на меня глазеете? — грубо спросил он. — На мне узоров нет. Или вы сглазить меня хотите?

Владя испугался и отвел глаза.

— Извините, — сказал он робко, — я так, не нарочно.

— А вы разве верите в глаз? — спросила Марта.

— Сглазить нельзя, это суеверие, — сердито сказал Передонов, — а только ужасно невежливо уставиться и рассматривать.

Несколько минут продолжалось неловкое молчание.

— Ведь вы — бедные, — вдруг сказал Передонов.

— Да, небогатые, — ответила Марта, — да все-таки уж и не так бедны. У нас у всех есть кое-что отложено.

Передонов недоверчиво посмотрел на нее и сказал:

— Ну, да, я знаю, что вы бедные. Босые ежеденком дома ходите.[50]

— Мы это не от бедности, — живо сказал Владя.

— А что же, от богатства, что ли? — спросил Передонов и отрывисто захохотал.

— Вовсе не от бедности, — сказал Владя, краснея, — это для здоровья очень полезно, закаляет здоровье и приятно летом.

— Ну, это вы врете, — грубо возразил Передонов. — Богатые босиком не ходят. У вашего отца много детей, а получает гроши. Сапог не накупишься.[51]

VII

Варвара ничего не знала о том, куда отправился Передонов. Она провела жестоко беспокойную ночь.

Но и вернувшись утром в город, Передонов не пошел домой, а велел везти себя в церковь — в это время начиналась обедня. Ему казалось теперь опасным не бывать часто в церкви, — еще донесут, пожалуй.[52]

Встретив при входе в ограду миловидного маленького гимназиста с румяным, простодушным лицом и непорочными голубыми глазами, Передонов сказал:

— А, Машенька, здравствуй, раздевоня.[53]

Миша Кудрявцев мучительно покраснел. Передонов уже несколько раз дразнил его, называя Машенькою, — Кудрявцев не понимал за что и не решался пожаловаться. Несколько товарищей, глупых малышей, толпившихся тут же, засмеялись на слова Передонова. Им тоже весело было дразнить Мишу.

Церковь во имя пророка Илии, старая, построенная еще при царе Михаиле,[54] стояла на площади против гимназии. Поэтому по праздникам к обедне и всенощной гимназисты обязаны были сюда собираться и стоять с левой стороны, у придела святой Екатерины-великомученицы, рядами, — а сзади помещался один из помощников классных наставников, для надзора. Тут же рядом, поближе к середине храма, становились учителя гимназии, инспектор и директор, со своими семьями. Собирались обыкновенно почти все православные гимназисты, кроме немногих, которым разрешено было посещать свои приходские церкви с родителями.

Хор из гимназистов пел хорошо, и потому церковь посещалась первогильдейным купечеством, чиновниками и помещичьими семьями. Простого народа бывало немного, тем более что обедню здесь служили, сообразно с желанием директора, позже, чем в других церквах.

Передонов стал на привычное свое место. Певчие отсюда все были ему видны. Щуря глаза, он смотрел на них и думал, что они стоят беспорядочно и что он подтянул бы их, если бы он был инспектором гимназии. Вот смуглый Крамаренко, маленький, тоненький, вертлявый, — все оборачивается то туда, то сюда, шепчет что-то, улыбается, — и никто-то его не уймет. Точно никому и дела нет.

«Безобразие, — думал Передонов, — эти певчие всегда негодяи; у черномазого мальчишки звонкий, чистый дискант, — так уж он думает, что и в церкви можно шептать и улыбаться».

И хмурился Передонов.

Рядом с ним стал пришедший попозже инспектор народных училищ, Сергей Потапович Богданов, старик с коричневым глупым лицом, на котором постоянно было такое выражение, как будто он хотел объяснить кому-то что-то такое, чего еще и сам никак не мог понять. Никого так легко нельзя было удивить или испугать, как Богданова: чуть услышит что-нибудь новое или тревожное, — и уже лоб его наморщивается от внутреннего болезненного усилия, и изо рта вылетают беспорядочные, смятенные восклицания.

Передонов наклонился к нему и сказал шепотом:

— У вас учительница одна в красной рубашке ходит.[55] Богданов испугался. Белая еретица[56] его трусливо затряслась на подбородке.

— Что, что вы говорите? — сипло зашептал он, — кто, кто такая?

— Да вот горластая-то, толстуха-то эта, как ее, не знаю, — шептал Передонов.

— Горластая, горластая, — растерянно припоминал Богданов, — это Скобочкина, да?

— Ну, да, — подтвердил Передонов.

— А, как же, как же так! — восклицал шепотом Богданов, — Скобочкина, в красной рубашке, а! Да вы сами видели?

— Видел, — да она, говорят, и в школе так щеголяет. А то и хуже бывает — сарафан наденет, совсем как простая девка ходит.

— А, скажите! Надо, надо узнать. Так нельзя, нельзя. Уволить за это следует, уволить, — лепетал Богданов. — Она всегда такая была.

Обедня кончилась. Выходили из церкви. Передонов сказал Крамаренку:

— Ты, черныш-огарыш, зачем в церкви улыбался? Вот погоди, ужо отцу скажу.

Передонов говорил иногда «ты» гимназистам не из дворян; дворянам же он всегда говорил «вы». Он узнавал в канцелярии, кто какого сословия, и его память цепко держалась за эти различия.

Крамаренко посмотрел на Передонова с удивлением и молча пробежал мимо. Он принадлежал к числу тех гимназистов, которые находили Передонова грубым, глупым и несправедливым и за то ненавидели и презирали его. Таких было большинство. Передонов думал, что это — те, кого директор подговаривает против него, если не сам, то через сыновей.

К Передонову подошел — уже за оградою — Володин с радостным хихиканьем, — лицо, как у именинника, блаженное, котелок на затылке, тросточка наперехват.

— Знаешь, что я тебе скажу, Ардальон Борисыч, — зашептал он радостно, — я уговорил Черепнина, и он на днях вымажет Марте дегтем ворота.

Передонов помолчал, соображая что-то, и вдруг угрюмо захохотал. Володин так же быстро перестал осклабляться, принял скромный вид, поправил котелок и, поглядывая на небо и помахивая тросточкою, сказал:

— Хорошая погодка, — а к вечеру, пожалуй, дождик соберется. Ну, и пусть дождичек, мы с будущим инспектором дома посидим.

— Не очень-то мне дома сидеть можно, — сказал Передонов, — у меня нынче дела, надо в город ходить.

Володин сделал понимающее лицо, хотя, конечно, не знал, какие это нашлись вдруг у Передонова дела. А Передонов думал, что ему необходимо будет сделать несколько визитов. Вчерашняя случайная встреча с жандармским офицером навела его на мысль, которая показалась ему весьма дельною: обойти всех значительных в городе лиц и уверить их в своей благонадежности. Если это удастся, тогда, в случае чего, у Передонова найдутся заступники в городе, которые засвидетельствуют его правильный образ мыслей.

— Куда же вы, Ардальон Борисыч? — спросил Володин, видя, что Передонов сворачивает с того пути, по которому всегда возвращался, — разве вы не домой?

— Нет, я домой, — ответил Передонов, — только я нынче боюсь по той улице ходить.

— Почему же?

— Там дурману много растет, и запах тяжелый; это на меня сильно действует, одурманивает. У меня нынче нервы слабы. Все неприятности.

Володин опять придал своему лицу понимающее и сочувственное выражение.

По дороге Передонов сорвал несколько шишек от чертополоха и сунул их в карман.

— Это для чего же вы собираете? — осклабясь, спросил Володин.

— Для кота, — хмуро ответил Передонов.

— Лепить в шкуру будете? — деловито осведомился Володин.

— Да.

Володин захихикал.

— Вы без меня не начинайте, — сказал он, — занятно.

Передонов пригласил его зайти сейчас, но Володин сказал, что у него есть дело: он вдруг почувствовал, что как-то неприлично все не иметь дела; слова Передонова о своих делах подстрекали его, и он сообразил, что хорошо бы теперь самостоятельно зайти к барышне Адаменко и сказать ей, что у него есть новые и очень изящные рисунки для рамочек, так не хочет ли она посмотреть. Кстати, думал Володин, Надежда Васильевна угостит его кофейком.

Так Володин и сделал. И еще придумал одну замысловатую штуку: предложил Надежде Васильевне заниматься с ее братом ручным трудом. Надежда Васильевна подумала, что Володин нуждается в заработке, и немедленно согласилась. Условились заниматься три раза в неделю по два часа, за тридцать рублей в месяц. Володин был в восторге, — и денежки, и возможность частых встреч с Надеждою Васильевною.

Передонов вернулся домой мрачный, как всегда. Варвара, бледная от бессонной ночи, заворчала:

— Мог бы вчера сказать, что не придешь.

Передонов, дразня ее, рассказал, что ездил к Марте. Варвара молчала. У нее в руках было княгинино письмо. Хоть и поддельное, а все-таки...

За завтраком она сказала, ухмыляясь:

— Пока ты там вожжался с Марфушкой, здесь я без тебя ответ получила от княгини.

— А ты разве ей писала? — спросил Передонов.

Лицо его оживилось отблеском тусклого ожидания.

— Ну вот, валяет петрушку, — отвечала Варвара со смехом, — ведь сам же велел написать.

— Ну, что же она пишет? — спросил Передонов тревожно.

— Вот письмо, читай сам.

Варвара порылась в карманах, словно искала засунутое куда-то письмо, потом достала его и подала Передонову. Он оставил еду и с жадностью накинулся на письмо. Прочел и обрадовался. Вот, наконец, ясное и положительное обещание. Никаких сомнений у него не явилось. Он наскоро кончил завтрак и пошел показывать письмо знакомым и приятелям.

Угрюмо-одушевленный, он быстро вошел в Вершинский сад. Вершина, как почти всегда, стояла у калитки и курила. Она обрадовалась: раньше его надо было заманивать, теперь сам зашел. Вершина подумала:

«Вот что значит проехался-то с барышней, побыл с нею, — вот и прибежал! Уж не хочет ли свататься?» — тревожно и радостно думала она.

Передонов тотчас разочаровал ее, — показал письмо.

— Вот вы все сомневались, — сказал он, — а вот сама княгиня пишет. Вот почитайте, сами увидите.

Вершина недоверчиво посмотрела на письмо, быстро несколько раз пыхнула на него табачным дымом, криво усмехнулась и спросила тихо и быстро:

— А где же конверт?

Передонов вдруг испугался. Он подумал, что Варвара могла и обмануть его письмом, — взяла да сама написала. Надо потребовать от нее конверт, как можно скорее.

— Я не знаю, — сказал он, — надо спросить.

Он поспешно простился с Вершиною и быстро пошел назад, к своему дому. Необходимо было как можно скорее удостовериться в происхождении этого письма, — внезапное сомнение так мучительно.

Вершина, стоя у калитки, смотрела за ним, криво улыбалась и торопливо дымила папироскою, словно спеша окончить к сроку заданный на сегодня урок.

С испуганным и отчаянным лицом Передонов прибежал домой и крикнул еще в передней голосом, хриплым от волнения:

— Варвара, где же конверт?

— Какой конверт? — спросила Варвара дрогнувшим голосом.

Она смотрела на Передонова нахально, но покраснела бы, если бы не была раскрашена.

— Конверт, от княгини, что письмо сегодня принесли, — объяснил Передонов, испуганно и злобно глядя на Варвару.

Варвара напряженно засмеялась.

— Вот, я сожгла, на что мне его? — сказала она. — Что же, собирать что ли конверты, коллекцию составлять? Так ведь денег за конверты не платят. Это только за бутылки в кабаке деньги назад дают.

Передонов, мрачный, ходил по горницам и ворчал:

— Княгини тоже бывают всякие. Знаем мы. Может быть, эта здесь живет княгиня.

Варвара притворялась, что не догадывается о его подозрениях, но жестоко трусила.

Когда к вечеру Передонов проходил мимо Вершинского сада, Вершина остановила его.

— Нашли конверт? — спросила она.

— Да Варя говорит, что сожгла его, — ответил Передонов.

Вершина засмеялась, и белые тонкие облачка от табачного дыма заколебались перед нею в тихом и нежарком воздухе.

— Странно, — сказала она, — как это так ваша сестрица неосторожна, — деловое письмо и вдруг без конверта! Все ж таки по штемпелю видно было бы, когда послали письмо и откуда.

Передонов жестоко досадовал. Напрасно Вершина звала его зайти в сад, напрасно обещала погадать на картах, — Передонов ушел.

Но все же он показывал приятелям это письмо и хвастался. И приятели верили.

А Передонов не знал, верить или не верить. На всякий случай решился он со вторника начать оправдательные свои посещения к значительным в городе особам. С понедельника нельзя — тяжелый день.

VIII

Как только Передонов ушел играть на билиарде, Варвара поехала к Грушиной. Долго они толковали и наконец решили поправить дело вторым письмом. Варвара знала, что у Грушиной есть знакомые в Петербурге. При их посредстве нетрудно переслать туда и обратно письмо, которое изготовят здесь.

Грушина, как и первый раз, долго и притворно отказывалась.

— Ой, голубушка Варвара Дмитриевна, — говорила она, — я и от одного-то письма вся дрожу, все боюсь. Увижу пристава[57] близко дома — так вся и сомлею, — думаю — за мной идут, в тюрьму сажать хотят.

Битый час уговаривала ее Варвара, насулила подарков, дала вперед немного денег. Наконец Грушина согласилась. Решили сделать так: сначала Варвара скажет, что написала княгине ответ, благодарность. Потом через несколько дней придет письмо, будто бы от княгини. В том письме еще определеннее будет написано, что есть места в виду, что если скоро повенчается, то теперь же можно будет одно из них выхлопотать Передонову. Это письмо напишет здесь Грушина, как и первое, — запечатают его, налепят марку в семь копеек, Грушина вложит его в письмо своей подруге, а та в Петербурге опустит его в почтовый ящик.

И вот Варвара и Грушина пошли в лавочку на самый дальний конец города и купили там пачку конвертов, узких, с цветным подбоем, и

цветной бумаги. Выбрали и бумагу, и конверты такие, каких не осталось больше в лавке, — предосторожность, придуманная Грушиною для сокрытия подделки. Узкие конверты выбрали для того, чтобы подделанное письмо легко входило в другое.

Вернувшись домой, к Грушиной, сочинили и письмо от княгини. Когда, через два дня, письмо было готово, его надушили шипром. Остальные конверты и бумагу сожгли, чтобы не осталось улик.

Грушина написала своей подруге, в какой именно день опустить письмо, — рассчитали, чтобы оно пришло в воскресенье: тогда почтальон принесет его при Передонове, и это будет лишним доказательством неподдельности письма.

Во вторник Передонов постарался пораньше вернуться из гимназии. Случай ему помог: последний урок его был в классе, дверь которого выходила в коридор близ того места, где висели часы и бодрствовал трезвонящий в положенные сроки сторож, бравый запасный унтер-офицер. Передонов послал сторожа в учительскую за классным журналом, а сам переставил часы на четверть часа вперед, — никто этого не заметил.

Дома Передонов отказался от завтрака и сказал, чтобы обед сделали позже, — ему-де нужно ходить по делам.

— Путают, путают, а я распутывай, — сердито сказал он, думая о кознях, которые строят ему враги.

Надел мало употребляемый им фрак, в котором уже было ему тесно и неловко: тело с годами добрело, фрак садился. Досадовал, что нет ордена. У других есть, — даже у Фаластова из городского училища есть, — а у него нет. Все директоровы штуки: ни разу не хотел представить. Чины идут, этого директор не может отнять,[58] — да что в них, коли никто не видит. Ну, да вот при новой форме будет видно. Хорошо, что там погоны будут по чину, а не по классу должности.[59] Это важно будет — погоны как у генерала и одна большая звездочка. Сразу всякий увидит, что идет по улице статский советник.[60]

«Надо поскорее заказать новую форму», — думал Передонов.

Он вышел на улицу и только тогда стал думать, с кого бы начать.

Кажется, самые необходимые в его положении люди — исправник и прокурор окружного суда. С них бы и следовало начать. Или с предводителя дворянства. Но начинать с них Передонову стало страшно. Предводитель Верига — генерал, метит в губернаторы. Исправник,[61] прокурор — это страшные представители полиции и суда.

«Для начала, — думал Передонов, — надо выбрать начальство попроще и там осмотреться, принюхаться, — видно будет, как относятся

к нему, что о нем говорят». Поэтому, решил Передонов, всего умнее начать с городского головы. Хотя он купец и учился всего только в уездном училище,[62] но все же он везде бывает, и у него все бывают, и он пользуется в городе уважением, а в других городах и даже в столице у него есть знакомые, довольно важные.

И Передонов решительно направился к дому городского головы.

Погода стояла пасмурная. Листья с деревьев падали покорные, усталые. Передонову было немного страшно.

В доме у городского головы пахло недавно натертыми паркетными полами и еще чем-то, еле заметно, приятно-съестным. Было тихо и скучно. Дети хозяиновы, сын гимназист и девочка подросток, — «она у меня под гувернанткой ходит», говорил отец, — чинно пребывали в своих покоях. Там было уютно, покойно и весело, окна смотрели в сад, мебель стояла удобная, игры разнообразные в горницах и в саду, детские звенели голоса.

В лицевых же на улицу покоях верхнего жилья, там, где принимались гости, все было вытянуто и жестко. Мебель красного дерева словно была увеличена во много раз по образцу игрушечной. Обыкновенным людям на ней сидеть было неудобно — сядешь, словно на камень повалишься. А грузный хозяин — ничего, сядет, примнет себе место и сидит с удобством. Навещавший голову почасту архимандрит подгородного монастыря называл эти кресла и диваны душеспасительными, на что голова отвечал:

— Да, не люблю я этих дамских нежностей, как в ином доме, сядешь на пружины и затрясешься, — сам трясешься, и мебель трясется, — что тут хорошего? А впрочем, и доктора мягкой мебели не одобряют.

Городской голова, Яков Аникиевич Скучаев, встретил Передонова на пороге своей гостиной. Это был мужчина толстый, высокий, черноволосый, коротко стриженный; держался он с достоинством и любезностью, не чуждой некоторой презрительности в отношении к людям малоденежным.

Усевшись торчком в широком кресле и ответив на первые любезные хозяиновы вопросы, Передонов сказал:

— А я к вам по делу.

— С удовольствием. Чем могу служить? — любезно осведомился хозяин.

В хитрых черных глазах его вспыхнул презрительный огонек. Он думал, что Передонов пришел просить денег в долг, и решил, что больше полутораста рублей не даст. Многие в городе чиновники должны были Скучаеву более или менее значительные суммы. Скучаев никогда не на-

поминал о возврате долга, но зато не оказывал дальнейшего кредита неисправным должникам. В первый же раз он давал охотно, по мере своей свободной наличности и состоятельности просителя.

— Вы, Яков Аникиевич, как городской голова, первое лицо в городе, — сказал Передонов, — так мне надо поговорить с вами.

Скучаев принял важный вид и слегка поклонился, сидя в кресле.

— Про меня в городе всякий вздор мелют, — угрюмо говорил Передонов, — чего и не было, наплетут.

— На чужой роток не накинешь платок, — сказал хозяин, — а впрочем, в наших палестинах, известно, кумушкам что и делать, как не язычки чесать.

— Говорят, что я в церковь не хожу, а это неправда, — продолжал Передонов, — я хожу. А что на Ильин день не был, так у меня тогда живот болел, а то я всегда хожу.

— Это точно, — подтвердил хозяин, — это могу сказать, случалось вас видеть. А впрочем, ведь я не всегда в вашу церковь хожу. Я больше в монастырь езжу. Так уж это у нас в роду повелось.

— Всякий вздор мелют, — говорил Передонов. — Говорят, будто бы я гимназистам гадости рассказываю. А это вздор. Конечно, иногда расскажешь на уроке что-нибудь смешное, чтоб оживить. У вас самого сын гимназист. Ведь он вам ничего такого про меня не рассказывал?

— Это точно, — согласился Скучаев, — ничего такого не было. А впрочем, ведь они, мальчишки, прехитрый народ, — чего не надо, того и не скажут. Оно, конечно, мой еще мал, сболтнул бы по глупости, однако ничего такого не сказывал.

— Ну, а в старших классах они сами все знают, — сказал Передонов, — да я и там худых слов не говорю.

— Уж это такое дело, — отвечал Скучаев, — известно, гимназия не базарная площадь.

— А у нас уж такой народ, — жаловался Передонов, — того наблекочут,[63] чего и не было. Так вот я к вам, — вы городской голова.

Скучаев был весьма польщен тем, что к нему пришли. Он не совсем понимал, для чего это и в чем тут дело, но из политики не показывал и вида, что не понимает.

— И еще про меня худо говорят, — продолжал Передонов, — что я с Варварой живу. Говорят, что она мне не сестра, а любовница. А она мне, ей-Богу, сестра, только дальняя, четвероюродная, на таких можно венчаться. Я с нею и повенчаюсь.

— Так-с, так-с, конечно, — сказал Скучаев, — а впрочем, венец делу конец.

— А раньше нельзя было, — говорил Передонов, — у меня важные причины были. Никак нельзя. А я бы давно повенчался. Уж вы мне поверьте.

Скучаев приосанился, нахмурился и, постукивая пальцами, пухлыми и белыми, по темной скатерти на столе, сказал:

— Я вам верю. Если так, то это, действительно, другой разговор. Теперь я вам верю. А то, признаться сказать, сомнительно было, как это вы с вашей, с позволения сказать, подругой не венчавшись живете. Оно сомнительно, знаете, потому — ребятенки — острый народ; они перенимают, если что худое. Доброму их трудно научить, а худое само. Так оно, точно, сомнительно было. А впрочем, кому какое дело, — я так об этом сужу. А что вы пожаловали, так это мне лестно, потому что мы хоть и лыком шиты, дальше уездного училища свету не видали, ну, а все-таки почтен доверием общества, третий срок головой хожу, так мое слово у господ горожан чего-нибудь да стоит.

Скучаев говорил, и все больше запутывался в своих мыслях, и ему казалось, что никогда не кончится ползущая с его языка канитель. И он оборвал свою речь и тоскливо подумал:

«А впрочем, ровно бы из пустого в порожнее переливаем. Беда с этими учеными, — думал он, — не поймешь, чего он хочет. В книгах-то ему все ясно, ученому человеку, а вот из книги нос вытащит, так и завязнет, и других завязит».

Он с тоскливым недоумением уставился на Передонова, острые глаза его потухли, тучное тело осунулось, и он казался уже не тем бодрым деятелем, как давеча, а просто глуповатым стариком.

Передонов тоже помолчал немного, как бы завороженный хозяиновыми словами, потом сказал, щуря глаза с неопределенно-хмурым выражением:

— Вы — городской голова, так вы можете сказать, что все это вздор.

— То есть это насчет чего же? — осторожно осведомился Скучаев.

— А вот, — объяснил Передонов, — если в округ донесут, что я в церковь не хожу, или там другое что, так вот, если приедут и спрашивать будут.

— Это мы можем, — сказал голова, — это уж вы, во всяком случае, будьте благонадежны. Если что, так уж мы за вас постоим, — отчего же за хорошего человека слова не замолвить. Хоть адрес вам от думы поднесем, если понадобится. Это мы все можем. Или, примерно, звание почетного гражданина, — отчего же, понадобится, все можно.

— Так уж я буду на вас надеяться, — сказал Передонов угрюмо, как бы отвечая на что-то не совсем приятное для него, — а то директор все меня притесняет.

— С-с, скажите! — воскликнул Скучаев, с соболезнованием покачивая головою, — не иначе как, так надо полагать, что по наговорам. Николай Власьевич, кажется, основательный господин, даром никого не обидит. Как же, по сыну вижу. Серьезный господин, строгий, поблажки не дает и различек не делает, одно слово, основательный господин. Не иначе что по наговорам. С чего же у вас с ним контры?

— Мы с ним во взглядах не сходимся, — объяснил Передонов. — И у меня в гимназии есть завистники. Все хотят быть инспекторами. А мне княгиня Волчанская обещала выхлопотать инспекторское место. Вот они и злятся от зависти.

— Так-с, так-с, — осторожно сказал Скучаев. — А, впрочем, что же это мы сухопутный разговор делаем. Надо закусить да выпить.

Скучаев нажал пуговку электрического звонка около висячей лампы.

— Удобная штука, — сказал он Передонову. — А вам бы в другое ведомство перейти следовало. Вы нам, Дашенька, соберите, — сказал он вошедшей на звонок миловидной девице атлетического сложения, — закусочки какой-нибудь да кофейку, горяченького, понимаете?

— Слушаю, — ответила Дашенька, улыбаясь, и ушла, ступая удивительно, по ее сложению, легко.

— В другое ведомство, — опять обратился Скучаев к Передонову. — Хотя бы в духовное, например. Если взять духовный сан, то священник из вас вышел бы серьезный, обстоятельный. Я могу посодействовать. У меня есть преосвященные хорошие знакомые.

Скучаев назвал несколько епархиальных и викарных епископов.[64]

— Нет, я не хочу в попы, — отвечал Передонов, — я ладану боюсь.[65] Меня тошнит от ладана, и голова болит.

— В таком разе в полицию тоже хорошо, — советовал Скучаев. — Поступите, например, в становые. На вас, позвольте узнать, какой чин?

— Я статский советник, — важно сказал Передонов.

— Вот как! — воскликнул Скучаев, — скажите, какие вам большие чины дают.[66] И это за то, что ребят обучаете? Скажите, что значит наука! А впрочем, хотя по нынешним временам иные господа нападают на науку, а без науки не проживешь. Вот я сам хоть только в уездном учился, а сына в университет направляю. Через гимназию, известно, почти силком ведешь, прутом, а там и сам пойдет. Я его, знаете, сечь никогда не секу, а только, как заленится или так в чем проштрафится, возьму за плечи, подведу к окну, — там у нас в саду березы стоят. Пока-

жу ему березу, — это, говорю, видишь? Вижу, папенька, вижу, говорит, больше не буду. И точно, помогает, заправится мальчуган, будто его и на самом деле постегали. Ох, дети, дети! — вздыхая, закончил Скучаев.

У Скучаева Передонов просидел часа два. После делового разговора последовало обильное угощение.

Скучаев угощал, — как и все, что делал, — весьма степенно, словно важным делом занимался. Притом он старался делать это с какими-нибудь хитрыми коленцами. Подавали глинтвейн в больших стаканах, совсем как кофе, и хозяин называл его кофейком. Рюмки для водки подали с отбитыми и обточенными донышками, чтоб их нельзя было поставить на стол.

— Это у меня называется: налей да выпей, — объяснил хозяин.

Пришел еще купец Тишков, седой, низенький, веселый и молодцеватый, в длинном сюртуке и сапогах бутылками. Он пил много водки, говорил под рифму всякий вздор очень весело и быстро[67] и, очевидно, был весьма доволен собою.

Передонов сообразил наконец, что пора идти домой, и стал прощаться.

— Не торопитесь, — говорил хозяин, — посидите.

— Посидите, компанию поддержите, — сказал Тишков.

— Нет, мне пора, — отвечал озабоченно Передонов.

— Ему пора, ждет сестра, — сказал Тишков и подмигнул Скучаеву.

— У меня дела, — сказал Передонов.

— У кого дела, тому от нас хвала, — немедленно же отвечал Тишков.

Скучаев проводил Передонова до передней. На прощанье обнялись и поцеловались. Передонов остался доволен этим посещением.

«Голова за меня», — уверенно думал он.

Вернувшись к Тишкову, Скучаев сказал:

— Зря болтают на человека.

— Зря болтают, правды не знают, — тотчас же подхватил Тишков, молодцевато наливая себе рюмку английской горькой.

Видно было, что он не думает о том, что ему говорят, а только ловит слова для рифмования.

— Он ничего, парень душевный, и выпить не дурак, — продолжал Скучаев, наливая и себе и не обращая внимания на рифмачество Тишкова.

— Если выпить не дурак, значит, парень так и сяк, — бойко крикнул Тишков и опрокинул рюмку в рот.

— А что с мамзелью вяжется, так это что же! — говорил Скучаев.
— От мамзели клопы в постели, — ответил Тишков.
— Кто Богу не грешен, царю не виноват!
— Все грешим, все любить хотим.
— А он хочет грех венцом прикрыть.
— Грех венцом прикроют, подерутся и завоют.

Так разговаривал Тишков всегда, если речь шла не о деле его собственном. Он бы смертельно надоел всем, но к нему привыкли и уже не замечали его бойко произносимых скороговорок; только на свежего человека иногда напустят его. Но Тишкову было все равно, слушают его или нет; он не мог не схватывать чужих слов для рифмачества и действовал с неуклонностью хитро придуманной машинки-докучалки. Долго глядя на его расторопные, отчетливые движения, можно было подумать, что это неживой человек, что он уже умер, или и не жил никогда, и ничего не видит в живом мире и не слышит ничего, кроме звенящих мертво слов.

IX

На другой день Передонов пошел к прокурору Авиновицкому.

Опять была пасмурная погода. Ветер налетал порывами и нес по улицам пыльные вихри. Близился вечер, и все освещено было просеянным сквозь облачный туман печальным, как бы не солнечным светом. Тоскою веяло затишье на улицах, и казалось, что ни к чему возникли эти жалкие здания, безнадежно-обветшалые, робко намекающие на таящуюся в их стенах нищую и скучную жизнь. Люди попадались, — и шли они медленно, словно ничто ни к чему их не побуждало, словно едва одолевали они клонящую их к успокоению дремоту. Только дети, вечные, неустанные сосуды Божьей радости над землею, были живы, и бежали, и играли, — но уже и на них налегала косность,[68] и какое-то безликое и незримое чудище, угнездясь за их плечьми, заглядывало порою глазами, полными угроз, на их внезапно тупеющие лица.

Среди этого томления на улицах и в домах, под этим отчуждением с неба, по нечистой и бессильной земле шел Передонов и томился неясными страхами, — и не было для него утешения в возвышенном и отрады в земном, — потому что и теперь, как всегда, смотрел он на мир мертвенными глазами, как некий демон, томящийся в мрачном одиночестве страхом и тоскою.

Его чувства были тупы, и сознание его было растлевающим и умертвляющим аппаратом. Все доходящее до его сознания претворялось в

мерзость и грязь. В предметах ему бросались в глаза неисправности и радовали его. Когда он проходил мимо прямостоящего и чистого столба, ему хотелось покривить его или испакостить. Он смеялся от радости, когда при нем что-нибудь пачкали. Чисто вымытых гимназистов он презирал и преследовал. Он называл их ласкомойками. Неряхи были для него понятнее. У него не было любимых предметов, как не было любимых людей, — и потому природа могла только в одну сторону действовать на его чувства, только угнетать их. Также и встречи с людьми. Особенно с чужими и незнакомыми, которым нельзя сказать грубость. Быть счастливым для него значило ничего не делать и, замкнувшись от мира, ублажать свою утробу.

А вот теперь приходится поневоле, — думал он, — идти и объясняться. Какая тягость! Какая докука! И еще если бы можно было напакостить там, куда он идет, а то нет ему и этого утешения.

Прокуроров дом усилил и определил в Передонове его тягостные настроения в чувстве тоскливого страха. И точно, этот дом имел сердитый, злой вид. Высокая крыша хмуро опускалась над окнами, пригнетенными к земле. И дощатая обшивка, и крыша были когда-то выкрашены ярко и весело, но от времени и дождей окраска стала хмурою и серою. Ворота, громадные и тяжелые, выше самого дома, как бы приспособленные для отражения вражьих нападений, постоянно были на запоре. За ними гремела цепь, и глухим басом лаяла собака на каждого прохожего.

Кругом тянулись пустыри, огороды, кривились лачуги какие-то. Против прокуророва дома — длинная шестиугольная площадь, посредине углубленная, заросшая травою, вся немощёная. У самого дома торчал фонарный столб, единственный на всей площади.

Передонов медленно, неохотно поднялся по четырем пологим ступенькам на крыльцо, покрытое дощатою двускатною кровелькою, и взялся за почернелую медную ручку от звонка. Звонок раздался где-то близко, с резким и продолжительным дребезжанием. Невдолге послышались крадущиеся шаги. Кто-то подошел к двери на цыпочках и остановился там тихо-тихо. Должно быть, смотрел в какую-нибудь незаметную щель. Потом загремел железный крюк, дверь открылась, — на пороге стояла черноволосая, угрюмая, рябая девица с подозрительно-озирающими все глазами.

— Вам кого? — спросила она.

Передонов сказал, что пришел к Александру Алексеевичу по делу. Девица его впустила. Переступая порог, Передонов зачурался про себя. И хорошо, что поспешил: не успел еще он снять пальто, как уже в гостиной послышался резкий, сердитый голос Авиновицкого. Голос у про-

курора всегда был устрашающий, — иначе он и не говорил. Так и теперь, сердитым и бранчивым голосом он еще из гостиной кричал приветствия и выражения радости по тому поводу, что наконец-то Передонов собрался к нему.

Александр Алексеевич Авиновицкий был мужчина мрачной наружности, как бы уж от природы приспособленный для того, чтобы распекать и разносить. Человек несокрушимого здоровья, — он купался ото льда до льда, — казался он, однако, худощавым, так сильно зарос он бородою, черною, с синеватым отливом. Он на всех наводил если не страх, то чувство неловкости, потому что, не уставая, кого-нибудь громил, кому-нибудь грозил Сибирью да каторгою.

— Я по делу, — сказал Передонов смущенно.

— С повинной? человека убили? поджог устроили? почту ограбили? — сердито закричал Авиновицкий, пропуская Передонова в зал. — Или сами стали жертвой преступления, что более чем возможно в нашем городе? Город у нас скверный, а полиция в нем еще хуже. Удивляюсь еще я, отчего на этой вот площади каждое утро мертвые тела не валяются. Ну-с, прошу садиться. Так какое же дело? преступник вы или жертва?

— Нет, — сказал Передонов, — я ничего такого не сделал. Это директор рад бы меня упечь, а я ничего такого.

— Так вы повинной не приносите? — спросил Авиновицкий.

— Нет, я ничего такого, — боязливо бормотал Передонов.

— Ну, а если вы ничего такого, — со свирепыми ударениями на словах сказал прокурор, — так я вам предложу чего-нибудь этакого.

Он взял со стола колокольчик и позвонил. Никто не шел. Авиновицкий схватил колокольчик в обе руки, поднял неистовый трезвон, потом бросил колокольчик на пол, застучал ногами и закричал диким голосом:

— Маланья! Маланья! черти, дьяволы, лешие!

Послышались неторопливые шаги, вошел гимназист, сын Авиновицкого, черноволосый коренастый мальчик, лет тринадцати, с весьма уверенными и самостоятельными повадками. Он поклонился Передонову, поднял колокольчик, поставил его на стол и уже потом сказал спокойно:

— Маланья на огород пошла.

Авиновицкий мгновенно успокоился и, глядя на сына с нежностью, столь не идущею к его обросшему и сердитому лицу, сказал:

— Так ты, сынок, добеги до нее, скажи, чтоб она собрала нам выпить и закусить.

Мальчик неторопливо пошел из горницы. Отец смотрел за ним с горделивою и радостною улыбкою. Но уже когда мальчик был в дверях, Авиновицкий вдруг свирепо нахмурился и закричал страшным голосом так, что Передонов вздрогнул:

— Живо!

Гимназист побежал, и слышно стало, как захлопали стремительно открытые и с треском закрытые двери. Отец послушал, радостно улыбнулся толстыми, красными губами, потом опять заговорил сердитым голосом:

— Наследник. Хорош, а? Что из него будет, а? Как вы полагаете? Дураком может быть, но подлецом, трусом, тряпкой — никогда.

— Да, что ж, — пробормотал Передонов.

— Нынче люди пошли — пародия на человеческую породу, — гремел Авиновицкий. — Здоровье пошлостью считают.[69] Немец фуфайку выдумал. Я бы этого немца в каторжные работы послал. Вдруг бы на моего Владимира фуфайку! Да он у меня в деревне все лето сапог ни разу не надел, а ему фуфайку! Да он у меня из бани на мороз нагишом выбежит да на снегу поваляется, а ему фуфайку. Сто плетей проклятому немцу!

От немца, выдумавшего фуфайку, перешел Авиновицкий к другим преступникам.

— Смертная казнь, милостивый государь, не варварство! — кричал он. — Наука признала, что есть врожденные преступники. Этим, батенька, все сказано. Их истреблять надо, а не кормить на государственный счет.[70] Он злодей, а ему на всю жизнь обеспечен теплый угол в каторжной тюрьме. Он убил, поджег, растлил, а плательщик налогов отдувается своим карманом на его содержание. Нет-с, вешать много справедливее и дешевле.

В столовой накрыт был круглый стол белою, с красною каемкою скатертью, и на нем расставлены тарелки с жирными колбасами и другими снедями, солеными, копчеными, маринованными, и графины и бутылки разных калибров и форм со всякими водками, настойками и наливками. Все было по вкусу для Передонова, и даже некоторая неряшливость убранства была ему мила.

Хозяин продолжал громить. По поводу съестного обрушился на лавочников, а затем заговорил почему-то о наследственности.

— Наследственность великое дело! — свирепо кричал он. — Из мужиков в баре выводить — глупо, смешно, нерасчетливо и безнравственно. Земля скудеет, города наполняются золоторотцами,[71] неурожаи, невежество, самоубийства, — это вам нравится? Учите мужика, сколь-

ко хотите, но не давайте ему чинов за это. А то крестьянство теряет лучших членов, и вечно останется черныю, быдлом, а дворянство тоже терпит ущерб от прилива некультурных элементов. У себя в деревне он был лучше других, а в дворянское сословие он вносит что-то грубое, нерыцарское, неблагородное. На первом плане у него нажива, утробные интересы. Нет-с, батенька, касты были мудрое устройство.

— Да, вот и у нас в гимназии директор всякую шушеру пускает, — сердито сказал Передонов, — даже есть крестьянские дети, а мещан даже много.

— Хорошее дело, нечего сказать! — крикнул хозяин.

— Есть циркуляр, чтоб всякой швали не пускать,[72] а он по-своему, — жаловался Передонов, — почти никому не отказывает. У нас, говорит, дешевая жизнь в городе, а гимназистов, говорит, и так мало. Что ж, что мало? И еще бы пусть было меньше. А то одних тетрадок не напоправляешься. Книги некогда прочесть. А они нарочно в сочинениях сомнительные слова пишут, — всё с Гротом приходится справляться.[73]

— Выпейте ерофеичу,[74] — предложил Авиновицкий. — Какое же у вас до меня дело?

— У меня враги есть, — пробормотал Передонов, уныло рассматривая рюмку с желтою водкою, прежде чем выпить ее.

— Без врагов свинья жила, — отвечал Авиновицкий, — да и ту зарезали. Кушайте, хорошая была свинья.

Передонов взял кусок ветчины и сказал:

— Про меня распускают всякую ерунду.

— Да, уж могу сказать, по части сплетен хуже нет города! — свирепо закричал хозяин. — Уж и город! Какую гадость ни сделай, сейчас все свиньи о ней захрюкают.

— Мне княгиня Волчанская обещала инспекторское место выхлопотать, а тут вдруг болтают. Это мне повредить может. А все из зависти. Тоже и директор, распустил гимназию, — гимназисты, которые на квартирах живут, курят, пьют, ухаживают за гимназистками. Да и здешние такие есть. Сам распустил, а вот меня притесняет. Ему, может быть, наговорили про меня. А там и дальше пойдут наговаривать. До княгини дойдет.

Передонов длинно и нескладно рассказывал о своих опасениях. Авиновицкий слушал сердито и по временам восклицал гневно:

— Мерзавцы! Шельмецы! Иродовы дети!

— Какой же я нигилист? — говорил Передонов, — даже смешно. У меня есть фуражка с кокардою, а только я ее не всегда надеваю, — так и он шляпу носит.[75] А что у меня Мицкевич висит, так я его за

стихи повесил, а не за то, что он бунтовал. А я и не читал его «Колокола».

— Ну, это вы из другой оперы хватили, — бесцеремонно сказал Авиновицкий. — «Колокол» Герцен издавал, а не Мицкевич.

— То другой «Колокол», — сказал Передонов, — Мицкевич тоже издавал «Колокол».

— Не знаю-с. Это вы напечатайте. Научное открытие. Прославитесь.

— Этого нельзя напечатать, — сердито сказал Передонов. — Мне нельзя запрещенные книги читать. Я и не читаю никогда. Я — патриот.

После долгих сетований, в которых изливался Передонов, Авиновицкий сообразил, что кто-то пытается шантажировать Передонова и с этою целью распускает о нем слухи с таким расчетом, чтобы запугать его и тем подготовить почву для внезапного требования денег. Что эти слухи не дошли до Авиновицкого, он объяснил себе тем, что шантажист ловко действует в самом близком к Передонову кругу, — ведь ему же и нужно воздействовать лишь на Передонова. Авиновицкий спросил:

— Кого подозреваете?

Передонов задумался. Случайно подвернулась на память Грушина, смутно припомнился недавний разговор с нею, когда он оборвал ее рассказ угрозою донести. Что это он погрозил доносом Грушиной, спуталось у него в голове в тусклое представление о доносе вообще. Он ли донесет, на него ли донесут, — было неясно, и Передонов не хотел сделать усилия припомнить точно, — ясно было одно, что Грушина — враг. И что хуже всего, она видела, куда он прятал Писарева. Надо будет перепрятать.

Передонов сказал:

— Вот Грушина тут есть такая.

— Знаю, шельма первостатейная, — кратко решил Авиновицкий.

— Она всё к нам ходит, — жаловался Передонов, — и все вынюхивает. Она жадная, ей все давай. Может быть, она хочет, чтоб я ей деньгами заплатил, чтоб она не донесла, что у меня Писарев был. А может быть, она хочет за меня замуж. Но я не хочу платить, и у меня есть другая невеста, пусть доносит, я не виноват. А только мне неприятно, что выйдет история, и это может повредить моему назначению.

— Она известная шарлатанка, — сказал прокурор. — Она тут гаданьем занялася было, дураков морочила, да я сказал полиции, что это надо прекратить. На этот раз были умны, послушались.

— Она и теперь гадает, — сказал Передонов, — на картах мне раскидывала, все дальняя дорога выходила да казенное письмо.

— Она знает, кому что сказать. Вот, погодите, она будет петли метать, а потом и пойдет деньги вымогать. Тогда вы прямо ко мне. Я ей всыплю сто горячих, — сказал Авиновицкий любимую свою поговорку.

Не следовало принимать ее буквально, — это обозначало просто изрядную головомойку.

Так обещал Авиновицкий свою защиту Передонову. Но Передонов ушел от него, волнуемый неопределенными страхами; их укрепили в нем громкие, грозные речи Авиновицкого.

Каждый день так делал Передонов по одному посещению перед обедом, — больше одного не успевал, потому что везде надо было вести обстоятельные объяснения. Вечером, по обыкновению, отправлялся играть на билиарде.

По-прежнему ворожащими зовами заманивала его Вершина, попрежнему Рутилов выхвалял сестер. Дома Варвара уговаривала его скорее венчаться, — но никакого решения не принимал он. Конечно, думал он иногда, жениться бы на Варваре всего выгоднее, — ну, а вдруг княгиня обманет? В городе станут смеяться, думал он, и это останавливало его.

Преследование невест, зависть товарищей, более сочиненная им самим, чем действительная, чьи-то подозреваемые им козни, — все это делало его жизнь скучною и печальною, как эта погода, которая несколько дней подряд стояла хмурая и часто разрешалась медленными, скупыми, но долгими и холодными дождями. Скверно складывалась жизнь, чувствовал Передонов, — но он думал, что вот скоро сделается он инспектором, и тогда все переменится к лучшему.

X

В четверг Передонов отправился к предводителю дворянства.

Предводителев дом напоминал поместительную дачу где-нибудь в Павловске или в Царском Селе, дачу, вполне пригодную и для зимнего жилья. Не била в глаза роскошь, но новизна многих вещей казалась преувеличенно-излишнею.

Александр Михайлович Верига ждал Передонова в кабинете. Он сделал так, как будто торопится идти навстречу гостю и только случайно не успел встретить его раньше.

Верига держался необычайно прямо, даже и для отставного кавалериста. Говорили, что он носит корсет. Лицо, гладко выбритое, было однообразно румяно, как бы подкрашено. Голова острижена под самую низкостригущую машинку — прием, удобный для смягчения плеши. Глаза серые, любезные и холодные. В обращении он был со всеми весьма любезен, во взглядах решителен и строг. Во всех движениях чувствовалась хорошая военная выправка, и замашки будущего губернатора иногда проглядывали.

Передонов объяснял ему, сидя против него у дубового резного стола:

— Вот обо мне всякие слухи ходят, так я, как дворянин, обращаюсь к вам. Про меня всякий вздор говорят, ваше превосходительство, чего и не было.

— Я ничего не слышал, — отвечал Верига и, выжидательно и любезно улыбаясь, упирал в Передонова серые внимательные глаза.

Передонов упорно смотрел в угол и говорил:

— Социалистом я никогда не был, а что там иной раз, бывало, скажешь лишнее, так ведь это в молодые годы кто не кипятится. А теперь я ничего такого не думаю.

— Так вы таки были большим либералом? — с любезною улыбкою спросил Верига. — Конституции желали, не правда ли? Все мы в молодости желали конституции. Не угодно ли?

Верига подвинул Передонову ящик с сигарами. Передонов побоялся взять и отказался; Верига закурил.

— Конечно, ваше превосходительство, — признался Передонов, — в университете и я, но только я и тогда хотел не такой конституции, как другие.

— А именно? — с оттенком приближающегося неудовольствия в голосе спросил Верига.

— А чтоб была конституция, но только без парламента, — объяснил Передонов, — а то в парламенте только дерутся.

Веригины серые глаза засветились тихим восторгом.

— Конституция без парламента! — мечтательно сказал он. — Это, знаете ли, практично.

— Но и то это давно было, — сказал Передонов, — а теперь я ничего.

И он с надеждою посмотрел на Веригу. Верига выпустил изо рта тоненькую струйку дыма, помолчал и сказал медленно:

— Вот вы — педагог, а мне приходится, по моему положению в уезде, иметь дело и со школами. С вашей точки зрения вы каким шко-

лам изволите отдавать предпочтение: церковно ли приходским или этим, так называемым земским?[76]

Верига отряхнул пепел с сигары и прямо уставился в Передонова любезным, но слишком внимательным взором. Передонов нахмурился, глянул по углам и сказал:

— Земские школы надо подтянуть.

— Подтянуть, — неопределенным тоном повторил Верига, — так-с.

И он опустил глаза на свою тлеющую сигару, словно приготовляясь слушать долгие объяснения.

— Там учителя нигилисты, — говорил Передонов, — а учительницы в Бога не верят. Они в церкви стоят — и сморкаются.

Верига быстро глянул на Передонова, улыбнулся и сказал:

— Ну это, знаете ли, иногда необходимо.

— Да, но она точно в трубу, так что певчие смеются, — сердито говорил Передонов. — Это она нарочно. Это Скобочкина такая есть.

— Да, это нехорошо, — сказал Верига. — Но у Скобочкиной это больше от невоспитанности. Она девица вовсе без манер, но учительница усердная. Но, во всяком случае, это нехорошо. Надо ей сказать.

— Она и в красной рубахе ходит. А иногда так даже босая ходит, и в сарафане. С мальчишками в козны играет.[77] У них в школах очень вольно, — продолжал Передонов — никакой дисциплины. Они совсем не хотят наказывать.[78] А с мужицкими детьми так нельзя, как с дворянскими. Их стегать надо.

Верига спокойно посмотрел на Передонова, потом, как бы испытывая неловкость от услышанной им бестактности, опустил глаза и сказал холодным, почти губернаторским тоном:

— Должен сказать, что в учениках сельских школ я наблюдал многие хорошие качества.[79] Несомненно, что в громадном большинстве случаев они вполне добросовестно относятся к своей работе. Конечно, как и везде у детей, бывают проступки. Вследствие неблаговоспитанности окружающей среды, эти проступки могут принять там довольно грубые формы,[80] тем более что в сельском населении России вообще мало развиты чувства долга и чести и уважение к чужой собственности. Школа обязана к таким проступкам относиться внимательно и строго. Если все меры внушения исчерпаны или если проступок велик, то, конечно, следовало бы, чтобы не увольнять мальчика, прибегать и к крайним мерам.[81] Впрочем, это относится и ко всем детям, даже и к дворянским. Но я вообще согласен с вами в том, что в школах этого типа воспитание по-

ставлено не совсем удовлетворительно. Госпожа Штевен в своей — весьма, кстати, интересной книге,[82] — вы изволили читать?

— Нет, ваше превосходительство, — смущенно сказал Передонов, — мне все некогда было, много работы в гимназии. Но я прочту.

— Ну, это не так необходимо, — с любезною улыбкою сказал Верига, словно разрешая Передонову не читать этой книги. — Да, так вот госпожа Штевен рассказывает с большим возмущением, как двух ее учеников, парней лет по семнадцати, волостной суд приговорил к розгам. Они, видите ли, гордые, эти парни, — да мы, изволите ли видеть, намучились все, пока над ними тяготел позорный приговор, — его потом отменили. А я вам скажу, что на месте госпожи Штевен я постеснялся бы рассказывать на всю Россию об этом происшествии: ведь осудили-то их, можете себе представить, за кражу яблок. Прошу заметить, за кражу! А она еще пишет, что это ее самые хорошие ученики. А яблоки, однако, украли! Хорошо воспитание![83] Остается только откровенно признаться, что право собственности мы отрицаем.

Верига в волнении поднялся с места, сделал шага два, но тотчас же овладел собою и опять сел.

— Вот, если я сделаюсь инспектором народных училищ, я иначе поведу дело, — сказал Передонов.

— А, вы имеете в виду? — спросил Верига.

— Да, княгиня Волчанская мне обещала.

Верига сделал любезное лицо.

— Мне приятно будет вас поздравить. Не сомневаюсь, что в ваших руках дело выиграет.

— А вот тут, ваше превосходительство, в городе болтают всякие пустяки, — еще, может быть, кто-нибудь донесет в округ, помешают моему назначению, а я ничего такого.

— Кого же вы подозреваете в распространении ложных слухов? — спросил Верига.

Передонов растерялся и забормотал:

— Кого же подозревать? Я не знаю. Говорят. А я, собственно, потому, что это может мне повредить по службе.

Верига подумал, что ему и не надо знать, кто именно говорит: ведь он еще не губернатор. Он опять вступил в роль предводителя и произнес речь, которую Передонов выслушал, страшась и тоскуя:

— Я благодарю вас за доверие, которое вы оказали мне, прибегая к моему (Верига хотел сказать «покровительству», но воздержался) посредничеству между вами и обществом, в котором, по вашим сведениям,

ходят неблагоприятные для вас слухи. До меня эти слухи не дошли, и вы можете утешать себя тем, что распространяемые на ваш счет клеветы не осмеливаются подняться из низин городского общества и, так сказать, пресмыкаются во тьме и тайне. Но мне очень приятно, что вы, состоя на службе по назначению, однако столь высоко оцениваете одновременно и значение общественного мнения, и достоинство занимаемого вами положения в качестве воспитателя юношества, одного из тех, просвещенным попечениям которых мы, родители, доверяем драгоценнейшее наше достояние, наших детей, наследников нашего имени и нашего дела. Как чиновник, вы имеете своего начальника в лице вашего достоуважаемого директора, но, как член общества и дворянин, вы всегда вправе рассчитывать на... содействие предводителя дворянства в вопросах, касающихся вашей чести, вашего человеческого и дворянского достоинства.

Продолжая говорить, Верига встал и, упруго упираясь в край стола пальцами правой руки, глядел на Передонова с тем безлично-любезным и внимательным выражением, с которым смотрят на толпу, произнося благосклонно-начальнические речи. Встал и Передонов и, сложа руки на животе, угрюмо смотрел на ковер под хозяиновыми ногами. Верига говорил:

— Я рад, что вы обратились ко мне, и потому, что в наше время особенно полезно членам первенствующего сословия всегда и везде прежде всего помнить, что они дворяне, дорожить принадлежностью к этому сословию, — не только правами, но и обязанностями и честью дворянина. Дворяне в России, как вам, конечно, известно, сословие, по преимуществу, служилое. Строго говоря, все государственные должности, кроме самых низших, разумеется, должны находиться в дворянских руках. Нахождение разночинцев на государственной службе составляет, конечно, одну из причин таких нежелательных явлений, как то, которое возмутило ваше спокойствие. Клевета и кляуза — орудие людей низшей породы, не воспитанных в добрых дворянских традициях. Но я надеюсь, что общественное мнение выскажется ясно и громко в вашу пользу, и вы можете вполне рассчитывать на все мое содействие в этом отношении.

— Покорно благодарю, ваше превосходительство, — сказал Передонов, — так уж я буду надеяться.

Верига любезно улыбнулся и не садился, давая понять, что разговор окончен. Сказав свою речь, он вдруг почувствовал, что это вышло вовсе некстати и что Передонов не кто иной, как трусливый искатель хорошего места, обивающий пороги в поисках покровительства. Он отпустил

Передонова с холодным пренебрежением, которое привык чувствовать к нему за его непорядочную жизнь.

Одеваясь при помощи лакея в прихожей и слыша доносящиеся издали звуки рояля, Передонов думал, что в этом доме живут по-барски, гордые люди, высоко себя ставят. «В губернаторы метит», — с почтительным и завистливым удивлением думал Передонов.

На лестнице встретились ему возвращавшиеся с прогулки маленькие два предводителевы сына со своим наставником. Передонов посмотрел на них с сумрачным любопытством.

«Чистые какие, — думал он, — даже в ушах ни грязинки. И бойкие такие, а сами, небось, вышколенные, по струнке ходят. Пожалуй, — думал Передонов, — их никогда и не стегают».

И сердито посмотрел им вслед Передонов, а они быстро подымались по лестнице и весело разговаривали. И дивило Передонова, что наставник был с ними как равный, не хмурился и не кричал на них.

Когда Передонов вернулся домой, он застал Варвару в гостиной с книгою в руках, что бывало редко. Варвара читала поваренную книгу, — единственную, которую она иногда открывала. Книга была старая, трепаная, в черном переплете. Черный переплет бросился в глаза Передонову и привел его в уныние.

— Что ты читаешь, Варвара? — сердито спросил он.

— Что? Известно что, — поварскую книгу, — отвечала Варвара. — Мне пустяков некогда читать.

— Зачем поварская книга? — с ужасом спросил Передонов.

— Как зачем? Кушанье буду готовить, тебе же, ты все привередничаешь, — объясняла Варвара, усмехаючись горделиво и самодовольно.

— По черной книге я не стану есть! — решительно заявил Передонов, быстро выхватил из рук у Варвары книгу и унес ее в спальню.

«Черная книга! Да еще по ней обеды готовить! — думал он со страхом. — Того только недоставало, чтобы его открыто пытались извести чернокнижием! Необходимо уничтожить эту страшную книгу», — думал он, не обращая внимания на дребезжащее Варварино ворчанье.

В пятницу Передонов был у председателя земской управы.

В этом доме все говорило, что здесь хотят жить попросту, по-хорошему, и работать на общую пользу. В глаза метались многие вещи, напоминающие о деревенском и простом: кресло с дугою-спинкою и топориками-ручками, чернильницы в виде подковы, пепельница-лапоть. В зале много мерочек — на окнах, на столах, на полу — с образцами раз-

ного зерна, и кое-где куски «голодного» хлеба[84] — скверные глыбы, похожие на торф. В гостиной рисунки и модели сельскохозяйственных машин. Кабинет загромождали шкапы с книгами о сельском хозяйстве и о школьном деле. На столе — бумаги, печатные отчеты, картонки с какими-то разной величины карточками. Много пыли, и ни одной картины.

Хозяин, Иван Степанович Кириллов, очень беспокоился, как бы, с одной стороны, быть любезным — европейски-любезным, но, с другой стороны, не уронить своего достоинства хозяина в уезде. Он весь был странный и противоречивый, как бы спаянный из двух половинок. По всей его обстановке было видно, что он много и с толком работает. А на него самого посмотришь, и кажется, что вся эта земская деятельность для него только лишь забава и ею занят он пока, а настоящие его заботы где-то впереди, куда порою устремлялись его бойкие, но как бы неживые, оловянного блеска глаза. Как будто кем-то вынута из него живая душа и положена в долгий ящик, а на место ее вставлена неживая, но сноровистая суетилка.

Он был невелик ростом, тонок, моложав, — так моложав и румян, что подчас казался мальчиком, приклеившим бороду и перенявшим от взрослых, довольно удачно, их повадки. Движения у него были отчетливые и быстрые. Здороваясь, он проворно кланялся, и шаркал, и скользил на подошвах щегольских башмачков. Одежду его хотелось назвать костюмчиком: серенькая курточка, батистовая некрахмаленая сорочка с отложными воротничками, веревочный синий галстук, узенькие брючки, серые чулочки. И разговор его, всегда отменно-вежливый, был тоже каким-то двояким: говорит себе степенно, — и вдруг детски простодушная улыбка, какая-нибудь мальчишеская ухватка, а через минуту, глядишь, опять уймется и скромничает.

Жена его, женщина тихая и степенная, казавшаяся старше мужа, несколько раз при Передонове входила в кабинет и каждый раз спрашивала у мужа каких-то точных сведений об уездных делах.

Хозяйство у них в городе шло запутанно — постоянно приходили по делу и постоянно пили чай. И Передонову, едва он уселся, принесли стакан не очень теплого чая и булок на тарелке.

До Передонова уже сидел гость. Передонов его знал, — да и кто в нашем городе кого не знает? Все друг другу знакомы, — только иные раззнакомились, поссорясь.

То был земский врач Георгий Семенович Трепетов, маленький — еще меньше Кириллова — человек с прыщавым лицом, остреньким и незначительным. На нем были синие очки, и смотрел он всегда вниз

или в сторону, как бы тяготясь смотреть на собеседника. Он был необыкновенно честен и никогда не поступился ни одною своею копейкою в чужую пользу. Всех находящихся на казенной службе он глубоко презирал: еще руку подаст при встрече, но от разговора упрямо уклонялся. За это он слыл светлою головою, — как и Кириллов, — хотя знал мало и лечил плохо. Все собирался опроститься — и с этою целью присматривался, как мужики сморкаются, чешут затылки, утирают ладонью губы, — и сам наедине подражал им иногда, — но все откладывал опрощение до будущего лета.

Передонов и здесь повторил все привычные ему за последние дни пени на городские сплетни, на завистников, которые хотят помешать ему достигнуть инспекторского места. Кириллов сперва почувствовал себя польщенным этим обращением к нему. Он восклицал:

— Да, вот вы теперь видите, какова провинциальная среда? Я всегда говорил, что единственное спасение для мыслящих людей сплотиться, — и я радуюсь, что вы пришли к тому же убеждению.

Трепетов сердито и обиженно фыркнул. Кириллов посмотрел на него боязливо. Трепетов презрительно сказал:

— Мыслящие люди! — и опять фыркнул.

Потом, помолчав немного, заговорил тоненьким, обиженным голосом:

— Не знаю, могут ли мыслящие люди служить затхлому классицизму![85]

Кириллов нерешительно сказал:

— Но вы, Георгий Семенович, не берете в расчет, что не всегда от человека зависит избрать свою деятельность. Трепетов презрительно фыркнул, чем окончательно сразил любезного Кириллова, и погрузился в глубокое молчание.

Кириллов обратился к Передонову. Услышав, что тот говорит об инспекторском месте, Кириллов забеспокоился. Ему показалось, что Передонов хочет быть инспектором в нашем уезде. А в уездном земстве назревало предположение учредить должность своего инспектора училищ, выбираемого земством и утверждаемого учебным начальством.

Тогда инспектор Богданов, имевший в своем ведении школы трех уездов, переселился бы в один из соседних городов, и школы нашего уезда перешли бы к новому инспектору. Для этой должности был у земцев на примете человек, наставник учительской семинарии[86] в ближайшем городке Сафате.[87]

— Там у меня есть протекция, — говорил Передонов, — а только вот здесь директор пакостит, да и другие тоже. Всякую ерунду рас-

пускают. Так уж в случае каких справок обо мне, я вот вас предупреждаю, что это все вздор обо мне говорят. Вы этим господам не верьте.

Кириллов отвечал поспешно и бойко:

— Мне, Ардальон Борисыч, нет времени особенно углубляться в городские отношения и слухи, я по горло завален делом. Если бы жена не помогала, то я не знаю, как бы справился. Я нигде не бываю, никого не вижу, ничего не слышу. Но я вполне уверен, что все это, что о вас говорят, — я ничего не слышал, поверьте чести, — все это вздор, вполне верю. Но это место не от одного меня зависит.

— Вас могут спросить, — сказал Передонов.

Кириллов посмотрел на него с удивлением и сказал:

— Еще бы не спросили, конечно, спросят. Но дело в том, что мы имеем в виду...

В это время на пороге показалась госпожа Кириллова и сказала:

— Иван Степаныч, на минутку.

Муж вышел к ней. Она озабоченно зашептала:

— Я думаю, что этому субъекту лучше не говорить, что мы имеем в виду Красильникова. Этот субъект мне подозрителен, — он что-нибудь нагадит Красильникову.

— Ты думаешь? — проворно прошептал Кириллов. — Да, да, пожалуй. Так неприятно.

Он схватился за голову. Жена посмотрела на него с деловитым сочувствием и сказала:

— Лучше совсем ничего ему об этом не говорить, как будто и места нет.

— Да, да, ты права, — шептал Кириллов. — Но я побегу. Неловко.

Он побежал в кабинет и там стал усиленно шаркать и сыпать любезные слова Передонову.

— Так уж вы, если что... — начал Передонов.

— Будьте спокойны, будьте спокойны, буду иметь в виду, — быстро говорил Кириллов. — Мы это еще не вполне решили, этот вопрос.

Передонов не понимал, о каком вопросе говорит Кириллов, и чувствовал тоску и страх. А Кириллов говорил:

— Мы составляем школьную сеть. Из Петербурга выписали специалиста. Целое лето работали. Девятьсот рублей это нам обошлось. К земскому собранию готовим. Удивительно тщательная работа, — подсчитаны все расстояния, намечены все школьные пункты.

И Кириллов долго и подробно рассказывал о школьной сети, то есть о разделении уезда на такие мелкие участки, со школою в каждом, что-

бы из каждого селения школа была недалеко. Передонов ничего не понимал и запутывался тугими мыслями в словесных петлях сети, которую бойко и ловко плел перед ним Кириллов.

Наконец, он распрощался и ушел, безнадежно тоскуя. В этом доме, думал он, его не захотели ни понять, ни даже выслушать. Хозяин молол что-то непонятное, Трепетов почему-то сердито фыркал, хозяйка приходила, не любезничала и уходила, — странные люди живут в этом доме, думал Передонов. — Потерянный день!

XI

В субботу Передонов собрался идти к исправнику. Этот хоть и не такая важная птица, как предводитель дворянства, — думал Передонов, — однако может навредить больше всех, а захочет, так он же может и помочь своим отзывом перед начальством. Полиция — важное дело.

Передонов вынул из картонки шапку с кокардою. Он решил, что отныне будет носить только ее. Хорошо директору носить шляпу, — он на хорошем счету у начальства, а Передонову еще надо добиться инспекторского места; нечего рассчитывать на протекцию, надо и самому во всем показывать себя с наилучшей стороны. Уже несколько дней назад, перед тем как начать свои походы по властям, он думал это, да только под руку попадалась шляпа. Теперь же Передонов устроился иначе: он шляпу швырнул на печь, — так-то вернее не попадется.

Варвары не было дома. Клавдия мыла полы в горницах. Передонов вошел в кухню вымыть руки. На столе увидел он сверток синей бумаги, и из него высыпалось несколько изюминок. Это был фунт изюма, купленный для булки к чаю, — ее пекли дома. Передонов принялся есть изюм, как он был, немытый и нечищеный, и съел весь фунт быстро и жадно, стоя у стола, озираясь на дверь, чтобы Клавдия не вошла невзначай. Потом он тщательно свернул толстую синюю обертку, под сюртуком вынес ее в переднюю, и там положил в карман пальто, чтобы на улице выбросить и таким способом уничтожить следы.

Он ушел. А Клавдия скоро хватилась изюма, испугалась, принялась искать, — и не нашла. Варвара вернулась, узнала о пропаже изюма и накинулась на Клавдию с бранью: она была уверена, что Клавдия съела изюм.

На улице было ветрено и тихо. Лишь изредка набегали тучки. Лужи подсыхали. Небо бледно радовалось. Но тоскливо было на душе у Передонова.

По дороге он зашел к портному, поторопить его, — скорее бы шил заказанную третьего дня новую форму.

Проходя мимо церкви, Передонов снял шапку и трижды перекрестился, истово и широко, чтобы видели все, кто мог бы увидеть проходившего мимо церкви будущего инспектора. Прежде он этого не делал, но теперь надо держать ухо востро. Может быть, сзади идет себе тишком какой-нибудь соглядатай, или за углом, за деревом таится кто-нибудь[88] и наблюдает.

Исправник жил на одной из дальних городских улиц. В воротах, распахнутых настежь, попался Передонову городовой, — встреча, наводившая в последние дни на Передонова уныние. На дворе видно было несколько мужиков, но не таких, как везде, — эти были какие-то особенные, необыкновенно смирные и молчаливые. Грязно было на дворе. Стояли телеги, покрытые рогожею.

В темных сенях попался Передонову еще один городовой, низенький, тощий человек вида исполнительного, но все же унылого. Он стоял неподвижно и держал под мышкой книгу в кожаном черном переплете. Отрепанная босая девица выбежала из боковой двери, стащила пальто с Передонова и провела его в гостиную, приговаривая:

— Пожалуйте, Семен Григорьевич сейчас выйдут.

В гостиной были низкие потолки. Они давили Передонова. Мебель тесно жалась к стенке. На полу лежали веревочные маты. Справа и слева из-за стены слышались шепоты и шорохи. Из дверей выглядывали бледные женщины и золотушные мальчики, все с жадными, блестящими глазами. Из шепота иногда выделялись вопросы и ответы погромче:

— Принес...

— Куда нести?

— Куда поставить прикажете?

— От Ермошкина, Сидор Петровича.

Скоро вышел исправник. Он застегивал мундирный сюртук и сладко улыбался.

— Извините, что задержал, — сказал он, пожимая руку Передонова обеими своими большими и загребистыми руками, — там разные посетители по делам. Служба наша такая, не терпит отлагательства.

Семен Григорьевич Миньчуков, мужчина длинный, плотный, черноволосый, с облезлыми посередине головы волосами, держался слегка сгибаясь, руки вниз, пальцы грабельками. Он часто улыбался с таким видом, точно сейчас съел что-то запрещенное, но приятное, и теперь облизывался. Губы у него ярко-красные, толстые, нос мясистый, лицо вожделеющее, усердное и глупое.

Передонова смущало все, что он здесь видел и слышал. Он бормотал несвязные слова и, сидя на кресле, старался держать шапку так, чтобы исправник видел кокарду. Миньчуков сидел против него, по другую сторону стола, совершенно прямо, улыбался все так же сладко, а загребистые руки его тихонько двигались на коленях, сжимались и разжимались.

— Болтают нивесть что, — говорил Передонов, — чего и не было. А я и сам могу донести. Я ничего такого, а за ними я знаю. Только я не хочу. Они за глаза всякую ерунду городят, а в глаза смеются. Согласитесь сами, в моем положении это щекотливо. У меня протекция, а они гадят. Они совершенно напрасно меня выслеживают, только время теряют, а меня стесняют. Куда ни пойдешь, а уж по всему городу известно. Так уж я надеюсь, что в случае чего вы меня поддержите.

— Как же, как же, помилуйте, с величайшим удовольствием, — сказал Миньчуков, простирая вперед свои широкие ладони, — конечно, мы, полиция, должны знать, если за кем есть что-нибудь неблагонадежное или нет.

— Мне, конечно, наплевать, — сердито сказал Передонов, — пусть бы болтали, да боюсь, что они мне нагадят в моей службе. Они хитрые. Вы не смотрите, что они все болтают, хоть, например, Рутилов. А вы почем знаете, может, он под казначейство подкоп ведет. Так это с больной головы на здоровую.

Миньчукову казалось сначала, что Передонов подвыпил и мелет вздор. Потом, вслушавшись, он сообразил, что Передонов жалуется на кого-то, кто на него клевещет, и просит принять какие-нибудь меры.

— Молодые люди, — продолжал Передонов, думая о Володине, — а много о себе думают. Против других умышляют, а и сами-то нечисты. Молодые люди, известно, увлекаются. Иные и в полиции служат, а тоже туда же суются.

И он долго говорил о молодых людях, но почему-то не хотел назвать Володина. Про полицейских же молодых людей он сказал на всякий случай, чтобы Миньчуков понял, что у него и относительно служащих в полиции есть кое-какие неблагоприятные сведения. Миньчуков решил, что Передонов намекает на двух молодых чиновников полицейского управления: молоденькие, смешливые, ухаживают за барышнями. Смущение и явный страх Передонова заражали невольно и Миньчукова.

— Я буду следить, — сказал он озабоченно, на минуту призадумался и опять начал сладко улыбаться. — Два есть у меня молоденьких

чиновничка, совсем еще желтогубые. Одного из них мамаша, поверите ли, в угол ставит, ей-Богу.

Передонов отрывисто захохотал.

Между тем Варвара побывала у Грушиной, где узнала поразившую ее новость.

— Душенька Варвара Дмитриевна, — торопливо заговорила Грушина, едва только Варвара переступила порог ее дома, — какую я вам новость скажу, вы просто ахнете.

— Ну, какая там новость? — ухмыляясь, спросила Варвара.

— Нет, вы только подумайте, какие есть на свете низкие люди! На какие штуки идут, чтобы только достичь своей цели!

— Да в чем дело-то?

— Ну вот, постойте, я вам расскажу.

Но хитрая Грушина прежде начала угощать Варвару кофеем, потом погнала из дома на улицу своих ребятишек, причем старшая девочка заупрямилась и не хотела идти.

— Ах ты, негодная дрянь! — закричала на нее Грушина.

— Сама дрянь, — отвечала дерзкая девочка и затопала на мать ногами.

Грушина схватила девочку за волосы, выбросила из дому на двор и заперла дверь...

— Тварь капризная, — жаловалась она Варваре, — с этими детьми просто беда. Я одна, сладу нет никакого. Им бы отца надо было.

— Вот замуж выйдете, будет им отец, — сказала Варвара.

— Тоже какой еще попадется, голубушка Варвара Дмитриевна, — другой тиранить их начнет.

В это время девочка забежала с улицы, бросила в окно горсть песку и осыпала им голову и платье у матери. Грушина высунулась в окно и закричала:

— Я тебя, дрянь этакая, выдеру, — вот ты вернись домой, я тебе задам, дрянь паршивая!

— Сама дрянь, злая дура! — кричала на улице девочка, прыгала на одной ноге и показывала матери грязные кулачонки.

Грушина крикнула дочке:

— Погоди ты у меня!

И закрыла окно. Потом она села спокойно, как ни в чем не бывало, и заговорила:

— Новость-то я вам хотела рассказать, да уж не знаю. Вы, голубушка Варвара Дмитриевна, не тревожьтесь, они ничего не успеют.

— Да что такое? — испуганно спросила Варвара, и блюдце с кофе задрожало в ее руках.

— Знаете, нынче поступил в гимназию, прямо в пятый класс, один гимназист, Пыльников, будто бы из Рубани, потому что его тетка в нашем уезде имение купила.

— Ну, знаю, — сказала Варвара, — видела, как же, еще они с теткой приходили, такой смазливенький, на девочку похож, и все краснеет.

— Голубушка Варвара Дмитриевна, как же ему не быть похожим на девочку, — ведь это и есть переодетая барышня!

— Да что вы! — воскликнула Варвара.

— Нарочно они так придумали, чтобы Ардальона Борисыча подловить, — говорила Грушина, торопясь, размахивая руками и радостно волнуясь оттого, что передает такое важное известие. — Видите ли, у этой барышни есть двоюродный брат, сирота, он и учился в Рубани, так мать-то этой барышни его из гимназии взяла, а по его бумагам барышня сюда и поступила. И вы заметьте, они его поместили на квартире, где других гимназистов нет, он там один, так что все шито-крыто, думали, останется.

— А вы как же узнали? — недоверчиво спросила Варвара.

— Голубушка Варвара Дмитриевна, слухом земля полнится. И так сразу стало подозрительно: все мальчики как мальчики, а этот тихоня, ходит, как в воду опущенный. А по роже посмотреть — молодец молодцом должен быть, румяный, грудастый. И такой скромный, товарищи замечают, — ему слово скажут, а он уж и краснеет. Они его и дразнят девчонкой.[89] Только они думают, что это так, чтобы посмеяться, не знают, что это правда. И представьте, какие они хитрые, — ведь и хозяйка ничего не знает.

— Как же вы-то узнали? — повторила Варвара.

— Голубушка Варвара Дмитриевна, чего я не узнаю! Я всех в уезде знаю. Как же, ведь это всем известно, что у них еще мальчик дома живет, таких же лет, как этот. Отчего же они не отдали их вместе в гимназию? Говорят, что он летом болен был, так один год отдохнет, а потом опять поступит в гимназию. Но все это вздор, — это-то и есть гимназист. И опять же известно, что у них была барышня, а они говорят, что она замуж вышла и на Кавказ уехала. И опять врут, ничего она не уехала, а живет здесь под видом мальчика.

— Да какой же им расчет? — спросила Варвара.

— Как какой расчет! — оживленно говорила Грушина. — Подцепит кого-нибудь из учителей, мало ли у нас холостых, а то и так ко-

го-нибудь. Под видом мальчика она может и на квартиру прийти, и мало ли что может.

Варвара сказала испуганно:

— Смазливая девчонка-то.

— Еще бы, писаная красавица, — согласилась Грушина, — это она только теперь стесняется, а погодите, попривыкнет, разойдется, так она тут всех в городе закружит. И представьте, какие они хитрые: я, как только узнала об этаких делах, сейчас же постаралась встретиться с его хозяйкой, — или с ее хозяйкой, — уж как и сказать-то, не знаешь.

— Чистый оборотень, тьфу, прости Господи! — сказала Варвара.

— Пошла я ко всенощной в их приход, к Пантелеймону, а она богомольная. Ольга Васильевна, говорю, отчего это у вас нынче только один гимназист живет? Ведь вам, говорю, с одним невыгодно. А она говорит: да на что, говорит, мне больше? суета с ними. Я и говорю: ведь вы, говорю, в прежние года все двух-трех держали. А она и говорит, — представьте, голубушка Варвара Дмитриевна! — да они, говорит, уж так и условились, чтобы Сашенька один у меня жил. Они, говорит, люди не бедные, заплатили побольше, а то они, говорит, боятся, что он с другими мальчиками избалуется. Каковы?

— Вот-то пройдохи! — злобно сказала Варвара. — Что ж, вы ей сказали, что это девчонка?

— Я ей говорю, — смотрите, говорю, Ольга Васильевна, не девчонку ли вам подсунули вместо мальчика.

— Ну, а она что?

— Ну, она думала, я шучу, смеется. Тогда я посерьезнее сказала, — голубушка Ольга Васильевна, говорю, знаете, ведь говорят, что это девчонка. Но только она не верит, — пустяки, говорит, какая же это девчонка, я ведь, говорит, не слепая...

Этот рассказ поразил Варвару. Она совершенно поверила, что все это так и есть и что на ее жениха готовится нападение еще с одной стороны. Надо было как-нибудь поскорее сорвать маску с переодетой барышни. Долго совещались они, как это сделать, но пока ничего не придумали.

Дома еще более расстроила Варвару пропажа изюма.

Когда Передонов вернулся домой, Варвара торопливо и взволнованно рассказала ему, что Клавдия куда-то дела фунт изюму и не признается.

— Да еще что выдумала, — раздраженно говорила Варвара, — это, говорит, может быть, барин скушали. Они, говорит, на кухню за чем-то выходили, когда я полы мыла, и долго, говорит, там пробыли.

— И вовсе не долго, — хмуро сказал Передонов, — я только руки помыл, а изюму я там и не видел.

— Клавдюшка, Клавдюшка! — закричала Варвара, — вот барин говорит, что он и не видел изюма, — значит, ты его и тогда уже припрятала куда-то.

Клавдия показала из кухни раскрасневшееся, опухшее от слез лицо.

— Не брала я вашего изюму, — прокричала она рыдающим голосом, — я вам его откуплю, только не брала я вашего изюму!

— И откупишь, и откупишь! — сердито закричала Варвара, — я тебя не обязана изюмом откармливать.

Передонов захохотал и крикнул:

— Дюшка фунт изюму оплела!

— Обидчики! — закричала Клавдия и хлопнула дверью.

За обедом Варвара не могла удержаться, чтобы не передать того, что слышала о Пыльникове. Она не думала, будет ли это для нее вредно или полезно, как отнесется к этому Передонов, — говорила просто со зла.

Передонов старался припомнить Пыльникова, да как-то все не мог ясно представить его себе. До сих пор он мало обращал внимания на этого нового ученика и презирал его за смазливость и чистоту, за то, что он вел себя скромно, учился хорошо и был самым младшим по возрасту из учеников пятого класса.[90] Теперь же Варварин рассказ зажег в нем блудливое любопытство. Нескромные мысли медленно зашевелились в его темной голове...

«Надо сходить ко всенощной, — подумал он, — посмотреть на эту переодетую девчонку».

Вдруг вбежала Клавдия, ликуя, бросила на стол смятую в комок синюю оберточную бумагу и закричала:

— Вот на меня говорили, что я изюм съела, а это что? Нужно очень мне ваш изюм, как же.

Передонов догадался, в чем дело: он забыл выбросить на улице обертку, и теперь Клавдия нашла ее в пальто в кармане.

— Ах, чёрт! — воскликнул он.

— Что это, откуда? — закричала Варвара.

— У Ардальон Борисыча в кармане нашла, — злорадно отвечала Клавдия, — сами съели, а на меня поклеп взвели. Известно, Ардальон Борисыч большие сластуны, только чего ж на других валить, коли сами...

— Ну, поехала, — сердито сказал Передонов, — и все врешь. Ты мне подсунула, я не брал ничего.

— Чего мне подсовывать, что вы, Бог с вами, — растерянно сказала Клавдия.

— Как ты смела по карманам лазить! — закричала Варвара. — Ты там денег ищешь?

— Ничего я по карманам не лазаю, — грубо отвечала Клавдия. — Я взяла пальто почистить, все в грязи.

— А в карман зачем полезла?

— Да она сама из кармана вывалилась, что мне по карманам лазить, — оправдывалась Клавдия.

— Врешь, дюшка, — сказал Передонов.

— Какая я вам дюшка, чтой-то такое, насмешники этакие! — закричала Клавдия. — Чёрт с вами, откуплю вам ваш изюм, подавитесь вы им, — сами сожрали, а я откупай. Да и откуплю, — совести, видно, в вас нет, стыда в глазах нет, а еще господа называетесь!

Клавдия ушла в кухню, плача и ругаясь. Передонов отрывисто захохотал и сказал:

— Взъерепенилась[91] как.

— И пусть откупает, — говорила Варвара, — им все спускать, так они все сожрать готовы, черти голодушные.

И долго потом они оба дразнили Клавдию тем, что она съела фунт изюма. Деньги за этот изюм вычли из ее жалованья, и всем гостям рассказывали об этом изюме.

Кот, словно привлеченный криками, вышел из кухни, пробираясь вдоль стен, и сел около Передонова, глядя на него жадными и злыми глазами. Передонов нагнулся, чтобы его поймать. Кот яростно фыркнул, оцарапал руку Передонова, убежал и забился под шкап. Он выглядывал оттуда, и узкие зеленые зрачки его сверкали.

Точно оборотень, — пугливо подумал Передонов.

Между тем Варвара, все думая о Пыльникове, заговорила:

— Чем бы по вечерам на билиард ходить каждый вечер, сходил бы иногда к гимназистам на квартиры. Они знают, что учителя к ним редко заглядывают, а инспектора и раз в год не дождешься, так у них там всякое безобразие творится, и картеж, и пьянство. Да вот сходил бы к этой девчонке-то переодетой. Пойди попозже, как спать станут ложиться; мало ли как тогда можно будет ее уличить да сконфузить.

Передонов подумал и захохотал.

«Варвара — хитрая шельма, — подумал он, — она научит».

XII

Передонов отправился ко всенощной в гимназическую церковь. Там он стал сзади учеников и внимательно смотрел за тем, как они себя вели. Некоторые, показалось ему, шалили, толкались, шептались, смеялись. Он заметил их и постарался запомнить. Их было много, и он сетовал на себя, как это он не догадался взять из дома бумажку и карандашик, записывать. Ему стало грустно, что гимназисты так плохо себя ведут, и никто на это не обращает внимания, хотя тут же в церкви стояли директор да инспектор со своими женами и детьми.

А на самом деле гимназисты стояли чинно и скромно, — иные крестились бессознательно, думая о чем-то постороннем храму, другие молились прилежно. Редко-редко кто шепнет что-нибудь соседу, — два-три слова, почти не поворачивая головы, — и тот отвечал так же коротко и тихо, или даже одним только быстрым движением, взглядом, пожиманием плеч, улыбкою. Но эти маленькие движения, не замечаемые дежурившим помощником классных наставников, давали встревоженным, но тупым чувствам Передонова иллюзию большого беспорядка. Даже и в спокойном своем состоянии Передонов, как и все грубые люди, не мог точно оценить мелких явлений: он или не замечал их, или преувеличивал их значение. Теперь же, когда он был возбужден ожиданиями и страхами, чувства его служили ему еще хуже, и мало-помалу вся действительность заволакивалась перед ним дымкою противных и злых иллюзий.

Да, впрочем, и раньше, что были гимназисты для Передонова? Не только ли аппаратом для растаскивания пером чернил по бумаге и для пересказа суконным языком того, что когда-то было сказано языком человечьим! Передонов во всю свою учительскую деятельность совершенно искренно не понимал и не думал о том, что гимназисты такие же люди, как и взрослые. Только бородатые гимназисты с пробудившимся влечением к женщинам вдруг становились в его глазах равными ему.

Постояв сзади и набравши достаточно грустных впечатлений, Передонов подвинулся вперед, к средним рядам. Там стоял, на самом конце ряда, справа, Саша Пыльников; он скромно молился и часто опускался на колени. Передонов посматривал на него, и особенно приятно ему было смотреть, когда Саша стоял на коленях, как наказанный, и смотрел вперед, к сияющим дверям алтарным с озабоченным и просительным выражением на лице, с мольбою и печалью в черных глазах, осененных длинными, до синевы черными ресницами. Смуглый, стройный, — что осо-

бенно было заметно, когда он стоял на коленях спокойно и прямо, как бы под чьим-то строго наблюдающим взором, — с высокою и широкою грудью, он казался Передонову совсем похожим на девочку.

Теперь Передонов окончательно решился сегодня же после всенощной идти к нему на квартиру.

Стали выходить из церкви. Заметили, что у Передонова не шляпа, как всегда прежде, а фуражка с кокардою. Рутилов спросил, смеясь:

— Что ты, Ардальон Борисыч, нынче с кокардой щеголяешь? Вот что значит в инспекторы-то метит человек.

— Вам теперь солдаты должны честь отдавать? — с деланным простодушием спросила Валерия.

— Ну вот, глупости какие! — сердито сказал Передонов.

— Ты ничего не понимаешь, Валерочка, — сказала Дарья, — какие же солдаты! Теперь только от гимназистов Ардальон Борисычу почтения гораздо больше будет, чем прежде.

Людмила хохотала. Передонов поспешил распрощаться с ними, чтобы избавиться от их насмешек.

К Пыльникову было еще рано, а домой не хотелось. Передонов пошел по темным улицам, придумывая, где бы провести час. Было много домов, во многих окнах горели огни, иногда из отворенных окон слышались голоса. По улицам шли расходившиеся из церкви, и слышно было, как отворялись и затворялись калитки и двери. Везде люди жили чужие, враждебные Передонову, и иные из них, может быть, и теперь злоумышляли против него. Может быть, уже кто-нибудь дивился, зачем это Передонов один в такой поздний час и куда это он идет. Казалось Передонову, что кто-то выслеживает его и крадется за ним. Тоскливо стало ему. Он пошел поспешно, без цели.

Он думал, что у каждого здесь дома есть свои покойники. И все, кто жил в этих старых домах лет пятьдесят тому назад, все умерли. Некоторых покойников еще он помнил.

Человек умрет, так и дом бы сжечь, — тоскливо думал Передонов, — а то страшно очень.

Ольга Васильевна Коковкина, у которой жил гимназист Саша Пыльников, была вдова казначея. Муж оставил ей пенсию и небольшой дом, в котором ей было так просторно, что она могла отделить еще и две, три комнаты для жильцов. Но она предпочла гимназистов. Повелось так, что к ней всегда помещали самых скромных мальчиков, которые учились исправно и кончали гимназию. На других же ученических квар-

тирах значительная часть была таких, которые кочуют из одного учебного заведения в другое, да так и выходят недоучками.

Ольга Васильевна, худощавая старушка, высокая и прямая, с добродушным лицом, которому она, однако, старалась придавать строгое выражение, и Саша Пыльников, мальчик хорошо откормленный и строго выдержанный своею теткою, сидели за чайным столом. Сегодня была Сашина очередь ставить варенье, из деревни, и потому он чувствовал себя хозяином, важно угощал Ольгу Васильевну, и черные глаза его ярко блестели.

Послышался звонок, и вслед за тем в столовой появился Передонов. Коковкина была удивлена столь поздним посещением.

— Вот я пришел посмотреть нашего гимназиста, — сказал он, — как он тут живет.

Коковкина угощала Передонова, но он отказался. Ему хотелось, чтобы они поскорее кончили пить чай и чтобы ему побыть одному с гимназистом. Выпили чай, перешли в Сашину комнату, а Коковкина не оставляла их и разговаривала без конца. Передонов угрюмо смотрел на Сашу, — а тот застенчиво молчал.

«Ничего не выйдет из этого посещения», — досадливо думал Передонов.

Служанка позвала зачем-то Коковкину. Она вышла. Саша тоскливо посмотрел за нею. Его глаза померкли, призакрылись ресницами, — и казалось, что эти ресницы, слишком длинные, бросают тень на все его лицо, смуглое и вдруг побледневшее. Ему неловко было при этом угрюмом человеке. Передонов сел рядом с ним, неловко обнял его рукою и, не меняя неподвижного выражения на лице, спросил:

— Что, Сашенька, хорошо ли Богу помолилась?

Саша стыдливо и испуганно глянул на Передонова, покраснел и промолчал.

— А? что? хорошо? — спрашивал Передонов.

— Хорошо, — сказал наконец Саша.

— Ишь ты, румянец какой на щечках, — сказал Передонов, — признавайтесь-ка, ведь вы девчонка? Шельма, девчонка!

— Нет, не девчонка, — сказал Саша и вдруг, сердясь на себя за свою застенчивость, спросил зазвеневшим голосом, — чем это я похож на девчонку? Это у вас гимназисты такие, придумали дразнить за то, что я дурных слов боюсь; я не привык их говорить, мне ни за что не сказать, да и зачем говорить гадости?

— Маменька накажет? — спросил Передонов.

— У меня нет матери, — сказал Саша, — мама давно умерла; у меня тетя.

— Что ж, тетя накажет?

— Конечно, накажет, коли я стану гадости говорить. Разве хорошо?

— А откуда тетя узнает?

— Да я и сам не хочу, — спокойно сказал Саша. — А тетя мало ли как может узнать. Может быть, я сам проговорюсь.

— А кто из ваших товарищей дурные слова говорит? — спросил Передонов.

Саша опять покраснел и молчал.

— Ну, что ж, говорите, — настаивал Передонов, — вы обязаны сказать, нельзя покрывать.

— Никто не говорит, — смущенно сказал Саша.

— Вы же сами сейчас жаловались.

— Я не жаловался.

— Что ж вы отпираетесь? — сердито сказал Передонов.

Саша чувствовал себя пойманным в какой-то скверный капкан. Он сказал:

— Я только объяснил вам, почему меня некоторые товарищи дразнят девчонкой. А я не хочу на них фискалить.

— Вот как, это почему же? — со злобою спросил Передонов.

— Да нехорошо, — сказал Саша с досадливою усмешкою.

— Ну вот я директору скажу, так вас заставят, — злорадно сказал Передонов.

Саша смотрел на Передонова гневно загоревшимися глазами.

— Нет, вы, пожалуйста, не говорите, Ардальон Борисыч, — просил он.

И в срывающихся звуках его голоса было слышно, что он делает усилие просить, что ему хочется кричать дерзкие, угрожающие слова.

— Нет, скажу. Вот вы тогда увидите, как покрывать гадости. Вы должны были сами сразу пожаловаться. Вот погодите, вам достанется.

Саша встал и в замешательстве теребил пояс. Пришла Коковкина.

— Тихоня-то ваш, хорош, нечего сказать, — злобно сказал Передонов.

Коковкина испугалась. Она торопливо подошла к Саше, села рядом с ним, — от волнения у нее всегда подкашивались ноги, — и спросила боязливо:

— А что такое, Ардальон Борисыч? Что он сделал?

— Вот у него спросите, — с угрюмою злобою ответил Передонов.

— Что такое, Сашенька, в чем ты провинился? — спросила Коковкина, трогая Сашу за локоть.

— Я не знаю, — сказал Саша и заплакал.

— Да что такое, что с тобою, что ты плачешь? — спрашивала Коковкина.

Она положила руки на плечи мальчику, нагибала его к себе и не замечала, что ему неловко. А он стоял, склонясь, и закрывал глаза платком. Передонов объяснил:

— Его там, в гимназии, дурным словам учат, а он не хочет сказать кто. Он не должен укрывать. А то и сам учится гадостям, и других покрывает.

— Ах, Сашенька, Сашенька, как же это ты так! Разве можно? Да как тебе не стыдно! — растерянно говорила Коковкина, отпустив Сашу.

— Я ничего, — рыдая, ответил Саша, — я ничего не сделал худого. Они меня за то и дразнят, что я не могу худых слов говорить.

— Кто говорит худые слова? — опять спросил Передонов.

— Никто не говорит, — с отчаянием воскликнул Саша.

— Видите, как он лжет, — сказал Передонов, — его наказать надо хорошенько. Надо, чтоб он открыл, кто говорит гадости,[92] а то на нашу гимназию нарекания пойдут, а мы ничего не можем сделать.

— Уж вы его извините, Ардальон Борисыч, — сказала Коковкина, — как же он скажет на товарищей? Ведь ему потом житья не дадут.

— Он обязан сказать, — сердито сказал Передонов, — от этого только польза будет. Мы примем меры к их исправлению.

— Да ведь они его бить будут? — нерешительно сказала Коковкина.

— Не посмеют. Если он трусит, пусть по секрету скажет.

— Ну, Сашенька, скажи по секрету. Никто не узнает, что ты сказал.

Саша молча плакал. Коковкина привлекла его к себе, обняла, и долго шептала что-то на ухо. Он отрицательно качал головою.

— Не хочет, — сказала Коковкина.

— А вот розгой его пробрать, так заговорит, — свирепо сказал Передонов. — Принесите мне розгу, я его заставлю говорить.

— Ольга Васильевна, да за что же! — воскликнул Саша.

Коковкина встала и обняла его.

— Ну, довольно реветь, — сказала она нежно и строго, — никто тебя не тронет.

— Как хотите, — сказал Передонов, — а только я тогда должен директору сказать. Я думал по-семейному, ему же лучше бы. Может быть, и ваш Сашенька прожженный. Еще мы не знаем, за что его драз-

нят девчонкой, — может быть, совсем за другое. Может быть, не его учат, а он других развращает.

Передонов сердито пошел из комнаты. За ним вышла и Коковкина. Она укоризненно сказала:

— Ардальон Борисыч, как же это вы так мальчика конфузите невесть за что! Хорошо, что он еще и не понимает ваших слов.

— Ну, прощайте, — сердито сказал Передонов, — а только я скажу директору. Это надо расследовать.

Он ушел. Коковкина пошла утешать Сашу. Саша грустно сидел у окна и смотрел на звездное небо. Уже спокойны и странно печальны были его черные глаза. Коковкина молча погладила его по голове.

— Я сам виноват, — сказал он, — проболтался, за что меня дразнят, а он и пристал. Он самый грубый. Его никто из гимназистов не любит.

На другой день Передонов и Варвара переезжали наконец на новую квартиру. Ершова стояла в воротах и свирепо ругалась с Варварою. Передонов прятался от нее за возами.

На новой квартире тотчас же отслужили молебен. Необходимо было, по расчетам Передонова, показать, что он — человек верующий. Во время молебна запах ладана, кружа ему голову, вызвал в нем смутное настроение, похожее на молитвенное.

Одно странное обстоятельство смутило его. Откуда-то прибежала удивительная тварь неопределенных очертаний, — маленькая, серая, юркая недотыкомка.[93] Она посмеивалась, и дрожала, и вертелась вокруг Передонова. Когда же он протягивал к ней руку, она быстро ускользала, убегала за дверь или под шкап, а через минуту появлялась снова и дрожала, и дразнилась — серая, безликая, юркая.

Наконец, уже когда кончался молебен, Передонов догадался и зачурался шепотом. Недотыкомка зашипела тихо-тихо, сжалась в малый комок и укатилась за дверь. Передонов вздохнул облегченно.

«Да, хорошо, если она совсем укатилась. А может быть, она живет в этой квартире, где-нибудь под полом, и опять станет приходить и дразнить».

Тоскливо и холодно стало Передонову.

И к чему вся эта нечисть на свете? — подумал он.

Когда молебен кончился, когда гости разошлись, Передонов долго думал о том, где бы могла скрываться недотыкомка. Варвара ушла к Грушиной, а Передонов отправился на поиски и принялся перерывать ее вещи.

«Не в кармане ли унесла ее Варвара? — думал Передонов. — Много ли ей надо места? Спрячется в карман и будет сидеть, пока срок не придет».

Одно Варварино платье привлекло внимание Передонова. Оно все было в оборках, бантиках, лентах, словно нарочно сшито, чтобы можно было спрятать кого-нибудь. Передонов долго рассматривал его, потом с усилием, при помощи ножа, вырвал, отчасти вырезал, карман, бросил его в печку, а затем принялся рвать и резать на мелкие куски все платье. В его голове бродили смутные, странные мысли, а на душе было безнадежно-тоскливо.

Скоро вернулась Варвара, — еще Передонов кромсал остатки платья. Она подумала, что он пьян, и принялась ругаться. Передонов слушал долго и наконец сказал:

— Чего лаешься, дура! Ты, может быть, чёрта в кармане носишь.[94] Должен же я позаботиться, что тут делается.

Варвара опешила. Довольный произведенным впечатлением, он поспешил отыскать шапку и отправился играть на билиарде. Варвара выбежала в переднюю и, пока Передонов надевал пальто, кричала:

— Это ты, может быть, чёрта в кармане носишь, а у меня нет никакого чёрта. Откуда я тебе чёрта возьму? Разве по заказу из Голландии тебе выписать!

Молоденький чиновник Черепнин, тот самый, о котором рассказывала Вершина, что он подсматривал в окно, начал было, когда Вершина овдовела, ухаживать за нею. Вершина не прочь была бы выйти замуж второй раз, но Черепнин казался ей слишком ничтожным. Черепнин озлобился. Он с радостью поддался на уговоры Володина вымазать дегтем ворота у Вершиной.

Согласился, а потом раздумье взяло. А ну как поймают? Неловко, все же чиновник. Он решил переложить это дело на других. Затратив четвертак на подкуп двух подростков-сорванцов, он обещал им еще по пятиалтынному, если они устроят это, — и в одну темную ночь дело было сделано.

Если бы кто-нибудь в доме Вершиной открыл окно после полуночи, то он услышал бы на улице легкий шорох босых ног на мостках, тихий шепот, еще какие-то мягкие звуки, похожие на то, словно обметали забор; потом легкое звяканье, быстрый топот тех же ног, все быстрее и быстрее, далекий хохот, тревожный лай собак.

Но никто не открыл окна. А утром... Калитка, забор около сада и около двора были исполосованы желтовато-коричневыми следами от

дегтя. На воротах дегтем написаны были грубые слова. Прохожие ахали и смеялись, разнеслась молва, приходили любопытные.

Вершина ходила быстро в саду, курила, улыбалась еще кривее обычного и бормотала сердитые слова. Марта не выходила из дому и горько плакала. Служанка Марья пыталась смыть деготь и злобно переругивалась с глазевшими, галдевшими и хохотавшими любопытными.

Черепнин в тот же день рассказал Володину, кто это сделал. Володин немедленно же передал это Передонову. Оба они знали этих мальчишек, которые славились дерзкими шалостями.

Передонов, отправляясь на билиард, зашел к Вершиной. Было пасмурно. Вершина и Марта сидели в гостиной.

— У вас ворота замазали дегтем, — сказал Передонов.

Марта покраснела. Вершина торопливо рассказала, как они встали и увидели, что на их забор смеются, и как Марья отмывала забор. Передонов сказал:

— Я знаю, кто это сделал.

Вершина в недоумении смотрела на Передонова.

— Как же это вы узнали? — спросила она.

— Да уж узнал.

— Кто же, скажите, — сердито спросила Марта.

Она сделалась совсем некрасивою, потому что у нее были теперь злые, заплаканные глаза с покрасневшими и распухшими веками. Передонов отвечал:

— Я скажу, конечно, для того и пришел. Этих мерзавцев надо проучить. Только вы должны обещать, что никому не скажете, от кого узнали.

— Да отчего же так, Ардальон Борисыч? — с удивлением спросила Вершина.

Передонов помолчал значительно, потом сказал в объяснение:

— Это такие озорники, что голову проломят, коли узнают, кто их выдал.

Вершина обещала молчать.

— И вы не говорите, что это я сказал, — обратился Передонов к Марте.

— Хорошо, я не скажу, — поспешно согласилась Марта, потому что хотелось поскорее узнать имена виновников.

Ей казалось, что их следовало подвергнуть мучительному и позорному наказанию.

— Нет, вы лучше побожитесь, — опасливо сказал Передонов.

— Ну вот ей-Богу, никому не скажу, — уверяла Марта, — вы только скажите поскорей.

А за дверью подслушивал Владя. Он рад был, что догадался не входить в гостиную: его не заставят дать обещание, и он может сказать кому угодно. И он улыбался от радости, что так отомстит Передонову.

— Я вчера в первом часу возвращался домой по вашей улице, — рассказывал Передонов, — вдруг слышу, около ваших ворот кто-то возится. Я сначала думал, что воры. Думаю, как мне быть. Вдруг слышу, побежали, и прямо на меня. Я к стенке прижался, они меня не видали, а я их узнал. У одного мазилка, у другого ведерко. Известные мерзавцы, слесаря Авдеева сыновья. Бегут, и один другому говорит: недаром ночь провели, говорит, пятьдесят пять копеечек заработали. Я было хотел хоть одного задержать, да побоялся, что харю измажут, да и на мне новое пальто было.

Едва Передонов ушел, Вершина отправилась к исправнику с жалобою.

Исправник Миньчуков послал городового за Авдеевым и его сыновьями.

Мальчики пришли смело, они думали, что их подозревают по прежним шалостям. Авдеев, унылый, длинный старик, был, наоборот, вполне уверен, что его сыновья опять сделали какую-нибудь пакость. Исправник рассказал Авдееву, в чем обвиняются его сыновья. Авдеев промолвил:

— Нет с ними моего сладу. Что хотите, то с ними и делайте, а я уж руки об них обколотил.

— Это не наше дело, — решительно заявил старший, вихрастый, рыжий мальчик Нил.

— На нас все валят, кто что ни сделает, — плаксиво сказал младший, такой же вихрастый, но белоголовый Илья. — Что ж, раз нашалили, так теперь за все и отвечай.

Миньчуков сладко улыбнулся, покачал головою и сказал:

— А вы лучше признайтесь чистосердечно.

— Не в чем, — грубо сказал Нил.

— Не в чем? А пятьдесят пять копеек кто вам дал за работу, а?

И видя по минутному замешательству мальчиков, что они виноваты, Миньчуков сказал Вершиной:

— Да уж видно, что они.

Мальчики стали снова запираться. Их отвели в чулан — сечь. Не стерпевши боли, они повинились. Но и признавшись, не хотели было говорить, от кого получили за это деньги.

— Сами затеяли.

Их секли по очереди, не торопясь, пока они не сказали, что подкупил их Черепнин. Мальчиков отдали отцу.

Исправник сказал Вершиной:

— Ну вот, мы их наказали, то есть отец их наказал, а вы знаете, кто это вам сделал.

— Я этого Черепнину так не спущу, — говорила Вершина, — я на него в суд подам.

— Не советую, Наталья Афанасьевна, — кротко сказал Миньчуков, — лучше оставьте это.

— Как это спускать таким негодяям? да ни за что! — воскликнула Вершина.

— Главное, улик никаких, — спокойно сказал исправник.

— Как никаких, коли сами мальчики признались?

— Мало ли что признались, а перед судьей отопрутся, — там ведь их пороть не станут.

— Как же отопрутся? Городовые — свидетели, — сказала Вершина уже не так уверенно.

— Какие там свидетели? Коли шкуру драть с человека станут, так он во всем признается, чего и не было. Они, конечно, мерзавцы, им и досталось, ну, а судом с них ничего не возьмете.

Миньчуков сладко улыбался и спокойно посматривал на Вершину.

Вершина ушла от исправника очень недовольная, но, подумав, согласилась, что Черепнина обвинять трудно и что из этого может выйти только лишняя огласка и срам.

XIII

К вечеру Передонов явился к директору, — поговорить по делу.

Директор, Николай Власьевич Хрипач, имел известное число правил, которые столь удобно прикладывались к жизни, что придерживаться их было нисколько не обременительно. По службе он спокойно исполнял все, что требовалось законами или распоряжениями начальства, а также правилами общепринятого умеренного либерализма. Поэтому начальство, родители и ученики равно довольны были директором. Сомнительных случаев, нерешительности, колебаний он не знал, да и к чему они? всегда можно опереться или на постановление педагогического совета, или на предписание начальства. Столь же правилен и спокоен был он в личных сношениях. Самая наружность его являла вид добро-

душия и стойкости: небольшого роста, плотный, подвижной, с бойкими глазами и уверенною речью, он казался человеком, который недурно устроился и намерен устроиться еще лучше. В кабинете его на полках стояло много книг; из некоторых он делал выписки. Когда выписок накоплялось достаточно, он располагал их в порядке и пересказывал своими словами, — и вот составлялся учебник, печатался и расходился,[95] не так, как расходятся книжки Ушинского[96] или Евтушевского,[97] но все-таки хорошо. Иногда он составлял, преимущественно по заграничным книжкам, компиляцию, почтенную и никому не нужную, и печатал ее в журнале, тоже почтенном и тоже никому не нужном. Детей у него было много, и все они, мальчики и девочки, уже обнаруживали зачатки разнообразных талантов: кто писал стихи, кто рисовал, кто делал быстрые успехи в музыке.

Передонов угрюмо говорил:

— Вот вы все на меня нападаете, Николай Власьевич. Вам на меня, может быть, клевещут, а я ничего такого не делаю.

— Извините, — прервал директор, — я не могу понять, о каких клеветах вы изволите упоминать. В деле управления вверенной мне гимназией я руководствуюсь собственными моими наблюдениями и смею надеяться, что моя служебная опытность достаточна для того, чтобы с должною правильностью оценивать то, что я вижу и слышу, тем более при том внимательном отношении к делу, которое я ставлю себе за непременное правило, — говорил Хрипач быстро и отчетливо, и голос его раздавался сухо и ясно, подобно треску, издаваемому цинковыми прутьями, когда их сгибают. — Что же касается моего личного о вас мнения, то я и ныне продолжаю думать, что в вашей служебной деятельности обнаруживаются досадные пробелы.

— Да, — угрюмо сказал Передонов, — вы взяли себе в голову, что я никуда не гожусь, а я постоянно о гимназии забочусь.

Хрипач с удивлением поднял брови и вопросительно поглядел на Передонова.

— Вы не замечаете, — продолжал Передонов, — что у нас в гимназии скандал может выйти, — и никто не замечает, один я уследил.

— Какой скандал? — с сухим смешком спросил Хрипач и проворно заходил по кабинету. — Вы меня интригуете, хотя, скажу откровенно, я мало верю в возможность скандала в нашей гимназии.

— Да, а вот вы не знаете, кого вы нынче приняли, — сказал Передонов с таким злорадством, что Хрипач приостановился и внимательно посмотрел на него.

— Все вновь принятые наперечет, — сухо сказал он. — Притом же принятые в первый класс, очевидно, не были еще исключены из другой

гимназии, а единственный поступивший в пятый класс прибыл к нам с такими рекомендациями, которые исключают возможность нелестных предположений.

— Да, только его не к нам надо бы отдать, а в другое заведение, — угрюмо, словно нехотя, промолвил Передонов.

— Объяснитесь, Ардальон Борисыч, прошу вас, — сказал Хрипач. — Надеюсь, вы не хотите сказать, что Пыльникова следует отправить в колонию для малолетних преступников.

— Нет, эту тварь надо отправить в пансион без древних языков,[98] — злобно сказал Передонов, и глаза его сверкнули злостью.

Хрипач, засунув руки в карманы домашнего коротенького пиджака, смотрел на Передонова с необычайным удивлением.

— Какой пансион? — спросил он. — Известно ли вам, какие учреждения именуются таким образом? И если известно, то как решились вы сделать такое непристойное сопоставление?

Хрипач сильно покраснел, и голос его звучал еще суше и отчетливее. В другое время эти признаки директорова гнева приводили Передонова в замешательство. Но теперь он не смущался.

— Вы все думаете, что это мальчик, — сказал он, насмешливо щуря глаза, — а вот и не мальчик, а девчонка, да еще какая!

Хрипач коротко и сухо засмеялся, словно деланным смехом, звонким и отчетливым, — так он и всегда смеялся.

— Ха-ха-ха! — отчетливо делал он, кончая смеяться, сел в кресло и откинул голову, словно падая от смеха. — Удивили же вы меня, почтенный Ардальон Борисыч! ха-ха-ха! Скажите мне, будьте любезны, на чем вы основываете ваше предположение, если посылки, которые вас привели к этому заключению, не составляют вашей тайны! ха-ха-ха!

Передонов рассказал все, что слышал от Варвары, и уже заодно распространился о дурных качествах Коковкиной. Хрипач слушал, по временам разражаясь сухим, отчетливым смехом.

— У вас, любезный Ардальон Борисыч, зашалило воображение, — сказал он, встал и похлопал Передонова по рукаву. — У многих из моих уважаемых товарищей, как и у меня, есть свои дети, мы все не первый год живем, и неужели вы думаете, что могли принять за мальчика переодетую девочку?

— Вот вы так к этому относитесь, а если что-нибудь выйдет, то кто же будет виноват? — спросил Передонов.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Хрипач, — каких же последствий вы опасаетесь?

— В гимназии разврат начнется, — сказал Передонов.

Хрипач нахмурился и сказал:

— Вы слишком далеко заходите. Все, что вы мне до сих пор сказали, не дает мне ни малейшего повода разделять ваши подозрения.

В этот же вечер Передонов поспешно обошел всех сослуживцев, от инспектора до помощников классных наставников, и всем рассказывал, что Пыльников — переодетая барышня. Все смеялись и не верили, но многие, когда он уходил, впадали в сомнение. Учительские жены, так те почти все поверили сразу.

На другое утро уже многие пришли на уроки с мыслью, что Передонов, может быть, и прав. Открыто этого не говорили, но уже и не спорили с Передоновым и ограничивались нерешительными и двусмысленными ответами: каждый боялся, что его сочтут глупым, если он станет спорить, а вдруг окажется, что это — правда. Многим хотелось бы услышать, что говорит об этом директор, — но директор, сверх обыкновения, вовсе не выходил сегодня из своей квартиры, только прошел, сильно запоздав, на свой единственный в тот день урок в шестом классе, просидел там лишних пять минут и ушел прямо к себе, никому не показавшись.

Наконец перед четвертым уроком седой законоучитель и еще двое учителей пошли в кабинет к директору под предлогом какого-то дела, и батюшка осторожно завел речь о Пыльникове. Но директор засмеялся так уверенно и простодушно, что все трое разом прониклись уверенностью, что все это вздор. А директор быстро перешел на другие темы, рассказал свежую городскую новость, пожаловался на сильнейшую головную боль и сказал, что, кажется, придется пригласить почтеннейшего Евгения Ивановича — гимназического врача. Затем в очень добродушном тоне он рассказал, что сегодня урок еще усилил его головную боль, так как случилось, что в соседнем классе был Передонов, и гимназисты там почему-то часто и необычайно громко смеялись. Засмеявшись своим сухим смехом, Хрипач сказал:

— В этом году судьба ко мне немилосердна, — три раза в неделю приходится сидеть рядом с классом, где занимается Ардальон Борисыч, и, представьте, постоянно хохот, да еще какой. Казалось бы, Ардальон Борисыч человек не смешливый, а какую постоянно возбуждает веселость!

И, не дав никому сказать что-нибудь на это, Хрипач быстро перешел еще раз к другой теме.

А на уроках у Передонова в последнее время действительно много смеялись, — и не потому, чтобы это ему нравилось. Напротив, детский

смех раздражал Передонова.[99] Но он не мог удержаться, чтобы не говорить чего-нибудь лишнего, непристойного: то расскажет глупый анекдот, то примется дразнить кого-нибудь посмирнее. Всегда в классе находилось несколько таких, которые рады были случаю произвести беспорядок, — и при каждой выходке Передонова подымали неистовый хохот.

К концу уроков Хрипач послал за врачом, а сам взял шляпу и отправился в сад, что лежал меж гимназиею и берегом реки. Сад был обширный и тенистый. Маленькие гимназисты любили его. Они в нем широко разбегались на переменах. Поэтому помощники классных наставников не любили этого сада. Они боялись, что с мальчиками что-нибудь случится. А Хрипач требовал, чтобы мальчики бывали там на переменах. Это было нужно ему для красоты в отчетах.

Проходя по коридору, Хрипач приостановился у открытой двери в гимнастический зал, постоял, опустив голову, и вошел. По его невеселому лицу и медленной походке уже все знали, что у него болит голова.

Собирался на гимнастику пятый класс. Построились в одну шеренгу, и учитель гимнастики, поручик местного резервного батальона, собирался что-то скомандовать, но, увидев директора, пошел к нему навстречу. Директор пожал ему руку, рассеянно поглядел на гимназистов и спросил:

— Довольны вы ими? Как они, стараются? Не утомляются?

Поручик глубоко презирал в душе гимназистов, у которых, по его мнению, не было и не могло быть военной выправки. Если бы это были кадеты, то он прямо сказал бы, что о них думает. Но об этих увальнях не стоило говорить неприятной правды человеку, от которого зависели его уроки. И он сказал, приятно улыбаясь тонкими губами и глядя на директора ласково и весело:

— О, да, славные ребята.

Директор сделал несколько шагов вдоль фронта, повернул к выходу и вдруг остановился, словно вспомнив что-то.

— А нашим новым учеником вы довольны? Как он, старается? Не утомляется? — спросил он лениво и хмуро, и взялся рукою за лоб.

Поручик, для разнообразия, и думая, что ведь это чужой, со стороны, гимназист, сказал:

— Несколько вял, да, скоро устает.

Но директор уже не слушал его и выходил из зала.

Внешний воздух, по-видимому, мало освежил Хрипача. Через полчаса он вернулся и опять, постояв у двери с полминуты, зашел на урок. Шли упражнения на снарядах. Два-три незанятых пока гимназиста, не

замечая директора, стояли прислонясь к стене, пользуясь тем, что поручик не смотрел на них. Хрипач подошел к ним.

— А, Пыльников, — сказал он, — зачем же вы легли на стену?

Саша ярко покраснел, вытянулся и молчал.

— Если вы так утомляетесь, то вам, может быть, вредна гимнастика? — строго спросил Хрипач.

— Виноват, я не устал, — испуганно сказал Саша.

— Одно из двух, — продолжал Хрипач, — или не посещать уроков гимнастики, или... Впрочем, зайдите ко мне после уроков.

Он поспешно ушел, а Саша стоял, смущенный, испуганный.

— Влетел! — говорили ему товарищи, — он тебя до вечера будет отчитывать.

Хрипач любил делать продолжительные выговоры, и гимназисты пуще всего боялись его приглашений.

После уроков Саша робко отправился к директору. Хрипач принял его немедленно. Он быстро подошел, словно подкатился на коротких ногах к Саше, придвинулся к нему близко и, внимательно глядя прямо в глаза, спросил:

— Вас, Пыльников, в самом деле утомляют уроки гимнастики? Вы на вид довольно здоровый мальчик, но «наружность иногда обманчива бывает».[100] У вас нет какой-нибудь болезни? Может быть, вам вредно заниматься гимнастикой?

— Нет, Николай Власьевич, я здоров, — отвечал Саша, весь красный от смущения.

— Однако, — возразил Хрипач, — и Алексей Алексеевич жалуется на вашу вялость и на то, что вы скоро устаете, и я заметил сегодня на уроке, что у вас утомленный вид. Или я ошибся, может быть?

Саша не знал, куда ему скрыть свои глаза от пронизывающего взора Хрипача. Он растерянно бормотал:

— Извините, я не буду, я так, просто поленился стоять. Я, право, здоров. Я буду усердно заниматься гимнастикой.

Вдруг, совсем неожиданно для себя, он заплакал.

— Вот видите, — сказал Хрипач, — вы, очевидно, утомлены: вы плачете, как будто я сделал вам суровый выговор. Успокойтесь.

Он положил руку на Сашино плечо и сказал:

— Я позвал вас не для нотаций, а чтобы разъяснить... Да вы сядьте, Пыльников, я вижу, вы устали.

Саша поспешно вытер платком мокрые глаза и сказал:

— Я совсем не устал.

— Сядьте, сядьте, — повторил Хрипач и подвинул Саше стул.

— Право же, я не устал, Николай Власьевич, — уверял Саша.

Хрипач взял его за плечи, посадил, сам сел против него и сказал:

— Поговоримте спокойно, Пыльников. Вы и сами можете не знать действительного состояния вашего здоровья: вы — мальчик старательный и хороший во всех отношениях, поэтому для меня вполне понятно, что вы не хотели просить увольнения от уроков гимнастики. Кстати, я просил сегодня Евгения Ивановича прийти ко мне, так как и сам чувствую себя дурно. Вот он кстати и вас посмотрит. Надеюсь, вы ничего не имеете против этого?

Хрипач посмотрел на часы и, не дожидаясь ответа, заговорил с Сашей о том, как он провел лето.

Скоро явился Евгений Иванович Суровцев, гимназический врач, человек маленький, черный, юркий, любитель разговоров о политике и о новостях. Знаний больших у него не было, но он внимательно относился к больным, лекарствам предпочитал диету и гигиену и потому лечил успешно.

Саше велели раздеться, Суровцев внимательно рассмотрел его и не нашел никакого порока, а Хрипач убедился, что Саша вовсе не барышня. Хотя он и раньше был в этом уверен, но считал полезным, чтобы впоследствии, если придется отписываться на запросы округа, врач гимназии имел возможность удостоверить это без лишних справок.

Отпуская Сашу, Хрипач сказал ему ласково:

— Теперь, когда мы знаем, что вы здоровы, я скажу Алексею Алексеевичу, чтобы он не давал вам никакой пощады.

Передонов не сомневался, что раскрытие в одном из гимназистов девочки обратит внимание начальства и что, кроме повышения, ему дадут и орден. Это поощряло его бдительно смотреть за поведением гимназистов. К тому же погода несколько дней подряд стояла пасмурная и холодная,[101] на билиард собирались плохо, — оставалось ходить по городу и посещать ученические квартиры и даже тех гимназистов, которые жили при родителях.

Передонов выбирал родителей, что попроще: придет, нажалуется на мальчика, того высекут, — и Передонов доволен. Так нажаловался он прежде всего на Иосифа Крамаренка его отцу, державшему в городе пивной завод, — сказал, что Иосиф шалит в церкви. Отец поверил и наказал сына. Потом та же участь постигла еще нескольких других. К тем, которые, по мнению Передонова, стали бы заступаться за сыновей, он и не ходил: еще пожалуются в округ.

Каждый день посещал он хоть одну ученическую квартиру. Там он вел себя по-начальнически: распекал, распоряжался, угрожал. Но там гимназисты чувствовали себя самостоятельнее и порою дерзили Передонову. Впрочем, Флавицкая, дама энергичная, высокая и звонкоголосая, по желанию Передонова, высекла больно своего маленького постояльца, Владимира Бультякова.

В классах на следующий день Передонов рассказывал о своих подвигах. Фамилий не называл, но жертвы его сами выдавали себя своим смущением.

XIV

Слухи о том, что Пыльников — переодетая барышня, быстро разнеслись по городу. Из первых узнали Рутиловы. Людмила, любопытная, всегда старалась все новое увидеть своими глазами. Она зажглась жгучим любопытством к Пыльникову. Конечно, ей надо посмотреть на ряженую плутовку. Она же и знакома с Коковкиною. И вот как-то раз к вечеру Людмила сказала сестрам:

— Пойду посмотреть эту барышню.

— Глазопялка![102] — сердито крикнула Дарья.

— Нарядилась, — отметила Валерия, сдержанно усмехаясь.

Им было досадно, что не они выдумали: втроем неловко идти. Людмила оделась несколько наряднее обычного, — зачем и сама не знала. Впрочем, она любила наряжаться и одевалась откровеннее сестер: руки да плеча поголее, юбка покороче, башмаки полегче, чулки потоньше, попрозрачнее, тельного цвета. Дома ей нравилось побыть в одной юбке и босиком и надеть башмаки на босые ноги, — притом рубашка и юбка у нее всегда были слишком нарядны.

Погода стояла холодная, ветреная, облетелые листья плавали по рябым лужам. Людмила шла быстро и под своею тонкою накидкою почти не чувствовала холода.

Коковкина с Сашею пили чай. Зоркими глазами оглядела их Людмила, — ничего, сидят скромненько, чай пьют, булки едят и разговаривают. Людмила поцеловалась с хозяйкою и сказала:

— Я к вам по делу, милая Ольга Васильевна. Но это потом, а пока вы меня чайком согрейте. Ай, какой у вас юноша сидит!

Саша покраснел, неловко поклонился, Коковкина назвала его гостье. Людмила уселась за стол и принялась оживленно рассказывать новости. Горожане любили принимать ее за то, что она все знала и умела рассказывать мило и скромно. Коковкина, домоседка, была ей непри-

творно рада и радушно угощала. Людмила весело болтала, смеялась, вскакивала с места передразнить кого-нибудь, задевала Сашу. Она сказала:

— Вам скучно, голубушка, — что вы все дома с этим кисленьким гимназистиком сидите, вы бы хоть к нам когда-нибудь заглянули.

— Ну, где уж мне, — отвечала Коковкина, — стара я уже стала в гости ходить.

— Какие там гости! — ласково возражала Людмила, — придите и сидите, как у себя дома, вот и все. Этого младенца пеленать не надо.

Саша сделал обиженное лицо и покраснел.

— Углан[103] какой! — задорно сказала Людмила и принялась толкать Сашу. — А вы побеседуйте с гостьей.

— Он еще маленький, — сказала Коковкина, — он у меня скромный.

Людмила с усмешкою глянула на нее и сказала:

— Я тоже скромная.

Саша засмеялся и простодушно возразил:

— Вот еще, вы разве скромная?

Людмила захохотала. Смех ее был, как всегда, словно сплетен со сладостными и страстными веселиями. Смеясь, она сильно краснела, глаза становились у нее шаловливыми, виноватыми, и взор их убегал от собеседников. Саша смутился, спохватился, начал оправдываться:

— Да нет же, я ведь хотел сказать, что вы бойкая, а не скромная, а не то, что вы нескромная.

Но чувствуя, что на словах это не выходит так ясно, как вышло бы на письме, он смешался и покраснел.

— Какие он дерзости говорит! — хохоча и краснея, кричала Людмила, — это просто прелесть что такое!

— Законфузили вы совсем моего Сашеньку, — сказала Коковкина, одинаково ласково посматривая и на Людмилу, и на Сашу.

Людмила, изогнувшись кошачьим движением, погладила Сашу по голове. Он засмеялся застенчиво и звонко, увернулся из-под ее руки и убежал к себе в комнату.

— Голубушка, сосватайте мне жениха, — сразу же, без всякого перехода, заговорила Людмила.

— Ну вот, какая я сваха! — с улыбкою отвечала Коковкина, но по лицу ее было видно, что она с наслаждением взялась бы за сватовство.

— Чем же вы не сваха, право? — возразила Людмила, — да и я чем не невеста? Меня вам не стыдно сватать.

Людмила подперла руками бока и приплясывала перед хозяйкою.

— Да ну вас! — сказала Коковкина, — ветреница вы этакая.

Людмила заговорила, смеясь:

— Хоть от нечего делать займитесь.

— Какого же вам жениха-то надо? — улыбаючись, спросила Коковкина.

— Пусть он будет, — будет брюнет, — голубушка, непременно брюнет, — быстро заговорила Людмила. — Глубокий брюнет. Глубокий, как яма. И вот вам образчик, — как ваш гимназист, — такие же чтобы черные были брови и очи с поволокой, и волосы черные с синим отливом, и ресницы густые, густые, синевато-черные ресницы. Он у вас красавец, — право, красавец! Вот вы мне такого.

Скоро Людмила собралась уходить. Уже стало темнеть. Саша пошел провожать.

— Только до извозчика! — нежным голосом просила Людмила и смотрела на Сашу, виновато краснея, ласковыми глазами.

На улице Людмила опять стала бойкою и принялась допрашивать Сашу:

— Ну что же, вы все уроки учите? Книжки-то читаете какие-нибудь?

— Читаю и книжки, — отвечал Саша, — я люблю читать.

— Сказки Андерсена?

— Ничего не сказки, а всякие книги. Я историю люблю да стихи.

— То-то стихи. А какой у вас любимый поэт? — строго спросила Людмила.

— Надсон,[104] конечно, — ответил Саша с глубоким убеждением в невозможности иного ответа.

— То-то, — поощрительно сказала Людмила. — Я тоже Надсона люблю, но только утром, а вечером я, миленький, наряжаться люблю. А вы что любите делать?

Саша глянул на нее ласковыми черными глазами, — и они вдруг стали влажными, — и тихонько сказал:

— Я люблю ласкаться.

— Ишь ты, какой нежный, — сказала Людмила и обняла его за плечи, — ласкаться любишь. А полоскаться любите?[105]

Саша хихикнул. Людмила допрашивала:

— В теплой водице?

— И в теплой, и в холодной, — стыдливо сказал мальчик.

— А мыло вы какое любите?

— Глицериновое.

— А виноград любите? Саша засмеялся.

— Какая вы! Ведь это — разное, а вы те же слова говорите. Только меня вы не подденете.

— Вот еще, нужно мне вас поддевать! — посмеиваясь, сказала Людмила.

— Да уж я знаю, что вы — пересмешница.

— Откуда это вы взяли?

— Да все говорят, — сказал Саша.

— Скажите, сплетник какой! — притворно-строго сказала Людмила.

Саша покраснел.

— Ну вот и извозчик. Извозчик! — крикнула Людмила.

— Извозчик! — крикнул и Саша.

Извозчик, дребезжа неуклюжими дрожками, подкатил. Людмила сказала ему, куда ехать. Он подумал и потребовал сорок копеек. Людмила сказала:

— Что ты, голубчик, далеко ли? Да ты дороги не знаешь.

— Сколько же дадите? — спросил извозчик.

— Да возьми любую половину.

Саша засмеялся.

— Веселая барышня, — осклабясь, сказал извозчик, — прибавьте хоть пятачок.

— Спасибо, что проводили, миленький, — сказала Людмила, крепко пожала Сашину руку и села на дрожки.

Саша побежал домой, весело думая о веселой девице.

Людмила веселая вернулась домой, улыбаясь и о чем-то забавном мечтая. Сестры ждали ее. Они сидели в столовой за круглым столом, освещенным висячею лампою. На белой скатерти веселою казалась коричневая бутылка с копенгагенскою шери-бренди,[106] и светло поблескивали облипшие сладким края у ее горлышка. Ее окружали тарелки с яблоками, орехами и халвою.

Дарья была под хмельком; красная, растрепанная, полуодетая, она громко пела. Людмила услышала уже предпоследний куплет знакомой песенки:

Где делось платье, где свирель?
Нагой нагу влечет на мель.
Страх гонит стыд, стыд гонит страх,
Пастушка вопиет в слезах:
Забудь, что видел ты![107]

Была и Лариса тут, — нарядная, спокойно-веселая, она ела яблоко, отрезая ножичком по ломтику, и посмеивалась.

— Ну что, — спросила она, — видела?

Дарья примолкла и смотрела на Людмилу. Валерия оперлась на локоток, отставила мизинчик и наклонила голову, подражая улыбкою Ларисе. Но она тоненькая, хрупкая, и улыбка у нее беспокойная. Людмила налила в рюмку вишнево-красный ликер и сказала:

— Глупости! Мальчишка самый настоящий — и пресимпатичный. Глубокий брюнет, глаза блестят, а сам маленький и невинный.

И вдруг она звонко захохотала. На нее глядючи, и сестры засмеялись.

— А, да что говорить, все это ерунда Передоновская, — сказала Дарья, махнула рукою и призадумалась минутку, опершись локтями на стол и склонив голову. — Спеть лучше, — сказала она и запела пронзительно громко.

В ее визгах звучало напряженно-угрюмое одушевление. Если бы мертвеца выпустили из могилы с тем, чтобы он все время пел, так запело бы то навьё.[108] А уж сестры давно привыкли к хмельному Дарьину горлаof горланенью и порою подпевали ей нарочито-визгливыми голосами.

— Вот-то развылась, — сказала Людмила, усмехаючись.

Не то чтобы ей не нравилось, а лучше бы хотелось рассказывать, а чтобы сестры слушали. Дарья сердито крикнула, прервав песню на полуслове:

— Тебе-то что, я ведь тебе не мешаю!

И немедленно снова запела с того же самого места. Лариса ласково сказала:

— Пусть поет.

— Мне мокротно, молоденьке,
Нигде места не найду, —[109]

визгливо пела Дарья, искажая звуки и вставляя слоги, как делают простонародные певцы для пущей трогательности. Выходило, примерно, этак:

А-е-ех мне-э ды ма-а-екро-о-ты-на-а ма-а-ла-а-е-де-е-ни-ке-е-а-е-эх.

При этом растягивались особенно неприятно те звуки, на которые ударение не падает. Впечатление достигалось в превосходной степени: тоску смертную нагнало бы это пение на свежего слушателя...

О, смертная тоска, оглашающая поля и веси, широкие родные просторы! Тоска, воплощенная в диком галдении, тоска, гнусным пламенем

пожирающая живое слово, низводящая когда-то живую песню к безумному вою! О, смертная тоска! О милая, старая русская песня, или и подлинно ты умираешь?..

Вдруг Дарья вскочила, подбоченилась и принялась выкрикивать веселую частушку, с плясом и прищелкиванием пальцами:

— Уходи-тка, парень, прочь, —
Я разбойницкая дочь.
Наплевать, что ты пригож, —
Я всажу те в брюхо нож.
Мне не надо мужика, —
Полюблю я босяка.

Дарья пела и плясала, и глаза ее, неподвижные на лице, вращались за ее кружением, подобно кругам мертвой луны. Людмила громко хохотала, — и сердце у нее легонько замирало и теснилось, не то от веселой радости, не то от вишнево-сладкой, страшной шери-бренди. Валерия смеялась тихо, стеклянно-звенящим смехом, и завистливо смотрела на сестер: ей бы хотелось такого же веселия, но было почему-то невесело, — она думала, что она последняя, «поскребыш», а потому слабая и несчастливая. И она смеялась, точно сейчас заплачет.

Лариса глянула на нее, подмигнула ей, — и Валерии вдруг стало весело и забавно. Лариса поднялась, пошевелила плечьми, — и вмиг все четыре сестры закружились в неистовом радении, внезапно объятые шальною пошавою, горланя за Дарьею глупые слова[110] новых да новых частушек, одна другой нелепее и бойчее. Сестры были молоды, красивы, голоса их звучали звонко и дико, — ведьмы на Лысой горе позавидовали бы этому хороводу.

Всю ночь Людмиле снились такие знойные, африканские сны!

То грезилось ей, что лежит она в душно натопленной горнице, и одеяло сползает с нее, и обнажает ее горячее тело, — и вот чешуйчатый, кольчатый змей вполз в ее опочивальню и поднимается, ползет по дереву, по ветвям ее нагих, прекрасных ног...[111]

Потом приснилось ей озеро в жаркий летний вечер, под тяжко-надвигающимися грозовыми тучами, — и она лежит на берегу, нагая, с золотым гладким венцом на лбу. Пахло теплою застоявшеюся водою, и тиною, и изнывающею от зноя травою, — а по воде, темной и зловеще спокойной, плыл белый лебедь, сильный, царственно-величавый. Он

шумно бил по воде крыльями и, громко шипя, приблизился, обнял ее,[112] — стало сладко, томно и жутко...

И у змея, и у лебедя наклонялось над Людмилою Сашино лицо, до синевы бледное, с темными загадочно-печальными глазами, — и синевато-черные ресницы, ревниво закрывая их чарующий взор, опускались тяжело, страшно.

Потом приснилась Людмиле великолепная палата с низкими, грузными сводами, — и толпились в ней нагие, сильные, прекрасные отроки, — а краше всех был Саша. Она сидела высоко, и нагие отроки перед нею поочередно бичевали друг друга.[113] И когда положили на пол Сашу, головою к Людмиле, и бичевали его, а он звонко смеялся и плакал, — она хохотала, как иногда хохочут во сне, когда вдруг усиленно забьется сердце, — смеются долго, неудержимо, смехом самозабвения и смерти...

Утром после всех этих снов Людмила почувствовала, что страстно влюблена в Сашу. Нетерпеливое желание увидеть его охватило Людмилу, — но ей досадно было думать, что она увидит его одетого. Как глупо, что мальчишки не ходят обнаженные! Или хоть босые, как летние уличные мальчишки,[114] на которых Людмила любила смотреть за то, что они ходят босиком, иной раз высоко обнажая ноги.

Точно стыдно иметь тело, — думала Людмила, — что даже мальчишки прячут его.

XV

Володин исправно ходил к Адаменкам на уроки. Мечты его о том, что барышня станет его угощать кофейком, не осуществились. Его каждый раз провожали прямо в покойчик, назначенный для ручного труда. Миша обыкновенно уже стоял в сером холщовом переднике у верстака, приготовив потребное для урока. Все, что Володин приказывал, он исполнял послушно, но без охоты. Чтобы поменьше работать, Миша старался втянуть Володина в разговор. Володин хотел быть добросовестным и не поддавался. Он говорил:

— Вы, Мишенька, извольте сначала делом заняться два часика, а уж потом, если угодно, потолкуем. Тогда сколько угодно, а теперь ни-ни, потому что прежде всего дело.

Миша легонько вздыхал и принимался за дело, но по окончании урока у него уже не являлось желания потолковать: он говорил, что некогда, что много задано.

Иногда на урок приходила и Надежда посмотреть, как Миша занимается. Миша заметил, — и пользовался этим, — что при ней Володин

легче поддается на разговоры. Однако Надежда, как только увидит, что Миша не работает, немедленно замечает ему:

— Миша, не изображай лентяя!

А сама уходит, сказавши Володину:

— Извините, я вам помешала. Он у меня такой, что не прочь и полениться, если ему дать волю.

Володин сначала был смущен таким поведением Надежды. Потом подумал, что она стесняется угощать его кофейком, — боится, как бы сплетен не вышло. Потом сообразил, что она могла бы вовсе не приходить к нему на уроки, однако приходит, — не оттого ли, что ей приятно видеть Володина? И то истолковывал Володин в свою пользу, что Надежда так с первого слова охотно согласилась, чтобы Володин давал уроки, и не торговалась. В таких мыслях утверждали его и Передонов с Варварою.

— Ясно, что она в тебя влюблена, — говорил Передонов.

— И какого еще ей жениха надо! — прибавляла Варвара.

Володин делал скромное лицо и радовался своим успехам.

Однажды Передонов сказал ему:

— Жених, а трепаный галстук носишь.

— Я еще не жених, Ардаша, — рассудительно отвечал Володин, весь, однако, трепеща от радости, — а галстук я могу купить новый.

— Ты себе фигурный купи, — советовал Передонов, — чтоб видели, что в тебе любовь играет.

— Красный галстук, — сказала Варвара, — да попышнее, и булавку. Можно дешево булавку купить, и с камнем, — шик будет.

Передонов подумал, что у Володина, пожалуй, и денег столько нет. Или поскупится, купит простенький, черный. И это будет скверно, думал Передонов: Адаменко — барышня светская, если идти к ней свататься в кой-каком галстуке, то она может обидеться и откажет. Передонов сказал:

— Зачем дешево покупать? Ты, Павлуша, на галстук выиграл у меня. Сколько я тебе должен, рубль сорок?

— Сорок копеечек — это верно, — сказал Володин, осклабясь и кривляясь, — только не рублик, а два рублика.

Передонов и сам знал, что два рубля, но ему приятнее было бы заплатить только рубль. Он сказал:

— Врешь, какие два рубля!

— Вот Варвара Дмитриевна свидетельница, — уверял Володин.

Варвара сказала, ухмыляясь:

— Уж плати, Ардальон Борисыч, коли проиграл, — и я помню, что два сорок.

Передонов подумал, что Варвара заступается за Володина, значит, передается на его сторону. Он насупился, достал из кошелька деньги и сказал:

— Ну ладно, пусть два сорок, я не разорюсь. Ты бедный человек, Павлушка, ну вот тебе, возьми.

Володин взял деньги, сосчитал, потом сделал обиженное лицо, наклонил крутой лоб, выпятил нижнюю губу и промолвил блеющим и дребезжащим голосом:

— Вы, Ардальон Борисыч, изволите быть мне должны, так и надо платить, а что я изволю быть бедным, так уж это сюда совсем не идет. И я еще ни у кого на хлеб не прошу, а вы знаете, что беден только бес, который хлебца не ест,[115] а как я еще хлебец кушаю, и даже с маслицем, значит, я не беден.

И совсем утешился, закраснел от радости, что так удачно ответил, и принялся смеяться, выкручивая губы.

Наконец Передонов и Володин решили идти свататься. Оба облеклись в большой наряд и имели торжественный и более обыкновенного глупый вид. Передонов надел белый шейный платок, Володин — пестрый, красный с зелеными полосками. Передонов рассуждал так:

— Я сватать иду, моя роль солидная, и случай выдающийся, мне надо в белом галстуке быть, а ты жених, тебе надо пламенные чувства показать.

Напряженно-торжественные, поместились Передонов и Володин в гостиной у Адаменко: Передонов на диване, Володин в кресле. Надежда с удивлением смотрела на гостей. Гости беседовали о погоде и о новостях с видом людей, пришедших по щекотливому делу и не знающих, как приступить к нему. Наконец Передонов откашлялся, нахмурился и сказал:

— Надежда Васильевна, мы по делу.

— По делу, — сказал и Володин, сделал значительное лицо и выпятил губы.

— Вот об нем, — сказал Передонов и показал на Володина большим пальцем.

— Вот обо мне, — подтвердил и Володин и тоже показал большим пальцем на себя, на грудь.

Надежда улыбнулась.

— Прошу вас, — сказала она.

— Я за него буду говорить, — сказал Передонов, — он скромный, не решается сам. А он человек достойный, непьющий, добрый. Он мало

получает, но это наплевать. Ведь кому что надо, кому деньги, а кому человек. Ну, что ж ты молчишь, — обратился он к Володину, — скажи что-нибудь.

Володин склонил голову и произнес дрожащим голосом, как баран проблеял:

— Конечно, я небольшое жалованье получаю, но у меня всегда будет кусок хлебца. Конечно, я в университете не был, но живу, как дай Бог всякому, и ничего худого за собой не знаю, — а впрочем, кому как угодно судить. А я, что ж, собою доволен.

Он развел руками, наклонил лоб, словно собрался бодаться, и умолк.

— Так вот, — сказал Передонов, — он человек молодой, ему так жить не следует. Ему надо жениться. Все ж таки женатому лучше.

— Если жена соответствует, то чего лучше, — подтвердил Володин.

— А вы, — продолжал Передонов, — девица. Вам тоже надо замуж.

За дверью послышался легкий шорох, заглушенные, короткие звуки, как будто кто-то вздыхал или смеялся, закрывая рот. Надежда строго посмотрела на дверь и сказала холодно:

— Вы слишком ко мне заботливы, — с досадливым ударением на слове «слишком».

— Вам не надо богатого мужа, — говорил Передонов, — вы сама богатая. Вам надо такого, чтобы вас любил и угождал во всем. И вы его знаете, могли понять. Он к вам неравнодушен, вы к нему, может быть, тоже. Так вот, у меня купец, а у вас товар. То есть вы сами товар.

Надежда краснела и кусала губы, чтоб удержаться от смеха. За дверью продолжали раздаваться те же звуки. Володин скромно потупил глаза. Ему казалось, что дело идет на лад.

— Какой товар? — осторожно спросила Надежда. — Извините, я не понимаю.

— Ну, как не понимаете! — недоверчиво сказал Передонов. —Ну, я прямо скажу: Павел Васильевич просит у вас руки и сердца. И я за него прошу.

За дверью что-то упало на пол и каталось, фыркая и вздыхая. Надежда, краснея от сдержанного смеха, смотрела на гостей. Предложение Володина казалось ей смешною дерзостью.

— Да, — сказал Володин, — Надежда Васильевна, я прошу у вас руки и сердца.

Он покраснел, встал, сильно шаркнул ногою по ковру, поклонился и быстро сел. Потом опять встал, приложил руку к сердцу и сказал, умильно глядя на барышню:

— Надежда Васильевна, позвольте объясниться! Так как я вас даже очень люблю, то неужели же вы не захотите соответствовать?

Он ринулся вперед, опустился перед Надеждою на колено и поцеловал ее руку.

— Надежда Васильевна, поверьте! Клянусь! — воскликнул он, поднял руку вверх и со всего размаху ударил ею себя в грудь, так что гулкий звук отдался далече.

— Что вы, пожалуйста, встаньте! — смущенно сказала Надежда, — к чему это?

Володин встал и с обиженным лицом вернулся к своему месту. Там он прижал обе руки к груди и опять воскликнул:

— Надежда Васильевна, вы мне поверьте! По гроб, от всей души.

— Извините, — сказала Надежда, — я, право, не могу. Я должна воспитывать брата, — вот и он плачет там за дверью.

— Что ж воспитывать брата! — обиженно выпячивая губы, сказал Володин, — это не мешает, кажется.

— Нет, во всяком случае, это его касается, — сказала Надежда, поспешно подымаясь, — надо его спросить. Подождите.

Она проворно выбежала из гостиной, шелестя светло-желтым платьем, за дверью схватила Мишу за плечо, добежала с ним до его горницы и там, стоя у двери, запыхавшись от бега и от подавленного смеха, сказала срывающимся голосом:

— Совсем, совсем бесполезно просить, чтобы не подслушивал. Неужели необходимо прибегнуть к самым строгим мерам?

Миша, обняв ее у пояса и прижимаясь к ней головою, хохотал, сотрясаясь от хохота и от старания заглушить его. Сестра втолкнула Мишу в его горницу, села на стул у двери и засмеялась.

— Слышал, что он выдумал, твой Павел Васильевич? — спросила она. — Иди со мною в гостиную, да смеяться не смей. Я у тебя спрошу при них, а ты не смей соглашаться. Понял?

— Угу! — промычал Миша и засунул в рот конец платка, чтобы не смеяться, что, однако, мало помогало.

— Закрой глаза платком, когда смеяться захочется, — посоветовала сестра и опять повела его за плечо в гостиную.

Там она посадила его на кресло, а сама поместилась на стуле рядом. Володин смотрел обиженно, склонив голову, как барашек.

— Вот, — сказала Надежда, показывая на брата, — едва слезы уняла, бедный мальчик! Я ему вместо матери, и вдруг он думает, что я его оставлю.

Миша закрыл лицо платком. Все тело его тряслось. Чтобы скрыть смех, он протяжно заныл:

— У-у-у.

Надежда обняла его, незаметно ущипнула за руку и сказала:

— Ну, не плачь, миленький, не плачь.

Мише стало так неожиданно больно, что на глазах показались слезы. Он опустил платок и сердито посмотрел на сестру.

«А вдруг, — подумал Передонов, — мальчишка разозлится и начнет кусаться; людская слюна, говорят, ядовита».

Он подвинулся к Володину, чтобы в случае опасности спрятаться за него. Надежда сказала брату:

— Павел Васильевич просит моей руки.

— Руки и сердца, — поправил Передонов.

— И сердца, — скромно, но с достоинством сказал Володин.

Миша закрылся платком и, всхлипывая от сдержанного смеха, сказал:

— Нет, ты за него не выходи, а то как же я буду?

Володин заговорил дребезжащим от обиды и волнения голосом:

— Меня удивляет, Надежда Васильевна, что вы спрашиваетесь у вашего братца, который, к тому же, изволит быть еще мальчиком. Если бы он даже изволил быть взрослым юношей, то и в таком случае вы могли бы сами. А теперь как вы у него спрашиваетесь, Надежда Васильевна, это меня очень удивляет и даже поражает.

— У мальчишек спрашиваться, мне это даже смешно, — угрюмо сказал Передонов.

— У кого же мне спрашиваться? Тете все равно, а ведь его я должна воспитывать, так как же я выду за вас замуж? Вы, может быть, станете с ним жестоко обращаться. Не правда ли, Мишка, ведь ты боишься его жестокостей?

— Нет, Надя, — сказал Миша, выглядывая одним глазом из-за своего платка, — я не боюсь его жестокостей, где ж ему! а я боюсь, что Павел Васильевич меня избалует и не даст тебе ставить меня в угол.

— Поверьте, Надежда Васильевна, — сказал Володин, прижимая руки к сердцу, — я не избалую Мишеньку. Я так думаю, что зачем мальчика баловать! Сыт, одет, обут, а баловать ни-ни. Я его тоже могу в угол ставить, а совсем не то, чтоб баловать. Я даже больше могу. Так как вы девица, то есть барышня, то вам, конечно, неудобно, а я и прутиком могу.

— Оба в угол будете ставить, — плаксиво сказал Миша, закрывшись опять платком, — вот вы какие, да еще прутиком, нет, это мне невыгодно. Нет, ты, Надя, не смей выходить за него.

— Ну вот, вы слышите, я решительно не могу, — сказала Надежда.

— Мне очень странно, Надежда Васильевна, что вы так поступаете, — сказал Володин. — Я к вам со всем расположением и, можно сказать, пламенно, а вы, между прочим, из-за братца. Если вы теперь из-за братца, другая изволит из-за сестрицы, третья из-за племянника, а там и еще из-за кого-нибудь из родственников, и все так не будут выходить замуж, — этак и род людской совсем прекратится.

— Об этом не беспокойтесь, Павел Васильевич, — сказала Надежда, — пока еще такой опасности свету не грозит. Я не хочу выйти замуж без Мишина согласия, а он, вы слышали, не согласен. Да и понятно, вы его с первого слова сечь обещаетесь. Этак вы и меня поколотите.

— Помилуйте, Надежда Васильевна, да неужели же вы думаете, что я себе позволю такое невежество! — отчаянно воскликнул Володин.

Надежда улыбнулась.

— Я и сама не чувствую желания выходить замуж, — сказала она.

— Вы, может быть, хотите в монашки идти? — обиженным голосом спросил Володин.

— К толстовцам в их секту, — поправил Передонов, — землю навозить.[116]

— Зачем же мне идти куда-нибудь? — строго спросила Надежда, вставая со своего места, — мне и здесь хорошо.

Володин тоже встал, обиженно выпятил губы и сказал:

— После этого, если Мишенька показывает ко мне такие чувства, а вы его, оказывается, что спрашиваете, то это выходит, что я должен и от уроков отказаться, потому что как же я теперь стану ходить, если Мишенька ко мне этак?

— Нет, зачем же? — возразила Надежда, — это совсем особое дело.

Передонов подумал, что следует еще попытаться уговаривать барышню: может быть, и согласится. Он сказал ей сумрачно:

— Вы, Надежда Васильевна, подумайте хорошенько. Что ж так-то, с бухты-барахты? Он хороший человек. Он — мой друг.

— Нет, — сказала Надежда, — что ж тут думать! Благодарю очень Павла Васильевича за честь, но не могу.

Передонов сердито посмотрел на Володина и встал. Он подумал, что Володин — дурак: не сумел влюбить в себя барышню.

Володин стоял у своего кресла, склонив голову. Он спросил укоризненно:

— Так, значит, окончательно, Надежда Васильевна? Эх! Коли так, — сказал он, махнув рукою, — ну, так давай вам Бог всего хорошего, Надежда Васильевна. Значит, уж такая моя горемычная судьба. Эх! Любил парень девицу, а она не любила. Видит Бог! Ну, что ж, поплачу, да и все.

— Хорошим человеком пренебрегаете, а тоже еще какой попадется, — наставительно сказал Передонов.

— Эх! — еще раз воскликнул Володин и пошел было к дверям.

Но вдруг решил быть великодушным и вернулся, — проститься за руку с барышнею и даже с обидчиком Мишею.

На улице Передонов сердито ворчал. Володин всю дорогу обиженным скрипучим голосом рассуждал, словно блеял.

— Зачем от уроков отказывался? — ворчал Передонов. — Богач какой!

— Я, Ардальон Борисыч, только сказал, что если так, то я должен отказаться, а она мне изволила сказать, что не надо отказываться, а как я ничего не изволил ответить, то вышло, что она меня упросила. А уж теперь это от меня зависит, — хочу — откажусь, хочу — буду ходить.

— Чего отказываться? — сказал Передонов. — Ходи, как ни в чем не бывало.

«Пусть хоть здесь попользуется, — думал Передонов, — все меньше завидовать будет».

Тоскливо было на душе у Передонова. Володин все не пристроен, — смотри за ним в оба, не снюхался бы с Варварою. Еще, может быть, и Адаменко станет на него злиться, зачем сватал Володина. У нее есть родня в Петербурге: напишет и, пожалуй, навредит.

И погода была неприятная. Небо хмурилось, носились вороны, и каркали. Над самою головою Передонова каркали они, точно дразнили и пророчили еще новые, еще худшие неприятности.[117] Передонов окутал шею шарфом и думал, что в такую погоду и простудиться нетрудно.

— Какие это цветы, Павлуша? — спросил он, показывая Володину на желтые цветочки у забора в чьем-то саду.

— Это лютики, Ардаша, — печально отвечал Володин.

Таких цветов, вспомнил Передонов, много в их саду. И какое у них страшное название! Может быть, они ядовиты. Вот, возьмет их Варва-

ра, нарвет целый пук, заварит вместо чаю, да и отравит его, — потом, уж когда бумага придет, — отравит, чтоб подменить его Володиным. Может быть, уж они условились. Недаром же он знает, как называется этот цветок.

А Володин говорил:

— Бог ей судья! За что она меня обидела? Она ждет аристократа, а она не думает, что аристократы тоже всякие бывают, — с иным наплачется; а простой хороший человек ее бы мог сделать счастливою. А я вот схожу в церковь, поставлю свечку за ее здоровье, помолюсь: дай Бог, чтоб ей муж достался пьяница, чтоб он ее колотил, чтоб он промотался и ее по миру пустил. Вот тогда она обо мне воспомянет, да уж поздно будет. Станет кулаком слезы утирать, скажет: дура я была, что Павлу Васильевичу отказала, бить меня было некому, хороший был человек.

Растроганный своими словами, Володин прослезился и вытирал руками слезы на своих бараньих, выпуклых глазах.

— А ты ей ночью стекла побей, — посоветовал Передонов.

— Ну, Бог с нею, — печально сказал Володин, — еще поймают. Нет, а мальчишка-то каков! Господи Боже мой, что я ему сделал, что он вздумал мне вредить? Уж я ли не старался для него, а он, изволите видеть, какую мне подпустил интригу. Что это за ребенок такой, что из него выйдет, помилуйте, скажите?

— Да, — сердито сказал Передонов, — с мальчишкой не мог потягаться. Эх ты, жених!

— Что ж такое, — возразил Володин, — конечно, жених. Я и другую найду. Пусть она не думает, что об ней плакать будут.

— Эх ты, жених! — дразнил его Передонов. — Еще галстук надел. Где уж тебе с суконным рылом в калашный ряд. Жених!

— Ну, я жених, а ты, Ардаша, сват, — рассудительно сказал Володин. — Ты сам обнадежил меня, а и не сумел высватать. Эх ты, сват!

И они усердно принялись дразнить один другого, длинно перекоряясь с таким видом, словно совещались о деле.

Проводив гостей, Надежда вернулась в гостиную. Миша лежал на диване и хохотал. Сестра за плечо стащила его с дивана и сказала:

— А ты забыл, что подслушивать не следует.

Она подняла руки и хотела сложить мизинчики, но вдруг засмеялась, и мизинчики не сходились. Миша бросился к ней, — они обнялись и долго смеялись.

— А все-таки, — сказала она, — за подслушивание в угол.

— Ну, не надо, — сказал Миша, — я тебя от жениха избавил, ты мне еще должна быть благодарна.

— Кто кого еще избавил! Слышал, как тебя собирались прутиком постегивать? Отправляйся в угол.

— Ну, так я лучше здесь постою, — сказал Миша.

Он опустился на колени у сестриных ног и положил голову на ее колени. Она ласкала и щекотала его. Миша смеялся, ползая коленями по полу. Вдруг сестра отстранила его и пересела на диван. Миша остался один. Он постоял немного на коленях, вопросительно глядя на сестру. Она уселась поудобнее, взяла книгу, — словно читать, — а сама посматривала на брата.

— Ну, я уж и устал, — жалобно сказал он.

— Я не держу, ты сам стал, — улыбаясь из-за книги, ответила сестра.

— Ну, ведь я наказан, отпусти, — просил Миша.

— Разве я тебя ставила на колени? — притворно равнодушным голосом спросила Надежда, — что ж ты ко мне пристаешь!

— Я не встану, пока не простишь.

Надежда засмеялась, отложила книгу и потянула к себе Мишу за плечо. Он взвизгнул и бросился ее обнимать, восклицая:

— Павлушина невеста!

XVI

Черноглазый мальчишка заполнил все Людмилины помыслы. Она часто заговаривала о нем со своими и со знакомыми, иногда совсем некстати. Почти каждую ночь видела она его во сне, иногда скромного и обыкновенного, но чаще в дикой или волшебной обстановке. Рассказы об этих снах стали у нее столь обычными, что уже сестры скоро начали сами спрашивать ее, что ни утро, как ей Саша приснился нынче. Мечты о нем занимали все ее досуги.

В воскресенье Людмила уговорила сестер зазвать Коковкину от обедни и задержать подольше. Ей хотелось застать Сашу одного. Сама же она в церковь не пошла. Учила сестер:

— Скажите ей про меня: проспала.

Сестры смеялись над ее затеею, но, конечно, согласились. Они очень дружно жили. Да им же и на руку, — займется Людмила мальчишкою, им оставит настоящих женихов. И они сделали, как обещали, — зазвали Коковкину от обедни.

Тем временем Людмила совсем собралась идти, принарядилась весело, красиво, надушилась мягкою, тихою Аткинсоновою серингою,[118] положила в белую, бисером шитую сумочку неначатый флакон с духами и маленький распылитель и притаилась у окна, за занавескою, в гостиной, чтобы из этой засады увидеть вовремя, идет ли Коковкина. Духи взять с собою она придумала еще раньше, — надушить гимназиста, чтобы он не пахнул своею противною латынью, чернилами да мальчишеством. Людмила любила духи, выписывала их из Петербурга и много изводила их. Любила ароматные цветы. Ее горница всегда благоухала чем-нибудь, — цветами, духами, сосною, свежими по весне ветвями березы.

Вот и сестры, и Коковкина с ними. Людмила радостно побежала через кухню, через огород в калитку, переулочком, чтобы не попасться Коковкиной на глаза. Она весело улыбалась, быстро шла к дому Коковкиной и шаловливо помахивала белою сумочкою и белым зонтиком. Теплый осенний день радовал ее, и казалось, что она несет с собою и распространяет вокруг себя свойственный ей дух веселости.

У Коковкиной служанка сказала ей, что барыни дома нет. Людмила шумливо смеялась и шутила с краснощекою девицею, отворившею ей дверь.

— А ты, может быть, обманываешь меня, — говорила она, — может быть, твоя барыня от меня прячется.

— Гы-гы, что ей прятаться! — со смехом отвечала служанка, — идите сами в горницы, поглядите, коли не верите.

Людмила заглянула в гостиную и шаловливо крикнула:

— А кто тут есть жив человек? А, гимназист!

Саша выглянул из своей горницы, увидел Людмилу, обрадовался, и от его радостных глаз Людмиле стало еще веселее. Она спросила:

— А где же Ольга Васильевна?

— Дома нет, — ответил Саша. — Еще не приходила. Из церкви куда-нибудь пошла. Вот я вернулся, а ее нет еще.

Людмила притворилась, что удивлена. Она помахивала зонтиком и досадливо говорила:

— Как же так, уж все из церкви пришли. Всё дома сидит, а тут на-т-ко-ся, и нету. Это вы, юный классик,[119] так буяните, что старушке дома не усидеть?

Саша молча улыбался. Его радовал Людмилин голос, Людмилин звонкий смех. Он придумывал, как бы половче вызваться проводить ее, — еще побыть с нею хоть несколько минут, посмотреть да послушать.

Но Людмила не думала уходить. Она посмотрела на Сашу с лукавою усмешкою и сказала:

— Что же вы не просите меня посидеть, любезный молодой человек? Поди-ка, я устала! Дайте отдохнуть хоть чуть.

И она вошла в гостиную, смеючись, ласкаючи Сашу быстрыми, нежными глазами. Саша смутился, покраснел, обрадовался, — побудет с ним!

— Хотите, я вас душить буду? — живо спросила Людмила, — хотите?

— Вот вы какая! — сказал Саша, — уж сразу и задушить! за что такая жестокость?

Людмила звонко захохотала и откинулась на спинку кресла.

— Задушить! — восклицала она, — глупый! совсем не так понял. Я не руками вас душить хочу, а духами.

Саша сказал смешливо:

— А, духами! ну, это еще куда ни шло.

Людмила вынула из сумочки распылитель, повертела перед Сашиными глазами красивый сосудик темно-красного с золотыми узорами стекла, с гуттаперчевым шариком и с бронзовым набором, и сказала:

— Видите, купила вчера новый пульверизатор, да так и забыла его в сумочке.

Потом вынула большой флакон с духами, с темным и пестрым ярлыком, — парижская Герленова Pao-Rosa.[120] Саша сказал:

— Сумочка-то у вас глубокая какая!

Людмила весело ответила:

— Ну, не ждите больше ничего, пряничков вам не принесла.

— Пряничков, — смешливо повторил Саша.

Он с любопытством смотрел, как Людмила откупоривала духи и спросил:

— А как же вы их туда нальете без воронки?

Людмила весело сказала:

— А воронку-то уж вы мне дадите.

— Да у меня нет, — смущенно сказал Саша.

— Да уж как хотите, а воронку мне подайте, — смеючись, настаивала Людмила.

— Я бы у Маланьи взял, да у нее в керосине, — сказал Саша.

Людмила весело расхохоталась.

— Ах вы, недогадливый молодой человек! Дайте бумажки клочок, коли не жалко, — вот и воронка.

— Ах, в самом деле! — радостно воскликнул Саша, — ведь можно из бумаги свернуть. Сейчас принесу.

Саша побежал в свою горницу.

— Из тетрадки можно? — крикнул он оттуда.

— Да все равно, — весело откликнулась Людмила, — хоть из книжки рвите, из латинской грамматики, — мне не жалко.

Саша засмеялся и крикнул:

— Нет, уж я лучше из тетрадки.

Он отыскал чистую тетрадь, вырвал средний лист и хотел бежать в гостиную, — но уже Людмила стояла на пороге.

— К тебе, хозяин, можно? — спросила она шаловливо.

— Пожалуйста, очень рад! — весело крикнул Саша.

Людмила села к его столу, свернула из бумаги воронку и с деловито-озабоченным лицом принялась переливать духи из флакона в распылитель. Бумажная воронка внизу и сбоку, где текла струя, промокла и потемнела. Благовонная жидкость застаивалась в воронке и стекала вниз медленно. Повеяло теплое, сладкое благоухание от розы, смешанной с резким спиртным запахом. Людмила вылила в распылитель половину духов из флакона и сказала:

— Ну вот и довольно.

И принялась завинчивать распылитель. Потом скомкала влажную бумажку и потерла ее между ладонями.

— Понюхай, — сказала она Саше и поднесла к его лицу ладонь.

Саша нагнулся, призакрыл глаза и понюхал. Людмила засмеялась, легонько хлопнула его ладонью по губам и удержала руку на его рте. Саша зарделся и поцеловал ее теплую, благоухающую ладонь нежным прикосновением дрогнувших губ. Людмила вздохнула, разнеженное выражение пробежало по ее миловидному лицу и опять заменилось привычным выражением счастливой веселости. Она сказала:

— Ну, теперь только держись, как я тебя опрыскаю!

И сжала гуттаперчевый шарик. Благовонная пыль брызнула, дробясь и расширяясь в воздухе, на Сашину блузу. Саша смеялся и повертывался послушно, когда Людмила его поталкивала.

— Хорошо пахнет, а? — спросила она.

— Очень мило, — весело ответил Саша. — А как они называются?

— Вот еще, младенец! Прочти на флаконе и узнаешь, — поддразнивающим голосом сказала она.

Саша прочел и сказал:

— То-то розовым маслицем попахивает.

— Маслицем! — укоризненно сказала Людмила и легонько хлопнула Сашу по спине.

Саша засмеялся, взвизгивая и высовывая свернутый трубочкою кончик языка. Людмила встала и перебирала Сашины учебники да тетрадки.

— Можно посмотреть? — спросила она.

— Сделайте одолжение, — сказал Саша.

— Где же тут твои единицы да нули, показывай.

— У меня таких прелестей не бывало пока, — возразил Саша обидчиво.

— Ну, это ты врешь, — решительно сказала Людмила, — уж у вас положение такое — колы получать. Припрятал, поди.

Саша молча улыбался.

— Латынь да греки, — сказала Людмила, — то-то они вам надоели.

— Нет, что ж, — отвечал Саша, но видно было, что уже один разговор об учебниках наводит на него привычную скуку. — Скучновато зубрить, — признался он, — да ничего, у меня память хорошая. Вот только задачи решать — это я люблю.

— Приходи ко мне завтра после обеда, — сказала Людмила.

— Благодарю вас, приду, — краснея, сказал Саша.

Ему стало приятно, что Людмила пригласила его. Людмила спрашивала:

— Знаешь, где я живу? Придешь?

— Знаю. Ладно, приду, — радостно говорил Саша.

— Да непременно приходи, — повторила Людмила строго, — ждать буду, слышишь!

— А коли уроков много будет? — сказал Саша, больше из добросовестности, чем на самом деле думая из-за уроков не прийти.

— Ну вот, пустяки, все же приходи, — настаивала Людмила, — авось, на кол не посадят.

— А зачем? — посмеиваясь, спросил Саша.

— Да уж так надо. Приходи, кое-что тебе скажу, кое-что покажу, — говорила Людмила, подпрыгивая и напевая, подергивая юбочку, отставляя розовые пальчики, — приходи, миленький, серебряный, позолоченный.

Саша засмеялся.

— А вы сегодня скажите, — попросил он.

— Сегодня нельзя. Да и как сказать тебе сегодня? Ты завтра тогда и не придешь, скажешь, незачем.

— Ну, ладно, приду непременно, если пустят.

— Вот еще, конечно, пустят! Нешто вас на цепочке держат.

Прощаясь, Людмила поцеловала Сашу в лоб и подняла руку к Сашиным губам, — пришлось поцеловать. И Саше приятно было еще раз поцеловать белую, нежную руку, — и словно стыдно. Как не покраснеть! А Людмила, уходя, улыбалась лукаво да нежно. И несколько раз обернулась.

«Какая она милая!» — думал Саша.

Остался один.

«Как она скоро ушла! — думал он. — Вдруг собралась и не дала опомниться, и уже нет ее. Побыла бы еще хоть немного!» — думал Саша, и ему стало стыдно, как это он забыл вызваться проводить ее.

«Пройтись бы немного еще с нею! — мечтал Саша. — Разве догнать? Далеко ли она ушла? Побежать скорее, догонишь живо».

«Смеяться, пожалуй, будет? — думал Саша. — А может быть, еще помешаешь ей».

Так и не решился бежать за нею. Стало как-то скучно да неловко. На губах еще нежное ощущение от поцелуя замирало, и на лбу горел ее поцелуй.

«Как она нежно целует! — мечтательно вспоминал Саша. — Точно милая сестрица».

Сашины щеки горели. Сладостно было и стыдно. Неясные мечты рождались.

«Если бы она была сестрою! — разнеженно мечтал Саша, — и можно было бы прийти к ней, обнять, сказать ласковое слово. Звать ее: Людмилочка, миленькая! Или еще каким-нибудь, совсем особенным именем — Буба или Стрекоза.[121] И чтоб она откликалась. То-то радость была бы».

«Но вот, — печально думал Саша, — она чужая. Милая, но чужая. Пришла и ушла, и уже обо мне, поди, и не думает. Только оставила сладкое благоухание сиренью да розою, и ощущение от двух нежных поцелуев, — и неясное волнение в душе, рождающее сладкую мечту, как волна Афродиту».

Скоро вернулась Коковкина.

— Фу ты, как пахнет сильно! — сказала она. Саша покраснел.

— Была Людмилочка, — сказал он, — да вас не застала, посидела, меня надушила и ушла.

— Нежности какие! — с удивлением сказала старуха, — уж и Людмилочка.

Саша засмеялся смущенно и убежал к себе. А Коковкина думала, что уж очень они, сестрицы Рутиловы, веселые да ласковые девицы, — и старого, и малого своею лаской прельстят.

На другой день с утра Саше весело было думать, что его пригласили. Дома он с нетерпением ждал обеда. После обеда, весь красный от смущения, попросил у Коковкиной позволения уйти до семи часов к

Рутиловым. Коковкина удивилась, но отпустила. Саша побежал веселый, тщательно причесавшись и даже припомадившись. Он радовался и слегка волновался, как перед чем-то и значительным и милым. И ему приятно было думать, что вот он придет, поцелует Людмилину руку, и она его поцелует в лоб, — и потом, когда он будет уходить, опять такие же поцелуи. Сладостно мечталась ему Людмилина белая, нежная рука.

Сашу встретили еще в передней все три сестры. Они же любили сидеть у окна, глядючи на улицу, а потому завидели его издали. Веселые, нарядные, звонко щебечущие, окружили они его буйною вьюгою веселья, — и ему сразу стало приятно и легко с ними.

— Вот он, молодой таинственный человек! — радостно воскликнула Людмила.

Саша поцеловал ей руку и сделал это ловко и с большим удовольствием. Поцеловал уж заодно руки и Дарье с Валериею, — нельзя же их обойти, — и нашел, что это тоже весьма приятно. Тем более что они все три поцеловали его в щеку, — Дарья звонко, но равнодушно, как доску, — Валерия нежно, — опустила глаза — лукавые глазки, — легонько хихикнула и тихохонько прикоснулась легкими, радостными губами, — как нежный цвет яблони, благоуханный, упал на щеку, — а Людмила чмокнула радостно, весело и крепко.

— Это — мой гость, — решительно объявила она, взяла Сашу за плечи и повела к себе.

Дарья сейчас же и рассердилась.

— А твой, так и целуйся с ним! — сердито крикнула она. — Нашла сокровище! Никто не отнимет.

Валерия ничего не сказала, только усмехнулась, — очень любопытно с мальчишкою разговаривать! Что он понимает?

В Людмилиной горнице было просторно, весело и светло от двух больших окон в сад, слегка призадернутых легким желтоватым тюлем. Пахло сладко. Все вещи стояли нарядные и светлые. Стулья и кресла были обиты золотисто-желтою тканью с белым, едва различаемым узором. Виднелись разнообразные скляночки с духами, с душистыми водами, баночки, коробочки, веера и несколько русских и французских книжек.

— А я тебя сегодня ночью во сне видела, — хохоча, рассказывала Людмила, — ты, будто бы, у городского моста плавал, а я на мосту сидела, и тебя на удочку выудила.

— И в баночку положили? — смешливо спросил Саша.

— Зачем в баночку?

— А куда же?

— Куда? Нарвала за уши да назад в речку кинула.

И Людмила звонко и долго хохотала.

— Ишь вы какая! — сказал Саша. — А что вы мне сегодня хотели сказать?

Людмила смеялась и не отвечала.

— Обманули, видно, — догадался Саша. — А еще обещали показать что-то, — укоризненно сказал он.

— Я тебе покажу! хочешь есть? — спросила Людмила.

— Я обедал, — сказал Саша. — Экая вы обманщица!

— Нужно очень мне тебя обманывать. Да никак от тебя помадой разит? — вдруг спросила Людмила.

Саша покраснел.

— Терпеть не могу помады! — досадливо говорила Людмила. — Барышня помаженая!

Она провела рукою по его волосам, замаслила руку и хлопнула его ладонью по щеке.

— Пожалуйста, не смей помадиться! — сказала она.

Саша смутился.

— Ну ладно, не буду, — сказал он. — Строгости какие! Душитесь же вы духами!

— То духи, а то помада, глупый! нашел сравнить, — убеждающим голосом сказала Людмила. — Я никогда не помажусь. Зачем волосы склеивать! Духи совсем не то. Дай-ка я тебя надушу. Желаешь? Сиренькой надушу, — желаешь?

— Желаю, — сказал Саша, улыбаясь.

Ему приятно было думать, что он принесет домой аромат и опять удивит Коковкину.

— Кто желает? — переспросила Людмила, взяла в руки скляночку с серингою и вопросительно и лукаво смотрела на Сашу.

— Я желаю, — повторил Саша.

— Ты же лаешь? лаешь? вот как! лаешь! — весело дразнилась Людмила.

Саша и Людмила весело хохотали.

— Уж не боишься, что задушу? — спросила Людмила, — помнишь, как вчера струсил?

— И ничего не струсил, — вспыхнув, горячо отвечал Саша.

Людмила, посмеиваясь и дразня мальчика, принялась душить его серингою. Саша поблагодарил и опять поцеловал ей руку.

— И, пожалуйста, остригись! — строго сказала Людмила, — что хорошего локоны носить, лошадей прическою пугать.

— Ну ладно, остригусь, — согласился Саша, — ужасные строгости! У меня еще коротенькие волосы, в полдюйма, еще инспектор ничего мне о волосах не говорил.

— Я люблю остриженных молодых людей, заметь это, — важно сказала Людмила и погрозила ему пальцем. — И я тебе не инспектор, меня надо слушаться.

С тех пор Людмила повадилась все чаще ходить к Коковкиной, для Саши. Она старалась, особенно вначале, приходить, когда Коковкина не бывала дома. Иногда пускалась даже на хитрости, — выманивала старуху из дому. Дарья сказала ей однажды:

— Эх ты, трусиха! Старухи боишься. А ты при ней приди, да его и уведи, — погулять.

Людмила послушалась, — и уже стала приходить когда попало. Если заставала Коковкину дома, то, посидев с нею недолго, уводила Сашу погулять, но при этом задерживала его только на короткое время.

Людмила и Саша быстро подружились нежною, но беспокойною дружбою. Сама того не замечая, уже Людмила будила в Саше преждевременные, пока еще неясные, стремления да желания. Саша часто целовал Людмлины руки, — тонкие, гибкие пясти, покрытые нежною, упругою кожею, — сквозь ее желтовато-розовую ткань просвечивали извилистые синие жилки. И выше, — длинные, стройные, — до самого локтя легко было целовать, отодвигая широкие рукава.

Саша иногда скрывал от Коковкиной, что приходила Людмила. Не солжет, только промолчит. Да и как бы солгать, — могла же сказать и служанка. И молчать-то о Людмилиных посещениях нелегко было Саше: Людмилин смех так и раял в ушах.[122] Хотелось поговорить о ней. А сказать — неловко с чего-то.

Саша быстро подружился и с другими сестрами. Всем им целовал руки и даже скоро стал девиц называть Дашенька, Людмилочка да Валерочка.

XVII

Людмила, встретив Сашу днем на улице, сказала ему:

— Завтра у директорши старшая дочка именинница, — твоя старушка пойдет?

— Не знаю, — сказал Саша.

И уже радостная надежда шевельнулась в его душе, и даже не столько надежда, сколько желание: Коковкина уйдет, а Людмила как раз в

это время придет и побудет с ним. Вечером он напомнил Коковкиной о завтрашних именинах.

— Чуть не забыла, — сказала Коковкина. — Схожу. Девушка-то она такая милая.

И впрямь, когда Саша вернулся из гимназии, Коковкина ушла к Хрипачам. Сашу радовала мысль, что на этот раз он помог удалить Коковкину из дому. Уже он был уверен, что Людмила найдет время прийти.

Так и сталось, — Людмила пришла. Она поцеловала Сашу в щеку, дала ему поцеловать руку и весело засмеялась, а он зарделся. От Людмилиных одежд веял аромат влажный, сладкий, цветочный, — розирис, — плотский и сладострастный ирис, растворенный в сладкомечтающих розах. Людмила принесла узенькую коробку в тонкой бумаге, сквозь которую просвечивал желтоватый рисунок. Села, положила коробку к себе на колени и лукаво поглядела на Сашу.

— Финики любишь? — спросила она.

— Уважаю, — сказал Саша со смешливою гримаскою.

— Ну вот я тебя и угощу, — важно сказала Людмила.

Она развязала коробку и сказала:

— Ешь!

Сама вынимала из коробки по ягодке, вкладывала их Саше в рот и после каждой заставляла целовать ей руку. Саша сказал:

— Да у меня губы стали сладкие.

— Что за беда, что сладкие, целуй себе на здоровье, — весело ответила Людмила, — я не обижусь.

— Уж лучше же я вам сразу отцелую, — сказал Саша, смеючись.

И потянулся было сам за ягодою.

— Обманешь, обманешь! — закричала Людмила, проворно захлопнула коробку и ударила Сашу по пальцам.

— Ну вот еще, я — честный, уж я-то не обману, — уверял Саша.

— Нет, нет, не поверю, — твердила Людмила.

— Ну, хотите, вперед отцелую? — предложил Саша.

— Вот это похоже на дело, — радостно сказала Людмила, — целуй.

Она протянула Саше руку. Саша взял ее тонкие, длинные пальцы, поцеловал один раз и спросил с лукавою усмешкою, не выпуская ее руки:

— А вы не обманете, Людмилочка?

— А нешто я нечестная! — весело ответила Людмила, — небось, не обману, целуй без сомнения.

Саша склонился над ее рукою и стал быстро целовать ее; ровно покрывал руку поцелуями и звучно чмокал широко-раскрываемыми губа-

ми, и ему было приятно, что так много можно нацеловать. Людмила внимательно считала поцелуи. Насчитала десять и сказала:

— Тебе неловко, стоя-то на ногах, нагибаться надо.

— Ну, так я удобнее устроюсь, — сказал Саша.

Стал на колени и с усердием продолжал целовать.

Саша любил поесть. Ему нравилось, что Людмила угощает его сладким. За это он еще нежнее любил ее.

Людмила обрызгала Сашу приторно-пахучими духами. И удивил Сашу их запах, сладкий, но странный, кружащий, туманно-светлый, как золотящаяся ранняя, но грешная заря за белою мглою. Саша сказал:

— Какие духи странные!

— А ты на руку попробуй, — посоветовала Людмила.

И дала ему четырехугольную с округленными ребрами некрасивую баночку. Саша поглядел на свет, — ярко-желтая, веселая жидкость. Крупный, пестрый ярлык, французская надпись, — цикламен от Пивера.[123] Саша взялся за плоскую стеклянную пробку, вытащил ее, понюхал духи. Потом сделал так, как любила делать Людмила, — ладонь наложил на горлышко флакона, быстро его опрокинул, и опять повернул на дно, растер на ладони пролившиеся капли цикламена и внимательно понюхал ладонь, — спирт улетучился, остался чистый аромат. Людмила смотрела на него с волнующим ее ожиданием. Саша нерешительно сказал:

— Клопом засахаренным пахнет немножко.

— Ну, ну, не ври, пожалуйста, — досадливо сказала Людмила.

Она также взяла духов на руку и понюхала. Саша повторил:

— Правда, клопом.

Людмила вдруг вспыхнула, да так, что слезинки блеснули на глазах, ударила Сашу по щеке и крикнула:

— Ах ты, злой мальчишка! вот тебе за клопа!

— Здорово ляснула! — сказал Саша, засмеялся и поцеловал Людмилину руку. — Что же вы так сердитесь, голубушка Людмилочка! Ну, чем же, по-вашему, он пахнет?

Он не рассердился на удар, — совсем был очарован Людмилою.

— Чем? — спросила Людмила и схватила Сашино ухо, — а вот чем, я тебе сейчас скажу, только ухо надеру сначала.

— Ой, ой, ой, Людмилочка, миленькая, не буду! — морщась от боли и сгибаясь, говорил Саша.

Людмила выпустила покрасневшее ухо, нежно привлекла Сашу к себе, посадила его на колени и сказала:

— Слушай, — три духа живут в цикламене, — сладкою амброзиею пахнет бедный цветок — это для рабочих пчел. Ведь ты знаешь, по-русски его дряквою[124] зовут.

— Дряква, — смеючись, повторил Саша, — смешное имечко.

— Не смейся, пострел, — сказала Людмила, взяла его за другое ухо и продолжала, — сладкая амброзия, и над нею гудят пчелы, это — его радость. И еще он пахнет нежною ванилью, и уже это не для пчел, а для того, о ком мечтают, и это — его желание, — цветок и золотое солнце над ним. И третий его дух, он пахнет нежным, сладким телом для того, кто любит, и это — его любовь, — бедный цветок и полдневный тяжелый зной. Пчела, солнце, зной, — понимаешь, мой светик?

Саша молча кивнул головою. Его смуглое лицо пылало, и длинные темные ресницы трепетали. Людмила мечтательно глядела вдаль, раскрасневшаяся, и говорила:

— Он радует, нежный и солнечный цикламен, он влечет к желаниям, от которых сладко и стыдно, он волнует кровь. Понимаешь, мое солнышко, когда сладко, и радостно, и больно, и хочется плакать? Понимаешь? вот он какой.

Долгим поцелуем прильнула она к Сашиным губам.

Людмила задумчиво смотрела перед собою. Вдруг лукавая усмешка скользнула по ее губам. Она легонько оттолкнула Сашу и спросила:

— Ты розы любишь?

Саша вздохнул, открыл глаза, улыбнулся сладко и тихо шепнул:

— Люблю.

— Большие? — спросила Людмила.

— Да всякие, и большие, и маленькие, — бойко сказал Саша и встал с ее колен ловким мальчишеским движением.

— И розочки любишь? — нежно спросила Людмила, и звонкий ее голос вздрагивал от скрытого смеха.

— Люблю, — быстро ответил Саша.

Людмила захохотала и покраснела.

— Глупый, розочки любишь, да посечь некому, — воскликнула она.

Оба хохотали и краснели.

Невинные по необходимости возбуждения составляли для Людмилы главную прелесть их связи. Они волновали — и далеки были от грубых, отвратительных достижений.

Заспорили, кто сильнее. Людмила сказала:

— Ну, пусть ты и сильнее, так что ж? Дело в ловкости.

— Я и ловкий, — хвастался Саша.

— Туда же, ловкий! — дразнящим голосом вскрикнула Людмила.

Долго еще спорили. Наконец Людмила предложила:

— Ну, давай бороться.

Саша засмеялся и задорно сказал:

— Где же вам справиться со мною!

Людмила принялась щекотать его.

— А, вы так! — с хохотом крикнул он, вывернулся и обхватил ее вокруг стана.

Началась возня. Людмила сразу же увидела, что Саша сильнее. Силою не взять, так она, хитрая, улучила удобную минуту, подшибла Сашу под ногу, — он упал да и Людмилу увлек за собою. Впрочем, Людмила ловко извернулась и прижала его к полу. Саша отчаянно кричал:

— Так нечестно!

Людмила стала коленями ему на живот и руками прижала его к полу. Саша отчаянно выбивался. Людмила опять принялась щекотать его. Сашин звонкий хохот смешался с ее хохотом. Хохот заставил ее выпустить Сашу. Она хохоча упала на пол. Саша вскочил на ноги. Он был красен и раздосадован.

— Русалка! — крикнул он.

А русалка лежала на полу и хохотала.

Людмила посадила Сашу себе на колени. Усталые после борьбы, они весело и близко смотрели друг другу в глаза и улыбались.

— Я для вас тяжелый, — сказал Саша, — колени вам намну, вы меня лучше спустите.

— Ничего, сиди знай, — ласково ответила Людмила. — Ведь ты сам говорил, что ласкаться любишь.

Она погладила его по голове. Он нежно прижался к ней. Она сказала:

— А уж и красив ты, Саша.

Саша покраснел, засмеялся.

— Тоже придумаете! — сказал он.

Разговоры и мысли о красоте в применении к нему как-то смутили его; он еще никогда не любопытствовал узнать, красивым или уродом кажется он людям.

Людмила щипнула Сашину щеку. Саша улыбнулся. Щека покраснела пятном. Это было красиво. Людмила щипнула и за другую щеку. Саша не сопротивлялся. Он только взял ее руку, поцеловал и сказал:

— Будет вам щипаться, ведь и мне больно, да и вы свои пальчики намозолите.

— Туда же, — протянула Людмила, — больно, а сам какой комплиментщик стал.

— Мне некогда, много уроков. Приласкайте меня еще немножко, на счастье, чтобы греку ответить на пять.

— Выпроваживаешь! — сказала Людмила.

Схватила его за руку и подняла рукав выше локтя.

— Нахлопать хотите? — спросил Саша, смущенно и виновато краснея.

Но Людмила залюбовалась его рукою, повертела ее и так, и этак.

— Руки-то у тебя какие красивые! — громко и радостно сказала она и вдруг поцеловала около локтя.

Саша зарделся, рванул руку, но Людмила удержала ее и поцеловала еще несколько раз. Саша притих, потупился, и странное выражение легло на его ярких, полуулыбающихся губах, — и под навесом густых ресниц знойные щеки его начали бледнеть.

Попрощались. Саша проводил Людмилу до калитки. Пошел бы и дальше, да не велела. Он остановился у калитки и сказал:

— Ходи, милая, почаще, носи пряничков послаще.

Первый раз сказанное — ты — прозвучало Людмиле нежною ласкою. Она порывисто обняла, поцеловала Сашу и убежала. Саша стоя как оглушенный.

Саша обещал прийти. Назначенный час прошел — Саши не было. Людмила нетерпеливо ждала, — металась, томилась, смотрела в окно. Шаги заслышит на улице — высунется. Сестры посмеивались. Она сердито и взволнованно говорила:

— А ну вас! Отстаньте.

Потом бурно набрасывалась на них с упреками, зачем смеются. И уже видно стало, что Саша не придет. Людмила заплакала от досады и огорчения.

— Ой-ёй-ёчиньки! Охти мнечиньки! — дразнила ее Дарья.

Людмила, всхлипывая, тихонько говорила, — в порыве горя забывая сердиться на то, что ее дразнят:

— Старая карга противная не пустила его, под юбкой держит, чтоб он греков учил.

Дарья с грубоватым сочувствием сказала:

— Да и он-то пентюх, уйти не умеет.

— С малюсеньким связалась, — презрительно молвила Валерия.

Обе сестры, хоть и посмеивались, сочувствовали Людмиле. Они же все любили одна другую, любили нежно, но несильно: поверхностна нежная любовь! Дарья сказала:

— Охота плакать, из-за молокососа глаза ермолить.[125] Вот-то, уж можно сказать, чёрт с младенцем связался.

— Кто это чёрт? — запальчиво крикнула Людмила, и вся багрово покраснела.

— Да ты, матушка, — спокойно ответила Дарья, — даром что молодая, а только...

Дарья не договорила и пронзительно засвистала.

— Глупости! — сказала Людмила странно-звенящим голосом.

Странная, жестокая улыбка сквозь слезы озарила ее лицо, как ярко-пылающий луч на закате сквозь последнее падение усталого дождя.

Дарья спросила досадливо:

— Да что в нем интересного, скажи, пожалуйста?

Людмила все с тою же удивительною улыбкою, задумчиво и медленно ответила:

— Какой он красавец! И сколько в нем есть неистраченных возможностей!

— Ну, это дешево стоит, — решительно сказала Дарья. — Это у всех мальчишек есть.

— Нет, не дешево, — с досадою ответила Людмила. — Есть поганые.

— А он чистый? — спросила Валерия; так пренебрежительно протянула «чистый».

— Много ты понимаешь! — крикнула Людмила, но сейчас же опять заговорила тихо и мечтательно, — он невинный.

— Еще бы! — насмешливо сказала Дарья.

— Самый лучший возраст для мальчиков, — говорила Людмила, — четырнадцать—пятнадцать лет. Еще он ничего не может и не понимает по-настоящему, а уже все предчувствует, решительно все. И нет бороды противной.

— Большое удовольствие! — с презрительною ужимкою сказала Валерия.

Она была грустна. Ей казалось, что она — маленькая, слабая, хрупкая, и она завидовала сестрам, — Дарьину веселому смеху, и даже Людмилину плачу. Людмила сказала опять:

— Ничего вы не понимаете. Я вовсе не так его люблю, как вы думаете. Любить мальчика лучше, чем влюбиться в пошлую физиономию с усиками. Я его невинно люблю. Мне от него ничего не надо.

— Не надо, так чего ж ты его теребишь? — грубо возразила Дарья.

Людмила покраснела, и виноватое выражение тяжело легло на ее лице. Дарье стало жалко, она подошла к Людмиле, обняла ее и сказала:

— Ну, не дуйся, ведь мы не со зла говорим.

Людмила опять заплакала, приникла к Дарьину плечу и горестно сказала:

— Я знаю, что уж тут не на что мне надеяться, но хоть бы немножко приласкал он меня, хоть бы как-нибудь.

— Ну что, тоска! — досадливо сказала Дарья, отошла от Людмилы, подперлась руками в бока и звонко запела:

— Я вечор сваво милова
Оставляла ночевать.[126]

Валерия заливалась звонким, хрупким смехом. И у Людмилы глаза стали веселы и блудливы. Она порывисто прошла в свою комнату, обрызгала себя корилопсисом,[127] — и запах пряный, сладкий, блудливый охватил ее вкрадчивым соблазном. Она вышла на улицу нарядная, взволнованная, и нескромною прелестью соблазна веяло от нее.

«Может быть, и встречу», — думала она.

И встретила.

— Хорош! — укоризненно и радостно крикнула она.

Саша и смутился, и обрадовался.

— Некогда было, — смущенно сказал он, — все же уроки, все учить надо, правда, некогда.

— Врешь, миленький, — пойдем-ка сейчас.

Он отнекивался, смеючись, но видно было, что и рад тому, что Людмила его уводит. И Людмила привела его домой.

— Привела! — с торжеством крикнула она сестрам и за плечо отвела Сашу к себе.

— Погоди, сейчас я с тобою разделаюсь, — погрозила она и заложила дверь на задвижку, — вот теперь никто за тебя не заступится.

Саша, заложив руки за пояс, неловко стоял посреди ее горницы, — ему было жутко и любо. Пахло какими-то новыми духами, празднично, сладко, но что-то в этом запахе задевало, бередило нервы, как прикосновение радостных, юрких, шероховатых змеек.

XVIII

Передонов возращался с одной из ученических квартир. Внезапно он был застигнут мелким дождем. Стал соображать, куда бы зайти, чтобы не гноить на дожде нового шелкового зонтика. Через дорогу, на каменном двухэтажном особнячке, увидел он вывеску: «Контора нотариуса

Гудаевского». Сын нотариуса учился во втором классе гимназии. Передонов решился войти. Заодно нажалуется на гимназиста.

И отца, и мать застал он дома. Встретили его суетливо. Так и все здесь делалось.

Николай Михайлович Гудаевский был человек невысокий, плотный, черноволосый, плешивый, с длинною бородою. Движения его всегда были стремительны и неожиданны; он словно не ходил, а носился, коротенький, как воробей, и никогда нельзя было узнать по его лицу и положению, что он сделает в следующую минуту. Среди делового разговора он внезапно выкинет коленце, которое не столько насмешит, сколько приведет в недоумение своею беспричинностью. Дома или в гостях он сидит, сидит и вдруг вскочит и без всякой видимой надобности быстро зашагает по горнице, крикнет, стукнет. На улице идет, идет и вдруг остановится, присядет или сделает выпад, или другое гимнастическое упражнение, и потом идет дальше. На совершаемых или свидетельствуемых у него актах Гудаевский любил делать смешные пометки, например, вместо того, чтобы написать о Иване Иваныче Иванове, живущем на Московской площади, в доме Ермиловой, он писал о Иване Иваныче Иванове, что живет на базарной площади, в том квартале, где нельзя дышать от зловония, и т. д., упоминал даже иногда о числе кур и гусей у этого человека, подпись которого он свидетельствует.

Юлия Гудаевская, страстная, жестоко-сентиментальная, длинная, тонкая, сухая, странно — при несходстве фигур — походила на мужа ухватками: такие же порывистые движения, такая же совершенная несоразмерность с движениями других. Одевалась она пестро и молодо, и при быстрых движениях своих постоянно развевалась во все стороны длинными разноцветными лентами, которыми любила украшать в изобилии и свой наряд, и свою прическу.

Антоша, тоненький, юркий мальчик, вежливо шаркнул. Передонова усадили в гостиной, и он немедленно начал жаловаться на Антошу: ленив, невнимателен, в классе не слушает, разговаривает и смеется, на переменах шалит. Антоша удивился, — он не знал, что окажется таким плохим, — и принялся горячо оправдываться. Родители оба взволновались.

— Позвольте, — кричал отец, — скажите мне, в чем же именно состоят его шалости?

— Ника, не защищай его, — кричала мать, — он не должен шалить.

— Да что он нашалил? — допрашивал отец, бегая, словно катаясь, на коротеньких ножках.

— Вообще шалит, возится, дерется, — угрюмо говорил Передонов, — постоянно шалит.

— Я не дерусь, — жалобно восклицал Антоша, — у кого хотите спросите, я ни с кем никогда не дрался.

— Никому проходу не дает, — сказал Передонов.

— Хорошо-с, я сам пойду в гимназию, я узнаю от инспектора, — решительно сказал Гудаевский.

— Ника, Ника, отчего ты не веришь! — кричала Юлия, — ты хочешь, чтобы Антоша негодяем вышел? Его высечь надо.

— Вздор! вздор! — кричал отец.

— Высеку, непременно высеку! — закричала мать, схватила сына за плечо и потащила его в кухню, — Антоша, — кричала она, — пойдем, миленький, я тебя высеку.

— Не дам! — закричал отец, вырывая сына.

Мать не уступала, Антоша отчаянно кричал, родители толкались.

— Помогите мне, Ардальон Борисыч, — закричала Юлия, — подержите этого изверга, пока я разделаюсь с Антошей.

Передонов пошел на помощь. Но Гудаевский вырвал сына, сильно оттолкнул жену, подскочил к Передонову и грозно закричал:

— Не лезьте! Две собаки грызутся, третья не приставай! Да я вас!

Красный, растрепанный, потный, он потрясал в воздухе кулаком. Передонов попятился, бормоча невнятные слова. Юлия бегала вокруг мужа, стараясь ухватить Антошу; отец прятал его за себя, таская его за руку то вправо, то влево. Глаза у Юлии сверкали, и она кричала:

— Разбойником вырастет! В тюрьме насидится! В каторгу попадет!

— Типун тебе на язык! — кричал Гудаевский. — Молчи, дура злая!

— А, тиран! — взвизгнула Юлия, подскочила к мужу, ударила его кулаком в спину и порывисто бросилась из гостиной.

Гудаевский сжал кулаки и подскочил к Передонову.

— Вы смутьянить пришли, — закричал он. — Шалит Антоша? Вы врете, ничего он не шалит. Если бы он шалил, я бы и без вас это знал, а с вами я и говорить не хочу. Вы по городу ходите, дураков обманываете, мальчишек стегаете, диплом получить хотите на стегальных дел мастера. А здесь не на такого напали. Милостивый государь, прошу вас удалиться!

Говоря это, он подскакивал к Передонову и оттеснял его в угол. Передонов испугался и рад был бы убежать, да Гудаевский в пылу раздражения не заметил, что загородил выход. Антоша схватил отца сзади за фалды сюртука, и тянул его к себе. Отец сердито цыкнул на него и

лягнулся. Антоша проворно отскочил в сторону, но не выпустил отцова сюртука.

— Цыц! — крикнул Гудаевский, — Антоша, не забывайся.

— Папочка, — закричал Антоша, продолжая тянуть отца назад, — ты мешаешь Ардальону Борисычу пройти.

Гудаевский быстро отскочил назад, — Антоша едва успел увернуться.

— Извините, — сказал Гудаевский и показал на дверь, — выход здесь, а задерживать не смею.

Передонов поспешно пошел из гостиной. Гудаевский сложил ему из своих пальцев длинный нос, потом поддал в воздухе коленом, словно выталкивал гостя. Антоша захихикал. Гудаевский сердито прикрикнул на него:

— Антоша, не забывайся! Смотри, завтра поеду в гимназию, и если это окажется правда, отдам тебя матери на исправление.

— Я не шалил, он врет, — жалобно и пискливо сказал Антоша.

— Антоша, не забывайся! — крикнул отец. — Не «врет» надо сказать, — «ошибается». Только маленькие врут, взрослые изволят ошибаться.

Меж тем Передонов выбрался в полутемную прихожую, отыскал кое-как пальто и стал его надевать. От страха и волнения он не попадал в рукава. Никто не пришел ему помочь. Вдруг откуда-то из боковой двери выбежала Юлия, шелестя развевающимися лентами, и горячо зашептала что-то, махая руками и прыгая на цыпочках. Передонов не сразу ее понял.

— Я так вам благодарна, — наконец расслышал он, — это так благородно с вашей стороны, так благородно, такое участие. Все люди такие равнодушные, а вы вошли в положение бедной матери. Так трудно воспитывать детей, так трудно, вы не можете себе представить. У меня двое, и то голова кругом идет. Мой муж — тиран, он ужасный, ужасный человек, не правда ли? вы сами видели.

— Да, — пробормотал Передонов, — ваш муж, как же это он, так нельзя, я забочусь, а он...

— Ах, не говорите, — шептала Юлия, — ужасный человек. Он меня в гроб вгонит, и рад будет, и будет развращать моих детей, моего миленькою Антошу. Но я — мать, я не дам, я все-таки высеку.

— Не даст, — сказал Передонов и мотнул головою по направлению к горницам.

— Когда он уйдет в клуб. Не возьмет же он Антошу с собой! Он уйдет, а я до тех пор молчать буду, как будто согласилась с ним, а как

только он уйдет, я его и высеку, а вы мне поможете. Ведь вы мне поможете, не правда ли?

Передонов подумал и сказал:

— Хорошо, только как же я узнаю?

— Я пришлю за вами, я пришлю, — радостно зашептала Юлия. — Вы ждите, — как только он уйдет в клуб, так я и пришлю за вами.

Вечером Передонову принесли записку от Гудаевской. Он прочел:

«Достоуважаемый Ардальон Борисыч!

Муж ушел в клуб, и теперь я свободна от его варварства до часу ночи. Сделайте ваше одолжение, пожалуйте поскорее ко мне для содействия над преступным сыном. Я сознаю, что надо изгонять из него пороки, пока мал, а после поздно будет.

Искренно уважающая Вас Юлия Гудаевская.

P. S. Пожалуйста, приходите поскорее, а то Антоша ляжет спать, так его придется будить».

Передонов поспешно оделся, закутал горло шарфом и отправился.

— Куда ты, Ардальон Борисыч, на ночь глядя собрался? — спросила Варвара.

— По делу, — угрюмо отвечал Передонов, торопливо уходя.

Варвара подумала с тоскою, что опять ей не спать долго. Хоть бы поскорее заставить его повенчаться! Вот-то можно будет спать и ночью, и днем, — вот-то будет блаженство!

На улице сомнения овладели Передоновым. А что если это ловушка? А вдруг окажется, что Гудаевский дома, и его схватят, и начнут бить? Не вернуться ли лучше назад?

«Нет, надо дойти до их дома, — а там видно будет».

Ночь, тихая, прохладная, темная, обступала со всех сторон и заставляла замедлять шаги. Свежие веяния доносились с недалеких полей. В траве у заборов подымались легкие шорохи и шумы, и вокруг все казалось подозрительным и странным, — может быть, кто-нибудь крался сзади и следил. Все предметы за тьмою странно и неожиданно таились, словно в них просыпалась иная, ночная жизнь, непонятная для человека и враждебная ему. Нередонов тихо шел по улицам и бормотал:

— Ничего не выследишь. Не на худое иду. Я, брат, о пользе службы забочусь. Так-то.

Наконец он добрался до жилища Гудаевских. Огонь виден был только в одном окне на улицу, остальные четыре были темны. Передонов поднялся на крыльцо тихохонько, постоял, прильнул ухом к двери и по-

слушал — все было тихо. Он слегка дернул медную ручку звонка, — раздался далекий, слабый, дребезжащий звук. Но, как он ни был слаб, он испугал Передонова, как будто за этим звуком должны были проснуться и устремиться к этим дверям все враждебные силы. Передонов быстро сбежал с крыльца и прижался к стенке, притаясь за столбиком.

Прошли короткие мгновения. Сердце у Передонова замирало и тяжко колотилось.

Послышались легкие шаги, стук отворенной двери, — Юлия выглянула на улицу, сверкая в темноте черными, страстными глазами.

— Кто тут? — громким шепотом спросила она.

Передонов немного отделился от стены и, заглядывая снизу в узкое отверстие двери, где было темно и тихо, спросил, тоже шепотом, — и голос его дрожал:

— Ушел Николай Михайлович?

— Ушел, ушел, — радостно зашептала и закивала Юлия.

Робко озираясь, Передонов вошел за нею в темные сени.

— Извините, — шептала Юлия, — я без огня, а то еще кто увидит, будут болтать,

Она шла впереди Передонова по лестнице, в коридор, где висела маленькая лампочка, бросая тусклый свет на верхние ступеньки. Юлия радостно и тихо смеялась, и ленты ее зыбко дрожали от ее смеха.

— Ушел, — радостно шепнула она, оглянулась и окинула Передонова страстно-горящими глазами. — Уж я боялась, что останется сегодня дома, так развоевался. Да не мог вытерпеть без винта.[128] Я и прислугу отправила, — одна Лизина нянька осталась, — а то еще нам помешают. Ведь нынче люди, знаете, какие.

От Юлии веяло жаром, и вся она была жаркая, сухая, как лучина. Она иногда хватала Передонова за рукав, и от этих быстрых сухих прикосновений словно быстрые сухие огоньки пробегали по всему его телу. Тихохонько, на цыпочках прошли они по коридору, мимо нескольких запертых дверей, и остановились у последней, — у двери в детскую...[129]

Передонов оставил Юлию в полночь, уже когда она ждала, что скоро вернется муж. Он шел по темным улицам, угрюмый и пасмурный. Ему казалось, что кто-то все стоял около дома и теперь следит за ним. Он бормотал:

— Я по службе ходил. Я не виноват. Она сама захотела. Ты меня не подденешь, не на такого напал.

Варвара еще не спала, когда он вернулся. Карты лежали перед нею.

Передонову казалось, что кто-то мог забраться, когда он входил. Может быть, сама Варвара впустила врага. Передонов сказал:

— Я буду спать, а ты колдовать на картах станешь. Подавай сюда карты, а то околдуешь меня.

Он отнял карты и спрятал себе под подушку. Варвара ухмылялась и говорила:

— Петрушку валяешь. Я и колдовать-то не умею, очень мне надо.

Его досадовало и страшило, что она ухмыляется: значит, думал он, она и без карт может. Вот под кроватью кот жмется и сверкает зелеными глазами, — на его шерсти можно колдовать, гладя кота впотьмах, чтобы сыпались искры. Вот под комодом мелькает опять серая недотыкомка, — не Варвара ли ее подсвистывает по ночам тихим свистом, похожим на храп?

Гадкий и страшный приснился Передонову сон: пришел Пыльников, стал на пороге, манил и улыбался. Словно кто-то повлек Передонова к нему, и Пыльников повел его по темным, грязным улицам, а кот бежал рядом и светил зелеными зрачками...[130]

XIX

Странности в поведении Передонова все более день ото дня беспокоили Хрипача. Он посоветовался с гимназическим врачом, не сошел ли Передонов с ума. Врач со смехом ответил, что Передонову сходить не с чего, а просто дурит по глупости. Поступали и жалобы. Начала Адаменко: она прислала директору тетрадь ее брата с единицею за хорошо исполненную работу.

Директор во время одной из перемен пригласил к себе Передонова.

«А, право, похож на помешанного», — подумал Хрипач, увидев следы смятения и ужаса на тупом, сумрачном лице Передонова.

— Я имею к вам претензию, — заговорил Хрипач сухою скороговоркою. — Каждый раз, как мне приходится давать урок рядом с вами, у меня голова буквально трещит, — такой хохот подымается в вашем классе. Не могу ли я вас просить давать уроки не столь веселого содержания? «Шутить и все шутить, — как вас на это станет?»[131]

— Я не виноват, — сердито сказал Передонов, — они сами смеются. Да и нельзя же все о букве «ѣ»[132] да о сатирах Кантемира[133] говорить, иногда и скажешь что-нибудь, а они сейчас зубы скалят. Распущены очень. Подтянуть их надо.

— Желательно, и даже необходимо, чтобы работа в классе имела серьезный характер, — сухо сказал Хрипач. — И еще одно.

Хрипач показал Передонову две тетради и сказал:

— Вот две тетради по вашему предмету, обе учеников одного класса, Адаменка и моего сына. Мне пришлось их сравнить, и я принужден сделать вывод о вашем не вполне внимательном отношении к делу. Последняя работа Адаменка, исполненная весьма удовлетворительно, оценена единицею, тогда как работа моего сына, написанная хуже, заслужила четверку. Очевидно, что вы ошиблись, балл одного ученика поставили другому, и наоборот. Хотя человеку свойственно ошибаться, но все же прошу вас избегать подобных ошибок. Они возбуждают совершенно основательное неудовольствие родителей и самих учащихся.

Передонов пробормотал что-то невнятное.

В классах он со злости усиленно принялся дразнить маленьких, наказанных на днях по его жалобам. Особенно напал он на Крамаренка. Тот молчал, бледнел под своим темным загаром, и глаза его сверкали.

Выйдя из гимназии, Крамаренко в этот день не торопился домой. Он постоял у ворот, поглядывая на подъезд. Когда вышел Передонов, Крамаренко пошел за ним в некотором отдалении, пережидая редких прохожих.

Передонов шел медленно. Хмурая погода наводила на него тоску. Его лицо в последние дни принимало все более тупое выражение. Взгляд или был остановлен на чем-то далеком, или странно блуждал. Казалось, что он постоянно всматривается за предмет. От этого предметы в его глазах раздваивались, млели, мережили.[134]

Кого же он высматривал? Доносчиков. Они прятались за все предметы, шушукались, смеялись. Враги наслали на Передонова целую армию доносчиков. Иногда Передонов старался быстро накрыть их. Но они всегда успевали вовремя убежать, — словно сквозь землю провалятся...

Передонов услышал за собой быстрые, смелые шаги по мосткам, испуганно оглянулся, — Крамаренко поравнялся с ним и смотрел на него горящими глазами решительно и злобно, бледный, тонкий, как маленький дикарь, готовый броситься на врага. Этот взгляд пугал Передонова.

«А вдруг укусит?» — подумал он.

Пошел поскорее, — Крамаренко не отставал; пошел потише, — и Крамаренко замедлил шаги. Передонов остановился и сердито сказал:

— Чего толкаешься, черныш драный! Вот сейчас к отцу отведу.

Крамаренко тоже остановился, все продолжая смотреть на Передонова. Теперь они стали один против другого на шатких мостках пустын-

ной улицы, у серого, безучастного ко всему живому, забора. Крамаренко, весь дрожа, шипящим голосом сказал:

— Подлец!

Усмехнулся, повернулся, чтобы уходить. Сделал шага три, приостановился, оглянулся, повторил погромче:

— Этакий подлец! Гадина!

Плюнул и пошел. Передонов угрюмо посмотрел за ним и тоже отправился домой. Смутные, боязливые мысли медленно чередовались в его голове.

Вершина окликнула его. Она стояла за решеткою своего сада, у калитки, укутанная в большой черный платок, и курила. Передонов не сразу признал Вершину. В ее фигуре пригрезилось ему что-то зловещее, — черная колдунья стояла, распускала чарующий дым, ворожила. Он плюнул, зачурался. Вершина засмеялась и спросила:

— Что это вы, Ардальон Борисыч?

Передонов тупо посмотрел на нее и наконец сказал:

— А, это — вы! А я вас и не узнал.

— Это — хорошая примета. Значит, я скоро буду богатой, — сказала Вершина.

Передонову это не понравилось: разбогатеть-то ему самому хотелось бы.

— Ну, да, — сердито сказал он, — чего вам богатеть! Будет с вас и того, что есть.

— А вот я двести тысяч выиграю, — криво улыбаясь, сказала Вершина.

— Нет, это я выиграю двести тысяч, — спорил Передонов.

— Я — в один тираж, вы — в другой, — сказала Вершина.

— Ну, это вы врете, — грубо сказал Передонов. — Это не бывает, в одном городе два выигрыша.[135] Говорят вам, я выиграю.

Вершина заметила, что он сердится. Перестала спорить. Открыла калитку и, заманивая Передонова, сказала:

— Что ж мы тут стоим? Зайдите, пожалуйста, у нас Мурин.

Имя Мурина напомнило Передонову приятное для него, — выпивку, закуску. Он вошел.

В темноватой из-за деревьев гостиной сидели Марта с красным, завязанным бантом, платочком на шее и с повеселевшими глазами, — Мурин, больше обыкновенного растрепанный и чем-то словно обрадованный, — и возрастный гимназист Виткевич: он ухаживал за Вершиною, думал, что она в него влюблена, и мечтал оставить гимназию, жениться на Вершиной, и заняться хозяйством в ее именьице.

Мурин поднялся навстречу входившему Передонову с преувеличенно радостными восклицаниями, лицо его сделалось еще слаще, глазки замаслились, — и все это не шло к его дюжей фигуре и взлохмаченным волосам, в которых виднелись даже кое-где былинки сена.

— Дела обтяпываю, — громко и сипло заговорил он, — у меня везде дела, а вот кстати милые хозяйки и чайком побаловали.

— Ну да, дела, — сердито отвечал Передонов, — какие у вас дела! Вы не служите, а так деньги наживаете. Это вот у меня дела.

— Что ж, дела — это и есть чужие деньги, — с громким хохотом возразил Мурин.

Вершина криво улыбалась и усаживала Передонова к столу. На круглом преддиванном столе тесно стояли стаканы и чашки с чаем, ром, варенье из куманики,[136] серебряная сквозная, крытая вязаною салфеточкою, корзинка со сладкими булками и домашними миндальными пряничками.

От стакана Мурина сильно пахло ромом, а Виткевич положил себе на стеклянное блюдечко в виде раковины много варенья. Марта с видимым удовольствием ела маленькими кусочками сладкую булку. Вершина угощала и Передонова, — он отказался от чая.

Еще отравят, подумал он. — Отравить-то всегда легче, — сам выпьешь и не заметишь, яд сладкий бывает, а домой придешь и ноги протянешь.

И ему было досадно, зачем для Мурина поставили варенье, а когда он пришел, то для него не хотят принести новой банки с вареньем получше. Не одна у них куманика, — много всякого варенья наварили.

А Вершина, точно, ухаживала за Муриным. Видя, что на Передонова мало надежды, она подыскивала Марте и других женихов. Теперь она приманивала Мурина. Полуодичавший в гоньбе за трудно дававшимися барышами, помещик охотно шел на приманку: Марта ему нравилась.

Марта была рада, — ведь это была ее постоянная мечта, что вот найдется ей жених, и она выйдет замуж, и у нее будет хорошее хозяйство и дом — полная чаша. И она смотрела на Мурина влюбленными глазами. Сорокалетний громадный мужчина с грубым голосом и с простоватым выражением в лице и в каждом движении казался ей образцом мужской силы, молодечества, красоты и доброты.

Передонов заметил влюбленные взгляды, которыми обменивались Мурин и Марта, — заметил потому, что ожидал от Марты преклонения перед ним самим. Он сердито сказал Мурину:

— Точно жених сидишь, вся физиономия сияет.

— Это я от радости, — возбужденным, веселым голосом сказал Мурин, — что вот дело мое хорошо обделал.

Он подмигнул хозяйкам. Они обе радостно улыбались. Передонов сердито спросил, презрительно щуря глаза:

— Невесту, что ли, нашел? Приданого много дают?

Мурин говорил, как будто и не слышал этих вопросов:

— Вот Наталья Афанасьевна, дай ей Бог всего хорошего, моего Ванюшку согласилась у себя поместить. Он будет тут жить как у Христа за пазухой, и мое сердце будет спокойно, что не избалуется.

— Будет шалить вместе с Владей, — угрюмо сказал Передонов, — еще дом сожгут.

— Не посмеет! — решительно крикнул Мурин. — Вы, матушка Наталья Афанасьевна, за это не беспокойтесь: он у вас по струнке будет ходить.

Вершина, чтобы прекратить этот разговор, сказала, криво улыбаясь:

— Что-то мне кисленького захотелось.

— Не хотите ли брусники с яблоками? Я принесу, — сказала Марта, быстро вставая с места.

— Пожалуй, принесите.

Марта побежала из комнаты. Вершина даже не посмотрела за нею, — она привыкла принимать спокойно Мартины угождения, как нечто должное. Она сидела покойно и глубоко на диване, пускала синие дымные клубы и сравнивала мужчин, которые разговаривали, Передонов — сердито и вяло, Мурин — весело и оживленно.

Мурин нравился ей гораздо больше. У него добродушное лицо, а Передонов и улыбаться не умеет. Нравился ей Мурин всем, — большой, толстый, привлекательный, говорит приятным низким голосом, и к ней очень почтителен. Вершина даже подумывала порой, не повернуть ли дело так, чтобы Мурин посватался не к Марте, а к ней. Но она всегда кончала свои размышления тем, что великодушно уступала его Марте.

«За меня, — думала она, — всякий посватается, раз что я с деньгами, и я могу выбрать кого захочу. Вот, хоть этого юношу возьму», — думала она и не без удовольствия останавливала свой взор на зеленоватом, нахальном, но все-таки красивом лице Виткевича, который говорил мало, ел много, посматривал на Вершину и нагло при этом улыбался.

Марта принесла в глиняной чашечке бруснику с яблоками, и принялась рассказывать, что нынче ночью видела во сне, как она была в подружках на свадьбе и ела ананасы и блины с медом, в одном блине на-

шла бумажку сто рублей, и как от нее деньги отняли, и как она плакала. Так в слезах и проснулась.

— Надо было потихоньку спрятать, чтоб никто не видал, — сердито сказал Передонов, — а то вы и во сне не сумели денег удержать, какая ж вы хозяйка!

— Ну, этих денег нечего жалеть, — сказала Вершина, — во сне мало ли что увидишь.

— А мне так страсть как жалко этих денег, — простодушно сказала Марта, — целых сто рублей!

На глазах у нее навернулись слезы, и она принужденно засмеялась, чтобы не заплакать. Мурин суетливо полез в карман, восклицая:

— Матушка Марта Станиславовна, да вы не жалейте, мы сейчас это поправим!

Он достал из бумажника сторублевку, положил ее перед Мартою на стол, хлопнул по ней ладонью и крикнул:

— Извольте! Уж эту никто не отнимет.

Марта обрадовалась было, но потом ярко покраснела и смущенно сказала:

— Ах, что это вы, Владимир Иванович, разве я к тому! Я не возьму, что это вы, право!

— Нет, уж не извольте обижать, — сказал Мурин, посмеиваясь и не убирая денег, — пусть уж, значит, сон в руку будет.

— Да нет, как же, мне стыдно, я ни за что не возьму, — отнекивалась Марта, жадными глазами посматривая на сторублевку.

— Чего кобянитесь, коли дают, — сказал Виткевич, — вот ведь счастье людям валится само в руки, — сказал он с завистливым вздохом.

Мурин стал перед Мартою и воскликнул убеждающим голосом:

— Матушка Марта Станиславовна, верьте слову, я от всей души, — берите, пожалуйста! А коли даром не хотите, так это за то, чтобы вы за моим Ванюшкой посмотрели. То, что мы сговорились с Натальей Афанасьевной, то так и будет, а это, значит, вам, — за посмотренье, значит.

— Да как же так, это очень много, — нерешительно сказала Марта.

— За первые полгода, — сказал Мурин и поклонился Марте в пояс, — уж не обидьте, возьмите, и уж будьте вы моему Ванюшке заместо старшей сестрицы.

— Ну, что же, Марта, берите, — сказала Вершина, — благодарите Владимира Иваныча.

Марта, стыдливо и радостно краснея, взяла деньги. Мурин принялся горячо ее благодарить.

— Сватайся сразу, дешевле будет, — с яростью сказал Передонов, — ишь как разгрибанился![137]

Виткевич захохотал, а остальные сделали вид, что не слышали. Вершина начала было рассказывать свой сон, — Передонов не дослушал и стал прощаться. Мурин пригласил его к себе на вечер.

— Ко всенощной надо, — сказал Передонов.

— Что это Ардальон Борисыч какое к церкви получил усердие, — с сухим и быстрым смешком сказала Вершина.

— Я всегда, — отвечал он, — я в Бога верую, не так, как другие. Может быть, я один в гимназии такой. За то меня и преследуют. Директор безбожник.

— Когда будет свободно, сами назначьте, — сказал Мурин.

Передонов сказал, сердито комкая фуражку:

— Мне по гостям некогда ходить.

Но сейчас же вспомнил, что Мурин вкусно кормит и хорошо поит, и сказал:

— Ну, в понедельник я могу прийти.

Мурин пришел в восторг и стал было звать Вершину и Марту. Но Передонов сказал:

— Нет, дам не надо. А то напьешься, да еще ляпнешь что-нибудь без предварительной цензуры, так при дамах неудобно.

Когда Передонов ушел, Вершина, усмехаясь, сказала:

— Чудит Ардальон Борисыч. Очень уж ему инспектором хочется быть, а Варвара его, должно быть, за нос водит. Вот он и куролесит.

Владя, — он при Передонове прятался, — вышел и сказал со злорадною усмешкою:

— А слесарята узнали от кого-то, что это Передонов их выдал.

— Они ему стекла побьют! — с радостным хохотом воскликнул Виткевич.

На улице все казалось Передонову враждебным и зловещим. Баран стоял на перекрестке и тупо смотрел на Передонова. Этот баран был так похож на Володина, что Передонов испугался. Он думал, что, может быть, Володин оборачивается бараном, чтобы следить.

«Почем мы знаем, — думал он, — может быть, это и можно; наука еще не дошла, а может быть, кто-нибудь и знает. Ведь вот французы — ученый народ, а у них в Париже завелись волшебники да маги»,[138] —думал Передонов. И страшно ему стало. «Еще лягаться начнет этот баран», — думал он.

Баран заблеял, и это было похоже на смех у Володина, резкий, пронзительный, неприятный.

Встретился опять жандармский офицер. Передонов подошел к нему и шёпотом сказал:

— Вы послеживайте за Адаменко. Она переписывается с социалистами, да она и сама такая.

Рубовский молча и с удивлением посмотрел на него. Передонов пошел дальше и думал тоскливо:

«Что это он все попадается? Всё следит за мной и городовых везде наставил».

Грязные улицы, пасмурное небо, жалкие домишки, оборванные, вялые дети, — ото всего веяло тоскою, одичалостью, неизбывною печалью.

«Это — нехороший город, — думал Передонов, — и люди здесь злые, скверные; поскорее бы уехать в другой город, где все учителя будут кланяться низенько, а все школьники будут бояться и шептать в страхе: инспектор идет. Да, начальникам совсем иначе живется на свете».

— Господин инспектор второго района Рубанской губернии, — бормотал он себе под нос, — его высокородие, статский советник Передонов. Вот как! Знай наших! Его превосходительство, господин директор народных училищ Рубанской губернии, действительный статский советник Передонов. Шапки долой! В отставку подавайте! Вон! Я вас подтяну!

Лицо у Передонова делалось надменным: он получал уже в своем скудном воображении долю власти.

Когда Передонов пришел домой, он услышал, еще снимая пальто, доносившиеся из столовой резкие звуки, — это смеялся Володин. Сердце у Передонова упало.

«Успел уже и сюда прибежать, — подумал он, — может быть, сговариваются с Варварою, как бы меня околпачить. Потому и смеется, — рад, что Варвара с ним заодно».

Тоскливый, злой вошел он в столовую. Уже было накрыто к обеду. Варвара с озабоченным лицом встретила Передонова.

— Ардальон Борисыч! — воскликнула она, — у нас-то какое приключение! Кот сбежал.[139]

— Ну! — крикнул Передонов с выражением ужаса на лице. — Зачем же вы его отпустили?

— Что же мне, за хвост его к юбке пришить? — досадливо спросила Варвара.

Володин хихикнул. Передонов думал, что кот отправился, может быть, к жандармскому, и там вымурлычет все, что знает о Передонове[140] и о том, куда и зачем Передонов ходил по ночам, — все откроет, да еще и того примяукает, чего и не было. Беды! Передонов сел на стул у стола, опустил голову и, комкая конец у скатерти, погрузился в грустные размышления.

— Это уж завсегда коты изволят на старую квартиру сбегать, — сказал Володин, — потому как кошки к месту привыкают, а не к хозяину. Кошку надо закружить, как переносить на новую квартиру, и дороги ей не показывать, а то непременно убежит.

Передонов слушал с утешением.

— Так ты думаешь, Павлуша, что он на старую квартиру сбежал? — спросил он.

— Беспременно так, Ардаша, — отвечал Володин.

Передонов встал и крикнул:

— Ну так выпьем, Павлушка!

Володин захихикал.

— Это можно, Ардаша, — сказал он, — выпить завсегда даже очень можно.

— А кота достать надо оттуда! — решил Передонов.

— Сокровище! — ухмыляясь, отвечала Варвара, — вот после обеда пошлю Клавдюшку.

Сели обедать. Володин был весел, болтал и смеялся. Смех его звучал для Передонова, как блеянье того барана на улице.

«И чего он злоумышляет? — думал Передонов, — много ли ему надо?»

И подумал Передонов, что, может быть, удастся задобрить Володина.

— Слушай, Павлуша, — сказал он, — если ты не станешь мне вредить, то я тебе буду леденцов покупать по фунту в неделю, самый первый сорт, — соси себе за мое здоровье.

Володин засмеялся, но тотчас же сделал обиженное лицо и сказал:

— Я, Ардальон Борисыч, вам вредить не согласен, а только мне леденцов не надо, потому как я их не люблю.

Передонов приуныл. Варвара, ухмыляючись, сказала:

— Полно тебе петрушку валять, Ардальон Борисыч. Чем он тебе может навредить?

— Напакостить всякий дурак может, — уныло сказал Передонов.

Володин обиженно выпятил губы, покачал головою и сказал:

— Если вы, Ардальон Борисыч, так обо мне понимаете, то одно только могу сказать: благодарю покорно. Если вы обо мне так, то что же я после этого должен делать? Как это я должен понимать, в каком смысле?

— Выпей водки, Павлушка, и мне налей, — сказал Передонов.

— Вы на него не смотрите, Павел Васильевич, — утешала Володина Варвара, — он ведь это так говорит, душа не знает, что язык болтает.

Володин замолчал и, храня обиженный вид, принялся наливать водку из графина в рюмки. Варвара сказала, ухмыляясь:

— Как же это, Ардальон Борисыч, ты не боишься от него водку пить? Ведь он ее, может быть, наговорил, — вот он что-то губами разводит.

На лице у Передонова изобразился ужас. Он схватил налитую Володиным рюмку, выплеснул из нее водку на пол и закричал:

— Чур меня, чур, чур, чур! Заговор на заговорщика, — злому языку сохнуть, черному глазу лопнуть. Ему карачун,[141] меня чур-перечур.

Потом повернулся к Володину с озлобленным лицом, показал кукиш и сказал:

— На-тко, выкуси. Ты хитер, а я похитрее.

Варвара хохотала. Володин обиженным дребезжащим голосом говорил, словно блеял:

— Это вот вы, Ардальон Борисыч, всякие волшебные слова знаете и произносите, а я никогда не изволил магией заниматься. Я вам ни водки, ни чего другого не согласен наговаривать, а это, может быть, вы от меня моих невест отколдовываете.

— Вывез! — сердито сказал Передонов, — мне не надо твоих невест, я могу и почище взять.

— Вы моему глазу лопнуть наговорили, — продолжал Володин, — только смотрите, как бы у вас раньше очки не лопнули.

Передонов схватился испуганно за очки.

— Что мелешь! — проворчал он, — язык-то у тебя, как помело.

Варвара опасливо посмотрела на Володина и сказала сердито:

— Не ехидничайте, Павел Васильевич, кушайте себе суп, а то простынет. Ишь, ехидник какой!

Она подумала, что, пожалуй, и кстати зачурался Ардальон Борисыч. Володин принялся есть суп. Все помолчали немного, и потом Володин обиженным голосом сказал:

— Недаром я сегодня во снях видел, что меня медом мазали. Помазали вы меня, Ардальон Борисыч.[142]

— Еще не так бы вас надо помазать, — сердито сказала Варвара.

— За что же? позвольте узнать. Кажется, я ничего такого, — говорил Володин.

— За то, что язык у вас скверный, — объяснила Варвара. — Нельзя всего болтать, что вздумаете, — в какой час молвится.

XX

Вечером Передонов пошел в клуб, — позвали играть в карты. Был там и нотариус Гудаевский. Передонов испугался, когда увидел его. Но Гудаевский вел себя мирно, и Передонов успокоился.

Играли долго, пили много. Поздно ночью в буфете Гудаевский внезапно подскочил к Передонову, без всяких объяснений ударил его по лицу несколько раз, разбил ему очки и проворно удалился из клуба. Передонов не оказал никакого сопротивления, притворился пьяным, повалился на пол и захрапел. Его растолкали и выпроводили домой.

На другой день об этой драке говорили по всему городу.

В этот вечер Варвара нашла случай украсть у Передонова первое поддельное письмо. Это было ей необходимо, по требованию Грушиной, чтобы впоследствии, при сравнении двух подделок, не оказалось разницы. Передонов носил это письмо с собою, но сегодня как-то случайно оставил его дома: переодеваясь из вицмундира в сюртук, вынул его из кармана, сунул под учебник на комоде, да там и забыл. Варвара сожгла его на свечке у Грушиной.

Когда, поздно ночью, Передонов вернулся и Варвара увидела его разбитые очки, он сказал ей, что они сами лопнули. Она поверила и решила, что виною тому злой язык у Володина. Поверил в злой язык и сам Передонов. Впрочем, на другой день Грушина подробно рассказала Варваре о драке в клубе.

Утром, одеваясь, Передонов хватился письма, нигде не нашел и ужаснулся. Он закричал диким голосом:

— Варвара, где письмо?

Варвара смешалась.

— Какое письмо? — спросила она, глядя на Передонова испуганными, злыми глазами.

— Княгинино! — кричал Передонов.

Варвара кое-как собралась с духом. Нахально ухмыляясь, она сказала:

— А я почем знаю, где оно! Бросил, должно быть, в ненужные бумаги, а Клавдюшка и сожгла. Ищи у себя, коли еще оно цело.

Передонов ушел в гимназию в мрачном настроении. Вчерашние неприятности припомнились ему. Он думал о Крамаренке: как этот скверный мальчишка решился назвать его подлецом? Значит, он не боится Передонова. Уж не знает ли он чего-нибудь о Передонове? Знает и хочет донести.

В классе Крамаренко смотрел на Передонова в упор и улыбался, и это еще более страшило Передонова.

В третью перемену Передонова опять пригласили к директору. Он пошел, смутно предчувствуя что-то неприятное.

Со всех сторон до Хрипача доносились слухи о подвигах Передонова. Сегодня утром ему рассказали о вчерашнем происшествии в клубе. Вчера же после уроков к нему явился Володя Бультяков, на днях наказанный своею хозяйкою по жалобе Передонова. Опасаясь вторичного посещения его с такими же последствиями, мальчик пожаловался директору.

Сухим, резким голосом Хрипач передал Передонову дошедшие до него слухи, — из достоверных источников, прибавил он, — о том, что Передонов ходит на квартиры к ученикам, сообщает их родителям или воспитателям неточные сведения об успехах и поведении их детей и требует, чтобы мальчиков секли, вследствие чего происходят иногда крупные неприятности с родителями, как, например, вчера в клубе с нотариусом Гудаевским.

Передонов слушал озлобленно, трусливо. Хрипач замолчал.

— Что ж такое, — сердито сказал Передонов, — он дерется, а разве это позволяется? Он не имел никакого права мне в рожу заехать. Он в церковь не ходит, в обезьяну верует[143] и сына в ту же секту совращает. На него надо донести, — он социалист.

Хрипач внимательно посмотрел на Передонова и сказал внушительно:

— Все это не наше дело, и я совершенно не понимаю, что вы разумеете под оригинальным выражением «верует в обезьяну». По моему мнению, не следовало бы обогащать историю религий вновь изобретаемыми культами. Относительно же нанесенного вам оскорбления вам следовало бы привлечь его к суду. А самое лучшее было бы для вас — оставить нашу гимназию. Это был бы наилучший исход и для вас лично, и для гимназии.

— Я инспектором буду, — сердито возразил Передонов.

— До тех же пор, — продолжал Хрипач, — вам следует воздержаться от этих странных прогулок. Согласитесь сами, что такое поведе-

ние неприлично педагогу и роняет достоинство учителя в глазах учеников. Ходить по домам сечь мальчиков, — это, согласитесь сами...

Хрипач не кончил и пожал плечами.

— Что ж такое, — опять возразил Передонов, — я для их же пользы.

— Пожалуйста, не будем спорить, — резко прервал Хрипач, — я самым решительным образом требую от вас, чтоб это больше не повторялось.

Передонов сердито смотрел на директора.

Сегодня вечером решили справлять новоселье. Позвали всех своих знакомых. Передонов ходил по комнатам и посматривал, все ли в порядке, нет ли где чего такого, о чем могут донести. Он думал:

«Что ж, кажется, все хорошо, — запрещенных книжек не видно, лампадки теплятся, царские портреты висят на стене, на почетном месте».

Вдруг Мицкевич со стены подмигнул Передонову.

«Подведет», — испуганно подумал Передонов, быстро снял портрет и потащил его в отхожее место, чтобы заменить им Пушкина, а Пушкина повесить сюда.

«Все-таки Пушкин — придворный человек», — думал он, вешая его на стену в столовой.

Потом припомнил он, что вечером будут играть, и решил осмотреть карты. Он взял распечатанную колоду, которая только однажды была в употреблении, и принялся перебирать карты, словно отыскивая в них что-то. Лица у фигур ему не нравились: глазастые такие.

В последнее время за игрою ему все казалось, что карты ухмыляются, как Варвара. Даже какая-нибудь пиковая шестерка являла нахальный вид и непристойно вихлялась.

Передонов собрал все карты, какие были, и остриями ножниц проколол глаза фигурам, чтобы они не подсматривали. Сначала сделал он это с играными картами, а потом распечатал и новые колоды. Все это проделывал он с оглядкою, словно боялся, что его накроют. К счастью его, Варвара занялась в кухне и не заглядывала в горницы, — да и как ей было уйти от такого изобилия съестных припасов: как раз Клавдия чем-нибудь попользуется. Когда ей что-нибудь надобилось в горницах, она посылала туда Клавдию. Каждый раз, когда Клавдия входила, Передонов вздрагивал, прятал ножницы в карман и притворялся, что раскладывает пасьянс.

Меж тем как Передонов, таким образом, лишал королей и дам возможности досаждать ему подсматриваниями, надвигалась на него не-

приятность с другой стороны. Ту шляпу, которую на прежней квартире Передонов забросил на печку, чтоб она не попадалась под руку, нашла Ершова. Домекнулась она, что неспроста оставлена шляпа: ненавистники — ее съехавшие жильцы, и очень может быть, — думала Ершова — что они со зла на нее наколдовали в шляпу что-нибудь такое, отчего квартиру никто не станет снимать. В страхе и в досаде понесла она шляпу знахарке. Та осмотрела шляпу, таинственно и сурово пошептала над нею, поплевала на все четыре стороны и сказала Ершовой:

— Они тебе напакостили, а ты им отпакости. Сильный колдун ворожил, да я хитрее, я напротив его тебе так выворожу, что его самою скорежит.

И она еще долго ворожила над шляпою и, получив от Ершовой щедрые дары, велела ей отдать шляпу рыжему парню, чтоб он отнес шляпу Передонову, отдал ее первому, кого встретит, а сам бежал бы без оглядки.

Случилось так, что первый рыжий парень, встреченный Ершовою, был один из слесарят, злобившихся на Передонова за раскрытие ночной проказы. Он с удовольствием взялся за пятак исполнить поручение и по дороге от себя усердно наплевал в шляпу. В квартире у Передонова, встретив в темных сенцах самоё Варвару, он сунул ей шляпу и убежал так проворно, что Варвара не успела его разглядеть.

И вот, едва успел Передонов ослепить последнего валета, как вошла в горницу Варвара, удивленная и даже испуганная, и сказала дрожащим от волнения голосом:

— Ардальон Борисыч, посмотри, что это такое.

Передонов взглянул и замер от ужаса. Та самая шляпа, от которой он было отделался, теперь была в Варвариных руках, помятая, запыленная, едва хранящая следы былого великолепия. Он спросил, задыхаясь от ужаса:

— Откуда, откуда это?

Варвара испуганным голосом рассказала, как получила эту шляпу от юркого мальчишки, который словно из-под земли вырос перед нею и опять словно сквозь землю провалился. Она сказала:

— Это — никто, как Ершиха. Это она тебе наколдовала в шляпу, уж это непременно.

Передонов бормотал что-то неразборчивое, и зубы его стучали от страха. Мрачные опасения и предчувствия томили его. Он ходил хмурясь, а серая недотыкомка бегала под стульями и хихикала.

Гости собрались рано. Нанесли на новоселье много пирогов, яблок и груш. Варвара принимала все это с радостью, только из приличия приговаривала:

— Ну, к чему это вы? Напрасно беспокоились.

Но если ей казалось, что принесли дешевое или плохое, то она сердилась. Не нравилось ей тоже, если двое гостей приносили одинаковое.

Не теряя времени, сели за карты. Играли в стуколку, на двух столах.

— Ах, батюшки! — воскликнула Грушина, — что это, король-то у меня слепой!

— Да и у меня дама безглазая, — всмотревшись в свои карты, сказала Преполовенская, — да и валет тоже.

Гости со смехом принялись рассматривать карты. Преполовенский заговорил:

— То-то я смотрю, что такое, шершавые карты, — а это вот отчего. А я все щупаю, — что такое, думаю, шершавая какая рубашка, а это, выходит, от этих дырочек. То-то она, рубашка-то, и шершавая.

Все смеялись, один только Передонов был угрюм. Варвара, ухмыляясь, говорила:

— Ведь вы знаете, мой Ардальон Борисыч все чудит, все придумывает разные штуки.

— Да зачем ты это? — с громким хохотом спрашивал Рутилов.

— Что им глаза? — угрюмо сказал Передонов, — им не надо смотреть.

Все хохотали, а Передонов оставался угрюм и молчалив. Ему казалось, что ослепленные фигуры кривляются, ухмыляются и подмигивают ему зияющими дырками в своих глазах.

«Может быть, — думал Передонов, — они теперь изловчились носом смотреть».

Как почти всегда, ему не везло, и на лицах у королей, дам и валетов чудилось ему выражение насмешки и злобы; пиковая дама даже зубами скрипела, очевидно, злобясь на то, что ее ослепили. Наконец после одного крупного ремиза Передонов схватил колоду карт и с яростью принялся рвать ее в клочья.[144] Гости хохотали. Варвара, ухмыляясь, говорила:

— Уж он у меня всегда такой, — выпьет, да и начнет чудить.

— С пьяных глаз, значит? — язвительно сказала Преполовенская. — Слышите, Ардальон Борисыч, как ваша сестрица о вас понимает.

Варвара покраснела и сказала сердито:

— Что вы к словам цепляетесь?

Преполовенская улыбалась и молчала.

Взамен разорванной взяли новую колоду карт и продолжали игру.

Вдруг послышался грохот, — разбилось оконное стекло, камень упал на пол, близ стола, где сидел Передонов. Под окном слышен был тихий говор, смех, потом быстрый, удаляющийся топот. Все в переполохе вскочили с мест; женщины, как водится, завизжали. Подняли ка-

мень, рассматривали его испуганно, к окну никто не решался подойти, — сперва выслали на улицу Клавдию, и только тогда, когда она донесла, что на улице пусто, стали рассматривать разбитое стекло.

Володин сообразил, что это бросили камень гимназисты. Догадка показалась правдоподобною, и все значительно поглядели на Передонова. Передонов хмурился и бормотал что-то невнятное. Гости заговорили о том, какие дерзкие и распущенные есть мальчишки.

Были же это, конечно, не гимназисты, а слесарята.

— Это директор подговорил гимназистов, — вдруг заявил Передонов, — он ко мне все придирается, не знает, чем доехать, так вот придумал.

— Эку штуку вывез! — с хохотом закричал Рутилов.

Все захохотали, только Грушина сказала:

— А что вы думаете, он такой ядовитый человек, от него все можно ждать. Он не сам, он сторонкой, через сыновей шепнет.

— Это ничего, что аристократы, — обиженным голосом заблеял Володин, — от аристократов всего можно ждать.

Многие из гостей подумали, что, пожалуй, и правда, и перестали смеяться.

— Незадача тебе на стекло, Ардальон Борисыч, — сказал Рутилов, — то очки разбили, то окно высадили. Это возбудило новый приступ смеха.

— Стекла бьют, — долго жить, — со сдержанною улыбкою сказала Преполовенская.

Когда Передонов и Варвара собрались спать, Передонову казалось, что у Варвары что-то злое на уме; он отобрал от нее ножи и вилки, и спрятал их под постелью. Он лепетал коснеющим языком:

— Я тебя знаю: ты, как только за меня замуж выйдешь, так на меня и донесешь, чтобы от меня отделаться. Будешь пенсию получать, а меня в Петропавловке на мельнице смелют.

Ночью Передонов бредил. Неясные, страшные ходили бесшумно фигуры — короли, валеты, помахивая своими палицами. Они шептались, старались спрятаться от Передонова и тихонько лезли к нему под подушку. Но скоро они сделались смелее и заходили, забегали, завозились вокруг Передонова повсюду — по полу, по кровати, по подушкам. Они шушукались, дразнили Передонова, казали ему языки, корчили перед ним страшные рожи,[145] безобразно растягивая рты. Передонов видел, что они все маленькие и проказливые, что они его не убьют, а только издеваются над ним, предвещая недоброе. Но ему было страшно, — он то бормотал какие-то заклинания, отрывки слышанных им в

детстве заговоров, то принимался бранить их и гнать их от себя, махал руками и кричал сиплым голосом.

Варвара проснулась и сердито спросила:

— Что ты орешь, Ардальон Борисыч? спать не даешь.

— Пиковая дама все ко мне лезет, в тиковом капоте,[146] — пробормотал Передонов.

Варвара встала и, ворча и чертыхаясь, принялась отпаивать Передонова какими-то каплями.

В местном губернском листке появилась статейка о том, будто бы в нашем городе некая госпожа К. сечет живущих у нее на квартире маленьких гимназистов,[147] сыновей лучших местных дворянских семей. Нотариус Гудаевский носился с этим известием по всему городу и негодовал.

И разные другие нелепые слухи ходили по городу о здешней гимназии: говорили о переодетой гимназистом барышне, потом имя Пыльникова стали понемногу соединять с Людмилиным. Товарищи начали дразнить Сашу любовью к Людмиле. Сперва он легко относился к этим шуточкам, потом начал по временам вспыхивать и заступаться за Людмилу, уверяя, что ничего такого не было и нет.

И от этого ему стыдно стало ходить к Людмиле, но и сильнее тянуло пойти: смешанные, жгучие чувства стыда и влечения волновали его и туманно-страстными видениями наполняли его воображение.

XXI

В воскресенье, когда Передонов и Варвара завтракали, в переднюю кто-то вошел. Варвара, крадучись по привычке, подошла к двери и взглянула в нее. Так же тихонько вернувшись к столу, она прошептала:

— Почтальон. Надо ему водки дать, — опять письмо принес.

Передонов молча кивнул головою, — что ж, ему не жалко рюмки водки. Варвара крикнула:

— Почтальон, иди сюда!

Письмоносец вошел в горницу. Он рылся в сумке и притворялся, что ищет письмо. Варвара налила в большую рюмку водки и отрезала кусок пирога. Письмоносец посматривал на ее действия с вожделением. Меж тем Передонов все думал, на кого похож почтарь. Наконец он вспомнил, — это же ведь тот рыжий, прыщеватый хлап, что недавно подвел его под такой крупный ремиз.

«Опять, пожалуй, подведет», — тоскливо подумал Передонов и показал письмоносцу кукиш в кармане.

Рыжий хлап[148] подал письмо Варваре.

— Вам-с, — почтительно сказал он, поблагодарил за водку, выпил, крякнул, захватил пирог и вышел.

Варвара повертела в руках письмо и, не распечатывая, протянула его Передонову.

— На, прочти; кажется, опять от княгини, — сказала она, ухмыляясь, — расписалась, а толку мало. Чем писать, дала бы место.

У Передонова задрожали руки. Он разорвал оболочку и быстро прочел письмо. Потом вскочил с места, замахал письмом и завопил:

— Ура! три инспекторских места, любое можно выбирать. Ура, Варвара, наша взяла!

Он заплясал и закружился по горнице. С неподвижно-красным лицом и с тупыми глазами он казался странно-большою, заведенною в пляс куклою. Варвара ухмылялась и радостно глядела на него. Он крикнул:

— Ну, теперь решено, Варвара, — венчаемся.

Он схватил Варвару за плечи и принялся вертеть ее вокруг стола, топоча ногами.

— Русскую, Варвара! — закричал он.

Варвара подбоченилась и поплыла, Передонов плясал перед нею вприсядку.

Вошел Володин и радостно заблеял:

— Будущий инспектор трепака откалывает!

— Пляши, Павлушка! — закричал Передонов.

Клавдия выглядывала из-за двери. Володин крикнул ей, хохоча и ломаясь:

— Пляши, Клавдюша, и ты! Все вместе! Распотешим будущего инспектора!

Клавдия завизжала и поплыла, пошевеливая плечами. Володин лихо завертелся перед нею — приседал, повертывался, подскакивал, хлопал в ладоши. Особенно лихо выходило у него, когда он подымал колено и под коленом ударял в ладоши. Пол ходенем ходил под их каблуками. Клавдия радовалась тому, что у нее такой ловкий молодец.

Устали, сели за стол, а Клавдия убежала с веселым хохотом в кухню. Выпили водки, пива, побили бутылки и стаканы, кричали, хохотали, махали руками, обнимались и целовались. Потом Передонов и Володин побежали в Летний сад, — Передонов спешил похвастаться письмом.

В билиардной застали обычную компанию. Передонов показал приятелям письмо. Оно произвело большое впечатление. Все доверчиво осматривали его. Рутилов бледнел и, бормоча что-то, брызгался слюною.

— При мне почтальон принес! — восклицал Передонов. — Сам я и распечатывал. Уж тут, значит, без обмана.

И приятели смотрели на него с уважением. Письмо от княгини!

Из Летнего сада Передонов стремительно пошел к Вершиной. Он шел быстро и ровно, однообразно махал руками, бормотал что-то; на лице его, казалось, не было никакого выражения, — как у заведенной куклы, было оно неподвижно, — и только какой-то жадный огонь мертво мерцал в глазах.

День выдался ясный, жаркий. Марта сидела в беседке. Она вязала чулок. Мысли ее были смутны и набожны. Сначала она думала о грехах, потом направила мысли свои к более приятному и стала размышлять о добродетелях. Думы ее начали обволакиваться дремою, и стали образны, и по мере того, как уничтожалась их выражаемая словами вразумительность, увеличивалась ясность их мечтательных очертаний. Добродетели предстали перед нею, как большие, красивые куклы в белых платьях, сияющие, благоуханные. Они обещали ей награды, в руках их звенели ключи, на головах развевались венчальные покрывала.

Между ними одна была странная и непохожая на других. Она ничего не обещала, но глядела укоризненно, и губы ее двигались с беззвучною угрозою; казалось, что если она скажет слово, то станет страшно. Марта догадалась, что это совесть. Она была вся в черном, эта странная, жуткая посетительница, с черными глазами, с черными волосами, — и вот она заговорила о чем-то, быстро, часто, отчетливо. Она стала совсем похожа на Вершину. Марта встрепенулась, ответила что-то на ее вопрос, ответила почти бессознательно, — и опять дрема одолела Марту.

Совесть ли, Вершина ли сидела против нее и говорила что-то скоро и отчетливо, но непонятно, и курила чем-то чужепахучим, — решительная, тихая, требующая, чтобы все было, как она хочет. Марта хотела посмотреть прямо в глаза этой докучной посетительнице, но почему-то не могла, — та странно улыбалась, ворчала, и глаза ее убегали куда-то и останавливались на далеких, неведомых предметах, на которые Марте страшно было глядеть...

Громкий разговор разбудил Марту. В беседке стоял Передонов и громко говорил, здороваясь с Вершиною. Марта испуганно озиралась. Сердце у нее стучало, а глаза еще слипались, и мысли еще путались. Где же совесть? Или ее и не было? И не следовало ей здесь быть?

— А вы дрыхнули тут, — сказал ей Передонов, — храпели во все носовые завертки. Теперь вы сосна.

Марта не поняла его каламбура, но улыбалась, догадываясь по улыбке на губах у Вершиной, что говорится что-то, что надо принимать за смешное.

— Вас бы надо Софьей назвать, — продолжал Передонов.

— Почему же? — спросила Марта.

— А потому, что вы — соня, а не Марта.

Передонов сел на скамейку рядом с Мартою и сказал:

— А у меня новость, очень важная.

— Какая же у вас новость, поделитесь с нами, — сказала Вершина, и Марта тотчас позавидовала ей, что она таким большим количеством слов сумела выразить простой вопрос: какая новость?

— Угадайте, — угрюмо-торжественно сказал Передонов.

— Где же мне угадать, какая у вас новость, — ответила Вершина, — вы так скажите, вот мы и будем знать вашу новость.

Передонову было неприятно, что не хотят разгадать его новость. Он замолчал, и сидел, неловко сгорбившись, тупой и тяжелый, и неподвижно смотрел перед собою. Вершина курила и криво улыбалась, показывая свои темно-желтые зубы.

— Чем так-то угадывать ваши новости, — сказала она, помолчав немного, — давайте я вам на картах погадаю. Марта, принесите из комнат карты.

Марта встала, но Передонов сердито остановил ее:

— Сидите, не надо, я не хочу. Гадайте сами себе, а меня оставьте. Уж меня теперь на свой копыл[149] не перегадаете. Вот я вам покажу штуку, так вы рты разинете.

Передонов проворно вынул из кармана бумажник, достал из него письмо в оболочке и показал Вершиной, не выпуская из рук.

— Видите, — сказал он, — конверт. А вот и письмо.

Он вынул письмо и прочитал его медленно, с тупым выражением удовольствованной злости в глазах. Вершина опешила. Она до последней минуты не верила в княгиню, но теперь она поняла, что дело с Мартою окончательно проиграно. Досадливо, криво усмехнулась она и сказала:

— Ну, что ж, ваше счастье.

Марта сидела с удивленным и испуганным лицом и растерянно улыбалась.

— Что, взяли? — сказал Передонов злорадно. — Вы меня дураком считали, а я-то поумнее вас выхожу. Вот про конверт говорили, — а вот вам и конверт. Нет, уж мое дело верное.

Он стукнул кулаком по столу, несильно и негромко, — и движение его, и звук его слов оставались как-то странно равнодушными, словно он был чужой и далекий своим делам.

Вершина и Марта переглянулись с брезгливо-недоумевающим видом.

— Что переглядываетесь! — грубо сказал Передонов, — нечего переглядываться: теперь уж кончено, женюсь на Варваре. Многие тут барышеньки меня ловили.

Вершина послала Марту за папиросами, — и Марта радостно выбежала из беседки. На песчаных дорожках, пестревших увядшими листьями, ей стало свободно и легко. Она встретила около дома босого Владю, — и ей стало еще веселее и радостнее.

— Женится на Варваре, решено, — оживленно сказала она, понижая голос и увлекая брата в дом.

Между тем Передонов, не дожидаясь Марты, внезапно стал прощаться.

— Мне некогда, — сказал он, — жениться — не лапти ковырять.

Вершина его не удерживала и распрощалась с ним холодно. Она была в жестокой досаде: все еще была до этого времени слабая надежда пристроить Марту за Передонова, а себе взять Мурина, — и вот теперь последняя надежда исчезла. И досталось же за это сегодня Марте! Пришлось поплакать.[150]

Передонов вышел от Вершиной и задумал закурить. Он внезапно увидел городового, — тот стоял себе на углу и лущил подсолнечниковые семечки. Передонов почувствовал тоску.

«Опять соглядатай, — подумал он, — так и смотрят, к чему бы придраться».

Он не посмел закурить вынутой папиросы, подошел к городовому и робко спросил:

— Господин городовой, здесь можно курить?

Городовой сделал под козырек и почтительно осведомился:

— То есть, ваше высокородие, это насчет чего?

— Папиросочку, — пояснил Передонов, — вот одну папиросочку можно выкурить?

— Насчет этого никакого приказания не было, — уклончиво отвечал городовой.

— Не было? — переспросил Передонов с печалью в голосе.

— Никак нет, не было. Так что господа, которые курят, это не велено останавливать, а чтобы разрешение вышло, об этом не могу знать.

— Если не было, так я и не стану, — сказал покорно Передонов. — Я — благонамеренный. Я даже брошу папироску. Ведь я — статский советник.

Передонов скомкал папироску, бросил ее на землю и, уже опасаясь, не наговорил ли он чего-нибудь лишнего, поспешно пошел домой. Городовой посмотрел за ним с недоумением, наконец решил, что у барина «залито на вчерашние дрожжи», и, успокоенный этим, снова принялся за мирное лущение семечек.

— Улица торчком встала, — пробормотал Передонов.

Улица поднималась на невысокий холм, и за ним снова был спуск, и перегиб улицы меж двух лачуг рисовался на синем, вечереющем, печальном небе. Тихая область бедной жизни замкнулась в себе, и тяжко грустила и томилась. Деревья свешивали ветки через заборы, и заглядывали и мешали идти, и шепот их был насмешливый и угрожающий. Баран стоял на перекрестке и тупо смотрел на Передонова.

Вдруг из-за угла послышался блеющий смех, выдвинулся Володин и подошел здороваться. Передонов смотрел на него мрачно и думал о баране, который сейчас стоял, и вдруг его нет.

«Это, — думал он, — конечно, Володин оборачивается бараном. Недаром же он так похож на барана, и не разобрать, смеется ли он или блеет».

Эти мысли так заняли его, что он совсем не слышал, что говорил, здороваясь, Володин.

— Что лягаешься, Павлушка! — тоскливо сказал он.

Володин осклабился, заблеял и возразил:

— Я не лягаюсь, Ардальон Борисыч, а здороваюсь с вами за руку. Это, может быть, у вас на родине руками лягаются, а у меня на родине ногами лягаются, да и то не люди, а, с позволения сказать, лошадки.

— Еще боднешь, пожалуй, — проворчал Передонов.

Володин обиделся и дребезжащим голосом сказал:

— У меня, Ардальон Борисыч, еще рога не выросли, а это, может быть, у вас рога вырастут раньше, чем у меня.

— Язык у тебя длинный, мелет, что не надо, — сердито сказал Передонов.

— Если вы так, Ардальон Борисыч, — немедленно возразил Володин, — то я могу и помолчать.

И лицо его сделалось совсем прискорбным, и губы его совсем выпятились; однако он шел рядом с Передоновым, — он еще не обедал и рассчитывал сегодня пообедать у Передонова: утром, на радостях, звали.

Дома ждала Передонова важная новость. Еще в передней можно было догадаться, что случилось необычное, — в горницах слышалась возня, испуганные восклицания. Передонов подумал, — не все готово к обеду: увидели — он идет, испугались, торопятся. Ему стало приятно, — как его боятся! Но оказалось, что произошло другое. Варвара выбежала в прихожую и закричала:

— Кота вернули!

Испуганная, она не сразу заметила Володина. Наряд ее был, по обыкновению, неряшлив, — засаленная блуза над серою, грязною юбкою, истоптанные туфли. Волосы нечесаные, растрепанные. Взволнованно говорила она Передонову.

— Иришка-то! со злобы еще новую штуку выкинула. Опять мальчишка прибежал, принес кота и бросил, а у кота на хвосте гремушки, — так и гремят. Кот забился под диван и не выходит.

Передонову стало страшно.

— Что же теперь делать? — спросил он.

— Павел Васильевич, — попросила Варвара, — вы помоложе, турните его из-под дивана.

— Турнем, турнем, — хихикая, сказал Володин и пошел в зал.

Кота кое-как вытащили и сняли у него с хвоста гремушки. Передонов отыскал репейниковые шишки и снова принялся лепить их в кота. Кот яростно зафыркал и убежал в кухню. Передонов, усталый от возни с котом, уселся в своем обычном положении, — локти на ручки кресла, пальцы скрещены, нога на ногу, лицо неподвижное, угрюмое.[151]

Второе княгинино письмо Передонов берег усерднее, чем первое: носил его всегда при себе в бумажнике, но всем показывал и принимал при этом таинственный вид. Он зорко смотрел, не хочет ли кто-нибудь отнять это письмо, не давал его никому в руки и после каждого показывания прятал в бумажник, бумажник засовывал в сюртук, в боковой карман, сюртук застегивал и строго, значительно смотрел на собеседников.

— Что ты с ним так носишься? — иногда со смехом спрашивал Рутилов.

— На всякий случай, — угрюмо объяснял Передонов, — кто вас знает! Еще стянете.

— Чистая Сибирь у тебя это дело, — говорил Рутилов, хохотал и хлопал по плечу Передонова.

Но Передонов сохранял невозмутимую важность. Вообще он в последнее время важничал больше обыкновенного. Он часто хвастал:

— Вот я буду инспектором. Вы тут киснуть будете, а у меня под началом два уезда будут. А то и три. Ого-го!

Он совсем уверился, что в самом скором времени получит инспекторское место. Учителю Фаластову он не раз говорил:

— Я, брат, и тебя вытащу.[152]

И учитель Фаластов сделался очень почтительным в обращении с Передоновым.

XXII

Передонов стал часто ходить в церковь. Он становился на видное место и то крестился чаще, чем следовало, то вдруг столбенел и тупо смотрел перед собою. Какие-то соглядатаи, казалось ему, прятались за столбами, выглядывали оттуда, старались его рассмешить. Но он не поддавался.

Смех — тихий смешок, хихиканье да шептанье девиц Рутиловых звучали в ушах у Передонова, разрастаясь порою до пределов необычайных, — точно прямо в уши ему смеялись лукавые девы, чтобы рассмешить — и погубить его. Но Передонов не поддавался.

Порою, меж клубами ладанного дыма, являлась недотыкомка, дымная, синеватая; глазки блестели огоньками, она с легким звяканьем носилась иногда по воздуху, но недолго, а все больше каталась в ногах у прихожан, издевалась над Передоновым и навязчиво мучила. Она, конечно, хотела напугать Передонова, чтобы он ушел из церкви до конца обедни. Но он понимал ее коварный замысел — и не поддавался.

Церковная служба, — не в словах и обрядах, а в самом внутреннем движении своем столь близкая такому множеству людей, — Передонову была непонятна. Поэтому страшила. Каждения ужасали его, как неведомые чары.

«Чего размахался?» — думал он.

Одеяния священнослужителей казались ему грубыми, досадно-пестрыми тряпками, — и когда он глядел на облаченного священника, он злобился, и хотелось ему изорвать ризы, изломать сосуды. Церковные обряды и таинства представлялись ему злым колдовством, направленным к порабощению простого народа.

«Просвирку в вино накрошил, — думал он сердито про священника, — вино дешевенькое, народ морочат, чтобы им побольше денег за требы носили».

Таинство вечного претворения бессильного вещества в расторгающую узы смерти силу было перед ним навек занавешено. Ходячий труп!

Нелепое совмещение неверия в живого Бога и Христа его с верою в колдовство!

Стали выходить из церкви. Сельский учитель Мачигин, простоватый молодой человек, подстал к девицам, улыбался и бойко беседовал. Передонов подумал, что неприлично ему при будущем инспекторе так вольно держаться. На Мачигине была соломенная шляпа. Но Передонов вспомнил, что как-то летом, за городом, он видел его в форменной фуражке с кокардою. Передонов решил пожаловаться. Кстати, инспектор Богданов бы тут же. Передонов подошел к нему и сказал:

— А ваш-то Мачигин шапку с кокардой носит. Забарничал.

Богданов испугался, задрожал, затряс своею серенькою еретицею.

— Не имеет права, никакого права не имеет, — озабоченно говорил он, мигая красными глазками.

— Не имеет права, а носит, — жаловался Передонов. — Их подтянуть надо, я вам давно говорил. А то всякий мужик сиволапый кокарду носить будет, так это что же будет!

Богданов, уже и раньше напуганный Передоновым, пуще перетревожился.

— Как же это он смеет, а? — плачевно говорил он. — Я его сейчас же позову, сейчас же, и строжайше запрещу.

Он распрощался с Передоновым и торопливо затрусил к своему дому.

Володин шел рядом с Передоновым и укоризненно-блеющим голосом говорил:

— Носит кокарду. Скажите, помилуйте! Разве он чины получает? Как же это можно!

— Тебе тоже нельзя носить кокарду, — сказал Передонов.

— Нельзя, — и не надо, — возразил Володин. — А только я тоже иногда надеваю кокарду, — но ведь только я знаю, где можно и когда. Пойду себе за город, да там и надену. И мне удовольствие, и никто не запретит. А мужичок встретится, — все-таки почтения больше.

— Тебе, Павлушка, кокарда не к рылу, — сказал Передонов. — И ты от меня отстань: ты меня запылил своими копытами.

Володин обиженно умолк, но шел рядом. Передонов сказал озабоченно:

— Вот еще на Рутиловых девок надо бы донести. Они в церковь только болтать да смеяться ходят. Намажутся, нарядятся, да и пойдут. А сами ладан крадут да из него духи делают, — от них всегда вонько[153] пахнет.

— Скажите, помилуйте! — качая головою и таращa тупые глаза, говорил Володин.

По земле быстро ползала тень от тучи и наводила на Передонова страх. В клубах пыли по ветру мелькала иногда серая недотыкомка. Шевелилась ли трава по ветру, а уже Передонову казалось, что серая недотыкомка бегала по ней и кусала ее, насыщаясь.

«Зачем трава в городе? — думал он. — Беспорядок! Выполоть ее надо».

Ветка на дереве зашевелилась, съежилась, почернела, закаркала и полетела вдаль. Передонов дрогнул, дико крикнул и побежал домой. Володин трусил за ним озабоченно, с недоумевающим выражением в вытаращенных глазах, придерживая на голове котелок и помахивая тросточкою.

Богданов в тот же день призвал Мачигина. Перед входом в инспекторскую квартиру Мачигин стал на улице спиною к солнцу, снял шляпу и причесался на тень пятернею.

— Как же это вы, юноша, а? что это вы такое выдумали, а? — напустился Богданов на Мачигина.

— В чем дело? — развязно спросил Мачигин, поигрывая соломенною шляпою и пошаливая левою ножкою.

Богданов его не посадил, ибо намеревался распечь.

— Как же это, как же это вы, юноша, кокарду носите, а? как это вы решили посягнуть, а? — спрашивал он, напуская на себя строгость и усиленно потрясая серенькою своею еретицею.

Мачигин покраснел, но бойко ответил:

— Что ж такое, разве же я не вправе?

— Да разве же вы чиновник, а? чиновник? — заволновался Богданов, — какой вы чиновник, а? азбучный регистратор, а?[154]

— Знак учительского звания, — бойко сказал Мачигин и внезапно сладко улыбнулся, вспомнив о важности своего учительского звания.

— Носите палочку в руках, палочку, вот вам и знак учительского звания, — посоветовал Богданов, покачивая головою.

— Помилуйте, Сергей Потапыч, — с обидою в голосе сказал Мачигин, — что же палочка! Палочку всякий может, а кокарда для престижа.

— Для какого престижа, а? для какого, какого престижа? — накинулся на юношу Богданов, — какой вам нужен престиж, а? Вы разве начальник?

— Помилуйте, Сергей Потапыч, — рассудительно доказывал Мачигин, — в крестьянском малокультурном сословии это сразу возбуждает прилив почтения, — сейгод гораздо ниже кланяются.

Мачигин самодовольно погладил рыженькие усики.

— Да нельзя, юноша, никак нельзя, — скорбно покачивая головою, сказал Богданов.

— Помилуйте, Сергей Потапыч, учитель без кокарды все равно что британский лев без хвоста, — уверял Мачигин, — одна карикатура.

— При чем тут хвост, а? какой тут хвост, а? — с волнением заговорил Богданов. — Куда вы в политику заехали, а? Разве это ваше дело о политике рассуждать, а? Нет, уж вы, юноша, кокарду снимите, сделайте Божескую милость. Нельзя, как же можно, сохрани Бог, мало ли кто может узнать!

Мачигин пожал плечами, хотел еще что-то возразить, но Богданов перебил его, — в его голове мелькнула блистательная, по его разумению, мысль.

— Ведь вот вы ко мне без кокарды пришли, а, без кокарды? сами чувствуете, что нельзя.

Мачигин замялся было, но нашел и на этот раз возражение:

— Так как мы сельские учителя, то нам и нужна сельская привилегия, а в городе мы состоим зауряд-интеллигентами.

— Нет, уж вы, юноша, знайте, — сердито сказал Богданов, — что это нельзя, и если я еще услышу, тогда мы вас уволим.

Грушина время от времени устраивала вечеринки для молодых людей, из числа которых надеялась выудить мужа. Для отвода глаз приглашала и семейных знакомых.

Вот была такая вечеринка. Гости собрались рано.

На стенах в гостиной у Грушиной висели картинки, закрытые плотною кисеею. Впрочем, неприличного в них ничего не было. Когда Грушина подымала, с лукавою и нескромною усмешечкою, кисейные занавесочки, гости любовались голыми бабами, написанными плохо.

— Что же это, баба кривая? — угрюмо сказал Передонов.

— Ничего не кривая, — горячо заступилась Грушина за картинку, — это она изогнулась так.

— Кривая, — повторил Передонов. — И глаза разные, как у вас.

— Ну, много вы понимаете! — обиженно сказала Грушина, — эти картинки очень хорошие и дорогие. Художникам без таких нельзя.

Передонов внезапно захохотал: он вспомнил совет, данный им на днях Владе.

— Чего вы заржали? — спросила Грушина.

— Нартанович, гимназист, своей сестре Марфе платье подпалит, — объяснил он, — я ему посоветовал это сделать.

— Станет он палить, нашли дурака! — возразила Грушина.

— Конечно, станет, — уверенно сказал Передонов, — братья с сестрами всегда ссорятся. Когда я маленьким был, так всегда своим сестрам пакостил, — маленьких бил, а старшим одежду портил.

— Не все же ссорятся, — сказал Рутилов, — вот я с сестрами не ссорюсь.

— Что ж ты с ними, целуешься, что ли? — спросил Передонов.

— Ты, Ардальон Борисыч, свинья и подлец, и я тебе оплеуху дам, — очень спокойно сказал Рутилов.

— Ну, я не люблю таких шуток, — ответил Передонов и отодвинулся от Рутилова.

«А то еще, — думал он, — и в самом деле даст, — что-то зловещее у него лицо».

— У нее, — продолжал он о Марте, — только и есть одно платье, черное.

— Вершина ей новое сошьет, — с завистливою злостью сказала Варвара. — К свадьбе всё приданое сделает. Красавица, инда лошади жахаются,[155] — проворчала она тихо и злорадно посмотрела на Мурина.

— Пора и вам венчаться, — сказала Преполовенская. — Чего ждете, Ардальон Борисыч?

Преполовенские уже видели, что после второго письма Передонов твердо решил жениться на Варваре. Они и сами поверили письму. Стали говорить, что всегда были за Варвару. Ссориться с Передоновым им не было расчета, — выгодно с ним играть в карты. А Геня, делать нечего, пусть подождет, — другого жениха придется поискать.

Преполовенскнй заговорил:

— Конечно, венчаться вам надо: и доброе дело сделаете, да и княгине угодите; княгине приятно будет, что вы женитесь, так что вы и ей угодите, и доброе дело сделаете, вот и хорошо будет, а то так-то что же, а тут все же доброе дело сделаете, да и княгине приятно.

— Вот и я то же говорю, — сказала Преполовенская.

А Преполовенскнй не мог остановиться и, видя, что от него уже все отходят, сел рядом с молодым чиновником и принялся ему растолковывать то же самое.

— Я решился венчаться, — сказал Передонов, — только мы с Варварой не знаем, как надо венчаться. Что-то надо сделать, а я и не знаю что.

— Вот, дело нехитрое, — сказала Преполовенская, — да если хотите, мы с мужем вам все устроим, вы только сидите и ни о чем-не думайте.

— Хорошо, — сказал Передонов, — я согласен. Только чтобы все было хорошо и прилично. Мне денег не жалко.

— Уж все будет хорошо, не беспокойтесь, — уверяла Преполовенская.

Передонов продолжал ставить свои условия:

— Другие из скупости покупают тонкие обручальные кольца, серебряные вызолоченные, а я так не хочу, а чтоб были настоящие золотые. И я даже хочу вместо обручальных колец заказать обручальные браслеты, — это и дороже, и важнее.

Все засмеялись.

— Нельзя браслеты, — сказала Преполовенская, легонько усмехаясь, — кольца надо.

— Отчего нельзя? — с досадою спросил Передонов.

— Да уж так, не делают.

— А может быть, и делают, — недоверчиво сказал Передонов. — Это еще я у попа спрошу. Он лучше знает.

Рутилов, хихикая, советовал:

— Уж ты лучше, Ардальон Борисыч, обручальные пояса закажи.

— Ну, на это у меня и денег не хватит, — ответил Передонов, не замечая насмешки, — я не банкир. А только я на днях во сне видел, что венчаюсь, а на мне атласный фрак, и у нас с Варварою золотые браслеты. А сзади два директора стоят, над нами венцы держат и аллилую поют.

— Я сегодня тоже интересный сон видел, — объявил Володин, — а к чему он, не знаю. Сижу это я будто на троне, в золотой короне, а передо мною травка, а на травке барашки, всё барашки, всё барашки, бе-бе-бе. Так вот всё барашки ходят, и так головой делают, и всё этак бе-бе-бе.

Володин прохаживался по комнатам, тряс лбом, выпячивал губы и блеял. Гости смеялись. Володин сел на место, блаженно глядел на всех, щуря глаза от удовольствия, и смеялся тоже бараньим, блеющим смехом.

— Ну, что же дальше? — спросила Грушина, подмигивая гостям.

— Ну, и всё барашки, всё барашки, а тут я и проснулся, — кончил Володин.

— Барану и сны бараньи, — ворчал Передонов, — важное кушанье — бараний царь.

— А я сон видела, — с нахальною усмешкою сказала Варвара, — так его при мужчинах нельзя рассказывать, — ужо вам одной расскажу.

— Ах, матушка Варвара Дмитриевна, вот-то в одно слово, и у меня то же, — хихикая и подмигивая всем, отвечала Грушина.

— Расскажите, мы — мужчины скромные, вроде дам, — сказал Рутилов.

И прочие мужчины просили Варвару и Грушину рассказать сны. Но те переглядывались, погано смеялись и не рассказывали.

Сели играть в карты. Рутилов уверял, что Передонов отлично играет. Передонов верил. Но сегодня, как и всегда, он проигрывал. Рутилов был в выигрыше. От этого он пришел в большую радость и говорил оживленнее обыкновенного.

Передонова дразнила недотыкомка. Она пряталась где-то близко, — покажется иногда, высунется из-за стола или из-за чьей-нибудь спины и спрячется. Казалось, она ждала чего-то. Было страшно. Самый вид карт страшил Передонова. Дамы — по две вместе.

«А где же третья?» — думал Передонов.

Он тупо разглядывал пиковую даму, потом повернул ее другою стороною, — третья, может быть, спряталась за рубашкою.

Рутилов сказал:

— Ардальон Борисыч своей даме за рубашку смотрит.

Все захохотали.

Между тем в стороне два молоденьких полицейских чиновника сели играть в дурачки. Партии разыгрывались у них живо. Выигравший хохотал от радости и показывал другому длинный нос. Проигравший сердился.

Запахло съестным. Грушина позвала гостей в столовую. Все пошли, толкаясь и жеманясь. Расселись кое-как.

— Кушайте, господа, — угощала Грушина. — Ешьте, дружки, набивайте брюшки по самые ушки.

— Пирог ешь — хозяйку тешь, — кричал радостно Мурин.

Ему было весело смотреть на водку и думать, что он в выигрыше.

Усерднее всех угощались Володин и два молоденьких чиновника, — они выбирали кусочки получше и подороже и с жадностью пожирали икру. Грушина сказала, принужденно смеясь:

— Павел-то Васильевич, пьян, да призорок,[156] через хлеб да за пирог.

Нешто она для него икру покупала! И, под предлогом угостить дам, она отставила от него всё, что было получше. Но Володин не унывал и довольствовался тем, что осталось: он успел съесть много хорошего с самого начала, и теперь ему было все равно.

Передонов смотрел на жующих, и ему казалось, что все смеются над ним. С чего? над чем? Он с остервенением ел всё, что попадалось, ел неряшливо и жадно.

После ужина опять играли. Но скоро Передонову надоело. Он бросил карты и сказал:

— Ну вас к чёрту! не везет! Надоело! Варвара, пойдем домой.

И другие гости поднялись за ним.

В передней Володин увидел, что у Передонова новая тросточка. Осклабясь, он поворачивал ее перед собою и спрашивал:

— Ардаша, отчего же тут пальчики калачиком свернуты? Что же это обозначает?

Передонов сердито взял у него из рук тросточку, приблизил ее набалдашником, с кукишем из черного дерева, к носу Володина и сказал:

— Шиш тебе с маслом:

Володин сделал обиженное лицо.

— Позвольте, Ардальон Борисыч, — сказал он, — я с маслом хлебец изволю кушать, а шиша с маслом я не хочу кушать.

Передонов, не слушая его, заботливо кутал шею шарфом и застегивал пальто на все пуговицы.[157] Рутилов говорил со смехом:

— Чего ты кутаешься, Ардальон Борисыч? Тепло.

— Здоровье всего дороже, — ответил Передонов.

На улице было тихо, — улица улеглась во мраке и тихонько похрапывала. Темно было, тоскливо и сыро. На небе бродили тяжелые тучи. Передонов ворчал:

— Напустили темени, а к чему?

Он теперь не боялся, — шел с Варварою, а не один.

Скоро пошел дождь, мелкий, быстрый, продолжительный. Всё стало тихо, — и только дождь болтал что-то навязчиво и скоро, захлебываясь, — невнятные, скучные, тоскливые речи.

Передонов чувствовал в природе отражения своей тоски, своего страха под личиною ее враждебности к нему, — той же внутренней и недоступной внешним определениям жизни во всей природе, жизни, которая одна только и создает истинные отношения, глубокие и несомненные, между человеком и природою, этой жизни он не чувствовал. Потому-то вся природа казалась ему проникнутою мелкими человеческими чувствами. Ослепленный обольщениями личности и отдельного бытия, он не понимал дионисических, стихийных восторгов, ликующих и вопиющих в природе.[158] Он был слеп и жалок, как многие из нас.

XXIII

Преполовенские взяли на себя устройство венчания. Венчаться решили в деревне, верстах в шести от города: Варваре неловко было идти под венец в городе после того, как прожили столько лет, выдавая себя

за родных. День, назначенный для венчания, скрыли: Преполовенские распустили слух, что венчаться будут в пятницу, а на самом деле свадьба была в среду днем. Это сделали, чтобы не наехали любопытные из города. Варвара не раз повторяла Передонову:

— Ты, Ардальон Борисыч, не проговорись, когда венец-то будет, а то еще помешают.

Деньги на расход по свадьбе Передонов выдавал неохотно, с издевательствами над Варварою. Иногда он приносил свою палку с набалдашником-кукишем и говорил Варваре:

— Поцелуй мой кукиш, дам денег, не поцелуешь — не дам.

Варвара целовала кукиш.

— Что же такое, губы не треснут, — говорила она.

Срок свадьбы таили до самого назначенного дня даже от шаферов, чтобы не проболтались. Сперва позвали в шаферы Рутилова и Володина, — оба охотно согласились: Рутилов ожидал забавного анекдота, Володину было лестно играть такую значительную роль при таком выдающемся событии в жизни такого почтенного лица. Потом Передонов сообразил, что ему мало одного шафера. Он сказал:

— Тебе, Варвара, одного будет, а мне двух надо, мне одного мало, — надо мной трудно венец держать, я — большой человек.

И Передонов пригласил вторым шафером Фаластова. Варвара ворчала:

— Куда его, к чёрту, два есть, чего еще?

— У него очки золотые, важнее с ним, — сказал Передонов.

Утром в день свадьбы Передонов помылся теплою водою, как всегда, чтобы не застудить себя, и затем потребовал румян, объясняя:

— Мне надо теперь каждый день подкрашиваться, а то еще подумают, — дряхлый, и не назначат инспектором.

Варваре жаль было своих румян, но пришлось уступить, — и Передонов подкрасил себе щеки. Он бормотал:

«Сам Верига красится, чтобы моложе быть. Не могу же я с белыми щеками венчаться».

Затем, запершись в спальне, он решил наметить себя, чтобы Володин не мог подменить его собою. На груди, на животе, на локтях, еще на разных местах намазал он чернилами букву «П».

«Надо было бы наметить и Володина, да как его наметишь? Увидит — сотрет», — тоскливо думал Передонов.

Затем пришла ему в голову мысль, что не худо бы надеть корсет, а то за старика примут, если невзначай согнешься. Он потребовал от Варвары корсет. Но Варварины корсеты оказались ему тесны, — ни один не сходился.

— Надо было раньше купить, — сердито ворчал он. — Ничего не подумают.

— Да кто же мужчины носит корсет, — возражала Варвара, — никто не носит.

— Верига носит, — сказал Передонов.

— Так Верига — старик, а ты, Ардальон Борисыч, слава Богу, мужчина в соку.

Передонов самодовольно улыбнулся, посмотрел в зеркало и сказал:

— Конечно, я еще лет полтораста проживу.

Кот чихнул под кроватью. Варвара сказала, ухмыляясь:

— Вот и кот чихает, — значит, верно.

Но Передонов вдруг нахмурился. Кот уже стал ему страшен, и чиханье его показалось ему злою хитростью.

«Начихает тут чего не надо», — подумал он, полез под кровать и принялся гнать кота. Кот дико мяукал, прижимался к стене, и вдруг, с громким и резким мяуканьем, шмыгнул меж рук у Передонова, и выскочил из горницы.

— Чёрт голландский! — сердито обругал его Передонов.

— Чёрт и есть, — поддакивала Варвара, — совсем одичал кот, погладить не дается, ровно в него чёрт вселился.

Преполовенские послали за шаферами с раннего утра. Часам к десяти все собрались у Передонова. Пришли Грушина и Софья с мужем. Подали водку и закуску. Передонов ел мало и тоскливо думал, чем бы ему отличить себя еще больше от Володина.

«Барашком завился», — злобно думал он и вдруг сообразил, что ведь и он может причесаться по-особенному. Он встал из-за стола и сказал:

— Вы тут ешьте и пейте, мне не жалко, а я пойду к парикмахеру, причешусь по-испански.[159]

— Как же это по-испански? — спросил Рутилов.

— А вот увидишь.

Когда Передонов ушел стричься, Варвара сказала:

— Все придумки разные придумывает. Черти ему все мерещатся. Поменьше бы сивухи трескал, опитоха проклятый!

Преполовенская сказала с хитрою усмешечкою:

— Вот повенчаетесь, Ардальон Борисыч получит место и успокоится.

Грушина хихикала. Ее веселила таинственность этого венчания, и подстрекала жажда устроить какое-нибудь позорище, да так, чтобы самой не быть замешанною. Она под рукою шепнула вчера вечером некоторым из своих друзей о часе и месте венчания. Сегодня рано утром она

зазвала к себе младшего слесарёнка, дала ему пятачок и подговорила к вечеру ждать за городом проезда новобрачных и накидать в их повозку сору да бумажек. Слесарёнок радостно согласился и дал клятвенное обещание не выдавать. Грушина напомнила ему:

— А Черепнина-то выдали, как вас пороть стали.

— Дураки мы были, — сказал слесарёнок, — а теперь хоть пусть повесят, все равно.

И слесарёнок, в подтверждение своей клятвы, съел горсточку земли. За это Грушина прибавила ему еще три копейки.

В парикмахерской Передонов потребовал самого хозяина. Хозяин, молодой человек, окончивший недавно городское училище и почитывавший книги из земской библиотеки, кончал стричь какого-то незнакомого Передонову помещика. Скоро кончил и подошел к Передонову.

— Сперва его отпусти, — сердито сказал Передонов.

Помещик расплатился и ушел. Передонов уселся перед зеркалом.

— Мне постричься и прическу надо сделать, — сказал он. — У меня сегодня важное дело есть, совсем особенное, — так ты мне сделай прическу по-испански.

Стоявший у двери мальчик-ученик смешливо фыркнул. Хозяин строго посмотрел на него. По-испански стричь ему не приходилось, и он не знал, что это за прическа испанская и есть ли такая прическа. Но если господин требует, то, надо полагать, он знает, чего хочет. Молодой парикмахер не пожелал обнаружить своего невежества. Он почтительно сказал:

— Из ваших волос, господин, никак нельзя-с.

— Это почему нельзя? — обиженно спросил Передонов.

— Вашим волосам плохое питание, — объяснил парикмахер.

— Что же, мне их пивом поливать, что ли? — проворчал Передонов.

— Помилуйте, зачем же пивом! — любезно улыбаясь, отвечал парикмахер, — а только возьмите то, что если постричь сколько-нибудь и притом же так как у вас на голове уже солидность обозначается, то никак не хватит на испанскую прическу.

Передонов чувствовал себя сраженным невозможностью остричься по-испански. Он уныло сказал:

— Ну, стриги как хочешь.

Уж не подговорили ли этого парикмахера, — думал он, — чтобы не стричь наотличку. Не надо было говорить дома. Очевидно, что пока Передонов шел чинно и степенно по улицам, Володин барашком побежал задворками и снюхался с парикмахером.

— Прикажете спрыснуть? — спросил парикмахер, окончив свое дело.

— Спрысни меня резедой, да побольше, — потребовал Передонов, — а то обчекрыжил кое-как, хоть резедой сдобри.

— Резеды, извините, не держим, — смущенно сказал парикмахер, — не угодно ли опопонаксом?[160]

— Ничего-то ты не можешь как следует, — горестно сказал Передонов, — уж прыскай, что есть.

Он в досаде возвращался домой. День стоял ветреный. Ворота от ветра хлопали, зевали и смеялись. Передонов смотрел на них тоскливо. Как тут ехать? Но уже все делалось само собой.

Поданы были три тарантаса, — надо было садиться и ехать, а то повозки привлекут внимание, — соберутся любопытные, приедут и прибегут смотреть на свадьбу. Разместились и поехали: Передонов с Варварою, Преполовенские с Рутиловым, Грушина с остальными шаферами.

На площади поднялась пыль. Стучали, — слышалось Передонову, — топоры.[161] Еле видная сквозь пыль, подымалась, росла деревянная стена. Рубили крепость. Мелькали мужики в красных рубахах, свирепые и молчаливые.

Тарантасы пронеслись мимо, — страшное видение мелькнуло и скрылось. Передонов оглядывался в ужасе, но уже ничего не было видно, — и никому не решился он сказать о своем видении.

Всю дорогу грусть томила Передонова. Враждебно всё смотрело на него, всё веяло угрожающими приметами. Небо нахмурилось. Ветер дул навстречу и вздыхал о чем-то. Деревья не хотели давать тени, — всю себе забрали. Зато поднималась пыль длинною полупрозрачно-серою змеею. Солнце с чего-то пряталось за тучи, — подсматривало, что ли?

Дорога шла мажарами,[162] — неожиданные из-за невысоких холмов вставали кусты, рощи, поляны, ручьи под гулкими деревянными мостами-трубами.

— Глаз-птица пролетела, — угрюмо сказал Передонов, всматриваясь в белесовато-туманную даль небес. — Один глаз и два крыла, а больше ничего и нету.

Варвара ухмылялась. Она думала, что Передонов пьян с утра. Но она не спорила с ним, а то еще, — думала она, — рассердится и не пойдет под венец.

В церкви уже стояли в уголке, прячась за колонною, все четыре сестры Рутиловы. Передонов их не видел сначала, но потом, уже во время самого венчания, когда они вышли из своей засады и подви-

нулись вперед, — он увидел их и испугался. Впрочем, они ничего худого не сделали, не потребовали, — чего он боялся сперва, — чтобы он Варвару прогнал, а взял одну из них, — а только все время смеялись. И смех их, сначала тихий, все громче и злее отдавался в его ушах, как смех неукротимых фурий.

Посторонних в церкви почти не было, — только две-три старушки пришли откуда-то. И хорошо: Передонов вел себя глупо и странно. Он зевал, бормотал, толкал Варвару, жаловался, что воняет ладаном, воском, мужичьем.

— Твои сестры все смеются, — бормотал он, обернувшись к Рутилову, — печенку смехом просверлят.

Кроме того, тревожила его недотыкомка. Она была грязная и пыльная и все пряталась под ризу к священнику.

И Варваре, и Грушиной церковные обряды казались смешными. Обе беспрестанно хихикали. Слова о том, что жена должна прилепиться к своему мужу, вызвали у них особенную веселость. Рутилов тоже хихикал, — он считал своей обязанностью всегда и везде смешить дам. Володин же вел себя степенно и крестился, сохраняя на лице глубокомысленное выражение. Он не связывал с церковными обрядами никакого иного представления, кроме того, что все это установлено, подлежит исполнению и что исполнение всех обрядов ведет к некоторому внутреннему удобству: сходил в праздник в церковь, помолился — и прав, нагрешил, покаялся — и опять прав. Хорошо и удобно — тем удобнее, что вне церкви обо всем церковном не надо было и думать, а руководиться следовало совсем иными житейскими правилами.

Только что кончилось венчанье, не успели еще выйти из церкви, — вдруг неожиданность. В церковь шумно ввалилась пьяная компания — Мурин со своими приятелями.

Мурин, растрепанный и серый, как всегда, облапил Передонова и закричал:

— От нас, брат, не скроешь! Такие приятели, водой не разольешь, а он, штукарь,[163] скрыл.

Слышались восклицания:

— Злодей, не позвал!

— А мы тут как тут!

— Да, мы-таки зазнали!

Вновь прибывшие обнимали и поздравляли Передонова. Мурин говорил:

— По пьяному делу заблудились немножко, а то бы мы к началу потрафили.[164]

Передонов хмуро смотрел и не отвечал на поздравления. Злоба и страх томили его.

«Везде выследят», — тоскливо думал он.

— Вы бы лбы перекрестили, — сказал он злобно, — а то, может быть, вы злоумышляете.

Гости крестились, хохотали, кощунствовали. Особенно отличались молоденькие чиновнички. Дьякон укоризненно унимал их.

Среди гостей был один, с рыжими усами, молодой человек, которого даже и не знал Передонов. Необычайно похож на кота. Не их ли это кот обернулся человеком? Недаром этот молодой человек все фыркает, — не забыл кошачьих ухваток.

— Кто вам сказал? — злобно спрашивала новых гостей Варвара.

— Добрые люди, молодайка, — отвечал Мурин, — а кто, уж мы и позабыли.

Грушина вертелась и подмигивала. Новые гости посмеивались, но ее не выдали. Мурин говорил:

— Уж как хошь, Ардальон Борисыч, а мы все к тебе, а ты нам шампанею[165] ставь, не будь жомой.[166] Как же можно, такие приятели, водой не разольешь, а ты тишком удумал.

Когда Передоновы возвращались из-под венца, солнце заходило, а небо все было в огне и в золоте. Но не нравилось это Передонову. Он бормотал:

— Наляпали золота кусками, аж отваливается. Где это видано, чтобы столько тратить!

Слесарята встретили их за городом с толпою других уличных мальчишек, бежали и гукали. Передонов дрожал от страха. Варвара ругалась, плевала на мальчишек, казала им кукиши. Гости и шафера хохотали.

Приехали. Вся компания ввалилась к Передоновым с гамом, гвалтом и свистом. Пили шампанское, потом принялись за водку и сели играть в карты. Пьянствовали всю ночь. Варвара напилась, плясала и ликовала. Ликовал и Передонов, — его-таки не подменили. С Варварой гости, как всегда, обращались цинично и неуважительно; ей казалось это в порядке вещей.

После свадьбы в житье-бытье у Передоновых мало что изменилось. Только обращение Варвары с мужем становилось увереннее и независимее. Она как будто поменьше бегала перед мужем, — но все еще, по закоренелой привычке, побаивалась его. Передонов, тоже по привычке, по-прежнему покрикивал на нее, даже иногда поколачивал. Но уже и

он чуял ее бо́льшую в своем положении уверенность. И это наводило на него тоску. Ему казалось, что если она не как прежде боится его, то это потому, что она укрепилась в своем преступном замысле отделаться от него и подменить его Володиным.

«Надо быть настороже», — думал он.

А Варвара торжествовала. Она, вместе с мужем, делала визиты городским дамам, даже и мало знакомым. При этом она проявляла смешную гордость и неумелость. Везде ее принимали, хотя во многих домах с удивлением. Для визитов Варвара заблаговременно заказала шляпу лучшей местной модистке. Яркие цветы, крупные, насаженные в изобилии, восторгали Варвару.

Свои визиты Передоновы начали с директорши. Потом поехали к жене предводителя дворянства.

В тот день, когда Передоновы собрались делать визиты, — что у Рутиловых, конечно, было заранее известно, — сестры отправились к Варваре Николаевне Хрипач, из любопытства посмотреть, как-то Варвара поведет себя здесь. Скоро пришли и Передоновы. Варвара сделала реверанс директорше и больше обыкновенного дребезжащим голосом сказала:

— Вот и мы к вам. Прошу любить и жаловать.

— Очень рада, — с принуждением ответила директорша и усадила Варвару на диван.

Варвара с видимым удовольствием села на отведенное место, широко раскинула свое шумящее зеленое платье и заговорила, стараясь развязностью скрыть смущение:

— Все мамзелью была, а вот и мадамой стала. Мы с вами тезки, — я Варвара, и вы Варвара, — а не были знакомы домами. Пока мамзелью была, все больше дома сидела, — да что ж все за печкой сидеть! Теперь мы с Ардальон Борисычем будем открыто жить. Милости просим, — мы к вами, вы к нами, мусью к мусьи, мадам к мадами.

— Только вам здесь, кажется, недолго придется жить, — сказала директорша, — ваш муж, я слышала, переводится.

— Да, вот скоро бумага придет, мы и поедем, — ответила Варвара. — А пока бумага не пришла, надо еще и здесь пожить, покрасоваться.

Варвара и сама надеялась на инспекторское место. После свадьбы она написала княгине письмо. Ответа еще не получила. Решила еще написать к Новому году.

Людмила сказала:

— А уж мы думали, что вы, Ардальон Борисыч, на барышне Пыльниковой женитесь.

— Ну да, — сердито сказал Передонов, — что ж мне на всякой жениться, — мне протекция нужна.

— А все-таки, как же это с m-lle Пыльниковой у вас разошлось? — дразнила Людмила. — Ведь вы за нею ухаживали? Она вам отказала?

— Я еще ее выведу на чистую воду, — ворчал угрюмо Передонов.

— Это — idée fixe Ардальон Борисыча, — с сухим смешком сказал директор.

XXIV

Кот у Передонова дичал, фыркал, не шел по зову, — совсем отбился от рук. Страшен он стал Передонову. Иногда Передонов чурался от кота.

«Да поможет ли это? — думал он. — Сильное электричество у этого кота в шерсти, вот в чем беда».

Однажды он придумал: остричь бы кота надо. Вздумано — сделано. Варвары не было дома, — она пошла к Грушиной, опустив в карман бутылочку с вишневою наливкою, — помешать некому. Передонов привязал кота на веревку, — ошейник сделал из носового платка, — и повел в парикмахерскую. Кот дико мяукал, метался, упирался. Иногда в отчаянии бросался он на Передонова, — но Передонов отстранял его палкою. Мальчишки толпою бежали сзади, гукали, хохотали. Прохожие останавливались. Из окон выглядывали на шум. Передонов угрюмо тянул кота за веревку, ничем не смущаясь.

Привел-таки, — и сказал парикмахеру:

— Хозяин, кота побрей, да поглаже.

Мальчишки толпились у дверей снаружи, хохотали, кривлялись. Парикмахер обиделся, покраснел. Он сказал слегка дрожащим голосом:

— Извините, господин, мы этакими делами не занимаемся. И даже не приходилось видеть бритых котов. Это, должно быть, самая последняя мода, до нас еще не дошла.

Передонов слушал его в тупом недоумении. Он крикнул:

— Скажи — не умею, шарлатан.

И ушел, таща неистово мяукавшего кота. Дорогою он думал тоскливо, что везде, всегда, все над ним только смеются, никто не хочет ему помочь. Тоска теснила его грудь.

Передонов с Володиным и Рутиловым пришли в сад играть на бильярде. Смущенный маркер объявил им:

— Нельзя-с играть сегодня, господа.

— Это почему? — злобно спросил Псредонов, — нам, да нельзя!

— Так как, извините, а только что шаров нету, — сказал маркер.

— Проворонил, ворона, — послышался из-за перегородки грозный окрик буфетного содержателя.

Маркер вздрогнул, шевельнул вдруг покрасневшими ушами, — какое-то, словно заячье, движение, — и шепнул:

— Украли-с.

Передонов крикнул испуганно:

— Ну! кто украл?

— Неизвестно-с, — доложил маркер. — Ровно как никого не было, а вдруг глядь, и шаров нету-с.

Рутилов хихикал и восклицал:

— Вот так анекдот!

Володин сделал обиженное лицо и выговаривал маркеру:

— Если у вас изволят шарики воровать, а вы изволите в это время быть в другом месте, а шарики брошены, то вам надо было загодя другие шарики завести, чтобы нам было чем играть. Мы шли, хотели поиграть, а если шариков нету, то как же мы можем играть?

— Не скули, Павлушка, — сказал Передонов, — без тебя тошно. Ищи, маркер, шары, нам непременно надо играть, а пока тащи пару пива.

Принялись пить пиво. Но было скучно. Шары так и не находились. Ругались меж собою, бранили маркера. Тот чувствовал себя виноватым и отмалчивался.

В этой краже усмотрел Передонов новую вражью каверзу.

«Зачем?» — думал он тоскливо и не понимал.

Он пошел в сад, сел на скамеечку над прудом, — здесь еще он никогда не сиживал, — и тупо уставился на затянутую зеленью воду. Володин сел рядом с ним, разделял его грусть и бараньими глазами глядел на тот же пруд.

— Зачем тут грязное зеркало, Павлушка? — спросил Передонов и ткнул палкою по направлению к пруду.[167]

Володин осклабился и ответил:

— Это не зеркало, Ардаша, это — пруд. А так как ветерка теперь нет, то в нем деревья и отражаются, вот оно и показывает, будто зеркало.

Передонов поднял глаза. За прудом забор отделял сад от улицы. Передонов спросил:

— А кот на заборе зачем?

Володин посмотрел туда же и сказал, хихикая:

— Был, да весь вышел.

Кота и не было, — померещился он Передонову, — кот с широко-зелеными глазами, хитрый, неутомимый враг.

Передонов опять стал думать о шарах. Кому они нужны? Недотыкомка, что ли, их пожрала? То-то ее сегодня и не видно, — думал Передонов. — Нажралась, да и завалилась куда-нибудь, спит теперь, поди.

Передонов уныло побрел домой.

Запад потухал. Тучка бродила по небу, блуждала, подкрадывалась — мягкая обувь у туч, — подсматривала. На ее темных краях загадочно улыбался темный отблеск. Над речкою, что текла меж садом и городом, тени домов да кустов колебались, шептались, искали кого-то.

А на земле, в этом темном и вечно враждебном городе, все люди встречались злые, насмешливые. Все смешивалось в общем недоброжелательстве к Передонову, собаки хохотали над ним, люди облаивали его.

Городские дамы начали отдавать Варваре визиты. Некоторые с радостным любопытством поспешили уже на второй, на третий день посмотреть, какова-то Варвара дома. Другие промедлили неделю и больше. А иные и вовсе не пришли, — не была, например, Вершина.

Передоновы ожидали каждый день ответных визитов с трепетным нетерпением; пересчитывали, кто еще не был. Особенно нетерпеливо ждали директора с женою. Ждали и волновались непомерно, — а вдруг Хрипачи не приедут.

Прошла неделя. Хрипачей еще не было. Варвара начала злиться и ругаться. Передонова же повергло это ожидание в нарочито угнетенное состояние. Глаза у Передонова стали совсем бессмысленными; словно они потухали, и казалось иногда, что это — глаза мертвого человека. Нелепые страхи мучили его. Без всякой видимой причины он начинал вдруг бояться тех или других предметов. С чего-то пришла ему в голову и томила несколько дней мысль, что его зарежут; он боялся всего острого и припрятал ножи да вилки.

«Может быть, — думал он, — они наговорены да нашептаны. Как раз и сам на нож нарежешься».

— Зачем ножи? — сказал он Варваре. — Едят же китайцы палочками.

Целую неделю из-за этого не жарили мяса, довольствовались щами да кашею.

Варвара, мстя Передонову за испытанные до свадьбы страхи, иногда поддакивала ему и утверждала его этим в убеждении, что его причуды

недаром. Она говаривала ему, что у него много врагов, да и как-де ему не завидовать? Не раз говорила она, дразня Передонова, что уж наверное на него донесли, обнесли его перед начальством, да и перед княгинею. И радовалась, что он, видимо, трусил.

Передонову казалось ясным, что княгиня им недовольна. Разве она не могла прислать ему на свадьбу образа или калача? Он думал: надо заслужить ее милость, да чем? Ложью, что ли? Оклеветать кого-нибудь, насплетничать, донести. Все дамы любят сплетни, — так вот бы на Варвару сплести что-нибудь веселое да нескромное и написать княгине. Она посмеется, а ему даст место.

Но не сумел Передонов написать такое письмо, да и страшно ему стало, — писать к самой княгине. А потом он и забыл об этой затее.

Своих обычных гостей Передонов угощал водкою да самым дешевым портвейном. А для директора купил мадеры в три рубля. Это вино Передонов считал чрезвычайно дорогим, хранил его в спальне, а гостям только показывал и говорил:

— Для директора.

Сидели раз у Передонова Рутилов да Володин. Передонов показал им мадеру.

— Что снаружи смотреть, — невкусно! — сказал Рутилов, хихикая. — Ты нас угости дорогой-то мадеркой.

— Ишь ты, чего захотел! — сердито отвечал Передонов. — А что же я директору подам?

— Директор водки рюмку выпьет, — сказал Рутилов.

— Директору нельзя водку пить, директору мадера полагается, — рассудительно говорил Передонов.

— А если он водку любит? — настаивал Рутилов.

— Ну, вот еще, генерал водку любить не станет, — уверенно сказал Передонов.

— А ты нас все-таки угости, — приставал Рутилов.

Но Передонов поспешно унес бутылку, и слышно было, как звенел замок у шкапика, в котором он спрятал вино. Вернувшись к гостям, он, чтобы переменить разговор, стал говорить о княгине. Он угрюмо сказал:

— Княгиня! на базаре гнилыми яблоками торговала, да князя и обольстила.

Рутилов захохотал и крикнул:

— Да разве князья по базарам ходят?

— Да уж она сумела приманить, — сказал Передонов.

— Сочиняешь ты, Ардальон Борисыч, небылицу в лицах, — спорил Рутилов, — княгиня — знатная дама.

Передонов смотрел на него злобно и думал: «Заступается, — с княгинею, видно, заодно. Княгиня его, видно, околдовала, даром что далеко живет».

А недотыкомка юлила вокруг, беззвучно смеялась и вся сотрясалась от смеха. Она напоминала Передонову о разных страшных обстоятельствах. Он боязливо озирался и шептал:

— В каждом городе есть тайный жандармский унтер-офицер. Он в штатском, иногда служит, или торгует, или там еще что делает, а ночью, когда все спят, наденет голубой мундир, да и шасть к жандармскому офицеру.

— А зачем же мундир? — деловито осведомился Володин.

— К начальству нельзя без мундира, высекут, — объяснил Передонов.

Володин захихикал. Передонов наклонился к нему поближе и зашептал:

— Иногда он даже оборотнем живет. Ты думаешь, это просто кот, ан врешь! это жандарм бегает. От кота никто не таится, а он все и подслушивает.

Наконец, недели через полторы, директорша отдала визит Варваре. Приехала с мужем, в будень, в четыре часа, нарядная, любезная, благоухающая сладкою фиалкою, — и совсем неожиданно для Передоновых: те ждали Хрипачей почему-то в праздник, да пораньше. Переполошились. Варвара была в кухне, полуодетая, грязная. Она метнулась одеваться, а Передонов принимал гостей и казался только что разбуженным.

— Варвара сейчас, — бормотал он, — она одевается. Она стряпала. У нас прислуга новая, не умеет по-нашему, дура набитая.

Скоро вышла и Варвара, с красным, испуганным лицом, кое-как одетая. Она сунула гостям потную, грязноватую руку и дрожащим от волнения голосом заговорила:

— Уж извините, что заставила ждать, — не знали, что вы в будни пожалуете.

— Я редко выезжаю в праздник, — сказала госпожа Хрипач, — пьяные на улицах. Пусть прислуга имеет себе этот день.

Разговор кое-как завязался, и любезность директорши немного ободрила Варвару. Директорша обошлась с Варварою слегка презрительно, но ласково, — как с раскаявшеюся грешницею, которую надо приласкать, но о которую все еще можно запачкаться. Она сделала Варваре несколько наставлений, как бы мимоходом, — об одежде, обстановке.

Варвара старалась угодить директорше, и дрожь испуга не оставляла ее красных рук и потрескавшихся губ. Директоршу это стесняло. Она старалась быть еще любезнее, но невольная гадливость одолевала ее. Всем своим обращением она давала понять Варваре, что близкое знакомство между ними не установится. Но так как делалось это совсем любезно, то Варвара не поняла и возмнила, что они с директоршею будут большими приятельницами.

Хрипач имел вид человека, который попал не в свое место, но ловко и мужественно скрывает это. От мадеры он отказался: он не привык в этот час пить вино. Разговаривал о городских новостях, о предстоящих переменах в составе окружного суда. Но слишком заметно было, что он и Передонов вращаются в здешнем обществе в различных кругах.

Сидели недолго. Варвара обрадовалась, когда они ушли: и были, и ушли скоро. Она радостно говорила, снова раздеваясь:

— Ну, слава Богу, ушли. А то я и не знала, что и говорить-то с ними. Что значит, как мало-то знакомые люди, — не знаешь, с какой стороны к ним и подъехать.

Вдруг она вспомнила, что Хрипачи, прощаясь, не звали их бывать у себя. Это ее смутило сначала, но потом она смекнула:

— Карточку пришлют, с расписанием, когда ходить. У этих господ на все свое время. Вот теперь бы мне надо по-французски насобачиться, а то я по-французски ни бе ни ме.

Возвращаясь домой, директорша сказала мужу:

— Она — жалкая и безнадежно-низменная; с нею никак невозможно быть в равных отношениях. В ней ничто не корреспондирует ее положению.

Хрипач ответил:

— Она вполне корреспондирует мужу. Жду с нетерпением, когда его от нас возьмут.

После свадьбы Варвара, с радости, стала выпивать, — особенно часто с Грушиною. Раз, под хмельком, когда у нее сидела Преполовенская, Варвара проболталась о письме. Всего не рассказала, а намекнула довольно ясно. Хитрой Софье и того было довольно, — ее вдруг словно осенило. И как сразу не догадаться было! — мысленно пеняла она себе. По секрету рассказала она про подделку писем Вершиной, — и от той пошло по всему городу.

Преполовенская при встречах с Передоновым не могла не посмеяться над его доверчивостью. Она говорила:

— Уж очень вы просты, Ардальон Борисыч.

— Вовсе я не прост, — отвечал он, — я кандидат университета.[168]

— Вот и кандидат, а уж кто захочет, тот сумеет вас обмишулить.

— Я сам всякого обмишулю,[169] — спорил Передонов.

Преполовенская хитро улыбалась и отходила. Передонов тупо недоумевал, с чего это она? Со зла! — думал он, — все-то ему враги.

И он показывал вслед ей кукиш.

«Ничего не возьмешь», — думал он, утешая себя. Но страх томил.

Этих намеков Преполовенской казалось мало. Сказать же ему ясными словами всю правду она не хотела. Зачем ссориться с Варварою? Время от времени она посылала Передонову анонимные письма, где намеки были яснее. Но Передонов понял их превратно.

Софья писала ему однажды:

«Та княгиня, что вам писала письма, поищите, не здесь ли живет».

Передонов подумал, что, верно, княгиня сама приехала сюда за ним следить. Видно, думал он, втюрилась в меня, хочет отбить у Варвары.

И ужасали, и сердили эти письма Передонова. Он приступал к Варваре:

— Где княгиня? Говорят, она сюда приехала.

Варвара, мстя за прежнее, мучила его недомолвками, издевочками, трусливыми, злыми изворотами. Нагло ухмыляясь, она говорила неверным голосом, как говорят, когда заведомо лгут, без надежды на доверие:

— Почем же я знаю, где живет теперь княгиня!

— Врешь, знаешь! — в ужасе говорил Передонов.

Он не понимал, чему надо верить, — смыслу ли ее слов или выдающему ложь звуку ее голоса, — и это, как все для него непонятное, наводило на него ужас. Варвара возражала:

— Ну, вот еще! может быть, и уехала куда из Питера, — она ведь у меня не спрашивается.

— А может быть, и в самом деле сюда приехала? — робко спрашивал Передонов.

— Может быть, и сюда приехала, — поддразнивающим голосом говорила Варвара. — В тебя втюрилась, приехала полюбоваться.

Передонов восклицал:

— Врешь! да неужто втюрилась?

Варвара злорадно смеялась.

С тех пор Передонов стал внимательно смотреть, не увидит ли где княгини. Иногда ему казалось, что она заглядывает в окошко, в дверь, подслушивает, шушукается с Варварою.

Время шло, а выжидаемая день за днем бумага о назначении инспектором все не приходила. И частных сведений о месте никаких не было. Справиться у самой княгини Передонов не смел, — Варвара постоянно пугала его тем, что она знатная. И ему казалось, что если бы он сам вздумал к ней писать, то вышли бы очень большие неприятности. Он не знал, что именно могли с ним сделать по княгининой жалобе, но это-то и было особенно страшно. Варвара говорила:

— Разве не знаешь аристократов? Жди, — сами сделают что надо. А напоминать будешь, — обидятся, хуже будет. У них гонору-то сколько! они гордые, они любят, чтобы им верили.

И Передонов пока еще верил. Но злобился на княгиню. Иногда думал он даже, что и княгиня доносит на него, чтобы избавиться от своих обещаний. Или потому доносит, что злится: он повенчался с Варварою, а княгиня сама в него влюблена. Потому, думал он, она и окружила его соглядатаями, которые всюду следят за ним, обступили его так, что уж ему нет ни воздуха, ни света. Недаром она знатная. Все может, что захочет.

Со злости он лгал на княгиню несообразные вещи. Рассказывал Рутилову да Володину, что был прежде ее любовником, и она ему платила большие деньги.

— Только я их пропил. Куда мне их, к дьяволу! Она еще мне обещала пенсию по гроб жизни платить, да надула.

— А ты бы брал? — хихикая, спросил Рутилов.

Передонов промолчал, не понял вопроса, а Володин ответил за него солидно и рассудительно:

— Отчего же не брать, если она богатая. Она изволила пользоваться удовольствиями, так должна и платить за это.

— Добро бы красавица! — тоскливо говорил Передонов, — рябая, курносая. Только что платила хорошо, а то бы и плюнуть на нее, чертовку, не захотел. Она должна исполнить мою просьбу.

— Да ты врешь, Ардальон Борисыч, — сказал Рутилов.

— Ну вот, вру. А что она платила-то мне, даром, что ли? Она ревнует к Варваре, потому мне и места не дает так долго.

Передонов не испытывал стыда, когда рассказывал, будто бы княгиня платила ему. Володин был доверчивым слушателем и не замечал нелепостей и противоречий в его рассказах. Рутилов возражал, но думал, что без огня дыма не бывает: что-то, думал он, было между Передоновым и княгинею.

— Она старее поповой собаки,[170] — говорил Передонов убежденно, как нечто дельное. — Только вы смотрите никому не болтайте, — до

нее дойдет — худо будет. Она мажется и поросячью молодость себе в жилы пускает. И не узнаешь, что старая. А уж ей сто лет.

Володин качал головою и причмокивал. Он всему верил.

Случилось, что на другой день после такого разговора Передонову пришлось в одном классе читать Крыловскую басню «Лжец».[171] И несколько дней подряд с тех пор он боялся ходить через мост, — брал лодку и переезжал, — а мост, пожалуй, еще провалится. Он объяснил Володину:

— Про княгиню я правду говорил, только вдруг он не поверит, да и провалится к чёрту.

XXV

Слухи о поддельных письмах расходились по городу. Разговоры об этом занимали горожан и радовали. Почти все хвалили Варвару и радовались тому, что Передонов одурачен. И все те, кто видел письма, в голос уверяли, что догадались сразу.

Особенно велико было злорадство в доме у Вершиной: Марта, хотя и выходила за Мурина, все же была отвергнута Передоновым; Вершина хотела бы взять Мурина себе, а должна была уступить его Марте; Владя имел свои ощутительные причины ненавидеть Передонова и радоваться его неудаче. Хотя и досадно ему было, что Передонов еще остается в гимназии, но эту досаду перевешивала радость, что Передонову нос. К тому же в последние дни между гимназистами держался упорный слух, будто директор донес попечителю учебного округа, что Передонов сошел с ума, и будто скоро пришлют его свидетельствовать и затем уберут из гимназии.

При встречах с Варварою знакомые, с грубыми шутками, с наглым подмигиванием, заговаривали более или менее прямо об ее проделке. Она ухмылялась нахально, не подтверждала, но и не спорила.

Иные намекали Грушиной, что знают об ее участии в подделке. Она испугалась и пришла к Варваре с упреками, зачем разболтала. Варвара сказала ей, ухмыляясь:

— Что вы петрушку валяете, я никому и не думала говорить.

— От кого же все узнали? — запальчиво спросила Грушина. — Я-то уж никому не скажу, не такая дура.

— И я никому не говорила, — нагло утверждала Варвара.

— Вы мне письмо отдайте, — потребовала Грушина, — а то начнет разбирать, так и по почерку признает, что поддельное.

— Ну и пусть узнает! — сказала досадливо Варвара, — стану я на дурака смотреть.

Грушина сверкала своими разными глазами и кричала:

— Вам хорошо говорить, вы свое получили, а меня из-за вас в тюрьму посадят! Нет, уж как хотите, а письмо мне отдайте. А то ведь и развенчать можно.

— Ну, уж это ах! оставьте, — нагло подбочась, отвечала Варвара, — уж теперь хоть на площади публикуй, венец не свалится.

— Ничего не «оставьте»! — кричала Грушина, — такого нет закона — обманом венчать. Если Ардальон Борисыч все дело по начальству пустит, до сената, так и разведут.

Варвара испугалась и сказала:

— Да чего злитесь, — достану вам письмо. Нечего бояться, — я вас не выдам. Разве я такая скотина? Душа-то и у меня есть.

— Ну, какая там душа! — грубо сказала Грушина, — что у пса, что у человека, один пар, а души нет. Пока жил, пота́[172] и был.

Варвара решилась украсть письмо, хоть это было и трудно. Грушина торопила. Одна была надежда — вытащить письмо у Передонова, когда он будет пьян. А пил он много. Нередко и в гимназию являлся навеселе и вел речи бесстыдные, вселявшие отвращение даже в самых злых мальчишках.

Однажды Передонов вернулся из билиардной пьянее обыкновенного: спрыскивали новые шары. Но с бумажником все не расставался, — кое-как раздевшись, сунул его себе под подушку.

Он спал беспокойно, но крепко, и бредил, и слова его в бреду все были о чем-то страшном и безобразном. На Варвару они наводили жуткий страх.

— Ну да ничего, — подбадривала она себя, — только бы не проснулся.

Она пыталась разбудить его, потолкала, — он что-то пробормотал, громко чертыхнулся, но не проснулся. Варвара зажгла свечку и поставила ее так, чтобы свет не падал в глаза Передонову. Цепенея от страха, она встала с постели и осторожно полезла под подушку к Передонову. Бумажник лежал близко, но долго выскальзывал из-под пальцев. Свеча горела тускло. Огонь ее колебался. По стенам, по кровати пробегали боязливые тени, — шмыгали злые чёртики. Воздух был душен и неподвижен. Пахло перегорелою водкою. Храп и пьяный бред наполняли всю спальню. Вся горница была как овеществленный бред.

Трепетными руками вынула Варвара письмо и сунула бумажник на прежнее место.

Утром Передонов хватился письма, не нашел его, испугался и закричал:

— Где письмо, Варя?

Варвара, жестоко труся, но скрывая это, сказала:

— Почем же я знаю, Ардальон Борисыч? Ты всем показываешь, вот, должно быть, где-нибудь и выронил. Или вытащили. Друзей-то приятелей у тебя много, с которыми ты по ночам бражничаешь.

Передонов думал, что письмо украли его враги, всего скорее Володин. Теперь Володин держит письмо, а потом заберет в свои когти и все бумаги, и назначение, и поедет в инспекторы, а Передонов останется здесь горьким босяком.

Передонов решил защищаться. Он каждый день составлял по доносу на своих врагов: Вершину, Рутиловых, Володина, сослуживцев, которые, казалось ему, метили на то же самое место. По вечерам он относил эти доносы к Рубовскому.

Жандармский офицер жил на видном месте, на площади, близ гимназии. Из окон своих многие примечали, как Передонов входил к жандармскому через ворота. А Передонов думал, — никому невдомек. Ведь он же недаром носит доносы по вечерам, и с черного хода, через кухню. Бумагу он держал под полою. Сразу было заметно, что он держит что-то. Если приходилось вынуть руку, поздороваться, он прихватывал бумагу под пальто левою рукою и думал, что никто не может догадаться. Встречные если спрашивали его, куда идет, он им лгал весьма неискусно, но сам был доволен своими неловкими выдумками.

Рубовскому он объяснял:

— Все предатели. Прикидываются друзьями, хотят вернее обмануть. А того не думают, что я обо всех их знаю такого, что им и в Сибири места мало.

Рубовский слушал его молча. Первый донос, явно нелепый, он переслал директору, так делал и с некоторыми другими. Иные оставлял, на случай чего. Директор написал попечителю, что Передонов обнаруживает явные признаки душевного угнетения.

Дома Передонов постоянно слышал шорохи, непрерывные, докучливые, насмешливые. Он тоскливо говорил Варваре:

— Кто-то там на цыпочках ходит, соглядатаи везде у нас толкутся. Ты, Варька, меня не бережешь.

Варвара не понимала, что значит бред Передонова. То издевалась, то трусила. Говорила злобно и трусливо:

— С пьяных глаз невесть что мерещится.

Дверь в переднюю казалась Передонову особенно подозрительною. Она не затворялась плотно. Щель между ее половинами намекала на что-то, таящееся вне. Не валет ли там подсматривает? Чей-то глаз сверкал, злой и острый.

Кот следил повсюду за Передоновым широко-зелеными глазами. Иногда он подмигивал, иногда страшно мяукал. Видно было сразу, что он хочет подловить в чем-то Передонова, да только не может, и потому злится. Передонов отплевывался от него, но кот не отставал.

Недотыкомка бегала под стульями и по углам и повизгивала. Она была грязная, вонючая, противная, страшная. Уже ясно было, что она враждебна Передонову и прикатилась именно для него, а что раньше никогда и нигде не было ее. Сделали ее — и наговорили. И вот живет она, ему на страх и на погибель, волшебная, многовидная, — следит за ним, обманывает, смеется, — то по полу катается, то прикинется тряпкою, лентою, веткою, флагом, тучкою, собачкою, столбом пыли на улице, и везде ползет и бежит за Передоновым, — измаяла, истомила его зыбкою своею пляскою. Хоть бы кто-нибудь избавил, словом каким или ударом наотмашь. Да нет здесь друзей, никто не придет спасать, надо самому исхитриться, пока не погубила его ехидная.[173]

Передонов придумал средство: намазал весь пол клеем, чтобы Недотыкомка прилипла. Прилипали подошвы у сапог да подолы у Варвариных платьев, а Недотыкомка каталась свободно и визгливо хохотала. Варвара злобно ругалась.

Над Передоновым неотступно господствовали навязчивые представления о преследовании и ужасали его. Он все более погружался в мир диких грез. Это отразилось и на его лице: оно стало неподвижною маскою ужаса.

Уже по вечерам нынче Передонов не ходил играть на билиарде. После обеда он запирался в спальне, дверь загромождал вещами, — стул на стол, — старательно заграждался крестами и чураньем и садился писать доносы на всех, кого только вспомнит. Писал доносы не только на людей, но и на карточных дам. Напишет — и сейчас несет жандармскому офицеру. И так проводил он каждый вечер.

Везде перед глазами у Передонова ходили карточные фигуры, как живые, — короли, крали, хлапы. Ходили даже мелкие карты. Это — люди со светлыми пуговицами: гимназисты, городовые. Туз — толстый, с выпяченным пузом, почти одно только пузо. Иногда карты об-

ращались в людей знакомых.[174] Смешивались живые люди и эти странные оборотни.

Передонов был уверен, что за дверью стоит и ждет валет и что у валета есть какая-то сила и власть, — вроде как у городового, — может куда-то отвести, в какой-то страшный участок. А под столом сидела Недотыкомка. И Передонов боялся заглянуть под стол или за дверь.

Вертлявые мальчишки-восьмерки дразнили Передонова, — это были оборотни-гимназисты. Они поднимали ноги странным, неживым движением, как ножки у циркуля, но только ноги у них были косматые, с копытцами. Вместо хвостов у них росли розги, мальчишки помахивали ими со свистом и сами взвизгивали при каждом взмахе. Недотыкомка из-под стола хрюкала, смеючись на забавы этих восьмерок. Передонов со злобою думал, что к какому-нибудь начальнику Недотыкомка не посмела бы забраться. «Не пустят, небось, — завистливо думал он, — лакеи швабрами заколошматят».

Наконец Передонов не вытерпел ее злобного, нахально-визгливого смеха. Он принес из кухни топор и разрубил стол, под которым Недотыкомка пряталась. Недотыкомка пискнула жалобно и злобно, метнулась из-под стола и укатилась. Передонов дрогнул. «Укусит!» — подумал он, завизжал от ужаса и присел. Но Недотыкомка скрылась мирно. Ненадолго...

Иногда Передонов брал карты и со свирепым лицом раскалывал перочинным ножиком головы карточным фигурам. Особенно дамам. Режучи королей, он озирался, чтобы не увидели и не обвинили в политическом преступлении. Но и такие расправы помогали ненадолго. Приходили гости, покупались карты, и в новые карты вселялись опять злые соглядатаи.

Уже Передонов начал считать себя тайным преступником. Он вообразил, что еще со студенческих лет состоит под полицейским надзором. Потому-то, соображал он, за ним и следят.[175] Это и ужасало, и надмевало[176] его.

Ветер шевелил обои. Они шуршали тихим, зловещим шелестом, и легкие полутени скользили по их пестрым узорам. «Соглядатай прячется там, за этими обоями», — думал Передонов. «Злые люди! — думал он, тоскуя, — недаром они наложили обои на стену так неровно, так плохо, что за них мог влезть и прятаться злодей, изворотливый, плоский и терпеливый. Ведь были и раньше такие примеры».

Смутные воспоминания шевельнулись в его голове. Кто-то прятался за обоями, кого-то закололи не то кинжалом, не то шилом.[177] Передонов купил шило. И когда он вернулся домой, обои шевельнулись неровно и тревожно, — соглядатай чуял опасность и хотел бы, может быть,

проползти куда-нибудь подальше. Мрак метнулся, прыгнул на потолок и оттуда угрожал и кривлялся.

Злоба закипела в Передонове. Он стремительно ударил шилом в обои. Содрогание пробежало по стене, Передонов, торжествуя, завыл и принялся плясать, потрясая шилом. Вошла Варвара.

— Что ты пляшешь один, Ардальон Борисыч? — спросила она, ухмыляясь, как всегда, тупо и нахально.

— Клопа убил, — угрюмо объяснил Передонов.

Глаза его сверкали диким торжеством. Одно только было нехорошо: скверно пахло. Гнил и вонял за обоями заколотый соглядатай. Ужас и торжество сотрясали Передонова: убил врага! Ожесточилось сердце его до конца в этом убийстве. Несовершенное убийство, — но для Передонова оно было что убийство совершенное. Безумный ужас в нем выковал готовность к преступлению, — и несознаваемое, темное, таящееся в низших областях душевной жизни представление будущего убийства, томительный зуд к убийству, состояние первобытной озлобленности угнетало его порочную волю. Еще скованное, — много поколений легло на древнего Каина, — оно находило себе удовлетворение и в том, что он ломал и портил вещи, рубил топором, резал ножом, срубал деревья в саду, чтобы не выглядывал из-за них соглядатай. И в разрушении вещей веселился древний демон, дух довременного смешения, дряхлый хаос, между тем как дикие глаза безумного человека отражали ужас, подобный ужасам предсмертных чудовищных мук.[178]

И все те же и те же иллюзии повторялись и мучили его. Варвара, тешась над Передоновым, иногда подкрадывалась к дверям той горницы, где сидел Передонов, и оттуда говорила чужими голосами.[179] Он ужасался, подходил тихонько, чтобы поймать врага, — и находил Варвару.

— С кем ты тут шушукалась? — тоскливо спрашивал он.

Варвара ухмылялась и отвечала:

— Да тебе, Ардальон Борисыч, кажется.

— Не все же кажется, — тоскливо бормотал Передонов, — есть же и правда на свете.

Да, ведь и Передонов стремился к истине, по общему закону всякой сознательной жизни, и это стремление томило его. Он и сам не сознавал, что тоже, как и все люди, стремится к истине, и потому смутно было его беспокойство. Он не мог найти для себя истины, и запутался, и погибал.

Уже и знакомые стали дразнить Передонова обманом. С обычною в нашем городе грубостью к слабым говорили об этом обмане при нем. Преполовенская с лукавою усмешечкою спрашивала:

— Что же это вы, Ардальон Борисыч, все еще на ваше инспекторское место не едете?

Варвара за него отвечала Преполовенской со сдержанною злобою:

— Вот получим бумагу и поедем.

На Передонова эти вопросы нагоняли тоску.

«Как же я могу жить, если мне не дают места?» — думал он.

Он замышлял все новые планы защиты от врагов. Украл из кухни топор и припрятал его под кроватью. Купил шведский нож[180] и всегда носил его с собою в кармане. Постоянно замыкался. На ночь ставил капканы вокруг дома, да и в горницах, а потом осматривал их. Эти капканы были, конечно, сооружены так, что никто в них не мог попасться: они ущемляли, но не удерживали, и с ними можно было уйти. У Передонова не было ни технических познаний, ни сметливости. Видя каждое утро, что никто не попался, Передонов думал, что его враги испортили капканы. Это его опять страшило.

Особенно внимательно Передонов следил за Володиным. Нередко он приходил к Володину, когда знал, что того нет дома, — и шарил, не захвачены ли им какие-нибудь бумаги.

Передонов начал догадываться, чего хочет княгиня, — чтобы он опять полюбил ее. Ему отвратительна она, дряхлая. «Ведь ей полтораста лет», — злобно думал он. «Да, старая, — думал он, — зато вот какая сильная». И отвращение сплеталось с прельщением. Чуть тепленькая, трупцем попахивает, представлял себе Передонов и замирал от дикого сладострастия.

«Может быть, можно с нею сойтись, и она смилуется. Не написать ли ей письмо?»

И на этот раз Передонов, не долго думая, сочинил письмо к княгине. Он писал:

«Я люблю вас, потому что вы холодная и далекая. Варвара потеет, с нею жарко спать, несет, как из печки. Я хочу иметь любовницу холодную и далекую.[181] Приезжайте и соответствуйте».

Написал, послал, — и раскаялся. «Что-то из этого выйдет? Может быть, нельзя было писать, — думал он, — надо было ждать, когда княгиня сама приедет».

Так случайно вышло это письмо, как и многое Передонов случайно делал, — как труп, движимый внешними силами, и как будто этим силам нет охоты долго возиться с ним: поиграет одна, да и бросит другой.

Скоро Недотыкомка опять появилась, — она подолгу каталась вокруг Передонова, как на аркане, и всё дразнила его. И уже она была беззвучна и смеялась только дрожью всего тела. Но она вспыхивала тускло-золотыми искрами, злая, бесстыжая, — грозила и горела нестерпимым торжеством. И кот грозил Передонову, сверкал глазами и мяукал дерзко и грозно.

«Чему они радуются?» — тоскливо подумал Передонов и вдруг понял, что конец приближается, что княгиня уже здесь, близко, совсем близко. Быть может, в этой колоде карт.

Да, несомненно, она — пиковая или червонная дама.[182] Может быть, она прячется и в другой колоде или за другими картами, а какая она — неизвестно. Беда в том, что Передонов никогда ее не видел. Спросить у Варвары, — не стоит — соврет.

Наконец Передонов придумал сжечь всю колоду. Пусть все горят. Если они лезут ему назло в карты, так сами будут виноваты.

Передонов улучил время, когда Варвары не было и печка в зале топилась, — и бросил карты, целую игру, в печку.

С треском развернулись невиданные, бледно-красные цветы, — и горели, обугливаясь по краям. Передонов смотрел в ужасе на эти пламенные цветы.

Карты коробились, перегибались, двигались, словно хотели выскочить из печки. Передонов схватил кочергу и колотил по картам. Посыпались во все стороны мелкие, яркие искры, — и вдруг, в ярком и злом смятении искр, поднялась из огня княгиня, маленькая, пепельно-серая женщина, вся осыпанная потухающими огоньками: она пронзительно вопила тонким голоском, шипела и плевала на огонь.

Передонов повалился навзничь и завыл от ужаса. Мрак обнял его, щекотал и смеялся воркочущими голосами.

XXVI

Саша был очарован Людмилою, но что-то мешало ему говорить о ней с Коковкиною. Словно стыдился. И уже стал иногда бояться ее приходов. Сердце его замирало, и брови невольно хмурились, когда он увидит под окном ее быстро мелькавшую розово-желтую шляпу. А все-таки ждал ее с тревогою и с нетерпением, — тосковал, если она долго не приходила. Противоречивые чувства смешались в его душе, чувства темные, неясные, — порочные, потому что ранние, — и сладкие, потому что порочные.

Людмила не была ни вчера, ни сегодня. Саша истомился ожиданием и уже перестал ждать. И вдруг она пришла. Он засиял, бросился целовать ее руки.

— Ну, провалились, — выговаривал он ей ворчливо, — двое суток вас не видать.

Она смеялась и радовалась, и сладкий, томный и пряный запах японской функии[183] разливался от нее, словно струился от ее темно-русых кудрей.

Людмила и Саша пошли гулять за город. Звали Коковкину, — не пошла.

— Где уж мне, старухе, гулять! — сказала она, — только вам ноги путать буду. Уж гуляйте одни.

— А мы шалить будем, — смеялась Людмила.

Теплый воздух, грустный, неподвижный, ласкал и напоминал о невозвратном. Солнце, как больное, тускло горело и багровело на бледном, усталом небе. Сухие листья на темной земле покорные лежали, мертвые.

Людмила и Саша спустились в овраг. Там было прохладно, свежо, почти сыро, — изнеженная осенняя усталость царила между его отененными склонами.

Людмила шла впереди. Она приподняла юбку. Открылись маленькие башмаки и чулки тельного цвета. Саша смотрел вниз, чтобы ему не запнуться за корни, и увидел чулки. Ему показалось, что башмаки надеты без чулок. Стыдливое и страстное чувство поднялось в нем. Он зарделся. Голова закружилась. «Упасть бы, словно невзначай, к ее ногам, — мечтал он, — стащить бы ее башмак, поцеловать бы нежную ногу».

Людмила словно почуяла на себе Сашин жаркий взор, его нетерпеливое желание. Она, смеючись, повернулась к Саше, спросила:

— На мои чулки смотришь?

— Нет, я так, — смущенно бормотал Саша.

— Ах, у меня такие чулки, — хохоча и не слушая его, говорила Людмила, — ужасно какие! Можно подумать, что я на босые ноги башмаки надела, — совсем тельного цвета. Не правда ли, ужасно смешные чулки?

Она повернулась к Саше лицом и приподняла край платья.

— Смешные? — спросила она.

— Нет, красивые, — сказал Саша, красный от смущения.

Людмила с притворным удивлением приподняла брови и воскликнула:

— Скажите, пожалуйста, туда же красоту разбирать!

Людмила засмеялась и пошла дальше. Саша, сгорая от смущения, неловко брел за нею и поминутно спотыкался.

Перебрались через овраг. Сели на сломанный ветром березовый ствол. Людмила сказала:

— А песку-то сколько набилось в башмаки, — идти не могу.

Она сняла башмаки, вытряхнула песок, лукаво глянула на Сашу.

— Красивая ножка? — спросила она.

Саша покраснел пуще и уже не знал, что сказать. Людмила стащила чулки.

— Беленькие ножки? — спросила она опять, странно и лукаво улыбаясь. — На колени! целуй! — строго сказала она, и победительная жестокость легла на ее лицо.

Саша проворно опустился на колени и поцеловал Людмилины ноги.

— А без чулок приятнее, — сказала Людмила, спрятала чулки в карман и всунула ноги в башмаки.

И лицо ее стало опять спокойно и весело, словно Саша и не склонялся сейчас перед нею, нагие лобзая у нее стопы. Саша спросил:

— Милая, а ты не простудишься?

Нежно и трепетно звучал его голос. Людмила засмеялась.

— Вот еще, — я привыкла, — я не такая неженка.

Однажды Людмила пришла под вечер к Коковкиной и позвала Сашу:

— Пойдем ко мне новую полочку вешать.

Саша любил вбивать гвозди и как-то обещал Людмиле помочь ей в устройстве ее обстановки. И теперь согласился, радуясь, что есть невинный предлог идти с Людмилою и к Людмиле. И невинный, кисленький запах extra-muguet,[184] веявший от зеленоватого Людмилина платья, нежно успокаивал его.

Для работы Людмила переоделась за ширмою и вышла к Саше в короткой, нарядной юбочке, с открытыми руками, надушенная сладкою, томною, пряною японскою функией.

— Ишь ты, какая нарядная! — сказал Саша.

— Ну да, нарядная. Видишь, — сказала Людмила, усмехаясь, — босые ноги, — выговорила она эти слова со стыдливо-задорною растяжечкою.

Саша пожал плечьми и сказал:

— Уж ты всегда нарядная. Ну, что ж, начнемте вбивать. Гвоздики-то у вас есть? — спросил он озабоченно.

— Погоди немножечко, — ответила Людмила, — посиди со мною хоть чуть, а то словно только по делу и ходишь, а уж со мною и поговорить скучно.

Саша покраснел и сказал нежно:

— Милая Людмилочка, да я с вами сколько хотите сидел бы, пока бы не прогнали, а только уроки учить надо.

Людмила легонько вздохнула и медленно промолвила:

— Ты все хорошаешь, Саша.

Саша зарделся, засмеялся, высовывая трубочкою кончик языка.

— Придумаете тоже, — сказал он, — нешто я барышня, чего мне хорошать!

— Лицо прекрасное, а то-то тело! Покажь хоть до пояса, — ласкаясь к Саше, просила Людмила и обняла его за плечо.

— Ну вот еще, выдумали! — стыдливо и досадливо сказал Саша.

— А что ж такое? — беспечным голосом спросила Людмила, — что у тебя за тайны!

— Еще войдет кто, — сказал Саша.

— Кому входить? — так же легко и беззаботно сказала Людмила. — Да мы дверь запрем, вот никому и не попасть.

Людмила проворно подошла к двери и заперла ее на задвижку. Саша догадался, что Людмила не шутит. Он сказал, весь рдея, так что капельки пота выступили на лбу:

— Ну не надо, Людмилочка.

— Глупый, отчего не надо? — убеждающим голосом спросила Людмила.

Она притянула к себе Сашу и принялась расстегивать его блузу. Саша отбивался, цепляясь за ее руки. Лицо его сделалось испуганным, и, подобный испугу, стыд охватил его. И от этого он словно вдруг ослабел. Людмила сдвинула брови и решительно раздевала его. Сняла пояс, кое-как стащила блузу. Саша отбивался все отчаяннее. Они возились, кружились по горнице, натыкались на столы и стулья. Пряное благоухание веяло от Людмилы, опьяняло Сашу и обессиливало его.

Быстрым толчком в грудь Людмила повалила Сашу на диван. От рубашки, которую она рванула, отскочила пуговица. Людмила быстро оголила Сашино плечо и принялась выдергивать руку из рукава. Отбиваясь, Саша невзначай ударил Людмилу ладонью по щеке. Не хотел, конечно, ударить, но удар упал на Людмилину щеку с размаху, сильный да звонкий. Людмила дрогнула, пошатнулась, зарделась кровавым румянцем, но не выпустила Сашу из рук.

— Злой мальчишка, драться! — задыхающимся голосом крикнула она.

Саша смутился жестоко, опустил руки и виновато глядел на оттиснувшиеся по левой Людмилиной щеке беловатые полоски, следы от его пальцев. Людмила воспользовалась его замешательством. Она быстро спустила у него рубашку с обоих плеч на локти. Саша опомнился, рванулся от нее, но вышло еще хуже, — Людмила проворно сдернула рукава с его рук, — рубашка опустилась к поясу. Саша почувствовал холод и новый приступ стыда, ясного и беспощадного, кружащего голову. Теперь Саша был открыт до пояса. Людмила крепко держала его за руку и дрожащею рукою похлопывала по его голой спине, заглядывала в его потупленные, странно-мерцающие под синевато-черными ресницами глаза.

И вдруг эти ресницы дрогнули, лицо перекосилось жалкою детскою гримасою, — и он заплакал, внезапно, навзрыд.

— Озорница! — рыдающим голосом крикнул он, — пустите!

— Занюнил! младенец! — сердито и смущенно сказала Людмила и оттолкнула его.

Саша отвернулся, вытирая ладонями слезы. Ему стало стыдно, что он плакал. Он старался удержаться. Людмила жадно глядела на его обнаженную спину.

«Сколько прелести в мире! — думала она. — Люди закрывают от себя столько красоты, — зачем?»

Саша, стыдливо ежась голыми плечами, попытался надеть рубашку, но она только комкалась, трещала под его дрожащими руками, и никак было не всунуть руки в рукава. Саша схватился за блузу, — пусть уж рубашка так пока остается.

— Ах, за вашу собственность испугались. Не украду! — сказала Людмила злым, звенящим от слез голосом.

Она порывисто бросила ему пояс и отвернулась к окну. Закутанный в серую блузу, очень он ей нужен, скверный мальчишка, жеманник противный.

Саша быстро надел блузу, кое-как оправил рубашку и посмотрел на Людмилу опасливо, нерешительно и стыдливо. Он увидел, что она вытирает щеки руками, робко подошел к ней и заглянул ей в лицо, — и слезы, которые текли по ее щекам, вдруг отравили его нежною к ней жалостью, — и ему уже не было ни стыдно, ни досадно.

— Что же вы плачете, милая Людмилочка? — тихонько спросил он.

И вдруг зарделся, — вспомнил свой удар.

— Я вас ударил, простите. Ведь я же не нарочно, — робко сказал он.

— Растаешь, что ли, глупый мальчишка, коли с голыми плечьми посидишь? — сказала Людмила жалующимся голосом. — Загоришь, боишься. Красота и невинность с тебя слиняют.

— Да зачем тебе это, Людмилочка? — со стыдливою ужимкою спросил Саша.

— Зачем? — страстно заговорила Людмила. — Люблю красоту. Язычница я, грешница. Мне бы в древних Афинах родиться. Люблю цветы, духи, яркие одежды, голое тело. Говорят, есть душа, не знаю, не видела. Да и на что она мне? Пусть умру совсем, как русалка, как тучка под солнцем растаю.[185] Я тело люблю, сильное, ловкое, голое, которое может наслаждаться.

— Да и страдать ведь может, — тихо сказал Саша.

— И страдать, и это хорошо, — страстно шептала Людмила. — Сладко и когда больно, — только бы тело чувствовать, только бы видеть наготу и красоту телесную.

— Да ведь стыдно же без одежды? — робко сказал Саша.

Людмила порывисто бросилась перед ним на колени. Задыхаясь, целуя его руки, шептала:

— Милый, кумир мой, отрок богоравный, на одну минуту, только дай мне на одну минуту полюбоваться твоими плечиками.

Саша вздохнул, опустил глаза, покраснел и неловко снял блузу. Людмила горячими руками схватила его и осыпала поцелуями его вздрагивавшие от стыда плечи.

— Вот какой я послушливый! — сказал Саша, насильно улыбаясь, чтобы шуткою прогнать смущение.

Людмила торопливо целовала Сашины руки от плеч до пальцев, — и Саша не отнимал их, взволнованный, погруженный в страстные и жестокие мечты. Обожанием были согреты Людмилины поцелуи, — и уже словно не мальчика, словно отрока-бога лобзали ее горячие губы в трепетном и таинственном служении расцветающей Плоти.[186]

А Дарья и Валерия стояли за дверью и, поочередно, толкаясь от нетерпения, смотрели в замочную скважину и замирали от страстного и жгучего волнения.

— Пора же и одеваться, — сказал наконец Саша. Людмила вздохнула и с тем же благоговейным выражением в глазах надела на него рубашку и блузу, прислуживая ему почтительно и осторожно.

— Так ты язычница? — с недоумением спросил Саша.

Людмила весело засмеялась.

— А ты? — спросила она.

— Ну вот еще! — ответил Саша уверенно, — я весь катехизис твердо знаю.

Людмила хохотала. Саша, глядючи на нее, улыбнулся и спросил:

— Коли ты язычница, зачем же ты в церковь ходишь?

Людмила перестала смеяться, призадумалась.

— Что ж, — сказала она, — надо же молиться. Помолиться, поплакать, свечку поставить, подать помянуть. И я люблю все это, свечки, лампадки, ладан, ризы, пение, — если певчие хорошие, — образа, у них оклады, ленты. Да, все это такое прекрасное. И еще люблю... Его... знаешь... Распятого...

Людмила проговорила последние слова совсем тихо, почти шепотом, покраснела, как виноватая, и опустила глаза.

— Знаешь, приснится иногда. — Он на кресте, и на теле кровавые капельки.

С тех пор Людмила не раз, уведя Сашу в свой покой, принималась расстегивать его курточку. Сперва он стыдился до слез, но скоро привык. И уже смотрел ясно и спокойно, как Людмила опускала его рубашку, обнажала его плечи, ласкала и хлопала по спине. И уже, наконец, сам принимался раздеваться.

И Людмиле приятно было держать его, полуголого, у себя на коленях, обнявши, целуя.

Саша был один дома. Людмила вспомнилась ему и его голые плечи под ее жаркими взорами.

«И чего она хочет?» — подумал он. И вдруг багряно покраснел, и больно-больно забилось сердце. Буйная веселость охватила его. Он несколько раз перекувыркнулся, повалился на пол, прыгал на мебель, — тысячи безумных движений бросали его из одного угла в другой, и веселый, ясный хохот его разносился по дому.

Коковкина вернулась в это время домой, заслышала необычайный шум и вошла в Сашину горницу. В недоумении она стала на пороге и качала головою.

— Что это ты беснуешься, Сашенька! — сказала она, — диви бы[187] с товарищами, а то один бесишься. Постыдись, батюшка, — не маленький.

Саша стоял, и от смущения у него словно отнимались руки, тяжелые, неловкие, — а все его тело еще дрожало от возбуждения.

Однажды Коковкина застала Людмилу у себя, — она кормила Сашу конфектами.

— Баловница вы, — ласково сказала Коковкина, — сладенькое-то он у меня любит.

— Да, а вот он меня озорницей зовет, — пожаловалась Людмила.

— Ай, Сашенька, разве можно! — с ласковым укором сказала Коковкина. — Да за что же это ты?

— Да она меня тормошит, — запинаясь, сказал Саша.

Он сердито глядел на Людмилу и багряно краснел. Людмила хохотала.

— Сплетница, — шепнул ей Саша.

— Как же можно, Сашенька, грубить! — выговаривала Коковкина. — Нельзя грубить!

Саша поглядел на Людмилу, усмехаючись, и тихо промолвил:

— Ну, больше не буду.

Теперь уже каждый раз, как Саша приходил, Людмила запиралась с ним и принималась его раздевать да наряжать в разные наряды. Смехом и шутками наряжался сладкий их стыд. Иногда Людмила затягивала Сашу в корсет и одевала в свое платье. При декольтированном корсаже голые Сашины руки, полные и нежно-округленные, и его круглые плечи казались очень красивыми. У него кожа была желтоватого, но, что редко бывает, ровного, нежного цвета. Юбка, башмаки, чулки Людмилины, все Саше оказалось впору, и все шло к нему. Надев на себя весь дамский наряд, Саша послушно сидел и обмахивался веером. В этом наряде он и в самом деле был похож на девочку и старался вести себя как девочка. Одно только было неудобство — стриженые Сашины волосы. Надевать парик или привязанную косу на Сашину голову Людмила не хотела, — противно.

Людмила учила Сашу делать реверансы. Неловко и застенчиво приседал он вначале. Но в нем была грация, хотя и смешанная с мальчишескою угловатостью. Краснея и смеясь, он прилежно учился делать реверансы и кокетничал напропалую.

Иногда Людмила брала его руки, обнаженные и стройные, и целовала их. Саша не сопротивлялся и, смеючись, смотрел на Людмилу. Иногда он сам подставлял руку к ее губам и говорил:

— Целуй!

Но лучше нравились ему и ей иные наряды, которые шила сама Людмила: одежда рыбака с голыми ногами, хитон афинского голоногого мальчика.

Нарядит его Людмила и любуется. А сама побледнеет, печальная станет.

Саша сидел на Людмилиной постели, перебирал складки хитона и болтал голыми ногами. Людмила стояла перед ним и смотрела на него с выражением счастия и недоумения.

— Какая ты глупая! — сказал Саша.

— В моей глупости так много счастия! — лепетала бледная Людмила, плача и целуя Сашины руки.

— Отчего же ты заплакала? — улыбаясь беспечно, спросил Саша.

— Мое сердце ужалено радостью. Грудь мою пронзили семь мечей счастья,[188] — как мне не плакать.

— Дурочка ты, право, дурочка! — смеючись, сказал Саша.

— А ты умный! — с внезапною досадою ответила Людмила, вытерла слезы и вздохнула. — Пойми, глупый, — заговорила она тихим убеждающим голосом, — только в безумии счастье и мудрость.[189]

— Ну, да! — недоверчиво сказал Саша.

— Надо забыть, забыться, и тогда все поймешь, — шептала Людмила. — По-твоему как, мудрые люди думают?

— А то как же?

— Они так знают. Им сразу дано: только взглянет, и уже все ему открыто...

Осенний тихо длился вечер. Чуть слышный из-за окна доносился изредка шелест, когда ветер на лету качал ветки у деревьев. Саша и Людмила были одни. Людмила нарядила его голоногим рыбаком — синяя одежда из тонкого полотна, — уложила на низком ложе и села на пол у его голых ног, босая, в одной рубашке. И одежду, и Сашино тело облила она духами, — густой, травянистый и ломкий у них был запах, как неподвижный дух замкнутой в горах странно-цветущей долины.

На Людмилиной шее блестели яркие крупные бусы, золотые узорные браслеты звенели на руках. Ирисом пахло ее тело, — запах душный, плотский, раздражающий, навевающий дремоту и лень, насыщенные испарениями медленных вод. Она томилась, и вздыхала, и глядела на его смуглое лицо, на его иссиня-чёрные ресницы и полуночные глаза. Она положила голову на его голые колени, и ее светлые кудри ласкали его смуглую кожу. Она целовала Сашино тело, и от аромата, странного и сильного, смешанного с запахом молодой кожи, кружилась ее голова.

Саша лежал и улыбался тихою, неверною улыбкою. Неясное в нем зарождалось желание и сладко томило его. И когда Людмила целовала его колени и стопы, нежные поцелуи возбуждали томные, полусонные мечтания. Хотелось что-то сделать ей, милое или больное, нежное или стыдное, — но что? Целовать ее ноги? Или бить ее, долго, сильно,

длинными гибкими ветвями? Чтобы она смеялась от радости или кричала от боли?[190] И то, и другое, может быть, желанно ей, но мало. Что же ей надо? Вот они полуобнаженные оба, и с их освобожденною плотью связано желание и хранительный стыд, — но в чем же это таинство плоти?[191] И как принести свою кровь и свое тело в сладостную жертву ее желаниям, своему стыду?

А Людмила томилась и металась у его ног, бледнея от невозможных желаний, то пылая, то холодея. Она страстно шептала:

— Я ли не красавица! У меня ли глаза не жгучие! У меня ли не пышные волосы! Ласкай же меня! Приласкай же меня! Сорви с меня запястья, отстегни мое ожерелье!

Саше стало страшно, и невозможные желания мучительно томили его.

XXVII

Передонов проснулся под утро. Кто-то смотрел на него громадными, мутными, четырехугольными глазами. Уж не Пыльников ли это? Передонов подошел к окну и облил зловещий призрак.

На всем были чары и чудеса. Визжала дикая Недотыкомка, злобно и коварно смотрели на Передонова и люди, и скоты. Все было ему враждебно, он был один против всех.

В гимназии на уроках Передонов злословил своих сослуживцев, директора, родителей учеников. Гимназисты слушали с недоумением. Иные, хамоватые по природе, находились, что, подлаживаясь к Передонову, выражали ему свое сочувствие. Другие же сурово молчали или, когда Передонов задевал их родителей, горячо вступались. На таких Передонов смотрел угрюмо и боязливо и отходил от них, бормоча что-то.

На иных уроках Передонов потешал гимназистов нелепыми толкованиями.

Читали раз Пушкинские стихи:

Встает заря во мгле холодной,
На нивах шум работ умолк,
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк.[192]

— Постойте, — сказал Передонов, — это надо хорошенько понять. Тут аллегория скрывается. Волки попарно ходят: волк с волчихою голодной. Волк сытый, а она голодная. Жена всегда после мужа должна есть. Жена во всем должна подчиняться мужу.

Пыльников был веселый, он улыбался и смотрел на Передонова обманчиво-чистыми, черными, бездонными глазами. Сашино лицо мучило и соблазняло Передонова. Чаровал его проклятый мальчишка своею коварною улыбкою.

Да и мальчишка ли? Или, может быть, их два: брат и сестра. И не разобрать, кто где. Или даже, может быть, он умеет переворачиваться из мальчишки в девчонку. Недаром он всегда такой чистенький, — переворачиваясь, в разных волшебных водицах всполаскивается, — иначе ведь нельзя, не обернешься. И духами всегда от него пахнет.

— Чем это вы надушились, Пыльников? — спросил Передонов, — пачкулями,[193] что ли?

Мальчики засмеялись. Саша обидчиво покраснел и промолчал.

Чистого желания нравиться, быть не противным Передонов не понимал. Всякое такое проявление, хотя бы со стороны мальчика, он считал охотою на себя. Кто принарядился, тот, значит, и замышляет прельстить Передонова. Иначе зачем рядиться? Нарядность и чистота были для Передонова противны, духи казались ему зловонны; всяким духам предпочитал он запах унавоженного поля, полезный, по его мнению, для здоровья. Наряжаться, чиститься, мыться, — на все это нужно время и труд; а мысль о труде наводила на Передонова тоску и страх. Хорошо бы ничего не делать, есть, пить, спать, да и только!

Товарищи дразнили Сашу, что он надушился «пачкулями» и что Людмилочка в него влюблена. Он вспыхивал и горячо возражал: ничего, мол, не влюблена, — все это, мол, выдумки Передонова; он-де сватался к Людмилочке, а Людмилочка ему нос натянула, вот он на нее и сердится и распускает про нее нехорошие слухи. Товарищи ему верили, — Передонов, известно, — но дразнить не переставали: дразнить так приятно.

Передонов упрямо говорил всем о развращенности Пыльникова.

— С Людмилкой спутался, — говорил он. — Так усердно целуются, что она одного приготовишку родила, теперь другого носит.

Про любовь Людмилы к гимназисту заговорили в городе весьма преувеличенно, с глупыми, непристойными подробностями. Но мало кто верил: Передонов пересолил. Однако любители подразнить, — их же в нашем городе достаточно много, — спрашивали у Людмилы:

— Что это вы в мальчишку втюрились? Для взрослых кавалеров это обидно.

Людмила смеялась и говорила:

— Глупости!

Горожане посматривали на Сашу с поганым любопытством. Вдова генерала Полуянова, богатая дама из купчих, справлялась о его возрасте и нашла, что он еще слишком мал, но что года через два можно будет его позвать и заняться его развитием.

Саша уже начал и упрекать иногда Людмилу, что его за нее дразнят. Даже иногда, случалось, и поколачивал, на что Людмила только звонко хохотала.

Однако, чтобы положить конец глупым сплетням и выгородить Людмилу из неприятной истории, все Рутиловы и многочисленные их друзья, родственники и свойственники усердно действовали против Передонова и доказывали, что все эти рассказы — фантазия безумного человека. Дикие поступки Передонова заставляли многих верить таким объяснениям.

В то же время полетели доносы на Передонова к попечителю учебного округа. Из округа прислали запрос директору. Хрипач сослался на свои прежние донесения и прибавил, что дальнейшее пребывание Передонова в гимназии становится положительно опасным, так как его душевная болезнь заметно прогрессирует.

Уже Передонов был весь во власти диких представлений. Призраки заслонили от него мир. Глаза его, безумные, тупые, блуждали, не останавливаясь на предметах, словно ему всегда хотелось заглянуть дальше их, по ту сторону предметного мира, и он искал каких-то просветов.

Оставаясь один, он разговаривал сам с собою, выкрикивал кому-то бессмысленные угрозы:

— Убью! зарежу! законопачу!

А Варвара слушала и ухмылялась.

«Побесись!» — думала она злорадно.

Ей казалось, что это только злость: догадывается, что его обманули, и злится. С ума не сойдет, — сходить дураку не с чего. А если и сойдет, — что же, безумие веселит глупых!

— Знаете, Ардальон Борисыч, — сказал однажды Хрипач, — вы имеете очень нездоровый вид.

— У меня голова болит, — угрюмо сказал Передонов.

— Знаете ли, почтеннейший, — осторожным голосом продолжал директор, — я бы вам советовал не ходить пока в гимназию. Полечиться бы вам, позаботиться о ваших нервах, которые у вас, по-видимому, довольно-таки расстроены.

«Не ходить в гимназию! Конечно, — думал Передонов, — это самое лучшее. Как раньше я не догадался! Сказаться больным, посидеть дома, посмотреть, что из этого выйдет».

— Да, да, не буду ходить, я болен, — радостно говорил он Хрипачу.

Директор тем временем еще раз писал в округ и со дня на день ждал назначения врачей для освидетельствования. Но чиновники не торопились. На то они и чиновники.

Передонов не ходил в гимназию и тоже чего-то ждал. В последние дни он все льнул к Володину. Страшно было выпустить его с глаз, — не навредил бы. Уже с утра, как только проснется, Передонов с тоскою вспоминал Володина: где-то он теперь? что-то он делает? Иногда Володин мерещился ему: облака плыли по небу, как стадо баранов, и между ними бегал Володин с котелком на голове, с блеющим смехом; в дыме, вылетающем из труб, иногда быстро проносился он же, уродливо кривляясь и прыгая в воздухе.

Володин думал и всем с гордостью рассказывал, что Передонов его очень полюбил, — просто жить без него не может.

— Варвара его надула, — говорил Володин, — а он видит, что один я ему верный друг, он ко мне и вяжется.

Выйдет Передонов из дому, проведать Володина, а уж тот идет ему навстречу, в котелке, с тросточкою, весело подпрыгивает, радостно заливается блеющим смехом.

— Чего ты все в котелке? — спросил его однажды Передонов.

— Отчего же мне, Ардальон Борисыч, не носить котелка? — весело и рассудительно ответил Володин, — скромно и прилично. Фуражечку с кокардою мне не полагается, а цилиндр носить, — так это пусть аристократы упражняются, нам это не подходит.

— Ты в котелке сваришься, — угрюмо сказал Передонов.

Володин захихикал. Пошли к Передонову.

— Шагать-то сколько надо, — сердито сказал Передонов.

— Это полезно, Ардальон Борисыч, промоциониться, — убеждал Володин, — поработаешь, погуляешь, покушаешь, здоров будешь.

— Ну, да, — возражал Передонов, — ты думаешь, через двести или через триста лет люди будут работать?

— А то как же? Не поработаешь, так и хлебца не покушаешь. Хлебец за денежки дают, а денежки заработать надо.

— Я и не хочу хлеба.

— И булочки, и пирожков не будет, — хихикая, говорил Володин, — и водочки не на что купить будет, и наливочки сделать будет не из чего.

— Нет, люди сами работать не будут, — сказал Передонов, — на всё машины будут, — повертел ручкой, как аристон, и готово... Да и вертеть долго скучно.

Володин призадумался, склонил голову, выпятил губы и сказал задумчиво:

— Да, это очень хорошо будет. Только нас тогда уже не будет.

Передонов посмотрел на него злобно и проворчал:

— Это тебя не будет, а я доживу.

— Дай вам Бог, — весело сказал Володин, — двести лет прожить да триста на карачках проползать.[194]

Уже Передонов и не зачурался, —будь что будет. Он всех одолеет, надо только смотреть в оба и не поддаваться.

Дома, сидя в столовой и выпивая с Володиным, Передонов рассказывал ему про княгиню. Княгиня, в представлении Передонова, что ни день дряхлела и становилась ужаснее: желтая, морщинистая, согбенная, клыкастая, злая,[195] — неотступно мерещилась она Передонову.

— Ей двести лет, — говорил Передонов и странно и тоскливо глядел перед собою. — И она хочет, чтобы я опять с нею снюхался. До тех пор и места не хочет дать.

— Скажите, чего захотела! — покачивая головою, говорил Володин. — Старбень[196] этакая!

Передонов бредил убийством. Он говорил Володину, свирепо хмуря брови:

— Там у меня за обоями уже один запрятан. Вот ужо другого под пол заколочу.

Но Володин не пугался и хихикал.

— Вонь слышишь из-за обоев? — спросил Передонов.

— Нет, не слышу, — хихикая и ломаясь, говорил Володин.

— Нос у тебя заложило, — сказал Передонов, — недаром у тебя нос покраснел. Гниет там, за обоями.

— Клоп! — крикнула Варвара и захохотала. Передонов смотрел тупо и важно.

Передонов, все более погружаясь в свое помешательство, уже стал писать доносы на карточные фигуры, на Недотыкомку, на барана, что он, баран, самозванец, выдал себя за Володина, метит на высокую должность поступить, а сам просто баран; на лесоистребителей, — всю березу вырубили, париться нечем и воспитывать детей трудно, а осину оставили, а на что нужна осина?

Встречаясь на улице с гимназистами, Передонов ужасал младших и смешил старших бесстыдными и нелепыми словами. Старшие ходили за ним толпою, разбегаясь, когда завидят кого-нибудь из учителей, младшие сами бежали от него.

Во всем чары да кудеса мерещились Передонову, галлюцинации его ужасали, исторгая из его груди безумный вой и визги. Недотыкомка являлась ему то кровавою, то пламенною, она стонала и ревела, и рев ее ломил голову Передонову нестерпимою болью. Кот вырастал до страшных размеров, стучал сапогами и прикидывался рыжим рослым усачом.

XXVIII

Саша ушел после обеда и не вернулся к назначенному времени, к семи часам. Коковкина обеспокоилась: не дай Бог, попадется кому из учителей на улице в непоказанное время. Накажут, да и ей неловко. У нее всегда жили мальчики скромные, по ночам не шатались. Коковкина пошла искать Сашу. Известно, куда же, как не к Рутиловым.

Как на грех, Людмила сегодня забыла дверь замкнуть. Коковкина вошла и что же увидела? Саша стоит перед зеркалом в женском платье и обмахивается веером. Людмила хохочет и расправляет ленты у его ярко-цветного пояса.

— Ах, Господи, Твоя воля! — в ужасе воскликнула Коковкина, — что же это такое! Я беспокоюсь, ищу, а он тут комедию ломает. Срам какой, в юбку вырядился! Да и вам-то, Людмила Платоновна, как не стыдно!

Людмила в первую минуту смутилась от неожиданности, но быстро нашлась. С веселым смехом, обняв и усаживая в кресло Коковкину, рассказала она ей тут же сочиненную небылицу:

— Мы хотим домашний спектакль поставить, — я мальчишкой буду, а он девицей, и это будет ужасно забавно.

Саша стоял весь красный, испуганный, со слезами на глазах.

— Вот еще глупости! — сердито говорила Коковкина, — ему надо уроки учить, а не спектакли разыгрывать. Что выдумали! Изволь одеться сейчас же, Александр, и марш со мною домой.

Людмила смеялась звонко и весело, целовала Коковкину, — и старуха думала, что веселая девица ребячлива, как дитя, а Саша по глупости все ее затеи рад исполнить. Веселый Людмилин смех казал этот случай простою детскою шалостью, за которую только пожурить хоро-

шенько. И она ворчала, делая сердитое лицо, но уже сердце у нее было спокойно.

Саша проворно переоделся за ширмою, где стояла Людмилина кровать. Коковкина увела его и всю дорогу бранила. Саша, пристыженный и испуганный, уж и не оправдывался. «Что-то еще дома будет?» — боязливо думал он.

А дома Коковкина в первый раз поступила с ним строго: велела ему стать на колени. Но едва постоял Саша несколько минут, как уже она, разжалобленная его виноватым лицом и безмолвными слезами, отпустила его. Сказала ворчливо:

— Щеголь этакий, за версту духами пахнет!

Саша ловко шаркнул, поцеловал ей руку, — и вежливость наказанного мальчика еще больше тронула ее.

А меж тем над Сашею собиралась гроза. Варвара и Грушина сочинили и послали Хрипачу безымянное письмо о том, что гимназист Пыльников увлечен девицею Рутиловою, проводит у нее целые вечера и предается разврату. Хрипач припомнил один недавний разговор. На днях на вечере у предводителя дворянства кто-то бросил никем не поднятый намек на девицу, влюбившуюся в подростка. Разговор тотчас же перешел на другие предметы: при Хрипаче все, по безмолвному согласию привыкших к хорошему обществу людей, сочли это весьма неловкою темою для беседы и сделали вид, что разговор неудобен при дамах и что самый предмет ничтожен и маловероятен. Хрипач все это, конечно, заметил, но он не был столь простодушен, чтобы кого-нибудь спрашивать. Он был вполне уверен, что всё узнает скоро, что все известия доходят сами, тем или другим путем, но всегда достаточно своевременно. Вот это письмо и была жданная весть.

Хрипач ни на минуту не поверил в развращенность Пыльникова и в то, что его знакомство с Людмилою имеет непристойные стороны. «Это, — думал он, — идет все от той же глупой выдумки Передонова и питается завистливою злобою Грушиной. Но это письмо, — думал он, — показывает, что ходят нежелательные слухи, которые могут бросить тень на достоинство вверенной ему гимназии. И потому надобно принять меры».

Прежде всего Хрипач пригласил Коковкину, чтобы переговорить с нею о тех обстоятельствах, которые могли способствовать возникновению нежелательных толков.

Коковкина уже знала, в чем дело. Ей сообщили даже еще проще, чем директору. Грушина выждала ее на улице, завязала разговор и рассказала, что Людмила уже вконец развратила Сашу. Коковкина была

поражена. Дома она осыпала Сашу упреками. Ей было тем более досадно, что все происходило почти на ее глазах и Саша ходил к Рутиловым с ее ведома. Саша притворился, что ничего не понимает, и спросил:

— Да что же я худого сделал?

Коковкина замялась.

— Как что худого? А сам ты не знаешь? А давно ли я тебя застала в юбке? Забыл, срамник этакий?

— Застали, ну, что ж тут особенно худого? так ведь и наказали за то! И что ж такое, точно я краденую юбку надел!

— Скажите пожалуйста, как рассуждает! — говорила растерянно Коковкина. — Наказала я тебя, да, видно, мало.

— Ну, еще накажите, — строптиво, с видом несправедливо обижаемого, сказал Саша. — Сами тогда простили, а теперь мало. А я ведь вас тогда не просил прощать, — стоял бы на коленях хоть весь вечер. А то что ж все попрекать!

— Да уж и в городе, батюшка, про тебя с твоей Людмилочкой говорят, — сказала Коковкина.

— А что говорят-то? — невинно-любопытствующим голосом спросил Саша.

Коковкина опять замялась.

— Что говорят, — известно что! Сам знаешь, что про вас сказать можно. Хорошего-то мало скажут. Шалишь ты много со своею Людмилочкою, вот что говорят.

— Ну, я не буду шалить, — обещал Саша так спокойно, как будто разговор шел об игре в пятнашки.

Он делал невинное лицо, а на душе у него было тяжело. Он выспрашивал Коковкину, что же говорят, и боялся услышать какие-нибудь грубые слова. Что могут говорить о них? Людмилочкина горница окнами в сад, с улицы ее не видно, да и Людмилочка спускает занавески. А если кто подсмотрел, то как об этом могут говорить? Может быть, досадные, оскорбительные слова? Или так говорят, только о том, что он часто ходит?

И вот на другой день Коковкина получила приглашение к директору. Оно совсем растревожило старуху. Она уже и не говорила ничего Саше, собралась тихонько и к назначенному часу отправилась. Хрипач любезно и мягко сообщил ей о полученном им письме. Она заплакала.

— Успокойтесь, мы вас не виним, — говорил Хрипач, — мы вас хорошо знаем. Конечно, вам придется последить за ним построже. А теперь вы мне только расскажите, что там на самом деле было.

От директора Коковкина пришла с новыми упреками Саше.

— Тете напишу, — сказала она, плача.

— Я ни в чем не виноват, пусть тетя приедет, я не боюсь, — говорил Саша и тоже плакал.

На другой день Хрипач пригласил к себе Сашу и спросил его сухо и строго:

— Я желаю знать, какие вы завели знакомства в городе.

Саша смотрел на директора лживо-невинными и спокойными глазами.

— Какие же знакомства? — сказал он, — Ольга Васильевна знает, я только к товарищам хожу да к Рутиловым.

— Да, вот именно, — продолжал свой допрос Хрипач, — что вы делаете у Рутиловых?

— Ничего особенного, так, — с тем же невинным видом ответил Саша, — главным образом мы читаем. Барышни Рутиловы стихи очень любят. И я всегда к семи часам бываю дома.

— Может быть, и не всегда? — спросил Хрипач, устремляя на Сашу взор, который постарался сделать проницательным.

— Да, один раз опоздал, — со спокойною откровенностью невинного мальчика сказал Саша, — да и то мне досталось от Ольги Васильевны, и потом я не опаздывал.

Хрипач помолчал. Спокойные Сашины ответы ставили его в тупик. Во всяком случае надо сделать наставление, выговор, но как и за что? Чтобы не внушить мальчику дурных мыслей, которых у него раньше (верил Хрипач) не было, — и чтобы не обидеть мальчика, — и чтобы сделать все к устранению тех неприятностей, которые могут случиться в будущем из-за этого знакомства. Хрипач подумал, что дело педагога — трудное и ответственное дело, особенно если имеешь честь начальствовать над учебным заведением. Трудное, ответственное дело педагога! Это банальное определение окрылило застывшие было мысли у Хрипача. Он принялся говорить — скоро, отчетливо и незанимательно. Саша слушал из пятого в десятое:

—... первая обязанность ваша как ученика — учиться... нельзя увлекаться обществом, хотя бы и весьма приятным и вполне безукоризненным... во всяком случае следует сказать, что общество мальчиков вашего возраста для вас гораздо полезнее... Надо дорожить репутацией и своею, и учебного заведения... Наконец, — скажу вам прямо, я имею основания предполагать, что ваши отношения к барышням имеют характер вольности, недопустимой в вашем возрасте и совсем не согласной с общепринятыми правилами приличия.

Саша заплакал. Ему стало жаль, что о милой Людмилочке могут думать и говорить как об особе, с которою можно вести себя вольно и неприлично.

— Честное слово, ничего худого не было, — уверял он, — мы только читали, гуляли, играли, — ну, бегали, — больше никаких вольностей.

Хрипач похлопал его по плечу и сказал голосом, которому постарался придать сердечность, а все же сухим:

— Послушайте, Пыльников...

(Что бы ему назвать когда мальчика Сашею! Не форменно, и нет еще на то министерского циркуляра?)[197]

— Я вам верю, что ничего худого не было, но все-таки вы лучше прекратите эти частые посещения. Поверьте мне, так будет лучше. Это говорит вам не только ваш наставник и начальник, но и ваш друг. Саше осталось только поклониться, поблагодарить, а затем пришлось послушаться. И стал Саша забегать к Людмиле только урывками, минут на пять, на десять, — а все же старался побывать каждый день. Досадно было, что приходилось видеться урывками, — и Саша вымещал досаду на самой Людмиле. Уже он частенько называл ее Людмилкой, дурищею, ослицею силоамскою,[198] поколачивал ее. А Людмила на все это только хохотала.

Разнесся по городу слух, что актеры здешнего театра устраивают в общественном собрании маскарад с призами за лучшие наряды, женские и мужские. О призах пошли преувеличенные слухи. Говорили, — дадут корову даме, велосипед мужчине. Эти слухи волновали горожан. Каждому хотелось выиграть: вещи такие солидные. Поспешно шили наряды. Тратились, не жалея. Скрывали придуманные наряды и от ближайших друзей, чтобы кто не похитил блистательной мысли.

Когда появилось печатное объявление о маскараде, — громадные афиши, расклеенные на заборах и разосланные именитым гражданам, — оказалось, что дадут вовсе не корову и не велосипед, а только веер даме и альбом мужчине. Это всех готовившихся к маскараду разочаровало и раздосадовало. Стали роптать. Говорили:

— Стоило тратиться!

— Это просто насмешка — такие призы.

— Должны были сразу объявить.

— Это только у нас возможно поступать так с публикой.

Но все же приготовления продолжались: какой ни будь приз, а получить его лестно.

Дарью и Людмилу приз не занимал, ни сначала, ни после. Нужна им корова! Невидаль — веер! Да и кто будет присуждать призы? Какой у них, у судей, вкус! Но обе сестры увлеклись Людмилиною мечтою послать в маскарад Сашу в женском платье, обмануть таким способом весь город и устроить так, чтобы приз дали ему. И Валерия делала вид, что согласна. Завистливая и слабая, как дитя, она досадовала, — Людмилочкин дружок, не к ней же ведь ходит, — но спорить с двумя старшими сестрами она не решалась. Только сказала с презрительною усмешечкою:

— Он не посмеет.

— Ну вот, — решительно сказала Дарья, — мы сделаем так, что никто не узнает.

И когда сестры рассказали Саше про свою затею, и сказала ему Людмилочка:

— Мы тебя нарядим японкою.

— Саша запрыгал и завизжал от восторга. Там будь что будет, — и особенно если никто не узнает, — а только он согласен, — еще бы не согласен! — ведь это же ужасно весело всех одурачить.

Тотчас же решили, что Сашу надо нарядить *Гейшею*.[199] Сестры держали свою затею в строжайшей тайне, — не сказали даже ни Ларисе, ни брату. Костюм для гейши Людмила смастерила сама по ярлыку от корилопсиса: платье желтого шелка на красном атласе, длинное и широкое; на платье шитый пестрый узор — крупные цветы причудливых очертаний. Сами же девицы смастерили веер из тонкой японской бумаги с рисунками, на бамбуковых палочках, и зонтик из тонкого розового шелка, на бамбуковой же ручке. На ноги — розовые чулки и деревянные башмачки скамеечками. И маску для гейши раскрасила искусница Людмила: желтоватое, но милое худенькое лицо с неподвижною легкою улыбкою, косо-прорезанные глаза, узкий и маленький рот. Только парик пришлось выписать из Петербурга, — черный, с гладкими, причесанными волосами.

Чтобы примерить костюм, надо было время, а Саша мог забегать только урывочками, да и то не каждый день. Но нашлись. Саша убежал ночью, уже когда Коковкина спала, через окно. Сошло благополучно.

Собралась и Варвара в маскарад. Купила маску с глупою рожею, а за костюмом дело не стало — нарядилась кухаркою. Повесила к поясу уполовник,[200] на голову вздела белый чепец, руки открыла выше локтя и густо их нарумянила, — кухарка же прямо от плиты, — и костюм готов. Дадут приз — хорошо, не дадут — не надобно.

Грушина придумала одеться Дианою. Варвара засмеялась и спросила:

— Что ж, вы и ошейник наденете?

— Зачем мне ошейник? — с удивлением спросила Грушина.

— Да как же, — объяснила Варвара, — собакой Дианкой вырядиться вздумали.

— Ну вот придумали! — ответила Грушина со смехом, — вовсе не Дианкой, а богиней Дианой.

Одевались на маскарад Варвара и Грушина вместе у Грушиной. Наряд у Грушиной вышел чересчур легок: голые руки и плечи, голая спина, голая грудь, ноги в легоньких туфельках, без чулок, голые до колен, и легкая одежда из белого полотна с красною обшивкою, прямо на голое тело, — одежда коротенькая, но зато широкая, со множеством складок. Варвара сказала, ухмыляясь:

— Головато.

Грушина отвечала, нахально подмигивая:

— Зато все мужчинки так за мной и потянутся.

— А что же складок так много? — спросила Варвара.

— Конфет напихать можно для моих чертенят, — объяснила Грушина.

Все так смело открытое у Грушиной было красиво, — но какие противоречия! На коже — блошьи укусы, ухватки грубы, слова нестерпимой пошлости. Снова поруганная телесная красота.

Передонов думал, что маскарад затеяли нарочно, чтобы его на чем-нибудь изловить. А все-таки он пошел туда, — не ряженый, в сюртуке. Чтобы видеть самому, какие злоумышления затеваются.

Мысль о маскараде несколько дней тешила Сашу. Но потом сомнения стали одолевать его. Как урваться из дому? И особенно теперь, после этих неприятностей. Беда, если узнают в гимназии, как раз исключат.

Недавно классный наставник, — молодой человек до того либеральный, что не мог называть кота Ваською, а говорил: кот Василий, — заметил Саше весьма значительно при выдаче отметок:

— Смотрите, Пыльников, надо делом заниматься.

— Да у меня же нет двоек, — беспечно возразил Саша.

А сердце у него упало, — что́ еще скажет? Нет, ничего, промолчал, только посмотрел строго.

В день маскарада Саше казалось, что он и не решится поехать. Страшно. Вот только одно, — готовый наряд у Рутиловых, — нешто

ему пропадать? И все мечты и труды даром? Да ведь Людмилочка заплачет. Нет, надо идти.

Только приобретенная в последние недели привычка скрытничать помогла Саше не выдать Коковкиной своего волнения. К счастью, старуха рано ложится спать. И Саша лег рано, — для отвода глаз разделся, положил верхнюю одежду на стул у дверей и поставил за дверь сапоги.

Оставалось только уйти, — самое трудное. Уж путь намечен был заранее, через окно, как тогда для примерки. Саша надел светлую летнюю блузу, — она висела в шкапу в его горнице, — домашние легкие башмаки, и осторожно вылез из окна на улицу, улучив минуту, когда нигде поблизости не было слышно голосов и шагов. Моросил мелкий дождик, было грязно, холодно, темно. Но Саше все казалось, что его узнают. Он снял фуражку, башмаки, бросил их обратно в свою горницу, подвернул одежду и побежал вприпрыжку босиком по скользким от дождя и шатким мосткам. В темноте лицо плохо видно, особенно у бегущего, и примут, кто встретит, за простого мальчишку, посланного в лавочку.

Валерия и Людмила сшили для себя незамысловатые, но живописные наряды: цыганкою нарядилась Людмила, испанкою — Валерия. На Людмиле — яркие красные лохмотья из шелка и бархата, на Валерии, тоненькой и хрупкой, черный шелк, кружева, в руке — черный кружевной веер. Дарья себе нового наряда не шила, — от прошлого года остался костюм турчанки, она его и надела, — решительно сказала:

— Не стоит выдумывать!

Когда прибежал Саша, все три девицы принялись его обряжать. Больше всего беспокоил Сашу парик.

— А ну как свалится! — опасливо повторял он.

Наконец укрепили парик лентами, связанными под подбородком.

XXIX

Маскарад был устроен в общественном собрании — каменное, в два жилья, здание казарменного вида, окрашенное в ярко-красный цвет, на базарной площади. Устраивал маскарад Громов-Чистопольский, антрепренер и актер здешнего городского театра.

На подъезде, обтянутом коленкоровым навесом, горели шкалики.[201] Толпа на улице встречала приезжающих и приходящих на маскарад критическими замечаниями, по большей части неодобрительными, тем

более что на улице, под верхнею одеждою гостей, костюмы были почти не видны, и толпа судила преимущественно по наитию. Городовые на улице охраняли порядок с достаточным усердием, а в зале были в качестве гостей исправник и становой пристав.

Каждый посетитель при входе получал два билетика: один, розовый, для лучшего женского наряда, другой, зеленый, для мужского. Надо было их отдать достойным. Иные осведомлялись:

— А себе можно взять?

Вначале кассир в недоумении спрашивал:

— Зачем себе?

— А если, по-моему, мой костюм самый хороший, — отвечал посетитель.

Потом кассир уже не удивлялся таким вопросам, а говорил с саркастическою улыбкою (насмешливый был молодой человек):

— Сделайте ваше одолжение. Хоть оба себе оставьте.

В залах было грязновато, и уже с самого начала толпа казалась в значительной части пьяною. В тесных покоях с закоптелыми стенами и потолками горели кривые люстры; они казались громадными, тяжелыми, отнимающими много воздуха. Полинялые занавесы у дверей имели такой вид, что противно было задеть их. То здесь, то там собирались толпы, слышались восклицания и смех, — это ходили за наряженными в привлекавшие общее внимание костюмы.

Нотариус Гудаевский изображал дикого американца: в волосах петушьи перья, маска медно-красная с зелеными нелепыми разводами, кожаная куртка, клетчатый плед через плечо и кожаные высокие сапоги с зелеными кисточками. Он махал руками, прыгал и ходил гимнастическим шагом, вынося далеко вперед сильно согнутое голое колено. Жена его нарядилась *Колосом*. На ней было пестрое платье из зеленых и желтых лоскутьев; во все стороны торчали натыканные повсюду колосья. Они всех задевали и кололи. Ее дергали и ощипывали. Она злобно ругалась.

— Царапаться буду! — визжала она.

Кругом хохотали. Кто-то спрашивал:

— Откуда она столько колосьев набрала?

— С лета запасла, — отвечали ему, — каждый день в поле воровать ходила.

Несколько безусых чиновничков, влюбленных в Гудаевскую и потому извещенных ею заранее о том, что у ней будет надето, сопровождали ее. Они собирали для нее билетики, — чуть не насильно, с грубостями. У иных, не особенно смелых, просто отымали.

Были и другие ряженые дамы, усердно собиравшие билетики через своих кавалеров. Иные смотрели жадно на неотданные билетики и выпрашивали. Им отвечали дерзостями.

Унылая дама, наряженная *Ночью*, — синий костюм со стеклянною звездочкою и бумажною луною на лбу, — робко сказала Мурину:

— Дайте мне ваш билетик.

Мурин грубо ответил:

— Что за ты! Билетик тебе! Рылом не вышла!

Ночь проворчала что-то сердитое и отошла. Ей бы хотелось хоть дома показать два-три билетика, что вот, мол, и ей давали. Тщетны бывают скромные мечты.

Учительница Скобочкина нарядилась медведицею, то есть попросту накинула на плечи медвежью шкуру, а голову медведя положила на свою, как шлем, сверх обыкновенной полумаски. Это было в общем безобразно, но все ж таки шло к ее дюжему сложению и зычному голосу. *Медведица* ходила тяжкими шагами и рявкала на весь зал, так что огни в люстрах дрожали. Многим нравилась *Медведица*. Ей дали немало билетов. Но она не сумела их сохранить сама, а догадливого спутника, как у других, ей не нашлось; больше половины билетов у нее раскрали, когда ее подпоили купчики, — они сочувствовали проявленной ею способности изображать медвежьи ухватки. В толпе кричали:

— Поглядите-ка, *Медведица* водку дует!

Скобочкина не решалась отказываться от водки. Ей казалось, что медведица должна пить водку, если ей подносят.

Выделялся ростом и дородством некто одетый древним германцем. Многим нравилось, что он такой дюжий и что руки видны, могучие руки, с превосходно развитыми мускулами. За ним ходили преимущественно дамы, и вокруг него слышался ласковый и хвалебный шепот. В *Древнем Германце* узнавали актера Бенгальского. Бенгальский в нашем городе был любим. За то многие давали ему билеты. Многие рассуждали так:

— Уж если приз не мне достанется, то пусть лучше актеру (или актрисе). А то, если из наших, хвастовством замучат.

Имел успех и наряд у Грушиной — успех скандала. Мужчины за нею ходили густою толпою, хохотали, делали нескромные замечания. Дамы отвертывались, возмущались. Наконец исправник подошел к Грушиной и, сладко облизываясь, произнес:

— Сударыня, прикрыться надо.

— А что же такое? У меня ничего неприличного не видно, — бойко ответила Грушина.

— Сударыня, дамы обижаются, — сказал Миньчуков.

— Наплевать мне на ваших дам! — закричала Грушина.

— Нет уж, сударыня, — просил Миньчуков, — вы хоть носовым платочком грудку да спинку потрудитесь прикрыть.

— А коли я платок засморкала? — с наглым смехом возразила Грушина.

Но Миньчуков настаивал:

— Уж как вам угодно, сударыня, а только, если не прикроетесь, удалить придется.

Ругаясь и плюясь, Грушина отправилась в уборную и там, при помощи горничной, расправила складки своего платья на грудь и спину. Возвратясь в зал, хотя и в более скромном виде, она все же усердно искала себе поклонников. Она грубо заигрывала со всеми мужчинами. Потом, когда их внимание было отвлечено в другую сторону, она отправилась в буфетную воровать сласти. Скоро вернулась она в зал, показала Володину пару персиков, нагло ухмыльнулась и сказала:

— Сама промыслила.

И тотчас персики скрылись в складках ее костюма. Володин радостно осклабился.

— Ну! — сказал он, — пойду и я, коли так.

Скоро Грушина напилась и вела себя буйно — кричала, махала руками, плевалась.

— Веселая дама Дианка! — говорили про нее.

Таков-то был маскарад, куда повлекли взбалмошные девицы легкомысленного гимназиста. Усевшись на двух извозчиках, три сестры с Сашею поехали уже довольно поздно —опоздали из-за него. Их появление в зале было замечено. *Гейша* в особенности нравилась многим. Слух пронесся, что *Гейшею* наряжена Каштанова, актриса, любимая мужскою частью здешнего общества. И потому Саше давали много билетиков. А Каштанова вовсе и не была в маскараде, — у нее накануне опасно заболел маленький сын.

Саша, опьяненный новым положением, кокетничал напропалую. Чем больше в маленькую гейшину руку всовывали билетиков, тем веселее и задорнее блистали из узких прорезов в маске глаза у кокетливой японки. *Гейша* приседала, поднимала тоненькие пальчики, хихикала задушенным голосом, помахивала веером, похлопывала им по плечу того или другого мужчину, и потом закрывалась веером, и поминутно распускала свой розовый зонтик. Нехитрые приемы, впрочем достаточные для обольщения всех, поклоняющихся актрисе Каштановой.

— Я билетик свой отдам прелестнейшей из дам, — сказал Тишков и подал с молодцеватым поклоном билетик *Гейше*.

Уже он много выпил и был красен; его неподвижно улыбающееся лицо и неповоротливый стан делали его похожим на куклу. И всё рифмовал.

Валерия смотрела на Сашины успехи и досадливо завидовала; уже теперь ей хотелось, чтобы ее узнали, чтобы ее наряд и ее тонкая, стройная фигура понравились толпе и чтобы ей дали приз. И сейчас же с досадою вспомнила она, что это никак невозможно: все три сестры условились добиваться билетиков только для *Гейши*, а себе если и получат, то передать их все-таки своей японке.

В зале танцевали. Володин, быстро охмелев, пустился вприсядку. Полицейские остановили его. Он сказал весело-послушно:

— Ну, если нельзя, то я и не буду.

Но по примеру его пустившиеся откалывать трепака два мещанина не пожелали покориться.

— По какому праву? за свой полтинник! — восклицали они и были выведены.

Володин провожал их, кривляясь, осклабясь, и приплясывал.

Девицы Рутиловы поспешили отыскать Передонова, чтобы поиздеваться над ним. Он сидел один, у окна, и смотрел на толпу блуждающими глазами. Все люди и предметы являлись ему бессмысленными, разрозненными, но равно враждебными. Людмила, цыганкою, подошла к нему и сказала измененным гортанным голосом:

— Барин мой милый, дай я тебе погадаю.

— Пошла к чёрту! — крикнул Передонов.

Внезапное цыганкино появление испугало его.

— Барин хороший, золотой мой барин, дай мне руку. По лицу вижу, — богатый будешь, большой начальник будешь, — канючила Людмила и взяла-таки руку Передонова.

— Ну, смотри, да только хорошо гадай, — проворчал Передонов.

— Ай, барин мой бриллиантовый, — гадала Людмила, — врагов у тебя много, донесут на тебя, плакать будешь, умрешь под забором.

— Ах ты, стерва! — закричал Передонов и вырвал руку.

Людмила проворно юркнула в толпу. На смену ей пришла Валерия, — села рядом с Передоновым и зашептала ему нежно:

Я испанка молодая.
Я люблю таких мужчин,
А жена твоя — худая,
Мой прелестный господин.

— Врешь, дура, — ворчал Передонов.

Валерия шептала:

Жарче дня и слаще ночи
Мой севильский поцелуй, —
А жене ты прямо в очи
Очень глупые наплюй.
У тебя жена — Варвара,
Ты красавец, Ардальон.
Вы с Варварою не пара, —
Ты умен, как Соломон.

— Это ты верно говоришь, — сказал Передонов, — только как же я ей в глаза плюну? Она княгине пожалуется, и мне места не дадут.

— А на что тебе место? Ты и без места хорош, — сказала Валерия.

— Ну да, как же я могу жить, если мне не дадут места, — уныло сказал Передонов.

Дарья всунула в руку Володину письмо, заклеенное розовою облаткою. С радостным блеяньем распечатал его Володин, прочел, призадумался, — и возгордился, и словно смутился чем-то. Было написано коротко и ясно:

«Приходи, миленький, на свидание со мною завтра в одиннадцать часов ночи в Солдатскую баню. Вся чужая Ж.».

Володин письму поверил, но вот вопрос — стоит ли идти? И кто такая эта Ж. ? Какая-нибудь Женя? Или это фамилия начинается с буквы «Ж»?

Володин показал письмо Рутилову.

— Иди, конечно, иди! — подбивал Рутилов, — посмотри, что из этого выйдет. Может быть, это богатая невеста влюбилась в тебя, а родители препятствуют, так вот она и хочет с тобою объясниться.

Но Володин подумал, подумал, да и решил, что не стоит идти. Он важно говорил:

— Вешаются мне на шею, но я таких развратных не хочу.

Он боялся, что его там поколотят: Солдатская баня находилась в глухом месте, на городской окраине.

Уже когда толпа во всех помещениях в клубе теснилась густая, крикливая, преувеличенно веселая, в зале у входных дверей послышался шум, хохот, одобрительные возгласы. Все потеснились в ту сторону.

Передавали друг другу, что пришла ужасно оригинальная маска. Человек тощий, длинный, в заплатанном, засаленном халате, с веником под мышкою, с шайкою в руке, пробирался в толпу. На нем была картонная маска — глупое лицо с узенькою бороденкою, с бачками, а на голове фуражка с гражданскою круглою кокардою. Он повторял удивленным голосом:

— Мне сказали, что здесь маскарад, а здесь и не моются.

И уныло помахивал шайкою. Толпа ходила за ним, ахая и простодушно восхищаясь его замысловатою выдумкою.

— Приз, поди, получит, — завистливо говорил Володин.

Завидовал же он, как и многие, как-то бездумно, непосредственно, — ведь сам-то он был не наряжен, чего бы, кажись, завидовать? А вот Мачигин, так тот был в необычайном восторге: кокарда особенно восхищала его. Он радостно хохотал, хлопал в ладоши и говорил знакомым и незнакомым:

— Хорошая критика! Эти чинуши много важничают, кокарды любят носить, мундиры, вот им критику и подпустили, — очень ловко.

Когда стало жарко, чиновник в халате принялся обмахиваться веником, восклицая:

— Вот так банька!

Окружающие радостно хохотали. В шайку сыпались билеты.

Передонов смотрел на веющий в толпе веник. Он казался ему Недотыкомкою.

«Позеленела, шельма», — в ужасе думал он.

XXX

Наконец начался счет полученным за наряды билетикам. Клубские старшины составили комитет. У дверей в судейскую комнату собралась напряженно-ожидавшая толпа. В клубе на короткое время стало тихо и скучно. Музыка не играла. Гости притихли. Передонову стало жутко. Но скоро в толпе начались разговоры, нетерпеливый ропот, шум. Кто-то уверял, что оба приза достанутся актерам.

— Вот вы увидите, — слышался чей-то раздраженный, шипящий голос.

Многие поверили. Толпа волновалась. Получившие мало билетиков уже были озлоблены этим. Получившие много волновались ожиданием возможной несправедливости.

Вдруг тонко и нервно звякнул колокольчик. Вышли судьи: Верига, Авиновицкий, Кириллов и другие старшины. Смятение волною пробе-

жало в зале, — и вдруг все затихли. Авиновицкий зычным голосом произнес на весь зал:

— Приз, альбом, за лучший мужской костюм присужден, по большинству полученных билетиков, господину в костюме древнего германца.

Авиновицкий высоко поднял альбом и сердито смотрел на столпившихся гостей. Рослый *Германец* стал пробираться через толпу. На него глядели враждебно. Даже не давали дороги.

— Не толкайтесь, пожалуйста! — плачущим голосом закричала унылая дама в синем костюме, со стеклянною звездочкою и бумажною луною на лбу, *Ночь*.

— Приз дали, так уж и вообразил о себе, что дамы перед ним расстилаться должны, — послышался из толпы злобно-шипящий голос.

— Коли сами не пускаете, — со сдержанною досадою ответил *Германец*.

Наконец он кое-как добрался до судей и взял альбом из Веригиных рук. Музыка заиграла туш. Но звуки музыки покрылись бесчинным шумом. Посыпались ругательные слова. *Германца* окружили, дергали его и кричали:

— Снимите маску!

Германец молчал. Пробиться через толпу ему бы ничего не стоило, — но он, очевидно, стеснялся пустить в ход свою силу. Гудаевский схватился за альбом, и в то же время кто-то быстро сорвал с *Германца* маску. В толпе завопили:

— Актер и есть!

Предположения оправдались: это был актер Бенгальский. Он сердито крикнул:

— Ну, актер, так что же из того! Ведь вы же сами давали билеты!

В ответ раздались озлобленные крики:

— Подсыпать-то можно.

— Билеты вы ведь печатали.

— Столько и публики нет, сколько билетов роздано.

— Он полсотни билетов в кармане принес.

Бенгальский побагровел и закричал:

— Это подло так говорить. Проверяйте, кому угодно, — по числу посетителей можно проверить.

Меж тем Верига говорил ближайшим к нему:

— Господа, успокойтесь, никакого обмана нет, ручаюсь за это: число билетов проверено по входным.

Кое-как старшины с помощью немногих благоразумных гостей утишили толпу. Да и всем стало любопытно, кому дадут веер. Верига объявил:

— Господа, наибольшее число билетиков за дамский костюм получено дамою в костюме гейши, которой и присужден приз, веер. *Гейша*, пожалуйте сюда, веер ваш. Господа, покорнейше прошу вас, будьте любезны, дорогу *Гейше*.

Музыка вторично заиграла туш. Испуганная *Гейша* рада была бы убежать. Но ее подтолкнули, пропустили, вывели вперед. Верига, с любезною улыбкою, вручил ей веер. Что-то пестрое и нарядное мелькнуло в отуманенных страхом и смущением Сашиных глазах. Надо благодарить, — подумал он. Сказалась привычная вежливость благовоспитанного мальчика. *Гейша* присела, сказала что-то невнятное, хихикнула, подняла пальчики, — и опять в зале поднялся неистовый гвалт, послышались свистки, ругань. Все стремительно двинулись к *Гейше*. Свирепый, ощетинившийся *Колос* кричал:

— Приседай, подлянка! приседай!

Гейша бросилась к дверям, но ее не пустили. В толпе, волновавшейся вокруг *Гейши*, слышались злые крики:

— Заставьте ее снять маску!

— Маску долой!

— Лови ее, держи!

— Срывайте с нее!

— Отымите веер!

Колос кричала:

— Знаете ли вы, кому приз? Актрисе Каштановой. Она чужого мужа отбила, а ей — приз! Честным дамам не дают, а подлячке дали!

И она бросилась на *Гейшу*, пронзительно визжала и сжимала сухие кулачки. За нею и другие — больше из ее кавалеров. *Гейша* отчаянно отбивалась. Началась дикая травля. Веер сломали, вырвали, бросили на пол, топтали. Толпа с *Гейшею* в середине бешено металась по зале, сбивая с ног наблюдателей. Ни Рутиловы, ни старшины не могли пробиться к *Гейше*. *Гейша*, юркая, сильная, визжала пронзительно, царапалась и кусалась. Маску она крепко придерживала то правою, то левою рукою.

— Бить их всех надо! — визжала какая-то озлобленная дамочка.

Пьяная Грушина, прячась за другими, науськивала Володина и других своих знакомых.

— Щиплите ее, щиплите, подлянку! — кричала она.

Мачигин, держась за нос, — капала кровь, — выскочил из толпы и жаловался:

— Прямо в нос кулаком двинула.

Какой-то свирепый молодой человек вцепился зубами в гейшин рукав и разорвал его до половины. *Гейша* вскрикнула:

— Спасите!

И другие начали рвать ее наряд. Кое-где обнажилось тело. Дарья и Людмила отчаянно толкались, стараясь протиснуться к *Гейше*, но напрасно. Володин с таким усердием дергал *Гейшу*, и визжал, и так кривлялся, что даже мешал другим, менее его пьяным и более озлобленным: он же старался не со злости, а из веселости, воображая, что разыгрывается очень потешная забава. Он оторвал начисто рукав от гейшина платья и повязал себе им голову.

— Пригодится! — визгливо кричал он, гримасничал и хохотал.

Выбравшись из толпы, где показалось ему тесно, он дурачился на просторе и с диким визгом плясал над обломками от веера. Некому было унять его. Передонов смотрел на него с ужасом и думал:

«Пляшет, радуется чему-то. Так-то он и на моей могиле спляшет».

Наконец *Гейша* вырвалась, — обступившие ее мужчины не устояли против ее проворных кулаков да острых зубов. *Гейша* метнулась из зала. В коридоре *Колос* опять накинулась на японку и захватила ее за платье. *Гейша* вырвалась было, но уже ее опять окружили. Возобновилась травля.

— За уши, за уши дерут, — закричал кто-то.

Какая-то дамочка ухватила *Гейшу* за ухо и трепала ее, испуская громкие торжествующие крики. *Гейша* завизжала и кое-как вырвалась, ударив кулаком злую дамочку.

Наконец Бенгальский, который тем временем успел переодеться в обыкновенное платье, пробился через толпу к *Гейше*. Он взял дрожащую японку к себе на руки, закрыл ее своим громадным телом и руками, насколько мог, и быстро понес, ловко раздвигая толпу локтями и ногами. В толпе кричали:

— Негодяй, подлец!

Бенгальского дергали, колотили в спину. Он кричал:

— Я не позволю с женщины сорвать маску; что хотите делайте, не позволю.

Так через весь коридор он пронес *Гейшу*. Коридор оканчивался узкою дверью в столовую. Здесь Вериге удалось ненадолго задержать толпу. С решимостью военного он стал перед дверью, заслонил ее собою и сказал:

— Господа, вы не пойдете дальше.

Гудаевская, шурша остатками растрепанных колосьев, наскакивала на Веригу, показывала ему кулачки, визжала пронзительно:

— Отойдите, пропустите.

Но внушительно-холодное у генерала лицо и его решительные серые глаза воздерживали ее от действий. Она в бессильном бешенстве закричала на мужа:

— Взял бы да и дал бы ей оплеуху, — чего зевал, фалалей![202]

— Неудобно было зайти, — оправдывался *Индеец*, бестолково махая руками, — Павлушка под локтем вертелся.

— Павлушке бы в зубы, ей в ухо, чего церемонился! — кричала Гудаевская.

Толпа напирала на Веригу. Слышалась площадная брань. Верига спокойно стоял пред дверью и уговаривал ближайших прекратить бесчинство. Кухонный мальчик приотворил дверь сзади Вериги и шепнул:

— Уехали-с, ваше превосходительство.

Верига отошел. Толпа ворвалась в столовую, потом в кухню, — искали *Гейшу*, но уже не нашли.

Бенгальский бегом пронес *Гейшу* через столовую в кухню. Она спокойно лежала на его руках и молчала. Бенгальскому казалось, что он слышит сильный перебой гейшина сердца. На ее голых руках, крепко сжавшихся, он заметил несколько царапинок и около локтя синевато-желтое пятно от ушиба. Взволнованным голосом Бенгальский сказал толпившейся на кухне челяди:

— Живее, пальто, халат, простыню, что-нибудь, — надо барыню спасать.

Чье-то пальто наброшено на Сашины плечи, кое-как закутал Бенгальский японку и по узкой, еле освещенной керосиновыми чадящими лампами лестнице вынес ее на двор — и через калитку в переулок.

— Снимите маску, в маске хуже узнают, теперь все равно темно, — довольно непоследовательно говорил он, — я никому не скажу.

Любопытно ему было. Он-то наверное знал, что это не Каштанова, — но кто же это? Японка послушалась. Бенгальский увидел незнакомое смуглое лицо, на котором испуг преодолевался выражением радости от избегнутой опасности. Задорные, уже веселые глаза остановились на актеровом лице.

— Как вас благодарить! — сказала *Гейша* звучным голосом. — Что́ бы со мною было, если бы вы меня не вытащили!

Баба не трус, интересный бабец! — подумал актер, — но кто она? Видно, из приезжих: здешних дам Бенгальский знал. Он тихо сказал Саше:

— Надо вас поскорее домой доставить. Скажите мне ваш адрес, я возьму извозчика.

Японкино лицо снова омрачилось испугом.

— Никак нельзя, никак нельзя! — залепетала она, — я одна дойду, вы меня оставьте.

— Ну, как вы там дойдете по такой слякоти на ваших деревяшках, — надо извозчика, — уверенно возразил актер.

— Нет, я добегу, — ради Бога отпустите, — умоляла *Гейша*.

— Клянусь честью, никому не скажу, — уверял Бенгальский. — Я не могу вас отпустить, вы простудитесь. Я взял вас на свою ответственность и не могу. И скорее скажите, — они могут и здесь вас вздуть. Ведь вы же видели, это совсем дикие люди. Они на все способны.

Гейша задрожала. Быстрые слезы вдруг покатились из ее глаз. Всхлипывая, она сказала:

— Ужасно, ужасно злые люди! Отвезите меня пока к Рутиловым, я у них переночую.

Бенгальский крикнул извозчика. Сели и поехали. Актер всматривался в смуглое гейшино лицо. Оно казалось ему странным. *Гейша* отвертывалась. Смутная догадка мелькнула в нем. Вспомнились городские толки о Рутиловых, о Людмиле и об ее гимназисте.

— Эге, да ты — мальчишка! — сказал он шёпотом, чтобы не слышал извозчик.

— Ради Бога, — бледный от ужаса, взмолился Саша.

И его смуглые руки в умоляющем движении протянулись из-под кое-как надетого пальто к Бенгальскому. Бенгальский тихонько засмеялся и так же тихо сказал:

— Да уж не скажу никому, не бойся. Мое дело — тебя доставить на место, а больше я ничего не знаю. Однако ты — отчаянный. А дома не узнают?

— Если вы не проболтаетесь, никто не узнает, — просительно-нежным голосом сказал Саша.

— На меня положись, во мне как в могиле, — ответил актер. — Сам был мальчишкою, штуки выкидывал.

Уж скандал в клубе начал затихать, — но вечер завершился новою бедою. Пока в коридоре травили *Гейшу*, пламенная Недотыкомка, прыгая по люстрам, смеялась и навязчиво подсказывала Передонову, что надо зажечь спичку и напустить ее, Недотыкомку огненную, но несвободную, на эти тусклые, грязные стены, и тогда, насытясь истреблени-

ем, пожрав это здание, где совершаются такие страшные и непонятные дела, она оставит Передонова в покое. И не мог Передонов противиться ее настойчивому внушению. Он вошел в маленькую гостиную, что была рядом с танцевальным залом. Никого в ней не было. Передонов осмотрелся, зажег спичку, поднес ее к оконному занавесу снизу, у самого пола, и подождал, пока занавес загорелся. Огненная Недотыкомка юркою змейкою поползла по занавесу, тихонько и радостно взвизгивая. Передонов вышел из гостиной и затворил за собою дверь. Никто не заметил поджога.

Пожар увидели уже с улицы, когда вся горница была в огне. Пламя распространялось быстро. Люди спаслись, — но дом сгорел.

На другой день в городе только и говорили, что о вчерашнем скандале с *Гейшею* да о пожаре. Бенгальский сдержал слово и никому не сказал, что *Гейшею* был наряжен мальчик.

А Саша еще ночью, переодевшись у Рутиловых и обратившись опять в простого, босого мальчика, убежал домой, влез в окно и спокойно уснул. В городе, кишащем сплетнями, в городе, где всё обо всех знали, ночное Сашино похождение так и осталось тайною. Надолго, конечно, не навсегда.

XXXI

Екатерина Ивановна Пыльникова, Сашина тетка и воспитательница, сразу получила два письма о Саше — от директора и от Коковкиной. Эти письма страшно встревожили ее. В осеннюю распутицу, бросив все свои дела, поспешно выехала она из деревни в наш город. Саша встретил тетю с радостью — он любил ее. Тетя везла большую на него в своем сердце грозу. Но он так радостно бросился ей на шею, так расцеловал ее руки, что она не нашла в первую минуту строгого тона.

— Милая тетичка, какая ты добрая, что приехала! — говорил Саша и радостно глядел на ее полное, румяное лицо с добрыми ямочками на щеках и с деловито-строгими карими глазами.

— Погоди радоваться, еще я тебя приструню, — неопределенным голосом сказала тетя.

— Это ничего, — беспечно сказал Саша, — приструнь, было бы только за что, а все же ты меня ужасти как обрадовала.

— Ужасти! — повторила тетя недовольным голосом, — вот про тебя ужасти я узнала.

Саша поднял брови и посмотрел на тетю невинными, непонимающими глазами. Он пожаловался:

— Тут учитель один, Передонов, придумал, будто я девочка, привязался ко мне, — а потом директор мне голову намылил, зачем я с барышнями Рутиловыми познакомился. Точно я к ним воровать хожу. А какое им дело?

«Совсем тот же ребенок, что и был, — в недоумении думала тетя. — Или уж он так испорчен, что обманывает даже лицом?»

Она затворилась с Коковкиной и долго беседовала с нею. Вышла от нее печальная. Потом поехала к директору. Вернулась совсем расстроенная. Обрушились на Сашу тяжелые тетины упреки. Саша плакал, но уверял с жаром, что все это выдумки, что никаких вольностей с барышнями он себе никогда не позволял. Тетя не верила. Бранила, бранила, заплакала, погрозила высечь Сашу, больно высечь, сейчас же, — сегодня же, вот только еще сперва увидит этих девиц. Саша рыдал и продолжал уверять, что ровно ничего худого не было, что все это ужасно преувеличено и сочинено.

Тетя, сердитая, заплаканная, отправилась к Рутиловым.

Ожидая в гостиной у Рутиловых, Екатерина Ивановна волновалась. Ей хотелось сразу обрушиться на сестер с самыми жестокими упреками, и уже укоризненные, злые слова были у нее готовы, — но мирная, красивая их гостиная внушала ей, мимо ее желаний, спокойные мысли и утишала ее досаду. Начатое и оставленное здесь вышиванье, кипсеки,[203] гравюры на стенах, тщательно выхоженные растения у окон, и нигде нет пыли, и еще какое-то особое настроение семейственности, нечто такое, чего не бывает в непорядочных домах и что всегда оценивается хозяйками, — неужели в этой обстановке могло совершиться какое-то обольщение ее скромного мальчика заботливыми молодыми хозяйками этой гостиной? Какими-то ужасно нелепыми показались Екатерине Ивановне все те предположения, которые она читала и слушала о Саше, — и, наоборот, такими правдоподобными представлялись ей Сашины объяснения о том, что он делал у девиц Рутиловых: читали, разговаривали, шутили, смеялись, играли, — хотели домашний спектакль устроить, да Ольга Васильевна не позволила.

А три сестры порядком струхнули. Они еще не знали, осталось ли тайною Сашино ряженье. Но их ведь было трое, и все они дружно одна за другую. Это сделало их более храбрыми. Они все три собрались у Людмилы и шёпотом совещались. Валерия сказала:

— Надо же идти к ней, — невежливо. Ждет.

— Ничего, пусть простынет немного, — беспечно ответила Дарья, — а то она уж очень сердито на нас напустится.

Все сестры надушились сладко-влажным клематитом,[204] — вышли спокойные, веселые, миловидные, нарядные, как всегда, — наполнили гостиную своим милым лепетом, приветливостью и веселостью. Екатерина Ивановна была сразу очарована их милым и приличным видом. Нашли распутниц! — подумала она досадливо о гимназических педагогах. А потом подумала, что они, может быть, напускают на себя скромный вид. Решилась не поддаваться их чарам.

— Простите, сударыни, мне надо с вами серьезно объясниться, — сказала она, стараясь придать своему голосу деловитую сухость.

Сестры ее усаживали и весело болтали.

— Которая же из вас?.. — нерешительно начала Екатерина Ивановна.

Людмила сказала весело и с таким видом, как будто она, любезная хозяйка, выводит из затруднения гостью:

— Это все больше я с вашим племянничком возилась. У нас с ним оказались во многом одинаковые взгляды и вкусы.

— Он очень милый мальчик, ваш племянник, — сказала Дарья, словно уверенная, что ее похвала осчастливит гостью.

— Право, милый, и такой забавливый, — сказала Людмила.

Екатерина Ивановна чувствовала себя все более неловко. Она вдруг поняла, что у нее нет никаких значительных поводов к упрекам. И уже она начала на это сердиться, — и последние Людмилины слова дали ей возможность высказать свою досаду. Она заговорила сердито:

— Вам забава, а ему...

Но Дарья перебила ее и сказала сочувствующим голосом:

— Ах, уж мы видим, что до вас дошли эти глупые Передоновские выдумки. Но ведь вы знаете, — он совсем сумасшедший. Его директор и в гимназию не пускает. Только ждут психиатра для освидетельствования, и тогда его выставят из гимназии.

— Но позвольте, — перебила ее в свою очередь Екатерина Ивановна, все более раздражаясь, — меня интересует не этот учитель, а мой племянник. Я слышала, что вы, — извините, пожалуйста, — его развращаете.

И, бросивши сгоряча сестрам это решительное слово, Екатерина Ивановна сразу же подумала, что она зашла слишком далеко. Сестры переглянулись с видом столь хорошо разыгранного недоумения и возмущения, что и не одна только Екатерина Ивановна была бы обманута, — покраснели, воскликнули все разом:

— Вот мило!

— Ужасно!

— Новости!

— Сударыня, — холодно сказала Дарья, — вы совсем не выбираете выражений. Прежде чем говорить грубые слова, надо узнать, насколько они уместны.

— Ах, это так понятно! — живо заговорила Людмила с видом обиженной, но простившей свою обиду милой девицы, — он же вам не чужой. Конечно, вас не могут не волновать все эти глупые сплетни. Нам и со стороны было его жалко, потому мы его и приласкали. А в нашем городе сейчас из всего сделают преступление. Здесь, если бы вы знали, такие ужасные, ужасные люди!

— Ужасные люди! — тихо повторила Валерия звонким, хрупким голосом и вся дрогнула, словно прикоснулась к чему-то нечистому.

— Да вы его спросите самого, — сказала Дарья, — вы на него посмотрите: ведь он еще ужасный ребенок. Это вы, может быть, привыкли к его простодушию, а со стороны виднее, что он совсем, совсем неиспорченный мальчик.

Сестры лгали так уверенно и спокойно, что им нельзя было не верить. Что же, ведь ложь и часто бывает правдоподобнее правды. Почти всегда. Правда же, конечно, не правдоподобна.

— Конечно, это — правда, что он у нас бывал слишком часто, — сказала Дарья. — Но мы его больше и на порог не пустим, если вы так хотите.

— И я сама сегодня же схожу к Хрипачу, — сказала Людмила. — Что это он выдумал? Да неужели он сам верит в такую нелепость?

— Нет, он, кажется, и сам не верит, — призналась Екатерина Ивановна, — а только он говорит, что ходят разные дурные слухи.

— Ну вот, видите! — радостно воскликнула Людмила, — он, конечно, и сам не верит. Из-за чего же весь этот шум?

Веселый Людмилин голос обольщал Екатерину Ивановну. Она думала:

«Да что же на самом-то деле случилось? Ведь и директор говорит, что он ничему этому не верит».

Сестры еще долго наперебой щебетали, убеждая Екатерину Ивановну в совершенной невинности их знакомства с Сашею. Для большей убедительности они принялись было рассказывать с большою подробностью, что́ именно и когда они делали с Сашею, — но при этом перечне скоро сбились, — это же все такие невинные, простые вещи, что просто и помнить их нет возможности. И Екатерина Ивановна наконец

вполне поверила в то, что ее Саша и милые девицы Рутиловы явились невинными жертвами глупой клеветы.

Прощаясь, Екатерина Ивановна ласково расцеловалась с сестрами и сказала им:

— Вы — милые, простые девушки. Я думала сначала, что вы, — простите за грубое слово, — хабалки.[205]

Сестры весело смеялись. Людмила говорила:

— Нет, мы только веселые и с острыми язычками, за это нас и недолюбливают иные здешние гуси.

Вернувшись от Рутиловых, тетя ничего не сказала Саше. А он встретил ее, перепуганный, смущенный, и посматривал на нее осторожно и внимательно. Тетя пошла к Коковкиной. Поговорили долго, наконец тетя решила:

«Схожу еще к директору».

В тот же день Людмила отправилась к Хрипачу. Посидела в гостиной с Варварою Николаевною, потом объявила, что она по делу к Николаю Власьевичу.

В кабинете у Хрипача произошел оживленный разговор, — не потому, собственно, что собеседникам надо было многое сказать друг другу, а потому, что оба любили поговорить, И они осыпали один другого быстрыми речами: Хрипач — своею сухою, трескучею скороговоркою, Людмила — звонким, нежным лепетаньем. Плавно, с неотразимою убедительностью неправды, полился на Хрипача ее полулживый рассказ об отношениях к Саше Пыльникову. Главное ее побуждение было, конечно, сочувствие к мальчику, оскорбленному таким грубым подозрением, — желание заменить Саше отсутствующую семью, — и, наконец, он и сам такой славный, веселый и простодушный мальчик. Людмила даже заплакала, и быстрые маленькие слезинки удивительно-красиво покатились по ее розовым щекам, на ее смущенно-улыбающиеся губы.

— Правда, я его полюбила, как брата. Он славный и добрый, он так ценит ласку, он целовал мои руки.

— Это, конечно, очень мило с вашей стороны, — говорил несколько смущенный Хрипач, — и делает честь вашим добрым чувствам, но вы напрасно принимаете так близко к сердцу тот простой факт, что я счел долгом уведомить родственников мальчика относительно дошедших до меня слухов.

Людмила, не слушая его, продолжала лепетать, переходя уже в тон кроткого упрека:

— Что же тут худого, скажите, пожалуйста, что мы приняли участие в мальчике, на которого напал этот ваш грубый, сумасшедший Передонов, — и когда его уберут из нашего города! И разве же вы сами не видите, что этот ваш Пыльников совсем еще дитя, — ну, право, совсем дитя!

Всплеснула маленькими красивыми руками, брякнула золотым браслетиком, засмеялась нежно, словно заплакала, достала платочек, — вытереть слезы, — и нежным ароматом повеяло на Хрипача. И Хрипачу вдруг захотелось сказать, что она «прелестна, как ангел небесный»,[206] и что весь этот прискорбный инцидент «не стоит одного мгновения ее печали дорогой».[207] Но он воздержался.

И журчал, и журчал нежный, быстрый Людмилочкин лепет, и развеивал дымом химерическое здание передоновской лжи. Только сравнить — безумный, грубый, грязный Передонов — и веселая, светлая, нарядная, благоуханная Людмилочка. Говорит ли совершенную Людмила правду или привирает — это Хрипачу было все равно, — но он чувствовал, что не поверить Людмилочке, заспорить с нею, допустить какие-нибудь последствия, хоть бы взыскания с Пыльникова, — значило бы попасться впросак и осрамиться на весь учебный округ. Тем более что это связано с делом Передонова, которого, конечно, признают ненормальным. И Хрипач, любезно улыбаясь, говорил Людмиле:

— Мне очень жаль, что это вас так взволновало. Я ни одной минуты не позволил себе иметь какие бы то ни было дурные мысли относительно вашего знакомства с Пыльниковым. Я очень высоко ценю те добрые и милые побуждения, которые двигали вашими поступками, — и ни одной минуты я не смотрел на ходившие в городе и дошедшие до меня слухи иначе, как на глупую и безумную клевету, которая меня глубоко возмущала. Я обязан был уведомить госпожу Пыльникову, тем более что до нее могли дойти еще более искаженные сообщения, — но я не имел в виду чем-нибудь обеспокоить вас и не думал, что госпожа Пыльникова обратится к вам с упреками.

— Ну, с госпожой-то Пыльниковой мы мирно сговорились, — весело сказала Людмила, — а вот вы на Сашу не нападайте из-за нас. Если уж наш дом такой опасный для гимназистов, то мы его, если хотите, и пускать не будем.

— Вы к нему очень добры, — неопределенно сказал Хрипач. — Мы ничего не можем иметь против того, чтобы он в свободное время, с разрешения своей тетки, посещал своих знакомых. Мы далеки от намерения обратить ученические квартиры в места какого-то заключения.[208] Впрочем, пока не разрешится история с господином Передоновым, лучше будет, если Пыльников посидит дома.

Скоро уверенная ложь Рутиловых и Сашина была подкреплена страшным событием в доме Передоновых. Оно окончательно убедило горожан в том, что все толки о Саше и девицах Рутиловых — бред сумасшедшего.

XXXII

Был пасмурный, холодный день. Передонов возвращался от Володина. Тоска томила его. Вершина заманила Передонова к себе в сад. Он покорился опять ее ворожащему зову. Вдвоем прошли в беседку, по мокрым дорожкам, покрытым палыми, истлевающими, темными листьями. Унылою пахло сыростью в беседке. Из-за голых деревьев виден был дом с закрытыми окнами.

— Я хочу открыть вам правду, — бормотала Вершина, быстро взглядывая на Передонова и опять отводя в сторону черные глаза.

Она была закутана в черную кофту, повязана черным платком, и посинелыми от холода губами, сжимая черный мундштук, пускала густыми тучами черный дым.

— Наплевать мне на вашу правду, — ответил Передонов, — в высокой степени наплевать.

Вершина криво усмехнулась и возразила:

— Не скажите! Мне вас ужасно жалко — вас обманули.

Злорадство слышалось в ее голосе. Злые слова сыпались с ее языка. Она говорила:

— Вы понадеялись на протекцию, но только вы слишком доверчиво поступили. Вас обманули, а вы так легко поверили. Письмо-то написать всякому легко. Вы должны были знать, с кем имеете дело. Ваша супруга — особа неразборчивая.

Передонов с трудом понимал бормочущую речь Вершиной; сквозь ее околичности еле проглядывал для него смысл. Вершина боялась говорить громко и ясно: сказать громко — кто-нибудь услышит, передадут Варваре, могут выйти неприятности, Варвара не постеснится сделать скандал; сказать ясно — сам Передонов озлится; пожалуй, еще прибьет. Намекнуть бы, чтобы он сам догадался. Но Передонов не догадывался. Ведь и раньше, случалось, говорили ему в глаза, что он обманут, а он никак не мог домекнуться,[209] что письма подделаны, и все думал, что обманывает его сама княгиня, — за нос водит.

Наконец, Вершина сказала прямо:

— Письма-то, вы думаете, княгиня писала? Да теперь уже весь город знает, что их Грушина сфабриковала, по заказу вашей супруги; а

княгиня и не знает ничего. Кого хотите спросите, все знают, — они сами проболтались. А потом Варвара Дмитриевна и письма у вас утащила и сожгла, чтобы улики не было.

Тяжкие, темные мысли ворочались в мозгу Передонова. Он понимал одно, что его обманули. Но что княгиня будто бы не знает, — нет, она-то знает. Недаром она из огня живая вышла.

— Вы врете про княгиню, — сказал он, — я княгиню жег, да не дожег: отплевалась.

Вдруг бешеная ярость охватила Передонова. Обманули! Он свирепо ударил кулаком по столу, сорвался с места и, не прощаясь с Вершиною, быстро пошел домой. Вершина радостно смотрела за ним, и черные дымные тучи быстро вылетали из ее темного рта, и неслись и рвались по ветру.

Передонова сжигала ярость. Но когда он увидел Варвару, мучительный страх обнял его и не дал ему сказать ни слова.

На другой день Передонов с утра приготовил нож, небольшой садовый, в кожаных ножнах, — и бережно носил его в кармане. Целое утро — вплоть до раннего своего обеда — просидел он у Володина. Глядел на его работу, делал нелепые замечания. Володин был по-прежнему рад, что Передонов с ним водится, а его глупости казались ему забавными.

Недотыкомка весь день юлила вокруг Передонова. Не дала заснуть после обеда. Вконец измучила. Когда, уже к вечеру, он начал было засыпать, его разбудила невесть откуда взявшаяся шальная баба. Курносая, безобразная, она подошла к его постели и забормотала:

— Квасок затереть, пироги свалять, жареное зажарить.

Щеки у нее были темные, а зубы блестели.[210]

— Пошла к чёрту! — крикнул Передонов.

Курносая баба скрылась, словно ее и не бывало.

Настал вечер. Тоскливый ветер выл в трубе. Медленный дождь тихо, настойчиво стучал в окошки. За окнами было совсем черно. У Передоновых был Володин, — Передонов еще утром позвал его пить чай.

— Никого не пускать. Слышишь, Клавдюшка? — закричал Передонов.

Варвара ухмылялась. Передонов бормотал:

— Бабы какие-то шляются тут. Надо смотреть. Одна ко мне в спальню затесалась, наниматься в кухарки. А на что мне курносая кухарка?

Володин смеялся, словно блеял, и говорил:

— Бабы по улице изволят ходить, а к нам они никакого касательства не имеют, и мы их к себе за стол не пустим.

Сели за стол втроем. Принялись пить водку и закусывать пирожками. Больше пили, чем ели. Передонов был мрачен. Уже все было для него как бред, бессмысленно, несвязно и внезапно. Голова болела мучительно. Одно представление настойчиво повторялось, — о Володине, как о враге. Оно чередовалось с тяжкими приступами навязчивой мысли: надо убить Павлушку, пока не поздно. И тогда все хитрости вражьи откроются. А Володин быстро пьянел и молол что-то бессвязное, на потеху Варваре.

Передонов был тревожен. Он бормотал:

— Кто-то идет. Никого не пускайте. Скажите, что я молиться уехал, в Тараканий монастырь.

Он боялся, что гости помешают. Володин и Варвара забавлялись, — думали, что он только пьян. Подмигивали друг другу, уходили поодиночке, стучали в дверь, говорили разными голосами.

— Генерал Передонов дома?

— Генералу Передонову бриллиантовая звезда.

Но на звезду не польстился сегодня Передонов. Кричал:

— Не пускать! Гоните их в шею. Пусть утром принесут. Теперь не время.

«Нет, — думал он, — сегодня-то и надо крепиться. Сегодня все обнаружится, а пока еще враги готовы много ему наслать всякой всячины, чтобы вернее погубить».

— Ну, мы их прогнали, завтра утром принесут, — сказал Володин, снова усаживаясь за стол.

Передонов уставился на него мутными глазами и спросил:

— Друг ли ты мне или враг?

— Друг, друг, Ардаша! —отвечал Володин.

— Друг сердечный, таракан запечный, — сказала Варвара.

— Не таракан, а баран, — поправил Передонов. — Ну, мы с тобой, Павлуша, будем пить, только вдвоем. И ты, Варвара, пей, — вместе выпьем, вдвоем.

Володин, хихикая, сказал:

— Ежели и Варвара Дмитриевна с нами выпьет, то уж это не вдвоем выходит, а втроем.

— Вдвоем, — угрюмо повторил Передонов.

— Муж да жена — одна сатана, — сказала Варвара и захохотала.

Володин до самой последней минуты не подозревал, что Передонов хочет его зарезать. Он блеял, дурачился, говорил глупости, смешил Варвару. А Передонов весь вечер помнил о своем ноже. Когда Володин или Варвара подходили с той стороны, где спрятан был нож, Пере-

донов свирепо кричал, чтобы отошли. Иногда он показывал на карман и говорил:

— Тут, брат, у меня есть такая штучка, что ты, Павлушка, крякнешь.

Варвара и Володин смеялись.

— Крякнуть, Ардаша, я завсегда могу, — говорил Володин, — кря, кря. Очень даже просто.

Красный, осоловелый от водки, Володин крякал и выпячивал губы. Он становился все нахальнее с Передоновым.

— Околпачили тебя, Ардаша, — сказал он с презрительным сожалением.

— Я тебя околпачу! — свирепо зарычал Передонов.

Володин показался ему страшным, угрожающим. Надо было защищаться. Передонов быстро выхватил нож, бросился на Володина и резнул его по горлу. Кровь хлынула ручьем.

Передонов испугался. Нож выпал из его рук. Володин все блеял и старался схватиться руками за горло. Видно было, что он смертельно испуган, слабеет и не доносит рук до горла. Вдруг он помертвел и повалился на Передонова. Прерывистый раздался визг — точно он захлебнулся — и стих. Завизжал в ужасе и Передонов, а за ним Варвара.

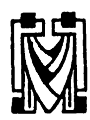
Передонов оттолкнул Володина. Володин грузно свалился на пол. Он хрипел, двигался ногами и скоро умер. Открытые глаза его стеклянели, уставленные прямо вверх. Кот вышел из соседней горницы, нюхал кровь и злобно мяукал. Варвара стояла как оцепенелая. На шум прибежала Клавдия.

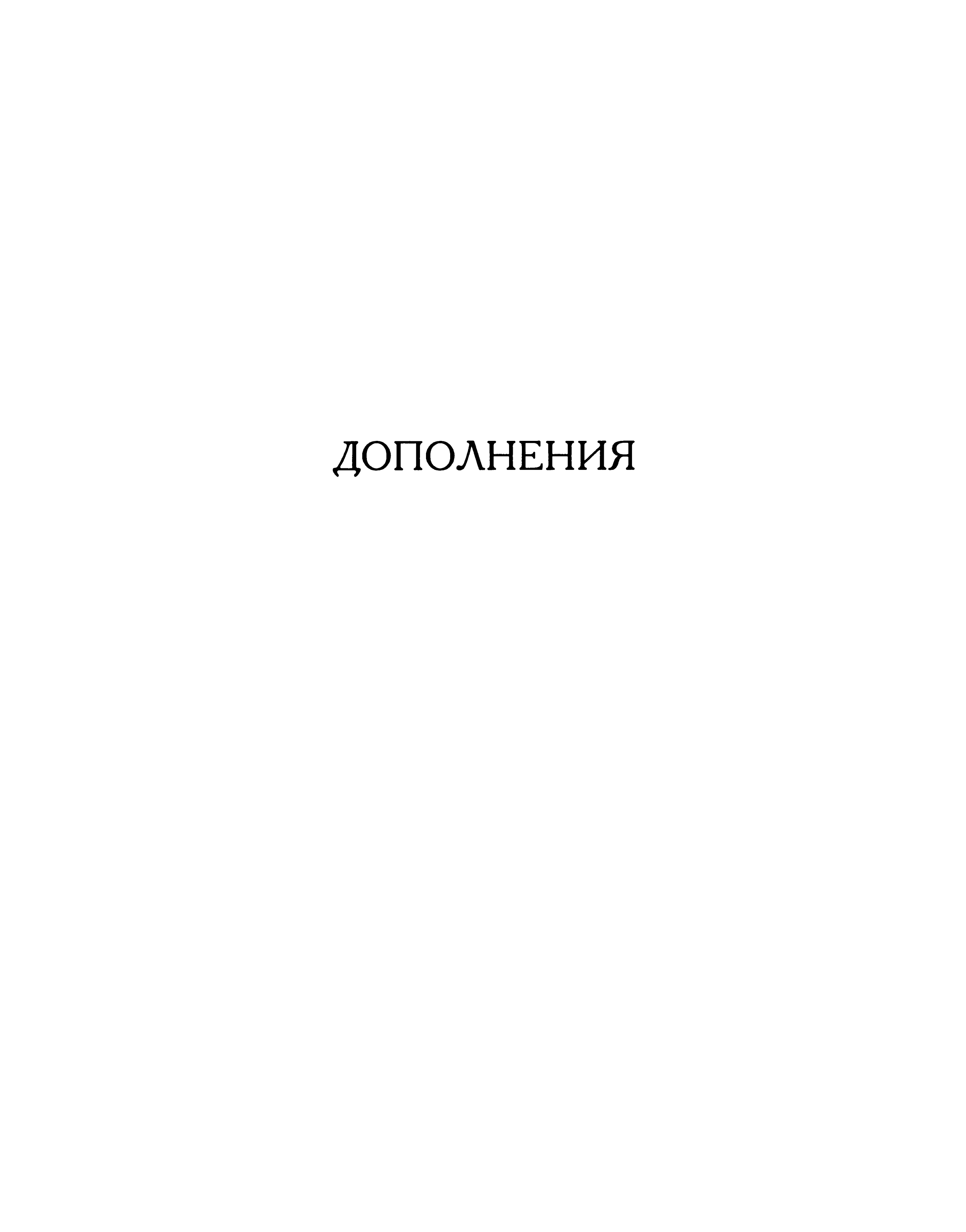
— Батюшки, зарезали! — завопила она.

Варвара очнулась и с визгом выбежала из столовой вместе с Клавдиею.

Весть о событии быстро разнеслась. Соседи собирались на улице, на дворе. Кто посмелее, прошли в дом. В столовую долго не решались войти. Заглядывали, шептались. Передонов безумными глазами смотрел на труп, слушал шепоты за дверью... Тупая тоска томила его. Мыслей не было.

Наконец осмелились, вошли, — Передонов сидел понуро и бормотал что-то несвязное и бессмысленное.

ДОПОЛНЕНИЯ

МЕЛКИЙ БЕС
ДРАМА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ
(ШЕСТИ КАРТИНАХ)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Передонов Ардальон Борисыч, учитель гимназии. Смотрит угрюмо. Близорукий, маленькие, заплывшие глаза. Золотые очки. Лицо румяное, равнодушно-сонное. С течением пьесы он все чаще и постояннее выражает тупой ужас. Любит смотреть на свои золотые часы.

Варвара Дмитриевна Молошина, его жена, в первых трех действиях еще не венчанная с ним и добивающаяся венчания. Одета нарядно, но безвкусно. Дома одевается кое-как. Набелена, нарумянена. Носит узкие башмаки на высоких каблуках, и потому походка неровная и неловкая. Часто ухмыляется, и усмешка у нее наглая.

Недотыкомка, существующая только в воображении Передонова, тварь неопределенных очертаний, принимающая по временам разные образы. Каждый раз, как она является, все на сцене становится, как бред, — освещение убывает, предметы кажутся странными и угрожающими, их очертания становятся человеко-образными, люди изменяются, кажутся злыми, издевающимися над Передоновым, их лица и движения становятся чрезмерно пошлыми и вульгарными, и сами они тогда похожи на видения бреда, на карточные фигуры, на животных — на ворожею, колдунью, или пиковую даму.

Марта, молоденькая девушка, живет у Вершиной. Не дурна. Руки сильные и большие. Ноги большие. Веснушки.

Владя, ее брат, гимназист, лет 14, похож на сестру.

Преполовенская Софья Ефимовна.

Ершова, хозяйка дома, пьяная сапожница.

Клавдия, служанка.

Скучаев, городской голова.

Тишков, купец.

Рубовский, жандармский офицер.

Авиновицкий, прокурор.

Верига, предводитель дворянства.

Хрипач, директор гимназии.

Г-жа Хрипач.

Гудаевский, нотариус.

Гудаевская.

Богданов, инспектор народных училищ.

Мачигин, учитель.

Скобочкина, учительница.

Крамаренко, гимназист.

Бенгальский, актер.

Городовой.

Фигуры всех мастей.

Миньчуков, исправник.

Унылая дама.

Пожилая дама.

Озлобленная дама.

Пьяный купчик.

Мещанин.

Курносая.

Гости в клубе.

Володин Павел Васильевич, учитель ручного труда в городском училище, глупый молодой человек. Похож на барана — волосы курчавые, лоб крутой, глаза выпуклые, светлые и тупые, говорит резким, дребезжащим тенорком, смеется, точно блеет, потряхивает лбом, выпячивает губы. В бредовые минуты Передонова это сходство с бараном еще увеличивается почти до полной иллюзии.

Рутилов Платон Платонович, чиновник, щеголевато одетый, бледный, высокий, узкогрудый.

Лариса, его замужняя сестра, полная, спокойная.

Дарья, вторая сестра, высокая, тонкая, решительная, дерзкая.

Людмила, третья сестра, самая красивая. Любит духи, наряды, все красивое.

Валерия, младшая сестра, тоненькая, маленькая, хрупкая.

Саша Пыльников, гимназист, черноглазый, черноволосый, похож на девочку.

Грушина Марья Осиповна, молодая вдова с преждевременно опустившейся наружностью. Тонкая и стройная. Лицо в морщинках, но еще не лишенное приятности. Одета небрежно.

Вершина Наталья Афанасьевна, вдова, землевладелица. Говорит тихо и быстро. Маленькая, худенькая, темнокожая, вся в черном, чернобровая, черноглазая. Курит папиросы в черешневом темном мундштуке. Часто улыбается. Движения легкие, быстрые и уверенные. Кажется Передонову.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ*

Столовая в квартире Передонова. Обои испачканы и изодраны. Передонов завтракает. Варвара хлопочет около стола, приготовляет ему кофе.

Варвара *(раздраженно)*. Да еще что выдумала... это, говорит, может быть, барин скушали. Они, говорит, на кухню зачем-то выходили, когда я в комнатах полы мыла, и долго, говорит, там пробыли.

Передонов *(хмуро)*. И вовсе не долго, я только руки помыл, а изюму я там и не видел.

Варвара *(кричит)*. Клавдюшка... Клавдюшка... вот барин говорит, что он и не видел изюма, значит, это ты его припрятала.

Клавдия показывает из кухни красное, опухшее от слез лицо.

Клавдия *(рыдающим голосом)*. Не брала я вашего изюму, я вам его откуплю, только не брала я вашего изюму.

Варвара *(сердито)*. И откупишь, и откупишь... Я тебя не обязана изюмом откармливать.

Передонов *(с хохотом)*. Дюшка фунт изюму уплела...

Клавдия. Обидчики... *(Уходит, хлопая дверью.)*

Варвара подает Передонову кофе. Передонов наклоняется к стакану и нюхает. Варвара тревожится.

Варвара *(пугливо)*. Что ты, Ардальон Борисыч? Пахнет чем-нибудь кофе?

Передонов *(угрюмо)*. Нюхаю, не подсыпано ли яду.

Варвара. Да что ты, Ардальон Борисыч... Господь с тобой... С чего ты это выдумал?

Передонов *(бурчит)*. Омегу набуровила.

---

* Комментарий к пьесе см. с. 807—821.

Варвара. Что мне за корысть травить тебя... Полно тебе петрушку валять... Я за тебя хлопочу, княгиню прошу, чтобы дала тебе хорошее место. Ты венчаться на мне обещал — зачем же я травить тебя стану?

Передонов нюхал долго. Успокоился.

Варвара. Уж если есть яд, так тяжелый запах непременно услышишь... только поближе нюхнуть в самый пар. А княгиня твоя...

Клавдия вбегает радостно, бросая на стол смятую синюю оберточную бумагу.

Клавдия. Вот на меня говорили, что я изюм съела, а это что. Нужен мне очень ваш изюм, как же...

Передонов. Ах, чёрт...

Варвара. Что это, откуда?

Клавдия *(злорадно)*. У Ардальон Борисыча в кармане нашла. Сами съели, а на меня поклеп взвели... Известно, Ардальон Борисыч — большие сластуны, только чего ж на других валить, коли сами...

Передонов. Ну, поехала... И все врешь... Ты мне подсунула... я не брал ничего.

Клавдия. Чего мне подсовывать... что вы, Бог с вами...

Варвара. Как ты смела по карманам лазить... Ты там денег ищешь...

Клавдия. Ничего я по карманам не лазаю... Я взяла пальто почистить — все в грязи.

Варвара. А в карман зачем полезла?

Клавдия. Да она сама из кармана вывалилась, бумага-то, что мне по карманам лазить...

Передонов. Врешь, Дюшка...

Клавдия. Какая я вам Дюшка... Что-й-то такое, насмешники этакие... Чёрт с вами — откуплю вам ваш изюм, подавитесь вы им, сами сожрали — а я откупай. Да и откуплю — совести, видно, в вас нет, стыда в глазах нет, а еще господа называетесь. *(Уходит в кухню, плача)*.

Передонов отрывисто хохочет.

Передонов. Взъерепенилась как...

Варвара. И пусть откупает... Им все спускать, так они все сожрать готовы, черти голодушные... Когда пекутся пирожки с вареньем,

твои любимые, я из кухни выйти боюсь — отвернись, украдет пирожок, а то больше.

Передонов. Княгиня...

Варвара (*волнуясь*). Что княгиня... Что такое княгиня?

Передонов. А то княгиня — нет, пусть она сперва даст инспекторское мне место, а уж потом я и женюсь. Ты ей так и напиши.

Варвара. Ведь ты знаешь, Ардальон Борисыч, что княгиня обещает только тогда выхлопотать тебе инспекторское место, когда я выйду за тебя замуж. А то ей за тебя неловко просить, пока мы не венчаны.

Передонов. Напиши, что мы уж повенчались.

Варвара. Что ж врать... Ведь княгиня может справиться. Нет, ты лучше назначь день свадьбы. Да и платье пора шить.

Передонов. Какое платье?

Варвара. Да разве в этом затрапезе венчаться? Давай же денег, Ардальон Борисыч, на платье-то.

Передонов. Себе в могилу готовишь.

Варвара. Скотина ты, Ардальон Борисыч...

Передонов. Варвара, знаешь, где я сегодня был?

Варвара. Ну, где?

Передонов. У Вершиной.

Варвара. Нашел себе компанию, нечего сказать...

Передонов. Видел Марту.

Варвара. Вся в веснушках, рот до ушей, хоть лягушке пришей.

Передонов. Да уж красивее тебя. Вот возьму да и женюсь на ней.

Варвара. Женись только на ней, я ей глаза кислотой выжгу. Ты думаешь, все эти девки, что за тобою вяжутся, молоденькие, так и хорошенькие. Они все дряни, я их всех красивее...

Передонов. Ты себе все тело красишь.

Варвара. Ну, и крашу, а все-таки...

Передонов. Плевать я на тебя хочу...

Варвара. Не проплюнешь...

Передонов. А вот и проплюну...

Встает и с тупым, равнодушным видом плюет ей в лицо.

Варвара. Свинья...

Обтирается салфеткою. Передонов молчит.

Варвара. Право, свинья. Прямо в морду попал.

В передней слышится блеющий, словно бараний голос.

Передонов. Не ори — гости...
Варвара. Ну, это Павлушка...

Володин входит с громким, радостным смехом.

Володин. Ардальон Борисыч, дружище... Ты дома кофеек распиваешь, а вот я тут как тут.

Варвара. Клавдюшка, неси третью ложку... *(Володину)*. Мы только три держим — остальные спрятаны, а то еще украдут. За прислугой только не досмотри.

Передонов. Ешь, Павлушка. А я, брат, уж теперь скоро в инспекторы пролезу, — Варе княгиня обещала.

Володин *(хлопая Передонова по плечу)*. А, будущий инспектор кофеек распивает...

Передонов. А ты думаешь, легко в инспекторы вылезть. Донесут — и крышка...

Варвара. А что доносить-то...

Передонов. Мало ли что? Скажут, что я Писарева читал, и ау...

Володин. А вы, Ардальон Борисыч, этого Писарева на заднюю полочку.

Передонов. Ну, у меня, может быть, никогда и не было Писарева.

Володин *(хихикая)*. А какие же это книжечки вон там стоят, Ардаша?

Передонов. Хочешь выпить, Павлушка?

Володин. Ежели за компанию, то я всегда готов выпить, а так ни-ни...

Передонов. Варвара, а где же водка?

Варвара, метнувшись из-за стола и виновато улыбаясь, быстро приносит водку в графине.

Передонов. Выпьем.

Варвара. Подожди — Клавдюшка закуску принесет. *(Кричит в дверь)*. Кóпа, шевелись... Объелась изюму...

Передонов. Чего ждать? Время не ждет. *(Разливает водку по рюмкам)*.

Володин. Со свиданием, за ваше здоровье, Варвара Дмитриевна...

Варвара. Кушайте, на здоровье, Павел Васильевич.

Пьют и закусывают сладкими пирожками. Клавдия приносит закуску. Уходя, она не затворяет за собой двери.

Передонов. Вечно двери настежь. Сквозняк. Простудиться можно.

Варвара. Клавдюшка, дверь закрой. Что, за тобой швейцара ставить надо, барыня толстомясая.

Дверь с грохотом захлопывается. Передонов плещет остаток кофе на обои. Володин глядит с удивлением, таращa глаза.

Володин. Что это у вас обои...

Передонов и Варвара хохочут.

Варвара. Назло хозяйке, мы скоро выедем. Только вы не болтайте.

Володин. Отлично.

Передонов подходит к стене и колотит по ней подошвами. Володин тоже лягает стену.

Передонов. Мы всегда, когда едим, пакостим стену, пусть помнят.

Володин. Каких лепех насажали...

Варвара. Иришка-то как обалдеет...

Все трое с хохотом плюют на стену, колотят по ней сапогами, рвут обои. Потом, усталые, отходят.

Володин. Слушай, Ардальон Борисыч, что я хотел тебе сказать. Всю дорогу думал, как бы не забыть, и чуть не забыл...

Передонов. Ну?

Володин. Вот ты любишь сладкое, а я такое кушанье знаю, что ты пальчики оближешь.

Передонов. Я сам все вкусные кушанья знаю.

Володин. Может быть, вы, Ардальон Борисыч, знаете все вкусные кушанья, которые делают у вас на родине, но как же вы можете знать все вкусные кушанья, которые делаются у меня на родине, если вы никогда на моей родине не были?

Передонов. На твоей родине дохлых кошек жрут.

Володин. Позвольте, Ардальон Борисыч, это, может быть, на вашей родине изволят кушать дохлых кошечек, этого мы не будем касаться, а только ерлов вы никогда не кушали.

Передонов. Нет, не кушал.

Варвара. Что же это за кушанье такое?

Володин. А это вот что — знаете вы кутью?

Варвара. Ну, кто кутьи не знает...

Володин. Так вот пшенная кутья, с изюмцем, с сахарцом — это и есть ерлы. Если вы хотите, чтобы все было, как следует, так вы дайте мне материал, а я вам и сварю.

Передонов. Пусти козла в огород.

Володин. Если вы думаете, Ардальон Борисыч, что я у вас стяну сахарцу, так вы ошибаетесь — мне вашего сахарцу не надо.

Варвара. Ну, что там валять петрушку... Ведь вы знаете, у него всегда привереды. Приходите и варите.

Передонов. Сам и есть будешь.

Володин. Это почему же?

Передонов. Потому что гадость. Кутья... В покойники, что ли, записать меня хочешь. Еще подсыплешь чего-нибудь.

Володин. Как вам угодно, Ардальон Борисыч, а только я вам хотел угодить, а если вы не хотите, то как хотите.

Передонов. А как тебя генерал-то отбрил...

Володин. Какой генерал?

Передонов. Да, слышали, слышали...

Володин. Позвольте, Ардальон Борисыч, вы слышали, да, может быть, не дослышали. Я вам расскажу, как все это дело было.

Передонов. Ну, рассказывай.

Володин. Это было дело третьего дня, об эту самую пору. У нас в училище, как вам известно, производится в мастерской ремонт. И вот, изволите видеть, приходит Верига с нашим инспектором осматривать, а мы работаем в задней комнате. Хорошо. Я не касаюсь, зачем Верига пришел, что ему надо — это не мое дело. Положим, я знаю, что он — предводитель дворянства, а к нашему училищу касательства не имеет, — но этого я не трогаю. Приходит и пусть. Мы им не мешаем, работаем помаленьку, вдруг они к нам входят, а Верига, изволите видеть, в шапке.

Передонов. Это он тебе неуважение оказал.

Володин. Изволите видеть? И у нас образ висит. И мы сами без шапок, а он вдруг является этаким мамелюком. Я ему и изволил сказать тихо, благородно: «Ваше превосходительство, говорю, потрудитесь вашу шапочку снять, потому, говорю, как здесь образ». Правильно ли я сказал?

Передонов. Ловко, Павлушка, так ему и надо...

Варвара. Конечно, что им спускать... Молодец Павел Васильевич...

Володин. А он вдруг изволил мне сказать: всякий сверчок знай свой шесток... Повернулся и вышел. Вот как все дело вышло, и больше никаких.

Передонов. А что тебе твой инспектор-то сказал?

Володин. Изволите видеть, какой он свинья... Вдруг говорит мне: как вы могли, говорит, генералу такие слова сказать? За это, говорит, вам по морде следовало дать. Конечно, я человек маленький, и если он хочет, чтобы я пошел извиниться, то извольте, я пойду — но только такие слова произносить даже очень нехорошо, и совсем не делает ему чести.

Передонов. Ну, на тебе карамельку. Соси, утешайся...

Входят Преполовенская и Грушина.

Преполовенская. Мир вам и мы к вам. Принимайте гостей.

Грушина. Давно не виделись, по вас соскучились.

Варвара. А, Софья Ефимовна, Марья Осиповна. Сколько лет, сколько зим...

Преполовенская. Здравствуйте, Варвара Дмитриевна. Здравствуйте, Ардальон Борисыч... Какие там зимы — вчера в стукалку играли все вместе.

Варвара. Да уж это так говорится, для приятного разговора.

Передонов. Здравствуйте... Садитесь, кофе пейте с пирожками. Варя для меня пекла, да мне не жалко.

Грушина и Варвара отходят к сторонке и шепчутся.

Преполовенская. Что это вы, Павел Васильевич, зачастили к Варваре Дмитриевне?

Володин. Я не к Варваре Дмитриевне изволил прийти, а к Ардальону Борисычу.

Преполовенская. Уж не влюбились ли вы опять в кого-нибудь. Ведь вы все невесту с приданым ищете.

Володин. Если я влюбился, Софья Ефимовна, то это ни до кого не касается, кроме меня самого и той особы, а вы таким манером выходите в сторонке.

Преполовенская. Смотрите, влюбите вы в себя Варвару Дмитриевну, кто тогда Ардальону Борисычу сладкие пирожки станет печь.

Володин выпячивает губы, поднимает брови и не знает, что сказать.

Преполовенская. Да вы не робейте, Павел Васильевич — чем же вы не жених... И молоды, и красивы...

Володин. Может быть, Варвара Дмитриевна и не захотят.

Преполовенская. Ну, как не захотят. Уж больно вы скромны некстати.

Володин. А может быть, и я не захочу. Я, может быть, и не хочу на чужих сестрицах жениться. У меня, может быть, на родине своя двоюродная племянница есть.

Варвара. Что вы меня сватаете, Софья Ефимовна... Вот вы лучше вашу меньшую Геничку за Павла Васильевича сватайте.

Преполовенская. Зачем же я стану его от вас отбивать?

Передонов. Хочешь, к Адаменковой барышне тебя посватаю. Или все еще по Марте скучаешь. Целый месяц утешиться не можешь.

Володин. Что ж мне по Марте скучать? Я ей честь честью сделал предложение, а ежели она не хочет, то что же мне? Я и другую найду. Разве уж для меня и невест не найдется... Да этого добра везде сколько угодно.

Передонов. Да, а вот Марта натянула тебе нос.

Володин. Уж не знаю, какого жениха они ждут. Хоть бы приданое большое было, а то ведь гроши дадут. Это она в тебя, Ардальон Борисыч, втюрилась.

Передонов. А я бы на твоем месте ворота дегтем вымазал.

Володин. Если поймают, так неприятность может выйти.

Передонов. Зачем самому? Найди кого-нибудь.

Володин. И следует, ей-Богу следует. Потому, как ежели она в законный брак не хочет вступить, а сама с молодыми до зари прогуливаться изволит, то уж это что ж. Уж это значит — ни стыда, ни совести нет у человека.

Преполовенская. Хорошие у вас яйца. Где вы их достаете?

Передонов. Это еще что яйца — а вот в нашем имении у отца курица по два крупных яйца в день круглый год несла.

Преполовенская. Что ж такое? Эка невидаль... Нашли, чем хвастать... вот у нас в деревне была курица, так та несла в день по два яйца и по ложке масла.

Передонов. Да, да, и у нас тоже. Если носят другие, так и она несла. У нас выдающаяся была.

Варвара *(смеясь)*. Петрушку валяют.

Грушина. Уши вянут, такой вздор вы несете.

Передонов. А коли вянут, оборвать их надо.

Грушина. Ну, уж вы, Ардальон Борисыч, всегда такое скажете...

Все смеются.

Володин. Если у вас уши вянут, Марья Осиповна, то вам их оборвать надо, а то нехорошо, коли они у вас совсем завянут и так станут мотаться, туда-сюда, туда-сюда. *(Показывает пальцами)*.

Грушина. Ну, уж вы туда же, сами ничего придумать не умеете, на готовенькое прохаживаетесь.

Володин. Я и сам могу, Марья Осиповна. А только как мы в компании у будущего инспектора приятно время проводим, то отчего же не поддержать чужую шутку? А если это вам не нравится, то как вам будет угодно. Как вы к нам изволите, так мы к вам изволим.

Преполовенская. Уж Павел Васильевич за себя постоит.

Грушина что-то тихо говорит Преполовенской и Варваре.
Те смеются. Варвара, отрезав кусок булки и заслушавшись, держит нож в руке.
Острие сверкает.
Недотыкомка выглядывает из-за двери и скрывается.
Передонову страшно.

Передонов. Варвара, положи нож.

Варвара. Чего кричишь... Испугал... Ведь вы знаете, у него всё привереды.

Грушина *(продолжая рассказ)*. Она князю и кричит: здравствуй, Жанчик... Это на улице-то...

Передонов. А вот я на вас донесу... Разве можно про таких знатных лиц такие глупости болтать?

Грушина. Да ведь я что ж... Мне так рассказывали знакомые в Питере. За что купила, за то и продаю.

Передонов *(Володину)*. Что, брат, завидно, небось. Да вот ты не будешь инспектором, а я буду.

Володин. Всякому свое, Ардальон Борисыч. Вы в своем специалист, а я в своем.

Варвара. А Наташка-то наша от нас прямо к жандармскому поступила.

Передонов. Врешь...

Варвара. Ну, вот чего мне врать... Хоть сам поди к нему, спроси...

Грушина. Верно, верно, Ардальон Борисыч... Я сама ее видела на базаре.

Передонов. Тварь подлая. Мы ее выгнали — воровала сладкие пирожки. Теперь наскажет жандармскому, чего и не было. *(С ужасом смотрит на полочку над комодом, где лежат сочинения Писарева и «Отечественные Записки»).* Книги эти надо спрятать, а не то на меня донесут. А я их и не читал.

Преполовенская. Зачем же вы их держите, Ардальон Борисыч?

Передонов. Мне читать некогда. Мне время дорого.

Варвара. Мы и газет не выписываем. Новости знакомые скажут. А газеты денег стоят. Лучше проесть.

Передонов *(подходя к полочке).* Уж у нас такой город — сейчас донесут. Помоги-ка, Павлушка...

Володин. То есть, как это Павлушка? По дружбе или как?

Передонов. По дружбе, по дружбе, только иди скорей...

Володин. Ну, если по дружбе, то я рад, я очень рад. Ты хороший человек, Ардаша, и я тебя очень даже люблю. А если бы не по дружбе, то это был бы другой разговор. А если по дружбе, то я рад.

Подходит к Передонову с серьезным и понимающим видом и осторожно принимает книги. Себе Передонов берет пачку поменьше, Володину дает побольше и идет к печке, а Володин за ним.

Володин. Куда же вы спрячете, Ардальон Борисыч?

Передонов. А вот увидишь...

Грушина. Что это вы потащили, Ардальон Борисыч?

Передонов. Строжайше запрещенные книги. Сошлют, коли увидят.

Присевши на корточки перед печкой, сваливает книги на железный лист. Володин делает то же. Оба запихивают книги в отверстие топки. Володин сидит на корточках рядом с Передоновым, немного позади, и сохраняет глубокомысленное выражение, с выпяченными из важности губами.

Варвара. Пошел валять петрушку...

Грушина. Ой, голубушка Варвара Дмитриевна, вы так не говорите. За это большие неприятности могут быть, если узнают. Особенно, если учитель.

Преполовенская. А что, Ардальон Борисыч, гимназисты-то у вас плохо себя ведут.

Передонов. Директор распустил. Они и в церкви шалят. Он тут же стоит и не замечает.

Преполовенская. А уж особенно те, которые на квартирах. Курят, пьют водку, ухаживают за девчонками — форменное безобразие...

Передонов. Это верно...

Грушина. Квартирные хозяйки им потакают. Я хотела держать у себя гимназистов, а директор не позволил, хоть и Ардальон Борисыч за меня просил... Об вас, говорит, дурная слава. А то-то у других прелестно.

Володин. Хозяйки все нехорошие. Вот хоть моя. У меня с нею был такой договор, когда я комнату нанимал, что она будет давать мне вечером по три стакана молока. Хорошо, месяц, другой, так мне и подавали.

Преполовенская. И вы не опились, Павел Васильевич?

Володин. Зачем опиваться? Молоко — полезный продукт, я и привык три стакана выпивать на ночь. Вдруг, вижу, приносят два стакана. Это, спрашиваю, почему? Прислуга говорит — Анна Михайловна говорит, просят извинить, что коровка у них нынче мало молока дает. А мне что за дело... Уговор дороже денег... У них совсем коровка не даст молока, так мне и кушать не дадут. Ну, я говорю, если нет молока, то скажите Анне Михайловне, что я прошу дать мне стакан воды. Я привык кушать три стакана, мне двух стаканов мало.

Передонов. Павлушка у нас герой. Расскажи, как ты с генералом сцепился.

Володин. Я это уж изволил рассказывать. А теперь мы лучше стенки попачкаем — это веселее.

Все радостно принимаются пачкать стены. Плюют на обои, обливают их пивом, пускают в стены и потолок бумажные стрелы, запачканные на концах маслом, лепят на потолок чертей из жеваного хлеба. Слышен общий нестройный гул голосов, из которого иногда выделяются чьи-то восклицания и взвизгивания Недотыкомки: «Ловко... знай наших... А ну, кто выше плюнет... На пятачок... Моя взяла... Господа, рви обои, кто длиннее вытянет. — Складывайтесь по пятачку... кто длиннее вытянет, тот получает».

Преполовенская *(Передонову)*. Я ведь знаю ваш вкус. Вы ягастых* недолюбливаете. Вам надо выбирать себе под пару, девицу в теле. Вот хоть мою Геничку возьмите.

---

* *Ягастые* — худые, костлявые, подобие бабы-яги.

Передонов отмалчивается. Володин много выпил и вдруг загрустил.

Володин. И зачем она меня родила? И что она тогда думала? Какова моя теперь жизнь? Она мне не мать, а только родительница. Потому как настоящая мать заботится о своем детище, а моя только родила меня и отдала на казенное воспитание с самых малых лет.

Преполовенская. Зато вы обучились, вышли в люди.

Володин. Нет, уж какая моя жизнь... Самая последняя жизнь, и зачем она меня родила. Что она тогда думала?

Между тем в гвалте и сумятице слышится порой тонкое взвизгивание, и Недотыкомка мелькает, дразнит Передонова, а сама прячется за людей.

Передонов *(Преполовенской)*. На свою мать жалуется. Зачем она его родила. Не хочет быть Павлушкою. Мне завидует. Хочет на Варваре жениться и в мою шкуру влезть. Хоть бы женить его на ком-нибудь. Варвара с Павлушкою снюхалась — уж это я заметил. Меня с нею окрутят, а как поедем на инспекторское место, отравит ерлами, похоронит за Павлушку, а Павлушка будет инспектором. Ловко придумали,.. Да я не прост...

Преполовенская *(шепчет)*. Плюньте на Варвару, женитесь на моей Геничке...

В передней слышен шум. Передонов уставляет в дверь прищуренные глаза. На его лице — выражение ужаса.

Варвара *(маша рукой)*. Ш-ш... Тише...

Варвара подкрадывается к двери в залу, едва приоткрывает ее, заглядывает, потом, на цыпочках, растерянно улыбаясь, возвращается к столу. Из передней доносятся визгливые крики и шум.

Варвара. Ершиха пьяная-распьяная — Клавдюшка ее не пускает, а она в залу так и прет.

Передонов. Как же быть?

Варвара. Пойду в залу, чтобы она сюда не залезла.

Варвара наливает большую рюмку водки — ставит ее на поднос, набирает на тот же поднос пирожков и кое-какой закуски, выходит с этим подносом в залу и прикрывает за собой двери. Из-за задней двери слышен крик хозяйки, Ершовой.

Ершова. Нет, меня за свой стол посади. Что ты мне выносишь на подносе. Я на скатертке хочу. Я — хозяйка домовая, так ты меня поч-

ти. Ты не гляди, что я пьяная. Зато я честная, я своему мужу жена. Сестра... Знаем мы, какая ты есть сестра... А отчего к тебе директорша не ходит? А?

Варвара. Да ты не кричи.

Ершова. Как ты можешь мне указывать? Я в своем дому. Что хочу, то и делаю. Не хочу пирожков, хочу барских жамочек. Скусные жамочки господа жрут, и-их скусные.

Варвара. Нет у меня никаких жамочек. Вот дают тебе пирожки, так и жри.

Ершова. Дай дорогу, ехидина.

Врывается в столовую, с треском распахивая дверь. Останавливается близ пирога, видит испачканные обои и пронзительно свистит. Подбоченивается, лихо отставляет ногу, неистово кричит.

Ершова. А, так вы в самом деле хотите съезжать?

Варвара. Что ты, Иринья Степановна, мы и не думаем. Полно тебе петрушку валять.

Передонов. Мы никуда не уедем, нам и здесь хорошо.

Ершова подступает к Варваре, размахивая кулаками. Передонов держится позади Варвары.

Передонов *(Володину тихо)*. Сейчас подерутся. Потеха...

Ершова. На одну ногу стану, за одну дерну, пополам разорву.

Варвара. Да что ты, Иринья Степановна... Перестань... у нас гости.

Ершова. А подавай сюда гостей... Гостей-то твоих мне и надобно.

Меняя вдруг речь и обращение, Ершова низко кланяется Преполовенской, причем едва не падает.

Ершова. Барыня милая, Софья Ефимовна... Простите вы меня, бабу пьяную. А только, что я вам скажу, послушайте-ка. Вот вы к ним ходите, а знаете ли, что она про вас говорит. И кому, кому же? Мне, пьяной сапожнице. Зачем? Чтобы я всем рассказала, вот зачем.

Варвара. Ничего я о тебе не говорила.

Ершова. Ты не говорила. Ты, касть поганая.

Варвара. Ну, замолчи.

Ершова. Нет, не замолчу... Что вы будто раньше таскались, а потом замуж вышли.

Преполовенская. Благодарю покорно, не ожидала.

Варвара *(Ершовой)*. Врешь...

Ершова сердито гукает, топает и машет рукой на Варвару. Обращается к Преполовенской.

Ершова. Да и барин-то этот про вас, матушка-барыня, Софья Ефимовна, что говорит... Ведь эта с его слов печатает поганым языком. Вот они какие есть самые мерзкие люди. Плюньте вы им в морды, барыня хорошая, незачем с такими расподлыми людьми возжаться.

Преполовенская, вся раскрасневшаяся, молча идет к двери в прихожую. Передонов идет за ней. Ершова подходит к столу и пьет наливку.

Передонов. Она врет, вы ей не верьте. Я только раз сказал при ней, что вы — дура, да и то со злости, а больше, ей-Богу, ничего не говорил. Это она сама сочинила.

Преполовенская. Да что вы, Ардальон Борисыч... Ведь я вижу, что она пьяная, сама не помнит, что мелет. Конечно, разве порядочный человек про своих знакомых такие вещи станет говорить... Только зачем вы ей все это позволяете в вашей квартире.

Передонов. Вот поди знай, что с нею сделаешь...

Ершова. Эй, барин... Пойдем на двор, спляшем, если вправду съезжать не хочешь. *(Тащит Передонова за рукав. Выходят, оба стремительно, приплясывая)*.

Варвара *(Преполовенской)*. Ведь вы знаете, какой он дурак, что говорит — сам не знает.

Преполовенская. Ну, полноте, что вы беспокоитесь... Мало ли что пьяная баба сболтнет... *(Подходит к окну. Улыбается)*. Да никак они пляшут... Ардальон-то Борисыч с Ершихой... На дворе вокруг груши...

Все в комнате смеются. Преполовенская открыла окно. Слышно, как Ершова, развеселившись, кричит во все горло.

Ершова *(со двора Варваре)*. Эй ты, фря... Выходи плясать... Ай гнушаешься нашей компанией...

Варвара. Этакая язва поганая...

Ершова. Чёрт с тобой... Уморилась... Посидим, барин, на травке, потом опять попляшем.

Володин. Эк их разбирает... Потеха...

Варвара. Стерва проклятая... Муж у нее колпак — прибил бы хорошенько.

Володин. Погоди же, хозяюшка любезная, я тебе удружу... Давайте еще пачкать... Теперь уж все равно... сегодня сюда не вернется — упаточится там на травке, пойдет спать. *(Заливается блеющим смехом, прыгает бараном).*

Преполовенская. Конечно, пачкайте, Павел Васильевич... Что ей в зубы смотреть... Если и придет, так ей можно будет сказать, что это она сама с пьяных глаз так отделала.

Володин с хохотом принимается неистово прыгать вдоль стен, попирает их подошвами и весь сотрясается при этом. Его визг и хохот наполняют весь дом. Входит Передонов.

Передонов. Отвязалась. Пошла спать.

Володин. Еще напачкали. Ура...

Все. Ура... ура...

Передонов. Павлушка, давай плясать...

Володин. Давай, Ардальоша...

Передонов. Клавдюшка, верти аристон.

Входит Клавдия. С угрюмым выражением на лице вертит аристон. Передонов и Володин пляшут, нелепо вскидывая ноги.

Преполовенская. Расплясался, Ардальон Борисыч.

Варвара. Уж и не говорите — у него всё причуды. Он у меня молодец и красавец.

Передонов. Кадриль... Павлушка, бери даму. Приглашай Софью Ефимовну. А я с Марьей Осиповной.

Варвара. Чего только ни придумают...

Танцуют — Передонов с Грушиной, Володин — с Преполовенской. Кричат, хохочут, дурачатся. Варвара в глубине комнаты приплясывает одна. Из-за подола ее юбки порою, то справа, то слева, мелькает Недотыкомка, слегка повизгивая.

Грушина. Ой, батюшка, голова закружилась. Не могу больше...

Передонов. Ну, будет... Клавдюшка, убирайся. *(Ждет, пока закроется дверь за Клавдией, потом вытаскивает бумажник, отсчитывает несколько кредиток и бросает их Варваре).* Бери деньги, Варвара, шей себе платье. А мы с Павлушкой на бильярде пойдем играть.

Варвара подбирает разлетевшиеся по полу кредитки.

Преполовенская *(тихо Володину).* Это на какое же платье так расщедрился Ардальон Борисыч?

Володин *(тихо)*. Я так понимаю, что на подвенечное.

Преполовенская *(тихо)*. Ну, это мы еще посмотрим, чья возьмет. *(Варваре)*. Пора уж и мне к домам, Варвара Дмитриевна.

Варвара. Что ж так торопитесь... Посидели бы еще.

Преполовенская. Нельзя. Муж скоро придет, ждать будет.

Уходят Преполовенская, Передонов и Володин, а за ними, провожая их, и Варвара. За сценою слышны голоса. Грушина, оставшись одна, подходит к столу и напихивает себе в карманы что попало: сахар, пирожки, куски колбасы... Потом отходит к окну. Входит Варвара.

Варвара. Уж так я рада, что вы пришли, Марья Осиповна... Садитесь кушайте. Налью уж я себе кофейку за компанию.

Грушина. За компанию жид удавился.

Варвара. Мой-то гусь опять был у Марфушки.

Грушина. Это они его ловят. Еще бы... Жених-то хоть куда, особенно ей-то, Марфушке. Ей такого и во сне не снилось.

Варвара. Уж и не знаю, право, как и быть. Ершистый такой стал, что просто страх. Поверите ли, голова кругом идет. Женится, а я на улицу ступай.

Грушина. Что вы, голубушка, Варвара Дмитриевна, не думайте этого. Никогда он ни на ком, кроме вас, не женится. Он к вам привык.

Варвара. Уйдет иногда к ночи, а я уснуть не могу. Кто его знает. Может быть, венчается где-нибудь. Иногда всю ночь так и промаешься. Все на него зарятся — и Рутиловские три кобылы — ведь они всем на шею вешаются — и Генька толсторожая. Преполовенчиха все вертится у нас. Так и мучит.

Грушина. Ершиха-то ей сегодня как вывезла...

Варвара. Ну, что ей, бесстыжей... Ей плюнь в глаза, оботрется, скажет — Божья роса. Все старается поссорить меня с Ардальоном Борисычем. Володина подговаривает за меня свататься. А с чего я за Павлушку пойду. Он дурак, да и получает вчетверо меньше Ардальон Борисыча. Это все, чтоб свою сестрицу Геньку спихнуть за моего.

Грушина. Да вы бы его окрутили поживее.

Варвара. Мой-то дурак Ардальошка требует, чтобы я опять княгине Волчанской написала. Она, вы знаете, еще в прошлом году писала, что не станет за жениха просить, а только когда повенчается. То же и сама мне летом сказала, когда я к ней ходила. Да и то, как она обещает... При случае, мол, попрошу. Моему-то сокровищу этого мало. А чего я ей попусту писать стану. Она и не ответит, или ответит неладное.

Знакомство-то не больно велико. Что домашней-то портнихой я у нее жила. Уж я на вас, как на каменную гору, надеюсь. Помогите мне, голубушка, Марья Осиповна.

Грушина. Да как же я могу помочь, душечка Варвара Дмитриевна. Уж вы знаете, я для вас все готова сделать, что только можно. Поворожу, не хотите ли?

Варвара. Ну, что ваша ворожба. Знаю я... Нет, вы должны иначе помочь.

Грушина. Как же?

Варвара. Очень просто. Вы напишите письмо, будто бы от княгини, под ее руку, а я покажу Ардальон Борисычу.

Грушина. Ой, голубушка, что вы... Как это можно... Как узнают все это дело, что мне тогда будет.

Варвара. Вот я вам и письмо княгинино дам для образца.

Грушина. Уж, право, не знаю. Как же это так... За подлог в тюрьму сажают.

Варвара. Да уж я вам шелковое платье подарю мое старое. Вы мне только это сделайте.

Грушина. Ну да уж ладно. Уж только что мне вас жалко. Была не была — рискну *(берет письмо)*.

Варвара. Уж я вам буду так благодарна...

Грушина. Душенька Варвара Дмитриевна, какую я вам новость скажу... Вы просто ахнете.

Варвара. Ну, какая там новость...

Грушина. Нет, только подумайте, какие есть на свете низкие люди... На такие шутки идут, чтобы достичь своей цели...

Варвара. Да в чем дело-то?

Грушина. Да уж не знаю — говорить ли вам, вы, голубушка Варвара Дмитриевна, не тревожьтесь — они ничего и не успеют.

Варвара *(испуганно)*. Да что такое? Говорите, не мучьте.

Грушина. Знаете, нынче поступил в гимназию, прямо в пятый класс, один гимназист, Пыльников, будто бы из Рубани, потому что его тетка в нашем уезде имение купила, так вот он будто бы из той гимназии сюда и перевелся... к тетке поближе.

Варвара. Ну, знаю, видела. Как же, если они с теткой приходили. Такой смазливый мальчишка, на девчонку похож и все краснеет.

Грушина. Голубушка Варвара Дмитриевна, как же ему не быть похожим на девчонку — ведь это и есть переодетая барышня...

Варвара. Да что вы...

Грушина. Нарочно это они так придумали, чтобы Ардальона Борисыча подловить. Видите ли, у этой барышни есть двоюродный брат, сирота — он и учился в Рубани. Так мать-то этой барышни его из гимназии и взяла, а по его бумагам барышня сюда и поступила. И вы заметьте, они его поместили на квартире, где других гимназистов нет. Он там один, так что все шито-крыто, думали, останется.

Варвара. А вы как же узнали?

Грушина. Голубушка Варвара Дмитриевна, слухом земля полнится. И так сразу стало подозрительно: все мальчики, как мальчики, а этот тихоня — ходит как в воду опущенный... А по роже посмотреть — молодец молодцом должен быть, румяный, грудастый. И такой скромный — товарищи замечают, — ему слово скажут, а он уж и краснеет. Они его и дразнят девчонкой. Только они думают, что это так, чтобы посмеяться, не знают, что это правда. И представьте, какие они хитрые... ведь и хозяйка ничего не знает...

Варвара. Как же вы-то узнали?

Грушина. Голубушка Варвара Дмитриевна, чего я не узнаю... Я всех в уезде знаю... Как же, ведь это всем известно, что у них еще мальчик дома живет, таких же лет, как этот. Отчего же они не отдали их вместе в гимназию. Но все это вздор, это-то и есть гимназист. И опять же известно, что у них была барышня, а они говорят, что она замуж вышла и на Кавказ уехала. И опять врут — ничего она не уехала, а живет здесь под видом мальчика.

Варвара. Да какой же им расчет...

Грушина. Как какой расчет? Подцепить кого-нибудь из учителей. Мало ли у вас холостых... А то и так кого-нибудь. Под видом-то мальчика она может и на квартиру прийти, и мало ли что может.

Варвара. Смазливая девчонка-то...

Грушина. Еще бы, писаная красавица... Это она только теперь стесняется, а погодите, попривыкнет, разойдется, так она тут всех в городе закружит. И представьте, какие они хитрые. Я, как только узнала об этаких делах, сейчас же постаралась встретиться с его хозяйкой — или с ее хозяйкой — уж как и сказать-то, не знаешь.

Варвара. Чистый оборотень... Тьфу... Прости Господи...

Грушина. Пошла я ко всенощной в их приход, к Пантелеймону. А она богомольная. Ольга Васильевна, говорю, отчего это у вас нынче только один гимназист живет. Ведь вам, говорю, с одним невыгодно. А она и говорит: да на что, говорит, мне больше, суета с ними. Я и говорю: ведь вы, говорю, в прежние годы всё двух-трех держали. А она и говорит — представьте, голубушка Варвара Дмитриевна, — да

они, говорит, уж так и условились, чтобы Сашенька один у меня жил. Они, говорит, люди не бедные, заплатили побольше, а то они, говорит, боятся, что он с другими мальчиками избалуется. Каковы?

Варвара. Вот-то пройдохи... Что ж вы ей сказали, что девчонка...

Грушина. Я ей говорю: смотрите, говорю, Ольга Васильевна, не девчонку ли вам подсунули вместо мальчика?

Варвара. Ну, а она что?

Грушина. Ну, она думала, что я шучу, смеется. Тогда я посерьезнее сказала, — голубушка Ольга Васильевна, говорю, знаете, ведь говорят, что это девчонка. Но только она не верит. Пустяки, говорит, какая же это девчонка? Я ведь, говорит, не слепая.

Варвара. Да что же это такое? Совсем вы меня расстроили, Марья Осиповна...

Грушина. Душенька Варвара Дмитриевна, не бойтесь... мы ее выведем на свежую воду.

Внезапно раздается сильный стук палкою в окно. Обе вздрагивают. Рама окна распахивается. Слышен голос Передонова: «Варвара, дай денег. У меня все вышли».

Варвара *(ворчит)*. Чёрт проклятый, опитоха... Проигрался опять...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Городской сад. Слева беседка. Справа в глубине терраса ресторана. Посредине на аллее скамейка. На скамейке сидят Передонов, Рутилов и его сестры: Дарья, Людмила и Валерия. Передонов в застегнутом на все пуговицы пальто.

Рутилов. Что это ты, Ардальон Борисыч, нынче в фуражке с кокардою щеголяешь? Вот что значит, в инспектора-то метит человек.

Валерия. Вам теперь солдаты должны честь отдавать.

Передонов. Ну, вот глупости какие...

Дарья. Ты ничего не понимаешь, Валерочка... Какие же солдаты? Теперь только от гимназистов Ардальон Борисычу почтения гораздо больше будет, чем прежде.

Людмила *(со смехом)*. Это за кокарду-то?

Передонов. Сама княгиня Волчанская обещала Варе, когда мы нынче ездили в Петербург. Уж это наверное. Как только, говорит, вы-

дете за него замуж, так я ему сейчас же и выхлопочу место инспектора...

Людмила. Да как же вы на Варваре Дмитриевне женитесь? Ведь она вам сестра... Разве новый закон вышел, что и на сестрах венчаться можно.

Передонов. Она мне троюродная.

Рутилов. Да тебе самому княгиня обещала?

Передонов. Не мне, а Варе.

Рутилов. Ну вот, а ты и веришь. Сказать все можно. А ты сам отчего к княгине не явился?

Передонов. Пойми, что сначала Варя одна сходила, а потом мы вместе пошли да не застали княгиню, всего на пять минут опоздали. Швейцар сказал, она в деревню уехала, через три недели вернется. А мне никак нельзя было ждать — сюда надо было ехать к экзаменам.

Рутилов. Сомнительно что-то. Давно уж мы эти сказки слышали, а все толку нет никакого.

Сестры перешептываются и уходят.

Передонов. Конечно, я на всякой могу жениться, на какой захочу. Не одна мне Варвара.

Рутилов. Само собою. За тебя, Ардальон Борисыч, всякая пойдет.

Передонов. Только вот княгиня как же. Она разозлится, если я Варвару брошу.

Рутилов. А пусть княгиня тебе сначала место даст. Окрутиться всегда успеешь. А то как же зря, ничего не видя.

Передонов. Это верно. Я уж это Варваре говорил.

Рутилов. Ну, что ж она?

Передонов. Она говорит, что нельзя. Венчаться сначала надо. Иначе княгиня не согласна.

Рутилов. Ну, это твоя Варвара придумывает. Очень надо княгине все это разбирать... Нет, ты на своем настаивай. Место получишь, а потом и венчайся, с кем вздумаешь. Вот ты лучше из моих сестер выбирай. Барышни образованные, умные. Твоя Варвара им и в подметки не годится.

Передонов. Ну?

Рутилов. Да уже верно. Всякие барышни, живые и веселые. Да и молоденькие — самая старшая втрое моложе твоей Варвары Дмитриевны.

Передонов. Ну, уж и втрое???

Рутилов. Смотри не зевай, пока я жив, здоров и отсюда не уехал. Я тебя всегда моим сестрам нахваливаю. Я их так к тебе расположил, что каждая из них за тебя пойдет, если ты хоть немножко поухаживаешь. Теперь ты со своей Варварою поопустился немножко — бороду не подстригаешь, в мелочной лавочке духи покупаешь, так что они у тебя керосином пахнут, вот пуговица одна на ниточке висит. А если хоть чуть подтянешься, тряхнешь стариной, так в нашем городе лучше тебя и жениха не сыскать.

Передонов. Да, в меня здесь все влюбляются.

Рутилов. Ну, все не все. Вот ты и лови момент...

Передонов. Мне бы, главное, не хотелось, чтобы она была сухопарая. Жирненькую бы мне...

Рутилов. Да уж на этот счет ты не беспокойся. Они и теперь барышни пухленькие, а если не совсем вошли в объем, так это только до поры до времени. Выйдут замуж, и они раздобреют, как Лариса.

Передонов. Да я бы, пожалуй, на твоей сестре женился, да боюсь, что Варя большой скандал устроит.

Рутилов. Боишься скандала, так ты где-нибудь за городом венчайся и никому ничего не говори... Явишься в один прекрасный день с молодой женой домой, и вся недолга. Хочешь, я это тебе устрою. С какою хочешь? Уж я любую уговорю. *(Передонов хохочет)*. Ну, идет, по рукам, что ли?

Передонов. Донесет мерзавка.

Рутилов. Ничего не донесет... Нечего доносить.

Передонов. Или отравит.

Рутилов. Да уж ты во всем на меня положись. Я все так тонко обстрою тебе, что комар носу не подточит.

Передонов. Я без приданого не женюсь.

Рутилов. Чудак, да разве они бесприданницы? Ну, говори, которую же хочешь?

Передонов. Уж выбирать, так Валерию. Мне надо самую молоденькую. Не на перестарке же мне венчаться.

Рутилов. Перестарков у нас нет. Ладно, Валерию хочешь, так Валерию тебе высватаю. Она цветы любит. Вот мы зайдем в садоводство, нам цветов нарежут, букет свяжут, я от тебя Валерии поднесу. А то ты сам.

Передонов. Тоненькая, субтильная... *(Сосет карамельки)*. Только ведь она — кокетка. Потребует нарядов, обстановки.

Рутилов. Так что же? Не век тебе по-свински жить?

Передонов. Я копил, а она живо растранжирит. Да еще станет привередничать.

Рутилов. Выдумал. Они у меня не избалованные девицы, с чего ей привередничать...

Передонов. А за кухней, пожалуй, и не доглядит. А на кухне подсыплют мне яду — Варя со злости подкупит кухарку.

Рутилов. Придумал?

Передонов. Уж слишком тонкая штучка — твоя Валерия... К ней не будешь и знать, как и подступиться. Как ее обругаешь...

Рутилов. Да зачем тебе ее ругать?

Передонов. Иногда нельзя не обругаться. На службе неприятность получишь, придешь домой, а тут щи недосолены, жаркое пережарено, — как же не обругаться. Я всегда, как домой прихожу, сердитый бываю.

Рутилов. Это оттого, что твоя Варя не умеет дом поставить на приличную ногу.

Передонов. Твою Валерию как толкнешь? Как на нее плюнешь? Изойдет слезами, осрамит на весь город.

Рутилов. Да зачем тебе ее толкать? Зачем на нее плевать?

Передонов. Нет, я свою Варю поколачиваю. А то и в морду ей плюну.

Рутилов. Мои сестры до этого себя не доведут.

Передонов. Нет, страшно с ней связываться. Вот Людмила, так та проще. Не взять ли ее?

Рутилов. Ну что ж, бери Людмилу.

Передонов. Она веселая, сдобная. В моем вкусе.

Рутилов. Людмила духи любит. Зайдем к Самсонову, я тебе помогу выбрать получше флакон духов, — уж я знаю, какие ей понравятся. Ты и поднесешь.

Передонов. Только уж очень она любит хохотать. Засмеет, пожалуй.

Рутилов. Ну, вот выдумал тоже... Тебе с нею превесело будет.

Передонов. Я боюсь, когда надо мною смеются.

Рутилов. Да она не над тобою будет смеяться.

Передонов. Нет, страшно. Дарья, хоть и бойкая, а все же посолиднее и потише. А тоже красивая. Лучше взять ее.

Рутилов. Ну, ладно. Дарья сладкое любит. Зайдем к Пастухову, купим ей ананас.

Передонов. Только уж очень она быстрая и дерзкая.

Рутилов. Да, она долго думать не любит и себя в обиду не даст.

Передонов. Она меня затормошит. И что я тут с тобою путаюсь. Пойдем лучше на билиард играть. А жениться на Дарье я не хочу. Затормошит она меня.

Рутилов. Да что ты, Ардальон Борисыч. Ведь ты уж совсем решился.

Передонов. У быка есть рога.

Рутилов. Ну, есть, так что же из этого?

Передонов. Ну, а я не хочу быть быком.

Рутилов. Ты, Ардальон Борисыч, и не будешь никогда быком, потому что ты — форменная свинья.

Передонов. Врешь...

Рутилов. Нет, не вру и могу доказать.

Передонов. Докажи.

Рутилов. Погоди, докажу.

По аллее с визгом пробегает Недотыкомка. Передонов вздрагивает.

Передонов. Ты меня нарочно сегодня над дурманом водил, одурманил, чтобы с сестрами окрутить. Мало мне одной ведьмы — на трех разом венчаться.

Рутилов. Чудород... Да как же я-то не одурманился?

Передонов. Ты средство знаешь. Ты, может быть, через рот дышал, а в нос не пускал. Или слова такие говорил. А я ничего не знаю.

Рутилов. Ардальон Борисыч, а у тебя есть пятачок?

Передонов. Есть, да тебе не дам.

Рутилов *(с хохотом)*. Если у тебя есть пятачок, так как же ты не свинья?

Недотыкомка *(пробегая мимо)*. Свинья, свинья, свинья.

Передонов *(в ужасе хватаясь за нос, бормочет)*. Врешь... Какой у меня пятачок?.. У меня человечья харя.

Рутилов. Что ты за Варвару так уцепился? Ты думаешь, хорошо тебе будет, если через нее ты получишь место? Она тебя оседлает.

Передонов. Врешь. Ведь она для себя старается. Вот только я боюсь, что она потом с Павлушкой спутается. Он мне завидует. Вот ты за него сосватай свою сестру.

Рутилов. Мои сестры — барышни с гонором. Они за столяра не пойдут.

Передонов. Он не просто столяр. Он — учитель ручного труда. Да мне все равно, за кого его сосватать. Только бы он против меня не злоумышлял. Адаменко за него пойдет, как ты думаешь?

Рутилов. Ну, едва ли?

Передонов. Что мы тут сидим на одном месте... Еще простудишься, пожалуй. Пойдем пиво пить.

Уходят в ресторан; по аллее тихо проходят Варвара и Грушина.

Грушина. Уж я для вас расстаралась. Никто не различит. Совсем княгинин почерк.

Варвара. Ну вот, наконец-то. А то я уж ждала, ждала, да и жданки потеряла. А только как же конверт? Если он спросит, что я скажу?

Грушина. Да уж конверта нельзя подделать — штемпеля.

Варвара. Так как же?

Грушина. Душечка, Варвара Дмитриевна, да вы скажите ему, что конверт в печку бросили. На что вам конверт?

Варвара. Только бы он повенчался... Тогда уж я не стану для него бегать. Нет, я буду сидеть, а он пусть для меня побегает.

Грушина. Вот нагуляете тогда жиру, — ведь он любит жирненьких.

Проходят Дарья, Людмила, Валерия и Лариса.

Лариса. А что, Людмилочка, видела ты этого мальчишку? Как его фамилия? Вот Передонов распускает слух, что это — девочка.

Людмила. Пыльников. Как же, я была у них. Как услышала, так в тот же вечер сходила.

Дарья. Уж такая глазопялка. Везде бы ей все вызнать да высмотреть.

Валерия. И так тогда нарядилась, как на званый вечер.

Лариса. Ну, что же? В самом деле девочка?

Людмила. Глупости... Мальчишка самый настоящий и пресимпатичный. Глубокий брюнет, глаза блестят, а сам маленький и невинный.

Дарья. А да что говорить... Все это ерунда Передоновская. Повадился ходить по квартирам. Выбирает родителей попроще. Придет, нажалуется, мальчишку высекут. Нотариус Гудаевский, говорят, ему дерзостей наговорил и выгнал.

Людмила. Он и по ученическим квартирам ходит. Распекает, грозит.

Дарья. Ну, там ему отпор дают. Там гимназисты чувствуют себя самостоятельнее.

Людмила. Однако у Флавицкой остался доволен. Она своего постояльца высекла больненько.

Дарья. Не люблю я Флавицкой. Злая баба.

Людмила. А Платон наш вбил себе в голову выдать одну из нас за Передонова.

Дарья. Нет, уж лучше в старых девицах засидеться.

Лариса. Отчего же... Он человек не глупый. Только опустился с Варварой. А попадись он хорошей жене в руки... *(Уходят)*.

Из ресторана выходят Передонов и Скучаев, разговаривая, тихо проходят по аллее взад и вперед и потом садятся на скамейку.

Передонов. У меня к вам есть дело.

Скучаев. С удовольствием. Чем могу служить?

Передонов. Вы, Яков Аникиевич, как городской голова, первое лицо в городе, так мне надо поговорить с вами. Про меня в городе всякий вздор мелют, чего и не было наплетут.

Скучаев. На чужой роток не накинешь платок. А впрочем, в наших палестинах, известно, кумушкам что и делать, как не язычки чесать.

Передонов. Говорят, что я в церковь не хожу, а это неправда. Я хожу. А что на Ильин день не был, так у меня тогда живот болел, а то я всегда хожу.

Скучаев. Это точно. Это могу сказать — случалось вас видеть. А впрочем, ведь я не всегда в вашу церковь хожу. Я больше в монастырь езжу. Так уж это у нас в роду повелось.

Передонов. Всякий вздор мелют. Говорят, будто я и гимназистам гадости рассказываю. А это вздор. Конечно, иногда расскажешь на уроке что-нибудь смешное, чтобы оживить. У вас у самого сын гимназист... Ведь он вам ничего такого про меня не рассказывал?

Скучаев. Это точно, ничего такого не было. А впрочем, ведь они, мальчики, прехитрый народ — чего не надо, того и не скажут. Оно, конечно, мой еще мал, сболтнул бы по глупости, однако ничего такого не сказывал.

Передонов. Ну, а в старших классах они сами всё знают. Да я и там худых слов не говорю.

Скучаев. Уж это такое дело... Известно — гимназия — не базарная площадь...

Передонов. А у нас уж такой народ — того наблекочут, чего и не было. Так вот я к вам обращаюсь, вы — городской голова. И еще про меня худо говорят, что я с Варварой живу. Говорят, что она мне не сестра, а любовница... А она мне, ей-Богу, сестра, только дальняя, четвероюродная. На таких можно венчаться. Я с нею и повенчаюсь.

Скучаев. Так-с, так-с, конечно. А впрочем, венец делу конец.

Передонов. А раньше нельзя было. У меня важные причины были. А я бы давно повенчался. Уж вы мне поверьте.

Скучаев. Я вам верю. Если так, то это действительно другой разговор. А то, признаться сказать, сомнительно было, как это вы с вашей, с позволения сказать, подругой, не венчавшись, живете. Оно сомнительно, знаете, потому — ребятенки — острый народ: они перенимают, если что худое. Доброму их трудно научить, а худое само. Так оно, точно, сомнительно было. А впрочем, кому какое дело, я так об этом сужу. А что вы ко мне обращаетесь, так это мне лестно, потому что мы хоть и лыком шиты, дальше уездного училища свету не видали, ну, а все-таки, почтен доверием общества, третий срок головой хожу, так мое слово у господ горожан чего-нибудь да стоит.

Передонов. Вы — городской голова, так вы можете сказать, что все это вздор.

Скучаев. То есть это насчет чего же?

Передонов. А вот, если в учебный округ донесут, что я в церковь не хожу, или там другое что; так вот, если приедут и спрашивать будут.

Скучаев. Это мы можем. Это уж вы во всяком случае будьте благонадежны. Если что, так уж мы за вас постоим — отчего же за хорошего человека слова не замолвить. Хоть адрес вам от думы поднесем, если понадобится. Это мы всё можем, или, примерно, звание почетного гражданина, — отчего же? Понадобится — все можно.

Передонов. Так уж я буду на вас надеяться. А то директор все меня притесняет.

Скучаев. С-с... скажите... Не иначе, как так надо полагать, что по наговорам. Николай Васильевич, кажется, основательный господин — даром никого не обидит. Как же, по сыну вижу. Серьезный господин, строгий, поблажки не дает и различек не делает, — одно слово — основательный господин. Не иначе, что по наговорам. С чего же у вас с ним контры?

Передонов. Мы с ним во взглядах не сходимся. И у меня в гимназии есть завистники. Все хотят быть инспекторами. А мне княгиня Волчанская обещала выхлопотать инспекторское место. Вот и злятся от зависти.

Скучаев. Так-с, так-с... А впрочем, что же это мы сухопутный разговор делаем... Пойдемте посидимте на террасе, чего-нибудь выпьем да закусим. Вот там Андрей Петрович сидит, он нам что-нибудь под рифму скажет. *(Идут с Передоновым на террасу ресторана)*. А вам бы в другое ведомство перейти следовало.

Передонов. В какое же ведомство? Если бы у меня протекция была.

Скучаев. Хоть бы в духовное, например. Андрею Петровичу, наше нижайшее. *(Здоровается с Тишковым).*

Тишков. Слышу приятные слова, идет городской голова. Якову Аникиевичу нижайшее почтение, просим принять наше угощение. Желаю здравия г-ну учителю, лености гонителю, шалунов мучителю. Эй, малый...

Скучаев. Постой, постой, хлеб-соль вместе, водочка врозь. Малый, подвинься-ка ты ко мне. *(Тихо заказывает что-то официанту: тот уходит и через некоторое время возвращается с водками и закусками).* Так вот, Ардальон Борисыч, в духовное бы вам. Если взять духовный сан, то священник из вас вышел бы серьезный, обстоятельный. Я могу посодействовать. У меня есть преосвященные хорошие знакомые.

Передонов. Нет, я не хочу в попы, я ладану боюсь. Меня тошнит от ладана, и голова болит.

Скучаев. В таком разе в полицию тоже хорошо. Поступите, например, в становые. На вас, позвольте узнать, какой чин?

Передонов. Я статский советник.

Тишков. Статский залихватский, выпьем.

Скучаев. Вот как... Скажите, какие вам большие чины дают. И это за то, что ребят обучаете?

Тишков. Ребят обучаете и чины хватаете.

Скучаев. Скажите, что значит наука. А впрочем, хотя по нынешним временам иные господа нападают на науку, а без науки не проживешь. Вот я сам, хоть только в уездном учился, а сына в университет направлю.

Тишков. Направляет сына к получению чина, вот и выпить причина.

Скучаев. Через гимназию, известно, почти силком ведешь прутом, а там и сам пойдет. Я его, знаете, сечь никогда не секу.

Передонов. Жалеете его.

Скучаев. Нет, зачем баловать. Как только он у меня заленится или как в чем проштрафится, возьму его за плечи, подведу к окну, там у нас в саду березы стоят. Покажу ему березу. Это, говорю, видишь? Вижу, папенька, вижу, говорит, больше не буду. И точно, помогает, заправится мальчуган, будто его и в самом деле постегали. Ох, дети, дети...

Тишков. Есть дети, что хорошо и без плети. Учитель, по этакой причине выпьем.

Передонов. Я еще одну выпью, только мне уж пора идти.
Скучаев. Не торопитесь, посидите.
Тишков. Посидите, компанию поддержите.
Передонов. Нет, мне пора.
Тишков. Ему пора — ждет сестра.
Передонов. У меня дела.
Тишков. У кого дела, тому от нас хвала.
Скучаев. Не смею задерживать.

Передонов уходит.

Скучаев *(Тишкову)*. Зря болтают на человека...
Тишков. Зря болтают, правды не знают.
Скучаев. Он ничего, парень душевный, и выпить не дурак.
Тишков. Если выпить не дурак, значит, парень так и сяк.
Скучаев. А что с мамзелью вяжется, так это что же?
Тишков. От мамзели клопы в постели.
Скучаев. Кто Богу не грешен, царю не виноват.
Тишков. Все грешим, все любить хотим.
Скучаев. А он хочет грех венцом прикрыть.
Тишков. Грех венцом прикроют, подерутся и завоют.
Скучаев. Как он ко мне подошел, я было думал, будет в долг просить: дал бы, но не больше полутораста. А впрочем, не просил.
Тишков. Денег не просил, деликатно укатил.
Скучаев. А впрочем, ровно бы мы с ним из пустого в порожнее переливали. Беда с этими учеными — не поймешь их; в книгах-то ему все ясно, а вот как из книги нос вытащит, так и сам завязнет, и других завязит.
Тишков. Сам завязнет и других соблазнит.
Скучаев. А не пора ли к домам?
Тишков. Вы по домам, и мы по вашим стопам.

Скучаев подзывает официанта, расплачиваются и уходят. Передонов, возвращаясь из-за беседки, встречается с городовым, который лениво плетется по аллеям. Передонов вздрагивает, так что чуть-чуть не роняет папиросы, которую собирался закурить. Робко подходит к городовому.

Передонов. Г-н городовой, здесь можно курить?
Городовой. То есть, ваше благородие, это насчет чего?
Передонов. Папиросочку, вот одну папиросочку, можно выкурить?

Городовой. Насчет этого никакого приказания не было.

Передонов. Не было?

Городовой. Никак нет, не было. Так что, господа, которые курят, это не велено останавливать, а чтобы разрешение вышло, об этом не могу знать.

Передонов. Если не было, так я и не стану. Я — человек благонамеренный. Я даже папироску брошу. Ведь я — статский советник. *(Комкает папиросу, бросает ее на землю и поспешно отходит от городового).*

Из-за угла беседки слышится блеющий смех Володина. Володин догоняет Передонова.

Володин. Ардальон Борисыч... Будущий инспектор... то-то я смотрю, кто это знакомый с фараоном разговаривает. Со спины как будто будущий инспектор. Подхожу — так и есть. Здравствуйте, Ардальон Борисыч.

Пока он говорит, Недотыкомка юлит около его ног. Передонов тупо смотрит на Володина.

Передонов. Что ты лягаешься, Павлушка?

Володин. Я не лягаюсь, Ардальон Борисыч, а здороваюсь с вами за руку. Это, может быть, у вас на родине ногами лягаются, да и то не люди, а, с позволения сказать, лошадки.

Передонов. Еще боднешь, пожалуй.

Володин. У меня, Ардальон Борисыч, еще рога не выросли, а это, может быть, у вас рога вырастут раньше, чем у меня.

Передонов. Язык у тебя длинный, мелет, чего не надо.

Володин. Если вы так, Ардальон Борисыч, то я могу и помолчать.

Передонов. Что это у тебя котелок на затылке?

Володин. Так как тепло, Ардальон Борисыч, то я его и не надвигаю на лоб. А знаешь, что я тебе скажу, Ардальон Борисыч? Я уговорил Черепнина, и он на днях вымажет Марте ворота дегтем.

Передонов молчит, соображает что-то, потом вдруг угрюмо хохочет. Володин перестает осклабляться, принимает скромный вид, поправляет котелок, поглядывает на небо и помахивает тросточкой.

Володин. Хорошая погода, а к вечеру, пожалуй, дождик соберется. Ну, и пусть дождичек, а мы с будущим инспектором дома посидим.

Передонов. Не очень-то мне дома сидеть можно. У меня нынче дела, надо в город ходить. Визиты делать. А то на меня врут. Я ко всем важным лицам схожу. С городским головой я уж говорил. Он за меня.

Володин. У меня, Ардальон Борисыч, нынче тоже есть дела. Я Мишеньке Адаменко нынче уроки изволю давать по ручному труду. 30 целковых в месяц, позвольте вас поблагодарить за вашу рекомендацию.

Передонов. 30 рублей с тебя много. Ну, да уж ладно, получай, только мне не завидуй.

Володин. Они барышня богатая и заплатить могут. Завтра я им покажу рисунки для рамочек, очень изящные, они мне, может быть, закажут. А может быть, и кофейком угостят.

Передонов. Вот погоди, приду к ней тебя сватать. Только ты и сам не зевай...

Володин. Барышня со мною даже очень любезна, и я так понимаю, что я ей понравился. *(Радостно смеется и прыгает)*.

Передонов. Не лягайся... Распрыгался, как баран. Погоди еще, натянут тебе нос. А вот инспектор народных училищ идет, надо ему сказать кое про кого. *(Уходит влево)*.

Володин садится на скамейку, Передонов скоро возвращается с Богдановым.

Передонов. У вас одна учительница в красной рубашке ходит.

Богданов. Что, что вы говорите? Кто, кто такая?

Передонов. Да вот горластая-то толстуха-то эта, как фамилия — не помню.

Богданов. Горластая. Горластая — это Скобочкина, да?

Передонов. Ну вот, эта самая.

Богданов. А как же, как же так? Скобочкина, в красной рубашке, а? Да вы сами видели?

Передонов. Видел. Да она, говорят, и в школе так щеголяет, на уроках сарафан надевает, совсем как простая девка, босиком ходит, так и уроки дает.

Богданов. А скажите. Надо, надо узнать. Так нельзя, нельзя. Уволить за это следует, уволить. Она всегда такая была.

Проходит гимназист Крамаренко. Кланяется Передонову.

Передонов. Что, черныш, огарыш, будешь на уроках шалить? Досталось. Да еще вот погоди, отцу скажу, как ты в церкви себя ве-

дешь. Зачем в церкви улыбался? Ну, иди, нечего стоять. *(Когда Крамаренко ушел, Богданову).* Он из мещан. Дворянам я «Вы» говорю. Нельзя же всем одинаково. Я всегда в канцелярии справляюсь. И он негодяй. Его директор против меня подговаривает.

Богданов. Да за что вы?

Передонов. Не сам. Через сыновей. Распустил гимназию. Я бы их подтянул. Вот этот черныш — он певчий. А певчие — все негодяи. У него дискант хороший, так он думает, что и в церкви можно шептаться и смеяться. Я третьего дня к его отцу сходил. У него отец умный. Так его при мне выдрал розгами... А знаете, ваш Мачигин шапку с кокардою носит. Я его сегодня здесь видел, вот бы вы его пробрали за это. Забарничал.

Богданов. Не имеет права, никакого права не имеет.

Передонов. Не имеет права, а носит. Их подтянуть надо, я вам давно говорил. А то всякий мужик сиволапый кокарду носить станет, так это что же будет!

Богданов. Как же это он смеет, а? Я ему запрещу, строжайше запрещу.

Передонов. Вон он там прогуливается. Соломенную шляпу надел, в городе не смеет с кокардой ходить, а в свою школу приедет и напялит.

Богданов. Юноша, г-н Мачигин. Пожалуйте-ка сюда.

Мачигин *(подходя).* Здравствуйте, Сергей Потапыч.

Богданов. Как же это вы, юноша, а? Что это вы такое выдумали, а?

Мачигин. В чем дело, Сергей Потапыч? *(Поигрывает соломенною шляпою, пошаливает левою ножкою).*

Передонов и Володин садятся на скамейку и слушают, молча.

Богданов. Как же, как же это вы, юноша, кокарду носите, а? Как это вы решились посягнуть, а?

Мачигин. Что ж такое? Разве я не вправе?

Богданов. Да разве же вы чиновник, а? Какой вы чиновник, а? Азбучный регистратор, а?

Мачигин. Знак учительского звания.

Богданов. Носите палочку в руках, палочку, вот вам и знак учительского звания.

Мачигин. Помилуйте, Сергей Потапыч, что же палочка? Палочку всякий может, а кокарда для престижа.

Богданов. Для какого престижа? Какой вам нужен престиж, а? Вы разве начальник?

Мачигин. Помилуйте, Сергей Потапыч, в крестьянском малокультурном сословии это сразу возбуждает прилив почтения — гораздо ниже кланяются.

Богданов. Да нельзя, юноша, никак нельзя.

Мачигин. Помилуйте, Сергей Потапыч, учитель без кокарды, что британский лев без хвоста, — одна карикатура.

Богданов. При чем тут хвост, а? Какой такой хвост, а? Куда вы в политику заехали, а? Разве это ваше дело о политике рассуждать, а? Нет, уж вы кокарду снимите, сделайте Божескую милость. Нельзя, как же можно, сохрани Бог, — мало ли кто может узнать. Ведь вот вы теперь без кокарды, а? Без кокарды, как знаете, что меня можете встретить. Сами чувствуете, что нельзя.

Мачигин. Так как мы сельские учителя, то нам и нужна сельская привилегия, а в городе мы стоим зауряд интеллигентами.

Богданов. Нет, уж вы, юноша, знайте, что этого нельзя, а если я еще раз услышу, тогда мы вас уволим.

Продолжая разговор, уходят.

Володин. Носить кокарду... Скажите, помилуйте... Разве он чины получает? Как же это можно...

Передонов. Тебе тоже нельзя носить кокарду.

Володин. Нельзя и не надо. А только я тоже иногда надеваю кокарду. Но ведь только я знаю: где можно и когда. Пойду себе за город да там и надену. И мне удовольствие, и никто не запретит. А мужичок встретится, все-таки почтения больше.

Передонов. Тебе, Павлушка, кокарда не к рылу, и ты по песку не ерзай; ты меня запылил своими копытами.

Володин. Я, Ардальон Борисыч, изволю носить полуботинки шевровые, а копытов у меня нет. А если вас беспокоит, что я палочкой по песочку вензеля пишу для своего удовольствия, то извольте, я могу и перестать.

Передонов. Вот еще бы на Рутиловых барышень надо донести. Они в церковь только болтать и смеяться ходят. Намажутся, нарядятся, да и пойдут. А там ладан крадут, да из него духи делают, — от них всегда вонько пахнет.

Володин. Скажите, помилуйте...

Передонов. Зачем по земле тень ползет?

Володин. Это от тучи.

Передонов. Страшно. А пыли-то сколько...

Володин. Ардальон Борисыч, от ветра. Ветерок дует, а пыль и носится по ветру.

Недотыкомка катается по траве и повизгивает.

Передонов. А вот Недотыкомка, — бегает по траве, жрет ее. Зачем здесь трава?

Володин. Завсегда здесь травка расти изволит.

Передонов. Беспорядок, — выполоть ее надо. Смотри-ка, на дереве ветка закаркала и полетела. Пойдем отсюда поскорее.

Встает и идет поспешно. Володин — за ним. Навстречу идет Вершина, а сзади нее — Марта и Владя.

Вершина. Ардальон Борисыч, куда вы? Посидите с нами.

Передонов. Сгинь, пропади, колдунья... Чур меня, чур.

Вершина. Что это вы, Ардальон Борисыч.

Передонов. А, это вы... А я вас не узнал.

Володин. Ардальон Борисыч, будьте здоровы, до свиданья, а уж я пойду.

Передонов. Вечером ко мне приходи.

Володин уходит.

Вершина. Это хорошая примета, что вы меня не узнали. Значит, я скоро буду богата.

Передонов. Ну да, чего вам богатеть... Будет с вас и того, что есть.

Вершина. А вот я двести тысяч выиграю.

Передонов. Нет, это я выиграю двести тысяч.

Вершина. Я в один тираж, а вы в другой.

Передонов. Ну, это вы врете. Это не бывает в одном городе два выигрыша. Говорят вам, я выиграю.

Вершина. Что же мы стоим? Посидимте в беседке.

Передонов *(входя за Вершиною в беседку)*. Скоро соседями будем.

Вершина. Переезжаете? Отчего же?

Передонов. Далеко от гимназии. *(Садится, выбирая такое место, чтобы спину защищал столб).*

Вершина. Да ведь вы там давно живете. Уже несколько лет.

Передонов. Я хозяйкою недоволен. Она пьянствует, шумит на дворе, беспокоит меня, а у меня нынче нервы слабы стали, — всё неприятности. И она ужасно дерзкая.

Вершина. Ну, хозяйка дерзкая оттого, что ваша... сестрица уж слишком пылкая особа.

Передонов нахмуривается. Тупо глядит перед собою полусонными глазами. Вытаскивает из кармана карамельку, очищает ее от бумажки и принимается жевать. Взглядывает на Марту. Вытаскивает горсть карамелек. Протягивает их сначала Вершиной, потом Марте. Те берут по одной.

Передонов. На-те, хорошие бомбошки, дорогие, тридцать копеек за фунт плачено. Да вы больше берите. У меня много, и хорошие бомбошки, я худого есть не стану.

Вершина. Благодарю вас, я не хочу больше.

Марта. Благодарю вас, я не хочу больше.

Передонов. Ну, как не хотеть. На-те...

Из горсти берет одну карамельку себе, остальные высыпает на колени к Марте. Марта, молча, улыбается, наклоняя голову. Передонов вытаскивает из кармана еще одну карамельку и протягивает Владе.

Передонов. Ну, на-те уж и вам одну.

Владя. Покорно благодарю, Ардальон Борисыч.

Передонов. Пива сколько бутылок сегодня выдули?

Владя. Я не пью пива.

Вершина шепчет что-то Марте. Марта переглядывается с Владею, и они оба уходят.

Вершина. Что вы не женитесь? Чего еще ждете, Ардальон Борисыч? Варвара ваша вам не пара, извините, прямо скажу.

Передонов. Здесь для меня и нет пары.

Вершина. Не скажите! Здесь много лучше ее, и за вас всякая пойдет.

Передонов. Всякой мне не надо.

Вершина. Не о всякой и речь, да вам ведь не за приданым гнаться — была бы девушка хорошая. Вы сами получаете достаточно, слава Богу.

Передонов. Нет, мне выгоднее на Варваре жениться. Ей княгиня Волчанская протекцию обещала. Она даст мне хорошее место. А потом и директором сделают. Я генералом буду.

Вершина. Уж слишком вы полагаетесь на слова вашей сестрицы. Ну, а скажите, она много старше вас? Конечно, это не мое дело, а только со стороны жалко, что такой хороший молодой человек должен жить

не так, как бы он заслуживал по своей красоте и душевным качествам. Да вы и без протекции далеко пойдете. Неужели не оценит начальство? Что же вам за Варвару держаться?

Передонов. Вот Рутиловых мне сватают. Веселые барышни.

Вершина. Ну, уж не из Рутиловых же барышень вам жену брать, — они легкомысленные, а вам надо жену степенную.

Передонов. Это верно. Я вертушку да хохотушку не возьму.

Вершина. Вот бы взяли мою Марту. Хорошая девушка. Она у меня уж близко года живет. Как я моего покойника похоронила, так и взяла ее да ее брата. У них большая семья, и все дети хорошие. Марта и Владя домой на день едут, на праздник, — вот бы и вам с ними погостить в деревне, у ее отца. За ними работник в тележке приедет.

Передонов. Тесно.

Проходят Марта и Владя. Вершина показывает им рукою на скамейку, они садятся.

Вершина. Ну вот, тесно... Отлично разместитесь. Ведь не далеко, всего шесть верст проехать. Разместитесь удобно. Вы с Мартою на заднем сидении, а Владя с работником на переднем.

Передонов. Не поеду. Тесно. Четверо, да еще вещей наберут с собой.

Вершина. Ну, если вы думаете, что тесно, то Владя и пешком может идти.

Владя. Конечно, пешком дойду в полтора часа отлично.

Передонов. Трясти будет. Я боюсь тряски.

Вершина. Тележка хорошая, на рессорах. Вот зайдите ко мне, сами увидите. *(Выразительно смотрит на Марту и что-то шепчет ей).*

Марта краснеет, откашливается, решается заговорить с Передоновым.

Марта. Как учится Владя?

Передонов. Плохо. Ленится. Ничего не слушает.

Вершина. Как же тебе не стыдно лениться, Владя? Такой большой мальчик... Этакий стыд... Что же ты думаешь? Что из тебя выйдет?

Владя. Что ж, только год начался, я еще успею.

Марта. С самого начала надо учиться.

Передонов. Да и шалит. Вчера так развозились, точно уличные мальчишки. Да и груб — мне дерзость сказал на днях.

Владя. Никакой дерзости, а я только правду сказал, что вы в других тетрадках ошибок по пяти прозевали, а у меня все подчеркнули и поставили два, а у меня лучше было написано, чем у тех, кому вы три поставили.

Передонов. И еще вы мне дерзость сказали.

Владя. Никакой дерзости, а я только сказал, что инспектору скажу, — что же мне зря двойку...

Вершина. Владя, не забывайся. Чем бы извиниться, а ты опять повторяешь. Забыл, что я тебе говорила.

Владя. Извините, я только хотел, чтобы вы поправили.

Вершина. Молчи, молчи, пожалуйста. Терпеть не могу таких рассуждений, терпеть не могу. Тебе делают замечание, ты и молчи. Надо будет отцу сказать, чтобы наказать тебя построже. Видно, моих наказаний не боишься.

Передонов. Высечь надо.

Марта *(краснея)*. Высечь надо.

Передонов. Вот поеду с вами к вашему отцу и скажу, чтобы вас при мне высекли, да хорошенько. Ну, хорошо Марта Станиславовна, я поеду с вами. Погулять там у вас денек.

Владя. Правда, если вы думаете, Ардальон Борисыч, что тесно будет, то я могу пешком пройти.

Передонов. Нечего подлизываться. Если вас отпустить одного, вы еще убежите куда-нибудь. Нет уж, мы вас свезем к отцу.

Вершина. Они все боятся отца. Он у них очень строгий. Да и я им потачки не даю.

Передонов *(смотрит на Марту, с удовольствием замечает, что она сконфужена)*. Да вы не думайте, я не про вас говорю. Я знаю, что вы будете хорошая хозяйка.

Вершина. Все польки — хорошие хозяйки.

Передонов. Ну да, хозяйки. Сверху чисто, а юбки грязные. Ну да зато у вас Мицкевич был. Он выше нашего Пушкина. Он у меня на стене висит. Прежде там Пушкин висел, да я его снял — он нехороший человек был. На дуэли дрался. Это грешно.

Владя. Ведь вы — русский, что же вам наш Мицкевич? Пушкин — хороший, и Мицкевич — хороший.

Передонов. Мицкевич выше. Русские — дурачье. Один самовар изобрели, а больше ничего. *(Щурит глаза на Марту)*. У вас много веснушек. Это некрасиво.

Марта. Что ж делать?

Владя. И у меня веснушки.

Передонов. Вы мальчик. Это ничего, мужчине красота не нужна. А вот у вас, Марта Станиславовна, нехорошо. Этак вас никто и замуж не возьмет. От веснушек надо огуречным рассолом мыть лицо.

Марта. Благодарю вас, Ардальон Борисыч, за совет. Непременно так сделаю.

Передонов *(Владе)*. Вы что улыбаетесь? Вот погодите, приедем с вами к отцу, так будет вам для праздника дерища отличная. Что вы на меня глазеете? На мне узоров нет. Или вы сглазить меня хотите?

Владя. Извините, я так, не нарочно.

Вершина. А вы разве верите в глаз?

Передонов. Сглазить, конечно, нельзя, это мужицкое суеверие. А только ужасно невежливо уставиться и рассматривать.

Вершина. Уж вы, Ардальон Борисыч, его извините за это. Это он на вас потому смотрел, что хотел догадаться, правду вы говорите или только шутите.

Передонов. А вот узнает, как я с его отцом поговорю. Вам надо хорошенько учиться. Ведь вы бедные.

Вершина. Да, конечно, не богаты, но только все-таки они уж не так бедны. То имение, которое их отец держит в аренде, приносит ему порядочный доход. Хоть и не роскошно, а прожить можно.

Марта. У нас на всех есть кое-что отложено.

Передонов. Ну да, я знаю, что вы бедные. Дома-то босые ежеденком ходите.

Владя. Мы это не от бедности.

Передонов. А что же, от богатства что ли?

Владя. Вовсе не от бедности. Это для здоровья очень полезно, — закалять здоровье, — и приятно летом.

Передонов. Ну, это вы врете. Богатые босиком не ходят. У вашего отца много детей. Сапог не накупишься. Ну, пока прощайте, — я тут в саду одного нужного человечка вижу, — надо поговорить. *(Передонов выходит из беседки и бормочет)*. Везде доносчики. Никак их не накрыть.

Навстречу Передонову выходит Крамаренко. Смотрит на него решительно и злобно. Встречаются и останавливаются один против другого.

Передонов. Чего толкаешься, черныш драный? Вот сейчас к отцу отведу.

Крамаренко. Подлец... *(Усмехается, повертывается, чтобы уйти. Сделав три шага, останавливается, оглядывается)*. Этакий подлец... Гадина... *(Плюет и уходит)*.

Передонов угрюмо смотрит ⟨вслед⟩ за ним. Входит Рубовский. Передонов подходит к нему, здоровается и что-то ему нашептывает.

Вершина. Ты у меня смотри, Владя. Я тебе говорила, чтобы ты не смел сердить Ардальона Борисыча... Ты своей сестре счастья не хочешь. Смотри, я и без отца с тобой расправлюсь. А ты, Марта, уж очень скромничаешь. Надо побольше разговаривать с ним да полюбезнее.

Марта. Я стараюсь, Наталья Афанасьевна. Только я его боюсь очень. Вот Мурин...

Вершина. Мурин... Только Мурину и невест, что вы... И если Мурин стал к нам часто ходить. Так ты это, может быть, напрасно на свой счет принимаешь...

Передонов (*Рубовскому, останавливаясь с ним у ресторана*). У вас, я слышал, наша Наташа живет. Так вы ей не верьте, что она про меня говорит. Это она врет.

Рубовский. Я от прислуги сплетен не собираю.

Передонов. Она самая скверная. У нее любовник есть поляк. Она, может быть, нарочно к вам и поступила, чтоб у вас что-нибудь стащить секретное.

Рубовский. Пожалуйста, не беспокойтесь об этом. У меня планы крепостей не хранятся.

Передонов. Ну, что крепость... До этого далеко. А только вообще про меня всякие глупости говорят — так это все больше из зависти. Вы ничему такому не верьте. Это они доносят, чтобы от себя отвести подозрения. А я и сам могу донести.

Рубовский. Уверяю вас, я ни от кого не получал на вас доноса. Вам, видно, кто-нибудь в шутку пригрозил. Да ведь мало ли что говорится иногда.

Передонов. Вы скрытничаете. Все предатели, везде. Прикидываются друзьями, хотят вернее обмануть. А того не думают, что я обо всех их знаю такого, что им и в Сибири места мало. Вы послеживайте за барышней Адаменко. Она переписывается с социалистами. Да она и сама такая.

Рубовский. Извините, меня ждут. До приятного свидания.

Входит в ресторан. Передонов садится на скамейку и погружается в мечты. Бормочет.

Передонов. Г-н инспектор народных училищ второго района Рубанской губернии, его высокородие, статский советник Передонов... Вот как... Знай наших... Его высокопревосходительство, г-н директор

народных училищ Рубанской губернии, действительный статский советник Передонов. Шапки долой... Вон... В отставку подавайте. Я вас подтяну. *(Дремлет).*

На небо набегают темные тучи. В саду сильно темнеет. Недотыкомка юлит около Передонова и заливается гнусным визгливым смехом. Передонову снится.

Сон. Слышны звуки нелепой музыки. В ней что-то скрипучее механическое. Выбегает толпа девушек, одетых нарядно, пестро и безвкусно. Все они толстые, румяные, похожие на кукол; пляшут и визжат, но слов не разобрать. Входят три девицы Рутиловы, одетые также нелепо. Они гораздо толще, чем наяву.

Передонов. Будет плясать, убирайтесь. А вам, три ведьмы, что надо?

Плясуньи расходятся по сторонам. К Передонову подходит Дарья и низко кланяется.

Дарья. Ардальон Борисыч, сделайте милость, осчастливьте меня — возьмите меня замуж.

Передонов. А чем ты мне угождать будешь?

Дарья. Я вам буду блины печь, превкусные, горячие, только не подавитесь. Пирожки буду печь сладкие, с черно-смородинным вареньем — только не объешьтесь.

Передонов. Пошла прочь, перестарок.

Дарья горько плачет и отходит. Приближается Людмила, кланяется еще ниже.

Людмила. Ардальон Борисыч, ваше высокородие, г-н инспектор, будьте благодетелем, заставьте век за вас Бога молить, осчастливьте меня, возьмите меня замуж.

Передонов. А ты чем угождать мне будешь?

Людмила. А я каждое утро буду по городу ходить, все сплетни собирать, а потом вам стану рассказывать. И кто на вас донести собирается, все разведывать стану. А про вас буду говорить только самое хорошее, как вы самые умные запрещенные книги читаете.

Передонов. Пошла прочь, хохотушка.

Людмила заливается горькими слезами и отходит. Приближается Валерия, кланяется Передонову в ноги.

Валерия. Ардальон Борисыч, милостивец, ваше превосходительство, г-н директор и кавалер всех орденов, Льва и Солнца и Почетного

Легиона; сделайте мне великое благодеяние, осчастливьте меня вашей милостью, возьмите меня замуж.

Передонов. А угождать мне чем станешь?

Валерия. Сама буду ваш вицмундир чистить. И вы насчет того не сомневайтесь, чтобы плюнуть или побить. Сколько вашей милости будет угодно. Спорить и прекословить не буду; и по начальству рапорт подам о неимении с моей стороны препятствий. И все ваши любимые кушанья по Варвариной поваренной черной книге.

Передонов. Пошла прочь, вертушка. Еще отравишь...

Валерия рыдает громко и отходит. Девушки и Недотыкомка визжат и пляшут. Входит Варвара, хитро и злобно ухмыляясь.

Варвара. Позабыл про княгиню Волчанскую. Она — колдунья. Ей сто лет. Она все знает и все может.

Становится светлее, призраки сна понемногу рассеиваются. Варвара стоит перед Передоновым.

Варвара. Да никак ты заснул здесь, Ардальон Борисыч. То-то видно с Марфушкой весело было.

Передонов. Вот и весело. Веселее, чем с тобою.

Варвара. Сидят там на беседке, как две кикиморы. Сама-то Вершина давно ли овдовела, а сама спит и во сне видит — замуж выйти. Спасибо, Павлушка сказал, где ты. Пока ты с Марфушкой возжался, я ответ от княгини получила.

Передонов. А ты разве ей писала?

Варвара. Ну вот валяет петрушку. Ведь сам же велел написать...

Передонов. Ну, что же она пишет?

Варвара. Вот письмо. Читай сам.

Роется в своей сумочке, достает письмо и отдает его Передонову. Передонов жадно читает его.

Передонов. Ловко... Вот это я понимаю... Как женится, так и место получит. Ай да княгиня... Пойду дразнить Марту. *(Быстро идет к беседке)*.

Варвара садится на скамейку вместе с подошедшим к ней Володиным. Тихо разговаривают.

Передонов *(Вершиной)*. Вот вы все сомневались, а вот сама княгиня пишет. Вот почитайте — сами увидите.

Вершина. А где же конверт?

Передонов. Я не знаю, надо спросить. Варя, Варя, поди-ка сюда...

Варвара. Ну, что еще? *(Подходит)*. Здравствуйте, Наталья Афанасьевна. Что, он вам хвастался?

Вершина. Здравствуйте, Варвара Дмитриевна.

Марта. Здравствуйте, Варвара Дмитриевна.

Варвара. Здравствуйте. Гуляете. Женишка высматриваете?

Передонов. Где конверт?

Варвара. Какой конверт?

Передонов. Конверт от княгини, что письмо сегодня принесли.

Варвара. Вот, я сожгла. На что мне его. Что ж собирать, что ли, конверты, коллекцию составлять? Так ведь деньги за конверты не платят. Это только за бутылки в кабаке деньги назад дают.

Передонов. Княгини тоже бывают всякие. Знаем мы. Может быть, эта княгиня живет здесь.

Вершина. Странно. Как это вы, Варвара Дмитриевна, неосторожны... Деловое письмо и вдруг без конверта... Все же таки по штемпелю видно было бы, когда послали письмо и откуда. *(Продолжая разговаривать, уходят)*.

Володин идет за ними, подслушивая. Проходят Людмила и Саша.

Людмила. Ты розы любишь?

Саша. Люблю.

Людмила. Большие?

Саша. Всякие, и большие, и маленькие.

Людмила. И розочки любишь? *(Смеются. Уходят)*.

Варвара возвращается с Грушиной. Володин прогуливается в сторонке, подслушивая.

Варвара. Я это еще вчера придумала, на всякий случай. Как ночью-то не спится, так чего, чего не передумаешь.

Грушина. Ой, голубушка Варвара Дмитриевна, я и от одного-то письма вся дрожу, все боюсь. Увижу пристава близко дома — так вся и сомлею — думаю, за мной идут, в тюрьму сажать хотят.

Варвара. Начали дело, так уж надо кончать... А то что ж, один болтун. Через вашу сестру всего проще. Ведь она еще в Петербурге живет?

Грушина. Живет-то, живет, да только...

Варвара. Мы здесь письмо напишем, в конверт вложим, а тот конверт в другой и пошлем вашей сестре. Она письмо наше во втором конверте в ящик опустит, оно сюда и придет со штемпелем. Утру я им нос, поганкам.

Грушина. Голубушка Варвара Дмитриевна, а что Ардальон-то Борисыч подумает, с чего это княгиня расписалась так, письмо за письмом.

Варвара. Я все придумала. Скажу моему дураку, что написала княгине письмо, благодарность. А княгиня будто и ответит, что есть в виду место, пусть бы скорее венчался, пока их не заняли.

Продолжая разговаривать, уходят. В саду опять темнеет. Слышен приближающийся визг Недотыкомки. Стремительно проходит, почти бежит Передонов. Его лицо выражает безумный страх. Недотыкомка кружит около него.

Недотыкомка. Обманут... Оплетут... Околпачат... Все врут, все завидуют, все хотят тебя погубить.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Новая квартира Передонова. Варвара и Володин разговаривают.

Варвара. Всем визиты делает. У предводителя был, у исправника, у председателя земской управы — уж не знаю, у кого только не был.

Володин. Так как Ардальон Борисыч изволит с директором быть вроде как в ссоре, то он и желает заручиться в случае чего.

Входит Передонов, тоскливый и злой.

Передонов. Успел... Сговариваешься, как бы меня околпачить. Заодно с Варварой. Везде у меня враги.

Варвара. Ардальон Борисыч, у нас-то какое приключение. Кот сбежал.

Передонов. Ну? Зачем же вы его отпустили?

Варвара. Что ж мне его за хвост к юбке пришить, что ли?

Володин хихикает. Передонов садится на стул у стола, опускает голову, комкает конец скатерти и задумывается. Недотыкомка юлит под столом, повизгивает и шепчет.

Недотыкомка. Знаешь, куда он пошел? К жандармскому.

Передонов. К жандармскому пошел. Вымурлычит все, что знает. Да и того примяукает, чего и не было. Беды...

Володин. Это уж завсегда коты изволят на старую квартиру сбегать, потому как кошки к месту привыкают, а не к хозяину. Кошку надо закружить, как переносить на другую квартиру, и дороги ей не показывать, а то беспременно убежит.

Передонов. Так ты думаешь, Павлуша, что он на старую квартиру сбежал?

Володин. Беспременно так, Ардаша.

Передонов. Ну, так выпьем, Павлушка.

Володин. Это можно, Ардаша. Выпить завсегда даже очень можно.

Передонов. А кота надо достать оттуда.

Варвара. Сокровище. Вот после обеда пошлю Клавдюшку.

Передонов. Я тебя на улице видел, Павлушка.

Володин. А я вас, Ардальон Борисыч, не изволил видеть.

Передонов. Врешь. Ты бараном оборачивался. Думал, не узнаю.

Володин. Ардальон Борисыч, посудите сами, как же я мог барашком оборачиваться? А куда же мой костюмчик и моя тросточка девались? Это, может быть, на вашей родине бараны в котелках изволят прогуливаться, а я таких барашков никогда не изволил видеть.

Передонов. Чего злоумышляешь? Много ли тебе надо? Слушай, Павлуша, — если ты не станешь мне вредить, то я тебе буду леденцов покупать по фунту в неделю, самый первый сорт — соси себе за мое здоровье.

Володин. Я, Ардальон Борисыч, вам вредить не согласен, а только мне леденцов не надо, потому как я их не люблю.

Варвара. Полно тебе петрушку валять, Ардальон Борисыч... Чем он тебе может навредить?

Передонов. Напакостить всякий дурак может.

Володин. Если вы, Ардальон Борисыч, так обо мне понимаете, то одно только могу сказать: благодарю покорно. Если вы обо мне так, то что я после этого должен делать? Как это я должен понимать, в каком смысле?

Передонов. Выпей водки, Павлушка, и мне налей.

Володин, молча, храня обиженный вид, принимается наливать водку из графина в рюмки. Недотыкомка кружит около стола и хохочет.

Недотыкомка. Наворожит, наворожит...

Варвара. Как же это, Ардальон Борисыч, ты не боишься от него водку пить? Ведь он ее, может быть, наговорил — вот он что-то губами разводит.

На лице Передонова изображается ужас. Он схватывает налитую рюмку и выплескивает из нее водку на пол.

Передонов. Чур меня, чур, чур... Заговор на заговорщика — злому языку сохнуть, черному глазу лопнуть. Ему карачун, меня чур перечур... *(Показывает Володину кукиш)*. На-т-ка, выкуси... Ты хитер, а я похитрее.

Володин. Это вот вы, Ардальон Борисыч, всякие волшебные слова знаете и произносите, а я никогда не изволил магией заниматься. Я вам ни водки, ни чего другого не согласен наговаривать, а это, может быть, вы от меня моих невест отколдовываете.

Передонов. Вывез... Мне не надо твоих невест, я могу и почище взять. У меня много невест. Вот сейчас пойду венчаться. Вернусь утром с женой, а тебя, Варвара, вон. Последний раз сегодня ночуешь.

Володин. Вы моему глазу лопнуть наговорили, только смотрите, как бы у вас раньше очки не лопнули.

Передонов *(испуганно хватаясь за очки)*. Что мелешь? Язык-то у тебя, как помело...

Варвара. Не ехидничайте, Павел Васильевич. Ишь, ехидник какой. Кстати зачуражился, Ардальон Борисыч...

Володин. Недаром я сегодня во снях видал, что меня медом мазали. Помазали вы меня, Ардальон Борисыч.

Варвара. Еще не так бы вас надо помазать.

Володин. За что же, позвольте узнать? Кажется, я ничего такого...

Варвара. За то, что язык у вас скверный. Нельзя болтать, что вздумается — в какой час молвится.

Передонов. Варвара, вошел кто-то в переднюю. Ни за чем не смотришь, ничего не видишь.

Варвара, крадучись, подходит к двери, глядит в нее и так же тихо возвращается.

Варвара. Почтальон. Надо ему водки дать — опять письмо принес.

Передонов. Что ж, мне водки не жалко.

Варвара. Почтальон, иди сюда.

Почтальон входит в горницу. Роется в сумке, притворяясь, что ищет письмо. Варвара наливает большую рюмку водки, отрезает кусок пирога и дает все это почтальону. Почтальон подает письмо Варваре.

Почтальон. Вам-с. Покорнейше благодарю. *(Выпивает, крякает, захватывает пирог и уходит).*

Передонов. Ты думаешь, Павлушка, это был почтальон?

Володин. А кто же, Ардальон Борисыч?

Передонов. Рыжий Валет. Он меня на днях под здоровый ремиз подвел. Опять, пожалуй, подведет. Да нет, я ему кукиш показал.

Володин. А мы и не видели.

Передонов. В кармане.

Варвара *(передавая нераспечатанное письмо Передонову).* На, прочти, Ардальон Борисыч. Кажется, опять от княгини. Расписалась, а толку мало. Чем писать, дала бы сразу место.

У Передонова дрожат руки. Он разрывает конверт и быстро читает письмо. Потом вскакивает с места, машет письмом и вопит.

Передонов. Ура... Три инспекторских места... Любое можно выбирать... Ура... Варвара, наша взяла...

Володин. Ура...

Передонов. Ура...

Пляшет и кружится по комнате. У него неподвижно красное лицо, тупые глаза. Похож на большую, заведенную в пляс куклу. Варвара ухмыляется.

Варвара. Ну, вот ты не верил, что без конверта. Хорошо, что это при тебе принесли, а то я, пожалуй, опять бы конверт куда-нибудь запсотила.*

Передонов. Не скули, Варвара. Теперь — решено — венчаемся. Русскую, Варвара.

Хватает Варвару за плечи и вертит ее вокруг стола, топоча ногами. Они пляшут.

Володин. Будущий инспектор трепака откалывает.

Передонов. Пляши, Павлушка...

---

* *Запсотила* — от *запсотить* (*псков.*) — убрать, спрятать; испакостить, изгадить.

Володин *(увидев выглядывающую из-за двери Клавдию)*. А, ты... Все вместе... Распотешим будущего инспектора. *(Хохоча и ломаясь, пляшет с Клавдией)*.

Рутилов *(в дверях)*. Картина...

Передонов. Клавдюшка, пошла вон... Платон Платонович, дружище... здравствуй. А у меня радость. Смотри — письмо.

Рутилов. Покажи, покажи, что за письмо...

Передонов. Читай. *(Показывает письмо, не выпуская его из рук)*.

Рутилов *(читая письмо)*. Везет же человеку.

Передонов. При мне почтальон принес. Сам я и распечатывал. Уж, тут, значит, без обмана.

Прячет письмо в бумажник, бумажник прячет в сюртук, сюртук застегивает и строго и значительно смотрит на Рутилова.

Рутилов. Что ты с ним чичкаешься?

Передонов. На всякий случай... Кто вас знает? Еще стянете.

Рутилов. Чистая Сибирь, у тебя это дело.

Передонов. Вот я буду инспектором. Вы тут киснуть будете, а у меня под началом два уезда будут. А то и все три. Ого-го. Я, брат, и тебя вытащу.

Мало-помалу собираются гости.

Передонов. Марфушка-то... *(Хохочет)*.

Грушина. Что вы заржали, Ардальон Борисыч?

Передонов. Нартанович, гимназист, своей сестре Марте платье подпалит — я ему посоветовал это сделать.

Грушина. Станет он палить, нашли дурака.

Передонов. Конечно, станет. Братья с сестрами всегда ссорятся. Когда я маленьким был, так всегда своим сестрам пакостил — маленьких бил, а старшим одежду портил.

Рутилов. Не все же ссорятся. Вот я с сестрами не ссорюсь и никогда не ссорился.

Передонов. Что ж ты с ними целуешься, что ли?

Рутилов *(спокойно)*. Ты, Ардальон Борисыч, свинья и подлец, и я тебе оплеуху дам.

Передонов. Ну, я не люблю таких шуток. У нее, у Марты, только и есть одно платье, черное.

Варвара. Вершина ей новое сошьет. К свадьбе все приданое сделает, красавица, инда лошади жахаются.

Преполовенская. Пора и вам венчаться. Чего ждете, Ардальон Борисыч? Уж если письмо получили, так тут что раздумывать...

Варвара. Да, уж ваша Геничка пусть другого жениха подождет.

Преполовенская. Что вы, Варвара Дмитриевна. Мы об этом и не думали. Мы всегда за вас были.

Передонов. Я решил венчаться. Только мы с Варварой не знаем, как венчаться надо. Что-то надо сделать, а я и не знаю что.

Преполовенская. Вот, дело нехитрое. Да если хотите, мы с мужем вам все устроим. Вы только сидите и ни о чем не думайте.

Передонов. Хорошо, я согласен. Только, чтоб все было хорошо и прилично. Мне денег не жалко.

Преполовенская. Уж все будет хорошо, не беспокойтесь.

Передонов. Другие из скупости покупают тонкие обручальные кольца, серебряные, позолоченые, а я так не хочу, а чтоб настоящие золотые. И я даже хочу вместо обручальных колец заказать обручальные браслеты — это и дороже и важней.

Все смеются.

Преполовенская. Нельзя браслеты, кольца надо.

Передонов. Отчего нельзя?

Преполовенская. Да уж так не делают.

Передонов. А, может быть, и делают. Это я у попа спрошу. Он лучше знает.

Рутилов. Уж ты лучше, Ардальон Борисыч, обручальные пояса закажи.

Передонов. Ну, на это у меня и денег не хватит. Я не банкир. А только я на днях во сне видел, что венчают и на мне атласный фрак, и у нас с Варварой золотые обручальные браслеты. А сзади два директора стоят, над нами венцы держат и аллилую поют.

Володин. Я сегодня тоже интересный сон видел. А к чему он — не знаю. Сижу это я, будто, на троне, в золотой короне, а передо мной травка, а на травке барашки, все барашки; все барашки — бе-бе-бе... Так вот все барашки ходят, и так головой делают, и все этак бе-бе-бе.

Грушина. Ну, что же дальше?

Володин. Ну, и все барашки, все барашки, а тут я и проснулся.

Передонов. Барану и сны бараньи. Важное кушанье — бараний царь.

Варвара. А я сон видела, так это при мужчинах нельзя рассказывать.

Грушина. Ах, голубушка Варвара Дмитриевна, вот-то в одно слово. И у меня тоже.

Рутилов. Расскажите — мы мужчины скромные, вроде дам.

Грушина. Нет, что вы, что вы... Ни за что нельзя.

Передонова дразнит Недотыкомка. Она прячется близко, показывается иногда, высовываясь из-под стола, из-за двери, и опять прячется. Как будто ждет чего-то.

Преполовенская. В шафера кого звать будете?

Передонов. Рутилова да Павлушку позову, да еще одного надо найти.

Варвара. Да куда их так много?

Передонов. Тебе, Варвара, одного будет, а мне двух надо. Мне одного мало — надо мною трудно венец держать. Я — большой человек. И ты мне, Варвара, теперь каждый день своих румян давай.

Варвара. Зачем же это?

Передонов. Мне надо каждый день подкрашиваться, а то еще подумают, что я дряхлый, и не назначат инспектором.

Варвара. Ну что ж, подкрашивайся. Мне-то что... Только венчайся скорей.

Передонов. Сам Верига красится, чтобы помоложе быть. Не могу же я с белыми щеками венчаться. И ты мне свой корсет дай.

Варвара. Да ты, Ардальон Борисыч, в мой корсет не влезешь.

Передонов. Надо было раньше купить, ничего не подумают.

Варвара. Да кто же мужчины носят корсет? Никто не носит.

Передонов. Верига носит.

Варвара. Так Верига — старик, а ты, Ардальон Борисыч, слава Богу, мужчина в соку.

Передонов. Конечно, я еще лет полтораста проживу.

Володин. За ваше здоровье, Ардальон Борисыч... Полтораста лет прожить, да двести на карачках проползать.

Недотыкомка выползает из-под стола. Визжит. В комнате темнеет. Все гости становятся похожими на призраки и понемногу исчезают, заменяясь бредовыми образами.

Передонов. Я тебя знаю. Ты, как только за меня замуж выйдешь, так на меня и донесешь, чтоб от меня отделаться. Будешь пенсию получать, а меня на Петропавловке смелют.

Варвара. Петрушку валяешь. Шел бы спать. И гости давно ушли, а ты все колобродишь, не спишь. *(Она уходит)*.

Гостей уже нет. На сцене образы бреда Передонова. Неясные страшные фигуры — короли, дамы, валеты: сначала они шепчутся, прячутся от Передонова. Потом становятся смелее, бегают, возятся, дразнят Передонова, кажут ему языки, корчат страшные рожи, растягивая рты.

Короли, Дамы, Валеты. Директор Ардальон Борисычу козни строит. Директор г-на Передонова в ложке воды утопит.

— Утопит. Как пить дать, утопит.

— Он приказывает гимназистам не почитать Ардальона Борисыча.

— Показывать языки г-ну Передонову...

— Вот так.

Около Передонова кружатся десятки и девятки, показывая ему языки.

— Есть и другие в городе лица, которые враждебны Ардальон Борисычу.

— Есть, например, Володин. Все повторяет «будущий инспектор».

— Ясное дело — завидует.

— Ведь бывали же случаи, что люди присваивали чужое имя и жили в свое удовольствие.

— И еще Рутиловы, Вершина со своей Мартой, сослуживцы из зависти — все рады повредить г-ну Передонову.

— А как же можно повредить такому хорошему человеку, как Ардальон Борисыч?..

— Ясное дело, опорочат его в глазах у начальства, выставят человеком неблагонадежным.

Пиковая дама с папироскою во рту, от которой распускается густой дым, принимает вид Вершиной и проходит перед Передоновым.

— Женились бы на моей Марте, я бы от вас всех врагов отколдовала.

Недотыкомка. А что теперь твоя Варвара делает?

Передонов. Не знаю.

Варвара *(из спальни)*. Ложись спать, Ардальон Борисыч. Что ты впотьмах бродишь?

Недотыкомка. Слышишь, спать тебя посылает. А как только заснешь, она колдовать на картах станет. Видишь, всех мастей тут ходят.

Передонов. Я карты отниму, к себе под подушку спрячу.

Недотыкомка. Она и без карт умеет.

Передонов. Как без карт?

Недотыкомка. Вот под кроватью кот жмется и сверкает зелеными глазами. На его шерсти можно колдовать, гладя кота в темноте, чтобы сыпались искры.

Передонов. А ты здесь зачем, тварь?

Недотыкомка. Меня Варвара подсвистывает по ночам тихим свистом. Ты думаешь, она храпит, а это она меня подзывает на твою погибель.

Доносчик *(из-за стены)*. Ты меня не видишь, а я тебя вижу и о всем донесу.

Передонов. Накрою.

Доносчик. Убегу.

Передонов. Убью.

Доносчик. Нас много, целая армия. Одного убьешь, всех не убьешь.

Короли, Дамы и Валеты. Ты у Вершиной чаю не пей — отравит.

— Отравить всего легче — сам выпьешь и не заметишь.

— Яд сладкий бывает. А домой придешь — и ноги протянешь.

— Ты думаешь, с проста ума у тебя Рутилов курит?

— Вот погоди, спичку заронит, дом сожжет, и ты сгоришь.

— А Володин-таки умеет бараном оборачиваться. Это тоже не спроста.

— Здесь нехороший город.

— И люди здесь злые, скверные.

Пиковая дама. Хороший мужчина, пойдем со мной.

Передонов. Пошла прочь.

Пиковая дама. Нет, ты меня не гони. Я — княгиня Волчанская. Я тебя очень люблю. Хорошенький мужчина, папашка, пойдем со мной.

Передонов. Убирайся.

Пиковая дама. Очаровательный кавалер, не скупитесь, пожалуйста, поставь мне хоть полбутылочки портвейну. Куда же ты, папашка? Да, нет, шарлатан, ты от меня не уйдешь.

Передонов. Пошла, пошла прочь, проклятая.

Варвара *(выходя из спальни)*. Что ты орешь? Ардальон Борисыч? Спать не даешь...

При свете свечки, которую Варвара держит в руках, призраки бреда бледнеют и понемногу исчезают. Передонов боязливо озирается.

Передонов. Пиковая дама ко мне лезет в тиковом капоте.

Варвара. Пил бы меньше, так и не мерещилась бы всякая чертовщина. Пойдем в спальню — я тебе капель дам.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Квартира Передонова. Варвара и Грушина.

Грушина. Добились вашей цели, так и молчали бы. А то, точно вас за язык кто дергал — и болтали, и болтали.

Варвара. Что вы петрушку валяете? Я никому и не думала говорить.

Грушина. От кого же все узнали? Я-то уж никому не скажу, не такая дура.

Варвара. И я никому не говорила.

Грушина. Вы мне письмо отдайте, а то начнет разбирать, так и по почерку признает, что письмо поддельное.

Варвара. Ну, и пусть узнает! Эка важность. Стану я на такого дурака смотреть.

Грушина. Вам хорошо говорить — вы свое получили, замуж вышли — а меня из-за вас в тюрьму посадят. Нет, уж как хотите, а письмо мне отдайте. А то ведь и развенчать можно.

Варвара *(нагло подбочась)*. Ну, уж это, ах оставьте. Уж теперь хоть на площади публикуй, венец с головы не свалится.

Грушина. Ничего не оставьте! Такого нет закона — обманом венчать. Если Ардальон Борисыч все дело по начальству пустит, до сената, так и разведут, будьте даже очень спокойны.

Варвара. Да чего злитесь, достану вам письмо. Нечего бояться — я вас не выдам. Разве я такая скотина? Душа-то и у меня есть.

Грушина. Ну, какая там душа... Что у пса, что у человека, один пар, а души нет. Пока жил, пота и был.

Варвара. Он письмо всегда при себе носит, в бумажнике, а ночью бумажник под подушку прячет. Да уж я позабочусь, чтобы он сегодня хорошенько выпил. Заснет — я вытащу. Скажу, коли хватится, что сам потерял.

Грушина. Так я завтра зайду. Уж вы непременно мне его завтра отдайте. Я больше ни одного дня ждать не стану. Уж вы сами понимаете, голубушка Варвара Дмитриевна, что если письмо останется у него, так мне большая неприятность может быть. И то на меня исправ-

ник злится, зачем гадаю. Ну, до свидания, голубушка Варвара Дмитриевна.

Варвара. Приходите завтра — уж получите письмо. *(Уходит, провожая Грушину).*

Из передней слышны голоса вновь пришедших. Передонов приоткрывает дверь из передней и заглядывает в комнату. На его лице тупой ужас. Ему кажется, что кто-то очень быстро пробежал по комнате и спрятался за шкапом.

Передонов (*бормочет*). Соглядатай. *(Захлопывает дверь).*

Сцена некоторое время пуста. Дверь опять слегка приоткрывается — Передонов приник глазом к узкой щели. Комната темнеет. Недотыкомка юлит. Едва видны смутные фигуры. Они шепчутся.

— Надо его теперь подловить... пока он еще бумаги не получил.
— Да тогда уж поздно будет.
— Тогда он уедет в другой город и будет там начальником.
— Тогда уж нас к нему не пустят.

Вдруг дверь из передней открывается. На сцене опять светло и обыкновенно. Входят Володин, Преполовенская, Передонов и Варвара.

Преполовенская. Что это вы, Ардальон Борисыч, все еще на ваше место инспекторское не едете?

Варвара. Вот получим бумагу и поедем.

Преполовенская. Что-то уж долго бумага не приходит. Княгиня-то вам обещала сразу после свадьбы, а уж больше месяца прошло.

Передонов. Да вот поди ж ты. Обещала скоро, а заставляет ждать.

Преполовенская. Уж очень вы просты, Ардальон Борисыч.

Передонов. Вовсе я не прост. Я — кандидат университета и статский советник.

Преполовенская. Вот и кандидат, а уж кто захочет, тот сумеет вас обмишулить.

Передонов. Я сам всякого обмишулю.

Преполовенская. А вот княгиня-то вас за нос водит.

Рутилов *(входя).* Кто кого за нос водит?

Преполовенская. Да вот Ардальон Борисыч все еще бумаги ждет насчет места-то обещанного. Вот я и думаю, не водит ли его княгиня за нос?

Варвара. Ничего не водит. Ведь это не простое место, не так просто его получить.

Передонов. Да бумаги все еще нет. Это мне не нравится. Я хочу поскорее отсюда уехать. Здесь нехороший город. И директор все ко мне придирается. Варя, я сам напишу княгине.

Варвара. Что ты, разве можно?

Передонов. А что ж?

Варвара. Разве не знаешь аристократов? Жди, сами сделают, что надо. А напоминать станешь, обидятся. Хуже будет. У них гонору-то сколько! Они гордые, любят, чтобы им верили.

Преполовенская. А по-моему, написали бы вы, Ардальон Борисыч, и в самом деле. Напомнили бы, а то княгиня о вас, пожалуй, и позабыла.

Передонов. А вдруг она обозлится?

Володин. Я так полагаю, Ардальон Борисыч, что как Варвара Дмитриевна говорят, что княгиня не любят, чтобы им напоминали, и что они сами сделают, что можно, и так как Варвара Дмитриевна лучше знают княгиню, то надо еще подождать, а потом уже, поздравляя, например, с Новым годом, и напомнить вежливо, что, как ваше сиятельство обещали мне место, то в каком смысле это понимать, и могу ли я быть в скорой надежде. Я так изволю думать, а впрочем, как вам угодно.

Передонов. Княгиня... Знаю я ее...

Рутилов. Откуда же ты ее знаешь, Ардальон Борисыч? Ведь ты сам рассказывал, что и не видел ее.

Передонов. Этот раз не видел. А раньше я ее часто видел. Я прежде был ее любовником.

Рутилов. Да что ты...

Передонов. Она мне платила большие деньги. Только я их пропил. Куда мне их к дьяволу. Она еще мне обещала пенсию по гроб жизни платить, да надула.

Рутилов. А ты бы брал?

Володин. А отчего же не брать, если она богатая. Она изволила пользоваться удовольствиями, так должна и платить за это.

Передонов. Добро бы красавица... Рябая, курносая. Только что платила хорошо, а то бы и плюнуть на нее, чертовку, не захотел. Она должна исполнить мою просьбу.

Рутилов. Да ты врешь, Ардальон Борисыч.

Передонов. Ну вот, вру. А что она платила-то мне, даром, что ли. Она ревнует к Варваре, потому мне и места не дает так долго.

Она старее поповой собаки. Только вы смотрите, никому не болтайте. До нее дойдет, худо будет. Она мажется и поросячью молодость себе в жилы пускает. И не узнаешь, что старая. А уж ей сто лет?

Рутилов. А ты, Ардальон Борисыч, помнишь басню Крылова «Лжец»?

Передонов. Помню. Мы ее на днях в классе разбирали.

Рутилов. Так как же ты не боишься такое говорить?

Передонов. А что?

Рутилов. Смотри, Ардальон Борисыч, пойдешь через мост, провалишься.

Передонов. Я и то беру лодку.

Рутилов *(с хохотом)*. Ага, признался, что соврал.

Передонов. Про княгиню я правду говорю, только вдруг не поверит да и провалится к чёрту. Вот ждем директора. Мы с Варварой им визит делали. Теперь они должны прийти. Вот только не идут что-то.

Варвара. Погоди, придут уже как-нибудь в праздник.

Передонов. Мадеры для директора купили. *(Вынимает из шкапика бутылку мадеры и показывает ее)*.

Рутилов. Что снаружи смотреть — не вкусно. Ты нас угости дорогой-то мадеркой.

Передонов. Ишь ты, чего захотел... А что же я директору подам?

Рутилов. Директор водки рюмку выпьет.

Передонов. Директору нельзя водку пить. Директору мадера полагается.

Рутилов. А если он водку любит?

Передонов. Ну, вот еще... Генерал водки любить не станет.

Рутилов. А ты нас все-таки угости.

Передонов *(пряча мадеру)*. Княгиня... На базаре гнилыми яблоками торговала, да князя и обольстила.

Рутилов. Да разве князья по базарам ходят?

Передонов. Да уж она сумела приманить.

Рутилов. Сочиняешь ты, Ардальон Борисыч, небылицу в лицах. Княгиня — знатная дама, аристократка.

Володин. Это ничего что аристократы. От аристократов всего можно ожидать.

Недотыкомка юлит вокруг, беззвучно смеется, вся трясется от смеха.

Недотыкомка. Княгиня на тебя тоже доносит.

Передонов. Зачем?

Недотыкомка. Чтобы избавиться от своих обещаний. Да и злится. Ты повенчался с Варварой, а княгиня сама в тебя влюбилась.

Передонов. Врешь!

Недотыкомка. Потому она и окружила тебя соглядатаями. Они всюду следят за тобою. Обступили тебя так, что уже нет тебе ни воздуха, ни света. Недаром она знатная. Все может, что захочет.

Володин. Что ты, Ардаша, сам с собою разговариваешь?

Передонов. Ты его не пускай, Варвара.

Варвара. Вот станет он меня спрашиваться. Клавдюша его спрячет.

Передонов. Прогони Клавдюшку, найми другую.

Варвара. А к другой, думаешь, она не присыкнется?* Уж прислуга без воздахторов** да без ухажеров не живет.

Передонов. Да, от него не спрячешься. Иногда он даже оборотнем живет. Ты думаешь, это просто — кот, ан врешь. Это жандарм бегает. От кота никто не таится, он все и подслушивает.

Рутилов. Смотри-ка, Ардальон Борисыч, к тебе директор с женою приехали.

Передонов. Врешь...

Варвара *(взглянув в окно)*. Ах, батюшки-светы... А я-то в затрапезе... Вот-то не ждала. Переоденусь, а ты, Ардальон Борисыч, принимай гостей. *(Идет в спальню переодеваться)*.

Передонов выходит в переднюю. Скоро возвращается, и с ним Хрипач и г-жа Хрипач. Они здороваются с гостями Передонова.

Передонов. Варвара сейчас. Она одевается. Она стряпала. У нас прислуга новая. Не умеет по-нашему. Дура набитая.

Г-жа Хрипач тихо разговаривает с Преполовенскою, Рутиловым и Володиным. Хрипач и Передонов стоят вместе в стороне. Разговаривают вполголоса.

Передонов. Мне в канцелярии сказали, что вам опять на меня нажаловались.

Хрипач. Да, и все на ту же прискорбную тему, относительно которой я уже имел с вами не очень приятный для нас обоих разго-

---

* *Присыкнется* — подольстится, привяжется.

** *Воздахторы* — воздыхатели.

вор. Мне передавали, что вы были у нотариуса Гудаевского с жалобами на его сына, поведение которого не дает достаточно поводов для жалоб.

Передонов. Он сорванец.

Хрипач. Произошло неприятное объяснение. Вечером, когда Гудаевский был в клубе, вы явились вторично и убедили его жену высечь мальчика.

Передонов. Она сама меня позвала.

Хрипач. Пусть так, но последствия были весьма неприятные не только для вас, но и для репутации гимназии. На днях, как мне передавали, Гудаевский в клубе, при многих свидетелях, нанес вам оскорбление действием. Прибавляют еще некоторые подробности, которые мне кажутся даже неправдоподобными при всем том, что вы уже приучили нас к большой эксцентричности вашего поведения.

Передонов. Может быть, вам наврали.

Хрипач. Надеюсь. Упасть под билиард и притвориться пьяным до беспамятства, это уж слишком остроумно.

Передонов. Что ж такое? Он дерется, а разве это позволяется? Он не имел никакого права мне в рожу заехать. Он в церковь не ходит, в обезьяну верует, и сына в ту же секту совращает. На него надо донести, он — социалист.

Хрипач. Все это — не наше дело. И я совершенно не понимаю, что вы разумеете под оригинальным выражением «верует в обезьяну». По моему мнению, не следовало бы обогащать историю религии вновь изобретаемыми культами. Относительно же нанесенного вам оскорбления я думаю, что вам следовало бы привлечь его к суду. А самое лучшее было бы для вас — оставить нашу гимназию. Это был бы наилучший исход и для вас лично, и для гимназии.

Передонов. Я инспектором буду. Мне обещали.

Хрипач. До тех же пор, еще раз повторяю, и надеюсь, в последний раз, вам следует воздержаться от этих странных прогулок. Согласитесь сами, что такое поведение роняет достоинство учителя в глазах учеников. Ходить по домам сечь мальчиков... *(Пожимает плечами)*.

Передонов. Что ж такое? Я для их же пользы...

Хрипач. Пожалуйста, не будем спорить. Извините, что я говорю все это в вашем доме, но вы сами пожелали начать это объяснение, для меня, поверьте, во всяком случае очень тягостное. Но вот и ваша супруга.

Выходит Варвара с красным, испуганным лицом, кое-как одетая. Сует гостям руку. Говорит дрожащим от волнения голосом.

Варвара. Уж извините, что заставила ждать. Не знали, что вы в будни пожалуете.

Г-жа Хрипач. Я редко выезжаю в праздник. Пьяные на улицах. Пусть прислуга имеет себе этот день.

Варвара. Вот, а мы-то вас все в праздник поджидали. Уж все у нас с визитом были. Ну, вот и вы к нам пожаловали. Николай Васильевич, Варвара Сергеевна! Прошу любить да жаловать.

Г-жа Хрипач. Очень рада приветствовать вас в вашем доме.

Варвара. Все мамзелью была, а вот и мадамою стала. Мы с вами тезки, я — Варвара и вы — Варвара, а не были знакомы домами. Пока мамзелью была, все больше дома сидела, — да что ж все за печкой сидеть.

Г-жа Хрипач. Конечно.

Варвара. Теперь мы с Ардальон Борисычем будем открыто жить. Милости просим, мы к вами, вы к нами — мусью к мусьи, мадам к мадами.

Г-жа Хрипач. Только вам здесь недолго, кажется, придется жить. Ваш муж, я слышала, переводится.

Варвара. Да, вот скоро бумага придет, мы и поедем. А пока бумага не пришла, надо еще и здесь пожить покрасоваться.

Рутилов. А уж мы думали, что Ардальон Борисыч на барышне Пыльниковой женится.

Г-жа Хрипач. Какая это Пыльникова?

Рутилов. А это гимназист ваш один, про которого кто-то сочинил, будто это барышня переодетая.

Г-жа Хрипач. Да, я слышала что-то об этом. Какая глупая выдумка...

Преполовенская. А уж Варвара Дмитриевна боялась, что эта барышня хочет обольстить Ардальон Борисыча.

Передонов. Ну да... Что ж мне на всякой жениться. Мне протекция нужна.

Рутилов. А все-таки, как же это у тебя с барышнею Пыльниковой разошлось? Ведь ты за нею ухаживал? Она тебе отказала?

Передонов. Я ее еще выведу на чистую воду.

Г-жа Хрипач. Позвольте с вами проститься.

Варвара. Да что ж вы так скоро собрались? И разговориться не успели, как следует.

Г-жа Хрипач. Извините, когда-нибудь в другое время. Нам надо еще в одном месте побывать.

Хрипач и г-жа Хрипач прощаются и уходят. Передонов и Варвара их провожают.

Рутилов. Ждет Ардальон Борисыч места. Да вряд ли дождется?

Преполовенская. Почему же вы так думаете, Платон Платонович?

Рутилов. Да говорят, что Варвара его одурачила.

Преполовенская. А как же княгини письма?

Рутилов. Да говорят, что она сама их подделала. Да уж будто вы не знаете.

Преполовенская. Да, я тоже что-то такое слышала.

Рутилов. Ловко одурачили.

Возвращаются Варвара и Передонов.

Варвара. Ну, слава Богу, ушли. А то я и не знаю, что и говорить-то с ними. Что значит, что мало-то знакомые люди... Не знаешь, с какой стороны к ним и подъехать.

Рутилов. Пригласили они вас на свои журфиксы?

Варвара. Нет, ничего не говорили.

Рутилов. Как же они так?

Преполовенская. Высоко себя ставят. Визит отдали, а с домами знаться не хотят.

Варвара. Ну, как не хотят. А что не сказали, так они карточку пришлют, с расписанием, когда ходить к ним надо. У этих господ на все свое время назначено.

Володин. Так как они изволят быть аристократами, то у них свои порядки, и все по расписаниям, а не так, как у нас, на огонек заходим, а хозяева, милости просим, завсегда рады.

Варвара. Вот бы мне теперь надо по-французски насобачиться, а то я по-французски ни бе, ни ме.

Клавдия (*входя*). Письмо барину почтальон принес. (*Отдавши письмо, уходит*).

Рутилов. Что, Ардальон Борисыч, бумага?

Передонов. Здешнее письмо, по городской почте.

Варвара. От кого же письмо-то? Что-то чудно — у нас никто по городской почте не пишет. Зачем? Прислугу послать можно, чем три копейки платить.

Передонов. Письмо, а от кого — неизвестно. Без подписи. И что написано, не пойму.

Преполовенская подмигивает Рутилову и улыбается лукаво. Видно, что письмо от нее.

Рутилов. А ты нам прочти. Мы поймем, может быть.

Передонов (*читает письмо*). Та княгиня, что вам писала письма, поищите, не здесь ли живет.

Рутилов. Ловко.

Преполовенская. Ай да княгиня...

Варвара. Уж верно, это написала какая-нибудь дрянь из зависти, что не на ней Ардальон Борисыч женился.

Рутилов. Правда?

Варвара. Конечно, какая-нибудь подлая тварь.

Преполовенская. Что ж вы так ругаетесь, Варвара Дмитриевна?

Варвара. А вам-то что? Ведь не вас ругаю. Ведь не вы же это письмо писали?

Передонов. Варя, где княгиня? Вот пишут, что она сюда приехали.

Рутилов (*Преполовенской*). По-своему понял Ардальон Борисыч.

Преполовенская (*Рутилову*). Погодите. Поймет.

Варвара (*Передонову*). Может быть, и приехала. Ей что ж, не трудно. Взяла да и приехала.

Передонов. Где же она?

Варвара. Почем же я знаю, где теперь живет княгиня?

Передонов. Врешь, знаешь.

Варвара. Ну, вот еще. Может быть, и в самом деле уехала куда из Питера, почем же мне знать? Она ведь у меня не спрашивается.

Передонов. А может быть, и в самом деле сюда приехала?

Варвара. Может быть, и сюда приехала. В тебя втюрилась, приехала полюбоваться.

Передонов. Врешь... Да неужто втюрилась.

Рутилов. В тебя, Ардальон Борисыч, все влюбляются.

Варвара злорадно смеется. Недотыкомка визгливо ей вторит.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Маскарад в общественном собрании (городском клубе). В глубине сцены, за широкою аркою, танцевальный зал. Перед ним гостиная. Справа часть столовой, со столиками. Слева — площадка выходной запасной лестницы, наглухо отделенная от гостиной и полуосвещенная. Обстановка зала, столовой и гостиной производят впечатление неопрятности и заношенности. Потолки невысокие; стены закоптелые, как и потолки; кривые люстры кажутся громадными, тяжелыми, отнимающими много воздуха. У дверей полинялые занавесы.

Гостей много. Почти все наряжены. По большей части в разные самодельные и нелепые костюмы. Много мужчин под хмельком. То здесь, то там собираются толпы, слышатся восклицания и смех — ходят за наряженными в костюмы, которые привлекают общее внимание.

Гости:
— Это зачем же мне дали два билетика?
— Ну вот, будто не читали в афишах?
— Я приезжий.
— Видите, это для присуждения призов. Один билетик розовый, вы дадите той маске, у которой лучший женский костюм.
— Значит, я должен выбрать, какой мне больше понравится, тому и отдам?
— Вот, вот.
— Себе можно взять?
— Зачем себе?
— А если, по-моему, мой костюм самый лучший?
— А, вот что... Ну что ж, конечно, ведь спрашивать не станут, кому вы свой отдали. Хоть оба себе оставьте.
— Вот придумали тоже.
— Да, право...
— Ну, и приз...
— Да вначале-то говорили, что даме дадут за лучший костюм корову, а мужчине — велосипед.
— Вот это я понимаю. Вот это призы.
— А, срам сказать: веер — даме, альбом — мужчине.
— Стоило тратиться на костюмы.
— Это просто насмешка, такие призы.
— Должны были сразу объявить.
— Это только у нас возможно делать такие вещи с публикой.

— Ну, все-таки какой-нибудь приз, а получить лестно.

Дарья (наряжена *Турчанкой*). И вовсе не лестно. Хоть бы и корову дали — нужна она мне?

Людмила (наряжена *Цыганкою*). Да и кто будет присуждать призы. Какой у них вкус?

Дарья. Ну, смотрите же, помните уговор — все билетики, которые нам дадут, Саше передать.

Валерия (наряжена *Испанкою*). Да уж ладно. Людмилочкин дружок...

Людмила. Ты, Саша, смелее. За нас не прячься. Никто тебя не узнает.

Саша (наряжен *Гейшею*). Да я и не боюсь. Только как бы парик не свалился.

Людмила. Не свалится. Иди в залу, показывайся всем. Глядите-ка, уж на него засматриваются.

Варвара (наряжена *Кухаркою*). Что же это у вас за костюм, Марья Осиповна?

Грушина *(в очень легкой одежде)*. Диана.

Варвара. Что же вы ошейник не надели?

Грушина. Зачем мне ошейник?

Варвара. Да как же? Собакой Дианкой вырядиться вздумали.

Грушина. Ну, вот придумали. Вовсе не Дианка, а богиня Диана. Да разве я на собаку похожа?

Варвара. Голо уж очень.

Грушина. Зато все мужчины так за мной и тянутся.

Варвара. А что же складок так много?

Грушина. Конфект напихать можно для моих чертенят.

Людмила *(брату, проходя)*. Смело открылась и какое красивое тело... А на коже — блошьи укусы, ухватки грубые, слова пошлые.

Рутилов. Снова поруганная телесная красота.

Передонов. Ты думаешь, Платон Платонович, этот маскарад для чего затеяли? Нарочно, чтобы меня подловить.

Рутилов. Зачем же ты сюда пришел? Да еще и не замаскировался, в сюртуке.

Передонов. Чтобы видеть самому, какие злоумышления затеваются.

Нотариус Гудаевский изображает дикого американца. В волосах — петушьи перья, маска медно-красная с нелепыми зелеными разводами, кожаная куртка,

клетчатый плед через плечо, кожаные высокие сапоги с зелеными кисточками. Он машет руками, прыгает, ходит гимнастическим шагом, вынося далеко вперед сильно согнутое голое колено. Кричит зычно.

Гудаевский. Гайавата... Маловато... Ай да вата... Томагаук... Уф... Уф... Уф... Мокасины... Апельсины... Керосины... Ориноки... Око...

Гудаевская наряжена *Колосом*. Пестрое платье из зеленых и желтых лоскутьев. Во все стороны торчат натыканные повсюду колосья. Они всех задевают и колют. Ее дергают, ощипывают.

Гудаевская. Свиньи. Нахалы... Царапаться буду...
Гости: Откуда она столько колосьев набрала?
— С лета запасла.
— Каждый день в поле воровать ходила.
Гудаевская. Врешь... Не тронь... Укушу... Американец, двинь ему в морду...
Безусый чиновник. Неужели вам не нравится костюм *Колос*?
Скромный гость. Да как вам сказать.
Безусый чиновник. Честное слово, это лучший костюм. Вы ей хотите отдать ваш розовый билетик?
Скромный гость. Да я, право, еще не знаю.
Безусый чиновник. Давайте мне, я ей передам.

Вырывает из рук скромного гостя билетик и убегает. Скромный гость стоит в нерешительности.

Унылая дама (наряженная *Ночью*). Дайте мне ваш билетик.
Передонов. Что ты... Билетик тебе? Рылом не вышла.

Ночь сердито ворчит и отходит.

Гости:
— *Медведица*, *Медведица* идет... Умора...
— Поднести бы ей водочки...

Учительница Скобочкина наряжена *Медведицей*. На плечах — медвежья шкура. На голове сверх полумаски положена медвежья голова, как шлем. Сложение дюжее, голос зычный. Ходит тяжело и рявкает на весь зал.

Скобочкина *(Передонову)*. Я тебя съем, доносчик.
Передонов. Караул...

Бежит, натыкается на Гудаевского.

Гудаевский. Белолицый брат, доносчик, бойся моего томагавка. *(Бежит в зал).*

Хохот. Скобочкину окружают купчики. Ведут к буфету.

Гости:
— Мадам *Медведица*, дозвольте угостить вас водочкою.
— Марья Потаповна, г-жа Топтыгина, опрокиньте шкалик.
— Берет... берет...
— Поглядите-ка, *Медведица* водку дует...
— А ведь ей, пожалуй, приз дадут.
— Ну где там? Есть и получше маски...
— Вон она рюмку за рюмкой дует — охмелеет.
— Да уж не без того...
— Какие ей билетики дадут, она и те растеряет.
— Это вы правильно. Пьяная баба, уж известно.
— Бабу подпоить не трудно.
— Не стоит ей и билетиков давать — все равно проворонит.
— Глядите, глядите, какой молодец.
— Ну, и дюжий парень... А руки-то. Вот так мускулы... Этот облапит — не обрадуешься.

Проходит актер Бенгальский, одетый *Древним Германцем.*
За ним толпятся дамы.

Дамы:
— Какой богатырь... Душка... Восхищение...
— Ах, взглянуть бы на личико...
— Ах, какая прелесть... А вы знаете, кто это?
— Кто — актер Бенгальский.
— Я сразу узнала, только не хотела говорить.
— Обожаемый... Несравненный...
— Вы ему, конечно, отдадите билетик.
— Конечно, ему. — Я ему уже отдала свой билетик.
Гости:
— Да уж лучше актеру давать.
— Я тоже думаю лучше актеру или актрисе давать. А то, если кто из наших получит приз, так хвастовством замучат.
— Истинная правда... Уж у нас такой город...

Гудаевский. Гайавата... Бледнолицые братья... давайте мне ваши билеты, если хотите курить со мной трубку мира.

Гости:
— А вы знаете, как Каштанова наряжена?
— Да разве она здесь?
— Здесь — а говорили, у нее сын болен.
— Ну, актриса посмотрит на сына... Нет, это я верно знаю, что она здесь... Сам сейчас с нею разговаривал.
— Да что вы... Кокетничает напропалую.
— А как наряжена-то.
— Да вон, глядите, *Гейша*...
— Как она мила... Очаровательна...
— Господа, господа, собирать билетики *Гейше*.
— Гайавата... *Колос* лучше *Гейши*...
— Господа, кому дороги интересы искусства, сыпьте билетики *Гейше*.
— Интересы искусства приплел...
— А вы не толкайтесь...
— А это что за голышка...
— Вот так-так...
— Ну и выголилась...
— Гайавата... Головата...
— Аванпостищи то у нее какие...
— А спина-то, спина...
— А спина-то, спина, до самого пояса голая...
— Да никак на ней и рубашки нет...
— Ну, какая там рубашка...
— Эк, вы, батенька, чего хватились...
— Кому дороги интересы искусства...

Дамы:
— Что за безобразие...
— Какая неприличность...
— Возмутительно...
— Но чего же смотрят старшины...
— Надо протестовать...
— Мы протестуемся...
— У меня здесь дочь-барышня...

Пьяный купчик. А вы бы, сударыня, вашей дочке-барышне не велели смотреть, а мы желаем. Потому что интересы искусства. Что у вас дочка — барышня, это нам нисколько даже не трогательно, и наплевать.

Пожилая дама. Нахал... Я с вами говорю...

Пьяный купчик. Между прочим, маменька, такие слова никак невозможно произносить в публичном месте, — мирошка у нас — человек строгий, а не дозволяет.

Пожилая дама. Я не желаю с вами разговаривать.

Пьяный купчик. При взаимном желании. Адью-с... Вашей дочке, барышне, наилучшие пожелания. И не сердитесь потому, как я человек пьяный и еще выпить желающий.

Пожилая дама. Что здесь за публика... Это бедлам какой-то...

Гости:

— Лорнет растопырила...

— Столичная барыня...

— Здешняя публика ей не по носу...

— Ехала бы в Париж... Там бы тебе показали виды.

— Именно, брат, почище наших.

— А, между прочим, исправнику дамочки пожаловались.

— Исправник идет...

— Голышку одевать...

Миньчуков. Сударыня, прикрыться надо.

Грушина. А что же такое? У меня ничего неприличного не видно.

Миньчуков. Сударыня, дамы обижаются...

Грушина. Наплевать мне на ваших дам...

Миньчуков. Нет уж, сударыня, вы хоть носовым платочком грудку да спинку потрудитесь прикрыть.

Грушина. А если я платок засморкала?

Миньчуков. Уж как вам угодно, сударыня, а только, если не прикроетесь, удалить придется.

Грушина. Очень даже нехорошо с вашей стороны так притеснять бедную вдову... Где я стану закрываться?

Миньчуков. Пожалуйте в дамскую уборную...

Грушина. Чёрт знает что такое... объявили костюмированный бал, и костюмироваться нельзя, как хочешь.

Тишков. Я билетик мой отдам прелестнейшей из дам.

Саша *(приседая)*. Хи... Хи... Благодарю...

Тишков. Все от вас, сударыня, в ажитации, а сами вы какой будете нации?

Саша. Японка.

Тишков. Имею честь говорить с японкой, барышней тонкой. Позвольте угостить шампанским.

Саша. Не пью.

Тишков. Не пьете, значит не живете в заботе, с чем имею честь поздравить.

Володин пляшет вприсядку.

Старшина. Не извольте безобразничать. Так нельзя-с.
Володин. Ну, если нельзя, то я и не буду.
Мещанин. А я желаю вздельвать...

Пляшет трепак с ожесточением.

Старшина. Послушайте, нельзя-с... потрудитесь прекратить. Вам ли говорю, милостивый государь?
Гости:
— Ну, этого не легко унять.
— Старшина-то, аж покраснел, сердяга...
— Покраснеешь с таким субъектом.
— Лакеев кликнул.
— Давно бы так.
— Выводит.
— И поделом...
Мещанин. По какому праву? За свой полтинник?

Его выводят. Володин провожает кривляясь, осклабясь, приплясывая.

Гости:
— Новая маска... Ужасно оригинальная...
— Ну, эта, кажется, получше всех будет...
— Ай да маска...

Шум, хохот, одобрительные восклицания. Все теснятся взглянуть на новую маску. Среди толпы проходит тощий, длинный, в заплатанном, засаленном халате, с веником под мышкой, с шайкою в руке. На нем картонная маска — глупое лицо с узенькою бородкою, с бачками, а на голове фуражка.

Маска. Мне сказали, что здесь маскарад, а здесь и не моются.
Володин. Приз, поди, получит.
Грушина *(показывает Володину пару персиков, шепчет)*. Сама промыслила.
Володин. В буфете?
Грушина. Да.
Володин. Ну... Пойду и я, коли так...

Грушина. Ну, вот я и закрылась... А кавалеров все-таки у меня больше, чем у этих дамочек.

Гости:

— Веселая дама Дианка...

— Из буфета, да и опять туда же...

— А что ей и делать?

Людмила *(подходя к Передонову)*. Барин мой милый, дай я тебе погадаю.

Передонов. Пошла к чёрту... Испугала... из-под земли выскочила...

Людмила. Барин хороший, золотой мой барин, дай мне ручку левую. По лицу вижу, богатый будешь, большой начальник будешь.

Передонов. Ну, смотри, да только хорошо гадай. Мне место нужно. Княгиня обещала, да все не дает, не могу дождаться.

Людмила. Княгиня в тебя влюбилась. Она все для тебя сделает — только враги против тебя интригуют.

Передонов. А где княгиня? Правда, что она в наш город приехала?

Людмила. Правда, правда, яхонтовый мой барин. Ай, барин мой бриллиантовый... врагов у тебя много.

Передонов. Это я и сам знаю. Недаром нож с собою взял — в кармане держу.

Людмила. Донесут на тебя, плакать будешь, умрешь под забором.

Передонов. Ах ты, тварь... *(Выдергивает руку)*.

Людмила проворно скрывается в толпе. Недотыкомка, которая все время неясным обликом маячила около Передонова, теперь является в своем настоящем виде, визжит, катается, издевается над Передоновым.

Недотыкомка. Донесут... Погубят... Отравят... А то в Петропавловке на мельнице смелют и в Неву высыплют.

Рядом с Передоновым садится Валерия. Смотрит на него притворно ласково.

Валерия.

Я испанка молодая,
Я люблю таких мужчин.
А жена твоя худая,
Мой прелестный господин...

Передонов. Врешь, дура...

Валерия.

Жарче дня и слаще ночи
Мой севильский поцелуй,
А жене ты прямо в очи

Очень глупые наплюй.
У тебя жена Варвара,
Ты — красавец Ардальон.
Вы с Варварою — не пара —
Ты умен, как Соломон.

Передонов. Это верно ты говоришь. Только как же я ей в глаза плюну? Она княгине пожалуется, и мне места не дадут.

Валерия. А на что тебе место? Ты и без места хорош.

Передонов. Ну да, как же я могу, если мне не дадут места?

Маска *(обмахиваясь веником)*. Вот так банька.

Передонов. Вон там у него Недотыкомка. Позеленела, шельма.

Недотыкомка *(юлит около Передонова)*. Я здесь. Я от тебя никуда не уйду.

Становится мглисто и кошмарно. В зале танцуют. Слышен топот, смех. Проносятся уродливые пары и отдельные маски.

Недотыкомка. Ты не зевай. Сегодня все решится.

Танцующие мчатся мимо Передонова. Кажутся ему злыми, издевающимися над ним.

Варвара. Ардальон Борисыч, ты бы нас с Павлом Васильевичем ужином угостил. А то теперь нечего смотреть-то будет. Сейчас будут призы присуждать, уж старшины в кабинет пошли.

Передонов. Я угощу, мне не жалко, только чтобы Павлушка не злоумышлял.

Садятся за один из столиков. Заказывают ужин.

Передонов. Зачем ножи?

Варвара. Нельзя без ножей.

Передонов. Китайцы едят же палочками.

Варвара. Ну, будет тебе, Ардальон Борисыч. Вот так выдумал на днях, что ножи наговорены да нашептаны, так мы целую неделю из-за этого не жарили мяса, щи да кашу варили. Одичали, как вегетарианцы. Наконец самому надоело.

Володин. Здесь некому ножичков наговаривать, Ардаша. А без вилочки и без ножичка неудобно кушать.

Передонов. Ну, вы как хотите, а я ложкой буду. Как раз сам на нож нарежешься. Да я не дурак, у меня свой нож есть. *(Хлопает себя по боковому карману)*.

Варвара. Еще бы... Врагов-то у тебя много, как раз зарежут... Да и как тебе не завидовать... Не у всякого есть княгини. Уж наверное на тебя донесли, обнесли тебя перед начальством, да и перед княгиней.

Передонов. Как же мне быть? Беды...

Володин. А вы, Ардальон Борисыч, ничего не бойтесь, все обойдется по-хорошему.

Во время этого разговора шум в клубе понемногу затихает. Музыка не играет. Гости ходят, тихо разговаривая. В залах — жуткое ожидание. Передонову кажется, что соглядатаи сторожат его, проходят мимо, смотрят на него украдкою. Он боязливо озирается.

Передонов. Варя, а княгиня, пожалуй, недовольна мной.

Варвара. Может быть, и недовольна. Зачем всем хвастался? И письмо княгинино потерял.

Передонов. Разве она не могла прислать на свадьбу образа или калача?

Хрипач. Поужинаем.

Г-жа Хрипач. Пожалуй... О, нет, после...

Хрипач. А что?

Г-жа Хрипач. Там сидят Передоновы. Она начнет разговаривать.

Хрипач. Да, неприятная компания.

Г-жа Хрипач. Она жалкая и бесконечно низменная. С нею никак невозможно быть в равных отношениях. В ней ничто не корреспондирует ее положению.

Хрипач. Она — вполне корреспондирует мужу. Жду с нетерпением, когда его от нас возьмут. Он производит впечатление совершенно сумасшедшего человека.

Г-жа Хрипач. Неужели он еще ходит в гимназию?

Хрипач. Нет. Мне удалось уговорить его сказаться больным и сидеть дома.

Преполовенская *(Вершиной)*. Да она сама мне проболталась.

Вершина. Неужели? Вот какая глупая. Дело сделала, а концов в воду спрятать не сумела.

Преполовенская. Под хмельком дело было. После свадьбы она с радости часто стала накачиваться. Особенно с Грушиной они, как сойдутся, так и начинают наливкою упиваться.

Вершина. И неужели она вам так-таки прямо сказала, как они надули Передонова.

Преполовенская. Нет, всего-то она не сказала, настолько-то хитрости есть, да и Грушина в соседней комнате с Володиным о чем-то болтала — а так намеками. Но как только она стала плести да подмигивать, так меня словно осенило. Ну, думаю, как было, сразу не догадаться... А я-то, чем бы ему, дураку, глаза открыть, еще помогала им свадьбу устроить.

Вершина. А с чего это они за городом венчались?

Преполовенская. Ну, все-таки, знаете, им неловко было. Сколько лет в городе жили, и все она за сестру шла, а тут вдруг венчаться. Никому и говорить не хотели, когда венчаются, даже от шаферов до самой последней минуты в секрете держали.

Вершина. А что же это их уличные мальчишки при въезде в город после венца встретили да всякой дрянью забросали.

Преполовенская. Ну, это я думаю, та же Грушина мальчишек подговорила. Гадкая баба... ей бы только скандал устроить. А уж как они венчались... один срам.

Вершина. Воображаю.

Преполовенская. Ардальон Борисыч не то пьян с утра был, не то сильно не в духе.

Вершина. Просто с ума сходит человек.

Преполовенская. Похоже на то. Его венчают, а он зевает, бормочет, Варвару толкает, ворчит, что пахнет ладаном, воском, мужичьем. А и не было в церкви почти никого, кроме нас. Только какие-то две-три старушонки да сестры Рутиловы. Обернется Ардальон Борисыч к Рутилову да и жалуется, чуть не в слух: твои, говорит, сестры все смеются, печенку смехом просверлят.

Вершина. Что ж, они в самом деле смеялись?

Преполовенская. Ну, где там. Станут они в церкви смеяться. Так перешептывались, Людмила с Валерочкой хихикали иногда.

Вершина. На такого безобразника глядя, и не хочешь, да засмеешься.

Преполовенская. Сидят здесь, ужинают втроем.

Вершина. С Володиным все Ардальон Борисыч. Неразлучные.

Преполовенская. Это он боится выпустить Володина с глаз, чтобы тот с Варварой не сговорился его погубить. Все врагов боится.

Вершина. Боюсь, как бы у них худо не кончилось. Все ждет места, все не дождется — в ярость придет, укокошит Варвару с пьяных глаз.

Передонов. Кто это сюда заглядывает? Уж не княгиня ли?

Варвара. Не знаю. Может быть, и княгиня.

Передонов. Подслушивает.

Варвара. Может быть, и подслушивает.

Передонов. Я пойду, посмотрю. *(Проходит по гостиной).*

Варвара. Пусть поищет. Прежде он меня мучил — а теперь я его помучу.

Рутилов *(Вершиной).* Вон Передонов ходит. Мрачный, как сыч. Высматривает соглядатаев. Одурачила его Варвара.

Вершина. Я очень рада. Так ему и надо.

Рутилов. Вот то уж поделом.

Вершина. Я, как он мне письмо показал, сразу догадалась, что дело нечисто. Я и рада была, а то он повадился к нам, на мою Марту поглядывал. Но моя Марта лучше жениха нашла — за Мурина выходит.

Рутилов. А мы думали, Мурин за вами ухаживает.

Вершина. Уж пусть лучше Марта выходит. Она — девушка небогатая, да и семья у них большая. А я, слава Богу, человек обеспеченный. Я еще хочу на воле пожить.

Гимназисты:

— Вон Передонов ходит. Подойдемте. Что-нибудь ляпнет глупое.

— Нет, от него уж лучше подальше. Кроме грубостей и сальностей, от него ничего не услышишь.

— Да, забавно.

— Не в моем вкусе.

— Ах, ты цирлих манирлих. Да что это с ним? С перепою или совсем с ума спятил?

— Мне верный человéк говорил, в канцелярии бумагу видел — директор донес попечителю округа, что Передонов сошел с ума. Говорят, что оттуда пришлют комиссию его освидетельствовать, а потом уберут из гимназии.

— Жаль парня. Кончившие говорят, что прежде он хороший учитель был...

— Говорят. Только знал мало и леноват всегда был, к урокам не готовился. Тетрадки просматривать Рутилова нанимал.

— Нашел грамотея...

— То-то он в последнее время единицы да двойки зря лепил.

— Пойдем хоть лимонаду выпьем. Пивка нельзя.

Рутилов. Что, Варвара Дмитриевна, новенькие письма от княгини еще не готовы?

Варвара. Какие такие письма?

Рутилов. Да уж знаем.

Варвара. А знаете, так помалкивайте.

Рутилов. А зачем это Ардальон Борисыч сегодня к жандармскому ходил? Опять на кого-нибудь доносец. Хоть бы вы его воздержали — ведь и подло, и глупо.

Варвара. А уж и правда, есть здесь такие личности, на кого следовало бы донести.

Рутилов. Например?

Варвара. Да уж мы знаем.

Рутилов. А вы знаете, что жандармский делает с доносами Ардальона Борисыча?

Варвара. Откуда же мне знать? Я сплетни не собираю.

Рутилов. Уж будто бы...

Варвара. Это вот ваши сестрицы по городу ходят, узнают, где что.

Рутилов. Вот, вот, только им и дела. Ну, а все-таки как вы думаете, доносцы-то куда идут?

Варвара. Известно куда — по начальству. Там разберут.

Рутилов. Нет, Варвара Дмитриевна, жандармский-то все доносы, которые ему Ардальон Борисыч приносит, прямо к директору направляет. Уж очень нелепо, совсем ерундистые.

Володин. Если он поставлен за порядком следить, и ему доносят, а он не изволит внимания обращать, а только пересмеивает, то я не знаю, как это надо понимать, в каком смысле.

Рутилов. Да ерунда зеленая... На пиковую даму вдруг донос...

Володин. Пиковые дамы тоже всякие бывают, Платон Платонович. Это надо понимать.

Рутилов. Однако, что-то долго наши старшины заседают. Интересно, кому-то приз достанется.

Среди гостей мало-помалу начинаются сердитые разговоры, нетерпеливый ропот.

Гости. Кому, вы думаете, призы дадут. Думаете, нашим? А кому? Да актерам. Вот вы увидите.

— Актеру, да актрисе, уж это верно, как в аптеке.

Передонов. Варвара, ты с кем тут шушукалась?

Варвара. Да вот Рутилов подходил.

Передонов. А княгиня не была?

Варвара. Не видела.

Володин. Если княгиня изволит здесь быть, так она беспременно в маске, а ее не узнать.

Передонов. И дома у нас везде соглядатаи сидят. И здесь от них не уйдешь. Ты, Варька, меня не бережешь.

Варвара. Сокровище... С пьяных глаз тебе нивесть что мерещится.

Передонов. Вон там из-за двери валет подсматривает. Глаз сверкнет, злой и острый. А вон кот идет.

Володин. Это, Ардаша, кто-то изволит замаскироваться котом, а настоящих котов здесь нет.

Передонов. А вот под стульями и по углам Недотыкомка бегает. Повизгивает.

Володин. Отчего же, Ардаша, мы ее не видим? Какая-то она из себя будет?

Передонов. Грязная, вонючая, противная и страшная.

Володин. Зачем же она здесь?

Передонов. Она для меня прикатилась. Раньше никогда нигде ее не было. Ее сделали и наговорили. Вот она и живет, мне на страх и на погибель. Следит за мною, обманывает, смеется. Ты думаешь, она всегда одинаковая. Нет. То она по полу катается, то прикинется тряпкою, лентою, веткою, флагом, тучкою, собачкою, столбом пыли на улице. Везде ползет и — бежит за мной. Измаяла, истомила меня своей зыбкою пляскою. Хоть бы кто-нибудь избавил меня от нее.

Володин. А как же, Ардаша, от нее избавить тебя можно? Мы с Варварою Дмитриевною сделаем, что надо.

Передонов. Словом каким-нибудь или ударить ее наотмашь. Да нет здесь у меня друзей. Никто не пойдет спасать. Надо самому исхитриться, пока не погубила ехидна.

Варвара. Чего только не придумает... Сочинил какую-то Недотыкомку, и все она ему мерещится, и всякие штуки он с ней выкидывает. На днях намазал пол клеем, чтобы Недотыкомка прилипла. Я не знала, хожу себе. Да что такое, думаю, подолы прилипают. Смотрю я, весь пол в клею.

Передонов. Вон шестерка с семеркой идут.

Володин. Это, Ардаша, гимназисты.

Передонов. А вон восьмерка. Хвост-то у нее какой. А Недотыкомка хрюкает. Небось к какому-нибудь начальнику не посмела бы забраться. Не пустят. Лакеи швабрами заколошмятят.

Володин. Да тебе, Ардальон Борисыч, кажется.

Передонов. Но все же кажется... Есть же и правда на свете. Убью, зарежу, законопачу... *(Торопливо идет в гостиную).*

Варвара. Побесись... Злится... Думает, что я его обманула, и злится.

Володин. А вдруг Ардальон Борисыч с ума изволят сойти.

Варвара. С ума не сойдет — сходить дураку не с чего. Да мне что ж... Пенсию дадут, проживу.

Грушина. Душечка Варвара Дмитриевна, погуляемте. *(Уходят.)*

Рутилов. Что, Павел Васильевич, с чего это у вас такая дружба с Ардальон Борисычем? Где один, там и другой.

Володин. Потому как Варвара его обманула, а он молвит, что один я ему верный друг, он ко мне и вяжется.

Передонов. Княгиня здесь, я ее видел.

Рутилов. Какая же она?

Передонов. Желтая. Все лицо в морщинах. Горбатая, клыкастая, злая. Все за мною таскается.

Рутилов. Красавица...

Передонов. Ей двести лет. И она хочет, чтобы я опять с нею снюхался. До тех пор и места не хочет дать.

Володин. Скажите, чего захотела... Старбень этакая...

Передонов. Все мне шпионов подсылает. Да я не прост. Там у меня за обоями уже один запрятан. Вот уже другого под полку заколочу. Вонь у меня в квартире слышал из-за обоев?

Володин. Нет, не слышал.

Передонов. Нос у тебя заложило. Недаром у тебя нос покраснел. Гниет там, за обоями.

В зале и гостиной становится шумно. Звонят в колокольчик. В гостиную выходят судьи конкурса: Верига, Авиновицкий, Кириллов и другие старшины клуба. Становятся у арки, отделяющей гостиную от зала, и выжидают, когда шум затихает. Толпа в гостиной и в зале сдвигается с шумом и криками к судьям. После шума, произведенного этим передвижением, и после нескольких отдельных выкриков вдруг становится тихо.

Авиновицкий. Приз, альбом, за лучший мужской костюм, по большинству полученных билетиков, господину в костюме *Древнего Германца.*

Высоко поднимает альбом и сердито смотрит на столпившихся гостей. Бенгальский в костюме *Древнего Германца* пробирается через толпу. На него смотрят враждебно. Даже не дают дороги.

Унылая дама *(в костюме Ночи).* Не толкайтесь, пожалуйста.

Гости: Приз дали, так уж и вообразил о себе, что дамы перед ним расстилаться должны.

— Гайавата... Подловато...

Бенгальский. Если сами не пускаете...

Кое-как добирается по судей. Берет альбом из рук Вериги, музыка играет туш. Звуки музыки покрываются бесчисленным шумом. Бенгальского окружают, дергают его.

Гости: Негодяй... приз... снимите маску.

— Сами себе присуждают...

Бенгальский молчит. Стесняется пустить в ход силу, чтобы пробиться сквозь толпу. Альбом стесняет его движения. Гудаевский схватывается за альбом. В то время кто-то срывает с Бенгальского маску.

Гости: Актер и есть.

— Как говорили, так и вышло...

Бенгальский. Ну, актер, так что же из этого? Ведь вы же сами давали билеты...

Гости:

— А маскарад-то кто устраивал?

— Подсыпать билетов своему можно.

— Билеты вы ведь сами печатали.

— Своя рука владыка.

— Столько и публики нет, сколько билетов роздано.

— Он полсотни билетов в кармане принес.

Бенгальский. Это подло так говорить. Проверяйте, кому угодно — по числу посетителей можно проверить.

Верига. Господа, успокойтесь... Никакого обмана нет. Ручаюсь за это: число билетов проверено по входным.

В толпе слышны голоса старшин и благоразумных.

Гости:

— Господа, успокойтесь...

— Чёрт с ним, пусть подавится альбомом.

— Стоит из-за альбома шуметь...

— Ну его ко всем дьяволам...

— Господа, интересно, кому они дамский приз дали?

— Кому веер?

— Господа, помолчите минутку.

Верига. Господа, наибольшее число билетиков за дамский костюм получено дамою в костюме *гейши*, которой и присужден приз, веер. *Гейша*, пожалуйте сюда. Веер ваш; господа, покорнейше прошу вас, будьте любезны, дорогу *Гейше*.

Музыка играет. Сашу подталкивают, пропускают, выводят вперед. Верига с любезною улыбкою вручает ей веер и говорит что-то, но его слова не слышны — опять начинается сильный шум. Саша приседает, говорит что-то невнятное, хихикает, поднимает пальчик. В зале и гостиной поднимается неистовый гвалт. Слышны свистки. Все стремительно надвигаются на Сашу.

Гудаевская. Приседай, подлянка...

Саша бросается к выходу. Его не пускают.

Гости:
— Заставьте ее снять маску...
— Маску долой...
— Лови ее, держи...
— Срывайте с нее маску...
— Отнимите веер.

Гудаевская. Знаете ли вы, кому приз? Актрисе Каштановой. Она чужого мужа отбила, а ей — приз. Честным дамам не дают, а подлячке дали.

Бросается на Сашу, пронзительно визжа и сжимая кулаки. За нею на Сашу нападают и другие. Саша отчаянно отбивается. Веер сломали, вырвали, бросили на пол, топтали, толпа с Сашею в середине бешено мечется по зале, сбивая с ног зазевавшихся наблюдателей. Рутиловы и старшина клуба не могут пробиться к Саше. Саша визжит пронзительно, царапается и кусается. Маску крепко поддерживает то правою, то левой рукой.

Озлобленная дама. Бить их всех надо.
Грушина. Щиплите ее, щиплите подлянку...

Мачигин, держась за нос, из которого капает кровь, выскакивает из толпы.

Мачигин. Прямо в нос кулаком двинули.
Гость. Ловко... Это, брат, она по-японски действует...

Какой-то свирепый молодой человек, вцепившись зубами в гейшин рукав, разрывает его до половины.

Саша. Спасите.

Володин выбирается с трудом из толпы. В его руках — рукав от гейшина платья. Повязывает им себе голову.

Володин. Пригодится.

Гримасничает, хохочет, с диким визгом пляшет над обломками веера. Передонов смотрит на него с ужасом.

Передонов *(Вершиной)*. Пляшет. Радуется чему-то. Так он и на моей могиле спляшет.

Вершина. Рано еще вам о могиле думать.

Саша вырывается из толпы. Бежит к дверям. Гудаевская схватывает его за платье. Сашу опять окружают.

Гость. За уши, за уши дерут.

Слышен Сашин визг. Бенгальский, уже переодевшийся в сюртук, пробирается к Саше. Берет его на руки. Несет через гостиную в столовую.

Гости:
— Негодяй... Подлец... Держите его...
— Понес свою сообщницу...
— Все это — одна шайка.

Бенгальский. Я не позволю с женщины сорвать маску. Что хотите делайте — не позволю.

Вбегает в столовую. Верига становится перед дверью в столовую. Задерживает толпу, меж тем как Бенгальский поспешно проносит Сашу через столовую.

Бенгальский *(официанту, пробегая мимо них)*. Живей, пальто, халат, простыню, что-нибудь — надо барышню спасать.

Два официанта бегут за ним.

Верига. Господа, вы не пойдете дальше.

Гудаевская. Отойдите, пропустите... *(Мужу.)* Взял бы да и дал ей оплеуху — чего зевал, фалалей...

Гудаевский. Неудобно было зайти — Павлушка под локтем вертелся.

Гудаевская. Павлушке бы в зубы, ей в ухо, чего церемонился?

Толпа напирает на Веригу, который стоит молча, с решительным видом. На площадке лестницы показывается Бенгальский и Саша.

Бенгальский. Снимите маску. В маске хуже узнают. Теперь на улице все равно темно.

Саша *(снимая маску)*. Как вас благодарить? Что бы со мной было, если бы вы меня не вытащили?

Бенгальский. А вы молодец, барыня. Что же я вас не знаю? Вы приезжая? Здешних-то я всех знаю... Надо вас поскорее домой доставить. Скажите мне ваш адрес, я возьму извозчика.

Саша. Никак нельзя. Никак нельзя. Я один... я одна дойду, вы меня оставьте.

Бенгальский. Ну как вы там дойдете по такой слякоти на ваших деревяшках? Надо извозчика.

Саша. Нет, я добегу, ради Бога отпустите.

Бенгальский. Клянусь честью, никому не скажу. Я не могу вас отпустить — вы простудитесь. Я взял вас на свою ответственность и не могу. И скорее скажите — они могут вас и здесь вздуть. Ведь вы же видели — это совсем дикие люди... Они на все способны...

Саша *(всхлипывая)*. Ужасно, ужасно злые люди... Отвезите меня пока к Рутиловым, я у них переночую.

Бенгальский. Хорошо. Эге, да ты мальчишка...

Саша. Ради Бога...

Бенгальский. Да уж не скажу никому, не бойся. Мое дело тебя доставить на место, а больше я ничего не знаю. Однако, ты отчаянный. А дома не узнают?

Саша. Если вы не проболтаетесь, никто не узнает.

Бенгальский. На меня положись. Во мне, как в могиле. Сам был мальчишкой, штуки выкидывал.

Спускаются по лестнице. В гостиной Вершина подходит к Передонову.

Вершина. Я хочу открыть вам правду.

Передонов. Наплевать мне на вашу правду.

Вершина. Не скажите... Мне вас ужасно жалко — вас обманули.

Офицер *(Вериге)*. Уехали-с, ваше превосходительство.

Верига. Ну-с, господа, теперь я не препятствую.

Толпа шумно врывается в столовую. Слышны крики. Потом гости показываются и на площадке лестницы.

Вершина. Вы понадеялись на протекцию, но только вы слишком доверчиво поступили. Вас обманули, а вы так легко поверили. Письмо-то написать всякому легко. Вы должны были знать, с кем имеете дело. Ваша супруга — особа неразборчивая.

Передонов. Княгиня меня за нос водит. Ей на меня Володин наговаривает. Я вот и нож на него припас — будет он меня знать.

Вершина. Письма-то, вы думаете, княгиня писала. Да теперь уж весь город знает, что их Грушина сфабриковала по заказу вашей супруги. А княгиня и не знает ничего. Спросите, все знают — они сами проболтались. А потом Варвара Дмитриевна и письмо у вас утащила и сожгла, чтобы улики не было.

Передонов. Обманули, да нет, княгиня знает. Вы врете про княгиню. Она знает. Она за мною все подсматривает. В колоду карт влезла, пиковой дамой обернулась. Я ее в печку бросил. Жег, да не дожег — отплевалась.

Вершина. Видите, как это вас расстроило. Да и до кого ни коснись, всякий бы расстроился. Такого благородного молодого человека, как вы, обманули такие низкие люди, пользуясь вашей доверчивостью. Но вы не огорчайтесь. Вы можете дело поднять и их в тюрьму посадить.

Передонов. Обманули...

Быстро отходит от Вершиной. Ему навстречу идет курносая баба, с темными щеками и блестящими зубами.

Курносая. Квасок затереть, пироги свалять, жареное зажарить.

Передонов. Пошла к чёрту...

Курносая скрывается.

Передонов *(Володину)*. Бабы какие-то шляются тут, Варвара не смотрит. Курносая ко мне уж приходила утром; в спальню затесалась, в кухарки наниматься. Теперь опять пристала — найми, да найми... А на что мне курносая кухарка?

Володин. Бабы по улице изволят ходить, а к вам они никакого касательства не имеют, и мы их к себе за стол не пустим.

Передонов. Друг ты мне или враг?

Володин. Друг, друг, Ардаша.

Варвара. Друг сердечный, таракан запечный.

Передонов. Не таракан, а баран.

Меж тем в зале и гостиной пустеет. Кто уехал, кто сел ужинать. В столовой становится шумно. Недотыкомка визгливо смеется, манит Передонова в гостиную.

Недотыкомка. Поди сюда, поди ко мне.

Передонов. Подожди, ну мы с тобой, Павлуша, будем пить, только вдвоем. И ты, Варвара, пей — вместе выпьем, вдвоем.

Володин. Ежели и Варвара Дмитриевна с нами выпьет, то уж это не вдвоем выходит, а втроем.

Передонов. Вдвоем.

Варвара. Муж да жена — одна сатана.

Недотыкомка. Поди ко мне.

Передонов. Ну, вы тут пейте, а я сейчас вернусь. *(В гостиной).* Чего тебе надо?

Недотыкомка. Ну что ж ты забыл, для чего нож принес?

Передонов. Ну, чего тебе еще надо? Отстанешь ли ты от меня?

Недотыкомка. Ты спичку зажги, ты меня напусти, Недотыкомку огненную, но несвободную, на эти тусклые и грязные стены. Тогда, насытясь истреблением, пожрав это здание, где совершаются такие страшные и непонятные дела, я оставлю тебя в покое. И будешь ты опять счастлив и весел.

Передонов озирается. В гостиной нет никого. Передонов идет в угол, зажигает спичку, подносит ее к портьере снизу, у самого пола, и ждет, пока загорится портьера. Огненною становится Недотыкомка и ползет по портьере, тихонько, но радостно взвизгивая. Передонов идет в столовую.

Недотыкомка. Дверь закрой. А его укокошь поскорей... а то убежит, беды тебе наделает.

Передонов входит в столовую, закрывает за собой дверь, садится опять к столику. Показывает Володину на боковой карман сюртука.

Передонов. Видишь, Павлушка...

Володин. Вижу, Ардаша, — новенький сюртучок.

Передонов. Тут, брат, у меня есть такая штучка, что ты, Павлушка, крякнешь.

Володин. Крякнуть, Ардаша, я завсегда могу. Кря... Кря. Очень даже просто...

Пожар в гостиной разгорается.

Володин. Околпачили тебя, Ардаша...

Передонов. Я тебя околпачу...

Выхватывает из кармана нож, бросается на Володина и ударяет его ножом по горлу. Роняет нож. Володин визгливо кричит без слов. Быстро слабеет. Валится на Передонова, прерывисто визжа, и умирает. Передонов и Варвара в ужасе визжат. Дверь в гостиную распахивается. Врывается дым и огонь.

Гости:
— Человека убили...
— Зарезали...
— Пожар...
— Спасайтесь...
— Господа, здесь произошла трагедия — зовите городового.

Сквозь дым и пламя видно, как в зале мечутся в смятении оставшиеся там маскированные. В столовой смятение возрастает. Валятся столики, трещит стойка буфета — давка.

ДОПОЛНЕНИЕ: «ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ»

У Коковкиной. Чайный стол. На стуле ранец. Коковкина и Саша пьют чай. Приходит Людмила.

Людмила *(целуясь с Коковкиной)*. Я к вам по делу, милая Ольга Васильевна. Но это потом, а пока вы меня чайком согрейте. Холод, ветер, лужи, по лужам листья плавают.

Коковкина. Какая вы нарядная, Людмила Платоновна. Да и легонько же вы оделись...

Людмила. Я холода не боюсь. Сегодня все утро у себя в саду босиком ходила. Ай, какой у вас юноша сидит?

Саша неловко кланяется.

Коковкина. Это мой новый жилец, Саша Пыльников.

Людмила садится за стол. Коковкина наливает ей чай.

Людмила. Слышали, Ольга Васильевна. Передонов-то ходит по всем здешним начальникам, жалуется, что против него враги интригуют.

Коковкина. Да что вы говорите...

Людмила. Как же... Был у Вериги, у исправника, у прокурора, у Кириллова. Очень ему хочется инспектором быть. Вам скучно, голу-

бушка, — что вы все дома с этим кисленьким гимназистиком сидите. Вы бы хоть к нам когда-нибудь заглянули.

Коковкина. Ну, где уж мне... Стара уж я стала в гости ходить...

Людмила. Какие там гости. Придите и посидите, как у себя дома, вот и все... Этого младенца пеленать не надо? *(задорно толкая Сашу)*. Углан какой... А вы побеседуйте с гостьей.

Коковкина. Он еще маленький. Он у меня скромный.

Людмила *(с усмешкою глядя на Сашу)*. Я тоже скромная.

Саша *(смеясь)*. Вот еще... Вы разве скромная? *(Людмила хохочет)*. Да нет же, я ведь хотел сказать, что вы бойкая, а не скромная, а не то, что вы нескромная. *(Чувствуя, что выходит неясно, мешается и краснеет)*.

Людмила *(хохоча)*. Какие он дерзости говорит. Это просто прелесть что такое...

Коковкина *(ласково посматривая и на Сашу, и на Людмилу)*. Законфузили вы совсем моего Сашеньку.

Людмила изогнулась кошачьим движением, гладит Сашу по голове. Саша смеется застенчиво, звонко, увертывается из-под ее руки и убегает к себе в комнату.

Людмила. Голубушка, сосватайте мне жениха.

Коковкина *(с улыбкою)*. Ну, вот, какая я сваха....

Людмила. Чем же вы не сваха, право. Да и я чем же не невеста. Меня вам не стыдно сватать... *(Подпирает руками бока и приплясывает перед Коковкиной)*.

Коковкина. Да ну вас... Ветреница вы этакая...

Людмила. Хоть от нечего делать займитесь.

Коковкина *(улыбаясь)*. Какого же вам жениха-то надо?

Людмила *(быстро)*. Пусть он будет брюнет, голубушка, непременно брюнет. Глубокий брюнет. Глубокий, как яма. И вот вам образчик — как ваш гимназист. Такие же чтобы черные были брови и очи с поволокою, и волосы черные с синим отливом, и ресницы густые, густые, синевато-черные ресницы. Он у вас красавец... Право, красавец. Вот вы мне такого...

Коковкина. Такого у нас, пожалуй, и не сыщешь.

Саша возвращается.

Людмила. Ну что же всё уроки учите? Книжки-то читаете какие-нибудь?

Саша. Читаю и книжки. Я люблю читать.

Людмила. Сказки Андерсена?

Саша. Ничего не сказки, а всякие книги. Я историю люблю да стихи.

Людмила (*строго*). То-то стихи... А какой у вас любимый поэт?

Саша (*убежденно*). Надсон, конечно.

Людмила. То-то... Я тоже Надсона люблю, но только утром, а вечером я, миленький, наряжаться люблю. А вы что любите делать?

Саша (*глянув на нее*). Я люблю ласкаться.

Людмила (*обнимая его за плечи*). Ишь, ты какой нежный. Ласкаться любишь? А полоскаться любишь? (*Саша хихикает*). В теплой водице?

Саша. И в теплой, и в холодной.

Людмила. А мыло вы какое любите?

Саша. Глицериновое.

Людмила. А виноград любите?

Саша (*со смехом*). Какая вы... Ведь это разное, а вы те же слова говорите... Только меня вы не подденете.

Людмила (*посмеиваясь*). Вот еще, нужно мне вас поддевать.

Саша. Да уж я знаю... что вы пересмешница.

Людмила. Откуда вы это взяли?

Саша. Да все говорят.

Людмила (*притворно строго*). Скажите, сплетник какой. (*Саша смущен. Людмила роется в его ранце*). Можно посмотреть?

Саша. Сделайте одолжение.

Людмила. Где же тут твои единицы да нули, показывай.

Саша (*обидчиво*). У меня таких прелестей не бывало пока.

Людмила (*решительно*). Ну, это ты врешь... уж у вас положение такое, колы получать. Припрятал, поди? (*Саша молча улыбается*). Латынь да греки — то-то они вам надоели.

Саша. Нет, что ж. Скучновато зубрить, да ничего, у меня память хорошая. Вот только задачи решать — это я люблю.

Людмила. Приходи ко мне завтра после обеда...

Саша (*краснея*). Благодарю вас, приду, если Ольга Васильевна отпустит.

Людмила. Знаешь, где я живу? Придешь?

Саша (*радостно*). Знаю. Ладно, приду.

Людмила (*строго*). Да непременно приходи, ждать буду, слышишь?

Саша. А если уроков много будет?

Людмила. Ну вот, пустяки... Все же приходи. Авось на кол не посадят.

Саша *(посмеиваясь)*. А зачем?

Людмила *(подпрыгивая, подергивая юбочку, напевая)*. Да уже так надо. Приходи, кое-что тебе скажу. Приходи, маленький серебряный, позолоченый.

Саша *(смеясь)*. А вы сегодня скажите.

Людмила. Сегодня нельзя. Да и как сказать тебе сегодня? Ты завтра тогда и не придешь, скажешь незачем.

Саша. Ну ладно, приду непременно, если пустят.

Людмила. Вот еще, конечно пустят. Нечто вас на цепочке держат? Ольга Васильевна, ведь вы его завтра пустите ко мне?

Коковкина. Пущу, пущу, пусть сходит поразвлечется. А то знакомых-то у него в городе нет, а из товарищей много сорванцов. Боюсь я, чтобы он к ним часто ходил.

Людмила. Кто-то к вам пришел. Да никак Передонов? Ну, прощайте, Ольга Васильевна, уж я пойду. Терпеть не могу этого господина.

Коковкина. Пришел, видно, гимназиста наведать.

Людмила. Ну, достанется вам, Сашенька... До свиданья, Ольга Васильевна. До свиданья... Саша... *(Целует Сашу в лоб; и подставляет руку к Сашиным губам для поцелуя. Улыбается лукаво и нежно)*. Я через кухню пройду. Проводите меня, миленький. До извозчика.

Коковкина. До свиданья, Людмила Платоновна. Не забывайте нас.

Людмила и Саша уходят через кухню. Коковкина выходит в переднюю. Скоро возвращается с Передоновым.

Передонов. Вот и пришел посмотреть нашего гимназиста, как он тут живет.

Коковкина. Да не жалуется. У меня просторно. Да и он у меня скромный. Уж так повелось, что ко мне всегда ставят скромных мальчиков. Вот вареньем угощает меня, старуху, из деревни тетя прислала. Мы по очереди ставим варенье, вчера я, сегодня он. Я вам налью стакан чаю.

Передонов. Нет, я не хочу. Я по службе. Мне чай распивать некогда.

Саша *(входя, кланяется Передонову)*. Здравствуйте, Ардальон Борисыч.

Передонов. Здравствуйте. *(Угрюмо смотрит на Сашу).*

Коковкина. Простите, Ардальон Борисыч, там меня моя Аннушка зачем-то зовет по хозяйству. Я на минутку, сейчас вернусь.

Выходит. Саша тоскливо смотрит за нею. Передонов садится рядом с Сашей и обнимает его.

Передонов. Что, Сашенька, хорошо ли Богу помолилась? *(Саша стыдливо и испуганно глядит на Передонова и молчит).* А? Что? Хорошо?

Саша. Хорошо.

Передонов. Ишь ты, румянец какой на щечках. Признайся-ка, ведь ты девчонка? Шельма, девчонка...

Саша. Нет, не девчонка. Чем я похож на девчонку? Это у вас гимназисты такие, придумали дразнить за то, что я дурных слов боюсь. Я не привык их говорить, мне ни за что не сказать. Да и зачем говорить гадости.

Передонов. Маменька накажет?

Саша. У меня нет матери. Мама давно умерла. У меня тетя.

Передонов. Что ж, тетя накажет?

Саша. Конечно, накажет, если я стану гадости говорить. Разве хорошо...

Передонов. А откуда тетя узнает?

Саша. Да я и сам не хочу. А тетя мало ли как может узнать? Может быть, я сам проговорюсь.

Передонов. А кто из ваших друзей дурные слова говорит? *(Саша молчит).* Ну, что же, говорите: вы обязаны сказать. Нельзя покрывать.

Саша. Никто не говорит.

Передонов. Вы же сами сейчас жаловались.

Саша. Я не жаловался.

Передонов. Что же вы отпираетесь?

Саша. Я только объяснил вам, почему меня некоторые товарищи дразнят девчонкой. А я не хочу на них фискалить.

Передонов. Вот как... Это почему же?

Саша. Да нехорошо.

Передонов. Ну вот, я директору скажу, так вас заставят.

Саша *(глядя на Передонова гневно загоревшимися глазами).* Нет, вы, пожалуйста, не говорите, Ардальон Борисыч.

Передонов. Нет, скажу. Вот вы тогда увидите, как покрывать гадости. Вы должны были сами сразу пожаловаться. Вот погодите,

вам достанется. Вы зачем сидите, когда вам преподаватель выговор делает?

Саша встает и в замешательстве теребит пояс.
Входит Коковкина.

Передонов *(злобно)*. Тихоня-то ваш. Хорош, нечего сказать...

Коковкина пугается. Торопливо подходит к Саше,
садится рядом с ним.

Коковкина *(боязливо)*. А что такое, Ардальон Борисыч? Что он сделал?

Передонов *(с угрюмой злобой)*. Вот у него спросите.

Коковкина *(трогая Сашу за локоть)*. Что такое, Сашенька? В чем ты провинился?

Саша *(плача)*. Я не знаю.

Коковкина. Да что такое? Что с тобою? Что ты плачешь?

Передонов. Его там в гимназии дурным словам учат, а он не хочет сказать, кто. Он не должен укрывать. А то и сам научится гадостям, и других покрывает.

Коковкина. Ах, Сашенька, Сашенька, как же это так. Разве можно. Да как тебе не стыдно...

Саша *(рыдая)*. Я ничего, я ничего не сделал худого. Они меня за то и дразнят, что я не могу худых слов говорить.

Передонов. Кто говорит худые слова?

Саша *(с отчаянием)*. Никто не говорит.

Передонов. Видите, как он лжет. Его наказать надо хорошенько. Надо, чтоб он открыл, кто говорит гадости, а то на нашу гимназию нарекания пойдут, а мы ничего не можем сделать.

Коковкина. Уж вы его извините, Ардальон Борисыч, как же он скажет на товарищей? Ведь ему потом житья не дадут.

Передонов. Он обязан сказать все. От этого только польза будет. Мы примем меры к их исправлению.

Коковкина *(нерешительно)*. Да ведь они его бить будут.

Передонов. Не посмеют. Если он трусит, пусть по секрету скажет.

Коковкина. Ну, Сашенька, скажи по секрету. Никто не узнает, что это ты сказал. *(Саша молча плачет. Коковкина привлекает его к себе, обнимает и долго шепчет ему на ухо. Он отрицательно качает головой)*. Не хочет.

Передонов. А вот розгой его пробрать, так заговорит. Принесите мне розгу, я его заставлю говорить.

Саша. Ольга Васильевна, да за что же?

Коковкина *(обнимая Сашу, нежно и строго)*. Ну, довольно реветь, никто тебя не тронет.

Передонов. Как хотите, а только тогда я должен директору сказать. Я думал по-семейному, ему же лучше бы. Может быть, и ваш Сашенька прожженный. Еще мы не знаем, за что его дразнят девчонкой. Может быть, совсем за другое. Может быть, не его учат, а он других развращает.

Передонов сердито идет из комнаты. За ним Коковкина... Останавливаются у дверей.

Коковкина *(Передонову, укоризненно тихо)*. Ардальон Борисыч, как же это вы так мальчика конфузите нивесть за что... Хорошо еще, что он и не понимает ваших слов.

Передонов *(сердито)*. Ну, прощайте, а только я скажу директору. Это надо расследовать. *(Уходит)*.

Саша грустно сидит у окна. Коковкина гладит его по голове.

Саша. Я сам виноват. Проболтался, за что меня дразнят, а он и пристал. Он — самый грубый. Его никто из гимназистов не любит.

ДОПОЛНЕНИЕ: «ЭПИЗОД ВТОРОЙ»

У Рутиловых. Все четыре сестры сидят в столовой, за круглым столом. На белой скатерти коричневая бутылка шери-бренди. Кругом нее тарелки с яблоками, орехами, халвой. Лариса ест яблоко, отрезывая ножичком по ломтику, и посмеивается. Дарья громко поет. На сестрах легкие цветные платья, оставляющие руки обнаженными. Людмила босая. У остальных сестер сандалии надеты на босые ноги. Людмила часто подходит к окну.

Дарья.

Где делось платье, где свирель?
Нагой нагу влечет на мель.
Страх гонит стыд, стыд гонит страх.
Пастушка вопиет в слезах:
Забудь, что видел ты...

Лариса. Какие глупые слова... Откуда ты выкопала эту песенку, Дашенька?

Дарья. А мне нравится — вот тебе и весь сказ.

Валерия. Ей старый песенник попался.

Дарья. Оговариваете, так я и не допою до конца.

Валерия. Людмилочка все еще ждет своего Сашку.

Людмила. Он обещал и сегодня прийти.

Дарья. Да уже видно, что не придет. Всегда приходит раньше... *(Поет)*.

Мне мокротно молоденьке,
Нигде места не найду.

Людмила. А ну вас... Отстаньте... Сама вижу, что не придет. Чего же вы смеетесь? *(Плачет)*.

Дарья. Охти мне...

Людмила *(всхлипывая, тихонько)*. Стара карга, противная, не пустила его, держит, чтобы он греков учил.

Дарья. Да и он-то глупый, уйти не умеет.

Валерия. С малюсеньким связалась...

Людмила. Всю эту ночь мне снились такие знойные сны...

Лариса. Расскажи, Людмилочка...

Людмила. Мне снилось сначала, что я лежу в душно натопленной горнице, и одеяло сползает с меня и обнажает мое горячее тело. И вот чешуйчатый, кольчатый змей вполз в мою опочивальню и поднимается, ползет по дереву.

Дарья. Откуда тут дерево взялось?

Людмила. Ах, только сон...

Валерия. Что же дальше?

Людмила. Не помню. Потом приснилось мне озеро в жаркий летний вечер, под тяжко надвигающимися грозовыми тучами, — и я лежала на берегу нагая, с золотым, гладким венцом на лбу.

Лариса. Как Леда, как белая Леда, мать красоты.

Людмила. Пахло теплою застоявшейся водою и тиною — и изнывающею от зноя травою — и вода была темная, зловеще спокойная, и по воде плыл белый лебедь, царственно величавый. Он шумно бил по воде крыльями, и с громким шипением приблизился, обнял меня. Стало сладко, томно и жутко. И наклонилось надо мною Сашино лицо на шее лебедя.

Дарья. Ну, конечно, я так и знала, что без Саши и сон не в сон.

Валерия. А у змея, у кольчатого?

Людмила. Что у змея?

Валерия. Тоже было Сашино лицо?

Людмила. Да, Сашино лицо. До синевы бледное, с темными, загадочно печальными глазами. И синевато-черные ресницы, ревниво закрывая их чарующий взор, опускались тяжело, страшно. Я просыпалась и опять засыпала, и опять видела сны.

Валерия. Ну, Людмилочка, рассказывай дальше, не останавливайся.

Людмила. Потом приснилась мне великолепная палата с низкими грузными сводами.

Лариса. И Саша был?

Людмила. Да. И краше всех был Саша. Когда он целует мои руки — здесь — и до самого локтя и выше — я чувствую близко его стройное тело.

Дарья. Охота плакать... Из-за молокососа глаза покраснели. Вот то уж можно сказать, чёрт с младенцем связался.

Людмила. Кто это чёрт?

Дарья. Да ты, Людмилочка. Даром что молодая, а только...

Людмила *(странно-звенящим голосом)*. Глупости...

Лариса. Сестрицы, не ссорьтесь...

Дарья *(досадливо)*. Да что в нем интересного, скажи пожалуйста?

Людмила *(с улыбкою задумчиво и медленно)*. Какой он красавец...

Валерия. А он чистый?

Людмила. Много ты понимаешь, маленькая? *(Тихо и мечтательно)*. Я вовсе не так его люблю, как вы думаете. Любить мальчика лучше, чем влюбиться в пошлую физиономию с усиками. Я его невинно люблю. Мне от него ничего не надо.

Дарья. Не надо, так зачем же ты к нему льнешь? Ну, не дуйся, ведь мы не со зла говорим. *(Обнимает Людмилу. Людмила плачет, приникнув к Дарьиному плечу)*.

Людмила. Я знаю, что уж тут не на что мне надеяться, но хоть бы немножко приласкал он меня, хоть бы как-нибудь.

Дарья. Ну что, тоска... Не понимаю, о чем ты плачешь... Ну, уроков сегодня было побольше, и не пришел. А если так тебе хочется его сейчас видеть, пойди к Коковкиной, да и приведи его сюда.

Людмила. А и правда... Если он сегодня не придет, я сама за ним завтра схожу. Сестрицы, а про маскарад вы что слышали? Правда, что его актеры устраивают?

Лариса. Да. В клубе. За лучшие костюмы призы давать будут.

Валерия. А какие призы?

Лариса. Говорят — только врут кажется — будто за лучший мужской костюм — велосипед, а за дамский — корову дадут. Наряжайтесь, сестрицы, — корову получить можете.

Дарья. Нужна нам очень корова.

Людмила. Да и кто будет присуждать призы? Какой у них вкус.

Валерия. Воображаю...

Людмила. А я, знаете, сестрицы, что придумала? Нарядить Сашу в женское платье, послать его в маскарад, и чтобы приз дали ему.

Дарья. Вот это будет весело...

Валерия. Воображаю...

Лариса. Правда, это будет забавно. Провести всех в городе. Только почему же вы думаете, что ему дадут приз?

Дарья. Ну, уж если мы за дело возьмемся, так добьемся своего.

Людмила. Что ж, сестрицы, согласны?

Дарья. Да, я конечно. А ты, Валерочка?

Валерия. Мне что ж... Людмилочкин дружок... Да я что ж. Я не прочь помогать... Только он не посмеет...

Дарья. Ну, вот, почему не посмеет? Мы сделаем так, что никто не узнает.

Людмила. Мы его нарядим *Гейшею*.

Дарья. Идет... *Гейша*, так *Гейша... (Сбрасывает с ног сандалии, пляшет и поет).*

Уходи, немилый, прочь...
Я — разбойницкая дочь...
Ты и молод и пригож,
Только мне ты не хорош.

Не хочу любить купца,
Полюблю я молодца,
Что гуляет здесь и там,
По веселым кабачкам...

Людмила громко хохочет. Лариса улыбается и снимает сандалии. То же делает Валерия. Все сестры пляшут и поют.

Сестры:

Сестры милые, бегите!
Сестры милые, сплетите
Цепь из тесно-сжатых рук!
Вот сплелись мы в пестрый круг,

И в весельи легком нашем
Мы, улыбчивые, пляшем,
Рады радости своей.
Сестры, милые, скорей!

Во время их пляски входит Саша. Останавливается у порога и смотрит на пляшущих.

Людмила. Вот он... Хорош... Заставляет ждать...

Саша *(целуя руки сестрам)*. Некогда было раньше... Всё уроки учить надо было.

Лариса. Да никак ты надушился, Саша?

Дарья. Помадой разит.

Валерия. Терпеть не могу помады. Барышня помаженная.

Людмила. Пожалуйста, не смей помадиться.

Саша. Ну ладно, не буду. Строгости какие... Душитесь же вы духами, и вы, Людмилочка, и Дашенька, и Валерочка, и Лариса Платоновна.

Людмила. То духи, а то помада. Глупый, нашел ⟨что⟩ сравнить. Я никогда не помажусь... Зачем волосы склеивать? Духи совсем не то. Дай-ка я тебя надушу. Желаешь?

Саша *(улыбаясь)*. Желаю.

Людмила. Сейчас я духов тебе принесу. *(Уходит)*.

Дарья. Нравится тебе, как мы одеты?

Саша. Очень красиво.

Дарья. Вот скоро маскарад будет. Слышал?

Саша. Слышал.

Дарья. Мы хотим нарядить тебя барышней — под маской никто не узнает — да только боимся, что ты струсишь.

Саша. Ничего не струшу. И это будет превесело.

Дарья. Весь город обманем. Только ты не проболтайся.

Саша. Ни за что. *(Радостно смеется и прыгает)*.

Людмила *(возвращаясь с пульверизатором и флаконом духов)*. И пожалуйста, остригись. Что хорошего локоны носить... Лошадей прической пугать...

Саша. Ну ладно, остригусь. Ужасные строгости... У меня еще коротенькие волосы, в полдюйма. Еще инспектор мне о волосах не говорил.

Людмила. Я люблю остриженных молодых людей, заметь это. И я тебе не инспектор, меня надо слушаться. *(Брызгает на Сашу духами)*.

Дарья. А знаете, как мы ему костюм сделаем? Вот я вам покажу образчик, пойдем ко мне. *(Уходит с Ларисою и Валериею).*

Саша. Какие духи странные.

Людмила. А ты на руку попробуй.

Саша. Какой душный запах...

Людмила. Это цикламен. Три духа живут в цикламене. Сладкою амброзией пахнет бедный цветок — это для рабочих пчел.

Саша. Для рабочих пчел.

Людмила. Сладкая амброзия и над нею гудят пчелы, это его радость. И еще он пахнет нежною ванилью, и уж это не для пчел, а для того, о ком мечтают.

Саша. О ком мечтают.

Людмила. И это — его желание — цветок и золотое солнце над ним.

Саша. Амброзия, ваниль — пчелкам, желанному — а третий дух цикламена?

Людмила. Слушай. Третий его дух — он пахнет нежным сладким телом, для того, кто любит, и это его любовь.

Саша. Радость, желание, любовь.

Людмила. Его любовь — бедный цветок и полдневный зной — тяжелый зной. Пчела, солнце, зной — понимаешь, мой светик?

Саша. Пчела, солнце, зной.

Людмила. Он радует, нежный и солнечный цикламен, он влечет к желаниям, от которых сладко и стыдно, он волнует кровь. Понимаешь, мое солнышко, когда сладко и радостно, и больно, и хочется плакать? Понимаешь? Вот он какой. *(Целует).*

Саша. Три духа живут в цикламене.

Людмила. А уж и красив ты, Саша.

Саша. Тоже придумаете. Это вот вы красивая и нарядная.

Людмила. Разве нарядная? Видишь — босая.

Саша. Уж ты всегда нарядная.

Людмила. И ты все хорошеешь, Саша.

Саша *(застенчиво смеясь).* Придумаете тоже. Я же не барышня — чего мне хорошеть?

Людмила. Лицо прекрасное.

Саша. Еще войдет кто.

Людмила. Кому входить? Да мы пойдем в мою комнату — никто не попадет, даже сестрицы не увидят.

Саша. Ну, не надо, Людмилочка.

Людмила. Глупый, отчего не надо? *(Вдруг плачет).*

Саша. Что же вы плачете, милая Людмилочка?

Людмила порывисто бросается перед Сашею на колени, целует его руки и страстно шепчет.

Людмила. Милый, кумир мой...

Уходят в Людмилину комнату. Входят Дарья и Валерия.

КАРТИНА, НЕ ВОШЕДШАЯ В ОПУБЛИКОВАННЫЙ ТЕКСТ АВТОРСКОЙ ИНСЦЕНИРОВКИ «МЕЛКИЙ БЕС»*

⟨У Кириллова⟩

Дом председателя уездной земской управы — Кириллова. Все говорит, что здесь хотят жить попросту, по-хорошему, и работать на общую пользу. Многие вещи напоминают о деревенском и простом: кресло с дугою-спинкою и топориками-ручками, чернильницы в виде подковы, пепельница-лапоть. В зале много мерочек, — на окнах, на столах, на полу, — с образцами разного зерна, и кое-где куски «голодного» хлеба — глыбы, похожие на торф. В гостиной рисунки и модели сельскохоз⟨яйственных⟩ машин. Кабинет загроможден шкапами с книгами о сельскохоз⟨яйственном⟩ и школьном деле. На столе бумаги, печатные отчеты, картонки с карточками разной величины. Много пыли и ни одной картины.

Кириллов, Трепетов, Передонов.

Передонов повторяет и здесь все привычные пени на городские сплетни, на завистников, которые хотят лишить его инспекторского места. Кириллов чувствует себя польщенным обращением к нему.

Кириллов *(восклицая)*. Да, вот вы теперь видите, какова провинциальная среда! Я всегда говорил, что единственное спасение для мыслящих людей — сплотиться, — и я радуюсь, что вы пришли к тому же убеждению.

Трепетов, сердито и обиженно фыркает. Кириллов смотрит на него боязливо.

Трепетов *(презрительно)*. Мыслящие люди!

Опять фыркает. Молчит немного.

---

* См. комментарий на с. 820—821.

Трепетов *(тоненьким и обиженным голосом)*. Не знаю, могут ли мыслящие люди служить затхлому классицизму!

Кириллов *(нерешительно)*. Но вы, Георгий Семенович, не берете в расчет, что не всегда от человека зависит избрать свою деятельность.

Трепетов презрительно фыркает, чем окончательно сражает Кириллова и погружается в глубокое молчание. Кириллов обращается к Передонову, и тот говорит ему об инспекторском месте.

Передонов. Там у меня есть протекция, а только вот здесь директор пакостит, да и другие тоже. Всякую ерунду распускают. Так уж в случае каких справок обо мне, я вот вас предупреждаю, что это все вздор обо мне говорят. Вы этим господам не верьте.

Кириллов *(поспешно и бойко)*. Мне, Ардальон Борисыч, нет времени особенно углубляться в городские отношения и слухи, я по горло завален делом. Если бы жена не помогала, я не знаю, как бы справился. Я нигде не бываю, никого не вижу, ничего не слышу. Но я вполне уверен, что все это, что о вас говорят, — я ничего не слышал, поверьте чести, — все это вздор, вполне верю. Но это место не от одного меня зависит.

Передонов. Вас могут спросить.

Кириллов *(смотрит с удивлением)*. Еще бы не спросили, конечно спросят. Но дело в том, что мы имеем в виду...

На пороге показывается жена Кириллова.

Кириллова. Степан Иваныч, на минутку.

Кириллов выходит. Возвращается, усиленно шаркает и сыплет любезные слова Передонову.

Передонов. Так уж вы, если что...

Кириллов *(быстро)*. Будьте спокойны, будьте спокойны, буду иметь в виду. Мы это еще не вполне решили, этот вопрос. Мы составляем школьную сеть. Из Петербурга выписали специалиста. Целое лето работали. Девятьсот рублей это нам обошлось. К Земскому собранию готовим. Удивительно тщательная работа, — подсчитаны все расстояния, намечены все школьные пункты.

Кириллов долго и подробно рассказывает о школьной сети, то есть о разделении уезда на мелкие участки, со школою в каждом. Передонов ничего не понимает, безнадежно тоскует. В этом доме его не хотят ни понять, ни выслушать. Потерянный день. Кириллов с женой о Передонове.

Кириллова. Я думаю, что этому субъекту лучше не говорить, что мы имеем в виду Красильникова. Этот субъект мне подозрителен, — он что-нибудь нагадит Красильникову.

Кириллов (*проворно шепчет*). Ты думаешь? Да, да, пожалуй. Так неприятно.

Хватается за голову. Жена смотрит на него с деловитым сочувствием.

Кириллова. Лучше совсем ничего ему об этом не говорить, как будто и места нет.

Кириллов. Да, да, ты права. Но я побегу. Неловко.

Убегает в кабинет.

После реплики Валерии — (с. 336)*
— С малюсеньким связалась, — *было*:

Людмила. Всю эту ночь мне снились такие знойные сны!

Лариса. Расскажи, Людмилочка.

Людмила. Мне снилось сначала, что я лежу в душно натопленной горнице, и одеяло сползает с меня и обнажает мое горячее тело. И вот чешуйчатый, кольчатый змей вполз в мою опочивальню и поднимается, ползет по дереву.

Дарья. Откуда тут дерево взялось?

Людмила. По ветвям моих нагих, прекрасных ног. Ах, только сон!

Валерия. Что же дальше?

Людмила. Не помню. Потом приснилось мне озеро в жаркий летний вечер, под тяжко надвигающимися грозовыми тучами, — и я лежала на берегу нагая, — с золотым гладким венцом на лбу.

Лариса. Как Леда, как белая Леда, мать красоты.

Людмила. Пахло теплою застоявшеюся водою и тиною, и изнывающею от зноя травою, — и вода была темная, зловеще-спокойная, и по воде плыл белый лебедь, сильный, царственно-величавый. Он шумно бил по воде крыльями и с громким шипеньем приблизился, обнял меня. Стало сладко и жутко. И наклонилось надо мною Сашино лицо на шее лебедя.

Дарья. Ну, конечно, я так и знала, что без Саши и сон не в сон.

Валерия. А у змея, у кольчатого?

---

* Указаны страницы настоящего издания.

Людмила. Что у змея?

Валерия. Тоже было Сашино лицо?

Людмила. До синевы бледное, с темными, загадочно-печальными глазами. И синевато-черные ресницы, ревниво закрывая их чарующий взор, опускались тяжело, страшно. Я просыпалась, и опять засыпала, и опять видела сны.

Валерия. Ну, Людмилочка, рассказывай дальше, не останавливайся.

Людмила. Потом приснилась мне великолепная палата с низкими, грузными сводами. В ней толпились нагие, сильные, прекрасные отроки.

Лариса. И Саша был?

Людмила. Да. И краше всех был Саша. Я сидела высоко, и нагие отроки передо мною по очереди бичевали друг друга.

Валерия. Жестокий сон!

Людмила. Жестокий? Нет, там царствовала радость. Это было, как соревнование в мужестве и терпении. Положили на пол и Сашу, головою ко мне, и бичевали его, а он звонко смеялся и плакал. И я хохотала, как иногда во сне, когда вдруг усиленно забьется сердце, — смеются долго, неудержимо, смехом самозабвения и смерти. Утром проснулась и почувствовала опять, и еще яснее, чем прежде, что влюблена в него.

Валерия. Влюбилась, — и плачет.

Людмила. Так нетерпеливо хочу его увидеть! И так досадно думать, что увижу только одежды его, его скучную, серую блузу!

Лариса. Ведь как же иначе, Людмилочка!

Людмила. Как глупо, что мальчишки не ходят обнаженные!

Дарья. Ну, это по нашей-то погоде!

Людмила. Или хоть босые, как уличные мальчишки. Я люблю смотреть на них за то, что они ходят босиком, иной раз высоко обнажая ноги. Точно стыдно иметь тело, что даже мальчишки прячут его!

Саша. Конечно, стыдно. Почти у всех в наше время такое несовершенное тело.

Людмила. Когда он целует мои руки, — здесь, и до самого локтя, и выше, — я чувствую близко его стройное, сильное тело. Оно прекрасно, я уверена в этом. Хоть бы раз взглянуть на прелесть этого тела, хоть бы раз!

После реплики Саши: — (с. 340) —
Три духа живут в цикламене, — *было:*

Людмила. А уж и красив ты, Саша.

Саша. Тоже придумала! Это вот вы красивая и нарядная!

Людмила. Разве нарядная? Видишь, босая.

Саша. Уж ты всегда нарядная.

Людмила. А ты всё хорошаешь, Саша.

Саша (*застенчиво смеясь*). Придумаете тоже! Я же не барышня, чего мне хорошать!

Людмила. Лицо прекрасное, а то-то тело! Покажи мне хоть до пояса.

Саша. Ну вот еще, что выдумали?

Людмила. А что такое? Что у тебя за тайны?

Саша. Еще войдет кто.

Людмила. Кому входить? Да мы пойдем в мою комнату, дверь запрем и на задвижку, и никто не попадет, даже сестрицы не увидят.

Саша. Не надо, Людмилочка.

Людмила. Глупый, отчего не надо? (*Вдруг плачет*).

Саша. Что же вы плачете, милая Людмилочка?

Людмила. Растаешь, что ли, глупый мальчишка, если с голыми плечами посидишь? Загоришь, боишься? Красота и невинность с тебя слиняют?

Саша. Да зачем тебе это, Людмилочка?

Людмила (*страстно*). Зачем? Люблю красоту. Язычница я, грешница. Мне бы в древних Афинах родиться. Люблю цветы, духи, яркие одежды, голое тело. Говорят, есть душа. Не знаю, не видела. Да и на что она мне? Пусть умру совсем, как русалка, как тучка под солнцем растаю. Я тело люблю, — сильное, ловкое, голое, которое может наслаждаться.

Саша. Да и страдать ведь может.

Людмила. И страдать! И это хорошо! Сладко и когда больно, — только бы тело чувствовать, только бы видеть наготу и красоту телесную.

Саша. Да ведь стыдно же без одежды!

Людмила порывисто бросается перед Сашею на колени, целует его руки и страстно шепчет.

Людмила. Милый, кумир мой, отрок богоравный! На одну минуту полюбоваться твоими плечиками.

Саша. Ну, уже хорошо. Вот какой я послушливый.

Уходят в Людмилину комнату. Выходят Дарья и Валерия.

Валерия. Охота подслушивать и подсматривать!

Дарья. А сама идешь.

Валерия. Что ж, ты одна будешь!

Смотрят поочередно в замочную скважину
и перешептываются.

Валерия. Прильнула! Что они там делают? Пусти же меня!

Дарья. Ну, ничего не делают. Он снял блузу и рубашку, и стоит, весь красный. От стыда у него дрожат плечи.

Валерия. Людмила целует его плечи. И его руки, от плеч до пальцев. И с таким обожанием целует, — словно древняя язычница отрока-бога.

Дарья. Дала ему что-то розовое, и он ушел за ширму.

Валерия. Ну, что же он так долго! Она стоит и откупоривает новый флакон духов.

Дарья. Ну, уж и любит она духи! Вот он вышел. На нем хитон. Ноги нагие.

Валерия. Она стоит перед ним и смотрит на него, и на лице ее — счастье и недоумение.

Дарья. Уложила его на кушетку и сидит у его ног.

Валерия. Облила его духами. Опять села к его ногам. Целует его колени.

Дарья. И стопы ног его целует. Они смуглые и загорелые. Зацеловало, заласкало летнее солнце в деревне его босые ноги.

Валерия. Он лежит и улыбается, и улыбка у него тихая и неверная. В нем зарождается неясное желание и сладко томит его. И не знает он, что сделать.

Дарья. Глупый мальчишка! Домой заторопился, спрашивает, который час. Да и правда, поздно. И достанется ему дома.

Валерия. Уже ушел переодеваться. Как недолго.

Дарья. Посмотрели. Что, Валерочка, не хотела смотреть, а сама как раскраснелась!

Валерия. Ты сама красная.

Дарья. Ну, я-то от шери-бренди.

Валерия. Глаза блестят, грудь трудно дышит, — полно, Дашенька! Признайся, что красота полуобнаженного мальчишки и тебя взволновала, как меня.

Дарья. Уйдем, Валерочка. Сейчас они сюда придут. Пусть еще скажут на прощанье друг другу нежные слова.

Они уходят, и вскоре выходят Людмила и Саша.

Саша. Так ты язычница!

Людмила. А ты? (*весело смеется*).

Саша. Ну, вот еще! я весь катехизис твердо знаю (*Людмила хохочет*). Если ты язычница, то зачем же ты в церковь ходишь?

Людмила. Что ж, надо же молиться. Помолиться, поплакать, свечку поставить, подать помянуть. И я люблю все это, свечки, лампадки, ладан, ризы, пение, — если певчие хорошие, — образа в дорогих окладах. Да, все это такое прекрасное.

Саша. Так значит, ты — православная, а называешь себя язычницею. Какая ты глупая!

Людмила. В моей глупости так много счастья! (*Плачет и целует Сашины руки.*)

Саша. Отчего же ты заплакала?

Людмила. Мое сердце ужалено радостью. Грудь мою пронзили семь мечей счастья, — как мне не плакать!

Саша. Дурочка ты, право, дурочка!

Людмила. А ты умный! Пойми, глупый, только в безумии счастье и мудрость.

Саша. Ну да!

Людмила. Надо забыть, забыться, и тогда всё поймешь. По-твоему как, мудрые люди думают?

Саша. А то как же?

Людмила. Они так знают. Им сразу дано: только взглянет, и уже все ему открыто.

Саша. Отчего же стыдно? И чего же хочешь? В чем таинство тела?

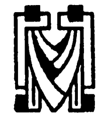
Людмила. Ах, я ли не красавица! У меня ли глаза не жгучие! У меня ли не пышные волосы! Ах, Саша, милый Саша, люби меня! Будь со мною ласков! Люби меня!

Саша. Ты милая, Людмилочка, и я тебя люблю, но я не мудрый, и мне не дано знать уроков, не уча. Пора мне, Людмилочка. Я приду

завтра, и ты нарядишь меня рыбаком с голыми совсем ногами, и мы посидим, поболтаем, и я буду целовать твои ноги. До свиданья, Людмилочка. До завтра.

Людмила. Только пораньше завтра, Саша (*Саша уходит*). Ах, безнадежность! Ах, жестокая любовь!

Уходит проводить Сашу.

Федор Сологуб

СЕРГЕЙ ТУРГЕНЕВ И ШАРИК

Ненапечатанные эпизоды из романа «Мелкий бес»*

I

На улице Передонов встретил гимназиста Виткевича в обществе двух приехавших сюда на днях из большого города писателей, Степанова и Скворцова. С этими господами Передонов вчера познакомился в клубе.

Степанов печатался под именем Сергей Тургенев. Он писал стихи разные — в духе упадка для славы и марксистские для печати. Писал он и рассказы, тоже двоякого содержания. Одни были для славы, и никто и нигде их не печатал; они лежали на столе писателя, сохраняясь для потомства. Другие рассказы помещались в газетах и в журналах довольно охотно. Случалось время от времени, что сочинителя уличали в слишком близком сходстве их с давно забытыми произведениями неведомых миру покойных писателей. Тогда Степанов менял псевдоним. Литературное имя Сергея Тургенева было еще пока не запятнано. Еще никто не успел открыть источников его новых вдохновений, хотя уже многие прилежные книголюбцы в захолустьях производили усердные изыскания в своем и чужом книжном хламе, чуя новую добычу.

Рассказчик Скворцов подписывался Шариком. Он считал себя самым новым человеком в России и очень любопытствовал знать, что будет после символизма, упадничества и прочих новых тогда течений. Шарик называл себя нитшеанцем. Впрочем, он еще не читал Нитше в подлиннике, по незнанию немецкого языка. О переводах же он слышал, что они очень плохи, и потому их тоже не читал.

Рассказы Шарик писал в смешанном стиле Решетникова и романтизма тридцатых годов. Герои этих рассказов всегда имели несомненное

* Комментарий к «Ненапечатанным эпизодам...» см. на с. 821—826.

сходство с самим Шариком. Все это были необыкновенные, сильные люди.

В наружности обоих писателей было нечто родственное, хотя по первому взгляду и не казались они похожими. Шарик был детина длинный, тощий, рыжий, с косматыми волосами. Называл он себя обыкновенно парнем. Сергей Тургенев был короткого роста, румяный, бритый, немножко плешивый. Он носил пенснэ в оправе из варшавского золота и щурил глаза. В движениях Сергей Тургенев был суетлив и ласков. О себе он говорил:

— Я — поэт.

И блаженно щурился при этом.

Шарик очков не носил, а повадки имел преувеличенно грубые.

Одеты они были не плохо, но неряшливо. Шарик был в светлой блузе, Сергей Тургенев — в сером летнем костюме. У Сергея Тургенева в руках была тросточка, у Шарика — дубина в два аршина. Сергей Тургенев говорил томно. Шарик рубил и грубил.

Шарик и Сергей Тургенев завидовали друг другу. Оба они считали себя кандидатами в российские знаменитости. Но они притворялись большими друзьями, руководимые одним и тем же коварным расчетом, — каждый из них старался споить другого и тем погубить его талант.

Недавно Шарик даже втравил Сергея Тургенева в поединок с аптекарем. Перед поединком и на поединке все были зело пьяны — и дуэлянты, и секунданты. Стрелялись через платок, но повернувшись к друг другу спинами, в расчете, что пули облетят вокруг земного шара и попадут, куда надо.

Пьянствуя и изыскивая все новые способы к более удобному осуществлению своих коварных замыслов, приехали и в наш город два друга, Шарик и Сергей Тургенев. Здесь уже каждый из них считал себя близким к цели. Поэтому они чувствовали себя благодушно, дали себе маленький роздых, и хотя напивались ежедень, но не до излиха.

Прежде всех посетил писателей гимназист Виткевич. Он как передовой гимназист, конечно, счел своею обязанностью познакомиться с писателями и для них писал даже реферат о влиянии Словацкого на Байрона.

Еще раньше чем писатели познакомились с Передоновым, они внезапно зажглись великим к нему любопытством. По рассказам Виткевича и других, он показался им человеком новым. Что-то могуче-злое зачуяли они в нем. Каждый из них сразу наметил его себе в герои следующего своего гениального романа. И в то же время, какою-то странною

причудою своевольных умов, они видели в нем и привычный тип, «светлую личность»: начальство, мол, — директор гимназии, — его преследует.

Теперь писатели искали с ним встреч и разговоров с ним и о нем.

II

Встретились, поздоровались. Шарик сказал Передонову, показывая большим пальцем на Виткевича:

— Вот этот парнишка вас шибко хвалит.

— Он от вас приходит в пафос, — ласково сказал Сергей Тургенев.

Передонов промолвил угрюмо:

— Он понимает. Все здесь болваны, а он — малый ничего себе.

— А мы гуляли, — сказал Шарик.

— Теперь не время гулять, — угрюмо ответил Передонов, — пойдемте ко мне водку пить, да заодно пообедаем.

Писатели охотно согласились. Все пошли к Передонову. Виткевич сказал:

— А мы с господами литераторами на интересную тему говорили, о лежачих.

Шарик воскликнул:

— Да, вот говорят, — лежачего не бить! Что за ерунда! Кого же и лупить, как не лежачего! Стоячий-то еще не дастся, а лежачему то ли дело! В зубы ему, в рыло ему, прохвосту!

Он любовно посмотрел на Тургенева, прямо в его обрюзглое от продолжительного пьянства лицо.

— Горяченьких ему, мерзавцу! — согласился и Сергей Тургенев.

Он ласкал друга взором и поглаживал его рукою по спине, худой и хрупкой, — так казалось Сергею Тургеневу, что уж совсем плох Шарик: от всяких излишеств нажил себе спинную сухотку. Шарик, с ласкою в неверном голосе, спросил Передонова:

— Согласны, Ардальон Борисыч? Падающего надо толкнуть?

— Да, — отвечал Передонов, — а мальчишек и девчонок пороть, да почаще, да побольнее, чтобы визжали по-поросячьи.

— Зачем? — с болезненною гримасою спросил Сергей Тургенев.

Передонов ответил угрюмо:

— Чтобы не смеялись. А то и во сне смеются.

— Слышите! — в восторге вскрикнул Шарик. — Какие горизонты! Чтобы не смеялись! Это — нечто демоническое! Изгнать из этого пош-

лого детства этот пошлый, животный смех! Просвет вперед, и просвет назад! Какие два горизонта! Это — нечто сверхдемоническое!

Сергей Тургенев между тем напряженно думал, что бы ему такое сказать изысканное, тонкое и глубокое, — и придумал. И, с уважением к Передонову и к себе, он сказал:

— Да, это до отвращения прекрасно.

— Да, — подхватил Шарик, — или до восхищения гнусно. А Тургенев-то как здорово ляпнул: до отвращения прекрасно! Мой друг Тургенев, — да остроумнее его нет в России.

— И заметьте, — сказал Сергей Тургенев, — этот превосходный афоризм: до восхищения гнусно! Великолепно сказано! О, мой друг Шарик умеет находить удивительные слова. Россия еще о нем услышит.

В уме Сергея Тургенева запрыгали давно заготовленные отрывки из речи, которую он скажет, — о, верно, скоро, скоро! — над гробом Шарика. Писатели сделали несколько шагов молча, улыбаясь радостно, восхищенные каждый своим умом и гениальностью. Виткевич шел рядом с ними мелкими шагами и восторженно заглядывал в их блаженные лица.

Шарик вспомнил о замечательном человеке, Передонове, и сказал:

— Славно вышло, что мы приехали в эту трущобу.

Передоновым Шарик мог восхищаться без зависти, — не писатель.

— Я тоже не жалею, — поддакивал Сергей Тургенев.

Передонов угрюмо сказал:

— Ничего тут нет хорошего.

— А вы! — воскликнул Сергей Тургенев.

Он любовно посмотрел Передонову в тупые глаза.

— Один я только и есть! — сказал Передонов скорбно. — Да и я скоро уеду. Буду инспектором, буду ездить по школам, мальчишек и девчонок пороть, а учительниц по мордасам лупить, пока не надоест.

Сергей Тургенев восторженно воскликнул:

— Какая тоска в этих обетованиях!

— И какая сила! — подхватил Шарик. — Это выше Фомы Гордеева.

— В миллион раз выше, — согласился Сергей Тургенев.

Эти писатели любили сравнивать и всегда радовались, если можно было, возвеличивая одного, заодно лягнуть другого.

— Фомы Гордеева нет, — сказал Передонов, — а Николай Гордеев — мерзавец. Он клячку жует и чертей в потолок лепит.

Шарик, улыбаясь, спросил у Сергея Тургенева:

— Он — безумец, Тургенев? Да?

— Да, — согласился Сергей Тургенев, — но это — проникновенное безумие.

Передонов сказал:

— А Сашка Пыльников — мерзавец, а она его выпороть не захотела, его хозяйка.

— Кто такие? — осведомился Шарик.

Передонов отвечал:

— Гимназист тут есть один, квартирующий у вдовы такой, такая вдова есть, Коковкина. Смазливая лупетка, — говорят, переодетая девчонка, жениха ловит. Я приходил к ним, спрашивал, а Сашка не признается. Выдрать надо бы хорошенечко, а та, старуха-то, и не захотела. Вот бы вы ее пропечатали, шельму старую.

— Да, — согласился Шарик, — буржуазно-либеральную пошлость надо опрокидывать всеми способами. Пошлого буржуа надо ошеломлять, чтобы он глаза выпучил, — его надо прямо кулаком в брюхо.

Шарик внезапно сделал выпад правою ногою и ткнул кулаком Сергея Тургенева в бок.

— Легче! — воскликнул Сергей Тургенев. — Ты этак меня убьешь. Не забывай, пожалуйста, что я — Тургенев.

Шарик саркастически усмехнулся и значительно произнес:

— Сергей, а не Иван.

Сергей Тургенев поморщился.

— Ну, это к делу не относится, — сказал он. — А только вот что я вам, господин Передонов, скажу: нельзя напечатать, что эта госпожа протестовала, а придется все изобразить символически, то есть обратно. Мы напечатаем, что она совершила экзекуцию над гимназистом по своей собственной инициативе, на почве своего необузданного азиатского деспотизма. Такая репродукция этого инцидента будет соответствовать гуманным принципам нашего органа печати.

III

Передонов громко зевнул. Ему было все равно, но разговоры ему уже надоели. Он сказал угрюмо:

— Улица торчком встала.

Писатели поглядели вперед. Улица поднималась на невысокий холм, и за ним опять был спуск, — и перегиб улицы между двумя лачужками рисовался на синем, вечереющем и печальном небе. Тихая область бед-

ной жизни замкнулась в себе, и тяжко грустила, и томилась. И даже писателям стало грустно, как бывает иногда вдруг скучно слабым и усталым детям.

— Да, яма, — сказал Шарик и свистнул.

Сергей Тургенев молчал, томно склонив голову. Он думал, что его печаль — печаль великой души, томящейся в бедных оковах лживого бытия, и гордился этою своею печалью.

Деревья дремно свешивали ветки через заборы и заглядывали в лица проходившим, и подслушивали, и мешали идти, и шепот их был насмешливый и угрожающий. Баран стоял на перекрестке и тупо смотрел на Передонова.

Вдруг из-за угла послышался блеющий смех, выдвинулся Володин и подошел здороваться. Передонов смотрел на него мрачно и думал о баране, который сейчас стоял здесь, и вдруг его нет.

Это, думал Передонов, конечно, Володин оборачивается бараном. Не даром же он так похож на барана, и не разобрать, смеется ли он, или блеет.

Эти мысли так заняли Передонова, что он совсем не слышал, что говорили, здороваясь, Володин, писатели и Виткевич.

— Чего лягаешься, Павлушка! — тоскливо сказал Передонов.

Володин осклабился, заблеял и возразил:

— Я не лягаюсь, Ардальон Борисыч, а изволю здороваться с вами за руку. Это, может быть, у вас на родине руками лягаются, а у меня на родине ногами лягаются, да и то не люди, а, с позволения сказать, лошадки.

Передонов проворчал:

— Еще боднешь, пожалуй.

Володин обиделся и дребезжащим голосом сказал:

— У меня, Ардальон Борисыч, еще рога не выросли, чтобы бодаться, а это, может быть, у вас рога вырастут раньше, чем у меня.

Писатели слушали его и посмеивались.

— Да он у вас — шустрый парень, — сказал Шарик с любезною улыбкою в сторону к Передонову.

Передонов сердито говорил:

— Язык у него длинный, — мелет, чего не надо.

Володин немедленно возразил:

— Если вы так, Ардальон Борисыч, то я могу и помолчать.

И лицо его сделалось совсем прискорбным, и губы его совсем выпятились. Однако он шел рядом с Передоновым, — он еще не обедал и рассчитывал сегодня пообедать у Передонова: утром, на радостях, звали.

IV

Дома ждала Передонова важная новость. Варвара выбежала в прихожую и закричала:

— Кота вернули!

Испуганная, она не замечала гостей. Наряд ее был, по обыкновению, неряшлив — засаленная блуза над серою, грязною юбкою, стоптанные туфли, пыльные чулки клюквенно-кисельного цвета. Волосы нечесаные, растрепанные. Взволнованно говорила она Передонову:

— Иришка-то! со злобы еще новую шутку выкинула. Опять мальчишка прибежал, принес кота и бросил, а у кота на хвосте гремушки. Кот забился под диван и не выходит.

Передонову стало страшно.

— Что же теперь делать? — спросил он писателей.

Сергей Тургенев отвечал:

— Прежде всего, будьте любезны отрекомендовать нас вашей супруге.

Так как Передонов стоял неподвижно, то Сергей Тургенев сам подошел к Варваре, галантно шаркнул, схватил себя за галстух и назвался:

— Литератор Сергей Тургенев, позвольте отрекомендоваться. Прошу великодушного извинения, что вторгаюсь в ваш семейный очаг, может быть, несвоевременно.

Варвара ухмыльнулась, подала литератору потную, пыльную от возни с котом, руку и сказала:

— Приятно познакомиться. Уж только вы меня извините, что я в таком затрапезе. Вот, по хозяйству занималась.

Выступил и Шарик, откашлялся и громко сказал:

— Писатель Скворцов, Шарик. Просто Шарик. Вся Россия знает Шарика.

Варвара ухмыльнулась и ему и тоже пожала его руку.

— Павел Иваныч, — попросила она, — вы помоложе, — турните его из-под дивана. Да уж и вы, Виткевич, помогите.

Володин сказал, хихикая:

— Турнем, турнем.

И пошел в зал.

— Турнем, тетенька, не беспокойтесь, — сказал Виткевич, подмигнул нахально Варваре и, проходя мимо нее, толкнул ее, словно невзначай, локтем.

Писатели переглянулись. Шарик легонько свистнул.

Кота кое-как вытащили и сняли у него с хвоста гремушки. Передонов отыскал репейниковые шишки и снова принялся лепить их в кота. Кот яростно зафыркал и убежал в кухню. Писатели смеялись. Кот казался им символическим, — вот именно этот Передоновский кот.

Передонов, усталый от возни с котом, уселся в своем любимом положении — локти на ручки кресла, руки сложены на животе, пальцы скрещены, нога на ногу, лицо неподвижное и угрюмое.

V

Сергей Тургенев мечтательно поднял серые глаза к потолку, оклеенному бумажкою, и сказал:

— Зеленоокие коты, любящие на кровлях, выше человеческого жилья, — вот прообраз сверхчеловека.

Шарик презрительно усмехнулся.

— Ну, а по-вашему как же? — спросил Сергей Тургенев.

Шарик задумался, покрутил правою рукою, отбросил со лба прядь волос и сказал:

— Видите ли, я не отрицаю красоты вашего определения. Вообще, вы мастер ляпать такие поэтические словечки, в которых больше поэзии, чем правды. Да и, в сущности, к чёрту правду! Правда — ужасная мещанка, сплетница и дура. Но на этот раз я с вами положительно не согласен. Мне кажется, тут есть другая закавыка.

Сергей Тургенев, красный и от похвал, и от несогласия с тем, что Шарик скажет, спросил:

— Какая же, однако, закавыка?

— Видите ли, пессимизм... — начал было Шарик.

Но Сергей Тургенев резко и презрительно перебил его:

— Ну, нет-с, извините, пессимизм — пес, собака.

Шарик был поражен.

— Да, вы, конечно, правы, — сказал он. — Но я хочу вот что сказать, — коты мудры или нет?

Сергей Тургенев решительно отвечал:

— Мудры.

— Заметьте, — продолжал Шарик, — я веду речь только о котах, а не о кошках. Когда коты любят, они мучительно кричат. Отчего? Страдание притаилось у истоков жизни, — и на всех улицах и дворах души, на всех кровлях жизни мяукает горькое страдание. Тем ужаснее и горестнее мяукает оно, чем пламеннее стремится к идеалу. Между

блуждающими по кровлям котами робко крадется окрыленная песня поэта.

Сергей Тургенев воскликнул в восторге:

— Превосходно сказано! Мяукать! — какое символическое слово!

Передонов внезапно зевнул, и при этом угрюмое лицо его на миг озарилось выражением удовольствия — сладко зевнулось!

— Как он демонически зевает! — задумчиво сказал Сергей Тургенев, — как глубоко символична эта мрачно зияющая реакция на банальную скуку пошлой жизни!

Варвара вдруг разразилась дребезжащим смехом и сказала:

— Ну, будет вам валять Петрушку! Вот, ешьте лучше вишни.

Володин возразил:

— Вишни вишнями, только вы, Варвара Дмитриевна, не мешайте нам побеседовать. Мы к вам на кухню не ходим, когда вы нам покушать стряпаете, а вы нам не мешайте об ученых предметах послушать.

VI

Шарик и Сергей Тургенев заговорили с Варварой и кривлялись при этом, сразу заразившись неуважением к ней. Они видели ее первый раз, но она напомнила им что-то знакомое и общедоступное. Шарик подмигнул Сергею Тургеневу на Варвару и спросил его:

— Похожа на Эмму, там, у Лисицы, не правда ли?

Сергей Тургенев без зазрения пристально оглядел Варвару и сказал:

— Да, но еще больше на Женю в Старой Японии.

— Ну, я там не был, — высокомерно отвечал Шарик.

Варвара ухмылялась.

— Какие такие Эмма да Женя? — спросила она. — Знакомые, что ли?

Шарик, ухмыляясь с особою многозначительностью, сказал:

— Да, около того, что знакомые.

— Девочки, — мечтательно сказал Сергей Тургенев и нежно прибавил: — бедные девочки!

— Что ж у вас такие бедные знакомые? — ухмыляясь, спросила Варвара.

Шарик развязно отвечал:

— Мы, тетенька, и сами — вошь в кармане, блоха на аркане.

Варвара обиженным голосом сказала:

— Какая я вам тетенька! Разве вы меня за старуху считаете?

— Совсем даже напротив, почтенная матрона, — галантно отвечал Сергей Тургенев, — а просто из почтения.

— Лопни моя утроба, только из почтения, маменька, — сказал и Шарик.

Варвара с хохотом отвечала:

— Нужно мне ваше почтение! Вот еще, невидаль какая!

Вмешался в разговор и Виткевич.

— Почтение, бабушка, всякому лестно, — сказал он нагло.

Но Варвара сразу оборвала его:

— Ну, вы, молокосос, туда же.

VII

Сергей Тургенев, улыбаясь и мечтательно закатывая под лоб тусклые глазенки, запел приятным тенорком:

— Прелестная Эмилия,
Друг выше всех похвал,
С тобой мне жизнь идиллия
Была, мой идеал.

Хитрые серые глаза его выражали не то удовольствие, не то насмешку.

Шарик слушал с презрительною улыбкою и, наконец, преувеличенно громко и неестественно засмеялся. Сергей Тургенев сказал:

— Нет, право, это даже трогательно. Здесь есть что-то такое наивное, первоначальное, — одним словом, почти прерафаэлитское.

Шарик призадумался.

— Да, пожалуй, — согласился он, — но все-таки ерундисто.

Сергей Тургенев воскликнул:

— Конечно! В сущности, идиотски глупо, но это-то и хорошо. Это мы здесь на кладбище списали, — объяснил он Передонову. — И вообще тут у вас много есть забавных вывесок в городе. У меня записано кое-что. Вот я вам прочту.

Он достал из бокового кармана засаленную и растрепанную книжку и принялся читать свои выписки.

«Мычала и рогожи».

«Харчевня на двадцать четыре лошади».

«Лавка смехом».

«Школа для мальчиков и девочек обоего пола».
«Полотер и монтер дешевого просвещения».
«Шароварня для мужчин».
«Чаи, сахары, мыла и муки».
«Музыкальные фортепьяны».

Писатели смеялись, Варвара ухмылялась, Виткевич визжал от восторга, Передонов смотрел на всех тупо и изредка отрывисто хохотал.

Сергей Тургенев, вдруг становясь серьезным, сказал Шарику:

— А знаете, — я эту эпитафию вставлю в свою поэму.

— Да, это идет, валяйте, — согласился Шарик. — Вы знаете, господа, — Тургенев задумал накатать поэму. Это будет важнецкая вещь!

— Да, если мне удастся выразить то, что я хочу, — скромно сказал Сергей Тургенев.

Шарик сказал торопливо:

— Конечно, удастся! Вообразите, это — велико-мистическая штука, и там будет не Демон, не Сатана, — что черти! вздор, чушь, распрочепушенция! — нет, великий, враждебный всему идеальному дух, которого Тургенев назвал Баналом. А, каково название!

Сергей Тургенев скромно улыбался, как улыбается гений, уверенный в величии своего замысла.

— Да, — сказал он застенчиво, — это будет очень интересное и глубокое по мысли творение. Я уже посвятил его вечности и потомству. Это будет истинный chef-d'œuvre.

Передонов вдруг захохотал. Сергей Тургенев вздрогнул и с ненавистью посмотрел на Передонова.

VIII

На вечеринке у Грушиной Шарик, увидев, что дамы смотрят на них, сказал:

— Какие пошлые сны шляются в этом затхлом городе! Тургенев, расскажите им ваш сон об аллее вещих птиц. В нем аховое настроение.

Сергей Тургенев мечтательно улыбнулся, поднял глаза к потолку и заговорил томным голосом:

— Я видел сон. Не все в нем было сном. Аллея, длинная, без конца. У всех деревьев отрублены вершины. Между каждою парою деревьев цветет мистический огонь. На каждом дереве сидит таинственная, ве-

щая птица, сидит и хлопает глазами. Богатое настроение! Но нет, друг мой Шарик, — говорил он, изнемогая от истомы, — они не поймут. Они не могут этого понять!

Передонов шептал:

— Аминь, аминь, рассыпься!

Уже завидовал Шарик сну Сергея Тургенева. Он задумывал свой сон, чтобы затмить все раньше рассказанные, — сон явно неправдоподобный, с множеством подробностей. В этом сне были и ширококрылый орел, — сам Шарик, — и змея, и ворон, и кроваворотые тюльпаны, распустившиеся на лазорево-голубых куртинах. Но Рутилов внезапно помешал его рассказу.

— А я так никогда снов не вижу, — сказал он, — а и увижу, так сейчас же забуду. Стоит помнить, право!

Рутилову захотелось поддержать перед заезжими писателями достоинство образованного человека.

Сергей Тургенев спросил его, пожимая плечами:

— Отчего же?

— Да я в сны не верю, — сказал Рутилов. — Мы ведь хоть и в провинции живем, а все-таки не совсем одичали.

Сергей Тургенев отвечал ему высокомерно:

— Конечно, не всякой душе дано соприкасаться с вечными проблемами бытия.

Рутилов, чувствуя себя уязвленным словами писателя, сказал:

— Только мужичье в сны верит. Образованным людям не пристало такое суеверие.

Шарик язвительно улыбался.

— Полированность! — злобно сказал он.

Сергей же Тургенев, довольный тем, что рассказал свой сон, был настроен теперь благодушно. Он провел рукою по волосам и сказал:

— Нет, я не смеюсь над народными суевериями. Народные предания близки мне: я — внук простонародья, я — племянник ворожащего горя, я — родич всероссийского скитальчества и ведовства. Вещими снами обвеяна моя колыбель. Мое сердце верит во все эти сказки. О, я — безумец! Сегодня мне еще снилось, — я был царевич, прекрасный, юный: мои очи сияли, как звезды, мои кудри рассыпались по плечам золотым каскадом, на моих устах цвели розы, — прелестные девы целовали мои руки устами легкими, как сон.

В это время Передонов опять внезапно и громко зевнул и перекрестил рот, крадучись, чтобы не видели.

IX

Запахло съестным. Грушина позвала гостей в столовую. Все пошли, толпясь и жеманясь. Расселись кое-как.

Писатели сели рядышком. Грушина потчевала их:

— Кушайте, пожалуйста. Чего вы желаете?

Сергей Тургенев усмехнулся меланхолически, принял вдохновенный вид и сказал:

— Чего я желаю? Но мои желания ненасытны... Я бы желал вспорхнуть, как радужно-крылая птица, и лететь, лететь...

Шарик угрюмо заявил:

— А я желаю дать в морду какому-нибудь мерзавцу.

Сергей Тургенев возразил:

— Нет, я хочу иметь женщину, безумную, как я! С рыжими волосами, с глазами зелеными и дикими, длинную и гибкую, как змея, и такую же злую.

X

Писателям одновременно пришла в голову одна и та же блистательная затея. Они перемигнулись, встали из-за ужина, отошли к сторонке и заговорили очень горячо. Они оба враз уговаривали друг друга жениться на Грушиной.

Сергей Тургенев говорил:

— В ней есть что-то вакхическое. Ей недостает только тирса и леопардовой шкуры.

Шарик отвечал:

— Я, право, не прочь бы. Но, по-моему, вам больше подходит.

И оба наперерыв выхваляли Грушину. Каждый из них думал погубить своего приятеля этою женитьбою.

XI

В передней Рутилов говорил со смехом:

— Что ты кутаешься, Ардальон Борисыч? Ведь тепло!

Передонов ответил:

— Здоровье всего дороже.

Сергей Тургенев возразил мечтательно:

— Нет, всего дороже слава.

Шарик поправил его:

— Честная слава!

— О, все равно! — сказал Сергей Тургенев, — ведь и убийство может быть красивым жестом.

XII

В тот день, когда Передоновы собирались делать визиты, — что у Рутиловых было, конечно, заранее известно, как и всякие другие новости, — сестры отправились к Варваре Николаевне Хрипач, из любопытства, посмотреть, как-то Варвара поведет себя здесь.

У Хрипачей уже сидели в тот день писатели Шарик и Тургенев. Они изучали нравы, а потому старались везде бывать. Заговорили о последней городской новости, о женитьбе Передонова и вообще об его странностях.

— Кстати, — сказала Людмила, — какой у вас красивый мальчик есть в гимназии, Саша Пыльников, — писаный красавец!

Варвара Николаевна удивилась, — ей показалось, что это не вовсе кстати, и переход от Передонова к смазливому мальчику был ей непонятен, а потому казался даже несколько неприличным.

— Я их, право, не знаю, никого, — сказала она. — Их там много, и я не имею к ним никакого отношения.

— Он у вас — новый, — сказала Людмила.

— Да? Но я и старых не знаю, подавно новых, — возразила Варвара Николаевна.

— И это тот самый мальчик, которого Передонов принял за девочку, — сказала Людмила.

— Ах, вот! Да, я что-то слышала, — неохотно протянула директорша.

Тургенев лукаво улыбался.

— Ваш Передонов, — сказал он, — несколько грубо выразил то, что есть. Гипотеза о том, что в гимназию поступила переодетая девочка, конечно, не выдерживает критики. Но все-таки вы не знаете, кто он.

Директорша благосклонно улыбалась. Она ожидала, что писатель скажет что-нибудь остроумное и веселое.

— Вот, просто мальчишка! — сказала Дарья, — только смазливый.

— Не совсем так, — настаивал Тургенев.

— Ну, кто же он? — спросила Людмила.

— Андрогин! — воскликнул Тургенев и для чего-то поднял глаза к потолку.

Общее недоумение, — дамы не знали такого слова. Шарик перевел:

— Парень-девка.

— Но что же это значит? — спросила любопытная Людмила.

— Как вам сказать! — говорил Тургенев. — Это, если хотите, высшее существо. В нем самоудовлетворение, гармоническое сочетание активного и пассивного элемента человеческого духа и естества. И даже не собственно сочетание, а синтез этих двух элементов. Каждый из нас представляет расщепленное существо. Совершенный же человек не есть муж, и не есть жена, и не есть муж и жена вместе, и не есть ни муж, ни жена. Эти два элемента в нем соединены, так сказать, химически, в некотором супернатуральном процессе, так что обычный физиологический путь упраздняется, как уже бесполезный, ни к чему не ведущий. Мы все — плодоносящие и добродеющие, а он уже и есть добросодеянный плод. Он бы еще долго говорил, но Людмила вдруг захохотала. Директорша сдержанно улыбалась: она не могла понять, шутит писатель или говорит серьезно, и потому на губах у нее была улыбка, а в глазах выражение не то задумчивой внимательности, не то снисходительной сдержанности по отношению к чудачеству.

Хрипач внимательно прослушал и сказал:

— Это — остроумно, и в отвлечении, может быть, и возможно, как некоторая надежда, хотя еще смутно выраженная в иных современных веяниях. Но в применении к данному частному случаю это взято слишком высоко. Притом указываемый вами путь, супернатуральный или сверхчеловеческий, есть в сущности путь антихристианский, а первоначальник этого пути, то есть антихрист, во всяком случае (Хрипач тонко усмехнулся), не может быть воспитанником правительственного учебного заведения.

Тургенев был обижен Людмилиным смехом, тем более, что вначале она слушала, по-видимому, с сочувствием. Лукавая девчонка!

— Если моя гипотеза никому здесь не нравится, — сказал он, пожимая плечами, — то это только лишает вас некоторой ясной и возвышенной точки зрения на предмет.

XIII

Были на маскараде и писатели, Шарик и Сергей Тургенев. На обратном пути в столицу они опять приехали в наш город. Обрюзглые и пожелтелые от пьянства, они, однако, казались еще молодыми. Крепкие были у них натуры, хоть и уверяли они своих доверчивых приятелей, что страдают болезнью «великого Надсона». Шарик был, как всегда, в блузе.

— Это — интернациональный костюм, — объяснял он Володину. — Все интеллигенты должны его носить.

Он сохранял на своем лице преувеличенно-насмешливое и угрюмое выражение. Он презирал эту веселящуюся толпу. Тургенев был любезнее. Он смотрел снисходительно.

— Есть нечто опьяняющее в банальных и глупых увеселениях толпы, — тихо говорил он Шарику, — впечатление такое, точно берешь грязевую ванну.

— Протобаналы! — сердито проворчал Шарик.

— Да, весь этот блеск скучен для меня, как чужая радость, — сказал Тургенев. — Слушайте, Шарик, — как вам нравится это сравнение: скучный, как чужая радость? Я его вставлю в свою новую новеллу.

— Превосходно, — похвалил Шарик, — в самую точку потрафило. Действительно, чужая радость — зрелище изрядно-таки омерзительное.

Тургенев и Шарик пошли в буфет пить чай.

— Я набросал сегодня, — рассказывал Шарик, — критический этюд, содержание которого вас заинтересует.

— Понятно, — сказал Тургенев, — что́ вы написали, то не может быть неинтересно.

— Да, конечно, — согласился Шарик. — Так вот, моя тема — Некрасов и Минаев.

— Пфа! — презрительно сказал Тургенев.

— Подождите, — остановил Шарик, — я доказываю, что Некрасов, — заметьте, фактически доказываю, — Некрасов завидовал Минаеву.

— Ого! — воскликнул Тургенев и засмеялся, — невероятно, но мило. Бесспорно, мило.

— Да, да, завидовал, — убежденно говорил Шарик. — Да и нельзя в сущности, не завидовать: зависть — необходимая принадлежность настоящего литераторского темперамента.

— Да, вы, может быть, правы, — задумчиво сказал Тургенев. — Я понимаю Сальери.

XIV

Меж тем в дверях буфетной собралась толпа. Смотрели на писателей, обменивались замечаниями. Это сердило Шарика. Он встал, нахмурился, почесал затылок и произнес грубым голосом:

— Послушайте, эй, вы, субъекты, чего вам надо? Чего вы здесь не видали?

— Ш-ш, ш-ш, — раздалось в толпе, — говорит, говорит что-то.

Вдруг стало очень тихо, и Шариков голос раздавался беспощадно-ясно в этой предательской тишине:

— Я приехал сюда изучать ваши нравы, а вовсе не затем, чтобы торчать перед вами чучелой гороховым. Я — литератор, а не водолаз, и не Венера голопузая. Глазеть на меня нечего, у меня такое же рыло, как и у всякого здешнего прохвоста, и пью чай я тоже ртом, а не носом и не другим каким отверстием.

— Ловко! — крикнул кто-то в толпе.

Кто-то злобно зашикал, кто-то засмеялся. Шарик продолжал, все громче и сердитее:

— Мы с Сергеем Тургеневым сели чаю похлебать, а вы проваливайте, пляшите. Чем буркалы на нас пялить, вы лучше наши книжки внимательнее читайте, а то скоро корою зарастете и не учухаете. Другие беллетристы только мои предтечи... наши с Сергеем Тургеневым предтечи, — вот вы нас и читайте, учитесь уму-разуму, уж мы вас худому не научим.

Он отвернулся от толпы, сел, налил чаю на блюдечко, поставил блюдечко на распяленные пальцы и нарочито-громко хлебнул. Пестрая толпа, рукоплеща оратору, со смехом расходилась. Слышались одобрительные возгласы.

— Ловко отделал!

— Ай да писатель!

— Этот за словом в карман не полезет.

— Ловкий малый!

— Так нам, дуракам, и надо!

— Чего, в самом деле, глазеть! Невидаль!

Чиновник с веником махал своими прутьями, усиленно кривлялся и приговаривал:

— Вот и баня. Занятно здесь парят нашего брата.

XV

Тургенев не сделал попытки остановить Шарика. Он сладко улыбался и мечтал, что эта бестактная выходка попадет в газеты и осрамит Шарика. Когда зрители ушли, Тургенев сочувственно пожал Шарику руку и сказал:

— Эта речь останется знаменательным фактом в вашей биографии. Запишите ее, пока не забыли, а то исказят.

— Да, спасибо, наваляю, — сказал Шарик, я и сам чую, что это у меня здорово выперло.

— Знаете ли, — сказал Тургенев, — когда слышишь такие речи, то у души вырастают крылья, белые, острые, как у демонов.

— Это вы ловко придумали, — поощрил Шарик. — Мы с вами сегодня в ударе.

Тургенев сделал мечтательные глаза и сказал:

— Сегодня, пока вы писали, я бродил в лесу, за городом. Я беседовал с цветами, с птицами, с ветром. Я был счастлив.

— Если взять с собою водки и рому, — сказал Шарик, — то в лесу распреотлично.

— Нет, я не был пьян, — возразил Тургенев. Душа моя родственна облакам, изменчивым и прекрасным. Вы видите на глазах моих слезы? Эти слезы от избытка нежности.

ФРАГМЕНТЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ГАЗЕТНУЮ ПУБЛИКАЦИЮ «СЕРГЕЙ ТУРГЕНЕВ И ШАРИК. НЕНАПЕЧАТАННЫЕ ЭПИЗОДЫ ИЗ РОМАНА „МЕЛКИЙ БЕС"»

⟨к гл. VIII⟩

Грушина по временам устраивала вечеринки. Теперь она вообразила, что можно прельстить одного из выпивающих в странствиях писателей и повенчаться с ним. Она позвала их на вечер, да и своих обычных состольников: Передонова с Варварой, Фаластова, Володина, Рутилова, Преполовенских и еще нескольких молодых чиновников.

Гости собрались рано. Не было пока только писателей.

Рутилов, как это ни странно, все еще не потерял надежды выдать одну из своих сестер за Передонова. Поэтому ему не нравились разговоры о женитьбе Передонова на Варваре.

Когда об этой женитьбе заговорили на вечеринке у Грушиной, Рутилов, чтобы перевести разговор на другое, заговорил о вчерашнем приключении с писателями.

После обильной выпивки у Мурина пьяные писатели заблудились на улицах и набуянили. Городовые препроводили их в полицию. Так как исправник в тот день был в отъезде, а помощник исправника винтил у соборного протопопа, то войти в положение писателей было некому.

Околоточный надзиратель по своему малому развитию не мог сообразить, как следует поступать с писателями. Писателям пришлось переночевать в клоповнике (местное название того покоя при полицейском управлении, куда сажают задержанных полициею).

Наутро писателей выпустили, даже извинились перед ними.

Оказалось, что это приключение всем известно. Тем не менее заговорили о нем с одушевлением и хохотом и сообщали друг другу явно невероятные подробности.

Как раз в это время пришли писатели, — Тургенев был в светлом пиджачке и в галстучке веревочкою. Он старался казаться изящным и нежным. Шарик был в блузе, с преувеличенно мужицкими ухватками.

Писателей засыпали вопросами, — правда ли, что они переночевали в кутузке? Правда ли, что их колотили городовые? Правда ли, что им поставили на спину клейма? Правда ли, что их заставили мести улицу?

Писатели с восторгом и с ожесточением рассказывали о своем приключении.

Сергей Тургенев с горькою улыбкою сказал:

— Это — только один из массы прискорбных фактов русской действительности.

Шарик свирепо произносил бранные слова.

— Куда ни поглядишь, — говорил Сергей Тургенев, — всюду русская безжизненность, русское недомыслие, русское остолбенение!

Он с горьким презрением произносил слово «русское».

Мурин сказал с ободряющим смехом, хлопнув по плечу Сергея Тургенева:

— Руси есть веселие пити, не можем без того быти.

Писателям эта шутка не понравилась. Они сердито посмотрели на Мурина. Шарик грубо ответил ему:

— Совсем не кстати вы это ляпнули. Помолчали бы лучше, коли ртом только мух ловить умеете.

Сергей Тургенев поддержал своего приятеля.

— Да, — сказал он, — этот афоризм о пьянстве не имеет ни малейшего отношения к данному инциденту. В ваши, господа, клоповники, помимо пьяниц, попадают совершенно трезвые и критически мыслящие интеллигенты. На это имеется масса прецедентов в нашей постыдной судебной хронике. Наша «рассейская» полиция, — кто ж ее не знает!

— Да мало ли душевных парней, — сказал Шарик, — по острогам вшей кормят!

Сергей Тургенев поучал:

— Россия не имеет еще существенных благ европейской гражданственности, — свободы совести, свободы печати, неприкосновенности личности, свободы передвижения без паспорта, свободы собраний.

В это время Передонов совершенно неожиданно и очень громко зевнул. Писателям и это весьма не понравилось. Они гневно переглянулись.

— Только русские, — сказал Сергей Тургенев, — могут зевать и спать под тучею, которая нависла над нами.

Шарик сурово заметил:

— Одни с храпом, другие нахрапом.

Сергей Тургенев горячо говорил:

— Но все-таки наш инцидент — исключительно возмутительный. Приезжие литераторы, цвет и соль интеллигенции, во главе со знаменитым Шариком, делают честь городу, нанося ему визит. На них бы должны смотреть, как на почетных гостей, а их, литераторов, почетных гостей, неграмотные и грубые *альгвазилы* тащат в кутузку! В клоповник! За это в Сибирь сослать мало! Нельзя допустить, чтобы каждый городовой мог глумиться над литературою и над ее представителями.

Шарик с уверенностью сказал:

— В Европах такой мерзости не могло бы случиться.

— Случись там что-нибудь подобное, — уверял Сергей Тургенев, — назавтра же был бы запрос в парламенте! инцидент! нет прецедентов! министерство долой! в отставку!

— Под суд! — свирепо крикнул Шарик. — В каторгу!

Сергей Тургенев вздохнул, сверкнул глазками по-змеиному и прошипел:

— Этот постыдный случай перейдет в вечность! Когда-нибудь в «Русской старине» появятся мои мемуары. Там все это будет описано подробно и сочно.

Шарик заявил:

— А я не буду ждать потомства. Я напишу письмо в немецкую или в шведскую газету. Я устрою скандал на всю Европу.

Рутилов опасливо осведомился:

— А не достанется вам за это?

— Нет, — отвечал Шарик, — за границей можно, сколько угодно, — «они» на это не обращают внимания.

Сергей Тургенев сказал:

— Мы коллективно напишем.

Шарик яростно крикнул:

— Мы заорем караул на всю Европу!

Мурин еще дулся на писателей за то, что Шарик его оборвал. Насмешливо улыбаясь, он проворчал:

— Большая важность, — в участке посидели!

Шарик побагровел от злости и запальчиво спросил Мурина:

— А вы там сиживали?

Мурин ответил обиженно:

— Ну вот, чего я там не видал!

Сергей Тургенев заговорил с одушевлением:

— Так вы и не могите судить о том, что значит провести ночь в темнице. Сырой мрак, голые стены, смрад, ядовитый, удушающий смрад. За стеною — звон кандалов, свирепые возгласы угрюмых стражей и чьи-то надрывающие душу стоны. Истомленный всеми этими ужасами, опустишься на жесткое ложе, — и тотчас же нападают клопы, блохи, мокрицы, тараканы, тарантулы, и жалят, жалят нестерпимо. Вскакиваешь, хочешь идти, в благородном негодовании ломишься в двери, — свирепое рыкание пьяного *башибузука*, вооруженного нашею родною, всемирно-знаменитою нагайкою, мигом возвращает к покорности. Валишься на сырой, грязный пол, забываешься на полминуты и видишь сны, — о, эти ужасные, горячечные темничные сны! Ужас, ужас, трижды ужас! Позор, позор, стократ позор! Презренная Россия! [О, когда же настанет царство гения!]

Передонов зевнул и угрюмо сказал:

— Кстати о снах, — я сегодня тоже сон видел страшный. Будто я Марту Нартанович укокошил, ограбил и в помойку сволок.

Варвара захихикала.

— Так ей и надо, стервозе, — сказала она с ненавистью.

Сергей Тургенев смотрел с недоумением и с досадою. Никто не был поражен страстностью и силою его речи, — точно комар пропищал. Уже не в первый раз изумляло Сергея Тургенева то, что многие великолепные его выражения пролетали мимо здешних ушей. Словно их и не слышали. В других местах, по крайней мере, возражали, сердились, ну, хоть смеялись, наконец, — по глупости, конечно, и по непониманию. Здесь же только смотрели в рот, — и вот ровно-то ничего не понимали. Сергей Тургенев сердито пробормотал, обращаясь к Шарику:

— Святая простота!

Шарик проворчал ему в ответ:

— Головоногие!

Володин объявил:

— Я сегодня тоже интересный сон видел, а к чему он, не знаю.

И другие мужчины просили Варвару и Грушину рассказать сны. Но Варвара и Грушина переглядывались, погано смеялись и не рассказывали, — присутствие новых гостей, заезжих писателей, стесняло их. А писатели сидели, надувшись, с презрительными и насмешливыми лицами.

⟨к гл. XI⟩

Шарик высоко ценил свою славу. Ночевка в кутузке казалась ему знаменательным фактом в его биографии. Потомки станут вспоминать этот случай с горькими чувствами и строго осудят теперешние порядки. Да и ныне живущие на земном шаре должны знать и содрогаться от негодования.

В печать, в русскую или заграничную, это попадет на днях, — не сразу же, конечно. А пока нельзя не говорить об этом громко встречному и поперечному.

Встретив на Пятницкой площади Авиновицкого, писатели пожелали приобщить его к своему негодованию. Но он внезапно и жестоко напал на них. Остановясь перед ними среди площади, он громоподобным голосом принялся распекать писателей:

— Писатели! Туда же! А что вы пишете, позвольте спросить!

— Вся Россия знает, что мы с Тургеневым пишем, — гордо сказал Шарик.

— Сто лет уже знает вся Россия то, что вы ей за новое преподносите, — яростно закричал Авиновицкий. — Дешевый хлам переворашиваете, эзоповым наречием намекаете на то, что власти вас притесняют, цензура говорить не дает, света мало. «Света, света, сказал умирающий Гёте!» Эх вы, горемычные, слабенькие да жалконькие! Что же вы не берете, что вам надо? Ждете, когда вас пожалуют сверху светом?

— Мы ратуем за свет и свободу, и не наша вина, — начал Тургенев обиженным голосом.

Авиновицкий перебил его:

— Знаю, как вы ратуете. Что в ваших повестях? Он, такой сякой, немазанный, любил ходить по прямым дорогам, а потому попал на глухой север. Что за чушь!

— Вам разве не известны такие факты? — язвительно спросил Тургенев.

Шарик злобно и молча смотрел на Авиновицкого.

— Всякие факты мне достаточно известны, — отвечал Авиновицкий, — да обобщать-то их нельзя безграмотною формулою. Вот нас с вами не сослали на какую-нибудь Пинегу, так выходит, что ли, что мы с вами за это самое прохвосты?

— Не каждому дано стяжать венец героя, — настоятельно сказал Тургенев, — всякий на своем месте, — мы литераторы.

— То-то! А что вы пишете? Фонари горели тускло, ибо русская земля очень непросвещенная! Что за белиберда!

— Да, — злобно сказал Шарик, — и русские тускло горящие фонари символизируют русское невежество, русскую темноту, русскую постылую отсталость. Все в России гадко!

— Гадко! Писания ваши гадки! — завопил Авиновицкий. — В России вам гадко, так вы бы убирались в благословенные страны, где закон не писан. Да нет, вы в ваших стихах объявляете, что вам и весь мир тесен.

— Мерзавцам просторно, — сказал Шарик, — а душевным парням тесно.

— Ну, конечно, — со сдержанной яростью сказал Авиновицкий, — от кабака до кутузки, правда, тесновато. Поверьте, господа литераторы, что в кутузку да в кабак легче сноровить, чем пути правые для потомства готовить. Непросвещенная земля русская, так просвещайте, а не мутите.

— А не то в кутузку? — злобно спросил Шарик.

— К чёрту на рога! — закричал Авиновицкий. — И чего вы все намекаете? — пишите прямо.

— А цензура! — презрительно сказал Тургенев.

— А вы пишите, словно ее нет. Ведь не вас черкать заставят.

— Не могу же я писать так, для цензора, — сказал Шарик.

— А гектограф, а заграничные типографии? Коли так драгоценны ваши мысли, так за чем же дело стало?

Шарик свирепо посмотрел на Авиновицкого, криво усмехнулся, пожал плечами и сказал сквозь зубы:

— Не могу же я писать наполовину даром. Этак я могу переутомиться.

— То-то не могу! Гонорария хочется?

— Так ведь существовать надо! — обиженно сказал Тургенев.

— А вы существуйте каким ни есть хлебным делом, — служите, учите, лечите, воруйте хоть что ли, чёрт вас побери, а писанье оставьте для тех, у кого не о гонорариях забота. [Не обращайте свя-

тыню в харчевню.]* Да и на кой чёрт вам вообще существовать понадобилось?

— Что ж, аристократишкам только писать можно? — язвительно спросил Шарик, — промеж двух сигарок?

— Чумазые вы! — загремел Авиновицкий, — да и всякий истинный писатель — аристократ, и за грошом не погонится.

Шарик дрожал от злобы к Авиновицкому и сжимал кулаки. [Заехал бы за такие речи в рожу, — да прокурор, по всему видно, дюжий парень, сдачи даст.]

Авиновицкий меж тем кричал:

— Шуты вы, а не писатели! Во всякие обноски выряжались, теперь обносками декадентства щеголяете. Декаденты, по-вашему, тонкие люди, да только простофили, — толпе не умели угодить, — так обкрадывай их, тащи барское добро на базар, заплеванное, захватанное холуйскими руками.

— Вы, однако, слишком картинно, — проворчал Тургенев.

— Да, картинно. Вот и вы картинно пишете, как у какой-то дивчины изо рта ползли длинные, разноцветные ленты заунывной песни! Эх, вы! Звуки, дескать, плавали в воздухе, как клецки в супе! Сморчки вы этакие!

— Если вы этого не понимаете, — проворчал Шарик.

— Русского языка не знаете, — уличал Авиновицкий, — пишете «помимо» вместо «кроме». Пишете: *вчинили иск*. Иск чинить нечего, — суд будет чинить разбирательство, — иск вчать, начать надобно, а не вчинить. Вчали иск, — вот как надобно.

— Мы не юристы, — обиженно сказал Тургенев.

— Не юристы? Ну, будьте языковедами, математиками, лекарями, строителями, вообще просвещенными людьми будьте, а не мазилками писачного цеха. Не учась в попы не ставят. А вы полторы книжонки в плохом переводе с немецкого прочесть удосужились, так уж думаете, всю мудрость произошли. Знаете только, что «по ту сторону добра и зла», а как по ту сторону забраться, этого еще вы не расчухали. Выдумал бедный немчура сверхчеловека, вы и домекнулись, что сверхчеловек на прохвоста смахивает и должен проживать без паспорта и без сапог. Эх, вы, простачки!

---

* Здесь и далее в квадратные скобки заключены зачеркнутые автором фрагменты текста — от отдельных слов до целых эпизодов. Все постраничные сноски принадлежат редактору-составителю, если не имеют иной конкретной пометы.

— Вы все это очень мало поняли, — сказал Шарик, — во всяком случае мы стоим на высоте современных веяний, и я вам докажу...

— Да ну вас, — перебил его Авиновицкий, — говорить с вами противно. Что вы можете мне доказать, фельдшера литературные, писатели для публики второго и третьего сорта!

Авиновицкий круто повернулся и пошел от них прочь.

— Нет, вы послушайте, — крикнул вслед ему Шарик.

Но Авиновицкий, не останавливаясь, махнул рукою и поспешно удалился. Писатели, стоя среди площади, смотрели ему вслед [и говорили плаксивым голосом] с недоумением.

— Какой некультурный человек! — воскликнул Тургенев.

— Дураковат! — решил Шарик. — Хоть бы выслушал наши мнения. Обругал и пошел! Ретроград!

— Такие диатрибы возможно слышать только в России, — с горечью сказал Тургенев, — о, презренная родина!

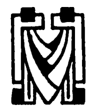
— Да, русское недомыслие вопит в этих звериных криках, — сказал Шарик.

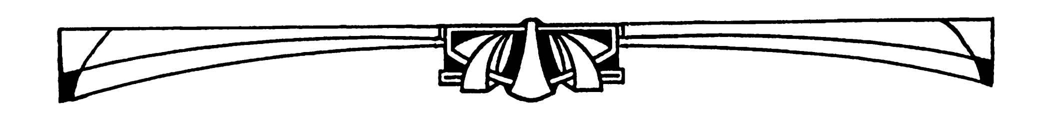
— О, — воскликнул со злостью Тургенев, — как бы я желал одним плевком оплевать все русское!

Шарик сочувственно пожал ему руку.

— Пойдемте на кряж, — сказал он, — я хочу видеть этот поганый город под ногами у себя.

— Мы выше всех этих людей, — мечтательно сказал Тургенев, — такие, как мы, будут жить через двести, триста лет. Тогда жизнь будет светлая. А теперь наш удел — слава, но бессилие.

МЕЛКИЙ БЕС

Роман

‹РАННЯЯ РЕДАКЦИЯ›

I*[1]

После праздничной обедни прихожане расходились из церкви. Иные останавливались в ограде, за белыми каменными стенами, под старыми липами и кленами, и разговаривали.[2]

— Сама княгиня Волчанская обещала Варе, уж это наверное, — говорил учитель гимназии Передонов, стоя в кружке молодых людей и угрюмо посматривая на них маленькими, заплывшими глазами из-за своих золотых очков. — Как только, говорит, выйдете за него замуж, так я ему сейчас же выхлопочу место инспектора.

— Да как же ты на Варваре Дмитриевне женишься? — нахально спросил краснощекий Фаластов, — ведь она же тебе сестра? Разве нынче можно и на сестрах венчаться?

Все захохотали. Румяное, обыкновенно равнодушно-сонное лицо Передонова сделалось свирепым.

— Троюродная, — буркнул он, сердито глядя мимо собеседников.

— Да тебе самому княгиня обещала? — спросил щеголевато-одетый, бледный и высокий Рутилов.

— Не мне, а Варе, — ответил Передонов.

— Ну вот, а ты и веришь, — оживленно говорил Рутилов. — Сказать все можно. А ты сам отчего к княгине не явился?

---

* Текст ранней редакции романа «Мелкий бес» в полном объеме публикуется впервые по беловому автографу, хранящемуся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в фонде Ф. Сологуба (РНБ. Ф. 724. № 2—3). Печатается с сохранением орфографии и пунктуации автора. Подробнее о текстологических принципах издания, комментарий редактора-составителя, а также фрагменты, дополнения и варианты к черновому автографу ранней редакции романа (на них даются сноски *1—772*) см. на с. 826—882.

— Пойми, что мы пошли с Варей, да не застали ее, всего на пять минут опоздали, — рассказывал Передонов, — она в деревню уехала, вернется через три недели, а мне никак нельзя было ждать, сюда надо было ехать к экзаменам.

— Сомнительно что-то, — сказал Рутилов, и засмеялся, показывая гниловатые зубы.

Передонов призадумался. Собеседники разошлись. Остался один Рутилов.

— Конечно, — сказал Передонов, — я на всякой могу, на какой захочу. Не одна Варвара.

— Само собой, за тебя, Ардальон Борисыч, всякая пойдет, — подтвердил Рутилов.

Они вышли из ограды, и медленно проходили по площади, немощёной и пыльной. Передонов сказал:

— Только вот княгиня как же? Она разозлится, если я Варвару брошу.

— Ну что ж княгиня, — сказал Рутилов, — тебе с ней не котят крестить. Пусть бы она тебе место сначала дала, — окрутиться успеешь. А то как же так, зря, ничего не видя.

— Это верно, — раздумчиво согласился Передонов.

— Ты так Варваре и скажи, — уговаривал Рутилов, — сперва место возьми, а то, мол, я так не очень-то верю. Место получишь, а там и венчайся, с кем вздумаешь. Вот ты лучше из моих сестер возьми, — три, любую выбирай. Барышни образованные, умные, без лести сказать, не чета Варваре. Она им в подметки не годится.

— Ну, — промычал Передонов.

— Верно. Что твоя Варвара? Вот понюхай.

Рутилов наклонился, оторвал шерстистый стебель белены, скомкал его вместе с листьями и грязно-белыми цветами, и, растирая все это пальцами, поднес к носу Передонова. Тот поморщился от неприятного, тяжелого запаха.

— Растереть да бросить, — говорил Рутилов. — Вот и Варвара твоя. Она и мои сестры, — это, брат, две большие разницы. Бойкие барышни, живые, — любую возьми, не даст заснуть. Да и молодые, самая старшая втрое моложе твоей Варвары.

Все это Рутилов говорил, по обыкновению своему, быстро и весело, улыбаясь, — но он, высокий, узкогрудый, казался чахлым и хрупким, и из-под шляпы его, новой и модно⟨й⟩, как-то жалко торчали жидкие, коротко-остриженные светлые волосы.

— Ну уж и втрое, — вяло возразил Передонов, снимая и протирая золотые очки.

— Да уж верно! — воскликнул Рутилов. — Смотри, не зевай, пока я жив, а то они у меня тоже с гонором, — потом захочешь, да поздно будет. А только из них каждая за тебя с превеликим удовольствием пойдет.

— Да, в меня здесь все влюбляются, — с угрюмым [самодовольством] самохвальством сказал Передонов.

— Ну вот видишь, вот ты и лови момент, — убеждал Рутилов.

— Мне бы, главное, не хотелось, чтобы она была сухопарая, — с тоской в голосе сказал Передонов. — Жирненькую бы мне!

— Да уж на этот счет ты не беспокойся, — горячо говорил Рутилов. — Они и теперь барышни пухленькие, а если не совсем вошли в объем, так это до поры до времени. Выйдут замуж, и они раздобреют, как старшая, — Лариса-то у нас, сам знаешь, какой кулебякой стала.

— Я бы женился, — сказал Передонов, — да боюсь, что Варя большой скандал устроит.

— Боишься скандала, так ты вот что сделай, — с хитрой улыбкой сказал Рутилов, — сегодня же венчайся, не то завтра: домой явишься с молодой женой, и вся недолга́. Право, хочешь, я это сварганю? Завтра же вечером? С какою хочешь?

Передонов внезапно захохотал, отрывисто и громко.

— Ну, идет, по рукам, что ли? — спросил Рутилов.

Передонов также внезапно перестал смеяться.

— Донесет, мерзавка, — угрюмо сказал он, тихо, почти шепотом.

— Ничего не донесет, нечего доносить, — убеждал Рутилов.

— Или отравит, — боязливо шептал Передонов.

— Да уж ты во всем на меня положись, — горячо говорил Рутилов, я все так тонко обстрою...

— Я без приданого не женюсь, — сердито крикнул Передонов.

Рутилова нисколько не удивил новый скачок в мыслях его угрюмого собеседника. Он выразил все с тем же одушевлением:

— Чудак, да разве они бесприданницы? Ну, идет, что ли? Ну, я побегу, все устрою. Только чур, никому ни гугу, слышь, никому!

Он потряс руку Передонову, и побежал от него. Передонов молча смотрел за ним. Барышни Рутиловы припомнились ему, веселые, насмешливые. Нескромная мысль выдавила на его губы поганое подобие улыбки, — оно появилось на миг, и исчезло. Смутное беспокойство поднялось в нем.

С княгиней-то как? — подумал он. — За теми гроши, и протекции нет, а с Варей в инспектора попадешь, а потом и в директоры.

Он посмотрел вслед суетливо-убегающему Рутилову. — Пусть побегает, — злорадно подумал он, и эта мысль доставила ему вялое и тусклое удовольствие. Но ему стало скучно оттого, что он один, — он надвинул шляпу на лоб, нахмурил светлые брови, и торопливо отправился домой, по немощёным, пустынным улицам, заросшим лежачею мшанкою с белыми цветами да жерухою, травою, затоптанною в грязи.

Кто-то позвал его тихим да быстрым голосом:

— Ардальон Борисыч, к нам зайдите.

Передонов поднял сумрачные глаза, и сердито посмотрел за изгородь.[3] В саду за калиткою стояла Наталья Афанасьевна Вершина, маленькая, худенькая, темнокожая женщина, вся в черном, чернобровая, черноглазая. Она курила папиросу в янтарном мундштуке, и улыбалась слегка, словно знала такое, чего не говорят, но чему улыбаются. Не столько словами, сколько легкими, быстрыми движениями, зазывала она Передонова в свой сад: открыла калитку, посторонилась, улыбалась просительно и вместе уверенно, и показывала руками, — входи, мол, чего стоишь!

И вошел Передонов, подчиняясь ее, словно ворожащим, беззвучным движениям. Но он сейчас же остановился на песчаной дорожке, где в глаза ему бросились[4] обломки сухих веток, — и посмотрел на часы.

— Завтракать пора, — проворчал он.

Хотя часы служили ему давно, но он и теперь, как всегда при людях, с удовольствием глянул на их большие золотые крышки. Было без двадцати минут двенадцать. Передонов решил, что может побыть немного. Угрюмо шел за Вершиной по дорожкам, мимо опустелых кустов черной и красной смородины, малины, крыжовника. Сад желтел и пестрел плодами да поздними цветами. Было много плодовых и простых деревьев и кустов: невысокие раскидистые яблони, круглолистные груши, липы, вишни с гладкими блестящими листьями, сливы, жимолость. На бузиновых кустах краснели ягоды. Около забора густо цвела сибирская герань, — мелкие бледно-розовые цветки с пурпурными жилками. Остро-пестро выставляло из-под кустов свои колючие пурпуровые головки.

В стороне стоял деревянный дом, маленький, серенький, в одно жилье, с широкою обеденкою в сад; он казался милым и уютным. А за ним виднелась часть огорода; там качались сухие коробочки мака да бело-желтые крупные чепчики ромашки, желтые головки подсолнечника никли перед увяданием, и между полезными зелиями подымались зонтики, белые у кокорыша и бледно-пурпуровые у цикутного аистника, цвели светло-розовые лютики да невысокие молочаи.[5]

— У обедни были? — спросила Вершина.

— Был, — угрюмо ответил Передонов.

— Вот и Марта только что вернулась, — рассказывала Вершина.[6] — Она часто в нашу церковь ходит.[7] Пойдемте в беседку.

Среди сада, в тени развесистых кленов, стояла старенькая, серенькая беседка, — три ступеньки вверх, обомшалый помост, низенькие стенки, шесть точеных, пузатых столбов, и шестискатная кровелька.

Марта сидела в беседке, еще принаряженная, от обедни.[8] На ней было светлое платье с бантиками, но оно к ней не шло. Короткие рукава обнажали островатые красные локти, сильные и большие руки.[9] Марта была, впрочем, не дурна. Веснушки не портили ее. Она слыла за хорошенькую, особенно среди своих поляков, — их жило здесь немало.

Марта набивала папиросы для Вершиной. Она нетерпеливо хотела, чтобы Передонов посмотрел на нее и пришел в восхищение. Это желание выдавало себя на ее простодушном лице[10] выражением беспокойной приветливости. Впрочем, оно вытекало не из того, чтобы Марта была влюблена в Передонова: Вершина желала пристроить ее, семья была большая, — и Марте хотелось угодить Вершиной, у которой жила несколько месяцев, со дня похорон старика-мужа Вершиной, угодить за себя и за брата гимназиста, который тоже гостил здесь.

Вершина и Передонов вошли в беседку.[11] Передонов сумрачно поздоровался с Мартою, и сел,[12] — выбрал такое место, чтобы спину защищал от ветра столб, и чтобы в уши не надуло сквозняком. Он посмотрел на Мартины желтые башмаки с розовыми помпончиками, и подумал, что его ловят в женихи. Это он всегда думал, когда видел барышень, любезных с ним. Он замечал в Марте только недостатки, — много веснушек, — большие руки, с грубою кожею. Он знал,[13] что ее отец,[14] шляхтич, держит маленькую деревушку верстах в шести от города.[15] Доходы малые, детей много: Марта кончила прогимназию, сын учился в гимназии, другие дети были еще меньше.

— Пивка позволите вам налить? — быстро спросила Вершина.

На столе стояли стаканы, две бутылки пива, мелкий сахар в жестяной коробке, ложечка мельхиоровая, замоченная пивом.

— Выпью, — отрывисто сказал Передонов.

Вершина посмотрела на Марту. Марта налила стакан, подвинула его Передонову, и при этом на ее лице играла странная улыбка, не то испуганная, не то радостная.

— Положите сахару в пиво, — сказала Вершина быстро, точно просыпала слова.[16]

Марта подвинула к Передонову жестянку с сахаром.

— Нет, это гадость — с сахаром, — сказал Передонов.

— Что вы, вкусно, — однозначно и быстро уронила Вершина.

— Очень вкусно, — сказала Марта.[17]

— Гадость, — повторил Передонов, и сердито поглядел на сахар.

— Как хотите, — сказала Вершина, и тем же голосом, без остановки и перехода, заговорила о другом. — Черепнин мне надоедает, — сказала она, и засмеялась.

Засмеялась и Марта. Передонов смотрел равнодушно: он не принимал никогда участия в чужих делах, — не любил людей, не думал о них иначе, как только в связи с своими выгодами и удовольствиями. Вершина самодовольно улыбнулась, и сказала:

— Думает, что я выйду за него.

— Ужасно дерзкий! — сказала Марта, не потому, что думала это, а потому, что хотела угодить и польстить Вершиной.

— Вчера у окна подсматривал, — рассказывала Вершина, — забрался в сад, когда мы ужинали. Кадка под окном стояла, — мы подставили под дождь, — целая натекла. Покрыта была доской, воды не видно, он взлез на кадку, да и смотрит в окно. А у нас лампа горит, — он нас видит, а мы его не видим. Вдруг слышим шум. Испугались сначала, выбегаем. А это он провалился в воду. Однако, вылез до нас, убежал, весь мокрый, — по дорожке так мокрый след. Да мы и по спине узнали.

Марта смеялась тоненьким, радостным смехом. Вершина рассказала все быстро и однообразно, словно высыпала, — как она и всегда говорила, — и разом замолчала, сидела, и улыбалась краем рта, и оттого все ее смуглое и сухое лицо пошло в складки, и черноватые от курева зубы слегка приоткрылись. Передонов подумал, и вдруг захохотал. Он всегда не сразу отзывался на то, что казалось ему смешным, — медленны и тупы были его восприятия. Вершина курила папиросу за папиросой. Она не могла жить без табачного дыма перед ее носом.

— Скоро соседями будем, — объявил Передонов.

Вершина бросила быстрый взгляд на Марту. Та слегка покраснела, с пугливым ожиданием посмотрела на Передонова, и сейчас же отвела глаза в сад.

— Переезжаете? — спросила Вершина.[18] — Отчего же?[19]

— Далеко от гимназии, — объяснил Передонов.

Вершина недоверчиво улыбалась. Вернее, думала она, что он хочет быть поближе к Марте.

— Да ведь вы там давно живете, уже несколько лет, — сказала она.

— Да и хозяйка стерва, — сердито сказал Передонов.

— Будто? — недоверчиво спросила Вершина, и криво улыбнулась.

Передонов немного оживился.[20]

— Наклеила новые обои, да скверно, — рассказывал он, — не подходит кусок к куску. Вдруг над дверью в столовой совсем другой узор, — вся комната разводами да цветочками, а над дверью полосками да гвоздиками. И цвет не тот.[21] Мы было не заметили, да Фаластов пришел, смеется.

— Еще бы, такое безобразие, — согласилась Вершина.

— Только мы ей не говорим, что выедем, — сказал Передонов, и при этом[22] понизил голос. — Найдем квартиру, и поедем, а ей не говорим.

— Само собой! — сказала Вершина.

— А то будет скандалить, — говорил Передонов, и в глазах его отразилось брезгливое беспокойство. — Да еще и платили ей за месяц, за такую гадость.[23]

Передонов захохотал, от радости, что выедет, и за квартиру не заплатит.[24]

— Стребует, — заметила Вершина.

— Пусть требует, я не отдам, — сердито сказал Передонов. — Мы в Питер ездили, так не пользовались это время квартирой.

— Да ведь квартира-то за вами оставалась, — сказала Вершина.

— Что ж такое! Она должна ремонт делать, так разве мы обязаны платить за то время, пока не живем? И главное, она ужасно дерзкая.

— Ну, хозяйка дерзкая оттого, что ваша... сестрица уж слишком пылкая особа, — сказала Варвара с легкой заминкой на слове сестрица.[25]

Передонов нахмурился, и тупо глядел перед собою полусонными глазами.[26] Вершина заговорила о другом. Передонов вытащил из кармана карамельку, очистил ее от бумажки, и принялся жевать.[27] Случайно взглянул он на Марту, и подумал, что она завидует, что ей тоже хочется карамельки. — Дать ей или не давать? — думал Передонов. — Не стоит она. Или уж разве дать, — пусть не думает, что ему жалко. У него много, — полны карманы.[28] — И он вынул горсть карамелек.

— На-те, — сказал он, и протянул леденцы сначала Вершиной, потом Марте, — хорошие бомбошки, дорогие, — тридцать копеек за фунт.[29]

Они взяли по одной. Он сказал:

— Да вы больше берите, у меня много, и хорошие бомбошки, — я худого есть не стану.

— Благодарю вас, я не хочу больше, — сказала Вершина быстро и невыразительно.[30] И те же слова за нею проговорила Марта, но не так решительно. Передонов недоверчиво посмотрел на Марту, и сказал:

— Ну, как не хотеть. На-те.

И он взял из горсти одну карамельку себе, а остальные положил перед Мартой. Марта молча улыбнулась, и наклонила голову. Невежа, — подумал Передонов, — не умеет поблагодарить. Он не знал, о чем говорить с нею. Она была ему нелюбопытна, как все предметы, с которыми не были кем-то установлены для него приятные или неприятные отношения. Остальное пиво было вылито в стакан Передонову. Вершина глянула на Марту.

— Я принесу, — сказала Марта: она всегда без слов догадывалась, чего хочет Вершина.

— Пошлите Владю, он в саду, — сказала Вершина.

— Владислав! — крикнула Марта.

— Здесь, — отозвался мальчик вблизи.

— Пива принеси, — сказала Марта, — две бутылки, в сенях, в ларе.

Скоро Владислав подбежал бесшумно к беседке, подал через окно Марте бутылки пива, и поклонился Передонову.

— Здравствуйте, — хмуро сказал Передонов, — сколько бутылок сегодня выдули?

— Я не пью пива, — сказал Владислав, принужденно улыбаясь.[31]

Это был мальчик лет четырнадцати, с веснушчатым, как у Марты, лицом, похожий на сестру, неловкий, мешкотный в движениях; одет он был в блузу сурового полотна. Марта[32] шепотом заговорила с братом. Оба они смеялись. Передонов[33] подозрительно посматривал на них. Когда при нем смеялись, и он не знал, о чем, он всегда предполагал, что это над ним.[34] Вершина забеспокоилась. Уже она хотела окликнуть Марту. Но сам Передонов спросил злым голосом:

— Чему смеетесь?

Марта вздрогнула, повернулась к нему, и не знала, что сказать. Владислав улыбался, глядел на Передонова, и слегка краснел.

— Это невежливо при гостях, — выговаривал Передонов. — Надо мной смеетесь?

Марта покраснела, Владислав испугался.

— Извините, — сказала Марта, — мы вовсе не над вами. Мы о своем.

— Секрет, — сердито сказал Передонов. — При гостях невежливо о секретах разговаривать.

— Да не то, что секрет, — сказала Марта, — а мы тому, что Владя босиком, и не может войти сюда, стесняется.

Передонов успокоился, стал выдумывать шутки над Владей, потом угостил и его карамелькой.

— Марта, принесите мой черный платок, — сказала Вершина, — да загляните заодно в кухню, как там пирог.

Марта послушно вышла. Она поняла, что Вершина хочет поговорить с Передоновым,[35] и была рада, ленивая, что не к спеху.

— А ты иди подальше, — сказала Вершина Владе, — нечего тут болтаться.

Владя побежал, и слышно было, как песок шуршит под его ногами. Вершина[36] осторожно и быстро, как-то боком, посмотрела на Передонова сквозь непрерывно испускаемый ею дым. Передонов[37] сидел молча, глядел прямо перед собою затемненным взором, и жевал карамельку. Ему было приятно, что ушли, — а то, пожалуй, опять бы засмеялись. Хоть он и узнал, что смеялись не над ним, но в нем осталась досада, — так после прикосновения жгучей крапивы долго остается и вырастает боль, хотя уже крапива и далече.

— Что вы не женитесь, Ардальон Борисыч? — вдруг часто и быстро заговорила Вершина, — чего еще ждете? Варвара ваша вам не пара, извините, прямо скажу.

Передонов провел рукой по слегка растрепанным, каштанового цвета волосам, и с угрюмою важностью молвил:

— Здесь для меня и нет пары.

— Не скажите, — возразила Вершина, и криво улыбнулась. — Здесь есть много лучше ее,[38] и за вас всякая пойдет.

Она стряхнула пепел с папиросы решительным движением, словно ставя на чем-то утвердительный знак.

— Всякой мне не надо,[39] — ответил Передонов.

— Не о всякой и речь, — быстро говорила Вершина. — Да вам ведь не за приданым гнаться, — была бы девушка хорошая.[40] Вы сами получаете достаточно, слава Богу.

— Нет, — возразил Передонов, — мне выгоднее на Варваре жениться. Ей княгиня протекцию обещала. Она даст мне хорошее место,[41] — говорил Передонов с угрюмым одушевлением.

Вершина слегка улыбалась; все ее морщинистое и темное, словно прокопчённое табаком, личико выражало снисходительную недоверчивость. Она спросила:

— Да вам она говорила это, княгиня-то?

С ударением на слове вам.

— Не мне, а Варваре, — признался Передонов, — это все равно.[42]

— Уж слишком вы полагаетесь на слова вашей сестрицы, — злорадно говорила Вершина. — Ну, а скажите, она много старше вас? Лет на пятнадцать? Или больше? Ведь ей под пятьдесят?

— Ну, где там, — досадно сказал Передонов, — тридцати еще нет.

Вершина недоверчиво засмеялась.

— Скажите, пожалуйста! — с нескрываемой насмешкою в голосе сказала она. — А на вид она гораздо старше вас. Конечно, это не мое дело, а только со стороны жалко, что такой хороший человек должен жить не так, как бы он заслуживал по своей красоте и душевным качествам.

Передонов самодовольно оглядывал себя. Но улыбки не было на его румяном лице, и казалось, что он обижен тем, что не все его понимают, как Вершина.

— Вы и без протекции далеко пойдете, — продолжала Вершина. — Неужто начальство не оценит? Что ж вам за Варвару держаться? Да и не из Рутиловых же барышень вам жену брать:[43] они легкомысленные, а вам надо жену степенную. Вот бы взяли мою Марту.

Передонов поглядел на часы.

— Пора домой, — сказал он, и встал прощаться.[44]

Вершина была уверена, что Передонов уходит потому, что она задела его за живое, и что он только из[45] нерешительности не хочет теперь говорить о Марте.[46]

II

Варвара Дмитриевна Молошина, сожительница Передонова, ждала его,[47] грязно одетая, но тщательно набеленная и нарумяненная.[48]

Пеклись пирожки с вареньем: Передонов их любил.[49] Варвара бегала по кухне вперевалку, на высоких каблуках, и торопилась все приготовить к его приходу.[50] Варвара боялась, что служанка — робкая, толстая девица Наталья — украдет пирожок, а то и больше. Потому Варвара не выходила из кухни,[51] и, по обыкновению, бранила служанку. На ее морщинистом лице, хранившем следы былой красивости, неизменно лежало брезгливо-жадное выражение.[52]

Как всегда при возвращении домой, Передонова охватили неудовольствие и тоска. Он вошел в столовую шумно, швырнул шляпу на подоконник, сел к столу, и крикнул:

— Варя, подавай!

Варвара носила кушанья из кухни, проворно ковыляя в узких из щегольства башмаках, и прислуживала Передонову сама.[53] Когда она принесла кофе, Передонов наклонился к дымящемуся стакану, и понюхал. Варвара встревожилась.

— Что ты, Ардальон Борисыч? пахнет чем-нибудь кофе?

Передонов угрюмо взглянул на нее, и сказал сердито:

— Нюхаю, не подсыпано ли яду.

— Да что ты, Ардальон Борисыч, — испуганно сказала Варвара, — Господь с тобой, с чего ты это выдумал!

— Омегу набуровила! — ворчал он.

— Что мне за корысть травить тебя, — убеждала Варвара, — полно тебе Петрушку валять.

Передонов долго еще нюхал, наконец, успокоился, и сказал:

— Уж если яд, так тяжелый запах непременно услышишь, — только поближе нюхнуть, в самый пар.[54]

Он помолчал немного, и вдруг вымолвил злобно и насмешливо:

— Княгиня!

Варвара заволновалась:

— Что княгиня? Что такое княгиня?

— А то княгиня, — говорил Передонов,[55] — нет, пусть она сперва даст место, а уж потом я и женюсь.[56] Ты ей так и напиши.[57]

— Ведь ты знаешь, Ардальон Борисыч, — заговорила Варвара убеждающим голосом, — что княгиня обещает только когда я выйду замуж. А то ей за тебя неловко просить.[58]

— Напиши, что мы уже повенчались, — быстро сказал Передонов, радуясь выдумке.

Варвара опешила было, но скоро нашлась, и сказала:

— Что же врать, — ведь княгиня может справиться. Нет, ты лучше назначь день свадьбы. Да и платье пора шить.[59]

— Какое платье? — угрюмо спросил Передонов.

— Да разве в этом затрапезе венчаться? — крикнула Варвара.[60] — Давай же денег, Ардальон Борисыч, на платье-то.

— Себе в могилу готовишь? — злобно спросил Передонов.

— Скотина ты, Ардальон Борисыч, — укоризненно воскликнула Варвара.[61]

Вдруг Передонову захотелось подразнить Варвару. Он спросил:

— Варвара, знаешь, где я был?

— Ну, где? — беспокойно спросила Варвара.

— У Вершиной, — сказал он, и захохотал.[62]

— Нашел себе компанию, — злобно крикнула Варвара, — нечего сказать!

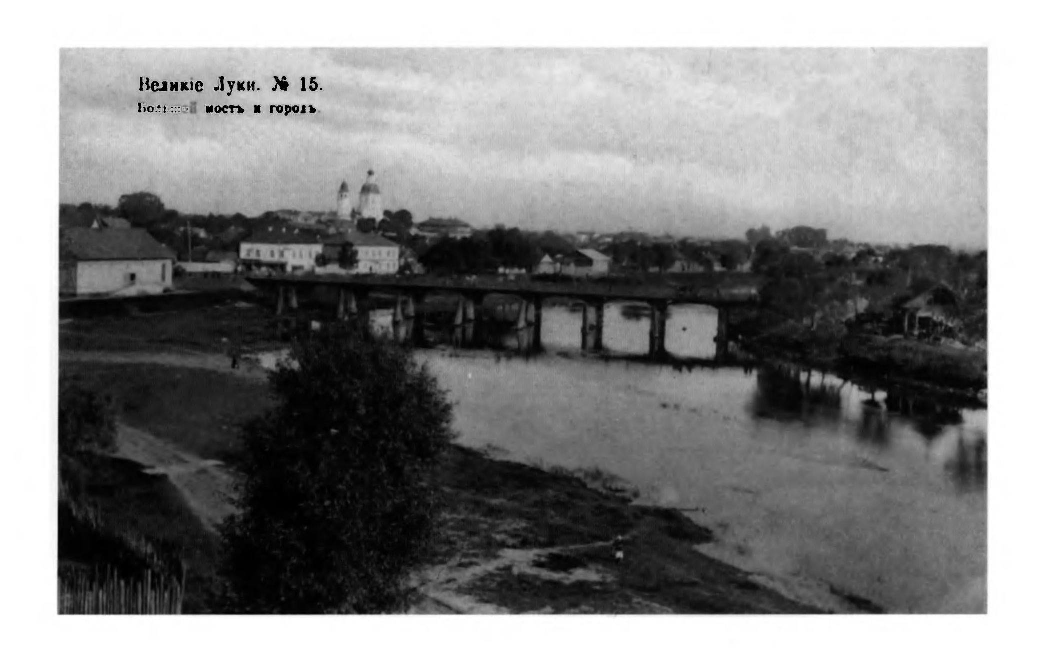
— Видел Марту, — продолжал он.[63]

— Вся в веснушках, — с возрастающей злобой говорила Варвара, — и рот до ушей, хоть лягушке пришей.

— Да уж красивее тебя,[64] — сказал Передонов. — Вот возьму и женюсь на ней.

Федор Тетерников.
Фотография Ю. Штейнберга. Санкт-Петербург,
1880-е годы. Музей ИРЛИ.

Великие Луки на почтовых карточках. Последняя треть XIX в.

Крѣпость.
Великіе Луки.

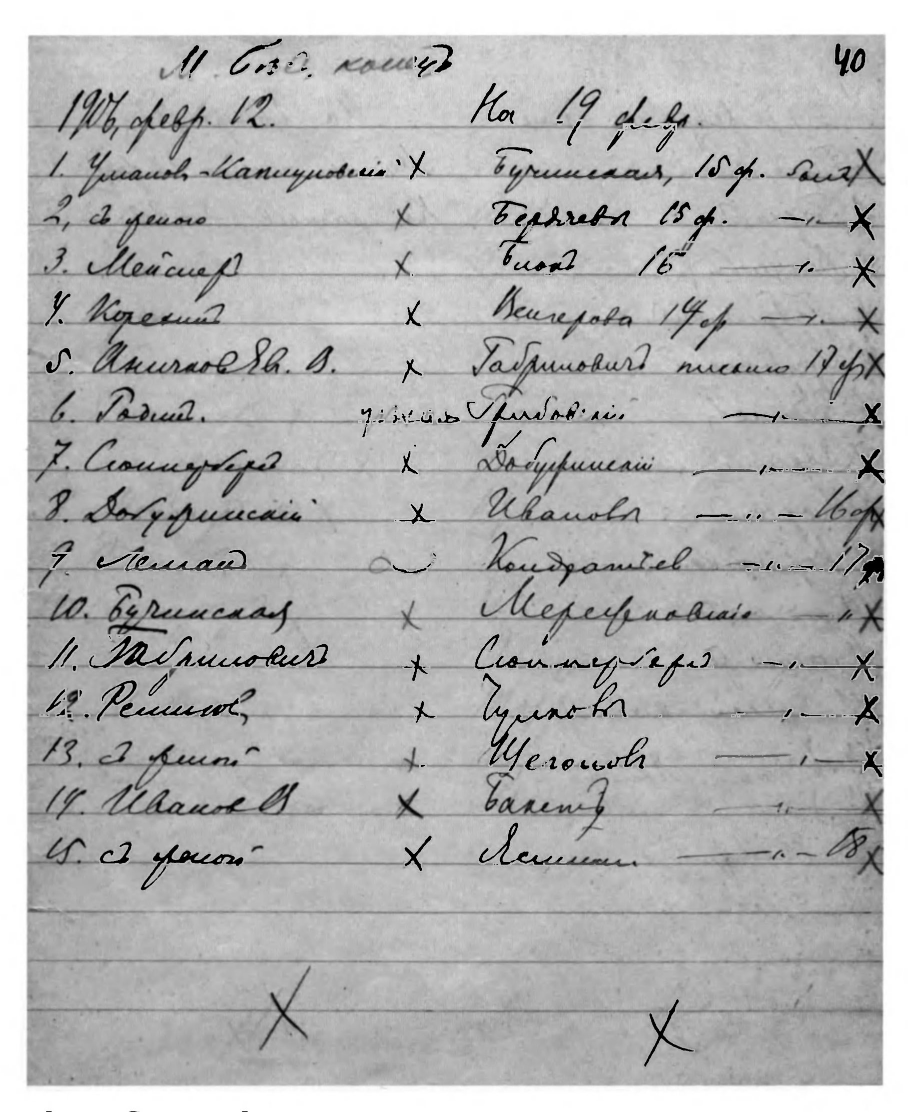

6. Великія Луки.
Съ крѣпостного вала

30

Я сжечь ее хотел, колдунью злую,
Но у нея нашлись проклятыя слова, —
Я увидал ее опять живую, —
Вся в пламени и в искрах голова.
И говорит она: — Я не сгорела, —
Восстановил огонь мою красу.
~~Огнем [illegible]~~
Я отнял ~~[illegible]~~ секреты из колдовства у нея. Ты
Перебегая, гаснет пламя в складках
Моих магических одежд.
Безумец ты! в моих загадках
Ты не найдешь своих наград. —

4/19 ін. 02

Федор Сологуб. Автограф стихотворения «Я сжечь её хотел, колдунью злую...». 4(19) июня 1902 года. ИРЛИ.

М. бѣс. конецъ 40

1906, февр. 12. На 19 февр.

1. Умановъ-Каплуновскій | Бучинская, 15 ф.
2. съ женою | Бердяевы 15 ф. —"—
3. Мейснеръ | Блокъ 16 —"—
4. Корехинъ | Венгерова 14 ф —"—
5. Аничковъ Евг. В. | Габриловичъ письмо 17 ф
6. [illegible] | Грибовскій —"—
7. Сюннербергъ | Добужинскій —"—
8. Добужинскій | Ивановы —"— 16 ф
9. [illegible] | Кондратьевъ —"— 17
10. Бучинская | Мережковскіе —"—
11. Габриловичъ | Сюннербергъ —"—
12. Ремизовъ | Чулковы —"—
13. съ женою | Щеголевъ —"—
14. Ивановъ В. | Бакстъ —"—
15. съ женою | Ясинскій —"— 18

Федор Сологуб. Фрагмент тетради с записями о посещении разных лиц. Запись о чтении заключительных глав романа «Мелкий бес». Чтение состоялось 12 февраля 1906 г. на квартире Сологуба. ИРЛИ.

Присутствовали: В. В. Уманов-Каплуновский с женой, А. Ф. Мейснер, В. И. Корехин, Е. В. Аничков, М. В. Добужинский, Л. Е. Габрилович, А. М. Ремизов, С. П. Ремизова-Довгелло, Вяч. Иванов, Л. Д. Зиновьева-Аннибал.

Приглашены на 19 февраля: Н. А. Бучинская (Тэффи), Н. А. и Л. Ю. Бердяевы, А. Блок, З. А. Венгерова, Л. Е. Габрилович, В. М. Грибовский, М. В. Добужинский, Вяч. Иванов, Л. Д. Зиновьева-Аннибал, А. А. Кондратьев, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, К. А. Сюннерберг, Г. И. и Н. Г. Чулковы, Л. С. Бакст, И. И. Ясинский.

Глава I

~~Въ праздничный день въ началѣ августа~~

~~Изъ городского собора~~ Послѣ обѣдни ~~расходились~~ праздничной расходились изъ церкви. Иные прихожане ~~Нѣкоторые~~ останавливались в ~~церковной~~ оградѣ, за ~~невысокими~~ бѣлыми ~~каменными~~ стѣнками, подъ старыми липами и кленами, и разговаривали.

— Сама княгиня Волчанская обѣщала Варѣ, ужъ это навѣрное, ~~что въ инспектора назначить~~, — говорилъ учитель гимназии Передоновъ, стоя въ кружкѣ ~~знакомыхъ~~ молодыхъ людей, и угрюмо посматривая на нихъ маленькими заплывшими глазами изъ-за своихъ золотыхъ очков. — См. L 3-й

~~Ужъ мы съ Варей и золотые ... купили въ Питерѣ, по глупой кольцо~~

— Княгиня можетъ, — задумчиво сказалъ молоденький, розовый и завистливый нѣмецъ, сослуживецъ Передонова, — она тетка самому Щепкину это не шутка.

— Да какъ же ты на ~~ней~~ Варварѣ Дмитріевнѣ женишься, —

Федор Сологуб. «Мелкий бес». Роман. Черновой автограф.
Поздний список. Фрагмент главы I. Начало 1890-х годов. ИРЛИ.

Федор Сологуб. «Мелкий бес». Роман. Черновой автограф.
Фрагмент главы I. Начало 1890-х годов. ИРЛИ.

Федор Сологуб. Фрагмент записи: «Отрицательные качества учителя». 1890 г. ИРЛИ.

Отрицательные качества учителя

1. Ум: не сильный, не самостоятельный.
2. Характер: не пылкий и ⟨не⟩ страстный.
3. Чувство: не глубокое и не сильное.

Поэтому:

Знания — не обширные, но твердые.
Поведение — не выдающееся, но ровное.
Отношения к ученикам — равнодушные.
Вообще нечто вроде машины прочного устройства.

1 сентября 1890 г.

Федор Сологуб. «О телесных наказаниях». Статья.
Первая страница чернового автографа. Начало 1890-х годов. ИРЛИ.

— Она — жалкая и безнадежно-изменная; съ нею никакъ невозможно быть въ равныхъ отношенiяхъ. Въ ней ничто не корреспондируетъ ея положенiю.

Хрипачъ отвѣтилъ:

— Она вполнѣ корреспондируетъ мужу. Жду съ нетерпѣнiемъ, когда его отъ нея возьмутъ.

Послѣ свадьбы Варвара, съ радости, стала выпивать, — особенно часто съ Грушиной. Разъ, подъ хмѣлькомъ, когда у нея сидѣла Преполовенская, Варвара проболталась о письмѣ. Всего не разсказала, а намекнула довольно ясно. Иной особѣ и того было довольно, — ее вдругъ словно осѣнило.

И какъ сразу не догадаться было! — мысленно пеняла она себѣ.

По секрету разсказала она про подделку писемъ Вершиной, — и отъ той пошло по всему городу.

Федор Сологуб. Зарисовки персонажей романа «Мелкий бес». Беловой автограф. Чернила. Не позднее 1902 г. РНБ.

несообразныя вещи. Разсказывалъ Рутилову да Володину, что былъ прежде ея любовникомъ, и она ему платила большiя деньги.

— Только я ихъ прошилъ. Куда мнѣ къ дьяволу. Она еще мнѣ обѣщала много по гробъ жизни платить, да надула.

— А ты бы бралъ? — хихикая спросилъ Рутиловъ.

Передоновъ промолчалъ, не понявъ вопроса, а Володинъ отвѣтилъ за него согласно и разсудительно:

— Отчего-же не брать, если она богатая. Она изволила пользоваться удовольствiями, такъ должна и платить за это.

— Добро-бы красавица! — тоскливо говорилъ Передоновъ, — рябая, курносая. Только что платила хорошо, а то бы и плюнуть на нее, чертовку, не захотѣлъ. Она должна исполнить мою просьбу.

Федор Сологуб. Фрагмент статьи «О телесных наказаниях». Черновой автограф.
Начало 1890-х годов. ИРЛИ.

«Телесные наказания — одно из средств закаливания. Освобождается от ложного стыда. Сюда же относится также и обязательное хождение босиком. Я сам до 26 лет дома всегда был босой, даже когда приходили ученики; а первые три года учительства, с разрешения (вернее, приказания по просьбе матери) директора на уроках в училище постоянно был босой. Сначала было стыдно, но скоро привык. Летом в Крестцах и Великих Луках никогда не обувался».

Изъ учительской записной книжки за 1875-6 уч. г. I кл.

Изъ 21 ученика наказаны розгами 16 уч. = 76%.

Всего было 46 случаевъ наказаній, в томъ числѣ послѣ экзаменовъ 9, и послѣ переэкзаменовокъ 3.

Давалось отъ 10 до 60 ударов.

1 ученикъ былъ наказанъ 5 разъ; 1 разъ послѣ переэкзамен.; всего получилъ 100 уд. Оставленъ.

3 уч. наказаны по 4 раза; одинъ изъ нихъ переведенъ, а получилъ 90 уд.; двое были высѣчены послѣ экз. (60 уд. и 10 уд.) и оставлены: всего получили 170 и 90 уд.

6 уч. наказаны по 3 раза; изъ нихъ 5 высѣчены послѣ экз. (20, 30, 60, 10 и 60) и оставлены, получили 80, 80, 100, 40 и 80; 1 высѣченъ послѣ переэкз. 20 уд. Оставленъ, всего получилъ 90.

5 уч. наказаны по 2 раза; изъ нихъ 1 высѣченъ послѣ экзамена 20, оставленъ, всего получилъ 30 уд.; 1 высѣченъ послѣ переэкз. 10 уд., оставл., всего получилъ 20; 1 переведенъ послѣ переэкз., в годъ получилъ 120 уд.; [illegible]

1 ученикъ наказанъ 1 разъ, послѣ экзамена 20 уд.

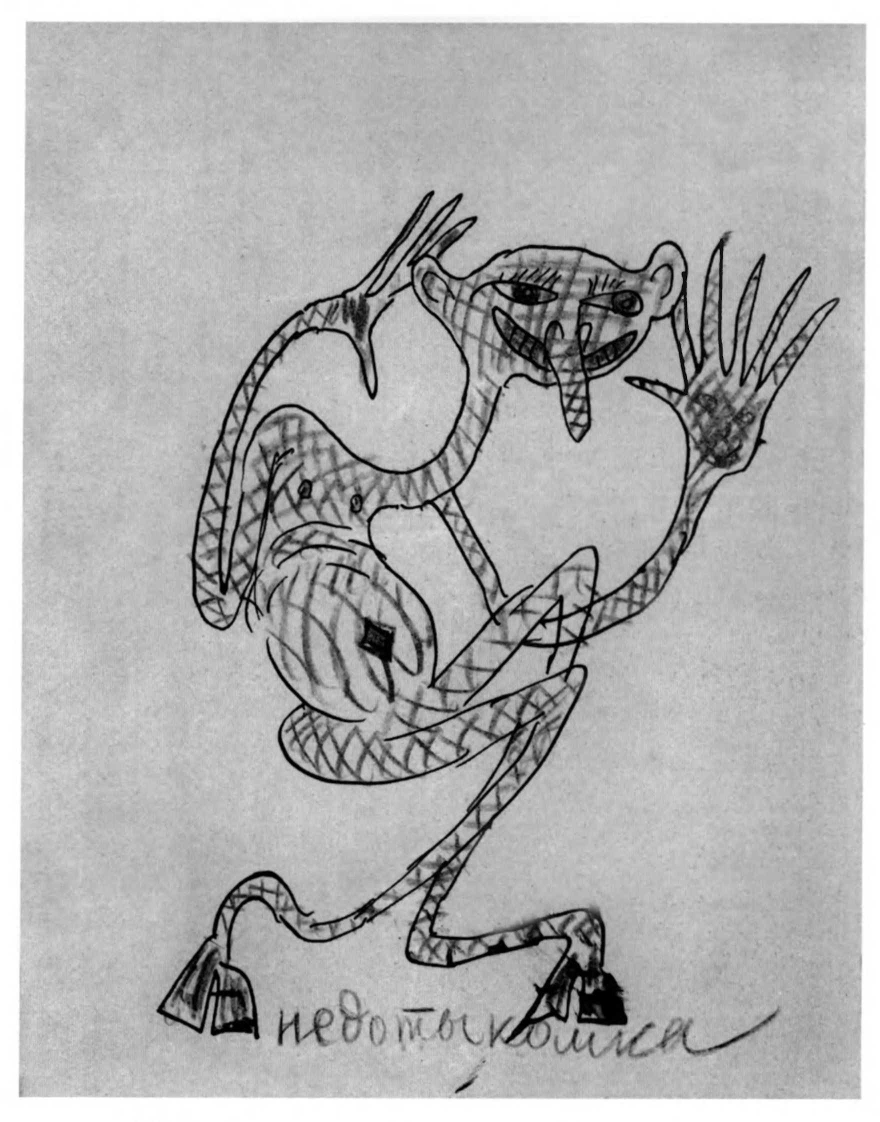
Изъ наказанныхъ розгами переведены 4.
Изъ ненаказанныхъ всѣ 5, всего переведено 9.

След. успѣшность = 43%.

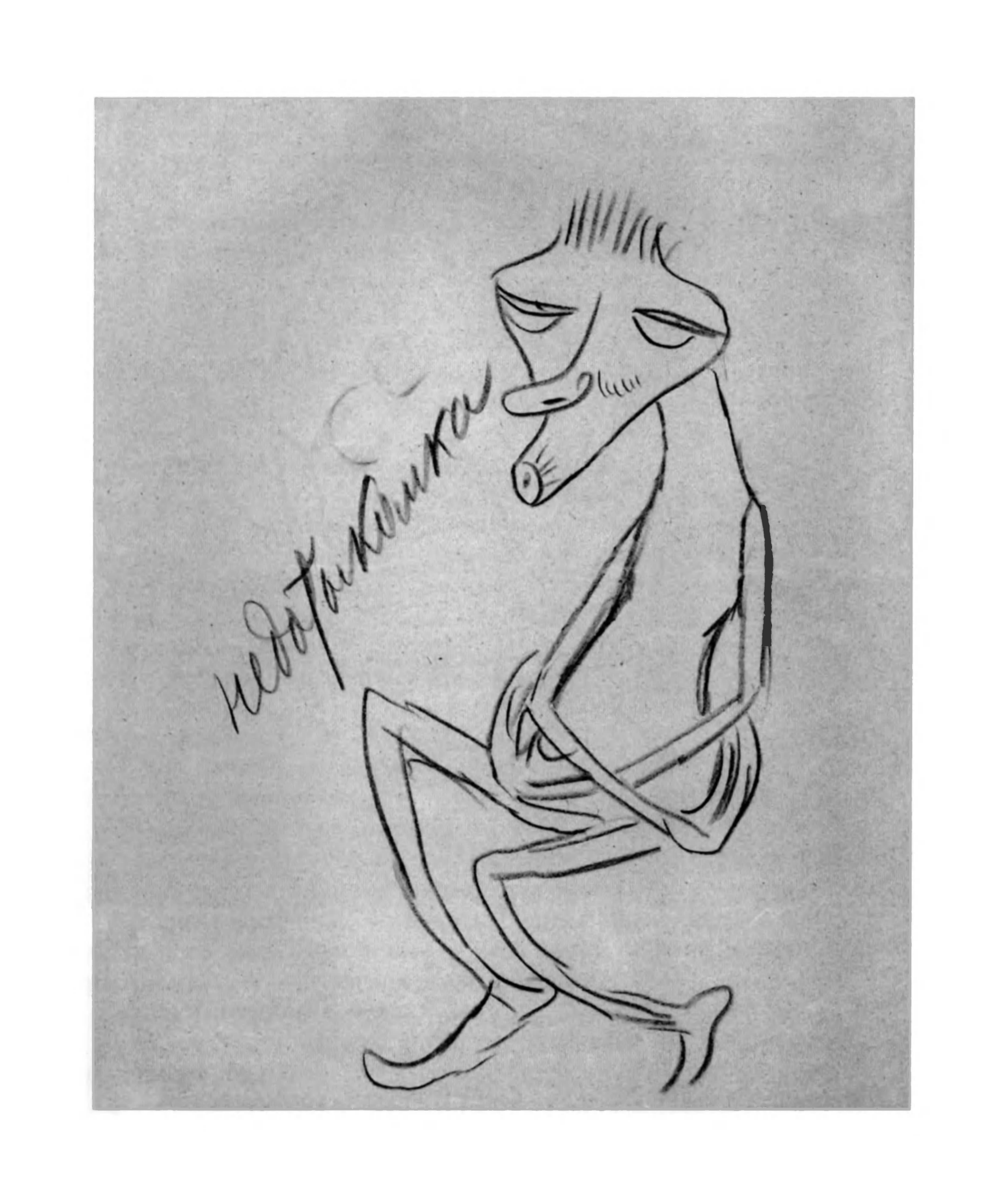
Безъ наказаній розгами она равнялась бы = 24%.

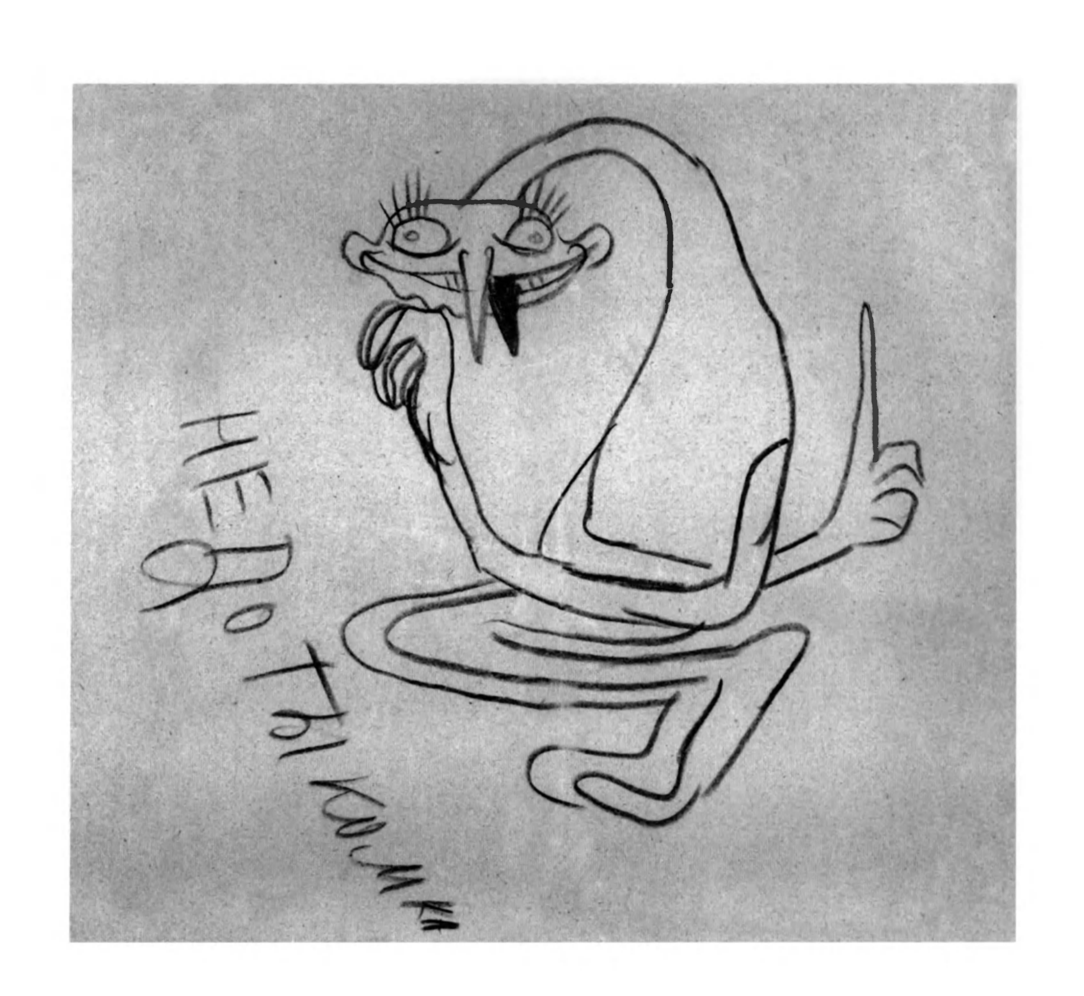
Вот эти случаи — только за неуспѣшность. Можно предположить, что наказаній розгами за шалости было еще чаще. Возможно, ~~[illegible]~~ [illegible] были всѣ мальчики, и случаев сѣченія было (для нѣскольких мѣсяцев только, что для шалостей [illegible]) около 275 и около 1000 уд.

Федор Сологуб. Выписка из учительской записной книжки за 1875/76 учебный год. ИРЛИ.

М. В. Добужинский. Недотыкомка. Тушь, карандаш. ⟨1906—1907⟩. ИРЛИ.

недотыкомка

НЕДОТЫКОМКА

— Женись только на ней, — закричала Варвара, красная и дрожащая от злости, — я ей глаза кислотой выжгу.

— Плевать я на тебя хочу, — спокойно сказал Передонов.

— Не проплюнешь! — кричала Варвара.

— А вот и проплюну, — сказал Передонов, — встал, и с тупым и равнодушным видом плюнул ей в лицо.

— Свинья! — сказала Варвара довольно спокойно, словно плевок освежил ее.

И принялась обтираться салфеткой. Передонов молчал. В последнее время он стал с Варварой грубее обыкновенного. Да и раньше он обходился с нею дурно.[65] Ободренная его молчанием, она заговорила погромче:

— Право, свинья! Прямо в морду попал.

В передней послышался блеющий, словно бараний, голос.

— Не ори, — сказал Передонов, — гости.

— Ну, это Павлушка, — ухмыляясь ответила Варвара.

Вошел, с громким радостным смехом, Павел Васильевич Володин, молодой человек, весь, и лицом, и ухватками, удивительно похожий на барашка: волосы как у барашка курчавые, глаза[66] выпуклые да тупые, — всё, как у веселого барашка, — глупый молодой человек. Он был столяр, обучался раньше в ремесленной школе, а теперь служил учителем ремесла в[67] городском училище.

— Арадльон Борисыч, дружище, — радостно закричал он, — ты дома, кофеек распиваешь, а вот и я, тут как тут![68]

— Наташка, неси третью ложку! — крикнула Варвара.

Слышно было из кухни, как Наталья[69] звенела единственною оставшеюся чайною ложкой, остальные были спрятаны, чтобы не терлись.

— Ешь, Павлушка, — сказал Передонов, и видно было, что ему хочется накормить Володина. — А я, брат, уж теперь скоро в инспекторы пролезу,[70] — княгиня Варе обещала.

Володин заликовал и захохотал.

— А, будущий инспектор кофеек распивает! — закричал он, хлопая Передонова по плечу.[71]

— А ты думаешь, — сказал Передонов, — легко в инспекторы вылезть? Донесут, — и крышка.

— Да что доносить-то? — ухмыляясь спросила Варвара.

— Мало ли что. Скажут, что я Писарева читал, — и ау.

— А вы, Ардальон Борисыч, Писарева на заднюю полочку, — посоветовал Володин хихикая.

Передонов опасливо глянул на Володина, и сказал:

— У меня, может быть, никогда и не было Писарева.[72] Хочешь выпить, Павлушка?

Володин выпятил нижнюю губу, сделал значительное лицо знающего себе цену человека, и сказал, по-бараньи наклоняя голову:

— Если за компанию, то я всегда готов выпить, а так ни-ни!

А Передонов тоже всегда готов был выпить. Выпили водки, закусили сладкими пирожками.[73]

Вдруг Передонов плеснул остаток кофе из стакана на обои. Володин вытаращил свои бараньи глазки, и огляделся с удивлением. Обои были испачканы, изодраны. Володин спросил:

— Что это у вас обои?

Передонов и Варвара захохотали.

— Назло хозяйке, — сказала Варвара. — Мы скоро выедем, — только вы не болтайте.

— Отлично! — крикнул Володин, и радостно захохотал.

Передонов подошел к стене, и принялся колотить по ней подошвами. Володин, по его примеру, тоже лягал стену. Передонов сказал:

— Мы всегда, когда едим, пакостим стены, — пусть помнит.

— Каких лепех насажали! — с восторгом восклицал Володин.

— Иришка-то как обалдеет, — сказала Варвара с сухим и злым смехом.

И все трое, стоя перед стеной, плевали на нее, рвали обои, и колотили их сапогами. Потом, усталые и довольные, отошли.[74]

Передонов нагнулся, и поднял кота. Кот был толстый, белый, некрасивый.[75] Передонов теребил его,[76] — дергал за уши, за хвост, тряс за шею. Володин радостно хохотал, и подсказывал Передонову, что еще можно сделать:

— Ардальон Борисыч,[77] дунь ему в глаза! Погладь его против шерсти.

Кот фыркал, и старался вырваться, но не смел показать когтей, — за это его жестоко били.[78] Наконец забава Передонову наскучила, и он бросил кота.

— Слушай, Ардальон Борисыч, что я тебе хотел сказать, — заговорил Володин. — Всю дорогу думал, как бы не забыть, и чуть не забыл.

— Ну? — угрюмо спросил Передонов.

— Вот ты любишь сладкое, — радостно говорил Володин, — а я такое кушанье знаю, что ты пальчики оближешь.[79]

— Я сам все вкусные кушанья знаю, — сказал Передонов.

Володин сделал обиженное лицо.

— Может быть, — сказал он, — вы, Ардальон Борисыч, знаете все вкусные кушанья, которые делают у вас на родине, но как же вы можете знать все вкусные кушанья, которые делаются у меня на родине, если вы никогда на моей родине не были?

И довольный убедительностью своего возражения, Володин засмеялся, заблеял.

— На твоей родине дохлых кошек жрут, — сердито сказал Передонов.

— Позвольте, Ардальон Борисыч, — визгливым и смеющимся голосом говорил Володин, — это, может быть, на вашей родине изволят кушать дохлых кошечек, этого мы не будем касаться, а только ерлов вы никогда не кушали.[80]

— Нет, не кушал, — признался Передонов.

— Что же это за кушанье такое? — спросила Варвара.

— А это вот что, — стал объяснять Володин, — знаете вы кутью?

— Ну, знаю, — ухмыляясь отвечала Варвара.

— Так вот, пшенная кутья, с изюмцем, с сахаром, с миндалем, — это и есть ерлы.

И Володин подробно рассказал, как варят на его родине ерлы́. Передонов слушал тоскливо. Кутья, — что ж, его в покойники, что ли, хочет записать Павлушка? — Володин предложил:

— Если хотите, чтобы все было, как следует, вы дайте мне материал, а я вам сварю.

— Пусти козла в огород, — угрюмо сказал Передонов.

Еще подсыплет чего-нибудь, — подума́л он. Володин опять обиделся.

— Если вы думаете, Ардальон Борисыч, что я у вас стяну сахарцу, так вы ошибаетесь, — мне вашего сахарцу не надо.

— Ну, что там валять Петрушку, — перебила Варвара. — Ведь вы знаете, у него всё при́вереды. Приходите и варите.

— Сам и есть будешь, — сказал Передонов.

— Это почему же? — дребезжащим от обиды голосом спросил Володин.

— Потому что гадость.[81]

— Как вам угодно, Ардальон Борисыч, — пожимая плечами, сказал Володин, — а только я вам хотел угодить, а если вы не хотите, то как хотите.[82]

— А как тебя генерал-то отбрил? — спросил Передонов.

— Какой генерал? — ответил вопросом Володин, и покраснел, и обиженно выпятил нижнюю губу.[83]

— Да слышали, слышали, — говорил Передонов.

Варвара ухмылялась.

— Позвольте, Ардальон Борисыч, — горячо заговорил Володин, — вы слышали, да, может быть, недослышали.[84] Я вам расскажу, как все это дело было.

— Ну, рассказывай, — сказал Передонов.

— Это было дело третье́го дня, — рассказывал Володин, — об эту самую пору. У нас в училище, как вам известно, производится в мастерской ремонт. И вот, изволите видеть, приходит Верига с нашим инспектором осматривать, а мы работаем в задней комнате. Хорошо. Я не касаюсь, зачем Верига пришел, что ему надо, — это не мое дело. Положим, я знаю, что он — предводитель дворянства, а к нашему училищу касательства не имеет, — но я этого не трогаю. Приходит, и пусть.[85] Мы им не мешаем, работаем себе помаленьку, — вдруг они к нам входят, и Верига, изволите видеть, в шапке.[86]

— Это он тебе неуважение оказал, — угрюмо сказал Передонов.

— Изволите видеть, — обрадованно подхватил Володин, — и у нас образ висит, и мы сами без шапок, а он вдруг является этаким мамелюком. Я ему и изволил сказать тихо, благородно: ваше превосходительство, говорю, потрудитесь вашу шапочку снять, потому, говорю, как здесь образ. Правильно ли я сказал? — спросил он, и вопросительно вытаращил глаза.

— Ловко! Павлушка! — крикнул Передонов, — так ему и надо.

— Конечно, что им спускать, — поддержала Варвара, — Павел Васильевич!

Володин, с видом напрасно обиженного человека, продолжал:

— А он вдруг изволил мне сказать: всякий сверчок знай свой шесток. Повернулся, и вышел. Вот как все дело вышло, и больше никаких.[87]

Володин чувствовал себя все-таки героем. Передонов в утешение дал ему карамельку.[88]

Пришла Софья Ефимовна Преполовенская, жена лесничего, полная, с добродушно-хитрым лицом и плавными движениями. Ее посадили завтракать.[89]

Она лукаво спросила Володина:

— Что это вы, Павел Васильевич, зачастили к Варваре Дмитриевне?

— Я не к Варваре Дмитриевне изволил придти, — скромно ответил Володин, — а к Ардальону Борисычу.[90]

— Уж не влюбились ли вы в кого-нибудь? — посмеиваясь говорила Преполовенская.

Всем известно было, что Володин искал невесты с приданым, сватался ко многим, и получал отказы; шутка Преполовенской показалась ему неуместной. Дрожащим голосом, напоминая всею своею повадкой разобиженного баранчика, он сказал:

— Если я влюбился, Софья Ефимовна, то это ни до кого не касается, кроме меня самого и той особы, а вы таким манером выходите в сторонке.

Но Преполовенская не унималась.

— Смотрите, — говорила она, — влюбите вы в себя Варвару Дмитриевну, кто тогда Ардальону Борисычу сладкие пирожки станет печь?

Володин выпятил губы, поднял брови, и уже не знал, что сказать.

— Да вы не робейте, Павел Васильевич, — продолжала Преполовенская, — чем вы не жених, — и молоды, и красивы.[91]

— Может быть, Варвара Дмитриевна и не захотят, — сказал Володин хихикая.

— Ну, как не захотят, — отвечала Преполовенская, — уж очень вы скромны.

— А может быть, и я не захочу, — сказал Володин ломаясь. — Я, может быть, и не хочу на чужих сестрицах жениться, — у меня, может быть, на родине своя двоюродная племянница растет.

Уже он начал верить, что Варвара не прочь за него выйти.[92] Варвара сердилась. Она считала Володина[93] дураком, да и получал он вчетверо меньше, чем Передонов. Преполовенской же хотелось женить Передонова на своей сестре, дебелой[94] поповне. Поэтому она старалась поссорить Передонова с Варварой.

— Что вы меня сватаете, — досадливо сказала Варвара, — вот вы лучше вашу меньшуху за Павла Васильевича сватайте.

— Зачем же я стану его от вас отбивать, — шутливо возражала Преполовенская.[95]

Шутки Преполовенской дали медленный оборот медленным мыслям Передонова; да и ерлы́ крепко засели в его голове. С чего это Володин вздумал такое кушанье? Передонов не любил размышлять.[96] В первую минуту он всегда верил тому, что ему скажут. Так поверил он и[97] влюбленности Володина в Варвару.[98] Он думал: вот окрутят его с Варварой, а там, как поедут на инспекторское место, отравят его дорогой, и подменят Володиным, а Володин будет инспектором. Ловко придумали![99]

Вдруг в передней послышался шум. Передонов и Варвара испугались: Передонов неподвижно уставил на дверь[100] прищуренные глаза,

Варвара[101] подкралась к двери в залу, едва приоткрыла ее, заглянула, потом так же тихо, на цыпочках, балансируя руками и растерянно улыбаясь, вернулась к столу. Из передней доносились визгливые крики и шум, словно боролись. Варвара шептала:

— Ершиха — пьяная-распьяная,[102] — Наташка ее не пускает, а она в залу так и прет.

— Как же быть? — испуганно спросил Передонов.

— Надо перейти в залу, — решила Варвара, — чтобы она сюда не залезла.[103]

Пошли в зал, а дверь за собою закрыли. Варвара вышла в прихожую, со слабою надеждою задержать хозяйку. Но нахальная баба ворвалась-таки в залу. Она подбочась остановилась у порога, и сыпала ругательные слова, в виде общего приветствия. Передонов и Варвара суетились около нее, и старались усадить ее на стул, поближе к прихожей и подальше к столовой. Варвара вынесла ей из кухни на подносе водки, пива, пирожков. Но хозяйка не садилась, ничего не брала, и рвалась в столовую, да только никак не могла признать, где дверь. Она была красная, растрепанная, грязная.[104]

— Нет, ты меня за свой стол посади, — кричала она. — Что ты мне выносишь на подносе? Я на скатёрке хочу. Я хозяйка, так ты меня почти. Ты не гляди, что я пьяная. Зато я честная, я своему мужу жена.[105]

— Да уж мы знаем, — сказала Варвара, трусливо и нагло ухмыляясь.[106]

Ершова подмигнула Варваре, хрипло захохотала, и ухарски щелкнула пальцами. Она становилась все более дерзкою.

— Сестра! — кричала она, — знаем мы, какая ты сестра. А отчего к тебе директорша не ходит? а? что?[107]

— Да ты не кричи, — сказала Варвара.

— Как ты можешь мне указывать, — закричала Ершова еще громче. — Я в своем дому что хочу, то и делаю.[108] Захочу, и сейчас вас выгоню, и чтоб духу вашего не пахло.[109] Но только я к вам милостива. Живите, ничего, только чтоб не фордыбачить.[110]

Меж тем Володин и Преполовенская скромненько посиживали у окна. Преполовенская легонько усмехалась, посматривала искоса на буянку, а сама делала вид, что глядит на улицу. Володин сидел с обиженно-значительным выражением на лице.[111] Ершова на время пришла в благодушное настроение, и дружелюбно сказала Варваре, пьяно и весело улыбаясь ей и похлопывая ее по плечу:

— Нет, ты меня послушай-ка, что я тебе скажу, — ты меня за свой стол посади, да барского разговорцу мне поставь![112] Да поставь ты

мне сладких жамочек, почти хозяйку домовую, так-то, милая ты моя девушка!

— Вот тебе пирожки, — сказала Варвара.

— Не хочу пирожков, хочу барских жамочек, — закричала Ершова, размахивая руками и блаженно улыбаясь, — скусные жамочки господа жрут, и-их скусные!

— Нет у меня никаких тебе жамочек, — отвечала Варвара, делаясь смелою оттого, что хозяйка становилась веселее, — вот, дают тебе пирожки.

Вдруг Ершова разобрала, где дверь в столовую. Она неистово взревела:

— Дай дорогу, ехидна! — оттолкнула Варвару, и кинулась к двери.

Ее не успели удержать. Наклонив голову, сжав кулаки, ворвалась она в столовую, с треском распахнула дверь. Там она остановилась близ порога, увидала испачканные обои, и пронзительно засвистала.[113] Она подбоченилась, лихо отставила ногу, и неистово крикнула:

— А, так вы в самом деле хотите съезжать.[114]

— Что ты, Иринья Степановна, — дрожащим голосом говорила Варвара, — мы и не думаем, полно тебе Петрушку валять.

— Мы никуда не уедем, — подтверждал и Передонов, — нам и здесь хорошо.

Хозяйка слушала, подступала к оторопелой Варваре, и размахивала кулаками у ее лица. Передонов держался позади Варвары. Он бы убежал, да любопытно было посмотреть, как хозяйка и Варвара подерутся.

— На одну ногу стану, за другую дерну, пополам разорву, — свирепо кричала Ершова.

— Да что ты, Иринья Степановна, — уговаривала Варвара, — перестань, у нас гости.

— А подавай сюда гостей, — закричала Ершова, — гостей-то твоих мне и нужно.

Ершова, шатаясь, ринулась в зал, и, вдруг переменив совершенно и речь и все свое обращение, смиренно сказала Преполовенской, низко кланяясь ей, — причем едва не свалилась на пол:

— Барыня милая, Софья Ефимовна, простите вы меня, бабу пьяную. А только что я вам скажу, послушайте-ка. Вот вы к ним ходите, а знаете, что она про вашу сестрицу говорит? И кому же? Мне, пьяной сапожнице.[115] Зачем? Чтоб я всем рассказала, вот зачем.

— Ничего я тебе не говорила, — сказала Варвара, багрово краснея.

— Ты не говорила? Ты, касть поганая? — закричала Ершова, подступая к ней.

— Ну, замолчи, — смущенно пробормотала Варвара.

— Нет, не замолчу, — злорадно крикнула Ершова, и опять обратилась к Преполовенской. — Что она с вашим мужем будто живет, ваша сестра, вот что она мне говорила, паскудная.[116]

Софья сверкнула сердитыми и хитрыми глазами на Варвару, встала, и сказала с притворным смехом:

— Благодарю покорно, не ожидала.

— Врешь! — злобно взвизгнула на Ершову Варвара.

Ершова сердито гукнула, топнула и махнула рукой на Варвару, и сейчас же снова обратилась к Преполовенской:

— Да и барин-то про вас, матушка-барыня, что говорит! Что вы будто раньше таскались, а потом замуж вышли. Вот они какие есть самые мерзкие люди. Плюньте вы им в морды, барыня хорошая. Преполовенская покраснела, и молча пошла в прихожую. Передонов побежал за нею, оправдываясь:

— Она врёт, вы ей не верьте. Я только раз сказал при ней, что вы дура, да и то со злости, а больше, ей-Богу, ничего не говорил, — это она сама сочинила.

— Да что вы, Ардальон Борисыч, — спокойно ответила Преполовенская, — ведь я вижу, что она пьяная. Только зачем вы всё это позволяете в своем доме?

— Вот поди знай, — отвечал Передонов, — что с ней сделаешь.

Преполовенская, смущенная и сердитая, надевала кофту. Передонов не догадался помочь ей; он еще бормотал что-то, но уже она не слушала его. Тогда Передонов вернулся в зал.[117] Ершова принялась крикливо упрекать его. Варвара выбежала на крыльцо, и утешала Преполовенскую:

— Ведь вы знаете, какой он дурак,[118] что говорит, сам не знает.

— Ну полно-те, что вы беспокоитесь, — отвечала Преполовенская. — Мало ли что пьяная баба сболтнет.[119]

Около дома, на дворе, куда выходило крыльцо, росла крапива, густая, высокая. Преполовенская слегка улыбнулась, и последняя тень неудовольствия сбежала с ее белого и полного лица.[120] Она по-прежнему сделалась приветлива и любезна с Варварой. Обида будет отплачена, и без ссоры. Вместе пошли они в сад, пережидать хозяйкино нашествие.

Преполовенская все посматривала на крапиву, которая и в саду обильно росла вдоль заборов. Наконец она сказала:

— Крапивы-то у вас сколько. Вам она не нужна?

Варвара засмеялась, и отвечала:

— Ну вот, на что?

— Коли вам не жалко, надо нарвать, а то у нас нету, — сказала Преполовенская.

— Да на что она вам? — с удивлением спросила Варвара.

— Да уж надо, — сказала Преполовенская, посмеиваясь.[121]

— Душечка, скажите, на что? — взмолилась любопытная Варвара.[122]

Преполовенская помялась немного, огляделась, не слушает ли кто, и, наклонившись к Варвариному уху, тихо сказала:

— Крапивой натирать, с тела не спадешь.

[— Я крапивой мою сестрицу угощаю, чтобы она с тела не спадала.

— Да что вы! — ухмыляясь воскликнула Варвара. Как же это?

— Да секу ее крапивой, — спокойно объясняла Преполовенская.][123]

Известно было, что Передонов[124] отдает предпочтение жирным женщинам, а тощих порицает. Варвару сокрушало, что она тонка, и все худеет. Как бы нагулять побольше жиру? — вот в чем была одна из главнейших ее забот. У всех спрашивала она: не знаете ли средства?[125]

В это время Передонов и Ершова вышли на двор. Он бормотал:

— Вот поди ж ты!

Она кричала во все горло, и была веселая. Они собирались плясать на дворе. Преполовенская и Варвара пробрались через кухню в горницы, и сели у окна, смотреть, что будет на дворе.

Передонов и Ершова обнялись, и пустились в пляс по траве кругом груши.[126] Лицо у Передонова оставалось тупым, и не выражало ничего. Механически, как на неживом, прыгали на его носу золотые очки и короткие волосы на его голове. Ершова повизгивала, покрикивала, помахивала руками, и вся шаталась.[127]

Она крикнула Варваре в окно:

— Эй ты, фря, выходи плясать! Ай гнушаешься нашей компанией?

Варвара отвернулась.

— Чёрт с тобой. Уморилась! — крикнула Ершова, повалилась на траву, и увлекла с собой Передонова.

Они посидели обнявшись, потом опять пустились в пляс. И так несколько раз повторялось: то попляшут, то отдохнут под грушей, на скамеечке или прямо на траве.

III

Володин искренно веселился, глядя на пляшущих. Он хохотал, строил уморительные гримасы, корчился, сгибал колена вверх, и вскрикивал:

— Эк их разбирает! Потеха!

— Стерва проклятая, — сердито сказала Варвара.

— Стерва, — согласился Володин, хохоча, — погоди ж, хозяюшка любезная, я тебе удружу. Давайте пачкать и в зале. Теперь уж все равно, — сегодня не вернется, упаточится там на травке, пойдет спать.

Он залился блеющим смехом, и запрыгал бараном.[128] Преполовенская подстрекала:

— Конечно, пачкайте, Павел Васильевич, что ей в зубы смотреть. Если и придет, так ей можно будет сказать, что это она сама с пьяных глаз так отделала.

Володин, прыгая и хохоча, побежал в зал и принялся шаркать подошвами по обоям.

— Варвара Дмитриевна, дайте веревочку, — закричал он.

Варвара, своею ковыляющею походкой, словно утица, пошла через зал в спальню, и принесла оттуда конец веревки, измочаленный и узловатый. Володин сделал петлю, поставил среди залы стул, и подвесил петлю на крюк для лампы.

— Это для хозяйки! — кричал он. — Чтоб было на чем повеситься со злости, когда вы уедете.

Обе дамы визжали от хохота.

— Дайте бумажки клочок! — кричал Володин. — И карандашик.

Варвара порылась еще в спальне и вынесла оттуда обрывок бумажки и карандаш. Володин написал: «для хозяйки», — и прицепил бумажку к петле. Все это делал он с потешными ужимками. Потом он снова принялся неистово прыгать вдоль стен, попирая их подошвами и весь сотрясаясь при этом. Визгом его и блеющим хохотом был наполнен весь дом. Белый кот, испуганно прижав уши, выглядывал из спальни и, по-видимому, не знал, куда бы ему бежать.

[Меж тем дамы вернулись в столовую, и занялись интересным для них разговором.

— А как же это надо делать? — тихонько спросила Варвара.

— Что это? — переспросила Преполовенская, словно не догадывалась, о чем говорит Варвара.

— Да вот, крапива-то, — ухмыляясь, сказала Варвара.

— А, вы об этом! Ну что ж, как же вам рассказать, — спокойно и неторопливо отвечала Преполовенская, — просто берут крапиву в руки да и начинают благословясь.

— А самой нельзя? — спросила Варвара.

— Что это?

— Да самое-то себя пришпандорить.

— Нет, самой нельзя, — уверенно отвечала Преполовенская, — это надо умеючи делать, а если так, зря, то ничего и не выйдет.

— А если я вас попрошу? — нерешительно спросила Варвара.

— Что это? — опять переспросила Софья.

— Да вот, мне бы это сделать, крапивой-то.

— Да уж не знаю, право, — отвечала Преполовенская, — как же это я вас, ведь вы мне не сестра. Еще потом вам не понравится, вы в претензии будете.

— Нет уж, пожалуйста, голубушка Софья Ефимовна, я вас прошу. Уж я каких-каких средств не пробовала, ничто не помогает, авось хоть это поможет.

— Это хорошее средство, только уж я не знаю, — нерешительно сказала Преполовенская.

— Нет, уж вы пожалуйста, уж я вам буду так благодарна, если поможет.

— Ну, ладно, коли уж вы так хотите, — согласилась наконец Преполовенская. — Вот завтра приходите, я приготовлю. Только надо будет у вас крапивы нарвать.

— Да я вам пришлю, — сказала Варвара, — Наташка нарвет и принесет: пусть себе руки острекивит хорошенько.

— Спасибо, — спокойно отвечала Преполовенская.

— Да верно ли действует? — еще раз спросила Варвара.

— Славно действует, — уверяла Софья.

Обе засмеялись.]

Передонов отвязался наконец от Ершовой, и возвратился домой один, — Ершова и точно утомилась, и пошла спать. Володин встретил Передонова радостным хохотом и криком:

— И в зале напачкали! Ура!

— Ура! — закричал Передонов, и захохотал, громко и отрывисто, словно выпаливая свой смех.

Закричали «ура» и дамы. Началось общее веселье.

— Павлушка, давай плясать! — крикнул Передонов.

— Давай, Ардальоша, — глупо хихикая, отвечал Володин.

Они плясали под петлей, и они нелепо вскидывали ноги. Пол вздрагивал под тяжкими стопами Передонова.

— Расплясался Ардальон Борисич, — заметила Преполовенская, легонько улыбаясь.

— Уж и не говорите, у него всё причуды, — ворчливо отвечала Варвара, любуясь однако Передоновым.

Она искренно думала, что он красавец и молодец. Самые глупые поступки его казались ей подобающими. Он не был ей ни смешон, ни отвратителен.

— Отпевать хозяйку! — закричал Володин. — Давайте подушку.

— Чего не придумают! — смеясь говорила Варвара.

Она выкинула из спальни подушку в грязной ситцевой наволоке. Подушку положили на пол, за хозяйку, и стали ее отпевать дикими и визгливыми голосами. Потом позвали Наталью, заставили ее вертеть аристон, а сами, все четверо, танцевали кадриль, нелепо кривляясь и высоко вскидывая ноги. Софья была весела. Ей нравилась мысль о мести, которая, по-видимому, удается.

После пляски Передонов расщедрился. Одушевление, тусклое и ужасное, светилось на его заплывшем лице. Им овладела решимость, почти механическая, — может быть, следствие усиленной мышечной деятельности. Он вытащил бумажник, отсчитал несколько кредиток, и с лицом гордым и самохвальным бросил их по направлению к Варваре.

— Бери, Варвара, — крикнул он, — шей себе подвенечное платье.

Кредитки разлетелись по полу. Варвара живо подобрала их. Она нисколько не обиделась на такой способ дарения. Преполовенская злобно думала: «Ну, мы еще посмотрим, чья возьмет», — и ехидно ухмылялась. Володин, конечно, не догадался помочь Варваре поднять деньги.

Скоро Преполовенская ушла. В сенях она встретилась с новою гостьей, Грушиною.

Марья Осиповна Грушина, молодая вдова, имела как-то преждевременно опустившуюся наружность. Она была тонка, — и сухая кожа ее вся покрылась морщинками, мелкими и словно запыленными. Лицо, не лишенное приятности, — а зубы грязные и черные. Руки тонкие, пальцы длинные и цепкие, под ногтями грязь. На беглый взгляд она не то, чтоб казалась очень грязною, а производила такое впечатление, словно она никогда не моется, а только выколачивается вместе со своими платьями. Думалось, что если ударить по ней несколько раз камышевкою,

то поднимется пыльный столб до самого неба. Одежда на ней висела мятыми складками, словно сейчас только вынутая из туго завязанного узла, где лежала скомканная. Жила Грушина пенсией, мелким комиссионерством, и отдачею денег под залог недвижимостей. Разговоры вела по преимуществу нескромные, и привязывалась к мужчинам, желая найти жениха. В ее доме постоянно занимал комнату кто-нибудь из холостых чиновников.[129]

Варвара встретила Грушину радостно: было до нее дело. Грушина и Варвара сейчас же принялись говорить о прислуге, и зашептались. Любопытный Володин подсел к ним, и слушал. Передонов угрюмо сидел за столом, и мял руками конец скатерти.

Варвара жаловалась Грушиной на свою Наталью. Грушина указала ей новую прислугу, Клавдию, и расхваливала ее. Решила ехать за нею сейчас же, на Самородину-речку, где она жила пока у акцизного, на днях получившего перевод в другой город. Варвару остановило только имя.

— Клавдия? А ейкать-то ее как же я стану? — с недоумением спросила она, — Клашка, что ли?

— А вы ее зовите Клавдюшкой, — посоветовала Грушина.

Варваре это понравилось, и она повторяла:[130]

— Клавдюшка, дюшка!

И смеялась скрипучим смехом.

Дюшками в нашем городе звали свиней. Володин захрюкал. Все захохотали.

— Дюшка, дюшенька! — лепетал меж приступами смеха Володин, корча глупое лицо и выпячивая губы. И он хрюкал и дурачился до тех пор, пока ему не сказали, что он надоел. Тогда он отошел с обиженным лицом, сел рядом с Передоновым, и, по-бараньи склонив свой крутой лоб, уставился на испачканную пятнами скатерть.

Заодно Варвара решила купить и материю для подвенечного платья. Она всегда ходила по магазинам вместе с Грушиной: та помогала ей сделать выбор и сторговаться.

Крадучись от Передонова, Варвара напихала в глубокие карманы Грушиной для ее детей разные кушанья, сладких пирожков, гостинцев. Грушина догадалась, что ее услуги сегодня на что-то очень понадобятся Варваре.[131]

Узкие башмаки и высокие каблуки не давали Варваре много ходить. Она скоро уставала. Поэтому она чаще ездила на извозчиках, хотя больших расстояний в нашем городе не было. В последнее время она зача-

стила к Грушиной. Извозчики уже заприметили это: их и всех-то было десятка два.[132] Сажая Варвару, уж и не спрашивали, куда везти.

Уселись на дрожки, и поехали к господам, у которых жила Клавдия, осведомляться о ней. На улицах было почти везде грязно, хотя дождь прошел еще вчера вечером. Дрожки только изредка продребезжат по какой-нибудь каменной настилке, и опять вязнут в липкой грязи на немощёных улицах. Зато Варварин голос дребезжал непрерывно, часто сопровождаемый сочувственной болтовней Грушиной.

— Мой-то гусь опять был у Марфушки, — сказала Варвара.

Грушина отвечала с сочувственной злостью:

— Это они его ловят. Еще бы, жених-то хоть куда, особенно ей-то, Марфушке. Ей такого и во сне не снилось.

— Уж не знаю, право, как и быть, — жаловалась Варвара, — ершистый такой стал, что просто страх.[133] Поверите ли, голова кругом идет. Женится, а я на улицу ступай.

— Что вы, голубушка Варвара Дмитриевна, не думайте этого, — утешала Грушина. — Никогда он ни на ком, кроме вас, не женится: он к вам привык.

— Уйдет иногда к ночи, а я заснуть не могу, — говорила Варвара. — Кто его знает, может быть, венчается где-нибудь. Иногда всю ночь промаешься. Все на него зарятся, — и Рутиловские три кобылы, — ведь они всем на шею вешаются, — и Женька толсторожая.

И долго жаловалась Варвара, — и по всему ее разговору Грушина видела, что у нее что-то есть, какая-то просьба, и заранее радовалась заработку.[134]

Клавдия понравилась. Жена акцизного ее хвалила. Ее наняли, и велели приходить сегодня же вечером, так как акцизный уезжал сегодня.[135]

Наконец приехали к Грушиной. Грушина жила в собственном домике, довольно неряшливо, с тремя малыми своими ребятишками, отрепанными, грязными, глупыми и злыми, как ошпаренные собачонки. Откровенный разговор только теперь начался.

— Мой-то дурак Ардальошка, — заговорила Варвара, — требует, чтобы я опять княгине написала. А чего я ей попусту писать стану, — она и не ответит, или ответит неладное. Знакомство-то не больно великое.

Княгиня Волчанская, у которой Варвара когда-то была домашнею портнихою для простых работ, могла бы оказать Передонову покровительство: ее дочь была замужем за тайным советником Щепкиным, важною в учебном ведомстве особою. Она уже писала Варваре, в ответ

на ее просьбы, в прошлом году, что не станет просить за Варварина жениха, а за мужа — другое дело.[136] Передонова то письмо не удовлетворило: там дана только неясная надежда, а не сказано прямо, что княгиня непременно выхлопочет Варварину мужу инспекторское место.[137] Чтобы разъяснить это недоумение, ездили нынче в Петербург, Варвара сходила к княгине, потом повела к ней и Передонова, но нарочно оттянула это посещение, так что уже не застали княгиню: Варвара поняла, что княгиня, в лучшем случае, ограничится только советом повенчаться, и несколькими неопределенными обещаниями при случае попросить, — обещаниями, которые были бы совсем недостаточны для Передонова. И Варвара решила не показывать княгиню Передонову.

— Уж я на вас, как на каменную гору, надеюсь, — сказала Варвара, — помогите мне, голубушка Марья Осиповна.

— Как же я могу, душечка Варвара Дмитриевна? — спросила Грушина. — Уж вы знаете, я для вас все готова сделать, что только можно. Поворожить не хотите ли?

— Ну, что ваша ворожба, знаю я, — сказала со смехом Варвара, — нет, вы мне иначе должны помочь.

— Как же? — с тревожно радостным ожиданием спросила Грушина.

— Очень просто, — сказала, ухмыляясь, Варвара, — вы напишите письмо, будто бы от княгини, под ее руку, а я покажу его Ардальону Борисычу.

— Ой, голубушка, что вы, как можно, — заговорила Грушина, притворяясь испуганной, — как узнают всё это дело, что мне тогда будет?[138]

Варвара, нисколько не смущаясь ее ответом, вытащила из кармана измятое письмо, и сказала:

— Вот я и письмо княгинино взяла вам для образца.

Грушина долго колебалась. Варвара ясно видела, что Грушина согласится, но что ей хочется получить за это побольше. А Варваре хотелось поменьше. И она осторожно увеличивала [свои] посулы, — наобещала разных мелких подарков, шелковое старое платье, — и наконец Грушина увидела, что уж больше Варвара ни за что не даст. Жалобные слова так и сыпались с Варварина языка. Грушина сделала вид, что соглашается только из жалости, и взяла письмо.

На другой день, после обеда, пока Передонов спал, Варвара отправилась к Преполовенским. Крапивы, большой мешок, послала она раньше, со своею новою служанкою Клавдией. Страшно было, но все же Варвара пошла.

[В гостиной у Преполовенских сидели вкруг преддиванного овального стола Варвара, хозяйка и ее сестра Геня, высокая, полная, краснощекая девица с медленными движениями и обманчиво-невинными глазами.

— Вот, — говорила Преполовенская, — видите, какая она у нас толстуха краснощекая, а все потому, что ее матушка крапивой стегала. Да и я стегаю.

Геня ярко покраснела и засмеялась.

— Да, — сказала она ленивым, низким голосом, — как я начну худеть, сейчас меня жáленицей отпотчуют, я и раздобрею опять.

— Да ведь вам больно? — с опасливым удивлением спросила Варвара.

— Что ж такое, больно да здорово, — отвечала Геня, — у нас уж такая примета, — и сестрицу стегали, когда она была в девицах.

— А не страшно разве? — спрашивала Варвара.

— Что ж делать, — спокойно отвечала Геня, — меня не спрашивают, — высекут, да и вся недолга. Не своя воля.

Софья внушительно и неторопливо сказала:

— Чего бояться, вовсе не так уж и больно, — ведь я по себе знаю.[139]

— Ну, ладно, — сказала Варвара, ухмыляясь, — валяйте. Посмотрим, что будет. А никто не увидит?

— Да некому, вся прислуга отправлена, — сказала Софья.

Варвару повели в спальню. На пороге она было начала колебаться, но Геня втолкнула ее, — сильная была девица, — и заперла дверь.

Занавесы были опущены, в спальне — полутемно. Ниоткуда не слышалось ни звука. На двух стульях лежало несколько пучков крапивы, обернутых по стеблям платками, чтобы держать не обжигаться. Варваре стало страшно.

— Нет уж, — нерешительно начала она, — у меня что-то голова болит, лучше завтра... Но Преполовенская прикрикнула:

— Ну, раздевайтесь живее, нечего привередничать.

Варвара мешкала, и начала пятиться к дверям. Сестрицы бросились на нее, и раздели насильно. Не успела она опомниться, как уже лежала в одной рубашке на постели. Геня захватила обе ее руки своею сильною рукою, а другою рукою взяла от сестры пучок крапивы, и принялась стегать им Варвару.[140] Преполовенская крепко держала Варварины ноги.

— Да вы не ёрзайте, — повторяла она, — экая ёрза какая!

Варвара крепилась недолго, — завизжала от боли. Геня секла ее долго и сильно, переменила несколько пучков. Чтобы Варварин визг не был далеко слышен, она локтем прижала ее голову к подушкам.

Наконец Варвару отпустили. Она поднялась, рыдая от боли. Сестры стали утешать ее. Преполовенская сказала:

— Ну, чего ревете. Экая важность, — пощиплет и перестанет. Это еще мало, — надо повторить будет через несколько дней.

— Ой, голубушка, что вы? — жалобно вскрикнула Варвара, — и раз-то намучилась.[141]]

IV

В биллиардной было дымно накурено. Передонов, Рутилов, Фаластов, Володин и Мурин — помещик громадного роста, с глупою наружностью, владелец маленького имения и человек оборотливый и денежный, — все пятеро, окончив игру, собирались уходить.

Вечерело. На грязном дощатом столе возвышалось много опорожненных пустых бутылок. Игроки, много за игрой выпившие, раскраснелись, и пьяно галдели. Рутилов один сохранял обычную чахлую бледность. Он и пил меньше других, да и после обильной выпивки только бы еще больше побледнел.

Грубые слова носились в воздухе. Никто на это не обижался: по дружбе![142]

Передонов проиграл, как почти всегда. Он плохо играл на биллиарде. Но он сохранял на своем лице невозмутимую угрюмость, и расплачивался с неохотою.

Мурин громко крикнул:

— Пли!

И прицелился в Передонова кием. Передонов крикнул от страха, и присел. В его голове мелькнула глупая мысль, что Мурин хочет его застрелить. Все захохотали. Передонов[143] досадливо пробормотал:

— Терпеть не могу таких шуток.

Мурин уже раскаивался, что испугал Передонова: его сын учился в гимназии, и потому он считал своею обязанностью всячески угождать гимназическим учителям. Теперь он стал извиняться перед Передоновым, и угощал его вином и сельтерской. Передонов угрюмо сказал:

— У меня нервы немного расстроены. Я директором нашим недоволен.

— Проигрался будущий инспектор, — блеющим голосом закричал Володин, — жаль денежек.

— Несчастлив в игре, счастлив в любви, — сказал Рутилов, посмеиваясь и показывая гниловатые зубы.

Передонов и без того был не в духе из-за проигрыша и от испуга, да еще принялись дразнить Варварой. Он крикнул:

— Женюсь, а Варьку вон.

Приятели хохотали, и подзадоривали:

— А вот и не посмеешь.

— А вот посмею, — завтра же пойду свататься.

— Пари? Идет? — предложил Фаластов, — на десять рублей?

Но Передонову жаль стало денег, — проиграешь, пожалуй, так платить придется. Он отвернулся, и угрюмо отмалчивался.

У ворот из сада расстались, и разошлись в разные стороны. Передонов и Рутилов пошли вместе. Рутилов принялся уговаривать Передонова сейчас же венчаться на одной из его сестер.

— Я все наладил, не беспокойся, — твердил он.

— Оглашения не было, — отговаривался Передонов.

— Я все наладил, говорю тебе, — убеждал Рутилов. — Попа такого нашел: он знает, что вы не родня.

— Шаферов нет, — сказал Передонов.

— Ну вот, нет! Шаферов достанем сейчас же, — пошлю за ними, они и приедут прямо в церковь. Или сам за ними заеду. А раньше нельзя было, — сестрица твоя узнала бы и помешала.

Передонов замолчал, и тоскливо озирался по сторонам, где темнели редкие, молчаливые дома за дремотными садиками да шаткими изгородями.

— Ты только постой у ворот, — убедительно говорил Рутилов, — я тебе любую выведу, которую хошь. Ну, послушай, я тебе сейчас докажу. Ведь дважды два четыре, так или нет?

— Так, — отвечал Передонов.

— Ну вот, дважды два четыре, что тебе следует жениться на моей сестре.

Передонов был поражен. А ведь и правда, — подумал он, — конечно, дважды два четыре. — И он с уважением посмотрел на рассудительного Рутилова. Придется венчаться! С ним не сговоришься!

Приятели в это время подошли к Рутиловскому дому, и остановились у ворот.

— Нельзя же нахрапом, — сердито сказал Передонов.

— Чудак, ждут не дождутся! — воскликнул Рутилов.

— Да я то, может быть, не хочу.

— Ну вот, не хочешь, чудород! Что ж ты век бобылем жить станешь? — уверенно возразил Рутилов. — Или в монастырь собираешься? Или еще Варя не опротивела? Нет, ты подумай только, какую она рожу скорчит, если ты молодую жену приведешь.

Передонов отрывисто и коротко захохотал,[144] — но сейчас же опять нахмурился, и сказал:

— Да и они, может быть, не хотят.

— Ну, как не хотят, чудак! — отвечал Рутилов. — Уж я даю тебе слово.

— Они гордые, — придумывал Передонов.

— Да тебе-то что, еще лучше!

— Насмешницы.

— Да ведь не над тобой! — убеждал Рутилов.

— Почем я знаю.

— Да уж ты мне поверь, я тебя не обману. Они тебя уважают. Ведь ты не Павлушка какой-нибудь, чтоб над тобой смеяться.

— Да, поверь тебе, — недоверчиво сказал Передонов. — Нет, я хочу сам увериться, что они надо мной не смеются.[145]

— Вот чудак, — с удивлением сказал Рутилов, — да как же они смеют смеяться? Ну, как же ты однако хочешь увериться?

Передонов подумал, и сказал:

— Пусть выйдут сейчас на улицу.

— Ну ладно, это можно, — согласился Рутилов.

— Все трое, — продолжал Передонов.

— Ну ладно.

[— Босиком.

— Эк тебя! Зачем же тебе это? — с удивлением спросил Рутилов.]

— И пусть каждая скажет, — чем она мне угождать будет.

— Зачем же это? — с удивлением спросил Рутилов.

— Вот я и увижу, что они хотят, а то вы меня за нос поведете, — объяснил Передонов.

— Никто тебя за нос не поведет.

— Они надо мною, может быть, посмеяться хотят, — рассуждал Передонов, — а вот пусть выйдут, потом уж они коли захотят смеяться, и я буду над ними смеяться.

[Рутилов смотрел на него с удивлением и досадой.

— Ну как же это они к тебе босиком на улицу выйдут, — сказал он, — ведь люди увидят, им стыдно будет, сам посуди, они барышни.

— Вот я тогда и выберу, — настойчиво говорил Передонов.

— Да нельзя на улицу, чудак, пойми, — убеждал Рутилов, — ведь тебе же самому в жены брать.

— Ну, пусть на двор выйдут, — сказал Передонов.

— Уж не знаю, право, как же так, — нерешительно говорил Рутилов,[146] — ведь вот, выдумает тоже.[147]]

Рутилов подумал, передвинул шляпу на затылок и опять на лоб, и наконец сказал:

— Ну погоди, пойду, скажу им. Вот-то чудодей! Только ты во двор войди пока, а то еще кого-нибудь чёрт понесет по улице, увидят.

— Наплевать, — сказал Передонов, — но все же вошел за Рутиловым в калитку.[148]

Рутилов отправился в дом к сестрам, а Передонов остался ждать на дворе.

В гостиной, угловой к воротам горнице, сидели все четыре сестры, — все на одно лицо, все похожие на брата, все миловидные, румяные, веселые: замужняя Лариса, спокойная, приятная, полная, — вертлявая да быстрая Дарья, самая высокая и тонкая из сестер — хохотушка Людмила, — и жеманница Валерия, маленькая, нежная, хрупкая на вид. Они лакомились орехами да изюмом, и, очевидно, чего-то ждали, а потому волновались, и смеялись больше обычного, — вспоминали последние городские сплетни и осмеивали знакомых и незнакомых.

Уже они с утра были готовы ехать под венец. Оставалось только надеть приличное к венцу платье, да приколоть фату и цветы. О Варваре сестры не вспоминали в своих разговорах, как будто ее и на свете нет. Но уже одно то, что они, беспощадные насмешницы, перемывая косточки всем, не обмолвились во весь день ни одним словом только о Варваре, — одно это доказывало, что неловкая мысль о ней гвоздем сидит в голове каждой из сестриц.

— Привел! — объявил Рутилов, входя в гостиную, — у ворот стоит.

Сестры взволнованно поднялись, и все разом заговорили и засмеялись.

— Только есть заковыка, — сказал Рутилов, посмеиваясь.

— Что, что такое? — спросила Дарья.

Валерия досадливо нахмурила свои красивые темные брови.

— Уж не знаю, говорить ли? — спросил Рутилов.

— Ну, скорее, скорее, — торопила Дарья.

С некоторым смущением Рутилов рассказал о том, чего желает Передонов. Барышни подняли крик, и взапуски принялись бранить Передонова. Но мало-помалу их негодующие крики заменились шутками и смехом. [Слегка улыбаясь, Лариса сказала:

— Вас не убудет. Ножки у вас хорошенькие, отчего не пробежать: в деревне же хаживали.

— Да, не убудет! — сердито отвечала Валерия, — но как он смеет такие вещи предлагать, негодяй!

— Поколоти его, Валерочка, — сказала Людмила, смеясь.

— Ларион должен был надавать ему пощечин, — запальчиво крикнула Валерия, — а не приходить к нам с такими пошлостями.[149]]

Дарья сделала угрюмо-ожидающее лицо, и сказала:

— Вот он так стоит у ворот.

Вышло похоже и забавно.

Барышни стали выглядывать из окна к воротам.[150] Дарья приоткрыла окно, и крикнула:

[— Ардальон Борисыч, а в чулках можно?]*

Послышался угрюмый голос:

— Нельзя.

Дарья поспешно захлопнула окно. Сестры расхохотались, звонко и неудержимо, и убежали из гостиной в столовую, чтобы Передонов не услышал.

[— Что же, разве согласиться? — спросила Дарья.

— Ни за что! — решительно воскликнула Валерия.

Сестры заспорили. Лариса убеждала, что надо согласиться:

— Никто не [увидит] услышит, а вам-то с какой стати опускать случай. Чем он не жених! Придурковат только, да это не беда, — лучше справиться с таким можно будет.

Рутилов ходил по комнатам, и повторял:

— Как хотите, — дурак ведь он, надо его оседлать.

— Конечно, надо оседлать, — согласилась Дарья.

— Вы и седлайте, коли вам нравится, а я не хочу, — сказала Валерия капризным голосом.

— Тебе хорошо спорить, Валерочка, — сказала Лариса, — ты самая младшая, а другим-то надо же выходить.

— Ну, другие пусть и берут этого осла, я не мешаю.

— Да ты пойми, что он хочет, чтобы вы все три вышли. А если ты не выйдешь, он разозлится, и уйдет. Надо пользоваться минутой.

Валерия, все более и более краснея и сердясь, сказала:

— Ну, что ж, уж если непременно ему надо показывать ноги, то пошлемте Кушу, и чтоб она еще двух девушек позвала. Пусть они закроют головы, да за нас и пройдут.

— Ну вот еще, — громко и весело сказала Дарья, — это подло. Надо без обмана.

Все захохотали, даже и Валерия.] В этом веселом семействе умели от самого сердитого настроения переходить к смеху и шуткам, — и веселое слово зачастую решало дело.[151]

---

* *Исправлено*: Ардальон Борисыч, а из окошка сказать можно?

Передонов стоял и ждал. Ему было грустно и страшно. Подумывал он убежать, да не решился и на это. Откуда-то очень издалека доносилась музыка: должно быть, предводителева дочь играла на рояли. Слабые, нежные звуки лились в вечернем тихом воздухе, наводили грусть, рождали сладкие мечты.

Сначала мечты Передонова приняли эротическое направление. Он представлял барышень Рутиловых в самых соблазнительных положениях. Но чем дольше продолжалось ожидание, тем больше Передонов испытывал раздражение, — зачем заставляют его ждать. И музыка, едва задев его мертвенно-грубые чувства, умерла для него.

А вокруг сгустилась ночь, тихая, шуршащая зловещими подходами и пошептами. И еще темнее казалось везде от того, что Передонов стоял в пространстве, освещенном лампою в гостиной, свет от которой двумя полосами ложился на двор, расширяясь к соседскому забору, за которым виднелись темные бревенчатые стены. В глубине двора подозрительно темнели и шептались о чем-то деревья Рутиловского сада. На улицах по мосткам где-то недалеко долго слышались чьи-то замедленные и тяжелые шаги. Передонов начал уже бояться, что пока он тут стоит, на него нападут и ограбят, а то так и убьют. Он прижался к самой стене, в тень, чтобы его не видели, и робко ждал.

Но вот по освещенным полосам на двери пробежали длинные тени, захлопали двери, послышались за дверью на крыльце голоса. Передонов оживился.

— Идут! — радостно подумал он, и приятные мечты о красотках-сестрицах опять лениво зашевелились в его голове, — паскудные детища его скудного воображения.

Барышни [босые] вышли в сени. [Валерия слезливо твердила, что по улице, того и гляди, пройдет кто-нибудь, что вдруг к ним кто-нибудь завернет, и увидит их на дворе босоногих.[152]] Рутилов вышел на двор к воротам и огляделся, не идет ли кто по улице. Никого не было ни видно, ни слышно.

— Никого нет, — громким шепотом сказал он сестрам в сложенные трубою руки.

Он остался сторожить на улице. Вместе с ним вышел на улицу и Передонов.

[— Ну вот, сейчас увидим,]* — сказал Рутилов.

Передонов стоял у самой калитки, и смотрел в щель меж калиткою и приворотным столбом. Лицо его было угрюмо и почти испуганно, — и

* *Исправлено*: Ну вот, сейчас они тебе скажут.

всякие мечты и думы погасли в его голове, и сменились тяжелым, беспредметным вожделением.

Дарья первая подошла к приотворенной калитке.

— Ну, чем же вам угодить? — спросила она.

Передонов угрюмо молчал. Дарья сказала:

— Я вам блины буду превкусные печь, горячие, — только не подавитесь.

Людмила из-за ее плеча крикнула:

— А я каждое утро буду по городу ходить, все сплетни собирать, а потом вам рассказывать. Превесело.

Между веселыми лицами двух сестер показалось на миг капризное и тонкое Валерочкино лицо, и послышался ее хрупкий голосок:

— А я ни за что не скажу, чем вам угожу, — догадайтесь сами.

[Дарья первая сбежала по дощатым ступенькам, и смело пошла, широким кругом по всему двору, по траве. За нею, гуськом, сестры, сначала потихоньку, потом, что дальше, все скорее. Передонов смотрел, как их белые ноги мелькали в светлых полосах и опять утопали во тьме, и опять на краткое время выбегали на свет. Он все шире приотворял калитку, но лицо его оставалось все так же угрюмо.

Барышни, подойдя к воротам и увидя его, побежали, заливаясь хохотом.[153] Сестры скрылись.] Голоса их и смех затихли за дверьми.[154] Передонов отвернулся от калитки. Он был не совсем доволен.[155] Он думал: болтнули что-то и ушли. Дали бы лучше записочки. Но уже поздно тут стоять и ждать.

— Ну, видел? — спросил Рутилов. — Которую же тебе?[156]

Передонов погрузился в размышление. Конечно, сообразил он наконец, надо выбирать самую молоденькую. Что же ему на перестарке жениться![157]

— Веди Валерию, — решительно сказал он.

Рутилов отправился домой, а Передонов опять вышел во двор.

[Пока Дарья и Валерия обувались] Людмила[, еще босая,] выглядывала тайком в окно, стараясь услышать, что говорят, но ничего не услышала. Но вот прозвучали шаги по мосткам на дворе. [Людмила проворно надела башмаки.] Сестры притихли, и сидели взволнованные и смущенные. Вошел Рутилов, и объявил:

— Валерию выбрал. Ждет, — стоит у ворот.

Сестры зашумели, засмеялись. Валерия слегка побледнела.

— Вот, вот, — повторяла она, — очень я хочу! очень мне надо!

Ее руки дрожали. Ее стали наряжать, — все три сестры хлопотали около нее. Она, как всегда, жеманилась и медлила. Сестры ее торопи-

ли. Они поздравляли Валерию, но и завидовали ей.[158] Рутилов неустанно болтал, радостно и возбужденно. Ему нравилось, что все это дело он так ловко устроил.

— А извозчиков ты приготовил? — озабоченно спросила Дарья.

Рутилов отвечал с досадой:

— Да разве можно? Весь город сбежался бы. Варвара бы его за волосы оттащила к себе.

— Так как же мы?

— А так, до площади дойдем попарно, а там и наймем. Очень просто. Сперва ты с невестой, да Лариса с женихом, — да и то не сразу, а то еще увидит кто в городе. А я с Людмилой за Фаластовым заеду, они вдвоем поедут, а я еще Володина прихвачу.

Что сестры завидовали Валерии, это невольно сказывалось в их смешках над нею, и в том, как они ее поталкивали и побранивали за ее мешкотность и при́вереды. Наконец она сказала:

— Ну, что вы, невелик сахар! Я еще и не хочу, коли так!

И она расплакалась. Сестры переглянулись, кинулись утешать ее, целовать и ласкать.

— Чего ты, дуреха, — говорила Дарья, — ведь мы шутили.

Лариса успокоительно и мягко говорила:

— Ты его в руки заберешь. Только бы женился.

Валерия мало-помалу утешилась.

Передонов, оставшись один, погрузился в сладкие мечтания. Ему грезилась Валерия в обаянии брачной ночи, раздетая, стыдливая, но веселая.[159] [Ножки маленькие, розовые.] Вся тоненькая, субтильная...[160]

Мечтал, а сам таскал из кармана завалявшиеся там карамельки, и сосал их.

Потом пришло ему на память, что Валерия — кокетка.[161] Ведь она, подумал он, чего доброго, потребует нарядов, обстановки. Уж тогда, пожалуй, деньги придется не откладывать каждый месяц, а и прикопленное растрачивать. А жена-то станет привередничать, а за кухней, пожалуй, и не доглядит. А еще на кухне подсыплют ему яду, — Варя со злости подкупит кухарку.

Да и вообще, думал Передонов, уж слишком тонкая штучка — Валерия. К такой не знаешь, как и подступиться. Как ее обругаешь? Как ее толканешь? Как на нее плюнешь? Изойдет слезами, осрамит на весь город. Нет, страшно с нею связываться.

Вот Людмила, так та попроще? Не взять ли ее? Передонов подошел к окну, и стукнул палкой в раму. Через полминуты Рутилов высунулся из окна.

— Чего тебе? — спросил он с беспокойством.

— Передумал, — буркнул Передонов.

— Ну! — испуганно крикнул Рутилов.

— Веди Людмилу, — сказал Передонов.

Рутилов отошел от окна.

— Черт очкастый, — проворчал он, и пошел к сестрам.

Валерия обрадовалась.[162]

— Твое счастье, Людмила, — сказала она.

Людмила принялась хохотать, — упала в кресло, откинулась на спинку, и хохотала, хохотала.

— Что ему сказать-то? — спрашивал Рутилов, — согласна, что ли?

Людмила от смеха не могла сказать ни слова, и только махала руками.

— Да согласна, конечно, — сказала за нее Дарья. — Скажи ему скорее, а то еще уйдет сдуру, не дождется.

Рутилов вышел в гостиную, и сказал шепотом в окно:

— Погоди, сейчас будет готова.

— Да живее, — сердито сказал Передонов, — что там копаться.[163]

Людмилу проворно наряжали. Минут через пять она была уже совсем готова.

Передонов думал о ней. Она веселая, сдобная. Только уж очень любит хохотать. Засмеет, пожалуй. Страшно. Дарья, хоть и бойкая, а все же посолиднее и потише. А тоже красивая. Лучше взять ее. Он опять стукнул в окно.

— Стучит опять, — сказала Лариса, — уж не за тобой ли, Дарья?

— Вот чёрт-то! — выругался Рутилов, и побежал к окну.

— Чего еще? — сердитым шепотом спросил он, — опять передумал, что ли?

— Веди Дарью, — отвечал Передонов.

— Ну, подожди, — свирепо прошептал Рутилов.[164]

Передонов стоял, и думал о Дарье, — и опять недолгое любование ею в воображении сменилось страхом. Уж очень она быстрая и дерзкая. Затормошит.

Да и чего тут стоять и ждать? — подумал он, — еще простудишься. Во рву на улице, в траве под забором, может быть, кто-нибудь прячется, и вдруг выскочит, и укокошит. И тоскливо стало Передонову. Ведь они бесприданницы, думал он. Протекции у них в учебном ведомстве нет. Варвара нажалуется княгине. А на Передонова и так директор зубы точит.[165]

Досадно стало Передонову на самого себя. С чего он путается с Рутиловым? Словно Рутилов очаровал его. Да, может быть, и в самом деле очаровал. Надо поскорее зачураться.

Передонов закружился на месте, плевал во все стороны, и бормотал:

— Чур-чурашки, чурки-болвашки, буки-букашки, веди-таракашки! Чур меня! Чур меня! Чур, чур, чур! Чур-перечур-расчур.

На лице его изобразилось строгое внимание, как при совершении важного обряда. И после этого необходимого действия он почувствовал себя в безопасности от Рутиловского наваждения. И он решительно застучал палкой в окно, сердито бормоча:[166]

— Донести бы, — заманивают.[167]

— Нет, не хочу сегодня жениться, — объявил он высунувшемуся к нему Рутилову.

— Да что ты, Ардальон Борисыч, ведь уже все готово, — пытался убеждать Рутилов.

— Не хочу, — решительно сказал Передонов, — пойдем ко мне в карты играть.

— Вот чёрт-то! — выругался Рутилов. — Не хочет венчаться, струсил, — объявил он сестрам. — Но я еще уломаю дурака. Зовет к себе в карты играть.

Сестры закричали все разом, браня Передонова.[168]

— И ты пойдешь к этому прохвосту? — с досадой спросила Валерия.

— Ну да, пойду, и возьму с него штраф.[169] И он еще от нас не уйдет, — говорил Рутилов, стараясь сохранить уверенный тон, но чувствуя себя очень неловко.

Досада на Передонова быстро заменилась у девиц смехом.[170] Рутилов ушел. Барышни подбежали к окнам:

— Ардальон Борисыч! — крикнула Дарья, — что же вы такой нерешительный. Так нельзя.

— Кисляй Кисляевич! — с хохотом крикнула Людмила.

Передонову стало досадно. По его мнению, сестры бы должны плакать от печали, что он их отверг. «Притворяются!» — подумал он, молча уходя со двора. Барышни перебежали к окнам на улицу, и кричали вслед Передонову разные насмешливые слова, пока он не скрылся в темноте.

V

Передонова томила тоска. И карамелек уже не было в кармане, — и это его опечалило и раздосадовало.

Рутилов почти всю дорогу говорил один, — он продолжал выхвалять сестер. Передонов только однажды вступил в разговор.

— У быка есть рога? — сердито спросил он.

— Ну, есть, так что ж из того? — сказал удивленный Рутилов.

— Ну, а я не хочу быть быком, — объявил Передонов.

Раздосадованный Рутилов сказал:

— Ты, Ардальон Борисыч, и не будешь никогда быком, потому что ты форменная свинья.

— Врешь, — угрюмо сказал Передонов.

— Нет, не вру, — могу доказать, — злорадно сказал Рутилов.

— Докажи.

— Погоди, докажу.

Оба замолчали.

— Ардальон Борисыч, — вдруг спросил Рутилов, — а у тебя есть пятачок?

— Есть, да тебе не дам, — сказал Передонов.

Рутилов захохотал.

— Коли у тебя есть пятачок, так как же ты не свинья!

Передонов в ужасе схватился за нос.

— Врешь, какой у меня пятачок, у меня человечья харя, — бормотал он.

Рутилов хохотал.

— Ты меня сегодня нарочно над дурманом водил, одурманил, — сказал Передонов, сердито и трусливо посматривая на Рутилова.

— Чудород, да как же я не одурманился? — спросил Рутилов.

— Ты средство знаешь. Ты, может быть, через рот дышал, а в нос не пускал, или слова такие говорил, а я ничего не знаю, как надо. Я не чернокнижник. Пока не зачурался, все одурманенный стоял.

Рутилов хлопотал.

— Как же ты чурался-то? — спрашивал он.

Но уж Передонов молчал.

— Что ты за Варвару так уцепился, — говорил Рутилов. — Ты думаешь, хорошо тебе будет, если ты через нее получишь место? Она тебя оседлает.

Это было не понятно Передонову.

Ведь она для себя старается, — думал он. — Ей самой будет лучше, когда он будет начальником, и будет получать больше. Значит, не он ей, а она ему должна быть благодарна. Да и во всяком случае с нею ему удобнее, чем с кем бы то ни было другим.

Передонов привык к Варваре. Его тянуло к ней, — может быть, вследствие приятной для него привычки издеваться над нею. Другую такую ведь и на заказ бы не найти.

Было уже поздно. У Передонова в квартире горели лампы, — окна ярко выделялись в уличной темноте.

Вокруг чайного стола сидели гости. Грушина, которая теперь ежеденничала у Варвары, — Володин, — Преполовенская, — ее муж, Константин Петрович, высокий человек лет под сорок, матово-бледный, черноволосый, — молчаливый. Варвара принарядилась, надела белое платье. Пили чай, беседовали. Варвару, как всегда, беспокоило, что Передонов долго не возвращается. Володин, с веселым блеющим хохотом, рассказал, что Передонов пошел куда-то с Рутиловым. Это увеличило Варварино беспокойство.

Наконец явились Передонов с Рутиловым. Их встретили криком, смехом, глупыми и нескромными шутками.[171]

— Варвара, а где же водка? — сердито крикнул Передонов.

Варвара метнулась из-за стола, виновато ухмыляясь, и быстро принесла водку в большом, грубо-граненом графине.

— Выпьем, — угрюмо пригласил Передонов.

— Подожди, — сказала Варвара, — Клавдюшка закуску принесет. — Копа, шевелись, — крикнула она в кухню.

Но Передонов уже разливал водку по рюмкам, и бормотал:

— Чего ждать, время не ждет.

Выпили, и закусили пирожками с черносмородинным вареньем. У Передонова, чтобы занимать гостей, только и было в запасе, что карты и водка. Так как за карты сесть еще нельзя было, — чай надо было пить, — то оставалась водка.

Меж тем принесли и закуску, так что можно было и еще выпить. Клавдия, уходя, не затворила двери, и Передонов забеспокоился.

— Вечно двери настежь, — ворчал он.

Он боялся сквозняка, — простудиться можно. Поэтому у него в квартире было душно и смрадно.[172]

Преполовенская взяла яйцо.

— Хорошие яйца, — сказала она, — где вы их достаете?

Передонов сказал:

— Это еще что яйца, — а вот в нашем имении у отца курица по два куриных яйца в день круглый год несла.

— Что ж такое, — отвечала Преполовенская, — экая невидаль, нашли чем хвастать. У нас в деревне была курица, так вот курица, — несла в день по два яйца и по ложке масла.

— Да, да, и у нас тоже, — отвечал Передонов, не замечая насмешки. — Если носят другие, так и она несла. У нас выдающаяся была.

Варвара засмеялась.

— Петрушку валяют, — сказала она.

— Уши вянут, такой вздор вы несете, — сказала Грушина.

Передонов свирепо посмотрел на нее, и отвечал с ожесточением:

— А коли вянут, оборвать их надо.

Грушина смутилась.

— Ну, уж вы, Ардальон Борисыч, всегда так скажете! — жалобно сказала она.

Остальные сочувственно смеялись.

— Если у вас уши вянут, — смеясь объяснял Володин, щуря глаза и потряхивая лбом, — то вам их оборвать надо, а то нехорошо, коли они у вас завянут, и так мотаться будут, туда-сюда.

Володин показал пальцами, как будут мотаться вялые уши.

— Ну уж вы туда же, — прикрикнула на него Грушина, — сами ничего придумать не умеете, на готовое прохаживаетесь.

Володин обиделся.

— Я и сам могу, Марья Осиповна, — сказал он с достоинством, — а только как мы в компании приятно время проводим, то отчего же не поддержать чужую шутку. А если это вам не нравится, то как вам будет угодно, — как вы к нам изволите, так и мы к вам изволим.

— Резонно, Павел Васильевич, — со смехом одобрил его Рутилов.

— Уж Павел Васильевич за себя постоит, — с лукавой усмешкой сказала Преполовенская.

Варвара отрезала кусок булки, и, заслушавшись затейливых речей Володина, держала нож в руке. Острие сверкало. Передонову стало страшно, — а вдруг зарежет. Он крикнул:

— Варвара, положи нож.

Варвара вздрогнула.

— Чего кричишь, испугал, — сказала она, и положила нож. — Ведь вы знаете, у него всё привереды, — объяснила она молчаливому Преполовенскому, видя, что он поглаживает бороду и собирается что-то сказать.

— Это бывает, — сладостным и грустным голосом заговорил Преполовенский, — у меня был один знакомый, так тот иголок боялся, — все боялся, что его уколют, и иголка уйдет во внутренности. И ужасно боялся, представьте, как увидит иголку...

И, раз начавши говорить, уж он не мог остановиться, и все на разные лады пересказывал одно и то же, пока его не перебил кто-то, заговорив о другом. Тогда он опять погрузился в молчание.

Грушина перевела разговор на эротические темы. Она рассказывала, как ее ревновал покойник-муж, и как, для охранения супружеской вер-

ности, надевал на нее кальсоны с замком. Это всем очень понравилось. Потом Грушина рассказала слышанную ею от столичного знакомого историю о любовнице одного высокопоставленного лица, как она ехала по улице и встретила своего покровителя:

— Она ему кричит: здравствуй, Жанчик! Это на улице-то! — рассказывала Грушина.

— А вот я на вас донесу, — сердито сказал Передонов, — разве можно про таких знатных лиц такие глупости болтать.

Грушина испуганно залепетала:

— Да ведь я что ж, — мне так рассказывали. За что купила, за то и продаю.

Передонов сердито молчал, и пил чай с блюдечка, налегая на стол локтями. Он думал, что в доме будущего инспектора не подобает непочтительно говорить о вельможах. Он злился на Грушину.[173] Досадовал его еще, и был ему подозрителен Володин: что-то он часто называл Передонова будущим инспектором. Один раз Передонов даже сказал Володину:

— Что, завидно, небось. Да, брат, вот ты не будешь инспектором, а я буду.

На это Володин, придав своему лицу внушительное выражение, возразил:

— Всякому свое, Ардальон Борисыч, — вы в своем деле специалист, а я в своем.

— А Наташка-то наша, — сообщила Варвара, — от нас прямо к жандармскому поступила.

Передонов вздрогнул, и лицо его выразило ужас.

— Врешь? — вопросительно сказал он.

— Ну вот, чего мне врать, — отвечала Варвара, — хоть сам поди к нему, спроси.

Это неприятное известие подтвердила и Грушина. Передонов был ошеломлен. Наскажет, чего и не было, а жандармский на ус намотает, и, пожалуй, напишет в министерство. Это скверно!

В это время глаза Передонова остановились на полочке над комодом. Там стояло несколько переплетенных книг: тонкие — Писарева, и потолще — «Отечественные Записки». Передонов побледнел, и сказал:

— Книги-то эти надо спрятать, а то донесут.

Раньше эти книги Передонов держал на виду, чтобы показать, что у него свободные мнения, — хотя на самом деле он не имел ни мнений, ни даже охоты к размышлениям. И эти книги он только держал, а не

читал. Давно уже не прочел он ни одной книги, — говорил, что некогда, — газет не выписывал, новости узнавал из разговоров. Впрочем, и узнавать ему нечего было, — ничто во внешнем мире его не занимало. Над подписчиками на газеты он даже издевался, как над расточителями времени и денег.

Он подошел к полочке, бормоча:

— Уж у нас такой город, сейчас донесут. Помоги-ка, Павел Васильевич, — сказал он Володину.

Володин подошел к нему с серьезным и понимающим лицом, и осторожно принимал книги, которые передавал ему Передонов. Себе взял Передонов кучку книг поменьше, Володину дал побольше, и пошел в залу, а Володин за ним.

— Куда же вы их спрячете, Ардальон Борисыч? — спросил он.

— А вот увидишь.

— Что же это вы потащили, Ардальон Борисыч? — спросила Преполовенская.

— Строжайше запрещенные книги, — отвечал он на ходу. — Донесут, коли увидят.

В зале Передонов присел на корточки перед печкой, свалил книги на железный лист, — и Володин сделал тоже, — и принялся с усилием запихивать книгу за книгой в неширокое отверстие. Володин сидел на корточках рядом с ним, немного позади, и подавал ему книги, сохраняя глубокомысленное и понимающее выражение на своем бараньем лице с выпяченными из важности губами и склоненным от избытка понимания крутым лбом.

Варвара заглядывала на них через дверь.

Пошел валять Петрушку, — сказала она, смеясь.

Но Грушина остановила ее:

— Ой, голубушка Варвара Дмитриевна, вы так не говорите, — за это большие неприятности могут быть, коли узнают. Особенно если учитель. Начальство страсть как боится, что учителя мальчишек бунтовать научат.

Когда все напились чаю, уселись играть в стуколку, все семеро, вокруг ломберного стола в зале.[174] Передонов играл с азартом, но плохо. Каждое двадцатое число ему приходилось уплачивать дань своим соучастникам в игре, особенно Преполовенскому, — этот получал и за себя, и за жену. В выигрыше чаще всего были Преполовенские. У них были условленные знаки, — постукивание, покашливание, — посредством которых они обменивались известиями о своих картах.

Сегодня Передонову сразу не повезло. Он спешил отыграться, а Володин медлил сдавать, и тщательно уравнивал карты.

— Павлушка, сдавай! — нетерпеливо крикнул Передонов.

Володин, чувствуя себя в игре особою, равною всем остальным, сделал значительное лицо, и спросил:

— То есть как это Павлушка? по дружбе или как?

— По дружбе, по дружбе, — небрежно отвечал Передонов.

— Ну, если по дружбе, то я рад, я очень рад, — ты хороший человек, Ардаша, и я тебя очень люблю, — говорил Володин с радостным и глупым смехом, сдавая карты. — А если бы не по дружбе, то это был бы другой разговор. А если по дружбе, то я рад. Я тебе туза сдал за это, — сказал Володин, и открыл козыря.

Туз точно оказался у Передонова, но не козырной, и подвел его под ремиз.

— Сдал, — сердито сказал Передонов, — туз, да не тот. Под руку говоришь, — ворчал он, — надо было козырного, а ты мне чего сдал! На что мне тиковый пуз?

— На что тебе тиковый пуз, — со смехом подхватил Рутилов, — у тебя свое пузо.

— Будущий инспектор язычком заплетается, — заблеял и захихикал Володин, — пуз, пуз, карапуз![175]

Рутилов непрерывно болтал, сплетничал, рассказывал анекдоты, иногда весьма щекотливого содержания. Чтобы подразнить Передонова, он стал уверять, что гимназисты плохо себя ведут, особенно те, которые живут на квартирах: курят, пьют водку, ухаживают за девицами. Передонов верил. И Грушина подтверждала. Ей эти рассказы доставляли особое удовольствие: она сама хотела было, после смерти мужа, держать у себя на квартире трех-четырех гимназистов, но директор не разрешал ей, несмотря на ходатайство Передонова: о Грушиной в городе была дурная слава. Теперь она принялась бранить хозяек тех квартир, где жили гимназисты.

— Они взятки дают директору, — заявила она.[176]

— Хозяйки все стервы, — убежденно сказал Володин, — вот хоть моя. У нас с нею был такой уговор, когда я комнату нанимал, что она будет давать мне вечером три стакана молока. Хорошо, месяц, другой, так мне и подавали.

— И ты не опился, Павел Васильевич? — спросил Рутилов со смехом.

— Зачем же опиваться! — обиженно возразил Володин, — молоко — полезный продукт. Я и привык три стакана выпивать на ночь. Вдруг, вижу, приносят мне два стакана. Это, спрашиваю, почему же? Прислуга говорит, Анна Михайловна, говорит, просит извинить, что

коровка у них, говорит, ныне мало молока дает. А мне-то что за дело! Уговор дороже денег. У них совсем коровка не даст молока, так мне и кушать не дадут. Ну, я говорю, если нет молока, то скажите Анне Михайловне, что я прошу дать мне стакан воды. Я привык кушать по три стакана, мне двух стаканов мало.

— Павлушка у нас герой, — сказал Передонов, — расскажи-ка, брат, как ты с генералом сцепился.[177]

Володин охотно повторил рассказ. Но сегодня его подняли на смех. Он обиженно выпятил нижнюю губу.

За ужином все напились допьяна, даже и женщины. Володин предложил еще попачкать стены. Все обрадовались: немедленно, еще не кончив есть, принялись за дело, и неистово забавлялись. Плевали на обои, обливали их пивом, пускали в стены и потолок бумажные стрелы, запачканные на конце маслом, лепили на потолок чертей из жеваного хлеба.[178] Потом придумали рвать полоски из обоев на азарт, — кто длиннее вытянет. На этой игре Преполовенские еще выиграли несколько рублей.

Володин проиграл. Под влиянием этого проигрыша и опьянения, он внезапно пришел в грустное состояние, и стал жаловаться на свою мать. Он сделал укоризненное лицо, и, толкая зачем-то вниз рукою, говорил:

— И зачем она меня родила? И что она тогда думала? Какая моя теперь жизнь? Она мне не мать, а только родительница. Потому как настоящая мать заботится о своем детище, а моя только родила меня, и отдала на казенное воспитание с самых малых лет.

— Зато вы обучились, вышли в люди, — сказала Преполовенская.

Володин покачивал головой, уставясь вниз лбом, и говорил:

— Нет, уж какая моя жизнь, — самая последняя жизнь. И зачем она меня родила? Что она тогда думала?

Вчерашние ерлы́ вдруг опять припомнились Передонову.

Вот, думал он про Володина, на свою мать жалуется, зачем она его родила, — не хочет быть Павлушкой. Видно, и в самом деле завидует. Может быть, уж и подумывает жениться на Варваре и влезть в мою шкуру, — думал Передонов.

И он тоскливо посмотрел на Володина. Хоть бы женить его на ком-нибудь!

Ночью, в спальне, Варвара говорила Передонову:

— Ты думаешь, все эти девки, что за тобой вяжутся, молоденькие, так и хорошенькие? Они все дряни, я их всех красивее.

Она поспешно разделась и, нахально ухмыляясь, показывала Передонову свое слегка раскрашенное, стройное, красивое и гибкое тело. Но она избегала поворачиваться к Передонову спиной, чтобы он не увидал знаков от крапивы.[179]

Хотя Варвара шаталась от опьянения, и лицо ее во всяком свежем человеке возбудило бы отвращение своим дрябло-похотливым выражением, — но тело ее было прекрасно, как тело у нежной нимфы, с приставленною к нему, силою каких-то недостойных чар, головою увядающей блудницы. И это восхитительное тело для этих двух пьяных и грязных людишек являлось только источником низкого соблазна.

Так это и часто бывает, — и воистину в нашем веке надлежит красоте быть попранной и поруганной.

Передонов угрюмо хохотал, глядя на свою голую подругу.

Всю эту ночь ему снились дамы всех мастей, голые и гнусные.

Варвара поверила, что стеганье крапивой помогло. Ей казалось, что она сразу[180] начала полнеть. У всех знакомых она спрашивала:

— Правда, ведь я пополнела?

Преполовенская рассказала Вершиной по дружбе о том, как высекла Варвару крапивой, Вершина — одной из своих приятельниц, и так это пошло гулять по городу, вызывая смех и радость.

А Варвара, довольная[181] успехом врачевания, решилась попросить повторения, — и через несколько дней Преполовенская с Геней опять высекли ее крапивой.

Далеко не так приятны были ожидания и опасения у Передонова. Уже он давно убедился, что директор ему враждебен, — и на самом деле директор считал Передонова ленивым, неспособным учителем. Передонов думал, что директор приказывает ученикам его не почитать, — что было, понятно, вздорной выдумкой самого Передонова. Но все это вселяло в Передонова уверенность, что надо от директора защищаться. Со злости на директора он не раз позволял себе поносить его в старших классах, — многим гимназистам такие разговоры нравились.

Теперь, когда Передонов захотел стать инспектором, директоровы неприязненные отношения к нему являлись особенно неприятными. Положим, если княгиня захочет, то ее протекция превозможет директоровы козни. Но всё же они не безопасны.

И другие были в городе люди, — как заметил в последние дни Передонов, — которые враждебны ему, и хотели бы помешать его назначению на инспекторскую должность. Вот Володин: недаром он все по-

вторяет слова: *будущий инспектор*. Ведь бывали же случаи, что люди присваивали себе чужое имя, и жили себе в свое удовольствие. Конечно, заменить самого Передонова Володину будет трудненько, — да ведь у дурака, такого, как Володин, могут быть самые нелепые затеи; известно, злого человека надо всегда бояться.

И еще Рутиловы, Вершина со своею Мартою, сослуживцы из зависти, — все рады ему повредить. А как повредить? Ясное дело, опорочат его в глазах у начальства, выставят человеком неблагонадежным.

Итак, у Передонова явились две заботы: доказать свою благонадежность, и обезопасить себя от Володина, — женить его на богатой. И вот однажды Передонов спросил Володина:

— Хочешь к Адаменковой барышне тебя посватаю? Или все еще по Марте скучаешь? Целый месяц утешиться не можешь?

— Что ж мне по Марте скучать, — отвечал Володин, — я ей честь честью сделал предложение, а коли ежели она не хочет, то что же мне? Я и другую найду, — разве уж для меня и невест не найдется? Да этого добра везде сколько угодно.

— Да, а вот Марта натянула тебе нос, — подразнил Передонов.

— Не знаю уж, какого жениха они ждут, — обидчиво сказал Володин, — хоть бы приданое большое было, а то ведь гроши дадут. Это она в тебя, Ардальон Борисыч, втюрилась.

— А я бы на твоем месте ей ворота дегтем вымазал, — посоветовал Передонов.

Володин захихикал, но сейчас же успокоился, и сказал:

— Ежели поймают, так неприятность может выйти.

— Найми кого-нибудь, зачем самому, — сказал Передонов.

— И следует, ей-Богу, следует, — с одушевлением сказал Володин. — Потому как ежели она в законный брак не хочет вступать, а между прочим к себе в окно молодых людей пускает, то уж это что ж! Уж это значит, ни стыда, ни совести нет у человека.[182]

VI

На другой день Передонов и Володин отправились к девице Адаменко. Володин принарядился, — надел новенький свой узенький сюртучок, чистую крахмальную рубашку, пестрый шейный платок, намазал волосы помадой, надушился, — и взыграл духом. Лицо его приняло самое баранье из всех своих выражений.

Девица Адаменко с братом жила в городе в собственном кирпичном красном домике; недалеко от города было у нее именье, отданное в аренду. В позапрошлом году кончила она ученье в здешней гимназии, а ныне занималась тем, что лежала на кушетке, читала книжки всякого содержания, да школила своего брата, одиннадцатилетнего гимназиста, который спасался от ее строгости только сердитым заявлением:

— При маме лучше было. Мама в угол только зонтик ставила.

С барышней жила ее тетка, существо безличное и дряхлое, не имевшее никакого голоса в домашних делах. Знакомства вела девица Адаменко со строгим разбором. Передонов бывал у нее редко, и только малое знакомство его с нею могло быть причиною предположения, что эта барышня может выйти замуж за Володина.

Теперь она удивилась неожиданному посещению, но приняла незваных гостей любезно. Гостей надо было занимать, — и барышне казалось, что самый приятный и удобный разговор для учителя русского языка, — разговор о книгах, о состоянии учебного дела, об университетском вопросе, о литературе, о символизме, о русских журналах. Всех этих тем она коснулась, но не получила в ответ ничего, кроме озадачивших ее отповедей, обнаруживших, что ее гости этими вопросами не занимались. Она увидела, что возможен только один разговор — сплетни. Но барышня сделала еще одну попытку.

— А вы читали «Мужиков» Чехова?* — спросила она. — Не правда ли, как хорошо?

Так как с этим вопросом она обратилась к Володину, то он приятно осклабился, и спросил:

— Это что же, статья или роман?

— Рассказ, — объяснила барышня.

— Господина Чехова, вы изволили сказать? — осведомился Володин.

— Да, Чехова.

— Это где же помещено? — продолжал любопытствовать Володин.

— В «Русской Мысли», — да есть и отдельной книжкой.

— В каком нумере?

---

* Повесть А. П. Чехова «Мужики» была напечатана в 1897 году в журнале «Русская мысль» (№ 4. С. 167—194), в том же году она вышла отдельным изданием (оттиск из журнала) и затем неоднократно переиздавалась в книге Чехова «Рассказы 1. „Мужики". 2. „Моя жизнь"» (СПб., 1897), выдержавшей в 1897—1899 годах семь изданий.

— Не помню хорошенько, в каком-то весеннем, — любезно отвечала барышня.

Маленький гимназист высунулся из-за двери.

— Это в мартовской книжке было напечатано, — сказал он, придерживаясь рукой за дверь и обводя гостей и сестру веселыми синими глазами.

— Вам еще рано рассказы читать, — сердито сказал Передонов, — учиться надо, а не любовные истории читать.

Барышня строго посмотрела на брата.

— Как это мило — за дверьми стоять и слушать, — сказала она, и, подняв обе руки, сложила кончики мизинцев под прямым углом.

Гимназист нахмурился, и скрылся.

Он пошел в свою комнату, стал там в угол, и принялся глядеть на часы: два мизинца углом — это знак стоять в углу десять минут. Нет, при маме лучше было: мама только зонтик ставила в угол.

В гостиной меж тем Володин утешал хозяйку обещанием достать непременно мартовский нумер «Русской Мысли» и прочесть рассказ г. Чехова.

Передонов слушал с выражением явной скуки на лице. Наконец, он сказал:

— Я тоже не читал. Я не читаю пустяков. В повестях и романах всё глупости пишут.

Барышня любезно улыбнулась, и сказала:

— Вы очень строго относитесь к современной литературе.[183] Но есть же и хорошие книги.

— Я все хорошие книги раньше прочел, — заявил Передонов. — Не стану же я читать того, что теперь пишут.

Володин смотрел на Передонова с уважением. Барышня легонько вздохнула, и — делать нечего, — принялась пустословить и сплетничать, как умела. Хотя и не люб был ей такой разговор, но она поддерживала его с ловкостью и веселостью бойкой и выдержанной девицы. Гости оживились. Ей было нестерпимо скучно, — а они думали, что она с ними исключительно любезна, и приписывали это обаянию прелестной наружности Володина.

Когда они ушли, Передонов на улице поздравлял Володина с успехом, а Володин радостно смеялся и прыгал, забыв всех отвергнувших его девиц.

— Не лягайся, — говорил ему Передонов, — распрыгался, как баран. Погоди, еще натянут тебе нос.

Но говорил он это в шутку, а сам вполне верил в успех задуманного сватовства.

Грушина каждый день забегала к Варваре, Варвара бывала у нее еще чаще, так что они почти и не расставались. Варвара волновалась, а Грушина медлила, уверяя, что трудно скопировать буквы.

Передонов все еще не хотел назначить дня свадьбы. Опять он требовал сначала места. Помня, как много у него готовых невест, он не раз, как и в прошлую зиму, грозил Варваре:

— Вот сейчас пойду венчаться. Вернусь с женой, а тебя вон. Последний раз ночуешь.

И с этими словами уходил, — играть на билиарде. Оттуда иногда приходил к вечеру домой, а чаще кутил в каком-нибудь грязном притоне с Рутиловым и Володиным. В такие ночи Варвара не могла заснуть. Поэтому она страдала мигренями. Хорошо еще, если он вернется в час, в два ночи, — тогда она вздохнет свободно. Если же он являлся только утром, то Варвара вставала совсем больная.

Наконец, Грушина изготовила письмо, и показала его Варваре. Долго рассматривали, сличали с прошлогодним княгининым письмом. Грушина уверяла, что похоже так, что сама княгиня не узнала бы подделки. Хотя на самом деле сходства было мало, но Варвара поверила. Да она же и понимала, что Передонов не мог помнить мало-знакомого ему почерка так точно, чтобы заметить подделку.[184]

— Ну вот, — радостно сказала она, — наконец-то. А то уж я ждала, ждала, да и жданки потеряла. А только как же конверт, — если он спросит, что я скажу?

— Да уж конверт нельзя подделать, — штемпеля, — сказала Грушина, посмеиваясь.

— Так как же?

— Душечка, Варвара Дмитриевна, да вы скажите ему, что конверт в печку бросили. На что же вам конверт?

Варварины надежды оживились. Она говорила Грушиной:

— Только бы он женился, тогда уж я не стану для него бегать. Нет, я буду сидеть, а он пусть для меня побегает.

В субботу после обеда Передонов шел поиграть на билиарде. Мысли его были тяжелы и печальны.

Скверно жить среди завистливых и враждебных людей! Но что же делать, — не могут же все быть инспекторами! Борьба за существование!

На углу двух улиц он встретил жандармского штаб-офицера. Неприятная встреча!

Подполковник Николай Владимирович Рубовский, невысокий плотный человек с густыми бровями, веселыми серыми глазами и прихрамывающею походкой, отчего его шпоры неровно и звонко призвякивали, был весьма любезен, и за то любим в обществе. Он знал всех людей в городе, все их дела и отношения, любил слушать сплетни, но сам был скромен и молчалив, как могила, и никому не делал ненужных неприятностей.

Остановились, поздоровались, побеседовали. Передонов насупился, оглянулся по сторонам, и опасливо сказал:

— У вас, я слышал, наша Наташка живет, так вы ей не верьте, что она про меня говорит, это она врет.

— Я от прислуги сплетен не собираю, — с достоинством сказал Рубовский.

— Она — сама скверная, — продолжал Передонов, не обращая внимания на возражение Рубовского, — у нее любовник есть поляк; она, может быть, нарочно к вам поступила, чтобы у вас что-нибудь стащить секретное.

— Пожалуйста, не беспокойтесь об этом, — сухо возразил подполковник, — у меня планы крепостей не хранятся.

Упоминание о крепостях озадачило Передонова. Ему показалось, что Рубовский намекает на то, что может посадить Передонова в крепость.

— Ну, что крепость, — пробормотал он, — а только вообще про меня всякие глупости говорят, — так это больше из зависти [меня преследуют]. Вы ничему такому не верьте. Это они доносят, чтобы от себя отвести подозрение, — а я и сам могу донести.

Рубовский недоумевал:

— Уверяю вас, — сказал он, вздергивая плечами и бряцая шпорами, — я ни от кого не получал на вас доноса. Вам, видно, кто-нибудь в шутку погрозил, — да ведь мало ли что говорится иногда.

Передонов не верил. Он думал, что жандармский скрытничает, — и стало ему страшно.[185]

Каждый раз, как Передонов проходил мимо Вершинского сада, Вершина останавливала его, и своими ворожащими движениями и словами заманивала в сад. И он входил, невольно подчиняясь ее тихой ворожбе. Может быть, ей скорее Рутиловых удалось бы достичь своей цели, — ведь Передонов одинаково далек был от всех людей, и почему бы ему было не связаться законным браком с Мартой? Но, видно, вязко было

то болото, куда залез Передонов, и никакими чарами не удавалось перебултыхнуть его в другое.

Вот и теперь, когда, расставшись с Рубовским, Передонов шел мимо, Вершина, — одетая, как всегда, вся в черном, — заманила его.

— Марта и Владя домой на день едут, — сказала она, ласково глядя сквозь дым своей папиросы на Передонова коричневыми глазами, — вот бы и вы с ними погостить в деревне, — за ними работник в тележке приехал.

— Тесно, — сказал Передонов угрюмо.

— Ну, вот, тесно! — возражала Вершина, — отлично разместитесь. Да и потеснитесь, не беда, что ж, недалеко, шесть верст проехать.

В это время из дому выбежала Марта, спросить что-то у Вершиной. Хлопоты перед отъездом немного расшевелили ее лень, и лицо ее было оживленнее и веселее обычного.[186] Опять, уже обе, стали звать Передонова в деревню.

— Разместитесь удобно, — уверяла Вершина, — вы с Мартой на заднем сиденьи, а Владя с Игнатием на переднем. Вот, посмотрите, и тележка на дворе.

Передонов пошел за Вершиной и Мартой на двор, где стояла тележка, а около нее возился, укладывая что-то, Владя. Тележка была поместительна. Но Передонов, угрюмо осмотрев ее, объявил:

— Не поеду. Тесно. Четверо, да еще вещи.

— Ну, если вы думаете, что тесно, — сказала Вершина, — то Владя и пешком может идти.

— Конечно, — сказал Владя, улыбаясь сдержанно и ласково, — пешком дойду в полтора часа отлично. Вот сейчас зашагаю, так раньше вас буду.

Тогда Передонов объявил, что будет трясти, а он не любит тряски. Вернулись в беседку. Все уже было уложено, но работник Игнатий еще ел на кухне, насыщаясь неторопливо и основательно.

— Как учится Владя? — спросила Марта: другого разговора с Передоновым она не умела придумать, а уже Вершина не раз упрекала ее, что она не умеет занять Передонова.

— Плохо, — сказал Передонов, — ленится, ничего не слушает.

Вершина любила поворчать. Она стала выговаривать Владе. Владя краснел и улыбался, пожимал плечами, как от холода, и подымал, по своей привычке, одно плечо выше другого.

— Что ж, только год начался, — сказал он, — я еще все успею.

— С самого начала надо учиться, — тоном старшей, но слегка от этого краснея, сказала Марта.

— Да и шалит, — жаловался Передонов, — вчера так развозились, точно уличные мальчишки. Да и груб, мне дерзость сказал в четверг.

Владя вдруг вспыхнул, и заговорил горячо, но не переставая улыбаться:

— Никакой дерзости, а я только правду сказал, что вы в других тетрадках ошибок по пяти прозевали, а у меня все подчеркнули, и поставили два, а у меня лучше было написано, чем у тех, кому вы три поставили.

— И еще вы мне дерзость сказали, — настаивал Передонов.

— Никакой дерзости, а я только сказал, что инспектору скажу, — запальчиво говорил Владя, — что ж мне зря двойки...

— Владя, не забывайся, — сердито сказала Вершина, — чем бы извиниться, а ты опять повторяешь.[187]

Владя вдруг вспомнил, что Передонова нельзя раздражать, что он может стать Марте женихом. Он сильнее покраснел, в смущении передернул пояс на своей блузе, и робко сказал:

— Извините. Я только хотел попросить, чтобы вы поправили.

— Молчи, молчи, пожалуйста, — прервала его Вершина, — терпеть не могу таких рассуждений, терпеть не могу, — повторила она, и еле заметно дрогнула всем своим сухоньким телом. — Тебе делают замечание, ты молчи.

И Вершина высыпала на Владю еще немало укоризненных слов, дымя папироской и криво улыбаясь, как она всегда улыбалась, о чем бы ни шла речь.

— Надо отцу будет сказать, чтобы наказал тебя, — кончила она.

— Высечь надо, — решил Передонов, и сердито посмотрел на обидевшего его Владю.

— Конечно, — подтвердила Вершина, — высечь надо.

— Высечь надо, — сказала и Марта, и покраснела.

— Вот поеду сегодня к вашему отцу, — сказал Передонов, — и скажу, чтобы вас при мне высекли, да хорошенько.

Владя молчал, смотрел на своих мучителей, поеживался плечами, и улыбался сквозь слезы. Отец у него крут. Владя старался утешить себя, думая, что это — только угрозы. Неужели в самом деле захотят испортить ему праздник? Ведь праздник — день особенный, отмеченный и радостный, и все праздничное совсем несоизмеримо со всем школьным, будничным.[188]

А Передонову нравилось, когда мальчики плакали, — особенно, если это он так сделал, что они плачут и винятся. Владино смущение, и сдержанные слезы на его глазах, и робкая, виноватая его улыбка,

все это радовало Передонова. Он решился ехать с Мартой и Владей.[189]

— Ну, хорошо, я поеду с вами, — сказал он Марте.

Марта обрадовалась, но как-то испуганно. Конечно, она хотела, чтобы Передонов ехал с ними, — или, вернее, Вершина захотела этого за нее, и приворожила ей своими быстрыми наговорами это желание. Но теперь, когда Передонов сказал, что едет, Марте стало неловко за Владю, — жалко его.

Жутко стало и Владе. Неужели это для него Передонов едет? Ему захотелось умилостивить Передонова. Он сказал:

— Если вы думаете, Ардальон Борисыч, что тесно будет, то я пешком могу пойти.

Передонов посмотрел на него подозрительно, и сказал:

— Ну да, если вас отпустить одного, вы еще убежите куда-нибудь. Нет уж, мы вас лучше свезем к отцу, пусть он вам задаст.

Владя покраснел и вздохнул. Ему стало так неловко, и тоскливо, и досадно на этого мучительного и угрюмого человека. Чтобы всё-таки смягчить Передонова, он решился устроить ему сиденье поудобнее.

— Ну, уж я так сделаю, — сказал он, что вам отлично будет сидеть.

И он поспешно отправился к тележке. Вершина посмотрела вслед за ним, криво улыбаясь и дымя, и сказала Передонову тихо:

— Они все боятся отца. Он у них очень строгий.

Марта покраснела.

Владя хотел было взять с собою в деревню удочку, новую, английскую, недавно-купленную на сбереженные деньги, хотел взять еще кое-что занимательное, — да это все занимало бы в тележке немало места. И Владя унес обратно в дом все свои пожитки.

Было не жарко. Солнце склонялось. Дорога, омоченная утренним дождем, не пылила. Тележка ровно катилась по мелкому щебню, унося из города четырех седоков; сытая серая лошадка бежала, словно не замечала их тяжести, и ленивый, безмолвный работник Игнатий управлял её бегом при помощи заметных лишь опытному взору движений вожжами.

Передонов сидел рядом с Мартой. Ему расчистили так много места, что Марте совсем неудобно было сидеть. Но он не замечал этого. А если бы и заметил, то подумал бы, что так и должно: ведь он гость.[190]

Передонов чувствовал себя очень приятно. Он решил поговорить с Мартою любезно, пошутить, позабавить ее.[191] Он начал так:

— Ну, что, скоро бунтовать будете?

— Зачем бунтовать? — спросила Марта.

— Вы, поляки, ведь все бунтовать собираетесь, да только напрасно.

— Я и не думаю об этом, — сказала Марта, — да и никто у нас не хочет бунтовать.

— Ну да, это вы только так говорите, а вы русских ненавидите.

— И не думаем, — сказал Владя, повертываясь к Передонову с передней скамейки, где сидел рядом с Игнатием.

— Знаем мы, как вы не думаете! Только мы вам не отдадим вашей Польши. Мы вас завоевали. Мы вам сколько благодеяний сделали, да, видно, как волка ни корми, он все в лес смотрит.

Марта не возражала. Передонов помолчал немного, и вдруг сказал:

— Поляки — безмозглые.

Марта покраснела.

— Всякие бывают и русские и поляки, — сказала она.

— Нет, уж это так, это верно, — настаивал Передонов. — Поляки глупые. Только форсу задают. Вот жиды, — те умнее.

— Жиды — плуты, а вовсе не умные, — сказал Владя.

— Нет, жиды — очень умный народ. Жид русского всегда надует, а русский жида никогда не надует.

— Да и не надо надувать, — сказал Владя, — разве в том только и ум, чтобы надувать да плутовать?

Передонов сердито глянул на Владю.

— А ум в том, чтобы учиться, — сказал он, — а вы не учитесь.

Владя вздохнул, и опять отвернулся и стал смотреть на ровный бег лошади. А Передонов говорил:

— Жиды во всем умные, и в ученье, и во всем. Если бы жидов пускали в профессора, то все профессора из жидов были бы. А польки все неряхи.

Он взглянул на Марту, и, с удовольствием заметив, что она сильно покраснела, сказал из любезности:

— Да вы не думайте, я не про вас говорю. Я знаю, что вы будете хорошая хозяйка.

— Все польки — хорошие хозяйки, — ответила Марта.

— Ну, да, — возразил Передонов, — хозяйки, сверху чисто, а юбки грязные. Ну да за то у вас Мицкевич был. Он выше нашего Пушкина. Он у меня на стенке висит. Прежде там Пушкин висел, да я его в сортир вынес, — он камер-лакеем был.

— Ведь вы русский, — сказал Владя, — что ж вам наш Мицкевич? Пушкин — хороший, и Мицкевич — хороший.

— Мицкевич — выше, — повторил Передонов. — Русские — дурачье. Один самовар изобрели, а больше ничего.[192]

Передонов посмотрел на Марту, сощурив глаза, и сказал:

— У вас много веснушек. Это некрасиво.

— Что ж делать? — улыбаясь, промолвила Марта.

— И у меня веснушки, — сказал Владя, поворачиваясь на своем узеньком сиденье и задевая безмолвного Игнатия.

— Вы мальчик, — сказал Передонов, — это ничего, мужчине красота не нужна, а вот у вас, — продолжал он, обращаясь к Марте, — нехорошо. Этак вас никто и замуж не возьмет. Надо огуречным рассолом лицо мыть.

Марта поблагодарила за совет.

Владя, улыбаясь, смотрел на Передонова.

— Вы что улыбаетесь, — сказал Передонов, — вот погодите, приедем, так будет вам дёра отличная.

Владя, повернувшись на своем месте, внимательно смотрел на Передонова, стараясь угадать, шутит ли он, говорит ли взаправду. А Передонов не выносил, когда на него пристально смотрели.

— Что вы на меня глазеете? — грубо спросил он. — На мне узоров нет. Или вы сглазить меня хотите?

Владя испугался, и отвел глаза.

— Извините, — сказал он робко, — я так, не нарочно.

— А вы разве верите в глаз? — спросила Марта.

— Сглазить нельзя, это — суеверие, — сердито сказал Передонов, — а только ужасно невежливо уставиться и рассматривать.

Несколько минут продолжалось неловкое молчание.

— Ведь вы — бедные, — вдруг сказал Передонов.

— Да, небогатые, — ответила Марта, — да все-таки уж и не так бедны. У нас у всех есть кое-что отложено.

Передонов недоверчиво посмотрел на нее, и сказал:

— Ну, да, я знаю, что вы бедные. Босые ежедёнком дома ходите.

— Мы это не от бедности, — живо сказал Владя.

— А что же, от богатства, что ли? — спросил Передонов, и отрывисто захохотал.

— Вовсе не от бедности, — спорил Владя, краснея, — это для здоровья очень полезно, закаляет здоровье, и приятно летом.

— Ну, это вы врете, — грубо возразил Передонов. — Богатые босиком не ходят. У вашего отца много детей, а получает гроши. Сапог не накупишься.

VII

[Скоро приехали в деревню. Дом, где жил арендатор, Мартин и Владин отец, был низенький, широкий, с высокою серою кровлею и прорезными ставнями у окон. Он был не новый, но прочный, и, прячась за рядом березок, казался уютным и милым, — по крайней мере, таким казался он Владе и Марте. А Передонову не нравились березки перед домом, — он бы их вырубил или поломал.

Навстречу приехавшим выбежали с радостными криками трое босоногих ребятишек, лет восьми—десяти, девочка и два мальчика, синеглазые и с веснушчатыми лицами.

На пороге дома гостя встретил и сам хозяин, — плечистый, сильный и большой поляк, с длинными полуседыми усами и угловатым лицом. Это лицо напоминало одну из тех сводных светотеней, где сразу отпечатаны на одной пластинке несколько сходных между собою лиц. В таких снимках утрачиваются все особые черты каждого человека, и остается лишь то общее, что повторяется во всех или в многих лицах. Так и в лице Нартановича, казалось, не было никаких особых примет, а было лишь то, что есть в каждом польском лице. За это кто-то из городских шутников прозвал Нартановича: сорок четыре пана. Сообразно с этим Нартанович и держал себя: был любезен, иногда слишком даже любезен в обращении, никогда при том не утрачивал шляхетского своего говора, и говорил только самое необходимое, как бы из боязни в лишних разговорах обнаружить что-нибудь, лишь ему одному принадлежащее.

Очевидно, он рад был гостю, и приветствовал его с деревенскою преувеличенностью. Когда он говорил, звуки его голоса вдруг возникали, — громкие, как бы назначенные спорить с бурею, — заглушали все, что только что звучало, и вдруг обрывались и падали. И после того голоса у всех других людей казались слабыми, жалкими.

В одной из горниц, темноватых и низковатых, где хозяин легко доставал потолок рукою, быстро накрыли на стол. Юркая баба собрала водок и закусок.

— Про́шу, — сказал хозяин, делая неправильные ударения, — чем Бог послал.

Передонов торопливо выпил водки, закусил, и принялся жаловаться на Владю. Нартанович свирепо смотрел на сына, и угощал Передонова немногословно, но настоятельно. Однако, Передонов решительно отказался есть теперь еще что-нибудь.

— Нет, это после, — сказал он, — я к вам по делу, вы меня сперва послушайте.

— А по делу, — закричал хозяин, — то есть резон.

Передонов принялся чернить Владю со всех сторон. Отец все более свирепел.

— О, лайдак! — восклицал он медленно, и с внушительными ударениями, — выкропить тебя надо. Вот я тебе задам такие хлосты. [[Вот ты получишь сто горячих.]]*

Владя заплакал.

— Я ему обещал, — сказал Передонов, — что нарочно приеду к вам, чтобы вы его при мне наказали.

— За то вас благодарю, — сказал Нартанович, — я его осмогаю** розгами, ленюха этакого, вот-то будет помнить лайдак.

Свирепо глядя на Владю, Нартанович поднялся, — и казалось Владе, что он громадный и вытеснил весь воздух из горницы. Он схватил Владю за плечо, и потащил его в кухню. Дети прижались к Марте, и в ужасе смотрели на рыдающего Владю. Передонов пошел за Нартановичем.

— Что же вы стоите, — сказал он Марте, — идите и вы, посмотрите да помогите, свои дети будут.

Марта вспыхнула и, обнимая всех троих ребятишек, проворно побежала с ними из дому, подальше, чтобы не слышать того, что будет.

Когда Передонов вошел в кухню, Владя раздевался. Отец стоял перед ним, и медленно говорил грозные слова.

— Ложись на скамейку, — сказал он, когда Владя разделся совсем.

Владя послушался. Слезы струились из его глаз, но он старался сдерживаться: отец не любил крику и мольбы. Передонов смотрел на Владю, на его отца, осматривал кухню, и, не видя нигде розог, начал беспокоиться. Неужели это делает Нартанович только для вида, — попугает сына и отпустит его ненаказанным? Недаром Владя ведет себя совсем не так, как ожидал Передонов: не мечется, не рыдает, не кланяется отцу в ноги (ведь все поляки низкопоклонные, думал Передонов), не молит о прощении, не бросается с мольбами к Передонову. Для того ли приехал сюда Передонов, — сам побеспокоился приехать, — чтобы посмотреть только на приготовления к наказанию? Меж тем Нартанович, не торопясь привязал сына к скамейке,[193] так крепко, что Владя уже не

---

* Здесь и далее в двойных квадратных скобках даются фрагменты текста, находящиеся внутри зачеркнутых эпизодов.

** *Осмогаю* — от *смогать* (*диалект.*) — управиться, осилить, одолеть (Даль. 3: 235).

мог пошевелиться, и лежал, дрожа от ужаса, уверенный, что отец засечет его до полусмерти. Наконец с этим делом Нартанович справился:

— Теперь наломать розог, да и стегать лайдака, если то не будет противно пану видеть, как твою шкуру стегают.

Нартанович искоса глянул на угрюмого[194] Передонова, усмехнулся, поводя длинными усами, и подошел к окну. Под окном росла береза.

— И ходить не треба, — сказал Нартанович, ломая прутья.

Владя закрыл глаза. Ему казалось, что он сейчас потеряет сознание.

— Слухай, ленюх, — крикнул отец над его головою страшным голосом, — для первого раза на году дам тебе пятнадцать, а за тем разом больше же получишь.

Владя даже обрадовался, — это-то ему было не в диковинку. Отец принялся стегать его медленно и сильно. Владя стиснул зубы, и не кричал. Кровь проступала мелкими, как роса, каплями.

— Вот-то хорошо, — сказал отец, окончив наказание, — твердый хлопец!

И он принялся развязывать сына. Передонову казалось, что Владе не очень больно.

— Для этого не стоило и привязывать, — сказал он сердито, — это с него, как с гуся вода.

Нартанович посмотрел на Передонова спокойными синими глазами.

— В другой раз милости просим, — сказал он, — то лютее ему будет. А сегодня же достаточно.

Владя надел рубашку, и, плача, поцеловал у отца руку.*

— Целуй розгу, смаганец, — крикнул отец, — и одевайся.

Владя оделся и побежал босиком в сад, выплакаться на воле.

Нартанович повел Передонова по дому и по службам показывать хозяйство. Передонову это нисколько не было занятно. Хотя он часто думал, что вот накопит денег и купит себе именье, но теперь, глядя на все, что ему показывали, он видел только грубые и неприятные предметы, не чувствовал их жизни, и не понимал их связи и значения их во всем хозяйстве.

---

* Автобиографический мотив. Ср.: «Когда стоял на коленях и его бранили, он принимал все укоры как заслуженные. Ему казалось, что все эти переживания укрепляли его волю к добру и характер. И мальчик с искреннею благодарностью кланялся матери в ноги — так было принято в его семье Тетерниковых, когда благодарили и просили чего-либо» (*Черносвитова О. Н.* Материалы к биографии Ф. Сологуба // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 237).

Скоро сели ужинать. Позвали и Владю. Передонов придумывал шутки над Владей. Выходили глупо и грубо. Владя краснел, чуть не плакал, но другие не смеялись, — и это огорчало Передонова.[195]

Рано утром Передонов поднялся, и сказал, что сейчас уезжает. Напрасно уговаривали его остаться погостить весь день, — он решительно отказался.

— Я только по делу и приезжал, — угрюмо говорил он.

Нартанович слегка усмехался, поводя длинными сивыми усами, и говорил зычным голосом:

— Что то за шкода, что за шкода!

Передонов опять несколько раз принимался дразнить Владю.[196] Но Владя радовался, что Передонов уезжает. После вчерашней кары уже он знал, что сегодня можно дома делать, что хочешь, — отец не забранит. На приставанья Передонова он охотно ответил бы дерзостью. Но за последние дни Вершина не раз повторяла ему, что, если он хочет добра Марте, то не должен сердить Передонова. И вот, он усердно заботился о том, чтобы Передонову еще удобнее сидеть, чем вчера.

Передонов смотрел на его хлопоты, стоя на крыльце, и спрашивал:

— Что, брат, влетело?

— Влетело, — отвечал Владя, стыдливо улыбаясь.

— До новых веников не забудете?

— Не забуду.

— Хорошо всыпано?

— Хорошо.

И так продолжался разговор все время, пока запрягалась тележка. Уже Владя начал думать, что не всегда возможно быть любезным до конца. Но Передонов уехал, — Владя вздохнул свободно.

С ним отец обходился сегодня так, как будто вчера ничего и не было. Владин день прошел весело.

За обедом Нартанович сказал Марте:

— Глупый этот у них учитель. Своих детей не имеет, чужих сечь ездит. Смагач!

— На первый раз можно было бы и не сечь, — сказала Марта.

Нартанович посмотрел на нее строго, и сказал внушительно:

— В ваши лета человека выхлестать вовсе не лишнее, — имей это в памяти. Да он и заслужил.

Марта покраснела. Владя сказал, сдержанно улыбаясь:

— До свадьбы заживет.[197]]

Варвара ничего не знала о том, куда отправился Передонов. Она провела жестоко-беспокойную ночь.

Но и вернувшись утром в город, Передонов не пошел домой, а велел везти себя в церковь, — в это время начиналась обедня. Ему казалось теперь опасным не бывать часто в церкви, — еще донесут, пожалуй.

Встретив при входе в ограду миловидного маленького[198] гимназиста с румяным, простодушным лицом и непорочными голубыми глазами, Передонов сказал:

— А, Машенька, здравствуй, раздевоня.

Миша Кудрявцев мучительно покраснел. Передонов уже несколько раз дразнил его, называя Машенькой, — Кудрявцев не понимал, за что, и не решался пожаловаться. Несколько товарищей, глупых малышей, толпившихся тут же, засмеялись на слова Передонова. Им тоже весело было дразнить Мишу.

Церковь во имя пророка Ильи, старая, построенная еще при царе Михаиле, стояла на площади против здания гимназии. Поэтому по праздникам к обедне и всенощной гимназисты обязаны были сюда собираться и становиться с левой стороны, у придела св. Екатерины-великомученицы, рядами, — а сзади становился один из помощников классных наставников, для надзора. Тут же рядом, поближе к середине храма, становились учителя гимназии и директор, со своими семьями. Собирались, обыкновенно, почти все православные гимназисты, кроме немногих, которым разрешено было посещать свои приходские церкви с родителями.

Хор из гимназистов пел хорошо, и потому церковь посещалась первогильдейным купечеством, чиновниками и помещичьими семьями. Простого народу бывало немного, тем более, что обедню здесь служили, сообразно с желаниями директора, позже, чем в других церквах.

Передонов стал на привычное свое место. Певчие отсюда все были ему видны. Щуря глаза, он смотрел на них, и думалось, что они стоят беспорядочно, и что он подтянул бы их, если бы он был инспектором. Вот смуглый Крамаренко, маленький, тоненький, вертлявый, все оборачивается то туда, то сюда, шепчет что-то, улыбается, — и никто его не уймет. Безобразие, — думал Передонов, — эти певчие всегда негодяи; у него звонкий, чистый дискант, — так уж он думает, что и в церкви можно шептать и улыбаться. И хмурился Передонов. Рядом с ним стоял пришедший попозже инспектор народных училищ Сергей Потапович Богданов, старик с коричневым глупым лицом, на котором постоянно было такое выражение, как будто он хочет объяснить кому-то что-то

такое, чего еще и сам никак не может понять. Никого так легко нельзя было удивить или испугать, как Богданова: чуть услышит что-нибудь новое или тревожное, — и уже лоб его наморщивается от внутреннего болезненного усилия, и изо рта вылетают беспорядочные, смятенные восклицания.

Передонов наклонился к нему, и сказал шепотом:

— У вас учительница в красной рубашке ходит, босошлепом.

Богданов испугался. Белая еретица его трусливо затряслась на подбородке.

— Что, что вы говорите! — сипло зашептал он, — кто, кто такая?

— Да вот горластая-то, толстуха-то эта, как ее, не знаю, — шептал Передонов.

— Горластая, горластая, — растерянно припоминал Богданов, — это Скобочкина, да?

— Ну, да, — подтвердил Передонов.

— А, как же, как же так! — восклицал шепотом Богданов. — Скобочкина в красной рубашке, а! Да вы сами видели?

— Видел, — да она, говорят, и в школе так щеголяет, совсем босая.

— А, скажите! Надо, надо узнать! Так нельзя, нельзя. Уволить за это следует, уволить, — лепетал Богданов.

Обедня кончилась. Выходили из церкви. Передонов сказал Крамаренку:

— Ты, черныш-огарыш, зачем в церкви улыбаешься? вот погоди, ужо отцу скажу.

Передонов говорил иногда «ты» гимназистам не из дворян; дворянам же он всегда говорил «вы».

Крамаренко посмотрел на Передонова с удивлением, и молча пробежал мимо. Он принадлежал к числу тех гимназистов, которые находили Передонова грубым, глупым и несправедливым, и за то ненавидели и презирали его. Таких было большинство.[199] Передонов думал, что это те, кого директор подговаривает против него.

К Передонову подошел, — уже за оградой, — Володин с радостным хихиканьем, — лицо, как у именинника, блаженное, — котелок на затылке.

— Знаешь, что я тебе скажу, Ардальон Борисыч, — зашептал он радостно, — я уговорил Черепнина, и он на днях вымажет Марте дегтем ворота.

Передонов помолчал, соображая что-то, и вдруг угрюмо захохотал. Володин так же быстро перестал осклабляться, принял скрытный вид, поправил котелок, и, поглядывая на небо, сказал:

— Не очень-то мне дома сидеть можно, — сказал Передонов, — у меня нынче дела, надо в город ходить.

Володин сделал понимающее лицо, хотя, конечно, не знал, какие это нашлись вдруг у Передонова дела. А Передонов думал, что ему необходимо будет сделать несколько визитов. Вчерашняя случайная встреча с жандармским офицером навела его на мысль, которая показалась ему весьма дельною: обойти всех значительных в городе лиц, и уверить их в своей благонадежности. Если это удастся, тогда, в случае чего, у Передонова найдутся заступники в городе, которые засвидетельствуют его правильный образ мыслей.

— Куда же вы, Ардальон Борисыч, — спросил Володин, видя, что Передонов сворачивает с того пути, по которому всегда возвращался, — вы разве не домой?

— Нет, я домой, — ответил Передонов, — только я нынче боюсь по той улице ходить.

— Почему же?

— Там дурману много растет, и запах тяжелый; это на меня сильно действует, одурманивает. У меня нынче нервы слабы. Всё неприятности.

Володин опять придал своему лицу понимающее и сочувственное выражение.

По дороге Передонов сорвал несколько шишек от чертополохов, и сунул их в карман.

— Это для чего же вы собираете? — осклабясь, спросил Володин.

— Для кота, — хмуро ответил Передонов.

— Лепить в шкуру будете? — деловито осведомился Володин.

— Да.

Володин захихикал.

— Вы без меня не начинайте, — сказал он, — занятно.

Передонов пригласил его зайти сейчас, но Володин сказал, что у него есть дело: он вдруг почувствовал, что как-то неприлично все не иметь дела; слова Передонова о своих делах подстрекали его, и он сообразил, что хорошо бы теперь самостоятельно зайти к барышне Адаменко, и сказать ей, что у него есть новые и очень изящные рисунки для рамочек, так не хочет ли она посмотреть. Кстати, думал Володин, барышня угостит его кофейком. Так Володин и сделал. И еще придумал одну замысловатую штуку: предложил барышне заниматься с ее братом ручным трудом. Барышня подумала, что Володин нуждается в заработке, и немедленно согласилась. Условились заниматься три раза в неделю по два часа за 30 рублей в месяц. Володин был в восторге, — и денежки, и возможность частых встреч с барышней.

Передонов вернулся домой, мрачный, как всегда. Варвара, бледная от бессонной ночи, заворчала:

— Мог бы вчера сказать, что не придешь.

Передонов, дразня ее, рассказал, что ездил к Марте. Варвара молчала. У нее в руках было княгинино письмо. Хоть и поддельное, а все-таки...

— Пока ты там вожжался с Марфушкой, здесь я без тебя ответ получила, от княгини.

— А ты разве ей писала? — спросил Передонов.

Лицо его оживилось отблеском тусклого ожидания.

— Ну вот, валяет Петрушку, — отвечала Варвара со смехом, — ведь сам же велел написать.

— Ну, что же она пишет? — спросил Передонов тревожно.

— Вот письмо, читай сам.

Варвара порылась в карманах, словно искала засунутое куда-то письмо, потом достала его, и подала Передонову. Он оставил еду, и с жадностью накинулся на письмо.[200] Прочел — и обрадовался. Вот наконец ясное и положительное обещание. Никаких сомнений у него не явилось. Он наскоро кончил завтрак, и пошел показывать письмо знакомым и приятелям.

Угрюмо-одушевленный, он быстро вошел в Вершинский сад. Вершина, как почти всегда, стояла у калитки. Она обрадовалась: раньше его надо было заманивать, теперь сам зашел. Вершина подумала:

Вот что значит проехался-то с барышней, побыл с нею, — вот и прибежал. Уж не хочет ли он свататься? — тревожно и радостно думала она.

Передонов тотчас же разочаровал ее, — показал письмо.

— Вот вы всё сомневались, — сказал он, — а вот сама княгиня пишет. Вот почитайте, сами увидите.

Вершина недоверчиво посмотрела на него, быстро несколько раз пыхнула на него табачным дымом, криво усмехнулась, и спросила тихо и быстро:

— А где же конверт?

Передонов вдруг испугался. Он подумал, что Варвара могла и обмануть его письмом, — взяла да сама написала. Надо потребовать от нее конверт как можно скорее.

— Я не знаю, — сказал он, — надо спросить.

Он поспешно простился с Вершиной, и быстро пошел назад, к своему дому. Необходимо было как можно скорее удовлетвориться в происхождении этого письма, — внезапное сомнение так мучительно.

Вершина, стоя у калитки, смотрела за ним, криво улыбалась и торопливо дымила папироской, словно торопясь закончить к сроку заданный на сегодня урок.[201]

С испуганным и отчаянным лицом Передонов прибежал домой, и крикнул еще в передней голосом, хриплым от волнения:

— Варвара, где конверт?

— Какой конверт? — спросила Варвара дрогнувшим голосом.

Она смотрела на Передонова нахально, но покраснела бы, если бы не была раскрашена.

— Конверт, от княгини, что письмо сегодня принесли, — объяснил Передонов, испуганно и злобно глядя на Варвару.

Варвара напряженно засмеялась.

— Вот, я сожгла, на что мне его, — сказала она. — Что же, собирать, что ли, конверты? Коллекцию составлять? Так ведь денег за конверты не платят. Это только за бутылки в кабаке деньги назад дают.

Передонов, мрачный, ходил по горницам, и ворчал:

— Княгини тоже бывают всякие. Знаем мы. Может быть, эта здесь живет княгиня.

Варвара притворялась, что не догадывается о его подозрениях, но жестоко трусила.[202]

Когда к вечеру Передонов проходил мимо Вершинского сада, Вершина остановила его:

— Нашли конверт? — спросила она.

— Да Варя говорит, что сожгла его, — ответил Передонов.

Вершина засмеялась, и белые тонкие облачка от табачного дыма заколебались перед нею в тихом и нежарком воздухе.

— Странно, — сказала она, — как это так это ваша сестрица неосторожна, — деловое письмо, и вдруг без конверта. Все ж таки по штемпелю видно было бы, когда послали письмо и откуда.

Передонов жестоко досадовал. Напрасно Вершина звала его зайти в сад, напрасно обещала погадать ему на картах, [напрасно Марта пришла и улыбалась за решеткой,] — Передонов торопливо ушел.

Но все же он показывал приятелям это письмо, и хвастался. И приятели верили.

А Передонов не знал, верить или не верить. На всякий случай решился он со вторника начать оправдательные свои посещения к значительным в городе особам. С понедельника нельзя, — тяжелый день.

VIII

Как только Передонов ушел играть на билиарде, Варвара поехала к Грушиной. Долго они толковали, и наконец решили поправить дело вторым письмом.[203] Варвара знала, что у Грушиной есть знакомые в Петербурге. При их посредстве нетрудно переслать туда и обратно письмо, которое изготовят здесь.

Грушина, как и первый раз, долго притворно отказывалась.[204]

— Ой, голубушка Варвара Дмитриевна, — говорила она, — я и от одного-то письма всё дрожу, всё боюсь. Увижу пристава близко дома, — так вся и сомлею, — думаю, — за мной идут, в тюрьму сажать хотят.

Битый час уговаривала ее Варвара,[205] насулила подарков, дала вперед немного денег. Наконец Грушина согласилась. Решили сделать так: сначала Варвара скажет, что написала княгине ответ, — благодарность. Потом через несколько дней придет письмо, будто бы опять от княгини. В том письме еще определеннее будет написано, что есть места в виду, что если скоро повенчаются, то теперь же можно будет одно из них выхлопотать Передонову. Это письмо напишет здесь Грушина, как и первое, — запечатают его, наклеят марку семь копеек, Грушина вложит его в письмо своей подруге, а та в Петербурге опустит его в почтовый ящик.

И вот Варвара и Грушина пошли в лавочку на самый дальний конец города, и купили там пачку конвертов, узких, с цветным подбоем, и цветной бумаги. И то и другое было неизящно, грубо, ярко-цветно, но обеим им казалось весьма шикарно. Выбрали и бумагу и конверт такие, каких не осталось больше в лавке, — предосторожность, придуманная Грушиной для сокрытия подделки. Узкие конверты выбрали и для того, чтобы подделанное письмо легко входило в другое.

Вернувшись домой, к Грушиной, сочинили и письмо от княгини.[206] Когда, через два дня, письмо было готово, его надушили шипром. Остальные конверты и бумагу сожгли, чтобы не осталось улик.

Грушина написала своей подруге, в какой именно день опустить письмо, — рассчитали, чтобы оно пришло в воскресенье:[207] тогда почтальон принесет его при Передонове, и это будет лишним доказательством неподдельности письма.

Во вторник Передонов постарался пораньше вернуться из гимназии. Случай ему помог: последний урок его был в классе, дверь которого[208] выходила в коридор близ того места, где висели часы и бодрствовал трезвонящий в положенные сроки сторож, бравый запасный унтер-офи-

цер. Передонов послал сторожа в учительскую за классным журналом, а сам переставил часы на четверть часа вперед, — никто этого не заметил.

Дома Передонов отказался от завтрака, и сказал, чтобы обед сделали позже, — ему-де нужно ходить по делам.

— Путают, путают, а я распутывай, — сердито сказал он, думая о кознях, которые строят ему враги.

Оделся он[209] в мало-употребляемый им фрак, уже узкий для него, сидевший неловко на его плотном, невысоком теле. Досадовал, что нет ордена.[210] У других есть, даже у Фаластова из городского училища есть, а у него нет. Все директоровы штуки: ни разу не хотел представить. Чины идут, этого директор не может отнять, — да что в них, коли никто не видит. Ну да вот при новой форме будет видно. Хорошо, что там погоны будут по чину, а не по классу должности. Это важно будет, — погоны, и одна большая звезда. Сразу всякий увидит, что идет по улице статский советник.

Надо поскорее заказать новую форму, думал Передонов.

Он вышел на улицу, и только тогда стал думать, с кого бы начать.

Кажется, самые необходимые в его положении люди — исправник и прокурор окружного суда. С них бы и следовало начать. Или с предводителя дворянства. Но начинать с них Передонову стало страшно. Предводитель Верига — генерал, метит в губернаторы. Исправник, прокурор — это страшные представители полиции и суда.

Для начала, думал Передонов, надо выбрать начальство попроще, и там осмотреться, принюхаться, — видно будет, как относятся к нему, что о нем говорят. Поэтому, решил Передонов, всего умнее начать с городского головы. Хотя он купец, и учился всего только в уездном училище, но все же он везде бывает, и у него все бывают, и он пользуется в городе уважением, а в других городах и даже в столице у него есть знакомые, довольно верные.

И Передонов решительно направился к дому городского головы.

Погода стояла пасмурная. Листья с деревьев падали покорные, усталые. Передонову было немного страшно.

В доме у городского головы пахло недавно-натертыми паркетными полами и еще чем-то, еле заметно, приятно-съестным. Было тихо и скучно. Дети хозяиновы, сын-гимназист и девочка-подросток (она у меня под гувернанткой ходит, говорил отец) чинно пребывали в своих покоях. Там было уютно, покойно и весело, окна смотрели в сад, мебель стояла удобная, игры разнообразные в горницах и в саду.

В лицевых же на улицу покоях верхнего жилья, там, где принимались гости, все было вытянуто и жестко. Мебель красного дерева словно была увеличена во много раз по образцу игрушечной. Обыкновенным людям сидеть на ней было неудобно, — сядешь, словно на камень повалишься. А грузный хозяин — ничего, сядет, примнет себе место, и сидит с удобством. Навещавший голову по́часту архимандрит подгорного монастыря называл эти кресла и диваны душеспасительными, на что голова отвечал:

— Да, не люблю я этих дамских нежностей, — как в ином доме, сядешь на пружины, и затрясешься, — сам трясешься, и мебель трясется, — что тут хорошего! А впрочем, и доктора мягкой мебели не одобряют.

Городской голова, Яков Аникиевич Скучаев, встретил Передонова на пороге своей гостиной. Это был мужчина толстый, высокий, черноволосый, коротко стриженный; держался он с достоинством и любезностью, не чуждый некоторой презрительности в отношениях к людям малоденежным.

Усевшись торчком в широком кресле и ответив на первые любезные хозяиновы вопросы, Передонов сказал:

— А я к вам по делу.

— С удовольствием. Чем могу служить? — любезно осведомился хозяин.

В хитрых черных глазах его вспыхнул презрительный огонек. Он думал, что Передонов пришел просить денег в долг, и решил, что больше полутораста рублей не даст. Многие в городе чиновники должны были Скучаеву более или менее значительные суммы. Скучаев никогда не напоминал о возврате долга, но зато не оказывал дальнейшего кредита неисправным должникам. В первый же раз он давал охотно, в мере своей свободной наличности и состоятельности просителя.

— Вы, Яков Аникиевич, как городской голова, первое лицо в городе, — сказал Передонов, — так мне надо поговорить с вами.

Скучаев принял важный вид, и слегка поклонился, сидя в кресле.

— Про меня в городе всякий вздор мелют, — угрюмо говорил Передонов, — чего и не было наплетут.

— На чужой роток не накинешь платок, — сказал хозяин, — а впрочем, в наших Палестинах, известно, кумушкам что и делать, как не язычки чесать.

— Говорят, что я в церковь не хожу, а это неправда, — продолжал Передонов, — Я бываю. А что на Ильин день не был, так у меня тогда живот болел, а то я всегда хожу.

— Это точно, — подтвердил хозяин, — это могу сказать, приходилось вас видеть. А впрочем, ведь я не всегда в вашу церковь хожу. Я больше в монастырь езжу. Так уж это у нас в роду повелось.

— Всякий вздор мелют, — говорил Передонов. — Говорят, что я гимназистам гадости рассказываю. А это вздор. Конечно, иногда расскажешь на уроке что-нибудь смешное, чтобы оживить. У вас у самого сын гимназист. Ведь он вам ничего такого про меня не рассказывал?

— Это точно, — согласился Скучаев, — ничего такого не было. А впрочем, ведь они, мальчишки, прехитрый народ, — чего не надо, того и не скажут. Оно, конечно, мой еще мал, сболтнул бы по глупости, однако, ничего такого не было.

— Ну, а в старших классах они сами всё знают, — сказал Передонов, — да я и там худых слов не говорю.

— Уж это такое дело, — ответил Скучаев, — известно, гимназия не базарная площадь.

— А у нас уж такой народ, — жаловался Передонов, — того наблекочут, чего и не было. Так вот я к вам, — вы городской голова.

Скучаев был весьма польщен тем, что к нему пришли. Он не совсем понимал, для чего это, и в чем тут дело, но из политики не показывал и вида, что не понимает.

— И еще про меня худо говорят, — продолжал Передонов, — что я с Варварой живу. Говорят, что она мне не сестра, а любовница. А она мне, ей-Богу, сестра, только дальняя, четвероюродная, на таких можно венчаться. Я и повенчаюсь с ней.

— Так-с, так-с, конечно, — сказал Скучаев, — а впрочем, венец делу конец.

— А раньше нельзя было, — говорил Передонов, — у меня важные причины были. Никак нельзя. А я бы давно повенчался. Уж вы мне поверьте.

Скучаев приосанился, нахмурился, и, постукивая пальцами, пухлыми и белыми, по темной скатерти на столе, сказал:

— Я вам верю. Если так, то это, действительно, другой разговор. Теперь я вам верю. А то, признаться сказать, сомнительно было, как это вы так с вашей, с позволения сказать, подругой, не венчавшись, живете. Оно сомнительно, знаете, потому — ребятенки — острый народ; они перенимают, если что худое. Доброму их трудно научить, а худое само. Так оно, точно, сомнительно было. А впрочем, кому какое дело, — я так об этом сужу. А что вы пожаловали, так это мне лестно, потому что мы хоть и лыком шиты, дальше уездного училища свету не видали, ну а все-таки почтен доверием общества, тре-

тий срок головой хожу, так мое слово у господ горожан чего-нибудь да стоит.

Скучаев говорил, и все больше запутывался в своих мыслях, и ему казалось, что никогда не кончится ползущая с его языка канитель. И он оборвал свою речь, и тоскливо подумал: А впрочем, ровно бы из пустого в порожнее переливаем. Беда с этими учеными, думал он, не поймешь, чего он хочет. В книгах-то ему все ясно, ученому человеку, а вот как из книг нос вытащит, так и завязнет, и других завязит.

Он с тоскливым недоумением уставился на Передонова, острые глаза его потухли, тучное тело [словно] осунулось, и он показался уже не таким бодрым деятелем, как давеча, а просто глуповатым стариком.

Передонов тоже помолчал немного, как бы завороженный хозяиновыми словами, потом сказал, щуря глаза с неопределенно-хмурым выражением:

— Вы — городской голова, так вы можете сказать, что все это вздор.

— То есть, это насчет чего же? — осторожно осведомился Скучаев.

— А вот, — объяснил Передонов, — если в округ донесут, что я в церковь не хожу, или там другое что, так вот если приедут и спрашивать будут.

— Это мы можем, — сказал голова, — это уж во всяком случае будьте благонадежны. Если что, так уж мы за вас постоим, — отчего же за хорошего человека слова не замолвить. Хоть адрес вам от думы поднесем, если понадобится. Это мы все можем. Или, примерно, звание почетного гражданина, отчего же, понадобится, все можно.

— Так уж я буду на вас надеяться, — сказал Передонов угрюмо, как бы в ответ на что-то не совсем приятное для него, — а то директор меня все притесняет.

— С-с, скажите! — воскликнул Скучаев, с соболезнованием покачивая головой, — не иначе, как так надо полагать, что по наговорам, — Николай Власьевич, кажется, основательный господин, даром никого не обидит. Как же, по сыну вижу. Серьезный господин, строгий, поблажки не дает, и различек не делает, одно слово, основательный господин. Не иначе, что по наговорам. С чего же у вас с ним контры?

— Мы с ним во взглядах не сходимся, — объяснил Передонов. — И у меня в гимназии есть завистники. Все хотят быть инспекторами. А мне княгиня Волчанская обещала выхлопотать инспекторское место. Вот они и злятся от зависти.

— Так-с, так-с, — осторожно сказал Скучаев. — А впрочем, что же это мы сухопутный разговор делаем. Надо закусить да выпить.

Скучаев нажал пуговку электрического звонка около висячей лампы.

— Удобная штука, — сказал он Передонову. — А вам бы в другое ведомство перейти следовало.

— Вы нам, Дашенька, соберите, — сказал он вошедшей на звонок миловидной девице атлетического сложения, — закусочки какой-нибудь, да кофейку горяченького, понимаете?

— Слушаю, — отвечала Дашенька, улыбаясь, и ушла, ступая удивительно, по ее сложению, легко.

— В другое ведомство, — опять обратился Скучаев к Передонову. — Хоть бы в духовное, например. Если взять духовный сан, то священник из вас бы вышел серьезный, обстоятельный. Я бы мог посодействовать. У меня есть преосвященные знакомые.

Скучаев назвал несколько епархиальных и викарных епископов.

— Нет, я не хочу в попы, — отвечал Передонов, — я ладану боюсь. Меня тошнит от ладана, и голова болит.

— В таком разе в полицию тоже хорошо, — советовал Скучаев. — Поступите, например, в становые. На вас, позвольте узнать, какой чин?

— Я статский советник, — важно сказал Передонов.[211]

— Вот как! — воскликнул Скучаев, — скажите, какие вам большие чины дают! И это за то, что ребят обучаете? А впрочем, хотя по нынешним временам иные господа нападают на науку, а без науки не проживешь. Вот я сам хоть только в уездном учился, а сына в университет направляю. Через гимназию, известно, почти силком ведешь, прутом, а там и сам пойдет. Я его, знаете, сечь никогда не секу, а только как заленится, или так в чем проштрафится, возьму за плечо, подведу к окну, — там у нас в саду березы стоят. Покажу ему березу, — это, говорю, видишь? Вижу, папенька, вижу, говорит, больше не буду. И точно, помогает, заправится мальчуган, будто его и на самом деле постегали. Ох, дети, дети! — вздыхая, закончил Скучаев.

У Скучаева Передонов просидел часа два. После делового разговора последовало обильное угощение.[212]

Скучаев угощал, — как и все, что делал, — весьма степенно, словно важным делом занимался. Притом он старался делать это с какими-нибудь хитрыми коленцами. Подавали глинтвейн в больших чайных стаканах, совсем как кофе, и хозяин называл его кофейником. Рюмки для водки подали с оббитыми и обточенными донышками, чтобы их нельзя было поставить на стол.

— Это у меня называется: налей да выпей, — объяснил хозяин.

Пришел еще купец Тишков, седой, низенький, в длинном сюртуке и сапогах бутылками. Он пил много водки, говорил под рифму всякий вздор, очень весело и быстро, и, очевидно, был весьма доволен собою.[213]

Передонов сообразил, наконец, что пора идти домой, и стал прощаться.

— Не торопитесь, — говорил хозяин, — посидите.

— Посидите, компанию поддержите, — сказал Тишков.

— Нет, мне пора, — отвечал озабоченно Передонов.

— Ему пора, ждет сестра, — сказал Тишков, и подмигнул Скучаеву.

— У меня дела, — сказал Передонов.

— У кого дела, тому от нас хвала, — немедленно же отвечал Тишков.

Скучаев проводил Передонова до передней. На прощанье обнялись и поцеловались. Передонов остался доволен этим посещением. Голова за меня, уверенно думал он.

Вернувшись к Тишкову, Скучаев сказал:

— Зря болтают на человека.

— Зря болтают, правды не знают, — тотчас же подхватил Тишков, молодцевато наливая себе рюмку английской горькой.

Видно было, что он не думает о том, что ему говорят, а только ловит слова для рифмования.

— Он ничего, парень душевный, и выпить не дурак, — продолжал Скучаев, наливая и себе, и не обращая внимания на рифмачество Тишкова.

— Если выпить не дурак, значит малый так и сяк, — бойко крикнул Тишков, и опрокинул рюмку в рот.

— А что с мамзелью вяжется, так это что же! — говорил Скучаев.

— От мамзели клопы в постели, — ответил Тишков.

— Кто Богу не грешен, царю не виноват.

— Все грешим, все любить хотим.

— А он хочет грех венцом прикрыть.

— Грех венцом прикроют, подерутся, и завоют.

Так разговаривал Тишков всегда, если речь шла не о деле его собственном. Он бы смертельно надоел всем, но к нему привыкали, и уже не замечали его бойко произносимых скороговорок; только на свежего человека иногда напустят его. Но Тишкову было все равно, слушают его или нет; он не мог не схватывать чужих слов для рифмачества, и дейст-

вовал с неуклонностью хитро-придуманной машинки-докучалки. Долго глядя на его расторопные, отчетливые движения, можно было подумать, что это не живой человек, что он уже умер, или и не жил никогда, и ничего не видит в живом мире, и не слышит ничего, кроме звенящих мертво слов.

IX

На другой день Передонов пошел к прокурору.

Опять была пасмурная погода. Ветер налетал порывами, и нес по улице пыльные вихри. Близился вечер, и все освещено было просеянным сквозь облачный туман, печальным, как бы не солнечным светом. Тоскою веяло затишье на улицах, и казалось, что ни к чему возникли эти жалкие здания, безнадежно-обветшалые, робко намекающие на таящуюся в их стенах нищую и скучную жизнь. Люди попадались, — и шли они медленно, как бы ничем ни к чему не побуждаемые и едва одолевающие клонящую их к успокоению дремоту. Только дети, вечные, неустанные сосуды Божьей радости над землею, были живы, и бежали, и играли, — но уже и на них налегала косность, и какое-то близкое и незримое чудище, угнездясь за их плечами, полными угроз, в их внезапно тупеющие лица.

Среди этого томления на улицах и в домах, под этим отчуждением с неба, по [этой] нечистой и бессильной земле, шел Передонов, и томился неясными страхами, — и не было для него утешения в возвышенном и отрады в земном, — потому что и теперь, как всегда, смотрел он на мир мертвенными глазами. Все доходящее до его сознания претворялось в мерзость и грязь. В предметах ему бросались в глаза неисправности, и радовали его. Когда он проходил мимо прямо-стоящего столба, ему хотелось покривить его или испакостить. Он смеялся от радости, когда при нем что-нибудь пачкали. Чисто вымытых гимназистов он презирал и преследовал. Он называл их ласкомойками. У него не было любимых предметов, как не было любимых людей, — и потому природа могла только в одну сторону действовать на его чувства, только угнетать их.[214] Быть счастливым для него значило ничего не делать и, замкнувшись от мира, ублажать свою утробу.

А вот теперь приходится поневоле, думал он, идти и объясняться. Какая тягость! Какая докука! И еще если бы можно было напакостить там, куда он идет, а то нет и этого утешения.

Прокуроров дом усилил в Передонове его тягостные настроения в чувстве страха. И точно, — этот дом имел серьезный, злой вид. Высо-

кая крыша хмуро опускалась над окнами, пригнетенными к земле. И дощатая обшивка, и крыша были когда-то выкрашены ярко и весело, — но от времени и дождей окраска стала хмурой и серой.[215] Ворота, громадные и тяжелые, выше самого дома, как бы приспособленные для отражения нападений, постоянно были на запоре.

За ними гремела цепь, и глухим басом лаяла собака на каждого прохожего.

Кругом были пустыри, — огороды, лачуги какие-то. Против прокуророва дома — длинная шестиугольная площадь, посередине углубленная, заросшая травой, вся немощёная. У самого дома торчал фонарный столб, единственный на всей площади.

Передонов медленно поднялся по четырем пологим ступенькам на крыльцо, покрытое дощатою двускатною кровелькой, и взялся за почернелую медную ручку от звонка. Звонок раздался где-то близко, с резким и продолжительным дребезжаньем, — и невдолге послышались крадущиеся шаги. Кто-то подошел к двери на цыпочках, и остановился там тихо-тихо. Должно быть, смотрел в какую-нибудь незаметную щель. Потом загремел железный крюк, дверь открылась, — на пороге стояла черноволосая, угрюмая, рябая девица с подозрительно озирающими все глазами.

— Вам кого? — спросила она.

Передонов сказал, что пришел к Александру Алексеевичу по делу. Девица его впустила. Переступая порог, Передонов зачурался про себя. И хорошо, что поспешил: не успел еще он снять пальто, как уже в гостиной послышался резкий, сердитый голос Авиновицкого. Голос у прокурора всегда был устрашающий, — иначе он и не говорил. Так и теперь, сердитым и бранчливым голосом он еще из гостиной кричал приветствия и выражения радости по тому поводу, что наконец-то Передонов собрался к нему.

Александр Алексеевич Авиновицкий был мужчина мрачной наружности, как бы уж от природы приспособленный для того, чтобы распекать и разносить.[216] Человек несокрушимого здоровья, — он купался от льда до льда, — казался он однако худощавым, — так сильно зарос он бородой, черной, с синеватым отливом. Он на всех наводил если не страх, то чувство неловкости, потому что не уставая кого-нибудь громил, кому-нибудь грозил Сибирью и каторгой.[217]

— Я по делу, — сказал Передонов смущенно.

— С повинной? Человека убили? поджог устроили? почту ограбили? — сердито закричал Авиновицкий, — пропуская Передонова в зал. — Или сами стали жертвой преступления, что более чем возможно

в нашем городе. Город у нас скверный, а полиция в нем еще хуже. Удивляюсь еще я, отчего на этой вот площади каждое утро мертвые тела не валяются. Ну-с, прошу садиться. Так какое же дело? преступник или жертва?

— Нет, — сказал Передонов, — я ничего такого не сделал? Это директор рад бы меня упечь, а я ничего такого.

— Так вы повинной не приносите? — спросил Авиновицкий.

— Нет, я ничего такого, — боязливо бормотал Передонов.

— Ну, а если ничего такого, — со свирепыми ударениями на словах сказал прокурор, — так я вам предложу чего-нибудь этакого.

Он взял со стола колокольчик, и позвонил. Никто не шел. Авиновицкий схватил колокольчик в обе руки, поднял неистовый трезвон, потом бросил колокольчик на пол, застучал ногами в пол, и закричал диким голосом:

— Маланья, Маланья, черти, дьяволы, лешие!

Послышались неторопливые шаги, вошел гимназист, сын Авиновицкого, черноволосый, коренастый мальчик лет тринадцати с весьма уверенными и самостоятельными повадками. Он поклонился Передонову, поднял колокольчик, поставил его на стол, и сказал спокойно:

— Маланья на огород пошла.

Авиновицкий мгновенно успокоился, и, глядя на сына с нежностью, столь не идущею к его обросшему и сердитому лицу, сказал:

— Так ты, сынок, добеги до нее, скажи, чтобы она собрала нам выпить да закусить.

Мальчик неторопливо пошел из горницы. Отец смотрел за ним с горделивою и радостною улыбкою. Но, уже когда сын был в дверях, Авиновицкий вдруг свирепо нахмурился, и закричал страшным голосом, так что Передонов вздрогнул:

— Живо!

Гимназист побежал, — и слышно стало, как захлопали стремительно-открытые и с треском закрытые двери. Отец послушал, радостно улыбнулся толстыми, красными губами, потом опять заговорил сердитым голосом:

— Наследник. Хорош, а? Что из него будет, а? Как вы полагаете? Дураком может быть, но подлецом, трусом, тряпкой — никогда!

— Да, что ж, — пробормотал Передонов.

— Нынче люди пошли — пародия на человеческую породу, — гремел Авиновицкий. — Здоровье пошлостью считают. Немец фуфайку выдумал. Я бы этого немца в каторгу послал. Вдруг бы на моего Владимира фуфайку! Да он у меня в деревне все лето сапог ни разу не надел,

а ему фуфайку! Да он у меня из бани на мороз нагишом выбежит да на снегу поваляется, а ему фуфайку! Сто плетей проклятому немцу![218]

От немца, выдумавшего фуфайку, перешел Авиновицкий к другим преступникам.

— Смертная казнь, милостивый государь, не варварство, — кричал он. — Наука признала, что есть врожденные преступники. Этим, батенька, все сказано. Их истреблять надо, а не кормить на государственный счет. Он злодей, а ему на всю жизнь обеспечен теплый угол в каторжной тюрьме. Он убил, поджег, растлил, а плательщик налогов отдувается своим карманом на его содержание. Нет-с, вешать много справедливее и дешевле.

В столовой накрыт был стол белою с красной каемкой скатертью, и на нем поставлены тарелки с жирными колбасами и другими снедями, и графины с разными водками. Все было по вкусу для Передонова, и даже некоторая неряшливость убранства была ему мила.[219]

Хозяин продолжал громить. По поводу съестного обрушился на лавочников, а затем заговорил о наследственности.

— Наследственность — великое дело, — кричал он. — Из мужиков в баре выводить — глупо и смешно. Земля скудеет, города наполняются золоторотцами, неурожаи, невежество, самоубийства, — это вам нравится? Учите мужика, сколько хотите, но не давайте ему чинов за это. А то крестьянство теряет лучших членов, и вечно остается чернью, быдлом, — а дворянство тоже терпит ущерб от прилива некультурных элементов. У себя в деревне он был бы лучше других, а в дворянское сословие он вносит что-то грубое, нерыцарское, неблагородное. На первом плане у него нажива, утробные интересы. Нет-с, батенька, касты были мудрое устройство.

— Да, вот и у нас в гимназию директор всякую шушеру пускает, — сердито сказал Передонов, — даже есть крестьянские дети, а мещан даже много.[220]

— Хорошее дело, нечего сказать! — крикнул хозяин.

— Есть циркуляр, чтоб всякой швали не пускать, а он по-своему, — жаловался Передонов, — почти никому не отказывает.[221] У нас, говорит, дешевая жизнь в городе, а гимназистов, говорит, и так мало. Что ж, что мало! И еще бы пусть было меньше. А то одних тетрадок не напоправляешься. Книги некогда прочесть.

— Выпейте еще водки, — предложил Авиновицкий. — Какое ж у вас до меня дело?

— У меня враги есть,— пробормотал Передонов, уныло рассматривая рюмку с водкой прежде, чем выпить ее.

— Без врагов свинья жила, — отвечал Авиновицкий, — да и ту зарезали. Кушайте, хорошая была свинья.

Передонов взял кусок ветчины, и сказал:

— Про меня распускают всякую ерунду.

— Да, уж могу сказать, по части сплетен хуже нет города, — свирепо закричал хозяин. — Уж и город! Какую гадость ни сделай, сейчас все свиньи о ней захрюкают.

— Мне княгиня Волчанская обещала инспекторское место выхлопотать, а тут вдруг болтают. Это мне повредить может. А все из зависти. Тоже и директор, распустил гимназию, — гимназисты, которые на квартирах живут, курят, пьют, ухаживают. Да и здешние такие есть. Сам распустил, а вот меня притесняет. Ему, может быть, наговорили на меня. А там и дальше пойдут наговаривать.

Передонов длинно и нескладно рассказывал о своих опасениях. Авиновицкий слушал сердито, и по временам восклицал гневно:

— Мерзавцы! Шельмецы! Иродовы дети!

— Какой же я нигилист, — говорил Передонов, — даже смешно. У меня есть фуражка с кокардой, а только я ее не всегда надеваю, — так и он шляпу носит.[222] А что у меня Мицкевич висит, так я его за стихи повесил, а не за то, что он бунтовал. А я и не читал его «Колокола».

— Ну это вы из другой оперы хватили, — бесцеремонно сказал Авиновицкий. — «Колокол» Герцен издавал, а не Мицкевич.

— То другой «Колокол», — сказал Передонов, — Мицкевич тоже издавал «Колокол».

— Не знаю-с.[223]

После долгих сетований, в которых изливался Передонов, Авиновицкий сообразил,* что кто-то пытается его шантажировать, и с этой целью распускает о нем слухи с таким расчетом, чтобы запугать его и тем подготовить почву для внезапного требования денег. Что эти слухи не дошли до Авиновицкого, он объяснил себе тем, что шантажист ловко действует в самом близком к Передонову кругу, — ведь ему же и нужно воздействовать лишь на Передонова.[224] Авиновицкий спросил:

— Кого подозреваете?

Передонов задумался. Случайно подвернулась на память Грушина, смутно припомнился недавний разговор с нею, когда он оборвал ее рассказ угрозою донести. Что это он погрозил доносом Грушиной, спуталось у него в голове с представлением о доносе вообще. Он ли донесет,

---

* *Было*: заключил.

на него ли донесут, — было неясно, и Передонов не хотел сделать усилия припомнить точно, — ясно было одно, что Грушина — враг. И что хуже всего, она видела, куда он прятал Писарева. Надо будет перепрятать. Он сказал:

— Вот Грушина тут есть такая.

— Знаю, шельма первостатейная, — кратко решил Авиновицкий.

— Она все к нам ходит, — жаловался Передонов, — и все вынюхивает. Она жадная, ей все давай. Может быть, она хочет, чтоб я ей деньгами заплатил, чтоб она не донесла, что у меня Писарев был. А может быть, она хочет за меня замуж. Но я не хочу платить, и у меня есть другая невеста, — пусть доносит, я не виноват. А только мне неприятно, что выйдет история, и это может повредить моему назначению.

— Она известная шарлатанка, — сказал прокурор. — Она тут гаданьем занялась было, дураков морочила, да я сказал полиции, что это надо прекратить. На тот раз были умны, послушались.

— Она и теперь гадает, — на картах мне раскидывала, все дальняя дорога выходит да казенное письмо.

— Она знает, кому что сказать. Вот погодите, она будет петли метать, а потом и пойдет денег вымогать. Тогда вы прямо ко мне. Я ей всыплю сто горячих, — сказал Авиновицкий любимую свою поговорку.

Не следовало принимать ее буквально, — это обозначало просто изрядную головомойку.

Так обещал Авиновицкий свою защиту Передонову. Но Передонов ушел от него, волнуемый неопределенными страхами, укрепленными в нем громкими и грозными речами Авиновицкого.

Каждый день так делал Передонов по одному посещению перед обедом, — больше одного не успевал, потому что везде надо было вести обстоятельные объяснения. Вечером, по обыкновению, отправлялся играть на билиарде.

По-прежнему ворожащими зовами заманивала его Вершина, попрежнему Рутилов выхвалял сестер. Дома Варвара уговаривала его скорее венчаться, — но никакого решения не принимал он. Конечно, думал он иногда, жениться бы на Варваре всего выгоднее, — ну, а вдруг княгиня обманет его? В городе станут смеяться, думал он, и это останавливало его.

Преследования невест, — зависть товарищей, более сочиненная им самим, чем действительная, — чьи-то подозреваемые им козни, — все

делало его жизнь скучною и печальною, как эта погода, которая несколько дней подряд стояла хмурая, и часто разрешалась медленными, скупыми, но долгими и холодными дождями. Скверно складывалась жизнь, чувствовал Передонов, — но он думал, что вот сделается инспектором, и тогда все изменится к лучшему.[225]

Молоденький чиновник Черепнин, о котором рассказывала Вершина, что он подсматривал в окно, начал было, когда Вершина овдовела, ухаживать за нею. Вершина не прочь была бы выйти замуж второй раз, но Черепнин казался ей слишком ничтожным.[226] Черепнин озлобился. Он с радостью поддался на уговоры Володина вымазать дегтем ворота у Вершиной. Согласился, а потом раздумье взяло. А ну, как поймают? Неловко, все же чиновник. Он решил переложить это дело на других. Затратив четвертак на подкуп двух подростков-сорванцов, он обещал им еще по пятиалтынному, если они устроят это,[227] — и в одну темную ночь дело было сделано.

Если бы кто-нибудь в доме Вершиной открыл окно вскоре после полуночи, то он услышал бы на улице легкий шорох босых ног на мостках,[228] тихий шепот, еще какие-то мягкие звуки, похожие на то, словно обметали забор; потом легкое звяканье, быстрый топот тех же ног, все быстрее, быстрее, далекий хохот, тревожный лай собак.

Но никто не открыл окна. А утром:[229]... Калитка, забор около сада и около двора были исполосованы желтовато-коричневыми следами от дегтя. На воротах дегтем написаны были грубые слова. Прохожие ахали и смеялись, разнеслась молва, приходили любопытные.

Вершина ходила быстро в саду, курила, улыбалась еще кривее обычного, и бормотала сердитые слова. Марта не выходила из дому, и горько плакала. Служанка Марья[230] пыталась смыть деготь, и злобно переругивалась с глазевшими, галдевшими и хохотавшими любопытными. [Вечером Вершина больно высекла Марту.]*

Черепнин в тот же вечер рассказал Володину, кто это сделал. Володин немедленно же передал это Передонову. Оба они знали этих мальчишек, которые славились дерзкими шалостями.

Передонов, отправляясь на билиард, зашел к Вершиной. Было пасмурно. Вершина и Марта сидели в гостиной.

— У вас ворота замазали дегтем, — сказал Передонов.

---

* *Вымарано.*

Марта покраснела. Вершина торопливо рассказала, как они встали и увидели, что на их забор смеются, и как Марья отмывала забор. Передонов сказал:

— Я знаю, кто это сделал.

Вершина в недоумении смотрела на Передонова.

— Как же это вы узнали? — спросила она.

— Да уж узнал.

— Кто же, скажите, — сердито спросила Марта.

Она сделалась совсем некрасивою, потому что у нее теперь были злые, заплаканные глаза с покрасневшими и распухшими веками. Передонов отвечал:

— Я скажу, конечно, для того и пришел. Этих мерзавцев надо проучить. Только вы должны обещать, что никому не скажете, от кого узнали.

— Да отчего же так, Ардальон Борисыч? — с удивлением спросила Вершина.

Передонов помолчал значительно, потом сказал в объяснение:

— Это такие озорники, что голову проломят, коли узнают, кто их выдал.

Вершина обещала молчать.

— И вы не говорите, что я сказал, — обратился Передонов к Марте.

— Хорошо, я не скажу, — поспешно согласилась Марта, потому что ей хотелось поскорее узнать имена негодяев.

Ей казалось, что их следовало предать мучительной и позорной казни.[231]

— Нет, вы лучше побожитесь, — опасливо сказал Передонов.

— Ну, вот ей-Богу, никому не скажу, — уверяла Марта, — вы только скажите поскорей.

А за дверью подслушивал Владя. Он рад был, что догадался не входить в гостиную: его не заставят дать обещания, и он может сказать кому угодно. И он улыбался от радости, что таким образом отомстит Передонову.

— Я вчера в первом часу возвращался домой по вашей улице, — рассказывал Передонов, — вдруг слышу, около ваших ворот кто-то возится.[232] Я сначала думал, что воры. Думаю, как мне быть. Вдруг, слышу, побежали и прямо на меня. Я к стене прижался, они меня не видели, а я их узнал. У одного мазилка, у другого ведерко.[233] Известные мерзавцы, слесаря Авдеева сыновья. Бегут, и один другому говорит: не даром ночь провели, говорит, пятьдесят пять копеечек заработали. Я

было хотел хоть одного задержать, да побоялся, что измажут, а на мне новое пальто было.[234]

Едва Передонов ушел, Вершина отправилась к исправнику с жалобой.[235] Исправник Миньчуков послал городового за Авдеевым и его сыновьями. Мальчишки пришли смело; они думали, что их подозревают по прежним шалостям.[236] Авдеев, унылый, длинный старик,[237] был, наоборот, вполне уверен, что его сыновья опять сделали какую-то пакость. Когда исправник рассказал отцу, в чем обвиняются его сыновья, Авдеев промолвил:

— Нет с ними моего сладу. Что хотите, то с ними и делайте, а я уж руки об них обколотил.

— Это не наше дело, — решительно заявил старший, вихрастый, рыжий мальчик Нил.

— На нас всё валят, — плаксиво сказал младший, такой же вихрастый, но белоголовый Илья.

Миньчуков сладко улыбнулся, покачал головой, и сказал:

— А вы лучше признайтесь чистосердечно.

— Не в чем, — грубо сказал Нил.

— Не в чем? А пятьдесят пять копеек кто вам дал за работу, а?

И видя по минутному замешательству мальчишек, что они виноваты, Миньчуков сказал Вершиной:

— Да уж видно, что они.

Мальчики снова стали запираться. Их отвели в чулан, — сечь. Не стерпевши боли, они повинились; но их секли, пока они не сказали, что подкупил Черепнин. Мальчишек отдали отцу, а исправник сказал Вершиной:

— Ну вот, мы их наказали, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ отец их наказал, а вы знаете, кто это вам сделал.

— Я этого Черепнину не спущу, — говорила Вершина, — я на него в суд подам.

— Не советую, Наталья Афанасьевна, — кротко сказал Миньчуков, — лучше оставьте это.

— Как это, спускать таким негодяям? Да ни за что! — воскликнула Вершина.

— Главное, улик никаких, — спокойно сказал исправник.

— Как никаких, коли сами мальчишки признались?

— Мало ли что признались, а перед судьей отопрутся, — там ведь их пороть не станут.

— Как же отопрутся, городовые — свидетели, — сказала Вершина уже не так уверенно.

— Какие там свидетели! Коли шкуру драть с человека станут, так он во всем признается, чего и не было. Они, конечно, мерзавцы, им и досталось, ну, а судом с них ничего не возьмете.

Миньчуков сладко улыбался, и спокойно посматривал на Вершину.[238]

Вершина ушла от исправника очень недовольная, но, подумав, согласилась, что Черепнина обвинять трудно, и что из этого может выйти только лишняя огласка и срам.[239]

X

В четверг Передонов отправился к предводителю дворянства.

Предводителев дом напоминал поместительную дачу где-нибудь в Павловске или в Царском Селе, дачу, вполне пригодную и для зимнего житья. Обстановка была холодная и строгая. Не била в глаза роскошь, но новизна многих вещей казалась преувеличенно-излишнею.

Александр Михайлович Верига ждал Передонова в кабинете. Он сделал так, как будто торопится идти навстречу к гостю, и только случайно не успел встретить его раньше.

Верига держался необычайно-прямо, даже и для отставного кавалериста.[240] Говорили, что он носит корсет. Лицо, гладко выбритое, было однообразно румяно, как бы подкрашено. Голова гладко острижена, под самую низкостригущую машинку, — прием, удобный для смягчения плеши. Глаза серые, любезные и холодные. В обращении он был со всеми любезен, во взглядах решителен и строг. Во всех движениях чувствовалась хорошая военная выправка, и замашки будущего губернатора иногда проглядывали.

Передонов объяснял ему, сидя против него, у дубового резного письменного стола:

— Вот обо мне всякие слухи ходят, так я, как дворянин, обращаюсь к вам. Про меня всякий вздор говорят, ваше превосходительство, чего и не было.

— Я ничего не слышал, — отвечал Верига, и выжидательно и любезно улыбаясь, упирал в Передонова серые внимательные глаза.

Передонов упорно смотрел в угол, и говорил:

— Социалистом я никогда не был, а что там иной раз бывало скажешь лишнее, так ведь это в молодые годы кто не кипятится. А теперь я ничего такого не думаю.

— Так вы-таки были большим либералом? — с любезной улыбкой спросил Верига. — Конституции желали, не правда ли? Все мы в молодости желали конституции. Не угодно ли?

Верига подвинул Передонову ящик с сигарами. Передонов побоялся взять, и отказался; Верига закурил.

— Конечно, ваше превосходительство, — признался Передонов, — в университете и я, но только я и тогда хотел не такой конституции, как другие.

— А именно? — с оттенком приближающегося неудовольствия в голосе спросил Верига.

— А чтоб была конституция, но только без парламента, — объяснил Передонов, — а то в парламентах только дерутся.

Веригины серые глаза засветились тихим восторгом.

— Конституция без парламента! — мечтательно сказал он.

— Это, знаете ли, практично.

— Но и это давно было, — сказал Передонов, — а теперь я ничего.[241]

И он с надеждой посмотрел на Веригу. Верига выпустил изо рта тоненькую струйку дыма, помолчал, и сказал медленно:

— Вот вы — педагог, а мне приходится по моему положению в уезде, иметь дело со школами. С вашей точки зрения вы каким школам изволите отдавать предпочтение: церковно ли приходским, или этим, так называемым земским?

Верига отряхнул пепел с сигары, и прямо уставился в Передонова любезным, но слишком внимательным взором. Передонов нахмурился, глянул по углам, и сказал:

— Земские школы надо подтянуть.

— Подтянуть, — неопределенным тоном повторил Верига, — так-с.

И он опустил глаза на свою тлеющую сигару, словно приготовился слушать долгие объяснения.

— Там учителя — нигилисты, — говорил Передонов, — а учительницы в Бога не верят. Они в церкви стоят и сморкаются.

Верига быстро глянул на Передонова, улыбнулся, и сказал:

— Ну это, знаете ли, иногда необходимо.

— Да, но она точно в трубу, так что певчие смеются, — сердито говорил Передонов. — Это она нарочно. Это Скобочкина такая есть, в красной рубахе ходит.

— Да, это — нехорошо, — сказал Верига. — Но у Скобочкиной это больше от невоспитанности. Я эту учительницу помню. Она девица

вовсе без манер, но учительница усердная. Но, во всяком случае, это нехорошо. Надо ей сказать.

— У них в школах очень вольно, — продолжал Передонов, — никакой дисциплины. Они совсем не хотят наказывать. А с мужицкими детьми так нельзя, как с дворянскими. Их стегать надо.

Верига спокойно посмотрел на Передонова, потом, как бы испытывая неловкость от услышанной им бестактности, опустил глаза, и сказал холодным, почти губернаторским тоном:

— В учениках сельских школ я наблюдал многие хорошие качества. Несомненно, что в громадном большинстве случаев они добросовестно относятся к своей работе. Конечно, как и везде, бывают проступки, и, вследствие неблаговоспитанности окружающей среды, они могут принимать там довольно грубые формы. Школа обязана к таким проступкам относится внимательно и строго. Если все меры внушения исчерпаны, или если проступок велик, то, конечно, следовало бы, чтобы не увольнять мальчика, прибегать и к крайним мерам. Впрочем, это относится и ко всем детям, даже и дворянским.[242] Но я вообще согласен с вами в том, что в школах этого типа воспитание поставлено не совсем удовлетворительно. Госпожа Штевен в своей, — весьма, кстати, интересной книге, — вы изволили читать?

— Нет, ваше превосходительство, — смущенно сказал Передонов, — мне все некогда было, много работы в гимназии. Но я прочту.

— Ну, это не так необходимо, — с любезной улыбкой сказал Верига, словно разрешая Передонову не читать этой книги. — Да, так вот г-жа Штевен рассказывает с большим возмущением, как двух ее учеников, парней лет по семнадцати, волостной суд приговорил к розгам. Они, видите ли, гордые, эти парни, — да мы, изволите ли видеть, намучились все, пока над ними тяготел позорный приговор, — его потом отменили. А я вам скажу, что на месте г-жи Штевен я постыдился бы рассказывать на всю Россию об этом происшествии: ведь осудили-то их, можете себе представить, за кражу яблок! А она еще пишет, что это ее хорошие ученики. А яблоки однако воруют! Хорошо воспитание! Остается только откровенно признаться, что права собственности мы отрицаем.

Верига в волнении поднялся с места, сделал шага два, но тотчас же овладел собою, и опять сел.

— Вот если я сделаюсь инспектором, я иначе поведу дело, — сказал Передонов.

— А, вы имеете в виду? — спросил Верига.

— Да, княгиня Волчанская...

— Мне приятно будет вас поздравить. Не сомневаюсь, что в ваших руках дело выиграет.

— А вот тут, ваше превосходительство, в городе болтают всякие пустяки, — еще, может быть, кто-нибудь донесет в округ, помешают моему назначению, а я ничего такого.

— Кого же вы подозреваете в распространении ложных слухов? — спросил Верига.

Передонов растерялся, и забормотал.

— Кого же подозревать? Я не знаю. Говорят. А я собственно потому, что это может мне повредить по службе.

Верига подумал, что ему и не надо знать, кто именно говорит: ведь он еще не губернатор. Он опять вступил в роль предводителя и произнес речь, которую Передонов выслушал, страшась и тоскуя:

— Я благодарю вас за доверие, которое вы оказали мне, прибегая к моему (Верига хотел сказать — покровительству, но воздержался) посредничеству между вами и обществом, в котором, по вашим сведениям, ходят неблагоприятные для вас слухи. До меня эти слухи не дошли, и вы можете утешить себя тем, что распространяемые на ваш счет клеветы, не осмеливаются подняться из низин городского общества и, так сказать, распространяются во тьме и тайне. Но мне очень приятно, что вы, состоя на службе по назначению, однако столь высоко оцениваете одновременно и значение общественного мнения и достоинство занимаемого вами положения в качестве воспитателя юношества, одного из тех, просвещенным попечениям которых мы, родители, доверяем драгоценнейшее наше достояние, — наших детей, наследников нашего имени и нашего дела. Как чиновник, вы имеете своего начальника в лице вашего достоуважаемого директора, но как член общества и дворянин, вы всегда вправе рассчитывать на... содействие предводителя дворянства в вопросах, касающихся вашей чести, вашего человеческого и дворянского достоинства.

Продолжая говорить, Верига встал и, упруго упираясь в край стола пальцами правой руки, глядел на Передонова с тем безлично-любезным и внимательным выражением, с которым смотрят на толпу, произнося благосклонно-начальственные речи. Встал и Передонов и, сложа руки на животе, угрюмо смотрел на ковер под хозяиновыми ногами. Верига говорил:

— Я рад, что вы обратились ко мне, и потому, что в наше время особенно полезно членам первенствующего сословия всегда и везде прежде всего помнить, что они дворяне, дорожить принадлежностью к этому сословию, — не только правами, но и обязанностями, и честью

дворянина. Дворяне в России, как вам, конечно, известно, сословие по преимуществу служилое. Строго говоря, все государственные должности, — кроме низких, разумеется, — должны находиться в дворянских руках. Нахождение разночинцев на государственной службе составляет, конечно, одну из причин таких нежелательных явлений, как то, которое возмутило ваше спокойствие. Клевета и кляуза — орудия людей низшей породы, не воспитанных в добрых дворянских традициях. Но я надеюсь, что общественное мнение выскажется ясно в вашу пользу, и вы можете рассчитывать на все мое содействие в этом отношении.[243]

— Покорно благодарю, ваше превосходительство, — сказал Передонов, — так уж я буду надеяться.

Верига любезно улыбался, и не садился, давая понять, что разговор кончен. Сказав свою речь, он вдруг почувствовал, что это вышло вовсе некстати, и что Передонов не кто иной, как трусливый искатель хорошего места, обивающий пороги в поисках покровительства. Он отпустил Передонова с холодным пренебрежением, которое привык чувствовать к нему за его непорядочную жизнь.[244] Одеваясь при помощи лакея в прихожей и слыша доносящиеся издали звуки рояли, Передонов думал, что в этом доме живут по-барски, гордые люди, высоко себя ставят.[245] В губернаторы метит, — с почтительным удивлением думал Передонов. На лестнице встретились ему возвращавшиеся с прогулки маленькие два предводителева сына, с своим наставником. Передонов посмотрел на них с сумрачным любопытством.[246]

Чистые какие, — думал он, — даже в ушах ни грязинки. И бойкие такие, а сами, небось, вышколенные, по струнке ходят. Пожалуй, — думал Передонов, — их никогда не стегают. И сердито посмотрел им вслед Передонов, — а они быстро поднимались по лестнице, и весело разговаривали. И дивило Передонова, что наставник был с ними, как равный, не хмурился, и не кричал на них.

[В пятницу Передонов был у председателя уездной земской управы.

В этом доме все говорило, что здесь хотят жить попросту, по-хорошему, и работать на общую пользу. В глаза метались многие вещи, напоминающие о деревенском и простом: кресло с дугой-спинкою и топориками-ручками, чернильницы в виде подковы, пепельница-лапоть.[247] В зале много мерочек, — на окнах, на столах, на полу, — с образцами разного зерна, и кое-где куски «голодного» хлеба, — скверные глыбы, похожие на торф. В гостиной рисунки и модели сельскохозяйственных машин. Кабинет загромождали шкапы с книгами о сельском хозяйстве и о школьном деле. На столе — бумаги, печатные отчеты, картонки с ка-

кими-то разной величины карточками. Много пыли, и ни одной картины.

Хозяин, Степан Иванович Кириллов,[248] очень беспокоился, — как бы, с одной стороны, быть любезным, — европейски-любезным, — но, с другой стороны, не уронить своего достоинства хозяина в уезде. Он весь был странный и противоречивый, как бы спаянный из двух половинок. По всей его обстановке было видно, что он много и с толком работает.[249] А на него самого посмотришь, — и кажется, что вся эта земская деятельность для него только лишь забава, и ею занят он пока, а настоящие его заботы где-то впереди, куда порою устремлялись его бойкие, но как бы и неживые, оловянного блеска, глаза. Как будто кем-то вынута из него живая душа и положена в долгий ящик, а на место ее вставлена неживая, но сноровистая суетилка.

Он был невелик ростом, тонок, моложав, — так моложав и румян, что подчас казался мальчиком, приклеившим бороду и перенявшим от взрослых, довольно удачно, их повадки. Движения у него были отчетливые и быстрые. Здороваясь, он проворно кланялся, и шаркал, и скользил на подошвах щегольских башмачков. Одежду его хотелось назвать костюмчиком: серенькая курточка, батистовая накрахмаленная сорочка с отложными воротничками, веревочный синий галстук, узенькие брючки, серые чулочки. И разговор его, всегда отменно-вежливый, был тоже каким-то двояким: говорит себе степенно, — и вдруг детски простодушная улыбка, какая-нибудь мальчишеская ухватка, а через минуту, глядишь, опять уймется и скромничает.

Жена его, женщина тихая и степенная, казавшаяся старше мужа, несколько раз при Передонове входила в кабинет,[250] и каждый раз спрашивала у мужа каких-то точных сведений об уездных делах.[251]

Хозяйство у них в городе шло запутанно, — постоянно приходили по делу, и постоянно пили чай. И Передонову, едва он уселся, принесли стакан не очень теплого чая и булок на тарелке.

До Передонова уже сидел[252] гость. Передонов его знал, — да и кто в нашем городе кого не знает? Все друг другу знакомы, — только иные раззнакомились, поссорясь.

То был земский врач Георгий Семенович Трепетов, маленький, — еще меньше Кириллова, — человек с прыщавым лицом, остреньким и незначительным. На нем были синие очки, и смотрел он всегда вниз или в сторону, как бы тяготясь смотреть на собеседника. Он был необыкновенно честен, и никогда не поступился ни одною своею копейкою в чужую пользу. Всех, находящихся на казенной службе, он глубоко презирал: еще руку подаст при встрече, но от разговора упрямо укло-

нялся. [[Еще презирал он газету «Гражданин», — никогда и в руки ее не брал во всю свою жизнь, — критика Волынского,* — с ним он тоже знаком был по слухам, — да словом, многих презирал этот маленький человек, но никому не было известно того, что он уважал.]] За это он слыл светлою головою, — как и Кириллов, — хотя знал мало, и лечил плохо. Все собирался опроститься, — и с этою целью присматривался, как мужики сморкаются, чешут затылки, утирают ладонью губы, — и сам наедине подражал им иногда, — но все откладывал опрощение до будущего лета.

Передонов и здесь повторил все привычные ему за последние дни пени на городские сплетни, на завистников, которые хотят помешать ему достигнуть инспекторского места. Кириллов сперва почувствовал себя польщенным этим обращением к нему. Он восклицал:

— Да, вот вы теперь видите, какова провинциальная среда. Я всегда говорил, что единственное спасение для мыслящих людей сплотиться, — и я радуюсь, что вы пришли к тому же убеждению.

Трепетов сердито и обиженно фыркнул. Кириллов посмотрел на него боязливо. Трепетов презрительно сказал:

— Мыслящие люди! — и опять фыркнул.

Потом, помолчав немного, заговорил тоненьким, обиженным голосом:

— Не знаю, могут ли мыслящие люди служить [[затхлому]] классицизму!

[[Потом еще плачевнее и тоньше:

---

* *«Гражданин»* — газета охранительного направления, издатель-редактор — князь В. П. Мещерский (с 1882 г.). Мещерский осудил предложение ввести в России конституцию, выдвинутое делегатами общеземского съезда, проходившего в Петербурге 6—9 ноября 1904 г.; он опубликовал собственную программу спасения России, в которой предлагал «немедленно прекратить недоразумения и с почвы искусственной и фальшивых разговоров об изменении основных законов перевести государственное дело на почву разработки Государственного манифеста» (Гражданин. 1904. № 90. 11 ноября. С. 23). Сологуб высмеивал Мещерского в сатирических стихотворениях: «Гражданин стоит за власть», 14 января 1900 (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 14. Л. 86); «В ком такой мы сыщем толк?..», 12 ноября 1904 (*Сологуб Федор.* Неизданное и несобранное / Сост. Г. Пауэр. Мюнхен, 1989. С. 88). *Волынский Аким Львович* (наст. имя — Хаим Лейбович Флексер; 1861—1926) — в 1890-е годы ведущий критик и идеолог журнала «Северный вестник», выступал с критическими характеристиками раннего символизма, в том числе произведений Сологуба; см., например: *Волынский А.* 1. Литературные заметки (Новые течения в современной русской литературе. Ф. Сологуб) // Северный вестник. 1896. № 12. С. 235—246); 2) рец. на кн.: Федор Сологуб. Стихи. Книга первая. СПб., 1896. (Там же. 1896. № 2. С. 70—87).

— Реалистам в университет нельзя, — сказал он, — все циркуляры!

И слово «циркуляры» было у него, как отравленная стрела, выпущенная на окончательную гибель противника.]] Кириллов нерешительно сказал:

— Но вы, Георгий Семенович, не берете в расчет, что не всегда от человека зависит избрать свою деятельность.

Трепетов презрительно фыркнул, чем окончательно сразил любезного Кириллова, и погрузился в глубокое молчание.

Кириллов обратился к Передонову. Услышав, что тот говорит об инспекторском месте, Кириллов забеспокоился. Ему показалось, что Передонов хочет быть инспектором в нашем уезде. А в уездном земстве назревало предположение учредить [[по примеру других местностей,]] должность своего инспектора училища, выбираемого земством и утверждаемого учебным начальством. Тогда инспектор Богданов, имевший в своем ведении школы трех уездов, переселился бы в один из соседних городов, а школы нашего уезда перешли бы к новому инспектору. Для этой должности был у земцев на примете человек, наставник учительской семинарии в ближайшем городе Сафате.[253]

— Там у меня есть протекция, — говорил Передонов, — а только вот здесь директор пакостит, да и другие тоже. Всякую ерунду распускают. Так уж в случае каких справок обо мне, я вот вас предупреждаю, что это все вздор обо мне говорят. Вы этим господам не верьте.

Кириллов отвечал поспешно и бойко:

— Мне, Ардальон Борисыч, нет времени особенно углубляться в городские отношения и слухи, я по горло завáлен делом. Если бы жена не помогала, то я не знаю, как бы я справился. Я нигде не бываю, никого не вижу, ничего не слышу. Но я вполне уверен, что все это, что о вас говорят, — я ничего не слышал, поверьте чести, — все это вздор, вполне верю. Но это место не от одного меня зависит.

— Вас могут спросить, — сказал Передонов.

Кириллов посмотрел на него с удивлением, и сказал:

— Еще бы не спросили, конечно, спросят. Но дело в том, что мы имеем в виду...

В это время на пороге показалась госпожа Кириллова, и сказала:

— Степан Иваныч, на минутку.

Муж вышел к ней. Она озабоченно зашептала:

— Я думаю, что этому субъекту лучше не говорить, что мы имеем в виду Красильникова. Этот субъект мне подозрителен, — он что-нибудь нагадит Красильникову.

— Ты думаешь? — проворно прошептал Кириллов. — Да, да, пожалуй. Так неприятно.

Он схватился за голову. Жена посмотрела на него с деловитым сочувствием, и сказала:

— Лучше совсем ничего ему об этом не говорить, как будто и места нет.

— Да, да, ты права, — шептал Кириллов. — Но я побегу. Неловко.

Он побежал в кабинет, и там стал усиленно шаркать и сыпать любезные слова Передонову.

— Так уж вы, если что...— начал Передонов.

— Будьте спокойны, будьте спокойны, буду иметь в виду, — быстро говорил Кириллов. — Мы это еще не вполне решили, этот вопрос.

Передонов не понимал, о каком вопросе говорил Кириллов, и чувствовал тоску и страх. А Кириллов говорил:

— Мы составляем школьную сеть. Из Петербурга выписали специалиста. Целое лето работал. Девятьсот рублей это нам обошлось. К земскому собранию готовим. Удивительно тщательная работа, — подсчитаны все расстояния, намечены все школьные пункты.

И Кириллов долго и подробно рассказывал о школьной сети, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ об разделении уезда на такие мелкие участки, со школою в каждом, чтобы из всякого селения школа была недалеко. Но [[Кириллов говорил об этом, как о вещи, всем известной, и потому]] Передонов [[слушал, и]] ничего не понимал, и запутывался тугими мыслями в словесных петлях сети, которую бойко и ловко плел перед ним Кириллов.

Наконец, он распрощался, и ушел, безнадежно тоскуя. В этом доме, — думал он, — его не захотели ни понять, ни даже выслушать. Хозяин молол что-то непонятное. Трепетов почему-то сердито фыркал, хозяйка приходила, не любезничала, и уходила, — странные люди живут в этом доме, — думал Передонов. — Потерянный день!]

Когда Передонов вернулся домой, он застал Варвару в гостиной с книгой в руках, что бывало редко. Варвара читала поваренную книгу, — единственную, которую она иногда открывала.[254] Книга была старая, трепаная, в черном переплете. Черный переплет бросился в глаза Передонову, и привел его в уныние.

— Что ты читаешь, Варвара? — сердито спросил он.

— Что! известно что, — поварскую книгу, — отвечала Варвара.[255]

— Зачем поварская книга? — с ужасом спросил Передонов.

— Как зачем? Кушанье буду готовить, тебе же, ты все привередничаешь, — объясняла Варвара усмехаючись[256] горделиво и самодовольно.

— По черной книге я не стану есть! — решительно заявил Передонов, быстро выхватил из рук у Варвары книгу, и унес ее в спальню.

Черная книга! Да еще по ней обеды готовить! — думал он со страхом. — Того только недоставало, чтобы его открыто пытались извести чернокнижием! Необходимо ее уничтожить, — думал он, не обращая внимания на дребезжащее Варварино ворчанье.[257]

XI

В субботу Передонов собрался идти к исправнику. Этот хоть и не такая важная птица, как предводитель дворянства, — думал Передонов, — однако может навредить больше всех, а захочет, так он же может и помочь своим отзывом перед начальством. Полиция — важное дело.

Передонов вынул из картонки шапку с кокардой. Он решил, что отныне будет носить только ее. Хорошо директору носить шляпу, — он на хорошем счету у начальства, а Передонову еще надо добиться инспекторского места; нечего рассчитывать на протекцию, надо и самому во всем показывать себя с наилучшей стороны.[258] Уже несколько дней назад, перед тем, как начать свои походы по властям, он думал это, да только под руку попадалась шляпа. Теперь же Передонов устроился иначе: он[259] шляпу швырнул на печь, — так-то вернее не попадется.

Варвары не было дома. Клавдия мыла полы в горницах. Передонов вошел в кухню вымыть руки. На столе увидел он сверток синей бумаги, и из него высыпалось несколько изюминок. Это был фунт изюма, купленный для булки к чаю, — ее пекли дома. Передонов принялся есть изюм, как он был, немытый и нечищеный, и съел весь фунт быстро и жадно, стоя у стола, озираясь на дверь, чтобы Клавдия не вошла невзначай. Потом он тщательно свернул толстую обертку, под сюртуком вынес ее в переднюю, и там положил в карман пальто, чтобы на улице выбросить, и таким способом уничтожить следы.

Он ушел. А Клавдия скоро хватилась искать, — и не нашла. Варвара вернулась, узнала о пропаже изюма, и накинулась на Клавдию с бранью: она была уверена, что Клавдия съела изюм.

На улице было ветрено и тихо. Лишь изредка набегали тучки. Лужи подсыхали. Небо бледно радовалось. Но тоскливо было на душе у Передонова.

По дороге он зашел к портному, поторопить его, — скорее бы шил заказанную третьего дня новую форму.

Проходя мимо церкви, Передонов снял шапку, и трижды перекрестился, истово и широко, чтобы видели все, кто мог бы увидеть проходившего мимо церкви будущего инспектора. Прежде он этого не делал, — но теперь надо держать ухо востро. Может быть, сзади идет себе тишком какой-нибудь соглядатай, или за углом, за деревом таится кто-нибудь и наблюдает.

Исправник жил[260] на одной из дальних городских улиц.[261] В воротах, распахнутых настежь, попался Передонову городовой, — встреча, наводившая в последние дни на Передонова уныние. На дворе видно было несколько мужиков, но не таких, как везде, — эти были какие-то особые, необыкновенно смирные и молчаливые. Грязно было на дворе. Стояли телеги, покрытые рогожей.

В темных[262] сенях попался Передонову еще один городовой, низенький, тощий человек вида исполнительного, но все же унылого. Он стоял неподвижно, и держал под мышкой книгу в кожаном черном переплете. Отрепанная босая девица выбежала из боковой двери, стащила пальто с Передонова, и провела его в гостиную, приговаривая:

— Пожалуйте, Семен Григорьевич сейчас выйдут.

В гостиной были низкие потолки. Они давили Передонова. Мебель тесно жалась к стенке. На полу лежали веревочные маты. Справа и слева из-за стены слышались шепоты и шорохи. Из дверей выглядывали бледные женщины и золотушные мальчики, все с жадными блестящими глазами. Из шепота иногда выделялись вопросы и ответы погромче:

— Принес?

— Куда нести?

— Куда поставить прикажете?

— От Ерошки, Сидор Петровича.

Скоро вышел исправник. Он застегивал мундирный сюртук, и сладко улыбался.

— Извините, что задержал, — сказал он, пожимая руку Передонова обеими своими большими и загребистыми руками, — там разные посетители, по делам. Служба наша такая, не терпит отлагательства.

Семен Григорьевич Миньчуков, мужчина длинный, плотный, черноволосый, с облезлыми по середине головы волосами, держался слегка сгибаясь, руки вниз, пальцы грабельками. Он часто улыбался с таким видом, точно сейчас съел что-то запрещенное, но приятное, и теперь облизывался. Губы у него ярко-красные, толстые, нос мясистый, лицо вожделеющее, усердное и глупое.

Передонова смущало все, что он здесь видел и слышал. Он бормотал несвязные слова, и сидя на кресле, старался держать шапку так, чтобы исправник видел кокарду. Миньчуков сидел против него, по другую сторону стола, совершенно прямо, улыбался все так же сладко, а загребистые руки его тихонько двигались на коленях, сжимались и разжимались.

— Болтают невесть что, — говорил Передонов, — чего и не было. А я и сам могу донести. Я ничего такого, а за ними я знаю. Только я не хочу. Они за глаза всякую ерунду городят, а в глаза смеются. Согласитесь сами, в моем положении это щекотливо. У меня протекция, а они гадят. Они совершенно напрасно меня выслеживают, только время теряют, а меня стесняют. Куда ни пойдешь, а уж по всему городу известно.[263] Так уж я надеюсь, что, в случае чего, вы меня поддержите.

— Как же, как же, помилуйте, с величайшим удовольствием, — сказал Миньчуков, простирая вперед свои широкие ладони, — конечно, мы, полиция, должны знать, если за кем есть что-нибудь неблагонадежное, или нет.

— Мне, конечно, наплевать, — сердито сказал Передонов, — пусть бы болтали, да боюсь, что они мне нагадят в моей службе. Они хитрые. Вы не смотрите, что он все болтает, хоть, например, Рутилов. А вы почем знаете, может он под казначейство подкоп ведет? Так это с больной головы на здоровую.

Миньчукову казалось сначала, что Передонов подвыпил и мелет вздор. Потом, вслушавшись, он сообразил, что Передонов жалуется на кого-то, кто на него клевещет, и просит принять какие-нибудь меры.

— Молодые люди, — продолжал Передонов, думая о Володине, — а много о себе думают. Против других умышляют, а и сами-то нечисты. Молодые люди, известно, увлекаются. Иные и в полиции служат, а тоже туда же суются.

И он долго говорил о молодых людях, но почему-то не хотел назвать Володина. Про полицейских же молодых людей он сказал на всякий случай, чтобы Миньчуков понял, что у него и относительно служащих в полиции есть кое-какие неблагоприятные сведения. Миньчуков решил, что Передонов намекает на двух молодых чиновников полицейского управления: молоденькие, смешливые, ухаживают за барышнями.[264] Смущение и явный страх Передонова заражали невольно и Миньчукова.

— Я буду следить, — сказал он озабоченно, на минуту призадумался, и опять начал сладко улыбаться.

— Два есть у меня молоденьких чиновничка, совсем еще желтогубые. Одного из них мамаша, поверите ли, в угол ставит, вот ей-Богу.

Передонов отрывисто захохотал.[265]

Меж тем Варвара побывала у Грушиной, где узнала поразившую ее новость.[266]

— Душенька, Варвара Дмитриевна, — торопливо заговорила Грушина, едва только Варвара переступила порог ее дома, — какую я вам новость скажу, вы просто ахнете.

— Ну, какая там новость? — ухмыляясь, спросила Варвара.

— Нет, вы только подумайте, какие есть на свете низкие люди. На какие штуки идут, чтобы только достичь своей цели!

— Да в чем дело-то?

— Ну вот, постойте, я вам расскажу.

Но хитрая Грушина прежде начала угощать Варвару кофеем, потом погнала из дому на улицу своих ребятишек, причем старшая девочка заупрямилась и не хотела идти.

— Ах ты, негодная дрянь! — закричала на нее Грушина.

— Сама дрянь, — отвечала дерзкая девочка, и затопала на мать ногами.

Грушина схватила девочку за волосы, оттаскала, выбросила из дому на двор, и заперла дверь.

— Тварь капризная,— жаловалась она Варваре, — с этими детьми просто беда. Я одна, сладу нет никакого. Им бы отца надо было.

— Вот замуж выйдете, будет им отец, — сказала Варвара.

— Тоже, какой еще попадется, голубушка Варвара Дмитриевна, — другой тиранить их начнет.

В это время девочка забежала с улицы, бросила в окно горсть песку, и осыпала им голову и платье у матери. Грушина высунулась из окна, и закричала:

— Я тебя, дрянь этакая, выдеру, — вот ты вернись домой, я тебе задам, дрянь паршивая!

— Сама дрянь, злая дура! — кричала на улице девчонка, прыгая на одной ноге, и показывала матери грязные кулачонки.

Грушина[267] крикнула дочке:

— Погоди ты у меня.

И закрыла окно. Потом она села спокойно, как ни в чем не бывало, и заговорила:

— Новость-то я вам хотела рассказать, да уж не знаю. Вы, голубушка Варвара Дмитриевна, не тревожьтесь, они ничего не успеют.

— Да что такое? — испуганно спросила Варвара, и блюдце с кофе задрожало в ее руках.

— Знаете, нынче поступил в гимназию, прямо в пятый класс, один гимназист, Пыльников, будто бы из Рубани, потому что его тетка в нашем уезде имение купила?

— Ну, знаю, — сказала Варвара, — видела, как же, еще они с теткой приходили, такой смазливенький, на девочку похож, и все краснеет.

— Голубушка, Варвара Дмитриевна, как же ему не быть похожим на девчонку, — ведь это и есть переодетая барышня.

— Да что вы! — воскликнула Варвара.

— Нарочно они так придумали, чтобы Ардальона Борисыча подловить, — говорила Грушина, торопясь, размахивая руками и радостно волнуясь оттого, что передает такое важное известие. — Видите ли, у этой барышни есть двоюродный брат, сирота, он и учился в Рубани, так мать-то этой барышни его из гимназии взяла, а по его бумагам барышня сюда и поступила. И вы заметьте, они его поместили на квартире, где других гимназистов нет, он там один, так что все шито-крыто, думали, останется.

— А вы как же узнали? — недоверчиво спросила Варвара.

— Голубушка Варвара Дмитриевна, слухом земля полнится. И так сразу стало подозрительно: все мальчики как мальчики, а этот тихоня, ходит, как в воду опущенный. А по роже посмотреть — молодец молодцом должен быть, румяный, грудастый. И такой скромный, товарищи замечают, — ему слово скажут, а он уж краснеет.[268] Они его и дразнят девчонкой. Только они думают, что это так, чтобы посмеяться, не знают, что это правда. И, представьте, какие они хитрые, — ведь и хозяйка ничего не знает.

— Как же вы-то узнали? — повторила Варвара.

— Голубушка Варвара Дмитриевна, чего я не узнаю? Я всех в уезде знаю. Как же, ведь это всем известно, что у них еще мальчик дома живет, таких же лет, как этот. Отчего же они не отдали его вместе в гимназию? Говорят, что он летом болен был, так один год отдохнет, а потом опять поступит в гимназию. Но все это вздор, — это-то и есть гимназист. И опять же известно, что у них была барышня, а они говорят, что она замуж вышла и на Кавказ уехала. И опять врут, ничего она не уехала, а живет здесь под видом мальчика.

— Да какой же им расчет? — спросила Варвара.

— Как какой расчет! — оживленно говорила Грушина. — Подцепит [себе] кого-нибудь из учителей, мало ли у нас холостых, а то и так кого-нибудь. Под видом-то мальчика она может и на квартиру придти, и мало ли что может?[269]

Варвара сказала испуганно:

— Смазливая девочка-то.

— Еще бы, писаная красавица, — согласилась Грушина, — это она только теперь стесняется, а погодите, попривыкнет, разойдется, так она

тут всех в городе закружит. И, представьте, какие они хитрые: я, как только узнала об этаких делах, сейчас же постаралась встретиться с его хозяйкой, — или с ее хозяйкой, уж как и сказать-то не знаешь.

— Чистый оборотень, тьфу, прости Господи! — сказала Варвара.

— Пошла я ко всенощной в их приход, к Пантелеймону, а она богомольная. Ольга Васильевна, говорю, отчего это у вас нынче только один гимназист живет? А она говорит, да на что, говорит, мне больше, суета с ними. Я и говорю, ведь вы, говорю, в прежние годы всё двух-трех держали. А она и говорит, — представьте, голубушка Варвара Дмитриевна! — да они, говорит, уж так и условились, чтобы Сашенька один у меня жил. Они, говорит, люди не бедные, заплатили побольше, а то они, говорит, боятся, что он с другими мальчиками избалуется. Каковы?

— Вот-то пройдохи! — злобно сказала Варвара. — Что ж, вы ей сказали, что это девчонка?

— Я ей говорю, — смотрите, говорю, Ольга Васильевна, не девочку ли вам подсунули вместо мальчика?

— Ну, а она что?

— Ну, она думала, я шучу, смеется. Тогда я посерьезнее сказала, — голубушка Ольга Васильевна, говорю, знаете, ведь говорят, что это девочка. Но только она не верит, — пустяки, говорит, какая же это девочка, я ведь, говорит, не слепая...[270]

Этот рассказ поразил Варвару. Она совершенно поверила, что все это так и есть, и что на ее жениха готовится нападение еще с одной стороны. Надо было как-нибудь поскорее сорвать маску с переодетой барышни.[271] Долго совещались они, как это сделать, но пока ничего не придумали.[272]

Дома еще более расстроила Варвару пропажа изюма.

Когда Передонов вернулся домой, Варвара торопливо и взволнованно рассказала ему, что Клавдия куда-то дела фунт изюму, и не признается.

— Да еще что выдумала, — раздраженно говорила Варвара, — это, говорит, может быть, барин скушали, они, говорит, на кухню зачем-то выходили, когда я полы мыла, и долго, говорит, там пробыли.

— И вовсе недолго, — хмуро сказал Передонов, — я только руки помыл, а изюму я там и не видел.

— Клавдюшка, Клавдюшка, — закричала Варвара, — вот барин говорит, что он и не видел изюма, — значит, ты его и тогда уже припрятала куда-то.

Клавдия показала из кухни заплаканное, опухшее от слез лицо.

— Не брала я вашего изюму, — прокричала она рыдающим голосом, — я вам его откуплю, только не брала я вашего изюму.

— И откупишь, и откупишь, — сердито закричала Варвара, — я тебя не обязана изюмом откармливать.

Передонов захохотал, и крикнул:

— Дюшка фунт изюму оплела.

— Обидчики! — закричала Клавдия, и хлопнула дверью.

За обедом Варвара не могла удержаться, чтобы не передать того, что слышала о Пыльникове. Она не думала, будет ли это для нее вредно или полезно, как отнесется к этому Передонов, — говорила просто со зла.[273]

Передонов старался припомнить Пыльникова, да как-то все не мог ясно представить его себе. До сих пор он мало обращал внимания на этого нового ученика, презирая его за смазливость и чистоту, и за то, что он вел себя скромно, учился хорошо, и был самым младшим по возрасту из учеников пятого класса. Теперь же Варварин рассказ зажег в нем блудливое любопытство. Нескромные мысли медленно зашевелились в его темной голове. Надо сходить ко всенощной, — подумал он, — посмотреть на эту переодетую девчонку.

Вдруг вбежала Клавдия ликуя, бросила на стол смятую в комок синюю оберточную бумагу, и закричала:

— Вот на меня говорили, что я изюм съела, а это что? Нужно очень мне ваш изюм, как же!

Передонов догадался, в чем дело: он забыл выбросить на улице обертку, и теперь Клавдия нашла ее в кармане в пальто.

— Ах чёрт! — воскликнул он.

— Что это, откуда? — закричала Варвара.

— У Ардальона Борисыча в кармане нашла, — злорадно отвечала Клавдия. — Сами съели, а на меня поклеп взвели. Известно, Ардальон Борисыч большие сластуны, только чего ж на других валить, коли сами.

— Ну, поехала, — сердито сказал Передонов, — и все врешь. Ты мне подсунула, я не брал ничего.

— Чего мне подсовывать, что вы, Бог с вами, — растерянно закричала Клавдия.

— Как ты смела по карманам лазить! — закричала Варвара. — Ты там денег ищешь!

— Ничего я карманах не лазаю, — грубо отвечала Клавдия. — Я взяла пальто почистить, все в грязи.

— А в карман зачем полезла?

— Да она сама из кармана вывалилась, что мне по карманам лазить, — оправдывалась Клавдия.

— Врешь, дюшка, — сказал Передонов.

— Какая я вам дюшка, чтой-то такое, насмешники этакие! — закричала Клавдия. — Чёрт с вами, откуплю вам ваш изюм, подавитесь вы им, — сами сожрали, а я откупай! Да и откуплю, — совести, видно, в вас нет, стыда в глазах нет, а еще господа называетесь!

Клавдия ушла на кухню, плача и ругаясь. Передонов отрывисто захохотал, и сказал:

— Взъерепенилась как!

— И пусть откупает, — говорила Варвара, — им все спускать, так они все сожрать готовы, черти голодушные.

И долго потом они оба дразнили Клавдию тем, что она съела фунт изюму. Деньги за этот изюм вычли из ее жалованья, и всем гостям рассказывали об этом изюме.

Кот, словно привлеченный криками, вышел из кухни, пробираясь вдоль стен, и сел около Передонова, глядя на него жадными и злыми глазами. Передонов нагнулся, чтобы его поймать. Кот яростно фыркнул, оцарапал Передонову руку, убежал, и забился под шкап. Он выглядывал оттуда, и узкие, зеленые зрачки его сверкали.

Точно оборотень, — пугливо подумал Передонов.

Меж тем Варвара, все думая о Пыльникове, заговорила:

— Чем бы по вечерам на билиард ходить каждый вечер, сходил бы иногда к гимназистам на квартиры. Они знают, что учителя к ним редко заглядывают, а инспектора и раз в год не дождешься, так у них там всякое безобразие творится, и картеж, и пьянство. Да вот, сходил бы к этой девчонке-то переодетой. Пойди попозже, как спать станут ложиться; мало ли как тогда можно будет ее уличить да сконфузить.[274]

Передонов подумал, и захохотал.[275] Варвара — хитрая шельма, — подумал он, — она научит.

XII

Передонов отправился ко всенощной в гимназическую церковь. Там он стал сзади учеников, и внимательно смотрел за тем, как они себя вели. Некоторые, показалось ему, шалили, — толкались, шептались, смеялись. Он заметил их, и постарался запомнить. Их было много, и он сетовал на себя, как это он не догадался взять из дому бумажку и ка-

рандашик, записывать. Ему стало грустно, что гимназисты так плохо себя ведут, и никто на это не обращает внимания, хотя тут же в церкви стояли директор да инспектор со своими женами и детьми.[276]

А на самом деле гимназисты стояли чинно и скромно, — иные крестились бессознательно, думая о чем-то постороннем храму, другие молились прилежно. Редко-редко кто шепнет что-нибудь соседу, — два-три слова, почти не поворачивая головы, — и тот отвечает так же коротко и тихо, или даже одним только быстрым движением, взглядом, пожиманием плеч, улыбкой. Но эти маленькие движения, не замечаемые дежурившим помощником классных наставников, давали встревоженным, но тупым чувствам Передонова иллюзию большого беспорядка. Даже и в спокойном своем состоянии Передонов, как и все грубые люди, не мог точно оценить мелких явлений: он или не замечал их, или преувеличивал их значение. Теперь же, когда он был возбужден ожиданиями и страхами, чувства его служили ему еще хуже, и мало-помалу вся действительность заволакивалась перед ним дымкой противных и злых иллюзий.

Да, впрочем, и раньше, что были гимназисты для Передонова? Не только ли аппараты для растаскивания пером чернил по бумаге и для пересказа суконным языком того, что когда-то было сказано языком человечьим? Передонов во всю свою учительскую деятельность совершенно искренно не понимал, — и не думал о том, — что гимназисты такие же люди, как и взрослые. Только бородатые гимназисты, с пробудившимся влечением к женщинам, вдруг становились в его глазах равными ему.[277]

Постояв сзади и набравши достаточно грустных впечатлений, Передонов подвинулся вперед, к средним рядам. Там стоял, на самом конце ряда, справа, Пыльников; он скромно молился, и часто опускался на колени. Передонов посматривал на него, и особенно приятно ему было смотреть, когда Пыльников стоял на коленях, как наказанный, и смотрел вперед, к сияющим дверям алтарным с озабоченным и просительным выражением на лице. Смуглый, румяный, стройный, — что особенно было заметно, когда он стоял на коленях спокойно и прямо, как бы под чьим-то строго-наблюдающим взором, — с высокою и широкою грудью, он казался Передонову совсем похожим на девочку.

Теперь Передонов окончательно решился сегодня же после всенощной идти к нему на квартиру.[278]

Стали выходить из церкви. Заметили, что у Передонова не шляпа, как всегда прежде, а фуражка с кокардой. Рутилов спросил со смехом:

— Что это ты, Ардальон Борисыч, нынче с кокардой щеголяешь? Вот что значит в инспекторы-то метит человек.

— Вам теперь солдаты должны честь отдавать? — с деланным простодушием спросила Валерия.

— Ну вот, глупости какие! — сердито сказал Передонов.

— Ты ничего не понимаешь, Валерочка, — сказала Дарья, — какие же солдаты? Теперь только от гимназистов Ардальон Борисычу почтения гораздо больше будет, чем прежде.

Людмила[279] только хохотала. Передонов поспешил распрощаться с ними, чтобы избавиться от их насмешек.

К Пыльникову было еще рано, а домой не хотелось. Передонов пошел по темным улицам, придумывая, где бы провести час. Было много домов, во многих окнах горели огни, иногда из отворенных окон слышались голоса. По улице шли расходившиеся из церкви, и слышно было, как отворялись и затворялись калитки и двери. Везде люди жили, чужие, враждебные Передонову, и иные из них, может быть, и теперь злоумышляли против него. Может быть, уже кто-нибудь дивился, зачем это Передонов один в такой поздний час, и куда это он идет. Казалось Передонову, что кто-то выслеживает его, и крадется за ним. Тоскливо стало ему. Он пошел поспешно, без цели.

Он думал, что у каждого здесь дома есть свои покойники. И все, кто жил в этих старых домах лет пятьдесят тому назад, все умерли. Некоторых покойников еще он помнит.

Человек умрет, так и дом бы сжечь, — тоскливо думал Передонов, — а то страшно очень.

[У ворот одного дома встретил он знакомого купца Вторникова, — тот возвращался из церкви домой с женою и маленьким сыном гимназистом. Купец и купчиха — люди крупных размеров, одетые по-модному. Сын — робкий, слезливый при отце, но большой шалун и веселый за отцовыми глазами.

Поздоровались, поговорили. Вторников пригласил:

— На перепутье стаканчик чайку милости прошу.

Передонов зашел, просидел полчаса, нажаловался на гимназиста, что шалит на уроках.

— Смотри ты у меня, — грозно сказал отец, — розог дам следующий раз.

Купчиха громко вздыхала, что не шло к ее модному платью; мальчик сидел весь красный, капая слезами в чай. Передонов думал, что нечего бы откладывать до следующего раза. Но ему было уже некогда, —

подходило к девяти часам, и надо было идти к Пыльникову, или уже поздно будет.]

Ольга Васильевна Коковкина, у которой жил гимназист Пыльников, была вдова казначея.[280] Муж оставил ей пенсию и небольшой дом, в котором ей было так просторно, что она могла отделить еще и две-три комнаты для жильцов. Но[281] она предпочла гимназистов. Повелось так, что к ней всегда помещали самых скромных мальчиков, которые учились исправно и кончали гимназию. На других же ученических квартирах значительная часть была таких, которые кочуют из одного учебного заведения в другое, да так выходят недоучками.

Ольга Васильевна, худощавая старушка, высокая и прямая, с добродушным лицом, которому она однако старалась придавать строгое выражение, и Саша Пыльников, мальчик хорошо откормленный и строго выдержанный своею теткой, сидели за чайным столом. Сегодня была Сашина очередь ставить варенье, из деревни, и потому он чувствовал себя хозяином, и важно угощал Ольгу Васильевну.

Послышался звонок, — и вслед за тем в столовой появился Передонов. Коковкина была удивлена столь поздним посещением.

— Вот я пришел посмотреть нашего гимназиста, — сказал он, — как он тут живет.

Коковкина угощала его, но он отказался. Ему хотелось, чтобы они скорее кончили, и чтобы ему побыть одному с гимназистом. Выпили чай, перешли в Сашину комнату, а Коковкина не оставляла их, и разговаривала без конца. Передонов угрюмо смотрел на Сашу, — а тот застенчиво молчал. Ничего не выйдет из этого посещения, думал Передонов.

Служанка позвала зачем-то Коковкину. Она вышла. Пыльников тоскливо посмотрел за нею. Ему неловко было при этом угрюмом[282] человеке. Передонов сел рядом с ним, неловко обнял его рукою, и, не меняя неподвижного выражения на лице, спросил:

— Что, Сашенька, хорошо ли Богу помолилась?

Пыльников стыдливо и испуганно глянул на Передонова, покраснел и промолчал.

— А? что? хорошо? — спрашивал Передонов.

— Хорошо, — сказал наконец Пыльников.

— Ишь ты, румянец какой на щечках, — сказал Передонов, — признавайся-ка, ведь ты девчонка? Шельма, девчонка?

— Нет, не девчонка, — сказал Пыльников, и вдруг, сердясь на себя за свою застенчивость, спросил зазвеневшим голосом, — чем это я

похож на девчонку? Это у вас гимназисты такие, придумали дразнить за то, что я дурных слов боюсь; я не привык их говорить, мне ни за что не сказать, да и зачем говорить гадости?

— Маменька накажет? — спросил Передонов, щекоча Пыльникова.

Мальчик засмеялся, вывернулся из рук Передонова, и пересел подальше.

— У меня нет матери, — сказал он, — мама давно умерла, у меня тетя.

— Что ж, тетя накажет?

— Конечно накажет, коли я стану гадости говорить. Разве хорошо?

— А откуда тетя узнает?

— Да я и сам не хочу, — спокойно сказал Саша. — А тетя мало ли как может узнать. Может быть, я сам проговорюсь.

— А кто из ваших товарищей дурные слова говорит? — спросил Передонов.

Саша покраснел, и молчал.

— Ну, что ж, говорите, — настаивал Передонов, — вы обязаны сказать, нельзя покрывать.

— Никто не говорит, — смущенно сказал Саша.

— Вы же сами сейчас жаловались.

— Я не жаловался.

— Что же вы отпираетесь? — сердито сказал Передонов.

Саша чувствовал себя пойманным в какой-то скверный капкан. Он сказал:

— Я только объяснил вам, почему меня некоторые товарищи дразнят девчонкой... А я не хочу на них фискалить.

— Вот как, это почему же? — злобно спросил Передонов.

— Да нехорошо, — сказал Саша с досадливой усмешкой.[283]

— Ну вот я директору скажу, так вас заставят, — злорадно сказал Передонов.

Пыльников покраснел.

— Нет, вы, пожалуйста, не говорите, Ардальон Борисыч, — просил он.

— Нет, скажу. Вот вы тогда увидите, как покрывать гадости. Вы должны были сами сразу пожаловаться. Вот погодите, вам достанется.

Пыльников встал, и в замешательстве теребил пояс блузы. Пришла Коковкина.

— Тихоня-то ваш, хорош, нечего сказать, — злобно сказал Передонов.

Коковкина испугалась. Она торопливо подошла к Саше, села рядом с ним, — от волнения у нее всегда подкашивались ноги, — и спросила боязливо:

— А что такое, Ардальон Борисыч? Что он сделал?

— Вот у него спросите, — с угрюмою злобою ответил Передонов.

— Что такое, Сашенька, в чем ты провинился? — спросила Коковкина, трогая Сашу за локоть.

— Я не знаю, — сказал Саша, и заплакал.

— Да что такое, что с тобою, что ты плачешь? — спрашивала Коковкина.

Она положила руки на плеча к мальчику, нагибала его к себе, и не замечала, что ему неловко. А он стоял, склонясь, и закрывал глаза платком. Передонов объяснял:

— Его там в гимназии дурным словам учат, а он не хочет сказать кто. Он не должен укрывать. А то и сам учится гадостям, и других покрывает.

— Ах, Сашенька, Сашенька, как же это ты так? Разве можно? Да как тебе не стыдно? — растерянно говорила Коковкина, отпустив Сашу.

— Я ничего, — рыдая отвечал Саша, — я ничего не сделал худого. Они меня за то и дразнят, что я не могу худых слов говорить.

— А кто говорит худые слова? — опять спросил Передонов.

— Никто не говорит, — с отчаяньем воскликнул Саша.

— Видите, как он лжет, — сказал Передонов, — его наказать надо хорошенько. Надо, чтобы он открыл, кто говорит гадости, а то на нашу гимназию нарекания пойдут, а мы ничего не можем сделать.[284]

— Уж вы его извините, Ардальон Борисыч, — сказала Коковкина, — как же он скажет на товарищей? Ведь ему потом жить не дадут.

— Он обязан сказать, — сердито сказал Передонов,[285] — от этого только польза будет. Мы примем меры к их исправлению.

— Да ведь они его бить будут? — нерешительно сказала Коковкина.

— Не посмеют. Если он трусит, пусть по секрету скажет.

— Ну, Сашенька, скажи по секрету. Никто не узнает, что ты сказал.

Саша молча плакал. Коковкина привлекла его к себе, обняла, и долго шептала что-то на ухо. Он отрицательно качал головой.

— Не хочет, — сказала Коковкина.

— А вот розгой его пробрать, так заговорит, — свирепо сказал Передонов. — Принесите мне розгу, я его заставлю говорить.

— Ольга Васильевна, да за что же? — жалобно воскликнул Саша.

Коковкина встала и обняла его.

— Ну, довольно реветь, — сказала она нежно и строго, — никто тебя не тронет.[286]

— Как хотите, — сказал Передонов, — а только я тогда должен директору сказать.[287] Я думал по-семейному, ему же лучше бы. Может быть, и ваш Сашенька прожженный. Еще мы не знаем, за что его дразнят девчонкой, — может быть, совсем за другое. Может быть, не его учат, а он других развращает.[288]

Передонов сердито пошел из комнаты. За ним вышла Коковкина. Она укоризненно сказала:

— Арадльон Борисыч, как же это вы так мальчика конфузите невесть за что. Хорошо, что он еще не понимает ваших слов.[289]

— Ну прощайте, — сердито сказал Передонов, — а только я скажу директору. Это надо расследовать.

Он ушел. Коковкина пошла утешать Сашу. Саша грустно сидел у окна, и смотрел на звездное небо. Коковкина молча погладила его по голове.

— Я сам виноват, — сказал он, — проболтался, за что меня дразнят, а он и пристал. Он самый грубый. Его никто из гимназистов не любит.

На другой день Передонов и Варвара переезжали наконец на новую квартиру. Ершова стояла в воротах,[290] и скверно ругалась с Варварой. Передонов прятался от нее за возами.[291]

На новой квартире тотчас же отслужили молебен. Необходимо было, по расчетам Передонова, показать, что он — человек верующий.[292] Во время молебна[293] запах ладана, кружа его голову, вызвал в нем смутное настроение, похожее на молитвенное.

Одно странное обстоятельство смутило его. Откуда-то прибежала удивительная тварь неопределенных очертаний, — маленькая, серая, юркая недотыкомка. Она посмеивалась, и дрожала, и вертелась вокруг Передонова. Когда же он протягивал к ней руку, она быстро ускользала[294] за дверь или под шкап, и через минуту появлялась снова, и дрожала, и дразнилась, — серая, безликая, юркая.[295]

Наконец, уже когда кончался молебен, Передонов догадался, и зачурался шепотом. Недотыкомка зашипела тихо-тихо, сжалась в малый комок, и укатилась за дверь. Передонов вздохнул облегченно.

Да, хорошо, если она совсем укатилась. А может быть, она живет в этой квартире, где-нибудь под полом, и опять станет приходить и драз-

нить? Тоскливо и холодно стало Передонову. — И к чему вся эта нечисть на свете? — подумал он.

Когда молебен кончился, когда гости разошлись, Передонов долго думал о том, где бы могла скрываться недотыкомка. Варвара ушла к Грушиной, а Передонов отправился, на поиски, и принялся перерывать ее вещи.[296]

Не в кармане ли унесла ее Варвара? — думал Передонов. — Много ей надо места! Спрячется в кармане, и будет сидеть, пока срок не придет.

Одно Варварино платье привлекло внимание Передонова. Оно все было в оборках, бантиках, лентах, словно нарочно сшито, чтобы можно было спрятать кого-нибудь. Передонов долго рассматривал его, потом с усилием, при помощи ножа, — вырвал, отчасти вырезал карман, и бросил его в печку, а затем принялся рвать и резать на мелкие куски все платье.[297] В его голове бродили смутные странные мысли, а на душе было безнадежно тоскливо.[298]

Скоро вернулась Варвара, — еще Передонов кромсал остатки платья.

Она подумала,* что он пьян, и принялась ругаться. Передонов слушал долго, и наконец сказал:

— Чего лаешься, дура! Ты, может быть, чёрта в кармане носишь. Должен же я позаботиться, что тут делается.

Варвара опешила. Довольный произведенным впечатлением,[299] он поспешно отыскал шапку, и отправился играть на билиарде. Варвара[300] выбежала в переднюю и, пока Передонов надевал пальто, кричала:

— Это ты, может быть, чёрта в кармане носишь, а у меня нет никакого чёрта. Откуда я тебе чёрта возьму? Разве по заказу из Голландии тебе выписать!

В тот же день к вечеру Передонов явился к директору, — поговорить по делу.

Директор, Николай Власьевич Хрипач,[301] имел известное число правил, которые столь удобно прикладывались к жизни, что придерживаться их было нисколько не обременительно. По службе он спокойно исполнял все, что требовалось законами или распоряжениями начальства, а также правилами общепринятого умеренного либерализма. Поэтому[302] начальство, родители и ученики равно довольны были директором. Сомнительных случаев, нерешительности, колебаний он не знал, да и к

* *Было*: сообразила.

чему они? всегда можно опереться или на постановление педагогического совета, или на предписание начальства. Столь же правилен и спокоен был он в личных сношениях. Самая наружность его являла вид добродушия[303] и стойкости: небольшого роста, плотный, подвижной, с бойкими глазами и уверенной речью, он казался человеком, который недурно устроился, и намерен устроиться еще лучше.

В кабинете его на полках стояло много книг;[304] из некоторых он делал выписки. Когда выписок накоплялось достаточно, составлялся учебник, печатался и расходился, не так, как расходятся книжки Ушинского или Евтушевского, но все-таки хорошо. Иногда он составлял, преимущественно по заграничным книжкам, компиляцию, почтенную и никому не нужную, и печатал ее в журнале, тоже почтенном и тоже никому не нужном. Детей у него было много, и все они, мальчики и девочки,[305] уже обнаруживали зачатки разнообразных талантов.

Передонов угрюмо[306] говорил:

— Вот вы всё на меня нападаете, Николай Власьевич.[307] Вам на меня, может быть, клевещут, а я ничего такого не делаю.[308]

— Извините, — прервал директор, — я не могу понять, о каких клеветах вы изволите упоминать. В деле управления вверенною мне гимназией я руководствуюсь[309] собственными моими наблюдениями, и смею надеяться, что моя служебная опытность достаточна для того, чтобы с должною правильностью оценивать то, что я вижу и слышу, тем более, при том внимательном отношении к делу, которое я ставлю себе за непременное правило,[310] — говорил Хрипач быстро и отчетливо,[311] и голос его раздавался сухо и ясно, подобно треску, издаваемому цинковыми прутьями, когда их сгибают. — Что же касается моего личного о вас мнения,[312] то я и ныне продолжаю думать, что в вашей служебной деятельности обнаруживаются досадные пробелы.[313]

— Да, — угрюмо сказал Передонов, — вы взяли себе в голову, что я никуда не гожусь,[314] а я постоянно о гимназии забочусь.[315]

Хрипач с удивлением поднял брови, и вопросительно поглядел на Передонова.

— Вы не замечаете, — продолжал Передонов, — что у нас в гимназии скандал может выйти, и никто не замечает, один я уследил.

— Какой скандал? — с сухим смешком спросил Хрипач, и проворно заходил по кабинету. — Вы меня интригуете, хотя, скажу откровенно, я мало верю возможности скандала в гимназии.

— Да, а вот вы не знаете, кого вы нынче приняли,[316] — сказал Передонов с таким злорадством, что Хрипач приостановился, и внимательно посмотрел на него.

— Все вновь принятые наперечет, — сухо сказал он.[317] — При том же принятые в первый класс, очевидно, не были еще исключены из другой гимназии, а единственный поступивший в пятый класс прибыл к нам с такими рекомендациями, которые исключают возможность нелестных предположений.

— Да, только его не к нам надо бы отдать, а в другое заведение, — угрюмо, словно нехотя, промолвил Передонов.

— Объяснитесь, Арадальон Борисыч, прошу вас, — сказал Хрипач. — Надеюсь, вы не хотите сказать, что Пыльникова следует отправить в колонию для малолетних преступников?

— Нет, эту тварь надо отправить в пансион без древних языков, — злобно сказал Передонов, и глаза его сверкнули злостью.

Хрипач,[318] засунув руки в карманы домашнего коротенького пиджака, смотрел на Передонова с необычайным удивлением.

— Какой пансион? — спросил он.[319] — Известно ли вам, какие учреждения именуются таким образом? И если известно, то как решились вы сделать такое непристойное сопоставление?

Хрипач сильно покраснел, и голос его звучал еще суше и отчетливее. В другое время эти признаки директорова гнева приводили Передонова в замешательство. Но теперь он[320] не смущался.

— Вы все думаете, что это мальчик, — сказал он, насмешливо щуря глаза, — а вот и не мальчик, а девчонка.[321]

Хрипач коротко и сухо засмеялся,[322] словно деланным смехом, звонким и отчетливым, — так он и всегда смеялся.

— Ха-ха-ха! — отчетливо делал он, кончая смеяться, сел в кресло и откинул голову, словно падая от смеха. — Удивили же вы меня, почтенный Ардальон Борисыч! ха-ха-ха! Скажите мне, будьте любезны, на чем вы основываете ваше[323] предположение, — если посылки, которые вас привели к этому заключению, не составляют вашей тайны! ха-ха-ха!

Передонов рассказал все, что слышал от Варвары, и уже заодно распространился о дурных качествах Коковкиной.[324] Хрипач слушал, по временам разражаясь сухим, отчетливым смехом.

— У вас, любезный Ардальон Борисыч, зашалило воображение, — сказал он, встал, и похлопал Передонова по рукаву.[325] — У многих из моих уважаемых товарищей, как и у меня, есть свои дети,[326] мы все не первый год живем,[327] и неужели вы думаете, что мы были так просты, что могли принять за мальчика переодетую девочку?[328]

— Вот вы так к этому относитесь, если что-нибудь выйдет, то кто же будет виноват? — спросил Передонов.

— Ха-ха-ха, — засмеялся Хрипач, — каких же последствий вы опасаетесь?*

— В гимназии разврат начнется, — сказал Передонов.

Хрипач нахмурился, и сказал:

— Вы слишком далеко заходите.[329] Все, что вы мне до сих пор сказали,[330] не дает мне ни малейшего повода разделять ваши подозрения.[331]

[Передонов ушел, а Хрипач[332] предался своим обычным занятиям. Но[333] он знал, что всякая глупость находит доверенных слушателей, и что не лишнее поставить дело так, чтобы оно было совсем ясно. Завтра, в учебные часы, Хрипач намерен был этим заняться.]

XIII

В этот же вечер Передонов поспешно обошел всех сослуживцев, от инспектора до помощников классных наставников, и всем рассказал, что Пыльников — переодетая барышня. Все смеялись и не верили, но многие, когда он уходил, впадали в сомнение. Учительские жены, так те почти все поверили сразу.

На другое утро уже многие пришли на уроки с мыслью, что Передонов, может быть, и прав. Открыто этого не говорили, но уже и не спорили с Передоновым, а ограничивались нерешительными и двусмысленными ответами: каждый боялся, что его сочтут глупым, если он станет спорить, а вдруг окажется, что это — правда. Многим хотелось бы услышать, что говорит об этом директор, — но директор, сверх обыкновения, вовсе не выходил сегодня из своей квартиры, только прошел, сильно запоздав, на свой единственный в тот день урок в шестом классе, просидел там лишних десять минут, и ушел прямо к себе, никому не показавшись.

Наконец, перед четвертым уроком седой законоучитель и еще двое учителей пошли в кабинет к директору под предлогом какого-то дела, и батюшка осторожно завел речь о Пыльникове. Но директор засмеялся так уверенно и простодушно, что все трое[334] разом прониклись уверенностью, что все это вздор. А директор быстро перешел на другие темы,[335] рассказывал свежую городскую новость,[336] пожаловался на сильнейшую головную боль,[337] и сказал, что, кажется, при-

* *Было*: ожидаете?

дется пригласить почтеннейшего Евгения Ивановича, — гимназического врача. Затем в очень добродушном тоне он рассказал, что сегодня урок еще усилил его головную боль, так как случилось, что в соседнем классе был Передонов, и гимназисты там почему-то часто и необычайно громко смеялись. Засмеявшись своим сухим смехом, Хрипач сказал:

— В этом году судьба ко мне немилосердна, — три раза в неделю приходится сидеть рядом с классом, где занимается Ардальон Борисыч, и, представьте, постоянно хохот, да еще какой! Казалось бы, Ардальон Борисыч человек не смешливый,[338] а какую постоянно возбуждает веселость!

И, не дав никому сказать что-нибудь на это, Хрипач быстро перешел еще раз к другой теме.

А на уроках у Передонова в последнее время, действительно, много смеялись, — и не потому, чтобы это ему нравилось. Напротив, детский смех раздражал Передонова. Но он не мог удержаться, чтобы не говорить[339] чего-нибудь лишнего, непристойного: то расскажет[340] глупый анекдот; то примется дразнить кого-нибудь посмирнее.[341] Всегда в классе находилось несколько таких, которые рады были случаю произвести беспорядок, — и при каждой выходке Передонова подымали неистовый хохот.[342]

[К концу уроков[343] Хрипач послал за врачом, а сам взял шляпу и отправился в сад, что лежал меж гимназией и берегом реки. Сад был обширный и тенистый. Маленькие гимназисты любили его. Они в нем широко разбегались на переменах. Поэтому помощники классных наставников не любили этого сада. Они боялись, что с мальчиками что-нибудь случится.* А Хрипач требовал, чтобы мальчики** бывали там на переменах. Это было нужно ему для красоты в отчетах.[344]

Проходя по коридору, Хрипач приостановился у открытой двери в гимнастический зал, постоял, опустив голову, и вошел. По его невеселому лицу и медленной походке уже все знали, что у него болит голова.

Собирался на гимнастику пятый класс. Построились в одну шеренгу, и учитель гимнастики, поручик местного резервного батальона, собирался*** что-то скомандовать, но, увидев директора, пошел к нему на-

---

* *После* берегом реки *было*: сад обширный и тенистый, любимый маленькими гимназистами, которые там широко разбегались, и не любимый поэтому помощниками классных наставников, которые боялись, что с мальчиками что-нибудь случится.

** *Было*: они.

*** *Было*: намеревался.

встречу.[345] Директор пожал ему руку, рассеянно поглядел на гимназистов, и спросил:

— Довольны вы ими? как они, стараются? не утомляются?

Поручик глубоко презирал в душе гимназистов, у которых, по его мнению, не было и не могло быть военной выправки.[346] Если бы это были кадеты, то он прямо и сказал бы, что об них думает. Но об этих увальнях не стоило говорить неприятной правды человеку, от которого зависели его уроки. И он сказал, приятно улыбаясь тонкими губами, и глядя на директора ласково и весело:

— О, да, славные ребята.

Директор сделал несколько шагов вдоль фронта, повернул к входу, и вдруг остановился, словно вспомнил что-то:

— А нашим новым учеником вы довольны? Как он, старается? не утомляется? — спросил он лениво и хмуро, и взялся рукою за лоб.

Поручик, для разнообразия, и думая, что ведь это чужой, со стороны, гимназист, сказал:

— Несколько вял, да, скоро устает.

Но директор уже не слушал его, и выходил из зала.

Внешний воздух, по-видимому, мало освежил Хрипача. Через полчаса он вернулся, и опять,[347] постояв у двери с полминуты, зашел на урок. Шли упражнения на снарядах. Два-три незанятых пока гимназиста, не замечая директора, стояли, прислонясь к стене, пользуясь тем, что поручик не смотрел на них. Хрипач подошел к ним.

— А, Пыльников, — сказал он, — зачем же вы легли на стену?

Саша* ярко покраснел, вытянулся, и молчал.

— Если вы так утомляетесь, то вам, может быть, вредна гимнастика? — строго спросил Хрипач.

— Виноват, я не устал, — испуганно сказал Саша.**

— Одно из двух, — продолжал Хрипач, — или не посещать уроков гимнастики, или... Впрочем, зайдите ко мне после уроков.

Он поспешно ушел, а Саша стоял смущенный, испуганный.

— Влетел![348] — говорили ему товарищи, — он[349] тебя до вечера будет отчитывать.

Хрипач любил делать продолжительные выговоры, и гимназисты пуще всего боялись его приглашений.[350]

---

* *Было*: Пыльников.

** То же, как и на следующих двух страницах, фамилию Пыльников автор заменяет именем *Саша*.

После уроков Саша робко отправился к директору. Хрипач принял его немедленно.[351] Он быстро подошел, словно подкатился на коротких ногах к Саше, придвинулся к нему близко, и, внимательно глядя ему прямо в глаза, спросил:

— Вас, Пыльников, в самом деле, утомляют уроки гимнастики? Вы на вид довольно здоровый мальчик, но «наружность иногда обманчива бывает». У вас нет какой-нибудь болезни? Может быть, вам вредно заниматься гимнастикой?

— Нет, Николай Власьевич, я здоров, — отвечал Саша, весь красный от смущения.

— Однако, — возразил Хрипач, — и Алексей Алексеевич* жалуется на вашу вялость и на то, что вы скоро устаете, и я заметил сегодня на уроке, что у вас утомленный вид. Или я ошибаюсь, может быть?

Саша не знал, куда ему скрыть свои глаза от пронизывающего взора Хрипача. Он растерянно бормотал:

— Извините, я не буду, я так, просто поленился стоять.[352] Я, право, здоров. Я буду усердно заниматься гимнастикой.

Вдруг, совсем неожиданно для себя, он заплакал.

— Вот видите, — сказал Хрипач, — вы, очевидно, утомлены: вы плачете, как будто я сделал вам суровый выговор. Успокойтесь.

Он положил руку на Сашино плечо, и сказал:

— Я позвал вас не для нотаций, а чтобы разъяснить... Да вы сядьте, Пыльников, я вижу, вы устали.

Саша поспешно вытер платком мокрые глаза, и сказал:

— Я совсем не устал.

— Сядьте, сядьте, — повторил Хрипач, и подвинул Саше стул.

— Право же, я не устал, Николай Власьевич, — уверял Саша.

Хрипач взял его за плечи, посадил, сам сел против него, и сказал:

— Поговоримте спокойно, Пыльников. Вы и сами можете не знать действительного состояния вашего здоровья.[353] Вы — мальчик старательный и хороший во всех отношениях, поэтому для меня вполне понятно, что вы не хотели просить увольнения от уроков гимнастики. Кстати, я просил сегодня Евгения Ивановича придти ко мне, так как я сам чувствую себя дурно. Вот он кстати и вас посмотрит. Надеюсь, вы ничего не имеете против этого?[354]

Хрипач посмотрел на часы, и, не дожидаясь ответа, заговорил с Сашей о том, как он провел лето.

---

* *Было*: *а*) Карл Иванович; *б*) Георгий Иванович.

Скоро явился Евгений Иванович Суровцев, гимназический врач, человек маленький, черный, юркий,[355] любитель разговоров о политике и[356] новостях. Знаний больших у него не было, но он[357] внимательно относился к больным,[358] лекарствам предпочитал диету и гигиену, и потому лечил успешно.[359]

Саше велели раздеться, Суровцев[360] внимательно рассмотрел его, и не нашел никакого порока, а Хрипач убедился, что Саша вовсе не[361] барышня. Хоть он и раньше был в этом уверен, но он считал полезным, чтобы впоследствии, если[362] придется отписываться на запросы из округа, врач гимназии имел возможность удостоверить это [не прибегая к нарочитому осмотру Пыльникова] без лишних справок.

Отпуская Сашу, Хрипач сказал ему ласково:

— Теперь, когда мы знаем, что вы здоровы, я скажу Алексею Алексеевичу,* чтобы он не давал вам никакой пощады.][363]

Передонов не сомневался, что раскрытие в одном из гимназистов девочки, обратит внимание начальства, и что, кроме повышения, ему дадут и орден.[364] Это поощряло его бдительно смотреть за поведением гимназистов. К тому же погода несколько дней подряд стояла пасмурная и холодная, на билиарде собирались плохо,[365] — оставалось ходить по городу и посещать ученические квартиры и даже тех гимназистов, которые жили при родителях.

Передонов выбирал родителей, что попроще: придет, нажалуется на мальчика, того высекут, — и Передонов доволен. Так нажаловался он прежде всего на Иосифа Крамаренка его отцу, державшему в городе пивной завод, — сказал, что Иосиф шалит в церкви. Отец поверил, и[366] наказал сына. Потом та же участь постигла[367] еще несколько других. К тем,[368] которые, по мнению Передонова, стали бы заступаться за сыновей, он и не ходил: еще нажалуются в округе.

Каждый день посещал он хоть одну ученическую квартиру. Там он вел себя по-начальнически: распекал, распоряжался, угрожал. Но там гимназисты чувствовали себя самостоятельнее,[369] и порой дерзили Передонову. Впрочем,[370] Флавицкая, дама энергичная, высокая и звонкоголосая, по желанию Передонова, высекла больно своего маленького постояльца, Владимира Бультякова.

В классах на следующий день Передонов рассказывал о своих подвигах. Фамилий он не называл, но жертвы его сами выдавали себя своим смущением.[371]

---

* *Было*: Карлу Иванычу.

Слухи о том, что Пыльников — переодетая барышня,[372] разнеслись быстро по городу. Из первых узнали Рутиловы.[373] Людмила, любопытная, всегда старалась все новое увидеть своими глазами.[374] Она зажглась жутким любопытством к Пыльникову.[375] Конечно, ей надо посмотреть на ряженую плутовку. Она же и знакома с Коковкиною.[376] И вот, как-то раз к вечеру Людмила сказала сестрам:

— Пойду смотреть эту барышню!

— Глазопялка! — сердито крикнула Дарья.

— Нарядилась, — отметила Валерия, сдержанно усмехаясь.

Им было досадно, что не они выдумали: втроем неловко идти. Людмила[377] оделась несколько наряднее обычного, — зачем, и сама не знала. Впрочем, она любила наряжаться, и одевалась[378] откровеннее сестер: руки до плеч поголее, юбки покороче, башмаки полегче, чулки потоньше, попрозрачнее, тельного цвета. Дома ей нравилось побыть в одной юбке и босиком, и надеть башмаки на босые ноги, — притом рубашка и юбка у нее всегда были слишком нарядны.[379]

Погода стояла холодная, ветреная, облетелые листья плавали по рябым лужам. Людмила шла быстро, и под своею тонкою накидкою почти не чувствовала холода.

Коковкина с Сашей пили чай.[380] Зоркими глазами оглядела их Людмила, — ничего, сидят скромненько, чай пьют, булки едят, и разговаривают.[381] Людмила поцеловалась с хозяйкой, и сказала:

— Я к вам по делу, милая Ольга Васильевна. Но это потом, а пока вы меня чайком согрейте. Ай, какой у вас юноша сидит!

Саша покраснел, неловко поклонился, Коковкина назвала его гостье. Людмила уселась за стол, и принялась оживленно рассказывать новости. Горожане любили принимать ее за то, что она все знала, и умела рассказывать мило и скромно. Коковкина, домоседка, была ей непритворно рада, и радушно угощала. Людмила весело болтала, смеялась, вскакивала с места передразнивать кого-нибудь, задевала Пыльникова. Она сказала:

— Вам скучно, голубушка, — что вы всё дома с этим кисленьким гимназистиком сидите, вы бы хоть к нам когда-нибудь заглянули.

— Ну, где уж мне, — отвечала Коковкина, — стара уж я стала в гости ходить.

— Какие там гости! — ласково возражала Людмила, — придите и сидите, как у себя дома, вот и все. Этого младенца ведь пеленать не надо?

Саша сделал обиженное лицо, и покраснел.

— Углан какой! — задорно сказала Людмила, и принялась толкать Сашу. — А вы побеседуйте с гостьей.

— Он еще маленький, — сказала Коковкина, — он у меня скромный.

Людмила с усмешком глянула на нее, и сказала:

— Я тоже скромная.

Саша засмеялся, и простодушно возразил:

— Вот еще, вы разве скромная?

Людмила захохотала. Смех ее был, как всегда, словно сплетен со сладостными и страстными веселиями. Смеясь, она сильно краснела, глаза становились у нее шаловливыми, виноватыми, и взор их убегал от собеседников. Саша смутился, спохватился, начал оправдываться:

— Да нет же, я ведь хотел сказать, что вы бойкая, а не скромная, а не то, что вы нескромная.

Но чувствуя, что на словах это не выходит так ясно, как вышло бы на письме, он смешался, и покраснел.

— Какие он дерзости говорит! — хохоча и краснея кричала Людмила, — это просто прелесть что такое!

— Законфузили вы совсем моего Сашеньку, — сказала Коковкина, одинаково ласково посматривая и на Людмилу, и на Сашу.

Людмила, изогнувшись кошачьим движением, погладила Сашу по голове. Он засмеялся застенчиво и звонко, увернулся из-под ее руки, и убежал к себе в комнату.

— Голубушка, сосватайте мне жениха, — сразу же, без всякого перехода, заговорила Людмила.

— Ну вот, какая я сваха! — с улыбкой отвечала Коковкина, но по лицу ее было видно, что она с наслаждением взялась бы за сватовство.

— Чем же вы не сваха, право! — возражала Людмила, — да и я чем не невеста! Меня вам не стыдно сватать.

Людмила подперла руками бока, и приплясывала перед хозяйкой.

— Да ну вас! — сказала Коковкина, — ветреница вы этакая!

Людмила говорила, смеясь:

— Хоть от нечего делать займитесь.

— Какого же вам жениха-то надо? — улыбаючись спросила Коковкина.

— Пусть он будет, — будет брюнет, — голубушка, непременно брюнет, — быстро заговорила Людмила. — Глубокий брюнет! Глубокий, как яма. И вот вам образчик, — как ваш гимназист, — такие же

чтобы черные были брови, и очи с поволокой, и волосы черные с синим отливом, и ресницы густые, густые, синевато-черные ресницы. Он у вас красавец, право, красавец. Вот вы мне такого.

Скоро Людмила собралась уходить. Уже стало темнеть. Саша пошел провожать.

— Только до извозчика! — нежным голосом просила Людмила, и смотрела на Сашу, виновато краснея, ласковыми глазами.

На улице Людмила опять стала бойкою, и принялась допрашивать Сашу:

— Ну что же, вы уроки учите? Книжки-то читаете какие-нибудь?

— Читаю и книжки, — отвечал Саша, — я люблю читать.

— Сказки Андерсена?

— Ничего не сказки, а всякие книги. Я историю люблю, да стихи.

— То-то стихи. А какой у вас любимый поэт? — строго спросила Людмила.

— Надсон, конечно, — ответил Саша с глубоким убеждением и невозможностью иного ответа.

— То-то! — поощрительно сказала Людмила. — Я тоже Надсона люблю, но только утром, а вечером я, миленький, наряжаться люблю. А вы что любите делать?

Саша глянул на нее ласковыми черными глазами, — и они вдруг стали влажными, — и тихонько сказал:

— Я люблю ласкаться.

— Ишь ты какой нежный! — сказала Людмила, и обняла его за плечи, — ласкаться любишь! А полоскаться любите?

Саша хихикнул. Людмила допрашивала:

— В теплой водице?

— И в теплой, и в холодной, — стыдливо сказал мальчик.

— А мыло вы какое любите?

— Глицериновое.

— А виноград любите?

Саша засмеялся.

— Какая вы! Ведь это разное, а вы те же слова говорите. Только меня вы не подденете.

— Вот еще, нужно мне вас поддевать, — посмеиваясь сказала Людмила.

— Да уж я знаю, что вы пересмешница.[382]

— Откуда вы это взяли?[383]

— Да все говорят, — сказал Саша.

— Скажите, сплетник какой! — притворно-строго[384] сказала Людмила.

Саша покраснел.

— Ну вот и извозчик. Извозчик! — крикнула Людмила.

— Извозчик! — крикнул и Саша.

Извозчик,[385] дребезжа неуклюжими дрожками,[386] подкатил. Людмила сказала ему, куда ехать. Он подумал, и потребовал сорок копеек. Людмила сказала:

— Что ты, голубчик, далеко ли? Да ты дороги не знаешь.

— Сколько же дадите! — спросил извозчик.

— Да возьми любую половину.

Саша засмеялся.

— Веселая барышня, — склабясь, сказал извозчик, — прибавьте хоть пятачок.

— Спасибо, что проводили, миленький, — сказала Людмила, крепко пожала Сашину руку, и села на дрожки.

Саша побежал домой, весело думая о веселой девице.

Людмила веселая вернулась домой, улыбаясь, и о чем-то забавном мечтая. Сестры ждали ее. Они сидели в столовой, за круглым столом, освещенным висячею лампою. На белой скатерти веселою казалась бутылка с малиновой наливкой, и светло поблескивали облипшие сладким края у ее горлышка. Ее окружали тарелки с яблоками, орехами да халвой.

Дарья[387] была под хмельком; красная, растрепанная, полуодетая, она громко пела.[388] Людмила услышала уже предпоследний куплет знакомой песенки:

Где делось платье, где свирель?
Нагой нагу влечет на мель.
Страх гонит стыд, стыд гонит страх,
Пастушка вопиет в слезах:
Забудь, что видел ты.

Была и Лариса тут, — нарядная, спокойно-веселая, она ела яблоко,[389] отрезая ножичком по ломтику, и посмеивалась.[390]

— Ну, что? — спросила она, — видела?

Дарья примолкла, и смотрела на Людмилу. Валерия оперлась на локоток, отставила мизинчик, и наклонила голову, подражая улыбкой Ларисе. Но она тоненькая, хрупкая, и улыбка ее была беспокойная. Людмила налила в рюмку наливки, и сказала:

— Глупости! Мальчишка самый настоящий, — и пресимпатичный. Глубокий брюнет, глаза блестят, а сам маленький и невинный.

И вдруг она звонко захохотала. На нее глядючи, и сестры засмеялись.

— А, да что говорить, все это ерунда Передоновская, — сказала Дарья, махнула рукою, и призадумалась минутку, опершись локтями на стол, и склонив голову. — Спеть лучше, — сказала она, и запела пронзительно громко.

В ее визгах звучало напряженно-угрюмое одушевление. Если бы мертвеца выпустили из могилы с тем, чтобы он все время пел, так запело бы то навье. А уже сестры давно привыкли к хмельному Дарьиному горланенью, и порою подпевали ей нарочито-визгливыми голосами.

— Вот-то развылась, — сказала Людмила усмехаючись.

Не то, чтобы ей не нравилось, а лучше бы ей хотелось рассказывать, а чтобы сестры слушали. Дарья сердито крикнула, прервав песню на полуслове:

— Тебе-то что, я ведь тебе не мешаю.

И немедленно снова запела с того же самого места. Лариса ласково сказала:

— Пусть поет.

— Мне мокротно, молоденьке, нигде места не найду, — визгливо пела Дарья, искажая звуки и вставляя слоги, как делают простонародные певцы для пущей трогательности. Выходило примерно так:

— А-е-ех мне-э ды ма-а-е-кро-о-ты-ка-а ды ма-а-ла-а-е-де-е-ни-ке-е-а-е-эх.

При этом растягивались особенно неприятно те звуки, на которые ударение не падает.[391] Впечатление достигалось в превосходной степени: тоску смертную нагнало бы это пение на свежего слушателя...

О, смертная тоска, оглашающая поля и веси, широкие родные просторы! Тоска, воплощенная в диком галдении, тоска, гнусным пламенем пожирающая живое слово, низводящая когда-то живую песню к безумному вою! О, смертная тоска! О, милая старая русская песня, или и подлинно ты умираешь!..

Вдруг Дарья вскочила, подбоченилась, и принялась выкрикивать веселую частушку с плясом и прищелкиваньем пальцами:

— Уходи-т-ка, парень прочь, —
Я разбойницкая дочь.
Наплевать, что ты пригож, —

Я всажу те в брюхо нож!
Мне не надо мужика, —
Полюблю я босяка.[392]

Дарья пела и плясала, и глаза ее, неподвижные на лице, вращались за ее кружением, подобно кругам мертвой луны. Людмила громко хохотала.[393] Валерия смеялась тихо, стеклянно-звенящим смехом, и завистливо смотрела на сестер: ей бы хотелось такого же веселия, но было почему-то невесело, — она думала, что она последняя, «поскребыш», и потому слабая и несчастливая. И она смеялась, точно сейчас заплачет.

Лариса глянула на нее, подмигнула ей, — и Валерии вдруг стало весело и забавно. Лариса поднялась, пошевелила плечьми, — и в миг все четыре сестры закружились в неистовом радении, внезапно объятые шальною поша́вою, горланя за Дарьей глупые слова новых и новых частушек, одна другой нелепее и бойчее. Сестры были молоды, красивы, голоса их звучали звонко и дико, — ведьмы на Лысой горе позавидовали бы этому хороводу.

Всю ночь снились Людмиле знойные, африканские сны.

То грезилось ей, что лежит она в душно-натопленной горнице, и одеяло сползает с нее, и обнажает ее горячее тело, — и вот чешуйчатый, кольчатый змей вполз в ее опочивальню, и подымается, ползет по дереву, по ветвям ее нагих, прекрасных ног.

Потом приснилось ей озеро в жаркий летний вечер, под тяжко-надвигающимися грозовыми тучами, — и она лежит на берегу, нагая, с золотым гладким венцом на лбу. Пахло теплою, застоявшеюся водою, и тиною, и изнывающею от зноя травою, — а по воде, темной и зловеще-спокойной, плыл белый лебедь, сильный, царственно-величавый. Он шумно бил по воде крыльями, и, громко шипя, приблизился, обнял ее, — стало сладко, томно и жутко.

И у змея, и у лебедя наклонялось над Людмилой Сашино лицо, до синевы бледное, с темными, загадочно-печальными глазами, — и синевато-черные ресницы, ревниво закрывая их чарующий взор, опускались тяжело, страшно.

Потом приснилась Людмиле великолепная палата с низкими, грузными сводами, — и толпились в ней нагие, сильные, прекрасные отроки, — и краше всех был Саша. Она сидела высоко, и нагие отроки перед нею поочередно бичевали друг друга. И когда положили на пол Сашу, головой к Людмиле, и бичевали его, а он смеялся и плакал, —

она хохотала, как иногда хохочут во сне, когда вдруг умиленно забьется сердце, — хохочут долго и неудержимо, смехом самозабвения и смерти...

Утром после всех этих снов Людмила почувствовала, что страстно влюблена в Сашу. Нетерпеливое желание увидеть его охватило Людмилу, — но ей досадно было думать, что она увидит его одетого. Как глупо, что мальчишки не ходят обнаженные! Или хоть босые, как летние уличные мальчишки, на которых Людмила любила смотреть за то, что они ходят босиком, иной раз высоко обнажая ноги.

Точно стыдно иметь тело, — думала Людмила,— что даже мальчишки прячут его.

XIV

Володин исправно ходил к Адаменко на уроки.[394] Мечты его о том, что барышня станет его угощать,[395] не осуществились.[396] Его каждый раз проводили прямо в покойчик, назначенный для ручного труда. Миша обыкновенно уже стоял в переднике, всё приготовив, потребное для урока. Он делал, что Володин приказывал, послушно, но без[397] охоты. Чтобы поменьше работать, Миша старался втянуть Володина в разговор. Володин хотел быть добросовестным, и не поддавался. Он говорил:

— Вы, Мишенька, извольте сначала делом заняться два часика, а уж потом, если угодно, потолкуем. Тогда сколько угодно, а теперь ни-ни, потому что дело прежде всего.

Миша легонько вздыхал, и принимался за дело, но по окончании урока у него уже не являлось желания потолковать:[398] он говорил, что некогда, что много задано.[399]

Иногда на урок приходила барышня Надежда Васильевна.[400] Миша заметил, — и пользовался этим, — что при ней Володин легче подается на разговор. Однако Надежда Васильевна, как только увидит, что Миша не работает,[401] немедленно замечала ему:

— Миша, не изображай лентяя.

А сама уходила, сказавши Володину:

— Извините, я вам помешала. Он у меня такой, что не прочь полениться, если ему дать волю.[402]

Володин сначала был смущен таким поведением Надежды Васильевны; потом подумал, что она стесняется угощать его кофейком, чтобы сплетен не вышло. Потом он подумал, что она могла бы вовсе не прихо-

дить к нему на уроки, однако приходит, — не оттого ли, что ей приятно видеть Володина? И то истолковывал Володин в свою пользу, что барышня так с первого слова согласилась, чтобы Володин давал уроки, и[403] не торговалась.[404] В таких мыслях утверждали его и Передонов с Варварой.[405]

— Ясно, что она в тебя влюблена, — говорил Передонов.

— Какого ей еще жениха надо, — прибавляла Варвара.

Володин делал скромное лицо, и радовался своим удачам. Однажды Передонов сказал ему:

— Жених, а трепаный галстук носишь.

— А я еще не жених, Ардаша, — рассудительно отвечал Володин, весь, однако, трепеща от радости, — а галстук я могу купить новый.[406]

— Ты себе фигурный купи, — советовал Передонов, — чтоб видели, что в тебе любовь играет.

— Красный галстук,[407] — сказала Варвара, — да попышнее, и булавку. Можно дешево купить, с камнем, — шик будет.

Передонов подумал, что у Володина, пожалуй, и денег столько нет.[408] Или[409] поскупится, купит простенький, черный. И это будет скверно, думал Передонов: Адаменко — барышня светская, если идти к ней свататься в кой-каком галстуке, то она может обидеться, и откажет.[410] Передонов сказал:

— Зачем дешево покупать! Ты, Павлушка, на галстук выиграл у меня. Сколько я тебе должен, рубль сорок?

— Сорок копеек — это верно, — сказал Володин, осклабясь и кривляясь, — только не рублик, а два рублика.

Передонов и сам знал, что два рубля, но ему приятнее было бы заплатить только рубль. Он скажет:

— Врешь, какие два рубля!

— Вот Варвара Дмитриевна свидетельница.

Варвара сказала ухмыляясь:

— Уж плати, Ардальон Борисыч, коли проиграл, — и я помню, что два сорок.

Передонов подумал, что Варвара заступается за Володина, значит, склоняется на его сторону. Он насупился, достал из кошелька деньги, и сказал:

— Ну ладно, пусть два сорок, я не разорюсь. Ты бедный человек, Павлушка, ну вот тебе, возьми.

Володин взял деньги, сосчитал, потом сделал обиженное лицо, выпятил нижнюю губу, и сказал:

— Вы, Ардальон Борисыч, изволите быть мне должны, так и надо заплатить, а что я изволю быть бедным, так уж это сюда совсем не идет. И я еще ни у кого на хлеб не прошу, а вы знаете, что бедный бес, который хлебца не ест, а как я еще хлебец кушаю, значит, я не беден.[411]

На другой день Передонов и Володин решили идти свататься.[412] Оба облеклись в большой наряд, и имели торжественный и более обыкновенного глупый вид. У Передонова был белый шейный платок, у Володина пестрый — красный с синими полосками. Передонов рассуждал так:

— Я сватать иду, моя роль солидная, и случай выдающийся, мне надо в белом галстуке быть; а ты жених, тебе надо пламенные чувства показать.[413]

Напряженно торжественные, поместились Передонов и Володин в гостиной у Адаменко: Передонов на диване, Володин в кресле. Надежда Васильевна[414] с удивлением смотрела на гостей. Гости беседовали о погоде и о новостях с видом людей, пришедших по щекотливому делу и не знающих, как приступить к нему. Наконец Передонов откашлялся,[415] нахмурился, и сказал:

— Надежда Васильевна, мы по делу.

— По делу, — сказал и Володин, сделал значительное лицо, и выпятил губы.

— Вот об нем, — сказал Передонов, и показал на Володина большим пальцем.

— Вот обо мне, — подтвердил и Володин, и тоже показал большим пальцем на себя, на грудь.

Надежда Васильевная улыбнулась.

— Прошу вас, — сказала она.

— Я за него буду говорить, — сказал Передонов, — он скромный, не решается сам. А он человек достойный, не пьющий, добрый.[416] Он мало получает, но это наплевать. Ведь кому что надо, кому деньги, а кому человека.[417] Ну, что ж ты молчишь, — обратился он к Володину, — скажи что-нибудь.

Володин склонил голову, и произнес дрожащим голосом, как баран проблеял:

— Конечно, я небольшое жалованье получаю, но у меня всегда будет кусок хлебца. Конечно, я в университете не был, но живу как дай

Бог всякому, и ничего худого за собой не знаю, — а впрочем, кому как угодно судить. А я, что ж, собой доволен.

Он развел руками, наклонил лоб, словно собрался бодаться, и умолк.[418]

— Так вот, — сказал Передонов, — он человек молодой, ему так жить не следует.[419] Ему надо жениться. Все же таки женатому лучше.

— Если жена соответствует, то чего же лучше, — подтвердил Володин.

— А вы, — продолжал Передонов, — девица.[420] Вам тоже надо замуж.

За дверью послышался тихий шорох, заглушенные, короткие звуки, — как будто кто-то вздыхал или смеялся, закрывая рот. Надежда Васильевна строго посмотрела на дверь, и сказала холодно:

— Вы слишком ко мне заботливы, — с досадливым ударением на слове слишком.

— Вам не надо богатого мужа, — говорил Передонов, — вы сама богатая. Вам надо такого, чтобы вас любил[421] и угождал вам. И вы его знаете, могли понять. Он к вам неравнодушен, вы к нему, может быть, тоже. Так вот, у меня купец, а у вас товар. То есть вы сами товар.

Надежда Васильевна краснела, и кусала губы, чтобы удержаться от смеха. За дверью продолжали раздаваться те же звуки. Володин скромно потупил глаза. Ему казалось, что дело идет на лад.

— Какой товар? — осторожно спросила Надежда Васильевна. — Извините, я не понимаю.

— Ну, как не понимаете! — недоверчиво сказал Передонов.[422] — Ну, я прямо скажу: Павел Васильевич просит у вас руки и сердца. И я за него прошу.

За дверью что-то упало на пол, и каталось, фыркая и вздыхая. Надежда Васильевна, краснея от сдерживаемого смеха, смотрела на гостей. Предложение Володина казалось ей смешною дерзостью.

— Да, — сказал Володин, — Надежда Васильевна, я прошу у вас руки и сердца.

Он покраснел, встал, сильно шаркнул ногой по ковру, поклонился, и быстро сел. Потом опять встал, приложил руку к сердцу, и сказал, умильно глядя на барышню:

— Надежда Васильевна, позвольте объясниться, так как я вас даже очень люблю, то неужели же вы не захотите соответствовать?

Он ринулся вперед, опустился пред девицей на колено, и поцеловал ее руку.

— Надежда Васильевна, поверьте! Клянусь! — воскликнул он, подняв руку вверх, и со всего размаху ударил ею себя в грудь, так что гулкий звук отдался далече.

— Что вы, пожалуйста, встаньте, — смущенно сказала Надежда Васильевна, — к чему это?

Володин встал, и с обиженным лицом вернулся к своему месту. Там он прижал обе руки к груди, и опять воскликнул:

— Надежда Васильевна, вы мне поверьте! По гроб, от всей души!

— Извините, — сказала Надежда Васильевна,[423] — я, право, не могу. Я должна воспитывать брата, — вот и он плачет там за дверью.[424]

— Что ж воспитывать брата, — обиженно выпячивая губы, сказал Володин, — это не мешает, кажется.

— Нет, во всяком случае, это его касается, — сказала Надежда Васильевна, поспешно подымаясь, — надо его спросить. Подождите.[425]

Она проворно выбежала из гостиной, шелестя[426] светло-желтым платьем, схватила Мишу за плечо, добежала с ним до его горницы, и там, стоя у двери, запыхавшись от[427] бега и подавленного смеха, сказала[428] срывающимся голосом:

— Совсем, совсем бесполезно просить, чтобы не подслушивал. Неужели необходимо прибегнуть к самым строгим мерам?

Миша, обняв ее у пояса, и прижимаясь к ней головою, хохотал, сотрясаясь от хохота и от стараний заглушить его. Сестра втолкнула Мишу в его горницу, села на стул у двери, и засмеялась.[429]

— Слышал, что он выдумал, твой Павел Васильевич, — спросила она. — Иди со мной в гостиную, и не смей смеяться. Я у тебя спрошусь при них, а ты не смей соглашаться. Понял?

— Угу! — промычал Миша, и засунул в рот конец платка, чтобы не смеяться, что, однако, мало помогало.

— Закрой глаза платком, когда смеяться захочется, — посоветовала сестра, и опять повела его за плечо в гостиную.

Там она посадила его на кресло, а сама поместилась на стуле рядом. Володин смотрел обиженно, склонив голову, как барашек.[430]

— Вот, — сказала Надежда Васильевна, показывая на брата, — едва слезы уняли, бедный мальчик! Я ему вместо матери, и вдруг он думает, что я его оставлю.

Миша закрыл лицо платком. Все его тело затряслось. Чтобы скрыть смех, он протяжно заныл:

—У-у-у!

Надежда Васильевна обняла его, незаметно ущипнула за руку, и сказала:

— Ну, не плачь, миленький, не плачь.

Мише стало так неожиданно-больно, что на глазах показались слезы. Он опустил платок, и сердито посмотрел на сестру.[431] — А вдруг, — подумал Передонов, — мальчишка разозлится, и начнет кусаться; людская слюна, говорят, ядовита. Он подвинулся к Володину, чтобы, в случае опасности, скрыться за него.[432] Надежда Васильевна сказала брату:

— Павел Васильевич просит моей руки.

— Руки и сердца, — поправил Передонов.

— И сердца, — скромно, но с достоинством, сказал Володин.[433]

Миша закрылся платком, и, всхлипывая от сдержанного смеха, сказал:

— Нет, ты за него не выходи, а то как же я буду.[434]

Володин заговорил дребезжащим от обиды и волнения голосом:

— Меня удивляет, Надежда Васильевна, что вы[435] спрашиваетесь у вашего[436] братца, который, к тому же, изволит быть еще мальчиком. Если бы он даже изволил быть взрослым юношей, то и в таком случае вы[437] могли бы сами. А теперь как вы у него спрашиваетесь, Надежда Васильевна, это меня очень удивляет, и даже поражает.

— У мальчишек спрашиваться, мне это даже смешно, — угрюмо сказал Передонов.

— У кого же мне спрашиваться? Тете все равно, а ведь его я должна воспитывать, так как же я выйду за вас замуж? Вы, может быть, станете с ним жестоко обращаться. Не правда ли, Мишка, ведь ты боишься его жестокости?

— Нет, Надя, я не боюсь его жестокости, а я боюсь, что Павел Васильевич меня избалует, и не даст тебе ставить меня в угол.[438]

— Поверьте, Надежда Васильевна, — сказал Володин, прижимая руки к сердцу, — я не избалую Мишеньку. Я так думаю, что зачем мальчика баловать? Сыт, одет, обут, — а баловать ни-ни. Я его тоже могу в угол ставить, а совсем не то, чтобы баловать. Я даже больше могу. Так как вы девица, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ барышня, то вам, конечно, неудобно,[439] а я и прутиком могу.

— Оба в угол будете ставить, — плаксиво сказал Миша, закрывшись опять платком, — вот вы какие, да еще прутиком, — нет, это мне не выгодно. Нет, ты, Надя, не смей выходить за него.[440]

— Ну вот, вы слышите, я решительно не могу, — сказала Надежда Васильевна.

— Мне очень странно, Надежда Васильевна, что вы так поступаете, — сказал Володин. — Я к вам со всем расположением, и, можно сказать, пламенно, а вы, между прочим, из-за братца. Если вы теперь

из-за братца, другая изволит из-за сестрицы, третья из-за племянника, а там и еще из-за кого-нибудь из родственников, и все так не будут выходить замуж, — этак и род людской прекратится.

— Об этом не беспокойтесь, Павел Васильевич, — сказала Надежда Васильевна, — пока еще такой опасности свету не грозит. Я не хочу выйти замуж без Мишина согласия, а он, вы слышали, не согласен. Да и понятно, вы его с первого слова сечь обещаетесь.[441] Этак вы и меня поколотите.

— Помилуйте, Надежда Васильевна, да неужели же вы думаете, что я себе позволю такое невежество? — отчаянно воскликнул Володин.

Надежда Васильевна улыбнулась.

— Я и сама не чувствую желания выходить замуж, — сказала она.

— Вы, может быть, хотите в монашки идти? — обиженным голосом спросил Володин.

— К толстовцам в их секту, — поправил Передонов, — землю навозить.

— Зачем же мне идти куда-нибудь? — строго спросила Надежда Васильевна, вставая со своего места, — мне и здесь хорошо.

Володин тоже встал, обиженно выпятил губы, и сказал:

— После этого, если Мишенька показывает ко мне такие чувства, а вы его, оказывается, что спрашиваете, то это выходит, что я должен и от уроков отказаться, потому что как же я теперь стану ходить, если Мишенька ко мне этак?

— Нет, зачем же? — возразила Надежда Васильевна, — это совсем особое дело.

Передонов подумал, что следует еще попытаться уговаривать барышню: может быть, и согласится. Он сказал ей сумрачно:

— Вы, Надежда Васильевна, подумайте хорошенько. Что ж так-то, с бухты-барахты. Он хороший человек. Он — мой друг.

— Нет, — сказала она, — что ж тут думать.[442] Благодарю Павла Васильевича за честь, но не могу.

Передонов[443] сердито посмотрел на Володина, и встал. Он думал, что Володин — дурак:[444] не сумел влюбить в себя барышню.

Володин стоял у своего кресла, склонив голову. Он спросил укоризненно:

— Так значит окончательно, Надежда Васильевна? Эх! Коли так, — сказал он, махнув рукой,[445] — ну, так давай вам Бог всего хорошего, Надежда Васильевна.[446] Значит, уж такая моя горемычная судьба. Эх! Любил парень девицу, а она не любила! Видит Бог! Ну, что ж, поплачу, да и все.

— Хорошим человеком пренебрегаете, а тоже еще какой попадется, — наставительно сказал Передонов.

— Эх! — еще раз воскликнул Володин, и пошел было к дверям. Но вдруг решил быть великодушным, и вернулся — проститься за руку с барышней и даже с обидчиком Мишей.[447]

На улице Передонов сердито ворчал.[448] Володин всю дорогу обиженным, скрипучим голосом рассуждал, словно блеял.

— Зачем от уроков отказывался! — ворчал Передонов. — Богач какой![449]

— Я, Ардальон Борисыч, только сказал, что если так, то я должен отказаться, а она мне изволила сказать, что не надо отказываться, а как я ничего не изволил ответить, то вышло, что она меня упросила.[450] А уж теперь это от меня зависит, — хочу — откажусь, хочу — буду ходить.

— Чего отказываться, — сказал Передонов. — Ходи, как ни в чем не бывало.

Пусть хоть здесь попользуется, — думал Передонов, — все меньше завидовать будет.

Тоскливо было на душе у Передонова. Володин все не пристроен, — смотри за ним в оба, — не снюхался бы с Варварой. Еще, может быть, и Адаменко станет на него злиться, зачем сватал Володина.[451] У нее есть родня в Петербурге: напишет, и, пожалуй, навредит.[452]

И погода была неприятная. Небо хмурилось, носились вороны, и каркали. Над самой головой Передонова каркали они, точно дразнили, и пророчили еще новые, еще худшие неприятности. Передонов окутал шею шарфом, и думал, что в такую погоду и простудится не трудно.

— Какие это цветки, Павлушка? — спросил он, показывая Володину на желтые цветочки у забора в чьем-то саду.

— Это лютики, Ардаша, — печально ответил Володин.

Таких цветов, вспомнил Передонов, много в их саду. И какое у них страшное название! Может быть, они ядовитые? Вот, возьмет их Варвара, нарвет целый пук, заварит вместо чаю, да и отравит его, — потом, уж когда бумага придет, — отравит, чтоб подменить его Володиным. Может быть, уж они условились. Недаром же он знает, как называется этот цветок. А Володин говорил:

— Бог ей судья! За что она меня обидела? Она ждет аристократа, а она не думает, что аристократы тоже всякие бывают, с иным наплачется; а простой хороший человек ее бы мог сделать счастливою.[453] А я вот схожу в церковь, поставлю свечечку за ее здоровье, помолюсь: дай

Бог, чтоб ей муж достался пьяница, чтоб он ее колотил, чтобы он промотался и ее по миру пустил. Вот тогда она обо мне вспомянет, да уж поздно будет. Станет кулаком слезы утирать, скажет: дура я была, что Павлу Васильевичу отказала, бить меня было некому, хороший был человек!

Растроганный своими словами, Володин прослезился, и вытирал руками слезы на своих бараньих, выпуклых глазах.

— А ты ей[454] ночью стекла побей, — посоветовал Передонов.

— Ну, Бог с нею, — печально сказал Володин, — еще поймают! Нет, а мальчишка-то каков! Господи Боже мой, что я ему сделал, что он вздумал мне вредить! Уж я ли не старался для него, а он, изволите видеть, какую мне подпустил интригу! Что это за ребенок такой, что из него выйдет, помилуйте, скажите![455]

— Да, — сердито сказал Передонов, — с мальчишкой не мог потягаться.[456] Эх ты, жених!

— Что ж такое, — возразил Володин, — конечно, жених. Я и другую найду. Пусть она не думает, что об ней плакать будут.

— Эх ты, жених! — дразнил его Передонов. — Еще галстук надел.[457] Где уж тебе с суконным рылом в калашный ряд.[458] Жених!

— Ну, я жених, а ты, Ардаша, сват, — рассудительно сказал Володин.— Ты сам обнадежил меня, а[459] и не сумел высватать. Эх ты, сват!

И они усердно принялись дразнить один другого, длинно перекоряясь с таким видом, словно совещались о[460] деле.

[Проводив[461] гостей, Надежда Васильевна вернулась в гостиную. Миша лежал на диване, и хохотал.[462] Сестра за плечо стащила его с дивана, и сказала:

— А ты забыл, что подслушивать не следует.

Она подняла руки, и хотела сложить мизинчики, но вдруг засмеялась, и мизинчики не сходились. Миша бросился к ней, — они обнялись, и долго смеялись.

— А все-таки, — сказала она, — за подслушивание в угол.

— Ну, не надо, — сказал Миша, — я тебя от жениха избавил, ты мне еще должна быть благодарна.

— Кто кого еще избавил! Слышал, как тебя собирались прутиком постегивать? Отправляйся в угол![463]

— Ну, так я лучше здесь постою, — сказал Миша.

Он опустился на колени у сестриных ног, и положил голову на ее колени. Она ласкала и щекотала его. Миша смеялся, ползая коленями по полу. Вдруг сестра отстранила его, и пересела на диван. Миша остался

один. Он постоял немного на коленях, вопросительно глядя на сестру. Она уселась поудобнее, взяла с этажерки книгу,[464] — словно читать, — а сама посматривала на брата.

— Ну, я уж и устал, — жалобно сказал он.[465]

— Я не держу, ты сам стал, — улыбаясь из-за книги, ответила сестра.

— Ну, ведь я наказан, отпусти, — просил Миша.

— Разве я тебя ставила на колени? — притворно равнодушным голосом спросила Надежда Васильевна, — что ж ты ко мне пристаешь!

— Я не встану, пока не простишь.[466]

Надежда Васильевна засмеялась, отложила книгу, и потянула к себе Мишу за плечо. Он взвизгнул, и бросился ее обнимать, восклицая:

— Павлушкина невеста!]

XV

С того вечера, как Людмила познакомилась с Пыльниковым, черноглазый мальчишка заполонил все ее помыслы. Она часто заговаривала о нем, со своими и со знакомыми, — иногда совсем некстати. Почти каждую ночь видела она его во сне, иногда скромного и одетого, но чаще обнаженного, и в волшебной обстановке. Рассказы о этих снах стали у нее столь обычными, что уже сестры скоро начали сами спрашивать ее, что ни утро, как ей Саша приснился нынче.

Мечты о нем занимали все ее досуги. Все это ее забавляло, и наполняло ее жизнь.

В это воскресенье Людмила уговорила сестер зазвать Коковкину от обедни, и задержать подольше. Ей хотелось застать Сашу одного. Сама же она в церковь не пошла.

— Скажите ей про меня: проспала, — учила она сестер.

Сестры смеялись над ее затеей, но согласились. Они жили дружно. Да им же и на руку, — займется Людмила мальчишкой, им оставит настоящих женихов.

И они сделали, как обещали, — зазвали Коковкину от обедни.

Тем временем Людмила совсем собралась идти, — принарядилась весело, красиво, надушилась мягкою, тихою Аткинсоновою серингою, положила в один карман неначатый флакон с духами, в другой маленький распылитель, и притаилась у окна за занавескою, в гостиной, чтобы из своей засады увидеть вовремя, идет ли Коковкина. Духи взять с собою она придумала еще раньше, — надушить гимназиста, чтобы он не пах своею противною латынью, чернилами да мальчишеством. Людмила

любила духи, выписывали их из Петербурга, и много изводили их. Ее горница всегда благоухала слегка духами.[467]

Вот и сестры, и Коковкина с ними.

Людмила радостно побежала через кухню, через двор, переулочком, чтобы не попасться Коковкиной на глаза. Она весело улыбалась, быстро шла к дому Коковкиной, и шаловливо помахивала белым зонтиком. Теплый осенний день радовал ее, и казалось, что она несет с собою и распространяет вокруг себя свойственный ей дух веселости.

У Коковкиной служанка сказала ей, что барыни дома нет. Людмила шумливо смеялась, и шутила с краснощекою девицею, отворившею ей дверь.

— А ты, может быть, обманываешь меня, — говорила она, — может быть, твоя барыня от меня прячется.

— Гы-гы, что ей прятаться, — со смехом отвечала служанка, — идите сами в горницы, поглядите, коли не верите.

Людмила заглянула в гостиную, и шаловливо крикнула:

— А кто тут есть жив человек? А, гимназистик!

Саша выглянул на шум из своей горницы, увидел Людмилу, обрадовался, — и от его радостных глаз Людмиле стало еще веселее. Она спросила:

— А где же Ольга Васильевна?

Саша ответил:

— Дома нет. Еще не приходила. В церковь пошла, да еще и не вернулась.

Людмила притворилась, что удивлена. Она помахивала зонтиком, и досадливо говорила:

— Как же так, уж все из церкви пришли. Всё дома сидит, а тут, на-т-ко-ся, и нету. Это вы, юный классик, так буяните, что старушке дома не сидится?

Саша молча улыбался. Его радовал Людмилин голос, Людмилин звонкий смех. Он придумывал, как бы половчее вызваться проводить ее, — еще побыть с нею хоть несколько минут, посмотреть да послушать.

Но Людмила не думала уходить. Она посмотрела на Сашу с лукавою усмешкою, и сказала:

— Что же вы не просите меня посидеть, любезный молодой человек? Поди-ка, я устала! Дайте отдохнуть хоть чуть.

И она вошла в гостиную, смеючись, ласкаючи Сашу быстрыми нежными глазами. Саша смутился, покраснел, обрадовался, — побудет с ним!

— Хотите, я вас душить буду? — живо спросила Людмила, — хотите?

— Вот вы какая! — сказал Саша, — уж сразу и задушить! За что такая жестокость?

Людмила звонко захохотала, и откинулась на спинку кресла.

— Задушить! — восклицала она, — глупый! совсем не так понял. Я не руками вас душить хочу, а духами.

Саша сказал смешливо:

— А, духами! ну это еще куда ни шло.

Людмила вынула из кармана распылитель, повертела перед Сашиными глазами красивый сосудик темно-красного с золотыми узорами стекла, с гуттаперчевым шариком и бронзовым набором, и сказала:

— Видите, купила новый пульверизатор.

Потом вынула из другого кармана большой флакон с духами, с темным и пестрым ярлыком, — парижская Герленова Рао-Rosa.

Саша сказал:

— Карманы-то у вас глубокие какие!

Людмила весело ответила:

— Ну, не ждите больше ничего, пряничков вам не принесла.

— Пряничков, — смешливо повторил Саша.

Он с любопытством смотрел, как Людмила откупоривала духи, и спросил:

— А как же вы их туда нальете без воронки?

Людмила весело сказала:

— А воронку-то уж вы мне дадите.

— Да у меня нет, — смущенно сказал Саша.

— Да уж как хотите, а воронку мне подайте, — смеясь, настаивала Людмила.

— Я бы у Маланьи взял, да у нее в керосине, — сказал Саша.

Людмила весело расхохоталась.

— Ах вы, недогадливый молодой человек. Дайте бумажки клочок, коли не жалко, — вот и воронка.

— Ах, в самом деле! — радостно вскрикнул Саша, — ведь можно из бумаги свернуть. Сейчас принесу.

Саша побежал в свою горницу.

— Из тетрадки можно? — крикнул он оттуда.

— Да все равно, — весело откликнулась Людмила, — хоть из книжки рвите, из латинской грамматики, — мне не жалко.

Саша засмеялся, и крикнул:

— Нет, уж я лучше из тетрадки.

Он отыскал чистую тетрадь, вырвал средний лист, и хотел бежать в гостиную, — но уже Людмила стояла на пороге.

— К тебе, хозяин, можно? — спросила она шаловливо.

— Пожалуйста, очень рад! — весело крикнул Саша.

Людмила села к его столу, свернула из бумаги воронку, и с деловито-озабоченным лицом принялась переливать духи из флакона в распылитель. Бумажная воронка внизу и сбоку, где текли струи, промокла и потемнела. Благовонная жидкость застаивалась в воронке, и стекала вниз медленно. Повеяло теплое и сладкое благоухание от розы, смешанное с резким спиртным запахом.

Людмила вылила в распылитель половину духов из флакона, и сказала:

— Ну вот, и довольно.

И принялась завинчивать распылитель. Потом скомкала влажную бумажку, и потерла одна о другую ладони.

— Понюхай, — сказала она Саше, и поднесла к его лицу ладонь.

Саша нагнулся, призакрыл глаза, и понюхал. Людмила засмеялась, легонько хлопнула его ладонью по губам, и удержала руку на его рте. Саша зарделся, и поцеловал ее теплую, благоухающую ладонь нежным прикосновением дрогнувших губ. Людмила вздохнула, разнеженное выражение пробежало по ее миловидному лицу, и опять заменилось привычным выражением счастливой веселости.

— Ну, теперь только держись, как я тебя опрыскаю, — сказала она, и сжала гуттаперчевый шарик.

Благовонная пыль брызнула, дробясь и расширяясь в воздухе, на Сашину блузу.* Саша смеялся, и повертывался послушно, когда Людмила его поталкивала.

— Хорошо пахнут, а? — спросила она.

— Очень мило, — весело ответил Саша. — А как они называются?

— Вот еще, младенец! Прочти на флаконе и узнаешь, — поддразнивающим голосом сказала она.

Саша прочел, и сказал:

— То-то розовым маслицем попахивает.

— Маслицем! — укоризненно сказала Людмила, и легонько хлопнула Сашу по спине.

Саша засмеялся, взвизгивая и высовывая свернутый трубочкой кончик языка.

Людмила встала, и перебирала Сашины учебники да тетрадки.

---

* *Было*: одежду.

— Можно посмотреть? — спросила она.

— Сделайте одолжение, — сказал Саша.

— Где ж тут твои единицы да нули, показывай.

Саша возразил обидчиво:

— У меня таких прелестей не бывало пока.

— Ну, это ты врешь, — решительно сказала Людмила, — уж у вас положение такое колы получать. Припрятал, поди.

Саша молча улыбался.

— Латынь да греки, — сказала Людмила, — то-то они вам надоели.

— Нет, что ж, — отвечал Саша, но видно было, что уже один разговор об учебниках наводит на него привычную скуку. — Скучновато зубрить, — признался он, — да ничего, у меня память хорошая. Вот только задачи решать — это я люблю.

— Приходи ко мне завтра после обеда, — сказала Людмила.

— Благодарю вас, приду, — краснея, сказал Саша.

Ему стало приятно, что Людмила пригласила его.

— Знаешь, где я живу? Придешь? — спрашивала Людмила.

— Знаю. Ладно, приду, — радостно говорил Саша.

— Да непременно приходи, — повторила Людмила строго, — ждать буду, слышишь?

— А коли уроков много будет? — сказал Саша, больше из добросовестности, чем в самом деле думая из-за уроков не придти.

— Ну вот, пустяки, все же приходи, — настаивала Людмила, — авось на кол не посадят.

— А зачем? — посмеиваясь, спросил Саша.

— Да уж так, надо. Приходи, кое-что тебе скажу, кое-что покажу, — говорила Людмила, припрыгивая и напевая, подергивая юбочку, отставляя розовые пальчики, — приходи, миленький, серебряный, позолоченный, в грязи поволоченный.

Саша засмеялся.

— А вы сегодня скажите, — попросил он.

— Сегодня нельзя. Да и как сказать тебе сегодня, — ты завтра тогда и не придешь, скажешь — незачем.

— Ну, ладно, приду непременно, если пустят.

— Вот еще, конечно пустят! Нешто вас на цепочке держат.

Прощаясь, Людмила поцеловала Сашу в лоб, и подняла руку к Сашиным губам, — пришлось поцеловать. И Саше приятно было еще раз поцеловать белую, нежную руку, — и словно стыдно. Как не покраснеть!

А Людмила, уходя, улыбалась лукаво да нежно. И несколько раз обернулась.

— Какая она милая! — думал Саша.

Саша остался один.

Как она скоро ушла! — думал он. — Вдруг собралась, и не дала опомниться, и уже нет ее. Побыла бы еще хоть немного! — думал Саша, и ему стало досадно, как это он забыл вызваться проводить ее.

Пройтись бы еще с нею! — мечтал Саша. — Разве догнать? Далеко ли она ушла! Побежать поскорее, догонишь живо.

Смеяться, пожалуй, будет? — подумал Саша. — А может быть, еще помешаешь ей?

Так и не решился бежать за нею. Стало как-то скучно и неловко. На губах еще нежное ощущение от поцелуя замирало, а на лбу горел ее поцелуй.

Как она нежно целует! — мечтательно вспоминал Саша. — Точно милая сестрица!

Сашины щеки горели. Сладостно было, и стыдно. Неясные мечты рождались.

Если бы она была сестрою! — разнеженно мечтал Саша. — И можно было бы придти к ней, обнять, сказать ласковое слово. Звать ее: Людмилочка, миленькая! Или еще каким-нибудь, совсем особенным именем, — Буба или Стрекоза. И чтоб она откликалась. То-то радость была бы!

Но вот, — печально думал Саша, — она чужая. Милая, но чужая. Пришла, и ушла, и уже о нем, поди, и не думает. Только оставила сладкое благоухание серингой и розой, и ощущение от двух нежных поцелуев, — и неясное волнение в душе, рождающее сладкую мечту, как волны — Афродиту.

Скоро вернулась Коковкина.

— Фу ты, как пахнет сильно! — сказала она.

Саша покраснел.

— Была Людмилочка, — сказал он, — да вас не застала, посидела, меня надушила, и ушла.

— Нежности какие! — с удивлением сказала старуха, — уж и Людмилочка!

Саша засмеялся смущенно, и убежал к себе. А Коковкина думала, что уж очень они, сестрицы Рутиловы, веселые да ласковые девицы, — и старого, и малого своею лаской прельстят.

На другой день с утра Саше весело было думать, что его пригласили. Дома он с нетерпением ждал обеда. После обеда, весь красный от смущения, попросил у Коковкиной позволения уйти до семи часов к Рутиловым. Коковкина удивилась, но отпустила.

Саша побежал веселый, — тщательно причесавшись, и даже припомадившись. Он радовался, и слегка волновался, как перед чем-то и значительным и милым. И ему было приятно думать, что вот он придет, поцелует Людмилину руку, и она его поцелует в лоб, — и потом, когда он будет уходить, опять такие же поцелуи. Сладостно мечталась ему Людмилина белая, нежная рука.

Сашу встретили, еще в передней, все три сестры. Они же любили сидеть у окна, глядючи на улицу, а потому завидели его издали. Веселые, нарядные, звонко-щебечущие, окружили они его буйною вьюгою веселья, — и ему сразу стало приятно и легко с ними.

— Вот он, молодой, таинственный человек! — радостно воскликнула Людмила.

Саша поцеловал ее руку, и сделал это ловко, и с большим удовольствием. Поцеловал уже заодно руки и Дарье с Валерией, — нельзя же их обойти! — и нашел, что это тоже весьма приятно. Тем более, что они все три поцеловали его в щеку, — Дарья звонко, но равнодушно, как доску, — Валерия нежно, — опустила глаза, — лукавые глазки, — легонько хихикнула и тихонько прикоснулась легкими, радостными губами, — как нежный цвет яблони, благоуханный, упал на щеку, — а Людмила чмокнула радостно, весело и крепко.

— Это — мой гость, — решительно объявила она, взяла Сашу за плечо, и повела к себе.

Дарья сейчас же и рассердилась.

— А твой, так и целуйся с ним! — сердито крикнула она. — Нашла сокровище! Никто не отнимет.

Валерия ничего не сказала, только усмехнулась, — очень ей любопытно с мальчишкой разговаривать. Что он понимает!

В Людмилиной горнице пахло сладко, все вещи стояли нарядные и светлые, виднелись разнообразные флакончики с духами, с душистыми водами, баночки, коробочки, веера, и несколько русских и французских книжек.

— А я тебя сегодня ночью во сне видела, — хохоча рассказывала Людмила, — ты, будто бы, у городского моста плавал, а я на мосту сидела, и тебя на удочку выудила.

— И в баночку положили? — смешливо спросил Саша.

— Зачем в баночку?

— А куда же?

— Куда? Нарвала за уши, да назад в реку кинула.

И Людмила звонко и долго хохотала.

— Ишь вы какая! — сказал Саша. — А что вы мне сегодня хотели сказать?

Людмила смеялась, и не отвечала.

— Обманули, видно, — догадался Саша. — А еще обещали показать что-то, — укоризненно сказал он.

— Я тебе покажу! Хочешь есть? — спросила Людмила.

— Я обедал, — сказал Саша. — Экая вы обманщица!

— Нужно очень мне тебя обманывать. Да никак от тебя помадой разит? — вдруг спросила Людмила.

Саша покраснел.

— Терпеть не могу помады! — досадливо говорила Людмила. — Барышня помаженная!

Она провела рукою по его волосам, замаслила руку, — и хлопнула его легонько по щеке.

— Пожалуйста, не смей помадиться! — сказала она.

Саша смутился.

— Ну ладно, не буду, — сказал он. — Строгости какие! Душитесь же вы духами!

— То духи, а то помада, глупый! нашел сравнить! — убеждающим голосом сказала Людмила. — Я никогда не помажусь. Зачем волосы склеивать! Духи — совсем не то. Дай-ка я тебя надушу. Желаешь? Сиренькой надушу, — желаешь?

— Желаю, — сказал Саша, улыбаясь.

Ему приятно было думать, что он принесет домой аромат, и опять удивит Коковкину.

— Кто желает? — переспросила Людмила, взяла в руки скляночку с серингой, и вопросительно и лукаво смотрела на Сашу.

— Я желаю, — повторил Саша.

— Ты же лаешь? лаешь? вот как! лаешь! — весело дразнилась Людмила.

Саша и Людмила весело хохотали.

— Уж не боишься, что задушу? — спросила Людмила, — помнишь, как вчера струсил?

— И ничего не струсил, — вспыхнув, горячо отвечал Саша.

Людмила, посмеиваясь и дразня мальчика, принялась душить его серингой. Саша поблагодарил, и опять поцеловал ее руку.

— И, пожалуйста, остригись! — строго сказала Людмила, — что хорошего локоны носить! Лошадей прической пугать.

— Ну ладно, остригусь, — согласился Саша, — ужасные строгости!

— Я люблю стриженых молодых людей, заметь это, — важно сказала Людмила, и погрозила ему пальцем.

С тех пор Людмила повадилась чаще ходить к Коковкиной, для Саши. Она старалась, особенно вначале, приходить, когда Коковкина не бывала дома. Иногда пускалась даже на хитрости, — выманивала старуху из дому.

Дарья сказала ей однажды:

— Эх ты, трусиха! Старухи боишься! А ты при ней приди, да его и уведи, — погулять.

Людмила послушалась, — и уже стала приходить, когда попало. Если заставала Коковкину дома, то, посидев с нею недолго, уводила Сашу погулять, — но при этом задерживала его только на краткое время.

Людмила и Саша быстро подружились, — нежною, но беспокойною дружбою. Сама того не замечая, уже Людмила начала развращать Сашу, будя в нем преждевременные, пока еще неясные стремления да желания.

Саша часто целовал Людмилины руки, — тонкие, гибкие пясти, покрытые нежною, упругою кожею, — сквозь ее желтовато-розовую ткань просвечивали извилистые синие жилки. И выше — длинные, стройные, — до самого локтя легко было целовать, отодвигая широкие рукава.

Саша иногда скрывал от Коковкиной, что приходила Людмила. Не лгал, — только умалчивал. Да и как бы солгать, — могла же сказать и служанка. И молчать-то о Людмилиных посещениях не легко было Саше: Людмилин смех так и раял в его ушах. Хотелось поговорить о ней. А сказать — неловко с чего-то.

Саша быстро подружился и с другими сестрами. Всем им целовал руки, и даже скоро стал девиц называть — Дашенька, Людмилочка да Валерочка.

Однажды Людмила встретила Сашу днем на улице, сказала ему:

— Завтра у директора старшая дочка именинница, — твоя старушка пойдет?

— Не знаю, — сказал Саша.

— И уже радостная надежда шевельнулась в его душе, и даже не столько надежда, сколько желание: Коковкина уйдет, а Людмила как

раз в это время придет, и побудет с ним. Вечером он напомнил Коковкиной о завтрашних именинах.

— Чуть не забыла, — сказала Коковкина. — Схожу. Девушка-то она такая милая.

И впрямь, когда Саша вернулся из гимназии, Коковкина ушла к Хрипачам. Сашу радовала мысль, что на этот раз он помог удалить Коковкину из дому. Уже он был уверен, что Людмила найдет время придти.

Так и сталось, — Людмила пришла. Она поцеловала Сашу в щеку, дала ему поцеловать руку, и весело засмеялась, а он зарделся. Людмила принесла опять новые духи, Rosiris, и надушила ими Сашу. Это был аромат влажный, сладкий, цветочный, — плотский и сладострастный ирис, растворенный в сладко-мечтающих розах.

И еще Людмила принесла узенькую коробку в тонкой бумаге, сквозь которую просвечивал желтоватый рисунок. Села, положила коробку к себе на колени, и лукаво поглядела на Сашу.

— Финики любишь? — спросила она.

— Уважаю, — сказал Саша со смешливою гримаскою.

— Ну вот я тебя и угощу, — важно сказала Людмила.

Она развязала коробку, и сказала:

— Ешь.

А сама вынимала из коробки по ягодке, вкладывала их Саше в рот, и после каждой заставляла целовать ей руку. Саша сказал:

— Да у меня губы сладкие.

— Что за беда, что сладкие, целуй себе на здоровье, — весело ответила Людмила, — я не обижусь.

— Уж лучше же я вам сразу отцелую, — сказал Саша смеючись.

И потянулся было сам за ягодой.

— Обманешь, обманешь! — закричала Людмила, проворно захлопнула коробку, и ударила Сашу по пальцам.

— Ну вот еще, я — честный мальчик, уж я-то не обману, — уверял Саша.

— Нет, нет, не поверю, — твердила Людмила.

— Ну хотите, вперед отцелую? — предложил Саша.

— Вот это похоже на дело, — радостно сказала Людмила, — целуй.

Она протянула Саше руку. Саша взял ее тонкие, длинные пальцы, поцеловал один раз, и спросил с лукавой усмешкой, не выпуская ее руки:

— А вы не обманете, Людмилочка?

— А нешто я нечестная! — весело ответила Людмила, — небось, не обману, целуй без сомнения.

Саша склонился над ее рукою, и стал быстро целовать ее; он ровно покрывал руку поцелуями, и звучно чмокал широко-раскрываемыми губами, — и ему было приятно, что так много можно поцеловать. Людмила внимательно считала поцелуи. Насчитала десять, и сказала:

— Тебе неловко стоя-то на ногах, нагибаться надо.

— Ну, так я удобнее устроюсь, — сказал Саша.

Стал на колени, и с усердием продолжал целовать.

Саша любил поесть. Ему нравилось, что Людмила угощает его сладким. За это он еще нежнее полюбил ее.

Заспорили, кто сильнее. Людмила сказала:

— Ну пусть ты и сильнее, так что ж! Дело в ловкости.

— Я и ловкий, — хвастался Саша.

— Туда же, ловкий! — дразнящим голосом вскрикнула Людмила.

Долго еще спорили. Наконец Людмила предложила:

— Ну, давай бороться.

Саша засмеялся, и задорно сказал:

— Где же вам справиться со мною!

Людмила принялась щекотать его.

— А, вы так! — с хохотом крикнул он, вывернулся, и охватил ее вкруг стана.

Началась возня. Людмила сразу же увидела, что Саша сильнее. Силой не взять, так она, хитрая, улучила удобную минуту, подшибала Сашу под ногу, — он упал, да и Людмилу увлек с собою. Впрочем, Людмила легко извернулась, и прижала его к полу. Саша отчаянно кричал:

— Так нечестно!

Людмила стала ему коленями на живот, и руками прижала его плечи к полу. [Он] Саша отчаянно выбивался. Людмила опять принялась щекотать его. Сашин звонкий хохот смешался с ее хохотом. Хохот заставил ее выпустить Сашу. Она хохоча упала на пол. Саша вскочил на [пол] ноги. Он был красен и раздосадован.

— Русалка! — крикнул он.

А русалка валялась на полу, и хохотала.

Людмила посадила Сашу к себе на колени. Усталые после борьбы, они весело и близко смотрели друг другу в глаза, и улыбались.

— Я для вас тяжелый, — сказал Саша, — колени вам намну, вы меня лучше спустите.

— Ничего, сиди знай, — ласково ответила Людмила. — Ведь сам говорил, что ласкаться любишь.

Она гладила его по голове. Он нежно прижался к ней. Она сказала:

— А уж и красив ты, Саша!

Саша покраснел, засмеялся.

— Тоже придумаете! — сказал он.

Разговоры и мысли о красоте в применении к нему как-то смутили его; он еще никогда не любопытствовал узнать, красивым или уродом кажется он людям.

Попрощались. Саша проводил Людмилу до калитки. Пошел бы и дальше, да не велела. Он остановился у калитки, и сказал:

— Ходи, милая, почаще, носи пряников послаще.

Первый раз сказанное «ты» прозвучало Людмиле нежною лаской. Она порывисто обняла, поцеловала Сашу, и убежала. Саша стоял, как оглушенный.

XVI

Передонов возвращался* с одной из ученических квартир. Внезапно он** был застигнут дождем. Стал соображать, куда бы зайти, чтобы не гноить на дожде нового шелкового зонтика. Через дорогу, на каменном двухэтажном особняке, увидел он вывеску: *Контора нотариуса Гудаевского*. Сын нотариуса учился во втором классе гимназии. Передонов решился войти. Заодно нажалуется на гимназиста.

И отца, и мать застал он дома. Встретили его суетливо. Так и все здесь делалось.

Николай Михайлович Гудаевский был человек невысокий, плотный, черноволосый, плешивый, с длинной бородой. Движения его всегда были стремительны и неожиданны: он словно не ходил, а носился, коротенький, как воробей, — и никогда нельзя было узнать по его лицу и положению, что он сделает в следующую минуту. Среди делового разговора он внезапно выкинет коленце, которое не столько насмешит, сколько приведет в недоумение своею беспричинностью.

---

* *Было*: Возвращаясь.

** *Было*: Передонов.

Дома или в гостях он сидит, сидит, и вдруг вскочит, и, без всякой видимой надобности, быстро зашагает по горнице, крикнет, стукнет. На улице идет, идет, и вдруг остановится, присядет, или сделает выпад, или другое гимнастическое упражнение, и потом идет дальше.

На совершаемых или свидетельствуемых у него актах Гудаевский любил делать смешные пометки; напр⟨имер⟩, вместо того, чтобы написать о Иване Иваныче Иванове, живущем на Московской площади в доме Ермиловой, он писал о Иване Иваныче Иванове, что́ живет на базарной немощёной площади, в том квартале, где нельзя дышать от зловония, и т. д., упоминал* даже иногда о числе кур и гусей у этого человека, подпись которого он свидетельствует.

Юлия Петровна Гудаевская, страстная, жестоко-сентиментальная, длинная, тонкая, сухая, странно, — при несходстве фигур, — походила на мужа ухватками: такие же порывистые движения, такая же совершенная несоразмерность с движениями других. Одевалась она пестро и молодно, и при быстрых движениях своих постоянно развевалась во все стороны длинными разноцветными лентами, которыми любила украшать в изобилии и свой наряд, и свою прическу.

Антоша, тоненький, юркий мальчик, вежливо шаркнул. Передонова усадили в гостиной, и он немедленно начал жаловаться на Антошу: ленив, невнимателен, в классе не слушает, разговаривает и смеется, на переменах шалит. Антоша удивился, — он не знал, что окажется таким плохим, — и принялся горячо оправдываться. Родители оба взволновались.

— Позвольте, — кричал отец, — скажите мне, в чем же именно состоят его шалости?

— Ника, не защищай его, — кричала мать, — он не должен шалить.

— Да что он нашалил? — допрашивал отец, бегая, словно шатаясь на коротких ножках.

— Вообще шалит, возится, дерется, — угрюмо говорил Передонов, — постоянно шалит.

— Я не дерусь, — жалобно восклицал Антоша, — у кого хотите спросите, я ни с кем никогда не дрался.[468]**

— Никому проходу не дает, — сказал Передонов.

— Хорошо-с, я сам пойду в гимназию, я узнаю от инспектора, — решительно сказал Гудаевский.[469]

---

* *Было*: сосчитав.

** *Было*: я ни с кем не дерусь.

— Ника, Ника, отчего ты не веришь! — кричала Юлия Петровна, — ты хочешь, чтобы Антоша негодяем вырос?[470] Его высечь надо.[471]

— Вздор, вздор! — кричал отец.[472]

— Высеку, непременно высеку! — закричала мать, схватила сына за плечо, и потащила его: — пойдем в кухню, Антоша, — кричала она, — пойдем, миленький, я тебя высеку.

— Не дам! — закричал отец, вырывая сына.

Мать не уступала, Антоша отчаянно кричал, родители толкались.

— Помогите мне, Ардальон Борисыч, — закричала Юлия Петровна, — подержите этого изверга, пока я разделаюсь с Антошей.

Передонов пошел на помощь. Но Гудаевский вырвал сына, сильно оттолкнул жену,[473] подскочил к Передонову, и грозно закричал:

— Не лезьте! Две собаки грызутся, третья не приставай![474] Да я вас!

Красный, растрепанный, потный, он потрясал в воздухе кулаком.

Передонов попятился, бормоча невнятные слова. Юлия Петровна бегала вокруг мужа, стараясь ухватить Антошу; отец прятал его за себя, таская его за руку то вправо, то влево; глаза у Юлии Петровны сверкали, и она кричала:

— Разбойником вырастет![475] В тюрьме насидится! В каторгу попадет!

— Типун тебе на язык! — кричал Гудаевский. — Молчи, дура злая![476]

— А, тиран! — взвизгнула Юлия Петровна, подскочила к мужу, ударила его кулаком в спину, и порывисто бросилась из гостиной.

Гудаевский сжал кулаки, и подскочил к Передонову.

— Вы смутьянить пришли, — закричал он. — Шалит Антоша? Вы врете, ничего он не шалит, я бы и без вас это знал, а с вами я говорить не хочу. Вы по городу ходите, дураков обманываете, мальчишек стегаете, диплом получить хотите на стегальных дел мастера. А здесь не на такого напали. Милостивый государь, прошу вас удалиться!

Говоря это, он подскакивал к Передонову и оттеснял его в угол. Передонов испугался, и рад был бы убежать, да Гудаевский, в пылу раздражения, не заметил, что загородил выход.[477] Антоша схватил отца сзади за фалды сюртука, и тянул его к себе. Отец сердито цыкнул на него, и лягнулся. Антоша проворно отскочил в сторону, но не выпустил отцова сюртука.

— Цыц! — крикнул Гудаевский, — Антоша, не забывайся!

— Папочка, — закричал Антоша, продолжая тянуть отца назад, — ты мешаешь Ардальону Борисычу пройти.

Гудаевский быстро отскочил назад, — Антоша едва успел увернуться.

— Извините, — сказал Гудаевский, и показал на дверь, — выход здесь, а задерживать не смею.

Передонов поспешно пошел из гостиной. Гудаевский сложил ему из своих пальцев длинный нос, потом поддал в воздухе коленом, словно выталкивал гостя. Антоша захихикал. Гудаевский сердито прикрикнул на него:

— Антоша, не забывайся! Смотри, завтра поеду в гимназию, и если это окажется правда, отдам тебя матери на исправление.

— Я не шалил, он врет, — жалобно и пискливо сказал Антоша.*

— Антоша, не забывайся! — крикнул отец. — Не врет надо сказать, — ошибается. Только маленькие врут, взрослые изволят ошибаться.

Меж тем Передонов выбрался в полутемную прихожую, отыскал кое-как пальто, и стал его надевать. От страха и волнения он не попадал в рукава. Никто не пришел ему помочь.

Вдруг откуда-то из боковой двери выбежала Юлия Петровна, шелестя развевающимися лентами, и горячо зашептала что-то, махая руками и прыгая на цыпочках. Передонов не сразу ее понял.

— Я так вам благодарна, так благодарна, — наконец расслышал он, — это так благородно с вашей стороны, так благородно, такое участие. Все люди такие равнодушные, а вы вошли в положение бедной матери. Так трудно воспитывать детей, так трудно, вы не можете себе представить. У меня двое, и то голова кругом идет. Мой муж — тиран, он ужасный, ужасный человек, не правда ли? вы сами видели.

— Да, — пробормотал Передонов, — ваш муж, как-то это он, так нельзя, я забочусь, а он...

— Ах, не говорите, — шептала Юлия Петровна,** — ужасный человек. Он меня в гроб вгонит, и рад будет, и будет развращать моих детей, моего миленького Антошу. Но я — мать, я не дам, я все-таки высеку.

— Не даст, — сказал Передонов, и мотнул головой по направлению к горницам.

— Когда он уйдет в клуб. Не возьмет же он Антошу с собой! Он уйдет, а я до тех пор молчать буду, как будто согласилась с ним, а как только он уйдет, я его и высеку, а вы мне поможете. Ведь вы мне поможете, не правда ли?

---

* *Было*: Гудаевский-младший.

** *Было*: Гудаевская.

Передонов подумал, и[478] сказал:

— Хорошо, только как же я узнаю?

— Я пришлю за вами, я пришлю, — радостно зашептала [Гудаевская] Юлия Петровна. — Вы ждите, — как только он уйдет в клуб, так я и пришлю за вами.

Вечером Передонову принесли записку от Гудаевской. Он прочел:

«Достоуважаемый Ардальон Борисович!

Муж мой в клубе, и теперь я свободна от его варварства до часу ночи. Сделайте ваше одолжение, пожалуйте поскорее ко мне, для содействия над преступным сыном. Я сознаю, что надо изгонять из него пороки, пока мал, [хотя бы и родительским путем,] а после поздно будет.[479]

Искренно уважающая Вас

Юлия Гудаевская.

P. S. Пожалуйста, приходите поскорее, а то Антоша ляжет спать, так его придется будить».

Передонов[480] поспешно оделся, закутал горло шарфом, и отправился.

— Куда ты, Ардальон Борисыч, на ночь глядя, собрался? — спросила Варвара.

— По делу, — угрюмо отвечал Передонов, торопливо уходя.[481]

Варвара подумала с тоскою, что опять ей не спать долго. Хоть бы поскорее заставить его повенчаться! Вот-то можно будет спать и ночью, и днем, — вот-то будет блаженство!

На улице сомнения овладели Передоновым. А что, если это ловушка? А вдруг окажется, что Гудаевский дома, и его схватят, и начнут бить? Не вернуться ли назад?

Нет, надо дойти до их дома, а там видно будет.

Ночь, тихая, прохладная и темная, обступила со всех сторон и заставляла замедлить шаги.[482] Свежие веяния доносились с недалеких полей. В траве у заборов подымались легкие шорохи и шумы, и вокруг все казалось подозрительным и странным, — может быть, кто-нибудь крался сзади и следил. Все предметы за тьмою странно и неожиданно

таились, — словно в них просыпалась иная, ночная жизнь, непонятная для человека, и враждебная ему.

Передонов тихо шел по улицам, и бормотал:

— Ничего не выследишь. Не на худое иду. Я, брат, о пользе службы забочусь. Так-то.

Наконец, он добрался до жилища Гудаевских. Огонь виден был только в одном окне на улицу, — остальные четыре были темны. Передонов поднялся на крыльцо тихохонько, постоял, прильнул ухом к двери, и послушал, — все было тихо. Он слегка дернул медную ручку звонка, — раздался далекий и слабый дребезжащий звук. Но как он ни был слаб, он испугал Передонова, как будто за этим звуком должны были проснуться и устремиться к этим дверям все враждебные силы. Передонов быстро сбежал с крыльца, и прижался к стене, притаясь за столбиком.

Прошли короткие мгновенья. Сердце у Передонова замирало и тяжко колотилось.

Послышались легкие шаги, стук отворенной двери, — Юлия Петровна* выглянула на улицу, сверкая в тесноте черными, страстными глазами.

— Кто тут? — громким голосом спросила она.

Передонов немного отделился от стены, и, заглядывая снизу в узкое отверстие двери, где было темно и тихо, спросил, тоже шепотом, — и голос его дрожал:

— Ушел Николай Михайлович?

— Ушел, ушел! — радостно зашептала и закивала Юлия Петровна.

Робко озираясь, Передонов вошел за нею в темные сени.

— Извините, — шептала Юлия Петровна, — я без огня, а то еще кто увидит, будут болтать.

Она шла впереди Передонова по лестнице, в коридоре, где висела маленькая лампа, бросая тусклый свет на верхние ступеньки. Юлия Петровна радостно и тихо смеялась, и ленты ее зыбко дрожали от ее смеха.

— Ушел, — радостно шепнула она, оглянулась и окинула Передонова страстно-горящими глазами. — Уж я боялась, что останется сегодня дома, так развоевался. Да не мог вытерпеть без винта. Я и прислугу отправила, одна Лизина нянька осталась, — а то еще нам помешают. Ведь нынче люди, знаете, какие.

---

* *Было:* Гудаевская.

От Юлии Петровны* веяло жаром, и вся она была жаркая, сухая, как лучина. Она иногда хватала Передонова за рукав, и от этих быстрых и сухих прикосновений словно быстрые сухие огоньки пробегали по всему его телу. Тихонько, на цыпочках, прошли они по коридору, мимо нескольких запертых дверей, и остановились у последней... [в детскую. За дверью раздавались тихие детские голоса, слышался серебристый Лизин смех. Гудаевская шепнула:

— Вы тут пока постойте, за дверью, чтоб он пока не знал.

Передонов зашел в глухой угол коридора, и прижался к стене. Гудаевская порывисто распахнула дверь, и вошла в детскую. Сквозь узкую щель у косяка Передонов увидел, что Антоша сидел у стола, спиною к двери, рядом с маленькой девочкой в белом платьице. Ее кудри касались его щеки, и казались темными, потому что Передонову видна была только затемненная их часть. Ее рука лежала на Антошином плече. Антоша вырезывал для нее что-то из бумаги, — Лиза смеялась от радости. Передонову было досадно, что здесь смеются: мальчишку пороть надо, а он сестру забавляет вместо того, чтобы каяться да плакать. Потом злорадное чувство охватило его: вот сейчас ты завопишь, подумал он об Антоше, и утешился.

Антоша и Лиза обернулись на стук отворившейся двери, — румяную щеку и коротенький Лизин нос из-под длинных и прямых волос увидел Передонов из своего убежища, увидел и простодушно-удивленное Антошино лицо.

Мать порывисто подошла к Антоше, нежно обняла его за плечики, и сказала быстро и решительно:

— Антоша, миленький, пойдем. А ты, Марьюшка, побудь с Лизой, — сказала она, обращаясь к няньке, которой не видно было Передонову.

Антоша встал неохотно, а Лиза запищала,[483] жалуясь на то, что он еще не кончил.

— После, после он тебе вырежет, — сказала ей мать, и повела сына из комнаты, всё держа его за плечи.[484]

Когда вышли в коридор, и Гудаевская закрыла дверь, Антоша увидел Передонова, испугался и рванулся назад. Но мать крепко ухватила его за руку, и быстро повлекла по коридору, приговаривая:

— Пойдем, пойдем, миленький, я тебе розочек дам. Твоего отца-тирана нет дома, я тебя накажу розочками, голубчик, это тебе полезно, миленький.

---

* *Было:* Гудаевская.

Антоша заплакал, и закричал:

— Да я же не шалил, да за что же меня наказывать⟨?!⟩.

— Молчи, молчи, миленький, — сказала мать, шлепнула его ладонью по затылку, и впихнула в спальню.

Передонов шел за ними, и что-то бормотал, тихо и сердито.

В спальне приготовлены были розги. Передонову не понравилось, что они жиденькие и коротенькие. Дамские, — сердито подумал он.

Мать быстро села на стул, поставила перед собою Антошу, и принялась его расстегивать. Антоша, весь красный, с лицом, облитым слезами, закричал, вертясь в ее руках, и брыкаясь ногами:

— Мамочка, мамочка, прости, я ничего такого не буду делать![485]

— Помогите, Ардальон Борисыч, — громким шепотом сказала Юлия Петровна, — это такой разбойник, уж я знала, что мне одной с ним не справиться.

Передонов взял Антошу за ноги, а Юлия Петровна принялась стегать его. Она приговаривала:

— Не ленись, не ленись!

— Не лягайся, не лягайся! — повторял за нею Передонов.

— Ой, не буду! ой, не буду! — кричал Антоша.

Гудаевская работала так усердно, что скоро устала.

— Ну, будет, миленький, — сказала она, отпуская Антошу, — довольно, я больше не могу, я устала.

— Если вы устали, так я могу еще посечь, — сказал Передонов.

— Антоша, благодари, — сказала Гудаевская, — благодари, шаркни ножкой. Ардальон Борисыч еще тебя посечет розочками. Ляг ко мне на коленочки, миленький.

Она передала Передонову пучок розог, опять привлекла к себе Антошу, и уткнула его головой в колени. Передонов вдруг испугался: ему показалось, что Антоша вырвется, и укусит.

— Ну, на этот раз будет, — сказал он.

— Антоша, слышишь? — спросила Гудаевская, поднимая Антошу за уши, — Ардальон Борисыч тебя прощает. Благодари, шаркни ножкой, шаркни. Шаркни, и одевайся.

Антоша, рыдая, шаркнул ножкой, оделся, мать взяла его за руку, и вывела в коридор.

— Подождите, — шепнула она Передонову, — мне еще надо с вами поговорить.

Она увела Антошу в детскую, где уже няня уложила Лизу, и велела ему ложиться спать. Потом вернулась в спальню. Передонов угрюмо сидел на стуле среди комнаты. Гудаевская сказала:

— Я так вам благодарна, так благодарна, не могу сказать.[486] Это муж должен был бы сделать, а вы заменили мужа. Он стоит того, чтобы я наставила ему рога; если он допускает, что другие исполняют его обязанности, то пусть другие имеют и его супружеские права.

Она порывисто бросилась на шею Передонова, и прошептала:

— Приласкайте меня, миленький!][487]

Передонов оставил ее в полночь, уже когда она ждала, что скоро вернется муж. Он шел по темным улицам, угрюмый и пасмурный.[488] Ему казалось, что кто-то все стоял около дома, и теперь следит за ним.[489] Он бормотал:

— Я по службе ходил. Я не виноват. Она сама захотела. Ты меня не подденешь, не на такого напал.

Варвара еще не спала, когда он вернулся.[490] Карты лежали перед нею.[491]

Передонову казалось, что кто-то мог забраться, когда он входил... Может быть, сама Варвара впустила врага... Передонов сказал:[492]

— Я буду спать, а ты колдовать на картах станешь. Подавай сюда карты, а то околдуешь меня.

Он отнял карты, и спрятал себе под подушку. Варвара ухмылялась, и говорила:

— Петрушку валяешь. Я и колдовать-то не умею, очень мне надо.

Его досадовало и страшило, что она ухмыляется: значит, думал он, она и без карт может. Вот под кроватью кот жмется и сверкает злыми глазами, — на его шерсти можно колдовать, гладя кота впотьмах, чтобы сыпались искры. Вот под комодом мелькает опять серая недотыкомка, — не Варвара ли ее подсвистывает по ночам тихим свистом, похожим на храп?

Гадкий и страшный приснился Передонову сон: пришел Пыльников, стал на пороге, манил, и улыбался [нахально]. Словно кто-то повлек Передонова к нему, и Пыльников повел его по темным и грязным улицам, а кот бежал рядом и светил зелеными зрачками... [Потом они пришли в тесную каморку, и Пыльников засмеялся, обнял Передонова, и стал его целовать.]

XVII

[На другое утро[493] Передонов не мог понять, что было во сне, и что наяву. Особенно страшило, что с ним бегал кот. Очевидно, надо сказать директору о проделках Пыльникова, и как можно скорее, а то донесут другие, — те, которые, может быть, и заманивали его. В первую же перемену он отправился в директоров кабинет.

Хрипач, убедясь в том, что Пыльников — подлинно мальчик,[494] не успокоился на этом. Надо было решить вопрос, откуда же возникло странное подозрение. Два предположения представились ему: первое, что Передонов сходит с ума, и второе, что кто-то пустил глупую молву с какой-нибудь целью, — напр⟨имер⟩, Грушина, со злости, что ей не разрешают держать гимназистов.[495] Оба этих предположения надо было проверить. Поэтому Хрипач с любопытством посмотрел на входящего к нему Передонова.

Похож на помешанного, — подумал он, увидя следы смятения и ужаса на тупом, сумрачном лице Передонова.

— А, кстати, Ардальон Борисыч, — заговорил он сухою скороговоркою, — я имею к вам претензию.[496] Каждый раз, как мне приходится давать урок рядом с вами, у меня голова буквально трещит, — такой хохот подымается в вашем классе. Не могу ли я вас попросить давать уроки не столь веселого содержания?

— Я не виноват, — сердито сказал Передонов, — они сами смеются. Нельзя же все о букве — ѣ — да о сатирах Кантемира говорить, иногда и скажешь что-нибудь, а они сейчас зубы скалят. Распущены.

— Желательно, чтобы работа в классе имела серьезный характер, — сухо сказал Хрипач. — Впрочем, об этом мы еще поговорим. А теперь могу вам сообщить, что я видел Пыльникова, и имел возможность убедиться, что это — настоящий мальчик. Мне показалось, что гимнастика его утомляет, и я просил нашего доктора осмотреть его. Если угодно, доктор подтвердит вам мои слова.[497]

Хрипач коротко и сухо посмеялся. Передонов[498] думал, что нечего и спрашивать у доктора, — оба они заодно с Пыльниковым, одна шайка. Очень может быть, что Пыльниковы уже давно всех подкупили.[499] Он сказал:

— Ну, пусть он по-вашему будет мальчик, а только это не лучше, а еще хуже.

— Почему?[500] — спросил Хрипач.

Сдержанное раздражение слышалось в его голосе. Передонов объяснял:

— Он все-таки нехороший.[501] Смазливый, как девочка, и чистенький. К нему старшие гимназисты ходят.[502] На такие вещи нельзя смотреть сквозь пальцы. Если вы не примете мер, то я и донести могу.

Хрипач внимательно посмотрел на него, презрительно усмехнулся, и сказал:

— Из всех ваших объяснений я вижу, что вы передаете мне[503] догадки не подтвержденные[504] положительными фактами или определенными свидетельствами. Согласитесь сами, что, к кому бы вы ни явились с вашими донесениями, всякий вас спросит, на чем основаны ваши обвинения. Вам бы следовало заручиться фактами. А так на слово доверять госпоже Грушиной не следует.

— Что же ей врать! — сказал Передонов.

Хрипач самодовольно улыбнулся: итак, все дело, как он и предполагал, в происках Грушиной.

Когда Передонов вернулся в учительскую, учителя уже ушли в классы. Пора было и Передонову идти на урок.[505] Злые мысли мучили его. Он[506] отыскал тетрадку Адаменка, и с ожесточением переправил поставленную ему за[507] диктовку четверку на двойку.[508] Теперь, когда ему во всем противятся, он решил, наконец, показать себя.

Раздавая в классе тетрадки, он ждал, что Адаменко заплачет. Но, к удивлению и негодованию его, Адаменко не только не заплакал, а, напротив, улыбнулся, точно ему стало весело.[509]

Когда Антоша Гудаевский уходил в гимназию, отец еще спал. Антоша увидел отца только днем.[510] Он, потихоньку от матери, забрался в отцов кабинет, и пожаловался на то, что его высекли. Гудаевский рассвирепел, забегал по кабинету, бросил со стола на пол несколько книг, и закричал страшным голосом:

— Подло! Гадко! Низко! Омерзительно! К чёрту на рога! Кошке под хвост! Караул!

Потом он накинулся на Антошу, спустил ему штанишки, осмотрел его тоненькое тело, испещренное розовыми узкими полосками, и вскрикнул пронзительным голосом:

— География Европы, издание 17-е!

Он подхватил Антошу на руки, и побежал к жене. Антоше было неудобно и стыдно, и он жалобно пищал.[511]

Юлия Петровна погружена была в чтение[512] романа. Заслышав издали мужнины крики, она догадалась, в чем дело, вскочила, бросила книгу на пол, и забегала по горнице, развеваясь пестрыми лентами и

сжимая сухие кулачки. Гудаевский бурно ворвался к ней, распахнув дверь ногою.

— Это что? — закричал он, поставил Антошу на пол,[513] и показал ей его открытое тело: — Откуда этакая живопись?

Юлия Петровна задрожала от злобы, и затопала ногами.

— Высекла, высекла! — закричала она, — вот и высекла![514]

Антоша вырвался[515] и, застегиваясь на ходу, убежал, а отец с матерью остались ругаться. Гудаевский подскочил к жене, и дал ей пощечину. Она взвизгнула, заплакала, закричала:

— Изверг! Злодей рода человеческого! В гроб вогнать меня хочешь![516]

Она изловчилась, подскочила к мужу, и хлопнула его по щеке.[517] И долго они дрались, — все наскакивали друг на друга.[518] Наконец устали. Гудаевская села на пол, заплакала, и завопила:

— Злодей, загубил ты мою молодость!

Гудаевский постоял перед нею, примерился было хлопнуть ее по щеке, да передумал, тоже сел на пол, против жены, и закричал:

— Фурия! Мегера! Труболетка* безхвостая! Заела ты мою жизнь!

— Я к маменьке поеду, — плаксиво сказала Гудаевская.

— И поезжай, — сердито отвечал Гудаевский, — очень рад буду, провожать буду, в сковороды бить буду, на губах персидский марш сыграю.**

Гудаевский затрубил в кулак резкую и дикую мелодию. Гудаевская крикнула:

— И детей возьму!

— Не дам детей! — закричал Гудаевский.

Оба разом вскочили на ноги, и кричали, размахивая руками.

— Я вам не оставлю Антошу, — кричала жена.

— Я вам не отдам Антошу, — кричал муж.[519]

— Испортите, избалуете![520]

— Истираните!

Сжали кулаки,[521] погрозили друг другу, и разбежались,[522] — она в спальню, он в кабинет. По всему дому пронесся стук двух захлопнутых дверей. Антоша сидел в отцовом кабинете.[523] Гудаевский бегал по кабинету.

— Антоша, я не дам тебя матери, — повторял он, — не дам.

---

* *Труболетка* (*кур.*) — ведьма; вертлявая, непоседа (Даль. 4: 436).

** *Персидский марш* — популярное сочинение (оп. 289) Иогана Штрауса (сына; 1825—1899).

— Отдай ей Лизочку, — посоветовал Антоша.

Гудаевский остановился, хлопнул себя ладонью по лбу, и крикнул:

— Идея!

Он выбежал из кабинета. Антоша робко выглянул в коридор, и увидел, что отец пробежал в детскую. Оттуда послышался Лизин плач, испуганный нянькин голос. Гудаевский вытащил из детской за руку навзрыд плачущую, испуганную Лизу, привел ее в спальню, бросил матери, и закричал:

— Вот тебе девчонка, бери ее, а сын у меня остается на основании семи статей семи частей Свода всех уложений.*

И он убежал к себе, восклицая дорогой:

— Штука! Довольствуйся малым, секи понемножку! Ого-го-го-го!

Гудаевская подхватила девочку, посадила ее к себе на колени, и принялась утешать. Потом вдруг вскочила, схватила Лизу за руку, и быстро повлекла ее к отцу. Лиза опять заплакала.

Отец и сын услышали в кабинете приближающийся по коридору Лизин рев. Они посмотрели друг на друга в изумлении. Отец зашептал:

— Какова! Не берет! К тебе подбирается.

Антоша[524] полез под письменный стол. Но в это время уже Гудаевская вбежала в кабинет, бросила Лизу отцу, вытащила сына из-под стола, ударила его по щеке, и потащила за руку, крича:

— Пойдем, голубчик, отец твой — тиран.

Но тут и отец спохватился, схватил мальчика за другую руку, ударил его по другой щеке, и крикнул:

— Миленький, не бойся, я тебя никому не отдам.

Отец и мать тянули Антошу в разные стороны, и быстро бегали кругом. Антоша между ними вертелся волчком, и в ужасе кричал:

— Отпустите! руки оборвете!

Как-то ему удалось высвободить руки, так что у отца и у матери остались в руках только рукава от его курточки. Но они не замечали этого, и продолжали яростно кружить Антошу. Он кричал отчаянным голосом:

— Разорвете! В плечах трещит! Ой-ой-ой, рвете, рвете! Разорвали!

И точно, отец и мать вдруг повалились в обе стороны на пол, держа в руках по рукаву Антошиной курточки.

Антоша убежал с отчаянным криком:

---

* *Свод всех уложений* — имеется в виду Свод Законов — основной юридический документ Российской империи, действовавший на ее территории в XIX веке.

— Разорвали, что ж это такое!

Отец и мать, оба вообразили, что оторвали Антошины руки. Они завыли от страха, лежа на полу:

— Антосю разорвали!

Потом вскочили и, махая друг на друга пустыми рукавами, стали кричать на перебой:

— За доктором! Убежал! Где его руки? Ищи его руки!

Оба они заерзали на полу, рук не нашли, сели друг против друга и, воя от страха и жалости к Антоше, принялись хлестать друг друга пустыми рукавами, потом подрались, и покатились по полу...][525]

Передонов не давал Хрипачу возможности успокоиться насчет его поведения: странности в его поступках продолжались.[526] Директор посоветовался с гимназическим врачом, не сошел ли Передонов с ума, — но врач со смехом объявил, что Передонову сходить не с чего, а просто дурит[527] по глупости. Поступали и жалобы. Начала Адаменко: она прислала директору тетрадь ее брата, с единицей за хорошо исполненную работу.*

Директор пригласил к себе Передонова, показал ему две тетради, и сказал:

— Вот две тетради по вашему предмету, обе учеников одного класса, — Адаменка и моего сына. Мне пришлось их сравнить, и я принужден сделать вывод о вашем не вполне внимательном отношении к делу. Последняя работа Адаменка, исполненная весьма удовлетворительно, оценена единицей,** тогда как работа моего сына, написанная гораздо хуже, заслужила четверку. Очевидно, что вы ошиблись, балл одного поставили другому, и наоборот. Но прошу вас избегать подобных ошибок. Передонов пробормотал что-то невнятное.[528]

В классах он со злости усиленно принялся дразнить маленьких, наказанных на днях по его жалобам. Особенно напал он на Крамаренко. Тот молчал, бледнел под своим темным загаром, и глаза его сверкали.[529]

Выйдя из гимназии, Крамаренко не торопился домой. Он постоял у ворот, поглядывая на подъезд. Когда из дверей вышел Передонов, Крамаренко пошел за ним в некотором отдалении, пережидая редких прохожих.

Передонов шел медленно; хмурая погода наводила на него тоску. Его лицо в последние дни принимало все более тупое выражение.

---

* *Было*: с переправленной отметкою.

** *Было*: двойкой.

Взгляд или был остановлен на чем-то далеком, или странно блуждал. Казалось, что он постоянно всматривается за предметы.[530] От этого предметы в его глазах раздваивались, млели, мережели.

Кого же он высматривал? Доносчиков. Они прятались за все предметы, шушукались, смеялись. Враги наслали на Передонова целую армию доносчиков. Иногда Передонов старался быстро накрыть их. Но они всегда успевали вовремя убежать, — словно сквозь землю провалятся...[531]

Передонов услышал за собою быстрые и смелые шаги по мосткам, испуганно оглянулся, — Крамаренко поравнялся с ним, и смотрел на него решительно и злобно.

Этот[532] взгляд пугал Передонова.

А вдруг укусит? — подумал он.

Он пошел поскорее, — Крамаренко не отставал; пошел потише, — и Крамаренко замедлил шаги. Передонов остановился, и сердито сказал:

— Чего толкаешься, черныш драный!

Крамаренко тоже остановился, все продолжая смотреть на Передонова. Теперь они стали один против другого. Крамаренко,[533] весь дрожа, тихо, шипящим голосом, сказал:

— Подлец.

Усмехнулся, повернулся, и пошел. Сделав шага три, он приостановился, оглянулся, и повторил погромче:

— Этакий подлец! Гадина!

Плюнул, и пошел. Передонов угрюмо посмотрел за ним, и тоже отправился домой. Смутные, боязливые мысли медленно чередовались в его голове.[534]

Вершина окликнула его. Она стояла у калитки за решеткой, укутанная в большой черный платок, и курила. Передонов[535] не сразу признал Вершину.[536] В ее фигуре пригрезилось ему что-то зловещее, ворожащее, — черная колдунья стояла, распускала чарующий дым, ворожила. Он плюнул, и зачурался. Вершина засмеялась, и спросила:

— Что это вы, Ардальон Борисыч?

Передонов тупо посмотрел на нее, и наконец сказал:

— А, это вы. А я вас не узнал.

— Значит, я скоро буду богатой, — сказала Вершина.

Передонову это не понравилось:[537] разбогатеть-то ему самому хотелось бы.

— Ну да, — сердито сказал он, — чего вам богатеть. Будет с вас и того, что есть.

— А вот я двести тысяч выиграю, — криво улыбаясь, сказала Вершина.

— Нет, это я выиграю двести тысяч, — спорил Передонов.[538]

Вершина заметила, что он сердится.[539] Она сказала, открывая калитку и заманивая Передонова:

— Что ж мы тут стоим. Зайдите, пожалуйста, у нас Мурин.

Имя Мурина Передонову напомнило приятное для него — выпивку, закуску. Он вошел.

В темноватой из-за деревьев гостиной сидели Марта с красным галстуком на шее и с повеселевшими глазами, — Мурин, больше обыкновенного растрепанный и чем-то словно обрадованный, — и возрастный гимназист Виткевич: он ухаживал за Вершиной, и думал, что она в него влюблена.

Мурин поднялся навстречу входившему Передонову с преувеличенно-радостными восклицаниями, лицо его сделалось еще слаще, глазки замаслились, — и все это не шло к его взлохмаченным волосам, в которых виднелись даже кое-где былинки сена.

— Дела обтяпываю, — громко и сипло заговорил он, — у меня везде дела, а вот кстати милые хозяйки и чайком побаловали.

— Ну да, дела, — сердито отвечал Передонов, — какие у вас дела! Вы не служите, а так деньги наживаете. Это вот у меня дела.

Вершина живо улыбалась, и усаживала Передонова к столу. На круглом преддиванном столе тесно стояли стаканы и чашки с чаем, ром, варенье, корзинка со сладкими булками. От стакана Мурина сильно пахло ромом, а Виткевич положил себе на стеклянное блюдечко много варенья.

Марта с видимым удовольствием ела маленькими кусочками сладкую булку. Вершина угощала и Передонова, — он отказался от чая.[540]

Еще отравят, — подумал он. — Отравить-то всего легче, — сам выпьешь, и не заметишь, а домой придешь, — и ноги протянешь.[541]

И ему было досадно, зачем для Мурина поставили варенье, а когда он пришел, то для него не хотят принести новой банки с вареньем получше.[542]

А Вершина, точно, ухаживала за Муриным. Видя, что на Передонова мало надежды, она подыскивала Марте и других женихов. Теперь она приманивала Мурина. Полуодичавший в гоньбе за трудно дававшимися барышами помещик охотно шел на приманку:[543] Марта ему нравилась.

Марта была рада, — ведь это была ее постоянная мечта, что вот найдется жених, и она[544] выйдет замуж, и у нее будет хорошее хозяйство, и дом — полная чаша.[545] И она смотрела на Мурина влюбленными глазами. Сороколетний громадный мужчина с грубым голосом и с про-

стоватым выражением в лице и в каждом движении казался ей образцом мужской силы, молодечества, красоты и доброты.

Передонов заметил влюбленные взгляды, которыми обменивались Мурин и Марта, — заметил потому, что ожидал от Марты преклонения перед ним самим.[546] Он сердито сказал Мурину:

— Точно жених сидишь, вся физиономия сияет.

— Это я от радости, — возбужденным и веселым голосом сказал Мурин, — что вот дело мое хорошо обделал.

Он подмигнул хозяйкам. Они обе радостно улыбнулись, а Передонов сердито спросил, презрительно щуря глаза:

— Невесту, что ли нашел?

Мурин говорил,[547] как будто и не слышал этого вопроса:

— Вот Наталья Афанасьевна, дай ей Бог всего хорошего, моего Ванюшку согласилась у себя поместить. Он тут будет жить, как у Христа за пазухой, и мое сердце будет спокойно, что не избалуется.[548]

— Будут шалить вместе с Владей, — угрюмо сказал Передонов, — еще дом сожгут.

— Не посмеет! — решительно крикнул Мурин. — Вы, матушка Наталья Афанасьевна, за это не беспокойтесь: он у вас по струнке будет ходить.[549]

Вершина, чтобы прекратить этот разговор,[550] сказала, криво улыбаясь:

— Что-то мне кисленького захотелось.

— Не хотите ли брусники с яблоками, я принесу, — сказала Марта, вставая с места.

— Пожалуй, принесите.

Марта быстро выбежала из комнаты. Вершина даже не посмотрела за нею, — она привыкла принимать спокойно Мартины[551] угождения, как нечто должное. Она сидела спокойно и глубоко в кресле, пускала синие длинные клубы, и сравнивала мужчин, которые разговаривали, Передонов — сердито и вяло, Мурин — весело и оживленно.

Мурин нравился ей гораздо больше. У него добродушное лицо, а Передонов и улыбаться не умеет.[552] Всем нравился ей Мурин, — большой, толстый, привлекательный, говорит приятным низким голосом, и к ней очень почтителен. Вершина даже подумывала порой, не повернуть ли дело так, чтобы Мурин посватался к ней, а не к Марте. Но она всегда кончала свои размышления тем, что великодушно уступала его Марте.[553]

За меня, — думала она, — всякий посватается, раз что я с деньгами, — и я могу выбирать всякого. Вот, хоть этого юношу возьму, —

думала она, и не без удовольствия останавливала свой взор на зеленоватом, нахальном, но все-таки красивом лице Виткевича, который говорил мало, ел много, посматривал на Вершину, и нагло при этом улыбался.

Марта принесла в глиняной чашечке бруснику с яблоками, и принялась рассказывать, что нынче ночью видела во сне, — как она была в подружках на свадьбе, и ела ананасы и блины с медом, в одном блине нашла бумажку сто рублей, и как от нее деньги отняли, а она плакала. Так в слезах и проснулась.[554]

— Надо было потихоньку спрятать, чтобы никто не видел, — сердито сказал Передонов, — а то вы и во сне не сумели денег удержать, какая же вы хозяйка!

— Ну, этих денег нечего жалеть, — сказала Вершина, — во сне мало ли что увидишь.

— А мне так страсть как жалко этих денег, — простодушно сказала Марта, — целых сто рублей!

На глазах у нее навернулись слезы, и она принужденно засмеялась, чтобы не заплакать. Мурин суетливо полез в карман, восклицая:

— Матушка, Марта Станиславовна, да вы не жалейте, мы сейчас это дело поправим.

Он достал из бумажника сторублевку, положил ее перед Мартой на стол, хлопнул по ней ладонью, и крикнул:

— Извольте! Уж эту никто не отнимет.

Марта обрадовалась было, но потом ярко покраснела, и смущенно сказала:

— Ах, что это вы, Владимир Иваныч, разве я к тому! Я не возьму, что это вы, право!

— Нет уж, не извольте обижать, — сказал Мурин, посмеиваясь и не убирая денег, — пусть уж, значит, сон в руку будет.

— Да нет, как же, мне стыдно, я ни за что не возьму, — отнекивалась Марта, жадными глазами посматривая на сторублевку.

— Чего кобянитесь, берите, коли дают, — сказал Виткевич, — вот ведь счастье людям валится само в руки, — сказал он с завистливым вздохом.

Мурин стал перед Мартой, и воскликнул убеждающим голосом:

— Матушка, Марта Станиславовна, верьте слову, я от всей души, — берите, пожалуйста.[555] А коли даром не хотите, так это за то, чтобы вы за моим Ванюшкой присмотрели. То, что мы сговорились с Натальей Афанасьевной, то так и будет, а это, значит, вам, — за посмотренье, значит.[556]

— Да как же так, это очень много, — нерешительно сказала Марта.

— За первые полгода, — сказал Мурин, и поклонился Марте в пояс, — уж не обидьте, возьмите, и уж будьте вы моему Ванюшке заместо маменьки.[557]

— Ну что же, Марта, берите, — сказала Вершина, — благодарите Владимира Иваныча.[558]

Марта стыдливо и радостно краснея, взяла деньги. Мурин принялся горячо ее благодарить.[559]

— Сватайся сразу, дешевле будет, — с яростью сказал Передонов, — ишь как разгрибанился!

Виткевич захохотал, а остальные сделали вид, что не слышали.[560] Вершина начала было рассказывать про свой сон, — Передонов не дослушал, и стал прощаться. Мурин пригласил его к себе на вечер.*

— [Завтра] ко всенощной надо, — сказал Передонов.

— Что это Ардальон Борисыч какое к церкви получил усердие, — с сухим и быстрым смешком сказала Вершина.

— Я всегда, — отвечал он, — я в Бога верую, не так, как другие. Может быть, я один в гимназии такой. За то меня и преследуют. Директор безбожник.

— Когда будет свободно, сами назначьте, — сказал Мурин.

Передонов сказал, сердито комкая фуражку:

— Мне по гостям некогда ходить.

Но сейчас же вспомнил, что Мурин вкусно кормит, и[561] сказал:

— Ну, в понедельник я могу придти.

Мурин пришел в восторг, и стал звать Вершину и Марту. Но Передонов сказал:

— Нет, дам не надо. А то напьешься, да еще ляпнешь какую-нибудь похабщину, так при дамах неудобно.[562]

Когда Передонов ушел, Вершина усмехаясь сказала:

— Чудит Ардальон Борисыч. Очень уж ему инспектором хочется быть, а Варвара его, должно быть, за нос водит. Вот он и куролесит.

Владя, — он при Передонове прятался, — вышел и сказал со злорадной усмешкой:

— А слесарята узнали, что это их Передонов выдал.

— Они ему стекла побьют! — с радостным хохотом воскликнул Виткевич.[563]

---

* *Было*: на завтра.

XVIII

На улице все казалось Передонову враждебным да зловещим. Баран стоял на перекрестке, и тупо смотрел на Передонова. Этот баран так был похож на Володина, что Передонов испугался. Он подумал, что, может быть, Володин оборачивается бараном, чтобы следить. Почем мы знаем, — думал он, — может быть это и можно; наука еще не дошла, а, может быть, кто-нибудь и знает. Ведь вот французы — ученый народ, а и у них в Париже завелись волшебники да маги, — думал Передонов. И страшно ему было. Еще лягаться начнет этот баран, — думал он.

Баран заблеял, и это было похоже на смех у Володина, резкий, пронзительный, неприятный.[564]

Встретился опять жандармский офицер. Передонов подошел к нему, и шепотом сказал:

— Вы послеживайте за Адаменко. Она переписывается с социалистами, да она и сама такая.

Рубовский молча и с удивлением посмотрел на него. Передонов пошел дальше, и думал тоскливо: что это он все попадается? Все следит за мною, — думал Передонов, — и городовых везде понаставил.[565]

Грязные улицы, пасмурное небо, жалкие домишки, оборванные, вялые дети, — ото всего веяло тоскою, одичалостью, неизбывною печалью.

Это — нехороший город, — думал Передонов, — и люди здесь злые, скверные; поскорее бы уехать в другой город, где все учителя будут кланяться низенько, а все школьники будут бояться и шептать в страхе: инспектор идет. Да, начальникам совсем иначе живется на свете!

— Господин инспектор, второго района Рубанской губернии, — бормотал он себе под нос, — его высокородие статский советник Передонов. Вот как! Знай наших! Его превосходительство, господин директор народных училищ Рубанской губернии, действительный статский советник Передонов. Шапки долой! В отставку подавайте! Вон! Я вас подтяну!

Лицо у Передонова делалось надменным: он получал уже, в своем скудном воображении, долю[566] власти.

Когда Передонов пришел домой, он услышал, еще снимая пальто, доносившиеся из столовой резкие звуки, — это смеялся Володин. Сердце у Передонова упало. — Успел уже и сюда прибежать, — подумал он, — может быть, сговаривается с Варварой, как бы меня околпачить.

Тоскливый, злой, вошел он в столовую, где уже было накрыто к обеду. Варвара встретила его с озабоченным лицом.

— Ардальон Борисыч, — воскликнула она, — у нас-то какое приключение! Кот сбежал![567]

— Ну! — крикнул Передонов с выражением ужаса на лице. — Зачем же вы его отпустили?

— Что ж мне, за хвост его к юбке пришить? — досадливо спросила Варвара.

Володин захихикал, а Передонов думал, что кот отправился, может быть, к жандармскому, и там вымурлычит все, что знал о Передонове, и о том, куда и зачем Передонов ходил по ночам, — все откроет, да еще и того примяукает, чего не было. Беды! Передонов сел на стул у стола, опустил голову и, комкая конец у скатерти, погрузился в грустные размышления.

— Это уж завсегда коты изволят на старую квартиру сбегать, — сказал Володин, — потому как кошки к месту привыкают, а не к хозяину. Кошку надо закружить, как переносить на новую квартиру, и дороги ей не показывать, а то непременно убежит.

Передонов слушал с утешением.[568]

— Так ты думаешь, Павлушка, что он на старую квартиру сбежал? — спросил он.

— Беспременно так, Ардаша, — ответил Володин.

Передонов встал, и крикнул:

— Ну так выпьем, Павлушка!

Володин захихикал.

— Это можно, Арадаша, — сказал он, — выпить завсегда даже очень можно.

— А кота достать надо оттуда! — решил Передонов.

— Сокровище! — ухмыляясь, отвечала Варвара. — Вот после обеда пошлю Клавдюшку.[569]

Сели обедать. Володин был весел, болтал и смеялся. Смех его звучал для Передонова, как блеянье того барана[570] на улице.

— И чего он злоумышляет? — думал Передонов. — Много ли ему надо?

И подумал Передонов, что, может быть, удастся, задобрить Володина.

— Слушай, Павлуша,[571] — сказал он, — если ты не станешь мне вредить, то я тебе буду леденцов покупать по фунту в неделю, самый первый сорт, — соси себе за мое здоровье.

Володин засмеялся, но тотчас же сделал обиженное лицо, и сказал:

— Я, Ардальон Борисыч, вам вредить не согласен, а только мне леденцов не надо, потому как я их не люблю.

Передонов приуныл,[572] Варвара ухмыляючись сказала:

— Полно тебе Петрушку валять, Ардальон Борисыч! Чем он тебе может повредить.

— Напакостить всякий дурак может, — уныло сказал Передонов.

Володин обиженно выпятил губы, покачал головой, и сказал:

— Если вы, Ардальон Борисыч, так обо мне понимаете, то одно только могу сказать: благодарю покорно! Если вы обо мне так, то что же я после этого должен делать? Как это я должен понимать, в каком смысле?

— Выпей водки, Павлушка, и мне налей, — сказал Передонов.

— Вы на него не смотрите, Павел Васильевич, — утешала Володина Варвара, — он ведь это так говорит, — душа не знает, что язык болтает.

Володин замолчал и, храня обиженный вид, принялся наливать водку из графина в рюмки. Варвара сказала ухмыляясь:

— Как же это, Ардальон Борисыч, ты не боишься от него водку пить? Ведь он ее, может быть, наговорил, — вот он что-то губами разводит.

На лице у Передонова изобразился ужас. Он схватил налитую Володиным рюмку, выплеснул из нее водку на пол, и закричал:

— Чур меня, чур, чур, чур! Заговор на заговорщика, — злому языку сохнуть, черному глазу лопнуть. Ему карачун, меня чур-перечур!

Потом повернулся к Володину с озлобленным лицом, показал кукиш, и сказал:

— На-т-ко, выкуси! Ты хитер, а я похитрее.

Варвара хохотала, а Володин обиженным, дребезжащим голосом говорил: словно блеял:

— Это вот, вы, Ардальон Борисыч, всякие волшебные слова знаете и произносите, а я никогда не изволил магией заниматься. Я вам ни водки ни чего другого не согласен наговаривать, а это, может быть, вы от меня моих невест отколдовываете.

— Вывез! — сердито сказал Передонов, — мне не надо твоих невест, я могу и почище взять.

— Вы моему глазу лопнуть наговорили, — продолжал Володин, — только смотрите, как бы у вас раньше очки не лопнули.

Передонов схватился испуганно за очки.

— Что мелешь, — проворчал он, — язык-то у тебя как помело.

Варвара опасливо посмотрела на Володина, и сказала сердито:

— Не ехидничайте, Павел Васильевич, кушайте себе суп, а то простынет. Ишь, ехидник какой!

Она подумала, что, пожалуй, и кстати зачурался Ардальон Борисыч. Володин замолчал, и принялся есть суп. Все помолчали немного, и потом Володин обиженным голосом сказал:

— Недаром я сегодня во снях видел, что меня медом мазали. Помазали вы меня, Ардальон Борисыч!

— Еще не так бы вас надо помазать, — сердито сказала Варвара.

— За что же? позвольте узнать. Кажется, я ничего такого,[573] — говорил Володин.

— За то, что язык у вас скверный, — объяснила Варвара. — Нельзя всего болтать, что вздумаете, — в какой час молвится.[574]

Вечером в воскресенье Передонов пошел в клуб, — позвали играть в карты. Был там и нотариус Гудаевский, с которым на днях Передонов имел резкое объяснение из-за его сына-гимназиста. Передонов испугался, когда увидел его. Но Гудаевский вел себя мирно, и Передонов успокоился. Играли долго, пили много, — и поздно ночью, в буфете, Гудаевский внезапно подскочил к Передонову, без всяких объяснений ударил его по лицу несколько раз, разбил ему очки, и проворно удалился из клуба. Передонов не оказал никакого сопротивления, притворился пьяным, повалился на пол, и захрапел. Его растолкали, и выпроводили домой. На другой день об этой драке говорили по всему городу.

В этот вечер Варвара нашла случай украсть у Передонова первое поддельное письмо. Это было ей необходимо, по требованию Грушиной, чтобы впоследствии, при сравнении двух подделок, не оказалось[575] разницы. Передонов носил это письмо с собою, но сегодня как-то случайно оставил его дома: переодеваясь из вицмундира в сюртук, вынул его из кармана, сунул под учебник на комоде, да там и забыл.[576]

Варвара сожгла его на свечке у Грушиной.

Когда, поздно ночью, Передонов вернулся, и Варвара увидела его разбитые очки, он сказал ей, что они сами лопнули. Она поверила, и решила, что виной тому злой язык у Володина. Поверил в злой язык и сам Передонов. Впрочем, на другой день Грушина подробно рассказала Варваре о драке в клубе.

Утром, одеваясь, Передонов хватился письма,[577] нигде не нашел, и ужаснулся. Он закричал диким голосом:

— Варвара, где письмо?

Варвара смешалась.[578]

— Какое письмо? — спросила она, глядя на Передонова испуганными и злыми глазами.

— Княгинино, — кричал Передонов.

Варвара кое-как собралась с духом. Нахально ухмыляясь, она сказала:

— А я почем знаю, где оно. Бросил, должно быть, в ненужные бумаги, а Клавдюшка и сожгла.[579] Ищи у себя, коли еще оно цело.[580]

Передонов ушел в гимназию в мрачном настроении. Вчерашние неприятности припоминались ему. Он думал о Крамаренке: как этот скверный мальчишка решился назвать его подлецом? Значит, он не боится Передонова.[581] Уж не знает ли он чего о Передонове? Знает, и хочет донести?[582]

В классе[583] Крамаренко смотрел на Передонова в упор, и улыбался, и это еще более страшило Передонова.[584]

В третью перемену Передонова пригласили к директору. Он пошел, смутно предчувствуя что-то неприятное.[585]

Со всех сторон до Хрипача доносились слухи о подвигах Передонова.[586] Сегодня утром ему рассказали о вчерашнем происшествии в клубе. Вчера же после уроков к нему явился Володя Бультяков, на днях наказанный своею хозяйкою по жалобе Передонова: опасаясь вторичного посещения его с такими же последствиями, он решил пожаловаться директору.[587]

Сухим и резким голосом Хрипач передал Передонову дошедшие до него слухи, — из достоверных источников, прибавил он, — о том, что Передонов ходит на квартиры к ученикам, сообщает их родителям или воспитателям неточные сведения об успехах и поведении их детей, и требует, чтобы мальчиков секли, вследствие чего происходят иногда крупные неприятности с родителями, как например, вчера в клубе с нотариусом Гудаевским.

Передонов слушал озлобленно, трусливо. Хрипач замолчал.

— Что ж такое, — сердито сказал Передонов, — он дерется, а разве это позволяется? Он не имел права мне в рожу заехать. Он в церковь[588] не ходит,[589] в обезьяну верует, и сына в ту же секту совращает. На него надо донести, — он штундист.*

---

* *Штундист* — член секты штундистов; *штундизм* — рационалистическая секта, получившая распространение в конце XIX века на юге России, один из толков баптизма.

Хрипач внимательно посмотрел на Передонова, и сказал внушительно:

— Все это не наше дело, — относительно же нанесенного вам оскорбления вам следовало бы привлечь его к суду, — а самое бы лучшее было бы для вас — оставить нашу гимназию.

— Я инспектором буду, — сердито возразил Передонов.

— До тех же пор, — продолжал Хрипач, — вам следует воздержаться от этих прогулок. Согласитесь сами, что такое поведение не прилично педагогу, и роняет достоинство учителя в глазах учеников. Ходить по домам сечь мальчиков, — это, согласитесь сами...

Хрипач не кончил, и пожал плечами.[590]

— Что ж такое, — опять возразил Передонов, — я для их же пользы.

— Пожалуйста, не будем спорить, — резко прервал Хрипач, — я самым решительным образом требую от вас, чтоб это больше не повторялось.

Передонов сердито смотрел на директора.

Сегодня вечером решили справлять новоселье.[591] Позвали всех своих знакомых. Передонов ходил по комнатам, и посматривал, все ли в порядке, нет ли чего такого, о чем могут донести.

Что ж, кажется, все хорошо, — думал он: — запрещенных книжек не видно, лампадки теплятся, царские портреты висят на стене, на почетном месте.

Вдруг Мицкевич[592] со стены подмигнул Передонову. — Подведет, — испуганно подумал Передонов, быстро снял портрет, и потащил его в[593] отхожее место, чтобы заменить им Пушкина, а Пушкина повесить сюда.

Все-таки Пушкин — придворный человек, — думал он, вешая его на стену в столовой.

Потом припомнил он, что вечером будут играть,[594] и решил осмотреть карты. Он взял распечатанную колоду, которая только однажды была в употреблении, и принялся перебирать карты, словно отыскивая в них что-нибудь. Лица у фигур ему не нравились: глазастые такие.

В последнее время за игрой ему все казалось, что карты ухмыляются, как Варвара. Даже какая-нибудь пиковая шестерка являла нахальный вид и непристойно вихлялась.

Передонов собрал все карты, какие были, и остриями ножниц проколол глаза фигурам, чтобы они не подсматривали. Сначала сделал он это с игранными картами, а потом распечатал и новые колоды. Все это

проделывал он с оглядкой, словно боялся, что его накроют.[595] К счастью его, Варвара занялась на кухне, и не заглядывала в горницы, — да и как ей было уйти от такого изобилия съестных припасов: как раз Клавдия чем-нибудь попользуется. Когда ей что-нибудь надобилось в горницах, она посылала туда Клавдию. Каждый раз при ее входе Передонов вздрагивал, прятал ножницы в карман, и притворялся, что раскладывает пасьянс.

Меж тем, как Передонов таким образом лишал королей и дам возможности досаждать ему подсматриваниями, надвигалась на него неприятность с другой стороны.

Ту шляпу, которую, на прежней квартире, Передонов забросил на печку, чтоб она не попадалась под руку,[596] — нашла Ершова. Домекнулась она, что неспроста оставлена шляпа: ненавистники — ее съехавшие жильцы, и очень может быть, думала Ершова, — что они, со зла на нее, наколдовали в шляпу что-нибудь такое, от чего квартиру никто не станет нанимать. В страхе и досаде понесла она шляпу знахарке. Та осмотрела шляпу, таинственно и сурово пошептала над нею, поплевала на все четыре стороны, и сказала Ершовой:

— Они тебе напакостили, а ты им отпакости. Сильный колдун ворожил, да я хитрее, — я напротив его тебе так выворожу, что его самого скорежит.

И она еще долго ворожила над шляпой, и, получив от Ершовой щедрые дары, велела ей отдать шляпу рыжему парню, чтобы он отнес шляпу Передонову, отдал ее первому, кого встретит, а сам бежал бы без оглядки.

Случилось так, что первый рыжий парень, встреченный Ершовой, был один из слесарят, злобившихся на Передонова за раскрытие ночной проказы. Он с удовольствием взялся за пятак исполнить поручение, и по дороге от себя усердно наплевал в шляпу. В квартире у Передонова, встретив в темных сенцах самое Варвару, он сунул ей шляпу, и убежал так проворно, что Варвара не успела его разглядеть.

И вот, едва[597] успел Передонов ослепить последнего валета, как вошла в горницу Варвара,[598] удивленная и даже испуганная, и сказала дрожащим от волнения голосом:

— Ардальон Борисыч, посмотри, что это такое.

Передонов взглянул, и замер от ужаса. Та самая шляпа, от которой он было отделался,[599] теперь в Варвариных руках, помятая,* запылен-

---

* *Было*: полинялая.

ная, едва хранящая следы былого великолепия. Он спросил, задыхаясь от страха:

— Откуда, откуда это?

Варвара испуганным голосом рассказала, как получила эту шляпу от юркого мальчишки, который словно из-под земли вырос перед нею, и опять словно сквозь землю провалился. Она сказала:

— Это никто, как Ершиха. Это она тебе наколдовала в шляпу, уж это непременно.[600]

Передонов бормотал что-то неразборчивое, и зубы его стучали от страха. Мрачные опасения и предчувствия томили его. Он ходил хмурясь,[601] а серая недотыкомка бегала под стульями, и хихикала.

Гости собрались рано.[602] Нанесли много пирогов,[603] яблок, груш. Варвара принимала все это с радостью, только из приличия приговаривала:

— Ну, к чему это вы! Напрасно беспокоились.

Но если ей казалось, что принесли дешевое или плохое, то она сердилась. Не нравилось ей тоже, если двое гостей приносили одинаковое.[604]

Не теряя времени, сели за карты. Играли в стукалку, на двух столах.[605]

— Ах, батюшки! — воскликнула Грушина, — что это, король-то у меня слепой!

— Да и у меня дама безглазая, — всмотревшись в свои карты, сказала Преполовенская, — да и валет тоже.

Гости со смехом принялись рассматривать карты.[606] Преполовенский заговорил:

— То-то я смотрю, что такое, шершавые карты, а это вот отчего. А я все щупаю, — что такое, думаю, шершавая какая рубашка, а это, выходит, от этих дырочек. То-то она рубашка-то, и шершавая.

Все смеялись, один только Передонов был угрюм и молчалив. Варвара, ухмыляясь, говорила:

— Ведь вы знаете, мой Ардальон Борисыч все чудит, все придумывает разные штуки.[607]

— Да зачем ты это? — с громким хохотом спрашивал Рутилов.

— Что им глаза, — угрюмо сказал Передонов, — им не надо смотреть.[608]

Все хохотали, а Передонов оставался угрюм и молчалив. Ему казалось, что ослепленные фигуры кривляются, ухмыляются и подмигивают ему зияющими дырками в своих глазах.

Может быть, — думал Передонов, — они теперь изловчились носом смотреть?

Как почти всегда, ему не везло, и на лицах у королей, дам и валетов чудилось ему выражение насмешки и злобы; пиковая дама даже зубами скрипела, очевидно, злобясь на то, что ее ослепили.[609]

Наконец, после одного крупного ремиза, Передонов схватил колоду карт, — и с яростью принялся рвать ее в клочья. Гости хохотали.[610] Варвара, ухмыляясь, говорила:

— Уж он у меня всегда так, выпьет, да и начнет чудить.

— С пьяных глаз, значит? — язвительно сказала Преполовенская. — Слышите, Ардальон Борисыч, как ваша сестрица об вас понимает?

Варвара покраснела, и сказала сердито:

— Что вы к словам цепляетесь?

Преполовенская улыбалась и молчала.

Взамен разорванной взяли новую колоду карт, и продолжали игру. Вдруг послышался грохот, — разбилось оконное стекло, камень упал на пол, близ стола, где играл Передонов.

Под окном слышен был тихий говор, смех, потом стук убегающих сапог. Все в переполохе вскочили с мест; женщины, как водится, завизжали. Подняли камень, рассматривали его испуганно, к окну никто не решался подойти, — сперва выслали на улицу Клавдию, и только тогда, когда она донесла, что на улице пусто, стали рассматривать разбитое стекло.

Володин сообразил, что это бросили камень гимназисты. Догадка показалась правдоподобною, и все значительно поглядели на Передонова. Передонов хмурился, и бормотал что-то невнятное. Гости заговорили о том, какие дерзкие и распущенные есть мальчики. Были же это, конечно, не гимназисты, а слесарята.[611]

— Это директор подговорил гимназистов, — вдруг заявил Передонов, — он ко мне все придирается, не знает, чем доехать, так вот придумал.

— Эку штуку вывез, — с хохотом закричал Рутилов.

Все захохотали, только Грушина сказала:

— А что вы думаете, он такой ядовитый человек, от него всего можно ждать. Он не сам, он сторонкой, через сыновей, шепнет.

— Это ничего, что аристократы, — обиженным голосом заблеял Володин, — от аристократов всего можно ждать.

Многие из гостей подумали, что, пожалуй, и правда,[612] — и перестали смеяться.

— Незадача тебе на стекло, Ардальон Борисыч,[613] — сказал Рутилов, — то очки разбили, то окно высадили.

Это возбудило новый приступ смеха.

— Стекла бьют, — долго жить, — со сдержанной улыбкой сказала Преполовенская.[614]

Когда Передонов и Варвара собирались спать, Передонову казалось, что у Варвары что-то злое на уме; он отобрал от нее ножи и вилки, и спрятал их под постелью. Он лепетал коснеющим языком:

— Я тебя знаю: ты, как только за меня замуж выйдешь, так на меня и донесешь, чтобы от меня отделаться. Будешь пенсию получать, а меня в Петропавловке на мельнице смелют.

Ночью Передонов бредил. Неясные и страшные ходили бесшумно фигуры, — короли, валеты, помахивая своими палицами. Они шептались, старались спрятаться от Передонова, и тихонько лезли к нему под подушку.

Но скоро они сделались смелее, и заходили, забегали, завозились вокруг Передонова, повсюду — по полу, по кровати, по подушкам. Они шушукались, дразнили Передонова, казали ему языки, корчили перед ним страшные рожи, безобразно растягивали рты. Передонов видел, что они все маленькие и проказливые, что они его не убьют, а только издеваются над ним, предвещая недоброе. Но ему было страшно, — он то бормотал какие-то заклинания, отрывки слышанных им в детстве заговоров, то принимался бранить их и гнать их от себя, махал руками и кричал сиплым голосом.

Варвара проснулась, и сердито спросила:

— Что ты орешь, Ардальон Борисыч? спать не даешь.[615]

— Пиковая краля все ко мне лезет, в тиковом капоте, — пробормотал Передонов.

Варвара встала и, ворча и чертыхаясь, принялась отпаивать Передонова какими-то каплями.

XIX

В воскресенье, когда Передонов и Варвара завтракали, в переднюю вошел кто-то. Варвара, крадучись по привычке, подошла к двери, и заглянула в нее. Так же тихонько вернувшись к столу, она прошептала:

— Почтальон, надо ему водки дать, — опять письмо принес.

Передонов молча кивнул головой, — что ж, ему не жалко рюмки водки. Варвара крикнула:

— Почтальон, иди сюда.

Письмоносец вошел в горницу. Он рылся в сумке, и притворялся, что ищет письмо. Варвара налила в большую рюмку водки, и отрезала кусок пирога. Письмоносец посматривал на ее действия с вожделением. Меж тем Передонов все думал, на кого похож почтарь. Наконец он вспомнил, — это же ведь тот же рыжий, прыщавый хлап, что недавно подвел его под такой крупный ремиз.[616]

— Опять, пожалуй, подведет, — тоскливо подумал Передонов, и показал письмоносцу кукиш в кармане.

Рыжий хлап подал письмо Варваре.

— Вам-с, — почтительно сказал он, поблагодарил за водку, выпил, крякнул, захватил пирог, и вышел.

Варвара повертела в руках письмо и, не распечатывая, протянула его Передонову:

— На, прочти; кажется, опять от княгини, — сказала она, ухмыляясь, — расписалась, а толку мало. Чем писать, дала бы место.

У Передонова задрожали руки. Он разорвал оболочку, и быстро прочел письмо. Потом вскочил с места, замахал письмом, и завопил:

— Ура! три инспекторских места, любое можно выбирать. Ура, Варвара, наша взяла!

Он заплясал и закружился по горнице. С неподвижно-красным лицом и тупыми глазами он казался странно-большою, заведенною в пляс куклою. Варвара ухмылялась, и радостно глядела на него. Он крикнул:

— Ну, теперь решено, Варвара, — венчаемся!

Он схватил Варвару за плечи, и принялся вертеть ее вокруг стола, топоча ногами.

— Русскую, Варвара! — закричал он.

Варвара подбоченилась, и поплыла. Передонов плясал перед нею вприсядку. Вошел Володин, и радостно заблеял:

— Будущий инспектор трепака откалывает!

— Пляши, Павлушка! — закричал Передонов.

Клавдия[617] выглядывала из-за двери. Володин крикнул ей, хохоча и ломаясь:

— Пляши, Клавдюша, и ты. Все вместе![618] Распотешим будущего инспектора!

Клавдия завизжала, и поплыла, пошевеливая плечьми. Володин лихо завертелся перед нею, — приседал, повертывался, подскакивал, хлопал в ладоши.[619] Особенно лихо выходило у него, когда он подымал колено, и под коленом ударял в ладоши.[620] Пол ходенем ходил под их

каблуками. Клавдия радовалась тому, что у нее такой ловкий молодец.[621]

Устали,[622] сели за стол, а Клавдия убежала с веселым хохотом в кухню. Выпили водки, пива, побили бутылки и стаканы, кричали, хохотали, махали руками, обнимались и целовались. Потом Передонов и Володин побежали в Летний сад, — Передонов спешил похвастаться письмом.

В биллиардной застали обычную компанию. Передонов показал приятелям письмо. Оно произвело большое впечатление.[623] Все доверчиво осматривали его. Рутилов бледнел и, бормоча что-то, брызгался слюною.[624]

Из Летнего сада Передонов стремительно пошел к Вершиной. Он шел быстро и ровно, однообразно махал руками, бормотал что-то; на лице его, казалось, не было никакого выражения, — как у заведенной куклы было оно неподвижно, — и только какой-то жадный огонь мертво мерцал в глазах.

День выдался ясный, жаркий. Марта сидела в беседке. Она вязала чулок. Мысли ее были смутны и набожны. Сначала она думала о грехах, потом направила мысли свои к более приятному, и стала размышлять о добродетелях. Думы ее начали обволакиваться дремой, и стали образны, и по мере того, как уничтожилась их выражаемая словами вразумительность, увеличивалась ясность их мечтательных очертаний. Доброжелатели предстали перед нею, как большие и красивые куклы в белых платьях, сияющие и благоуханные. Они обещали ей награды, — в руках их звенели ключи, на них развевались венчальные покрывала.

Между ними одна была странная и непохожая на них. Она ничего не обещала, и глядела укоризненно, и губы ее двигались с беззвучною угрозою; казалось, что если она скажет слово, то станет страшно. Марта догадалась, что это совесть. Она была вся в черном, эта странная и жуткая посетительница, с черными глазами, с черными волосами, — и вот она заговорила о чем-то, быстро, часто, отчетливо.

Она стала совсем похожа на Вершину. Марта встрепенулась, ответила что-то на ее вопрос, ответила почти бессознательно, — и опять дрема одолела Марту.

Совесть ли, Вершина ли сидела против нее, и говорила что-то скоро и отчетливо, но непонятно, и курила чем-то чужепахучим, — решительная, тихая, требующая, чтобы все было, как она хочет. Марта хотела посмотреть прямо в глаза этой докучной посетительнице, но почему-то

не могла, — та странно улыбалась, ворчала, и глаза ее убегали куда-то, и останавливались на далеких, неведомых предметах, на которые Марте страшно было глядеть...

Громкий разговор разбудил Марту.

В беседке стоял Передонов, и громко говорил, здороваясь с Вершиной. Марта испуганно озиралась. Сердце у нее стучало, а глаза еще слипались, и мысли еще путались. Где же совесть? Или ее и не было? И не следовало ей здесь быть?

— А вы дрыхнули тут, — сказал ей Передонов, — храпели во все носовые завертки. Теперь вы сосна.

Марта не поняла его каламбура, и улыбнулась, догадываясь по улыбке на губах у Вершиной, что говорится что-то, что надо принимать за смешное.

— Вас бы надо было Софьей назвать, — продолжал Передонов.

— Почему же? — спросила Марта.

— А потому, что вы — соня, а не Марфа.

Передонов сел на скамейку рядом с Мартой, и сказал:

— А у меня новость, очень важная.

— Какая же у вас новость, поделитесь с нами, — сказала Вершина, и Марта тотчас позавидовала ей, что она таким большим количеством слов сумела выразить простой вопрос: какая новость?

— Угадайте, — угрюмо-торжественно сказал Передонов.

— Где ж мне угадать, какая у вас новость, — ответила Вершина, — вы так скажите, вот и мы будем знать вашу новость.[625]

Передонову было неприятно, что не хотят разгадывать его новость. Он замолчал, и сидел неподвижно, неловко сгорбившись, тупой и тяжелый, и неподвижно смотрел перед собою. Вершина[626] курила, и криво улыбалась, показывая свои темно-желтые зубы.

— Чем так-то угадывать ваши новости, — сказала она, помолчав немного, — давайте я вам на картах погадаю. Марта, принесите из комнаты карты.

Марта встала, но Передонов сердито остановил ее:

— Сидите, не надо, я не хочу. Гадайте сами себе, а меня оставьте. Уж вы меня теперь на свой копыл не перегадаете. Вот я вам покажу штуку, так вы рты разинете.

Передонов проворно вынул из кармана бумажник, достал из него письмо в оболочке, и показал Вершиной, не выпуская из рук.

— Видите, — сказал он, — конверт. А вот и письмо.

Он вынул письмо, и прочитал его, медленно, с тупым выражением удовольствованной злости в глазах. Вершина опешила. Она до последней ми-

нуты не верили в княгиню, но теперь[627] она поняла, что дело с Мартой окончательно проиграно. Досадливо, криво усмехнулась она, и сказала:

— Ну что ж, ваше счастье.[628]

Марта сидела с удивленным и напуганным лицом, и растерянно улыбалась.[629]

— Что, взяли? — сказал Передонов злорадно. — Вы меня дураком считали, а я-то поумнее вас выхожу. Вот про конверт говорили, — а вот вам и конверт. Нет, уж мое дело верное.[630]

Он стукнул кулаком по столу, несильно и негромко, — и движение его, и звук его слов оставались как-то странно равнодушными, словно он был чужой и далекий своим делам.

Вершина и Марта переглянулись с брезгливо недоумевающим видом.

— Что переглядываетесь! — грубо сказал Передонов, — нечего переглядываться: теперь уж, конечно, женюсь на Варваре. Многие тут барышеньки меня ловили.[631]

Вершина послала Марту за папиросами, — и Марта радостно выбежала из беседки. На песочных дорожках, пестревших увядшими листьями, ей стало свободно и легко.[632] Она встретила около дома босого Владю, — и ей стало еще веселее и радостнее.

— Женится на Варваре, решено, — оживленно сказала она, понижая голос и увлекая брата в дом.[633]

Меж тем Передонов, не дожидаясь Марты, внезапно стал прощаться.

— Мне некогда, — сказал он, — жениться — не лапти ковырять.[634]

Вершина его и не удерживала, и распрощалась с ним холодно.[635] Она была в жестокой досаде: все еще была до этого времени хотя слабая надежда пристроить Марту за Передонова, а себе взять Мурина, — и вот теперь последняя надежда исчезла. И досталось же за это сегодня Марте! Опять пришлось реветь под розгами.

Передонов вышел от Вершиной, и вздумал закурить. Он внезапно увидел городового, — тот стоял себе на углу, и лущил подсолнечниковые семечки. Передонов почувствовал тоску.

Опять соглядатай, — подумал он, — так и смотрят, к чему бы придраться. Он не закурил вынутой папиросы, подошел к городовому, и робко спросил:

— Господин городовой, здесь можно курить?

Городовой[636] сделал под козырек, и почтительно осведомился:

— То есть, ваше высокородие, это насчет чего?

— Папиросочку, — пояснил Передонов, — вот одну папиросочку можно выкурить?

— Насчет этого никакого приказания не было, — уклончиво отвечал городовой.

— Не было? — переспросил Передонов с печалью в голосе.

— Никак нет, не было. Так что господа которые курят, это не велено останавливать, а чтобы разрешение вышло, об этом не могу знать.

— Если не было, так я и не стану, — сказал покорно Передонов. — Я — благонамеренный. Я даже папироску брошу. Ведь я — статский советник.

Передонов скомкал папиросу, бросил ее на землю и, уже опасаясь, не наговорил ли он чего-нибудь лишнего, поспешно пошел дальше. Городовой посмотрел за ним с недоумением, наконец решил, что у барина «залито на вчерашние дрожжи», и, успокоенный этим, снова принялся за мирное лущение семечек.

Вскоре Передонов встретил Виткевича в обществе двух приехавших сюда на днях из большого города писателей, Степанова и Скворцова, с которыми вчера познакомился.

Степанов (печатался под именем — Сергей Тургенев) писал стихи — в духе упадка для славы и марксистские для печати. Писал он и рассказы, тоже двоякого содержания: одни для славы — и никто нигде их не печатал; они лежали в столе у писателя, сохраняясь для потомства; другие помещались в журналах и газетах довольно охотно, но случалось время от времени, что сочинителя уличали в слишком близком сходстве их с давно забытыми произведениями неведомых миру покойных писателей. Тогда Степанов менял псевдоним. Литературное имя Сергея Тургенева было еще пока не запятнано. Еще никто не успел открыть источников его новых вдохновений, хотя уже многие прилежные книголюбцы в захолустьях производили усердные изыскания в своем и чужом книжном хламе, чуя новую добычу.

Рассказчик Скворцов (подписывался Шариком) считал себя самым новым человеком в России и очень любопытствовал знать, что будет после символизма, упадничества и т. п.

Он считал себя, кроме того, нитчеянцем. Впрочем, он еще не читал Нитче в подлиннике, — по незнанию немецкого языка, — о переводах же слышал, что они плохи, и потому их тоже не читал. Но рассказы он писал[637] в смешанном стиле Решетникова и романтизма тридцатых годов, причем герои этих рассказов всегда имели несомненное сходство с самим Шариком.

В наружности их было нечто родственное, хотя и не казались они по первому взгляду похожими. Шарик был детина длинный, тощий, ры-

жий, с косматыми волосами; называл он себя обыкновенно парнем. Тургенев был короткого роста, румяный, бритый, немножко плешивый; он носил пенснэ в оправе из варшавского золота, и щурил глаза; в движениях был суетлив и ласков. Про себя говорил: я — поэт, — и блаженно щурился при этом.[638] Шарик очков не носил; повадки имел преувеличенно-грубые. Одеты они были неплохо, но неряшливо; Шарик был в светлой блузе, Тургенев в сером летнем костюме. У Тургенева в руках была тросточка, у Шарика дубина в два аршина. Тургенев говорил томно, Шарик рубил.

Шарик и Тургенев завидовали друг другу, так как считали себя кандидатами в российские знаменитости. Но они притворялись большими друзьями, руководимые одним и тем же коварным расчетом: каждый из них старался споить другого, и тем погубить его талант.

Недавно Шарик даже втравил Тургенева в поединок с[639] аптекарем. Перед поединком и на поединке все были зело пьяны. Стрелялись через платок, но повернувшись друг к другу спинами, в расчете, что пули облетят вокруг земного шара, и попадут, куда надо.

Пьянствуя и изыскивая всё новые способы к более удобному осуществлению своих коварных замыслов, приехали они в наш город. Тут уже каждый из них считал себя близким к цели. Поэтому они чувствовали себя благодушно, дали себе маленький роздых, и хотя напивались[640] ежедень, но не до излиха.

Свел писателей с Передоновым Виткевич. Он, как передовой гимназист, конечно, счел своею обязанностью познакомиться с писателями, и для них писал даже реферат: Влияние Словацкого на Байрона.

Еще раньше чем писатели познакомились с Передоновым, они внезапно зажглись к нему великим любопытством. По рассказам Виткевича и других, он показался им человеком новым; что-то могуче-злое зачуяли они в нем, и каждый из них сразу наметил его себе в герои следующего своего гениального романа.[641]

— Вот этот парнишка вас шибко хвалит, — сказал Шарик Передонову.

— Он от вас приходит в пафос, — ласково сказал Тургенев.

— Он понимает, — угрюмо сказал Передонов, — все здесь болваны, а он малый ничего себе.

— А мы гуляли, — сказал Шарик.

— Теперь не время гулять, — угрюмо отвечал Передонов, — пойдемте ко мне водку пить, да заодно пообедаем.

Писатели охотно согласились.[642]

— А мы с господами литераторами на интересную тему говорили, — сказал Виткевич, — о лежачих.

— Да, говорят: лежачего не бить, — что за ерунда! — воскликнул Шарик. — Кого же и лупить, как не лежачего! Стоячий-то еще и не дастся; а лежачему то ли дело, — в зубы ему, в рыло ему, прохвосту!

Он любовно посмотрел на Тургенева, прямо в его обрюзглое от продолжительного пьянства лицо.

— Горяченьких ему, мерзавцу! — согласился и Тургенев, лаская друга взором, и поглаживая его рукою по спине, худой и хрупкой, — так казалось Тургеневу, что уж совсем плох Шарик: от всяких излишеств нажил себе спинную сухотку.

— Согласны? падающего надо толкануть? — спросил Шарик у Передонова, с ласкою в неверном голосе.

— Да, — ответил Передонов, — а мальчишек и девчонок пороть, да почаще.

— Зачем? — с болезненной гримасой спросил Тургенев.

— Чтоб не смеялись, а то и во сне смеются, — угрюмо ответил Передонов.

— Слышите! — в восторге вскрикнул Шарик.[643] — Чтобы не смеялись! Это нечто демоническое! Изгнать из этого пошлого детства пошлый, животный смех![644]

— Да, это до отвращения прекрасно, — сказал Тургенев, с уважением к Передонову и к себе.[645]

— Да, — подхватил Шарик, — или до восхищения гнусно. А Тургенев-то как здорово ляпнул: до отвращения прекрасно! Мой друг Тургенев, — остроумнее его нет в России.

— И заметьте, — сказал Тургенев, — это превосходный афоризм: до восхищения гнусно! Великолепно сказано! О, мой друг Шарик умеет находить удивительные слова. Россия еще о нем услышит.

В уме его запрыгали давно заготовленные отрывки из речи, которую он скажет над гробом Шарика.

Они сделали несколько шагов молча, улыбаясь радостно, восхищенные каждый своим умом и гениальностью. Виткевич шел рядом с ними мелкими шагами, и восторженно заглядывал в их блаженные лица.[646]

— Славно вышло, что мы приехали в эту трущобу, — сказал Шарик: он вспомнил о замечательном человеке — Передонове.[647]

— Я тоже не жалею, — поддакивал Тургенев.

— Ничего тут нет хорошего, — угрюмо сказал Передонов.

— А вы! — воскликнул Тургенев, и любовно посмотрел Передонову в тупые глаза.

— Один я только и есть! — сказал Передонов скорбно, — да и я скоро уеду. Буду инспектором, буду ездить по школам, мальчишек и девчонок пороть.

— Какая тоска в этих обетованиях! — воскликнул Тургенев.

— И какая сила! — подхватил Шарик. — Он безумен, Тургенев, да?

— Да, — согласился Тургенев, — но это проникновенное безумие.

— И Пыльников мерзавец, а она его выпороть не захотела, его хозяйка, — сказал Передонов.

— Кто такие? — осведомился Шарик.

— Гимназист тут есть один, квартирует у вдовы такой, такая вдова есть Коковкина. Смазливая лупетка, — говорят, переодетая девчонка, жениха ловит. Выдрать надо было, а та, старуха-то, и не захотела. Вот бы ее пропечатали.

— Да, — согласился Шарик, — буржуазно-либеральную пошлость надо опрокидывать всеми средствами. Пошлого буржуа надо ошеломлять, чтобы он глаза выпучил, прямо кулаком в брюхо.

Он внезапно сделал выпад правою ногою, и ткнул кулаком Тургенева в бок. Тургенев воскликнул:

— Легче! Ты этак меня убьешь. Не забывай, что я — Тургенев.

— Сергей, а не Иван, — значительно произнес Шарик, и саркастически усмехнулся. Тургенев поморщился, и сказал:

— Ну, это к делу не относится, а только вот что вам, г. Передонов, скажу: нельзя напечатать, что эта госпожа протестовала, а придется все изобразить символически, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ обратно: мы напечатаем, что она совершила экзекуцию по собственной инициативе, на почве своего деспотизма. Такая репродукция этого инцидента будет соответствовать гуманным принципам нашего органа.

Передонов громко зевнул, и сказал:

— Улица торчком встала.

[[Писатели поглядели вперед.]] Улица поднималась на невысокий холм, а за ним снова был спуск, и перегиб улицы меж двух лачуг рисовался на синем, вечереющем и печальном небе. Тихая область бедной жизни замкнулась в себе, и тяжко грустила, и томилась. [[И даже писателям стало грустно,[648] как бывает иногда вдруг скучно слабым и усталым детям.

— Да, яма,[649] — сказал Шарик, и свистнул.]][650]

Деревья свешивали ветки через заборы, и заглядывали, и мешали идти, и шепот их был насмешливый и угрожающий. Баран стоял на перекрестке, и тупо смотрел на Передонова.

Вдруг из-за угла послышался блеющий смех, выдвинулся Володин, и подошел здороваться. Передонов смотрел на него мрачно, и думал о баране, который сейчас стоял, и вдруг его нет.[651]

Это, — думал он, — конечно, Володин оборачивается бараном. Недаром же он так похож на барана, и не разобрать, смеется ли он или блеет.

Эти мысли так заняли его, что он совсем не слышал, что́ говорил[и], здороваясь, Володин, [[писатели, Виткевич.]]

— Что лягаешься, Павлушка, — тоскливо сказал он.

Володин осклабился, заблеял, и возразил:

— Я не лягаюсь, Ардальон Борисыч, а здороваюсь с вами за руку. Это, может быть, у вас на родине руками лягаются, а у меня на родине ногами лягаются, да и то не люди, а, с позволения сказать, лошадки.

— Еще боднешь, пожалуй, — проворчал Передонов.

Володин обиделся, и дребезжащим голосом сказал:

— У меня, Ардальон Борисыч, еще рога не выросли, а это, может быть, у вас рога вырастут раньше, чем у меня.

[[Писатели слушали, посмеиваясь.

— Да он у вас шустрый парень, — сказал Шарик с любезной улыбкой в сторону к Передонову.]]

— Язык у тебя* длинный, мелет, чего не надо, — сердито сказал Передонов.

— Если вы так, Ардальон Борисыч, — немедленно возразил Володин, — то я могу и помолчать.

И лицо его совсем сделалось прискорбным, и губы его совсем выпятились; однако, он шел рядом с Передоновым, — он еще не обедал, и рассчитывал сегодня пообедать у Передонова: утром, на радостях, звали.

XX

Передонов с Володиным [с писателями] пришел домой. Там ждала его важная новость. Еще в передней можно было догадаться, что случилось необычное, — в горницах слышалась возня, испуганные восклицания. Передонов подумал, — не все готово к обеду: увидели, — он идет, испугались, торопятся.

---

* *Было:* у него.

Ему стало приятно, — как его боятся. Но оказалось, что произошло другое. Варвара выбежала в прихожую, и закричала:

— Кота вернули!

Испуганная, она не заметила гостей. Наряд ее был, по обыкновению, неряшлив, — засаленная блуза над серою, грязною юбкой, истоптанные туфли на босу ногу. Волосы нечесанные, растрепанные. Взволнованно говорила она Передонову:

— Иришка-то![652] со злобы еще новую штуку выкинула.[653] Опять мальчишка прибежал, принес кота, и бросил, а у кота на хвосте гремушки, — так и гремят. Кот забился под диван, и не выходит.

Передонову стало страшно.[654]

— Что ж теперь делать? — спросил он [[писателей.

— Прежде всего, — отвечал Тургенев, — будьте добры рекомендовать нас вашей супруге.

И так как Передонов стоял неподвижно и таращил на писателей тупые глаза, то Тургенев сам подвинулся к Варваре, галантно шаркнул ногой, схватил себя за галстук,[655] и назвался:

— Литератор Сергей Тургенев, позвольте отрекомендоваться. Прошу великодушного извинения, что вторгаюсь в ваш семейный очаг, может быть, несвоевременно.

Варвара ухмыльнулась, подала литератору потную, пыльную от возни с котом руку, и сказала:

— Приятно познакомиться. Уж только извините, что я в таком затрапезе, — вот всё по хозяйству.

Выступил и Шарик, откашлялся, и громко сказал:

— Писатель Скворцов. Шарик.[656] Вся Россия знает Шарика.

Варвара ухмыльнулась и ему, и тоже пожала его руку.[657] Но все это время думала она о коте, и не могла понять, о каком Шарике говорит гость.]]

— Павел Иваныч, — попросила Варвара,* — вы помоложе, турните его из-под дивана. [[Да и вы, Виткевич, помогите.]]

[[— Турнем, турнем, — хихикая сказал Володин, и пошел в зал.

— Турнем, тетенька, не беспокойтесь, — сказал Виткевич, подмигнул Варваре и, проходя мимо нее, толкнул ее, словно невзначай, локтем.

Писатели переглянулись. Шарик легонько свистнул. Слова и обращение Виткевича сразу ввели их в понимание того, как подлежит обращаться с Варварой.]][658]

---

* *Было*: она.

Кота кое-как вытащили,[659] и сняли у него с хвоста гремушки. Передонов отыскал репейниковые шишки,[660] и снова принялся лепить их в кота. Кот яростно зафыркал, и убежал в кухню. [[Писатели смеялись. Кот казался им символическим, — вот именно этот Передоновский кот.]][661]

Передонов, усталый от возни с котом, уселся в своем обычном положении, — локти на ручки кресла, пальцы скрещены, нога на ноге, лицо неподвижное и угрюмое. [[Тургенев мечтательно поднял серые глаза к потолку, оклеенному бумажкой, и сказал:

— Зеленоокие коты, любящие на кровлях, выше людского жилья, — это прообраз сверхчеловека.

Шарик презрительно усмехнулся.

— Ну, а по-вашему как же? — спросил Тургенев.

Шарик задумался, покрутил правой рукой, отбросил со лба прядь волос, и сказал:

— Видите ли, я не отрицаю красоты вашего определения. Вообще, вы — мастер ляпать такие поэтические словечки, в которых больше поэзии, чем правды, — да и в сущности, к чёрту правду! Правда — ужасная мещанка, сплетница и дура.[662] Но я хочу вот что сказать: когда коты любят, они мучительно кричат. Отчего? Страдание притаилось у истоков жизни, — и на всех улицах и дворах души, на всех кровлях жизни мяукает горькое страдание, — тем ужаснее и горестнее мяукает, чем пламеннее стремление к идеалу.[663]

Варвара вдруг разразилась дребезжащим смехом, и сказала:[664]

— Ну, будет вам валять Петрушку. Вот, ешьте лучше вишни.

— Вишни вишнями, — возразил Володин, — только вы, Варвара Дмитриевна, нам не мешайте побеседовать. Мы к вам на кухню не ходим, когда вы нам покушать стряпаете, а вы нам не мешайте об ученых предметах послушать.[665]

Шарик подмигнул Тургеневу на Варвару, и спросил его:

— Похожа на Эмму там, у Лисицы, не правда ли?

Тургенев без зазрения пристально оглядел Варвару, и сказал:

— Да, но еще больше на Женю в Старой Японии.[666]

Варвара ухмылялась.

— Какие такие Эмма да Женя? — спросила она. — Знакомые, что ли?

— Да, около того, что знакомые, — сказал Шарик, ухмыляясь с особою многозначительностью.

— Девочки, — мечтательно сказал Тургенев, и нежно прибавил: — бедные девочки!

— Что ж у вас такие бедные знакомые? — ухмыляясь, спросила Варвара.

— Мы, тетенька, и сами, — вошь в кармане, блоха на аркане, — развязно ответил Шарик.

— Какая я вам тетенька, — обиженным голосом сказала Варвара, — разве вы меня за старуху считаете?

— Совсем даже напротив, почтенная матрона, — галантно отвечал Тургенев, — а просто из почтения.

— Лопни моя утроба, только из почтения, маменька, — сказал и Шарик.

— Нужно мне ваше почтение, вот еще, невидаль какая! — с хохотом отвечала Варвара.[667]

Тургенев запел приятным тенорком:

— Прелестная Эмилия,
Друг выше всех похвал,
С тобой мне жизнь — идиллия
Была, мой идеал.

Хитрые серые глаза его выражали не то удовольствие, не то насмешку.

Шарик слушал с презрительной улыбкой, и наконец преувеличенно громко и неестественно засмеялся.

— Нет, право, это даже трогательно,[668] — сказал Тургенев. — Здесь есть что-то такое наивное, первоначальное, — словом, почти прерафаэлитское.

Шарик призадумался.

— Да, пожалуй, — согласился он, — но все-таки ерундисто.

— Конечно! — воскликнул Тургенев, — в сущности, идиотски глупо, но это-то и хорошо. Это мы здесь на кладбище списали, — объяснил он Передонову. — И вообще тут у вас много есть забавных вывесок в городе.

Писатели засмеялись...]][669]

Второе княгинино письмо Передонов берег усерднее, чем первое: носил его всегда при себе, в бумажнике, но всем показывал, и принимал при этом таинственный вид. Он зорко смотрел, не хочет ли кто-нибудь отнять это письмо, не давал его никому в руки, и после каждого показывания прятал в бумажник, бумажник засовывал в сюртук, в боковой карман, сюртук застегивал, и строго, значительно смотрел на собеседников.

— Что ты с ним так носишься? — иногда со смехом спрашивал Рутилов.

— На всякий случай, — угрюмо объяснял Передонов, — кто вас знает!

— Чистая Сибирь у тебя это дело, — говорил Рутилов, хохотал и хлопал Передонова.

Но Передонов сохранял невозмутимую важность. Вообще, он в последнее время заважничал больше обыкновенного. Он часто хвастал:

— Вот я буду инспектором.[670] Вы тут киснуть будете, а у меня под началом два уезда будут. Ого-го!

Он совсем уверился, что в самом скором времени получит инспекторское место. Учителю Фаластову он не раз говорил:

— Я, брат, и тебя вытащу.[671]

Передонов стал часто ходить в церковь. Он становился на видное место, и то крестился чаще, чем следовало, то вдруг столбенел и тупо смотрел перед собою. Какие-то соглядатаи, казалось ему, прятались за столпами, выглядывали оттуда, старались рассмешить его. Но он не поддавался.

Смех, — тихий смешок, хихиканье да шептанье девиц Рутиловых, звучали в ушах у Передонова, разрастаясь порою до пределов необычайных, — точно прямо в уши ему смеялись лукавые девы, чтобы рассмешить — и погубить его. Но Передонов не поддавался.

Порою меж клубами ладанного дыма являлась недотыкомка, дымная, синеватая; глазки блестели огоньками; она с легким звяканьем носилась иногда по воздуху, но недолго, а все больше каталась в ногах у прихожан, издевалась над Передоновым, и навязчиво мучила. Она, конечно, хотела напугать Передонова, чтобы он ушел из церкви до конца обедни. Но он понимал ее коварный замысел, — и не поддавался.

Церковная служба, — не в словах и обрядах, а в самом внутреннем движении своем, столь близкая такому множеству людей, — Передонову была непонятна. Поэтому страшила. Каждения ужасали его, как неведомые чары.

Чего размахался! — думал он.

Одеяния священнослужителей казались ему грубыми, досадно-пестрыми тряпками, — и когда он глядел на облаченного священника, он злобился, и хотелось бы ему изорвать ризы, изломать сосуды. Церковные обряды и таинства представлялись ему злым колдовством, направленным на порабощение простого народа.

Просвирку в вино накрошил, — думал он сердито про священника, — вино дешевенькое, народ морочат, чтобы им побольше денег за требы носили. Таинство вечного претворения бессильного вещества в расторгающую узы смерти силу было перед ним навек занавешено. Ходячий труп! Нелепое совмещение неверия в живого Бога и Христа Его с верою в колдовство!

Стали выходить из церкви. Сельский учитель Мачигин, простоватый молодой человек, подстал к девицам, улыбался и бойко беседовал. Передонов подумал, что неприлично ему при будущем инспекторе так вольно держаться. На Мачигине была соломенная шляпа. Но Передонов вспомнил, что как-то летом, за городом, он видел его в форменной фуражке с кокардой. Передонов решил пожаловаться. Кстати, инспектор Богданов был тут же. Передонов подошел к нему, и сказал:

— А ваш-то Мачигин шапку с кокардой носит. Забарничал.

Богданов испугался, задрожал, затряс своею серенькою еретицею.

— Не имеет права, никакого права не имеет! — озабоченно говорил он, мигая красными глазками.

— Не имеет права, а носит, — жаловался Передонов.[672] — Их подтянуть надо, я вам давно говорил. А то всякий мужик сиволапый кокарду носить будет, так это что же будет.[673]

Богданов, уже и раньше напуганный Передоновым, пуще перетревожился.

— Как же это он смеет, а? — плачевно говорил он. — Я его сейчас же позову, сейчас же, и строжайше запрещу.

Он распрощался с Передоновым, и торопливо затрусил к своему дому. Володин шел рядом с Передоновым, и укоризненно-блеющим голосом говорил:

— Носит кокарду! Скажите, помилуйте! Разве он чины получает? Как же это можно?[674]

— Тебе тоже нельзя носить кокарду, — сказал Передонов.

— Нельзя, и не надо, — возразил Володин. — А только я тоже иногда надеваю кокарду, — но ведь только я знаю, где можно, и когда. Пойду себе за город, да там и надену.[675] И мне удовольствие, и никто не запретит. А мужичок встретится, все-таки почтения больше.

— Тебе, Павлушка, кокарда не к рылу, — сказал Передонов. И ты от меня отстань: ты меня запылил своими копытами.

Володин обиженно примолк, но шел рядом. Передонов сказал озабоченно:

— Вот еще на Рутиловых девок надо бы донести. Они в церковь только болтать да смеяться ходят. Намажутся, нарядятся, да и пойдут. А сами ладан крадут, да из него духи делают, — от них всегда вонько пахнет.

— Скажите, помилуйте! — качая головой и тараща тупые глаза, говорил Володин.

По земле быстро ползла тень от тучи, и наводила на Передонова страх. В клубах пыли по ветру мелькала иногда серая недотыкомка. Шевелилась ли трава на ветру, и уже Передонову казалось, что серая недотыкомка бегала по ней и кусала ее, насыщаясь.

— Зачем трава в городе? — думал он. — Беспорядок! Выполоть ее надо.

Ветка на дереве зашевелилась, съежилась, почернела, закаркала, и полетела вдаль. Передонов дрогнул, дико крикнул, и побежал домой. Володин трусил за ним озабоченно, с недоумевающим выражением в вытаращенных глазах, придерживая на голове котелок, и помахивая тросточкой.

Богданов в тот же день призвал Мачигина. Перед входом в инспекторову квартиру Мачигин стал спиной к солнцу, и причесался на тень пятернею.

— Как же это вы, юноша, а? что это вы такое выдумали, а? — напустился Богданов на Мачигина.

— В чем дело? — развязно спросил Мачигин, поигрывая соломенной шляпой и пошаливая левой ножкой.

Богданов его не посадил, ибо намеревался распечь.

— Как же это, как же это вы, юноша, кокарду носите, а? как это вы решились посягнуть, а? — спрашивал он, напуская на себя строгость и усиленно потрясая серенькою своею еретицей.

Мачигин покраснел, но бойко ответил:

— Что ж такое, разве я не вправе?

— Да разве же вы чиновник, а? чиновник? — заволновался Богданов, — какой вы чиновник, а? азбучный регистратор, а?

— Знак учительского звания, — бойко сказал Мачигин, и внезапно сладко улыбнулся, вспомнив о важности своего учительского звания.

— Носите палочку в руках, палочку, вот вам и знак учительского звания, — посоветовал Богданов, покачивая головой.

— Помилуйте, Сергей Потапыч, — с обидой в голосе сказал Мачигин, — что же палочка! Палочку всякий может, а кокарда для престижа.

— Для какого престижа, а? для какого, какого престижа? — накинулся на юношу Богданов, — какой вам нужен престиж, а? Вы разве начальник?

— Помилуйте, Сергей Потапыч, — рассудительно доказывал Мачигин, — в крестьянском малокультурном сословии это сразу возбуждает прилив почтения, — сей год гораздо ниже кланяются.

Мачигин самодовольно погладил рыженькие усики.

— Да нельзя, юноша, никак нельзя, — скорбно покачивая головою, сказал Богданов.

— Помилуйте, Сергей Потапыч, учитель без кокарды все равно что британский лев без хвоста, — уверял Мачигин, — одна карикатура!

— При чем тут хвост, а? какой тут хвост, а? — с волнением заговорил Богданов. — Куда вы в политику заехали, а? Разве это ваше дело о политике рассуждать, а? Нет, уж вы, юноша, кокарду снимите, сделайте Божескую милость. Нельзя, как же можно, сохрани Бог, мало ли кто может узнать.

Мачигин пожал плечьми, хотел еще что-то выразить, но Богданов перебил его, — в его голове мелькнула блистательная, по его разумению, мысль.

— Ведь вот вы ко мне без кокарды пришли, а, без кокарды! сами чувствуете, что нельзя.

Мачигин замялся было, но нашел на этот раз выражение:

— Так как мы сельские учителя, то нам и нужна сельская привилегия, а в городе мы состоим зауряд интеллигентами.[676]

— Нет, уж вы, юноша, знайте, — сердито сказал Богданов, — что это нельзя, и если я еще услышу, тогда мы вас уволим.

[Мачигин в тот же день пожаловался писателям на Богданова: ужасный формалист, стесняет личную свободу, придирается даже к одежде и к покрою шляпы. Писатели сердито и презрительно фыркали, и обещали пропечатать Богданова.]

Людмила пришла к Саше благоухающая сладкою, томною и пряною японскою фуксиею. Она обрызгала Сашу приторно-пахучими духами. И удивил Сашу их запах, сладкий, но странный, кружащий, туманно-светлый, как золотящаяся ранняя, но грешная заря за белою мглою. Саша сказал:

— Какие духи странные!

— А ты на руку попробуй, — посоветовала Людмила.

И дала ему четырехугольную с округленными ребрами некрасивую баночку. Саша поглядел на свет, — ярко-желтая, веселая жидкость. Крупный, некрасивый ярлык, французская надпись — цикламен от Пивера. Саша взялся за плоскую стеклянную пробку, вытащил ее, понюхал духи. Потом сделал так, как любила делать Людмила, — ладонь наложил на горлышко флакона, быстро его опрокинул, и опять повернул на дно, растер на ладони пролившиеся капли цикламена, и внимательно понюхал ладонь, — спирт улетучился, остался чистый аромат.

Людмила смотрела на него с волнующим ее ожиданием. Саша нерешительно сказал:

— Клопом засахаренным пахнет немножко.

— Ну, ну, не ври пожалуйста, — досадливо сказала Людмила.

Она также взяла духов на руку, и понюхала. Саша повторил:

— Правда, клопом.

Людмила вдруг вспыхнула, да так, что слезинки блеснули на глазах, ударила Сашу по щеке, и крикнула:

— Ах ты, злой мальчишка! вот тебе за клопа.

— Здорово ляснула! — сказал Саша, засмеялся, и поцеловал Людмилину руку. — Что ж вы так сердитесь, голубушка Людмилочка? Ну, чем же по-вашему он пахнет?

Он не рассердился на удар, совсем был очарован Людмилою.

— Чем? — спросила Людмила, и схватила Сашино ухо, — а вот чем, вот чем, я тебе сейчас скажу, только ухо надеру сначала.

— Ой, ой, ой, Людмилочка, миленькая, не буду! — морщась от боли и сгибаясь, говорил Саша.

Людмила выпустила покрасневшее ухо, нежно привлекла Сашу к себе, посадила его на колени, и сказала:

— Слушай, — три духа живут в цикламене, — сладкой амброзией пахнет бедный цветок, — это для рабочих пчел. Ведь ты знаешь, по-русски его дряквой зовут.

— Дряква, — смеючись повторил Саша, — смешное имечко.

— Не смейся, пострел, — сказала Людмила, взяла его за другое ухо, и продолжала: — сладкая амброзия, и над нею гудят пчелы, это — его радость. И еще он пахнет нежною ванилью, — и уже это не для пчел, а для того, о ком мечтают, и это — его желание, — цветок и золотое солнце над ним. И третий его дух, он пахнет нежным, сладким телом, для того, кто любит, а это — его любовь, — бедный цветок и полдневный тяжелый зной. Пчела, солнце, зной, — понимаешь, мой светик?

Саша молча кивнул головою. Его смуглое лицо пылало, и длинные, темный ресницы трепетали. Людмила мечтательно глядела вдаль, раскрасневшаяся, и говорила:

— Он радует, нежный и солнечный цикламен, он влечет к желаниям, от которых сладко и стыдно, он волнует кровь. Понимаешь, мое солнышко, когда сладко, и радостно, и больно, и хочется плакать? Понимаешь? вот он какой!

Долгим поцелуем прильнула она к Сашиным губам, а сама дергала его за ухо. Саша затрепетал в ее объятиях от боли и темного сладостного чувства, закрыл глаза, и прижался к Людмиле. И темные, на смуглых щеках, длинные ресницы давали его лицу выражение жестокой и темной страстности.

Людмила задумчиво смотрела перед собою. Вдруг лукавая усмешка скользнула по ее губам. Она легонько оттолкнула Сашу, и спросила:

— Ты розы любишь?

Саша вздохнул, открыл глаза, улыбнулся сладко и тихо, и шепнул:

— Люблю.

— Большие? — спросила Людмила.

— Да всякие, и большие, и маленькие, — бойко сказал Саша, и встал с ее колен ловким мальчишеским движением.

— И розочки любишь? — нежно спросила Людмила, и звонкий ее голос вздрагивал от скрытого смеха.

— Люблю, — быстро ответил Саша.

Людмила захохотала, и покраснела.

— Глупый, розочки любишь, да посечь некому! — воскликнула она.

Оба хохотали, и краснели. Вожделение пылало в темных Сашиных глазах.

— Посеките, Людмилочка, хоть вы, — сказал он срывающимся голосом.

Людмила притянула его к себе, и повалила его на свои колени. Он барахтался, и смеялся.

— А меня ты любишь? — шепнула Людмила, наклонясь к нему.

— Люблю, — задыхаясь от возни, сказал Саша, — ведь ты же не розочка, хоть и розовые щечки.

— Поцелуй меня, — тихо сказала Людмила.

Саша закинул руки за Людмилину шею, и прижался губами к ее губам в долгом и сладком поцелуе, — и опять закрытые глаза, длинные ресницы на смуглых щеках придавали его лицу выражение слепой и неизбежной страстности. Людмила трепетала, и вздыхала, и

нежилась в этих объятиях, сильных, и уже порочных, но еще невинных.

Невинные по необходимости возбуждения составляли для Людмилы главную прелесть этой связи. Они волновали, — и далеки были от грубых, отвратительных достижений...

Людмила щипнула Сашину щеку. Саша улыбался. Щека покраснела пятном. Это было красиво. Людмила щипнула за другую щеку. Саша не сопротивлялся. Он только взял ее за руку, поцеловал, и сказал:

— Будет вам щипаться, ведь и мне больно, да и свои пальчики намозолите.

— Туда же! — протянула Людмила, — больно, а сам какой комплиментщик стал.

Саша сказал:

— Мне некогда, много уроков. Приласкайте меня еще немножко, на счастье, чтобы греку ответить на пять.

— Выпроваживаешь! — сказала Людмила.

Саша покраснел. Людмила схватила его руку, и подняла рукав выше локтя.

— Нахлопать хотите? — спросил Саша, смущенно и виновато улыбаясь.

Но Людмила залюбовалась его рукою, повертела ее и так и этак.

— Руки-то у тебя какие красивые! — громко и радостно сказала она, и вдруг поцеловала около локтя.

Саша зарделся, рванул руку, — но Людмила удержала ее, и поцеловала еще несколько раз. Саша притих, потупился, и странное выражение легло на его ярких, полуулыбающихся губах, — и под навесом густых ресниц знойные щеки его начинали бледнеть.

[Случалось, Валерия заигрывала с Сашей. Людмила страстно отстраняла ее.

Однажды Саша, просидев у Людмилы с час, уходил. В гостиной сидели Дарья и Валерия. Валерия спросила:

— Что ж с нами не посидишь, красавец?

— Некогда, уроки, — ответил Саша.

Дарья и Валерия удерживали его, он смеялся, и порывался уйти; подняли возню и смех. Людмила рассердилась, и вытолкала Сашу. Она ворчала:

— Иди, иди, учи уроки, — еще кол схватишь.

Он ушел, а сестры заспорили, да так жарко, что дошло до драки: Людмила ударила Валерию по щеке, та схватила ее за волосы. Как раз в это время пришла Лариса.

— Как вам не стыдно! маленькие! — крикнула она.

Сестры остановились, смущенные, раскрасневшиеся.

— В чем дело? — спросила Лариса.

— Да Сашку не поделили, — ответила за них Дарья.

Лариса надрала уши обеим, и заставила их помириться. Людмила и Валерия, полусмеясь, полусердито, поцеловались.]

XXI

Грушина по временам устраивала вечеринки для молодых людей, из числа которых надеялась выудить мужа. Для отвода глаз приглашала она и семейных знакомых.[677] [Теперь она воображала, что можно прельстить одного из выпивающих в странствиях писателей, и повенчаться с ним. Она позвала их на вечер, да и своих обычных состольников: Передонова с Варварой, Фаластова, Володина, Рутилова, Преполовенских, и еще несколько молодых чиновников.

Гости собрались рано. Не было пока только писателей.[678]]

На стенах в гостиной у Грушиной висели картинки, закрытые плотною кисеей. Впрочем, особенно неприличного в них ничего не было. Когда Грушина подымала, с лукавою нескромною усмешечкой, кисейные занавесочки, гости любовались голыми бабами, написанными плохо.[679]

— Что же это — баба кривая! — угрюмо сказал Передонов.

— Ничего не кривая, — горячо заступилась Грушина за картинку, — это она изогнулась.

— Кривая, — повторил Передонов.

— Ну, много вы понимаете, — обиженно сказала Грушина, — эти картинки очень хорошие и дорогие. Художникам без таких нельзя.

Передонов внезапно захохотал: он вспомнил совет, данный им на днях Владе.[680]

— Чего вы заржали? — спросила Грушина.

— Нартанович, гимназист, своей сестре Марфе платье подпалит, — объяснил он, — я ему посоветовал это сделать.

— Станет он палить, нашли дурака, — возразила Грушина.

— Конечно, станет, — уверенно сказал Передонов, — братья и сестры всегда ссорятся. Когда я маленький был, так всегда своим сестрам пакостил, — маленьких бил, а старшим одежду портил.

— Не все же ссорятся, — сказал Рутилов, — вот я с сестрами не ссорюсь.

— Что ж ты с ними, целуешься что ли? — спросил Передонов.

— Ты, Ардальон Борисыч, свинья и подлец, и я тебе оплеуху дам, — очень спокойно сказал Рутилов.

— Ну, я не люблю таких шуток, — ответил Передонов, и отодвинулся от Рутилова, а то еще, — думал он, — и в самом деле даст, — что-то зловещее у него лицо. — У нее, — продолжал он о Марте, — только и есть одно платье, черное.

— Вершина ей новое сошьет, — с завистливой злостью сказала Варвара. — К свадьбе все приданое сделает. Красавица, инда лошади жахаются.

— Пора и вам венчаться, — сказала Преполовенская. — Чего ждете, Ардальон Борисыч![681]

Преполовенские уже видели, что после второго письма Передонов твердо решился жениться на Варваре. Они и сами поверили письму, и говорили, что всегда были за Варвару. Ссориться с Передоновым им не было расчета, — выгодно играть с ним в карты. А Геня, делать нечего, пусть подождет, — другого жениха придется поискать.

— Конечно, — заговорил Преполовенский, — венчаться вам надо: и доброе дело сделаете, и княгине угодите; княгине приятно будет, что вы женитесь, так что вы и ей угодите, и доброе дело сделаете, вот и хорошо будет, а то так-то что же, а тут все же доброе дело сделаете, да и княгине приятно.

— Вот и я то же говорю, — сказала Преполовенская.

А Преполовенский не мог остановиться, и видя, что от него уже все отходят, сел рядом с молодым чиновником, и принялся ему растолковывать то же самое.[682]

— Я решился венчаться, — сказал Передонов, — только мы с Варварой не знаем, как надо венчаться.

— Вот, дело нехитрое, — сказала Преполовенская, — да если хотите, мы с мужем вам всё устроим, вы только сидите.

— Хорошо, — сказал Передонов, — я согласен. Только чтобы все было хорошо и прилично. Мне денег не жалко.

— Уж все будет хорошо, не беспокойтесь, — уверяла Преполовенская.

Передонов продолжал ставить свои условия:

— Другие по скупости покупают тонкие кольца, серебряные вызолоченные, а я так не хочу, а чтобы были настоящие золотые. И я даже хочу вместо обручальных колец заказать обручальные браслеты, — это и дороже и важнее.

Все засмеялись.

— Нельзя браслеты, — сказала Преполовенская, легонько усмехаясь, — кольца надо.

— Отчего нельзя? — с досадой спросил Передонов.

— Да уж так не делают.

— А может быть, и делают, — недоверчиво сказал Передонов. — Это еще я у попа спрошу.

Рутилов хихикая советовал:

— Уж ты лучше, Ардальон Борисыч, обручальные пояса закажи.

— Ну, на это у меня и денег не хватит, — ответил Передонов, не замечая насмешки, — я не банкир.

[Рутилов, как это ни странно, все еще не терял надежды выдать одну из сестер за Передонова. Поэтому ему не нравились разговоры о женитьбе Передонова на Варваре, и он, чтобы перевести разговор на другое, заговорил о вчерашнем приключении с писателями. После обильной выпивки у Мурина[683] пьяные писатели заблудились на улицах, и набуянили. Городовые препроводили их в полицию. Так как исправник в тот день был в отъезде, а помощник исправника винтил у соборного протопопа, то войти в положение писателей было некому, — им пришлось переночевать в клоповнике (местное название того покоя при полицейском управлении, куда сажали задержанных полициею). На утро их выпустили, даже извинились перед ними.

Оказалось, что это приключение всем известно. Тем не менее заговорили о нем с одушевлением, с хохотом, и сообщали друг другу явно невероятные подробности.[684]

Как раз в это время пришли писатели, — Тургенев в светлом пиджаке и в галстучке веревочкой, — он старался казаться изящным и нежным, — Шарик в блузе, с преувеличенно мужицкими ухватками.

Их засыпали вопросами, — правда ли, что они ночевали в кутузке? — правда ли, что их городовые колотили? — правда ли, что им на спине клейма поставили? Писатели с восторгом и ожесточением рассказывали о своем приключении.[685]

Тургенев с горькою улыбкою сказал:

— Это один из массы прискорбных фактов русской действительности. Куда ни поглядишь — русское недомыслие, русская безжизненность, русское остолбенение! — говорил он, с горьким презрением произнося слово «русское».

— Руси есть веселие пити, — с одобряющим смехом сказал Мурин.

Писатели посмотрели на него сердито, и Шарик грубо ответил:

— Совсем некстати вы это ляпнули.

Тургенев поддержал его:

— В клоповнике, помимо пьяниц, попадаются и совершенно трезвые интеллигенты. На это имеется масса прецедентов в судебной хронике. Наша «российская» полиция, — кто же ее не знает!

— Да, мало ли душевных парней по острогам вшей кормят, — сказал Шарик.

Тургенев поучал:

— Россия не имеет еще существенной европейской гражданственности: свободы совести, свободы печати, неприкосновенности личности, свободы передвижения без паспорта.

В это время Передонов совершенно неожиданно и очень громко зевнул. Писателям это весьма не понравилось. Они гневно переглянулись.

— Только русские могут зевать и спать под тучей, — сказал Тургенев.

— Одни с храпом, другие нахрапом, — сурово заметил Шарик.

— Но все-таки наш инцидент, — горячо говорил Тургенев, — исключительно-возмутителен. Приезжие литераторы, цвет и соль интеллигенции, во главе со знаменитым Шариком, делают честь городу, нанося ему визит, — на них бы должны смотреть, как на почтенных гостей, а их альгвазилы тащат в кутузку! За это в Сибирь сослать мало. Нельзя допустить, чтобы каждый городовой мог глумиться над литературой.

— В Европах такой мерзости не могло бы случиться, — с уверенностью сказал Шарик.[686]

Тургенев вздохнул, сверкнул глазками по-змеиному, и прошипел:

— Этот случай перейдет в вечность! Когда-нибудь в «Русской Старине» появятся мои мемуары. Там все это будет.

— А я не буду ждать[687] потомства, — заявил Шарик, — я напишу письмо в немецкую или шведскую газету.

— Достанется вам за это? — опасливо осведомился Рутилов.

— Нет, за границей можно, — они на это не обращают внимания.[688]

— Большая важность в участке посидеть, — сказал Мурин.

— А вы там сиживали? — запальчиво спросил его Шарик.

— Ну, вот, чего я там не видал! — обиженно ответил Мурин.

— Так вы и не можете судить о том, что значит провести ночь в темнице, — с одушевлением заговорил Тургенев. — Сырой мрак, голые стены, смрад, ядовитый, удушливый. За стеною — звон кандалов, свирепые возгласы угрюмых стражей, и чьи-то душу надрывающие стоны. Истомленный всем этим ужасом, опустишься на жесткое ложе, — и тотчас же нападают клопы, блохи, мокрицы, тараканы, тарантулы, и

жалят, жалят нестерпимо. Вскакиваешь, хочешь идти, в благородном негодовании ломишься в двери, — свирепое рыканье пьяного башибузука, вооруженного нашею родною, всемирно-знаменитою нагайкою, мигом возвращает к покорности. Валишься на сырой, грязный пол, забываешься на полминуты, и видишь сны, — о, эти ужасные, горячечные, темничные сны! Ужас, ужас, трижды ужас! Позор, позор, стократ позор! Презренная Россия![689]

— Кстати о снах, — сказал Передонов, — а я сегодня тоже сон видел. Страшный! Будто я Марфу ограбил, укокошил, и в помойку сволок.

Варвара захихикала, и сказала:

— Так ей и надо, стерве.

Тургенев смотрел с недоумением и досадою. Никто не был поражен силою его речи, — точно комар пропищал.[690] Он проворчал, обращаясь к Шарику:

— Святая простота!

— Головоногие! — в ответ ему проворчал Шарик.]

— Я сегодня [тоже] интересный сон видел, — объявил Володин, — а к чему он, не знаю. Сижу это я будто на троне, в золотой короне, а передо мной травка, а на травке барашки, всё барашки, всё барашки, бе-бе-бе! Так вот всё барашки ходят, и так головой делают, и всё этак бе-бе-бе!

Володин прохаживался по комнатам, тряс лбом, выпячивал губы и блеял. Гости смеялись. Володин сел на место, блаженно глядел на всех, щуря глаза от удовольствия, и смеялся тоже, бараньим, блеющим смехом.

— Ну, что же дальше? — спросила Грушина, подмигивая гостям.

— Ну, и всё барашки, всё барашки, а тут я и проснулся, — кончил Володин.

— Барану и сны бараньи, — ворчал Передонов, — важное кушанье — бараний царь.

— А я сон видела, — с нахальной усмешкой сказала Варвара, — так его при мужчине нельзя рассказывать, — ужо вам одной расскажу.

— Ах, матушка, Варвара Дмитриевна, — вот-то в одно слово, и у меня тоже, хихикая и подмигивая всем, отвечала Грушина.

— Расскажите, мы — мужчины скромные, вроде дам, — сказал Рутилов.

И прочие мужчины просили Варвару и Грушину рассказать сны. Но те переглядывались, погано смеялись, и не рассказывали [(присутствие новых гостей, писателей, стесняло их). А писатели презрительно и насмешливо улыбались.

— Какие пошлые сны шляются в этом городе! — сказал Шарик. — Тургенев, расскажите им ваш сон об аллее вещих птиц. В нем аховое настроение.

Тургенев мечтательно улыбнулся, поднял глаза к потолку, и заговорил томным голосом:

— Аллея, длинная, без конца. У всех деревьев отрублены верхи. Между каждою парою деревьев цветет мистический огонь. На каждом дереве сидит вещая птица сирин, и хлопает глазами. Богатое настроение!

— Аминь, аминь, рассыпься! — шептал Передонов.

Уже завидовал Шарик Тургеневскому сну. Он выдумывал свой сон, чтобы затмить все раньше рассказанные, — сон явно неправдоподобный, со множеством подробностей; там были и орел (сам Шарик), и змея, и ворон, и кроваво-ротые тюльпаны. Но Рутилов помешал его рассказу.

— А я так никогда снов не вижу, — сказал Рутилов,* — а и увижу, так сейчас же забуду. Стоит помнить, право!

Рутилову захотелось поддержать перед писателями достоинство образованного человека.[691]

— Отчего? — спросил Тургенев, пожимая плечами.

— Только мужичье во сны верит, — говорил Рутилов, — образованным людям не пристало.

Шарик язвительно улыбался.

— Полированность! — злобно сказал он.

Тургенев же, довольный тем, что рассказал свой сон, был благодушен. Он провел рукою по волосам, и сказал:

— Нет, я не смеюсь над суеверием. Народные предания близки мне, — я — внук простонародья, я — племянник[692] ворожащего горя.[693] Вещими снами обвеяна моя колыбель. Мое сердце верит во все эти сказки, — о, я — безумец! Сегодня мне еще снилось, — там, в темнице, — я был царевич, прекрасный, юный: мои очи сияли, как звезды, мои кудри рассыпались по плечам золотым каскадом, на моих устах цвели розы, прелестные девы целовали мои белые руки устами, легкими, как сон.

Передонов опять внезапно и громко зевнул, и перекрестил рот, крадучись, чтоб не видели.]

Сели играть в карты. Рутилов уверял, что Передонов отлично играет. Передонов верил. Но сегодня, как и всегда, он проигрывал. Рутилов

---

* *Было*: он.

был в выигрыше. От этого он пришел в большую радость, и говорил оживленнее обыкновенного.[694]

Передонова дразнила недотыкомка. Она пряталась где-то близко, — покажется иногда, высунется из-под стола или из-за чьей-нибудь спины, и спрячется. Казалось, ждала она чего-то. Было страшно.

Самый вид карт страшил Передонова. Дамы — по две вместе. А где же третья? — думал Передонов.

Он тупо разглядывал пиковую даму, потом повернул ее другою стороною, — третья, может быть, спряталась за рубашкой?

Рутилов сказал:

— Ардальон Борисыч своей даме за рубашку смотрит.

Все захохотали.

Между тем в сторонке два молоденьких полицейских чиновника сели играть в дурачки. Партии разыгрывались у них живо. Выигравший хохотал от радости, и показывал другому длинный нос. Проигравший сердился.

Запахло съестным. Грушина позвала гостей в столовую. Все пошли, толпясь и жеманясь. Расселись кое-как.

— Кушайте, господа, — угощала Грушина. — Ешьте, дружки, набивайте брюшки по самые ушки.

— Пирог ешь, хозяйку тешь, — кричал радостно Мурин.

Ему было весело смотреть на водку, и думать, что он в выигрыше.

[— Кушайте, чего вы желаете? — потчевала Грушина писателей, которые сели рядышком.

Тургенев улыбнулся меланхолично, принял вдохновенный вид, и сказал:

— Желания? Но мои желания ненасытны. Я бы желал вспорхнуть, и лететь, лететь...

— А я желаю, — угрюмо заявил Шарик, — дать в рыло какому-нибудь мерзавцу.

Тургенев возразил:

— Нет, я хочу иметь женщину, безумную, как я! С рыжими волосами.]

Усерднее всех угощались Володин и два молоденьких чиновника, — они выбирали кусочки получше и подороже, и с жадностью пожирали икру. Грушина сказала, принужденно смеясь:

— Павел-то Иванович, пьян да призорóк, через хлеб да за пирог.

Нешто она для него икру покупала!

И под предлогом угостить дам, она отставила от него все, что было получше. Но Володин не унывал, и довольствовался тем, что осталось:

он успел съесть много хорошего с самого начала, и теперь ему было все равно.

Передонов смотрел на жующих, и ему казалось, что все смеются над ним. С чего? над чем? Он с остервенением ел все, что попадалось.[695]

[Писателям одновременно пришла в голову одна и та же блистательная затея. Они перемигнулись, вставая из-за ужина, отошли к сторонке, и заговорили горячо. Они уговаривали друг друга жениться на Грушиной.

— В ней что-то есть вакхическое, — говорил Тургенев.

— Я, право, не прочь бы, — отвечал Шарик, — но вам она больше подходит. И оба наперерыв выхваляли ее: каждый думал погубить приятеля этою женитьбою.]

После ужина опять играли. Но скоро Передонову надоело. Он бросил карты, и сказал:

— Ну вас к черту! Не везет! Надоело. Варвара, пойдем домой.

И другие гости поднялись за ними[, потрезвее, писатели же и Мурин остались].

В передней Володин увидел, что у Передонова новая тросточка. Осклабясь, он поворачивал ее перед собою, и спрашивал:

— Ардаша, отчего же тут пальчики калачиком свернуты? Что же это обозначает?

Передонов сердито взял у него из рук тросточку, приблизил ее набалдашником, с кукишем из черного дерева, к носу Володина, и сказал:

— Шиш тебе с маслом.

Володин сделал обиженное лицо.

— Позвольте, Ардальон Борисыч, — сказал он, — я с маслом хлебец изволю кушать, а шиша с маслом я не хочу кушать.

Передонов, не слушая его, заботливо кутал шею шарфом, и застегивал пальто на все пуговицы. Рутилов говорил со смехом:

— Чего ты кутаешься, Ардальон Борисыч! Тепло.

— Здоровье всего дороже, — ответил Передонов.

[— Нет, — мечтательно возразил Тургенев, — всего дороже слава.

— Честная слава, — поправил его Шарик.

— О, все равно, — сказал Тургенев, — ведь и убийство может быть красивым жестом.]

На улице было тихо, — улица улеглась во мраке, и тихонечко похрапывала. Темно было, тоскливо, и сыро. На небе бродили тяжелые тучи.[696] Передонов ворчал:

— Напустили темени, а к чему?

Он теперь не боялся, — шел с Варварой, а не один.[697]

Скоро пошел дождь, мелкий, быстрый, продолжительный. Все стало тихо, — и только дождь болтал что-то навязчиво и скоро, захлебываясь, — невнятные, скучные и тоскливые речи.

Передонов чувствовал в природе отражения своей тоски, своего страха под личиною ее враждебности к нему, — той же внутренней и недоступной внешним определениям жизни во всей природе, жизни, которая одна только создает истинные отношения, глубокие и несомненные, между человеком и природою, этой жизни он не чувствовал. Потому-то вся природа казалась ему проникнутою мелкими человеческими чувствами. Ослепленный обольщениями личности и отдельного бытия, он не понимал демонических, стихийных восторгов, ликующих и вопиющих в природе. Он был слеп и жалок, как многие из нас.

Саша обещал придти. Назначенный час прошел, — его не было. Людмила нетерпеливо ждала, — металась, томилась, смотрела в окно. Шаги заслышит на улице, — высунется. Сестры посмеивались. Она сердито и взволнованно говорила:

— А ну вас! Отстаньте!

Потом бурно набрасывалась на них с упреками, зачем смеются. И уже видно стало, что Саша не придет. Людмила заплакала, от досады и огорчения.

— Ой-ёй-ёчиньки! Охти мнечиньки! — дразнила ее Дарья.

Людмила, всхлипывая, тихонько говорила, в порыве горя забывая сердиться на то, что ее дразнят:

— Старая карга, противная, не пустила его, под юбкой держит, чтоб он греков учил.

Дарья с грубоватым сочувствием сказала:

— Да и он-то пентюх, уйти не умеет.[698]

— С малюсеньким связалась, — презрительно молвила Валерия.

Обе сестры, хотя и посмеивались, сочувствовали Людмиле. Они же все любили одна другую, нежно, но не сильно: поверхностна нежная любовь! Дарья сказала:

— Охота плакать, из-за молокососа глаза ермолить! Вот-то, уже можно сказать, чёрт с младенцем связался.

— Кто это чёрт? — запальчиво крикнула Людмила, и вся багрово покраснела.

— Да ты, матушка, — спокойно ответила Дарья, — даром что молодая, а только...

Дарья не договорила, и пронзительно засвистала.

— Глупости! — сказала Людмила странно-звенящим голосом.

Странная, жестокая улыбка сквозь слезы озарила ее лицо, как ярко-пылающий луч на закате сквозь последнее падение усталого дождя. Дарья спросила досадливо:

— Да что в нем интересного, скажи, пожалуйста?

Людмила, все с тою же удивительною улыбкою, задумчиво и медленно ответила:

— Какой он красавец! И сколько в нем неистраченных возможностей!

— Ну, это дешево стоит, — решительно сказала Дарья. — Это у всех мальчишек есть.

— Нет, не дешево, — с досадой ответила Людмила. — Есть поганые.

— А он чистый? — спросила Валерия; так пренебрежительно протянула «чистый».

— Много ты понимаешь! — крикнула Людмила, но сейчас же опять заговорила тихо и мечтательно: — он невинный [и даже Тургенев говорил о нем смешно, а все же, может быть, и верно].

— Еще бы! — насмешливо сказала Дарья.

— Самый лучший возраст для мальчиков, — говорила Людмила, — 14—15 лет. Еще он ничего не может, и не понимает по-настоящему, а уже все предчувствует, решительно все! И нет бороды противной!

— Большое удовольствие! — с презрительной ужимкою сказала Валерия.

Она была грустна. Ей казалось, что она — маленькая, слабая, хрупкая, и она завидовала сестрам, — Дарьину веселому смеху, и даже Людмилину плачу. Людмила сказала опять:

— Ничего вы не понимаете. Я вовсе не так его люблю, как вы думаете. Любить мальчика лучше, чем влюбиться в[699] пошлую физиономию с усиками. Я его невинно люблю. Мне от него ничего не надо.

— Не надо, так что ж ты его теребишь! — грубо возразила Дарья.

Людмила покраснела,[700] и виноватое выражение тяжело легло на ее лице. Дарье стало жалко, она подошла к Людмиле, обняла ее, и сказала:

— Ну, не дуйся, ведь мы не со зла говорим. Людмила опять заплакала, приникла головой к Дарьину плечу, и горестно сказала:

— Я знаю, что уж тут не на что мне надеяться, но хоть бы немножко приласкал он меня, хоть бы как-нибудь!

— Ну что, тоска! — досадливо сказала Дарья, отошла от Людмилы, подперлась руками в бока, и звонко запела:

Я вечор сваво милова
Оставляла ночевать.

Валерия заливалась звонким и хрупким смехом. И у Людмилы глаза стали веселы и блудливы. Она порывисто[701] прошла в свою комнату, обрызгала себя корилопсисом, — и запах пряный, сладкий и блудливый охватил ее вкрадчивым соблазном. Она вышла на улицу нарядна⟨я⟩, взволнованная, и нескромною прелестью соблазна веяло от нее. Может быть, и встречу, — думала она.[702] И встретила!

— Хорош! — укоризненно и радостно крикнула она.

Саша и смутился, и обрадовался.[703]

— Некогда было, — смущенно сказал он, — всё же уроки, все учить надо, правда, некогда.

— Врешь,[704] миленький, — пойдем-ка сейчас.

Он отнекивался смеючись, но видно было, что и рад тому, что Людмила его уводит. И Людмила[705] привела его домой.

— Привела! — с торжеством крикнула она сестрам, и за плечо отвела Сашу к себе.

— Погоди, сейчас я с тобой разделаюсь, — погрозилась она, и заложила дверь на задвижку, — вот теперь никто за тебя не заступится.

Саша, заложа руки за пояс, неловко стоял посреди ее горницы, — ему было жутко и любо. Пахло какими-то новыми духами, празднично, сладко, но что-то в этом запахе задевало, бередило нервы, как прикосновение радостных, юрких и шероховатых змеек.

И досталось же сегодня Саше. Как только не теребила его Людмила!

Ей любо было щипать его за щеки, и смотреть, как они запылают ярко.

И Саша смеялся, — ему нравилось, что немножко больно, — стерпеть можно, — и вдруг в щеке разольется тепло...

А за дверью, нагнувшись к замочной скважине, подслушивали и подсматривали Дарья и Валерия, — обе раскраснелись, дрожали, и чинно менялись, соблюдая тишину, словно занялись хорошим и необходимым делом.[706]

XXII

Преполовенские взяли на себя[707] устройство венчания. Венчаться решили в деревне, верстах в шести от города: в городе Варваре неловко было идти под венец после того, как прожили столько лет, выдавая себя за родных. День, назначенный для венчания, скрыли: Преполовенские распустили[708] слух, что венчаться будут[709] в пятницу, а на самом деле свадьба была[710] в среду днем. Это сделали, чтобы не наехали любопытное из города. Варвара не раз повторяла Передонову:

— Ты, Ардальон Борисыч, не проговорись, когда венец-то будет, а то еще помешают.[711]

Деньги на расходы по свадьбе Передонов выдавал неохотно, с издевательствами над Варварой. Иногда он приносил свою палку с набалдашником-кукишем, и говорил Варваре:

— Поцелуй мой кукиш, дам денег, — не поцелуешь, — не дам.

Варвара целовала кукиш.

— Что ж такое, губы не треснут, — говорила она.

Срок свадьбы таили до самого назначенного дня даже от шаферов, чтобы не проболтались. Сперва позвали в шаферы Рутилова и Володина, — оба охотно согласились: Рутилов ожидал забавного анекдота, Володину было лестно играть такую значительную роль при таком выдающемся событии в жизни такого почтенного лица. Потом Передонов сообразил, что ему мало одного шафера. Он сказал:

— Тебе, Варвара, одного будет, а мне двух надо, мне одного мало, — надо мной трудно венец держать.

И Передонов пригласил вторым шафером Фаластова. Варвара ворчала:

— Куда его к чёрту, два есть, чего еще!

— У него очки золотые, важнее с ним, — сказал Передонов.[712]

Утром в день свадьбы Передонов помылся теплою водою, как всегда, чтобы не застудить себя,[713] и затем потребовал румян, объясняя:

— Мне надо теперь каждый день подкрашиваться, а то еще подумают, дряхлый, и не назначат инспектором.[714]

Варваре жаль было своих румян, но пришлось уступить, — и Передонов подкрасил себе щеки. Он бормотал:

— Сам Верига красится, чтобы моложе быть. Не могу же я с белыми щеками венчаться.

Затем, запершись в спальне, он решил наметить себя, чтобы Володин не мог подменить его собою. На груди, на животе, на локтях, еще на разных местах намазал он чернилами букву «П».

Надо было наметить и Володина, да как его наметишь! Увидит, сотрет, — тоскливо думал Передонов.

Затем пришла ему в голову мысль, что не худо бы надеть корсет, — а то за старика примут, если невзначай согнешься. Он потребовал от Варвары корсет. Но Варварины корсеты оказались ему тесны, — ни один не сходился.

— Надо было раньше купить, — сердито ворчал он. — Ничего не подумают.

— Да кто же мужчины носит корсет, — возражала Варвара, — никто не носит.

— Верига носит, — сказал Передонов.

— Так Верига — старик, а ты, Ардальон Борисыч, слава Богу, мужчина в соку.

Передонов самодовольно улыбнулся, посмотрел в зеркало, и сказал:

— Конечно, я еще лет полтораста проживу.

Кот чихнул под кроватью. Варвара сказала, ухмыляясь:

— Вот и кот чихает, — значит, верно.

Но Передонов вдруг нахмурился. Кот уже стал ему страшен, и чиханье его показалось ему злою хитростью.

Начихает тут чего не надо, — подумал он, полез под кровать, и принялся гнать кота. Кот дико мурлыкал, прижимался к стене, и вдруг, с громким и резким мяуканьем, шмыгнул меж рук у Передонова, и выскочил из горницы.

— Чёрт голландский! — сердито обругал его Передонов.

— Чёрт и есть, — поддакивала Варвара, — совсем одичал кот, погладить не дается, ровно в него чёрт вселился.

[Передонов, щурясь, смотрел, как Варвара одевается. Новое соображение зашевелилось в его темной голове. Он спросил:

— Ты зачем штаны надела?[715]

— Это — кальсоны, — объяснила Варвара, — уж их все носят. Сколько раз ты их видел.

— Нет, — сказал Передонов, — под венец нельзя так ехать. Жене штанов носить нельзя.

— Мне все равно, — ухмыляясь, сказала Варвара, — по мне хоть совсем телешом, только в церковь не пустят голышку-то.]

Преполовенские послали за шаферами с раннего утра. Часам к десяти все собрались у Передонова. Пришли Грушина и Софья с мужем. Подали закуску. Передонов мало ел, и тоскливо думал, чем бы ему отличить себя еще больше от Володина.

Барашком завился, — злобно думал он, и вдруг сообразил, что ведь и он может причесаться по-особенному. Он встал из-за стола, и сказал:

— Вы тут ешьте да пейте, мне не жалко, а я пойду к парикмахеру, причешусь по-испански.[716]

— Как же это по-испански? — спросил Рутилов.

— А вот увидишь!

Когда Передонов ушел стричься, Варвара сказала:

— Всё придумки разные придумывает. Черти ему всё мерещатся.

— Поменьше бы сивухи трескал, опитоха проклятый.

Преполовенская сказала с хитрой усмешечкой:

— Вот повенчаетесь, Ардальон Борисыч получит место, и успокоится.

Грушина хихикала. Ее веселила таинственность этого венчания, и подстрекала жажда устроить какое-нибудь позорище, да так, чтобы самой не быть замешанной. Она под рукой шепнула вчера вечером некоторым из своих друзей о часе и месте венчания. Сегодня рано утром она зазвала к себе младшего слесаренка, дала ему пятачок, и подговорила к вечеру ждать за городом проезда новобрачных, и накидать в их повозку сору и бумажек. Слесаренок радостно согласился, и дал клятвенное обещание не выдавать. Грушина напомнила ему:

— А Черепнина-то выдали, как вас пороть стали.

— Дураки мы были, — сказал слесаренок, — а теперь хоть пусть повесят, все равно.

И слесаренок, в подтверждение своей клятвы, съел горсточку земли. За это Грушина прибавила ему еще три копейки.

В парикмахерской Передонов потребовал самого хозяина. Хозяин, молодой человек, окончивший недавно городское училище, и почитывавший книги из земской библиотеки, кончал стричь какого-то незнакомого Передонову помещика. Скоро кончил, и подошел к Передонову.

— Сперва его отпусти, — сердито сказал Передонов.

Помещик расплатился, и ушел.

Передонов уселся перед зеркалом.

— Мне постричься и прическу надо сделать, — сказал он. — У меня сегодня важное дело есть, совсем особенное, так ты мне сделай прическу по-испански.

Стоявший у двери мальчик-ученик смешливо фыркнул. Хозяин строго посмотрел на него. По-испански стричь ему не приходилось, и

он не знал, что это за прическа испанская, и есть ли такая прическа. Но если господин требует, то, надо полагать, он знает, чего хочет. Молодой парикмахер не пожелал обнаружить своего невежества. Он почтительно сказал:

— Из ваших волос, господин, никак нельзя-с.

— Это почему нельзя? — обиженно спросил Передонов.

— Вашим волосам плохое питание, — объяснил парикмахер.

— Что же, мне их пивом поливать, что ли? — проворчал Передонов.

— Помилуйте, зачем же пивом! — любезно улыбаясь, отвечал парикмахер, — а только возьмите то, что если постричь сколько-нибудь, и притом же так как у вас на головке уже солидность обозначается, то никак не хватит на испанскую прическу.

Передонов чувствовал себя сраженным невозможностью остричься по-испански. Он уныло сказал:

— Ну стриги, как хочешь.

Уж не подговорили ли этого парикмахера, — думал он, — чтобы не стриг наотличку? Не надо было говорить дома! Очевидно, что пока Передонов шел чинно, и степенно по улицам, Володин барашком пробежал задворками, и снюхался с парикмахером.[717]

— Прикажете спрыснуть? — спросил парикмахер, окончив свое дело.

— Спрысни меня резедой, да побольше, — потребовал Передонов, — а то обчекрыжил кое-как, хоть резедой сдобри.

— Резеды, извините, не держим, — смущенно сказал парикмахер, — не угодно ли опопонаксом?

— Ничего-то ты не можешь, как следует, — горестно сказал Передонов, — уж прыскай, что есть.

Он в досаде возвращался домой. День стоял ветреный. Ворота от ветра хлопали, зевали и смеялись. Передонов смотрел на них тоскливо. Как тут ехать? Но уже все делалось само собой.

Поданы были три тарантаса, — надо было садиться и ехать, а то повозки привлекут внимание, — соберутся любопытные, приедут и прибегут смотреть свадьбу.[718] Разместились, и поехали: Передонов с Варварой, Преполовенские с Рутиловым, Грушина с остальными шаферами.

На площади поднялась пыль. Стучали, — слышалось Передонову, — топоры. Еле видная сквозь пыль, подымалась, росла деревянная стена. Рубили крепость. Мелькали мужики в красных рубахах, свирепые и молчаливые.

Тарантасы пронеслись мимо, — страшное видение мелькнуло и скрылось. Передонов оглядывался в ужасе, но уже ничего не было видно, — и никому не решился он сказать о своем виденье.

Всю дорогу грусть томила Передонова. Враждебно все смотрело на него, все веяло угрожающими приметами. Небо нахма́рилось.* Ветер дул навстречу, и вздыхал о чем-то. Деревья не хотели давать тени, — всю себе забрали. Зато поднималась пыль длинною, полупрозрачно-серою змеею. Солнце с чего-то пряталось за тучи, подсматривало, что ли? Дорога шла мажарами, — неожиданные из-за невысоких кустов вставали кусты, рощи, поляны, ручьи под гулкими деревянными мостами-трубами.

— Глаз-птица пролетела, — угрюмо сказал Передонов в белесовато-туманную даль небес. — Один глаз и два крыла, а больше ничего и нету.

Варвара ухмылялась. Она думала, что Передонов пьян с утра. Но она не спорила с ним, — а то еще, — думала она, — рассердится, и не пойдет под венец.

В церкви уже стояли в уголке, прячась за колонною, все четыре сестры Рутиловы. Передонов их не видел сначала, но потом уже во время самого венчанья, когда они вышли из своей засады, и подвинулись вперед, — он увидел их, и испугался. Впрочем, они ничего худого не сделали, не потребовали, — чего он боялся сперва, — чтобы он Варвару прогнал, а взял одну из них, — а только все время смеялись. И смех их, сначала тихий, все громче и злее отдавался в его ушах, как смех неукротимых фурий. Посторонних в церкви почти не было, — только две-три старушки пришли откуда-то. И хорошо: Передонов вел себя глупо и странно. Он зевал, бормотал, толкал Варвару, жаловался, что воняет ладаном, воском, мужичьем.

— Твои сестры всё смеются, — бормотал он, обернувшись к Рутилову, — печенку смехом просверлят.

Кроме того, тревожила его недоты́комка. Она была грязная и пыльная, и все пряталась под ризу к священнику.

И Варваре, и Грушиной церковные обряды казались смешными. Они беспрестанно хихикали. Слова о том, что жена должна прилепиться к своему мужу, вызвали у них особенную веселость. Рутилов тоже хихикал, — он считал своею обязанностью всегда и везде смешить дам.

* *Нахма́риться* (диалект.) — затянуться тучами, стать хмурым.

Володин же вел себя степенно, и крестился, сохраняя на лице глубокомысленное выражение. Он не связывал с церковными обрядами никакого иного представления, кроме того, что все это установлено, подлежит исполнению, и что исполнение всех обрядов ведет к некоторому внутреннему удобству: сходил в праздник в церковь, помолился, — и прав; нагрешил, покаялся, — и опять прав. Хорошо и удобно, — тем удобнее, что вне церкви обо всем церковном не надо было и думать, а руководиться следовало совсем иными, житейскими правилами.

Только что кончилось венчанье, не успели еще выйти из церкви, — вдруг неожиданность. В церковь шумно ввалилась пьяная компания, — Мурин, [Шарик в блузе, Тургенев в светлом легком костюмчике с розовым галстучком, со своими приятелями.

— А, сверхчеловеки! — хихикая сказал Рутилов, завидев писателей.

Писатели приняли это обращение за чистую монету, и надмевались.]

Мурин, растрепанный и серый, как всегда, облапил Передонова, и закричал:

— От нас, брат, не скроешь! Такие приятели, водой не разольешь, а он, штукарь, скрыл!

Слышались восклицания:

— Злодей, не позвал!

— А мы тут как тут!

— Да, мы-таки зазнали!

Вновь прибывшие обнимали и поздравляли Передонова. Мурин говорил:

— По-пьяному делу заблудились немножко, а то бы к началу потрафили.

Передонов хмуро смотрел, и не отвечал на поздравления. Злоба и страх томили его.

Везде выследят, — тоскливо думал он.

— Вы бы лбы перекрестили, — сказал он злобно, — а то, может быть, вы злоумышляете.

Гости крестились, хохотали, и кощунствовали. Особенно отличались молоденькие чиновнички. Дьякон укоризненно унимал их. Среди гостей был один, с рыжими усами, молодой человек, которого даже и не знал Передонов. Необычайно похож на кота. Не их ли это кот обернулся человеком? Недаром этот молодой человек все фыркает, — не забыл кошачьих ухваток.

— Кто вам сказал? — злобно спрашивала новых гостей Варвара.

— Добрые люди, молодайка, — отвечал Мурин, — а кто, уж мы и позабыли.

Грушина вертелась и подмигивала. Новые гости посмеивались, но ее не выдали.

[— Что мамзель, снизу вам не поддувает? — спросил Тургенев, подсаживая Варвару в тарантас.

— Я теперь уж не мамзель, — отвечала Варвара, — а мадам, я и по морде дам.

— Ого, как строго! — захохотал Тургенев.[719]

Софья исподтишка радовалась тому, что свадьба выходит с грязцой. Ее зоркие глаза щурились и блестели от удовольствия, и тонкие губы злорадно сжимались. Но ее движения были так же плавны и медленны, как всегда, и такая же елейная и благоуветливая слышалась речь.] Мурин говорил:

— Уж как хошь, Ардальон Борисыч, а мы все к тебе, а ты нам шампанею ставь, не будь жомой. Как же можно, такие приятели, водой не разольешь, а ты тишком удумал.

Когда Передоновы возвращались из-под венца, солнце заходило, и небо все было в огне и в золоте. Но не нравилось это Передонову. Он бормотал:

— Наляпали золота, кусками, аж отваливается. Где это видано, чтобы столько тратить!

Слесарята встретили за городом с толпою других уличных мальчишек, бежали и гукали. Передонов дрожал от страха. Варвара ругалась, плевала на мальчишек, казала им кукиши. Гости и шаферы хохотали.

Приехали. Вся компания ввалилась к Передоновым с гамом, гвалтом и свистом. Пили шампанское, потом принялись за водку, и сели играть в карты. Пьянствовали всю ночь. Варвара напилась, плясала, и ликовала. Ликовал и Передонов, — его-таки не подменили. С Варварой гости, как всегда, обращались цинично и неуважительно; ей казалось это в порядке вещей.

После свадьбы в житье-бытье у Передоновых мало что изменилось. Только обращение Варвары с мужем становилось увереннее и независимее. Она, как будто, поменьше бегала перед мужем, — но все еще, по закоренелой привычке, побаивалась его. Передонов, тоже по привычке, по-прежнему покрикивал на нее, даже иногда поколачивал. Но уже и он чуял ее бóльшую в своем положении уверенность. И это наводило на него тоску. Ему казалось, что если она не как прежде боится его, то это

потому, что она укрепилась в своем преступном замысле отделаться от него, и подменить его Володиным. Надо быть настороже, — думал он.

А Варвара торжествовала. Она, вместе с мужем, делала визиты городским дамам, даже и мало-знакомым. При этом она проявляла смешную гордость и неумелость. Везде ее принимали, хотя во многих домах с удивлением.

Для визитов она заблаговременно заказала шляпу лучшей местной модистке, из столицы. Яркие цветы, крупные, насаженные в изобилии, восторгали Варвару. Конечно, шляпа к ней не шла, — Варвара была похожа на кухарку.

Свои визиты Передоновы начали с директорши. Потом поехали к жене предводителя дворянства.[720]

В тот день, когда Передоновы собрались делать визиты, — что у Рутиловых, конечно, было заранее известно, как и всякие другие новости, — сестры отправились к Варваре Николаевне Хрипач, из любопытства посмотреть, как-то Варвара поведет себя[721] здесь.

[У Хрипачей уже сидели в тот день писатели Шарик и Тургенев. Они изучали нравы, и потому старались везде бывать. Заговорили о последней городской новости, о женитьбе Передонова, и вообще об его странностях.

— Кстати, — сказала Людмила, — какой у вас красивый мальчик есть в гимназии, Саша Пыльников, — писаный красавец.

Варвара Николаевна удивилась, — ей показалось, что это не вовсе кстати, и переход от Передонова к смазливому мальчику был ей непонятен, а потому казался даже несколько неприличным. Она сказала:

— Я их право, не знаю, никого. Их так много, и я не имею к ним никакого отношения.

— Он у вас новый, — сказала Людмила.[722]

— Да? Но я и старых не знаю, — подавно новых, — возразила Варвара Николаевна.

— И это тот самый мальчик, которого Передонов принял за девочку, — объясняла Людмила.

— Ах, вот! Да, я что-то слышала, — неохотно протянула директорша.

Тургенев лукаво улыбался.

— Ваш Передонов, — сказал он, — несколько грубо выразил то, что есть. Гипотеза о том, что в гимназию поступила переодетая девочка, конечно, не выдерживает критики. Но все-таки вы не знаете, кто он.

Директорша благосклонно улыбалась. Она ожидала, что писатель скажет что-нибудь остроумное и веселое.

— Вот, просто мальчишка, — сказала Дарья, — только смазливый.

— Не совсем так, — настаивал Тургенев.

— Ну, кто же он? — спросила Людмила.

— Андрогин! — воскликнул Тургенев, и для чего-то поднял глаза к потолку.

Общее недоумение, — дамы не знали такого слова. Шарик перевел:

— Парень-девка.

— Но что же это значит? — спросила любопытная Людмила.

— Как вам сказать! — говорил Тургенев. — Это, если хотите, высшее существо. В нем — самоудовлетворение, гармоническое сочетание активного и пассивного элемента человеческого духа и естества. И даже не собственно сочетание, а синтез этих двух элементов. Каждый из нас представляет как бы расщепленное существо. Совершенный же человек не есть муж, и не есть жена, и не есть муж и жена вместе, и не есть ни муж, ни жена. Эти два элемента в нем соединены, так сказать, химически, в некотором супернатуральном процессе, так что обычный физиологический путь упраздняется, как уже бесполезный, ни к чему не ведущий. Мы все — плодоносящие и добродеющие, а он уже и есть добросодеянный плод.

Он бы еще долго говорил, но Людмила вдруг захохотала. Директорша сдержанно улыбалась: она не могла понять, шутит ли писатель, или говорит серьезно, — и потому на губах у него была улыбка, а в глазах выражение не то задумчивой внимательности, не то снисходительной сдержанности по отношению к чудачеству. Хрипач внимательно прослушал, и сказал:

— Это остроумно, и в отвлечении, может быть, и возможно, как некоторая надежда, хотя еще смутно выраженная в иных современных веяниях. Но в применении к данному частному случаю это взято слишком высоко. Притом, указываемый вами путь, супернатуральный или сверхчеловеческий, есть в сущности путь антихристианский, а первоначальник этого пути, то есть антихрист, во всяком случае (Хрипач тонко усмехнулся) — не может быть воспитанником правительственного учебного заведения.

Тургенев был обижен Людмилиным смехом, тем более, что вначале она слушала, по-видимому, с сочувствием. Лукавая девчонка, — подумал он, и сказал, пожимая плечьми:

— Если моя гипотеза никому здесь не нравится, то это только лишает вас некоторой ясной и возвышенной точки зрения на предмет.]

Скоро пришли и Передоновы. Варвара сделала реверанс директорше, и больше обыкновенного дребезжащим голосом сказала:

— Вот и мы к вам. Прошу любить да жаловать.

— Очень рада, — с принуждением ответила директорша, и усадила Варвару на диван.

Варвара с видимым удовольствием села на отведенное место, широко раскинула свое шумящее зеленое шелковое платье, и заговорила, стараясь развязностью закрыть смущение:

— Все мамзелью была, а вот, и мадамой стала. Мы с вами тезки, — я Варвара, и вы Варвара, — а не были знакомы домами. Пока мамзелью была, все больше дома сидела, — да что ж все за печкой сидеть. Теперь мы с Ардальон Борисычем будем открыто жить. Милости просим, — мы к вами, вы к нами, мусью к мусьи, мадам к мадами.

— Только вам здесь, кажется, недолго придется жить, — сказала директорша, — ваш муж, я слышала, переводится.

— Да, вот скоро бумага придет, мы и поедем, — отвечала Варвара. — А пока бумага не пришла, надо еще и здесь пожить, покрасоваться.

Варвара и сама надеялась на инспекторское место. После свадьбы она написала княгине письмо. Ответа еще не получила. Решила еще написать к Новому году.[723]

Людмила сказала:

— А уж мы думали, что вы, Ардальон Борисыч, на барышне Пыльниковой женитесь.

— Ну, да, — сердито сказал Передонов, — что ж мне на всякой жениться, — мне протекция нужна.

— А все-таки, как же это с m-lle Пыльников у вас разошлось? — дразнила Людмила. — Ведь вы за нею ухаживали! Она вам отказала?

— Я еще ее выведу на чистую воду, — ворчал угрюмо Передонов.

— Это — idée fixe Ардальона Борисыча, — с сухим смешком сказал директор.

В местном губернском листке появилась статейка о том, будто бы в нашем городе некая госпожа К. сечет живущих у нее на квартире маленьких гимназистов, сыновей лучших местных дворянских семей. Нотариус Гудаевский носился с этим известием по всему городу, и негодовал.

И разные другие нелепые слухи ходили по городу о здешней гимназии: говорили о переодетой гимназистом барышне, потом имя Пыльникова стали понемногу соединять с Людмилиным.

Товарищи начали дразнить Сашу любовью к Людмиле. Сперва он легко относился к этим шуточкам, потом начал по временам вспыхивать и заступаться за Людмилу, уверяя, что ничего такого не было, и нет.

И от этого ему стыдно стало ходить к Людмиле, но и сильнее тянуло пойти: смешанные и жгучие чувства стыда и влечения волновали его, и туманно-страстными видениями наполняли его воображение.

XXIII

Передонов решил защищаться.[724] Он каждый день составлял по доносу на своих врагов: Вершину, Рутиловых, Володина, сослуживцев, которые, казалось ему, метили на то же самое место.[725] По вечерам он относил эти доносы к Рубовскому.

Жандармский офицер жил на видном месте, на площади, близ гимназии.

Из своих окон многие примечали, как Передонов входил к жандармскому через ворота. А Передонов думал, — никому невдомек. Ведь он же недаром носит доносы по вечерам, и с черного хода, через кухню. Бумагу он держал под полою. Сразу было заметно, что он держит что-то. Если приходилось вынуть руку, поздороваться, он прихватывал бумагу под пальто левою рукою, и думал, что никто не может догадаться. Встречные если спрашивали его, куда идет, он им лгал, — весьма неискусно, но сам был доволен своими неловкими выдумками.

Рубовскому он объяснял:

— Все — предатели. Прикидываются друзьями, хотят вернее обмануть. А того не знают, что я обо всех их знаю такого, что им и в Сибири места мало.

Рубовский слушал его молча. Первый же донос, явно нелепый, он переслал директору, так делал и с другими. Директор написал в округ,[726] что учитель Передонов обнаруживает явные признаки душевного угнетения.[727]

Дома Передонов постоянно слышал шорохи, непрерывные, докучливые, насмешливые. Он тоскливо говорил Варваре:

— Кто-то там на цыпочках ходит, — соглядатаи везде у нас толкутся. Ты, Варька, меня не бережешь.

Варвара не понимала, что значит бред Передонова. Она то издевалась, то трусила. Она говорила злобно и трусливо:

— С пьяных глаз невесть что тебе мерещится.

Дверь в переднюю казалась Передонову особенно подозрительною. Она не затворялась плотно. Щель между ее половинами намекала на что-то, таящееся вне. Не валет ли там подсматривает? Чей-то глаз сверкал, злой и острый.[728]

Кот следил повсюду за Передоновым широко-зелеными глазами. Иногда он подмигивал, иногда страшно мяукал. Видно было сразу, что он хочет подловить на чем-то Передонова, да только не может, и потому злится.

Передонов отплевывался от него, но кот не отставал.

Недотыкомка бегала под стульями, и по углам, и повизгивала. Она была грязная, вонючая, противная, — и страшная. Уже ясно было, что она враждебна Передонову, и прикатилась именно для него, а что раньше никогда и нигде не было ее. Сделали ее, — и наговорили. И вот живет она, ему на страх и на погибель, волшебная, многовидная, — следит за ним, обманывает, смеется, — то по полу катается, то прикинется тряпкой, лентой, веткой, флагом, тучкой, собачкой, столбом пыли на улице, и везде ползет и бежит за Передоновым, — измаяла, истомила его зыбкою своею пляскою. Хоть бы кто-нибудь избавил, словом каким, или ударом наотмашь. Да нет здесь друзей,[729] никто не придет спасать, надо самому исхитриться, пока не погубила его ехидная.

Передонов придумал средство: намазать весь пол клеем, чтобы недотыкомка прилипла. Прилипали подошвы у сапог, да подолы Варвариных платьев, а недотыкомка каталась свободно, и визгливо хохотала. Варвара злобно ругалась...

Саша был очарован Людмилою, но что-то мешало ему говорить о ней с Коковкиной. Словно стыдился.

И уже он стал иногда бояться ее приходов. Сердце его замирало, и брови невольно хмурились, когда он увидит под окном ее быстро мелькнувшую розово-желтую шляпку. Но все же он ждал ее с тревогой и нетерпением, — тосковал, если она долго не приходила. Противоречивые чувства вмещались в его душе, чувства темные, неясные, — порочные, потому что ранние, — и сладкие, потому что порочные.

Людмила не была ни вчера, ни сегодня. Саша истомился ожиданием, и уже перестал ждать. И вдруг она пришла. Он засиял, бросился целовать ее руки.

— Ну, провалились, — выговаривал он ей ворчливо, — двои сутки вас не видать.

Она смеялась, и радовалась, и сладкий, томный и пряный запах японской функии разливался от нее, словно струился от ее темно-русых кудрей.

Людмила и Саша пошли гулять за город. Звали Коковкину, — не пошла:

— Где уж мне, старухе, гулять, — сказала она, — только вам ноги путать буду. Уж гуляйте одни.

— А мы шалить будем! — смеялась Людмила.

Теплый воздух, грустный, неподвижный, ласкал, томил, и напоминал о невозвратном. Солнце, как больное, тускло горело и багровело на бледном, усталом небе. Сухие листья на темной земле покорные лежали, мертвые...

Людмила и Саша спустились в овраг. Там было прохладно, свежо, почти сыро, — изнеженная осенняя усталость царила между его отененными склонами.

Людмила шла впереди. Она приподняла юбку. Открылись маленькие башмаки и чулки тельного цвета. Саша смотрел вниз, чтобы не запнуться за корни, — и увидел чулки. Ему показалось, что башмаки надеты без чулок. Стыдливое и страстное чувство поднялось в нем. Он зарделся. Голова закружилась.

Упасть бы, словно невзначай, к ее ногам, — мечтал он, — стащить бы ее башмак, поцеловать бы нежную ногу!

Людмила словно почуяла на себе Сашин жаркий взор, его нетерпеливое желание. Она смеючись повернулась к Саше.

— На мои чулки смотришь? — спросила она.

— Нет, я так, — смущенно пробормотал Саша.

— Ах, у меня такие чулки! — хохоча и не слушая его, говорила Людмила, — ужасно какие! Можно подумать, что я на босые ноги башмаки надела, — совсем тельного цвета. Не правда ли, ужасно смешные чулки?

Она повернулась к Саше лицом, и приподняла край платья.

— Смешные? — спросила она.

— Нет, красивые, — сказал Саша, красный от смущения.

Людмила с притворным удивлением приподняла брови, и воскликнула:

— Скажите, пожалуйста, туда же, красоту разбирать!

Людмила засмеялась, и пошла дальше. Саша, сгорая от смущения, неловко брел за нею, и поминутно спотыкался. Перебрались через овраг. Сели на сломанный ветром березовый ствол. Людмила сказала:

— А песку-то сколько набилось в башмаки, — идти не могу.

Она сняла башмаки, вытряхнула песок, лукаво глянула на Сашу.

— Красивая ножка? — спросила она.

Саша покраснел пуще, и уже не знал, что сказать. Людмила стащила чулок.

— Беленькая ножка? — спросила она опять, странно и лукаво улыбаясь.

— На колени! целуй! — строго сказала она, и победительная жестокость легла на ее лицо.

Саша проворно опустился на колени, и поцеловал Людмилину ногу.

— А без чулок приятнее, — сказала Людмила, спрятала чулки в карман, и всунула ноги в башмаки.

И лицо ее стало опять спокойно и весело, — словно Саша и не склонялся сейчас перед нею, лобзая голые у нее ноги. Саша спросил:

— Милая, а ты не простудишься?

Нежно и трепетно звучал его голос. Людмила засмеялась.

— Вот еще, я привыкла, — я не такая неженка![730]

Однажды Людмила пришла под вечер к Коковкиной, и позвала Сашу:

— Пойдем ко мне новую полочку вешать.

Саша любил вбивать гвозди, и как-то обещал Людмиле помочь ей в устройстве ее обстановки. И теперь он согласился, радуясь, что есть невинный предлог идти с Людмилою и к Людмиле. И невинный кисленький запах extra-maguet, веявший от зеленоватого Людмилина платья, нежно успокаивал его.

Для работы Людмила переоделась за ширмой, и вышла к Саше в короткой, хоть и нарядной юбочке, с открытыми до локтей руками, в башмаках, надетых на голые ноги, и надушенная сладкою японскою функией.

— Ишь ты, какая нарядная! — сказал Саша.

— Ну, да, нарядная! Видишь, — сказала Людмила, усмехаясь на свои башмаки, — босые ноги, — выговаривала она эти слова со стыдливо-задорной растяжечкой.

Саша пожал плечьми, и сказал:

— Уж ты всегда нарядная. Ну что же, начнемте вбивать. Гвоздики-то у вас есть? — спросил он озабоченно.

— Погоди немножечко, — ответила Людмила, — посиди со мною хоть чуть, а то словно только по делу и ходишь, а уж со мной и поговорить скучно.

Саша покраснел.

— Милая Людмилочка, — нежно сказал он, — да я с вами сколько хотите сидел бы, пока бы не прогнали, а только уроки учить надо.

Людмила легонько вздохнула, и медленно промолвила:

— Ты все хорошаешь, Саша.

Саша зарделся, засмеялся, высовывая трубочкой кончик языка.

— Придумаете тоже, — сказал он, — нешто я барышня, чего мне хорошать!

— Лицо прекрасное, а то-то тело! Покажь хоть до пояса, — ласкаясь к Саше, просила Людмила, и обняла его за плечи.

— Ну вот еще, выдумали! — стыдливо и досадливо сказал Саша.

— А что ж такое? — беспечным голосом спросила Людмила, — что у тебя за тайны?

— Еще войдет кто, — сказал Саша.

— Кому входить! — так же легко и беззаботно сказала Людмила. — Да мы дверь запрем, вот никому и не попасть.

Людмила проворно подошла к двери, и заперла ее на задвижку. Саша догадался, что Людмила не шутит. Он сказал, весь рдея, так что капельки пота выступили на лбу:

— Ну, не надо, Людмилочка.

— Глупый, отчего не надо? — убеждающим голосом спросила Людмила.

Она притянула к себе Сашу, и принялась расстегивать его блузу. Саша отбивался, цепляясь за ее руки. Лицо его сделалось испуганным, — и, подобный испугу, стыд охватил его. И от этого он словно вдруг ослабел. Людмила сдвинула брови, и решительно раздевала его. Сняла пояс, кое-как стащила блузу. Саша отбивался все отчаяннее. Они возились, кружились по горнице, натыкались на столы и стулья. Пряное благоухание веяло от Людмилы, опьяняло Сашу, и обессиливало его.

Быстрым толчком в грудь Людмила повалила Сашу на диван. От рубашки, которую она рванула, отскочила пуговица. Людмила быстро оголила Сашино плечо, и принялась выдергивать руку из рукава.

Отбиваясь, Саша невзначай ударил Людмилу ладонью по щеке. Не хотел, конечно, ударить, но удар упал на Людмилину щеку с размаху, сильный да звонкий. Людмила дрогнула, пошатнулась, зарделась кровавым румянцем, но не выпустила Сашу из рук.

— Злой мальчишка, драться! — задыхающимся голосом крикнула она.

Саша смутился жестоко, опустил руки, и виновато глядел на оттиснувшиеся по левой Людмилиной щеке беловатые полоски, следы от его

пальцев. Людмила воспользовалась его замешательством. Она быстро спустила у него рубашку с обоих плеч на локти. Саша опомнился, рванулся от нее, но вышло еще хуже, — Людмила проворно сдернула рукава с его рук, — рубашка опустилась к поясу. Саша почувствовал холод, и новый приступ стыда, ясного и беспощадного, кружащего голову. Теперь Саша был открыт до пояса.

Людмила крепко держала его за руку, и дрожащей рукою похлопывала по его голой спине, заглядывая в его потупленные, странно-мерцающие под синевато-черными ресницами глаза.

И вдруг эти ресницы дрогнули, лицо перекосилось жалкою детскою гримасою, — и он заплакал, внезапно, навзрыд.

— Озорница! — рыдающим голосом крикнул он, — пустите.

— Занюнил! младенец! — сердито и смущенно сказала Людмила, и оттолкнула его.

Саша отвернулся, вытирая ладонями слезы. Ему стало стыдно, что он плакал. Он старался удержаться.

Людмила жадно глядела на его обнаженную спину.

Сколько прелести в мире! — думала она. — Люди закрывают от себя столько красоты, — зачем?

Саша, стыдливо ежась голыми плечьми, попытался надеть рубашку, но она только комкалась, трещала под его дрожащими руками, и никак было не всунуть руки в рукава. Саша схватился за блузу, — пусть уж рубашка так пока остается.

— Ах, за вашу собственность испугались! Не украду! — сказала Людмила злым, звенящим от слез голосом.

Она порывисто бросила ему пояс, и отвернулась к окну. Закутанный в серую блузу, очень он ей нужен, скверный мальчишка, жеманник противный!

Саша быстро надел блузу, кое-как оправил рубашку, и посмотрел на Людмилу опасливо, нерешительно и стыдливо. Он увидел, что она вытирает щеки руками, робко подошел к ней, и заглянул ей в лицо, — и слезы, которые текли по ее щекам, вдруг отравили его нежною к ней жалостью, — и ему уже не было ни стыдно, ни досадно.

— Что ж вы плачете, милая Людмилочка? — тихонько спросил он.

И вдруг зарделся, — вспомнил свой удар.

— Я вас ударил, простите. Ведь я же не нарочно, — робко сказал он.

— Растаешь, что ли, глупый мальчишка, коли с голыми плечьми посидишь, — сказала Людмила жалующимся голосом. — Загоришь, боишься. Красота и невинность с тебя слиняют.

— Да зачем тебе это, Людмилочка? — со стыдливой ужимкой спросил Саша.

— Зачем? — страстно заговорила Людмила. — Люблю красоту. Язычница я, грешница. Мне бы в древних Афинах родиться. Люблю цветы, духи, яркие одежды, голое тело. Говорят, есть душа. Не знаю, не видела. Да и на что мне она! Пусть умру совсем, как русалка, как тучка под солнцем растаю. Я тело люблю, — сильное, ловкое, голое, которое может наслаждаться.

— Да и страдать ведь может, — тихо сказал Саша.

— И страдать, и это хорошо, — страстно шептала Людмила. — Сладко и когда больно, — только бы тело чувствовать, только бы видеть наготу и красоту телесную.

— Да ведь стыдно же без одежды? — робко сказал Саша.

Людмила порывисто бросилась перед ним на колени.

— Милый, кумир мой, отрок богоравный, — задыхаясь, целуя его руки, шептала она, — на одну минуту, только на одну минуту дай мне полюбоваться твоими плечиками.

Саша вздохнул, опустил глаза, покраснел, и неловко снял блузу. Людмила горячими руками охватила его, и осыпала поцелуями его вздрагивающие от стыда плечи.

— Вот какой я послушливый! — сказал Саша, насильно улыбаясь, чтобы шуткой прогнать смущение.

Людмила торопливо целовала Сашины руки, от плеч до пальцев, — и Саша не отнимал их, взволнованный, погруженный в странные и жестокие мечты. Обожанием были согреты Людмилины поцелуи, — и уже словно не мальчика, — словно отрока-бога лобзали ее горячие губы в трепетном и таинственном служении расцветающей Плоти.

А Дарья и Валерия стояли за дверью, и поочередно, толкаясь от нетерпения, смотрели в замочную скважину, и замирали от страстного и жгучего волнения.

— Пора же и одеваться, — сказал наконец Саша.

Людмила вздохнула, — и с тем же благоговейным выражением в глазах надела на него рубашку и блузу, прислуживая ему почтительно и осторожно.

— Так ты язычница? — с недоумением спросил Саша.

Людмила весело засмеялась.

— А ты? — спросила она.

— Ну вот еще! — ответил Саша уверенно, — я весь катехизис твердо знаю.

Людмила хохотала. Саша, глядючи на нее, улыбнулся, и спросил:

— Коли ты язычница, зачем же ты в церковь ходишь?

Людмила перестала смеяться, призадумалась.

— Что ж, — сказала она, — надо же молиться. Помолиться, поплакать, свечку поставить, подать помянуть. И я люблю все это, — свечки, лампадки, ладан, ризы, пение, — если певчие хорошие, — образа, у них оклады, ленты. Да, все это такое прекрасное. И еще люблю... Его... знаешь... Распятого.

Людмила проговорила последние слова совсем тихо, почти шепотом, покраснела, как виноватая, и опустила глаза.

— Знаешь, приснится иногда, — Он на кресте, на теле кровавые капельки.

С тех пор Людмила не раз, уведя Сашу в свой покой, принималась расстегивать его курточку. Сперва он стыдился до слез, но скоро привык. И уже наконец смотрел ясно и спокойно, как Людмила опускала его рубашку, обнажала плечи, ласкала, и хлопала по спине. И уже наконец он сам принимался раздеваться.

И Людмиле приятно было держать его, полуголого, у себя на коленях, обнявши, целуя.

Саша был один дома. Людмила вспомнилась ему, и его голые плечи под ее жадными взорами.

И чего она хочет? — подумал он.

И вдруг багряно покраснел, и больно-больно забилось сердце. Буйная веселость охватила его. Он отбросил свой стул, несколько раз перекувыркнулся, повалился на пол, прыгал на мебель, — тысячи безумных движений бросали его из одного угла в другой, и веселый, ясный хохот его разносился по дому.

Коковкина вернулась в это время домой, заслышала необычайный шум, и вошла в Сашину горницу. В недоумении она стала на пороге, и качала головой.

— Что это ты беснуешься, Сашенька! — сказала она, — диви бы с товарищи, а то один бесишься. Постыдись, батюшка, — не маленький.

Саша стоял, — от смущения у него словно отнимались руки, — тяжелые, неловкие, — а все его тело еще дрожало от возбуждения.

Однажды Коковкина застала Людмилу у себя, — она кормила Сашу конфетами.

— Баловница вы, — ласково сказала Коковкина, — сладенькое-то он у меня любит.

— Да, а вот он меня озорницей зовет, — пожаловалась Людмила.

— Ай, Сашенька, разве можно! — с ласковым укором сказала Коковкина. — Да за что же это ты?

— Да она меня тормошит, — запинаясь, сказал Саша.

Он сердито глядел на Людмилу, и багрово краснел. Людмила хохотала.

— Сплетница, — шепнул ей Саша.

— Как же можно, Сашенька, грубить! — выговаривала Коковкина. — Нельзя грубить!

Саша поглядывал на Людмилу, усмехаючись, и тихо промолвил:

— Ну, больше не буду!

XXIV

Кот у Передонова дичал, фыркал, не шел по их зову, — совсем отбился от рук. Страшен он стал Передонову. Иногда Передонов чурался от кота.

Да поможет ли это? — думал он. — Сильное электричество у этого кота в шерсти, вот в чем беда!

Однажды он придумал: — остричь бы кота надо!

Вздумано, сделано. Варвары не было дома, — она пошла к Грушиной, опустив в карман бутылочку с вишневою наливкою, — помешать некому. Передонов привязал кота на веревку, — ошейник сделал из носового платка, — и повел в парикмахерскую.

Кот дико мяукал, метался, упирался. Иногда в отчаянии бросался на Передонова, — но Передонов отстранял его палкой. Мальчишки толпой бежали сзади, гукали, хохотали. Прохожие останавливались. Из окон выглядывали на шум. Передонов угрюмо тянул кота за веревку, ничем не смущаясь.

Привел-таки, — и сказал парикмахеру:

— Хозяин, кота побрей, да поглаже.

Мальчишки толпились у дверей снаружи, хохотали, кривлялись. Парикмахер обиделся, покраснел. Он сказал слегка дрожащим голосом:

— Извините, господин, мы этакими делами не занимаемся. И даже не приходилось видеть бритых котов. Это, должно быть, самая последняя мода, до нас еще не дошла.

Передонов слушал его в тупом недоумении. Он крикнул:

— Скажи, — не умею, — шарлатан!

И ушел, таща неистово мяукавшего кота. Дорогою он думал тоскливо, что везде, всегда, все над ним только смеются, никто не хочет ему помочь. Тоска теснила грудь.

Передонов с Володиным и Рутиловым пришли в сад играть на билльярде. Смущенный маркер объявил им:

— Нельзя-с играть сегодня, господа.

— Это почему? — злобно спросил Передонов. — Нам, да нельзя?

— Так как, извините, а только что шаров нету, — сказал маркер.

— Проворонил, ворона, — послышался из-за перегородки грозный окрик буфетного содержателя.

Маркер вздрогнул, шевельнул вдруг покрасневшими ушами, — какое-то словно заячье движение, — и шепнул:

— Украли-с!

Передонов крикнул испуганно:

— Ну! кто украл?

— Неизвестно-с, — доложил маркер. — Ровно как никого не было, а вдруг, глядь, и шаров нету-с.

Рутилов хихикал, и восклицал:

— Вот так анекдот!

Володин сделал обиженное лицо, и выговаривал маркеру:

— Если у вас шарики изволят воровать, а вы изволите в это время быть в другом месте, а шарики брошены, то вам надо было загодя другие шарики завести, чтобы нам было чем играть. Мы шли, хотели поиграть, а если шариков нет, то как же мы можем играть!

— Не скули, Павлушка, — сказал Передонов, — без тебя тошно. Ищи, маркер, шары, нам непременно надо играть, а пока тащи пару пива.

Принялись пить пиво. Но было скучно. Шары так и не находились. Ругались меж собой, бранили маркера. Тот чувствовал себя виноватым, и отмалчивался.

В этой краже усмотрел Передонов новую важную каверзу.

— Зачем? — думал он тоскливо, и не понимал.

Он пошел в сад, сел на скамеечку над прудом, — здесь еще он никогда не сиживал, — и тупо уставился на затянутую зеленую воду. Володин сел рядом с ним, разделял его грусть, и бараньими глазами глядел на тот же пруд.

— Зачем тут грязное зеркало, Павлушка? — спросил Передонов, и ткнул палкой по направлению к пруду.

Володин осклабился, и ответил:

— Это не зеркало, Ардаша, это пруд. А так как ветерка теперь нет, то в нем деревья и отражаются, вот оно и показывает, будто зеркало.

Передонов поднял глаза. За прудом забор отделял сад от улицы. Передонов опять спросил:

— А кот на заборе зачем?

Володин посмотрел туда же, и сказал, хихикая:

— Был, да весь вышел.

Кота и не было, — померещился он Передонову, кот с широко-зелеными глазами, хитрый, неутомимый враг.

Передонов опять стал думать о шарах. Кому они нужны? Недоты́комка, что ли, их пожрала? То-то ее сегодня и не видно, — думал Передонов. — Нажралась, да и завалилась куда-нибудь, спит теперь, поди.

Передонов уныло побрел домой.

Запад потухал. Тучка бродила по небу, блуждала, подкрадывалась, — мягкая обувь у туч, — подсматривала. На ее темных краях загадочно улыбался темный отблеск. Над речкой, что текла меж садом и городом, тени домов да кустов колебались, шептались, искали кого-то.

А на земле, в этом темном и вечно-враждебном городе, все люди встречались злые, насмешливые. Все смешивалось в общем недоброжелательстве к Передонову, — собаки хохотали над ним, люди облаивали его.

Городские дамы начали отдавать Варваре визиты. Некоторые с радостным любопытством поспешили уже на второй, на третий день посмотреть, какова-то Варвара дома. Другие промедлили неделю и больше. А иные и вовсе не пришли, — не была, например, Вершина.

Передоновы ожидали каждый день ответных визитов с трепетным нетерпением, и пересчитывали, кто еще не был. Особенно нетерпеливо ждали директора с женою. Ждали, и волновались непомерно, — а вдруг-де Хрипачи не приедут.

Прошла неделя. Хрипачей еще не было. Варвара начала злиться и ругаться. Передонова ожидание повергло в нарочито-угнетенное состояние.

Глаза у Передонова стали совсем бессмысленными; словно они потухали, и казалось иногда, что это — глаза мертвого человека. Нелепые страхи мучили его. Без всякой видимой причины он начинал вдруг бояться тех или других предметов. С чего-то пришла ему в голову, и томила несколько дней мысль, что его зарежут; он боялся всего острого, и припрятал ножи да вилки.

Может быть, думал он, они наговорены да нашептаны. Как раз и сам на нож нарежешься!

— Зачем ножи? — сказал он Варваре. — Едят же китайцы палочками!

Целую неделю не жарили из-за этого мяса, — довольствовались щами да кашей.

Варвара, мстя Передонову за испытанные до свадьбы ею страхи, иногда поддакивала ему, и утверждала его этим в убеждении, что его причуды недаром. Она говаривала ему, что у него много врагов, да и как-де ему не завидовать! Не раз говорила она, дразня Передонова, что уж наверное на него донесли, обнесли его перед начальством да и перед княгинею. И радовалась, что он, видимо, трусил.

Передонову казалось ясным, что княгиня им недовольна. Разве она не могла прислать ему на свадьбу образа или калача? Он думал: надо заслужить ее милость, да чем? Ложью, что ли? Оклеветать кого-нибудь, насплетничать, донести? Все дамы любят сплетни, так вот бы на Варвару сплести что-нибудь веселое да нескромное, и написать княгине. Она посмеется, а ему даст место.

Но не сумел Передонов написать такое письмо, да и страшно ему стало, — писать к самой княгине! А потом он и забыл об этой затее.

Своих обычных гостей Передонов угощал водкой да самым дешевым портвейном. А для директора купил мадеры в три рубля. Это вино Передонов считал чрезвычайно-дорогим, хранил его в спальне, а[731] гостям только показывал, и говорил:

— Для директора!

Сидели раз у Передонова Рутилов да Володин. Передонов показал им мадеру.

— Что снаружи смотреть, невкусно! — сказал Рутилов хихикая. — Ты нас угости дорогой-то мадеркой.[732]

— Ишь ты, чего захотел! — сердито ответил Передонов. — А что же я директору подам?

— Директор водки рюмку выпьет, — сказал Рутилов.

— Директору нельзя водку пить, директору мадера полагается, — рассудительно говорил Передонов.

— А если он водку любит? — настаивал Рутилов.

— Ну вот еще, генерал водки любить не станет, — уверенно сказал Передонов.

— А ты нас все-таки угости, — приставал Рутилов.

Но Передонов поспешно унес бутылку, и слышно было, как звенел замок у шкапика, в который он спрятал вино. Вернувшись к гостям, он, чтобы переменить разговор, стал говорить о княгине. Он угрюмо сказал:

— Княгиня! На базаре гнилыми яблоками торговала, да князя и обольстила.

Рутилов захохотал, и крикнул:

— Да разве князья по базарам ходят?

— Да уж она сумела приманить, — сказал Передонов.

— Сочиняешь ты, Ардальон Борисыч, небылицу в лицах, — спорил Рутилов, — княгиня — знатная дама.

Передонов смотрел на него злобно, и думал: — Заступается, — с княгиней, видно, заодно! Княгиня его, видно, околдовала, даром что далеко живет.

А недоты́комка юлила вокруг, беззвучно смеялась, и вся сотрясалась от смеха. Она[733] напоминала Передонову о разных страшных обстоятельствах. Он боязливо озирался, и шептал:

— В каждом городе есть тайный жандармский унтер-офицер. Он в штатском, иногда служит, или торгует, или там еще что делает, а ночью, когда все спят, наденет голубой мундир, да и шасть к жандармскому офицеру.

— А зачем же мундир? — деловито осведомился Володин.

— К начальству нельзя без мундира, высекут, — объяснил Передонов.

Володин захихикал. Передонов наклонился к нему поближе, и зашептал:

— Иногда он даже оборотнем живет. Ты думаешь, это просто кот, ан врешь! Это жандарм бегает. От кота никто не таится, а он все и подслушивает.

Наконец, недели через полторы, директорша отдала визит Варваре. Приехала с мужем, в будень, в четыре часа, нарядная, любезная, благоухающая сладкою фиалкою, — и совсем неожиданно для Передоновых: те ждали Хрипачей почему-то в праздник, да пораньше. Переполошились. Варвара была в кухне, полуодетая, грязная. Она метнулась одеваться, а Передонов принимал гостей, и казался только что разбуженным.

— Варвара сейчас, — бормотал он, — она одевается. Она стряпала. У нас прислуга новая, не умеет по-настоящему, дура набитая.

Скоро вышла и Варвара, с красным, испуганным лицом, кое-как одетая. Она сунула гостям потную грязноватую руку, и дрожащим от волнения голосом заговорила:

— Уж извините, что заставила ждать, — не знали, что вы в будни пожалуете.

— Я редко выезжаю в праздник, — сказала госпожа Хрипач, — пьяные на улицах. Пусть прислуга имеет себе этот день.

Разговор кое-как завязался, и любезность директорши немного ободрила Варвару. Директорша обошлась с Варварой слегка презрительно, но ласково, — как с раскаявшеюся грешницею, которую надо приласкать, но о которую все еще можно запачкаться. Она сделала Варваре несколько наставлений, как бы мимоходом, — об одежде, обстановке.

Варвара старалась угодить директорше, и дрожь испуга не оставляла ее красных рук и потрескавшихся губ. Директоршу это стесняло. Она старалась быть еще любезнее, но невольная гадливость одолевала ее. Всем своим обращением она давала понять Варваре, что близкое знакомство между ними не установится. Но так как делалось это совсем любезно, то Варвара не поняла, и возмнила, что теперь они с директоршей будут большими приятельницами.

Хрипач имел вид человека, который попал не в свое место, но ловко и мужественно скрывал это. От мадеры он [решительно] отказался: он не привык в этот час пить вино. Разговаривал о городских новостях, о предстоящих переменах в составе окружного суда. Но слишком заметно было, что он и Передонов вращаются в здешнем обществе в различных кругах.

Сидели недолго.

Варвара обрадовалась, когда они ушли: и были, и ушли скоро. Она радостно говорила, снова раздеваясь:

— Ну, слава Богу, ушли. А то уж я и не знала, что и говорить-то с ними. Что значит, как мало-то знакомые люди, так и не знаем, с какой стороны к ним подъехать.

Вдруг она вспомнила, что Хрипачи, прощаясь, не звали их бывать у себя. Это ее смутило сначала, но потом она смекнула:

— Карточку пришлют, с расписанием, когда ходить. У этих господ на все свое время. Вот теперь бы мне надо по-французски насобачиться, а то я по-французски ни бе, ни ме.

Возвращаясь домой, директорша сказала мужу:

— Она — жалкая и безнадежно-низменная; с нею никак невозможно быть в равных отношениях. В ней ничто не корреспондирует ее положению.

Хрипач ответил:

— Она вполне корреспондирует мужу. Жду с нетерпением, когда его от нас возьмут.

После свадьбы Варвара, с радости, стала выпивать, — особенно часто с Грушиной. Раз, под хмельком, когда у нее сидела Преполовен-

ская, Варвара проболталась о письме. Всего не рассказала, а намекнула довольно ясно. Хитрой Софье и того было довольно, — ее вдруг словно осенило.

И как сразу не догадаться было! — мысленно пеняла она себе.

По секрету рассказала она про подделку писем Вершиной, — и от той пошло по всему городу.

Преполовенская, при встречах с Передоновым, не могла не посмеяться над его доверчивостью. Она говорила:

— Уж очень вы просты, Ардальон Борисыч!

— Вовсе я не прост, — отвечал он, — я кандидат университета.

— Вот и кандидат, а уж кто захочет, тот сумеет вас обмишулить.

— Я сам всякого обмишулю, — спорил Передонов.

Преполовенская хитро улыбалась, и отходила. Передонов тупо недоумевал, — с чего это она? Со зла! — думал он, — все-то ему враги.

И он показывал вслед ей кукиш.

Ничего не возьмешь, — думал он, утешая себя.

Но страх томил...

Этих намеков Преполовенской казалось мало. Сказать же ему словами правду она не хотела. Зачем ссориться с Варварой? Время от времени она посылала Передонову анонимные письма, где намеки были яснее. Но Передонов понял их превратно.

Софья писала ему однажды:

«Та княгиня, что вам писала письма, поищите, не здесь ли живет?»

Передонов подумал, что, верно, княгиня сама приехала сюда за ним следить. Видно, думал он, втюрилась в меня, хочет отбить от Варвары.

И ужасали и сердили эти письма Передонова. Он приступал к Варваре:

— Где княгиня? Говорят, она сюда приехала.

Варвара, мстя за прежнее, мучила его недомолвками, издевочками, трусливыми, злыми изворотами. Нагло ухмыляясь, она говорила неверным голосом, как говорят, когда заведомо лгут, без надежды на доверие:

— Почем же я знаю, где теперь живет княгиня!

— Врешь, знаешь! — в ужасе говорил Передонов.

Он не понимал, чему надо верить, — смыслу ли ее слов, или выдающему ложь звуку ее голоса, — и это, как все для нее непонятное, наводило на него ужас. Варвара возражала:

— Ну, вот еще! Может быть, и уехала куда из Питера, — она ведь у меня не спрашивается.

— А может быть и в самом деле, сюда приехала? — робко спрашивал Передонов.

— Может быть, и сюда приехала, — поддразнивающим голосом говорила Варвара. — В тебя втюрилась, приехала полюбоваться.

Передонов воскликнул:

— Врешь! да неужто втюрилась?

Варвара злорадно смеялась.

С тех пор Передонов стал внимательно смотреть, не увидит ли где княгини. Иногда ему казалось, что она заглядывает в окошко, в дверь, — подглядывает, подслушивает, шушукается с Варварой.

Время шло, а выжидаемая день за днем бумага о назначении инспектором все не приходила. И частных сведений о месте никаких не было. Справиться у самой княгини Передонов не смел, — Варвара постоянно пугала его тем, что она знатная. И ему казалось, что если бы он сам вздумал к ней писать, то вышли бы очень большие неприятности. Он не знал, что именно могли с ним сделать по княгининой жалобе, но это-то и было особенно страшно. Варвара говорила:

— Разве не знаешь аристократов? Жди, — сами сделают, что надо. А напоминать будешь, — обидятся, хуже будет. У них гонору-то сколько, они гордые, они любят, чтобы им верили.

И Передонов пока еще верил. Но злобился на княгиню. Иногда думал он даже, что и княгиня доносит на него, чтобы избавиться от своих обещаний. Или потому доносит, что злится: он повенчался с Варварой, а княгиня сама в него влюбилась. Потому, думал он, она окружила его соглядатаями, которые всюду следят за ним, обступили его так, что уж нет ему ни воздуха, ни света. Недаром она знатная. Все может, что захочет.

Со злости он лгал на княгиню несообразные вещи. Рассказывал Рутилову да Володину, что был прежде ее любовником, и она ему платила большие деньги.

— Только я их пропил. Куда мне их к дьяволу. Она еще мне обещала пенсию по гроб жизни платить, да надула.

— А ты брал? — хихикая, спросил Рутилов.

Передонов промолчал, не понял вопроса, а Володин ответил за него солидно и рассудительно:

— Отчего же не брать, если она богатая. Она изволила пользоваться удовольствиями, так должна и платить за это.

— Добро бы красавица! — тоскливо говорил Передонов, — рябая, курносая. Только что платила хорошо, а то бы и плюнуть на нее, чертовку, не захотел. Она должна исполнить мою просьбу.

— Да ты врешь, Ардальон Борисыч, — сказал Рутилов.

— Ну, вот, вру! А что она платила-то мне, даром, что ли? Она ревнует к Варваре, потому мне и места не дает так долго.

Передонов не испытывал стыда, когда рассказывал, будто бы княгиня платила ему. Володин был доверчивым слушателем, и не замечал нелепостей и противоречий в его рассказах. Рутилов возражал, но думал, что без огня дыму не бывает: что-то, думал он, было между Передоновым и княгиней.

— Она старее поповой собаки, — говорил Передонов убежденно, как нечто дельное. — Только вы, смотрите, никому не болтайте, — до нее дойдет, худо будет. Она мажется, и поросячью молодость себе в жилы пускает. И не узнаешь, что старая. А уж ей сто лет.

Володин качал головой, и причмокивал. Он всему верил.

Случилось, что на другой день после такого разговора Передонову пришлось в одном классе читать Крыловскую басню «Лжец». И несколько дней подряд с тех пор он боялся ходить через мост, — брал лодку и переезжал, — а мост, пожалуй, еще провалится.

Он объяснял Володину:

— Про княгиню я правду говорил, только вдруг он не поверит, да и провалится к чёрту![734]

Слухи о поддельных письмах расходились по городу. Разговоры об этом занимали горожан, и радовали. Почти все хвалили Варвару, и радовались тому, что Передонов одурачен. И все те, кто видел письма, в голос уверяли, что догадались сразу.

Особенно велико было злорадство в доме у Вершиной: Марта, хотя и выходила за Мурина, все же была отвергнута Передоновым; Вершина хотела бы взять Мурина себе, и должна была уступить его Марте; Владя имел свои ощутительные причины ненавидеть Передонова и радоваться его неудаче. Хотя и досадно ему было, что Передонов еще остается в гимназии, но эту досаду перевешивала радость, что Передонову — «нос». К тому же, в последние дни между гимназистами держался упорный слух, будто директор донес попечителю учебного округа, что Передонов сошел с ума, и будто скоро пришлют его свидетельствовать, а затем уберут из гимназии.[735]

При встрече с Варварою знакомые, с грубыми шутками, с наглым подмигиванием, заговаривали более или менее прямо об ее проделке. Она ухмылялась нахально, не подтверждала, но и не спорила.

Иные намекали Грушиной, что знают об ее участии в подделке.[736] Она испугалась, и пришла к Варваре с упреками, зачем разболтала. Варвара сказала ей, ухмыляясь:

— Что вы Петрушку валяете, я никому и не думала говорить.

— От кого же все узнали? — запальчиво спросила Грушина. — Я-то уж никому не скажу,[737] не такая дура!

— И я никому не говорила, — нагло утверждала Варвара.

— Вы мне письма[738] отдайте, — потребовала Грушина, — а то[739] начнет разбирать, так и по почерку признает, что поддельное.

— Ну и пусть узнает! — сказала досадливо Варвара,[740] — стану я на дурака смотреть.

Грушина сверкала серыми глазами, и кричала:

— Вам хорошо говорить,[741] вы свое получили, а[742] меня из-за вас в тюрьму посадят. Нет, уж как хотите, а письмо мне отдайте. А то ведь и развенчать можно.[743]

— Ну, уж это ах! оставьте, — нагло подбочась, отвечала Варвара, — уж теперь[744] хоть на площади публикуй, венец не свалится.

— Ничего не оставьте, — кричала Грушина, — такого нет закона, обманом венчать. Если Ардальон Борисыч все дело по начальству пустит, до сената, так и разведут.

Варвара испугалась, и сказала:

— Да чего злитесь, достану вам письмо.[745] Нечего бояться, я вас не выдам. Разве я такая скотина! Душа-то и у меня есть.

— Ну, какая там душа! — грубо сказала Грушина, — что у пса, что у человека, один[746] пар, а души нет. Пока жил, пота и был.

Варвара решилась украсть письмо,[747] хоть это было и трудно. Грушина торопила.[748] Одна была надежда — вытащить письмо у Передонова, когда он будет пьян. А пил он[749] много. Нередко и в гимназию являлся навеселе, и вел речи бесстыдные, вселявшие отвращение даже в самых злых мальчиках.

Однажды Передонов вернулся из биллиардной пьянее обыкновенного: спрыскивали новые шары. Но с бумажником все не расставался, — кое-как раздевшись, сунул его себе под подушку.

Он спал беспокойно, но крепко, и бредил, — и слова в его бреду все были о чем-то страшном и безобразном. На Варвару они наводили жуткий страх.

Ну да ничего, — подбадривала она себя, — только бы не проснулся.

Она попыталась разбудить его, потолкала, — он что-то пробормотал, громко чертыхнулся, но не проснулся.

Варвара зажгла свечку, и поставила ее так, чтобы свет не падал в глаза Передонову. Цепенея от страха, она встала с постели, и осторож-

но полезла рукой под подушку к Передонову. Бумажник лежал близко, но долго выскользал из-под пальцев. Свеча горела тускло. Огонь ее колебался. По стенам, по кровати перебегали боязливые тени, — шмыгали злые чертики. Воздух был душен, и неподвижен. Пахло перегорелой водкой. Храп и пьяный бред наполняли всю спальню. Вся горница была, как овеществленный бред. Трепетными руками вынула Варвара письмо, и сунула бумажник на прежнее место.

Утром Передонов хватился письма, не нашел его, испугался, и закричал:

— Где письмо, Варя?

Варвара, жестоко труся, но скрывая это, сказала:

— Почем же я знаю, Ардальон Борисыч! Ты всем показываешь, вот, должно быть, где-нибудь и выронил. Или вытащили. Друзей-то приятелей у тебя много, с которыми ты по ночам бражничаешь.

Передонов думал,[750] что письмо украли его враги, всего скорее Володин. Теперь Володин держит письмо, а потом заберет в свои когти и все бумаги, и назначение, и поедет в инспекторы, а Передонов останется здесь горьким босяком.

XXV

Над Передоновым неотступно господствовали навязчивые представления о преследовании, и ужасали его. Он все более погружался в мир диких грез. Это отразилось и на его лице: оно стало неподвижною маскою ужаса.

Уже по вечерам нынче Передонов не ходил играть на биллиарде. После обеда он запирался в спальне, дверь загораживал вещами, — стул на стол, — старательно заграждался крестами и чураньем, и садился писать, — доносы на всех, кого только вспомнит. Писал доносы не только на людей, но и на карточных дам. Напишет, — и сейчас несет к жандармскому офицеру. И так проводил он каждый вечер.

Везде перед глазами у Передонова ходили карточные фигуры, как живые, — короли, крали, хлапы. Ходили даже мелкие карты. Это — люди со светлыми пуговицами: гимназисты, городовые. Туз — толстый, с выпяченным пузом, почти одно только пузо. Иногда карты обращались в людей знакомых. Смешивались живые люди, и эти странные оборотни.

Передонов был уверен, что за дверью стоит и ждет валет, и что у валета есть какая-то сила и власть, вроде как у городового, — мо-

жет куда-то отвести, в какой-то страшный участок. А под столом сидит недотыкомка. И Передонов боялся заглянуть под стол или за дверь.

Вертлявые мальчишки-восьмерки дразнили Передонова, — это были оборотни-гимназисты. Они подымали ноги странным, неживым движением, как ножки у циркуля, — но только ноги у них были косматые, с копытцами. Вместо хвостов у них росли розги, мальчишки помахивали ими со свистом, и сами взвизгивали при каждом взмахе. Недотыкомка из-под стола хрюкала, смеючись на забавы этих восьмерок. Передонов со злобою думал, что к какому-нибудь начальнику недотыкомка не посмела бы забраться.

Не пустят, небось, — завистливо думал он, — лакеи швабрами заколошматят.

Наконец Передонов не вытерпел ее злобного и нахально-визгливого смеха. Он принес из кухни топор, и разрубил стол, под которым недотыкомка пряталась. Недотыкомка пискнула жалобно и злобно, метнулась из-под стола, и укатилась. Передонов дрогнул.

«Укусит!» — подумал он, [в первую минуту,] завизжал от ужаса, и присел. Но недотыкомка скрылась мирно, не кусила его. Ненадолго скрылась.

Иногда Передонов брал карты, и со свирепым лицом раскалывал перочинным ножиком головы карточным фигурам. Особенно дамам. Режучи королей, он озирался, чтобы не увидели и не обвинили в политическом преступлении. Но и такие расправы помогали не надолго. Приходили гости, покупались карты, — и в новые карты вселялись опять злые соглядатаи.

Уже Передонов начал считать себя тайным преступником. Он вообразил, что еще со студенческих лет состоит под полицейским надзором. Потому-то, соображал он, за ним и следят. Это и ужасно, и надмевало его.

Ветер шевелил обои. Они шуршали тихим, зловещим шелестом, и легкие полутени скользили по их пестрым узорам. Соглядатай прятался там, за этими обоями, — думал Передонов.

Злые люди! — думал он тоскуя, — недаром, недаром они наложили обои на стену так неровно, так плохо, что за них мог влезть и прятаться злодей изворотливый, плоский и терпеливый. Ведь были и раньше такие примеры.

Смутные воспоминания шевельнулись в его голове. Кто-то прятался за обоями, кого-то закололи не то кинжалом, не то шилом.

Передонов купил шило. И, когда он вернулся домой, обои шевелились неровно и тревожно, — соглядатай чуял опасность, и хотел бы, может быть, проползти куда-нибудь подальше. Мрак метнулся, прыгнул на потолок, и оттуда угрожал и кривлялся.

Злоба закипела в Передонове. Он стремительно ударил шилом в обои. Содрогание пробежало по стене. Передонов торжествуя завыл, и принялся плясать, потрясая шилом. Вошла Варвара.

— Что ты пляшешь один, Ардальон Борисыч? — спросила она, ухмыляясь как всегда тупо и нахально.

— Клопа убил, — угрюмо объяснил Передонов.

Глаза его сверкали диким торжеством. Одно только было нехорошо: скверно пахло. Гнил и вонял за обоями заколотый соглядатай. Ужас и торжество сотрясали Передонова: — убил врага!

Ожесточилось сердце его до конца в этом убийстве. Несовершенное убийство, — но для Передонова оно было, что убийство совершённое. Безумный ужас в нем сковал готовность к преступлению, — и несознаваемое, темное, таящееся в низших областях душевной жизни, представление будущего убийства, томительный зуд к убийству, состояние первобытной озлобленности угнетало его покорную волю. Еще скованное, — много поколений легло на древнего Каина, — оно находило себе удовлетворение и в том, что он ломал и портил вещи, рубил топором, резал ножом, срубал деревья в саду, чтобы не выглядывал из-за них соглядатай. И в разрушение вещей вселился древний демон, дух довременного смешения, дряхлый Хаос, между тем, как дикие глаза безумного человека отражали ужас, подобный ужасам предсмертных чудовищных мук.

И всё те же и те же иллюзии повторялись, и мучили его.

Варвара, тешась над Передоновым, иногда прокрадывалась к дверям той горницы, где сидел Передонов, и оттуда говорила чужими голосами. Он ужасался, подходил тихохонько, чтобы поймать врага, — и находил только Варвару.

— С кем ты тут шушукалась? — тоскливо спрашивал он.

Варвара ухмылялась, и отвечала:

— Да тебе, Ардальон Борисыч, кажется.

— Не все же кажется, — тоскливо бормотал Передонов, — есть же и правда на свете.

Да, ведь и Передонов стремился к истине, по общему закону всякой сознательной жизни, и это стремление томило его. Он и сам не сознавал, что тоже, как и все люди, стремится к истине, и потому смутно было его беспокойство. Он не мог найти для себя истины, и запутался, и погибал.[751]

Уже и знакомые стали дразнить Передонова обманом. С обычною в нашем городе грубостью к слабым говорили об этом обмане при нем.

Преполовенская с лукавою усмешечкой спрашивала:

— Что же это вы, Ардальон Борисыч, все еще на ваше инспекторское место не едете?

Варвара говорила со сдержанною злобою:

— Вот получим бумагу, да и поедем.

На Передонова же эти вопросы нагоняли тоску.

Как же я могу жить, если мне не дают места! — думал он.

Он замышлял все новые планы защиты от врагов. Украл из кухни топор, и припрятал его под кроватью. Купил шведский нож, и всегда носил его с собою в кармане. Постоянно замыкался. На ночь ставил капканы вокруг дома, да и в горницах, а потом осматривал их.

Эти капканы были, конечно, сооружены так, что никто в них не мог попасть: они ущемляли, но не удерживали, и с ними можно было уйти. У Передонова не было ни технических познаний, ни сметливости. Видя каждое утро, что никто не попался, Передонов думал, что его враги испортили капканы. Это его опять страшило.

Особенно внимательно Передонов следил за Володиным. Нередко он приходил к Володину, когда знал, что того не было дома, — и шарил, не захвачены ли им какие-нибудь бумаги.

Передонов начал догадываться, чего хочет княгиня, — чтобы он опять полюбил ее. Ему отвратительна она, дряхлая.

Ведь ей полтораста лет, — злобно думал он.

Да, старая, — думал он, — зато вот какая сильная. И отвращение сплеталось с прельщением. Чуть тепленькая, трупцем попахивает, — представлял себе Передонов, и замирал от дикого сладострастия.

Может быть, можно с нею сойтись, и она смилуется? Не написать ли ей письмо?

И на этот раз Передонов, не долго думая, сочинил письмо княгине. Он писал:

«Я люблю вас, потому что вы холодная и далекая. Варвара потеет, с нею жарко спать, несет, как из печки. Я хочу иметь любовницу холодную и далекую. Приезжайте, и соответствуйте».

Написал, послал, — и раскаялся. Что-то из этого выйдет? Может быть, нельзя было писать? — думал он, — надо было ждать, когда княгиня сама приедет?

Так случайно вышло это письмо, как и многое Передонов делал случайно, — как труп, движимый внешними силами, и как будто этим

силам нет охоты долго возиться с ним: поиграет одна, да и бросит другой.

Скоро недоты́комка опять появилась, — она подолгу каталась вокруг Передонова, как на аркане, и все дразнила его. И уже она была беззвучна, и смеялась только дрожью всего тела. Но она вспыхивала тускло-золотыми искрами, злая, бесстыжая, — грозила и горела нестерпимым торжеством. И кот грозил Передонову, сверкал глазами, и мяукал дерзко и грозно.

Чему они радуются? — тоскливо подумал Передонов, и вдруг понял, что конец приближается, что княгиня уже здесь, близко, совсем близко.

Быть может, в этой колоде карт.

Да, несомненно, она — пиковая или червонная дама. Может быть, она прячется и в другой колоде, или и за другими картами, а какая она, — неизвестно. Беда в том, что Передонов никогда ее не видел. Спросить у Варвары — не стоит, — соврет.

Наконец Передонов придумал сжечь всю колоду. Пусть все горят! Если они лезут ему назло в карты, так сами будут виноваты.

Передонов улучил время, когда Варвары не было, и печка в зале топилась, — и бросил карты, целую игру, в печку.

С треском развернулись невиданные, бледно-красные цветы, — и горели, обугливаясь по краям. Передонов смотрел в ужасе на эти пламенные цветы.

Карты коробились, перегибались, двигались, словно хотели выскочить из печки. Передонов схватил кочергу, и колотил по картам. Посыпались во все стороны мелкие, яркие искры, — и вдруг, в ярком и злом смятении искр поднялась из огня княгиня, маленькая, пепельно-серая женщина, вся осыпанная потухающими огоньками; она пронзительно вопила тонким голоском, шипела и плевала на огонь.

Передонов повалился навзничь, и завыл от ужаса. Мрак обнял его, щекотал, и смеялся воркочущими голосами.

Теперь уже каждый раз, как Саша приходил, Людмила запиралась с ним, и принималась его раздевать да наряжать в разные наряды. Смехом и шутками наряжался сладкий их стыд.

Иногда Людмила затягивала Сашу в корсет, и одевала в свое платье. При декольтированном корсаже голые Сашины руки, полные и нежно-округленные, и его круглые плечи казались очень красивыми. У него кожа была желтоватого, но, что редко бывает, ровного и нежного

цвета. Юбка, башмаки, чулки Людмилины, все Саше оказалось впору, и все шло к нему.

Надев на себя весь дамский наряд, Саша послушно сидел, и обмахивался веером. В этом наряде он и в самом деле был похож на девочку, и старался вести себя, как девочка.

Одно только было неудобство, — стриженые Сашины волосы. Надевать парик или привязную косу на Сашину голову Людмиле не хотелось, — противно![752]

Людмила учила Сашу делать реверансы. Неловко и застенчиво приседал он вначале. Но в нем была грация, хотя и смешанная с мальчишескою угловатостью. Краснея и смеясь, он примерно учился делать реверансы, и кокетничал напропалую.

Иногда Людмила брала его руки, обнаженные и стройные, и целовала их. Саша не сопротивлялся, и смеючись смотрел на Людмилу. Иногда он сам подставлял руки к ее губам, и говорил:

— Целуй!

Но лучше нравились ему иные наряды, которые шила сама Людмила: одежда рыбака с голыми ногами, хитон афинского голоногого мальчика.

Нарядит его Людмила, и любуется. А сама побледнеет, печальная станет.

Саша сидел на Людмилиной постели, перебирал складки хитона, и болтал голыми ногами. Людмила стояла перед ним, и смотрела на него с выражением счастья и недоумения.

— Какая ты глупая! — сказал Саша.

— В моей глупости так много счастья! — лепетала бледная Людмила, плача и целуя Сашины руки.

— Отчего же ты заплакала? — улыбаясь беспечно, спросил Саша.

— Мое сердце ужалено радостью. Грудь мою пронзили семь мечей счастья, — как мне не плакать!

— Дурочка ты, право, дурочка! — смеючись, сказал Саша.

— А ты умный! — с внезапною досадою ответила Людмила, вытерла слезы, и вздохнула. — Пойми, глупый, — заговорила она тихим, убеждающим голосом, — только в безумии счастье и мудрость.

— Ну, да! — недоверчиво сказал Саша.

— Надо забыть, забыться, и тогда все поймешь, — шептала Людмила. — По-твоему как, мудрые люди думают?

— А то как же?

— Они так знают. Им сразу дано: только взглянет, и уже все ему открыто...

Осенний тихо длился вечер. Чуть слышный из-за окна доносился изредка шелест, когда ветер на лету качал ветки у деревьев.

Саша и Людмила были одни. Людмила нарядила его голоногим рыбаком, — розовая шелковая одежда, — уложила на низком ложе, и села на пол у его голых ног, — босая, в одной рубашке. И одежду, и Сашино тело облила она духами, — густой, травянистый и ломкий у них был запах, как неподвижный дух замкнутой в горах и странно-цветущей долины.

На ее шее блестели яркие, крупные бусы, золотые узорные браслеты звенели на руках. Ирисом пахло ее тело, — запах душный, плотский, раздражающий, навевающий дремоту и лень, насыщенный тяжелыми испарениями медленных вод.

Она томилась и вздыхала, и глядела на его смуглое лицо, на его иссиня-черные ресницы и полуночные глаза. Она положила голову на его голые колени, и ее светлые кудри ласкали его смуглую кожу. Она целовала Сашино тело, и от аромата, странного и сильного, смешанного с запахом молодой кожи, кружилась ее голова.

Саша лежал, и улыбался тихою неверною улыбкою. Неясное в нем зарождалось желание, и сладко томило его. И когда Людмила целовала его колена [да голые] стопы, нежные поцелуи возбуждали томные, полусонные мечтания. Хотелось что-то сделать ей, милое или бо́льное, нежное или стыдное, — но что? Целовать ли ее [голые] ноги? Или бить ее, долго, сильно, длинными, гибкими ветвями? Чтобы она смеялась от радости, или кричала от боли?

И то, и другое, может быть, желанно ей, но мало. Что же ей надо? Вот они полуобнаженные оба, и с их освобожденною* плотью связано желание и хранительный стыд, — но в чем же это таинство плоти? И как принести свою кровь и свое тело в сладостную жертву ее желаниям, своему стыду?

А Людмила томилась, и металась у его ног, бледная от невозможных желаний, то пылая, то холодея. Она страстно шептала:

— Я ли не красавица? У меня ли глаза не жгучие? У меня ли не пышные волосы? Ласкай же меня! Приласкай же меня! Сорви с меня запястья, отстегни мое ожерелье!

Саше стало страшно, и невозможные желания мучительно томили его.

---

* *Было*: нагою.

XXVI

Передонов проснулся утром. Кто-то смотрел на него громадными, мутными, четырехугольными глазами. Уж не Пыльников ли это? Передонов подошел к окну, и облил зловещий призрак.

На всем были чары и кудеса. Визжала дикая недотыкомка, злобно и коварно смотрели на Передонова и люди, и скоты. Все было ему враждебно, он был один против всех.

В гимназии на уроках Передонов злословил своих сослуживцев, директора, родителей учеников. Гимназисты слушали с недоумением. Иные, хамоватые по природе, находились, что, подлаживаясь к Передонову, выражали ему свое сочувствие. Другие же сурово молчали или, когда Передонов задевал их родителей, горячо вступались. На таких Передонов смотрел угрюмо и боязливо, и отходил от них, бормоча что-то.

На иных уроках Передонов потешал гимназистов нелепыми толкованиями.

Читали раз Пушкинские стихи:

С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк.

— Постойте, — сказал Передонов, — это надо хорошенько понять. Тут аллегория. Волки попарно ходят: волк с волчихою голодной. Волк сытый, а она голодная. Жена всегда после мужа должна есть.

Пыльников был веселый, он улыбался, и смотрел на Передонова обманчиво-чистыми, бездонными глазами. Сашино лицо мучило и соблазняло Передонова. Чаровал его проклятый мальчишка своею коварною улыбкою.

Да и мальчишка ли? Или, может быть, их два: брат и сестра? И не разобрать, кто где. Или даже, может быть, он умеет переворачиваться из мальчишки в девчонку? Недаром он всегда такой чистенький, — переворачиваясь, в разных водицах всполаскивается, — иначе ведь нельзя, не обернешься. И духами так всегда пахнет.

— Чем это вы надушились, Пыльников? — спросил Передонов, — пачкулями, что ли?

Мальчики засмеялись, Пыльников обидчиво покраснел, и промолчал.

Чистого желания нравиться, быть не противным, Передонов не понимал. Всякое такое проявление, хотя бы со стороны мальчика, он

считал охотою на себя. Кто принарядился, тот, значит, и замышляет прельстить Передонова. Иначе зачем рядиться! Нарядность и чистота были для Передонова противны, духи казались ему зловонны; всяким духам предпочитал он запах унавоженного поля, полезный, по его мнению, для здоровья. Наряжаться, чиститься, мыться, — на все это нужны время и труд; а мысль о труде наводила на Передонова тоску и страх. Хорошо бы ничего не делать! есть, пить, спать, да и только.

Товарищи дразнили Сашу, что он надушился «пачкулями», и что Людмилочка в него влюблена. Он вспыхивал, и горячо возражал: ничего, мол, не влюблена, — все это, мол, выдумки Передонова; он-де сватался к Людмилочке, а Людмилочка ему нос натянула, вот он на нее и сердится, и распускает про нее нехорошие слухи. Товарищи ему верили, — Передонов, известно! — но дразнить не переставали: дразнить очень приятно!

Передонов упрямо говорил всем о развращенности Пыльникова.

— С Людмилкой спутался, — говорил он. — Так усердно целуются, что она уже одного приготовишку родила, теперь другого носит.

Про любовь Людмилы к Пыльникову заговорили в городе, — весьма преувеличенно, с глупыми и погаными подробностями. Но мало кто верил: Передонов пересолил. Однако, любители подразнить, — их же в нашем городе достаточно много, — спрашивали у Людмилы:

— Что это вы в мальчишку втюрились?

Людмила смеялась, и говорила:

— Глупости!

Горожане посматривали на Пыльникова с поганым любопытством. Вдова генерала Савоськина, аристократическая дама, справлялась о его возрасте, нашла, что он еще слишком мал, и рассчитала, что года через два можно будет его позвать и заняться его развитием. Саша уже начал и упрекать иногда Людмилу, что его за нее дразнят. Даже иногда, случалось, и поколачивал, на что Людмила только звонко хохотала.

Однако, чтобы положить конец сплетням и выгородить Людмилу из неприятной истории, все Рутиловы и многочисленные их друзья, родственники и свойственники усердно действовали против Передонова, и доказывали, что все эти рассказы — фантазия безумного человека. Дикие поступки Передонова заставляли многих верить таким объяснениям.

В то же время полетели доносы на Передонова к попечителю учебного округа. Из округа прислали запрос директору. Хрипач сослался на свои прежние донесения, и прибавил, что дальнейшее пребывание Передонова в гимназии становится положительно опасным.

Уже Передонов был весь во власти своих диких представлений. Призраки заслонили от него мир. Глаза его, безумные и тупые, блуждали, не останавливаясь на предметах, словно ему всегда хотелось заглянуть дальше, по ту сторону, и он искал каких-то просветов.

Оставаясь один, он разговаривал сам с собою, выкрикивал кому-то бессмысленные угрозы:

— Убью! Зарежу! Законопачу!

А Варвара слушала да ухмылялась.

Побесись! — думала она злорадно. Ей казалось, что это только злость: догадывается, что его обманули, и злится. С ума не сойдет, — сходить дураку не с чего. А если и сойдет, — что ж! безумие веселит глупых.

— Знаете, Ардальон Борисыч, — сказал однажды Хрипач, — вы имеете очень нездоровый вид.

— У меня голова болит, — угрюмо сказал Передонов.

— Знаете ли, почтеннейший, — осторожным голосом продолжал директор, — я бы вам советовал не ходить пока в гимназию. Полечиться бы вам, позаботиться о ваших нервах, которые у вас, по-видимому, несколько расстроены.

Не ходить в гимназию! Конечно, — думал Передонов, — это самое лучшее. Как он раньше не догадался! Сказаться больным, посидеть дома, посмотреть, что из этого выйдет.

— Да, да, я не буду ходить, я болен, — радостно говорил он Хрипачу.

Директор тем временем еще раз писал в округ, и со дня на день ждал назначения комиссии для освидетельствования. Но чиновники не торопились. На то они и чиновники.

А Передонов не ходил в гимназию, и тоже чего-то ждал.

В последние дни он все льнул к Володину. Страшно было выпустить его из глаз, — не навредил бы. Уже с утра, как только проснется, Передонов с тоскою вспоминал Володина: где-то он теперь, что-то он делает?

Иногда Володин мерещился ему: облака плыли по небу, как стадо баранов, и между ними бегал Володин, с котелком на голове, с блею-

щим смехом; в дыме, вылетающем из труб, иногда вдруг быстро проносился он же, уродливо кривляясь и прыгая в воздухе.

Володин думал, и всем с гордостью рассказывал, что Передонов его очень полюбил, просто жить без него не может.

— Варвара его надула, — говорил Володин, — а он видит, что один я ему верный друг, он ко мне и вяжется.

Выйдет утром Передонов из дому, проведать Володина, а уже тот идет ему навстречу, в котелке, с тросточкой, весело попрыгивает, радостно заливается блеющим смехом.

— Чего ты все в котелке? — спросил его однажды Передонов.

— Отчего же мне, Ардальон Борисыч, не носить котелка? — весело и рассудительно ответил Володин, — скромно и прилично.

— Ты в котелке сваришься, — угрюмо сказал Передонов.

Володин захихикал.

Пошли к Передонову.

— Шагать-то сколько надо, — сердито сказал Передонов.

— Это полезно, Ардальон Борисыч, промоциониться, — убеждал Володин, — поработаешь, погуляешь, покушаешь, здоров будешь.

— Ну, да, — возражал Передонов, — ты думаешь, через двести лет люди будут работать?

— А то как же? Не поработаешь, так и хлебца не покушаешь.

— Я и не хочу хлебца.

— И булочки, и пирожков не будет, — хихикая, говорил Володин.

— Нет, люди сами работать не будут, — сказал Передонов, — на все машины будут, — повертел ручку, и готово... Да и вертеть долго скучно.

Володин призадумался, склонил голову, выпятил губы.

— Да, — сказал он задумчиво, — это очень хорошо будет. Только нас тогда уже не будет.

Передонов посмотрел на него злобно, и проворчал:

— Это тебя не будет, а я доживу.

— Дай вам Бог, — весело сказал Володин, — двести лет прожить, да триста на карачках проползать.

Уже Передонов и не зачурался, — будь что будет, еще он всех одолеет, надо только смотреть в оба и не поддаваться.

Дома, сидя в столовой и выпивая с Володиным, Передонов рассказывал ему про княгиню.

Княгиня в представлении Передонова, что ни день дряхлела, и становилась ужаснее: желтая, морщинистая, согбенная, клыкастая, злая, — неотступно мерещилась она Передонову.

— Ей двести лет, говорил Передонов, испуганно и тоскливо глядя перед собою. — И она хочет, чтобы я опять с нею снюхался.

— Скажите, чего захотела! — покачивая головою, говорил Володин.

Передонов бредил убийством. Он говорил Володину, свирепо хмуря брови:

— Там у меня за обоями уже один запрятан. Вот ужо другого под пол заколочу.

Но Володин не пугался, и хихикал.

— Вонь слышишь из-за обоев? — спросил Передонов.

— Нет, не слышу, — хихикая и ломаясь, отвечал Володин.

— Нос у тебя заложило, — сказал Передонов, — недаром у тебя нос покраснел. Гниет там, за обоями.

— Клоп! — крикнула Варвара, и захохотала.

Передонов смотрел тупо и важно.

Саша ушел после обеда, и не вернулся к назначенному времени, к семи часам. Коковкина обеспокоилась: не дай Бог, попадется кому из учителей на улице в непоказанное время. Накажут, да и ей неловко. У нее всегда жили мальчики скромные, по ночам не шатались.

Коковкина пошла искать Сашу. Известно, куда же, как не к Рутиловым!

Как на грех, Людмила сегодня забыла закрыть дверь. Коковкина вошла, и что же увидела!

Саша стоит перед зеркалом в женском платье, и обмахивается веером. Людмила хохочет, и расправляет ленты у его яркоцветного пояса.

— Ах, Господи, Твоя воля! — в ужасе воскликнула Коковкина, — что же это такое! Я беспокоюсь, ищу, а он тут комедии ломает. Срам какой, в юбку вырядился! Да и вам-то, Людмила Платоновна, как не стыдно!

Людмила в первую минуту смутилась от неожиданности, но быстро нашлась. С веселым смехом, обняв и усаживая в кресло Коковкину, рассказала она ей тут же сочиненную небылицу:

— Мы хотим домашний спектакль поставить, я мальчишкой буду, а он — девицей, и это будет ужасно забавно.

Саша стоял весь красный, испуганный, со слезами на глазах.

— Вот еще глупости! — сердито говорила Коковкина, — ему надо уроки учить, а не спектакли разыгрывать. Что выдумали! Изволь одеться сейчас же, Александр, и марш со мною домой!

Людмила смеялась звонко и весело, целовала Коковкину, — и старуха думала, что веселая девица ребячлива, как дитя, а Саша по глупо-

сти все ее затеи рад исполнить. Веселый Людмилин смех казал этот случай простою детскою шалостью, за которую только пожурить хорошенько. И она ворчала, делая сердитое и недовольное лицо, но уже сердце у нее было спокойно.

Саша проворно переоделся за ширмой, где стояла Людмилина кровать. Коковкина увела его, и всю дорогу бранила. Саша, пристыженный, уж и не оправдывался. Что-то еще дома будет, — боязливо думал он.

А дома Коковкина в первый раз поступила с ним строго: велела ему стать на колени.[753] Но не постоял так Саша и пяти минут, как уже она, разжалобленная его виноватым лицом и безмолвными слезами, отпустила его.

— Щеголь этакий, за версту духами пахнет, — ворчливо сказала она.

Саша* ловко шаркнул, поцеловал ей руку, — и вежливость наказанного мальчика еще больше тронула ее.

А меж тем над Сашей собиралась гроза. Варвара и Грушина сочинили, и послали Хрипачу безымянное письмо о том, что Пыльников увлечен девицею Рутиловою, проводит у нее целые вечера, и предается разврату.

Хрипач припомнил один недавний разговор. На днях, на вечере у предводителя дворянства кто-то бросил никем не понятый намек на девицу, влюбившуюся в подростка. Разговор тотчас же перешел на другие предметы: при Хрипаче все, по безмолвному согласию привыкших к хорошему обществу людей, сочли это весьма неловкою темою для беседы, и сделали вид, что разговор неудобен при дамах, и что самый предмет ничтожен и маловероятен. Хрипач все это, конечно, заметил; но он не был столь простодушен, чтобы кого-нибудь спрашивать. Он был вполне уверен, что все узнает скоро, что все известия доходят сами, тем или другим путем, но всегда достаточно-своевременно. Вот это письмо и была жданная весть.

Хрипач ни на минуту не поверил в развращенность Пыльникова и в то, что его знакомство с Людмилой имеет непристойные стороны.

Это, — думал он, — идет все опять от той же глупой выдумки Передонова, [подогрето андрогином шатающихся писателей,] и питается завистливою злобною Грушиной. Но все же это письмо, — думал

---

* *Было:* Пыльников.

он, — показывает, что ходят нежелательные слухи, которые могут бросить тень на достоинство вверенной ему гимназии. И потому надо принять меры.

Прежде всего он пригласил Коковкину, чтобы переговорить с нею о тех обстоятельствах, которые могли способствовать возникновению нежелательных толков.

Коковкина уже знала, в чем дело. Ей сообщили даже еще проще, чем директору. Грушина выждала ее на улице, завязала разговор, и рассказала, что Людмила уже вконец развратила Сашу.

Коковкина была поражена. Дома она осыпала упреками Сашу. Ей было тем более досадно, что все происходило почти на ее глазах, и Саша ходил к Рутиловым с ее ведома. Саша притворился, что ничего не понимает, и спросил:

— Да что же я худого сделал?

Коковкина замялась.

— Как что худого? А сам ты знаешь? А давно ли я застала тебя в юбке? Забыл, срамник этакий.

— Застали, ну что ж тут особенно худого! Так ведь и наказали за то. И что же такое, точно я краденую юбку надел.

— Скажите, пожалуйста, как рассуждает! — говорила растерянно Коковкина. — Наказала я тебя, да видно мало.

— Ну, еще накажите, — строптиво, с видом несправедливо обижаемого, сказал Саша. — Сами тогда простили, теперь мало. А я ведь вас тогда не просил прощать, — стоял бы на коленях хоть весь вечер. А то что ж все попрекать!

— Да уж и в городе, батюшка, про тебя с твоей Людмилочкой говорят, — сказала Коковкина.

— А что говорят-то? — невинно-любопытствующим голосом спросил Саша.

Коковкина опять замялась.

— Что говорят, — известно что! Сам знаешь, что про вас сказать можно. Хорошего-то мало скажут. Шалишь ты много со своею Людмилочкой, вот что говорят.

— Ну, я не буду шалить, — обещал Саша так спокойно, как будто разговор шел об игре в пятнашки.

Он делал невинное лицо, а на душе у него было тяжело. Он выспрашивал Коковкину, что же говорят, и боялся услышать какие-нибудь грубые слова. Что могут говорить о них? Людмилочка опускает шторы, с улицы ничего не видно. А если кто подсмотрел, то как об этом могут говорить? Может быть, досадные, оскорбительные слова? Или так го-

ворят, только о том, что он часто ходит? [Знает ли кто, что они с Людмилочкой сидят раздетые и целуются?]

И вот на другой день Коковкина получила приглашение к директору. Оно совсем растревожило старуху. Уже она и не говорила ничего Саше, собралась тихонько, и к назначенному часу отправилась. Хрипач любезно и мягко сообщил ей о полученном им письме. Она заплакала.

— Успокойтесь, мы вас не виним, — говорил Хрипач, — мы вас хорошо знаем. Конечно, вам придется последить за ним построже. А теперь вы мне только расскажите, что там на самом деле было.

От директора Коковкина пришла с новыми упреками Саше.

— Тете напишу, — сказала она, плача.

— Я ни в чем не виноват, пусть тетя приедет, я не боюсь, — говорил Саша, и тоже плакал.[754]

На другой день Хрипач пригласил к себе Сашу, и спросил его сухо и строго:

— Я желаю знать, какие вы завели знакомства в городе.

Саша смотрел на директора лживо-невинными и спокойными глазами.

— Какие же знакомства, — сказал он, — Ольга Васильевна знает, я только к товарищам хожу, да к Рутиловым.

— Да, вот именно, — продолжал свой допрос Хрипач, — что вы делаете у Рутиловых?

— Ничего особенного, так, — с тем же невинным видом ответил Саша, — главным образом мы читаем. Барышни Рутиловы стихи очень любят. И я всегда к семи часам бываю дома.

— Может быть, и не всегда? — спросил Хрипач, устремляя на Сашу взор, который постарался сделать проницательным.

— Да, я один раз опоздал, — со спокойной откровенностью невинного мальчика сказал Саша, — да и то мне досталось от Ольги Васильевны, и потом я не опаздывал.

Хрипач помолчал. Спокойные Сашины ответы ставили его в тупик. Во всяком случае, надо сделать наставление, выговор, но как и за что? Чтобы не внушить мальчику дурных мыслей, которых у него раньше (верил Хрипач) не было, — и чтобы не обидеть мальчика, — и чтобы сделать все к устранению тех неприятностей, которые могут случиться в будущем из-за этого знакомства? Хрипач подумал, что дело педагога — трудное и ответственное дело, особенно если имеешь честь на-

чальствовать над учебным заведением. Трудное, ответственное дело педагога! Это банальное определение окрылило застывшие было мысли у Хрипача. Он принялся говорить, — скоро, отчетливо, и незанимательно. Саша слушал из пятого на десятое:

— ...первая обязанность ваша как ученика — учиться... нельзя увлекаться обществом, хотя бы и весьма приятным и вполне безукоризненным... во всяком случае, следует сказать, что общество мальчиков вашего возраста для вас гораздо полезнее... Надо дорожить репутациею и своею, и учебного заведения... Наконец, — скажу вам прямо, — я имею основания предполагать, что ваши отношения к барышням имеют характер вольности, не допустимой в вашем возрасте, и совсем не согласной с общепринятыми правилами приличия.

Саша заплакал. Ему стало жаль, что о милой Людмилочке могут думать и говорить как об особе, с которою можно вести себя вольно и неприлично.

— Честное слово, ничего худого не было, — уверял он, — мы только читали, гуляли, играли, — ну, бегали, — больше никаких вольностей.

Хрипач похлопал его по плечу, и сказал голосом, которому постарался придать сердечность, а все же сухим:

— Послушайте, Пыльников, — (чтобы ему назвать когда мальчика Сашей? Не форменно, поди, и нет еще на то министерского циркуляра?) — я вам верю, что ничего худого не было, но все-таки вы лучше прекратите эти частые посещения. Поверьте мне, так будет лучше. Это говорит вам не только ваш наставник и начальник, но и ваш друг.

Саше осталось только поклониться, поблагодарить, а затем пришлось послушаться. И стал Саша забегать к Людмиле только урывками, минут на пять, на десять, — а все же старался побывать каждый день. Досадно было, что приходилось видеться урывочками, — и Саша вымещал досаду на самой Людмиле. Уже он частенько называл ее Людмилкой, дурищей, ослицей силоамской, поколачивал ее. А Людмила на все это только хохотала, и даже не сердилась на звонкие пощечины.

Разнесся по городу слух, что актеры здешнего театра устраивают в общественном собрании маскарад с призами за лучшие наряды, женские и мужские. О призах ходили преувеличенные слухи. Говорили, — дадут корову даме, велосипед — мужчине. Эти слухи волновали горожан. Каждому хотелось выиграть: вещи-таки солидные. Поспешно шили наряды. Тратились, не жалея. Скрывали придуманные на-

ряды и от ближайших друзей, чтобы кто не похитил блистательной мысли.

Когда появилось печатное объявление о маскараде, — громадные афиши, расклеенные на заборах и разосланные именитым гражданам, оказалось, что дадут вовсе не корову и не велосипед, а только веер даме и альбом мужчине. Это всех готовившихся к маскараду разочаровало и раздосадовало. Стали роптать. Говорили:

— Стоило тратиться!

— Это просто насмешка — такие призы!

— Должны были сразу объявить!

— Это только у нас возможно делать такие вещи с публикой!

Но все же приготовления продолжались: какой ни будь приз, а получить его лестно.

Дарью и Людмилу приз не занимал, ни сначала, ни после. Нужна мне корова! Невидаль — веер! Да и кто будет присуждать призы! Какой у них, у судей, вкус! Но обе сестры увлеклись Людмилиной мечтой послать в маскарад Сашу в женском платье, обмануть таким способом весь город, и устроить так, чтобы приз дали ему. И Валерия делала вид, что согласна. Завистливая и слабая, как дитя, она досадовала, — Людмилочкин дружок, не к ней ведь ходит, — но спорить с двумя старшими сестрами она не решалась. Только сказала с презрительной усмешечкой:

— Он не посмеет.

— Ну, вот, — решительно сказала Дарья, — мы сделаем так, что никто не узнает.

И когда сестры рассказали Саше про свою затею, и сказала ему Людмилочка:

— Мы тебя нарядим японкою!

Саша запрыгал и завизжал от восторга. Там будь что будет, — и особенно если никто не узнает, — а только он согласен, — еще бы не согласен! — ведь это же ужасно весело, — всех одурачить!

Тотчас же решили, что Сашу надо нарядить гейшей. Сестры держали свою затею в строжайшей тайне, — не сказали даже ни Ларисе, ни брату. Костюм для гейши Людмила смастерила сама по ярлыку от кориолпсиса: платье желтого шелка на красном атласе, длинное и широкое, халатом; широкие рукава, при движениях обнажающие руки; на платье шитый пестрый узор, — круглые цветы причудливых очертаний.

Сами же девицы смастерили веер и зонтик, — веер из тонкой японской бумаги с рисунками, на бамбуковых палочках, зонтик из тонкого

розового шелка на бамбуковой же ручке. На ноги — розовые чулки и деревянные башмачки скамеечками.

И маску для гейши раскрасила искусница Людмила: желтоватое, но милое худенькое лицо с неподвижною легкою улыбкою, косо-прорезанные глаза, узкий и маленький рот.

Чтобы примерить костюм, надо было время, а Саша мог забегать только урывочками, да и то не каждый день. Но нашлись: Саша убежал ночью, уже когда Коковкина спала, через окно. Сошло благополучно.

XXVII

Передонов, все более погружаясь в свое помешательство, уже стал писать доносы на карточных фигур, на недотыкомку, на барана, — что он, баран, самозванец, выдал себя за Володина, а сам, просто баран, — на лесоистребителей, — всю березу вырубили, париться нечем, а осину оставили, а на что нужна осина!

Встречаясь на улице с гимназистами, он ужасал младших и смешил старших бесстыдными и нелепыми словами.

Во всем чары да кудеса мерещились ему, галлюцинации его ужасали, исторгая из груди безумный вой и визги. Недотыкомка являлась ему то кровавою, то пламенною, она стонала и ревела, и рев ее ломил голову Передонову нестерпимою болью. Кот вырастал до страшных размеров, стучал сапогами, и прикидывался рыжим рослым усачом.

Собралась и Варвара в маскарад. Купила маску с глупой рожей, а за костюмом дело не стало, — нарядилась кухаркой, повесила к поясу уполовник, на голову вздела белый чепец, руки открыла выше локтя и густо их нарумянила, — кухарка же прямо от плиты, — и костюм готов. Дадут приз — хорошо, не дадут — не надо.

Грушина придумала одеться Дианою. Варвара засмеялась, и спросила:

— Что ж, вы и ошейник наденете?

— Зачем мне ошейник? — с удивлением спросила Грушина

— Да как же, — объяснила Варвара, — собакой Дианкой вырядиться вздумали.

— Ну вот, придумали, — отвечала Грушина со смехом, — вовсе не Дианка, а богиня Диана.

Одевались на маскарад Варвара и Грушина вместе у Грушиной. Наряд у Грушиной вышел чересчур легок: голые руки и плечи, голая спина, голая грудь, ноги в легоньких туфельках, без чулок, голые до колен,

и легкая одежда из белого полотна с красною обивкою, прямо на голое тело, — одежда коротенькая, но зато широкая, со множеством складок. Варвара сказала, ухмыляясь:

— Головато!

Грушина отвечала, нахально подмигивая:

— Зато все мужчины так за мной и потянутся.

— А что же складок так много? — спросила Варвара.

— Конфет напихать можно для моих чертенят, — объяснила Грушина.

Все так смело открытое у Грушиной было красиво, — но какие противоречия! На коже — блошьи укусы, ухватки грубы, слова нестерпимой пошлости. Снова поруганная телесная красота!

Передонов думал, что маскарад затеяли нарочно, чтобы его на чем-нибудь изловить. А все-таки он пошел туда, — не ряженый, в сюртуке. Чтобы видеть самому, какие злоумышления затеваются.

Мысль о маскараде несколько дней тешила Сашу. Но потом сомнения стали одолевать его. Как урваться из дому? И особенно теперь, после этих неприятностей. Беда, если узнают в гимназии: как раз исключат.

Недавно классный наставник — молодой человек до того либеральный, что не мог называть кота Васькой, а говорил: кот Василий, — заметил Саше весьма значительно при выдаче отметок:

— Смотрите, Пыльников, надо делом заниматься.

— Да у меня же нет двоек, — беспечно возразил Саша.

А сердце у него упало. Что еще скажет? Нет, ничего, промолчал, только посмотрел строго.

В день маскарада Саше казалось, что он и не решится поехать. Страшно! Вот только одно — готовый наряд у Рутиловых, — нешто ему пропадать? И все мечты и труды даром? Да ведь Людмилочка заплачет. Нет, надо идти!

Только приобретенная в последние недели привычка скрытничать помогла Саше не выдать Коковкиной своего волнения. К счастью, старуха рано ложится спать. И Саша лег рано, — для отвода глаз разделся, положил верхнюю одежду на стул у дверей, и поставил за дверь сапоги.[755]

Оставалось только уйти, — самое трудное. Уже путь намечен был заранее, через окно, как тогда, для примерки.

Саша надел светлую летнюю блузу, — она висела в шкапу в его горнице, — домашние легкие башмаки, и осторожно вылез из окна на ули-

цу, улучив минуту, когда нигде по близости не было слышно голосов и шагов.

Моросил мелкий дождик. Было грязно, холодно, темно. Но Саше все казалось, что его узнают. Он снял фуражку, башмаки, бросил их обратно в свою горницу, подвернул одежду, и побежал вприпрыжку босиком по скользким от дождя и шатким мосткам. В темноте лицо плохо видно, особенно у бегущего, и примут, кто встретит, за простого мальчишку, посланного в лавочку.[756]

Валерия и Людмила сшили для себя незамысловатые, но живописные наряды: цыганкой нарядилась Людмила, испанкой — Валерия. На Людмиле — яркие красные лохмотья из шелка и бархата, на Валерии, тоненькой и хрупкой, черный шелк, кружева, в руке — черный кружевной веер. Дарья себе нового наряда не шила, — от прошлого года остался костюм турчанки, она его и надела.

— Не стоит выдумывать! — решительно сказала она.

Маскарад был устроен в общественном собрании, — каменное в два жилья здание казарменного вида, окрашенное в ярко-красный цвет, на базарной площади.[757] Устраивал маскарад Громов-Чистопольский, антрепренер и актер здешнего городского театра.

На подъезде, обтянутом коленкоровым навесом, горели шкалики. Толпа на улице встречала приезжающих и приходящих на маскарад критическими замечаниями, по большей части неодобрительными, тем более, что на улице, под верхнею одеждою гостей, костюмы были почти не видны, а толпа судила преимущественно по наитию. Городовые на улице охраняли порядок с достаточным усердием, а в зале были в качестве гостей, и исправник, и становой пристав.

Каждый посетитель при входе получал два билетика: один, розовый, для лучшего женского наряда, другой, зеленый, для мужского. Надо было их отдать достойным. Иные осведомлялись:

— А себе можно взять?

Вначале кассир в недоумении спрашивал:

— Зачем себе?

— А если по-моему мой костюм самый хороший.

Потом уже кассир не удивлялся таким вопросам, и говорил с саркастическою улыбкою (насмешливый был молодой человек):

— Сделайте, ваше одолжение. Хоть оба себе оставьте.

В залах было грязновато, и уже с самого начала толпа казалась в значительной части пьяною. [Толпилось много купчиков, приказ-

чиков, мелких чиновников, — вообще преобладали всякого чина мещане.]

В тесных покоях с закоптелыми стенами и потолками горели кривые люстры; они казались громадными, тяжелыми, отнимающими много воздуха. Полинялые завесы у дверей имели такой вид, что противно было задеть их.

То здесь, то там собирались толпы, слышались восклицания и смех, — это ходили за наряженными в привлекавшие общее внимание костюмы.

Гудаевский изображал дикого американца: в волосах петушьи перья, маска медно-красная с зелеными нелепыми разводами, кожаная куртка, клетчатый плед через плечо, и кожаные высокие сапоги с зелеными кисточками. Он махал руками, прыгал, и ходил гимнастическим шагом, вынося далеко вперед сильно согнутое голое колено.

Жена его нарядилась *Колосом*. На ней было пестрое платье из зеленых и желтых лоскутьев; во все стороны торчали натыканные повсюду колосья. Они всех задевали и кололи. Ее дергали и ощипывали. Она злобно ругалась.

— Царапаться буду! — визжала она.

Кругом хохотали.

— Откуда она столько колосьев набрала? — спрашивал кто-то.

— С лета запасла, — отвечали ему, — каждый день в поле воровать ходила.

Несколько безусых чиновников, влюбленных в Гудаевскую и потому извещенных ею заранее о том, что у нее будет надето, сопровождали ее. Они собирали для нее билетики, — чуть не насильно, с грубостями. У иных, не особенно смелых, просто отымали.

Были и другие ряженые дамы, усердно собиравшие билетики через своих кавалеров. Иные смотрели жадно на неотданные билетики, и выпрашивали. Им отвечали дерзостями.

Унылая дама, наряженная *Ночью*, — синий костюм со стеклянной звездочкой и бумажной луною на лбу, — робко сказала Мурину:

— Дайте мне ваш билетик.

Мурин грубо ответил:

— Что за ты! Билетик тебе! Рылом не вышла.

Ночь проворчала что-то сердито, и отошла. Ей бы хотелось хоть дома показать два-три билетика, — что вот, мол, и ей давали. Тщетны бывают скромные мечты!

Учительница Скобочкина нарядилась *Медведицей*, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ попросту накинула на плечи медвежью шкуру, а голову медведя положи-

ла на свою, как шлем, сверх обыкновенной полумаски. Это было, в общем, безобразно, но все ж-таки шло к ее дюжему сложению и зычному голосу. *Медведица* ходила тяжкими шагами, и рявкала на весь зал, так что огни в люстрах дрожали.[758]

Многим нравилась *Медведица*. Ей дали немало билетов. Но она не сумела их сохранить сама, а догадливого спутника, как у других, ей не нашлось. Ее подпоили, — купчики, — из сочувствия к проявленной ею способности изображать медвежьи ухватки. В толпе кричали:

— Поглядите-ка, *Медведица* водку дует.

Скобочкина не решалась отказываться от водки. Ей казалось, что *Медведица* должна пить водку, если ей подносят. Она скоро опьянела; потом больше половины билетов у нее ловко украли Дарья и Людмила, и отдали Саше.

Выделялся ростом и дородством некто, одетый *Древним Германцем*. Многим нравилось, что он такой дюжий, и что руки видны, могучие руки, с превосходно-развитыми мускулами.[759] За ним ходили преимущественно дамы, и вокруг него слышался ласковый и хвалебный шепот. В *Древнем Германце* узнавали актера Бенгальского. Бенгальский был любим. За то многие давали ему билет. Многие рассуждали так:

— Уж если приз не мне достанется, то пусть лучше актеру (или актрисе). А то, если из наших, хвастовством замучит.

Имел успех и наряд у Грушиной, — успех скандала. Мужчины за нею ходили густою толпою, хохотали, делали нескромные замечания. Дамы отвертывались, возмущались. Наконец исправник подошел к Грушиной и, сладко облизываясь, произнес:

— Сударыня, прикрыться надо.

— А что ж такое? У меня ничего неприличного не видно, — бойко возразила Грушина.

— Сударыня, дамы обижаются, — сказал Миньчуков.

— Наплевать мне на ваших дам, — закричала Грушина.

— Нет уж, сударыня, — просил Миньчуков, — вы хоть носовым платочком грудку да спинку потрудитесь прикрыть.

— А коли я платок засморкала? — с наглым смехом возразила Грушина.

Но Миньчуков настаивал:

— Уж как вам угодно, сударыня, а только, если не прикроетесь, удалить придется.

Ругаясь и плюясь, Грушина отправилась в уборную, и там, при помощи горничной, расправила складки своего платья на грудь и спину.

Возвратясь в зал, хотя и в более скромном виде, она все же усердно искала себе поклонников. Она грубо заигрывала со всеми мужчинами. Потом, когда их внимание было отвлечено в другую сторону, она отправилась в буфетную воровать сласти.

Скоро вернулась она в зал, показала Володину пару персиков, нагло ухмыльнулась, и сказала:

— Сама промыслила.

И тотчас же персики скрылись в складках ее костюма. Володин радостно осклабился.

— Ну! — сказал он, — пойду и я, коли так.

Скоро Грушина напилась, и вела себя буйно, — кричала, махала руками, плевалась.

— Веселая дама, Дианка, — говорили про нее.

Таков-то был маскарад, куда повлекли взбалмошные девицы легкомысленного гимназиста. Усевшись на двух извозчиков, три сестры с Сашей поехали уже довольно поздно, — опоздали из-за него.

Их появление в зале было замечено. *Гейша* в особенности понравилась многим. Слух пронесся, что *Гейшею* наряжена Каштанова, актриса, любимая мужскою частью здешнего общества. И потому Саше давали много билетиков.

А Каштанова вовсе и не была в маскараде, — у нее накануне опасно заболел маленький сын.

Саша, опьяненный новым положением, кокетничал напропалую. И чем больше в маленькую гейшину руку всовывали билетиков, тем веселее и задорнее блистали из узких прорезов в маске глаза у кокетливой японки.

Гейша приседала, поднимая тоненькие пальчики, хихикала задушенным голосом, помахивала веером, похлопывала им по плечу того или другого мужчину, и потом закрывалась веером, и поминутно распускала свой розовый зонтик. Нехитрые приемы, — впрочем, достаточные для обольщения всех, поклоняющихся актрисе Каштановой.

— Я билетик свой отдам прелестнейшей из дам, — сказал Тишков, и подал с молодцеватым поклоном билетик *Гейше*.

Уже он много выпил, и был красен; его неподвижно улыбающееся лицо и неповоротливый стан делали его похожим на куклу.

Валерия смотрела на Сашины успехи, и досадливо завидовала; уже теперь ей хотелось, чтобы ее узнали, чтобы ее наряд и ее тонкая и стройная фигура понравились толпе, и чтобы ей дали приз. И сейчас же с досадою вспомнила она, что это никак невозможно: все три сестры условились добиваться билетиков только для *Гейши*, а себе если и получат, то передать их все-таки своей японке.

В зале танцевали. Володин, быстро охмелев, пустился вприсядку. Полицейские остановили его. Он сказал весело-послушно:

— Ну, если нельзя, то я и не буду.

Но по его примеру пустившиеся откалывать трепака два мещанина не пожелали покориться.

— По какому праву! за свой полтинник! — восклицали они, и были выведены.

Володин провожал их, кривлялся, осклабясь, и приплясывал.

Девицы Рутиловы поспешили отыскать Передонова, чтобы поиздеваться над ним. Он сидел один, у окна, и смотрел на толпу блуждающими глазами. Все люди и предметы являлись ему бессмысленными и разрозненными, но равно враждебными.

Людмила, *Цыганкой*, подошла к нему, и сказала измененным гортанным голосом:

— Барин мой милый, дай я тебе погадаю.

— Пошла к чёрту! — крикнул Передонов.

Внезапное цыганкино появление испугало его.

— Барин хороший, золотой мой барин, дай мне руку. По лицу вижу, — богатый будешь, большой начальник будешь, — канючила Людмила, и взяла-таки руку Передонова.

— Ну смотри, да только хорошо гадай, — проворчал Передонов.

— Ай, барин мой бриллиантовый, — гадала Людмила, — врагов у тебя много, донесут на тебя, плакать будешь, умрешь под забором.

— Ах ты, стерва! — закричал Передонов, и вырвал руку.

Людмила проворно юркнула в толпу. На смену ей пришла Валерия, — села рядом с Передоновым, и зашептала ему нежно:

— Я испанка молодая,
Я люблю таких мужчин,
А жена твоя — худая,
Мой прелестный господин.

— Врешь, дура, — ворчал Передонов.

Валерия шептала:

— Жарче дня и слаще ночи
Мой севильский поцелуй, —
А жене ты прямо в очи
Очень глупые наплюй.
У тебя жена — Варвара,

Ты — красавец Ардальон.
Вы с Варварою не пара, —
Ты умен, как Соломон.

— Это ты верно говоришь, — сказал Передонов, — только как же я ей в глаза плюну? Она княгине пожалуется, и мне места не дадут.

— А на что тебе место? Ты и без места хорош, — сказала Валерия.

— Ну да, как же я могу жить, если мне не дадут места, — уныло сказал Передонов.

Дарья всунула в руку Володина письмо, заклеенное розовою облаткою. С радостным блеяньем распечатал его Володин, прочел, призадумался, — и возгордился, и словно смутился чем-то. Было написано коротко и ясно:

«Приходи, миленький, на свидание со мною завтра в одиннадцать часов ночи в Солдатскую баню. Вся чужая Ж.»

Володин письму поверил, но вот вопрос, — стоит ли идти? И кто такая эта Ж.? Какая-нибудь Женя? Или это фамилия начинается с буквы Ж?

Володин показала письмо Рутилову.

— Иди, конечно, иди! — подбивал Рутилов, — посмотри, что из этого выйдет. Может быть, это богатая невеста, влюбилась в тебя, а родители препятствуют, так вот она и хочет с тобой объясниться.

Но Володин подумал, подумал, да и решил, что не стоит идти. Он важно говорил:

— Вешаются мне на шею, но я таких развратных не хочу.

Он боялся, что его там поколотят: Солдатская баня находилась в глухом месте, на городской окраине.

Уже когда толпа во всех помещениях в клубе теснилась густая, крикливая, преувеличенно-веселая, в зале у входных дверей послышался шум, хохот, одобрительные возгласы. Все потеснились в ту сторону. Передавали друг другу, что пришла ужасно-оригинальная маска.

Человек тощий, длинный, в заплатанном, засаленном халате, с веником под мышкой, с шайкой в руке, пробирался в толпу. На нем была картонная маска, — глупое лицо с узенькой бороденкой, с бачками, а на голове фуражка с гражданскою круглою кокардою. Он повторял удивленным голосом:

— Мне сказали, что здесь маскарад, а здесь и не моются.

И уныло помахивал шайкой.

Всем это нравилось. Толпа ходила за ним, ахая и простодушно восхищаясь его замысловатою выдумкою.

— Приз, поди, получит, — завистливо говорил Володин.

Завидовал же он, как и многие, как-то бездумно, непосредственно, — ведь сам-то он был не наряжен, чего бы, кажись, завидовать! А вот Мачигин, так тот был в необычайном восторге: кокарда особенно восхищала его. Он радостно хохотал, хлопал в ладоши, и говорил знакомым и незнакомым:

— Хорошая критика! Эти чинуши много важничают, кокарды любят носить, мундиры, вот им критику и подпустили, — очень ловко!

Когда стало жарко, чиновник в халате принялся обмахиваться веником, восклицая:

— Вот так банька!

Окружающие радостно хохотали. В шайку сыпались билеты.

Передонов смотрел на веющий в толпе веник. Он казался ему недотыкомкой.

Позеленела шельма, — в ужасе думал он.

[Были в маскараде и писатели, Шарик и Сергей Тургенев. На обратном пути в столицу они опять приехали в наш город. Обрюзглые и пожелтелые от пьянства, они, однако, казались еще молодыми. Крепкие были у них натуры, хоть и уверяли они своих доверчивых приятелей, что страдают болезнью «великого Надсона». Шарик был, как и всегда, в блузе.

— Это интернациональный костюм, — объяснял он Володину. — Все интеллигенты должны носить.

Он сохранял на своем лице преувеличенно-насмешливое и угрюмое выражение. Он презирал эту веселящуюся толпу. Тургенев был любезнее. Он смотрел снисходительно.

— Есть нечто опьяняющее в банальных и глупых увеселениях толпы, — тихо говорил он Шарику, — впечатление такое, точно берешь грязевую ванну.

— Протобаналы! — сердито проворчал Шарик.

— Да, весь этот блеск скучен для меня, как чужая радость, — сказал Тургенев. — Слушайте, Шарик, — как вам нравится это сравнение: скучный, как чужая радость? Я его вставлю в свою новую новеллу.

— Превосходно, — похвалил Шарик, — в самую точку потрафило. Действительно, чужая радость — зрелище изрядно-таки омерзительное.

Тургенев и Шарик пошли в буфет пить чай.

— Я набросал сегодня, — рассказывал Шарик, — критический этюд, содержание которого вас заинтересует.

— Понятно, — сказал Тургенев, — что́ вы написали, то не может быть не интересно.

— Да, конечно, — согласился Шарик. — Так вот моя тема — Некрасов и Минаев.

— Пфа! — презрительно сказал Тургенев.

— Подождите, — остановил Шарик, — я доказываю, что Некрасов, — заметьте, фактически доказываю, — Некрасов завидовал Минаеву.

— Ого! — воскликнул Тургенев, и засмеялся, — невероятно, но мило. Бесспорно мило.

— Да, да, завидовал, — убежденно говорил Шарик. — Да и нельзя, в сущности, не завидовать: зависть — необходимая принадлежность настоящего литераторского темперамента.

— Да, вы, может быть, пра́вы, — задумчиво сказал Тургенев. — Я понимаю Сальери.

Меж тем в дверях буфетной собралась толпа. Смотрели на писателей, обменивались замечаниями. Это сердило Шарика. Он встал, нахмурился, почесал затылок, и произнес грубым голосом:

— Послушайте, эй, вы, субъекты, чего вам надо? Чего вы здесь не видали.

— Ш-ш, ш-ш, — раздалось в толпе, — говорит, говорит что-то.

Вдруг стало очень тихо, и Шариков голос раздавался беспощадно-ясно в этой предательской тишине:

— Я приехал сюда изучать ваши нравы, а вовсе не затем, чтобы торчать перед вами чучелой гороховым. Я — литератор, а не водолаз, не Венера голопузая. Глазеть на меня нечего, у меня такое же рыло, как и у всякого здешнего прохвоста, и пью чай я тоже ртом, а не носом и не другим каким отверстием.

— Ловко! — крикнул кто-то в толпе.

Кто-то злобно зашикал, кто-то засмеялся. Шарик продолжал, все громче и сердитее:

— Мы с Сергеем Тургеневым сели чаю похлебать, а вы проваливайте, пляшите. Чем буркалы на нас пялить, вы лучше наши книжки внимательнее читайте, а то скоро корою зарастете, а не учухаете. Другие беллетристы только мои предтечи... наши с Сергеем Тургеневым предтечи, — вот вы нас и читайте, учитесь уму-разуму, уж мы вас худому не научим.

Он отвернулся от толпы, сел, налил чаю на блюдечко, поставил блюдечко на распяленные пальцы, и нарочито-громко хлебнул. Пестрая толпа, рукоплеща оратору, со смехом расходилась. Слышались одобрительные возгласы:

— Ловко отделал!

— Ай да писатель!

— Этот за словом в карман не полезет.

— Ловкий малый!

— Так нам, дуракам, и надо!

— Чего, в самом деле, глазеть! Невидаль!

Чиновник с веником махал своими прутьями, усиленно кривлялся, и приговаривал:

— Вот и баня. Знатно здесь парят нашего брата.

Тургенев не сделал попытки остановить Шарика. Он сладко улыбался, и мечтал, что эта бестактная выходка попадет в газеты и осрамит Шарика. Когда зрители ушли, Тургенев сочувственно пожал Шарику руку, и сказал:

— Эта речь останется знаменательным фактом в вашей биографии. Запишите ее, пока не забыли, — а то исказят.[760]

— Да, спасибо, наваляю, — сказал Шарик, — я и сам чую, что это у меня здорово выперло.

— Знаете ли, — сказал Тургенев, — когда слышишь такие речи, то у души вырастают крылья, белые, острые, как у демонов.

— Это вы ловко придумали, — поощрил Шарик. — Мы с вами сегодня в ударе.

Тургенев сделал мечтательные глаза, и сказал:

— Сегодня, пока вы писали, я бродил в лесу, за городом. Я беседовал с цветами, с птицами, с ветром. Я был счастлив.

— Если взять с собою водки или рому, — сказал Шарик, — то в лесу распреотлично.

— Нет, я не был пьян, — возразил Тургенев. — Душа моя родственна облакам, изменчивым, — и прекрасным. Вы видите на глазах моих слезы? Эти слезы — от избытка нежности.]

XXVIII

Наконец начался счет полученным за наряды билетикам. Клубские старшины составили комитет. У дверей в судейскую комнату собралась напряженно-ожидавшая толпа.

Кто-то уверял, что оба приза достанутся актерам.

— Вот вы увидите, — слышался раздраженный шепот.

Многие поверили. Толпа волновалась. Получившие мало билетиков уже были озлобленны этим. Получившие много волновались ожиданием возможной несправедливости.

Вышли судьи: Верига, Авиновицкий, Кириллов, и другие старшины. Смятение волною пробежало в зале, — и вдруг все затихли. Авиновицкий зычным голосом произнес на весь зал:

— Приз, альбом, за лучший мужской костюм присужден, по большинству полученных билетиков, господину в костюме *Древнего Германца.*

Рослый *Германец* стал пробираться через толпу. На него глядели враждебно. Даже не давали дороги.

— Не толкайтесь, пожалуйста! — плачущим голосом закричала унылая дама в синем костюме, со стеклянною звездочкой и бумажной луною на лбу, *Ночь.*

— Приз дали, так уж и вообразил о себе, что дамы перед ним расстилаться должны, — послышался из толпы злобно-шипящий голос.

— Коли сами не пускаете, — со сдержанной досадою ответил *Германец.*

Наконец он кое-как добрался до судей, и взял альбом из Веригиных рук. Музыка заиграла туш. Но звуки музыки покрылись бесчинным шумом. Посыпались ругательные слова. *Германца* окружили, дергали его, и кричали:

— Снимите маску!

Германец молчал. Пробиться через толпу ему бы ничего не стоило, — но он, очевидно, стеснялся пустить в ход свою силу. Гудаевский схватился за альбом, и в то же время кто-то быстро сорвал с *Германца* маску. В толпе завопили:

— Актер и есть!

Предположения оправдались: это был актер Бенгальский. Он сердито крикнул:

— Ну, актер, так что же из того! Ведь вы же сами давали билеты.

В ответ раздались озлобленные окрики:

— Подсыпать-то можно!

— Билеты ведь вы печатали!

— Столько и публики нет, столько билетов роздано.

— Он полсотни билетов в кармане принес.

Бенгальский побагровел, и закричал:

— Это подло так говорить. Проверяйте, кому угодно, — по числу посетителей можете проверить.

Меж тем Верига говорил ближайшим к нему:

— Господа, успокойтесь, — никакого обмана нет, ручаюсь за это: число билетов проверено по входным.

Кое-как старшины с помощью немногих благоразумных гостей утишили толпу. Верига объявил:

— Господа, наибольшее число билетиков за дамский костюм получено дамою в костюме *Гейши*, которой и присужден приз, веер. *Гейша*, пожалуйте сюда, веер — ваш. Господа, покорнейше прошу вас, будьте любезны, дорогу *Гейше*.

Музыка вторично заиграла туш. Испуганная *Гейша* рада бы убежать, но ее подтолкнули, пропустили, вывели вперед.

Верига, с любезною улыбкою, вручил ей веер, — что-то пестрое и нарядное мелькнуло в отуманенных страхом и смущением Сашиных глазах. Надо поблагодарить, подумал он.

Гейша присела, хихикнула, подняла пальчики, — и опять в зале поднялся неистовый гвалт, послышались свистки, ругань.

— Приседай, подлянка! — кричал свирепый, ощетинившийся *Колос*, — приседай!

Гейша бросилась было к дверям, но ее не пустили. В толпе, волновавшейся вокруг *Гейши*, слышались злые крики:

— Заставьте ее снять маску!

— Маску долой!

— Лови ее, держи!

— Срывайте с нее!

— Отымите веер!

Колос кричала:

— Знаете ли вы, кому приз? Актрисе Каштановой! Она чужого мужа отбила, а ей приз! Честным дамам не дают, а подлячке дали!

И она бросилась на *Гейшу*, пронзительно визжа и сжимая сухие кулачки. За ней и другие, — больше из ее кавалеров. *Гейша* отбивалась. Началась дикая травля. Веер сломали, вырвали, бросили на пол, топтали. Толпа с *Гейшей* в середине бешено металась по зале, сбивая с ног наблюдателей. Ни Рутиловы, ни старшины не могли пробиться к *Гейше*. *Гейша*, юркая, сильная, визжала пронзительно, царапалась, и кусалась. Маску она крепко придерживала то правою, то левою рукою.

— Бить их всех надо! — визжала какая-то озлобленная бабенка.[761]

Пьяная Грушина, прячась за другими, науськивала Володина и других своих знакомых:

— Щиплите ее, щиплите подлянку! — визжала она.

Мачигин, держась за нос, — капала кровь, — выскочил из толпы, и жаловался:

— Прямо в нос двинула![762]

Какой-то свирепый молодой человек вцепился зубами в гейшин рукав, и разорвал его до половины. *Гейша*[763] вскрикнула:

— Спасите!

И другие начали рвать ее наряд. Кое-где обнажилось тело. Дарья и Людмила отчаянно толкались, стараясь протиснуться к *Гейше*, но напрасно. Володин с таким усердием дергал *Гейшу*, и визжал, и так кривлялся, что даже мешал другим, менее его пьяным и более озлобленным: он же старался не из зла, а из веселости, воображая, что разыгрывается очень потешная забава. Он оторвал начисто рукав от гейшина платья, и повязал себе им голову.

— Пригодится! — визгливо кричал он, гримасничал, и хохотал.

Вырвавшись из толпы, где показалось ему тесно, он дурачился на просторе, и с диким визгом плясал над обломками от веера. Некому было унять его. Передонов смотрел на него с ужасом, и думал: Пляшет, радуется чему-то. Так-то он и на моей могиле спляшет.

[А писатели встали у дверей из буфета на стулья, и смотрели на травмы с удовольствием. Тургенев говорил:

— Это похоже на охоту, приподнимает как-то.]

Наконец *Гейша* вырвалась, — обступившие ее мужчины не устояли против ее проворных кулаков да острых зубов. *Гейша* метнулась из зала. В коридоре *Колос* опять накинулась на японку, и захватила ее за платье. *Гейша* вырвалась было, но уже ее опять окружили. Возобновилась травля.

— За уши, за уши дерут! — закричал кто-то.

Какая-то дамочка ухватила *Гейшу* за ухо, и трепала ее, испуская громкие торжествующие крики. *Гейша* завизжала, и кое-как вырвалась, ударив кулаком по руке злую дамочку.

Наконец Бенгальский, который тем временем успел переодеться в обыкновенное платье, пробился через толпу к *Гейше*. Он взял дрожащую японку на руки, закрыл ее своим громадным телом и руками, насколько мог, и быстро понес, ловко раздвигая толпу локтями и ногами. В толпе кричали:

— Негодяй, подлец!

Бенгальского дергали, колотили в спину. Он кричал:

— Я не позволю с женщины сорвать маску; что хотите делайте, не позволю!

Так через весь коридор он пронес *Гейшу*. Коридор оканчивался узкою дверью в столовую. Здесь Вериге удалось ненадолго задержать толпу. С решимостью военного он стал перед дверью, заслонил ее собою, и твердо сказал:

— Господа, вы не пойдете дальше.

Гудаевская, шурша остатками растрепанных колосьев, наскакивала на Веригу, показывала ему кулачки, — но внушительно-холодное у генерала лицо и его решительные серые глаза воздерживали ее от действий. Она в бессильном бешенстве закричала на мужа:

— Взял бы да и дал ей оплеуху, — чего зевал, фалалей!

— Неудобно было зайти, — оправдывался индеец, — Павлушка под локтем вертелся.

— Павлушке бы в зубы, ей в ухо, чего церемониться! — кричала Гудаевская.

Толпа напирала на Веригу. Слышалась площадная брань. Верига спокойно стоял перед дверью, и уговаривал ближайших прекратить бесчинство.

Кухонный мальчик подошел к нему сзади, и шепнул:

— Уехали-с, ваше превосходительство.

Верига отошел. Толпа ворвалась в столовую, потом в кухню, — искали *Гейшу*, но уже не нашли.

Бенгальский пронес *Гейшу* через столовую в кухню. Взволнованным голосом он сказал толпившейся на кухне челяди:

— Живее, пальто, халат, простыню, что-нибудь, — надо барыню спасать!

Чье-то пальто наброшено на Сашины плечи, кое-как закутал Бенгальский японку, — и по узкой, еле освещенной керосиновыми лампами, лестнице вынес ее на двор, — и через калитку в переулок.

— Снимите маску, в маске хуже узнают, теперь все равно темно, — довольно непоследовательно говорил он, — я никому не скажу.

Любопытно ему было. Он-то наверное знал, что это не Каштанова, — но кто же это?

Японка послушалась. Бенгальский увидел незнакомое смуглое лицо, на котором испуг преодолевался выражением радости от избегнутой опасности. Задорные и уже веселые глаза остановились на актеровом лице.

— Как вас благодарить! — сказала *Гейша* звучным[764] голосом.

Баба не трус, интересный бабец! — подумал актер, — но кто она? Видно, из приезжих: здешних дам Бенгальский знал. Он сказал тихо:

— Надо вас поскорее домой доставить. Скажите мне ваш адрес, я возьму извозчика.

Японкино лицо снова омрачилось испугом.

— Никак нельзя, никак нельзя![765] — заметила она, — я одна дойду, вы меня оставьте.

— Ну как вы там дойдете по такой слякоти на ваших деревяшках, — надо извозчика, — уверенно возразил актер.

— Нет, я добегу, — ради Бога, отпустите, — умоляла *Гейша*.

— Клянусь честью, никому не скажу, — уверял Бенгальский. — Я не могу вас отпустить, вы простудитесь. Я взял вас на свою ответственность, и не могу. И скорее скажите, — они могут и здесь вас вздуть.

Гейша задрожала.

— Ужасно, ужасно злые люди! — всхлипывая, сказала она. — Отвезите меня пока к Рутиловым, я у них переночую.

Бенгальский крикнул извозчика. Сели и поехали. Актер всматривался в смуглое и странное гейщино лицо. *Гейша* отвертывалась. Смутная догадка мелькнула в нем.

— Эге, да ты — мальчишка! — сказал он шепотом, чтобы не слышал извозчик.

— Ради Бога! — бледный от ужаса взмолился Саша.

Бенгальский тихонько засмеялся, и так же тихо сказал:

— Да уж не скажу, не бойся. Мое дело тебя доставить на место, а больше я ничего не знаю. Однако ты — отчаянный. А дома не узнают?

— Если вы не проболтаетесь, никто не узнает, — просительно-нежным голосом сказал Саша.

— На меня положись, во мне, как в могиле, — ответил актер.

Уж скандал в клубе начал затихать, — но вечер завершился новою бедою.

Пока в коридоре травили *Гейшу*, пламенная недотыкомка, прыгая по люстрам, смеялась и подсказывала Передонову, что надо зажечь спичку, и напустить ее, недотыкомку огненную, но несвободную, на эти тусклые и грязные стены, — и тогда, насытясь истреблением, она оставит Передонова в покое.

Передонов вошел в маленькую гостиную рядом с танцевальным залом. Никого не было. Передонов осмотрелся, зажег спичку, поднес ее к оконному занавесу, и подождал, пока занавес загорелся.[766] Огненная недотыкомка побежала по занавесу, тихонько и радостно взвизгивая. Передонов вышел из гостиной, и затворил за собою дверь. Никто не заметил поджога.

Пожар увидели уже с улицы, когда вся горница была в огне. Люди спаслись, — но дом сгорел.

На другой день в городе только и говорили, что о вчерашнем скандале, да о пожаре. Бенгальский сдержал слово, и никому не сказал, что *Гейшей* был наряжен мальчик.

А Саша еще ночью, переодевшись у Рутиловых, убежал домой, влез в окно, и спокойно уснул. В городе, кишащем сплетнями, в городе, где все обо всех знали, ночное Сашино похождение так и осталось тайной. Надолго, — конечно, не навсегда.

Катерина Ивановна Пыльникова, Сашина тетка и воспитательница, сразу получила два письма о Саше, — от директора, и от Коковкиной. Эти письма страшно встревожили ее. В осеннюю распутицу, бросив все свои дела, поспешно выехала она из своей деревни в наш город.

Саша встретил ее с радостью, — он любил ее. Тетя везла большую на него в своем сердце грозу. Но он так радостно бросился ей на шею, так расцеловал ее руки, что она не нашла в первую минуту строгого тона.

— Милая тетечка, какая ты добрая, что приехала! — говорил Саша, — и радостно глядел на ее полное румяное лицо с добрыми ямочками на щеках и с деловито-строгими карими глазами.

— Погоди радоваться, еще я тебя приструню, — неопределенным голосом сказала тетя.

— Это ничего, — беспечно сказал Саша, — приструнь, было бы только за что, а все же ты меня ужасти как обрадовала.

— Ужасти! — повторила тетя недовольным голосом, — вот про тебя ужасти я узнала.

Саша поднял брови, и посмотрел на тетю невинными, непонимающими глазами. Он пожаловался:

— Тут учитель один, Передонов, придумал, будто я девочка, привязался ко мне, — а потом директор мне голову намылил, зачем я с барышнями Рутиловыми хожу. Точно я воровать хожу. А какое им дело!

Совсем тот же ребенок, что и был, — в недоумении думала тетя. — Или уж он так испорчен, что обманывает даже лицом?

Она ушла к Коковкиной, и долго беседовала с нею. Вышла печальная. Потом поехала к директору. Вернулась совсем расстроенная. Обрушились на Сашу тяжелые тетины упреки. Саша плакал, но уверял с жаром, что всё — выдумки, что никаких вольностей с барышнями он себе не позволял. Но тетя не верила. Бранила, бранила, наконец, погрозила высечь, сейчас же, — сегодня же, — вот только еще сперва

увидит этих девиц. Саша рыдал, и продолжал уверять, что ровно ничего худого не было, что все это ужасно преувеличено и сочинено.

Тетя, сердитая, заплаканная, отправилась к Рутиловым.

Ожидая в гостиной у Рутиловых, она волновалась. Ей хотелось сразу обрушиться на сестер с самыми жестокими упреками, и уже самые укоризненные слова были у нее готовы, — но мирная и красивая гостиная внушала ей, мимо ее желания, спокойные мысли, и утишала ее досаду.

Начатое и оставленное здесь вышиванье, кипсеки, тщательно выхоженные[767] растения у окон, и еще какое-то особое настроение семейственности, нечто такое, чего не бывает в непорядочных домах, и что всегда оценивается хозяйками, — неужели в этой обстановке могло совершиться какое-то обольщение ее скромного мальчика заботливыми молодыми хозяйками этой гостиной? Какими-то ужасно-нелепыми показались ей все те предположения, которые она читала и слушала о Саше, — и наоборот, такими правдоподобными представлялись ей Сашины объяснения о том, что он делал у девиц Рутиловых: читали, разговаривали, шутили, смеялись, играли, — хотели домашний спектакль устроить, да Ольга Васильевна не позволила.

Сестры порядком струхнули. Они еще не знали, осталось ли тайной Сашино ряженье. Но их ведь было трое, и все они дружно одна за другую. Это сделало их храбрыми. Они все три собрались у Людмилы, и шепотом совещались. Валерия сказала:

— Надо же идти к ней, — невежливо.

— Ничего, пусть простынет, — беспечно ответила Дарья, — а то она уж очень сердито на нас напустится.

Все сестры надушились сладко-влажным клематитом, — вышли спокойные, веселые, нарядные, как всегда, — и наполнили гостиную своим милым лепетом, приветливостью и веселостью.

Пыльникова была сразу сбита их милым и приличным видом.

Нашли распутниц! — подумала она досадливо о гимназических педагогах.

— Простите, сударыни, мне надо с вами объясниться, — сказала она, стараясь придать своему голосу деловую сухость.

Сестры ее усаживали, и весело болтали.

— Которая же из вас?.. — нерешительно начала Пыльникова.

Людмила сказала весело, и с таким видом, как будто она, любезная хозяйка, выводит из затруднения гостью:

— Это все больше я с вашим племянничком возилась. У нас оказались во многом одинаковые взгляды и вкусы.

— Он очень милый мальчик, ваш племянник, — сказала Дарья, словно уверенная, что ее похвала осчастливит гостью.

— Право, милый, и такой забавливый, — сказала Людмила.

Пыльникова чувствовала себя неловко. Она вдруг поняла, что у нее нет никаких значительных поводов к упрекам. И уже она начала на это сердиться, — и последние Людмилины слова дали ей возможность высказать свою досаду. Она заговорила сердито:

— Вам забава, а ему...

Но Дарья перебила ее.

— Ах, уж мы видим, что до вас дошли эти глупые Передоновские выдумки, — сочувствующим голосом сказала она. — Но ведь вы знаете, — он совсем сумасшедший. Его директор уж и в гимназию не пускает. Только ждут психиатра для освидетельствования.

— Но позвольте, — перебила ее в свою очередь Пыльникова, все более раздражаясь, — меня интересует не этот учитель, а мой племянник. Я слышала, что вы, — извините, пожалуйста, — его развращаете.

И, бросивши сгоряча сестрам это решительное слово, Пыльникова сразу же подумала, что она зашла слишком далеко. Сестры переглянулись, с видом столь хорошо разыгранного недоумения и возмущения, что и не одна только Пыльникова была бы обманута, — покраснели, — воскликнули все разом:

— Вот мило!

— Ужасно!

— Новости!

— Сударыня, — холодно сказала Дарья, — вы совсем не выбираете выражений. Прежде чем говорить грубые слова, надо узнать, насколько они уместны.

— Ах, это так понятно, — живо заговорила Людмила с видом обиженной, но простившей свою обиду милой девицы, — он же вам не чужой, конечно, вас не могут не волновать все эти глупые сплетни. Нам и со стороны было его жалко, потому мы его и ласкали. А в нашем городе сейчас из всего сделают преступление. Здесь, если бы вы знали, такие ужасные, ужасные люди!

— Ужасные люди! — тихо повторила Валерия звонким, хрупким голосом, и вся дрогнула, словно прикоснулась к чему-то нечистому.

— Да вы его сами спросите самого, — сказала Дарья, — вы на него посмотрите: ведь он еще ужасный ребенок. Это вы, может быть, привыкли к его простодушию, а со стороны виднее, что он совсем, совсем неиспорченный мальчик.

Сестры лгали так уверенно и спокойно, что им нельзя было не верить. Что же, ведь ложь и часто бывает правдоподобнее правды. Почти всегда. Правда же, конечно, не правдоподобна.

— Конечно, это — правда, что он у нас бывает слишком часто, — сказала Дарья. — Но мы его больше и на порог не пустим, если вы так хотите.[768]

— И я сама сегодня же схожу к Хрипачу, — сказала Людмила. — Что это он выдумал? Неужели он сам верит в такую нелепость.

— Нет, он, кажется, и сам не верит, — призналась Катерина Ивановна, — а только он говорит, что ходят разные дурные слухи.

— Ну, вот видите! — радостно воскликнула Людмила, — он, конечно, и сам не верит. Из-за чего же весь этот шум?

Веселый Людмилин голос обольщал Пыльникову. Она думала:

— Да что же на самом деле случилось. Ведь и директор говорит, что он ничему этому не верит!

Сестры еще долго наперебой щебетали, убеждая Пыльникову в совершенной невинности их знакомства с Сашей. Для большей убедительности они принялись было рассказывать с большою подробностью, что именно они делали с Сашей, — но при этом перечне скоро сбились, — это же всё такие невинные и простые вещи, что просто и помнить их нет возможности. И Пыльникова наконец вполне поверила в то, что ее Саша и милые девицы Рутиловы явились невинными жертвами глупой клеветы.

Прощаясь, Катерина Ивановна расцеловалась с сестрами, и сказала им:

— Вы милые. Я думала сначала, что вы, — простите за грубое слово, — хабалки.

Сестры весело смеялись.

— Нет, — говорила Людмила, — мы только веселые и с острыми язычками, за это нас и недолюбливают иные здешние гуси.

Вернувшись от Рутиловых, тетя ничего не сказала Саше. А он встретил ее испуганный, смущенный, и посматривал на нее осторожно и внимательно. Тетя пошла к хозяйке. Поговорили долго, наконец, тетя решила:

— Схожу еще к директору.[769]

В тот же день Людмила отправилась к Хрипачу. Посидела в гостиной с Варварой Николаевной, потом объявила, что она по делу к Николаю Власьевичу. В кабинете у Хрипача произошел оживленный разговор, — не потому собственно, что собеседникам надо было многое ска-

зать друг другу, а потому, что оба любили поговорить. И они осыпали один другого быстрыми речами: Хрипач своею сухою, трескучею скороговоркою, Людмила — звонким и нежным лепетаньем. Плавно, с неотразимою убедительностью неправды, полился на Хрипача ее полулживый рассказ об отношениях к Пыльникову. Главное ее побуждение было, конечно, сочувствие к мальчику, оскорбленному таким грубым подозрением, — желание заменить Саше отсутствующую семью, — и наконец он и сам такой славный, веселый и простодушный мальчик.

Людмила даже заплакала, и быстрые маленькие слезинки удивительно-красиво покатились по ее розовым щекам, на ее смущенно-улыбающиеся губы.

— Правда, я его полюбила, как брата. Он славный и добрый, он так ценит ласку, он целовал мои руки.

— Это, конечно, очень мило с вашей стороны, — говорил несколько смущенный Хрипач, — но вы напрасно принимаете так близко к сердцу тот простой факт, что я уведомил родственников мальчика относительно дошедших до меня слухов.

Людмила, не слушая его, продолжала лепетать, переходя уже в тон кроткого упрека:

— Что же тут худого, скажите пожалуйста, что мы приняли участие в мальчике, на которого напал этот ваш сумасшедший Передонов, — и когда его уберут из нашего города! И разве же вы сами не видите, что этот ваш Пыльников совсем еще дитя, — ну, право, совсем дитя.

Нежный и быстрый Людмилочкин лепет журчал, и развеивал дымом химерическое здание Передоновской лжи. Только сравнить, — безумный, грубый и грязный Передонов, — и веселая, светлая, нарядная и благоуханная Людмилочка!

Говорит ли совершенную Людмила правду, или привирает, — это Хрипачу было все равно, — но он чувствовал, что не поверить Людмилочке, заспорить с нею, допустить какие-нибудь последствия, хоть бы взыскания с Пыльникова, — это значило бы попасться впросак и осрамиться на весь учебный округ. Тем более, что это связано с делом Передонова, которого, конечно, признают ненормальным. И Хрипач, любезно улыбаясь, говорил Людмиле:

— Мне очень жаль, что это вас так взволновало. Я ни одной минуты не позволил себе иметь каких бы то ни было дурных мыслей относительно вашего знакомства с Пыльниковым. Я очень высоко ценю те добрые и милые побуждения, которые двигали вашими поступками, — и ни одной минуты я не смотрел на ходившие в городе и дошедшие до

меня слухи иначе, как на глупую и безумную клевету, которая меня глубоко возмущала. Я обязан был уведомить госпожу Пыльникову, тем более, что до нее могли дойти еще более искаженные сообщения, — но я не имел в виду чем-нибудь обеспокоить вас, и не думал, что госпожа Пыльникова обратится к вам с упреками.

— Ну, с госпожой-то Пыльниковой мы мирно сговорились, — весело сказала Людмила, — а вот вы на Сашу не нападайте из-за нас. Если уж наш дом такой опасный для гимназистов, то мы его, если хотите, и пускать не будем.

— Вы к нему очень добры, — неопределенно сказал Хрипач. — Мы ничего не можем иметь против того, чтобы он в свободное время, с разрешения своей тетки, посещал своих знакомых. Мы далеки от намерения обратить ученические квартиры в места какого-то заключения. Впрочем, пока не разрешится история с господином Передоновым, лучше будет если Пыльников вообще посидит дома.

Скоро уверенная ложь Рутиловых и Сашина была подкреплена страшным событием в доме у Передоновых. Оно окончательно убедило горожан в том, что все толки о Саше и девицах Рутиловых — бред сумасшедшего.*

XXIX

Вершина заманила Передонова к себе в сад. Вдвоем прошли они в беседку, по мокрым дорожкам, покрытым палыми, истлевающими, темными листьями.

— Я хочу открыть вам правду, — бормотала Вершина.

Она была закутана в черную кофту, повязана черным платком, и, посинелыми от холода губами, сжимая черный мундштук, пускала густыми тучами черный дым.

— Наплевать на правду, — ответил Передонов, — в высокой степени наплевать.

Вершина криво усмехнулась, и возразила:

— Не скажите![770] Мне вас ужасно жалко, — вас обманули.

Злорадство слышалось в ее голосе. Злые слова сыпались с ее языка. Она говорила:

— Вы понадеялись на протекцию, но только вы слишком доверчиво поступили. Вас обманули, а вы так легко поверили. Письмо-то написать всякому легко.

* *Далее семь строк вымарано, прочтению не поддаются.*

Передонов с трудом понимал бормочущую речь Вершиной; сквозь ее околичности еле проглядывал для него смысл. Она боялась говорить громко и ясно: сказать громко, — кто-нибудь услышит, скажут Варваре, могут выйти неприятности; сказать ясно, — сам Передонов озлится; пожалуй, еще прибьет. Намекнуть бы, чтобы он сам догадался. Но Передонов не догадывался.

Ведь и раньше случалось, говорили ему в глаза, что он обманут, а он никак не мог домекнуться, что письма подделаны, — и все думал, что обманывает его княгиня, — за нос водит.

Наконец Вершина сказала прямо:

— Письма-то, вы думаете, княгиня писала? Да теперь уж весь город знает, что их Грушина сфабриковала по заказу вашей супруги; а княгиня и не знает ничего. Кого хотите спросите, все знают, — они сами проболтались. А потом Варвара Дмитриевна и письма у вас утащила и сожгла, чтобы улики не было.

Тяжелые, темные мысли ворочались в мозгу Передонова. Он понял одно, что его обманули. Но что княгиня будто бы не знает, — нет, она-то знает. Недаром она из огня живая вышла.

— Вы врете про княгиню, — сказал он, — я княгиню сжег, да не дожег: отплевалась.

Вдруг бешеная ярость охватила Передонова! Обманули! Он свирепо ударил кулаком по столу, сорвался с места и, не прощаясь с Вершиной, быстро пошел домой. Вершина радостно смотрела за ним, и черные дымные тучи быстро вылетали из ее темного рта, и неслись и рвались по ветру.

Передонова сжигала ярость. Но, когда он увидел Варвару, мучительный страх обнял его, и не дал ему сказать ей [Варваре] ни слова.

На другой день Передонов с утра приготовил нож, — небольшой, садовый, в кожаных ножнах, — и бережно носил его в кармане. Целое утро, — вплоть до обеда, — просидел он у Володина. Глядел на его работу, делал нелепые замечания. Володин был по-прежнему рад, что Передонов с ним водится, а его глупости казались ему забавными.

Недотыкомка весь день юлила вокруг Передонова. Не дала заснуть после обеда. Вконец измучила.

И, когда, уже к вечеру, он начал было засыпать, его разбудила невесть откуда взявшаяся шальная баба. Курносая, безобразная, она подошла, и забормотала:

— Квасок затереть, пироги свалять, жареное зажарить.

— Пошла к чёрту! — крикнул Передонов.

Курносая баба скрылась, словно ее и не бывало.

Настал вечер. Тоскливый ветер выл в трубе. Медленный дождь тихо, настойчиво стучался в окошки.

У Передоновых был Володин, — Передонов еще утром позвал его пить чай.

— Никого не пускать! Слышишь, Клавдюшка? — закричал Передонов.

Варвара ухмылялась. Передонов бормотал:

— Бабы какие-то шляются тут. Надо смотреть. Одна ко мне в спальню затесалась, наниматься в кухарки. А на что мне курносая кухарка?

Володин смеялся, словно блеял, и говорил:

— Бабы по улицам изволят ходить, а к нам они никакого касательства не имеют, и мы их к себе за стол не пустим.

Сели за стол втроем. Принялись пить водку и закусывать: больше пили, чем ели. Передонов был мрачен. Уже все было для него, как бред, бессмысленно, несвязно и внезапно. Голова болела мучительно. Одно представление настойчиво повторялось,[771] — о Володине, как о враге.

А Володин быстро опьянел, и молол что-то бессвязное, на потеху Варваре.

Передонов был тревожен.

— Кто-то идет, — бормотал он. — Никого не пускайте.

Он боялся, что гости помешают. Володин и Варвара забавлялись, — думали, что он только пьян. Подмигивали друг другу, уходили поодиночке, стучали, говорили разными голосами:

— Генерал Передонов дома?

— Генералу Передонову звезда!

Но на звезду не польстился сегодня Передонов.

— Не пускать! — кричал он. — Гоните их в шею! Пусть утром принесут.

Нет, — думал он, — сегодня-то и надо крепиться. Сегодня все обнаружится, а пока еще они готовы много ему насолить всякой всячины, чтобы вернее погубить.

— Ну, мы их прогнали, завтра утром придут, — сказал Володин, снова усаживаясь за стол.

Передонов уставился в него мутными глазами, и спросил:

— Друг ли ты мне, или ворог?

— Друг, друг, Ардаша, — отвечал Володин.

— Друг сердечный, таракан запечный, — сказала Варвара.

— Не таракан, а баран, — поправил Передонов. — Ну, мы с тобой, Павлуша, будем пить, только вдвоем. И ты, Варвара, пей, — вместе выпьем, вдвоем.

Володин захихикал.

— Ежели и Варвара Дмитриевна с нами, то уж это не вдвоем выходит, а втроем, — объяснил он.

— Вдвоем, — угрюмо повторил Передонов.

— Муж да жена — одна сатана, — сказала Варвара и захохотала.

Володин до самой последней минуты не подозревал, что Передонов хочет его зарезать. Он блеял, дурачился, говорил глупости, смешил Варвару.

А Передонов весь вечер помнил о своем ноже. Когда Володин или Варвара подходили с той стороны, где спрятан был нож, Передонов свирепо кричал, чтобы отошли. Иногда он показывал на карман, и говорил:

— Тут, брат, у меня такая есть штучка, что ты, Павлушка, крякнешь.

Варвара и Володин смеялись.

— Крякнуть, Ардаша, я завсегда могу, — говорил Володин, — кря, кря! Очень даже просто.

Красный, осоловелый от водки, Володин крякал, и выпячивал губы. Он становился все нахальнее с Передоновым.

— Околпачили тебя, Ардаша, — сказал он с презрительным сожалением.

— Я тебе околпачу! — свирепо зарычал Передонов.

Володин показался ему страшным, угрожающим. Надо было защищаться.

Передонов быстро выхватил нож, бросился на Володина, и резнул его по горлу. Кровь хлынула ручьем.

Передонов испугался. Нож выпал из его рук.

Володин все блеял, и хватался руками за грудь. Видно было, что он смертельно испуган, слабеет, и не доносит рук до горла. Вдруг он помертвел, и повалился на Передонова. Прерывистый раздался визг, — точно он захлебнулся, — и стих. Завизжал в ужасе и Передонов, а за ним Варвара.

Передонов оттолкнул Володина, — тот грозно свалился на пол. Он хрипел, дергался ногами, и скоро умер. Открытые глаза его стекленели, уставленные прямо вверх.

Кот вышел из соседней горницы, нюхал кровь, и злобно мяукал. Варвара стояла, как оцепенелая.

На шум прибежала Клавдия.

— Батюшки, зарезали! — завопила она.

Варвара очнулась, и с визгом выбежала из столовой, вместе с Клавдией.

Весть о событии быстро разнеслась. Соседи собирались на улице, на дворе. Кто посмелее, прошли в дом. В столовую долго не решались войти.[772]

Заглядывали, шептались. Передонов безумными глазами смотрел на труп, слушал шепоты за дверью... Тупая тоска томила его. Мыслей не было.

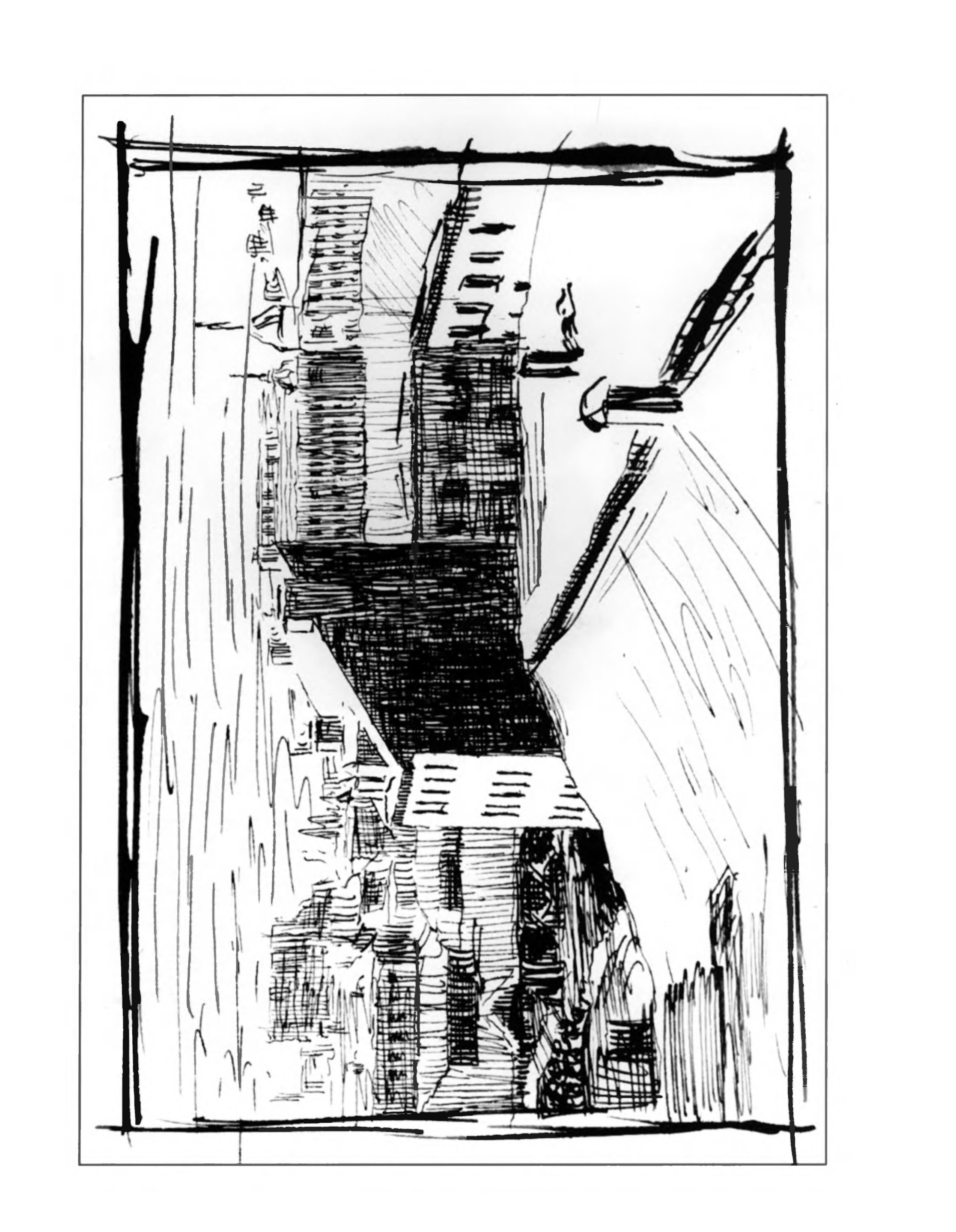
Наконец осмелились, вошли, — Передонов сидел понуро, и бормотал что-то несвязное и бессмысленное.

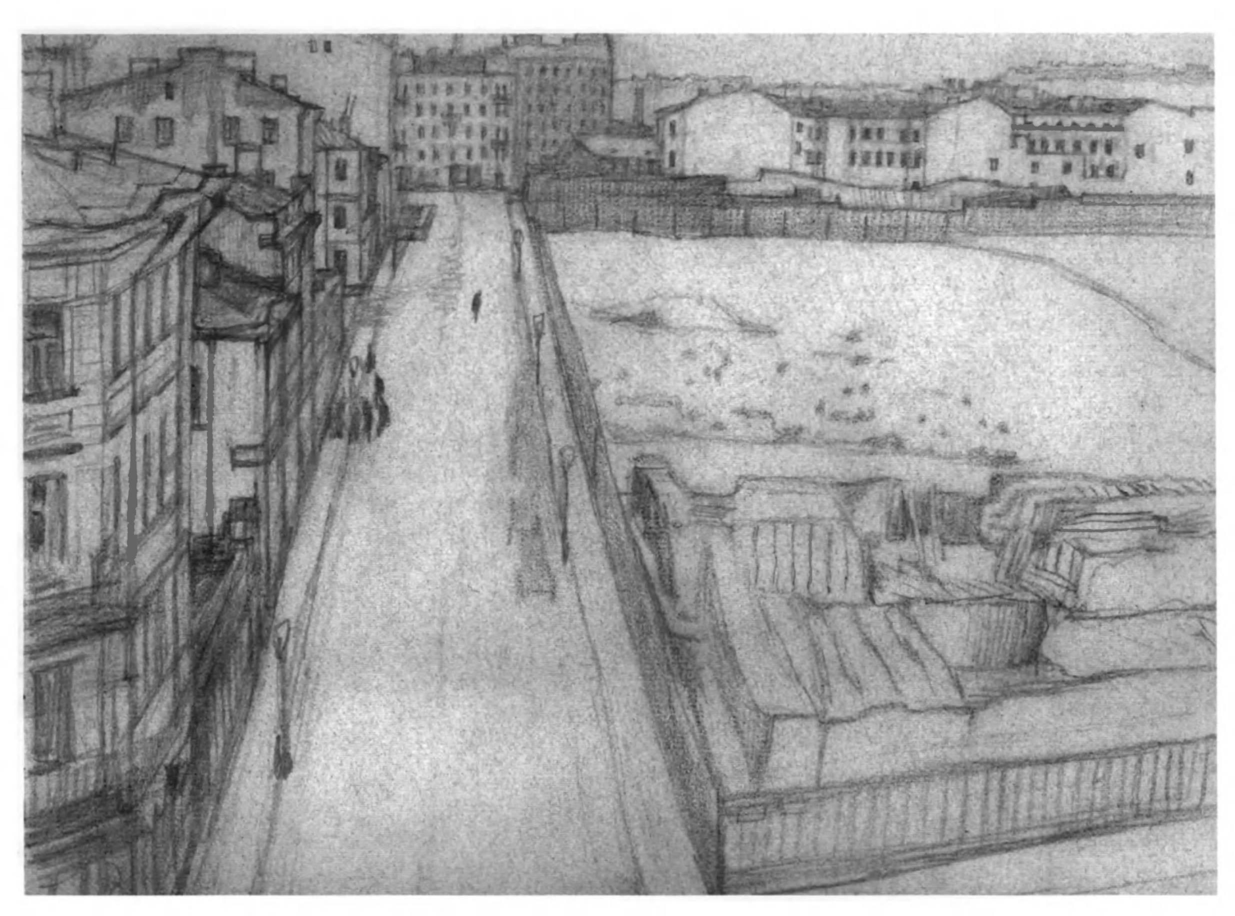
К о н е ц

Федор Сологуб с сестрой. Фотография А. Пазетти.
Санкт-Петербург, начало 1900-х годов. Музей ИРЛИ.

М. В. Добужинский. Вид на Матятин переулок, где в детстве жил Ф. Сологуб. 1900-е годы. ИРЛИ.

Татьяна Семеновна Тетерникова, мать Федора Сологуба. Фотография. 1890-е годы. Музей ИРЛИ.

Федя Тетерников (Сологуб). Фотография В. Шейнфельда. Санкт-Петербург, 1870 г. Музей ИРЛИ.

Ольга Тетерникова, сестра
Федора Сологуба.
Фотография Страхова. Санкт-Петербург,
1877 г. Музей ИРЛИ.

Ольга Тетерникова в детстве.

С. Петербургская Ремесленная Управа симъ свидетельствуетъ, что
С. Петербургский вечноцеховой Козьма Тютюнниковъ
по предъявленнымъ документамъ и надлежащимъ испытании признанъ достой-
нымъ быть мастеромъ портного цеха. Посему Козьме Тю-
тюнникову и предоставляется право, изученное имъ портное
мастерство производить въ звании мастера на законномъ основании.
С. Петербургъ, Декабря 19 дня 1862 года.

За Председателя

Членъ Федоръ Семенов

Заседатель К. Лауфертъ   Секретарь

№ 5636

Свидетельство на звание портного, выданное Санкт-Петербургской ремесленной управой Козьме Афанасьевичу Тютюнникову (Тетерникову), отцу Федора Сологуба, 19 декабря 1862 г. ИРЛИ.

ПОХВАЛЬНЫЙ ЛИСТЪ

Данъ въ публичномъ собраніи, ученику третьяго класса Санктпетербургскаго Владимірскаго уѣзднаго училища Ѳеодору Тетерникову, на основаніи § 75 устава учебныхъ заведеній, Высочайше утвержденнаго въ 8 день Декабря 1828 года, въ награду за благонравіе, прилежаніе и отличные успѣхи въ наукахъ.

Санктпетербургъ. Іюня 15 дня 1877 года.

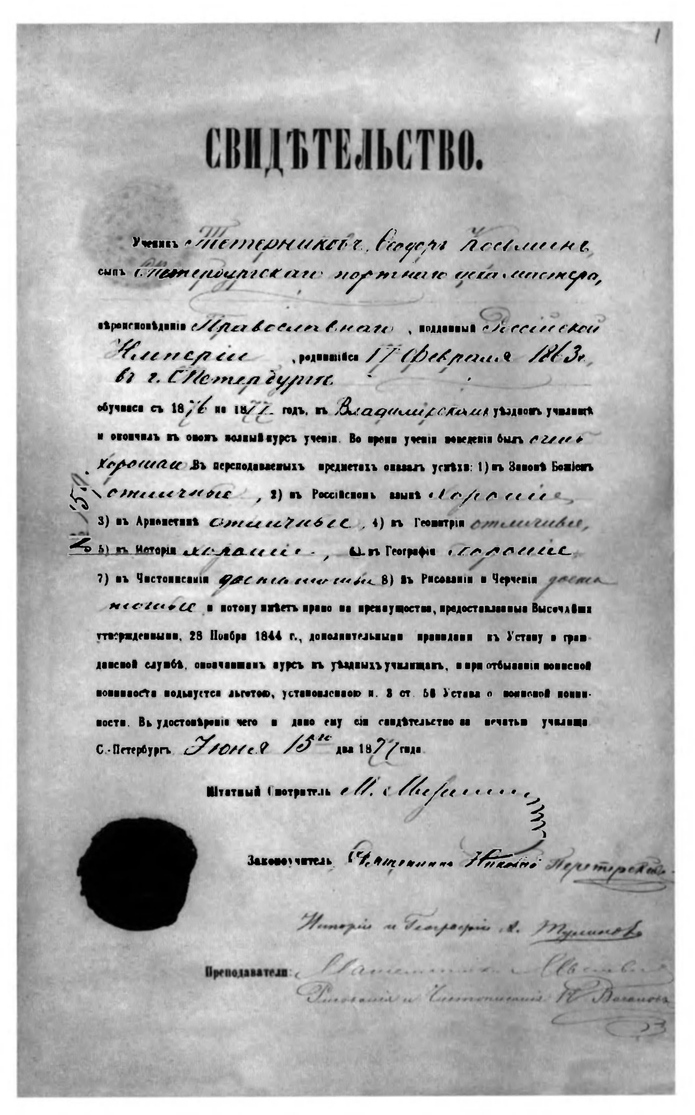
Штатный Смотритель Санктпетербургскихъ училищъ М. Мерцалов

Законоучитель Священникъ

Преподаватели: Математики

Исторіи и Географіи

Похвальный лист, выданный Федору Тетерникову 15 июня 1877 г. Санкт-Петербург. ИРЛИ.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Ученикъ С.-Петербургскаго Владимирскаго уѣзднаго училища Тетерниковъ Ѳеодоръ Козьминъ, сынъ С.-Петербургскаго портнаго цех. мастера, вѣроисповѣданія Православнаго, подданный Россійской Имперіи, родившійся 17 Февраля 1863 г. въ г. С.-Петербургѣ.

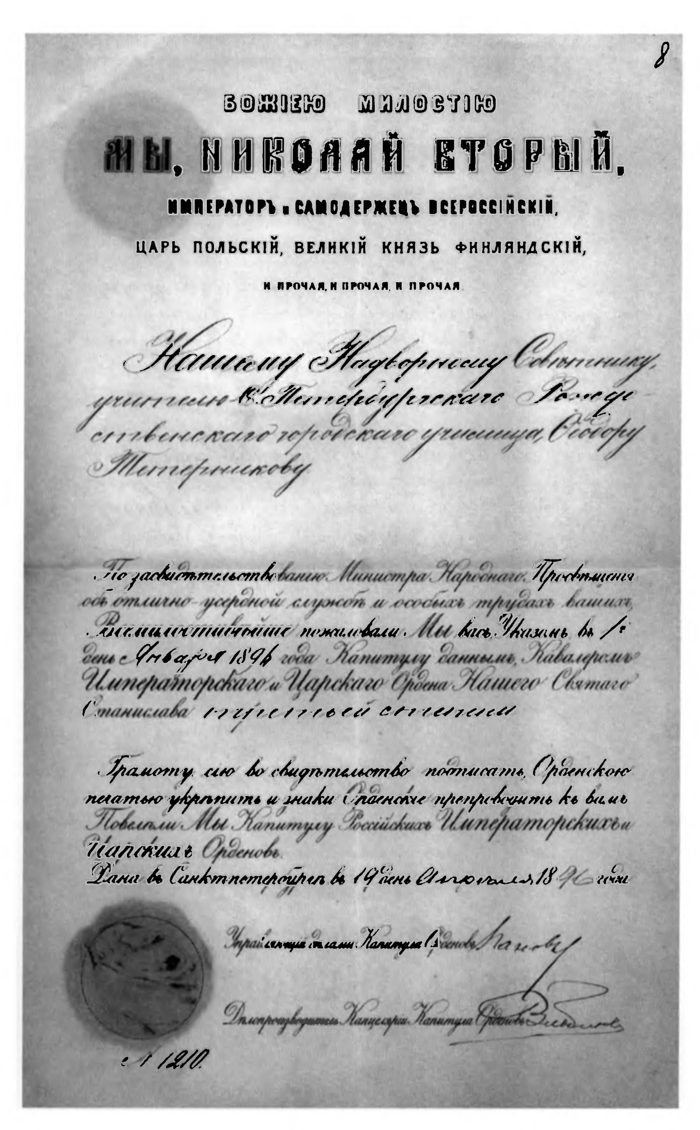
обучался съ 1876 по 1877 годъ, въ Владимирскомъ уѣздномъ училищѣ и окончилъ въ ономъ полный курсъ ученія. Во время ученія поведенія былъ очень хорошаго. Въ преподаваемыхъ предметахъ оказалъ успѣхи: 1) въ Законѣ Божіемъ отличные, 2) въ Россійскомъ языкѣ хорошіе, 3) въ Ариѳметикѣ отличные, 4) въ Геометріи отличные, 5) въ Исторіи хорошіе, 6) въ Географіи хорошіе, 7) въ Чистописаніи достаточные, 8) въ Рисованіи и Черченіи достаточные, и потому имѣетъ право на преимущества, предоставленныя Высочайше утвержденными, 28 Ноября 1844 г., дополнительными правилами къ Уставу о гражданской службѣ, окончившимъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ, и при отбываніи воинской повинности пользуется льготою, установленною п. 3 ст. 56 Устава о воинской повинности. Въ удостовѣреніе чего и дано ему сіе свидѣтельство за печатью училища. С.-Петербургъ. Іюня 15 дня 1877 года.

Штатный Смотритель

Законоучитель

Преподаватели:

Свидетельство об окончании Санкт-Петербургского Владимирского уездного училища, выданное Федору Тетерникову 15 июня 1877 г. ИРЛИ.

8

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ

Нашему Надворному Совѣтнику, учителю С. Петербургскаго Рождественскаго городскаго училища, Өедору Тетерникову

По засвидѣтельствованію Министра Народнаго Просвѣщенія объ отлично-усердной службѣ и особыхъ трудахъ вашихъ, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ Указомъ въ 1-й день Января 1896 года Капитулу даннымъ, Кавалеромъ Императорскаго и Царскаго Ордена Нашего Святаго Станислава третьей степени.

Грамоту сію во свидѣтельство подписать, Орденскою печатью укрѣпить и знаки Орденскіе препроводить къ вамъ Повелѣли Мы Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ.

Дана въ Санктпетербургѣ въ 19 день Апрѣля 1896 года.

Управляющій дѣлами Капитула Орденовъ

Дѣлопроизводитель Канцеляріи Капитула Орденовъ

№ 1210.

Грамота о пожаловании Ф. К. Тетерникову ордена Св. Станислава 3-й степени. Выдана 19 апреля 1896 г. ИРЛИ.

Федор Сологуб в группе преподавателей и учеников Андреевского городского мужского четырехклассного училища. Музей ИРЛИ.

Федор Сологуб в группе преподавателей Андреевского городского мужского четырехклассного училища. Музей ИРЛИ.

Обнаженный мальчик.
Снимки из несохранившегося альбома
фоторабот Ф. Сологуба ⟨?⟩.
Музей ИРЛИ.

Василий Алексеевич Латышев.
1880-е годы.

О. К. Тетерникова в интерьере квартиры Федора Сологуба
при Андреевском городском училище. Музей ИРЛИ.

Федор Сологуб с сестрой на даче. 1900-е годы. Музей ИРЛИ.

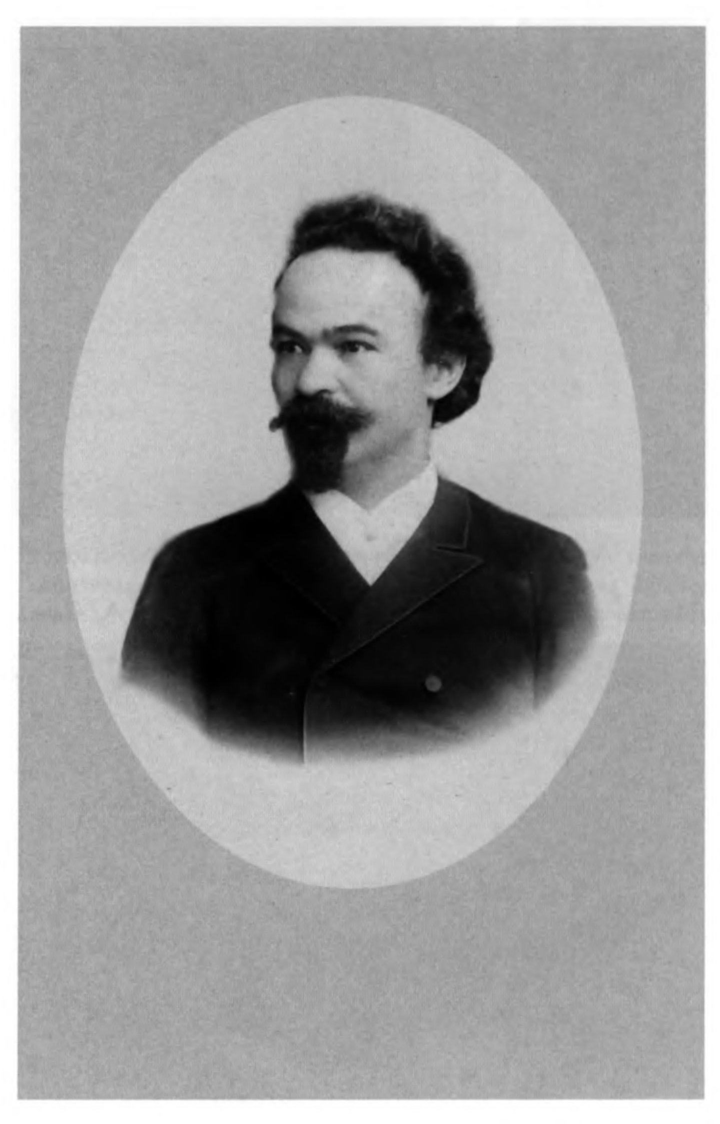
Федор Сологуб с сестрой и двумя неизвестными в интерьере их квартиры при Андреевском городском училище. Музей ИРЛИ.

Здание бывшего Андреевского городского мужского четырехклассного училища (ныне детский сад «Андрейка») на углу 7-й линии Васильевского Острова и Днепровского переулка в доме 20/2. Фотография А. Савкина.

Внутренний двор бывшего здания Андреевского городского училища, где располагался флигель, в котором в 1899—1907 годах жил Федор Сологуб. Фотография А. Савкина.

Николай Максимович Минский.
Фотография В. Павловского. Санкт-Петербург, 1890-е годы.
Музей ИРЛИ.

Дмитрий Сергеевич Мережковский.
Фотография. 1890-е годы. Музей ИРЛИ.

Зинаида Николаевна Гиппиус.
Фотография А. Пазетти. Санкт-Петербург, 1895 г.

Василий Васильевич Розанов.
Фотография Клименко «Анели». Елец, 1889 г. Музей ИРЛИ.

Владимир Васильевич Гиппиус.
Фотография ателье «А. Рентц и Ф. Шрадер».
Санкт-Петербург, ⟨конец 1890-х годов⟩. ИРЛИ.

Александр Михайлович Добролюбов.
Фотография В. В. Гиппиуса, 1890-е годы. Музей ИРЛИ.

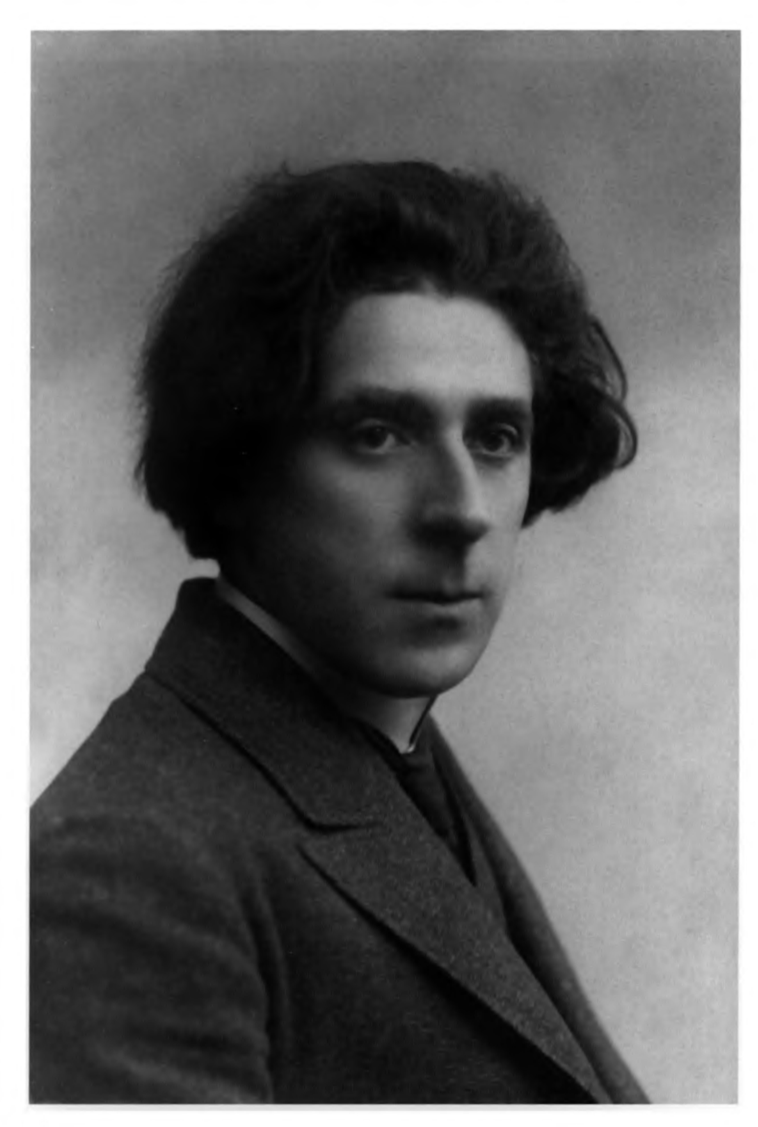
Любовь Яковлевна Гуревич. Фотография Д. С. Здобнова.
Санкт-Петербург, 1890-е годы. Музей ИРЛИ.

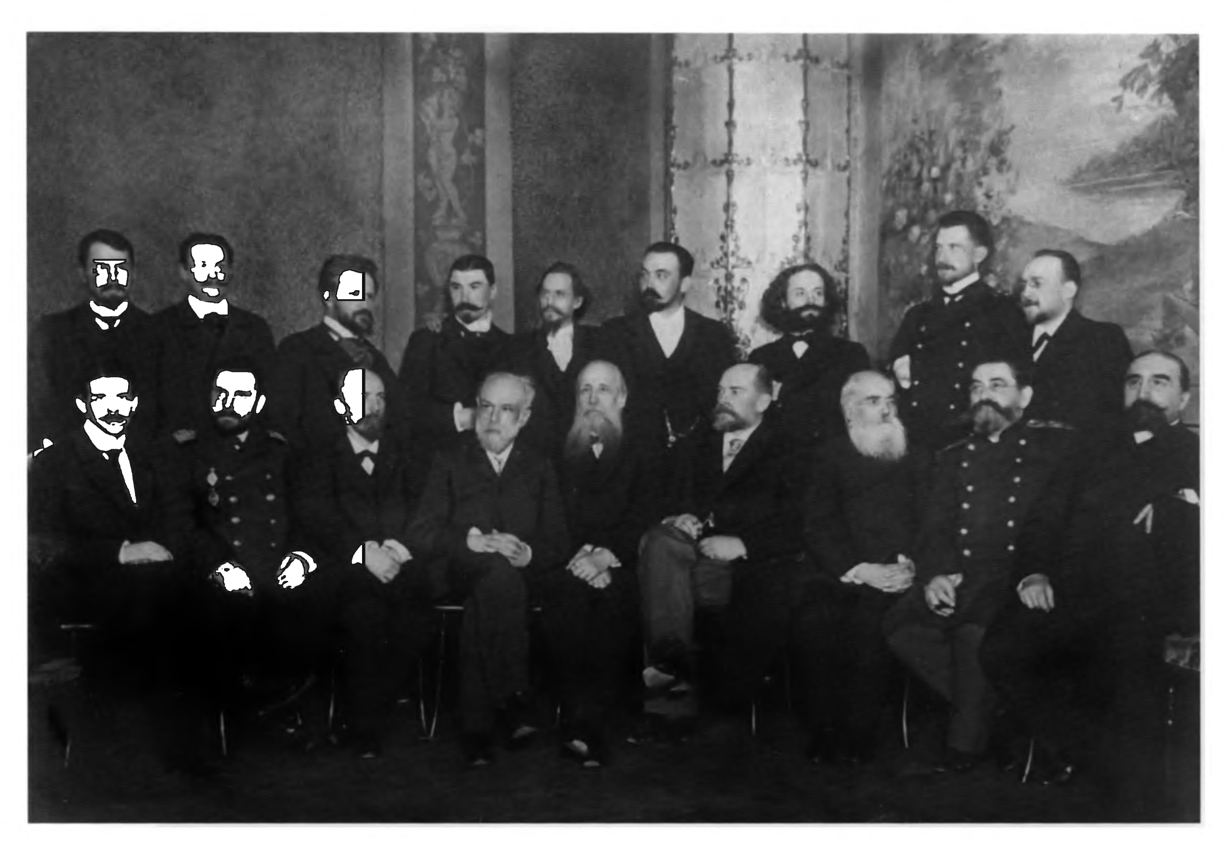
Зинаида Афанасьевна Венгерова. Фотография Пазетти.
Санкт-Петербург, 1898 г. Музей ИРЛИ.

Аким Львович Волынский. Фотография Д. С. Здобнова.
Санкт-Петербург, 1890-е годы. Музей ИРЛИ.

Георгий Иванович Чулков. Фотография «Denar».
Санкт-Петербург, 1900-е годы. Музей ИРЛИ.

Федор Сологуб в группе участников поэтического кружка «Пятницы К. К. Случевского»
(А. А. Коринфский, А. М. Хирьяков, В. И. Немирович-Данченко, Ф. В. Черниговец-Вишневецкий,
В. П. Авенариус, А. А. Измайлов, К. К. Случевский, К. Н. Льдов, Ф. Ф. Фидлер и др.).
Музей ИРЛИ.

Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская в группе актеров театра К. А. Незлобина (Москва), участвовавших в представлении пьесы «Мелкий бес». 1910 г. Музей ИРЛИ.

Федор Сологуб и Н. А. Попов,
режиссер Киевского театра «Соловцов», в котором осенью 1909 года состоялась премьера пьесы «Мелкий бес». Музей ИРЛИ.

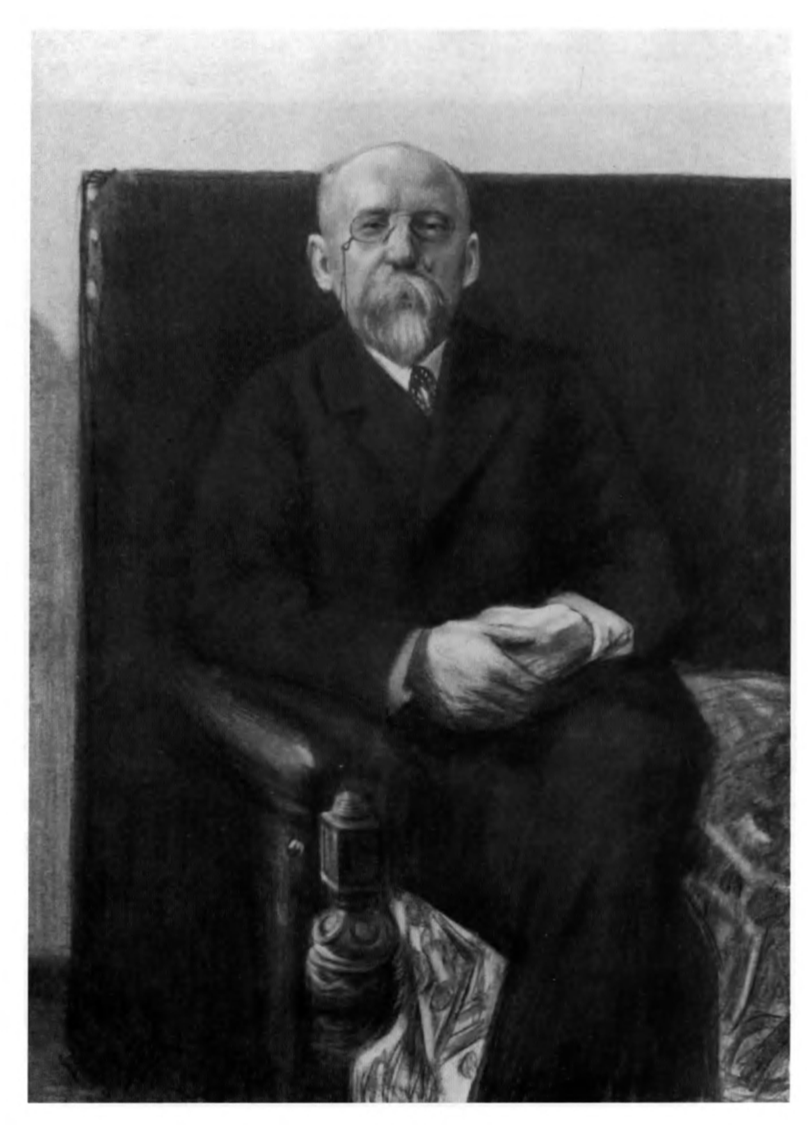
Фотография В. Лихачева — исполнителя роли Саши Пыльникова в авторской инсценировке «Мелкий бес» (театр К. А. Незлобина). ИРЛИ.

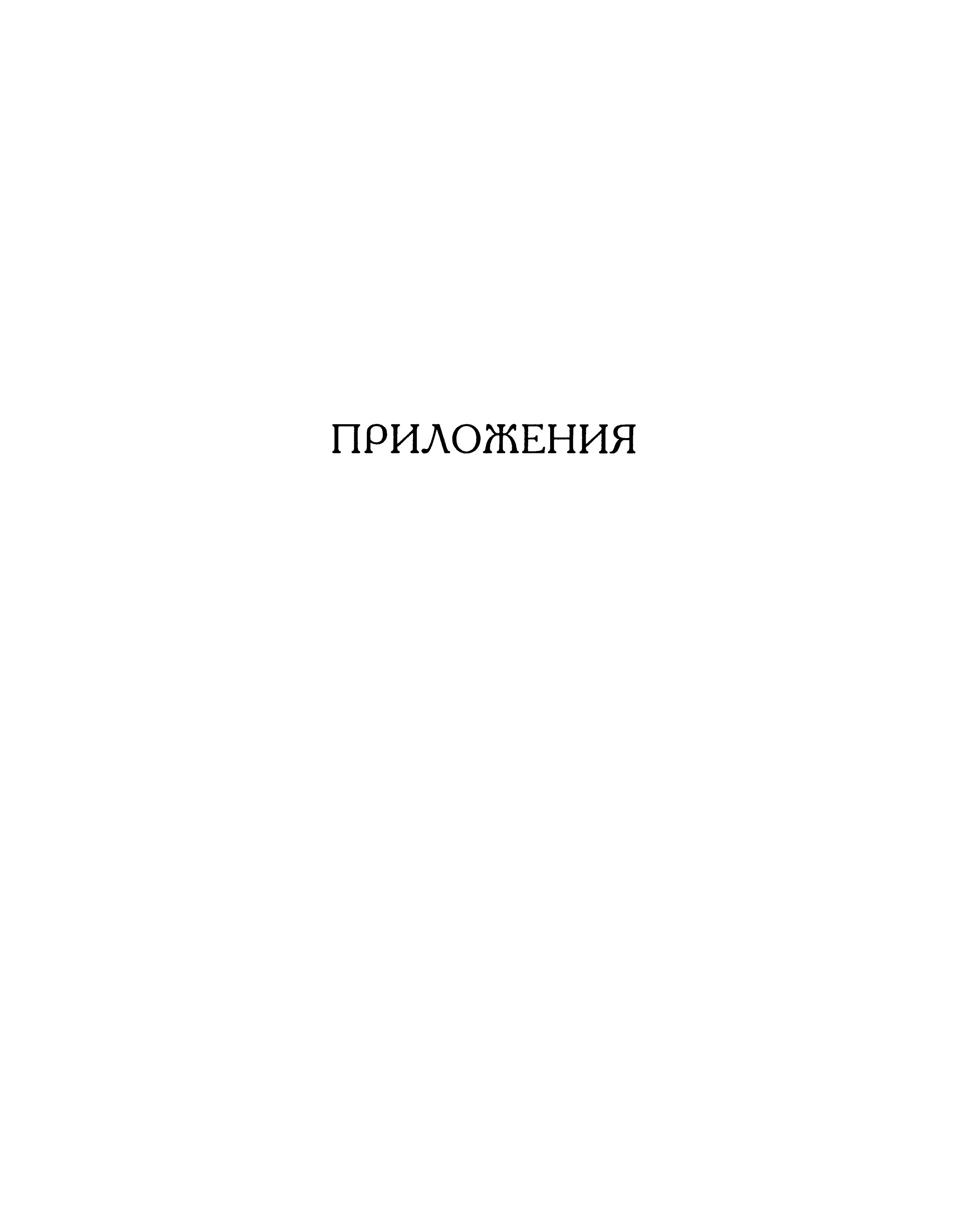
Максим Горький и Скиталец. Открытое письмо. Начало 1900-х годов. Музей ИРЛИ.

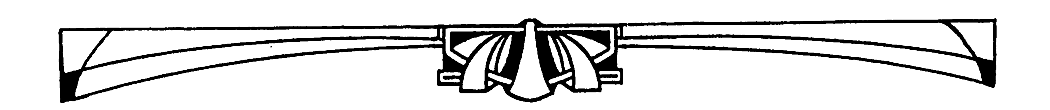
Федор Сологуб. Фотография Канановой и Кафиевой в Тифлисе. Начало 1910-х годов. Музей ИРЛИ.

Федор Сологуб.
Портрет работы художника Б. М. Кустодиева. 1907 г.
Государственная Третьяковская галерея (Москва).

ПРИЛОЖЕНИЯ

М. М. Павлова

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОМАНА «МЕЛКИЙ БЕС»

«Вот они-то и есть наши истинные знакомые и друзья, все эти люди, вышедшие из творческой фантазии. Они только и живут на земле, а вовсе не мы. Они-то и есть настоящие, подлинные люди, истинное, не умирающее население нашей планеты, прирожденные властелины наших дум, могущественные строители наших душ, хозяева нашей земли».

Ф. Сологуб. «Искусство наших дней»

I. ПРЕДЫСТОРИЯ

ЖИТИЕ И БЫТИЕ

Бытия моего не хочу,
Жития моего не прерву...

Ф. Сологуб

1

«А ведь большому писателю всегда приходится протащить своих героев через себя. И Шекспир протащил через себя Лира, и я, конечно, протащил через себя Передонова», — заметил Сологуб в 1926 году в разговоре с Е. Я. Данько.[1] Подлинное значение этого признания открывается при осмыслении жизненного и творческого пути автора «Мелкого беса».

Федор Сологуб (настоящее имя — Федор Кузьмич Тетерников; 1863—1927) родился в Петербурге в семье портного. Отец писателя — Кузьма (Косьма) Афанасьевич Тетерников (так он исправил свою исконную фамилию — Тютюнников) происходил из крепостных и был внебрачным сыном помещика Полтавской или Черниговской губернии Иваницкого. Он умер от туберкулеза, когда сыну Федору исполнилось четыре года, а дочери Ольге — два. Смерть отца по-

[1] *Данько Е. Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения / Вступ. статья, публ. и коммент. М. М. Павловой // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 211.

трясла ребенка, заронив в его душе обиду и сомнение в целесообразности всего миропорядка.

Мать писателя, Татьяна Семеновна (1832⟨?⟩—1894), крестьянка Санкт-Петербургской губернии, после смерти мужа взяла место прислуги в доме Агаповых, в котором прошли детство и юность Феди Тетерникова. В семье царили беспросветная нужда и диктат воли матери. Татьяна Семеновна «при всей своей любви и самоотверженности по отношению к детям была строга и взыскательна до жестокости, наказывала за каждую оплошность, за каждое прегрешение, вольное и невольное: ставила в угол на голые колени, прибегала к розгам — за грубость, за шалости, за опоздание в исполнении поручений, за испачканную одежду...».[2]

Атмосфера насилия и унижения, в которой воспитывался Сологуб, серьезно повлияла на его психику. Суровым обращением мать стремилась привить сыну христианские добродетели — покорность и смирение, приготовить его к тяготам жизни простолюдина. Постепенно он пришел к мысли, что наказание необходимо для него, что частые незаслуженные страдания укрепляют его волю к добру и характер; он стал стремиться к боли и унижению, провоцировать мать наказывать его, что в конечном результате привело к развитию у него садо-мазохического комплекса, впоследствии сказавшегося в творчестве.[3] Образ «дебелой бабищи жизни», требующей все новых и новых детских жертв, стал определяющим в его прозе; неизменно повторяющийся в его произведениях мотив сечения или угрозы наказания розгами (равно как и сама фигура «стегальных дел мастера» — Передонова) был вызван к жизни глубоко личными переживаниями.

Жестокость, по-видимому, была нормой в семейном укладе Тетерниковых. О ближайших родственниках Татьяны Семеновны известно немного, но достаточно, чтобы составить представление о нравах людей, окружавших Сологуба в ранние годы. В декабре 1891 года Ольга Кузьминична рассказывала брату: «...у меня был в гостях Дмитрий, муж тетки; кланяется тебе и маменьке от себя и от своего семейства. Рассказывал мне про своих сыновей, у них у всех жены очень худые. Василий с женою даже хлопотали развод, и теперь жена его живет у своих родных, у Ивана жена водку пьет и еще что-то за ней есть, уж я не поняла; жена Гаврилы уговорила его отделиться и перейти к своему отцу, и перешли, у всех у них есть дети, а Николай только у отца живет и то теперь в Петербурге на Сенной торгует у кого-то, и все они пьют водку; в тот день, когда у меня был Дмитрий, так он пришел прямо из Окружного суда; судили Ивана и Николая и еще

---

[2] *Черносвитова О. Н.* Материалы к биографии Федора Сологуба / Вступ. статья, публ. и коммент. М. М. Павловой // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 230—231.

[3] См. об этом: *Сологуб Федор.* Цикл «Из Дневника» (Неизданные стихотворения) / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 109—159; *Павлова М.* Из творческой предыстории «Мелкого беса». (Алголагнический роман Федора Сологуба) // Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. М., 1996. С. 328—354.

там кого-то, я их не знаю, за драку: пьяные передрались в трактире и буфетчику пробили голову, их за это приговорили на три дня сидеть где-то; и Николая хотят женить, да он очень разборчив, все ему невесты не нравятся; Гаврила живет в Петербурге, он резчик, зарабатывает 60 руб⟨лей⟩ в месяц, да все пропивает, жена его тут на месте горничных, кажется, а дочка у ее отца; тетка здорова; летом приглашают приехать к ним в гости...».[4]

Картины повседневной жизни, свидетелем которых в детстве и юности нередко доводилось бывать Сологубу, оставили в его душе неизгладимые впечатления и дали ему подлинное знание среды, из которой он вышел. Появление на страницах его рассказов и романов мастеровых всех мастей, кухарок, горничных и прочего городского люда было связано не только с освоением традиции — желанием в полемической форме продолжить тему «маленького человека» классических текстов Пушкина, Гоголя и Достоевского, но и, не в меньшей степени, стремлением изжить никогда не забываемое собственное прошлое.

Близкое участие в воспитании Федора принимала Галина Ивановна Агапова, вдова отставного коллежского асессора. «Агаповы ⟨...⟩ были люди интеллигентные, интересующиеся театром и музыкой; отношения с ними были сердечные; мальчика Федора крестила сама старушка Агапова, которую ребенок называл „бабушкой". В их доме приходилось слышать много рассказов о петербургской старине, начиная с 20-х годов ⟨...⟩ у Агаповых был абонемент в оперу, хотя и наверху, и мальчику часто давали билет, если кто-либо из семьи не мог пойти. Таким образом, 10-летний Сологуб слушал Патти, пение которой произвело на него неотразимое впечатление».[5]

Одна из дочерей хозяйки была замужем за педагогом, историком литературы, инспектором гатчинского Сиротского института Ф. А. Витбергом, сыном А. Л. Витберга, живописца и архитектора, автора неосуществленного проекта московского храма Христа Спасителя на Воробьевых горах. Ребенком Сологуб часто гостил у Витбергов в Гатчине «и здесь присутствовал при беседах историко-художественного характера, читал исторические книги».[6]

Судьба одаренного мальчика Федора Тетерникова складывалась как будто благополучно: его природные склонности к гуманитарным знаниям и внутренний артистизм получили поддержку и поощрение. Вместе с тем с детских лет он испытывал постоянное унижение от своего двойственного положения — «кухаркин сын», «между слуг и господ», и одновременно задыхался в «затхлом гнете» «ба-

[4] Письма Ф. Сологуба О. К. Тетерниковой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 годы / Публ. Т. В. Мисникевич. СПб., 2003. С. 249.

[5] *Чеботаревская Ан. Н.* Федор Сологуб: Биографический очерк // Русская литература XX века (1890—1910) / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: Мир, 1915. Т. 2. Ч. 1. С. 9; перепечатано: *Сологуб Федор.* Творимая легенда. М.: Художественная литература, 1997. Кн. II. С. 214—219. Далее цитирую по Венгерову.

[6] Там же. С. 9.

бушки».[7] Среди его первых замыслов значился роман «Паразиты», прототипами которого были Агаповы.[8]

Зять Г. И. Агаповой А. Ф. Витберг в дневнике «Записки современного романтика» так отозвался о семье невесты: «К сожалению, та жизнь, которою живет ее семья, лишена решительно всякой поэзии — это какая-то мещански-кухарочная жизнь, с неизменным мужем-пьяницей, братом-дубиной, (сестрицу пропускаю) и наконец знаменитой матушкой Кукушкиной»; «Гнет зависимости и несвободы, атмосфера пустоты, ничтожества, мелочности, пошлости, подлости и всяческой лжи и фальши — все это плохое подспорье для жизни. Пошлые, тупые и даже пьяные лица, зачастую исковерканные злостью и бешенством; чуть что не ежеминутная брань, ссора, крики, вой и вопль из-за пустяков; насилие, принуждение, капризы, упреки, мелочные, но колкие и чувствительные обиды; тупоумные, пошлые и подлые понятия обо всем, о самых святых и заветных сторонах человеческой жизни; решительное отсутствие всего, хоть сколько-нибудь честного, благородного, чистого, прекрасного, целомудренного, высокого, прикрывающие все это, но видимые ложь, фальшь и притворство; и в конце концов навязывание всей этой жизни насильно, против воли».[9]

Обличительные интонации Витберга не кажутся преувеличенными в свете подлинного жития агаповского семейства, о котором сохранились колоритные свидетельства. Например, в письме «внуку» Федору от 24 марта 1883 года в Крестцы Галина Ивановна рассказывала о неудачной женитьбе сына Михаила Михайловича на художнице М. Е. Баумгартен — дочери генерал-майора, директора Санкт-Петербургской 1-й военной гимназии, — сюжет в духе мениппей Достоевского или «Мелкого беса»:

«...не помню которого числа января мы сидели покойно с Дашей, вдруг является моя невестка, начинается стон, рев и жалобы, что сын мой дурной человек, что он все обманывает и, наместо того, чтобы быть на уроках, гуляет по Невскому. И что я виновата в том, что я не сказала, что у него такая куча долгов». Вслед за обстоятельным рассказом о получении исполнительного листа и предстоявшем опи-

---

[7] *Сологуб Федор*. Планы, конспекты, черновые наброски литературных произведений, выписки, цитаты, заметки и пр. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 539. Л. 173.

[8] Комментарий к этому сюжету см.: *Мисникевич Т. В.* «...Я имел достаточно „натуры" вокруг себя». Новые материалы к ранней биографии Ф. Сологуба // Лица: Биографический альманах. СПб., 2002. Вып. 9. С. 512. Галина Ивановна Агапова послужила также прообразом Варвары Павловны в юношеской поэме Сологуба «Одиночество (история мальчика-онаниста)» (тетки Николая, главного героя поэмы, у которой он воспитывался). См.: *Павлова М.* «Одиночество» и «Об одиночестве» Ф. К. Тетерникова: ранняя поэма и психофизиологический очерк Федора Сологуба; *Сологуб Федор*. Начало поэмы «Одиночество» и некоторые отрывки // Новое литературное обозрение. 2002. № 55 (3). С. 5—31.

[9] *Витберг Ф. А.* Записки современного романтика // ИРЛИ. Ф. 52. Оп. 2. № 4. Л. 132.

сании всего имущества за долги Агапова продолжала: «...у меня нет ее родных, и моя нога никогда не будет там, хоть бы они все передохли, подлецы. ⟨...⟩ Мише сейчас приказано было выписаться. И Адама и Еву выгнали из Рая, и они прибежали ко мне, ревут, и у меня сделалось столпотворение вавилонское в доме, рев, стон и скрежет зубов, каждый час из членов семьи кто-нибудь прибегал ругаться; я старалась уговоривать сначала и говорила, что бояться нечего, как человек в этих делах опытный; но ничего не помогло! В заключение является Серафима (сестра М. Е. Баумгартен. — *М. П.*), эта мумия подлая, я в это время убежала к Даше на кровать, оставила объясняться двух сестриц, Серафима вдруг начинает ругать Мишу, и так неприлично, что несвойственно генеральской дочери, Марья ревет на всю голову, я потеряла терпенье, выскочила из коридора и обращаюсь к Маше и говорю: „Ты видишь, какие твои родные, сами довели сына моего до такого положения и сами же его ругают ⟨...⟩ не беспокой меня, будет с меня довольно". Серафима выскочила от меня, как бомба, а та погналась за ней, но та исчезла, боясь, что я покажу ей Бога и двери».[10]

Обстановка «мещанско-кухарочной жизни» вызывала у юного Сологуба бурный протест — он погружался в мир грез и мечтаний о другой жизни, далекой от угнетавшей его обыденности, создавал свой «таинственный мир». Он рано обнаружил незаурядные способности к учению, любовь к чтению и театру, с двенадцати лет увлекся писанием стихов.

«Из первых прочитанных книг совершенно исключительное впечатление произвели: „Робинзон", „Король Лир" и „Дон Кихот". Не только они были прочитаны множество раз, но буквально изучены, строка за строкою, а пьесы разыграны, конечно, одним действующим лицом. ⟨...⟩ эти три книги были для будущего Сологуба своего рода Евангелием. Отсюда же, вероятно, получили свое начало так развившиеся впоследствии фантастика, любовь к театру, идеализм».[11] Позднее в ряд навсегда полюбившихся произведений встали поэмы и стихи Некрасова, которого в юности «он знал почти всего наизусть и считал гораздо выше Лермонтова и Пушкина»,[12] и романы Достоевского («„Преступление и наказание" Достоевского также составило целую эпоху в жизни 13-летнего Феди. Судьба Раскольникова и тяжелые семейные условия, толкнувшие его на преступление, долго волновали Федю. Рассказ Мармеладова о Сонечке вызывал слезы, захватывал дыхание»).[13]

Агаповы посоветовали Татьяне Семеновне дать сыну образование.[14] После окончания городского училища в 1878 году он поступил в Санкт-Петербургский

---

[10] *Мисникевич Т. В.* «...Я имел достаточно „натуры" вокруг себя»... С. 504— 505.

[11] *Чеботаревская Ан. Н.* Указ. соч. С. 10.

[12] Там же.

[13] *Черносвитова О. Н.* Указ. соч. С. 239.

[14] Об участии Агаповых в судьбе Феди Тетерникова см. составленный Ф. А. Витбергом «Шутливый проект просьбы для няни Лининой, Татьяны», опубликованный в статье: *Мисникевич Т. В.* «...Я имел достаточно „натуры" вокруг себя...»... С. 506—508.

учительский институт («Занимался хорошо и шел в числе первых: работы и сочинения его по словесности и литературе считались лучшими»),[15] из которого в 1882 году вышел преподавателем для народных училищ и впоследствии в течение 25 лет не оставлял службы.

2

После окончания института Сологуб получил место учителя и следующие десять лет провел в провинции: в Крестцах Новгородской губернии (1882—1885), Великих Луках (1885—1889), Вытегре (1889—1892). Татьяна Семеновна и Ольга Кузьминична последовали за ним. Жизнь русского захолустья, где, по определению Сологуба, все «обычное становится ужасным, а ужасное — обыкновенным», дала ему богатый материал для романов и рассказов.

Карьера молодого учителя и его жизнь в провинции складывались неблагоприятно и безрадостно. Об этом свидетельствует его доверительная переписка с институтским наставником — Василием Алексеевичем Латышевым (1850—1912).[16] Преподаватель Учительского института, автор трудов по методике преподавания математики, реформатор школы, основатель и редактор-издатель журнала «Русский начальный учитель» (1880—1911), в 1892—1902 годах директор народных училищ Петербургской губернии, Латышев был человеком незаурядным и имел сильное влияние на своих подопечных.[17] На протяжении нескольких лет он поддерживал бывшего воспитанника советами, способствовал его служебным передвижениям, был читателем и критиком его первых произведений.[18] В одном из писем к нему Сологуб заметил: «Ваш голос издалека был всегда одним из важнейших побудителей моей деятельности за эти 5 лет».[19]

11 декабря 1883 года он писал Латышеву из Крестцов: «Я снова решаюсь отымать у вас время, чтобы побеседовать с Вами о вопросах, на мой взгляд, важных для школьного дела. Может быть, я ошибаюсь, может быть, все это неважно, тем более, что я начинаю с себя, и себя ставлю центром своих рассуждений. Себя, т. е. учителя. Учитель в провинции, как наша, зачастую обречен на умственное и нравственное одиночество. 2-3 товарища — все его общество, да и оно часто

---

[15] *Попов И. И.* Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. Л.: Колос, 1924. С. 66.

[16] О В. А. Латышеве см.: *Манковский В. П.* Василий Алексеевич Латышев // Математика в школе. 1975. № 5. С. 81—83.

[17] В 1902—1909 гг. В. А. Латышев занимал должность помощника попечителя Петербургского учебного округа, в 1909—1912 гг. был назначен членом совета министра народного просвещения.

[18] См.: *Павлова М.* «Одиночество» и «Об одиночестве» Ф. К. Тетерникова... С. 5—14.

[19] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 2. № 30. Л. 9 об. (в архиве Сологуба сохранились лишь черновики его писем к В. А. Латышеву).

засасывается болотом провинц⟨иальной⟩ жизни. По своему образованию, по своему развитию он стоит не высоко. Ему, как отроку, нужна умственная пища, а вокруг себя он встречает людей, еще более незрелых, чем он сам, людей с ограниченным умств⟨енным⟩ кругозором, с неясными, сбивчивыми понятиями о нравственности. И хотя бы честных и энергичных работников встретил он — нет, это обычная русская расплывчатая, добродушная масса людей, которые днем занимаются полегоньку делами, коли такие есть, и сплетничают, а вечером усердно винтят и опять сплетничают. Замыкайся в свои книги или проводи весело время в обществе: говори о пустяках, или, пожалуй, о Крестецком земстве, что, впрочем, одно и то же, или играй в карты, или пей водку, а то совмещай все вместе.

Конечно, жить можно и даже очень хорошо можно жить, но для такой жизни надо акклиматизироваться. — Наивная юность ждет большего, ищет настоящей жизни. Не внести ли эту жизнь хотя ⟨бы⟩ в школу? Хотя, конечно, что за жизнь в школе, коли вокруг мертво, — но отчего не попытаться? Ведь это-то и было мечтою — внести жизнь в школьную рутину, внести семена света и любви в детские сердца ⟨...⟩.

Но выходит все как-то, что недостает чего-то школе, что стоит между учителем и учеником какая-то стенка, и все сдается, что душны эти классные комнаты, и мало в них свету и простору, словно железные решетки на окнах, словно тяжелые замки на тяжелых дверях. Школа ли тут виновата?

Для учителя в ней есть много отрадного, но много, наряду с этим, грубого и жестокого, и фатально неизбежного. ⟨...⟩ Забыто наказание, — забыто и послушание. Домашняя обстановка — нищета, жестокость. Ученик шляется под окнами и выпрашивает куски хлеба — есть нечего. В классе его застают за оригинальным завтраком: сидит и гложет игральную бабку — голоден, половину съел. Пришла ярмарка, — шатается по лавкам, отыскивает, где бы стянуть; попадется книжка — ее тащит, поясок, пряник — ничему нет спуска. Вот стоит он с куском сырой говядины в руках — и не прячет его.

— Что, Ванька, украл? — спросит кто-нибудь.

— Украл, — отвечает он равнодушно.

Он оборван, неловок, угрюм, он ходит переваливаясь, гремя и стуча сапогами. Сапогами — когда они есть. Весну, осень он бегает в классе босиком: сапог купить не на что. И не один такой. А родители... Приведут сына в начале года:

— Вот хорошо, что розочки снова будут...

— У меня, — говорит другой, — такое уж положение: от 15 до 50. Меньше 15 нет.

— Уж я драл, драл, — сообщает третий, — ремнем драл, так он подлец, так змеей на полу извивался. Так драл, что уж как он только жив остался...

А драные Васьки да Ваньки, глядишь, смотрят себе беззаботно и весело. Что ж? Ничего особенного в их-то жизни эти порки не представляют ⟨...⟩ И школа мало влияет на своих питомцев, хотя бы она и стояла и в лучших условиях. Среда перетягивает ребенка, и больно иногда смотреть, какие прекрасные задатки гибнут в этой растлевающей обстановке. Невыносимо бывает сознание, что высокая ра-

бота пропадает даром, что семена падают на камень, да и на доброй почве их глушат плевелы жизни. Примириться ли на тех каплях добра, которые можешь внести в иные, светлые и неиспорченные души? 〈...〉 Но это влияние так непрочно, и в суровом холоде жизни скоро высыхают эти капли добра, как утренняя роса на траве. 〈...〉 А теперь наши занятия так безжизненны и холодны, так мы далеки от учеников, — что надо иметь очень ограниченные требования, чтобы помириться с такою деятельностью».[20]

В качестве радикальной меры преобразования школьного уклада Сологуб предлагал устроить интернаты, в которых дети были бы изолированы от влияния родителей и среды на длительное время и всецело оставались в распоряжении просвещенных учителей и воспитателей, проводили много учебных часов на природе (эта мечта впоследствии воплотилась в его утопическом романе «Творимая легенда» — в школе-коммуне Георгия Триродова).

Со стороны крестецкого начальства самостоятельность во взглядах и реформаторский пыл молодого учителя не встретили поддержки, своими действиями он навлек на себя немилость. «Мои крестецкие дела складываются как-то весьма нехорошо, — писал он Латышеву 7 января 1884 года. — Такой товар, как враги, на базаре житейской суеты покупается, как я узнал здесь, по дешевой цене и отзывается дорого. Я изведал сладость клеветы, озлобленности, тайных подкопов и интриг, — вещей, с которыми не умел, да чаще и не хотел бороться: грязью играть, руки марать. — Не знаю, как и выбраться из Крест〈цов〉, а остават〈ься〉 и „скучно и грустно", да наконец и опасно».[21]

Столкновения с начальством продолжали сопутствовать Сологубу повсюду — в Крестцах, и в Великих Луках, и в Вытегре: то он отказался в день коронации императора пропеть с учениками перед домом почетного смотрителя гимн «Боже, Царя храни», то выбрал для награждения учеников «книги слишком светского направления», редко посещал церковь, шел «вразрез с мнениями и желаниями начальства», отказался дать фальшивые показания и тем самым оправдать угодного директору учителя, лишенного свободы за изнасилование девочки (этот сюжет Сологуб использовал в своем первом романе «Тяжелые сны»), не подписал «липовые» акты и постановления педагогического совета, сообщил в Учебный округ о своих конфликтах с директором, писал на него жалобы за употребление им казенных средств в личных целях и другие его противоправные действия и т. д. и т. п.[22]

По-видимому, успешному осуществлению его педагогической карьеры препятствовали не только конкретные обстоятельства службы (притеснения со стороны директора) и школьная рутина, но и неуживчивый «ершистый» характер и мни-

---

[20] Там же. Л. 1—4. С авторской пометой: «Черновые письма к Латышеву. Письмо отправлено 11 декабря 1883 года с некоторыми изменениями».

[21] Там же. Л. 45.

[22] Подробное изложение событий см. в переписке Сологуба и Латышева: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 2. № 30; Оп. 3. № 392.

тельность, о чем в полной мере позволяют судить признания, сделанные им в письмах Латышеву: «Ваше замечание о моих делах заставило меня передумать о многом в моей жизни, — писал он 8 сентября 1887 года из Великих Лук. — Мне кажется, я дал Вам повод думать обо мне даже еще несколько хуже, чем каков я на самом деле. Несмотря на многие и весьма важные мои недостатки, я не такой вздорный и заносчивый человек, чтобы искать охраны своего достоинства в недостойных распрях из-за ничтожных интересов. Я, напротив, чрезвычайно уступчив во всем, что не задевает меня уж чересчур сильно, и мои столкновения происходили от причин совершенно случайных и от меня не зависящих. Моя вина — только моя чрезмерная наивность, полнейшее отсутствие той змеиной мудрости, которая помогает иным так хорошо прятаться под ту маску, которую следует иметь по обстоятельствам. Я был слишком юн, когда выступил на поприще самостоятельной деятельности, и был, кроме юности, и по многим другим причинам мало подготовлен к тому, что меня встретило. ⟨...⟩

Провинция и служба в ней кишат интригами: я это видел всегда слишком поздно и не хотел бороться; *занимаясь личными столкновениями*, я не отражал эти интриги, а думал совершенно о другом. Время, наконец, показало мне, как я был неразумен, но сразу нельзя было остановиться. ⟨...⟩

Что касается моего служебного дела, оно вызывает во мне очень горькие размышления. Я встречаю ненормальные отношения к делу со стороны начальства, и общества, и родителей, и детей. Я не могу еще решить окончательно, сделал ли я достаточно, чтобы не винить себя, или сделал слишком мало, чтобы мог винить только себя. В настоящее время я очень усердно над собою работаю. Время покажет, останусь ли я безличной пешкой в руках судьбы или выработаю что-нибудь определенное».[23]

16 июля 1892 года Сологуб писал Латышеву из Вытегры: «Никаких дрязг и ссор ни с кем здесь я не заводил, в интригах не участвовал, никого против директора не подстрекал, доносов не писал, жаловаться на директора не ездил, всем его законным требованиям подчинялся, порученное мне дело исполнял, как умел, со всем усердием и строго сообразуясь с замечаниями и указаниями дир⟨ектора⟩ (почти всегда дельными), на советах бесполезной оппозиции не делал, прений не затягивал, предъявлял свои возражения только в случаях совершенной необходимости и тогда поддерживал их без запальчивости, но с достоинством и твердостью искреннего убеждения. Все те мои действия, которые могли бы быть истолкованы как признаки ссоры, были вынуждены необходимостью, не мелочною сварливостью, а заботою именно о деле, т. е. о том, чтобы всякое дело, в котором я участвую, было сделано, насколько это от меня зависит, с достаточною правильностью».[24]

В письме от 25 июля 1892 года он сетовал: «...будущее представляется мне в очень мрачном свете. Как бы усердно я ни работал, я не могу надеяться на то, что мнение обо мне изменится. ⟨...⟩ Если теперь на меня смотрят как на человека

---

[23] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 2. № 30. Л. 7—9 об.
[24] Там же. Л. 47 об.

вздорного, неуживчивого или, в лучшем случае, способного поддаваться дурному влиянию вздорных людей, то я ничего не могу сделать для изменения такого взгляда на меня. Поэтому после закрытия семинарии я не только не могу рассчитывать на получение такого же места, но мне могут не дать даже и никакого учительского места. ⟨...⟩ Грустно думать, что в 30 лет можешь очутиться в разряде лишних людей».[25]

Мотивы мелочных дрязг, клеветы, интриг и подкопов, доносов, подстрекания, оппозиции директору, желание «получить место»[26] и проч., со всей определенностью прозвучавшие в личной переписке Сологуба с Латышевым 1880-х годов, впоследствии самым непосредственным образом отозвались в романах — о «тяжелых снах» учителя Логина и «мелком бесе» учителя Передонова.

3

Напряженная атмосфера сопутствовала Сологубу в стенах школы и в домашнем кругу. Внешне благообразный патриархальный быт семейства Тетерниковых периодически нарушали события, о которых Сологуб оставил многочисленные стихотворные записи; в одной из них он, в частности, вспоминал:

Я помню эти антресоли
В дому, где в Вытегре я жил,
Где, корчась на полу от боли,
Под розгами не раз вопил,
И воздух ревом оглашая, —
Ах, эта горяча лапша! —
Нагими пятками сверкая,
Такие делал антраша!
Порою свяжут. Распростерто
Нагое тело. Круто мне,
И бьется сонная аорта,
И весь горю я, как в огне.
И как мне часто доставался

---

25 Там же. Л. 59 об.—60.

26 Ср. в письме Латышева Сологубу от 12 июня ⟨1891 г.-?⟩: «Я готов был бы представить Вас к назначению инспектором, но не в тех училищах, о которых Вы упоминаете. В Гатчине кандидат уже давно назначен. ⟨...⟩ Зайдите переговорить к В. Е. Введенскому. Я писал ему о своих соображениях. ⟨...⟩ Может быть, будет место в одном из уездных городов. Пожелаете ли?» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 392. Л. 50—50 об.); в письме от 8 августа ⟨1891⟩ Латышев сообщал Сологубу, что место инспектора предлагают лицам с высшим образованием и выслугой лет (там же. Л. 70). Учительский институт не давал высшего образования.

Домашних исправлений ад!
Для этого употреблялся
Общедоступный аппарат,
Пук розог. Быстро покрывался
Рубцами обнаженный зад.
Спастись от этих жутких лупок
Не удавалось мне никак.
Что не считалось за проступок!
И мать стегала за пустяк:
Иль слово молвил слишком смело,
Иль слишком долго прогулял,
Иль вымыл пол не слишком бело,
Или копейку потерял,
Или замешкал с самоваром,
Иль сахар позабыл подать,
Иль подал самовар с угаром,
Иль шарик хлебный начал мять,
Или, мостков не вверясь дырам,
Осенним мокрым вечерком
По ученическим квартирам
Не прогулялся босиком,
Иль, на уроки отправляясь,
Обуться рано поспешил,
Или, с уроков возвращаясь,
Штаны по лужам замочил,
Иль что-нибудь неосторожно
Разбил, запачкал, уронил, —
Прощать, казалось, невозможно,
За все я больно сечен был.
Недолог был поток нотаций
И суд был строг и очень скор;
Приговорив без апелляций,
Без проволочек, без кассаций
Исполнит мама приговор:
Сперва ручные аргументы
Придется воспринять ушам,
И звучные аплодисменты
По заднице и по щекам;
Потом березовые плески;
Длиннее прутья, чем аршин;
Все гуще, ярче арабески,
Краснеет зад, как апельсин.

И уж достигла апогея
Меня терзающая боль,
Но мама порет, не жалея,
Мою пылающую голь.
Бранит и шутит: — Любишь кашу?
Ну что же, добрый аппетит.
Вот кровью кашицу подкрашу,
Что, очень вкусно? Не претит?
Ты, видно, к этой каше жаден.
Ори, болван, ори, сто крат.
Ишь, негодяй, как ты наряден!
Смотри, какой аристократ![27]

Значительная часть стихотворений о перенесенных истязаниях написана в 1882—1892 годы; отдельные из них Сологуб объединил с более поздними текстами той же тематики в цикл «Из Дневника»; последнее в этом цикле датировано 1904 годом, но стихотворения о наказаниях розгами он продолжал писать всю жизнь.

Несмотря на возможный элемент самооговора или патологической фантазии: учителя раздевали, привязывали и секли при учениках в классе или на школьном дворе, секли не только школьные надзиратели, но и ученики по их поручению или по просьбе матери — в участке или в бане, секли соседки, — автобиографическая подлинность стихотворных записей цикла «Из Дневника» несомненна. Ее подтверждает содержание переписки Сологуба с «бабушкой» и сестрой.

В ответ на ламентации «внука» Галина Ивановна 19 ноября 1882 года писала в Крестцы: «Как скоро обнаружился характер, два месяца жизни с родными детьми, я знала, что предстоит вам много горя с ней. Я одна только знала вполне, что это за нрав ужасный. 〈...〉

Феденька, мой юный друг, мужайся, надо терпеть и стараться вразумить ее, что она подобными глупостями может испортить твою карьеру, что будут думать о тебе сослуживцы и родители детей 〈...〉 ведь она сделает то, что будут смотреть на вас, моих бедняжек, как на зверей. Когда она поуспокоится, то начни ее вразумлять, выстави ей всю гнусность ее поступка, ведь весь город будет знать это, что вы будете осрамлены через нее 〈...〉».[28]

В 1891 году Ольга Кузьминична поступила вольнослушательницей в Повивальный институт и переехала в Петербург. В письмах к брату она часто затрагивала характерную для их семейного уклада тему: «Пиши, секли ли тебя, и сколько раз»; «Ты пишешь, что маменька тебя часто сечет, но ты сам знаешь, что тебе это

---

27 *Сологуб Федор.* Цикл «Из Дневника» (Неизданные стихотворения) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. С. 155—156.

28 *Мисникевич Т. В.* «...Я имел достаточно „натуры" вокруг себя...»... С. 509.

полезно, а когда тебя долго не наказывают розгами, ты бываешь раздражителен, и голова болит»; «Маменька тебя высекла за дело, жаль тебя, что так больно досталось, да это ничего, тебе только польза»; «Маменька хорошо делает, что часто тебя сечет розгами, польза даже и для здоровья».[29]

Сологуб в свою очередь рассказывал сестре: «Из-за погоды у меня в понедельник вышла беда: в пятницу я ходил на ученическую квартиру недалеко босиком и слегка расцарапал ногу. В понедельник собрался идти к Сабурову, но так как далеко и я опять боялся расцарапаться, да и было грязно, то я хотел было обуться. Мама не позволила, я сказал, что коли так, то я не пойду, потому что в темноте по грязи неудобно босиком. Маменька очень рассердилась и пребольно высекла меня розгами, после чего я уже не смел упрямиться и пошел босой. Пришел я к Сабурову в плохом настроении, припомнил все его неисправности и наказал его розгами очень крепко, а тетке, у которой он живет, дал две пощечины за потворство и строго приказал ей сечь его почаще» (20 сентября 1891); «Меня на днях маменька опять высекла» (28 марта 1892).[30]

После смерти Татьяны Семеновны Ольга Кузьминична стала соучастницей психофизической жизни брата. В «Канве к биографии» Сологуб отметил: «1894—1907. Сестра. Секла дома и в дворницкой, в участке».[31]

Жестокие телесные истязания вносили в жизнь Сологуба элемент экстремальности. Переживание острой физической боли на короткое время высвобождало его из плена серой обыденности и давало ему сознание собственного превосходства над жалким провинциальным бытием, доставлявшим ему не меньше страданий и унижений, чем порки и притеснения со стороны «родителя» (так в семье Тетерниковых дети называли Татьяну Семеновну).

В эти годы Сологуб осознал, что противостоять косности, варварству и обывательской идеологии он сможет лишь при помощи знаний, а спасаться от безобразия жизни — творчеством. На этом пути его поддержал В. А. Латышев. 4 октября 1885 года он писал Сологубу: «...советовал бы Вам почитать по истории фило-

---

[29] См.: Письма Ф. Сологуба О. К. Тетерниковой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 годы. С. 226.

[30] Там же. С. 237.

[31] *Сологуб Федор.* Канва к биографии / Публ. М. М. Павловой // Неизданный Федор Сологуб. С. 256. В 1927 году (после смерти писателя) с содержанием стихотворений «Из Дневника» и, видимо, этих записей познакомился Андрей Белый; потрясенный, он писал Иванову-Разумнику 7 февраля 1928 года: «Пока читал Ваше сообщение о Ф. К. и отрывки из его стихов, у меня было чувство, что меня обваривают кипятком 〈...〉 это *такой ужас,* о *котором* лучше не думать. 〈...〉 Голубчик, личность Федора Кузьмича не только не померкла для меня — наоборот: до плача люблю его, жалею; если бы узнал „это" о нем при жизни его, — рвался бы к нему с иррациональным плачем, чтобы хоть чем-то отогреть эту не отогретую жизнь» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. Подготовка текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова, Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 561, 563).

софии: это расширит мысль и придаст ей больше серьезности. Для большей точности мышления полезны занятия логикой. Жаль только книги дороги. Я могу достигнуть уступки в вашу пользу от магазина, но это все-таки мало поможет. Наконец, читайте и изучайте классиков (наших и иностр⟨анных⟩) и критические этюды о них. По французскому языку всего удобнее взять к⟨акую⟩-н⟨ибудь⟩ историческую книгу: язык в них легче. ⟨...⟩ Старайтесь переводить точнее, вполне разбирая мысль, и *учить* слова. Тогда через 3-6 месяцев станете понимать легкие книги (если знаете немножко грамматику)».[32]

Сологуб усиленно занялся самообразованием: самостоятельно прошел основы психиатрии, курсы психологии, биологии, анатомии, истории философии и религии, западноевропейской литературы, начал изучать французский язык и пробовать силы в переводе с немецкого (изучал его ранее в Учительском институте) и французского. В эти годы (1882—1892) он написал несколько сотен стихотворений (единичные из них были напечатаны тогда же в периодике, первое — «Лисица и Еж» — в четвертом номере журнала «Весна» за 1884 год) и роман «Тяжелые сны», в ранней редакции.

Занятия историей философии помогли Сологубу утвердиться в мироощущении, которое стихийно сложилось у него вследствие переживания глубоко драматичного личного опыта и стало определяющим на многие годы. Оправдание собственного жития и бытия он нашел в солипсизме и в пессимистическом учении А. Шопенгауэра, изложенном в труде «Мир как воля и представление» (с 1881 года неоднократно переиздававшемся в русском переводе А. А. Фета).[33]

Более всего в период затянувшихся «тяжелых снов» Сологуб мечтал вернуться в Петербург, где, по его мнению, должно было осуществиться его призвание. 17 июня 1890 года он писал Латышеву из Вытегры: «Я не сумел бросить писания стихов, несмотря на свои неудачи, хотя, к сожалению, редко работал над ними. В прошлом году, однако, два моих стихотворения были помещены в газете „Свет", а в нынешнем году 6 стих⟨отворений⟩ в „Иллюстр⟨ированном⟩ Мире" Окрейца, 1 в московской газете „Рус⟨ский⟩ Лист⟨ок⟩"; кроме того, Н⟨иколай⟩ Ив⟨анович⟩ Ах⟨утин⟩ говорил мне, что Вы сообщали ему о моих стихах в „Ек⟨атеринбургской⟩ Нед⟨еле⟩", но этих стихов я не видел. Этим случаям я не придавал значения, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ они не принесли мне никакой выгоды; но это оживило во мне надежды на то, что я могу кое-что писать, что могло бы дать мне хотя незначительный заработок.

Но, соображая причины своих неудач и мои постоянные стремления все-таки работать в этом направлении, я пришел к заключению, что тогда как работать стихами и прозою (чем я также занимаюсь) можно только при условии возможно

---

[32] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 392. Л. 22—22 об.

[33] О солипсизме Сологуба и влиянии на него философских идей А. Шопенгауэра см.: *Schmid Ulrich*. Fedor Sologub. Werk und Kontext. Bern, 1995 (Slavica Helvetica. Bd/Vol. 49). S. 50—59; *Pauer Gabriele*. Einleitung // Федор Сологуб. Неизданное и несобранное / Сост. Г. Пауэр. Мюнхен, 1989. S. XXVIII—XL.

большего общения с людьми и их общественными интересами, — я был поставлен вне такого общения. Обвинять в этом одну провинциальную жизнь несправедливо, потому что она все-таки жизнь.

Скорее виноваты некоторые качества моей натуры, заставлявшие меня чувствовать себя неловко под всеобщим вниманием, которым жители уездного города дарят каждого, чтобы сплетнями о нем наполнить пустоту своей жизни. Люди, в кругу которых я вращался и которые не могли остаться без влияния на меня, были слишком погружены в мелочные интересы и до того пропитаны провинциальной односторонностью и неподвижностью, что я мало выиграл в своем развитии от общения с ними.

Газеты, журналы и книги не могли заменить живых людей, — да и средства мои были очень ограничены, а получать книги в провинции дешевым способом почти невозможно. Бросить занятия стихами и прозой мне не хочется и не захочется долго, хотя бы я так и остался неудачником в этой области; во мне живет какая-то странная самоуверенность, мне все кажется, что авось и выйдет что-нибудь дельное. Поэтому все чаще и чаще мечтаю о жизни, хотя бы на короткое время, то есть на несколько лет, в Петербурге. Возможно ли это, и как это осуществить? Я буду Вам бесконечно благодарен, если Вы не откажете мне в Вашем совете или содействии, хотя я уже и так безмерно обязан Вам».[34]

В 1891 году стало известно, что Вытегорскую учительскую семинарию переводят в Дерптский округ, у Сологуба появилась надежда оставить Вытегру. Летом того же года он гостил у сестры в Петербурге и, по-видимому, лично говорил с Латышевым о переводе на новое место службы. В Петербурге он также познакомился с Н. М. Минским и показал ему свои стихотворения. Между поэтами завязались дружеские отношения,[35] Сологуб был приглашен печататься на страницах «Северного Вестника», издававшегося Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынским;[36] Минский входил в круг ближайших сотрудников журнала. После возвращения в Вытегру желание начинающего писателя вырваться из «медвежьего угла» и обосноваться в Петербурге стало еще более определенным, несмотря на то что его материальное положение — существование на скромное учительское жалование вместе с матерью и сестрой, которой он помогал получать образование, — с этим желанием не согласовывалось.

В июне 1892 года Сологуб вновь обращался к Латышеву: « ...главная ошибка, которую я сделал, заключалась не в денежных расчетах, а в том, что я должен

---

[34] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 2. № 30. Л. 23 об.—24 об.

[35] См.: Сологуб Федор. Письма (4) Н. М. Минскому (1891—1905), с приложением к письмам 10 стихотворений и 9 сказок // ИРЛИ. Ф. 39. № 345.

[36] Об истории отношений Сологуба с редакцией журнала «Северный Вестник» см.: *Куприяновский П. В.* Поэты-символисты в журнале «Северный Вестник» // Русская советская поэзия и стиховедение. М., 1969. С. 125—129; *Сологуб Ф.* Переписка с Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынским / Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974. С. 112— 130.

был сначала решить, нужен ли мне Петербург как средство развития таланта, или никаких талантов у меня нет и развивать, значит, нечего. Но как это определить? Поверить в свои неудачи и сжечь свои труды? Поверить в свои мечты и играть смешную роль безбожного стихоплета, с трудом кое-как примазывающегося к плохоньким газеткам и кропающего грошовые фельетоны? — Есть или нет у меня хоть какое-нибудь дарование — этого я сам определить никак, конечно, не могу: смотря по настроению, „я верю и не верю вновь мечте высокого призванья". Но я знаю, что если есть хоть крохотное дарованье, то его нужно развить, иначе оно может атрофироваться, как всякая неупражняемая способность. ⟨...⟩ Но я знаю, что писатели, художники развивали свои таланты под влиянием очень большого числа действовавших на них впечатлений деятельной и широкой жизни».[37]

Стремление бывшего воспитанника жить в столице Латышев не поддерживал,[38] однако он помог ему получить желанное место: осенью 1892 года Сологуб вернулся в Петербург и вскоре занял должность учителя в Рождественском городском училище. Мечта профессионально заниматься литературным трудом после долгих лет одиноких творческих поисков и пребывания вне культурной среды наконец обрела реальные очертания. Закончился долитературный период его писательской биографии.

---

[37] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 2. № 30. Л. 63.

[38] В письме от 6 июля 1890 года Латышев предупреждал Сологуба: «Много талантов погибало из-за того, что, не имея средств, стремились в Петербург и должны были работать из-за хлеба: ничего и не выходило. Полезно будет все, что истинно, художественно. Изучение провинциальной жизни еще нужнее, пожалуй, чем здешней, которую уже многие изучают. Отчего только в Петерб⟨урге⟩ можно написать полезное? Думаю, наоборот. Сам по себе Петерб⟨ург⟩ дать ничего не может, поэтому я говорю, что искать таланты в Петерб⟨урге⟩ нечего. Работать серьезно в провинции лучше» (там же. Л. 51 об.).

СКВОЗЬ «ТЯЖЕЛЫЕ СНЫ» К «МЕЛКОМУ БЕСУ»

«Тяжелые сны меня мучат...»
Ф. Сологуб

1

Роман «Тяжелые сны», над которым Сологуб работал десять лет (1882—1892), явился для него обобщением жизненного опыта и одновременно высшим творческим достижением допетербургского периода. В «Тяжелых снах» вполне определились темы и проблемы, характерные для его прозы в целом, обозначились доминанты авторского стиля и эстетические приоритеты, остававшиеся также существенными в период работы над «Мелким бесом». В контексте творческой предыстории «Мелкого беса» генетическая связь романа с «Тяжелыми снами»

приобретает особый смысл («Между ними существует несомненная преемственность и в мыслях, и в форме. Это две крупные ступени той внутренней лестницы, по которой, то поднимаясь, то опускаясь, движется душа писателя»).[1]

Оба романа создавались на стыке культурных эпох и получили многоплановую эстетическую ориентацию, одновременно сопряженную с реалистической традицией, натурализмом и символизмом.[2] Об эстетических предпочтениях автора в 1880—1890-е годы отчасти позволяет судить составленный им в 1888 году трактат «Теория романа», в котором в конспективной форме он изложил представления о центральном жанре века. Трактат создавался под непосредственным воздействием эстетических взглядов Эмиля Золя (его произведения названы в сочинении образцовыми, наряду с творениями Шекспира и Гомера).

Романы Золя пользовались исключительной популярностью в России и нередко появлялись в русских переводах почти одновременно с их первыми французскими изданиями; в 1873—1882 годах первые десять романов серии «Ругон-Маккары» уже были напечатаны в русском переводе. Критические работы Золя были также хорошо известны: в 1875—1880 годах М. М. Стасюлевич систематически печатал корреспонденции французского писателя в «Вестнике Европы» под рубрикой «Парижские письма». Вероятно, еще в студенческие годы Сологуб проштудировал «боевые статьи-манифесты» — «Натурализм в театре», «Экспериментальный роман», «Письмо к молодежи» и др. В 1880 — 1881 годах сборники «Экспериментальный роман» (1880), «Романисты-натуралисты», «Литературные документы», «Наши драматурги», «Натурализм в театре» (1881), в состав которых входили «Парижские письма», были изданы в русском переводе отдельными книгами. В 1880-х годах у Золя появились последователи в русской литературе.[3]

В ключевых позициях «Теории романа», за немногими исключениями, Сологуб старался следовать избранному авторитету. «Жизнь многообразна, и цель искусства — подражание ей, — формулировал он. — Знайте возможно больше частных случаев из жизни, знайте законы, управляющие жизнью: политические, политико-экономические, социальные, физические, физиологические, психологические и психиатрические, — и умейте эти частные случаи комбинировать, это дело не эстетики, а тех наук, на основании которых производится комбинация. 〈...〉 Роман

---

[1] *Вергежский А. [Тыркова-Вильямс А. В.].* Тяжелые сны // Слово. 1909. № 702. 7 (20) февраля; перепечатано: О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки / Сост. Анаст. Чеботаревская. СПб., 1911. С. 344.

[2] Об особенностях художественного метода «Тяжелых снов» см.: *Удонова З. В.* Из истории символистской прозы (о романе Ф. Сологуба «Тяжелые сны») // Русская литература XX века. (Дооктябрьский период). Тула, 1975. Сб. 7. С. 33—48; *Старикова Е.* Реализм и символизм // Развитие реализма в русской литературе. М., 1974. Т. 3: Своеобразие критического реализма конца XIX—начала XX века.

[3] См.: *Иезуитова Л. А.* О «натуралистическом» романе в русской литературе конца XIX—начала XX в. (П. Д. Боборыкин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. В. Амфитеатров) // Проблемы поэтики русского реализма XIX века. Л., 1984. С. 228—264.

должен оправдывать людей, и только тогда он исполняет свою гражданскую роль. Если он обвиняет людей, он не имеет силу. Скажут: устраните этих подлецов. О, погодите называть подлецами! Оправдайте их, покажите, что не люди тут виноваты, что не их надо обвинять, а тот строй, который сильнее отдельных лиц. ⟨...⟩ Психологическая правда. Характер общества необходим, ибо он дает жизнь и направление роману. Значение борьбы личностей и общества. Значение среды».[4]

Суждения Сологуба соотносятся с основными положениями литературных манифестов Э. Золя — с его требованием предельно точного и бесстрастного воспроизведения действительности, строгим детерминизмом всех изображаемых явлений, теорией среды, глубоким интересом к наследственности и подсознательным психическим процессам, стремлением ввести в художественную литературу научные методы описания, требованием расширить тематику произведений (писатель не должен отказываться от изображения неприятных сторон жизни) и др. Отдельные фрагменты «Теории романа», в которых автор размышлял о композиции, соотнесенности частей сочинения, завязке и развязке сюжета, интриге, об упразднении всяческой дидактики и морализма, явно указывают на все тот же источник.

Вместе с тем в своем незавершенном и неопубликованном трактате автор допустил некоторые отступления от доктрины натурализма, которые, однако, имели серьезные последствия в его творчестве. Во-первых, ему было чуждо умаление роли фантазии и художественного вымысла в произведении (согласно Золя, «натура не нуждается в домыслах, ее надобно принимать такой, какова она есть, ни в чем не изменяя и не урезывая ее»).[5] Во-вторых, в отличие от Золя, Сологуб верил в присутствие в мире тайны — иррациональных стихийных сил, во власти которых пребывает душа человека. Если Золя осуждал писателей-идеалистов за то, что у них «за каждым порывом в небеса следует падение в бездну, в хаос метафизики»,[6] то Сологуб, при глубоком уважении к науке и «экспериментальному методу», напротив, более всего дорожил этими «порывами в небеса» и «падениями в бездну», приближающими к тайне. В его бумагах сохранилась специфическая запись (от 30 марта 1886 года): «Правда — Сущее — от нас сокрыто, и Преходящее — Ложь — это и есть наш мир. Идеализм наш — заблуждение, но реализм — двойное заблуждение».[7]

Наряду с золаистским ядром в «Теории романа» едва заметны ростки символистского панэстетизма: признание за искусством когнитивной и жизнестроительной функции. «...На самом деле, — писал Сологуб, — то творение прекрасно,

---

[4] Текст «Теории романа» в извлечениях см.: *Павлова М. М.* Преодолевающий золаизм, или Русское отражение французского натурализма // Русская литература. 2002. № 1. С. 214; полный текст трактата Сологуба «Теория романа» (автограф и машинопись) см.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 572.

[5] *Золя Эмиль.* Натурализм в театре // Золя Эмиль. Собр. соч. В 26 т. М., 1966. Т. 24. С. 334.

[6] *Золя Эмиль.* Экспериментальный роман // Там же. С. 262.

[7] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 539. Л. 245.

которое прекрасно в творце. Но в человеке-творце не отражается мир мертво, как в зеркале. Холодный ропот сонной действительности освещается и согревается в творческом уме высшим светом и теплом истинных идей, чувствований и пожеланий. Для представления действительности эти поэтические очки — то же, что для контура краски». В этом фрагменте уже угадывается автор «Творимой легенды» (ср.: «Беру кусок жизни грубой и бедной... и творю из него сладостную легенду»; у Золя: куски действительности[8] — «tranches de la vie», во французском языке выражение вошло в литературный обиход).[9]

В «Теории романа» причудливо сочетались разнородные эстетические тенденции. Одна из них эксплицитно связана с натурализмом; другая чуть приоткрывала пути к символистской эстетике (в 1890-е годы она получила оформление и обоснование в программной статье «Не постыдно ли быть декадентом»).[10] В художественной прозе Сологуба 1880—1890-х годов можно проследить те же тенденции.

Среди добросовестно усвоенных писателем «уроков» «экспериментального метода» — установка на собирание и документальное изучение «натуры» и объективное, вплоть до протокольной точности, изложение событий. В основе «Тяжелых снов», «Мелкого беса» и рассказов 1890-х годов невымышленные истории и факты, основные персонажи его произведений, как правило, имели прототипов в действительности, а сюжеты восходили к реальным событиям.[11]

В рабочих материалах Сологуба сохранилось большое количество разрозненных заметок под заголовками «Запас», «Быт» и без заглавий. В них «зарисованы» отдельные эпизоды и жанровые сценки из петербургской и провинциальной жизни, зафиксированы портретные и речевые характеристики знакомых и сослу-

---

[8] *Золя Эмиль*. Прудон и Курбе // Золя Эмиль. Собр. соч. Т. 24. С. 19.

[9] О происхождении образа см.: *Селегень Галина*. «Прехитрая вязь» (Символизм в русской прозе: «Мелкий бес» Федора Сологуба). Вашингтон: Камкин, 1968. С. 86— 87.

[10] *Сологуб Федор*. Не постыдно ли быть декадентом // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 376.

[11] О прототипах в рассказе Сологуба «Червяк» см.: Федор Сологуб в Вытегре (Записи В. П. Абрамовой-Калицкой) / Вступ. статья, публ. и коммент. К. А. Азадовского // Неизданный Федор Сологуб. С. 264, 277, 286; в романе «Мелкий бес» см.: *Улановская Б. Ю*. О прототипах романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Русская литература. 1969. № 3. С. 185—189; *Соболев А. Л*. Из комментариев к «Мелкому бесу»: «Пушкинский» урок Передонова // Русская литература. 1992. № 1. С. 157—160; *Павлова М. М*. Из творческой истории романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» (отвергнутый сюжет «Сергей Тургенев и Шарик» и его место в художественном замысле и идейно-образной структуре романа) // Русская литература. 1997. № 2. С. 138—154; о событийной основе рассказа «Баранчик» см.: *Соболев А*. Реальный источник в символистской прозе: механизм преобразования (Рассказ Федора Сологуба «Баранчик») // Тыняновский сборник. Пятые Тыняновские чтения. Рига; Москва, 1994. С. 151.

живцев, их оригинальные привычки и жесты.[12] Эти записи впоследствии Сологуб использовал в художественных произведениях. Например: «О. П. Зарецкая рассказывала, что муж, уходя в должность, надевал на нее панталоны, глухие, без отверстия внизу, с замком. Замкнет и ключ унесет с собою, так она и терпит. ⟨...⟩ Ее гаданье: показала кому-то в стакане чей-то зад. Ее гаденькие картинки. Ее дети. Ее ухаживанья за молодыми людьми...».[13] В приведенной характеристике нетрудно узнать черты одной из главных героинь романа «Мелкий бес» — Грушиной (см. гл. V); рассказ о панталонах с замком сохранился в ранней редакции текста.[14]

В своей творческой лаборатории Сологуб осуществлял заветы Э. Золя: «...в произведениях не должно быть абстрактных персонажей, фантастических измышлений, постулатов: в них должны присутствовать реальные персонажи, правдивые жизнеописания действующих лиц, истины, почерпнутые в повседневной жизни»;[15] «...автор экспериментального романа — это ученый, применяющий в своей особой области то же орудие, что и другие ученые: наблюдение и анализ».[16]

В предисловии к ранней редакции «Тяжелых снов» автор декларировал: «Писатель не имеет права давать портретов живых лиц, но он не должен и погрешить против жизни, все должно быть так, как бывает на самом деле, но ничто не должно быть простой фотографией того, что где-то и когда-то произошло. Все то, что я рассказываю, должно быть верно, — я должен рассказывать только о том, что видел и слышал, о том, что знаю. Но как живописец надевает на своих людей ту или другую одежду, так и писатель обязан ставить выбранных им людей в ту или другую обстановку, в которой люди вообще бывают. Как живописец для одной и той же фигуры пользуется элементами, заимствованными из разных фигур, так и писатель, желая всегда быть верным правде, часто сливает своих героев из отдельных черт, хотя бы ему пришлось наблюдать эти черты в разных лицах. Надо только, чтобы в результате изображения получились образы живых людей».[17]

Вплоть до середины 1890-х годов Сологуб находился под обаянием «экспериментального метода» и, не соглашаясь с отдельными пунктами программы, все же пытался следовать ей или же приспосабливать ее для себя. Так, например, социально-исторический детерминизм личности и поведения героя непременно входил в творческое задание золаиста. Однако именно эта часть программы натурализма менее всего вдохновляла Сологуба и в его художественной практике не получила развития.

---

[12] *Сологуб Федор.* Планы, конспекты, черновые наброски литературных произведений, выписки, цитаты, заметки и пр. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 539.

[13] Там же. Л. 67.

[14] См. с. 413—414 наст. изд.

[15] *Золя Эмиль.* Натурализм в театре // Золя Эмиль. Собр. соч. Т. 24. С. 326.

[16] *Золя Эмиль.* Экспериментальный роман // Там же. С. 277.

[17] *Сологуб Федор.* Тяжелые сны. Роман. Черновой автограф // Российская национальная библиотека (далее: РНБ). Ф. 724. № 4. Л. 2.

В значительно большей степени писателя (воспитавшего себя на романах Достоевского) привлекал феномен «пороговой» личности и психологическая мотивация поведения людей, находящихся как бы на пороге между здоровьем и психическим расстройством (главный герой его ранней прозы с медицинской точки зрения, — «невротик», или «преступник», или и тот и другой одновременно).

Более всего Сологуб совпадал с Золя в сфере интереса к проблеме наследственности и механизму развития в душе человека страсти или порока, ведущих к преступлению или безумию. (В. А. Латышев, познакомившийся в 1883 году с фрагментами поэмы Сологуба «Одиночество. История мальчика-онаниста», недоумевал: «Правду сказать, меня удивляет выбор тем: всё пишете о пороке, точно будто хорошо его изучили»).[18]

Проза Сологуба 1890—1900-х годов насыщена сценами самоубийств, убийств, безумия, извращенных эмоций, инестуальными мотивами. Его ранние сочинения, в том числе долитературного периода, в которых он описывал «истории болезней» своих героев (например, в психофизиологическом очерке «Об одиночестве») или их пороки (например, страсть к садизму помещицы Касаткиной в набросках к незавершенному роману «Ночные росы»),[19] могли бы послужить иллюстрацией основных тезисов манифеста «Экспериментальный роман», их можно сопоставить также с некоторыми страницами романов Э. Золя и братьев Гонкур.

В частности, описания кошмарных сновидений в «Тяжелых снах», манипуляции Передонова с котом в «Мелком бесе» имеют сходство с отдельными сценами и эпизодами в «Терезе Ракен» (1867).[20] По силе изображения в «Мелком бесе» психической жизни персонажа Ан. Чеботаревская сравнивала Сологуба с Золя: «И такого обнаженного, циничного и бесстыдного нижечеловека показал нам Федор Сологуб и... ужаснул 〈...〉 как ужаснул Золя, изображая натуралистические сцены пробуждения и нахождения в человеке зверя, темных, гнусных подонков души атавистического происхождения...».[21]

Сологуба, несомненно, «притягивали» характеры, в определенном смысле санкционированные пафосом натурализма, поощрявшего документированное изображение всевозможных уродливых сторон личности, житейской «грязи», будничности, пошлости «среды», болезни, и в этом конкретном смысле — в свете «экспериментального метода» — могут быть прочтены почти все художественные тексты его ранней прозы, в том числе и роман «Тяжелые сны». Вместе с тем новизна этих произведений также несомненна.

---

[18] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 392. Л. 12.

[19] См. опубликованный фрагмент романа: *Сологуб Федор.* Ночные росы / Публ. М. М. Павловой // De Visu. 1993. № 9 (10). С. 43—48.

[20] См. примечание к роману на с. 795 наст. изд.

[21] *Чеботаревская А.* Федор Сологуб. Мелкий бес // Образование. 1907. № 7. Отд. II. С. 127.

2

Первый роман Сологуб заканчивал в Петербурге, в близкой ему по духу творческой среде. Очевидно, он поправлял текст под влиянием воспринятых им новых эстетических идей, популярных в литературном окружении журнала «Северный Вестник». Писатель быстро сблизился с авторами и редакцией журнала и вскоре стал его постоянным сотрудником (Н. Минскому и А. Волынскому он обязан появлением псевдонима — Федор Сологуб, так как фамилия Тетерников показалась им непоэтичной). «Имя Сологуба, — вспоминал А. Волынский, — сделалось постоянным ингредиентом журнальных книг „Северного Вестника", появляясь всегда рядом с именами Мережковского, Гиппиус, Минского, а впоследствии и К. Д. Бальмонта. Было ясно с самого начала, что новое крупное дарование примыкает к той группе писателей, которые носили тогда название символистов».[22]

«Тяжелые сны» были напечатаны в «Северном Вестнике» в 1895 году (№ 7—12), а в 1896 году вышли отдельным изданием. В романе Сологуб представил характерный для его прозы хронотоп — русская провинция конца века (1880—1890-х годов) — и выбрал основной повествовательный тон — в традициях социально-бытовой реалистической прозы XIX века. Изображение провинциальных нравов и пошлости среды вместе с тем не было темой романа и не поглощало его содержания. В основу «Тяжелых снов» положен центральный для «всего художественного и философского творчества (писателя. — *М. П.*) вопрос о смысле жизни».[23]

Философский пласт содержания романа раскрывается через рецепции популярных в символистской среде идей Ф. Ницше, Вл. Соловьева, Мережковского, Минского,[24] но главным образом посредством развертывания в повествовании метафизической модели А. Шопенгауэра («мир как воля и представление»), которая организует и подчиняет себе все художественное пространство романа. В «Тяжелых снах» предчувствуется также кардинальная для творчества символистов утопия о преображении мира красотой (в повествовании о любви главных героев — Василия Логина и Анны Ермолиной); однако она не является центральной и подавляется стихией пессимизма (такое же соотношение метафизических контекстов в «Мелком бесе»).

---

[22] *Старый энтузиаст* [*Волынский А. Л.*]. Ф. К. Сологуб // Жизнь искусства. 1923. № 39. С. 9; перепечатано: *Сологуб Федор*. Творимая легенда. М., 1997. Кн. 2. С. 219—225.

[23] *Иванов-Разумник*. О смысле жизни. Федор Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов. СПб., 1908. С. 5 (по мнению критика, эти три писателя «вышли из Ивана Карамазова», «поставили во главу угла своего художественного и философского творчества вопрос о смысле жизни»).

[24] О философских мотивах в романе см.: *Удонова З. В.* Из истории символистской прозы; *Бройтман С. Н.* Федор Сологуб // Русская литература рубежа веков (1890-е—начало 1920-х годов). М.: ИМЛИ РАН, 2000. Кн. 1. С. 889—890.

Существенными для Сологуба оказываются художественные и психологические проекции, связующие его с прозой Достоевского. Сцена убийства Мотовилова, например, содержит прямую цитатную отсылку к «Преступлению и наказанию» (в отличие от Раскольникова, Логин «перешагнул» через кровь и оправдал убийство).[25] Уже в «Тяжелых снах» обнаруживаются свойственные символистским текстам элементы переклички и полемики с классическими образами и сюжетами, осмысление их как «строительного сырья».

В августе 1912 года Сологуб писал А. А. Измайлову: «Мне кажется, что такие великие произведения как „Война и Мир", „Братья Карамазовы" и прочие должны быть источниками нового творчества, как древние мифы были материалом для трагедии. Если могут быть романы и драмы из жизни исторических деятелей, то могут быть романы и драмы о Раскольникове, о Евгении Онегине и о всех этих, которые так близки к нам, что мы порою можем рассказать о них и такие подробности, которых не имел в виду их создатель».[26] (Несколько ранее эту мысль высказывал М. А. Волошин в статье «„Братья Карамазовы" в постановке Московского Художественного театра»[27] и других своих выступлениях; наряду с Достоевским и Толстым к творцам трагических мифов русской культуры Волошин причислял Сологуба).[28] В ретроспективе этого высказывания «Тяжелые сны» — ступень к созданию символистского романа-мифа на основе парадигмы образов Достоевского.

Не без влияния прозы Достоевского складывался психологический портрет главного героя романов Сологуба, в котором выделяются архетипические черты «человека из подполья». «Я — дикий, я — злой, я — порочный», «больной» — неоднократно повторяет Логин (эти же качества наследовал Передонов). «Я человек больной... Я злой человек», — с первой фразы заявляет о себе герой «Записок из подполья».

---

[25] «„Тяжелые сны" — один из первых русских романов, органично развивающий традицию Достоевского и обсуждающий проблему „социального негодования" и „идейного" убийства носителя зла с прямыми отсылками к „Преступлению и наказанию"» (*Бройтман С. Н.* Федор Сологуб... С. 889). Подробно о полемической перекличке «Тяжелых снов» с романом «Преступление и наказание» см.: *Клейман Л.* Ранняя проза Федора Сологуба. Ann Arbor, 1983. С. 19—25, 70—71; *Долинин А.* Отрешенный (К психологии творчества Федора Сологуба) // Заветы. 1913. № 7; перепечатано: *Долинин А. С.* Достоевский и другие: Статьи и исследования о русской классической литературе. Л., 1989. С. 419—451.

[26] Федор Сологуб и Ан. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 225.

[27] Ежегодник императорских театров. 1910. Вып. 7. С. 153—165.

[28] *Волошин М.* Имел ли Художественный театр право инсценировать «Братьев Карамазовых»? — Имел // Утро России. 1910. № 280. 22 окт.; см. об этом также в примеч. А. В. Лаврова: *Волошин М.* Лики творчества. Л., 1988. С. 701—702.

«Подпольное сознание» Логина (равно как и Передонова) — не единственная структурно значимая черта образа. В «Тяжелых снах» Сологуб впервые представил героя, типичного для его прозы и лирики 1890—1900-х годов, который вместе с тем был новым в русской литературе (с ним могут быть сопоставлены герои сборника рассказов З. Гиппиус «Новые люди», 1896). В письме от 15 ноября 1895 года к Л. Я. Гуревич он объяснял, что в центре романа — «современный человек, живущий более книжными и отвлеченными интересами, потерявший старые законы жизни, усталый, развинченный и очень порочный, Логин ищет истины и предчувствует ее, ищет сознательно ⟨...⟩ Жизнь его и есть вся непрерывно⟨е⟩ искание истины, но на всех путях жизни ищет ее тщетно, потому что истина не покупается трудом, а дается даром и вдруг, как девичья любовь».[29]

События романа разворачиваются в уездном городке, в котором, за неимением средств, вынужден служить учитель Василий Маркович Логин. Служба ему ненавистна. Жизнь русского захолустья (карты, пьянство, сплетни, грубые развлечения) вызывает у него раздражение и ненависть. Логин предстает мучеником, осужденным видеть только «непрерывное зло жизни» — *бесцельной, нелепой, глупой, дикой, злой, жестокой, злобной, больной, мертвой* (Сологуб намеренно играет этими словами на каждой странице, ведь весь мир в его представлении лишь «зеркало злой воли»).[30]

Логин буквально заключен в магический круг зла: около него непрестанно мелькают «глупые, злые лица», звенит «злобный смех», нашептывают «злые думы» и «злые речи», наполненные «жестоким ядом злой клеветы», его преследует «кто-то злой и туманный» и т. д. и т. п., сам он страдает приступами «дикой злобы». «На мне отяготела жизнь»; «Мы потеряли старые рецепты жизни и не нашли новых», — сетует герой.

«Мы», от имени которых ведет ламентации Логин, относится к тем, кто вступил в активную жизнь в начале 1880-х годов — в период наступившей после 1 марта 1881 года духовной и политической реакции, — о них Сологуб вскользь заметил на полях рукописи «Одиночества»: «Типы молодого поколения, еще более дряхлые, чем он сам (герой поэмы. — *М. П.*). Общество относится к революции как робкий онанист. Онанист смело вкусил запретного плода, отверг все авторитеты и всю рутину. Беспредельно смелый и свободный дух. Никогда не

---

[29] *Сологуб Ф.* Переписка с Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынским / Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974. С. 119.

[30] Характерная черта поэтики сологубовских текстов — неприметные, ненавязчивые повторы отдельных деталей, посредством которых создается смысловая вертикаль (термин Вяч. Иванова), когда «сравнения перерастают в метафоры или метонимии, потом в символы и, наконец, приобретают „архетипически" окрашенную значимость» (*Силард Л.* Поэтика символистского романа конца XIX—начала XX в. (В. Брюсов, Ф. Сологуб, А. Белый) // Проблемы поэтики русского реализма XIX века. Л., 1984. С. 271).

установится. Вечная жажда».[31] В стихотворении «Восьмидесятникам» он диагностировал:

И вышли скромные, смиренные людишки.
Конечно, уж они не будут бунтовать:
Им только бы читать печатные коврижки,
Да вкусный пирожок казенный смаковать.[32]

Логин лишен воли влиять на порядок вещей; «казенный пирожок» или «инспекторское место» его также не прельщают, а потому внешняя жизнь, испытующая его безобразием, постепенно теряет для него осмысленность, значение и даже реальность. Она ему только «кажется» («все в городе производило впечатление жизни мирной и успокоенной»)[33] и создает «прочную иллюзию томительно-неподвижного сновидения».[34]

Герой «Тяжелых снов» находится как бы на пороге здоровья и психического расстройства, в состоянии «полусна-полубреда», скуки, тоски и томления: «Все колебалось в туманном сознании Логина», «томило ощущение сна и бездеятельности»; «Душа колебалась, как на качелях», или даже «за порогом сознания»[35] (ср. у Шопенгауэра: «Жизнь качается, подобно маятнику, взад и вперед, между страданием и скукой, которые оба действительно суть ее последние части»).[36]

Угнетенная психика Логина едва сдерживает напор асоциальных инстинктов: не без усилия над собой он преодолевает запретное влечение к Леньке — мальчику, которого он взял на воспитание; его томит сладострастное желание мучить и истязать Анну. В этой непосильной борьбе его сознание ослабевает («злоба и ненависть овладели Логиным»), и он совершает «зверское преступление» — убивает Мотовилова («Опять взмахнул топором, еще и еще. Хряск раздробляемых костей был противен. Отвратительна была размозженная голова. 〈...〉 Чувствовал почти облегчение, почти радость»).[37]

Картины «тяжелых снов», галлюцинаций и кошмаров Логина (а также Клавдии Кульчицкой) были исполнены Сологубом с художественным мастерством и психологической достоверностью. Критики справедливо отмечали, что он владеет

---

[31] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 33. Л. 70.

[32] *Сологуб Федор*. Стихотворения / Вступ. статья, составление, подготовка текста и примечания М. И. Дикман. Л., 1979. С. 104. Далее стихотворные цитаты приводятся по этому изданию.

[33] *Сологуб Федор*. Тяжелые сны. Роман. Рассказы. Л., 1990. С. 57.

[34] Там же. С. 95.

[35] Там же. С. 24, 113, 194, 229.

[36] *Шопенгауэр А*. Мир как воля и представление. Перевод А. Фета. СПб., 1898. С. 324.

[37] *Сологуб Федор*. Тяжелые сны. Роман. Рассказы. С. 230.

«поразительной способностью воспроизводить болезненные состояния души, истерические ощущения ⟨...⟩ сны, видения, кошмары, химеры и т. п. В этом направлении он достиг колоссальных и удивительных результатов. Его область между грезой и действительностью. Он настоящий поэт бреда».[38] (В выписке из этой публикации Сологуб сделал примечание: «Я — настоящий поэт бреда»).[39]

В 1905 году в связи с переизданием «Тяжелых снов» В. В. Розанов заметил: «Письмо автора не везде ровно, там, где он касается редких случаев психологии и жизни, именуемых неопытною юностью и недоучившимися своей науке профессорами „извращенностью", там письмо его приобретает такую силу и глубину, что страницы его романа хочется назвать, в данном направлении и с данным содержанием, первенствующими в нашей литературе».[40]

В подготовительных материалах к роману имеется выписка, из которой следует, что Сологуб стремился вложить в образ Логина черты психического нездоровья: «*Raptus melancholicus*: Больной стремится не к достижению цели, а лишь к внешнему выражению того, что тяготит его сознание, к проявлению ужасного невыносимого состояния, требующего какого бы то ни было изменения. В образе действий нет плана, целесообразности, а больной действует как слепой, как бы конвульсивно. Необузданность, жестокость: убивая, отвратительно калечит. По совершению действия всегда чувствует облегчение, мгновенно освобождается от мучительного состояния».[41]

Работа над романом явилась подготовкой к созданию образа Передонова, преемственного по отношению к Логину. Оба героя переживают отсутствие душевного равновесия, ужас перед предметным миром, который сублимируется в сходных видениях: Логину в столбах дорожной пыли мерещится *морока*, или *мара*, то есть — бес (синонимы, приведенные в словаре В. Даля); Передонова преследует пыльная *Недотыкомка* («мелкий бес»). Оба героя испытывают непреодолимое влечение к деструкции, мучительству и осквернению (ср.: «Угрюмый Каин прятался в тайниках души» Логина;[42] каинская злоба и «томительный зуд к убийству» угнетали Передонова (гл. XXV)).[43]

Портрет современника, представленный в «Тяжелых снах», отличался эмоциональной новизной и был одним из первых в русской литературе изображением человека fin de siècle. «Мир страстей и слепых инстинктов, царство седого хаоса —

---

[38] *Залетный И.* [*Гофштедтер И. Л.*]. Критические беседы: «Тяжелые сны» Федора Сологуба // Русская беседа. 1896. № 3. С. 179.

[39] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 538.

[40] *Розанов В.* Тяжелые сны. Роман Федора Сологуба. 2-е изд-е. СПб., 1906 // РГБ. Ф. 386. Карт. 58. № 28. Л. 4.

[41] *Сологуб Федор.* Материалы к стихотворениям, художественной прозе, статьям, заметкам и т. д. Наброски, конспекты, канва, темы и пр. Написаны на карточках // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 538. Конв. 12.

[42] Там же. С. 226.

[43] С. 200 наст. изд.

вот что открыто ему. ⟨...⟩ Мир внутренний, но не внешний, мир призраков, а не реальностей, мир больных или сосредоточенных в себе людей, от жизни ушедших или к ней не пришедших, — вот его сфера, его стихия, его пафос», — определил объект художественного исследования Сологуба А. С. Долинин.[44]

Пророческую оценку этому «приобретению» русской беллетристики дал переводчик романа на немецкий язык Александр Браунер в письме к Л. Я. Гуревич: «В России, вероятно, вся эта критическая шваль набросится на роман и станет доказывать, что Сологуб по крайней мере „кликуша", и не заметит только, что и „Т⟨яжелые⟩ сны" должны быть написаны, что все они „всего только" выражение нашего времени, что Логин — абсолютный тип индивидуалиста и fin de siècle».[45] (Роман тогда осудили фактически все, не одна только «критическая шваль»).[46] По мнению М. Горького, произведение Сологуба представляло собой «неудачную попытку набросать картину „декаданса" в нашем интеллигентом обществе и дать серию портретов людей, расшатанных и угнетенных жизнью, современных людей с неопределенными настроениями, с болезненной тоской о чем-то, полных искания чего-то нового и в жизни и в самих себе».[47]

Явление и утверждение нового эмоционального и психологического типа в жизни и литературе, по мнению Сологуба, были закономерны, он полагал: «Декадентство имеет глубокие основания в самой телесной организации современных поколений. Люди нервные, слабые, усталые, с расколотым пониманием вещей, — все мы декаденты».[48] В статье «Не постыдно ли быть декадентом» (1896 года) он размышлял: «Большой и трудный путь надо было пройти (и немногими он пройден), чтобы, развивая свои понятия о своем мире, увидел наконец человек невозможность и противоречивость этого мира. И в мире нравственных понятий почувствована была великая неудовлетворенность, и в поэзии условные формы, прекрасные, но уже недостаточные и неточные, пресытили нас. То, что казалось прежде непрерывным и цельным, ⟨...⟩ распалось на элементы, взаимодействие которых для нас загадочно. В душевной сфере эта потеря цельности, это грозное самораспадение души составляет внутреннюю сторону нашего декаданса или упадка. Только сквозь трагические для нас прерывы нашего бытия мы видим тот мрак,

---

[44] *Долинин А.* Отрешенный (К психологии творчества Федора Сологуба) // Заветы. 1913. № 7. Отд. II. С. 67.

[45] *Гречишкин С. С.* Архив Л. Я. Гуревич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 12.

[46] «„Тяжелые сны" написаны с поразительной мещанскою грубостью и производят впечатление пустой и бессодержательной фантазии», — отмечал А. Волынский (см.: Северный Вестник. 1896. № 12. С. 239); «Невозможной неряшливой бессмыслицей» назвал роман Л. Толстой (см.: *Толстой Л. Н.* Письмо Л. Я. Гуревич от 8—9 ноября 1895 г. // Толстой Л. Н. Поли. собр. соч. М., 1954. Т. 68. С. 250).

[47] *Горький М.* Еще поэт: Федор Сологуб. Стихи. Книга первая // Горький А. М. Собр. соч. В 30 т. М., 1953. Т. 23. С. 120.

[48] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 538.

которым для нас одета непознаваемая истина. Ей причастна душа человека, поскольку душе принадлежит нечто из истинного бытия, — и мы верим в истину, не зная ее, только смутно угадывая ее отношения к предметному миру».[49]

Повествуя в «Тяжелых снах» о «разорванной душе» современника, писатель апеллировал прежде всего к личным переживаниям. Критики неоднократно указывали на близость главного героя автору: «Если может быть речь о тождестве автора с тем или иным героем, то, конечно, Сологубу близок Логин или, точнее, Логин — эманация Сологуба»;[50] «Здесь чувствуется столько личного, сколько ни в одном из позднейших произведений этого писателя»;[51] «Логин был для Сологуба реальностью истории, реальностью пережитого»,[52] и т. п. Сологуб отрицал подобные сопоставления («Ведь это же не роман из моей жизни ⟨...⟩ я не списывал Логина с себя и не взвалил на него своих пороков», — оправдывался он, в частности, перед Л. Гуревич),[53] и тем не менее «Тяжелые сны» он писал действительно о себе, о собственном экзистенциальном ужасе перед жизнью, о своих двоящихся мыслях и поисках истины (и затем развивал эту тему в «Мелком бесе» и «Творимой легенде»).

Автобиографизм — еще одна неотъемлемая черта писательской манеры Сологуба, определившаяся в период работы над «Тяжелыми снами». В ранней редакции текста описание внешности Логина было более пространным и походило на автопортрет Федора Кузьмича Тетерникова. Ко времени, когда Сологуб завершил работу над романом, ему исполнилось 30 лет (возраст героя); фамилия Логин косвенно напоминает о профессиональных интересах автора: он преподавал преимущественно математику, изучал математическую логику, составлял учебник по геометрии. А. Волынский отмечал, что Сологуб «все строит на логике, руля из рук не выпускает», а его интеллект всегда стремится «к отчетливости и трезвости».[54] Имя героя (Василий), по-видимому, восходит к имени любимого институтского преподавателя математики и воспитателя — В. А. Латышева. Вялые жесты Логина, рассеянный взгляд серых глаз, близорукость, ироническая улыбка, изя-

---

[49] *Сологуб Федор.* Не постыдно ли быть декадентом // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 376. Л. 2 об.—3. Сологуб повторяет мысли О. Уайльда, высказанные писателем в статьях «Упадок лжи» и «Правдивость масок»; содержание их было известно в пересказе (см., напр.: *Волынский А.* Оскар Уайльд // Северный Вестник. 1895. № 12. С. 313—316; *Н. В.* [*Н. Н. Вентцель*]. Оскар Уайльд и английские эстеты // Книжки Недели. 1897. №. 6. С. 21—23).

[50] *Редько А. Е.* Федор Сологуб в бытовых произведениях и в «творимых легендах» // Русское богатство. 1909. № 2. Отд. II. С. 61.

[51] *Вергежский А.* [*А. В. Тыркова-Вильямс*] Тяжелые сны // Слово. 1909. № 702. 7 (20) февраля.

[52] *Горнфельд А.* Федор Сологуб // Русская литература XX века (1890—1910) / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: Мир, 1915. Т. 2. Ч. 1. С. 49.

[53] *Сологуб Ф.* Письма к Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынскому // Там же. С. 120.

[54] *Старый энтузиаст [Волынский А. Л.]* Ф. К. Сологуб // Сологуб Федор. Творимая легенда. Кн. 2. С. 221.

щество и т. п. — черты облика самого Сологуба, о которых нередко упоминали мемуаристы.

Автобиографические мотивы прочитываются в рассказе о неудавшейся педагогической деятельности Логина: «Когда-то он влагал в учительское дело живую душу, — но ему сказали, что он поступает нехорошо: задел неосторожно чьи-то самолюбия, больные от застоя и безделья, столкнулся с чьими-то окостенелыми мыслями — и оказался, или показался, человеком беспокойным, неуживчивым. ⟨...⟩ Его перевели, чтобы прекратить ссоры, в другую гимназию, в наш город, и объявили на язвительно-равнодушном канцелярском наречии, что „он переводится для пользы службы"».[55]

В процессе работы над романом автору приходилось освобождать повествование от прямых биографических аналогий. Например, Сологуб убрал из романа важный фрагмент (озаглавленный «Завещание самоубийцы») — письмо Логина другу о бессмысленности жизни и желании смерти; текст письма по интонации и лексике напоминал его собственные ламентации Латышеву 1880-х годов: «Здесь, как и везде в провинции: душно и грязно, скука и сплетни, — писал Логин. — ⟨...⟩ Моя деятельность давно уже очертела мне: это совсем не то, о чем мечталось. Такое же чиновничество, как и во всякой другой службе, те же удручающие мертвенные обрядности, бездушное отбывание положенных часов...».[56]

В рукописи романа имеется план города Крестцы, а отображенные в нем события большей частью не выдуманы, а пережиты автором. Реальное основание имели: история, связанная с проектом общества взаимопомощи и устройством типографии в Вытегре; конфликт, произошедший у Сологуба в Крестцах с бывшим сокурсником Григорьевым (послужил основой для сюжета с учителем Молиным); скандал с почетным попечителем Крестецкого училища Розенбергом (прототип Мотовилова) и т. д.[57]

Бывший сослуживец Сологуба по вытегорской семинарии Николай Иванович Ахутин писал ему 26 октября 1896 года об отношении коллег к «Тяжелым снам»: «По моему указанию познакомились они с Вашим произведением и нашли, что Великие Луки изображены у Вас прекрасно, но среди действующих лиц ни одного знакомого не встретили. Он (один из учителей. — *М. П.*) задыхается от волнения, когда речь заходит о „Тяжелых снах", и больше всего боится того, что иностранцы, прочитавшие Ваш роман, получат совершенно извращенное представление о наших учителях. Он находит, что Вы клевещете на учителей и в изображении общества далеки от истины. ⟨...⟩ Судя по тем лицам, которые мне знакомы (а ведь их там немало), я считаю Ваше произведение верным и мастерским изображением пе-

---

[55] *Сологуб Федор.* Тяжелые сны. Роман. Рассказы. С. 26.

[56] *Сологуб Федор.* Тяжелые сны. Роман. Черновой автограф // РНБ. Ф. 724. № 7. Л. 43.

[57] Сведения об этих сюжетах содержатся в письмах Сологуба В. А. Латышеву (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 2. № 30).

чальной действительности. Но мне хочется думать, что Вы чересчур сгустили краски, что грустная действительность все-таки лучше, чем сотворенная».[58]

Повествуя историю Логина, автор «Тяжелых снов» обращался к личному опыту, стремился отметить основные вехи на пути героя в поисках истины, общие для людей его поколения. Этими вехами, очевидно, были — теория общественного прогресса, народное благо, наука, разум, красота, вера в Бога.[59] Все эти ценности последовательно нивелируются в романе или подвергаются сомнению. Тему духовных исканий русского интеллигента, но в форме перверсии и карикатуры, Сологуб продолжил затем в «Мелком бесе» («ведь и Передонов стремился к истине»).[60]

Более всего автобиографический подтекст «Тяжелых снов» прослеживается в чертах внутреннего сходства героя и его создателя: в единстве их мыслей («Мы потеряли старые рецепты жизни и не нашли новых», — сетует Логин), чувств («На мне отяготела жизнь»), сомнений («видит две истины разом»). Лирический герой Сологуба 1890-х годов — все тот же Логин-Тетерников. «Он давно сравнивал свою душу с зыбкими качелями», — писал А. Горнфельд, и «об этих колебаниях своей психики, о тоске и порывах своей поздней молодости» рассказал в «Тяжелых снах»; «он был действительно декадент, упадочник, дух больной и напряженно-противоречивый»; в Сологубе «русское декадентство находило себя, свое подлинное лицо, свое оправдание».[61]

3

Автобиографический пафос и лирический дар Сологуба (к 1892 году он написал несколько сотен стихотворений) во многом предопределили художественную структуру «Тяжелых снов» (и затем «Мелкого беса»). По своей сути это роман

---

58 ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 41. Л. 19—20.

59 Ср. стихотворную параллель — «Все, что природа мне дала...», 1894 г. (Неизданный Федор Сологуб. С. 62—63).

60 Кандидат университета Ардальон Передонов в молодости мечтал о конституции (однако «без парламента») и считал себя опасным вольнодумцем — под подозрением, изучал Дарвина («веровал в обезьяну»), читал запрещенную литературу — «Колокол», сочинения Писарева (затем сжег их, из опасения доноса и заключения в крепость) и т. п.

61 *Горнфельд А.* Федор Сологуб... С. 16, 17, 49. В приведенной цитате речь идет о стихотворении «Качели» («В истоме тихого заката...»), 1894; ср.:

Печали ветхой злою тенью
Моя душа полуодета,
И то стремится жадно к тленью,
То ищет радостей и света.
И покоряясь вдохновен
Моей судьбы предначертаньям,
Переношусь попеременно
От безнадежности к желаньям.

«одного героя»: внутренняя реальность переживаний Логина и Передонова поглощает бытовую реальность предметного мира, которую мы воспринимаем преимущественно их глазами, сквозь их душевное состояние. «На роман г. Сологуба следует смотреть как на субъективное излияние автора, как на его лирический дневник; с этой стороны в нем откроется своеобразно-искреннее содержание: он представляет как бы иллюстрацию стихов того же г. Ф. Сологуба»;[62] «Логин — автопортрет Сологуба: таким, по крайней мере, он представляется нам по своим лирическим произведениям»;[63] «Как в Лире каждый дюйм — король, так в Сологубе каждая строка, каждое слово — Сологуб»,[64] — констатировали критики.

Изображение действительности как «функции души» — черта психологического повествования (например, «Записок из подполья» Достоевского», «Записок сумасшедшего» Гоголя, имевших для Сологуба статус текстов-мифов), а также характерная примета нового европейского романа: не случайно «Тяжелые сны» называли подражанием «дурным французским и немецким образцам»[65] или «декадентским бредом, перепутанным с грубым, преувеличенным и пессимистическим натурализмом».[66]

В середине 1890-х годов Сологуб имел отнюдь не поверхностное представление о творчестве писателей-модернистов благодаря сближению с литераторами из круга «Северного Вестника», прежде всего с Н. М. Минским, Л. Н. Вилькиной, З. А. Венгеровой — большими знатоками и пропагандистами современной европейской литературы, а также с молодыми петербургскими поэтами-декадентами — Вл. Гиппиусом и Ал. Добролюбовым (он читал Эдгара По и Бодлера, Ибсена и Метерлинка, Оскара Уайльда, «тосковал в трех измерениях», «безжалостно вводил в свою кровь яды», «курил и ел опий, курил гашиш», «стремился пересадить на русскую почву французский „магизм" и „демонизм" в стиле Гюисманса, Сара Пеладана и прочих ⟨...⟩»).[67]

В частности, в индивидуальных поисках Сологуба в области прозы прослеживается немало общего с творчеством родоначальника «декадентского романа», одного из признанных лидеров модернизма — Жориса-Карла Гюисманса (1848—1907). Для художественной манеры обоих писателей свойственны отвращение от изнанки жизни, сочетание самой грубой реальности с необузданной фан-

---

[62] *Ф. Ш.* [*Ф. Э. Шперк*]. Тяжелые сны. Роман Федора Сологуба // Новое время. 1896. № 7231. 17 (29) апреля. С. 3.

[63] *Долинин А.* Отрешенный (К психологии творчества Федора Сологуба) // Заветы. 1913. № 7. Отд. II. С. 66, 72.

[64] *Горнфельд А.* Федор Сологуб... С. 18.

[65] [*Б. п.*] «Смутные дни», роман Сологуба. СПб., 1896 // Русский Вестник. 1896. Сентябрь. С. 249.

[66] [*Б. п.*] Библиографический отдел (Периодические издания) // Русская мысль. 1895. Декабрь. С. 637.

[67] *Гиппиус Вл.* Александр Добролюбов // Русская литература XX века. 1890—1910 / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 1. С. 266, 278.

тазией, актуализация определенного психологического типа — «пороговой личности», со всеми нюансами ее сознательной и подсознательной жизни, автобиографизм,[68] — «как Сологуб, так и Гюисманс являлись живым воплощением идей и духа декадентства каждый в своей стране».[69]

Ученик Э. Золя и участник «меданских вечеров», Гюисманс разошелся с основоположником «экспериментального метода» в 1884 году после выхода в свет «Наоборот» («A rebours», 1884; в рус. пер. — 1906); роман, по признанию автора, вывел его «из бессмысленной духоты натурализма и дал насладиться глотком чистого воздуха». Первые же произведения Гюисманса, написанные в стилистике натурализма: «Сестры Ватар» («Les soeurs Vatard», 1879); «Марта. История погибшей» («Marthe, histoire d'une fille», 1880); «Семейные узы» («En ménage», 1884) — могут служить образцами «человеческих документов», в духе литературных идеалов Золя. Впоследствии Гюисманс не раз повторял, что натурализм, «оказав литературе неоценимую услугу и поместив реальных людей в реальную среду», был обречен «топтаться на месте».[70]

Роман «Бездна» («La-bas», 1891; в рус. пер. «Там, внизу» — 1907) начинается филиппикой писателя Дюрталя (герой наделен автобиографическими чертами), обращенной к Э. Золя: «...я ставлю натурализму в вину не его тяжелый и грубый стиль, но низменность его идей. ⟨...⟩ Когда надо объяснить зарождение страсти, исследовать рану, вылечить самую доброкачественную язву — он все сводит к склонностям и инстинктам. Половое влечение и припадки безумий — вот единственные предрасполагающие моменты. ⟨...⟩ Он хочет душевные страдания, как грыжу, лечить бандажем, — и только»;[71] вслед за тем Дюрталь заявляет: «...надо сохранить документальную правдивость, точность деталей, нервный и красочный язык реализма, но в то же время углубиться в жизнь души и не пытаться объяснить тайну болезнями чувств. Если бы это было возможно, роман должен бы сам собой распадаться на две крепко спаянные или — верней — сплавленные части, как в жизни сливаются душа и тело, и заниматься их взаимодействием, их столкновениями, их соглашением. Одним словом, надо идти по пути, так отчетливо намеченному Золя, но при этом проложить параллельно ему иной, воздушный путь, достичь внепространственного и вневременного, создать,

---

[68] О влиянии Гюисманса на Сологуба см.: *Селегень Галина.* «Прехитрая вязь» (Символизм в русской прозе: «Мелкий бес» Федора Сологуба). Вашингтон: Камкин, 1968.

О соотнесении прозы Сологуба с произведениями Ж.-К. Гюисманса см. также: *Павлова М. М.* «Федор Сологуб и его декадентство (По поводу статьи «Не постыдно ли быть декадентом»); Toronto Slavic Quarterly. 2004 (www.utoronto.ca/slavic/tsq/05/index05.html).

[69] *Селегень Галина.* «Прехитрая вязь»... С. 83.

[70] *Гюисманс Ж.-К.* Предисловие, написанное двадцать лет спустя // Наоборот. Три символистских романа. М., 1995. С. 5.

[71] *Гюисманс Ж.-К.* Собр. соч. М., 1912. Т. 1. С. 6.

словом, спиритуалистический натурализм. Но никто сейчас этим не занят. К подобной концепции близок разве один Достоевский. Да и этот проникновенный русский — скорее христианский социалист, чем великий реалист».[72]

Общее литературное прошлое и близкий тип художественного сознания Сологуба и Гюисманса предопределили их «избирательное сродство» и путь в литературе. Свою задачу Сологуб видел не в преодолении традиции, а в снятии ограничений, которые его принципиально не устраивали в реалистическом искусстве и «экспериментальном методе»: «Не случайно возникло декадентство вслед за крайностями натуралист⟨ического⟩ романа, и было оно не реакцией, а лишь естественным следствием этого направления. Психологич⟨еские⟩ ошибки натур⟨алистического⟩ ром⟨ана⟩ теперь ясны для всех, и всякое новое лит⟨ературное⟩ поколение должно было их отбросить. Но развитием истин⟨ных⟩ принц⟨ипов⟩ натур⟨ализма⟩ явилось декадентство»; «Реал⟨изм⟩ и дек⟨адентство⟩ — плоды духа созревшего и искусившего в опыте жизни. Поэтому как классицизм и романтизм отличаются непосредственною силою образа, так реал⟨изм⟩ и дек⟨адентство⟩ сильны познанием истинных законов психологич⟨еского⟩ действия и почти научною точностью своих приемов».[73]

В статье «Не постыдно ли быть декадентом» Сологуб постулировал: «Декадентство, уже ясное в своей идее, еще не раскрыло себя с совершенною полнотою. Оно еще не достигло расцвета. До сих пор оно представляет только ряд психологических (иногда психопатологических) опытов. Но для меня несомненно, что это презираемое, осмеиваемое и даже уже преждевременно отпетое декадентство есть наилучшее, — быть может единственное, — орудие сознательного символизма. Обращаясь к внутреннему сознанию человека, употребляя слова лишь в качестве психологических реактивов, так называемое декадентство одно только дает возможность словесными формами указать на непознаваемое, пробуждать в душе таинственные и глубокие волнения ⟨...⟩ Будущее же в литературе принадлежит тому гению, который не убоится уничижительной клички декадента и с побеждающей художественной силой сочетает символическое мировоззрение с декадентскими формами».[74] Пафос этого по-своему «программного» высказывания совпадает с размышлениями автора «Бездны» о путях преодоления натурализма и будущем литературы.[75]

Вполне очевидно, что в 1890-е годы в сознании Сологуба такие явления, как декадентство и натурализм, еще не имели четких границ, декадентство соединялось с натурализмом как его естественное продолжение и развитие — по направлению усложнения художественной и научной задачи (исследование жизни подсознания); символизму отводилась роль способа или средства обозначения непознаваемого («тайны»), а будущий гений, таким образом, виделся им как

---

[72] Там же. С. 10—11.

[73] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 538 (рабочие материалы к статье «Не постыдно ли быть декадентом»).

[74] Там же. № 376. Л. 8—9.

[75] *Гюисманс Ж.-К.* Собр. соч. Т. 1. С. 6.

натуралист («золаист») с мировоззрением символиста. Этим эстетическим представлениям в полной мере отвечала ранняя проза писателя — «Тяжелые сны» и рассказы 1890-х годов, собранные в книги «Тени. Рассказы и стихи» (СПб., 1896) и «Жало смерти» (М., 1904), непосредственно связанные с творческой историей романа «Мелкий бес».

4

«Метод — бесконечное варьирование тем и мотивов», — провозгласил Сологуб[76] и никогда не отступал от этого принципа в своем многообразном творчестве. Каждому из его романов сопутствовали сочинения в стихах и в прозе, в которых он формулировал те или иные художественные идеи и искал способы их выражения. «Мелкому бесу» предшествовали и параллельно создавались многочисленные поэтические тексты, в которых сложился образ лирического героя (Логина — Передонова — Сологуба),[77] и рассказы: «Тени» (1894; позднейшее заглавие: «Свет и тени»), «Красота» (1898), «Баранчик» (1899). В каждом из этих произведений содержатся элементы художественной аналогии с текстом романа — в образной системе, структуре, стилистических приемах или же на уровне интерпретации темы. В менее очевидной форме эти аналогии обнаруживаются также в рассказах «Червяк» (1894), «Утешение» (1899), «Жало смерти» (1902), «Милый Паж» (1902).

Рассказ «Красота» (вариант «рутиловской» сюжетной линии романа) апеллирует к эстетизму и эллинизму Оскара Уайльда и одновременно к воспринятому символистами от Достоевского и Вл. Соловьева представлению о Красоте — глубинной сущности мира, его абсолютной ценности и преображающей силе бытия («Красота — вот цель жизни», — восклицает героиня рассказа).[78] Впервые у Сологуба эта тема прозвучала в стихотворении «Где ты делась, несказанная...» (1887) и в «Тяжелых снах» (в главе тридцать шестой). В рассказе «Красота» и в романе «Мелкий бес» она претерпевает изменения — окрашивается глубоким авторским скепсисом.

Тексты имеют множественные коннотации. Героине рассказа символично дано имя спартанской красавицы, рожденной, по преданию, Ледой и Зевсом. Мать Елены «была прекрасна, как богини древнего мира. ⟨...⟩ Ее лицо было как бы обвеяно грустными мечтами о чем-то навеки забытом и недостижимом».[79]

---

[76] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 538.

[77] Перечисление примеров фактически будет повторением большого числа стихотворений из поэтических книг Сологуба, в которые он собрал стихотворения 1880-х— начала 1900-х гг. (см.: Стихи. Кн. I. СПб., 1896; Собрание стихов. Кн. III—IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904), а также большого числа текстов, не вошедших в эти книги.

[78] *Сологуб Федор*. Тяжелые сны. Роман. Рассказы. С. 282.

[79] Там же. С. 287.

Елена исповедует античный культ красоты, ее томит тоска по «святой плоти». Целыми днями она наслаждается созерцанием своего обнаженного тела, которое представляется ей совершенным; обычному платью предпочитает тунику; ее обостренная чувственность подчеркнута описаниями разнообразных изысканных ароматов. Подобно Елене, Людмила Рутилова (героиня романа) восхищается телесной красотой, — она любуется наготой Саши, называет его «отроком богоравным», то есть Аполлоном или Дионисом (традиционно бог — покровитель искусств — изображался прекрасным отроком или юношей; именно такое изображение украшало кабинет Георгия Триродова в романе «Творимая легенда»; Дионис также чаще всего изображался отроком; дионисийская роль Саши закреплена в сюжете: он вносит в жизнь города оргиастическое начало; окруженный менадами — сестрами Рутиловыми, — Саша участвует в вакханалии — маскараде, во время которого, подобно Дионису, «растерзан» и «воскрешен»).[80]

Людмила также томится по недостижимому идеалу: «Язычница я, грешница, мне бы в древних Афинах родиться... Люблю цветы, духи, яркие одежды, голое тело».[81]

В размышлениях о красоте Елена и Людмила повторяют друг друга: «Разве можно любить людей? 〈...〉 Они не понимают красоты. О красоте у них пошлые мысли, такие пошлые, что становится стыдно, что родилась на этой земле»[82] («Красота»); «Как глупо, что мальчишки не ходят обнаженными! 〈...〉 Точно стыдно иметь тело, — думала Людмила, — что даже мальчишки прячут его»; «Сколько прелести в мире. 〈...〉 Люди закрывают от себя столько красоты, — зачем?»[83] («Мелкий бес»).

На преемственность образов указывают также фетишизм и нарочитый эстетизм в описаниях обстановки: «Елена любила быть одна среди прекрасных вещей в своих комнатах, в убранстве которых преобладал белый цвет, в воздухе носились легкие и слабые благоухания. 〈...〉 Еленины одéжды пахли розами и фиалками, драпировки — белыми акациями; цветущие гиацинты разливали свои сладкие и томные запахи»;[84] ср.: «В Людмилиной горнице было просторно, весело и светло 〈...〉. Пахло сладко. Все вещи стояли нарядные и светлые. Стулья и кресла были

---

[80] Об отождествлении Саши с Дионисом см.: *Минц З. Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Творчество А. А. Блока и русская культура XX века. Блоковский сборник III. Тарту, 1979. (Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Вып. 459). С.117; *Розенталь Шарлотта, Фоули Хелен П.* Символический аспект романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Русская литература XX века. Исследования американских ученых. СПб., 1993. С. 7—22; *Венцлова Томас.* К демонологии русского символизма // Венцлова Томас. Собеседники на пиру. Статьи о русской литературе. Вильнюс, 1997. С. 72—74.

[81] См. с. 207 наст. изд.

[82] *Сологуб Федор.* Тяжелые сны. Роман. Рассказы. С. 286.

[83] См. с. 206 наст. изд.

[84] *Сологуб Федор.* Тяжелые сны. Роман. Рассказы. С. 234.

обиты золотисто-желтою тканью с белым, едва различимым узором. Виднелись разнообразные скляночки с духами, с душистыми водами, баночки, коробочки, веера...».[85]

Повествование и в рассказе, и в романе развивается по единому плану: Елена и Людмила создают свой мир, изолированный от внешнего — враждебного и деструктивного; действие совершается при закрытых на ключ дверях и при опущенных шторах (так поступает и Дез Эссент, герой романа Гюисманса «Наоборот»).

В этом сотворенном «ароматизированном» фетишистском раю, якобы закрытом от обывательской пошлости, существует единственный закон — служение красоте «святой плоти». Однако провозглашенный идеал остается лишь грезой: «Построить жизнь по идеалам добра и красоты! С этими людьми и с этим телом! Невозможно! Как замкнуться от людской пошлости, как уберечься от людей!», — в отчаянии думала Елена, принимая решение уйти из жизни;[86] ср.: «В нашем веке надлежит красоте быть попранной и поруганной»[87] («Мелкий бес»).

Рассказ-притча «Баранчик» предвосхищает центральную сюжетную линию «Мелкого беса». Сюжет рассказа восходит к реальному событию, случившемуся в крестьянской семье, во время голода 1895 года в Орловской губернии: пятилетняя девочка, наблюдавшая за тем, как отец резал барана, предложила затем младшему братишке поиграть «в баранчика» и «полоснула несчастного мальчугана по горлу», после чего он умер.[88] Сообщение о трагедии, произошедшей в деревне Хотимирицы, было напечатано в газетах (среди подготовительных материалов Сологуба сохранилась газетная вырезка с репортерским отчетом).[89]

Тема «Баранчика» соотносится с темой жертвоприношения в «Мелком бесе». На протяжении всего повествования Володин сравнивается с бараном, он погибает тою же смертью, что и Сенька в «Баранчике». Среди возможных орудий замышленного убийства в романе упоминается топор (в «Тяжелых снах» Логин убивает Мотовилова топором), однако Передонов выбрал шведский нож, которым и полоснул Володина по горлу. Вследствие этой замены происходит смена литературного контекста. Топор — атрибут убийства, вводящий повествование в контекст классической прозы социально-философской проблематики (топор Раскольникова или Пугачева); нож — атрибут ритуального убийства (жертвоприношения) — вводит его в контекст неомифологических текстов символистов, в котором Передонов предстает и палачом и жертвой одновременно.

Более сложные коннотации текстов можно проследить на ономастическом уровне. Действие в рассказе приурочено к дню пророка Илии, хотя в реальности происходило под Рождество. Празднование дня пророка Илии (покровителя домашних животных — телят, баранов и козлят) складывалось из соединения хрис-

---

85 См. с. 134 наст. изд.

86 *Сологуб Федор*. Тяжелые сны. Роман. Рассказы. С. 292.

87 См. с. 51 наст. изд.

88 Орловский вестник. 1895. № 1. 1 января.

89 ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 538.

тианской традиции с языческой (с культом Перуна, за которым закрепилось представление о жертвоприношении). В Ильин день приготовленное в жертву животное приводили к церкви, где его освящали, а затем закалывали и вместе ели (совершали *братчину*, или *мольбу* — коллективную трапезу).[90] Заклание барана в христианский праздник имело языческую мотивировку.

В «Мелком бесе» богослужения происходят в церкви в честь святого Илии, и, хотя именно эта деталь упоминается в экспозиции лишь косвенно, она, несомненно, имеет символическое значение и отвечает авторскому замыслу: повествование начинается фразой: «После праздничной обедни прихожане расходились по домам», а заканчивается сценой убийства Володина — «бараньего царя» во время «трапезы». Примечательно, что именно в день пророка Илии Передонов не был в церкви, в чем винится перед городским головой, — это обстоятельство указывает на «бессознательный выбор Передоновым языческого варианта мифа».[91]

Одним из источников «Баранчика», возможно, послужила народная легенда «Ангел» (приведена в собрании А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки и легенды»).[92] В народной легенде Бог изгоняет из рая непослушного Ангела, отказавшегося принести на небо душу женщины, только что родившей двух младенцев. Добрый Ангел не хочет наказать детей, которые погибнут без матери. Согласно народному представлению, жизнь на земле лучше, чем на небе. Взгляд Сологуба прямо противоположен, в духе характерного для его творчества «некрологического утопизма»:[93] жизнь на земле страшна, и смерть лучше жизни. Равнодушные к земной жизни ангелы не заступились за Аниску и Сеньку и позволили им погибнуть, а затем «проливали они слезы» перед Господом, чтобы он не отдал детские души «врагу».

Своеобразной подготовкой к «Мелкому бесу» явились также рассказы Сологуба 1890-х годов о «маленьких и невинных» — о детях, утративших душевное равновесие, страдающих навязчивыми идеями (его герои «уже в детстве сходят с ума или кончают жизнь самоубийством, чтобы только не жить», — не без сарказма отметил А. Скабичевский).[94] В перспективе создания образа безумца Передо-

---

[90] Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 206.

[91] *Соболев А.* Реальный источник в символистской прозе: механизм преобразования (Рассказ Федора Сологуба «Баранчик») // Тыняновский сборник. Пятые Тыняновские чтения. Рига; Москва, 1994. С. 151.

[92] *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки и легенды. Берлин, 1922. Т. II. С. 551—552. Подробнее об этом источнике рассказа см.: *Ivanits Linda.* Biblical Imagery in Sologub's Short Stories: «Baranchik», «Zhalo smerti», and «Pretvoryaiushaia vodu v vino» // Russian Literature. 2001. Vol. 50. № 2. P. 129—130.

[93] См.: *Смирнов Игорь.* Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М., 1977. С. 48.

[94] *Скабичевский А.* Больные герои больной литературы // Новое слово. 1897. Январь. № 4. С. 155.

нова рассказы «Червяк», «Тени», «Утешение» и некоторые другие были вехами в освоении писателем психоаналитической проблематики.

Рассказ «Тени» повествует о тяжелом психическом расстройстве гимназиста Володи. Впечатлительный, нервный, болезненный ребенок (Сологуб многократно указывает на бледность его лица) угнетен материнской опекой и страдает от недостатка свободы. Случайно прочтенная Володей брошюра (пособие для игры в тени на освещенной стене) становится для него источником неконтролируемых эмоций. Мать обнаружила эту тщательно скрываемую забаву и попыталась бороться с болезненным увлечением Володи. Неусыпный материнский надзор способствовал развитию у него подавленной страсти, параноического бреда. Володя сходит с ума, вслед за ним лишается рассудка мать, также поглощенная игрой в «тени».

В изложении Сологуба (и в свете «экспериментального метода») исход этой маловероятной истории выглядит, однако, вполне мотивированным, а заболевание мальчика закономерным. «Большой мечтатель» Володя находится в состоянии депрессии. События разворачиваются поздней осенью. Он видит мир «тоскливым», «скучным», «скорбным», «надоедливым». В тексте содержатся также намеки на дурную наследственность и признаки «вырождения» (по Ломброзо и Нордау): «Володина голова слегка несимметрична: одно ухо выше другого, подбородок немного отклонен в сторону (как у матери), его отец был человек „слабовольный", с бессмысленными порываниями куда-то, то восторженно, то мистически настроенный〈...〉, пивший запоем последние годы жизни. Он был молод, когда умер».[95] Признаки психического расстройства героя воспроизведены Сологубом почти с медицинской точностью.

Тоска, подавленность, ощущение враждебности мира, страх перед ним — чувства, в одинаковой мере свойственные и маленькому гимназисту Володе Ловлеву, и учителю Передонову: «Угрюмые фигуры людей двигались под туманною дымкою, как зловещие неприветливые тени. 〈...〉 Городовой посмотрел на Володю враждебно. Ворона на низкой крыше пророчила Володе печаль. Но печаль была уже в сердце, — ему грустно было видеть, как все враждебно ему. Собачонка с облезлою шерстью затявкала на него из подворотни, и Володя почувствовал странную обиду. 〈...〉 боязнь теснилась в его груди и оттягивала вниз обессилевшие руки»;[96] ср.: «А на земле, в этом темном и враждебном городе, все люди встречались злые, насмешливые. Все смешивалось в общем недоброжелательстве к Передонову, собаки хохотали над ним, люди облаивали его».

И одним, и другим на пути к безумию движет навязчивая идея: Володя стремится обрести подлинную свободу в инобытии — среди «теней» (они воплощают для него скрытую реальность мира); Передонов вожделеет получить инспекторское место, чтобы насладиться властью (для него синоним свободы). «Блаженное

---

[95] *Сологуб Федор*. Тяжелые сны. Роман. Рассказы. С. 200.
[96] Там же. С. 222.

безумие» Володи, таким образом, оказывается психологически соположенным мрачному безумию Передонова.

Примечательно, что именно рассказ «Тени» принес Сологубу известность и признание в кругу символистов («произвел тогда ошеломляющее впечатление на всех»).[97] В декабре 1894 года по прочтении «Теней» Н. Минский сообщал Л. Гуревич: «„Тени" Сологуба произвели на меня сильнейшее впечатление. У него не только большой талант, но своеобразный взгляд на жизнь. Из него выйдет русский Эдгар Поэ, только бы не заленился. ⟨...⟩ Если будут какие-либо отзывы о Сологубе, сообщите мне. Меня крайне интересует его литературная карьера».[98]

В марте 1895 года он писал Сологубу: «Все больше убеждаюсь в том, что Вы призваны для большого дела. Главное — продолжайте, как начали, творите не повне, а повнутри, давайте себя самого, никого не слушайте и не слушайтесь».[99]

Рассказом восхищалась З. Гиппиус, в декабре 1894 года она писала Сологубу: «Позвольте мне смиренно принести вам благодарность и высказать мое благоговение перед человеком, который сумел написать истинно прекрасную вещь — „Тени". ⟨...⟩ В религию теней я обратила и мужа».[100]

Имплицитно связанный с традицией натурализма, рассказ с успехом прочитывался в контексте новой прозы — в качестве символической иллюстрации к размышлению Ницше о «блаженном безумии», как философская миниатюра о возможностях и границах познания мира[101] и т. п.

Повествуя об одиночестве героев, автор «Теней» имел в виду не один лишь жизненный факт — вдовство матери Володи (отец рано умер, вероятно оттого, что много пил, — вполне реалистическое объяснение), но прежде всего их метафизическое одиночество, оставленность Отцом Небесным — синоним слепоты и безумия: герои не могут выбрать между светом и тенью, истинным бытием и мнимым, добром и злом и потому теряют рассудок. Сологуб вышел за рамки психологического дискурса и вывел тему на метафизический уровень, попытался соединить рациональное и иррациональное знание о человеке и мире. Свободная соотнесенность текста с различными понятийными уровнями и различными литературными контекстами — характерная особенность прозы Сологуба, наиболее ярко сказавшаяся в «Мелком бесе».

С темой богооставленности и экзистенциального одиночества у Сологуба прочно слиты богоборческие мотивы. Герои его рассказов нередко решают онтологическую проблему бунтом и своеволием (Сережа в рассказе «К звездам», Саша в

---

97 *Старый энтузиаст* [*Волынский А. Л.*] Ф. К. Сологуб // Жизнь искусства. 1923. № 23. С. 10.

98 ИРЛИ. № 20003. Л. 3 об.

99 РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. № 158.

100 Там же. Ф. 482. Оп. 2. № 21. Л. 18—19.

101 См.: *Элсворт Джон.* О философском осмыслении рассказа Ф. Сологуба «Свет и тени» // Русская литература. 2000. № 2. С. 135—138.

«Земле земное», Елена в «Красоте», Коля и Ваня в «Жале смерти» и др.). В «Мелком бесе» автор называет Передонова то демоном, то Каином, — оба имени функционально закреплены в сюжете.

С точки зрения названной тематической соотнесенности с романом, особый интерес представляет завершенная автором в 1902 году повесть «Жало смерти» из одноименного сборника. Ее заглавие восходит к словам апостола Павла («Жало смерти — грех, а сила греха — закон»; Кор. 15:56), а сюжет представляет собой двойную рецепцию — евангельской притчи об искушении Христа в пустыне дьяволом и ветхозаветной истории Каина. Отсылки к мифологическим первособытиям и первогероям проецируются в сюжетно-образную реальность и по-своему освещают историю самоубийства Коли и Вани.

Образ Вани откровенно бесоподобен (бесовиден): его внешность безобразна, он порочен, зол, одинок, не знает любви. Каждая черта его облика напоминает, что он — искуситель, дух зла: его лицо постоянно искажается гримасами, он по-русалочьи хохочет, взгляд его пустых и дерзких глаз парализует волю и способен вызвать болезнь; отец его был «свинья», — иронически замечает автор, отсылая читателя к евангельской притче об изгнании бесов в стадо свиней. Ваня мечтает погубить Колю, склоняет его к курению, пьянству, онанизму, затем соблазняет «другой» жизнью, «тем» светом, внушает ему, что «здесь» нет ничего истинного, все приснилось, и наконец, лишает его последней опоры — веры в Бога («Ну вот, если Он тебя спасти хочет, пусть эти камни в торбочке сделает хлебом»). Сцена самоубийства детей символически разворачивается у обрыва — на краю «бездны».

В ранней прозе Сологуба «Жало смерти» — наиболее яркий образец «неомифологического» текста, с отчетливой мифопоэтической структурой.[102] Особое значение в повести имеют отсылки к «Братьям Карамазовым»; посредством скрытого цитирования классического произведения создаются новые смыслы авторского текста.

По мнению Линды Иваниц, обращение к библейским сюжетам и образам чаще всего сопряжено у Сологуба с полемикой по вопросам веры с Достоевским.[103] Последний разговор мальчиков в «Жале смерти», перед их самоубийством, содержит двойную перекличку с «Братьями Карамазовыми» — с «Легендой о Великом Инквизиторе» и одновременно с эпизодом, в котором Алеша провозглашает жизнь и любовь к жизни высшей ценностью, предлагает Ивану полюбить жизнь сильнее, чем ее смысл.[104]

В рассказе Сологуба высшей ценностью провозглашается смерть (этот же смысл подразумевается в «Мелком бесе», так как вся жизнь — «передоновщина»).

---

[102] См.: *Минц З. Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов... С. 76—120.

[103] См.: *Ivanits Linda*. Biblical Imagery in Sologub's Short Stories... P. 125—140.

[104] *Достоевский Ф. М.* Поли. собр. соч. В 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 210.

Одним из литературных источников «Жала смерти» явился рассказ М. Е. Салтыкова-Щедрина «Миша и Ваня» (1863) из цикла «Невинные рассказы» — о крепостных мальчиках, зарезавшихся ночью в овраге. Дети-мученики уходят из жизни, спасаясь от жестокости помещицы; при этом они свято верят во всемогущего милосердного Бога, ожидающего их в раю.

В полемической повести Сологуба протест против социального зла отсутствует, его замещает конфликт «отцов» и «детей», осмысленный в метафизическом ключе — как противостояние Творца и творения (с точки зрения писателя, вопрос о социальной гармонии не имеет никакого значения в мире, оставленном Богом). Повествование разворачивается в соответствии с основной авторской концепцией 1890—1900-х годов: «Ангелы сны видят страшные, — вот и вся наша жизнь» (рассказ «Утешение»).[105]

В подавляющем большинстве рассказы Сологуба 1890-х годов построены по единой схеме. Как правило, за основу писатель брал реальный сюжет, нередко восходивший к конкретному жизненному факту или событию (как, например, в «Баранчике» или в «Червяке»), изложенному в реалистической манере, с правдивыми психологическими мотивировками поведения персонажей. Социальный детерминизм при этом не отменялся, но и не был условием повествования. События осмыслялись в свете онтологического диптиха о Творце и творении или же панэстетической утопии, — часто с полемической установкой по отношению к текстам классической русской прозы.

Характерная для Сологуба форма художественного мышления (скептицизм) программировала относительно устойчивый тип композиции его произведений: наличие в них диалогической пары героев (Коля и Ваня) или антиномических парных образов (свет и тени); она же предопределяла коллизии и сюжетное движение. Этот же способ структурирования текста использован в «Мелком бесе» (Людмила Рутилова и Передонов).

В каждой из книг 1890—1900-х годов — «Тяжелых снах», «Тенях», «Жале смерти» — преобладали устойчивый аннигилирующий жизненные начала пафос и «бесконечно мрачный колорит письма».[106]

Вместе с героями Сологуба в русскую литературу вошла новая эмоциональная индивидуальность («злой и порочный» герой, больные или замученные дети). Свойственное русской литературе внимание к нравственным проблемам, к душе человека и ее «безднам» в сочинениях писателя было восполнено интересом к таинственной жизни подсознания. В этом заключалось художественное открытие Сологуба, воспринятое им как собственный путь в литературе, на котором он почувствовал себя независимым от «школ», в рамках которых преимущественно развивалось его мастерство.

---

105 *Сологуб Федор.* Собр. соч. В 6 т. М., 2000. Т. 1. С. 531.

106 *Залетный И.* [*Гофштедтер И. А.*]. Критические беседы: «Тяжелые сны» Федора Сологуба // Русская беседа. 1896. № 3. С. 179.

II. ИСТОРИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЗАМЫСЛА РОМАНА «МЕЛКИЙ БЕС»

ПЕРВОГЕРОИ И ПЕРВОСОБЫТИЯ

«Я имел достаточно натуры вокруг себя...»
Ф. Сологуб

«Мелкий бес», «многие образы которого взяты с натуры»,[1] был задуман писателем в годы службы в Великих Луках. К работе над рукописью Сологуб приступил в 1892 году. Таким образом, за несколько лет до написания первых страниц романа он обдумывал его содержание. В 1912 году в интервью с А. А. Измайловым Сологуб рассказывал читателям «Биржевых ведомостей»: «Не отрицаю, я отталкивался от живых впечатлений жизни и иногда писал с натуры. Педагогический мир в „Мелком бесе" не выдуман из головы. По крайней мере, для Передонова и для Варвары у меня были оригиналы, даже самая история с письмом — подлинная житейская история, и так же, как в романе, Передонов в жизни тоже кончил сумасшествием. Для многих других подобных персонажей, для Володина и др., я тоже имел подлинники. История гимназиста Сашеньки, принятого за переодетую девочку, — более далека от виденного мною лично, однако, о таких превращениях мне приходилось слышать не раз».[2]

Комментарии Сологуба к сюжету «Мелкого беса» имеют документальные подтверждения. В Великолукском филиале Псковского областного архива сохранились сведения о лицах, явившихся прототипами главных персонажей романа;[3] они позволяют в общих чертах восстановить конкретные события, послужившие источником авторского замысла.

В основу повествования легло жизнеописание учителя русского языка и словесности реального училища дворянина Ивана Ивановича Страхова (1853—1898), окончившего курс историко-филологического факультета Петербургского университета и с 1882 года служившего в Великих Луках. В августе 1887 года он женился на своей бывшей сожительнице, которую выдавал за сестру, дворянке Софье Абрамовне Сафронович; согласно метрической записи, жениху было 34 го-

---

[1] *Чеботаревская Ан. Н.* Федор Сологуб: Биографический очерк // Русская литература XX века (1890—1910) / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: Мир, 1915. Т. 2. Ч. 1. С. 11.

[2] *Аякс* [*Измайлов А. А.*]. У Ф. К. Сологуба (Интервью) // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1912. № 13151. 19 сент. С. 5—7.

[3] Материалы Великолукского филиала Псковского областного архива см.: *Улановская Б. Ю.* О прототипах романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Русская литература. 1969. № 3. С. 181—184; далее документы о педагогической деятельности И. И. Страхова цитируются по этой публикации.

да, невесте 35 лет, одним из поручителей был Петр Иванович Портнаго, учитель столярного дела в ремесленных классах.

Содержание документов — выписок из протокола педагогического совета училища за 1887 год, донесений директора управляющему Петербургским учебным округом о профессиональной непригодности Страхова, переписка директора с врачом Рыбинским — не оставляет сомнений в том, что Сологуб, служивший в то время в городском училище, знал в деталях историю Страхова. Он продолжал интересоваться его судьбой и после отъезда из Великих Лук: в 1889 году его перевели в Вытегорскую учительскую семинарию, а Страхов не оставлял службы вплоть до 1895 года; более того, сам факт его психического расстройства был официально подтвержден медицинским заключением только в 1895 году. Между тем в тексте романа содержатся явные отсылки к документам училища за 1890 и 1895 годы, отдельные страницы «Мелкого беса» непосредственно восходят к донесениям директора или врача о «странностях» в поведении Страхова: «К сожалению, личность преподавателя русского языка Ивана Ивановича Страхова такова, что маломальских результатов не достигается. Он сам хорошо прочесть не может, не делает разбора ученических сочинений..., а ограничивается постановкой дурного балла и считает свою задачу выполненной» (ср.: «...вы в других тетрадках ошибок по пяти прозевали, а у меня все подчеркнули и поставили два, а у меня лучше было написано...», гл. VI; «Поступали и жалобы. Начала Адаменко: она принесла директору тетрадь ее брата с единицею за хорошо исполненную работу...», гл. XIX); «Затем самое его обращение с учениками настолько грубое и вошло в привычку, что он даже не стесняется выражениями... Я должен был ему на заседании педагогического совета предложить обращаться с учениками вежливее, начав хотя бы с того, что говорить им „Вы", а не „ты"» (ср.: «Передонов говорил иногда «ты» гимназистам не из дворян; дворянам же он всегда говорил «вы»; «...находили Передонова грубым, глупым и несправедливым...», гл. VII).

Страхов «записывает тщательно всякие пустяки и грозит ими доносами, воображает себя служащим в 3-ем отделении, а на вопрос, почему он так поступает, отвечает, что он этим спасет себя и других от каких-то козней и опасностей» (доносительство в целях предотвращения мнимых козней — основная тема визитов Передонова к влиятельным лицам города — городскому голове Скучаеву, прокурору Авиновицкому, предводителю дворянства Вериге, председателю земской управы Кириллову, исправнику Миньчукову, — гл. VIII—XI; к директору гимназии Хрипачу, гл. XIII; к жандармскому офицеру Рубовскому, гл. XXV). «В последнее время у него, видимо, развивается мания знакомства с высокопоставленными лицами» (соответствует в романе мотиву мифической протекции со стороны княгини Волчанской).

Можно предположить, что в 1890-е годы Сологуб получал из Великих Лук подробные отчеты о деле или даже выписки из документов от кого-либо из сослуживцев Страхова, или же — что более вероятно — узнал окончание заинтересовавшей его истории от В. А. Латышева, имевшего непосредственное отношение к

Управлению Санкт-Петербургским учебным округом: Сологуб систематически встречался с Латышевым по долгу службы и в дружеской обстановке.[4]

Согласно воспоминаниям классного наставника великолукского реального училища Федора Ниловича Хлебникова, не только Передонов, Варвара и Володин, но и другие персонажи «Мелкого беса» имели свои прототипы: брат и сестры Рутиловы — семья Пульхеровых; Грушина — Прасковья Владимировна Дмитриева; лицо, которому Володин предложил снять фуражку в классе, — предводитель дворянства помещик Николай Семенович Брянчанинов.[5]

Таким образом, в замысле основной сюжетной линии «Мелкого беса» Сологуб отталкивался от реальных лиц и событий. Документально подтвержденных соответствий не имеют только два эпизода: убийство Володина (в действительности Страхов не убивал своего собутыльника Портнаго), а также история Саши Пыльникова.

В интервью для «Биржевых ведомостей» писатель заметил, что история Саши, принятого за переодетую девочку, далека от виденного им лично, но о таких превращениях ему приходилось слышать не раз. В «Канве к биографии» имеется запись: «...меня считают переодетой девочкой»; из ее продолжения («Споры из-за Засулич и пр. Бурные сцены. Ро́зги дома и в дворницкой...») — следует, что в то время — в год покушения Засулич на Трепова (январь 1878), автору было 15 лет (возраст Саши).[6]

Аналогичное свидетельство приведено в воспоминаниях И. И. Попова, соученика Сологуба по городскому училищу и институту: «Это был красивый мальчик, всегда чисто и изящно одетый, с вьющимися белокурыми кудрями, в бархатной курточке с белым широким воротником. Федя Тетерников учился хорошо. Он не принимал участия в наших драках и шалостях, был застенчив, часто краснел, и мы звали его „девчонкой"».[7]

История Саши Пыльникова, однако, не исчерпывается эпизодами переодевания или болезненными подозрениями Передонова и Грушиной. Прежде всего это рассказ о первой любви. Повествуя историю влюбленного гимназиста, чрезвычайно типичную, Сологуб не нуждался в «натуре», ему было вовсе не обязательно исповедовать кого-либо из своих воспитанников. Вместе с тем пренебрегать вероятностью его знакомства с подростком, послужившим прототипом Саши, не следует.

В октябре 1909 года один из бывших учеников Сологуба, сотрудник «Биржевых ведомостей», Н. Линдбаад, писал ему: «Неужели в бытность инспектором

---

[4] См.: *Сологуб Федор*. Записи о посещениях разных лиц // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 81. Л. 24—39.

[5] *Улановская Б. Ю*. О прототипах романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Русская литература. 1969. № 3. С. 182.

[6] *Сологуб Федор*. Канва к биографии // Неизданный Федор Сологуб. Стихи. Документы. Мемуары. М., 1997. С. 251.

[7] *Попов И. И*. Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. М.: Колос, 1924. С. 16.

Андреевск⟨ого⟩ городск⟨ого⟩ уч⟨илища⟩ Вы знали этого Сашу Пыльникова, до того много общего было в частных эпизодах жизни одного из Ваших питомцев с тем, что Вы писали. С другой стороны, вспоминая училищную жизнь, я приходил к выводу, что никто из учеников, кажется, не поверял Вам своих тайн. Между тем, говоря об общей картине правдивости детства Саши П⟨ыльникова⟩, меня удивила та фотографически точная картина о внутренней жизни мальчика, которая протекала у Вас перед глазами... Но я чувствую, что не стоит отвлекаться в сторону, чтобы Вы не составили худого мнения о сотрудниках „Биржевых ведомостей"».[8]

Возможно, автору романа была неведома «двойная» жизнь одного из его петербургских воспитанников, а прототипом юного травести, если он в действительности существовал, мог оказаться также любой великолукский или вытегорский подросток. В данном случае примечательно совпадение: отсутствие каких-либо упоминаний о «Саше» в «страховском» сюжете (в воспоминаниях Хлебникова и в документах великолукского архива) — с одной стороны, и с другой — имевшая место история Линдбаада, отстоявшая от великолукской, однако, на несколько лет (место учителя-инспектора Андреевского городского училища Сологуб получил в 1899 году).[9]

История Страхова, с которым автор «Мелкого беса» был лично знаком (его имя однажды встречается в бумагах Сологуба;[10] об этом знакомстве сообщает также, со слов писателя, Анненский-Кривич),[11] послужила непосредственным импульсом к замыслу романа. В 1880-е годы Сологуб как последователь «экспериментального метода» наблюдал и коллекционировал «натуру». Возможно, по этой причине его внимание привлекла личность великолукского безумца. Первоначально «Мелкий бес» был задуман как роман о женитьбе и помешательстве Страхова, и Сологуб, имевший в середине 1880-х годов непраздный интерес к психологии и психиатрии, знакомый с трактовками человеческого поведения в духе Ч. Ломброзо и Р. Крафт-Эбинга, с теорией среды Ип. Тэна, мог бы вполне справиться с таким конкретным творческим заданием в рамках натуралистического романа.

Однако этот предварительный замысел в процессе развития и постепенного воплощения трансформировался в сторону отвлечения от конкретных лиц и событий, а социально-обличительный роман о жертве удушливого провинциального быта претворился в текст-миф о современной жизни и смысле человеческого бытия («Мы, современники, с трудом можем оценить масштаб этого изумительного

[8] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 411. Л. 1—2.

[9] Дополнительный штрих: по происхождению Н. Линдбаад, очевидно, из немцев, Андреевское городское училище располагалось на Васильевском острове, в немецкой части города; таким образом, вполне вероятно, что Линдбаад был учеником Сологуба.

[10] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 539. Л. 213.

[11] *Анненский-Кривич В. И.* Две записи / Публ. А. Л. Соболева // *Сологуб Федор.* Творимая легенда. М., 1991. Т. II. С. 255.

романа, — писал Г. Чулков, — где идиот Передонов вырастает до всемирного безумия — „передоновщины"»).[12]

«Мелкий бес» — не жизнеописание учителя из русского захолустья («человеческий документ»), и Передонов — не «слепок с натуры», а художественный образ широкого обобщающего плана.[13] Произведение создавалось на конкретном историческом фоне и впитало в себя самые разнообразные импульсы общественной жизни.

«— Что такое Передонов? — спрашивали у Сологуба. — Исчадие первобытного хаоса, выродок демонического начала, „ночной души" мира, нечто стихийное, родственное некоторым душам, анатомированным Достоевским? Или проще, продукт среды, отзвуки татарщины, порождение режима, социальных условий, низкой степени культуры?».

На вопрос интервьюера Сологуб отвечал: «Над „Мелким бесом"» я работал десять лет подряд. Работая так долго над одним произведением, очевидно, нельзя удовлетвориться отражением одной какой-нибудь стороны, проведением какой-нибудь частной черты, а дано все, что я видел и чувствовал в жизни. В Передонове, этом глубочайшем подлеце, есть, несомненно, и все то, что вы перечислили, и многое другое, все элементы, из которых слагается жизнь в многообразных проявлениях...».[14]

МАРГИНАЛИИ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ «СТЕГАЛЬНЫХ ДЕЛ МАСТЕРА»

«Нужно, чтобы ребенка везде секли...»
Ф. Сологуб

Роман об учителе-садисте Сологуб начал в период развернувшейся кампании за отмену телесных наказаний. Это обстоятельство определенным образом отразилось на его произведении. Телесные наказания в России, узаконенные государственным правом, имели многовековую традицию; в разных формах они просуществовали до конца девятнадцатого столетия. Процесс отмирания позорных экзекуций, начавшийся еще при Екатерине II, активизировался лишь в середине

---

[12] *Чулков Г.* Фауст и Мелкий Бес // Речь. 1908. 8 (21) дек. № 301. С. 3.

[13] В 1910 году на русском языке появился роман Генриха Манна «Учитель Гнус» (1905), в переводе он получил название «Мелкий бес». Автор перевода А. Фриче сообщал в примечании: «Несомненное сходство, существующее между героем Манна и Передоновым Сологуба, само подсказало заглавие: „Мелкий бес". Сделавшись нарицательным именем, это слово, вместе с тем, стало общественным достоянием, которым каждый может воспользоваться» (*Манн Генрих.* Полн. собр. соч. М., 1910. Т. 4. С. 51).

[14] *Поляков С.* У Федора Сологуба // Русское слово. 1907. № 232. 10 окт.

XIX века, но продвигался чрезвычайно медленно. В соответствии с «Временными Правилами Волостного Суда» Устава о наказаниях (1861) розга как мера наказания широко применялась для низших классов населения (из-за отсутствия достаточного количества тюрем и неспособности простого народа заплатить денежный штраф). Земское начальство, впрочем, имело право заменить розгу денежным штрафом в пользу мирских сумм: 20 розог приравнивались к сумме в 30 рублей.

Розги были отменены во всех казенных учебных заведениях, уставы которых не давали начальству прав сечь воспитанников, что отнюдь не препятствовало злоупотреблениям наказаниями в народных школах и училищах. В бумагах Сологуба сохранилась выписка из школьной ведомости за 1875/76 учебный год, сопровожденная его примечаниями: «Из 21 ученика наказаны розгами 16 учеников = 76 %. Всего было 46 случаев наказания, в том числе после экзамена 9 и после переэкзаменовок 3. Давалось от 10 до 60 ударов. 1 ученик был наказан 5 раз, 1 раз после переэкзаменовки, всего получил 100 ударов. 〈...〉 Все эти случаи только за неуспеваемость. Можно предположить, что наказания розгами за шалости были еще чаще. Возможно, что высечены были все мальчики, и случаев сечения было (для успехов месяц — то же, что для шалостей неделя) около 275 и около 7000 ударов».[15]

В 1889 году был издан закон о земских начальниках, призванный восполнить отсутствие твердой правительственной власти и приведший к расширению области применения розги: согласно нововведению, телесное наказание допускалось лишь по приговору волостных судов, но утверждалось земскими начальниками. Закон повлек за собой многочисленные злоупотребления властью. Внимание общественности вновь было обращено к наболевшему вопросу. Начавшаяся на стыке последних десятилетий века кампания за отмену телесных наказаний стала почти всеобщей и получила широкое освещение в печати.

В 1896 году в Киеве состоялся VI съезд русских врачей в память Н. И. Пирогова, возбудивший перед правительством ходатайство об отмене телесных наказаний. На первой же странице опубликованных материалов съезда говорилось: «Стоит только собраться по какому-либо поводу большей или меньшей общественной группе, и тотчас возникает вопрос о необходимости добиваться отмены телесных наказаний. Уездные губернские собрания, заседания Вольного Экономического Общества, съезды врачей, заседания врачебных обществ и т. п. не могут в огромном числе случаев обходить молчанием этот вопрос, горячо обсуждают его и ищут пути к уничтожению позорящего всех нас пятна».[16]

В журналах, столичных и провинциальных газетах с начала 1890-х годов систематически печатали материалы по злободневному вопросу (исторические, юри-

---

[15] *Сологуб Федор.* Из учительской записной книжки // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 183.

[16] Телесные наказания в России в настоящее время / Сост. члены комиссии, избранной VI съездом врачей в память Н. И. Пирогова, Д. Н. Жбанков и Вл. И. Яковенко. М., 1899.

дические, педагогические, медицинские), помещали выступления видных врачей, юристов, педагогов, писателей (в частности, статья Л. Толстого «Стыдно» появилась в «Биржевых ведомостях» в это же время — в декабре 1895). Издавались специальные книги.

Некоторые из публикаций вполне могли оказаться в круге чтения писателя, такие, например, как: Д. И. Ростиславлев. «О способах сечения розгами» (Русская старина. 1892, 1893); В. Л. Биншток. «Материалы для отмены телесных наказаний в России» (Юридический вестник. 1892. Т. II. № 7—8); Г. А. Джаншиев. «Из эпохи великих реформ» (М., 1894); А. Г. Тимофеев. «Из истории телесных наказаний в русском праве» (СПб., 1897); В. И. Семевский. «Необходимость отмены телесных наказаний» (Русская мысль. 1896. № 2—3); А. М. Чернов. «Набросок соображений» (Гжатск, 1895), и т. п.

В 1896 году вновь были переизданы педагогические статьи Н. А. Добролюбова 1857—1861 годов, в которых немало страниц уделено полемике об упразднении розги в школе: «Всероссийская иллюзия, разрушаемая розгами», «От дождя да в воду», «О значении авторитета в воспитании (Мысли по поводу «Вопросов жизни» г. Пирогова)» и др.

Громкий резонанс в печати получила публикация воспоминаний И. А. Самчевского (Киевская старина. 1894. № 5), с которой, очевидно, Сологуб был знаком. Отрывок из этих воспоминаний был процитирован в четвертом издании монографии Г. А. Джаншиева «Из эпохи великих реформ» (М., 1894) — в разделе «Об отмене телесных наказаний» и затем воспроизведен в материалах VI съезда врачей в качестве иллюстрации садистической патологии:

> «В числе педагогов, отмеченных Самчевским, есть некто Китченко (по-видимому, тронутый маньяк ⟨...⟩) бывший в 50-х годах сперва инспектором черниговской, а потом директором житомирской гимназии.
>
> Во время его инспекторства, — сообщает Самчевский, — стоял стон и раздавались вопли во всех трех ученических помещениях: в здании гимназии, пансионе и общей квартире. *Ежедневно* являлся Китченко в 8 часов утра в пансион при гимназии и здесь выслушивал доклад воспитателей об учениках, которые подлежат, по их мнению, наказанию. Зная любовь Китченко к истязаниям детей, воспитатели не скупились и указывали (беру minimum) не менее двух учеников на отделение, которых было 8, так как первые 4 класса имели по два отделения.
>
> Эти несчастные тотчас отзывались вниз к *Мине*. Мина был сторож при карцерах, любимец Китченко «по хлесткости ударов», на обязанности его лежало иметь всегда огромный запас розог. Осмотрев пансион, Китченко спускался вниз к Мине и здесь производилась жестокая экзекуция. Затем отбирались уже в самой гимназии ученики с плохими отметками и тоже посылались на экзекуцию.
>
> Вопль и плач детей оглашал все здание гимназии. ⟨...⟩ итого *34 ученика ежедневно наказывались розгами*. Насладившись истязанием детей

в гимназии, Китченко отправлялся в общую ученическую квартиру; здесь повторялась та же история ⟨...⟩. Таких учеников общая квартира поставляла Китченко столько же, сколько и пансион, — не менее 8 человек. Каждый день Китченко подвергал истязаниям не менее 50 учеников, многие наказывались *в день по два раза*: ранее разрисованные узоры не останавливали Китченко, — он на эти узоры наводил новые краски. Когда Пирогов, будучи попечителем Юго-Западного округа, потребовал в 1858—1859 годах сведений от гимназий о числе наказанных розгами учеников, то, как сообщалось в отчете, напечатанном в Журнале Министерства Народного Просвещения, оказалось, что в каждой гимназии наказанные считались десятками, а в житомирской, где директорствовал Китченко, число сеченых перевесило многие сотни (более 600). Эта цифра в то время поразила всех, но, зная Китченко, можно с уверенностью сказать, что он умышленно утаил в отчете многие сотни, если не тысячи. Сечение учеников было для Китченко *истинным наслаждением*, это его единственный труд на педагогическом поприще. Кроме сечения, Китченко ровно ничего не делал. Надо было только видеть, с каким плотоядным выражением на лице разговаривал Китченко с новичком, только что поступившим в гимназию. Редко эти бедняжки и неделю проживали, не побывавши в лапах Китченко и Мины. Однажды поступил в общую квартиру ученик 2-го класса Джогин, лет 12, розовый, кругленький и красивый мальчик — кровь с молоком и отлично выдержанный. Китченко придрался к нему уже на третий день поступления и так высек, что, когда наказанный явился обратно, лица на нем не было; несколько дней мальчик плакал с утра до вечера, ночи не спал от страха. Если мама узнает, она непременно умрет, говорил товарищам Джогин. Все успокаивали его, принимая участие в его горе. После этого случая Китченко так привязался к Джогину, что сек его за каждую мелочь, что к концу первого года от Джогина осталась только тень, — полнота и розовый цвет лица были съедены Китченко. Когда в начале июля приехала мать Джогина и увидела своего сына, с нею сделался обморок; она так рыдала, глядя на него, что все ученики прослезились. Эта была такая сцена, которая на всю жизнь осталась в памяти присутствовавших, все дети понимали и разделяли ужас матери. И *никто* из родителей не жаловался на этого мучителя!».[17]

Едва ли Сологуб мог пройти мимо фигуры житомирского мучителя, не прочитать о нем, так как в годы работы над «Мелким бесом» его чрезвычайно увлекала психография садиста и мазохиста. Существование Страхова не отменяло вмешательства в авторский замысел позднейших источников: вполне возможно, что Китченко, достойный изображений маркиза де Сада, послужил одним из прототипов

[17] *Джаншиев Гр.* Из эпохи великих реформ. 6-е изд. М., 1896. С. 169—170. См. также: Телесные наказания в России в настоящее время. М., 1899.

Передонова, да и сладострастное стремление Передонова к Саше Пыльникову соотносится с посягательствами Китченко на Джогина. Кроме того, Китченко был далеко не единственный в своем роде на ниве российского просвещения.

Примечательно, что среди немногих набросков, которые по содержанию и времени написания условно могут быть отнесены к рабочим материалам романа, преимущественно сохранились выписки и тексты, посвященные бичеваниям или истязаниям. Самый обширный законченный фрагмент датирован 2 февраля 1892 года, по своему пафосу он перекликается с центральным мотивом «Мелкого беса».

> «Жестокосердие гг. педагогов доходило до степеней изумительных. Не то чтобы они были отъявленными кровопийцами: само собой разумеется, что они не упражнялись в снимании голов и не сажали на кол (это в наше цивилизованное время почти совершенно невозможно). Но то, что они проделывали легально, способно было охватить ужасом и холодом непривычного впечатлительного человека.
>
> По части физической они были еще не слишком изобретательны: неумолимое время обуздывало их в этом направлении. Свирепость их проявлялась лишь в том, что в каждом классе на каждом уроке кто-нибудь непременно коленопреклонялся; иные терли себе колени по 3, по 4 часа сряду. Дранье за уши и звонкие оплеухи также составляли частую усладу расходившихся учительских сердец, — но это не все, к сожалению, чем можно было позабавиться на уроках.
>
> Находились любители более пикантных увеселений, но это были редкие, гениальные натуры. Про одного сельского законоучителя рассказывали, что он ставил своих учеников, провинившихся перед ним, кверх ногами: ноги на печурке, руки на полу, и выдерживал в таком положении до часу.
>
> Иные заставляли лизать языком чернильные пятна или мел с доски, обтирали русыми волосенками учеников классные доски, приказывали ученикам-босоножкам засучивать штаны как можно выше и ставили их на голые колени, и любовались их голыми, брошенными беспомощно на пол, ногами; или ставили на колени на скамье, на столе, на подоконнике; или заставляли их кланяться им в ноги и целовать их руки и сапоги.
>
> Но больше удовольствия доставляли послеобеденные прогулки к родителям провинившихся учеников. Сладострастное неистовство удовлетворялось в гораздо большей степени созерцанием обнаженного тела мальчика, краснеющего и багровеющего под жестокими ударами березовых прутьев, между тем как истязаемый мальчик орал благим матом и отчаянно бился об пол голыми ножонками.
>
> Когда родитель утомлялся, учитель брал в руки розги, и удовольствие его доходило до высшей степени, когда мальчишка ёрзал и вопил под его руками, а на теле так и врезывались новые следы озлобленной порки.
>
> Но как ни интенсивны были эти удовольствия, пытки иного рода, истязания душевные, доставляли гораздо более удовольствия освирепелым

> педагогам. Тем более, что эти пытки соединялись в большей или меньшей степени с телесными истязаниями».[18]

Иногда Сологуб фиксировал вполне сложившиеся «передоновские» сюжеты, например:

> «В 1846 году ученики второго класса взбунтовались против своего учителя Дашкевича. Они заявили директору, посетившему училище, что Дашкевич болен сифилисом, и учиться у него они-де не желают. Приказано было разобрать дело и найти зачинщиков. Но по тщательном розыске зачинщики обнаружены не были, и штатный смотритель распорядился высечь всех учеников второго класса. Секли жестоко, давали по 200 и более ударов каждому. О некоторых, отличившихся и ранее зловредностью поведения и образом мыслей, шт⟨атный⟩ см⟨отритель⟩ ходатайствовал, дабы повелено было написать их в солдаты. Но ходатайство это уважено не было, по неимению закона, как объяснено было в бумаге директора. Взамен сего было предложено шт⟨атному⟩ см⟨отрителю⟩ снова и нещадно высечь виновных, и всех вообще учеников второго класса держать 2 месяца по часу ежедневно на голых коленях. Учителю Дашкевичу же объявлена благодарность (?)».[19]

Кампания за отмену телесных наказаний, по-видимому, «раздразнила» Сологуба, имевшего (в силу его личных психологических особенностей) склонность к изображению брутальных сцен. Он по-своему отозвался на шумный общественный процесс: написал статью «О телесных наказаниях», в которой продемонстрировал знание истории вопроса и полемики, связанной с его решением. В своих суждениях, однако, Сологуб встал в оппозицию к общественному мнению и высказался достаточно категорично:

> «Нужно, чтобы ребенка везде секли — и в семье, и в школе, и на улице, и в гостях ⟨...⟩ Дома их должны пороть родители, старшие братья и сестры, старшие родственники, няньки, гувернеры и гувер⟨нантки⟩, домашние учителя и даже гости. В школе пусть его дерут учителя, священник, школьное начальство, сторожа, товарищи и старшие и младшие. ⟨...⟩ На улице надо снабдить розгами городовых: они тогда не будут без дела. ⟨...⟩
>
> И мы убеждены, что теперь современнее всего озаботиться пересадкой на нашу почву немецкой розги, да и всего того, чем крепка прусская казарма и русская каторга, чем прежде была крепка и русская семья».
>
> «В другое время и мы не стали бы защищать розочную расправу, как предмет презираемый обществом. Но теперь нам нет дела до безотчетных антипатий общества. Оно гибнет, и нужно ему помочь, хотя бы и розгами. ⟨...⟩

---

[18] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 539. Л. 63.
[19] Там же. Л. 9—9 об.

> Мы не можем требовать от родителей, чтобы они обладали высоким развитием, которое дало бы им возможность без розог поддерживать свой авторитет, у нас нет денег даже на простую грамотность большинства жителей. Мы должны поощрять их пользоваться тем единственным средством нравственного влияния, которое еще у них остается, чтобы пороть детей, кому ума не доставало».[20]

В контексте статьи «О телесных наказаниях» мечта Передонова получить инспекторское место, чтобы «по школам ездить, мальчишек и девчонок пороть», приобретает шокирующий автобиографический подтекст; авторский императив («пороть»!) исчерпывающим образом реализуется в романе.

Учитывая все упоминания о сечении розгами и побоях в «Мелком бесе», скрытые желания или угрозы высечь, в том числе и во фрагментах, изъятых Сологубом вследствие авторской цензуры или по другим соображениям, можно составить своего рода кондуит для персонажей, подвергнувшихся наказанию или учинивших его над другими: Передонов и Клавдия секут Варвару, Передонов систематически бьет Варвару, Преполовенские секут Варвару крапивой, Нартанович сечет сына Владю и дочь Марту, Вершина и Владя секут Марту, Лариса Рутилова — сестру Людмилу, Дарья Рутилова — сестер Валерию и Людмилу, Людмила Рутилова — Сашу Пыльникова (во сне), тетка Пыльникова и Коковкина — его же, Гудаевская и Передонов — Антошу Гудаевского, слесарят секут в участке.

В приведенном списке перечислены прежде всего главные герои и персонажи второго ряда, его можно дополнить упоминанием о сечении гимназистов по навету Передонова (Крамаренко, Бультякова и т. д.). В черновом автографе романа сообщается также, что высекли

> «десятилетнего второкласника Платона Прейса, дядя которого, баварский немец, управлял имениями князя Телепнева; — четырнадцатилетнего Ивана Мурина, сына того помещика, что льнул к учительской компании; — двенадцатилетнего Василия Вторникова, того самого, к отцу которого однажды уже заходил Пер⟨едонов⟩ недавно; — двенадцатилетнего Шмуля Совранского, отец которого был один из самых богатых купцов в нашем городе; того же возраста Генриха Кашевского, сына частного поверенного; — еще нескольких других, и все они были наказаны родителями в течение нескольких дней, т. к. Пер⟨едонов⟩ успевал каждый день побывать в двух-трех домах».[21]

(В этом фрагменте названы фактически все основные этнические группы европейской части России — немцы, русские, евреи, поляки; образно говоря — вы-

---

[20] *Сологуб Федор.* О телесных наказаниях / Публ. М. Павловой // De visu. 1993. № 9 (10). С. 54.

[21] *Сологуб Федор.* Мелкий бес. Роман. Черновой автограф // ИРЛИ. Ф. 289. Оп.1. № 96. Л. 218.

секли Империю). Черновому автографу «Мелкого беса» предшествует список персонажей — всего 63, в котором перечислены те, кто назван в романе собственным именем; больше половины действующих лиц были «пересечены» или «недосечены» (словечки Помяловского), или кого-то высекли сами.

Полный текст педагогической штудии Сологуба, однако, не дает и малейшего основания заподозрить его в желании иронизировать по поводу телесных наказаний или в цинизме. Об этом свидетельствуют автобиографические реминисценции на полях рукописи:

> «Скажу из своего опыта: когда мать наказывает меня розгами, она во все время сечения, обыкновенно неторопливого, не только бранит меня, но, главным образом, делает мне соответствующие наставления, — в точном смысле учит меня. Так было и тогда, когда я был мальчиком, так и теперь».[22]

В отличие от В. В. Розанова, открыто высказавшегося в пользу сечения в сборнике «Сумерки просвещения» (1899) (в это время он уже закончил педагогическую деятельность), Сологуб не решился напечатать свой труд. Помимо фактического признания в стремлении к флагелляции, под предлогом отстаивания так называемой автором «христианской» системы воспитания, была и другая причина сокрытия статьи: она была написана около 1893 года, когда тридцатилетний учитель Тетерников хлопотал о повышении по службе — об «инспекторском месте». Появление в периодике столь одиозного текста в разгар кампании за отмену телесных наказаний могло бы повредить карьере педагога и начинающего писателя. Вполне очевидно, что высказанные им педагогические воззрения не могли вызвать сочувствие или поощрение у современников.

В 1902 году в журнале «Образование», издававшемся известным педагогом А. Я. Острогорским, Сологуб напечатал статью «О школьных наказаниях», в которой осуждал жестокость учителей и полицейский режим русской школы, а также ратовал за гуманные принципы воспитания.[23]

Таким образом, он всецело «отрекся» от убеждений десятилетней давности. В перспективе обнародования только что законченного романа об учителе-садисте статья «О школьных наказаниях», по-видимому, виделась автору некоей «охранной грамотой», способной защитить его от неблаговидных подозрений.

---

[22] *Сологуб Федор.* О телесных наказаниях. С. 48.

[23] *Сологуб Федор.* О школьных наказаниях // Образование. 1902. № 11. С. 69—75.

СУД НАД САШЕЙ ПЫЛЬНИКОВЫМ И ПРОЦЕСС ОСКАРА УАЙЛЬДА

(«Художники как жертвы» и жертвы художников)[24]

«Я не позволю с женщины сорвать маску; что хотите делайте, не позволю!»

Ф. Сологуб. «Мелкий бес»

В марте 1895 года в столичной прессе появились подробные репортажи из Лондона о сенсационном процессе Оскара Уайльда, находившегося в то время в зените европейской славы. Газета «Новое время», в частности, сообщала: «28 февраля 1895 года Вильде (побуквенная транскрипция фамилии Уайльда, Wilde. — *М. П.*), придя в свой клуб, нашел карточку маркиза Квинсбери, на которой тот написал оскорбительные для него, Вильде, слова, обвиняя его в возмутительно-безнравственном поведении. Маркиз домогался во что бы то ни стало разрыва между сыном своим, молодым лордом Альфредом Дугласом, и писателем, с которым тот связан был узами самой нежной дружбы. Вильде почел себя оскорбленным и подал жалобу в суд, маркиз был арестован и привлечен к ответственности».[25] Однако в ходе заседаний судебное разбирательство неожиданно пошло по иному сценарию: маркиз Квинсбери был оправдан, а Уайльд из истца превратился в ответчика. Помимо сомнительных отношений с лордом Альфредом Дугласом, ему вменялась в вину связь с неким Тэйлором, знакомившим его с другими молодыми людьми. Показания так называемых «друзей» писателя и их вызывающий внешний вид, — утверждали репортеры, — еще больше компрометировали Уайльда и, в конечном результате, способствовали его осуждению.

Отпущенный на свободу, он, тем не менее, не воспользовался возможностью скрыться, а продолжал веселиться в компании с братьями Альфредом и Гэвином Дугласами, несмотря на запрещение и угрозы их отца маркиза Квинсбери. За этим занятием Уайльд был арестован.

«Преступление, в котором обвиняется Вильде, — сообщали газеты, — по английским законам стоит только одною ступенью ниже убийства. Следовательно, если виновность Вильде будет доказана, то он может быть приговорен к очень тя-

---

[24] К 15-летней годовщине трагической кончины О. Уайльда Сологуб опубликовал статью «Художники как жертвы», в которой, в частности, писал о нем: «...один из величайших мучеников века, художественный лик которого мог бы быть символизирован во образе св. Себастьяна, в горделивом страдании стискивающего зубы, стоически выдерживающего мучительный натиск копий и стрел, пронизывающих его тело» (Биржевые ведомости. Утр. вып. 1916. № 15108. 27 февр. С. 3).

[25] [*Б. п.*] Дело Оскара Вильде // Новое время. 1895. 27 марта (8 апр.). № 6852. С. 2.

желому наказанию — к каторжным работам сроком на 10 лет и даже без срока. Ему будет грозить такое же наказание, но сроком от трех до десяти лет, если он будет уличен лишь в попытке к совершению названного преступления».[26]

Скандальный процесс и двухлетнее тюремное заключение (он был освобожден в мае 1897) возбудили повышенный интерес к вождю английского эстетизма, особенно среди сторонников «нового искусства». Имя Уайльда было известно в кругу символистов, главным образом благодаря пропагандистской деятельности З. А. Венгеровой (ей принадлежала одна из первых статей о творчестве писателя в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона — 1892. Т. 6 — и ряд других статей) и, отчасти, ставшему популярным исследованию Макса Нордау «Вырождение», в 1894 году переведенному на русский язык.[27]

В декабрьской книжке «Северного Вестника» за 1895 год А. Волынский писал: «Баловень судьбы, аристократ по умственным привычкам, Оскар Уайльд быстро шел к яркому литературному успеху. Как вдруг жизнь его, блестящая снаружи, но таившая в себе внутренние язвы, разыгралась в гнетущую драму с отвратительным уголовным финалом». В каторжном труде осужденного Уайльда Волынский видел «возмездие за нарушение общественной морали».[28] (В этом же номере журнала было напечатано окончание романа «Тяжелые сны», автора которого критик впоследствии также обвинял в имморализме).[29]

Спустя полгода Волынский вновь вспомнил о писателе-заключенном, сменив, однако, интонацию осуждения на почти сочувственную: «...в газетах появились заметки, в которых передавалась скандальная история из личной жизни Уайльда, приведшая его на скамью подсудимых. Талантливого писателя заключили в тюрьму за безнравственность. Мы не входим в рассмотрение этого дела по существу, но для нас интересно вот что. Безнравственный Уайльд засажен в тюрьму — это значит, что в нем нравственными людьми наказывается порок, марающий репутацию целого английского общества. Конечно, все оно состоит из высоконравственных людей, и Уайльд, который оказался неопрятным в своей личной жизни, должен быть изгнан из его среды. Затоптать и оплевать его в общественном мнении целого мира — это значит обнаружить свою собственную нравственную непогрешимость. Замучить его строгим режимом — это значит вызвать страх в сердцах

---

[26] [*Б. п.*] Судебное разбирательство по делу Оскара Вильде // Там же. 28 марта (9 апр.). № 6853. С. 2.

[27] О вхождении имени О. Уайльда в русскую печать и восприятии его творчества в России (в том числе о значении статей З. Венгеровой) см.: *Павлова Т. В.* Оскар Уайльд в русской литературе (конец XIX—начало XX в.) // На рубеже XIX и XX веков: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1991. С. 77—128; *Bershtein Evgenii.* The Russian Myth of Oskar Wilde // Self and Story in Russian History Edited by Laura Engelstein and Stephanie Sandler / Cornell University Press, 2000. Pg. 168—188.

[28] *Волынский А.* Оскар Уайльд // Северный Вестник. 1895. № 12. С. 313.

[29] *Волынский А.* Литературные заметки (Новые течения в современной русской литературе. Ф. Сологуб) // Северный Вестник. 1896. № 12. С. 241.

людей, склонных, может быть, своротить с нравственного пути. Не должно быть никаких сомнений, что закон, сурово относящийся ко всякому нравственному греху, не мог поступить с Уайльдом иначе».[30] Далее Волынский упрекал стражей закона в жестокости по отношению к художнику.

В немногочисленных статьях об О. Уайльде в русской периодике середины 1890-х годов сведения о его личной трагедии фактически отсутствовали, биографический сюжет критики замалчивали или тактично обходили, направляя внимание на разбор и демонстрацию его оригинальных эстетических воззрений. В то же время переводы произведений английского писателя и их популяризация в модернистских кругах подогревали интерес к его личности. Вполне вероятно, что пикантные биографические подробности, не проникшие на страницы отечественной прессы, обсуждали в редакции «Северного Вестника» и в литературных салонах. Постоянно бывавшая в Европе Зинаида Венгерова, известная своими критическими обзорами современной иностранной литературы,[31] могла информировать сотрудников журнала о нюансах процесса, почерпнутых из английских и французских газет.

На фоне повышенного внимания к творчеству Уайльда «Северный Вестник» публикует «опасное», с точки зрения общественной морали сочинение Ф. Сологуба — «Тяжелые сны» (1895. № 7—12). В рукописи романа имелся фрагмент, содержавший размышления героя о влечении к мальчику и правомерности удовлетворения этого желания.[32]

> Созерцая соблазнительную красоту спящего Леньки, Логин думал: «Если это наслаждение, то во имя чего я отвергну его законность? Во имя религии? Но у меня нет религии, а у них вместо религии лицемерие. Во имя чистоты? Но моя чистота давно потонула в грязных лужах, а чистота ребенка тонет неудержимо в таких же лужах; раньше — позже погибнет она, — не все ли равно! Во имя внешнего закона? Но насколько он для меня внешний, настолько для меня он необязателен⟨...⟩.
>
> Во имя гигиены? Но я сомневаюсь, что этот порок сократит количество моей жизни, да и во всяком случае пикантным опытом только расширяются ее пределы. ⟨...⟩
>
> Ведь если бы он пролежал там, в лесу, еще несколько часов, он все равно умер бы. И если бы мне пришлось выбирать между удовлетворением моего желания и жизнью этого ребенка, то во имя чего я должен был бы предпочесть сохранение чужой жизни пользованию хотя бы одною минутою реального наслаждения?».[33]

---

[30] *Волынский А.* Оскар Уайльд // Северный Вестник. 1894. № 9. С. 57—58.

[31] Статьи З.А. Венгеровой о новой европейской литературе, печатавшиеся в «Вестнике Европы», «Северном Вестнике», «Мире Божьем», «Образовании», были затем представлены в ее трехтомнике «Литературные характеристики» (СПб., 1897—1910).

[32] См.: *Сологуб Федор.* Тяжелые сны. Роман (Черновой автограф, беловой автограф, наброски, корректура) // РНБ. Ф.724. № 3—6.

[33] *Сологуб Ф.* Тяжелые сны. Роман. Рассказы. Л., 1990. С. 176—177.

В журнальной публикации этот фрагмент был упразднен, как и многие другие, отличавшиеся «сомнительным» содержанием (автор восстановил его лишь в 1909 году в третьем переработанном издании романа).[34] С самого начала печатания «Тяжелых снов» Сологуб был вынужден воевать с руководителями «Северного Вестника» едва ли не из-за каждой строчки: непосредственно по ходу печати романа, из номера в номер, ему приходилось против собственной воли переделывать текст или вынимать целые эпизоды и даже главы, которые могли показаться безнравственными.

А. Л. Волынский и Л. Я. Гуревич, претерпевшие многие цензурные мытарства во время прохождения корректуры первых глав «Тяжелых снов», со своей стороны проявляли исключительную бдительность по отношению к роману, редактируя и исправляя сочинение неопытного автора по собственному усмотрению. «Цензурная» тема — лейтмотив переписки «порочного» декадента с редакторами; в одном из посланий, например, Гуревич в отчаянии просила: «Пусть Ф. К. не рассказывает цензору содержание всего романа — лучше как-нибудь уклониться от этого. Иначе будет худо».[35] 24 марта 1895 года (примечательно совпадение: первые газетные сообщения о начавшемся в Лондоне слушании дела О. Уайльда появились в последних числах марта 1895 года) Сологуб не без горечи подвел итог истории первой публикации «Тяжелых снов»:

Цензурой оскоплен нескромный мой роман,
И весь он покраснел от карандашных ран.
Быть может, кто-нибудь работою доволен,
Но я, — я раздражен, бессильной злостью болен,
И даже сам роман, утратив бодрый дух,
Стал бледен и угрюм, как мстительный евнух.[36]

Гомоэротический мотив, столь откровенно обозначенный в неподцензурном варианте «Тяжелых снов» (по-видимому, впервые в русской литературе) и упраздненный блюстителями нравственности, получил неожиданное развитие — в завуалированной и игровой форме — в романе «Мелкий бес».

История Саши Пыльникова — красивого, стеснительного, легко красневшего гимназиста, принятого за переодетую девицу-соблазнительницу (m-lle Пыльнико-

---

[34] *Сологуб Федор*. Собр. соч. В 12 т. СПб.: Шиповник, 1909. Т. 2: Тяжелые сны.

[35] О конфликте Сологуба с редакторами «Северного Вестника» в связи с публикацией романа «Тяжелые сны» см.: *Сологуб Ф.* Письма к Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынскому / Публ. И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974. С. 112—113.

[36] Стихотворение «Свистали, как бичи, стихи сатиры хлесткой...» см.: *Сологуб Федор*. Неизданные стихотворения 1878—1927 гг. / Публ. М. М. Павловой // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 68.

ву), подозреваемую в нарушении правил нравственности, — затем разоблаченного и опять же, уже по другому половому признаку, обвиняемого в содомском грехе, а также — благоухавшего изысканными духами (розою, цикламеном от Пивера, сладкой, томной, пряной японской функией и т. п.), примерявшего античные хитоны и девические платья, явившегося на маскарад — дразнить Передонова — в экзотическом женском наряде (в костюме и парике японки, с веером, кокетливо прикрывавшим лицо) — проецируется на ставший известным из английской и французской печати реальный сюжет.

В ранней редакции «Мелкого беса» гомоэротический мотив имел более откровенный характер, глава XV заканчивалась, например, эпизодом:

> «Гадкий и страшный приснился Передонову сон: пришел Пыльников, стал на пороге, манил и улыбался. Словно кто-то повлек Передонова к нему, и Пыльников повел его по темным и грязным улицам, а кот бежал рядом и светил зелеными зрачками... Потом они пришли в темную комор-ку и Пыльников засмеялся, обнял Передонова и стал его целовать».[37]

Яркая внешность, панэротизм (подчеркнутый этимологией фамилии — Пыльников, от слова «пыльник» — «кошели с цветнем на тычинках цветков»)[38] и подозрительное поведение гимназиста сразу же привлекли к нему пристальное внимание жителей города. Слухи о том, что на самом деле он переодетая девочка, его романтическая дружба с красавицей Людмилой и двусмысленные домогательства со стороны Передонова становятся почвой для всеобщего злословия («Горожане посматривали на Сашу с поганым любопытством»).[39]

Саша неоднократно подвергается допросам: ему учиняет допрос Передонов (при этом он требует, чтобы квартирная хозяйка Коковкина непременно его высекла); дважды его допрашивает Коковкина (в ранней редакции романа она все-таки наказала его розгами), затем Екатерина Васильевна Пыльникова; директор гимназии Хрипач принуждает Сашу к медицинскому осмотру и затем основательно его допрашивает.

«Допросу» с пристрастием подвергаются также свидетельницы — сестры Рутиловы, со стороны Сашиной тетки. Хрипач допрашивает Коковкину («Ей было тем более обидно, что все происходило почти на ее глазах и Саша ходил к Рутиловым с ее ведома»)[40] и Людмилу («Плавно, с неотразимой убедительностью не-

---

[37] *Сологуб Ф.* Мелкий бес // РНБ. Ф. 724. № 2. Впервые приведен в публикации А. Л. Соболева: *Ф. Сологуб.* «Мелкий бес»: неизданные фрагменты // Новое литературное обозрение. № 2 (1993). С. 162.

[38] Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 3. 1882. С. 547. См. также: *Венцлова Томас.* К демонологии русского символизма // Венцлова Томас. Собеседники на пиру. Статьи о русской литературе. Вильнюс, 1997. С. 75, 81.

[39] С. 212 наст. изд.

[40] С. 218 наст. изд.

правды, полился на Хрипача ее полулживый рассказ об отношениях к Саше Пыльникову»).[41]

Допрос Людмилы директор гимназии завершает заявлением: «Мы далеки от намерения обратить ученические квартиры в *места какого-то заключения*. Впрочем, пока не разрешится история с Передоновым, лучше будет, если Пыльников посидит дома»[42] (здесь и далее выделено мной. — *М. П.*). Таким образом, дознание по делу Саши Пыльникова закончилось его условным заключением под домашний арест.

Репортажи о процессе О. Уайльда, опубликованные в русских газетах, и сведения, почерпнутые из английской печати, помогают установить более прямые соответствия между сюжетом из «Мелкого беса» и скандальной историей писателя. В контексте этих аналогий Людмила выступает «идеологом» эстетизма.

Сцена объяснения девицы Рутиловой в кабинете у Хрипача вызывает непосредственные ассоциации с первым заседанием по делу Уайльда. В репортерском отчете сообщалось: «Допрос, понятно, начинается с Вильде. Свидетель выступает вперед, грациозно опирается на барьер, играет перчатками, шевелит своею большою головою, обрамленною длинными вьющимися волосами, вообще сильно „позирует"».[43]

В «Мелком бесе» «обвинитель», выслушивая «уверенную ложь» Людмилы, невольно залюбовался ее прелестью и грацией:

> «Всплеснула маленькими красивыми руками, брякнула браслетиком, засмеялась нежно, словно заплакала, достала платочек, — вытереть слезы, — и нежным ароматом повеяло на Хрипача. И Хрипачу вдруг захотелось сказать, что она „прелестна как ангел небесный", и что весь этот прискорбный инцидент „не стоит одного мгновения ее печали дорогой" ⟨...⟩ Только сравнить — безумный грубый Передонов — и веселая, светлая, нарядная, благоуханная Людмилочка. Говорит ли совершенную Людмила правду, или привирает, — это Хрипачу было все равно».[44]

В контексте статей Уайльда «Упадок лжи» («The decay of lying») и «Правдивость масок» («The truth of Masks») Людмила предстает творцом красоты и одновременно произведением искусства.

Во время судебного процесса защитник лорда Квинсбери допрашивал Уайльда: «Удовольствие — это единственное, ради чего стоит жить?» Ответчик: «Я думаю, что самореализация — первейшая цель жизни, и реализовать себя через удовольствие прекраснее, чем через боль. С этой точки зрения я всецело на стороне Греков. Это языческая идея».[45] Эти же взгляды исповедует и героиня романа:

---

[41] С. 239 наст. изд.

[42] С. 240 наст. изд.

[43] [*Б. п.*] Дело Оскара Вильде // Новое время. 1895. № 6852. 27 марта (8 апр.). С. 2.

[44] С. 240 наст. изд.

[45] *Oscar Wilde*: Three Times Tried [Famous Old Bailey Trails of the Nineteenth Century], London: The Ferrestone Press, [1912]. P. 45.

«Язычница я, грешница, мне бы в древних Афинах родиться. Люблю цветы, духи, яркие одежды, голое тело. Говорят, есть душа, не знаю, не видела 〈...〉 Я тело люблю, сильное, ловкое, голое, которым можно наслаждаться...».[46]

Людмила также поклонница эллинской культуры; рассказывая о ее игре с Сашей в переодевания, Сологуб замечает:

«Но лучше нравились ему и ей иные наряды, которые шила сама Людмила: одежда рыбака с голыми ногами, хитон афинского голоногого мальчика. Нарядит его Людмила и любуется».[47]

В судебном протоколе зафиксированы обстоятельства встреч Уайльда с Тэйлором на квартире Тэйлора: «...занавески всё время были задернуты, чтобы не допускать дневного света, хотя Уайльд и отказался это подтвердить»; «он жег благовония в своей комнате, что Уайльд подтвердил».[48]

Встречи Людмилы и Саши происходят также при закрытых дверях и опущенных шторах («горница окнами в сад, с улицы ее не видно, да и Людмилочка спускает занавески»),[49] а насыщенность повествования описаниями ароматов («Ее горница всегда благоухала чем-нибудь: духами, цветами»)[50] и рассказами о парфюмерных забавах героев позволяет называть «Мелкий бес» «парфюмерным романом» (Людмила «любила духи, выписывала их из Петербурга и много изводила их»).[51]

На вопросы адвоката Кэрсона, знал ли Уайльд о том, что у Тэйлора был женский костюм — модное женское платье, и видел ли он его в женском платье, — Уайльд ответил отрицательно. Между тем основной уликой в разбирательстве по делу Уайльда было то, что Тэйлор держал занавески задернутыми и иногда носил женское платье (от хозяйки квартиры). Вопрос о том, носил ли Тэйлор женское платье, возобновлялся несколько раз, и он подтвердил этот факт, ссылаясь на свое участие в маскарадах в Covent Garden и the Queen's Gate Hall.[52]

В «Мелком бесе» появлению Саши на маскараде в костюме гейши сопутствовал аналогичный опыт театрализации жизни:

«Теперь уже каждый раз, как Саша приходил, Людмила запиралась с ним и принималась его раздевать да наряжать в разные наряды. Смехом и шутками наряжался сладкий их стыд. Иногда Людмила затягивала Сашу в корсет и одевала в свое платье. 〈...〉

---

[46] С. 207 наст. изд.

[47] С. 209 наст. изд.

[48] *Oscar Wilde*: Three Times Tried. P. 72.

[49] С. 218 наст. изд.

[50] С. 129 наст. изд.

[51] О значении «парфюмерных» игр героев романа см.: *Кушлина Ольга*. Страстоцвет, или Петербургские подоконники. СПб., 2001. С. 109—117.

[52] *Oscar Wilde*: Three Times Tried. P. 73, 152—153.

> Надев на себя весь дамский наряд, Саша послушно сидел и обмахивался веером. В этом наряде он и в самом деле был похож на девочку и старался вести себя как девочка».[53]

На вопрос обвинителя — зачем Уайльд посещал квартиру Тэйлора, Уайльд ответил: «Чтобы иногда позабавиться; выкурить сигаретку; из-за музыки, пения, *поболтать о всякой подобной чепухе*, убить время»; на вопрос обвинителя о характере отношений Уайльда с молодыми людьми, которых он встретил у Тэйлора, писатель ответил: «*Я им читал. Я читал* им *одну из моих пьес*».[54] Сравним в «Мелком бесе»:

> — Я желаю знать, какие вы завели знакомства в городе.
>
> Саша смотрел на директора лживо-невинными и спокойными глазами.
>
> — Какие же знакомства? — сказал он, — Ольга Васильевна знает, я только к товарищам хожу да к Рутиловым.
>
> — Да, вот именно, продолжал свой допрос Хрипач, — что вы делаете у Рутиловых?
>
> — Ничего особенного, так, — с тем же невинным видом ответил Саша, — *главным образом мы читаем*. Барышни Рутиловы стихи очень любят. И я всегда к семи часам бываю дома.[55]

Впрочем, затем Саша признался, что один раз он опоздал и тогда же был наказан за этот проступок. Наказан, однако, он был не за опоздание, а за то, что Коковкина, неожиданно вошедшая в Людмилину комнату, двери которой случайно забыли запереть на ключ, увидела Сашу в женском платье. Тогда же застигнутые врасплох герои придумали, что репетируют пьесу (*«мы хотим домашний спектакль поставить»*),[56] в которой Людмила наденет мужской костюм, а Саша — женский.

Тем не менее, под нажимом Хрипача, расплакавшийся гимназист твердо стоял на своем:

> «Честное слово, ничего худого не было, — уверял он, — *мы только читали, гуляли, играли, — ну, бегали, — больше никаких вольностей*».[57]

Эту же версию отстаивали и сестры Рутиловы во время их допроса теткой Пыльникова:

> «Для большей убедительности они принялись было рассказывать с большою подробностью, что именно и когда они делали с Сашею, и при

---

53 С. 209 наст. изд.

54 *Oscar Wilde*: Three Times Tried. P. 422.

55 С. 219 наст. изд.

56 С. 220 наст. изд.

57 Там же.

> этом перечне скоро сбивались, — *это все же такие невинные, простые вещи, что просто и помнить их нет возможности.* И Екатерина Ивановна, наконец, вполне поверила в то, что ее Саша и милые девицы Рутиловы явились невинными жертвами глупой клеветы».[58]

В опубликованных материалах уайльдовского процесса (Oskar Wilder: Three Times Tried [Famous Old Bailey Trails of the Nineteenth Century]. London: The Ferrestone Press, [1912]) говорилось: «Следует отметить, что, с момента ареста, Уайльда считали виновным почти все, особенно пресса низкого класса, которая и раздула это предубеждение к нему».[59]

В «Мелком бесе» сплетню о развратной барышне Пыльниковой также пустила «пресса низкого класса» — Грушина — и распространила сожительница Передонова Варвара, они же затем «сочинили и послали Хрипачу безыменное письмо о том, что гимназист Пыльников увлечен девицею Рутиловою, проводит у них целые вечера и предается разврату».

> «Хрипач, — сообщает далее Сологуб, — ни на минуту не поверил в развращенность Пыльникова, и в то, что его знакомство с Людмилою имеет непристойные стороны. „Это, — думал он, — идет все от той же глупой выдумки Передонова и питается завистливою злобою Грушиной"».[60]

В отличие от доверчивого Хрипача, автор романа «Мелкий бес» располагал всеми необходимыми доказательствами сомнительного поведения гимназиста Пыльникова, и, тем не менее, он завершил сюжет отнюдь не исключением его из гимназии — изоляцией из общества, а всего лишь условным домашним арестом.

> «Я не позволю с женщины сорвать маску; что хотите делайте, не позволю», — кричал Бенгальский, унося гейшу с маскарада, спасая Сашу от гнева озверевшей толпы.

Английский суд, не имевший для осуждения Оскара Уайльда достаточное количество улик, вынес другое решение и предоставил озверевшей толпе газетчиков шанс вдоволь поглумиться над художником. «Транслируя» на страницы романа громкий европейский процесс, Сологуб сформулировал свое отношение к жестокому и бесчеловечному решению обвинителей и тем самым продемонстрировал солидарность с Уайльдом во взглядах на природу искусства, неподсудность и неприкосновенность личности художника, творящего своей жизнью новый и лучший мир.

---

[58] С. 238—239 наст. изд.
[59] *Oscar Wilde*: Three Times Tried. P. 161.
[60] С. 217 наст. изд.

С «ПОДСКАЗКИ» ПУШКИНА

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман... .

А. С. Пушкин. «Герой»

Многоцветная ложь бытия,
Я отравлен дыханьем твоим.

Ф. Сологуб

Название и основной смысл романа «Мелкий бес» чаще всего связывают со строками незавершенной поэмы М. Ю. Лермонтова «Сказка для детей» (1839—1840):

То был ли сам великий Сатана,
Иль мелкий бес из самых нечиновных.

Поводом для установления данной коннотации, по-видимому, послужило эссе Сологуба «Демоны поэтов», первая часть которого — «1. Круг первый» — была напечатана в майской книжке журнала «Перевал» за 1907 год; в эссе писатель процитировал строки из «Сказки для детей» Лермонтова.[61]

В июле 1907 года в «Русском слове» появилась статья А. А. Измайлова «Измельчавший русский Мефистофель и передоновщина». «Стоило ли жить десятилетия, болезненно претерпевать всевозможные эволюции, — сокрушался автор, — чтобы, начав Онегиными и Печориными, через фазы Чичиковых, Тамариных и Обломовых спуститься до Передонова? Стыдно за Мефистофеля, разменявшегося на медные гроши...».[62] В контексте размышлений об эволюции литературного типа сближение Передонова с героем «Сказки для детей» (вариантом Демона) — персонажем петербургской повести, лишенным возвышенного демонического ореола, — не было неожиданным.

Трактовка, предложенная Измайловым, была поддержана в рецензиях на роман и в критической литературе. «Демонизм Сологуба глубокий, но невеличественный, — отмечал П. Пильский. — Своими корнями он пророс душу Сологуба до самых таинственных ее недр. Но как новый культ, это мало и уродливо. Недотыкомка — подкидыш Бабы Яги. Это сатанинство и мефистофельство так же далеки от лермонтовского Демона и гётевского Мефистофеля, как Эльбрус от Валдая и Страсбургский собор от царевококшайской приходской церкви. Демонизм Сологуба родился даже не в курной избе, а в уездной одноэтажной деревяшке. Он захолустен, слеп, и ему не поклоняются, а его суеверно страшатся».[63]

---

[61] *Сологуб Федор*. Демоны поэтов // Перевал. 1907. № 7. С. 48.

[62] *Измайлов А*. Измельчавший русский Мефистофель и передоновщина // Русское слово. 1907. № 167. 21 июля. С. 1.

[63] *Пильский Петр*. Федор Сологуб // Свободная молва. 1908. № 2. 28 янв. С. 4.

Цитация из «Сказки для детей» дала основание для самой жизнеспособной интерпретации романа. Ее поддержал О. Цехновицер в предисловии к изданию 1933 года: «Он (Мефистофель. — *М. П.*) был Сатаной для Лермонтова и стал вонючей Недотыкомкой для Сологуба».[64] Впоследствии прочтение «Мелкого беса» как развитие демонологического текста русской литературы, в создании которого одну из ведущих партий сыграл Лермонтов, получило исчерпывающую аргументацию в исследовании Т. Венцловы «К демонологии русского символизма».[65]

Т. Венцлова интерпретирует роман как художественную репродукцию идеи распыления мира (энтропии) — одного из центральных мотивов литературы модернизма, как продолжение темы, начатой В. Брюсовым в стихотворении «Демоны пыли» (1898), подтекстом которого явилось творчество Лермонтова, главным образом «Сказка для детей». Следует заметить, однако, что появившиеся и распространившиеся в русской литературе «демоны пыли» или их аналоги (в текстах (Брюсова, Сологуба, Мережковского) могли иметь и другую, возможно более подходящую родословную. В романе Ж.-К. Гюисманса «Бездна» (La-bas, 1891 и в русском переводе «Там, внизу», 1907), хорошо известном русским символистам, имеется эпизод,[66] соотносящийся с рассказом И. М. Брюсовой о реальном будничном событии (стирании пыли с мебели), якобы побудившем поэта написать «Демонов пыли». Автор «Бездны» также видел в процессе распыления мира зловещий мистический смысл (пыль — «призыв к жизни и напоминание о смерти»;[67] не исключено, что Брюсов позаимствовал идею и образ у Гюисманса.

Выдвижение на первый план в качестве литературного прообраза романа «Мелкий бес» «Сказки для детей» и тематически связанной с ней поэмы «Демон» представляется недостаточно мотивированным, поскольку отодвигает на второй план другой, не менее существенный источник текста. За исключением общей для многих произведений русской литературы проблемы «демонизма» и двух нарочито неточных цитат из стихотворений «Тамара» и «Демон», в «Мелком бесе» нет никаких иных указаний на его семантическое родство с поэмами Лермонтова.

Вместе с тем на страницах романа неоднократно и в разных контекстах возникает имя Пушкина: в эпизоде сватовства Передонова к сестрам Рутиловым (мотив «Сказки о царе Салтане»); в «пушкинском» уроке Передонова; в его реплике, обращенной к Марте: «...у вас Мицкевич был. Он выше нашего Пушкина. Он у меня на стене висит. Прежде там Пушкин висел, да я его в сортир вынес, — он

---

[64] *Цехновицер О.* Предисловие // Сологуб Федор. Мелкий бес. М.; Л.: Academia, 1933. С. 13—14; дополнительные аргументы в пользу этой интерпретации см.: *Соболев А.* «Мелкий бес»: к генезису названия // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 171—184.

[65] *Венцлова Томас.* К демонологии русского символизма // Венцлова Томас. Собеседники на пиру. Статьи о русской литературе. Вильнюс, 1997. С. 48—81.

[66] *Гюисманс Ж.-К.* Бездна. Полн. собр. соч. СПб., 1912. Т. X. С. 42—43.

[67] Там же. С. 43.

камер-лакеем был» (позднее, в приливе патриотических чувств, он перевесил портрет на прежнее место).

К Пушкину была обращена также вторая часть эссе «Демоны поэтов» — «Старый чёрт Савельич», напечатанная в «Перевале» в 1907 году (№ 12), а в его первой части, наряду с цитатами из Лермонтова, Сологуб не раз цитировал и пушкинские строки.

В прижизненной критике «Мелкий бес» не соединяли с именем Пушкина. В современной исследовательской литературе, напротив, к этому сопоставлению наблюдается устойчивый интерес. В работах З. Г. Минц, Н. А. Пустыгиной, А. Л. Соболева, Леа Пильд, Л. Спроге[68] был выявлен основной реминисцентный пласт из пушкинских текстов в «Мелком бесе», отмечены очевидные параллели с «Пиковой дамой»: безумие, карточная игра, оживание карточных фигур; Передонов цитирует Германна не только буквально: «тиковый пуз», «пиковая дама в тиковом капоте», но и сюжетно: идея стать любовником княгини Волчанской, которой «полтораста лет», и поскорее получить инспекторское место повторяет размышления Германна о способе узнать тайну трех карт у графини: «Представиться ей, подбиться в милость, — пожалуй, сделаться ее любовником, — но на это все требуется время, — а ей восемьдесят семь лет, — она может умереть через неделю, через два дня!».

Комментирование очевидных и скрытых цитат из «Пиковой дамы» и других произведений поэта не исчерпало тему «Пушкин в „Мелком бесе"». Сохранившиеся заметки Сологуба о Пушкине позволяют заключить, что из всех имеющихся в романе перекличек с образами и сюжетами русской литературы (от Гоголя до Чехова и Горького) наиболее существенными для понимания авторского замысла являются параллели с пушкинскими текстами.

«Мелкий бес» создавался в атмосфере всеобщего внимания к судьбе и творчеству Пушкина. Период самой интенсивной работы над романом — 1898 и 1899 годы — проходил под знаком Пушкинского юбилея, ставшего всенародным праздником. В мае 1899-го инспектор Андреевского училища Ф. К. Тетерников вместе с воспитанниками и сослуживцами посетил Святые горы.[69] В юбилейной пушкинской статье он писал о «Всероссийском торжестве»: «Судьбы переменчивы: претерпевший многие гонения при жизни и по смерти, Пушкин вспоминается

---

[68] См.: *Минц З. Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Творчество А. А. Блока и русская культура XX века. Блоковский сборник III. (Учен. зап. Тартус. гос. ун-та. Вып.459). Тарту, 1979. С. 112; *Соболев А. Л.* Из комментариев к «Мелкому бесу»: «Пушкинский» урок Передонова // Русская литература. 1992. № 1. С. 157—160; *Пильд Леа*. Пушкин в «Мелком бесе» Ф. Сологуба // Пушкинские чтения в Тарту. [Вып.] 2. Тарту, 2000. С. 306—321; *Спроге Л.В.* «Закон игры» в «Мелком бесе» Федора Сологуба // Филологические чтения: 2001. Даугавпилс: «Saule», 2002. С. 47—58.

[69] См. запись о поездке: Сологуб Ф. Записи его о посещениях разных лиц...// ИРЛИ. Ф. 289. Оп.6. № 81. Л. 36.

торжественно, официально установленным порядком — и, однако, „будут последняя горша первых". Не обидно ли, что великое имя становится достоянием толпы, у которой по-прежнему нет ничего общего с тем, кто носил это имя? Непонимание „тупой черни" столь же грубо, как и в старину, и ее низменные помышления столь же, как и в прежние дни, далеки от чистых дум поэта. Что ей до него? Что ей Пушкин?».[70]

В ближайшем окружении Сологуба юбилейная тема была живой и повседневной. Писатель еженедельно посещал литературные вечера — «пятницы» К. К. Случевского (первое собрание состоялось 23 октября 1898 года).[71] Как редактор «Правительственного вестника» Случевский был включен в созданную в октябре 1898 года «Комиссию по устройству чествования столетия со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина» и в подкомиссию по разработке программы юбилейных торжеств; он был в курсе всех юбилейных мероприятий — подготовки и открытия Пушкинской выставки в Академии наук, создания «Комиссии по постройке памятника Пушкину в Петербурге» и др.[72]

Несомненно, в кружке поэтов, собиравшихся в гостиной Случевского на Николаевской 7, «пушкинская» тема не была обойдена. В 1900 году участники «пятниц» выпустили по случаю юбилея альманах «Денница». Сологуб поместил в альманахе подборку из четырех стихотворений: «Заклятие молчания» («В лесу кричала злая птица...»), «Я верю в творящего Бога...», «Я напрасно хочу не любить...», «Побеждайте радость...».[73]

В 1899 году Сологуб сблизился с кружком журнала «Мир искусства», часто бывал на собраниях «мирискусников». В «пушкинский номер» журнала (1899. Т. II. № 13—14) он представил статью «К Всероссийскому торжеству». В номере с юбилейными статьями участвовали также Д. С. Мережковский («Праздник Пушкина»), незадолго до юбилея напечатавший исследование «Пушкин» и затем, в исправленном виде, включивший его в книгу «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы» (СПб., 1897; 2-е изд. — 1899), Н. Минский («Заветы Пушкина») и Вас. Розанов («Заметка о Пушкине»).

Юбилейная статья Мережковского была откликом на напечатанную в 1897 году в «Вестнике Европы» (№ 9) статью В.С. Соловьева «Судьба Пуш-

---

[70] *Сологуб Федор.* К Всероссийскому торжеству // Пушкин. Pro et Contra. / Антология. СПб., 2000. Т. 1. С.343.

[71] Сологуб регистрировал все посещения «пятниц» (см.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 81. Л. 24—39); об участии Сологуба в кружке поэтов см.: *Сапожков* С. «Пятницы» К. К. Случевского (по новым материалам); Альбом «пятниц»/ Публ. С. Сапожкова // Новое литературное обозрение. № 18 (1996). С. 232—281.

[72] О юбилейных мероприятиях см.: «Чествование памяти А. С. Пушкина Императорской Академией наук в сотую годовщину дня рождения. Май 1899 г.». СПб., 1900; 50 лет Пушкинского Дома. М.; Л., 1956.

[73] Денница. Альманах 1900 года / Под ред. П. П. Гнедича, К. К. Случевского, И. И. Ясинского. СПб., 1900. С. 68—72.

кина», вызвавшую в критике волну негодования.[74] Вл. Соловьев отозвался на выступления «мушкетеров» «символической компании» из «Мира искусства» статьей «Особое чествование Пушкина».[75] Отголоски полемики с Соловьевым отразились в «Мелком бесе».[76] Связанный в эти годы с Мережковскими литературно-групповыми интересами и дружбой, Сологуб был в курсе всех событий петербургской художественной жизни и по мере сил участвовал в них.

В контексте работы над романом особый интерес представляют его размышления о Пушкине. В юбилейной статье Сологуб писал: «Поэт и человек равно необыкновенный, человек пламенных страстей и холодного ума, в себе нашедший меру для каждого душевного движения, на точнейших весах взвесивший добро и зло, правду и ложь, ни на одну чашу весов не положивший своего пристрастия, — и в дивном и страшном равновесии остановились они, — человек великого созерцания и глубочайших проникновений, под всепобеждающею ясностью творческих изображений скрывший мрачные бездны, — кому он сроден? 〈...〉 Из позднейших один лишь Достоевский мрачно и неуравновешенно подобен ему, все же прочие иного духа».[77]

Вопреки всеобщему представлению о поэте как о певце гармонии Сологуб заподозрил в душе Пушкина «мрачные бездны», которые тот скрыл от всех в своих произведениях. В подготовительных материалах имеется запись — своеобразный «ключ» к «Мелкому бесу», озаглавленная «Обманы как тема Пушкина». В ней приведены цитаты из произведений поэта, построенных, по мнению Сологуба, на обмане, или же просто перечислены их заглавия с кратким пояснением:

1. И в поэтическом бокале
Воды я много намешал.
Евг〈ений〉 Он〈егин〉 проп〈ущенная〉 гл〈ава〉
2. Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей.
Евг〈ений〉 Он〈егин〉 4, VII.

---

[74] Полемические выпады против «Судьбы Пушкина» Вл. Соловьева содержались также в статьях П. П. Перцова «Смерть Пушкина» (Мир искусства. 1899. Т. II. № 21—22. С. 156—168), Е. А. Соловьева «А. С. Пушкин в потомстве» (Памяти А. С. Пушкина. Юбилейный сборник. Изд. журнала «Жизнь». СПб., 1899. С. 64), В. В. Розанова «Еще о смерти Пушкина» (Мир искусства. 1900. Т. III. № 7—8. Отд. 2. С. 133—143) и т. д. См. об этом в комментариях Г. Е. Потаповой: А. С. Пушкин. Pro et contra. Антология. Том I. СПб., 2000.

[75] *Соловьев В. С.* Особое чествование Пушкина // Вестник Европы. 1899. № 7. С. 432—440.

[76] См: *Пильд Леа.* Пушкин в романе «Мелкий бес» // Пушкинские чтения в Тарту. [Вып.] 2. Тарту, 2000. С. 306— 321; Тургенев и отвергнутая сюжетная линия романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Тургенев в восприятии русских символистов (1890—1900-е годы). Тарту, 1999. С. 50—51.

[77] *Сологуб Федор.* К Всероссийскому торжеству. С. 343.

3. Евг⟨ений⟩ Он⟨егин⟩: «Мой дядя самых честных....» *I, 1.*
4. Анчар.
5. Бесконечны, безобразны...
Сколько их!.....
Мчатся бесы рой за роем.
Бесы.
6. Кто их знает: пень иль волк.
Бесы.
7. В поле бес нас водит, видно.
Бесы.
8. Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин.
Бесы.
9. Утопленник. Мужик обманул, скрыл труп.
10. Песнь о вещем Олеге. Анекдот на обмане.
11. Шапка-невидимка. Обман Фарлафа. Черномор обманом снес голову брату.
Рус⟨лан⟩ и Людм⟨ила⟩.
12. ...Пламя позднее любви
С досады в злобу превратила.
Рус⟨лан⟩ и Людм⟨ила⟩. I.
13. Ратмир стал рыбаком
(Рус⟨лан⟩ и Людм⟨ила⟩).
14. Запах скверный
(Подр⟨ажание⟩ Данту. II, 6).
15. Один (Дельфийский идол) лик младой
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.
Другой женоподобный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал,
Волшебный демон — лживый, но прекрасный.
(Подр⟨ажание⟩ Данту. I, 13 и 14).
16. И празднословить было мне отрада.
(Подр⟨ажание⟩ Данту. I, 8).
17. Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров.
(Подр⟨ажание⟩ Данту. I, 6).[78]

Примечательно, что процитированные чаще других «Бесы» и «В начале жизни школу помню я...» (у Сологуба — «Подражание Данту») были искусно инкорпорированы в повествовательную ткань романа. Названные в записи мотивы «Бесов»: *«Бесконечны, безобразны... Сколько их!.. Мчатся бесы рой за роем»;*

[78] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 539. Л. 23—23 об.

«Кто их знает: пень иль волк»; «В поле бес нас водит, видно»; «Страшно, страшно поневоле Средь неведомых равнин», — последовательно развиваются в романе. Бесноватый Передонов находится в центре дьявольского мира — роя бесов.[79] Ужас и страх — устойчивый эмоциональный фон, в котором он пребывает.

Из стихотворения «В начале жизни школу помню я...» Сологуб процитировал строки, следующие за стихом «*То были двух бесов изображенья*». Образ гимназиста Пыльникова («отрока-бога» — Диониса) полновесно соотносится с одним из пушкинских идолов (бесов) — «женоподобный, сладострастный», «лживый, но прекрасный»; Сологуб постоянно напоминает о лживости Саши и его обманчивой двусмысленной красоте, возбудившей сладострастные мечты Людмилы Рутиловой и Передонова.

Название романа, очевидно, заключает в себе двойную аллюзию — на стихотворение Пушкина «Бесы» и на одноименный роман Достоевского, с эпиграфом из пушкинских «Бесов».[80] Основной атрибут бесов — лживость. Интрига в «Мелком бесе» строится посредством совершения обмана: Варвара и Грушина фабрикуют лживые письма от лица княгини, в которых сулят Передонову протекцию и затем три инспекторских места на выбор, обманом Варвара женит на себе «будущего инспектора». Фамилия исполнительницы замысла — *Грушина* — образована от слова «груша» (в непрямом значении — дуля) и содержит намек на издевательский жест, сюжетно закрепленный в поведении героини — обманщицы и лгуньи.[81]

Передонов непрестанно клевещет на гимназистов, и родители их секут. Не поверил клевете один нотариус Гудаевский: «Шалит Антоша? *Вы врете*, ничего он не шалит, я бы и без вас это знал, а с вами я говорить не хочу. Вы по городу ходите, *дураков обманываете*, мальчишек стегаете, диплом получить хотите на стегальных дел мастера. А здесь не на такого напали» (гл. XVIII). Тем не менее жена Гудаевского компенсирует неудачу, в отсутствие мужа она зазывает Передонова, они секут Антошу и затем предаются сладострастию — обманывают Гудаевского.

Передонов пишет жандармскому офицеру лживые доносы, им руководит подозрение: «Все — *предатели*. Прикидываются друзьями, *хотят вернее обмануть*», «Встречные, если спрашивали его, куда идет, *он им лгал*, — весьма неискусно, но сам был доволен своими неловкими *выдумками*» (гл. XXV); «Со злости он *лгал* на княгиню несообразные вещи. Рассказывал Рутилову да Володину, что *был прежде ее любовником, и она ему платила большие деньги. ... Она еще*

---

[79] См. об этом в указ. статье Т. Венцловы «К демонологии русского символизма».

[80] О реминисценциях из романа Ф. М. Достоевского «Бесы» в «Мелком бесе» см.: *Соболев А.* «Мелкий бес»: к генезису названия // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. С. 171—184; *Пильд Леа.* Тургенев в восприятии русских символистов (1890—1900-е годы). С. 45—55.

[81] *Венцлова Томас.* К демонологии русского символизма. С. 64.

мне обещала пенсию по гроб жизни платить, да надула» (гл. XXIV); «Он думал: надо заслужить ее милость, да чем? *Ложью, что ли? Оклеветать кого-нибудь, насплетничать, донести? Все дамы любят сплетни, так вот бы на Варвару сплести что-нибудь веселое да нескромное, и написать княгине. Она посмеется, а ему даст место*» (гл. XXIV).

Сологуб уподобляет Передонова персонажу басни И. А. Крылова «Лжец» (он постоянно лжет и потому боится ходить через мост, который якобы проваливается под врунами). Однако и Передонова повсюду преследуют ложь и обманы: «Пыльников ...смеялся и смотрел на Передонова *обманчиво-чистыми*, бездонными глазами» (гл. XXVII); Недотыкомка — «следит за ним, *обманывает*, смеется»; «то по полу катается, то *прикинется тряпкой, лентой, веткой, флагом, тучкой, собачкой, столбом пыли на улице...*» (XXV), ср. в «Бесах»: «пень иль волк» (у Пушкина бесы возникают также из пыли, но только — снежной).

Все повествование в «Мелком бесе» пропитано атмосферой обмана и лжи, Сологуб нагнетает ее лексическими повторами, непрестанно играя опорными словами: *обман, ложь, донос, клевета* и производными от них: «*обманчиво-невинные* глаза» у Гени Преполовенской (гл. III — ранняя ред.); Передонов думал: «*Варвара могла и обмануть его письмом*, — взяла да сама написала» (гл. VII); «Конечно, думал он иногда, жениться бы на Варваре всего выгоднее, — ну, а вдруг княгиня *обманет* его? (гл. IX); «*наружность иногда обманчива бывает*», — думал Хрипач о Пыльникове (гл. XIII); «*Экая вы обманщица!*» — упрекает Саша Людмилу, та в свою очередь подозревает его в обмане, эпизод с угощением его финиками полностью построен на многократном повторении производных от слова *обман* (гл. XVII); «Он не понимал, чему надо верить, — смыслу ли ее слов, или *выдающему ложь звуку ее голоса*» (о Варваре, гл. XXIV); «Уже и знакомые стали *дразнить Передонова обманом*.

С обычною в нашем городе грубостью к слабым *говорили об этом обмане при нем*» (гл. XXV); «Людмилиной мечтой было послать в маскарад Сашу в женском платье, *обмануть таким способом весь город*, и устроить так, чтобы приз дали ему» (гл. XXVIII); «Саша смотрел на директора *лживо-невинными* и спокойными глазами» (там же); в ответ на упрек Пыльниковой в развращении племянника «Сестры переглянулись, с видом *столь хорошо разыгранного* недоумения и возмущения, что и не одна только Пыльникова *была бы обманута*» (гл. XXXI); «сестры *лгали так уверенно и спокойно, что им нельзя было не верить*. Что же, *ведь ложь и часто бывает правдоподобнее правды. Почти всегда. Правда же, конечно, не правдоподобна*» (там же); «*Скоро уверенная ложь Рутиловых и Сашина* была подкреплена страшным событием в доме у Передоновых» (там же).

В одной из заключительных сцен Вершина открывает Передонову правду («*Вас обманули, а вы так легко поверили.* 〈...〉 — *Письма-то, вы думаете, княгиня писала?* Да теперь уж весь город знает, что их *Грушина сфабриковала по заказу вашей супруги*; а княгиня и не знает ничего», гл. XXXII).

Осознав происшедшее, Передонов в порыве бешенства убивает Володина, обманувшего его дружбу, как, впрочем, и все участники событий: Варвара, Грушина, Вершина, Преполовенские и т. д. Роман начинается обобщением: *«казалось, что в этом городе живут мирно и дружно. И даже весело. Но все это только казалось»*, — и заканчивается последними осмысленными словами Передонова, обращенными к Вершиной: *«Наплевать мне на вашу правду ... в высокой степени наплевать!»* (там же).

«Обманы» Сологуб назвал темой произведений Пушкина. Едва ли он был справедлив в своем заключении, но, если даже он заблуждался, этот факт заслуживает внимания, поскольку «Мелкий бес» явился в значительной степени следствием его восприятия и осмысления творчества Пушкина.[82] Дополнительным подтверждением высказанного предположения может служить послесловие Сологуба в подготовленном П. Е. Щеголевым издании «Уединенный домик на Васильевском. Рассказ А. С. Пушкина по записи В. П. Титова» (СПб., 1913).

В «Уединенном домике на Васильевском» писатель увидел самый характерный, по его мнению, знак «пушкинских» текстов: «мудрое и бережливое пользование изобразительными средствами и подробностями рассказа». Сологуб пояснял:

> «Любопытно проследить эту экономию средств, блистательное доказательство великого мастерства, хотя бы в той мудрой постепенности, с которою открывается перед читателем истинная природа Варфоломея (главный персонаж повести. — *М. П.*). Одна за другою, бережливо, неторопливо и метко, даются черты бесовской натуры, — и при этом ни одного грубого или излишнего штриха, а единственно только то, что необходимо, чтобы для внимательного читателя изобразился злой и мелкий враг рода человеческого, нехитрыми приемами уловляющий немудрые души».[83]

Далее Сологуб приводит мельчайшие детали повествования, приоткрывающие истинную природу героя: от его «жестокосердия» до откровенно адского смеха, — и тем самым демонстрирует так называемую «смысловую вертикаль» «Уединенного домика на Васильевском». Этот же способ организации текста обнаруживается и в поэтике его собственных произведений, нагляднее всего — в «Мелком бесе».

Посредством повторяющихся, едва уловимых деталей или устойчивых примет демонологических образов — черные волосы, черные глаза, ярко-красные губы,

---

[82] В воспоминаниях о встречах с писателем в 1925—1926 годах Е. Я. Данько рассказывала, как Сологуб убеждал ее в том, что Пушкин в образе Татьяны оклеветал женщину: «Какая женщина, если она любит, может сказать такую ложь, такую гнусную неестественную ложь: „Но я другому отдана и буду век ему верна". Кто это сказал когда-нибудь? Это ложь, ложь!» (*Данько Е. Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения // Лица: Биографический альманах. Вып. 1. С. 209—210).

[83] Уединенный домик на Васильевском. Рассказ А. С. Пушкина по записи В. П. Титова. С послесловием П. Е. Щеголева и Федора Сологуба. СПб., 1913. С. 58—59.

маскарадные костюмы иноверцев и т. п. — нагнетается особая «бесовская» атмосфера, которая постепенно распространяется на все повествование и, в конечном результате, становится его смысловой доминантой. Считал ли Сологуб себя учеником Пушкина, — нам неизвестно, но он, несомненно, учился у «великого мастера».

С момента появления «Мелкого беса» роман постоянно сравнивали с «Мертвыми душами»: «Так писал когда-то Гоголь. И „Мелкий бес" напоминает „Мертвые души" не только неуловимой, но несомненной родственностью писательского темперамента, но даже некоторыми внешними приемами, даже общими недостатками»;[84] «Невероятно чудовищна эта галерея: „мертвые души" русской провинции, в карикатуре изображенные Гоголем, — возвышенные создания в сравнении с удивительно мерзостными и нелепыми призраками, которыми населил свой город Сологуб»;[85] «Учитель Передонов — фигура столь мастерской и глубокомысленной лепки, что даже в „музее" Гоголя и Достоевского, даже наряду с фигурами Плюшкина, героев „Ревизора", Свидригайлова, отца и братьев Карамазовых она не потускнела бы, оставшись совершенным образцом житейской правды, „возведенной в перл создания"»[86] и т. п.

Критики сразу же обратили внимание на знакомую мрачную сатирическую интонацию и композиционный ход, заимствованный у Гоголя: в перспективе получить инспекторское место Передонов последовательно посещает всех влиятельных лиц в городе — «мертвые души».

Сологуба именовали «новым» Гоголем («законным преемником Гоголя», «последним сатириком дореволюционной России»),[87] а «Мелкого беса» вторыми «Мертвыми душами». «Если „Мелкий бес" Сологуба будет первым „Мелким бесом", а не вторыми „Мертвыми душами", — это ничуть не умалит его достоинств», — возражал против гоголевского «ярлыка», выданного автору, А. Измайлов.[88]

Писателю, тем не менее, понравилось это сопоставление, и в предисловии ко второму изданию книги он усилил «гоголевскую» тему: сравнил роман с искусно отшлифованным зеркалом («*Уродливое и прекрасное отражаются в нем одинаково точно*»). Сологуб умышленно отослал читателей к эпиграфу из «Ревизора» («*На зеркало неча пенять, коли рожа крива*») и одновременно — к своему эссе «Демоны поэтов». Во второй его части («Старый чёрт Савельич») он сравнил

---

[84] *Вергежский А.* [*Тыркова-Вильямс А. В.*] «Мелкий бес». Роман Ф. Сологуба // Речь. 1907. № 89. 17 апр.

[85] *Горнфельд А. Г.* Недотыкомка // Горнфельд А. Г. Книги и люди: Литературные беседы. СПб., 1908. С. 39.

[86] *Амфитеатров А.* Все равно // Утро России. 1907. 4 окт.

[87] *Блок А.* Собр. соч. В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 284.

[88] *Измайлов А.* Измельчавший русский Мефистофель и передоновщина // Русское слово. 1907. № 167. 21 июля. С. 1.

творчество Пушкина с «магическим зеркалом», запечатлевшим «*дьявольски-искаженное отражение, — но, однако, наиболее точное из всех*».[89]

Обе отсылки, по-видимому, вполне отвечали авторскому замыслу. Идею «Мертвых душ» и «Ревизора» Гоголю подсказал Пушкин. «Мелкий бес» можно также отнести к произведениям, созданным по пушкинской «подсказке».

---

[89] *Сологуб Федор*. Старый чёрт Савельич // А. С. Пушкин: Pro et contra. Т. 1. С. 408.

«ОБРАЗЦОВЫЙ РОМАН»

«Этот роман — зеркало, сделанное искусно».
Ф. Сологуб

По прошествии нескольких лет работы Сологуба над «Мелким бесом» художественный замысел произведения приобрел определенные очертания. Основополагающая для творчества символистов утопия о Красоте — глубинной сущности мира и преображающей силе бытия — трансформировалась в романе в миф о невозможности воплощения Красоты в земном бытии, которым движет «слепая злая воля», где царят хаос и энтропия. Ведущая метафизическая идея «Мелкого беса» утверждает земное бытие как Ариманов мир, игру Айсы, обман и кажимость.

В черновых бумагах Сологуба имеется запись: «Оригинальный прием. Герои романа иногда вставляют в свои речи слова, показывающие, что они не живые люди, а только фантомы автора. Можно даже для этого написать особый роман под заглавием: Образцовый роман. Основа — помешательство героя».[1]

Каждый из персонажей «Мелкого беса» — «фантом» автора, и каждый неуклонно воплощает его замысел, является участником соборного «бесовского действа». В образах всех героев, без исключения, отмечены черты бесоподобия, каждый из них определенным образом соотносится с нечистой силой.

Творец Ариманова мира — Передонов (боится ладана); Варвара — ведьма (создана силою «презренных чар», носит «чёрта в кармане»); Володин (баран-оборотень, с «рогами» и «копытами») — кощунственная травестия Доброго Пастыря; Вершина (черные одежды и табачный дым) и Грушина (серый цвет и пыль) — бесы женского пола, близнецовая пара; сестры Рутиловы — русалки, лукавые девы, ведьмы («ведьмы на Лысой горе»); Саша («глубокий брюнет. Глубокий, как яма») — змей-искуситель (сон Людмилы). К нечистой силе «причастны»: соотносятся: Мурин — от «мюрин», эфиоп (обозначение бесов в древнерусской литературе), Преполовенский — черноволос, Рубовский — прихрамывал, Скучаев — черноволос и черноглаз, Авиновицкий — с черной бородой с синеватым отливом и губами вампира, Верига — выпускает изо рта «струйки дыма» (табак в

---

[1] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 539. Л. 167.

православной традиции — «чертов ладан»), Мачигин — «пошаливает левою ножкою» и др. Все герои — участники маскарада (ряженые), многие в костюмах иноземцев и инородцев (в русской традиции они представляют бесов) и т. д.[2]

Символ Ариманова мира — многовидная Недотыкомка, один из самых запоминающихся демонологических образов романа. Имя образовано по аналогии с именами нечистой силы в народной традиции: *анчутка, луканька, окаянка* и др. Недотыкомка (*новгород.*) — недотрога; то, до чего нельзя дотронуться; в словаре В. Даля отмечены значения однокоренных слов: *недотыка, недотка, недотрога* — 1) грубое и редкое рядно, которое идет на частые бредни для ловли мальги, моли, малявки (т. е. мелкой рыбешки); 2) то (тот), до чего (кого) нельзя дотронуться; 3) сердитый, обидчивый, брюзгливый человек; 4) растение нетронь-меня из семьи мимоз.

Персонаж не имеет прямых аналогий в литературной традиции[3] и в фольклоре, но точно вписывается в систему народных демонологических представлений. Т. Венцлова отметил коннотации образа с фольклорными представлениями о нечистой силе. Недотыкомка возникает из клубов пыли, сообразно демонологической традиции: «На своих любимых местах (перекрестках и росстанях дорог) *черти* шумно справляют свадьбы (обыкновенно с ведьмами) и в пляске *подымают пыль столбом, производя то, что мы называем вихрями*».[4] Появление Недотыкомки во время свадьбы Передонова (чёрта) и Варвары (ведьмы), таким образом, неслучайно. Отличительные черты Недотыкомки — меоничность — подвижность, неуловимость, отсутствие определенных очертаний, «*то прикинется тряпкой, лентой, веткой, флагом, тучкой, собачкой, столбом пыли на улице...*», — также соотносятся с традицией: «Переверты всякого рода и разновидные перекидыши производятся чертями с такою быстротою и внезапною стремительностью, какой не в силах представить себе людское воображение ⟨...⟩. Черти оборачиваются: в ⟨...⟩ животных ⟨...⟩ неизвестных, неопределенного и странного вида. Перевертываются даже в клубки ниток, в вороха сена, в камни и пр.».[5]

---

[2] По мнению Л. В. Евдокимовой, «название сологубовского романа, а также особенности поэтики произведения, сюжетообразующими звеньями которого являются „рассыпанные" по страницам „Мелкого беса" фразеологизмы о чёрте, свидетельствуют о том, что Сологуб ориентировался прежде всего на мелкого беса народных поверий, на чёрта малых жанров фольклора, следуя особенностям народных верований» (*Евдокимова Л. В.* Мифопоэтическая традиция в творчестве Ф. Сологуба. Астрахань, 1998. С. 81). Подробный комментарий к демонологическим образам в «Мелком бесе» см. в указанной выше статье Томаса Венцловы «К демонологии русского символизма» (Венцлова Т. Собеседники на пиру. Статьи о русской литературе. Вильнюс, 1997).

[3] По мнению М. И. Дикман, образ Недотыкомки восходит к описанию чудовищного насекомого в романе Достоевского «Идиот» (ч. III, гл. 5 — исповедь Ипполита «Мое необходимое объяснение»). См. коммент. М. И. Дикман: *Сологуб Федор.* Стихотворения. Л., 1979. С. 601.

[4] *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 8.

[5] Там же. С. 11—12.

Одна из ее многочисленных эманаций, бесовских перевоплощений — Саша Пыльников («чистый оборотень» — говорит о нем Грушина). Оба персонажа появляются в романе одновременно — в двенадцатой главе. Подобно Недотыкомке Саша остается неуязвимым для Передонова (а также для Коковкиной, Хрипача, тетки, Людмилы, маскарадной толпы — до него «нельзя дотронуться»); оба не узнаны Передоновым на маскараде: Саша в «платье желтого шелка на красном атласе» и огненная Недотыкомка.[6]

«Недотыкомка ужасна своей бесформенностью. Ее природа характеризуется множественностью личин и отсутствием лица», — писал Чулков.[7] Образ восходит к идее Д. С. Мережковского о том, что дьявол есть бесформенное, безличное, скрывающееся за разными масками воплощение хаотического начала бытия или безлико-серое небытие[8] — представление, близкое традиционному богословскому[9] и к «Демонам пыли» В. Брюсова. Недотыкомка может быть воспринята и как вариант ведийской майи — символ материального мира.[10]

«Бытие» Передонова и окружающих его лиц предстает как дурная бесконечность антикультурных жестов — вселенского пакостничества и порчи, в соответствии с основным поведенческим кодексом: «Они тебе напакостили, а ты — отпакости» (гл. XX). Повествование насыщено описаниями антиэстетических и деструктивных сцен, эпизодами коллективного безобразия: пачкание стен на квартире у Передонова (гл. V); вечеринка у Грушиной (гл. XXII); венчание Передонова и Варвары (гл. XXIII) и т. п.

Апофеоз «передоновщины» (свинства, бесовства) — пандемонистская сцена маскарада (гл. XXIX—XXX). «Жизнь, которую он (Сологуб. — *М. П.*) описывает, — отметил критик, — это сама реальность и в то же время это какое-то дьявольское наваждение. Это не люди, это звериные маски, мелкие бесы, олицетворение всего низменного, злого, рабского, ничтожного...».[11]

«Передонов, — комментировал Г. Чулков, — как одно из тех животных, о которых повествует Евангелие: „Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней, и

---

[6] *Венцлова Т.* К демонологии русского символизма. С. 76.

[7] *Чулков Г.* Федор Сологуб. «Мелкий бес». Роман // Перевал. 1907. № 7. С. 54.

[8] *Мережковский Д. С.* Гоголь и чёрт. М.: Скорпион, 1906; ранее в публикации книги «Судьба Гоголя. Творчество, жизнь и религия» в журнале «Новый Путь» (1903. № 1—3).

[9] *Минц З. Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Творчество А. А. Блока и русская культура XX века. Блоковский сборник III. (Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Вып. 459). Тарту, 1979. С. 113; О литературных источниках образа см. также: *Соболев А.* «Мелкий бес»: к генезису заглавия // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 171—184.

[10] См. об этом: *Пустыгина Н. Г.* Символика огня в романе Федора Сологуба «Мелкий бес» // Блоковский сборник IX: Памяти Д. Е. Максимова. Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Вып. 857. Тарту, 1989. С. 124—137.

[11] *Вергежский А.* [*Тыркова-Вильямс А. В.*] «Мелкий бес». Роман Ф. Сологуба // Речь. 1907. № 89. 17 апр.

бросилось стадо с крутизны и потонуло". Передонов уже не человек, и погибает он не как человек: падает, как бесноватое животное, в темное озеро небытия. Свиная личина Передонова явлена нам, как вещий знак».[12]

На фоне всеобщей причастности к свинству и глупости безумие героя долгое время остается нераспознанным; «нормальность» Передонова претворяется в символ разрушительной сущности всего человеческого бытия. «Не одна провинциальная жизнь какого-то захолустного городишки, а вся жизнь в ее целом есть сплошное мещанство, сплошная передоновщина...», — писал Иванов-Разумник, анализируя метафизическую основу романа.[13] «Мы и не знали, нам и в голову не приходило, что пошлость может быть так безгрешна, так титанична, так вдохновенна; мы смеялись над нею с Гоголем, мы клеймили ее с Щедриным, мы тосковали над нею с Чеховым — и только Сологуб показал нам ее в Микеланджеловских размерах», — заключал К. Чуковский.[14]

Концепция неизбежности попрания Красоты в мире «трех измерений» находит подтверждение и в рассказе о юных любовниках — Саше и Людмиле. Согласно авторскому замыслу, подлинная Красота должна пребывать сокрытой, иначе ее удел — быть вечной пленницей Хаоса.[15] Эта мысль последовательно развивается

---

[12] *Чулков Г.* Федор Сологуб. «Мелкий бес» // Перевал. 1907. № 7. С. 54.

[13] *Иванов-Разумник.* Федор Сологуб // О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки / Сост. Ан. Чеботаревская. СПб., 1911. С. 16.

[14] *Чуковский К.* Поэт сквознячка (О Федоре Сологубе) // Свободные мысли. 1907. № 29, 3 окт. С. 3.

[15] В литературе о романе существуют противоречивые толкования сюжета. Традиция рассматривать любовные игры героев как преступление нравственных норм, как один из ликов передоновщины восходит к статьям А. Г. Горнфельда «Недотыкомка» (*Горнфельд А. Г.* Книги и люди: Литературные беседы. СПб., 1908) и В. Кранихфельда (по мнению критика, «Людмила — типичная обывательница русского города Свинска», — см.: *Кранихфельд В.* Литературные отклики. «Мелкий бес» // Современный мир. 1907. № 5. Отд. II); эту точку зрения разделял также М. Бахтин (см.: Запись лекций Михаила Бахтина об Андрее Белом и Федоре Сологубе / Публ. С. Бочарова. Коммент. Л. Силард // Studia Slavica Hungarica. 1983. Vol. 23. С. 232; *Бахтин М. М.* Собр. соч. Т. 2. М., 2000. С. 308); противоположное мнение (история светлой первой любви) высказывали А. Блок (*Блок А.* Собр соч. В 8 т. Т. 5. С. 127) и Ан. Чеботаревская (*Чеботаревская Ан.* К инсценировке пьесы «Мелкий бес» // О Федоре Сологубе. Критика, статьи и заметки. СПб., 1911. С. 333—334). В современной критической литературе бахтинский взгляд (любовная игра Людмилы и Саши — изнанка передоновщины) разделяют многие исследователи: Вик. Ерофеев (см.: *Ерофеев Виктор.* На грани разрыва. «Мелкий бес» Ф. Сологуба и русский реализм // В лабиринте проклятых вопросов. М., 1990. С. 94—95); Дж. Конноли (см.: *Connoly Julian W.* The Medium and the Message: Oral Utterances in *Melkij Bes* // Russian Literature. 1981. IX-4, 15 May. P. 363); Диана Грин (см.: *Greene Diana.* Insidious Intent: An Interpretation of Fedor Sologub's *The Petty Demon.* Columbus. Ohio, 1986. P. 36, 55, 67), Томас Венцлова (указ. соч.) и др. Нейтральную позицию в оценке сюжета заняли

в сцене маскарада: переодетый и не узнанный Саша едва не растерзан кровожадной толпой, пытавшейся сорвать с него маску и открыть его лицо.

Предмет особой рефлексии в авторском замысле — семантика имен героев. Как правило, в именах Сологуб закреплял некий условный поведенческий «код», с помощью которого можно вскрыть характер и путь именуемого и тем самым прояснить его сюжетную роль.

Фамилия *Вершина* восходит к слову «верша» — рыболовная снасть: на протяжении всего повествования Вершина пытается «уловить» Передонова для себя или Марты. Фамилия *Пыльников* связана с цветочной пыльцой. «„Пыльца" есть самая сущность материального мира, инобытия, псевдоним пыли; Саша Пыльников — еще один, при этом наиболее коварный „демон пыли"».[16]

Фамилия *Рутиловы*, вероятно, ботанического происхождения. *Рута пахучая* — многолетнее травянистое растение, серовато-зеленого цвета (при упоминании о Рутилове автор постоянно подчеркивает «чахлую бледность» его лица), растение ароматическое (появление Людмилы Рутиловой всегда сопровождается описанием ароматов туалетной воды или духов), в больших дозах — ядовитое. Рутилов как бы «одурманивает» Передонова, уговаривая жениться на одной из сестер («*Ты меня сегодня нарочно над дурманом водил, да и одурманил, чтобы с сестрами окрутить*»). Сестры — «беспощадные насмешницы», на протяжении всего действия «отравляют» Передонова ядом издевательств, подозрений и розыгрышей. Очевидному повреждению рассудка героя (на маскараде он устроил поджог) предшествует «ароматический налет» на него семейства Рутиловых, а также их «козыря» — переодетого и благоухавшего духами Саши Пыльникова. Фамилия Рутилов включается также и в другой семантический ряд. Настойчивость, с которой Ларион пытается женить Передонова на любой из сестер, — «обыграть» (*Зовет к себе в карты играть. ... пойду, и возьму с него штраф. И он еще от нас не уйдет...*) — позволяет предположить, что семантика фамилии *Рутилов* связана с карточным термином — *руте*. Рутировать или поставить на руте — поставить на ту же карту увеличенный куш. Рутилов буквально предлагает Передонову поочередно всех сестер, в надежде «получить куш», выдать их замуж.

Можно допустить, что фамилия Передонов образована от латинского глагола per-do, означающего: *губить, уничтожать, убивать, расстраивать, разрушать, портить, разорять, помрачать, тратить, проигрывать, терять*. Все одиннадцать значений глагола соответствуют деструктивным жестам Передонова, реализованным в повествовании. Появление гласной «е», возможно, компенсирует неблагозвучность фамилии в варианте прямого калькирования.

З. Г. Минц (*Минц З. Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов / Творчество А. А.Блока и русская культура XX века. Блоковский сборник III. Тарту, 1979) и Стенли Рабинович (см.: *Rabinowitz Stanley J.* Sologub's Literary Children. Columbus, Ohio, 1980. P. 71—89.

[16] *Венцлова Т.* К демонологии русского символизма. С. 76.

Имя Ардалион происходит от латинского — ardalio — суетливый человек, хлопотун, по другому предположению — праздношатающийся. Основное значение имени позволяет рассматривать героя как еще одну мутацию классического образа «маленького человека»: «инспекторское место» Передонова сродни «шинели» Акакия Башмачкина или «трем картам» пушкинского Германна. Вместе с тем начальные буквы имени повторяются в латинском глаголе ardeo — *сгорать, пылать, быть раскаленным*, который употреблялся в устойчивых словосочетаниях: сгорать от страсти, от ненависти, гореть жаждой мести. Передонов мучается страстным желанием получить «место» и ненавистью к «недоброжелателям». В отчестве *Борисович* присутствует корень «бор» (ср.: борьба, бороться), который также указывает на характер героя — боримого страстями и борющегося с «врагами».

В 1926 году на вопрос В. И. Анненского-Кривича о происхождении достаточно странной фамилии героя романа Сологуб заметил, что «Передонов — конечно — переделанное Спиридонов. Хотя модель носила другую фамилию».[17] Это признание не противоречит самому принципу и характеру «переделки», в процессе которой родилось имя, ставшее мифологемой, соответствовавшее авторскому замыслу и его прояснявшее.

* * *

Ни одна из попыток прокомментировать художественный замысел «Мелкого беса» не может быть названа окончательной или единственно верной. Произведение Сологуба, с момента его выхода в свет и до сегодняшнего дня, прочитывали и прочитывают на разных «языках»: как бытовой социальный роман, продолжающий традицию русской «разоблачительной» прозы (в прижизненной критике в подавляющем большинстве рецензий и откликов);[18] как роман, отражающий слом культурных эпох — пограничное произведение между реалистической традицией и модернизмом;[19] как «неомифологический» текст;[20] как гротеск в романтическом

---

[17] *Анненский-Кривич В. И.* Две записи / Публ. А. Соболева // Сологуб Федор. Творимая легенда. М., 1991. Кн. II. С. 225.

[18] Из современных работ: *Mills Judith M.* Expanding Critical Contexts: Sologub's *The Petty Demon* // Slavic and East-European Journal. 1984. Vol. 28, № 1. P. 15—31; отчасти: Greene Diana. Insidious Intent: An Interpretation of Fedor Sologub's *The Petty Demon*. Columbus, Ohio, 1986.

[19] *Ерофеев Вик.* На грани разрыва («Мелкий бес» Ф. Сологуба и русский реализм) // Ерофеев Виктор. В лабиринте проклятых вопросов. М., 1990. С. 79—101; впервые: Вопросы литературы. 1985. № 2.

[20] *Минц З. Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Творчество А. А. Блока и русская культура XX века. Блоковский сборник III. Тарту, 1979. С. 105—119; *Евдокимова Л. В.* Мифопоэтическая традиция в творчестве Ф. Сологуба. Астрахань, 1998. С. 69—108.

и модернистском понимании;[21] как религиозно-философскую аллегорию гностического толка;[22] как полифоническое произведение (в бахтинском смысле) в традиции романов Достоевского;[23] как развертывание мифа о Дионисе;[24] как языковой эксперимент;[25] как иллюстрацию психической патологии (алголагнический роман);[26] как «репродукцию» второго закона термодинамики (энтропии, распыления мира) — развертывание мифа «демонов пыли»;[27] как трансформацию классического плутовского романа;[28] как роман, содержание которого составляет ироническое и полемическое изложение истории русской литературы;[29] как эзотерический текст — «мистерия души» и «мистерия плоти»;[30] и т. д. и т. п. Вполне очевидно, что к названным прочтениям могут быть и еще будут добавлены новые и новые.

Многообразие смыслов, их неодномерность, «неуловимость», взаимная обратимость, сосуществование и способность со временем только умножаться определили судьбу «Мелкого беса» и его жизнь во времени. «Прехитрой вязью» игриво назвал Сологуб свое творение, — таковым оно продолжает оставаться и для нас, пытающихся угадать замыслы его сложного и лукавого плетения.

---

[21] *Ivanits Linda J.* The Grotesque in Fedor Sologub's Novel The Petty Demon // Sologub Fyodor. «The Petty Demon». Ann Arbor. 1983. P. 312—323.

[22] *Masing-Delic Irene.* Peredonov's Little Tear — Why is It Shed? // Ibid. P. 333—343.

[23] *Пантелей И. В.* Традиции Ф. М. Достоевского в романах Федора Сологуба. М., 1998.

[24] *Thurson Jarvis.* Sologub's Melkij Bes // Slavic and East European Review. Vol. 55. Nr. 1, January. 1977. P. 30—44; *Минц З. Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов; *Розенталь Шарлотта, Фоули Хелен П.* Символический аспект романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Русская литература XX века. Исследования американских ученых. СПб., 1993. С. 7—22; впервые: *Rosenthal Charlotte, Foley Helene.* Symbolic Patterning in Sologub's Melkij Bes // Slavic and East-European Review. 1982. Vol. 26. Nr. 1, spring. P. 43—55.

[25] *Connoly Julian W.* The Medium and the Message: Oral Utterances in Melkij Bes // Russian Literatute. 1981. IX-4. 15 May. P. 357—368.

[26] *Павлова М.* Из творческой предыстории «Мелкого беса» (Алголагнический роман Федора Сологуба) // Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. М., 1996. С. 328—354. Впервые: De Visu. 1993. № 9 (10). С. 30—42.

[27] *Венцлова Томас.* К демонологии русского символизма // Венцлова Томас. Собеседники на пиру. Статьи о русской литературе. Вильнюс. 1997. С. 72—74. Впервые: Christianity and the Eastern Slavs. Vol.3. University of California Press, 1995. P. 134—160.

[28] *Евдокимова Л. В.* Мифопоэтическая традиция в творчестве Ф. Сологуба. Астрахань, 1998. С. 87—108.

[29] *Пильд Леа.* Тургенев и отвергнутая сюжетная линия романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Пильд Леа. Тургенев в восприятии русских символистов. Тарту, 1999. С. 45—55.

[30] *Сергеева Е. В.* Проблемы мировоззрения и поэтики прозы Ф. К. Сологуба (художественная космогония романов «Мелкий бес» и «Творимая легенда»). Автореф. дис. ... к. филолог. н. Магнитогорск, 1998.

III. РАННЯЯ РЕДАКЦИЯ РОМАНА «МЕЛКИЙ БЕС»

«СМЕРТЯШКИН» ПРОТИВ «ШАРИКА»

...это вообще не пародия — или если таковая, то на образ, а не на личность...

Ан. Чеботаревская

1

В первоначальный замысел «Мелкого беса» входил самостоятельный сатирический сюжет о пребывании в городе двух посредственных столичных литераторов. Они приехали в провинцию изучать местные нравы. По свидетельству автора, оба персонажа, Скворцов и Степанов, выступавшие в печати под псевдонимами Шарик и Тургенев, также имели свои прототипы, а сам сюжет возник под впечатлением знакомства автора в Крестцах с конкретными лицами, имен которых он не открыл.[1] Это сюжетная линия появилась одновременно с основными — «передоновской» и «рутиловской». Оба персонажа названы в списке действующих лиц, приложенном к черновому автографу «Мелкого беса».[2]

Эпизоды, повествующие о приключениях Тургенева и Шарика, входили в повествовательную ткань романа, композиционно не выделялись в самостоятельную новеллу и были исключены из текста только на последней стадии работы над «Мелким бесом». В апреле 1912 года писатель опубликовал изъятые фрагменты (не в полном объеме) под заголовком «Сергей Тургенев и Шарик» в газете «Речь»,[3] — через пять лет после выхода романа отдельной книгой. Ни в одно прижизненное издание «Мелкого беса» эти главы, однако, он не включил.

В свете творческой истории романа акт изъятия из него сравнительно больших по объему эпизодов, органически связанных со всей его повествовательной тканью, заслуживает особого внимания. Содержание отвергнутой сюжетной линии помогает воссоздать оригинальный авторский замысел «Мелкого беса», а также проясняет причину, по которой Сологуб был вынужден пожертвовать художественной целостностью уже законченного произведения и отказался от его полной версии.

В современной критике главы из романа, напечатанные в «Речи», были прочтены как злобный пасквиль на Горького;[4] так же воспринял их и Горький; весной

---

[1] *Аякс* [*Измайлов А.*]. У Ф. К. Сологуба (Интервью) // Биржевые ведомости. 1912. Веч. вып. № 13151. 19 сент. С. 5—7.

[2] *Сологуб Федор*. Мелкий бес. Роман. Черновой автограф // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 96. Л. 2 об.

[3] *Сологуб Федор*. Сергей Тургенев и Шарик. Ненапечатанные эпизоды из романа «Мелкий бес» // Речь. 1912. № 102. 15 апр. С. 2; № 109. 22 апр. С. 3; № 116. 29 апр. С. 2.

[4] Лит. наследство. Т. 72: Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М., 1965. С. 346 (примеч. В.Н. Чувакова).

1912 года он писал Л. Андрееву: «Началась в литературе русской какая-то — странная портретная полоса ⟨...⟩ старичок Тетерников размалевал меня...».[5] На памфлет Сологуба Горький ответил памфлетом — в том же году он напечатал в газете «Русское слово» сказку о Смертяшкине (сказка III из цикла «Русские сказки»); разразился скандал.

Первая попытка прокомментировать инцидент между писателями была предпринята А. Л. Дымшицем при подготовке издания «Мелкого беса» 1933 года (изд-во «Academia»). Дымшиц намеревался включить эпизоды, повествующие о Тургеневе и Шарике, в приложение к основному тексту романа, в составе вариантов, в связи с чем им была написана статья «Максим Горький и Федор Сологуб (К истории одного пасквиля)». Возможность републикации этих фрагментов обсуждалась издательством совместно с Горьким (в архиве сохранилась статья Дымшица и текст соответствующих эпизодов из романа с правкой Горького).[6] Писатель не возражал против включения в книгу «пасквильных глав», о чем сообщил издательству «Academia» в письме от 7 января 1933 года;[7] тем не менее главы «Сергей Тургенев и Шарик» и сопроводительная статья Дымшица в издании «Мелкого беса» напечатаны не были.[8] Примечательно в этой связи, что инициатива переиздать роман исходила непосредственно от Горького. В 1928 году, корректируя пятилетний перспективный план ГИЗа по изданию классиков, он рекомендовал включить в него роман «Мелкий бес»: «Из всей прозы Сологуба это, — на мой взгляд, — единственная книга, которую следует издать ⟨...⟩ Все, что до Сологуба писалось о педагоге — „человек в футляре" — покрыто, завершено Сологубом. Книга эта требует предисловия, которое ⟨дало⟩ бы хорошую картину эпохи, „передоновщины". Необходимо указать на роман „Мелкий бес" Г. Манна, почти совершенно аналогичный роману Сологуба».[9]

Однако Н. К. Крупская считала нецелесообразным издавать Сологуба.[10]

---

[5] Там же. С. 345.

[6] АГ. Рав-пГ 17-17-1; Рав-пГ 41-5/1. Пометы Горького на этих текстах относятся исключительно к исправлению опечаток.

[7] *Горький М.* Собр. соч. М., 1956. Т. 30. С. 275.

[8] Материалы неопубликованной статьи А. Л. Дымшица были использованы в исследовании: *Никитина М. А.* М. Горький и Ф. Сологуб (к истории отношений) // Горький и его эпоха. Исследования и материалы. М., 1989. Вып. 1. С. 185—203; автор прослеживает основные этапы контактов писателей (в том числе и заочных) в период с 1896-го по 1921 годы.

[9] М. Горький и советская печать. В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 289 (Архив А. М. Горького. Т. X).

[10] Там же. С. 290. Возможно, Крупская не учла мнение Ленина о «Мелком бесе» Сологуба: в статье «К вопросу о политике Министерства народного просвещения» (1913) он отметил общественно-политическое значение романа, назвав «заслуженнейшим Передоновым» некоего государственного чиновника (*Ленин В. И.* Поли. собр. соч. М., 1961. Т. 23. С. 131, 132).

Личное знакомство Сологуба и Горького состоялось не ранее декабря 1905 года,[11] то есть после публикации «Мелкого беса» в журнале «Вопросы жизни» (1905. № 6—11), из чего следует, что в годы работы над романом автор не имел возможности «слепить с натуры» своего героя. Высказывания Сологуба о происхождении персонажей — Тургенева и Шарика — носили несколько противоречивый характер.

В 1912 году в интервью, данном А. А. Измайлову для газеты «Биржевые ведомости», писатель заметил: «Из „Мелкого беса" я намеренно вырезал страницы, где описан приезд в провинциальный город двух литераторов и их там приключения. Сделал я это единственно из опасения, что здесь будут искать живых людей, хотя на самом деле я передал тут только свои старые впечатления, вынесенные мною из приезда некогда в уездный город, где я жил, двух петербургских посредственных литераторов 〈...〉 в моем рассказе действительно увидели памфлет, и одна газета распознала в одном из героев — Горького, хотя я писал эти главы, когда еще Горького не было в помине».[12]

В то же время, в личной переписке с критиком, в декабрьском письме 1912 года Сологуб сообщал: «...в главах, которые я не включал в текст „Мелкого беса" и напечатал отдельно в „Речи" нынче весною, есть, правда, кое-какие намеки на Горького (речь в буфете), но есть много и такого, что на образ Горького не натягивается. Списаны эти два писателя не с Горького, а с двух литераторов, с которыми я встретился в Крестцах в 1884 г., и уже потом прибавлено кое-что из позднейших наблюдений».[13]

Из приведенных комментариев следует, что в процессе работы над романом Сологуб сначала абстрагировал персонажи от конкретных лиц, а затем переадресовал их — создал образы, отсылавшие читателей к хорошо известным и пользовавшимся популярностью фигурам.

В конце 1890-х годов о Горьком писали почти все столичные газеты и журналы. Интерес к нему резко возрос после выхода в 1897—1898 годах двух томов его «Очерков и рассказов» и завершения в 1899 году в «Жизни» публикации «Фомы Гордеева». На волне стремительно усиливавшейся популярности Горького редакция «Жизни» 4 октября 1899 года устраивает в честь него банкет (это был его первый приезд в Петербург). На торжестве присутствовало около 80 человек — видные представители литературы, журналистики, искусства и науки, сотрудники «Жизни», «Русского богатства», «Мира Божьего» и только что закрытого «Начала». В числе приглашенных были также Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, с которыми Сологуб был дружен.

---

[11] По предположению М. А. Никитиной, первая встреча Сологуба и Горького состоялась 3 января 1906 года на «литературном утре» у Вяч. Иванова (см. указ. статью — с. 187).

[12] *Аякс* [*Измайлов А.*]. У Ф. К. Сологуба (Интервью)...

[13] Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 237.

В кругу Мережковских, несомненно, обсуждали появление Горького в петербургском литературном мире, а также его не вполне корректное поведение на банкете. «Отвечая на обращенный к нему тост, который был встречен аплодисментами, Горький допустил неловкость, простительную для неопытного оратора: он сказал, что „на безлюдье и Фома дворянин". Неловкость сгладил В. А. Поссе, он сказал, что в присутствии Михайловского и Короленко нельзя считать русскую литературу „безрыбьем"».[14]

4—5 октября Горький писал Е. П. Пешковой: «Струве говорил мне речь. И — представь! — отвечая ему, я всех, незаметно для себя, обругал. Увы мне! А впрочем — чорт с ними. Все это в сущности сволочь, а не литература».[15]

По-видимому, устные отзывы Мережковских о Горьком, с которым после нескольких встреч у них сложились отношения конфронтации,[16] оказали определенное влияние на Сологуба в его отношении к писателю. Информацию о «герое дня» он также мог получить и непосредственно от Ф. Ф. Фидлера, с которым встречался на «пятницах» К. К. Случевского.[17]

Приезд Горького стал столичной сенсацией и широко муссировался в литературной и окололитературной среде. Почти ежедневно писатель встречался с большим числом лиц, причастных к журналистике или хорошо известных в кругах петербургской интеллигенции. 7 октября он посетил Ф. Ф. Фидлера, у которого встретил М. Н. Альбова и К. С. Баранцевича; 8 октября обедал у В. Г. Короленко вместе с Н. К. Михайловским, Н. Ф. Анненским и С. Я. Елпатьевским; 14 и 18 октября виделся с Л. Я. Гуревич; 17 октября присутствовал на ужине у издательницы «Мира Божьего» А. А. Давыдовой, на котором были также Мережковские.[18]

---

[14] *Скриба* [*Соловьев Е. А.*]. О В. Г. Короленко // Одесские новости. 1903. № 6033. 22 июля. С. 2.

[15] *Горький М.* Поли. собр. соч. Письма. В 24 т. М., 1997. Т. 1. С. 363.

[16] В письме к Е. П. Пешковой от 18 октября 1899 года Горький рассказывал: «Я видел вчера, как Гиппиус целовалась с Давыдовой. До чего это противно! Они обе терпеть не могут друг друга, обе рассказывают друг о друге изумительные мерзости. Сколько здесь лжи, сколько хитрости!» (Там же. С. 370). О первых встречах Горького с Мережковским см.: *Петрова М. Г.* Первый приезд Горького в Петербург (октябрь 1899) // Горький и его эпоха. Исследования и материалы. М., 1989. Вып. 2. С. 46—47.

[17] Сологуб регулярно посещал «пятницы» К. К. Случевского (см.: *Сапожков С.* «Пятницы» К. К. Случевского (по новым материалам); Альбом «пятниц» / Публ. С. Сапожкова // Новое литературное обозрение № 18 [1996]) и систематически вел записи, в которых отмечал присутствовавших на вечерах литераторов; среди участников «пятниц» 8 и 15 октября 1899 года были Мережковские и Ф. Ф. Фидлер, уже встречавшиеся с Горьким. См.: *Сологуб Федор.* Записи о посещении разных лиц, театров и литературных вечеров. 1889—1913 // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 81. Л. 36 об.

[18] Летопись жизни и творчества А. М. Горького. М., 1958. Т. 1. С. 243.

Популярности Горького немало способствовали его выступления в студенческой аудитории 17 и 21 октября, имевшие оглушительный успех. В газетах первый приезд писателя в столицу получил весьма скромное освещение, но даже по этим немногочисленным откликам можно составить представление о впечатлении, произведенном Горьким на петербургскую общественность. В частности, газета «Одесские новости» писала: «...его имя, поставленное в числе участников какого-либо литературного вечера, заранее обеспечивало последнему самый выдающийся успех... Молодежь искала случая видеть этого писателя и, может быть, в его глазах прочесть программу будущего. Портрета Горького добивались настойчиво и почти болезненно... Копии с нижегородской карточки, продававшиеся среди молодежи с благотворительной целью, имели самое широкое распространение».[19]

Вполне очевидно, что, при отсутствии личных контактов с Горьким у Сологуба не было недостатка сведений о нем, как устных, так и печатных, и он воспользовался ими в период работы над «Мелким бесом». В рукописной версии текста содержатся явные портретные, биографические и цитатные указания на «первогероев», одним из которых был Горький. В черновом автографе романа в главе XV на полях имеется авторская помета: «С портрета Горького» (тетрадь 23, л. 392).

В сатирически сниженном изображении внешности Шарика и его манеры говорить легко угадываются окарикатуренные черты облика прототипа: «Шарик был детина длинный, тощий, рыжий, с косматыми волосами. Называл он себя обыкновенным парнем 〈...〉 повадки имел преувеличенно грубые 〈...〉 Шарик рубил и грубил».[20] В воспоминаниях о раннем Горьком, в письмах Горького к Пешковой и переписке разных лиц можно обнаружить немало свидетельств, указывающих на его особенную экспрессивную манеру речи, в которой присутствовал нарочитый «вызов» интеллигентному обывателю. «Припомните М. Горького в зените его славы, — вспоминал современник, — какие он хамские штучки откалывал бывало, перед публикой, когда она зазёвывалась на своего кумира!».[21]

24 октября 1899 года В. С. Миролюбов писал А. П. Чехову: «Он (Горький. — *М. П.*) изрыгает хулу на Питер и хочет всех описать. Подвертывающихся ругает... и доводит девиц до слез, ибо говорит „наплевать мне на вашу культуру". Молодежь его тут как-то спрашивала, какова его программа и что он хочет сказать своими писаниями, как он пишет: „Как пишу? — Видел босяков, тех описывал; увидел купцов, написал о них; теперь вот вас начну описывать; а что касаемо программы, так по-моему программный человек похож на полено". — Всеобщее оцепенение... Боюсь, как бы он не увлекся этим озадачиванием и не привык к нему».[22]

---

[19] *Слово-Глаголь* [*Гусев С. С.*]. Наброски и недомолвки. Противоречия // Одесские новости. 1900. № 4990. 18 июня. С. 2.

[20] См.: с. 350 наст. изд.

[21] *Матвеев Ф.* Стилизованные хамы // Русская земля. 1910. № 146. 7 июля.

[22] М. Горький. Материалы и исследования. М.; Л., 1933. С. 41.

В 1908 году Ф. Ф. Фидлер после встречи с писателем отметил в дневнике: «Держался Горький как всегда естественно, хотя и напускал на себя легкую грубость. Часто употреблял для украшения речи такие выражения, как „черт его знает" или „черт его дери" как в одобрительном, так и в бранном смысле».[23]

Персонаж Сологуба также предпочитает экспрессивные и бранные выражения. Диалоги Шарика и Тургенева построены по принципу «озадачивания».

Уже сам говорящий псевдоним писателя Скворцова (Шарик) содержит намек на происхождение и демократические симпатии автора рассказов о босяках и «бывших людях», а его фамилия отзывается комической перверсией романтических образов «Песни о Соколе» и «Песни о Буревестнике». Оба тома «Очерков и рассказов» были прочтены Сологубом; в его материалах к прозе сохранилась запись, озаглавленная «Мещанское в словесности», свидетельствующая о пристальном внимании к творчеству Горького, отдельные фрагменты этой записи проецируются в текст «Мелкого беса»:

> «Провинциализм сказывается в литературе. Все истинно-талантливое и технически-сносное тянется в столичные органы. Для провинц⟨иальной⟩ печати остается или бесталанность или талантливое сырье. Иногда, — за последнее время часто, — это сырье попадает в столичную прессу. Это почти и неизбежно, при нежелании критики признать во всем объеме ту эволюцию, которая происходит в настоящей литературе. Провинц⟨иализм⟩ в литературе — нечто мелкое, необразованное. Талантливые представители его — Горький, Мельшин, Гарин.
>
> Горький. Незнание его. Что такое философия и метафизика. Зачем говорить об этом?
>
> Мельшин. Малые среди великих. Снимание шапок. Оценка человеческих достоинств. Прежде человека ценили по отношению к другим: хищный — покоряет, смирный — служит. Теперь — тем и хорош, что человек. Пренебрегается свидетельство истории и соврем⟨енной⟩ жизни о всех гадостях человека. И даже против своей же теории об обезьяне, — все же человеч⟨еское⟩ достоинство. Отсюда шапочные истории. А сами мелкие, ничтожные. Во всем сказывается. Эти писатели ничего не возводят к общему. Они талантливы, да что талант? Земля кипит талантами.
>
> Декаденты — тонкие люди. — М. Горький II, 350.
>
> Горький любит употреблять слово „гибкий": гибкая женщина — II, 14, 291; гибкий баритон — II, 293; ⟨гибкий⟩ мальчик — II, 305; голос без вибраций — II, 293.
>
> Хорошие лирич⟨еские⟩ описания испорчены грубыми словами. — Горький II, 292.
>
> Волшебно красиво. Дивно и гармонично. Звуки — гирлянды разноцветных лент — II, 292.

---

[23] *Азадовский К.* Ф. Фидлер. Встречи с Горьким // Лит. обозрение. 1984. № 8. С. 105.

> Бывшие люди! 〈...〉 Зеленоватые глаза Мальвы. Кое-что из декадентства 〈...〉 Горький не знает убийства, ужаса и т.д. Когда приходит убийство (рассказ босяка) или смерть (бывшие люди), он умалчивает. Студент-убийца вовсе не дан. Впечатление смерти показано внешними чертами».[24]

Сологуб был не единственный, кто видел в прозе Горького мещанское начало: под таким же углом зрения (мещанство — внекультурность) воспринимали его творчество в окружении Мережковских. В мещанстве Горького изобличали Н. М. Минский, Д. В. Философов, З. Н. Гиппиус.[25]

Литературный портрет сологубовского персонажа также вполне «натягивался» на писательский образ Горького, созданный в критике: «Он считал себя самым новым человеком в России и очень любопытствовал знать, что будет после символизма, упадничества и прочих новых тогда течений. Шарик называл себя нитшеанцем. Впрочем, он еще не читал Нитше в подлиннике, по незнанию немецкого языка. О переводах же слышал, что они очень плохи, и потому их тоже не читал. Рассказы Шарик писал в смешанном стиле Решетникова и романтизма тридцатых годов. Герои этих рассказов всегда имели несомненное сходство с самим Шариком. Все это были необыкновенные, сильные люди».[26]

Представление о Горьком — «новом человеке» и «свежем таланте» в журнальных обзорах и статьях конца 1890-х годов было едва ли не штампом. Замечание Сологуба по поводу внимания писателя Скворцова к «новой литературе», по-видимому, содержало отсылку к статье Горького «Поль Верлен и декаденты», напечатанной в 1896 году в «Самарской газете» (№ 81, 12 апреля; № 85, 18 апреля). Наряду с французским символизмом в сфере внимания раннего Горького находилась также современная живопись. В цикле «Беглые заметки» (Нижегородский листок. 1896. Май—октябрь) и статьях «С Всероссийской выставки» (Одесские новости. 1896. Июнь—июль) он обращался к полотнам Врубеля с весьма резкой критикой его творчества.[27] Сологуб, возможно, был знаком с содержанием

---

24 ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 538, конверт 12. Сологуб приводит цитаты по изданию: *Горький М.* Очерки и рассказы. СПб., 1898. Т. II.

25 См.: *Минский Н. М.* М. Горький. Очерки и рассказы. СПб., 1898. Т. 1 // Новости и Биржевая газета. 1898. № 138. 21 мая. С. 2; *Философов Д. В.* 1) О «лжи» Горького // Новый путь. 1903. № 6; 2) Завтрашнее мещанство // Там же. 1904. № 11; *Антон Крайний. [Гиппиус З. Н.].* Выбор мешка. Углекислота // Новый путь. 1904. № 1.

26 См. с. 749—750 наст. изд.

27 См.: *Горький М.* Собр. соч. М., 1953. Т. 23. С. 161—187, 193—197. В статье «М. Врубель и „Принцесса Греза" Ростана» Горький, в частности, писал: «О, новое искусство! Помимо недостатка истинной любви к искусству, ты грешишь еще и полным отсутствием вкуса»; «В жизни достаточно непонятного и туманного, болезненного и тяжелого и без фабрикантов фирмы Врубель, Бальмонт, Гиппиус и К°» и т. п. (С. 165, 182). См. также его «Ответ А. А. Карелину» и др.

этих статей. В 1896 году он послал Горькому свою первую книгу, на которую тот отозвался неблагожелательной рецензией («Еще поэт») в «Самарской газете».[28]

Несомненной аллюзией на раннюю прозу Горького является упоминание о ницшеанстве рассказчика Скворцова. Одновременно с появлением в 1898 году в «Русском богатстве» статей Н. К. Михайловского «О г. Максиме Горьком и его героях» и «Еще о г. Максиме Горьком и его героях» (№ 9—10) в критике сложилась традиция рассматривать раннюю прозу писателя в свете философских идей Ф. Ницше: в героях «Очерков и рассказов» видели производное от индийских «чандалов», сближали «босяков» и «сверхчеловека» по признаку имморализма и антиинтеллектуализма. «Свободолюбивый дерзкий босяк оказался как бы живою иллюстрациею сверхчеловеческих влечений и сверхчеловеческого культа», — писал А. Волынский.[29]

В среде символистов, за редким исключением,[30] Горького осуждали за незнание и непонимание Ницше, упрекали в поверхностном следовании моде, вульгаризации идей философа. В рецензии на первый том «Очерков и рассказов» Минский отмечал: «...г. Горький изображает не просто босяков, а каких-то сверх-босяков и сверх-бродяг, проповедников какого-то нового провинциального ницшеанства и приазовского демонизма ⟨...⟩ видеть в философии г. Горького отражение ницшеанства или индивидуализма Ибсена я не решаюсь. Если эти учения и в самом деле отразились в миросозерцании молодого беллетриста, то в весьма искаженном виде, и едва ли кто-нибудь из последователей Заратустры согласится на замену сверхчеловеческой свободы русской удалью и стремления по ту сторону добра и зла бегством по ту сторону Кубани».[31] В еще более резкой форме обвинение в опошлении идей мыслителя прозвучало в статье Философова «О „лжи" Горького».

При создании образа Шарика Сологуб опирался на самое тривиальное представление о Горьком, сложившееся в критике; однако, чтобы выдержать общий сатирический тон повествования, он целенаправленно прибегал к профанации горьковских идей и художественных образов.

Писатели Скворцов и Степанов знакомятся с Передоновым, в котором готовы видеть «нового человека» — «могуче-злое зачуяли они в нем», Скворцов-Шарик «наметил его себе в герои следующего гениального романа». Во время знакомства

---

[28] *А. П.* Еще поэт // Самарская газета. 1896. № 47. 28 февр.

[29] *Волынский А.* Критика и библиография. М. Горький. Очерки и рассказы. СПб., 1898 // Северный вестник. 1898. № 10—12. С. 209.

[30] Ср., например, мнение Брюсова: «Зашла речь о Горьком. Мережковские бранили его жестоко. Я защищал и не без успеха» (*Брюсов В. Я.* Дневники. М., 1927. С. 96); см. также дарственную надпись Брюсова Горькому на книге стихов «Tertia vigilia»: «Максиму Горькому, сильному и свободному, жадно любящий его творчество Валерий Брюсов. 1900. Октябрь» (Летопись жизни и творчества А. М. Горького. М., 1958. Т. 1. С. 285).

[31] *Минский Н.* М. Горький. Очерки и рассказы... С. 2.

между ними происходит разговор «о лежачих». «Да, вот говорят, — лежачего не бить! Что за ерунда! Кого же лупить, как не лежачего! Стоячий-то еще и не дастся, а лежачему то ли дело! В зубы ему, в рыло ему, прохвосту!.. Падающего надо толкнуть?» — спрашивал Шарик. «Да, — отвечал Передонов, — а мальчишек и девчонок пороть, да почаще, да побольнее, чтобы визжали по-поросячьи».[32]

В диалоге прочитывается цитата из романа Горького «Фома Гордеев» («А ежели который слабый, к делу не склонен — плюнь на него, пройди мимо»; «В гнилой доске — какой прок? Ты оставь ее, пускай в грязи лежит, по ней пройти можно, чтоб ног не замарать...»).[33]

В завершение эпизода автор прямо называет литературный источник, посредством которого «вводит» в повествование имя прототипа: «Это выше Фомы Гордеева!», — восклицает Шарик.

В более или менее откровенной форме Сологуб постоянно намекает на Горького. В сатирическом ключе он вставляет в речь Шарика мысли и высказывания, которые по своему пафосу напоминали горьковские («буржуазно-либеральную пошлость надо опрокидывать всеми способами. Пошлого буржуа надо ошеломить, чтобы он глаза выпучил...»), или измененные, но узнаваемые цитаты из произведений писателя («Он выдумывал свой сон... В этом сне были и ширококрылый орел, — сам Шарик, — и змея, и ворон, и кроваво-ротые тюльпаны, распустившиеся на лазорево-голубых куртинах»); в издевательском спиче прокурора Авиновицкого по адресу писателей использованы цитаты из рассказов Горького «Старуха Изергиль» и «Ошибка».

Указанием на прототип Шарика служит также упоминание в его писательской биографии о Решетникове и романтизме 30-х годов. Как известно, Горький среди своих предшественников называл автора «Подлиповцев»; на банкете в редакции «Жизни» он говорил: «Что я в самом деле открыл нового? Прямо-таки сказать — ничего. И до меня босяки были, и о них писали. У Решетникова мало разве об этом?».[34]

В автобиографическом рассказе «Коновалов» булочник Максим пытается отвлечь своего приятеля от запоя чтением о решетниковских Пиле и Сысойке. О «марлинизме» в ранней прозе Горького писали не реже, чем о его ницшеанстве, от Гиппиус до Буренина (например: «Тот фальшивый, давно забытый в нашей литературе тон, который когда-то назывался „марлинизмом", как будто отзывается отдаленным эхом при чтении даже наиболее удачных очерков г. Горького, посвященных босякам. ⟨...⟩ Я боюсь, что г. Горький как живописец босяков представляется в некотором роде Марлинским наших дней»).[35]

---

[32] См. с. 351 наст. изд.

[33] *Горький М.* Полн. собр. соч. В 25 т. М., 1969. Т. 4. С. 211 (слова Игната Гордеева).

[34] *Филиппов М. М.* О Максиме Горьком // Научное обозрение. 1901. № 2. С. 104—105.

[35] *Буренин В.* Критические очерки // Новое время. 1900. № 8805. 1(14) сент. С. 2.

Портретные и цитатные указания на прототип Сологуб дополнил пародийными эпизодами, в которых весьма вольно использовал широко известные факты биографии Горького (именно из-за этих эпизодов главы и сочли пасквилем). «Кандидаты в российские знаменитости», «цвет и соль интеллигенции во главе со знаменитым Шариком», «душевные парни», будучи в нетрезвом виде, попадают в полицейский участок. Они уверены, что этот, «один из массы прискорбных фактов русской действительности ⟨...⟩ перейдет в вечность. Когда-нибудь в „Русской Старине" появятся мои мемуары. Там все это будет описано подробно и сочно», при этом Шарик намеревался писать о случившемся в немецкую и шведскую газету и устроить «скандал на всю Европу», которая должна знать, что «Россия еще не имеет европейской гражданственности, свободы печати, свободы передвижения без паспорта...».[36]

С 1889 года Горький почти беспрерывно находился под негласным надзором и неоднократно задерживался полицией по подозрению в связях с социал-демократическими кружками. Сологуб мог не знать этих биографических подробностей, но факт ареста Горького в мае 1898 года, по-видимому, был ему известен: об его освобождении хлопотали И. Е. Репин и баронесса В. И. Икскуль, имевшие самые широкие связи среди петербургской интеллигенции (постоянными гостями в салоне баронессы были Мережковские). Кроме того, сам Горький не раз заявлял, что своей известностью он обязан прежде всего департаменту полиции, который сделал ему рекламу.[37]

В начале 1900-х годов популярность Горького приобрела колоссальный размах не только в России, но и за рубежом. В 1904 году вышел сборник «Иностранная критика о Горьком», в котором были помещены переводы статей о его произведениях с нескольких языков (опубликованных в европейской печати в конце 1890— начале 1900-х годов); в 1903 году в берлинском «Kleines Theater» пьеса «На дне» выдержала 500 представлений. (Справочник С. Балухатого «Критика о Горьком» [1934] приводит за девять лет с 1895 по 1904 год — 1855 названий различных публикаций о Горьком, позднее список был дополнен).

Герои Сологуба — посредственные литераторы Скворцов и Степанов — воображают себя фигурами мирового значения, борцами за свободу, которых притесняет полицейское государство; их поведение адекватно передоновскому: Ардальон Борисыч мнит себя вольнодумцем, неугодным начальству, опасается доносов и заключения в Петропавловскую крепость.

Аллюзия на известный факт биографии Горького содержится также в рассказе о присутствии писателей на маскараде. 28 октября 1900 года в Московском Художественном театре на представлении «Чайки» во время антракта, в буфете, восторженные поклонники Горького устроили ему овацию, которую он был вынужден прервать замечанием о ее неуместности. Инцидент широко обсуждался в прессе, и писатель был вынужден прокомментировать его в печати.

---

[36] См. с. 368 наст. изд.

[37] *Азадовский К.* Ф. Фидлер. Встречи с Горьким. С. 105.

18 ноября в «Северном курьере» было опубликовано его письмо в редакцию. «Говоря с публикой, я не употреблял грубых выражений: „глазеете", „смотрите мне в рот", и не говорил, что мне мешают пить чай с А. П. Чеховым, которого в это время тут не было ⟨...⟩ Я сказал вот что: „Мне, господа, лестно ваше внимание, спасибо! Но я не понимаю его. Я не Венера Медицейская, не пожар, не балерина, не утопленник; что интересного во внешности человека, который пишет рассказы? ⟨...⟩ И как профессионалу-писателю мне обидно, что вы, слушая полную огромного значения пьесу Чехова, в антрактах занимаетесь пустяками"».[38]

Сологуб, несомненно, был знаком с этой публикацией, однако, в соответствии с его художественным замыслом, ему было необходимо представить инцидент в стилистике газетных преувеличений.

Определенный набор портретных и биографических указаний и намеков на конкретное лицо Сологуб вложил также в собирательный образ писателя Сергея Тургенева (Степанова). «...Я — внук простонародья, я — племянник ворожащего горя, я — родич всероссийского скитальчества и ведовства», — представляется герой, в образе которого угадываются намеки на поэта и прозаика, выходца из крестьян, Скитальца (*Степана* Гавриловича Петрова). При активной поддержке Горького он дебютировал в 1900 году в журнале «Жизнь» рассказом «Октава»; псевдоним «Скиталец» он взял себе потому, что, подобно своему «литературному отцу», много странствовал; Горький настаивал на выборе Петровым этого псевдонима.[39]

«Если в жизни Скитальцу пришлось претерпеть много невзгод, то в литературной карьере на его долю, напротив того, — вспоминал С. А. Венгеров, — выпала редкая удача, которою он, главным образом, обязан тем, что его имя постоянно было связано с именем Горького, который не пропускал случая подчеркивать свою дружбу со Скитальцем. ⟨...⟩ И вот он попадает и один, и вместе с Горьким на всякого рода открытки, даже в галереи больших фототипий, а сборник его рассказов выдерживает ряд изданий и расходится в нескольких десятках тысяч. Эта крупная известность не соответствовала действительным размерам очень скромного дарования Скитальца».[40]

В пародийном писательском сюжете «Мелкого беса» Сологуб использовал известный в литературной среде факт дружеской близости Горького и Скитальца. Они познакомились в 1898 году в редакции «Самарской газеты», в которой оба сотрудничали. В 1899 году Скиталец гостил у Горького в Васильсурске, затем в 1900 году жил у него продолжительное время — учился писать и «спасался от пьянства».[41]

---

[38] *Горький М.* Поли. собр. соч. Письма. В 24 т. М., 1997. Т. 2. С. 67—68.

[39] Горький писал В. С. Миролюбову: «Псевдоним — ни в каком случае изменять нельзя, об этом усиленно прошу. Это очень важно для меня, Петрову — безразлично. ⟨...⟩ Пускай кто хочет, смеется, потом я попытаюсь заставить задуматься над такой штукой, как Скиталец, — не Петров, а вообще скиталец» (там же. С. 64).

[40] *Венгеров С. А.* Скиталец // ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 1. № 67. Л. 3.

[41] Ср. в письме Петрова брату Аркадию от 10 декабря 1900: «Я живу на полном иждивении Горького. Под его влиянием я быстро развиваюсь, развертываюсь. Горький возится со мной как с ребенком. Нянчится, учит меня, заставляет до бесконечно-

Период пребывания Скитальца в Васильсурске широко отражен в переписке. В июне 1899 года Горький сообщал В. С. Миролюбову: «Он (Скиталец. — *М. П.*) приезжал недавно ко мне, пил водку, и мы пели песни. Талантливый он, и хорошее у него сердце»;[42] в ноябре 1900 года ему же: «Петров — растет, дай ему Боже всего доброго! ⟨...⟩ В деле его воскресения из пьяниц ты должен мне помочь ⟨...⟩».[43]

31 января 1901 года Горький рассказывал Л.В. Средину: «Живет у меня один, певчий, по имени Скиталец, человек удивительно играющий на гуслях и пьющий на основании солидных мотивов. Он знает, что Папа Пий IX и X Лев — оба страшно пили и „даже любили дев". А раньше их еще „Аристотель мудрый, древний философ — продал панталоны за сивухи штоф", равно как и „Цезарь, сын отваги, и Помпей герой, — пропивали шпаги тою же ценой". Столь солидные примеры не могли не побудить нас к подражанию, тем более, что „даже перед громом пьет Илья пророк гоголь-моголь с ромом или чистый грог!" От такого подражания древним ⟨Леонид⟩ Андреев в настоящее время лежит в клинике проф. Черинова, а я — поздоровел и учусь играть на турецком барабане, ибо — довольно литературы! Сим извещаю вас, м. г., что мною образована странствующая „Кобра-Капелла". ⟨...⟩ Весною она предпринимает пешее кругосветное путешествие по разным странам. Цель ее — отдых от культуры, средство — музыка и питание»,[44] и т. п. (В пародийном сюжете в «Мелком бесе» странствующие литераторы непрестанно пьют и «протестуют» против культуры).

В апреле 1901 года Горький и Скиталец были арестованы по обвинению в связях с революционными кругами и противоправительственной пропаганде. Горький был освобожден по состоянию здоровья (процесс в легких). Скиталец провел в тюрьме три месяца. Очевидно, отзвуки этих событий нашли отражение в «Мелком бесе» — в сатирическом повествовании о ночи, проведенной героями в кутузке: Тургенев злорадствует по поводу «спинной сухотки» Шарика в надежде, что она сведет его в могилу; писатели произносят обвинительные тирады «презренной России» («русские тускло горящие фонари символизируют русское невежество, русскую темноту, русскую пустынную отсталость. Все в России гадко!» и т. д.); Тургенев декламирует монолог о темнице («Сырой мрак, голые стены, смрад, ядовитый удушливый смрад», и т. д.).[45]

Центральный мотив отношений героев («Шарик и Тургенев завидовали друг другу. Оба они считали себя кандидатами в российские знаменитости») в представлении Сологуба, по-видимому, также имел место в личных отношениях «пер-

---

сти переделывать мои работы. При таких хлопотах даже бездарного человека можно выучить писательству» (*Милютин Иван*. Незабываемые встречи. Из воспоминаний. Челябинск, 1957. С. 83).

[42] *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма. Т. 1. С. 344.

[43] Там же. Т. 2. С. 67.

[44] Там же. С. 102.

[45] См. с. 369 наст. изд.

вогероев». Творческое становление Скитальца происходило под сильным влиянием ранней романтической прозы Горького. В критических обзорах начала 1900-х годов имена писателей нередко соединяли, а также весьма нередко упрекали Скитальца в подражании Горькому или даже копировании его манеры. «Иногда г. Скиталец пытается проявить порывистую романтическую мощь Горького, которая, по-видимому, пленяет его воображение»;[46] «Они (стихи Скитальца. — *М. П.*) по большей части хорошо задуманы и неуклюже написаны. И все они представляют собой перепевы „Песни о Соколе" и „Буревестнике" г. Горького. Только сокол и буревестник заменяются местоимением „я"».[47]

Первый том сочинений Скитальца («Знание», 1902), как известно, был не только составлен Горьким, но и тщательно им отредактирован; ни одно из 22-х стихотворений книги он не оставил без своих исправлений, иногда дописывал за автора целые четверостишья.[48] В «Мелком бесе» Шарик укоряет Тургенева: «Вообще, вы мастер ляпать такие поэтические словечки, в которых больше поэзии, чем правды».[49]

Образ Сергея Тургенева, однако, не одномерен, его содержание не исчерпывается пародийным указанием на прототип.[50] В речи героя содержатся элементы пародии на языковые штампы и расхожие клише массового декадентства: «Он думал, что его печаль — печаль великой души, томящейся в бедных оковах лживого бытия, и гордился своею печалью»; сентенция Тургенева: «Зеленоокие коты, любящие на кровлях, выше человеческого жилья, — вот прообраз сверхчеловека»; его же реплика о Передонове: «Как он демонически зевает... как глубоко символична эта мрачная зияющая реакция на банальную скуку пошлой жизни!», о Варваре: «Здесь есть что-то такое наивное, первоначальное, почти прерафаэлитское», и т. п.

Вследствие своей многоплановости и соотнесенности с разными литературными феноменами образ Тургенева может быть интерпретирован и с позиции конкретной литературной ситуации 1890-х годов, и на уровне более широких культурно-исторических обобщений.[51]

---

[46] *Коробка Н.* Рассказы Скитальца // Образование. 1902. № 9. Отд. II. С. 41.

[47] См. рец.: [*Б.п.*] Новые книги. Скиталец. Рассказы и песни. СПб., 1902. Т. 1 // Русское богатство. 1902. № 9. Отд. II. С. 19.

[48] См. вступительную статью и примечания С. В. Касторского: М. Горький и поэты «Знания». Л., 1958 («Библиотека поэта». Большая серия).

[49] См. с. 356 наст. изд.

[50] Высказывалось предположение, что прототипом Тургенева мог быть А. И. Куприн (см.: *Пустыгина Н. Г.* Символика огня в романе Федора Сологуба «Мелкий бес» // Блоковский сборник IX: Памяти Д. Е. Максимова. Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Тарту, 1989. Вып. 857. С. 131).

[51] По мнению Л. Пильд, отвергнутая сюжетная линия романа «представляет собой практически единственный из ставших известными читателю художественных текстов, где Сологуб в форме пародии эксплицирует свою концепцию истории русской литературы»; см.: *Пильд Леа.* Тургенев в восприятии русских символистов (1890—1900-е годы). Тарту, 1999. (Гл. II: Тургенев и отвергнутая сюжетная линия романа Ф. Сологуба «Мелкий бес». С.45—55).

Возможная переадресовка образа Сергея Тургенева не исключает основную тенденцию отвергнутого сюжета «Мелкого беса»: Сологуб стремился к сатирическому изображению идейно-эстетических противников («горчат» и «подбрюсиков» — эпигонов декадентства). В этой связи существенным представляется вопрос о месте отвергнутой сюжетной линии в художественном замысле произведения.

Тургенев и Шарик представляют близнецовую пару героев по отношению к Передонову и Володину. Не случайно в черновом автографе «Мелкого беса» авторская помета «С портрета М. Горького» была сделана на полях рядом с фрагментом: «Передонов... уселся в своем обычном положении: локти на ручки кресла, пальцы скрещены, нога на ногу»,[52] — характерная поза Горького, зафиксированная на фотопортретах.

В главе XXV окончательного текста имеется ироническое замечание: «Теперь Володин держит письмо, а потом заберет в свои когти и все бумаги, и назначение, и поедет в инспекторы, а Передонов останется здесь *горьким босяком*».

Персонажи соотносятся в плане идейного содержания. Главный герой романа осмыслялся критикой как «измельчавший русский Мефистофель».[53] В сатирических образах Тургенева и Шарика — тот же литературный тип «скитальца в родной земле», доведенный Сологубом до карикатуры, до полного измельчания. Наделив Степанова-Скитальца псевдонимом Тургенев, автор романа отослал читателей к пушкинской речи Ф. М. Достоевского, которая, как известно, была обращена ко всем «русским скитальцам» и насыщена выпадами против западников, в том числе против создателя «Рудина» и «Отцов и детей». По наблюдению Л. Пильд, облик Сергея Тургенева ориентирован прежде всего на Кармазинова из «Бесов» — пародию Достоевского на И. С. Тургенева.[54]

Идейный параллелизм «передоновского» и «писательского» сюжетов в первоначальном замысле сопровождался параллелизмом композиционным. Отношения внутренней дистрибуции в парах героев повторяются по принципу «зеркальности»: Шарик является отражением Передонова, Тургенев — Володина. Характерные черты облика учителя русской словесности — угрюмость, грубость, свирепость — Сологуб копирует в портрете писателя-«учителя жизни» Шарика («повадки имел преувеличенно-грубые», «рубил и грубил»; «сохранял преувеличенно-насмешливое и угрюмое выражение»; «угрюмо заявил: „А я желаю дать в морду какому-нибудь мерзавцу!"»; «свирепо произносил бранные слова» и т. д.).

Садистические жесты «стегальных дел мастера» синонимичны нереализованным стремлениям Шарика бить «лежачих». По-видимому, не случайно в заметках о прозе Горького Сологуб отметил: «А дерутся в рассказах у Максима Горького много. И не потому, что того требует избранная тема, а потому, что искренно ис-

---

[52] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 96. Л. 392.

[53] *Измайлов А. А.* Измельчавший русский Мефистофель и «передоновщина» // О Федоре Сологубе: Критика. Статьи. Заметки. СПб., 1911. С. 16.

[54] См.: *Пильд Л.* Тургенев в воспоминаниях русских символистов (1890—1900-е годы). С. 46—48.

поведуется вера в спасительность приложения кулачной силы к разрешению житейских запутанностей...»;[55] «Дерутся, бьют, порют в каждом фельетоне. Какой-то сплошной садизм, психологически совсем не объясненный» (о повести «Детство» Горького).[56]

Володин — обидчив, восторжен, приторно-мягок (его речь изобилует уменьшительными суффиксами), его жесты бессмысленно механичны. Соответственно Тургенев — «суетлив и ласков», обидчив и «застенчив», напыщенно восторженный и мечтательный («мечтательно закатывал под лоб тусклые глазенки»).

Тождественность близнецовых пар подчеркивается единообразной лексикой героев и структурой диалогов. Речь Володина лишена самостоятельного содержания и смысла, является рефреном, «эхом» речи Передонова, при этом только Передонов, в силу своей *целлюлярности, нарциссизма,* реагирует на его сентенции. Аналогичный характер носят высказывания Тургенева («никто не был поражен силою и страстностью его речи, — точно комар пропищал»).

Изоморфизм сюжетных линий усиливается параллелизмом действий персонажей (обе пары героев непрестанно пьют и безобразничают), а также «зеркальными» эпизодами. Ситуация гипотетического сватовства Тургенева и Шарика к Грушиной с целью погубить друг друга неудачной женитьбой является отражением марьяжного конфликта Передонова и Володина из-за Варвары, разрешившегося реальной гибелью Володина. Передоновская сплетня о барышне Пыльниковой отрефлектирована в гипотезе писателей об андрогинизме Саши («парень-девка»), высказанной на обеде у Хрипача. Сон Володина, в котором он видел себя «бараньим царем» («на троне в золотой короне»), в редуцированном виде отзывается в сновидении Тургенева («я был царевич, прекрасный и юный»).

Разрушительные потенции Шарика и Тургенева, как правило, носят характер бесплотной копии (зеркальной симметрии) агрессивных жестов их двойников: Передонов и Володин пакостничают действием, Тургенев и Шарик — помыслом и словом. Сцена пачкания обоев («за ужином все напились допьяна, даже и женщины. Володин предложил попачкать стены: все обрадовались; немедленно, еще не кончив есть, принялись за дело и неистово забавлялись. Плевали на обои, обливали их пивом, пускали в стены и потолок чертей из жеваного хлеба») имеет рефлексию в писательском сюжете: Авиновицкий обвиняет Тургенева и Шарика в том, что в своих сочинениях они «оплевывают» русскую жизнь. В ответ на гневную филиппику прокурора Тургенев восклицает: «О, презренная родина! 〈...〉 как бы я желал одним плевком оплевать все русское!».[57]

Важное место в серии «зеркальных» эпизодов занимают профетические диалоги героев о «светлом будущем»; Сологуб вводит их с целью профанации идей общественного прогресса и философии «надежды» — пародирует грезы чеховских героев о счастливой жизни через двести—триста лет.

---

[55] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 538.
[56] *Сологуб Федор.* Заметки // Дневники писателей. 1914. № 1. Март. С. 17.
[57] См. с. 373 наст. изд.

Полное отождествление персонажей происходит в заключительной сцене маскарада, посредством реплики Шарика, брошенной разгулявшейся толпе: «Глазеть на меня нечего, у меня такое же рыло, как у всякого здешнего прохвоста».[58]

Уподобление героев отвечало авторскому замыслу. Создавая роман, Сологуб совершенно сознательно «метил» в Горького, олицетворявшего в своем творчестве революционные надежды либерально-демократического сознания. В идеалах общественной борьбы, исповедуемых автором «Песни о Буревестнике» или поэмы «Человек», Сологуб предчувствовал катастрофический нигилистический пафос (в духе автора «Бесов»; перекличка названий двух романов, очевидно, имела идеологический характер).[59]

«Мелкий бес» стал своеобразной инвективой по отношению к «На дне»: «передоновщина» всецело дискредитировала горьковскую тезу «человекобожества», провозглашенную Сатиным («Чело-век! Это — великолепно! Это звучит... гордо!»).[60] Симптоматично, что роман Сологуба, большая часть которого была напечатана в «Вопросах жизни» в год первой русской революции, в период общественного подъема, остался тогда почти без внимания современников и приобрел чрезвычайную популярность лишь в последующие годы. В 1908—1910 годах он переиздавался пять раз, общим тиражом более 15 тысяч экземпляров.

В своем прогнозе о разрушительном влиянии художественного творчества и идейной позиции Горького на русское общество Сологуб не был одинок. Его предчувствия разделяли В. В. Розанов, Мережковские, Д. В. Философов. В частности, З. Гиппиус писала, что «проповедь» Горького несет с собой опасность уничтожения культуры, поскольку она освобождает человека «от любви, от нравственности, от имущества, от знания, от красоты, от долга, от семьи, от всякого помышления о Боге, от всякой надежды, от всякого страха, от всякого духовного или телесного устремления и, наконец, от всякой воли, — она — не освобождает лишь от инстинкта жить. И в конце этих последовательных освобождений — восклицание: „человек — это гордо!" 〈...〉 У такого освобожденного от всего существа, во-первых, нет чем гордиться, а во-вторых — оно совершенно не человек. Зверь? 〈...〉 от человека — в последнее зверство, конечное, слепое, глухое, немое, только мычащее и смердящее».[61]

Эти слова могут служить комментарием к заключительным строкам «Мелкого беса»: «Передонов сидел понуро и бормотал что-то несвязное и бессмысленное». Картина грядущей катастрофы (торжество хамодержавия), представленная Гиппиус в статье «Выбор мешка. Углекислота» (1904), по своему смыслу синоним-

---

[58] См. с. 365. наст. изд.

[59] О текстуальных перекличках между «Мелким бесом» и «Бесами» см.: *Соболев А.* «Мелкий бес»: к генезису заглавия // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 175—177.

[60] *Горький М.* Поли. собр. соч. В 25 т. М., 1970. Т. 7: Пьесы. С. 177.

[61] *Антон Крайний [Гиппиус З. Н.]* Выбор мешка. Углекислота... С. 258—259.

на социально-историческому обобщению Сологуба, получившему имя — «передоновщина».

Вполне вероятно, что обсуждение вопроса о судьбе России, особенно остро стоявшего перед русской общественной мыслью на рубеже столетий, не входило в творческий замысел автора романа. Между тем на страницах «Мелкого беса» (особенно его ранней редакции) этот вопрос получил своеобразное решение. «Персонаж Сологуба, — комментировал Андрей Белый, — всегда из провинции, и страхи его героев из Сапожка: баран заблеял, недотыкомка выскочила из-под комода, Мицкевич подмигнул со стены — ведь всё это ужасы, смущающие смертный сон обывателя города Сапожка. Сологуб — незабываемый изобретатель сапожковских ужасов. Обыватель из Сапожка предается сну (не после ли гуся с капустой?); при этом он думает, что предается практическим занятиям по буддизму: изучает состояние Нирваны, смерти, небытия; не забудем, что добрая половина обитателей глухой провинции — бессознательные буддисты: сидят на корточках перед темным, пустым углом. Сологуб доказал, что и, переселяясь в столицы, они привозят с собой темный угол: доказал, что сумма городов Российской империи равняется сумме Сапожков. В этом смысле и пространства великой страны нашей суть огромнейший Сапожок».[62]

Сологуб предложил свой миф национальной истории: в его романе Россия предстает Аримановым царством, страной без будущего, покорная единственной неизменной стихии — «передоновщине», движимой необратимой волей к всеобщему распаду и хаосу. Передонов разрушает ее «тело», Шарик развращает «душу» и пробуждает асоциальные инстинкты. В современной русской жизни нет и не может быть никаких творческих сил. В свете исторической перспективы последующих лет роман об одержимости и безумии Передонова неожиданно получал провиденциальное звучание. (В этой связи Шариков — герой повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» — предстает как «духовное чадо» писателя Шарика). Реальное течение русской жизни первых десятилетий века, с точки зрения писателя, всецело подтвердило прозорливость художественной и исторической концепции «Мелкого беса» («Ты эти предсказал кошмары, / Где Передонов — комиссар!» — писал Сологуб в 1926 году).

2

История публикации ранней редакции романа сложилась неблагоприятно. Сологуб активно предлагал рукопись «Мелкого беса» в журналы, но ее не решались печатать. 15 декабря 1903 года он обращался к редактору «Наблюдателя» Алек-

---

[62] *Белый Андрей.* Далай-Лама из Сапожка (О творчестве Ф. Сологуба) // Весы. 1908. № 3. С. 64. О своеобразии мифа национальной истории в «Мелком бесе» см. также: *Ерофеев Виктор.* В лабиринте проклятых вопросов. М., 1990. С. 88—100.

сандру Петровичу Пятковскому: «Соблаговолите, наконец, известить меня, угодно ли Вам принять к напечатанию в „Наблюдателе" мой роман „Мелкий бес", доставленный мною в конце июня. Я много раз заходил в редакцию, и не мог узнать о судьбе рукописи. Письма мои оставались без ответа»[63] (письмо от 30 октября с аналогичной просьбой было оставлено без ответа). Вероятно, тогда же Сологуб предлагал роман Александру Яковлевичу Острогорскому — редактору-издателю журнала «Образование»[64] и вновь получил отказ.

В июне 1904 года он писал В. Брюсову: «Не возьмет ли у меня „Скорпион" роман „Мелкий бес"? „Новый Путь" хотел его напечатать, но мы не сошлись. Зинаида Николаевна, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, рассказывала Вам об этом досадном происшествии и, конечно, со свойственной ее простодушной несправедливостью, видела в этом мою жадность. А я не жаден, а просто неимущ. О моем романе и о гонораре за него я уже имел беседу с Г. Семеновым».[65]

25 июня он вновь обращался к Брюсову: «Дела мои стали очень скверны. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ придется уйти со службы. А денег у меня нет. Вот, не возьмет ли „Скорпион" напечатать мой роман „Мелкий бес" и главное, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ мне очень нужны деньги, то „Скорпион" очень обяжет меня, если вышлет за роман гонорар теперь».[66] В течение двух лет все попытки пристроить роман были безуспешными.

Задолго до публикации в «Вопросах жизни» «Мелкий бес» был прочитан членами редакции «Нового Пути». Издатель журнала Петр Петрович Перцов вспоминал: «Помню толстую кипу разграфленных ученических тетрадей в традиционной обложке, в которых Сологуб, в своем качестве учителя, писал это, столь не педагогическое, произведение».[67]

«Помню первое знакомство с Передоновым, много лет назад, — вспоминала З. Гиппиус, бывшая одним из редакторов журнала. — Помню кипу синеньких ученических тетрадей из магазина Полякова, исписанных высоким, ясным почерком Сологуба. Их было очень много, но, не перебрав все, — невозможно было

---

[63] ИРЛИ. Ф. 556. Оп. 1. № 146. Л. 1—2.

[64] О предложении Сологуба напечатать роман в журнале «Образование» см.: *Клейнборт Л. М.* Встречи: Федор Сологуб / Публ. М. М. Павловой // Русская литература. 2003. № 1. С. 202.

[65] РГБ. Ф. 386. Карт. 103. № 25. Л. 36.

[66] Там же. Л. 37 об. В письме от 17 октября 1905 года Сологуб предлагал издательству «Скорпион» выпустить «Мелкого беса» отдельным изданием (там же. Л. 3); в это время роман печатался в «Вопросах жизни». В 1906 г. Сологуб пытался также договориться об издании книги — с И. Т. Сытиным (см. письмо Сологуба к Г. Чулкову от 18 января 1907: РГБ. Ф. 371. Карт. 4. № 76. Л. 17) и с Рябушинским (см. недатированное письмо Н. П. Рябушинского к Сологубу: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 601. Л. 8). Ответное письмо с отказом см.: РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. № 207.

[67] *Перцов П. П.* Литературные воспоминания. 1890—1902. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 182.

остановить чтение. В романе попадалось еще много колючих резкостей, исключенных потом автором, — но Передонов стоял, как и стоит: во весь рост».[68]

Сологуб читал «Мелкого беса» у себя на «воскресеньях» в Андреевском училище. Содержание романа, вероятно, обсуждали в его ближайшем литературном окружении, и он мог учесть отдельные критические пожелания слушателей. В частности, он принял во внимание замечания о перенасыщенности текста эротическими и садо-мазохистскими сценами и снял целый ряд эпизодов.

В январе 1929 года в письме к Д. Е. Максимову Перцов сообщал: «„Мелкий бес" был забракован собственно мною, п⟨отому⟩ ч⟨то⟩ я считал рискованным для журнала помещение такой „эротической" вещи, когда нас и без того подозревали во всех содомских грехах. Ведь тогда в литературе еще господствовала традиционная pruderie ⟨показная добродетель — *фр.*⟩, и только после 1905 г. последовало разрешение на все. А наше положение *религиозного* журнала было особенно щекотливым».[69]

«Горьковская» тема «Мелкого беса», напротив, вполне соответствовала идейно-эстетической платформе «Нового Пути» и не могла подвергнуться критике со стороны Мережковских и Философова, возглавлявших журнал. Особую позицию при обсуждении глав о писателях мог занимать только издатель. В конце 1903 года Перцов вынашивал план реорганизации журнала на основе гипотетического тандема с Горьким, однако редакционной политикой «Нового Пути» фактически руководили Мережковские, для которых союз с «горчатами» был неприемлем, а кроме того, в начале 1904 года Перцов полностью устранился от издания.[70]

Сюжет о писателях был отвергнут позднее — на стадии журнальной публикации романа. Л. М. Клейнборт вспоминал, что Сологуб, при личном свидании с ним, показывал ему рукопись «Мелкого беса» и, в частности, отмечал изменения, которые были внесены редакцией «Вопросов жизни».[71] В поздней рукописи романа сохранились единообразные перечеркивания отдельных сцен и целых глав, многие из которых затем были опущены в публикации. В комплекс вычеркнутых фрагментов входили главы о Тургеневе и Шарике. Таким образом, изъятие из текста «горьковской» темы произошло под непосредственным прессингом на Сологуба со стороны редакции журнала.

«Вопросы жизни» издавались вместо бывшего «Нового Пути» с 1905 года и просуществовали год. После выхода из редакции Мережковских и Философова ее возглавили С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Д. Е. Жуковский и Г. И. Чулков (в 1904 году он был приглашен Мережковскими на должность секретаря «Нового Пути», затем заведовал отделом критики и беллетристики «Вопросов жизни»).

---

[68] *Гиппиус З.* Слезинка Передонова // О Федоре Сологубе. Критика. Статьи и заметки. СПб., 1911. С. 74.

[69] РНБ. Ф. 1136. № 34. Л. 28.

[70] См.: Письма З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову / Публ. М. М. Павловой // Русская литература. 1991. № 4. С. 124—127; 1992. № 1. С. 148.

[71] *Клейнборт Л.* Встречи: Федор Сологуб. С. 203.

Именно Чулков настоял на публикации в журнале «Мелкого беса»; он вспоминал: «Еще будучи сотрудником „Нового Пути" в 1904 году, я неоднократно слышал от Мережковских упоминания об этом романе. Редакторы журналов не решались его печатать, считая роман слишком рискованным и странным. Боялись либеральной цензуры. Познакомившись с Сологубом, я попросил его дать мне прочесть роман. Он охотно согласился и рассказал при этом, как он послал свой роман решительно во все редакции, и ни один журнал не согласился его напечатать. К концу 1904 года, когда я расстался с Мережковскими и вместо „Нового Пути" стал выходить журнал „Вопросы жизни", я предложил редакции взять у Сологуба его роман. Н. А. Бердяева мне удалось склонить на согласие без труда, но со стороны С. Н. Булгакова и некоторых других я встретил упорное сопротивление. Федору Кузьмичу, ныне покойному, так, вероятно, и осталось неизвестным, какую борьбу я выдержал внутри редакции, добиваясь опубликования романа, ставшего теперь классическим».[72]

В письме от 5 июля 1930 года к Д. Е. Максимову Перцов комментировал неточность, допущенную мемуаристом: «Чулков ошибся относительно неприятия „Мелкого беса": veto на нем поставил я, а не Мережковские (которые колебались, подкупаемые качествами романа), и не по „боязни либеральной цензуры" (?), а просто потому, что нас, при тогдашнем ригоризме, могли закрыть за такую „порнографию" (роман в рукописи гораздо «красочнее», чем теперь) — особенно ввиду соседства с „религиозным" материалом. Да и по существу выходило нечто вроде виньеток Бёрдсли в „Мире Искусства" среди воззваний Мережковского».[73]

Примечательно, что ни в одном из известных комментариев к истории первой публикации «Мелкого беса» «горьковская» тема романа никогда не упоминалась не только как возможное препятствие к его изданию, но и как таковая.

Редакция «Вопросов жизни» не благоволила к группе «Знание», но и не вступала с нею в открытую конфронтацию. Осенью 1904 года Горький не исключал для себя возможность сотрудничать в предполагавшихся «Вопросах жизни» («идеалисты» вошли в состав «Нового пути» в октябре 1904), хотя и высказывал опасения, что «гг. реалисты не вышибут гг. мистиков из „Нового Пути", а — сольются с ними».[74]

В свою очередь, С. Н. Булгаков в программной статье о редакционной политике отмечал: «Можно мириться с умеренным натурализмом, к которому в сущности

---

[72] *Чулков Г.* Годы странствий. М., 1999. С. 165—166.

[73] Письмо Перцова к Д. Е. Максимову по поводу публикации главы из воспоминаний Чулкова в журнале «Звезда» (1928. № 1) см. в комментариях А. В. Лаврова: *Перцов П. П.* Литературные воспоминания 1890—1902. М., 2002. С. 409—410. Чулков, тем не менее, обращал свои замечания к редакторам журналов, отказавшим Сологубу печатать роман, а не конкретно к редакторам «Нового Пути».

[74] *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма. Т. 4. С. 136 (письмо К. П. Пятницкому от 18 сент. 1904 года).

в большинстве принадлежит поколение молодых беллетристов, группирующихся около „Знания"».[75]

Лидеры журнала не могли не считаться с радикализмом Горького, хотя и не разделяли его политическое кредо. В частности, Бердяев осуждал горьковский гуманизм с религиозных позиций: «„Человек" — пример безбожного, а значит, „плоского" утверждения личности».[76]

Вместе с тем, внутри редакции «Вопросов жизни» Горький имел своего адепта — в лице Чулкова, литератора с революционным прошлым (в 1902 — в тюремном заключении за нелегальную деятельность и связи с социал-демократами, затем ссыльный, освобожден по амнистии, вплоть до 1904 года находился под негласным надзором в Нижнем Новгороде). Несмотря на свою близость с символистами и причастность к литературно-групповым интересам, Чулков симпатизировал Горькому. В целом же отношение к писателю в «Вопросах жизни» было сдержанным. Маловероятно, что на страницах журнала могли появиться материалы наподобие «новопутейских» статей Гиппиус и Философова или сатирических глав о Тургеневе и Шарике из «Мелкого беса».

Не в пользу публикации ранней редакции романа была и конкретная общественная ситуация конца 1904—начала 1905 года. Накануне январских событий 1905 года Горький принял участие в писательской депутации к С. Ю. Витте и П. Д. Святополк-Мирскому с просьбой предотвратить катастрофу 9 января. Через несколько дней он был арестован в числе других участников протеста и несколько недель провел в заключении в Петропавловской крепости. С. А. Венгеров вспоминал: «Весть об аресте Горького произвела огромную сенсацию в Европе, где она распространилась вместе с известием, будто Горького ждет смертная казнь. Этому вполне поверили. ⟨...⟩ Во всех европейских странах, не исключая отдаленной Португалии, собирались митинги и образовались комитеты, посылавшие телеграммы и адресы о помиловании».[77]

Политическая обстановка и настроение революционного подъема 1905 года исключали возможность появления романа, содержавшего памфлетные выпады против Горького, в оппозиционном органе с радикально-демократической платформой. Сологуб был вынужден внести изменения в текст «Мелкого беса». Отчасти по тем же идеологическим мотивам он не смог восстановить отвергнутые главы впоследствии в отдельном издании романа (изд-во «Шиповник», 1907); один из руководителей издательства «Шиповник» — З. И. Гржебин — был достаточно тесно связан с Горьким в революционную пору.

---

[75] *Булгаков С.* Без плана. «Вопросы жизни» и вопросы жизни // Вопросы жизни. 1905. № 2. С. 354.

[76] *Бердяев Н.* О Новом религиозном сознании // Вопросы жизни. 1905. № 9. С. 186.

[77] *Венгеров С. А.* М. Горький // Русская литература XX века (1890—1910) / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М.: Мир, 1915. Т. 1. С. 197.

В последующие годы внешние и внутренние обстоятельства жизни писателя также не благоприятствовали появлению романа в исправленной редакции: за два года (1908—1910) книга переиздавалась в «Шиповнике» пять раз. Очевидно, Сологуб не успевал участвовать в столь стремительном издательском процессе, а возможно, и не хотел, поскольку роман пользовался успехом и обрел самостоятельное бытие. События личной жизни Сологуба также не располагали его к активному ведению дел. Летом 1907 года он похоронил сестру, с которой была связана вся его жизнь; одновременно его уволили в отставку из Андреевского училища, тогда же ему пришлось оставить казенную квартиру и заниматься поисками новой. Следующий 1908 год прошел под знаком сближения с Ан. Н. Чеботаревской и последовавших радикальных перемен в его жизни.[78]

Седьмое издание романа (СПб.: Сирин, 1913) Сологуб подготавливал к печати на фоне скандала с Горьким 1912 года. Это обстоятельство не способствовало включению в роман глав о Тургеневе и Шарике (писатель опасался дальнейшего обострения конфликта с автором сказки о Смертяшкине). Не подлежит сомнению, что отвергнутая сюжетная линия не могла быть восстановлена и в тексте следующего прижизненного издания «Мелкого беса» (1923), осуществленного З. И. Гржебиным, которого с Горьким по-прежнему связывали дружеские отношения. Политическая ситуация также не способствовала реставрации в романе отвергнутого оригинального сюжета.

---

[78] О переменах, произошедших в жизни Сологуба после его женитьбы на Ан. Н. Чеботаревской, см.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская // Вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 290—385.

IV. ИСТОРИЯ ТЕКСТА РОМАНА «МЕЛКИЙ БЕС»

«Я шлифовал его долго, работая над ним усердно».

Ф. Сологуб

История текста романа может быть восстановлена с помощью обширного комплекса материалов. Его основу составляют рукописи: наброски и фрагменты пратекста (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 537), черновой автограф ранней редакции (там же. № 96), беловой автограф ранней редакции (РНБ. Ф. 724. № 2 и № 3).

Рукописный текст «Мелкого беса» не был окончательным. Сологуб продолжал работу над романом и после 1902 года, и в период его публикации в «Вопросах жизни», и во время подготовки первого отдельного издания (СПб.: Шиповник, 1907), и затем седьмого издания (СПб.: Сирин, 1913. Т. 6).

КАРТОТЕКА ПРАТЕКСТА. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Самые ранние наброски «Мелкого беса» сохранились на карточках (всего 246 листов) размером 1/6 листа школьной тетради. Карточки вложены в конверт с авторской пометкой «Мелкий бес» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 537). Отдельные наброски встречаются также в аналогичной картотеке к роману «Тяжелые сны» (там же).

Работа Сологуба над прозаическим произведением всегда строилась по заведенному порядку: первоначально текст фиксировался на карточках в виде набросков, затем после отбора фрагментов и авторской правки писатель переносил его из картотеки в тонкие тетради или блокноты. Новообразованная рукопись представляла собой, как правило, черновой автограф, на основе которого создавались варианты текста; на следующем этапе появлялся беловой автограф.

Картотека «Мелкого беса» содержит текст XXIII—XXXII глав романа, перенесенный впоследствии в черновую рукопись с минимальной авторской правкой. На карточках зафиксированы: повествование о маскараде, объяснение Саши у Хрипача, посещение Екатериной Васильевной Пыльниковой сестер Рутиловых, визит Людмилы к Хрипачу с целью защитить Сашу от обвинений в разврате и заключительная глава, в которой рассказывается об убийстве Володина.

Наряду с законченными фрагментами в картотеке присутствуют развернутые планы и немногочисленные наброски отдельных глав. Сопоставление этих отрывочных записей с поздними вариантами текста позволяет конкретизировать отдельные детали художественного замысла и уточнить направление авторской правки. Вот как, например, выглядела первоначально сцена ссоры Людмилы и Валерии из-за Саши (л. 93—101), смягченная в ранней редакции и отвергнутая в печатной версии текста (ее место в главе XVII после слов: «...знойные щеки его начинали бледнеть»):

> — В чем дело? — спросила Лариса. — Валерка, что такое?
>
> Сестры одна за другой рассказали, робея, запинаясь. Лариса подошла к Людмиле. Надавала пощечин, взяла за ухо, повела в угол:
>
> — На колени. Час простоишь.
>
> Людмила заплакала, но послушалась. Потом отвела и Валерку за ухо в угол и поставила на колени. Сестры стояли смирно. Сначала плакали. Потом стали мириться. Просили прощенья у Ларисы. Но стояли, пока Лариса их не отпустила. А она отпустила не скоро, — так целый час и выстояли.
>
> — Да отпусти их, — просила Дарья.
>
> — Сказала час, час и простоят, — ответила Лариса. — Что за дикость, сестры дерутся!
>
> — Да уж они помирились. Ведь они же не маленькие, чтобы их так наказывать.
>
> — Ты дерзишь! — крикнула Лариса. — На колени!

Пратекст был равномерно насыщен деструктивными сценами и демонологическими деталями: на раннем этапе соотношение двух сюжетных линий романа («передоновской» и «рутиловской») не выглядело контрастным, текст «Мелкого беса», по-видимому, мыслился автором более однородным.

Маскарадный костюм Дарьи Рутиловой первоначально был откровенно бесовиден:

> «Дарья оделась *Бабой Ягой*. С помелом из сухих прутьев, с игрушечной блестящей ступкой» (л. 79; курсив мой. — *М. П.*);

ср. в опубликованном тексте:

> «Дарья себе нового наряда не шила, — от прошлого года остался костюм турчанки, она его и надела».

Более близким Передонову в первоначальном замысле был также образ Саши Пыльникова, о чем свидетельствуют записи на карточках:

> «Отголоски черной мессы на Сашином теле» (л. 94); «Людмила целовала Сашины ноги. Особенно после побоев» (л. 98).

Особую группу в картотеке романа составляют подготовительные материалы: выписки из разных источников по той или иной тематике, лексические комплексы — отдельные удачные фразы, устойчивые выражения, синонимы, афоризмы, колоритные топонимы, в том числе и придуманные автором (например: Шкуринск). Содержание этих записей свидетельствует о том, что Сологуб стремился выдержать все повествование в едином эмоциональном русле: создать общую для всего произведения угнетающую психологическую атмосферу, которая должна была бы пронизывать все насквозь — пейзаж, обстановку, речь, поступки и настроения героев.

Писатель педантично заботился о психологической достоверности портрета Передонова (*«природа могла только в одну сторону действовать на его чувства, только угнетать их»*), продумывал мельчайшие детали и подробности. Примечательны в этой связи в его картотеке выписки из ботанических справочников с описаниями растений, внешний вид, свойства и место произрастания которых, по мысли автора, могли способствовать угнетению болезненной психики героя.

В картотеке и в тексте романа, в основном это — сорняки, ядовитые растения или травы, неприметные в своей обыденности или нарочито неприглядные с виду, растущие «по берегам рек, в канавах, около заборов», заполняющие «дороги и пустыри», «плавающие по поверхности стоячих и медленно текучих вод. Нередко на илистых берегах усыхающих прудов и заводей».

В контексте сологубовской «психологии» растений особое значение приобретает его поэтическая декларация, в которой он сравнил свой дар с «угрюмым зверобоем» (см.: «На серой куче сора...», 26 мая 1895).

Сологуб изучал лекарственные и вредные для человека свойства растений, знал травы, использовавшиеся в ведовстве. Растительный мир в его произведени-

ях нередко антропоморфен, цветы и травы могут выступать в роли злых демонов, как, например, в новелле «Отравленный сад». Из картотеки пратекста явствует, что растительный арсенал для романа о Передонове был подобран им с особым тщанием, в особенности флора сада Вершиной.

Собранные вместе — ядовитые вех, паслен, молочай, неприглядная и бурно разросшаяся крапива или вездесущая пастушья сумка, жеруха или мшанка, упоминаемые на страницах «Мелкого беса», — создают общий угнетающий психологический фон, гармонирующий с настроением главного героя. Сорняк, враждебный культурным посевам, — символ всесильной ничтожности, серой обыденности, небытия — «мелкого беса», подавляющего и разлагающего жизнь.

Особый раздел в картотеке представляют подготовительные лексические материалы: диалектизмы, полонизмы (для польской темы Нартановичей), просторечье и грубое просторечье. В статье «Не постыдно ли быть декадентом» (1896) Сологуб писал о путях обогащения литературного языка:

> «Обиходная речь, с ее тусклыми, стертыми и неверными выражениями, становится недостаточною: является потребность искать слова свежие, выразительные, нежные или грубые, благозвучные или жесткие — и эти слова находятся в языке давно умерших предков, в оставленных ими сказках и былинах, в говоре простых людей. В родном языке всякого великого народа много слов запасено — и это дает возможность заменить мертвые для души чужеязычные слова словами своего языка, более способными, по родственности своих звуков с многими другими, входить в разнообразные и неожиданные сочетания».[1]

Специальный интерес Сологуб проявлял к «брутальной» лексике, в его картотеке зафиксированы слова, устойчивые словосочетания и синонимические ряды, связанные с темой телесных наказаний или оскорблений, использованные затем в романе. Характерные примеры записей:

> **Наказание розгами.** Сечение. Дранье, дёрка, дёра. Порка, поронье. Стеганье, стёжка. Хлестанье. Березовая каша, лапша. Припарка. Жарёха. Дать жареху — *Ряз.*, *Кад.*, *Выт.* Наука;
>
> **Высечь.** Наказать телесно, на теле. Задницу в кровь. Пропутешествовать в Нидерланды. Поговорить с няней Розалией. Починить задницу. Проучить, прошколить розгами. Заднего ума прибавить. Посмотреть под рубашку. Блох попугать;
>
> **Высечь розгами.** Сечь, высечь, посечь, засечь. Драть, выдрать, отодрать, задрать. Пороть, выпороть, отпороть, запороть. Стегать, выстегать, отстегать, постегать. Хлестать. Отхлестать. Дать розог, жарёху. Задать дёрку, дёру, порку. Задницу высечь, выдрать, выпороть, выстегать. Разжелудить. Прошколить розгами, заднего ума прибавить, посмотреть под рубашку, блох попугать. Спрыснуть. Угостить, накормить, попотче-

[1] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 376. Л. 7—7 об.

вать березовой кашей, лапшой. Дать розгачей, розочек. Дать горячих, горяченьких. Всыпать столько-то горячих. Дать лозанов. Задницу разрумянить, разрисовать, расписать. Наказать розгами (ою), лозою, лозами. Взъерепенить. Поддать жару. Отжарить, жарить. Лупить, лупсовать и т. п.;

Бить — хлестать, колошматить, таскать, заушить, отзвонить, утюжить, жарить, отжарить, поучить, наказать, колотить, шлепать, сечь, стегать, пороть, драть, хлопотать, влепить, всыпать, дать, задать (пороху, звону), шпандорить;

Бранить — мыть, намыть голову, намылить голову, жабить, глодать, накричать, шпынять, ругать, собачить, пилить, грызть, есть, поедом есть, дать головомойку, нагоняй, драть ерепа, лаять, облаять, задать гону, погонять.[2]

Очевидно, уже на ранней стадии работы над «Мелким бесом» Сологуб представлял колорит языковой ткани романа, а следовательно, характеры и образ действий персонажей.

ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ РАННЕЙ РЕДАКЦИИ

Черновая рукопись ранней редакции романа хранится в составе архива Сологуба в Пушкинском Доме (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 96). Она состоит из 34-х тонких ученических тетрадей (588 листов); на последнем листе зафиксирована дата окончания работы — «19 июня. 1902 год». Рукопись открывается списком действующих лиц, в котором перечислены все персонажи романа (всего — 63), в том числе писатели Скворцов (Шарик) и Степанов (Сергей Тургенев).

Весь текст испещрен густой авторской правкой, синхронной и более поздней (по цвету чернил): многочисленными перечеркиваниями, чернильными и карандашными вставками, вынесенными на поля. У многих тетрадей не сохранились обложки с обозначением номера главы. Принцип авторской пагинации рукописи не ясен: архивная пагинация текста не соответствует логике сюжетного движения и композиции в романе.

Первые две главы и начало третьей (до слов: «...на скамеечке или прямо на траве») сохранились в двух списках, причем на обложке одной из тетрадей с текстом первой главы имеется авторская помета: «1-й список» и рядом обозначены варианты названия: «Женитьба Пугаева» и «Облава». Оба заглавия вызывают ассоциации с гоголевской «Женитьбой». Вероятно, на раннем этапе работы Сологуб актуализировал марьяжный сюжет комедии: притязания Варвары, девиц Рутиловых, Марты, Вершиной, Гени Преполовенской и мнимые, порожденные больным воображением героя, — княгини Волчанской и «барышни» Пыльниковой, — более всего напоминают облаву на Передонова. В отличие от Подколеси-

---

[2] Там же. № 537. Конв. 86. Л. 1—8.

на, Передонов спасается от преследователей не через окно, а как бы «слезая с ума».[3]

По нижнему слою первого списка последовательно прочитываются фамилии героев: Пугаев, Звякина (по верхнему слою — Передонов, Вершина), отчество Володина — Иванович (по верхнему — Васильевич), Ольга Васильевна Коковкина именовалась Зинаидой Ивановной, а княгиня Волчанская баронессой Волькаламской, актеру Бенгальскому предназначалась фамилия Пожарский.

По-видимому, черновому автографу предшествовал еще более ранний — «1-й список», сохранившийся частично.[4] Сологуб извлек из него фрагменты, с которыми был согласен, и затем восполнил текст, доведя его до конца: черновой автограф — результат контаминации различных списков (на это указывает разная фактура тетрадей, цвет бумаги, размер полей и т.п.).

Черновая рукопись содержит исчерпывающую информацию об исходной версии текста «Мелкого беса». По отношению к поздней (опубликованной) она является самостоятельной редакцией произведения, ее объем существенно превышает объем окончательной версии. Значительную часть черновой рукописи занимают фрагменты, имеющие характер законченных эпизодов, и целые главы, впоследствии, по разным причинам, отвергнутые автором:

сцена кухонной склоки Варвары и прислуги Натальи (из гл. II);

комедийный эпизод, в котором сестры Преполовенские секут Варвару крапивой (из гл. III);

рассказ о том, как Передонов сплетничает Володину о связи Преполовенского с его свояченицей Женей и предлагает ему донести на нее в консисторию, чтобы ее сослали в монастырь и высекли (из гл. IV);

обстоятельная глава о поездке Передонова в усадьбу Нартановичей для участия в сечении Влади (после гл. VI);

сцена, в которой Передонов обвиняет Варвару в чернокнижии (она пользовалась поварской книгой в черном переплете) и затем вместе с прислугой Клавдией сечет ее (из гл. X);

глава, в которой рассказывается о том, как Гудаевская и Передонов секут Антошу Гудаевского и затем предаются сладострастию (после гл. XVIII);

гротескная сцена скандала и драки между супругами Гудаевскими (после гл. XVIII);

эпизоды, в которых рассказывается о посещении Передоновым купца Вторникова (из гл. XII) и купца Творожкова (из гл. XIX) с целью оклеветать и выпороть их детей;

---

[3] *Гиппиус З.* Слезинка Передонова (То, чего не знает Ф. Сологуб) // О Федоре Сологубе. Критика, статьи, заметки. СПб., 1911. С. 73.

[4] В папках с авторской библиографией к поэтическим произведениям встречаются карточки, на обороте которых имеется текст «Мелкого беса»; вероятно, Сологуб использовал для библиографических записей одну из черновых рукописей романа (см.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 543—545).

глава, в которой Вершина сечет Марту из ревности к Мурину (после гл. XXI) и др.

Большое место в ранней редакции занимали сцены, эпизоды и реплики, содержавшие эротический намек, например:

«Знает ли кто, что они с Людмилочкой сидят раздетые и целуются?»;

«Вот они обнаженные оба, и с нагою плотью связано желание и хранительный стыд» (л. 544 об.) (впоследствии стало: — *полуобнаженные*, с *освобожденною* плотью).

Глава о сватовстве Передонова к Рутиловым включает сцену демонстрации босых ног;[5]

более откровенно выражен гомоэротический мотив;

некоторые эпизоды свиданий Людмилы и Саши нюансированы садо-мазохистскими тонами;

идея «высокого» наслаждения, проповедуемая Людмилой перед Сашей, в искаженном виде отзывается в диалоге Передонова и гимназиста Виткевича (учитель советует гимназисту овладеть дочерью Хрипача — «получить удовольствие»), в стремлениях Грушиной к удовольствию «за плату» («Грушина не отказалась бы доставить несколько приятных минут каждому из гостей, но не иначе, как за какую-нибудь плату»).

Лейтмотивом в повествовании проходит тема андрогина, представленная Сологубом посредством штампов обывательского сознания — в интерпретации Грушиной, писателей, Хрипача.[6]

Сюжет о писателях в черновом автографе складывался на основе сравнительно больших законченных фрагментов:

сцена встречи Скворцова и Степанова с Передоновым в присутствии гимназиста Виткевича, во время которой между ними происходит разговор о «лежачих»;

глава, повествующая о знакомстве писателей с Варварой и Володиным, обеде у Передонова и издевательском флирте с Варварой;

глава, содержащая описание вечеринки у Грушиной, во время которой писатели рассказывают гостям о ночи, проведенной в кутузке;

глава, в которой прокурор Авиновицкий произносит свою разоблачительную речь по адресу писателей (обвиняет их в бездарности, отсутствии у них литературного вкуса, в невежестве и псевдонародности);

глава, в которой речь идет о визите Тургенева и Шарика на обед к Хрипачу и их участии в общем разговоре о Саше Пыльникове;

рассказ о присутствии писателей на маскараде (сцена в буфете).

---

[5] Фрагмент впервые приведен в публикации А. Соболева «„Мелкий бес": неизданные фрагменты» (Новое литературное обозрение. 1993. № 2) по беловому автографу (РНБ); в тексте чернового автографа имеются разночтения и дополнительный эпизод (см. Приложение, с. 845—846).

[6] См. Приложение.

Разрастание объема чернового автографа происходило в значительной степени в результате накопления эпизодов, диалогов и реплик разоблачительного пафоса, характерного для социально-бытовых сатирических текстов. Эти фрагменты не привносили в роман ничего существенно нового, о чем бы ранее не сообщал повествователь, а, как правило, дополняли уже известные факты или сведения о персонажах, например:

> «На этих сборищах было непристойно и пьяно. Грязные велись разговоры и уж слишком откровенные, — недоставало только непечатных слов. Впрочем, когда в них ощущалась потребность, они произносились на ухо, передавались от одного к другому, не исключая жен, — и все хохотали. Грушина думала, что устраивает превеселые кутежи. Да не было в этих попойках ни восторга, ни размаха, — одно тупое смакование грязи, вялое ликование притупленных, ленивых нервов, почти атрофированных от недостатка здоровых упражнений» (л. 446 об.; вечеринка у Грушиной);
>
> «Она была похожа не на хозяйку, а на приживалку, которая ревностно следит за прислугой и неутомимо ищет случая своровать под ее руку» (л. 22, о Варваре);
>
> «Неизбежно говорилось о женщинах, о распутных и о чистых, обо всех одинаково грязно и пошло: эти грязные люди не понимали и не знали девичьей чистоты, их город казался им кишащим полудевственницами (слово, которое они слышали от кого-то), жаждущими порока внебрачного или брачного» (л. 66), и т. д. и т. п.

Чрезмерное накопление сцен и эпизодов, изображающих мир «передоновщины», постоянное варьирование мотивов сплетни, клеветы, доносительства, пошлости, пакостничества, разврата и хамства — в совокупности рождали новое качество смысла: роман звучал «симфонией» русского свинства, но при этом страдал от отсутствия повествовательного и стилистического лаконизма, его глубокий метафизический смысл был отодвинут на задний план обличительным пафосом и натуралистическими деталями. Основное направление авторской работы с текстом можно проследить по содержанию вставок на полях рукописи.* Сологуб последовательно сгущал психологическую атмосферу, которая могла бы, в его представлении, способствовать угнетению психической жизни героя. В описаниях растений и предметов он усиливал неприглядность или «агрессивность» их вида, например:

> «...виднелись *желтые цветы луговой чины*, в покрытых *пушком* чашечках склонившихся стволами ветвистых метелок. У заборов рос *чернобыльник с желтыми стеблями и белыми лохматыми листьями* на белой подкладке...» (л. 8);
>
> «Остропестро выставляло из-под кустов свои *колючие, пурпурные головки*» (л. 9);
>
> «Он думал, что у каждого здесь дома есть свои покойники. И все, кто жил в этих старых домах лет 50 назад, все умерли. Некоторых, пожалуй,

* Вставленный далее текст выделен курсивом.

еще он помнил. „Человек умрет, так и дом бы сжечь, — тоскливо думал Пер⟨едонов⟩, — а то страшно"».

В характеристиках персонажей и их действиях Сологуб усилил зловещие черты: бесоподобие, импульсы асоциального или деструктивного поведения, например:

> «...и *черноватые от курева зубы* слегка приоткрылись» (л. 13); «сквозь *непрерывно испускаемый ею дым*. Пугаев выпил много пива, но оно мало действовало, — *только глаза смотрели еще более пусто и сонно, чем всегда*» (л. 17);
>
> «...*издевался над нею*. Любви же к ней он не чувствовал. Он никого не любил, да и не мог любить, как не мог ни жалеть, ни сочувствовать. *Он был холоден и мертв душою* ⟨...⟩ *Да и любила она его собачьей любовью, под которою была накоплена злоба*. Он же не видел в ней ничего хорошего или достойного жалости: *ее рабская покорность его не трогала, болезням ее он не сочувствовал, все худое в ней преувеличивал*» (л. 29—29 об.);
>
> «Какие-то *смутные страхи томили его. Ему казалось, что Варвара что-то сделает над ним или хочет сделать*» (л. 30);
>
> «Он встал *и плюнул ей в лицо с тупым и равнодушным видом*. Усевшись опять за стол, он *сумрачно мял край скатерти*. Глаза его были *тоскливы*. В последние дни он стал с Варварою грубее обыкновенного, *толкал и бил ее походя. Да и раньше он обращался с нею дурно*. Так как еще она не была его женою, и он знал, что всегда может ее прогнать, то он любил показать ей свою власть и издевался над нею: *бил ее по щекам, щипал, ставил на голые колени и заставлял просить прощения, иногда раздевал и больно сек розгами. Она все это терпела в надежде выйти за него замуж и отплатить за все*. К тому же она привыкла к безнуждной жизни и ей не хотелось опять...» (л. 31—31 об.) и т. п.

Язык ранней редакции «Мелкого беса» перегружен грубой экспрессивной лексикой, просторечьем, диалектизмами. Сохранившаяся на страницах чернового автографа правка протекала синхронно в двух противоположных направлениях: сначала Сологуб нарочито вводил в словесную ткань романа разговорную бытовую лексику или грубое просторечье (правил текст по схеме: было «сказал» — стало «сболтнул») и, кроме того, широко использовал синонимические ряды экспрессивных выражений или слов в сравнительно набольших эпизодах. В рассказе Володина о его стычке с инспектором на уроке (л. 40), например, в нескольких фразах диалога Володина с Варварой использованы выражения: *в рыло дать; заехать; по сусалам; в образину заехала; залеплю*.

В результате вставок отдельные фрагменты текста оказались буквально «засорены» внелитературной лексикой и диалектизмами (такими как: *какашечка, его-*

зушка, хайло, пришпандорить, заграбастать, по мордасам, лайдак, ленюх, смаганец, стерва, ёрза и т. п.), вследствие чего в правке текста наметилась обратная тенденция — возвращение к нейтральной лексике. Например, в черновом автографе в разговоре Рутилова с Передоновым о женитьбе на одной из сестер после слов Рутилова «*Смотри, не зевай, пока я жив*» было: «*а то они у меня тоже с гонором девки, — ты станешь артачиться, так и тоже — потом захочешь, да поздно будет, не выкусишь*»; исправлено: «*а то они у меня тоже с гонором, — потом захочешь, да поздно будет*».

На следующем этапе работы с текстом Сологуб устранил чрезмерные повторы и «излишества» в содержании романа.

БЕЛОВОЙ АВТОГРАФ РАННЕЙ РЕДАКЦИИ

Рукопись поступила в Публичную библиотеку в декабре 1919 года от автора,[7] хранится в фонде Сологуба (РНБ. Ф. 724. № 2 и № 3). Вероятно, этот экземпляр представлялся в редакцию журнала «Вопросы жизни», о чем может свидетельствовать регистрационная отметка, сделанная синим карандашом в верхнем левом углу обложки первой тетради, — «*№ 173 / 24 август*».

Рукопись состоит из 29 тонких школьных тетрадей (всего — 464 листа, 858 рукописных страниц), соответствующих 29 главам текста; в каждой тетради единообразно, загибом края листа, выделены поля. Эпиграф и дата окончания романа в рукописи не обозначены (на последней странице авторская помета — «Конец»). В тетради с текстом главы XXIV имеются четыре авторских карандашных рисунка, на которых изображены персонажи «Мелкого беса», среди них (предположительно) — автопортрет.[8]

Текст романа аккуратно перебелен, авторская правка (карандашом и чернилами) сведена до минимума и относится главным образом к исправлениям синтаксиса или личных имен (как правило, фамилия заменена именем героя), вставки на полях редки. Объем текста ранней редакции в беловом автографе значительно уменьшился по сравнению с черновым автографом. Сологуб изъял из романа большое число второстепенных эпизодов бытового или натуралистического плана, не существенных для понимания художественного замысла и не добавляющих ничего нового к характеристикам персонажей.

Он сохранил в романе главы, повествующие о пребывании в городе Тургенева и Шарика (за исключением эпизода столкновения писателей с прокурором Авиновицким), а также главы и фрагменты эротического и садо-мазохистского содержания. Весь этот объемный содержательный пласт, за некоторыми исключениями,

---

[7] *Сологуб Федор*. Записи о доходах за 1918—1919 гг. // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 181.

[8] РНБ. Ф. 724. № 3. Л. 139 об., 142 об., 143 об., 144 об. См. иллюстрации в наст. изд.

впоследствии был, однако, вычеркнут: в рукописи имеются аккуратные единообразные перечеркивания карандашом эпизодов и целых глав, которые отсутствуют в опубликованном тексте.

Условия публикации «Мелкого беса», выдвинутые цензурой и редакцией журнала, по-видимому, были достаточно жесткие. Среди отвергнутых фрагментов встречаются эпизоды, вычеркнутые в рукописи не по эстетическим или цензурным соображениям, а из перестраховки, и, в конечном результате, все же вошедшие в текст журнальной публикации:

сцена медицинского осмотра Саши в кабинете у Хрипача и последующее объяснение по этому поводу директора с Передоновым (гл. XIII и XIX);

эпизод наказания Миши Адаменко сестрой после сватовства Володина (гл. XV); визит Передонова к председателю земской управы Кириллову (гл. X);

рассказ о наказании Антоши Гудаевского (гл. XVII) — глава, из которой при публикации было изъято только окончание.

Ранняя редакция романа по отношению к опубликованному тексту «Мелкого беса» обладает статусом самостоятельного художественного целого. Она отличается от него объемом, распределением материала по главам (в ранней редакции — 29 глав, в опубликованном тексте — 32) и соответственно положением разделов глав, разночтениями в композиции и содержании текста — вследствие наличия в ней миниатюрного, но чрезвычайно существенного для понимания авторского замысла, сатирического сюжета о писателях, а также больших фрагментов и глав, нарочито иллюстрирующих «свинское» и «садо-мазохистское» основание «передоновщины».

ПЕЧАТНАЯ ВЕРСИЯ

Первые главы «Мелкого беса» (I—III) появились на страницах «Вопросов жизни» в июне 1905 года. Еще в первой половине этого года Сологуб продолжал редактировать роман. После изъятия вычеркнутых на предварительном этапе глав и эпизодов он внес в текст новую правку. Она не отражена в беловом автографе романа. Тем не менее, при сопоставлении рукописной и журнальной редакций «Мелкого беса» выявляется целый комплекс разночтений — композиционных, стилистических и смысловых.

В результате изъятия сюжета о Тургеневе и Шарике Сологуб был вынужден переработать главы, в которых рассказывается об обеде у Передонова, о вечеринке у Грушиной, о свадьбе Передонова и Варвары, о приеме у Хрипачей и маскараде. В процессе правки он вновь перераспределил границы отдельных глав, в некоторых частях восполнил отсутствие логических переходов, в том числе возникших после упразднения отвергнутых эпизодов. Выпавшая сцена сечения Варвары крапивой, например, была восполнена вставкой:

> «У всех спрашивала она — не знаете ли средства? — *Теперь Преполовенская была уверена, что Варвара по ее указанию будет усердно натираться крапивой, и так сама себя накажет»* (№ 6, с. 132).

В отдельных случаях писатель распространил фразы посредством

— сравнительных оборотов (например: «Марта смеялась тоненьким, радостным смехом, *как смеются благонравные дети...*» [№ 6, с. 113]);

— дополнений или уточнений (наподобие: «Она была красная, растрепанная, грязная, *и от нее далеко пахло водкой*»; «...закричала Ершова, подступая к ней со *сжатыми кулаками*»; «Плюньте вы им в морды, барыня хорошая, *ничем с такими расподлыми людишками возжаться...*» [№ 6, с. 113, 130, 131]);

— заменил неточные слова или выражения (например, было: «А русалка *валялась* на полу, и хохотала» [№ 3. Л. 247]; исправлено: «А русалка *лежала* на полу, и хохотала» [№ 9, с. 121]; было: «демонические стихийные восторги» [№ 3. Л. 95 об.], исправлено: «*дионисийские*» [№ 10—11, с. 134]);

— смягчил разговорную экспрессию (было: «ляпнет какую-нибудь *похабщину*» [№ 3. Л. 32], исправлено: «ляпнет что-нибудь *без предварительной цензуры*» [№ 10—11, с. 100]);

— убрал чрезмерные повторы (о сходстве Володина с бараном, и др.).

Одновременно серией вставок, как бы «пунктиром», Сологуб усилил в повествовании основные «передоновские» мотивы (бесоподобие, пакостничество, глупость), ср.:

> «— Да уж конверта нельзя подделать, — штемпеля, — сказала Грушина, посмеиваясь, *поглядывая на Варвару лукавыми, разными глазами: правый — побольше, левый — поменьше*» (№ 7, с. 68);
>
> «...как всегда, смотрел он на мир мертвенными глазами, *как демон, томящийся в мрачном одиночестве страхом и тоскою. Его чувства были тупы, и сознание его было растлевающим и умерщвляющим аппаратом*» (№ 8, с. 53);
>
> «...дворянам же он всегда говорил „Вы". *Он узнавал в канцелярии, кто какого сословия, и его память цепко держалась за эти различия*» (№ 7, с. 79);
>
> «Пыльников ... был самым младшим по возрасту из учеников пятого класса. *Теперь же Варварин рассказ зажег в нем* (в Передонове. — *М. П.*) *блудливое любопытство. Нескромные мысли медленно зашевелились в его темной голове*» (№ 8, с. 82);
>
> «Саша стоял на коленях, как наказанный ... с озабоченным выражением на лице, *с мольбою и печалью в черных глазах, осененных длинными, до синевы черными ресницами*», «...важно угощал Ольгу Васильевну, *и черные глаза его ярко блестели*», «*Саша смотрел на Передонова гневно загоревшимися глазами*» (№ 8, с. 62, 64, 66) и т. п. (курсивом выделены наращения текста).

В журнальной публикации Сологуб ввел в текст упоминание о «ближайшем городке» Сафате (гл. X, № 8, с. 72); вероятно, топоним происходит от библеизма — *Иосафатова* долина, где, по преданию, будет происходить Страшный Суд.

Параллельно с наращением деталей для иллюстрации демонизма и безобразия передоновского «предметного мира» Сологуб усилил «декор» мещанского быта рутиловской «фронды», дополнил текст мелкими, но характерными подробностями.

Например, вместо: «Ее горница всегда благоухала духами» (№ 2. Л. 232) — стало: «Ее горница всегда благоухала *чем-нибудь, — цветами, духами, сосною, свежими по весне ветвями березы*» (№ 9, с. 105).

Более «эстетизированным» стало и само описание горницы:

> «В Людмилиной горнице *было просторно, весело и светло от двух больших окон в сад, слегка призадернутых желтоватым тюлем.* Пахло сладко. ⟨...⟩ *Стулья и кресла были обиты золотисто-желтою тканью с белым, едва различимым узором*» (№ 9, с. 113; вставки выделены курсивом. — *М. П.*).

Среди всех поздних вкраплений в текст «Мелкого беса» наиболее существенным для прояснения авторского замысла было дополнение, привнесенное в начало первой главы: непосредственно в первый абзац Сологуб ввел тему ариманического бытия («*Но все это только казалось*») и тем самым задал основную интонацию романа.

Ко времени публикации «Мелкого беса» почти все эпизоды «сомнительной нравственности» из него были изъяты. Тем не менее проделанная работа оказалась недостаточной, и Сологубу пришлось в очередной раз пойти на уступки цензуре или пожеланиям редакции. В частности, он был вынужден убрать из романа описание символического провиденциального сна Людмилы в окончании главы XIV, от слов: «Потом приснилась Людмиле великолепная палата с низкими, грузными сводами...» до конца главы.

Соответственно Сологуб постарался убрать из текста все следы «проговора»: вместо «...видела она его во сне, *скромного и одетого, но чаще обнаженного*, и в волшебной обстановке» (№ 2. Л. 231) стало: «...иногда скромного и *обыкновенного*, но чаще в дикой и волшебной обстановке» (№ 9, с. 104);

авторская сентенция: «*Сама того не замечая, уже Людмила начала развращать Сашу, будя в нем преждевременные, пока еще неясные стремления да желания*» (№ 2. Л. 243) — утратила конкретность, Сологуб опустил замечание о развращении Саши (№ 9, с. 115).

В период подготовки журнальной публикации после «косметической» авторской правки принципиальная работа с текстом романа фактически была завершена.

Изъятое описание сна Людмилы было восстановлено в первом отдельном издании «Мелкого беса» (СПб.: Шиповник, 1907). Эпиграф впервые был внесен в текст седьмого издания (Собр. соч. В 20 т. Т. VI. СПб.: Сирин, 1913).

Дата окончания произведения, зафиксированная в черновом автографе, не была обнародована ни в одном из одиннадцати прижизненных изданий «Мелкого беса». Впрочем, она и не соответствовала реальному сроку завершения работы над романом.

* * *

«Окончательный» текст часто бывает далеко не окончательным для самого автора. Именно таким текстом для Сологуба был роман о Передонове. На протяжении двух десятилетий после окончания «Мелкого беса» писатель периодически возвращался к своему герою. В интервью и авторских предисловиях к переизданиям книги он постепенно «раздвигал» границы текста, добавляя каждый раз какие-либо новые подробности о персонажах романа (впервые в Предисловии к пятому изданию, август 1909).

Предисловие к пятому изданию (август 1909) по форме и содержанию представляет собой эпилог «Мелкого беса», с традиционной концовкой:

> «Впрочем, если мне удастся получить точные сведения о позднейшей деятельности Передонова, я расскажу об этом достаточно подробно».[9]

Автор выполнил обещание, данное читателям: в «Дыме и пепле» (1912—1913), последнем романе трилогии «Творимая легенда», Передонов был возрожден. Освобожденный из лечебницы для душевнобольных благодаря протекции княгини Волчанской, он получил пост вице-губернатора и вместе с тем полную свободу для своих садистических наклонностей. Сологуб сообщил читателям о дальнейшей судьбе Ардальона Борисовича в Предисловии к седьмому изданию романа (май 1913).

В 1907 году он написал рассказ «Конный стражник» о двойнике Передонова (абсолютно здоровом) — инспекторе Переяшине, который оставил гимназию и стал жандармом.[10]

В 1909 году в издании «Театр и искусство» была напечатана авторская инсценировка «Мелкого беса»; в 1912 году в газете «Речь» — главы «Сергей Тургенев и Шарик».

Сологуб скептически относился к прогнозам критиков о том, будто бы он собирается писать вторую часть романа.[11] Между тем замысел продолжить повествование о Передонове все-таки существовал. В 1920-е годы в беседах с разными людьми Сологуб высказывал весьма критические суждения по поводу своего «классического» произведения. В разговоре с П. Н. Медведевым, например, он заметил: «Это — слабая вещь. Сумасшествие Передонова превращает весь роман в анекдот».[12]

Очередное возрождение героя должно было состояться на страницах новой редакции «Мелкого беса», о которой, в надежде на переиздание своих сочинений, Сологуб сообщал в письме В. В. Вересаеву 8 сентября 1927 года: «Роман „Мел-

---

[9] См. с. 8 наст. изд.

[10] Впервые: Утро России. 1907. № 8. 25 сент.

[11] См. с. 7, 766—767 наст. изд.

[12] *Медведев П. Н.* Записи бесед с Федором Сологубом (1925—1926). Частное собрание.

кий бес" будет представлен в совершенно новой редакции, с прослойками из детства, отрочества и юности Передонова и из его будущей судьбы и карьеры дореволюционного администратора».[13]

Текст новой редакции романа осуществлен не был. В конце 1925 года Сологуб тяжело заболел. Возможно, предложение выпустить роман в новой редакции было всего лишь благим намерением, на осуществление которого можно было бы получить аванс, столь необходимый больному писателю для поддержания здоровья и жизни. Последнее упоминание о Передонове сохранилось в стихотворении Сологуба «Успокоительная зелень...», в котором образ «стегальных дел мастера» был переосмыслен с учетом исторических перемен, происшедших в России, «где Передонов — комиссар».

Внутренние и внешние границы текста не всегда совпадают. Герой Сологуба был глубоко — интимно автобиографичен и потому мог закончить свой «жизненный» путь только вместе со своим создателем. Возможно, еще и по этой причине автор «Мелкого беса» ни в одном издании своего романа не поставил дату его окончания, зафиксированную в рукописи, — она относилась именно к конкретной рукописи и не имела отношения к внутренней жизни текста, протекавшей в душе художника.

* * *

Приношу сердечную благодарность Н. А. Богомолову и А. В. Лаврову за щедрую и квалифицированную помощь при подготовке издания, а также сотрудникам Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Литературного музея, Библиотеки и Рукописного отдела Пушкинского Дома — Л. И. Бучиной, Н. А. Колобовой, В. С. Логиновой, М. Ю. Любимовой, Т. В. Мисникевич, Е. Б. Фоминой.

---

[13] *Вересаев В.* Федор Сологуб // РГАЛИ. Ф. 1041. Оп. 4. № 394.

КОММЕНТАРИЙ

Составитель М. М. Павлова

Текстологические принципы издания

Роман «Мелкий бес» (впервые: «Вопросы Жизни». 1905. № 6—11) при жизни автора издавался одиннадцать раз. С 1907 по 1910 год издательство «Шиповник»[1] выпустило книгу шесть раз общим тиражом около 15 тысяч экземпляров, в оформлении (обложка и форзац) художника М. В. Добужинского.

Первое отдельное издание вышло в свет в марте 1907 года тиражом не менее 2000 экземпляров; второе — в феврале 1908 года (2000 экз.), третье — в июле 1908 года (2300 экз.), четвертое — в конце марта 1909 года (2300 экз.), пятое — в октябре 1909 года (2300 экз.); шестое издание — в начале мая 1910 года в составе 12-томного собрания сочинений — том VI (3300 экз.).

В ноябре 1912 года издательство «Сирин» приобрело у издательства «Шиповник» права на выпуск Собрания сочинений Федора Сологуба,[2] и в 1913 году «Мелкий бес» дважды вышел в «Сирине»: в составе 12-томного Собрания сочинений (том VI, 6-е издание, 2100 экз.; не зарегистрировано в «Книжной летописи», фактически — 7-е издание) и в сентябре в составе 20-томного Собрания сочинений, в измененном формате, в оформлении (обложка) художника Н. К. Калмакова (том VI, 7-е издание, 2100 экз.; фактически — 8-е издание).

В очередной раз «Мелкий бес» увидел свет в 1923 году в издательстве З. И. Гржебина: девятое издание было отпечатано в феврале в Петрограде (5000 экз.); еще один самостоятельный тираж Гржебин отпечатал в Берлине (в «Книжной летописи» не зарегистрирован), в прежнем оформлении М. В. Добужинского, без указания количества изданных книг и порядкового номера издания.[3] Послед-

---

[1] См. договор Ф. Сологуба с издательством «Шиповник» в лице С. Ю. Копельмана на первое издание романа «Мелкий бес» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 39. Л. 6).

[2] О передаче издательских прав на собрание сочинений Ф. Сологуба издательством «Шиповник» издательству «Сирин» идет речь в письмах Иванова-Разумника Сологубу от 23, 28 и 31 октября 1912 г. (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 296). Условия договора с издательством «Сирин» см.: там же. Оп. 6. № 39. Л. 4—5.

[3] Условия договора (проект составлен 5 апреля 1919 года, заключен 6 сентября 1921 года) см.: там же. Л. 21—22.

нее прижизненное издание книги Федора Сологуба «Мелкий бес» выпустило издательство «Мысль» в 1926 году (тираж — 5000 экз.), в оформлении художника С. В. Чехонина.[4]

Во время всего эдиционного процесса, продолжавшегося чуть менее двадцати лет, Сологуб вносил в текст романа отдельные незначительные исправления: стилистические, синтаксические, лексические (заменял отдельные слова и словосочетания, добавлял или изымал слова), орфографические (менял прописные и строчные буквы в словах, написание слов, краткую форму творительного падежа существительных, прилагательных и местоимений — на полную: было — *ой*, *ей*, стало — *ою*, *ею*); во втором издании романа заменил *астериски*, разделявшие фрагменты текста в пределах главы, на *пробелы* (когда пробел попадал на последнюю строку страницы, то он исчезал, что влекло за собой искажение текста).[5]

На протяжении нескольких лет «Мелкий бес» печатался в одном издательстве, нередко в очередном издании повторялись ошибки предыдущего (авторские, корректорские, типографские) и появлялись новые. Последовательную правку текста Сологуб произвел в седьмом издании романа. Последнее прижизненное издание (1926) повторяет текст седьмого, хотя его правка отражена не полностью (отсутствуют эпиграф и авторские предисловия, непоследовательно учтены пробелы). В последнем издании была сделана попытка приблизить текст к современной орфографической и синтаксической норме, однако исправления были внесены непоследовательно, произведенная правка в целом имеет беспорядочный характер (например, наличие или отсутствие запятой перед союзом *и* в соединительной конструкции с однородными сказуемыми).

В настоящем издании текст романа «Мелкий бес» воспроизводится по седьмому изданию: *Сологуб Ф.* Собр. соч. СПб.: «Сирин», 1913. Т. 6. Это единственное прижизненное издание, в котором произведение представлено в полном объеме, то есть с полным корпусом текстов, обрамляющих основной текст, — эпиграфом и авторскими предисловиями (ко второму, пятому и седьмому изданиям).[6]

Особенности авторской правки в основном сохранены в соответствии с корректурой седьмого издания (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 97-3), кроме тех случаев, где сам автор был не последователен и отступал от принятых грамматических и синтаксических языковых норм.

---

[4] Условия договора Сологуба с книгоиздательством «Мысль» см.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 861. Л. 28.

[5] Подробно см.: Текстология прижизненных изданий романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Эдиционная практика и проблемы текстологии. Доклады и сообщения Всероссийской конференции 24—25 мая 1999 г. М., 2002. С. 69—77.

[6] О значении служебных (сопровождающих) текстов в «Мелком бесе» см.: *Ильев С. П.* Русский символистский роман. Аспекты поэтики. Киев: Лыбедь, 1991. С. 10—16.

Прежде всего это касается написания однородных сказуемых с сочинительным союзом *и*. Согласно современной норме, запятая в таких случаях не ставится. Правила «Русского правописания», составленные академиком Я. К. Гротом, действовавшие в России до языковой реформы 1918 года, запятую в этой позиции допускали, ее отсутствие или наличие не считалось ошибкой.[7]

Сологуб, как правило, сознательно сохранял запятую в однородных сказуемых с сочинительным союзом *и*. В корректуре седьмого издания романа он восстановил снятую корректором запятую, сопроводив свое исправление пометами: *так!* и: *исправив, печатать*. Однако этот пунктуационный принцип не был проведен им последовательно как в оригинале, так и опубликованном тексте. Писатель не всегда ставил запятую перед союзом *и*, соединяющим сказуемые со значением одновременных и несменяемых действий («разом заговорили и засмеялись») и в некоторых других редких, не поддающихся систематизации, позициях; в отдельных случаях он пропустил корректорскую правку и не вставил запятую в типологических соединительных конструкциях. Возможно также, что каждый конкретный случай (наличие или отсутствие запятой перед союзом *и* в соединительной конструкции с однородными сказуемыми) имел в тексте свою мотивировку.

Тенденция фиксировать дополнительные паузы, по-видимому, объясняется стремлением Сологуба к ритмической организации прозы, потребностью приблизить ее к поэтической речи (характерная черта писательской манеры прозаиков-модернистов, многие из которых выступали и как поэты). Кроме того, дополнительная пауза, особенно в коротких фразах (нередкий случай в «Мелком бесе») придает языку романа, отчасти ориентированному на синтаксис и динамику библейского стиля, дополнительную экспрессию; этот прием вызывает ассоциации с «вечным» текстом и усиливает его метафизическое звучание.

С точки зрения современной грамматической нормы, следование авторской воле Сологуба в вопросе написания однородных сказуемых с сочинительным союзом *и* неизбежно приведет к пунктуационному хаосу. Об этом свидетельствует опыт последнего прижизненного издания романа (1926) и современного, подготовленного В. А. Келдышем и М. В. Козьменко, см.: «Мелкий бес». М.: Художественная литература (1988). Чтобы избежать дополнительных грамматических ошибок и одновременно сохранить все своеобразие классического текста — произведения конкретной исторической эпохи и культурной ориентации, в настоящем издании было принято компромиссное решение.

Основной текст романа «Мелкий бес» печатается без учета отмеченной особенности авторской пунктуации и в соответствии с современной грамматической нормой. Зато в ранней редакции романа авторская пунктуация сохраняется и текст воспроизводится по оригиналу — беловому автографу романа (РНБ. Ф. 724. № 2—3).

---

[7] В случае, «когда из двух сказуемых, соединенных союзом *и*, второе означает либо позднейшее действие, либо следствие того, что выражено первым, то и перед союзом *и* ставится запятая» (*Грот Я. К.* Русское правописание. СПб., 1885. С. 99).

В настоящем издании также сохраняется авторское написание (через дефис) словосочетаний, наподобие: *щеголевато-одетый, суетливо-убегающий, нарочито-визгливые* и т. п., хотя они и противоречат грамматическим нормам. По-видимому, с точки зрения Сологуба, образование новых слов посредством соединения в одно сложное слово наречия и причастия или наречия и прилагательного давало новое качество смысла, которое невозможно было выразить при раздельном написании предлагаемых им слов. В седьмом издании совмещаются разные способы передачи внутренней речи героя: либо по правилам написания прямой речи, либо она вообще не выделена. В настоящем издании в подобных случаях в основном тексте сохраняется написание по седьмому изданию, в тексте ранней редакции — по оригиналу.

Авторская корректура сохранилась не в полном объеме — без окончания XXVIII главы и последующих глав. Пунктуация и написание словосочетаний в этой части текста были приведены в соответствие с принятой авторской нормой по седьмому изданию романа и оригиналу.

В седьмое издание романа Сологуб внес изменение в написание имени *Недотыкомка*. Во всех прижизненных изданиях (за исключением седьмого, девятого, а также посмертных) это слово последовательно печаталось со строчной буквы. В корректуре седьмого издания на странице 328 (глава XXV), внизу под фрагментом, начинающимся словами: «Передонов придумал средство: намазал весь пол клеем, чтобы Недотыкомка прилипла...», имеется авторская помета: «С этого места имя Недотыкомка становится им⟨енем⟩ собственным, с большой буквы». Помета обведена карандашом. Вот почему в настоящем издании написание имени *Недотыкомка* принято в соответствии с авторской волей.

Во всех переизданиях Сологуб последовательно сохранял язык произведения, который, с точки зрения нормы, не является строго литературным: язык романа насыщен просторечиями, диалектизмами и конструкциями, построенными не по правилам грамматики, в соответствии с особенностями разговорной речи и провинциального вкуса.

В работе над языковой тканью «Мелкого беса» писатель стремился к «ненормативности»: с этой целью он делал многочисленные выписки из словаря В. И. Даля (см. об этом выше в разделе «История текста романа „Мелкий бес"»), собирал просторечные формы, записывал разговорную речь знакомых и затем вводил этот материал в текст романа. В октябре 1898 года Сологуб писал А. А. Коринфскому: «Под влиянием газетного языка и под тяжелым грузом усердно вносимых в язык чуждых примесей наша речь становится какою-то тусклою, чахлою; мало у кого русская речь развертывается во всей силе и красоте. А между тем в русском языке, в областных говорах, в старых книгах есть удивительные по красоте словечки, сочные, благозвучные, меткие, такие, которые должны были бы войти в книжную прозу и в разговорный язык, весьма у нас неточный».[8]

В настоящем издании текст романа «Мелкий бес» воспроизводится с сохранением всех локальных особенностей словоупотребления и отраженных в нем специ-

---

[8] РГАЛИ. Ф. 257. Оп. 1. № 72. Л. 8 об.—9.

фических речевых отклонений от литературной нормы, а также ритмико-синтаксических особенностей стиля Сологуба. Просторечные и диалектные слова (по необходимости) сопровождены в примечаниях отсылкой на «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. В 4 т. (М.: Терра, 1995) и «Словарь русских народных говоров» (Л., СПб.: Наука, 1965—2001; издание продолжается), с указанием тома или выпуска.

При составлении примечаний был учтен опыт комментированного издания «Мелкого беса» (Вступ. статья В. А. Келдыша. Подгот. текста и коммент. М. В. Козьменко. М.: Художественная литература, 1988).

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

1 *...но без последних глав...* — В журнале «Вопросы жизни» (1905. № 6—11) были напечатаны главы романа I—XXIII; дальнейшая публикация «Мелкого беса» была остановлена в связи с прекращением издания журнала.

2 *Одни думают, что автор... изобразил себя в образе учителя Передонова.* — Это предположение неоднократно высказывалось в критической печати о романе, ср., например: «Передонов — есть борьба с передоновщиной — и для тех, кто знаком с литературными признаниями автора, совершенно ясно, где Сологуб ощутил ее больше и всего страшнее: в себе самом. Передонов — это Федор Сологуб, с болезненной страстностью и силой изображенный обличителем того порочного и злого, что он чувствовал в себе» (*Горнфельд А.* Недотыкомка // Товарищ. 1907. № 242. 14 (27) апр. С. 3; *Горнфельд А.* Книги и люди. СПб., 1908. С. 35); «Сологуб ненавидит Передонова, ибо в Передонове много Сологуба. „Мелкий бес" — беспощадная и кровавая борьба Сологуба с сидящей в нем самом передоновщиной» (*Пильский Петр.* Федор Сологуб // Свободная молва. 1908. № 2. 28 янв.); на «несомненное духовное сходство автора с героем романа Передоновым» указывал также Вл. Кранихфельд: «...поставить фигуру Передонова во всю ее натуральную величину, обрисовать ее во всех ее деталях, мог только писатель, выносивший всю передоновщину в недрах собственного своего существа» («Литературные отклики» // Современный мир. 1909. № 1. Отд. II. С. 51).

3 *Совершил он это... чтобы взойти на некую Голгофу и... пострадать. Получился роман интересный и безопасный.* — Цитата из статьи А. Басаргина (псевдоним А. И. Введенского) «Нечто о бесах и бесенятах» (Ведомости Санкт-Петербургского Градоначальства. 1908. № 80. 5 окт.); далее в тексте статьи: «Интересный потому, что из него видно, какие на свете бывают нехорошие люди. Безопасный потому, что читатель может сказать: „это не про меня написано"». Эту мысль высказывал также А. Горнфельд в указанной выше статье «Недотыкомка»: «Голгофа есть везде, где есть творчество; однако, по истине кровью своего сердца пишет не тот, кто должен говорить дурное о других, но тот, кто самое злое и гнусное для изображения находит не вне, а в сокровенности своего существа»; и вслед за ним А. Блок в статье «О реалистах» (см.: *Блок А.* Собр. соч.

В 8 т. Л.; М., 1963. Т. 5. С. 125; впервые: Золотое руно. 1907. № 5. С. 63—72).

[4] *Другие... думают, что изображенная в романе передоновщина — явление довольно распространенное.* — Ср., например: «Царит „передоновщина". Она властвует и посейчас. Обернитесь, и вы нащупаете ее в самом современном, на наших глазах сказывающемся озверении, которым кровавится Русь...» (*Аничков Евгений.* Федор Сологуб. «Мелкий бес» // Критическое обозрение. 1907. № 3. С. 31—32); «Передонов вовсе не так страшен, когда он пациент психиатра. Страшно то, что сотни и тысячи Передоновых, наводняющих необъятный русский простор, слишком здоровы, слишком нормальны, что их не преследуют Недотыкомки, что их здоровью может позавидовать половина нашей настоящей интеллигенции» (*Измайлов А.* Измельчавший русский Мефистофель и передоновщина. — «Мелкий бес» — роман Ф. Сологуба // Русское слово. 1907. № 167. 21 июля. С. 1); «Сейчас бесчисленные Передоновы вышли на политическую арену и делают дождь и хорошую погоду. Сейчас они — политическая сила, ибо нет сомнения, что именно из людей такого душевного уклада комплектуются, например, рядовые кадры „союзников" и разных подобных групп, командующих современным положением» (*Джонсон И.* [*Иванов И. И.*]. Поэт пошлости // Киевский вестник. 1907. № 183. 17 (30) дек. С. 1); «Для „Мелкого беса" Передонов — имя существительное собирательное. В сологубовском миропонимании это — имя нарицательное» (*Пильский Петр.* Федор Сологуб // Там же); «...на „Передоновщину" надо смотреть с более широкой точки зрения. Это не только картина бытовой жизни провинции. Это символ! „Передоновщина" в каждом из нас, она лежит наслоениями на наших душах, она руководит зачастую нашими поступками и желаниями, стремлениями и мыслями. „Передоновщина" это — язва, которой мы часто болеем, это — ужас того будничного, мелкого существования, которое мы зачастую влачим. ⟨...⟩ Это — символ всего мелкого, жалкого, недостойного человека, которое зачастую живет в нас и делает нас нравственными пигмеями, мельчает нас, стирает в нас все индивидуальное» (*Перельман П.* «Передоновщина» («Мелкий бес» — роман Ф. Сологуба) // Тамбовский еженедельник. 1908. № 2. 26 февр.).

[5] *Некоторые думают даже, что каждый из нас... найдет в себе несомненные черты Передонова.* — В частности, эту точку зрения высказывал А. Блок в статье «О реалистах»: «Передонов — это *каждый из нас*, или, если угодно, скажу мягче: в каждом из нас есть Передоновщина, и уездное захолустье, окружающее и пожирающее Передонова, есть нас всех окружающая действительность, наш мир, в котором мы бродим, как бродит Передонов вдоль пыльных заборов и в море крапивы» (*Блок А.* Собр. соч. Т. 5. С. 125—126). Ср. также: «В каждом произведении, воистину гениальном, есть своя магия, которая заставляет нас отождествлять себя с личиной, созданной художником. Читая „Дон Кихота", каждый говорит: я — Дон Кихот; читая „Гамлета", тот же человек искренно повторяет: я — Гамлет. Так же будут говорить и уже говорят про Передонова: „Мне страшно: я — Передонов"» (*Чулков Г.* Федор Сологуб. «Мелкий бес» //

Перевал. 1907. № 7. С. 54); «Передонов — это мы, это — каждый из нас. Правда, нам обидно признаться в сходстве с Передоновым, как было в свое время обидно русскому обществу признать в Карамазове свое изображение. Теперь мы признаем карамазовщину. Когда-нибудь мы захотим увидеть и передоновщину...» ([*Б. п.*] Федор Сологуб и «Мелкий бес» // Южный край. 1910. № 9900. 28 янв. С. 6).

[6] *Я не был поставлен в необходимость сочинять и выдумывать из себя...* — Ответ на упреки критиков; ср., например: «...выдуман педагог Передонов в романе "Мелкий бес" Федора Сологуба. Разве может быть в действительности такой педагог?» (*Пустовойтенко К.* О детях // Варшавский дневник. 1908. № 36. 5 февр. С. 2); «Не знаю, существует ли где-нибудь даже и в глухом провинциальном углу реальная и точная копия сологубовского Передонова? Пожалуй, что и нет. Вероятнее, что Сологуб *выдумал* этот образ, сочинил, слепил его из множества полу-Передоновых, из всех подобий и *возможностей* его, рассеянных по белу-свету. 〈...〉 Автор задался мыслью изобразить человека, каким он *может* быть, каким он будет или бывает, если раздеть его морально и умственно *донага*, если отнять у него все — разум, свободную волю, тенденцию к прогрессу, к совершенствованию, к различию добра и зла и всему прочему, составляющему отличительные способности человека, как такового... И такого обнаженного, циничного и бесстыдного нижечеловека и показал нам Федор Сологуб и... ужаснул» (*Чеботаревская Ан.* Федор Сологуб. «Мелкий бес» // Образование. 1907. № 7. Отд. III. С. 126—127); «фигура учителя Передонова несравненно менее жизненна, чем, напр〈имер〉, „Человек в футляре"; это почти символ; но тем глубже и ярче получаемые от него впечатления. Такое собрание низменных и мелочно злобных черт в человеке неестественно и невозможно, — скажет кто-нибудь: это не тип, а исключительное явление, болезнь, безумие! — Да, но ведь все эти отвратительные черты Передонова: и жестокость, и злоба, и эгоизм, и жадность, и зависть, и трусость, и т.п. можно встретить в большинстве людей, в *человеке* вообще» (*К〈олтонов〉ская Е.* Федор Сологуб. «Истлевающие личины. Книга рассказов». М., 1907 // Современный мир. 1907. № 10. Отд. II. С. 77) и т. п. В контексте полемики о подлинности образа Передонова небезынтересно мнение З. Гиппиус, высказанное в письме Сологубу от 12 ноября 1908 года: «Что же касается известного вам Передонова, то неужели вы хотите, чтобы я считала его вами созданным, — измышленным, *выдуманным*, как Фивейские, Челкаши и т.п.? Воля ваша — не могу. Что мне делать, если он мне кажется живым? Ищите себе других критиков, коли мною недовольны» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 183. Л. 15). О прототипах героев романа и реальных событиях, послуживших основой сюжета, см. в настоящей книге главу «Первогерои и Первособытия» в Приложении «*Творческая история романа „Мелкий бес"*».

[7] *...рассыпающая анекдотами Айса... строгая Ананке.* — *Ананке* (греч. миф.) — богиня необходимости, неизбежности. *Айса* — здесь подразумевается богиня случайности. Обычно айсами называли помощниц Ананке, прядущих нить человеческой судьбы; имя греческой богини судьбы — Тихе.

[8] *Этот роман — зеркало, сделанное искусно... Уродливое и прекрасное отражаются в нем одинаково точно.* — Автоцитата из второй части эссе «Демоны поэтов» — «Старый черт Савельич» (впервые: Перевал. 1907. № 12), — в которой Сологуб сравнил творчество Пушкина с бесовским магическим зеркалом, показавшим «дьявольски-искаженное отражение, — но, однако, наиболее точное из всех» (*Пушкин А. С.* Pro et Contra. Антология. Том 1 / Сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова. СПб., 2000. С. 408). В тексте двойная аллюзия: на эпиграф из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (1836) («На зеркало неча пенять, коли рожа крива»), а также на мотив из сказки Х.-К. Андерсена «Снежная королева» о разбитом чудесном зеркале, ср.: «Так вот, жил однажды тролль, злющий-презлющий; то был сам дьявол. Раз он был в особенно хорошем расположении духа: он смастерил такое зеркало, в котором все доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, все же негодное и безобразное, напротив, выступало еще ярче, казалось еще хуже. Прелестнейшие ландшафты выглядели в нем вареным шпинатом, а лучшие из людей — уродами или казались стоящими кверху ногами и без животов. Лица искажались до того, что нельзя было и узнать их; случись же на лице у кого веснушка или родинка, она расплывалась во все лицо. Дьявола все это ужасно потешало. Добрая, благочестивая человеческая мысль отражалась в зеркале невообразимой гримасой, так что тролль не мог не хохотать, радуясь своей выдумке. ⟨...⟩ Миллионы, биллионы его осколков наделали, однако, еще больше бед, чем само зеркало. Некоторые из них были не больше песчинки, разлетелись по белу свету, попадали, случалось, людям в глаза и так там и оставались. Человек же с таким осколком в глазу начинал видеть все навыворот или замечать в каждой вещи одни лишь дурные стороны, — ведь каждый осколок сохранял свойство, которым отличалось самое зеркало» (*Андерсен Х.-К.* Сказки, рассказанные детям. Новые сказки / Изд. подгот. Л. Ю. Брауде, И. П. Стребловой. Сер. «Лит. памятники». Пер. А. В. и П. Г. Ганзен. М.: Наука, 1983. С. 161—162). Соотнесенность мотива «романа-зеркала» с повествованием о зеркале тролля из сказки Андерсена приобретает особый смысл в свете мистификации Сологуба — сына Дьявола из стихотворения «Когда я в бурном море плавал...» (23 июля 1902; впервые: Северные цветы. Третий альманах книгоиздательства «Скорпион». М., 1903. С. 160), ставшего популярным в 1900-е годы. Метафора Сологуба была использована в статье Петра Пильского «Федор Сологуб»: «Передонов — зеркало, безостановочно и беспрерывно вертящееся мимо всех других, многих бесчисленных, быть может, всех земных душ. В это зеркало поочередно смотрятся все, и все себя видят, ибо оно громадно. И ужас в том, что никто не ужасается, трагедия — в отсутствии для всех трагедий. „Мелкий бес" непревосходим именно потому, что его автор изживает ужас за всех, что здесь он не говорит, а вопиет, что это не слово, а скрежет, не голос, а вопль» (Свободная молва. 1908. № 2. 28 янв. С. 3).

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЯТОМУ ИЗДАНИЮ

[1] *...в наши дни и невероятное случается.* — Возможно, Сологуб имеет в виду сюжеты, о которых сообщалось в газете: «Во Владивостоке до последнего времени существовала Афанасьевская улица; это была память о случае, подобном передоновскому. В 70-х годах Владивостоком управлял сумасшедший губернатор. ⟨...⟩ Когда сумасшедший губернатор отдал несколько совершенно безумных приказов, его поведение возбудило некоторые подозрения. Но и тогда на совещании городского начальства постановлено было не показывать вида и по-прежнему ходить к губернатору на приемы и доклады. Правда открылась только тогда, когда Афанасьева нашли ночью под кроватью его заместителя. Его стали лечить... Владивостокский случай не исключение, хотя и от одного такого исключения делается страшно. В пермской психиатрической лечебнице содержался одно время некий господин, который имел страсть к самозванству. То он в одном из уездов Пермской губ. выдавал себя за земского врача, то на одной из южных дорог выплывал в качестве грозного ревизора, то разъезжал в глухом уезде Астраханской губ. как губернатор. И замечательнее всего, что этот больной человек, со всеми признаками душевной болезни, ни в ком не возбуждал подозрений и одинаково хорошо играл роль земского врача, железнодорожного ревизора и губернатора. ⟨...⟩ На днях петербургская судебная палата слушала дело городского исправника надворного советника Принцева, которое ничем не разнилось бы от дела Передонова, если бы оно дошло до суда. ⟨...⟩ Принцев, состоя в должности исправника, занимался тем, что составлял и рассылал губернатору донесения от имени различных лиц на всю местную администрацию, обвиняя ее представителей главным образом в том, что они соблазняют жен местных обывателей и бесчестят их дочерей. ⟨...⟩ ...было обнаружено, что Принцев, в бытность становым приставом, занимался тем, что рассылал местным обывателям оскорбительные анонимные письма, а духовенству — открытки с порнографическими рисунками. ⟨...⟩ Какое было бы счастье, если бы кто-нибудь осмелился хоть на миг заподозрить Сологуба в шарже и преувеличении!» (*Володюша [Швейцер В. З.].* Передоновщина // Уральская жизнь [Екатеринбург]. 1909. № 24. 30 янв. С. 3; газетная вырезка сохранилась в архиве писателя: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 6).

[2] *Я даже прочитал в одной газете, что я собираюсь написать вторую часть «Мелкого беса».* — Ср.: «Одна из газет сообщила, что Федор Сологуб написал продолжение своего романа „Мелкий бес". Главный герой его — учитель Передонов — там будет действовать в качестве вице-губернатора. „Мелкий бес", без сомнения, одно из крупнейших литературных явлений последнего пятилетия. Если бы Сологуб написал продолжение своего романа, это было бы чрезвычайно приятно, но... Но маленькое препятствие в том, что на последних страницах „Мелкого беса" Передонов уже сошел с ума. Это плохой залог для вице-губернатора» ([*Б.п.*] В литературном мире // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1907. № 10176. 30 окт. [12 нояб.]. С. 4); «Как-то мелькнуло сообщение, будто вы намерены продолжать "Мелкого беса". Насколько это верно? — Мне, действитель-

но, приходила такая мысль. Передонов, переживший острый момент сумасшествия, мог стать опять терпимым в нормальном обществе, в особенности таком „нормальном", каким оно явилось у нас после 1905 года. Мне казалось возможным обосновать возвращение Передонова даже к службе в эту пору помрачения здравого смысла в чиновничьем и служебном мире. Ярому черносотенцу Передонову удалось бы доказать, что убийство совершено им на фоне оскорбленного патриотизма и этим получить себе оправдание и кусок казенного пирога. Это не было бы нелепостью. О таких случаях не раз приходилось читать в газетах» (*Аякс* [*Измайлов А. А.*]. Ф. Сологуб о своих произведениях // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1908. № 10761. 16 [29] окт. С. 3).

[3] *...поступил на службу в полицию... и делает хорошую карьеру.* — Мотив предвосхищается в романе: городской голова Скучаев советовал Передонову поступить в становые (см. главу VIII).

[4] *...он занялся литературною критикою.* — Возможно, отклик на статью А. С. Изгоева «Газетный Передонов» (Речь. 1907. № 219. 16 сент. С. 2), в которой речь шла о ведущем публицисте и критике газеты «Новое время» М. О. Меньшикове, широко известном своими антисемитскими и охранительно-патриотическими выступлениями (ср.: «Мы могли бы привести десятки, сотни мест из статей г. Меньшикова и рядом с ним поставить цитаты из „Мелкого беса", и всякий раз читатель был бы поражен тождественностью Меньшикова и Передонова. Это — бесспорно одно и то же лицо, тяжелый продукт общественной реакции 80-х годов»).

[5] *В статьях его сказываются те черты, которые отличали его и раньше.* — В варианте авторизованной машинописи было: «Хотя этот слух отчасти и оправдывается странным характером некоторых рецензий из тех, которые мне пришлось прочесть, все-таки он кажется мне еще неправдоподобнее первого» (*Сологуб Федор.* Предисловие к пятому изданию // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 97-3).

[6] Дата приводится в 5-м издании «Мелкого беса» (СПб.: «Шиповник», 1909. С. 6).

ДИАЛОГ ⟨К СЕДЬМОМУ ИЗДАНИЮ⟩

[1] *Прими смиренно злость и брань.* — Смысловая перекличка с пьесой Н. В. Гоголя «Театральный разъезд после представления новой комедии» (1842), в которой использованы печатные и устные критические отзывы о «Ревизоре». То же самое проделал Сологуб: в своих предисловиях к изданиям «Мелкого беса» он процитировал отклики на роман. Традиционная для журнальной критики 1830—1840-х годов форма диалога, возможно, служила указанием на литературный контекст, в котором автор «Мелкого беса» рассматривал свой роман.

⟨ПРЕДИСЛОВИЕ⟩ К СЕДЬМОМУ ИЗДАНИЮ

[1] *...какою дорогою идет теперь Ардальон Борисович.* — Передонов вновь появляется в третьей части «Творимой легенды» (1907—1913) — романе «Дым и пепел» (впервые: — Земля. Сб. 10. М., 1912. Ч. I. С. 121—296; Там же. Сб. 11. М., 1913. С. 113—284). Один из персонажей рассказывает о его карьере: «...он своего приятеля в пьяном виде зарезал, в сумасшедшем доме сидел, и уж как оттуда выбрался, уму непостижимо. Поступил по протекции в губернское правление и таким аспидом себя показал, что все диву давались. Живо в советники правления выскочил. Крестьян усмирял ⟨...⟩ В газетах об его подвигах печатали достаточно. Кое-что и лишнего прибавили, а ему только на руку было. Большое на него внимание обратили. Вице-губернатором сделали, так он из кожи лезет, еще больше отличиться хочет. В губернаторы метит. Далеко пойдет. Сам наш губернатор остерегается. А надо вам сказать, что у нашего губернатора крепкая рука в Петербурге есть. А все-таки Ардальону Борисовичу перечить не решается» (*Сологуб Федор.* Творимая легенда. М.: Художественная литература, 1991. Т. 1. С. 172).

«МЕЛКИЙ БЕС». РОМАН

[1] Эпиграф: *Я сжечь ее хотел, колдунью злую...* — Первая строка стихотворения Сологуба, датированного 19 июня 1902 года (впервые: Петербургская жизнь. 1903. № 720. С. 4870); эта же дата в черновом автографе «Мелкого беса» фиксирует день окончания работы над романом (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 96. Л. 584 об.). Эпиграф отсутствует в рукописях и во всех прижизненных изданиях, осуществленных до 1913 года. Содержание стихотворения перекликается с текстом XXXI главы, в которой повествуется о попытке Передонова сжечь княгиню, ср.:

Я сжечь ее хотел, колдунью злую.
Но у нее нашлись проклятые слова, —
Я увидал ее опять живую,
Вся в пламени и в искрах голова.

И говорит она: «Я не сгорела, —
Восстановил огонь мою красу.
Огнем упитанное тело
Я от костра к волшебству унесу.

Перебегая, гаснет пламя в складках
Моих магических одежд.
Безумен ты! В моих загадках
Ты не найдешь своих надежд».

В эпиграфе задается гносеологическая тема романа: познание предметного мира (ведийской Майи) как его сжигание, как неизбежное повторение «пламенного круга» превращений и переживаний (*«Я не сгорела»*). О семантике эпиграфа см.: *Пустыгина Н. Г.* Символика огня в романе Федора Сологуба «Мелкий бес» // Блоковский сборник IX: Памяти Д. Е. Максимова. Тарту, 1989. Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Вып. 857. С. 124—137. Вероятно, в контексте гносеологической темы следует рассматривать совпадение в датировке романа и стихотворения.

I

[2] *Все принарядились по-праздничному... Но все это только казалось.* — Фрагмент был введен в текст журнальной публикации. Сологуб акцентировал центральную метафизическую тему романа: предметный мир — видимость, явление Майи, бытование по буддизму, представление — по Шопенгауэру. По мнению Вик. Ерофеева, в экспозиции ощутимо влияние Л. Толстого. Сологуб противопоставляет видимость — сущности, и «читателю кажется, что сейчас произойдет аналогичное толстовскому разоблачение видимости, „срывание всех и всяческих масок"»; однако разоблачения не происходит, так как в «Мелком бесе» отсутствует противопоставление «данного» — «идеальному» (*Ерофеев Виктор.* На грани разрыва («Мелкий бес» Ф. Сологуба и русский реализм) // Ерофеев Виктор. В лабиринте проклятых вопросов. М., 1990. С. 85).

Вероятно, возникший «эффект обманутого ожидания» не следует рассматривать исключительно в контексте возможной «полемики» Сологуба с Толстым. В годы работы над «Мелким бесом» писатель видел в произведениях Толстого отражение философских идей Шопенгауэра, близких его собственному мироощущению: «Беспощадно сдергиваются последние покровы, и поэт с презрительным сожалением говорит: Вот то, перед чем вы преклонялись. Мы все заворожены старыми наговорами наших предков, мы верим в слова, символы, эмблемы, — и во всем этом ложь. ⟨...⟩ Вот люди едят и пьют, работают и играют, наживаются, разоряются, рожают детей и умирают, — вот они во всех делах своих, — в своем достоинстве и в своей пошлости, — и все это — ложь и призрак. Все разнообразие жизни, бьющей ключом, возникло как бы для того только, чтобы погибнуть»; «В другом месте (Исповедь) он говорит: „Можно жить только покуда пьян жизнью, а как протрезвишься, то нельзя не видеть, что все это обман"» (*Сологуб Федор.* Единый путь Льва Толстого // Сологуб Федор. Собр. соч. В 12 т. СПб.: «Шиповник», 1910. Т. X. С. 192—194; впервые: Die Welt Leo Tolstojs. Feier seines siebzigsten Geburtstage Von Fjodor Sologub (Petersburg) // Die Zeit (Wien). 1898. № 206. 10 September. S. 167—168. — Статья была заказана редакцией «Die Ziet», по случаю 70-летнего юбилея Льва Толстого).

[3] *Место инспектора* — Должность инспектора была введена в 1828 году уставом русских гимназий в помощь директору гимназии, главным образом для поддержания дисциплины; одновременно этим же уставом в числе дисциплинар-

ных мер было введено телесное наказание. В период министерства И. Д. Делянова (1882—1897) «место инспектора» в гимназии получило особо важное значение вследствие проводимой министром политики жесткой регламентации внутреннего быта школы — усиления школьного и внешкольного надзора и дисциплинарных репрессий, ужесточения экзаменационного контроля (эти меры были предприняты, чтобы затруднить доступ в гимназии «кухаркиным детям»).

[4] *Белена* (Hyoscyamus) — травянистое растение, произрастающее повсюду на сорных местах, с неприятным резким запахом, ядовитое, в больших количествах вызывает сильное возбуждение, галлюцинации, бред, в отдельных случаях смерть. В тексте дано точное ботаническое описание белены. О специфическом интересе Сологуба к свойствам растений см. в Приложении *«Творческая история романа „Мелкий бес"»* в главе «История текста романа „Мелкий бес"» — с. 745—746 наст. изд.

[5] *Кулебяка* — большой пирог с начинкой; здесь: пышная толстая женщина.

[6] *Сварганить* (*диалект.*) — сделать что-нибудь плохо, на скорую руку, свалять.

[7] *Мшанка*, или пониклица (горица, отсрица) — многолетнее стелющееся растение. *Жеруха* — многолетнее растение, произрастающее в болотистой местности, в лужах со стоячей водой.

[8] *Остропестро* (Silybum macianum) — расторопша пятнистая, травянистое растение, высота стебля до полутора метров, нижние листья с желтоватыми колючками, цветки трубчатые, пурпурные.

[9] *В одно жилье* — в одну жилую комнату.

[10] *Обеденка* (диалект.) — кухня или небольшая комната, где обедают.

[11] *Кокорыш* (Aethusa cynapium) — растение семейства зонтичных, более известно под названием *собачьей петрушки*, сходно с настоящей петрушкой, но отличается от нее сильным запахом, ядовитое. *Цикутный аистник* (Erodium cicutarium) — небольшое распростертое травянистое растение (семейства гераневых), с перистыми листьями и красноватыми цветками в зонтиковидных соцветиях, сорняк. *Лютики* (Ranunculus) — травянистое растение, цветущее одиночными яркожелтыми цветками, растет повсеместно, сорняк, ядовитое. *Молочаи* (Euphorbia) — древовидные травы, лишенные листьев и одетые колючками растения, ядовиты.

[12] *Прогимназия* — учебное заведение (как правило, четырехклассное), дававшее неполное среднее образование.

[13] *Мешкотный* — медлительный, вялый.

II

[14] *Омег* (*диалект.*) — хмельной, ядовитый напиток (*Даль.* 2: 672).

[15] *Набуровить* (*диалект.*) — налить не в меру, ухнуть (*Даль.* 2: 382).

[16] *Затрапез* — грубая льняная или пеньковая ткань, пестрая или полосатая, из которой шили рабочую одежду (от купца Затрапезникова, которому Петр I передал пестрядиную фабрику) (*Даль.* 1: 651; 3: 104).

[17] *Скажут, что я Писарева читал, — и ау!* — Страх Передонова не имел оснований. Несмотря на цензурные ограничения, сочинения Д. И. Писарева неоднократно издавались (в 1866—1869; 1870—1872; 1894; 1897). Существовало запрещение сохранять его книги в публичных библиотеках и общественных читальнях, но чтение и хранение их в личных собраниях не было поводом для преследования и судебного разбирательства.

[18] *Пшенная кутья... — это и есть ерлы... что ж, его в покойники хочет записать...* — Кутья — каша из ячменя или пшеницы, с сытой (медом, разведенным в воде) и изюмом; кутьей православные поминают покойника. Ерлами пшенную кутью называли в Тульской губернии (*Даль.* 1: 521).

[19] *...этаким мамелюком.* — Мамелюками называли конную гвардию египетских султанов (после египетского похода Наполеона входили в его личную охрану), состоявшую из воинов тюркского и кавказского происхождения. Здесь: иноверец, басурман, так как по православному обычаю мужчина в храме и перед образом должен снимать головной убор.

[20] *Меньшуха* — младшая сестра или невестка (*Даль.* 2: 318).

[21] *Фордыбачить* (*простореч.*) — храбриться; шуметь и кричать (*Даль.* 4: 537).

[22] *Жамочки / жемочки* (*диалект.*) — пряники приплюснутой формы. (Словарь русских народных говоров. Л. , 1972. Вып. 9; *Даль.* 1: 527).

[23] *Кастъ поганая* (*пск.*) — пакость, гадость, скверна; паскуда (*Даль.* 2: 95).

[24] *Вожжаться* (*диалект.*) — знаться, дружить, водиться (*Даль.* 1: 224).

III

[25] *Фря* (*простореч.*) — важная особа (*Даль.* 4: 539).

[26] *Упаточиться* (*диалект.*) — умаяться, упариться (*Даль.* 4: 500).

[27] *Аристон* — механический музыкальный ящик, прообраз граммофона.

[28] *Комиссионерство* — посредничество в торговых сделках.

[29] *Ейкать* (*вытегор.*) — звать, призывать кого-либо (Словарь русских народных говоров. Вып. 8).

[30] *...дюшками в нашем городе называют свиней.* — В этом значении слово употреблялось в великолукском и новгородском говорах (Словарь русских народных говоров. Вып. 8).

[31] *Ворожка* (*пск.*) — гаданье.

IV

[32] *Не сговоришь* — не переубедишь (*Даль.* 4: 164). Возможно, здесь неисправленная в первом издании романа опечатка, перенесенная затем во все остальные; в рукописи: *не сговоришься!*

[33] *Чудород* — чудак (*Даль.* 4: 612).

[34] *И пусть каждая скажет, чем она мне угождать будет.* — Фольклорный мотив (троичность, выбор одного из трех), преломившийся в сюжете «Сказки о царе Салтане» Пушкина и трагедии Шекспира «Король Лир»; впервые отметил А. Редько: «Ну, пусть бы одна из трех умных, образованных и с гонором — вышла и рассказала, чем будет угождать подражателю Лира и Пушкинского царя Салтана. Выходят, однако, как у Шекспира и Пушкина, все три; но не к царям, а к Передонову, и терпеливо выносят все издевательства, каких не приходилось, конечно, испытывать героиням Пушкинской сказки» (*Редько А. Е.* Федор Сологуб в бытовых произведениях и в «творимых легендах» // Русское богатство. 1909. № 3 (Март). Отд. II. С. 71).

[35] *Чудодей* — чудак (*Даль.* 4: 612).

V

[36] *Копа (простореч.)* — копуша.

[37] *Грушина перевела разговор на эротические темы. Она рассказала, как ее ревновал покойник муж и как она ему изменяла.* — Ср. запись «с натуры», сделанную Сологубом: «Зарецкая рассказывала, что муж, уходя в должность, надевал на нее панталоны, глухие, без отверстия внизу, с замком. Замкнет и ключ унесет с собою. Так она и терпит. 〈...〉 Ее гаданье: показала кому-то в стакане чей-то зад. Ее гаденькие картинки. Ее дети. Ее ухаживанье за молодыми людьми. 〈...〉 В маскарадах» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 539. Л. 67); рассказ о панталонах с замком, отвергнутый в окончательной версии текста, имеется в ранней редакции (см. с. 413—414 наст. изд.)

[38] *«Отечественные записки»... книги эти надо спрятать, а то донесут...* — Журнал «Отечественные записки» (1839—1884; издавался в Петербурге А. А. Краевским, с 1867 года Н. А. Некрасовым, М. Е. Салтыковым-Щедриным, Г. З. Елисеевым; с 1877 года в редакцию вошел Н. К. Михайловский), в апреле 1884 года был запрещен как издание, которое «...не только открывает свои страницы распространению вредных идей, но и имеет ближайшими своими сотрудниками лиц, принадлежавших к составу тайных обществ» (Правительственный вестник. 1884. № 87. 20 апреля [2 мая]. С. 1).

[39] *Стуколка (стукалка)* — азартная карточная игра, из разряда коммерческих, самая популярная в России в конце XIX века; количество игроков в ней не ограничено; все игроки ставят установленную сумму на кон или вносят в общую кассу, желающий играть на своих картах (без прикупа) оповещает других игроков постукиванием пальцев по столу; игроки, не взявшие ни одной взятки, ставят или платят *ремиз*, соразмерный стоимости кона, который таким образом увеличивается; известны четыре вида игры: с гольцом, с прикупом, со шлейфом, обязательная. «Игра в стуколку очень легка и интересная в том отношении, что можно проиграть и выиграть много» (Тайны карточной игры. Сенсационные разоблачения всех шулерских приемов и клубной организации. М., 1912. С. 162). О значении

игры в стуколку в романе см.: *Спроге Л. В.* «Закон игры» в «Мелком бесе» Федора Сологуба // Филологические чтения: 2001. Даугавпилс: «Saule», 2002. С. 47—58.

40 *На что мне тиковый пуз?* — Пиковый туз при гадании на картах символизирует удар, болезнь или смерть. Оговорка Передонова имеет профетический оттенок: в бреду ему является «пиковая дама в тиковом капоте».

41 *Варвара поверила, что натирание крапивой... ей помогло.* — В ранней редакции романа этому фрагменту предшествует сцена сечения Варвары крапивой (см. с. 399—401 наст. изд.).

VI

42 *О состоянии учебного дела, о реформе гимназий...* — В 1890-е годы русская общественность широко обсуждала вопрос о необходимости реформы классических гимназий. Реформа среднего образования, проведенная Д. А. Толстым (в 1866—1880 годы — министр просвещения), горячим поборником классицизма, привела к расколу системы среднего образования на классическое (приоритетное) и реальное; большая часть учебного времени в гимназиях отводилось древним языкам в ущерб изучению естественнонаучных предметов; в отличие от реальных училищ, гимназии имели монополию на университетское образование.

В период министерства И. Д. Делянова (1882—1897) при отборе для поступления в гимназии стали применять имущественный и сословный ценз (согласно циркуляру от 18 июня 1887 года), это обстоятельство, тормозившее развитие среднего образования, еще больше усилило всеобщее недовольство классической системой образования. Под давлением общественности в 1890 году Делянов утвердил новый учебный план, при котором классическая система в гимназиях сохранялась, но количество часов на преподавание древних языков было сокращено.

Реформа не удовлетворила ни сторонников классицизма, ни сторонников реального образования. В середине 1890-х годов в прессе обсуждался вопрос об упразднении двойственного типа средних школ и введении единой средней школы с одним (латинским) древним языком; см., например, статью профессора В. П. Даневского «Единая средняя школа» (Новое время. 1896. № 7223. 9 [21] апр. С. 2), а также ряд ответных статей в апрельских и майских номерах газеты. В 1899 году, в период министерства Н. П. Боголепова (1898—1901), была создана Комиссия по реформе средней школы, однако и она не разрешила главных противоречий гимназического образования; были внесены лишь изменения в программы, в порядок проведения экзаменов, в права педагогических советов и распределение учебного времени.

43 *...о символизме...* — Указание на осведомленность Адаменко в современной литературе и журнальной критике. Первые выступления русских символистов состоялись в начале 1890-х годов. В 1892 году вышел сборник Д. С. Мережковского «Символы», в 1894—1895 годы В. Брюсов выпустил три сборника «Русские символисты», которые вследствие их экспериментаторского и эпатирующего характера получили негативное освещение в печати. Не в меньшей степени в

1890-е годы был известен и журнал «Северный вестник», активно печатавший произведения представителей «новой» литературы, отечественной и зарубежной. О символизме провинциальный русский читатель мог судить также по статье Н. К. Михайловского «Русское отражение французского символизма» (Русское богатство. 1893. № 2), см. примеч. на с. 794; или благодаря циклу статей З. А. Венгеровой о новой европейской литературе, первая из них — «Поэты символисты во Франции: Верлен, Маллармэ, Римбо, Лафорг, Мореас» появилась в «Вестнике Европы» (1892. № 9).

[44] *«Человек в футляре» Чехова ... в «Русской мысли»...* — Рассказ А. П. Чехова «Человек в футляре» был напечатан в июльском номере журнала «Русская мысль» за 1898 год. В автографе ранней редакции названо другое произведение Чехова — «Мужики» (впервые: Русская мысль. 1897. № 4) (с. 420 наст. изд.). Для Сологуба эта замена имела существенное значение, так как в чеховском Беликове он видел адекватное изображение современного человека. В статье «После катастрофы» он писал: «Так уж сложилась наша тусклая, бездарно-мещанская жизнь, что на всех путях стерегут нас чеховские страхи. И что мы ни делаем, куда ни идем, на что ни обращаем наши взоры, — везде мерещится нам страшное, и сердце тоскливо сжимается опасениями и предчувствиями. ⟨...⟩ Опасение „человека в футляре", — как бы чего ни вышло, — не чуждо каждому из нас. И мы боимся, — врагов, да и друзей, чужих и своих, силы и власти, ума и безумия, правды и клеветы, смерти и жизни. Не умеем быть смелыми, не смеем хотеть, стыдимся самих себя и робко прячемся в раковины обычного строя жизни, тупой, ленивой, вялой. Боимся разбить эти раковины, хотя они хрупки, хотя нам в них неловко и тесно. И когда бледная смерть внезапно станет перед нами, мы забываем всю нашу культурность и звереем. Потому что привыкли к страху» (*Сологуб Федор*. После катастрофы // Новости и Биржевая газета. 1904. № 181. 3 июля. С. 2).

[45] *А Передонову нравилось, когда мальчики плакали, — особенно, если он так сделал, что они плачут и винятся.* — Ср.: «Уставы и инструкции учебных заведений советуют прибегать к наказаниям только в случаях необходимости, а детские проступки предупреждать тщательным надзором и правильно поставленной дисциплиной. ⟨...⟩ И все же мы, взрослые, наказываем детей, как только на них рассердимся. ⟨...⟩ И многие любят смотреть, как наказуемые дети плачут; иные не могут даже этого скрыть, и смеются или улыбаются на детские слезы. Приятно для них ощущение власти, еще приятнее — мучить, а лукавый рассудок легко и охотно подыщет оправдание для всякого темного дела» (*Сологуб Федор*. О школьных наказаниях // Образование. 1902. № 11. Отд. II. С. 69).

[46] *Вы, поляки, ведь все бунтовать собираетесь, да только напрасно.* — Отклик на обсуждение в 1890-е годы русской общественностью «польского вопроса»; охранительная печать писала о крупнейших польских восстаниях (1794 год под руководством Т. Костюшко; 1830—1831 годы и 1863—1864 годы) как о противоправительственных бунтах и в целом способствовала разжиганию ксенофобии. Ср., например: «От знакомых русских я не раз уже слышал заявление, что

коль скоро я — поляк нерасполяченный, то не может быть, чтобы в глубине души я не питал желания и надежды насчет восстановления совершенно обособленной Польши. ⟨...⟩ Взаимные же чувства обществ русского и польского были бы совсем иными, если бы „Тряпичкины-очевидцы" (Тряпичкин — газетный репортер, адресат Хлестакова в «Ревизоре» Гоголя. — *М. П*), живописуя польскую жизнь в некоторых повременных русских изданиях тем языком нетерпимости и в том „полицейском" стиле, ⟨...⟩ не вселили во многих русских совершенно ложного представления о современных поляках, а этих последних не раздражали бы своими выдумками и размышлениями. ⟨...⟩ Недавно было напечатано, например, что варшавские поляки украсили ниши одного из местных костелов статуями ненавистников России, в том числе Мицкевича, выдав их как католических святых. Варшавские газеты объяснили, что и костел, и статуи в нишах воздвигнуты за много лет до рождения названного поэта, который, кстати сказать, интимно дружил с многими русскими» (*Багницкий Д.* К вопросу о русско-польских отношениях. СПб., 1897. С. 20, 28).

47 *А польки все неряхи.* — Возможно, источником этой реплики послужила газетная публикация, на которую сослался Д. Багницкий в своей брошюре, ср.: «Другой его собрат по сему благородному ремеслу пытается уверить, что польское общество деспотически управляется женщинами, которые моются один единственный раз в жизни — именно, когда утопают (sic!)» (*Багницкий Д.* К вопросу о русско-польских отношениях. С. 29).

48 *...у вас Мицкевич был. Он выше нашего Пушкина.* — Вероятно, иронический отклик на полемику вокруг статьи Вл. Соловьева «Судьба Пушкина» (Вестник Европы. 1897. № 9), в которой с позиции христианской этики философ порицал Пушкина за участие в дуэли: поддавшись недостойному христианина и гения чувству мести, поэт пал его жертвой (о полемике см.: *Корецкая И. В.* 1) «Мир искусства» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX—начала XX века (1890—1904). Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 143—145; 2) Над страницами русской поэзии и прозы начала века. М., 1995. С. 270—323). В речи о Мицкевиче Вл. Соловьев говорил, что в личности польского поэта явлена «мерка человеческого величия», подвиг Мицкевича в том, что он отказался от личного во имя общественного и религиозного дела (Мир искусства. 1899. № 5. Отд. II. С. 27—30).

49 *...Он камер-лакеем был.* — В декабре 1833 года Николай I пожаловал Пушкину придворное звание камер-юнкера, которое поэт счел «неприличным его летам» и унизительным: звание вынуждало носить мундир и бывать при дворе, что противоречило его независимой позиции. Реплика содержит отклик на обвинение Пушкина и поэтов его круга в «литературном аристократизме» (намерении писать «для немногих»), выдвинутое в 1830-е годы Ф. Булгариным и поддержанное Н. А. Полевым, вызвавшее полемику, в которой против Пушкина были использованы «третьесословные» лозунги (см.: *Вацуро В. Э.* «К вельможе» // Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С.179—216). Представление о Пушкине — барине и поэте «чистого искусства» стало клише массового сознания

разночинной интеллигенции («Базаровых»), отчасти благодаря статье Д. И. Писарева «Пушкин и Белинский» (1865). Об этом в год столетнего пушкинского юбилея писал Д. С. Мережковский: «Грубо-утилитарная точка зрения Писарева, в которой чувствуется смелость и раздражение дикаря перед созданьями непонятной ему культуры, теперь анахронизм: эта точка зрения заменилась более умеренной — либерально-народнической, с которой Пушкина, пожалуй, можно оправдать в недостатке политической выдержки и прямоты. Тем не менее Писарев, как привычное тяготение и склонность ума, все еще таится в бессознательной глубине многих современных критических суждений о Пушкине»; по мнению Мережковского, дух Булгарина и дух Писарева — «родственнее друг другу, чем обыкновенно думают» (*Мережковский Д. С.* Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб., 1899. С. 447, 449).

[50] *Босые ежеденком дома ходите... Вовсе не от бедности... это для здоровья очень полезно, закаляет здоровье и приятно летом.* — «Босые ноги» — один из центральных и наиболее характерных мотивов лирики и прозы Сологуба, проходит через все его творчество, имеет автобиографический подтекст: «Из боязни наследственного заболевания мать укрепляла здоровье мальчика простыми и суровыми средствами. Отчасти поэтому, отчасти по бедности ему приходилось с ранней весны до поздней осени ходить босиком, даже в училище и в церковь 〈...〉

Всякий знает, как любят героини его романов ходить босиком и сколько прелести в описаниях их легкой походки, бега и танцев. Но не всякий знает, как любил Ф〈едор〉 К〈узьмич〉 сам ходить босиком 〈...〉 В позднейшие годы (〈19〉22—〈19〉23), когда Ф〈едор〉 К〈узьмич〉 после смерти жены жил с нами на Ждановке, уже больной и усталый, он иногда уходил в ночные часы и бродил босиком по раскаленным плитам тротуара» (*Черносвитова О. Н.* Материалы к биографии Ф. Сологуба / Вступ. статья, публ. и коммент. М. М. Павловой // Неизданный Федор Сологуб. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 231).

Этот мотив в творчестве Сологуба осмыслен в разных аспектах: как символ духовного странничества; как добродетель, которую следует прививать с детства; как залог нравственного совершенства, ср.: «И с тех пор, как босые ноги Христа попирали землю, бедность перестала быть постыдною сама по себе. Ибо плоть не может ничтоже, — и вся сила, жизнь и свет в Духе» (*Сологуб Федор.* О телесных наказаниях / Публ. М. Павловой // De visu. 1993. № 9 [10]. С. 52).

[51] *Сапог не накупишься.* — Далее в черновом автографе и ранней редакции романа следует описание наказания Влади розгами. См. с. 429—432 наст. изд.

VII

[52] *Ему казалось теперь опасным не бывать часто в церкви, — еще донесут, пожалуй.* — Автобиографический мотив. Сологуб неоднократно жаловался В. А. Латышеву на предъявляемые к нему претензии со стороны школьной ад-

министрации в связи с якобы непосещением им церкви; например, в письме из Крестцов от 26 апреля 1885 года он, в частности, сообщал: «...мне пришлось иметь жестокую баталию с учителем-инспектором по поводу того, что, выбирая на педагогическом совете книги для награждения учеников, я не только сам указал на книги слишком светского направления, но даже высказывался против духовно-нравст⟨венных⟩ книг. На самом-то деле, я говорил, что давать учен⟨икам⟩ в награду Ев⟨ангелие⟩ несоответственно, ибо сия книга должна быть у каждого ученика. На совете мне не возражали; Бальзаминов, как он выразился, только пожимал внутренне плечами. Но зато на другое утро последовала вспышка; припомнил и многое другое: и то, что я мало в церковь хожу, и что однажды допустил, что ученики прочли молитву без меня, и что вообще я иду вразрез с мнением и желанием начальства ⟨...⟩ Сочли нужным довести до сведения дир⟨ектора⟩ нар⟨одных⟩ уч⟨илищ⟩, что я в церковь редко хожу ⟨...⟩ Он, разговаривая со мною ⟨...⟩ между прочим, высказал, что в городе говорят о редком посещении мною церкви. Потому его решение было очевидно, что ему уже внушена полная уверенность в моем безбожии, так что и оправдываться было бесполезно» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 2. № 30. Л. 68).

[53] *Раздевоня (диалект.)* — изнеженный мальчик (*Даль.* 4: 29).

[54] *...при царе Михаиле.* — Великие Луки (место службы Сологуба в 1885—1889 годах и прототипическое место событий, описанных в «Мелком бесе») начали восстанавливать по указу Михаила Федоровича Романова (1596—1645; правил с 1613) в 1619 году, после захвата и разрушения города в 1580 году войсками Стефана Батория.

[55] *...учительница... в красной рубашке ходит.* — Красная (кумачовая) рубашка, популярная среди русских крестьян, воспринималась Передоновым как символ опрощения, а стало быть, и как повод для доносительства. Согласно «Описанию и правилам ношения форменной одежды для гражданских чинов ведомства Министерства народного просвещения», учителя-мужчины обязаны были носить рубашки из белого полотна без полосок. Передонов распространяет это правило на женщину, притом учительницу женской начальной школы.

[56] *Еретица* — здесь: борода (вероятно, непослушная, стоящая торчком); царский указ 1743 года о бритье бород раскольникам противоречил старообрядческим правилам: раскольники продолжали носить бороды, несмотря на налагаемые на них за неисполнение указа штрафы.

VIII

[57] *Пристав* — становой пристав — полицейская должность, на которую избирало дворянство с последующим утверждением у губернского начальства.

[58] *Досадовал, что нет ордена. У других есть... Чины идут, этого директор не может отнять...* — Возможно, автобиографический мотив: в 1888 году в период службы в Великолукском городском училище (1885—1889) Сологуб был

произведен за выслугу лет в чин коллежского секретаря; в 1889 году в период службы в Вытегорской учительской семинарии (1889—1892) — в чин титулярного советника, в 1890 году — в чин коллежского асессора. Ср. его шутливое стихотворение (впервые: *Федор Сологуб*. Неизданное и несобранное / Под ред. Г. Пауэр // Slavistische Beiträge. Bd. 245. Мюнхен, 1989. С. 31—32):

Когда служил я в славном Пскове,
То я не думал о чинах,
Себе не портил даром крови
Мечтой тщеславной о крестах.
Раз, — неожиданность какая! —
Совсем случайно я прочел,
Пакет по службе получая,
Что я в чины произошел.
Узрев себя в солидном чине,
Возликовала вдруг душа,
И я по этакой причине
Невольно сделал антраша.
Но впрочем тотчас с строгой миной
Свой фрак на плечи натянул,
И ровно в восемь с половиной
Сел на учительский мой стул.

11 марта 1891.

По прошествии 14 лет учительской службы Сологуб был награжден в 1896 году орденом Св. Станислава 3-й степени, в 1901 году ему был пожалован орден Св. Анны 3-й степени (см.: Сологуб Федор. Материалы, относящиеся к его педагогической деятельности 1892—1907 // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 21).

[59] *Хорошо, что там погоны будут по чину, а не по классу должности.*— В XVIII веке чины по Табели о рангах, как правило, соответствовали должностям, но затем соответствие нарушилось; в 1830—1850-х годах было составлено расписание должностей гражданской службы по классам: каждой должности соответствовал определенный класс. Определение на должность зависело от класса должности и имеющегося чина, дозволялось иметь чины на один класс выше или на два класса ниже занимаемой должности. Лица, служившие по учебному ведомству, могли не только занимать должности выше имевшихся у них чинов, но и получать следующие чины, оставаясь в должности значительно более низкого класса.

[60] *...погоны будут как у генерала... Сразу всякий увидит, что идет по улице статский советник.* — Согласно Табели о рангах, должность инспектора относилась к 8-му классу, ей соответствовал гражданский чин коллежского асессора (военный — капитан-лейтенант). Чин статского советника относился к пятому классу Табели о рангах, ему соответствовала должность директора или почетного

попечителя гимназии (военный чин пятого класса — бригадир — был упразднен в 1799 году, военный чин четвертого класса — генерал-майор).

[61] *Исправник* — начальник уездной полиции, председатель земского суда.

[62] *Уездное училище* — четырехклассное народное училище, дававшее начальное образование. В 1872 году уездные училища были преобразованы в шестилетние городские училища. Сологуб участвовал в обсуждении вопросов о переустройстве и программах городских училищ, состоявшемся на страницах педагогического журнала, издававшегося В. А. Латышевым (см.: *Ф. Т.* О городских училищах // Русский начальный учитель. 1886. № 4. С. 193—201).

[63] *Наблекотать* (*диалект.*) — наблеять, прокричать по-овечьи; насплетничать (*Даль*. 2: 379).

[64] *Викарный епископ* — заместитель епархиального епископа, стоящего во главе епархии (церковно-административной единицы).

[65] *...я ладану боюсь. Меня тошнит от ладана, и голова болит.* — Прямое указание на одержимость или бесноватость Передонова, ср.: «Боится черт ладана» (народная поговорка).

[66] *Я статский советник... скажите, какие вам большие чины дают.* — Чин Передонова, учителя русского языка и словесности классической гимназии, на три класса превосходит положенный для этой должности чин коллежского асессора — восьмой класс по Табели о рангах согласно «Расписанию классных должностей по ведомству Министерства народного образования».

[67] *...говорил под рифму всякий вздор очень весело и быстро...* — Ср.: «Седой и пьяный купчик, говорящий рифмами. Что больше пьет, то бойчей рифмует. У Веретенникова» (*Сологуб Федор*. Канва к биографии / Публ. М. М. Павловой // Неизданный Федор Сологуб. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 255).

IX

[68] *Только дети... были живы... но уже и на них налегала косность...* — Устойчивый мотив в произведениях Сологуба. Ср., например: «Детство, не знающее любви, не знает смерти, не понимает ее, не клонится к ней. ⟨...⟩ Дети и живут не так, как мы, живут радостно, светло, играя, воспринимая все от жизни, что только она может дать, жадно поглощая в себя все впечатления бытия, накопляя силы. ⟨...⟩ Нет больше грани, как от детства к возмужалости. Покойники от живых отличаются не меньше, чем мы, взрослые, от детей» (*Сологуб Ф.* Мудрость Метерлинка // ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 358. Л. 5).

Поэтическое переложение идеи А. Шопенгауэра о жизни как вечном умирании (см.: *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление. М., 1888. С. 374—377), а также иллюстрация его известного высказывания о детстве: «...в детстве все наше бытие коренится гораздо больше в познании, чем в волнении, — и это состояние находит себе еще и внешнюю поддержку — в новизне всех предметов реальности. И мир в эти годы лежит перед ними в очаровательной дымке утрен-

ней зари, — такой свежий, пленительный и ласковый. ⟨...⟩ Бесспорно, те мысли и знания, которые человек приобретает до наступления половой зрелости, взятые в целом, гораздо значительнее того, чему он научается впоследствии, как бы ни был он учен, — ибо тогда, в эту раннюю пору, кладется основа всех человеческих знаний» (*Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление. М., 1901. Т. 2. С. 406). См. также параллель к тексту романа — стихотворение «Живы дети. Только дети...» (15 апреля 1897; впервые: Русская мысль. 1907. № 10. Отд. I. С. 39):

Живы дети, только дети, —
Мы мертвы, давно мертвы.
Смерть шатается на свете
И махает, словно плетью,
Уплетенной туго сетью
Возле каждой головы.

Хоть и даст она отсрочку —
Год, неделю или ночь,
Но поставит все же точку
И укатит в черной тачке,
Сотрясаясь в дикой скачке,
Из земного мира прочь.

Торопись дышать сильнее,
Жди — придет и твой черед.
Задыхайся, цепенея,
Леденея перед нею.
Срок пройдет — подставишь шею —
Ночь, неделя или год.

15 апреля 1897.

69 *Здоровье пошлостью считают.* — Ср. недатированную запись Сологуба — речевая характеристика: «*Мережковский Дмитрий Сергеевич.* — Гнусная банальность! — Здоровье — величайшая пошлость! — Если я буду неизлечимо болен, ты меня отрави!» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 539. Л. 297).

70 *Наука признала, что есть врожденные преступники... Их истреблять надо, а не кормить на государственный счет.* — Имеется в виду теория итальянского психиатра Чезаре Ломброзо (1836—1909) о врожденных наследственных преступных инстинктах, популярная в медицинской литературе того времени (ср., например: «Хотя громадным большинством ученых взгляды Ломброзо на существование особого типа „прирожденного преступника" и некоторые другие воззрения его, например воззрение на гениальность, и не признаются, тем не менее его последователи указывают на то, что во многих случаях внимательное исследование преступников, проституток и т. п. указывает на существование у них физи-

ческих признаков вырождения, как бы свидетельствующих, что они и по самому устройству своего тела обречены идти преступною дорогою». — *Корсаков* С. С. Курс психиатрии. М., 1893. С. 203). Теория Ломброзо стала особенно популярной в России в 1890-е годы благодаря переводам книги Макса Нордау «Вырождение» (1893) — ученика Ломброзо, посвятившего свой труд учителю, — в которой, в частности, он обвинял декадентов во «врожденной» преступности и требовал их «истребления» для оздоровления общества.

71 *Золоторотцы* (*простореч.*) — бродяги, босяки; в *ед. ч.* — наглый плут, человек без совести (Словарь русских народных говоров. Вып. 11).

72 *Есть циркуляр, чтоб всякой швали не пускать...* — Имеется в виду так называемый «циркуляр о кухаркиных детях», изданный в 1887 году министром народного просвещения И. Д. Деляновым, в котором предлагалось воздерживаться от приема в гимназию «детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей».

73 *...все с Гротом приходится справляться.* — Речь идет о фундаментальном труде академика Я. К. Грота (1812—1893) — «Русское правописание» (1885); правописание «по Гроту» сохранялось вплоть до реформы русской орфографии 1918 года.

74 *Ерофеич* (*простореч.*) — водка, настоянная на травах (*Даль.* 1: 521).

75 *Какой же я нигилист?.. У меня есть фуражка с кокардою, а только я ее не всегда надеваю, — так и он шляпу носит.* — Фуражка и кокарда были принадлежностью форменной одежды государственных служащих (в том числе учителей гимназии), а также отличительным знаком дворянского сословия; здесь ей противопоставляется шляпа (обычно с широкими полями) как характерная черта облика нигилистов — радикально настроенной молодежи 1860-х годов. Ср. бытовую зарисовку, сделанную писателем в Великих Луках: «Петрушка хвастает. Я тоже могу шапку с кокардой надеть — у меня тоже казенная служба» (*Сологуб Федор.* Канва к биографии // Неизданный Федор Сологуб. С. 259).

X

76 *...церковно ли приходским или этим, так называемым земским?* — Речь идет о двух основных видах начальных школ того времени. Специфические черты земской школы: трехлетний курс обучения при кратком учебном годе (до 6—7 месяцев), учитель назначается земством, которое выплачивает ему содержание и обеспечивает школу учебными пособиями, в содержании школы участвует местное крестьянское население, отсутствие (до 1891 года) обязательных учебных программ, свобода учителя в выборе обучения и учебников.

Надзор за земскими школами осуществлялся через земских членов училищных советов и избираемых земством попечителей, но рядом существовал и правительственный контроль в лице инспекторов народных училищ, а со второй половины 1880-х годов и епархиальных наблюдателей. В 1884 году правительство, в проти-

вовес земским школам, учредило церковно-приходские школы с 3—4-х или пятигодичным учебным курсом (содержались на казенные средства или специальные средства Синода церквами и монастырями, городскими обществами, земствами; имели строгую регламентацию и контроль со стороны Министерства народного просвещения и епархиальных властей); началась борьба двух типов школ: церковной, находившейся под опекой правительства, и светской. Считалось, что земские школы отличались лучшей постановкой образования по сравнению с церковно-приходскими, подчинявшимися местному духовенству (см.: *Чехов Н. В.* Типы русской школы в их историческом развитии. М.: Издание т-ва «Мир», 1923). В 1880-е годы вопрос о церковно-приходских школах обсуждался на страницах печати, в частности в связи с опубликованием «Программ учебных предметов церковно-приходских школ, утвержденных Св. Синодом» (СПб., 1886) (см., например, рецензию на этот документ К. К. Сент-Илера — директора Учительского института: Журнал Министерства народного просвещения. 1887. Ч. 249. Январь. Отд. III. С. 1—14).

[77] *Козны* — популярная деревенская игра, в которой использовались кости от ног барана или других животных; другое название — *бабки*.

[78] *Они совсем не хотят наказывать ... Их стегать надо.* — Ср.: «...большинство лучших авторитетов в области современной педагогики решительно отвергают возможность пользования розгою как педагогическим средством ⟨...⟩ Но настоящая статья именно и пишется с тою целью, чтобы доказать то, что так упорно отвергается лучшими педагогами. Да, мы считаем розгу необходимостью воспитателя. Мы думаем, что детей надо часто и больно сечь и подвергать телесным наказаниям. Мы утверждаем, наконец без сомнения, что розга несравненно лучше и выше тех практических безобразий, которые творятся в наших школах» (*Сологуб Федор.* О телесных наказаниях / Публ. М. Павловой // De visu. 1993. № 9 [10]. С. 54).

[79] *Должен сказать, что в учениках сельских школ я наблюдал многие хорошие качества.* — Один из основных мотивов книги А. А. Штевен «Из записок сельской учительницы» (СПб., 1895), о которой Верига затем рассказывает Передонову (см. примеч. на с. 783). Ср.: «Поражали меня в моих учениках еще и многие неожиданные черты характера. Я заметила, что они не только отличаются неунывающей веселостью и способностью шутить даже по поводу того, что питаться многим приходилось впроголодь; что они не только смелы и находчивы, не только любят лазать на самые высокие деревья и скакать на самых ретивых лошаденках, но что они еще и очень добродушно относятся друг к другу, новеньких и маленьких не только не дразнят и не преследуют, но даже берут под свое покровительство, — что они, хорошо зная брань и побои, способны краснеть и плакать от стыда и очень живо чувствуют любовь и ласку. Я заметила, главным образом, что мои ребята сильно желают учиться и что ничем родители не могут так напугать их, как угрозой: „Не пущу в училище"» (*Штевен А. А.* Указ. соч. С. 9—10).

[80] *Вследствие неблаговоспитанности окружающей среды, эти проступки могут принять там довольно грубые формы...* — Сологуб переадресовал Вери-

ге свои собственные впечатления о педагогической практике. В частности, он считал необходимым оградить учеников от неблагоприятного влияния среды посредством организации специальных школ-интернатов (вариант детской колонии Георгия Триродова в романе Сологуба «Творимая легенда»); 11 декабря 1883 года он писал из Крестцов В. А. Латышеву: «Ученики зачастую как-то злы и дики, ученики приводят в отчаяние своею глубокою развращенностью ⟨...⟩

Во многих наших школах следовало бы устроить интернаты. Они оторвали бы ребенка от растлевающей семейной обстановки; они дали бы возможность кончать учение нашим полунищим ученикам.

Но более всего необходима радикальная переделка всего строя нашей народной школы. Нужно, чтобы школа имела, во что бы то ни стало, преобладающее влияние на ученика, чтобы все его помыслы и дела были направлены к школе и к учителю ⟨...⟩

Влияние среды устранить нельзя, но с ним надо бороться, и возможно больше им пользоваться» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 2. № 30. Л. 2 об., 4—4 об.; 5).

81 *Школа обязана к таким проступкам относиться внимательно и строго. Если все меры внушения исчерпаны... прибегать и к крайним мерам.* — Основной тезис статьи «О телесных наказаниях». Однако позднее в 1900-е годы в ряде статей на школьные темы Сологуб высказывал прямо противоположное мнение:

«Если же наказание необходимо, то выбирайте наказания наилегчайшие, — и по возможности следует ограничиваться словесными наказаниями, — наставление, замечание, выговор ⟨...⟩ А самое лучшее — так хорошо устроить школу, чтобы не было и надобности в наказаниях» (*Сологуб Федор*. О школьных наказаниях // Образование. 1902. № 11. С. 75);

«Десятки миллионов малышей, будущих граждан, величина достаточно значительная для того, чтобы находиться под охраной вполне от определенного закона, который бы или вовсе, в категорических выражениях, запретил сечь ребят, или указал бы для этого способа родительского воздействия вполне точные условия, — ну, хоть согласие врача, что ли» (*Сологуб Федор*. Как мальчик // Новости и Биржевая газета. 1904. № 226. 17 авг. С. 2).

82 *Госпожа Штевен в своей... книге...* — Верига пересказывает эпизод из книги «Из записок сельской учительницы» (С. 150—152) А. А. Штевен (1865—1933), основавшей в 1890-е годы в Нижегородской губернии сеть школ грамотности (двухклассный курс элементарного образования).

В своей книге Штевен призывала упразднить телесные наказания в русском судопроизводстве. Несмотря на довольно консервативные в целом установки Штевен, решением губернского духовенства в 1895 году ей была запрещена педагогическая практика. Просветительская деятельность Штевен обсуждалась в печати (см., например: *Южаков С. Н.* Из современной хроники // Русское богатство. 1895. № 9).

[83] *...я постеснялся бы рассказывать на всю Россию об этом происшествии: ведь осудили-то их, можете себе представить, за кражу яблок... Хорошо воспитание!* — Эпизод имеет автобиографический подтекст. В «Канве к биографии» Сологуб рассказывал, что его неоднократно секли за кражу яблок: «Крестцы. ⟨...⟩ Кража яблок с мальчишками. Сходило благополучно. Раз поймали. ⟨...⟩ Мальчишкам дали по 50 розог. — А вам как учителю, надо сделать уважение. Целую сотню получите. Все три осени с мальчишками кража яблок. Каждую осень несколько раз попадался, и тогда тут же секли» (*Сологуб Федор*. Канва к биографии // Неизданный Федор Сологуб. С. 253).

Эти же примеры из личного опыта Сологуб приводил в статье «О телесных наказаниях», в которой он выступил за применение розги в школьном воспитании: «...когда я был, 19—22 лет, учителем в Крестцах, а следующие 3 года в Великих Луках, я стоял очень близко к ученикам, может быть потому, что и со мною обходились строго и сурово ⟨...⟩ Я частенько играл с ними на улице в бабки, а бывало и хуже: осенью мои друзья ученики подбивали меня забираться в чужие сады воровать яблоки. Часто это сходило с рук, но если хозяева ловили воришек, их на месте больно секли. Попадался иногда и я, и каждый раз меня тут же без стеснения наказывали розгами» (De visu. 1993. № 9 (10). С. 48—52).

См. также стихотворения Федора Сологуба «Вчера меня в чужом саду...» (20 августа 1883), «Уж скоро осень будет зрелой...» (30 июля 1883) (*Сологуб Федор*. Цикл «Из дневника» (Неизданные стихотворения) / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 121).

[84] *«Голодный» хлеб* — хлеб, содержавший примесь отрубей и других малосъедобных добавок; пекся во время голода; здесь — нарочитый символ участия земства в борьбе с голодом, периодически охватывавшим Россию (особенно страшным в 1891, 1893 и 1899 годах).

[85] *...служить затхлому классицизму!* — Здесь: отстаивать классическое образование.

[86] *Учительская семинария* — учебное заведение, приготовлявшее учителей для народных школ.

[87] *...в ближайшем городке Сафате.* — Происхождение топонима восходит к библеизму: Иосафатская долина (долина близ Иерусалима, названная так в память погребенного там иудейского царя Иосафата); в Библии упоминается дважды у пророка Иоиля (III, 2, 12) и в таком контексте, который не дает определить, есть ли это географическое указание или пророческий символ. Последнее мнение преобладает, и под Иосафатовой долиной подразумевают то место, где будет совершаться Страшный Суд при кончине мира. (Энциклопедический словарь, изд. Ф. Брокгауза—И. Ефрона. СПб., 1894. Т. 13-а. С. 755—756). С таким символическим значением Сологуб использовал топоним *Сафат*-река в одном из самых мрачных, пессимистических произведений — «В толпе» (впервые: Новая иллюстрация. 1907. № 3—4. 5 и 19 февраля), материалом для которого послужили события на Ходынском поле 18 мая 1896 года, в день коронации Ни-

колая II; о Сафате упоминается также в «Творимой легенде» (1907—1913) и в последнем рассказе писателя «Архиерей с погоста» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 555).

XI

88 *Может быть, сзади идет себе тишком какой-нибудь соглядатай, или за углом, за деревом таится кто-нибудь...* — Ср. стихотворную параллель — «Не стоит ли кто за углом?..». 18 декабря 1897 года (впервые: Новый путь. 1904. № 11. С. 39):

Не стоит ли кто за углом?
Не глядит ли кто на меня?
Посмотреть не смею кругом,
И зажечь не смею огня.

Вот подходит кто-то впотьмах,
Но не слышны злые шаги.
О, зачем томительный страх?
И к кому воззвать: помоги?

Не поможет, знаю, никто,
Да и чем и как же помочь?
Предо мной темнеет ничто,
Ужасает мрачная ночь.

89 *...ему слово скажут, а он уже краснеет. Они его дразнят девчонкой.* — Автобиографический мотив. Ср.: «У Агаповых 〈...〉 В доме Гудимы меня считают переодетой девочкой» (*Сологуб Федор*. Канва к биографии // Неизданный Федор Сологуб. С. 251). См. также.: «Это был красивый мальчик, всегда чисто и изящно одетый, с вьющимися белокурыми кудрями, в бархатной курточке с белым широким воротником. Федя Тетерников учился хорошо. Он не принимал участия в наших драках и шалостях, был застенчив, часто краснел, и мы звали его „девчонкой"» (*Попов И. И.* Минувшее и пережитое. Воспоминания за 50 лет. М.: Колос, 1924. С. 16).

90 *...был самым младшим по возрасту из учеников пятого класса.* — В первый класс гимназии принимали детей в возрасте от 10-ти до 13-ти лет, из этого следует, что Саше Пыльникову было 14—15 лет.

91 *Взъерепениться* — заупрямиться (*Даль*. 1: 201).

XII

[92] *Его там, в гимназии, дурным словам учат, а он не хочет сказать кто. Он не должен укрывать... Надо, чтоб он открыл, кто говорит гадости...* — Мотив ряда статей Сологуба на школьные темы, в которых он осуждал атмосферу доносительства, насаждавшуюся школьной администрацией, а также «полицейские» меры воздействия на детей (см., например: *Сологуб Федор.* Полицейская школа // Новости и Биржевая газета. 1905. № 107. 29 апр. С. 2). Ср.: «Случается, наказывают за недонесение: кто-то нашалил, товарищи не выдают, никто не хочет быть доносчиком, правила чести еще не вытравлены требованиями школьного „благонравия", — наказывают дежурных, а то и весь класс» (*Сологуб Федор.* О школьных наказаниях // Образование. 1902. № 11. С. 72); «И часто не наказывают за дурное, даже поощряют: не наказывают ябедников и фискалов» (*Сологуб Федор.* Из окна // Новости и Биржевая газета. 1904. № 217. 8 авг. С. 2).

[93] *Недотыкомка* — о значении и происхождении образа см. в главе «История художественного замысла романа „Мелкий бес"», с. 716 наст. издания.

[94] *...чёрта в кармане носишь...* — Демонологический мотив из повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» (1832): черт в кармане у кузнеца Вакулы.

XIII

[95] *Когда выписок накоплялось достаточно, он располагал их в порядке и пересказывал своими словами, — и вот составлялся учебник...* — Возможно, прообразом директора гимназии Хрипача явился Карл Карлович Сент-Илер (1834—1901) — директор Учительского института (с 1877), известный педагог, зоолог по специальности, автор учебников «Краткая зоология» (1861) и «Элементарный курс зоологии с приложением задач и летних занятий» (1869; за 20 лет выдержал 13 изданий). С 1863 года Сент-Илер жил за границей, изучал структуру европейского образования и систематически выступал в различных журналах со статьями на педагогические темы, в частности, писал об устройстве современной европейской школы (см., например: Дополнительные школы в Германии // Русская школа. 1895. № 3. С. 78—92; Письма из-за границы. I. Учительские семинарии и элементарные школы в Германии. II. Семинария в Берлине // Журнал Министерства народного просвещения. 1863. Ч. CXVII. № 2. Отд. III. С. 306—323; CXVIII. № 6. Отд. III. С. 443—464).

Под редакцией Сент-Илера было издано несколько капитальных переводных сочинений по зоологии, в том числе «Жизнь животных» А. Э. Брэма (СПб., 1900). К. К. Сент-Илер участвовал в подготовке издания: «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии Константина Ушинского. (1890-е годы)». (См. о нем: *Я. Г.* [*Я. Г. Гуревич*]. Сорокалетний юбилей К. К. Сент-Илера // Русская школа. 1896. № 9—10. С. 305—312. Ср. описание внешности Хрипача («Самая наружность его являла вид добродушия и стойкости:

небольшого роста, плотный, подвижной, с бойкими глазами и уверенной речью...») и запись Сологуба о Сент-Илере: «Поседел, но бодр, сановит, важен и очень добродушен»: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 539. Л. 264).

96 *Ушинский* Константин Дмитриевич (1824—1870/71) — основоположник научной педагогики в России, популярностью пользовались его книги для начального чтения — «Детский мир» (1861) и «Родное слово» (1864).

97 *Евтушевский* Василий Адрианович (1836—1888) — педагог и общественный деятель, автор учебных пособий «Методика арифметики» и «Сборник арифметических задач» (1872), утвержденных школьной программой и многократно переиздававшихся.

98 *...пансион без древних языков... — Известно ли вам, какие учреждения именуются таким образом?* — Распространенное в разговорной речи второй половины XIX века название публичного дома, или дома свиданий.

99 *...детский смех раздражал Передонова.* — Ср. стихотворение Сологуба «Детский лепет мне не сносен...» 16 июня 1902 (впервые: *Сологуб Федор.* Собрание стихов. Кн. III и IV. М.: Скорпион, 1904. С. 179).

100 *...но «наружность иногда обманчива бывает».* — Цитата из басни И. И. Дмитриева «Нищий и собака» (1803).

101 *...погода... стояла пасмурная и холодная... оставалось ходить по городу и посещать ученические квартиры... придет, нажалуется на мальчика, того высекут...* — Автобиографический мотив. Ср. рассказ Сологуба о посещении ученических квартир в письме О. К. Тетерниковой от 20 сентября 1891 года из Вытегры (см. с. 655 наст. изд.).

XIV

102 *Глазопялка* — праздный зевака, тот, кто пялит глаза (*Даль.* 1: 354).

103 *Углан* (диалект.) — парень, подросток; шалун, баловник; неуклюжий (*Даль.* 4: 465).

104 *Надсон, конечно...* — Надсон Семен Яковлевич (1862—1887) — популярнейший поэт 1880—1890-х годов. Влияние Надсона заметно сказалось в раннем поэтическом творчестве Сологуба (мотивы усталости, разочарования, предчувствия ранней смерти).

105 *...ласкаться любишь. А поласкаться любите?* — Каламбур — форма словесной игры, на которую Сологуб обращал особое внимание; он собирал каламбуры и затем использовал в художественных текстах (рассказ «Два Готика» [1906], например, целиком построен на основе каламбуров); см. записанные им 32 каламбура: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 539. Л. 214—215. О значении каламбуров в «Мелком бесе» см.: *Connoly Julian W.* The Medium and the Message: Oral Utterances in *Melkij Bes* // Russian Literatute. 1981. IX-4, 15 May. P. 357—368; *Соболев А.* «Мелкий бес»: к генезису названия // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 173—174.

[106] *Шери-бренди* — вишневая наливка.

[107] *Где делось платье, где свирель?* — «Отрывок из песни неизвестного автора первой половины XVIII в. „Лишь только занялась заря..." (Песни и романсы русских поэтов. М.; Л. , 1967. С. 204). Имела бытование в конце XIX—начале XX в. (в основном в провинции). Сюжет песни, типичный для жанра идиллии (неожиданная встреча купающейся пастушки и пастушка, заканчивающаяся их любовью), является символической параллелью к истории Людмилы и Саши» (*Козьменко М. В.* Комментарии // Сологуб Федор. Мелкий бес. М., 1988. С. 299); история «грехопадения» героев предрекается автором и в следующем фрагменте: «*...ела яблоко, отрезая ломтиком по ломтику ножичком*».

[108] *Навье* — мертвец (*Даль*. 2: 389).

[109] *Мне мокротно молоденьке, / Нигде места не найду...*— Источник текста песни не найден.

[110] *...и вмиг все четыре сестры закружились в неистовом радении, внезапно объятые шальною пошавою, горланя вслед за Дарьею глупые слова...* — *Поша́ва* (*ол., новг.*) — повальная болезнь, эпидемия (*Даль*. 3: 373); здесь: страстное чувство. «Отдельные слова, которыми пользуется Сологуб при описании этого танца, напоминают сло́варь, используемый в статье Иннокентия Анненского „Дионис в легенде и культе" для характеристики элементов дионисического культа, направленных на достижение экстаза: „⟨...⟩ томительные пляски, кружение (радение), бег, дикие завывания, опьяняющий шум флейт, ⟨...⟩ хмельные напитки". Анненский употребляет слово „хоровод" для описания танца менад. См.: Вакханки, трагедия Еврипида. Пер. Иннокентий Анненский. СПб., Типография Императорской Академии наук, 1894. С. 70—71» (*Розенталь Шарлотта, Фоули Хелен П.* Символический аспект романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Русская литература XX века. Исследования американских ученых. СПб., 1993. С. 20).

Источником описания танца сестер могли послужить также другие переводы Еврипида (в 1880 году в Киеве вышел перевод «Вакханок» П. Коночука; в 1892 году в Петербурге перевод В. Алексеева; в 1895 году в Москве перевод Ф. Ф. Зелинского) или даже самые общие сведения о дионисийской оргии (характерные элементы танца повторяются во всех описаниях культа), которые, очевидно, были известны автору романа.

[111]*...чешуйчатый, кольчатый змей... ползет по древу, по ветвям ее нагих... ног...* — Возможно, образ навеян полотном немецкого художника Франца фон Штука (1863—1928) — «Грех» (1891), на котором изображен змей, обвивший ноги спящей обнаженной молодой женщины; картина принесла живописцу всемирную известность (многократно репродуцировалась). Работы Штука, так же как и других немецких модернистов, были хорошо известны в 1890-е годы в России, пропагандировались в кружке «Мир искусства».

[112] *...она лежит на берегу, нагая... плыл белый лебедь... приблизился, обнял ее...* — Сон Людмилы проецируется на древнегреческий миф о Леде (дочь этолийского царя Фестия, жена царя Спарты Тиндарея), которой овладел Зевс,

явившийся к ней в образе прекрасного лебедя. В художественном сознании Сологуба миф о Леде связывался с представлением о недостижимом идеале вечной Красоты. Изображение Леды — традиционный живописный сюжет, известный по классическим полотнам Корреджо, Микеланджело Буонарроти, Леонардо да Винчи, Делакруа и получивший широкое распространение у художников рубежа веков. Сологуб коллекционировал репродукции с изображением Леды, они украшали стены его кабинета, шутливо названного «ледником» (см.: *Эрберг Конст.* [*К. А. Сюннерберг*]. Воспоминания / Публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 141).

113 *Она сидела высоко, и нагие отроки перед нею поочередно бичевали друг друга.* — Распространенный в творчестве Сологуба мотив флагелляции в многочисленных вариациях встречается в прозе и в лирике. См., например: «Давно уж я покинул Сину...», 1895 (Неизданный Федор Сологуб. С. 67); «От злой работы палачей» («Она любила блеск и радость...», 1898, 1904) // *Сологуб Федор.* Стихотворения. Л. , 1979. С. 291—293). Ср. также близкую стихотворную параллель (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 2. Л. 134_{1-2}):

Воздвигнет мне царство
Живая мечта, —
Там с радостью мука
Чудесно слита.
Нагой красотою
Украшу мой двор.
Пажей наготою
Насыщу мой взор.
И дев белоснежных
Светла красота,
И радостна сердцу
Моя нагота.
Веселые пляски,
И смех, и вино,
И всем мое ложе
Доступно равно.
Когда же устану
Я петь и плясать,
Неловких велю я
Схватить и связать,
И сечь прикажу я,
Чтоб тешить мой гнев,
Пажей обнаженных
И трепетных дев.
И слаще свирели

Обрадует крик,
Пронзителен, звонок,
Нестроен и дик.
Но, так же, как радость,
И муки любя,
Мучительно высечь
Велю и себя.
Мне радостна будет
Жестокая боль, —
Скрещенье жестоких,
Разнузданных воль.

6 декабря 1895.

114 *Как глупо, что мальчишки не ходят обнаженные! Или хоть босые, как уличные мальчишки...* — Ср.: «Противно смотреть на мальчиков, наряженных в маскарадные костюмы. Маленькие чиновнички. 〈...〉 Вообще же детям и подросткам следует быть босыми, — в теплое время постоянно и везде, да и в холодное время в теплых помещениях им гораздо лучше оставаться с босыми ногами. Одежда должна состоять из наименьшего числа отдельных предметов, чтобы она не требовала много времени на ее надевание, и должна легко сбрасываться. Это нужно, потому что телесные упражнения должны выполняться по большей части детьми обнаженными 〈...〉 Вспомним заветы классической древности, оживим в наших гимназиях не букву, а самый смысл греко-римского предания, — благоговейно-радостное почитание человеческой плоти тем великим народом, который на заре нашей европейской истории создал неувядаемые образцы телесной прелести и духовной мощи» (*Сологуб Федор*. Одежды и надежды // Новости и Биржевая газета. 1905. № 129, 22 мая. С. 2).

XV

115 *...беден только бес, который хлебца не ест...* — Ср. развитие демонологического мотива поговорки в стихотворении «Беден бес, не ест он хлеба...» (Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 87):

Беден бес, не ест он хлеба,
Не залезет он на небо.
Он гордыней обуян.
— Помолись, простят. — Не хочет,
Хоть и страждет, да хохочет,
Вечный страж низинных стран.

Он уродливый, рогатый,
Копытастый да хвостатый,

И дыханье — серый смрад.
Широко расставив уши,
Ловит грешные он души,
Чтоб тащить их прямо в ад.

26 мая 1912.

[116] *...к толстовцам в их секту... землю навозить.* — В 1880—начале 1890-х годов в Тверской, Симбирской, Харьковской губерниях и Закавказье возникли многочисленные поселения последователей религиозно-философского учения Л. Толстого. В 1897 году толстовство было объявлено вредной сектой за критику православной церкви и пассивное отрицание самодержавия, в 1901 году Л. Толстой отлучен от церкви, его сторонники подвергались преследованию со стороны церкви и полиции, аресту и высылке (в 1898—1900 годах — в Канаду). Возможно, этим неожиданным саркастическим выпадом против запрещенной «секты» Передонов желал засвидетельствовать перед Володиным свою благонадежность.

[117] *Небо хмурилось, носились вороны и каркали. Над самой головою Передонова каркали они, точно дразнили и пророчили еще новые, еще худшие неприятности.* — См. стихотворные параллели: «На распутьи злом и диком...», 1897, 1899 (впервые: *Сологуб Федор.* Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903. М.: Скорпион, 1904. С. 81); «На месте диком...», 1898 (впервые: *Сологуб Федор.* Стихотворения. Л. , 1979. С. 563—564); ср. также: «Птицы черною толпою...», 1895 (впервые: Слово. Литературно-художественные сборники / Под ред. Н. А. Крашенинникова. М., 1908. Кн. 1; цит. по: *Сологуб Федор.* Собр. соч. СПб., 1910. Т. 5. С. 103—104):

Птицы черною толпою
Вдруг собрались надо мною,
И в зловещей тишине
Неотвязчивый их причет
Надо мною гулко кличет,
Возвещая гибель мне.

Над душой моей нависли
Неотвязчивые мысли
О судьбе моей больной,
И надежды заслоняя,
Череда их роковая
Веет страхом и тоской.

24 мая 1895.

XVI

[118] *Аткинсоновою серингою* — Аткинсон — фамилия владельца парфюмерной фабрики; упоминается в автобиографической поэме А. Белого «Первое свидание» (1921). См. авторское примечание к строке «Влюбляясь в розы Аткинсона»: «„Уайт-роза" — духи фабрики Аткинсона» (*Белый Андрей*. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1966. С. 407). *Серинга* — название духов от *фр.* seringa — жасмин.

[119] *Юный классик* — *здесь*: ученик классической гимназии.

[120] *Парижская Герленова Рао-Rosa.* — Название духов знаменитой фирмы «Герлен» (возникла в 1828 году), основатель — Пьер-Франсуа Паскаль Герлен (Guerlain); духи с таким названием значились в каталоге фирмы с 1873 года.

[121] *Если бы она была сестрою!.. Звать ее ... Буба или Стрекоза.* — Ср. запись Сологуба в папке с рабочими материалами: «Корженевская Буба. Девочка лет 10—12» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 539-а. Л. 73). Семья Корженевских жила в Вытегре по соседству с Тетерниковыми (см. об этом: Федор Сологуб в Вытегре. Записи В. П. Абрамовой-Калицкой / Вступ. статья, публ. и коммент. К. М. Азадовского // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 283).

[122] *...смех... раял в ушах.* — Раять — звучать, раздаваться (*Даль*. 4: 56).

XVII

[123] *Цикламен от Пивера.* — Франсуа-Туссен Пивер (Pivert) — известный французский парфюмер XIX века; появление и вхождение в моду духов с названием «Цикламен» связывают главным образом с именем другого выдающегося французского парфюмера — Франсуа Коти (*Coty*; 1876—1934). О значении парфюмерных запахов в романе «Мелкий бес» см.: *Кушлина Ольга*. Страстоцвет, или Петербургские подоконники. СПб., 2001. С. 110—117.

[124] *Дряква* — растение Cyclamen europaeum — цикламен, альпийская фиалка; растение цветет на длинных цветоносах-стрелках одиночными цветками, белыми, розовыми или красными; известно 20 (по другим данным — 55) видов цикламена, все виды ядовиты. «Как только в России в конце XIX века цветок вошел в моду, украсил жардиньерки „роковых женщин", он действительно отказался от своего русского имени и от лесного собрата, накинул флер загадочности — стал цикламеном ⟨...⟩ на пике популярности цикламена появились приторно-сладкие духи» (*Кушлина Ольга*. Страстоцвет, или Петербургские подоконники. СПб., 2001. С. 114—116).

[125] *Глаза ермолить.* — Расстраиваться, плакать. Ермолить (*диалект.*) — тереть.

[126] *Я вечор сваво милова / Оставляла ночевать...* — Частушка, вероятно, приводимая автором по памяти.

[127] *Кориолопсис* — название духов; от *кореопсис* — цветущий кустарник, произрастающий в странах Юго-Восточной Азии, Индии и Китае.

XVIII

[128] *Винт* — карточная игра, смесь виста и преферанса.

[129] *...остановились... у двери в детскую.* — Далее в черновом автографе ранней редакции романа следует описание наказания Антоши Гудаевского розгами, затем Юлия Гудаевская соблазняет Передонова: см. главу XIV—XV ранней редакции — с. 517—519 наст. изд.

[130] *Пыльников повел его по темным, грязным улицам, а кот бежал рядом и светил зелеными зрачками...* — Ср. окончание этого фрагмента в главе XIV ранней редакции — с. 519 наст. изд.

XIX

[131] *«Шутить и все шутить, — как вас на это станет?»* — слова Софьи, обращенные к Чацкому, из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (III действие, явление 1). Правильно: *«Шутить! и век шутить! как вас на это станет!»*.

[132] *Да и нельзя же все о букве «ѣ»...* — Мотив стихотворения Сологуба «Утро. Солнце светит мне в окошко...», 7 февраля 1884 года (*Сологуб Федор.* Цикл «Из дневника» (Неизданные стихотворения) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. С. 149); ср.:

> День опять пройдет в труде и скуке,
> Буду вновь мальчишкам толковать
> О Петре Великом, да об луке,
> Да о том, где надо ставить ять.

[133] ...о *сатирах Кантемира* ...— Кантемир Антиох Дмитриевич (1708—1744) — поэт, один из основоположников русского классицизма, писал в основном в жанре стихотворной сатиры. Архаический стиль и силлабический стих его поэзии, вероятно, были непривычны и тяжелы для восприятия гимназистов и требовали обширных пояснений.

[134] *Мережить* (*диалект.*) — пестрить, рябить, мелькать (*Даль.* 2: 318).

[135] *Я — в один тираж, вы — в другой... — это не бывает, в одном городе два выигрыша.* — Возможно, автобиографический мотив. Согласно «Положению о благотворительной лотерее в пользу нуждающегося населения в местностях, пострадавших от неурожая», в декабре 1891 года началась продажа лотерейных билетов. Сологуб содержал мать и сестру на небольшое учительское жалованье, достаток семьи был весьма скромный, на предстоявшую лотерею Тетерниковы возлагали надежды. В декабре 1891 года Сологуб сообщал сестре: «В четверг открывается продажа билетов лотереи в пользу голодающих, о которой ты, может быть, слышала уже. Можно купить целый билет в 5 р., можно купить и один купон в 1 р.; на целый билет может пасть выигрыш от 250 р. до 100 000 р., а владе-

лец купона, при выигрыше, получит пятую часть. Значит, можно даже с рублем участвовать, хоть выиграть и очень трудно: из 1 200 000 билетов только 208 выигрышей. Если есть лишние, то можно рискнуть, хоть я и боюсь, не мало ли тебе денег» (Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой / Публ. Т. В. Мисникевич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 годы. СПб., 2003. С. 246); 25 декабря он вновь писал ей: «...на миллион с лишком (1 200 000) билетов выигрышей только 2998, т. е. один выигрыш на 410 билетов. Наш билет вот какие номера имеет: Серия 08927, № 052 (нули ставят на билетах спереди во избежание подделок, чтобы некуда было поставить лишнюю цифру и из 52 сделать, напр., 152). Розыгрыш не позднее 1 февраля, но когда именно, не назначено еще» (там же. С. 248); 5 февраля Сологуб сообщал: «С 1 февраля начался розыгрыш лотереи, на наш билет крупных выигрышей, кажется, не досталось: здесь на телеграфе известны уже номера главных выигрышей, а завтра прочтем в газетах. Ну, да ведь и ждать было трудно; но, может быть, выпадет хоть маленький выигрыш» (там же. С. 255) и затем 13 февраля: «Говорят, что здесь выиграли 10 тысяч братья Пановы, которые взяли билет вместе со своими какими-то родственниками, по купону на каждого, так что каждому пришлось по 2 тысячи» (там же. С. 256).

136 *Куманика (диалект.)* — в разных диалектах так называли ежевику, морошку, малину и другие лесные «второсортные», «конские» ягоды (*Даль.* 2: 217).

137 *Разгрибаниться (пск., твр.)* — расчувствоваться, расхныкаться, распустить нюни (*Даль.* 4: 25).

138 *Ведь вот французы... у них в Париже завелись волшебники да маги...* — Ср.: «Во Франции и вообще в Европе не одни символисты вновь обращаются к мистике; там есть еще „маги", „нео-буддисты", „теософы" и другие разные» (*Н. К. [Михайловский Н. К.]* Русское отражение французского символизма // Русское богатство. 1893. № 2. Отд. II. С. 68; *Михайловский Н. К.* Литературные воспоминания и современная смута. СПб., 1900. Т. 2. С. 60). Возможно, намек на статьи Н. К. Михайловского: «Макс Нордау о вырождении. Декаденты, символисты, маги и проч.» и «Еще о декадентах, символистах и магах» (1893), в которых критик дает несколько шаржированные портреты французских писателей-символистов (*Михайловский Н. К.* Литературные воспоминания и современная смута. Т. 2. С. 1—32; 60—102). Эта фобия, вероятно, возникла у Передонова под впечатлением от разговора с Адаменко «о литературе».

139 *...у нас-то какое приключение! Кот сбежал.* — 13 марта 1892 года Сологуб писал из Вытегры сестре: «У нас случилась большая неприятность для нашего родителя: пропал кот. Сбежал в прошлое воскресенье, и с тех пор не возвращался, и нигде не находится. Маменька слышала вчера от нашей Анны, что на огороде Ратьковых лежит какой-то мертвый кот, ходила туда посмотреть сегодня утром, но оказалось, что это не наш. Зато маменька встретила какого-то кота, как будто нашего, который оглядывался на кличку Цыган, он убежал в квартиру к Петру Ратькову; если наш, то, значит, очень одичал» (Письма Ф. Сологуба к О. К. Тетерниковой. С. 252).

[140] *...кот отправился, может быть, к жандармскому и там вымурлычет все, что знает о Передонове...* — Мотив из романа Э. Золя «Тереза Ракен» (1867; впервые в русском переводе под заглавием «Убийцы» — 1891; драма «Тереза Ракен» — авторская инсценировка — в русском переводе 1874). Герой романа Лоран, убивший друга и мужа своей любовницы Терезы, подозревает, что кот расскажет о его преступлении матери убитого, ср. (гл. XXX): «Он был уверен, что кот, как и г-жа Ракен, знает о преступлении, и если вдруг заговорит, то непременно выдаст его»; из страха быть уличенным Лоран мстит коту и мучает его (так же поступает Передонов): «Если Лорану удавалось прищемить коту лапу или хвост, он испытывал при этом трусливую радость, но мяуканье бедного животного повергало его в неизъяснимый ужас, словно то был страдальческий вопль человека» (*Золя Эмиль.* Собр. соч. В 26 т. М., 1960. Т. 1. С. 583 / Пер. Е. Гунста); в конце концов, Лоран убивает кота.

[141] *Карачун* — смерть (*Даль.* 2: 91).

[142] *...во снях видел, что меня медом мазали. Помазали вы меня...* — Один из многочисленных в повествовании намеков на близкую смерть Володина от руки Передонова; содержит смешение двух символов, связанных с обрядом погребения: мед — необходимое условие приготовления кутьи для поминовения, миропомазание — обряд, производимый священником над телом усопшего.

XX

[143] *...в обезьяну верует...*— языковой штамп, в котором закрепилось простонародное представление о смысле эволюционного учения английского естествоиспытателя Чарлза Роберта Дарвина (1809—1882).

[144] *Наконец, после одного крупного ремиза Передонов схватил колоду карт и с яростью принялся рвать ее в клочья.* — Ср. эпизод из романа Д. Н. Бегичева «Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян» (М., 1832. Ч. 1—6): «Аглаев взял опять карты, и ему начало было рутировать; но вскоре злодейка изменила. Спросив новую колоду, сделал он еще очередь, но также пренесчастную! Голова у него кружилась, и от вина и от проигрыша. Он сам себя не помнил, кинул и эту очередь под стол, взял еще другую колоду...» (цит. по: *Виноградов В. В.* Стиль «Пиковой Дамы» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. 2. С. 83).

[145] *Ночью Передонов бредил. Неясные, страшные ходили бесшумно фигуры — короли, валеты, помахивая своими палицами.* ⟨...⟩ *Они шушукались, дразнили Передонова, казали ему языки, корчили перед ним страшные рожи...* — Мотив повести барона Ф. Корфа «Отрывок из жизнеописания Хомкина» (Современник. 1838. Т. 10): «Он ясно видел, что извозчик не что иное, как бубновый король, из той самой колоды, которою он играл; он мог разглядеть загнутые углы... Вместо лошади впряжен был в оглобли бубновый туз... Он обернулся и видит, что за ним гонится бубновая четверка. ⟨...⟩ Страшные грезы не да-

вали ему покоя, несмотря на изможление физических сил фантазия его играла с прежней энергией. Отвратительная четверка бубен, со своими четырьмя кровавыми пятнами, стояла перед ним неподвижно; она принимала для него человеческий вид и пристально смотрела ему в глаза...» (цит. по указ. соч. В. В. Виноградова. С. 92).

146 *Пиковая дама все ко мне лезет в тиковом капоте...* — Реминисценция из повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» (1834): в капот (женское верхнее платье с рукавами и разрезом спереди) облачается Лиза, воспитанница графини.

147 *...появилась статейка о том, будто бы в нашем городе некая госпожа К. сечет живущих у нее на квартире маленьких гимназистов...* — Ср.: «Газета „Русь" сообщала, что в одной гимназии высекли мальчика. Учебное начальство опровергло факт, газета не поверила опровержению. Тогда назначили следственную комиссию из казенных педагогов. Расследовали. Оказалось, что мальчика не секли. Так и напечатали. А газета, кажется, все же остается при своем мнении» (*Сологуб Федор.* Капризы доверчивости // Новости и Биржевая газета. 1905. № 95. 14 апр. С. 2).

XXI

148 *Хлап* — валет (*Даль.* 4: 549).

149 *На свой копыл* — на свой лад (*Даль.* 2: 159).

150 *И досталось же за это сегодня Марте. Пришлось поплакать.* — Далее в черновом автографе следует описание наказания Марты розгами. См. с. 871—874 наст. изд.

151 *Передонов... уселся в своем обычном положении, — локти на ручки кресла, пальцы скрещены, нога на ногу, лицо неподвижное, угрюмое.* — В черновом автографе романа против этих строк на полях авторская помета: «С портрета Горького» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 96. Л. 392).

152 *Учителю Фаластову он не раз говорил: — Я, брат, и тебя вытащу.* — Ср. бытовую зарисовку, сделанную в Великих Луках: «Усасов хвастает: сделаюсь инспектором, и тебя вытащу» (*Сологуб Федор.* Канва к биографии // Неизданный Федор Сологуб. С. 255).

XXII

153 *Вонько* — сильный запах (от *воня* — приятный запах) (*Даль.* 1: 240).

154 да *...какой вы чиновник, а? азбучный регистратор, а?* — Шутливое наименование одного из низших чиновничьих званий — коллежский регистратор. Учитель сельской (начальной) школы не имел права носить фуражку с кокардой, так как не имел чина.

155 *Жахаться* (*диалект.*) — пугаться, страшиться, ужасаться (*Даль.* 1: 528).

156 *Призорок* — наблюдательный (*Даль.* 3: 414).

157 *...заботливо кутал шею шарфом и застегивал пальто на все пуговицы.* — Отсылка к образу Беликова из рассказа А. П. Чехова «Человек в футля-

ре» («...даже в хорошую погоду выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто»).

158 ...*он не понимал дионисических, стихийных восторгов, ликующих и вопиющих в природе.* — Вхождение в обиход в конце XIX века антиномии *аполлиническое — дионисическое* (аполлинийское — дионисийское) связано с усвоением в России идей Ф. Ницше; первое подробное изложение его работы «Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм» появилось в 1896 году (см.: *Волынский Аким.* Аполлон и Дионис // Северный вестник. 1896. № 11. С. 232—255), в 1899 году книга была переведена на русский язык и в последующие десять лет издавалась семь раз (см. об этом: *Безродный Михаил.* К истории рецепции антиномии apollinisch/dionysisch // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2000 год / Под ред. М. А. Колерова. М., 2000. С. 224—235). Здесь имеется в виду противопоставление индивидуализма замкнутой в себе целлюлярной личности пантеистическому мироощущению, которое проявлялось в чувстве гармонической слиянности личности с природой и космосом; в полной мере его обретали, согласно Ницше, участники древних мистерий.

В романе Передонову противопоставлены «вакханки» — сестры Рутиловы и «отрок-бог» — Саша Пыльников. Наиболее убедительная интерпретация романа как дионисического текста дана в статье Шарлотты Розенталь и Хелен П. Фоули «Символический аспект романа Ф. Сологуба „Мелкий бес"» (см.: Русская литература XX века. Исследования американских ученых. СПб., 1993. С. 7—23); вслед за Г. С. Торстоном (см.: *Thurston G. S.* Sologub's *Melkiy bes* // Slavonic and East European Rewiew. 1977. № 1) одним из источников «Мелкого беса» авторы назвали «Вакханок» Еврипида, переведенных И. Ф. Анненским в 1894 году, и его же статьи, которыми он сопроводил перевод (Вакханки, трагедия Еврипида / Пер. Иннокентий Анненский. СПб., 1894). В рукописи романа вместо *дионисических* было — *демонических*. Возможно, замена слова, произведенная в журнальной публикации романа, была сделана автором под впечатлением от чтения работ Вяч. Иванова «Ницше и Дионис» (Весы. 1904. № 5), «Эллинская религия страдающего бога» (Новый Путь. 1904. № 1—3, 5, 8—9), «Религия Диониса» (Вопросы жизни. 1905. № 6—7). В изложении Вяч. Иванова участники дионисий переживали «счастливое переполнение души... игру избыточных жизненных сил, рвущееся из всех пределов цветущее изобилие радостной природы» (*Иванов Вяч.* Религия Диониса // Вопросы жизни. 1905. № 6. С. 196). Личное знакомство поэтов состоялось в самом начале 1905 года (очерк истории отношений см.: Вячеслав Иванов. Письма Ф. Сологубу и Ан.Н. Чеботаревской / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л. , 1976. С. 136—150; *Павлова М.* Вяч. Иванов и Федор Сологуб. «Противочувствия». Из истории отношений 1905—1906 гг. // Europa Orientalis. XXI. 2002: 2. P. 9—18.

Сологуб не разделял взгляды Вяч. Иванова на кризис индивидуализма и пути его преодоления, а, напротив, отстаивал кредо индивидуализма (см. его мистерию «Литургия Мне», 1906; эссе «Я. Книга совершенного самоутверждения», 1906).

В этой связи введение в языковую ткань романа «чужого» слова можно рассматривать как иронический жест Сологуба по отношению к Вяч. Иванову и пропагандируемой им идее «соборности».

XXIII

159 *...причешусь по-испански.* — Какую именно прическу подразумевал Передонов — неясно. В каталоге «Парики, бороды, бакенбарды, усы и современные прически» (СПб.: Издание Театральной библиотеки, 1914) имеется единственный рисунок парика с названием «испанский», на котором изображена прическа в форме остриженных кудрей, заканчивающаяся длинными завитыми локонами от затылка до плеч (с. 8, рис. № 26). Мотив испанской прически соотносит образ Передонова с двумя литературными традициями — повестью Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» (1835), в которой безумный титулярный советник Поприщин вообразил себя испанским королем Фердинандом III, а также с романом М. Сервантеса «Дон Кихот» (1615).

Образ Передонова может быть интерпретирован как кощунственная травестия Дон Кихота (на соотнесенность героев указывает семантика фамилии Пере*Донов*; согласно предположению А. Филда: «Peredonov means „Don done over"», см.: Field Andrew. Preface and Notes // Sologub F. The Petty Demon / Transl. By A. Field. New York, 1962; Bloomington, 1970).

Известно, что роман Сервантеса произвел на юного Сологуба «совершенно исключительное впечатление». «Дон Кихот» и еще два произведения — «Робинзон Крузо» Д. Дефо и «Король Лир» У. Шекспира — «не только были прочитаны множество раз, но и изучены дословно» (см.: *Черносвитова О. Н.* Материалы к биографии Ф. Сологуба // Неизданный Федор Сологуб. С. 240). Об аллюзиях в «Мелком бесе» на текст «Дон Кихота» см.: *Holl Bruce T.* Don Quixote in Sologub's Melkij Bes // Slavic and East European Journal. 1989. Vol. 33. № 4.

160 *Опопонакс* — духи, изготовленные из ароматической смолки южного растения с тем же названием.

161 *На площади поднялась пыль. Стучали, — слышалось Передонову, — топоры.* — «Сологуб дает явную отсылку к эпизоду из романа Салтыкова-Щедрина „История одного города", где повествуется о работе глуповцев „по рубке города" во время правления градоначальника Угрюм-Бурчеева (послужившего, кстати сказать, одним из источников образа Передонова — ср. хотя бы постоянно сопутствующий Передонову эпитет *„угрюмый"*» (*Пустыгина Н. Г.* Символика огня в романе Федора Сологуба «Мелкий бес» // Блоковский сборник IX: Памяти Д. Е. Максимова. Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Тарту, 1989. Вып. 857. С. 131).

162 *Мажары* (*диалект.*) — кладбище; бугристое, холмистое место (*Даль.* 2: 288).

163 *Штукарь* — искусник, фигляр, шут (*Даль.* 4: 646).

164 *Потрафить* — попасть, угодить впору (*Даль.* 3: 358).

165 *Шампанея* (*простореч.*) — шампанское.

166 *Жома* (*диалект.*) — скряга, жмот (*Даль.* 1: 527).

XXIV

[167] — *Зачем тут грязное зеркало?* — Реминисценция из романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города», ср.: «— Зачем? — спросил, указывая на реку, Угрюм-Бурчеев» (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. В 20 т. М., 1969. Т. 8. С. 408). По наблюдению Н. Г. Пустыгиной, «Сологуб, давая отсылку к этому месту из романа Салтыкова-Щедрина, помнит и о его продолжении: „Хитер, прохвост, твой бред, но есть и другой бред 〈...〉 похитрей твоего будет 〈...〉 тут встали лицом к лицу два бреда: один страшный, лично Угрюм-Бурчеева, и другой, который врывался откуда-то со стороны". Таким еле сдерживаемым бредом наполнена природа и в романе Сологуба» (*Пустыгина Н. Г.* Указ. соч. С. 132).

[168] *Кандидат университета* — низшая ученая степень, присваивалась всем выпускникам университетов, существовала с 1804 по 1884 г.

[169] *Обмишулить* — обмануть, надуть, обсчитать (*Даль.* 2: 501).

[170] *Она старее поповой собаки... поросячью молодость себе в жилы пускает... А уж ей сто лет.* — Возможно, отклик на сообщения в печати об исследованиях в области омоложения; в 1889 году французский физиолог Ш. Э. Броун-Секар (1817—1894) опубликовал результаты своих испытаний: в качестве «эликсира молодости» он использовал экстракты из семенных желёз животных. Опыты по омоложению организма в эти годы проводил также И. И. Мечников (он впрыскивал сыворотку крови морской свинки в кровь кролика; впрыскивание вызывало усиленное размножение красных кровяных шариков). Выдающееся открытие Мечникова комментировали в прессе: «Если бы удалось добиться подобных же результатов для клеток печени, почек и т. д., то вопрос о продлении жизни был бы удовлетворительно разрешен 〈...〉

Но ведь для того, чтобы можно было говорить о вечной молодости или хоть о продлении жизни, словом, чтобы говорить о „лечении дряхлости", нужно 〈...〉 получить ту же усиленную деятельность, ту же энергию обновления крови при условии старости, немощи, порожденной естественным упадком сил. А это не только еще не достигнуто, но в этом направлении, в сущности, еще не делались опыты» ([*Б.п.*] Выдающееся открытие // Неделя. 1899. № 52. С. 1754—1755); см. также: [*Б.п*]. Вечная молодость // Петербургская жизнь. 1900. № 1, 6 января. С. 3130. Ср. стихотворную параллель (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 10. Л. 158):

Да, эликсир из юных поросят, —
Вот лучший способ для продленья жизни.
Тебя, старик, пусть годы не страшат:
Есть средство верное: под кожу брызни
Поганой жидкостью, и станешь вдруг
Неутомим, как молодой петух,

И выйдешь ты отличною подделкой
Под юношу: хоть тотчас под венец.

Вот хорошо! теперь уж жизни мелкой, —
Лет в шестьдесят, совсем пришел конец.
Мы будем жить по десяти столетий,
Но во сто лет еще ль мы будем дети?

2 июля 1890.

171 ...*Крыловскую басню «Лжец».* — В басне И. А. Крылова «Лжец» (1812) высмеивается обманщик, похвалявшийся якобы виденными им за границей чудесами и испугавшийся затем отечественной диковинки — моста, который будто бы обваливается под врунами.

XXV

172 *Пота́ (диалект.)* — до тех пор (*Даль.* 3: 352).

173 *Недотыкомка... везде ползет и бежит за Передоновым, — измаяла, истомила его зыбкою своею пляскою. Хоть бы кто-нибудь избавил, словом каким или ударом наотмашь. Да нет здесь друзей...* — Ср. стихотворение «Недотыкомка серая...» (1 октября 1899; впервые: *Сологуб Федор.* Собрание стихов. Кн. III—IV. 1898—1903 гг. М.: Скорпион, 1904. С. 132):

Недотыкомка серая
Все вокруг меня вьется да вертится, —
То не Лихо со мною очертится
Во единый погибельный круг?

Недотыкомка серая
Истомила коварной улыбкою,
Истомила присядкою зыбкою, —
Помоги мне, таинственный друг!

Недотыкомку серую
Отгони ты волшебными чарами,
Или наотмашь, что ли, ударами,
Или словом заветным каким.

Недотыкомку серую
Хоть со мной умертви ты, ехидную,
Чтоб она хоть в тоску панихидную
Не ругалась над прахом моим.

174 *Везде перед глазами у Передонова ходили карточные фигуры, как живые... Это — люди со светлыми пуговицами: гимназисты, городовые. Туз — толстый, с выпяченным пузом, почти одно только пузо. Иногда карты обращались в людей знакомых.* — Мотив повести А. С. Пушкина «Пиковая дама», ср.: «Увидев молодую девушку, он говорил: „Как она стройна!.. Настоящая трой-

ка червонная" ⟨...⟩ Всякий пузастый мужчина напоминал ему туза. Тройка, семерка, туз — преследовали его во сне, принимая все возможные виды: тройка цвела перед ним в образе пышного грандифлора, семерка представлялась готическими воротами, туз огромным пауком» (*Пушкин А. С.* Собр. соч. В 10 т. М., 1960. Т. 5. С. 258).

175 *Он вообразил, что еще со студенческих лет состоит под полицейским надзором. Потому-то, соображал он, за ним и следят.* — Этот мотив был усилен в авторской инсценировке романа, ср.: «...в последних актах выясняется трагедия „Мелкого беса", трагедия человека с высшим образованием, знавшего и Писарева, и Герцена, и Мицкевича, — заброшенного в среду мещанской пошлости маленького городка с его сплетнями, пьянством, картами, — доносами; доходящего до полного одурения, при котором начинает ловить „чертиков", женится на своей кухарке и окончательно погибает» (*В. Г.* Общественное собрание. «Мелкий бес» // Крымский вестник. 1911. № 30. 1 февраля).

176 *Надмевать* — надувать; делать кичливым, спесивым, возносить (*Даль.* 2: 403).

177 *Смутные воспоминания шевельнулись в его голове. Кто-то прятался за обоями, кого-то закололи не то кинжалом, не то шилом.* — Издевательское сравнение Передонова с Гамлетом, который заколол подслушивавшего за занавесом Полония (в трагедии У. Шекспира «Гамлет», акт. III, сцена 4).

178 *...много поколений легло на древнего Каина... И в разрушение вещей вселился древний демон, дух довременного смешения, дряхлый хаос...* — Ср. авторскую запись: «Каин, братоубийца, прикован к земле и воплощается в людях. Идея братоубийственного человечества. Невыносимо страждет. Надежды искупления едва блестят под греховным бременем, но делаются все светлее. Конца не будет. Пройдет чрез все эпохи» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 539. Л. 280).

179 *Варвара... подкрадывалась к дверям той горницы, где сидел Передонов, и оттуда говорила чужими голосами.* — Расстройству душевной деятельности сопутствуют обманы чувств, в частности, «больной слышит голоса; эти голоса иногда ругаются, оскорбляют, иногда хвалят. Иногда он слышит, как перешептываются за стеной, под полом или над потолком, сговариваются его убить» (*Корсаков С. С.* Курс психиатрии. М., 1893. С. 85).

180 *Шведский нож* — охотничий нож с рудиментарным ограничителем и загнутой головкой (см.: *Трубников Б. Г.* Оружие и вооружение. Определитель. СПб., 2002. С. 123); применялся для холощения скота.

181 *Я хочу иметь любовницу холодную и далекую.* — Автор иронизирует над штампами символистской поэзии («холодная и далекая»). Эпизод восходит к «Пиковой даме»; Германн думал о старой графине: «Представиться ей, подбиться в ее милость, — пожалуй, сделаться ее любовником, — но на это все требуется время, — а ей восемьдесят семь лет, — она может умереть через неделю...» (*Пушкин А. С.* Пиковая дама // Пушкин А. С. Собр. соч. В 10 т. М., 1960. Т. 5. С. 243).

182 *...понял, что конец приближается, что княгиня уже здесь, близко, совсем близко. Быть может, в этой колоде карт... несомненно, она — пиковая*

или червонная дама. — Мотив повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» (1833): в момент рокового проигрыша Германну «показалось, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась» (*Пушкин А.* С. Пиковая дама // Там же. С. 251).

XXVI

183 *Запах японской функции* — «„Сладкий, томный и пряный запах японской функии" — это благоухание модных в те годы духов, а не широко распространенного ныне декоративного растения, которое тоже не может похвастаться каким-то особенно сильным и приятным ароматом» (*Кушлина Ольга.* Страстоцвет, или Петербургские подоконники. С. 116).

184 *Extra-maguet* — название духов фирмы Герлен. Maguet (*фр.*) — ландыш.

185 *Пусть умру совсем, как русалка, как тучка под солнцем растаю.* — Мотив из сказки Х.-К. Андерсена «Русалочка»: после смерти русалка превращается в пену, поскольку, в отличие от людей, не имеет бессмертной души.

186 *...отрока-бога лобзали ее горячие губы...* — Мотив дионисийского исступления. Людмила уподобляет Сашу Дионису. Подробнее см. об этом: *Розенталь Шарлотта, Фоули Хелен П.* Символический аспект романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Русская литература XX века. Исследования американских ученых. СПб., 1993. С. 7—23; *Венцлова Томас.* К демонологии русского символизма // Венцлова Томас. Собеседники на пиру. Статьи о русской литературе. Вильнюс, 1997. С. 75.

187 *Диви бы* (*новг.*) — ну пусть бы, ну уж если бы (*Даль.* 1: 435).

188 *Грудь мою пронзили семь мечей счастья...* — Образ восходит к изображению Богоматери в католических храмах, сердце которой пронзено семью мечами в знак ее скорби о земном пути сына.

189 *...только в безумии счастье и мудрость.* — Ср.: «Страданием и бессилием созданы все потусторонние миры, и тем коротким безумием счастья, которое испытывает только страдающий больше всех» (*Ницше Ф.* Так говорил Заратустра / Перевод Ю. М. Антоновского. СПб., 1911. С. 22).

190 *Целовать ее ноги? Или бить ее, долго, сильно, длинными гибкими ветвями? Чтобы она смеялась от радости или кричала от боли?* — Ср. запись и высказывание Сологуба: «Сладострастие. Жажда мук как выход ненасыщенного сладострастия. Примеры: покаяние Жиля де Ретца. Раскаяния преступников, особенно под старость. Сладострастие унижения. Любовники любят целовать ножки» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 539а. Л. 137); «Любить — это значит провести любимую по всем ступеням переживаний от мук физических и душевных до восторгов физических и душевных. Тогда — любовь богата, тогда жизнь богата» (*Данько Е. Я.* Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения / Вступ. статья, публ. и коммент. М. М. Павловой // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 206).

191 *...но в чем же это таинство плоти?* — Вероятно, полемический отклик на религиозно-мистическую концепцию Д. С. Мережковского о грядущем синтезе

двух «бездн» — таинства плоти (язычества) и таинства духа (христианства), получившую оформление в его исследовании «Л. Толстой и Достоевский» (впервые: Мир искусства. 1900—1901; 1902, № 2).

XXVII

192 *Встает заря во мгле холодной...* — отрывок из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (гл. 4, строфа XLI). Материалом для этого эпизода отчасти послужило реальное событие — выступление И. И. Страхова на Пушкинских торжествах в Великих Луках, на которых, очевидно, присутствовал автор романа. Решение о праздновании 50-летия кончины поэта зафиксировано в документах Великолукского реального училища, сохранившихся в Великолукском филиале Государственного архива Псковской области (см. об этом: *Соболев А. Л.* Из комментариев к «Мелкому бесу»: «Пушкинский» урок Передонова // Русская литература. 1992. № 1. С. 157—160).

О «пушкинском» уроке Страхова Сологуб мог прочитать в газетной хронике. В частности, газета «Псковский городской листок» (1887. № 12. 11 февраля) сообщала: «Великие Луки. 50-летие кончины великого поэта А. С. Пушкина ознаменовалось здесь устроением 1-го февраля в гимнастическом зале реального училища „литературным утром". К назначенному часу обширный зал наполнился собравшимися представителями всех классов общества и учащимися в реальном училище. Между публикою находились: местный предводитель дворянства, почетный попечитель реального училища и множество дам.

Сначала преподавателем словесности, г. Страховым, а потом преподавателем французского языка, г. Апошнянским, с кафедры, было прочтено: первым — нечто о значении пушкинской поэзии, а вторым — о Пушкине как драматурге. К сожалению, чтения эти носили какой-то таинственный характер и относились скорее к самим ораторам, чем к публике, благодаря неспособности упомянутых лиц передать содержание лекций громко и внятно: они прошли без всякого впечатления. После них ученик 3-го класса реального училища Кирвецкий, с кафедры же, прочел по книге известное стихотворение Пушкина „Братья-разбойники", хотя это произведение не грешно было бы даже продекламировать наизусть. При этом нужно заметить, что в зале не было ни бюста юбиляра, ни его портрета и вообще на всех лежала печать полного равнодушия к делу чествования памяти славного поэта.

Впрочем, нет — в антрактах между чтениями учениками-любителями музыки, под управлением г. Штепанека, было безукоризненно исполнено на инструментах несколько музыкальных пьес, вызвавших в публике дружные аплодисменты. В заключение пением народного гимна: „Боже, Царя храни!", исполненным соединенным хором учеников с хором музыкантов, закончилось „литературное утро"».

193 *Пачкули* — искаженное *пачули* — духи с резким и сильным запахом.

[194] *...ты думаешь, через двести или триста лет люди будут работать?.. Нет... на всё машины будут... — Дай вам Бог... двести лет прожить да триста на карачках проползать.* — Аллюзия на чеховские мотивы ср.: «Те, которые будут жить через сто, двести лет после нас...» и т. д. — слова Астрова, обращенные к Войницкому в драме «Дядя Ваня» (*Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. М., 1978. Т. 13. С. 108). Ср. также: «Через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной» — слова Вершинина в драме «Три сестры» (там же. Действие 1-е. С. 131). В этой сцене Сологуб профанирует чеховскую «философию надежды», отстаивает неизменность «низкой» человеческой природы; по мнению Иванова-Разумника, «Чеховская вера в „золотой век" на земле „через 200—300 лет" находит себе карающую Немезиду в лице Передонова» (*Иванов-Разумник.* О смысле жизни. Федор Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов. СПб., 1908. С. 40).

[195] *Княгиня, в представлении Передонова, что ни день дряхлела и становилась ужаснее: желтая, морщинистая, согбенная, клыкастая, злая...* — Ср. в «Пиковой даме» А. С. Пушкина: «Графиня сидела вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь направо и налево. В мутных глазах ее изображалось совершенное отсутствие мысли; смотря на нее, можно было бы подумать, что качание страшной старухи происходило не от ее воли, но по действию скрытого гальванизма»; «Графиня так была стара, что смерть ее никого не могла поразить и что ее родственники давно смотрели на нее, как на отжившую» (*Пушкин А. С.* Собр. соч. В 10 т. М., 1960. Т. 5. С. 249, 256).

[196] *Старбень* — старый человек, проживший за полвека (*Даль.* 4: 317).

XXVIII

[197] *Чтобы ему назвать когда мальчика Сашею! Не форменно, и нет еще на то министерского циркуляра?* — Параллель со статьями Сологуба на школьные темы, в которых он выступал за демократизацию школьного уклада. Ср., например: «Зачем учителю надо быть начальником? ⟨...⟩ И обществу, и школярам, да и учителям, наконец, несравненно полезнее, чтобы школа не взбиралась на ходули, скромно признала себя одним из предметов общего пользования, как театр, почта, железная дорога и т. п. Попроще надо быть с детьми. Какие там для ребятишек начальники! маленькие чиновнички в мундирчиках, почтительно рапортующие своим начальникам о падении Римской империи, — что за комедия! Курам на смех» (*Сологуб Ф.* Учитель или начальник? // Новости и Биржевая газета. 1904. № 266, 26 сент. С. 2); «Читал я где-то рассказ русского, посетившего немецкую школу. Он особенно отметил то, что мальчуганы, уходя из школы, протягивали руки учителю, и учитель пожимал руки всех своих учеников. Картинка, которая в русских школах едва ли встретится. На западе учитель — учитель то есть. У нас он чиновник, в мундире, с чином и надменностью» (*Сологуб Ф.* Со сна // Новости и Биржевая газета. 1904. № 314. 13 [26] окт. С.2); «И другой образ дисциплины

представляется мне, и к нему я всегда питаю протестующее чувство. Это — класс: учитель на кафедре, перед ним ученики. Никогда не рядом с учениками, всегда перед ними и выше их. Никогда не хочет признать себя также подчиненным, всегда пытается распоряжаться и командовать. Никогда не работает с учениками, а только задает им работу. Никогда не делит с учениками трудностей общего дела. Совершенно выделяет себя от учеников в особую и превосходную породу людей» (*Сологуб Ф.* Дисциплина // Новости и Биржевая газета. 1904. № 282. 12 окт. С. 2).

[198] *Ослица силоамская* — словосочетание, возникшее в результате смешения двух библейских образов. Валаамова *ослица* (ветхозаветный образ, ставший нарицательным) обрела на некоторое время дар речи, чтобы предостеречь своего хозяина (Числа. 22:21—31). *Силоамская* купель — пруд близ Иерусалима, в котором Христос исцелил слепорожденного (Иоанн. Гл. 9, ст. 7).

[199] *Нарядить Гейшею* — возможно, источником образа послужила оперетта английского композитора Сиднея Джонса «Гейша» (1896). Оперетта упоминается в рассказе А. П. Чехова «Дама с собачкой» (впервые: Русская мысль. 1899. № 12): Гуров подстерегает Анну Сергеевну в провинциальном театре на представлении «Гейши»: «Впервые на русской сцене 〈«Гейша». — *М. П.*〉 поставлена режиссером А. Э. Блюменталем-Тамариным в Москве в 1897 году в театре Шелапутина («Гейша, или Необычное происшествие в одной японской чайной». Оперетта в 3-х действиях. Пер. с англ. А. Паули и Э. Ярона. СПб.: А. Иогансон 〈1898〉). В 1899 году в Москве „Гейша" шла в театре „Буфф" (дирекция Ш. Омон) и в театре русской комической оперы и оперетты под управлением Блюменталя-Тамарина. 〈...〉 В апереле того же года в Москве гастролировал театр венской оперетты, который ставил „Гейшу"» (коммент. к «Даме с собачкой» // *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. В 30 т. М., 1977. Т. X. С. 431).

По мнению П. Д. Рейфилда, оперетта является по своей структуре своеобразным прототипом «Трех сестер»: «Это пошлая восточная оперетта: сравнивать ее с „Мадам Баттерфляй" Пуччини все равно что сравнивать антифриз с коньяком. Тем не менее в Москве за один 1899 год было дано двести спектаклей. Перевод Поля Ярона 〈...〉 превзошел подлинник своим цинизмом и остроумием. 〈...〉 Фабула нелепа, что типично для английской оперетты, а сходство с „Тремя сестрами" несомненно и неслучайно. Чехов знал, упоминал и пародировал эту оперетту» (*П. Д. Рейфилд.* Тара-ра-бумбия и «Три сестры» // Чеховиана. Чехов в культуре XX века. Статьи, публикации, эссе. М., 1993. С. 99—100).

Сологуб, по-видимому, также знал популярную оперетту Сиднея Джонса, многократно ставившуюся на столичных и провинциальных сценах. Сюжеты романа и оперетты не имеют пересечений, но выбор костюма гейши для участия Саши в маскараде нельзя считать случайностью. Сестры Рутиловы — ироническая параллель к чеховским «Трем сестрам». См., например, заметки В. Кранихфельда, сделанные во время представления пьесы на сцене МХТ: «Незаметно для меня самого в моем воображении произошло странное перевоплощение сестер Прозоровых в сестер Рутиловых, Вершинина в Передонова и вообще всех в персонажей романа „Мелкий бес"» (Литературные отклики. «Мелкий бес» // Современный

мир. 1907. № 5. Отд. II. С. 126). Явление Саши на маскараде в костюме гейши в сопровождении трех сестер, по-видимому, содержит намек на перекличку романа с пьесой и опереттой. В свете профанации чеховской «философии надежды» на светлое будущее подобные коннотации, вероятно, удовлетворяли авторскому замыслу.

[200] *Уполовник (новг.)* — ковш для стряпух на длинной ручке, поварёжка (*Даль.* 4: 503).

XXIX

[201] *Шкалики* — стаканчики с фитильком, заправленные салом, применявшиеся для праздничного освещения.

XXX

[202] *Фалалей* — простофиля, разиня; пошляк (*Даль.* 4: 531).

XXXI

[203] *Кипсеки* — подарочный, роскошно изданный альбом с рисунками.

[204] *Клематит* — название духов (от фр. *clematite* — ломонос, разновидность цветов семейства лютиковых), обладающих легким цветочным запахом.

[205] *Хабалки* — нахалки, озорницы (*Даль.* 4: 540).

[206] *«Прелестна, как ангел небесный»* — измененная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Тамара» (1841); правильно: «*Прекрасна...*».

[207] *«Не стоит одного мгновения ее печали дорогой»* — Измененная строка из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон»; правильно: «*...твоей печали дорогой*».

[208] *Мы далеки от намерения обратить ученические квартиры в места какого-то заключения.* — Устойчивый мотив статей Сологуба на школьные темы (современную школу он называл «полицейской»). Ср., например: «...школа считает себя обязанною заботиться даже о том, как ведут себя школьники на улицах, в театрах, в гостях, дома, — словом, везде. Бдительность напрасная, но источник этих забот ясен: где нет общественной самодеятельности, там всегда избыток опеки» (*Сологуб Федор.* Дети в форме // Новости и Биржевая газета. 1904. № 274. 4 окт. С. 2); «...вы пришли в школу. Вы видите, как в промежуток между уроками дети играют в зале. Между ними непременно человек со светлыми пуговицами. Это — наблюдатель, — он же и воспитатель. Он же и учитель. Он воспитывает их в добрых нравах. Для этого он неотлучно торчит перед ними, когда они отдыхают от скуки глупого и пустого урока. Он не знает сам и не слышал от своих просвещенных начальников, что доверие воспитывает, а надзор без конца, бестактный и мелочный надзор тюремных наблюдателей и полицейских педагогов — развращает» (*Сологуб Федор.* Полицейская школа // ИРЛИ. Ф. 289. Оп.1.

№ 407; в авторской библиографии указана публикация: Новости и Биржевая газета. 1905. № 107. 29 апр., — однако она в указанном номере отсутствует, не выявлена).

XXXII

209 *Домекнуться* — понять, догадаться (*Даль*. 1: 464).

210 *Курносая, безобразная баба... Щеки у нее были темные, зубы блестели*. — Описание маски смерти.

ДОПОЛНЕНИЯ

МЕЛКИЙ БЕС
ДРАМА В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ (ШЕСТИ КАРТИНАХ)

Шумный успех «Мелкого беса» и возможное появление любительских переложений текста для сцены побудили Сологуба заняться переделкой романа в драматическое произведение. Идея создания авторской инсценировки впервые была высказана писателем осенью 1908 года в разговоре с А. П. Воротниковым.[1]

Основную идею драмы Сологуб определил так: «Мне хотелось бы, чтобы сцена, *очеловечив* Передонова, вызвала к нему *сочувствие* зрителя. ⟨...⟩ Постановка должна быть ярко-реалистична, с резко обозначенным бытом, постепенно, однако, убывающим к концу, когда уже является фантастический элемент, бредовый. Безобразия быта, взятые в крайнем проявлении, сами себя казнят, претворяются в безумие, в невозможный в действительности страшный бред».[2]

Сологуб выбрал из романа эпизоды, наиболее существенные с точки зрения художественного замысла, и распределил их в пять сценических действий. В самом конце 1908 года работа над инсценировкой, очевидно, подвигалась к завершению. 29 декабря 1908 года К. Н. Незлобин,[3] по совету А. П. Воротникова, поступившего в его труппу режиссером, обратился к Сологубу с предложением:

---

1 Антоний Павлович Воротников (1857—1937) — драматург, беллетрист, переводчик, режиссер, сценарист, бывал у Сологуба на «воскресеньях» в Андреевском училище в 1906—1907 гг.; состоял с ним в переписке. Упоминание о решении Сологуба сделать инсценировку «Мелкого беса» содержится в письме Воротникова к Сологубу от 25 августа 1909 г.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 155. Л. 55 об.

2 *Е. Я.* У Ф. Сологуба // Утро России. 1909. № 36-3. 18 нояб. С. 5.

3 Константин Николаевич Незлобин (1857—1930) — актер, режиссер, один из наиболее маститых и культурных антрепренеров России; в 1909 г. основал в Москве театр, в 1911 г. учредил филиал московского театра в Петербурге (Русский драматический театр К. Н. Незлобина и А. К. Рейнеке).

«Многоуважаемый Федор Кузьмич! Очень хотел бы поставить в моем театре в Москве с осени 1909 г. Вашу драму, которую, как мне известно, Вы заканчиваете в настоящее время, — „Мелкий бес". Не откажите, в случае согласия Вашего, сообщить мне условия разрешения постановки этой пьесы в Москве, в моем театре. Считаю необходимым прибавить, что в репертуаре театра будут у меня А. Майков, Л. Андреев, Е. Чириков, С. Найденов и пр., а также из западных писателей О. Уайльд и пр.».[4]

Весну 1909 года Сологуб и Ан. Чеботаревская провели за границей. Работу над инсценировкой писатель возобновил лишь после возвращения в Россию. 1 июня 1909 года А. П. Воротников писал Сологубу: «Федор Кузьмич, предполагая, что Вы уже вернулись из заграницы, пишу Вам в Петербург в надежде узнать от Вас что-либо о „Мелком бесе", о котором спрашивает меня постоянно и наш директор К. Н. Незлобин и наш режиссер Марджанов.[5] Не откажите сообщить, очень прошу Вас! Готова ли пьеса, когда могли бы мы с нею познакомиться ближе?».[6]

Предварительные переговоры о постановке прошли благополучно. 27 июня Воротников сообщал Сологубу: «Конст. Ник. Незлобин с нетерпением ожидает возможность прочитать Вашу драму, чтобы затем поскорее заняться ею. Я не предвижу с его стороны возражений относительно Ваших условий гонорара и думаю, что для того, чтобы у Вас не было сомнений по поводу возможного числа представлений, он мог бы приобрести у Вас пьесу „Мелкий бес" для Москвы (и Петербурга даже) за определенную цифру, независящую от числа представлений. Конечно, все эти вопросы лучше всего было бы выяснить при личном свидании, как только он прочтет пьесу».[7]

В июле 1909 года Сологуб выслал Воротникову текст драмы для ознакомления. Вскоре он получил от него заключение: «*Прежде всего*: пьеса не производит впечатления переделки из романа, что и было весьма желательно. В особенности V акт удачен для режиссера. *Далее*: мне кажется, что в дополнительных сценах не чувствуется надобность, *кроме сцены Людмилы с Сашей; она безусловно необходима*, как связующее звено между разговорами о „гимназисте-девочке" и появлением Саши на балу. Мне представляется возможность — переодевание, т. е. разглядывание Саши Людмилой сделать за сценой, а сестры на сцене подслушивают и подсматривают, и обмениваются замечаниями, из которых был бы виден характер отношений Людмилы к Саше. Затем входят и они на сцену. Костюм Людмилы, несколько небрежный, и смущение мальчика дополняют впечатление от разговоров сестриц. В этой же сцене созревает решение одеть Сашу Гейшей для маскара-

[4] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 484. Л. 1.

[5] Константин Александрович Марджанов (Марджанишвили; 1872—1933) — режиссер, в 1900-е годы работал в театре Незлобина — в Русском театре в Риге, с 1909 г. — в Москве.

[6] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 155. Л. 15—15 об.

[7] Там же. Л. 19—19 об.

да. — Для связи этой — всей — сцены (которая, мне кажется, составляет 2-ую необходимую картину 3 действия) с предыдущими и последующими можно бы в разговоре сестер Рутиловых сказать что-нибудь и о Передонове. Затем в эту картину прямо так и просятся песни и пляски сестер; могут они предшествовать или следовать за раздеванием Саши (за кулисами); он может прийти в гости к ним во время пляски сестер, и Людмила уведет его в свою комнату для культа его красоты. — Простите мне, что пишу обо всем этом так подробно. Во мне заговорил „театральный человек", и я чувствую, что такая картина составила бы один из главных „гвоздей" пьесы, говоря цинично, одну из приманок для публики. Повторяю: „цинично". Потому что сестры Рутиловы все-таки будут светлым пятном на всей драме „Мелкого беса"».[8]

Многие критики осуждали Сологуба за «безнравственное» описание в романе истории любви Людмилы и Саши (автор одной из самых резких рецензий, в частности, негодовал: «О сценах во вкусе „огарков" между гимназистом и взрослою девицею упоминать противно: порок, когда он надушен и обсахарен, еще отвратительнее, чем когда он выставлен во всей своей отталкивающей наготе. И невольно является вопрос: кому нужны такие книги? Для молодежи они вредны»[9]).

В этой связи примечательно сообщение, опубликованное 31 октября 1907 года в газете «Театр» (№ 88), в разделе «Петербургская хроника»: «Бывшие ученики Андреевского городского училища, инспектором которого был Ф. Сологуб, устраивают спектакль, в котором ставят пьесу Сологуба. Как известно, Ф. Сологуб был недавно уволен с поста инспектора за „литературную деятельность" и главным образом за роман „Мелкий бес"».

Подобные беспочвенные слухи искажали литературную репутацию писателя: в действительности он был уволен в отставку из училища за выслугой 25 лет. Вполне понятно, что у лиц, заинтересованных в появлении «Мелкого беса» на сцене, возникло сомнение в безупречности, с точки зрения цензуры, так называемой «эротической» картины пьесы, действие которой разворачивалось в драме на квартире у Рутиловых.

О цензурном разрешении предстояло хлопотать в неблагоприятных для автора обстоятельствах. В феврале 1909 года прошла серия так называемых самодеятельных «литературных процессов», организованных университетским студенческим «Кружком литературы и искусства», по обвинению писателей М. Арцыбашева, М. Кузмина и Ф. Сологуба в порнографии — по 1001 статье уложения о наказаниях. «Литературные процессы» отражали состояние общественного мнения.

Сологубу инкриминировалось соблазнительное описание в «Мелком бесе» и «Навьих чарах» противоестественных наклонностей, известных под именем садизма. «„Присяжные заседатели" отвергли обвинение в части, касающейся „Мелкого беса", но признали его по отношению к „Навьим чарам". Суд приговорил Ф. Со-

[8] Там же. Л. 43—44 об. (письмо от 20 июля 1909 г.).

[9] *Пустовойтенко К.* О детях // Варшавский дневник. 1908. № 36. 5 февр. С. 2.

логуба к аресту на 1 месяц, а роман: „Навьи чары" постановлено подвергнуть уничтожению»[10] («приговор» не был приведен в исполнение).

Цензоры не раз выдвигали писателю обвинение по разным статьям устава, в том числе по 1001 статье уложения о наказаниях.[11] Он был вынужден прислушиваться к пожеланиям режиссеров, чтобы оградить инсценировку от возможных цензурных санкций. По этой причине картину, заведомо сомнительную с точки зрения принятой нравственной нормы (Саша в гостях у Рутиловых, Людмила уводит его в свою комнату и любуется его наготой), и другую, сюжетно связанную с ней (знакомство Людмилы и Саши на квартире Коковкиной, Передонов допрашивает Сашу), он отделил от основного текста драмы и назвал «Эпизод второй» и «Эпизод первый». Эпизоды, объединенные «эротической» темой, получили относительную самостоятельность. В случае необходимости их можно было убрать из текста, без существенного ущерба для общего сценического действия и основного сюжета драмы.

5 августа 1909 года Воротников сообщал Сологубу: «Пожалуйста, вышлите возможно скорее дополнительную сцену „Мелкого беса" в Москву *на мое имя* ⟨...⟩ На днях мы хотим читать пьесу артистам. Пока же ее прочел Конст. Ник. Незлобин, режиссер Марджанов и еще кое-кто. ⟨...⟩ Я думаю, лучше всего нам теперь переписать всю пьесу вместе с добавочной сценой и в таком уже виде отправить в Петер⟨бург⟩ в цензуру. Там похлопочем, чтобы поскорее прочитали».[12]

9 августа Воротников писал вновь: «Как только будет получена дополнительная сцена, мы немедленно пошлем рукопись в драматическую цензуру, там ее не задержат долее трех, четырех дней, и как только будет получено у нас уведомление, хотя бы по телеграфу из Петербурга о разрешении цензурой „Мелкого беса", то немедленно будет переведена Вам 1/2 желаемого Вами гонорара. Мы сделаем все, чтобы ускорить это дело. В Петербурге пьесу представит за нас Бюро Русск⟨ого⟩ Театр⟨ального⟩ Общества, для которого все решительно в цензуре делается скорее, чем кому-либо; оттуда же нас известят телеграммой о разрешении. Дело в том, что Конст. Ник., а также его жена не уверены в разрешении „Мелкого беса" для сцены (так как герой — педагог). В последнее время цензура стала придирчивее прежнего. Я не разделяю этих опасений, но я „один в поле не воин". ⟨...⟩ Все читавшие у нас пьесу высказались одинаково за необходимость сцены у сестер Рутиловых».[13]

Вскоре цензурное разрешение на постановку было получено. 25 августа Воротников сообщал Сологубу: «Дорогой Федор Кузьмич, вчера я получил от бар⟨она⟩

---

[10] См.: *Е. С. [Коган С. М.]* О студентах // Мир (СПб.). 1909. № 9-10, 1 марта. С. 62.

[11] См.: *Цехновицер О. В.* Символизм и царская цензура // Учен. записки Ленингр. гос. ун-та. Сер. филол. наук. Л., 1941. Вып. 11. С. 279—314.

[12] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 155. Л. 46—47.

[13] Там же. Л. 49—50 об.

Дризена[14] цензурованный экземпляр „Мелкого беса". Вычеркнуты несколько фраз всего у Передонова, зато пострадала сцена Людмилы с Сашей. Сперва Дризен проектировал выбросить целиком всю сцену, потом внял мольбам моим и прошелся красными чернилами по монологу Людмилы (разговор о ее сне), по разговору с Сашей и зачеркнул ту сцену, когда сестры подсматривают. Оканчивается картина уходом Людмилы с Сашей в ее комнату и входом двух сестер. — Что делать! Надо быть благодарным и за это. Зато сам Передонов остался в полной неприкосновенности. 〈...〉 Вчера здесь был на несколько часов Конст. Ник. Незлобии, и я ему передал цензурован〈ный〉 экземпл〈яр〉, который он и повез в Москву. 〈...〉 Незлобии в восторге от разрешения „М〈елкого〉 беса"».[15]

В сентябре в театре Незлобина начались первые читки пьесы с актерами. Режиссером постановки был назначен Константин Александрович Марджанов. Сологуб периодически сообщал в Москву о своих пожеланиях относительно отдельных действующих лиц и некоторых сцен. При этом он не возражал против «режиссерских сокращений и обработки пьесы».[16]

30 сентября Воротников извещал Сологуба: «Целиком всю драму еще не репетировали, а по отдельным актам, причем режиссер высчитал, что „М〈елкий〉 бес" идет около 4 $^1/_2$ час〈ов〉, *не считая антрактов*, 1〈й〉 акт — 40 мин., 2-й — 50 мин. и т. д., которые все же займут немало времени. Таким образом, спектакль с 8 час〈ов〉 веч〈ера〉 продолжался бы до 1 ч〈асу〉 ночи и дольше. Поэтому предполагалось четвертый акт, как наименее важный для развития драмы, *пока* не разучивать. На постановку „М〈елкого〉 б〈еса〉" у нас потребуется еще не менее месяца и потому можно в ней сделать все, что угодно, и включить, если хотите, и 4-й акт, лишь бы это клонилось к успеху пьесы в интересах и автора и театра. Вообще относительно многих пунктов у режиссера есть сомнения, и он очень надеется на Ваш приезд в Москву для разъяснения разных вопросов относительно „М〈елкого〉 б〈еса〉"».[17]

Весь декабрь в театре шли интенсивные репетиции. В декабре Сологуб приезжал в Москве и встречался с труппой во время одной из репетиций. Премьера была намечена на 4 января 1910 года.

Однако первая по времени премьера «Мелкого беса» состоялась не в Москве, а в Киеве. В августе 1909 года режиссер Киевского театра «Соловцов» Н. А. Попов,[18] по совету А. П. Воротникова, обратился к Сологубу с просьбой:

[14] Николай Васильевич Дризен (Остен-Дризен), барон (1868—1935) — цензор Главного управления по делам печати; редактор «Ежегодника Императорских театров». Сологуб посещал литературные беседы в салоне Дризена на Большой Московской (д. 8). Сохранилось 8 писем Дризена Сологубу (1910—1925 гг.): ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 242.

[15] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 155. Л. 55—56 об.

[16] Там же. Л. 71 об. (письмо от 30 сентября 1909 г.).

[17] Там же. Л. 72—72 об.

[18] Николай Александрович Попов (1871—1949) — режиссер, драматург, театральный деятель; в 1902—1907 руководил с перерывами Народным театром Василе-

«Многоуважаемый Федор Кузьмич, по слухам, Вы закончили новую пьесу „М⟨елкий⟩ б⟨ес⟩". Если этот слух верен, не откажитесь познакомить нас с пьесой и сообщите Ваши условия. В моем распоряжении прекрасная труппа, а обстановочная часть доведена до возможной высоты, не уступающей крупнейшим столичным театрам, так что пьеса может быть поставлена достойным образом».[19]

Просьбу Н. А. Попова поддержал Сергей Алексеевич Соколов (Кречетов), глава издательства «Гриф», с которым Сологуба связывали дружеские и деловые отношения. Жена Соколова Лидия Дмитриевна Рындина в сезон 1909/10 служила в труппе театра «Соловцов» и мечтала получить роль в «Мелком бесе». Соколов известил Сологуба телеграммой: «Присоединяюсь изо всех сил просьбе Киевского Театра Соловцова Театр дружественный и настоящим режиссирует бывший режиссер Московского Малого Театра Попов Художественная высота обеспечена Привет Подробности письмом Сергей Соколов Гриф».[20]

В письме, отправленном из Киева 30 августа, он добавлял: «Театр действительно очень хороший, с прекрасно поставленной технической и декоративной частью и с хорошей труппой. В этот сезон здесь главным режиссером Н. А. Попов, покинувший Моск⟨овский⟩ Малый театр и здесь имеющий неограниченные полномочия. Человек он тонко чувствующий и очень культурный, и за постановку безусловно можно не опасаться. Я был очень рад, узнав, что после обмена телеграмм⟨ами⟩ Вы дали свое согласие на постановку».[21]

Репетиции в театре «Соловцов» начались в сентябре. 15 октября Н. А. Попов писал Сологубу: «Дорогой Федор Кузьмич! „Мелкий бес" идет в первый раз 30-го октября. Текст у меня уже сделан, причем, применяя его к сцене, я советовался с С. А. Кречетовым, который гостит сейчас в Киеве. К репетициям приступаю с понедельника 19-го, а оркестровые репетиции идут уже давно, причем занимаюсь с оркестром сам, чтобы он слился в одном направлении со всей постановкой. Окончательного распределения ролей еще нет, потому и не сообщаю его Вам. Конечно, с нетерпением буду ждать Вашего приезда в Киев».[22]

Сологуб присутствовал на премьере «Мелкого беса» в Киевском театре 7 ноября.[23] После его возвращения в Петербург Л. Д. Рындина, исполнявшая роль Дарьи Рутиловой, сообщала Ан. Н. Чеботаревской: «„Мелкий бес" прошел 3 раза — 2-ой раз было немного публики, но на 3-ем очень много, хорошо. Должен

островского общества народных развлечений в Петербурге, в 1904—1906 режиссер театра В. Ф. Коммиссаржевской, в 1901—1910 — главный режиссер Киевского театра «Соловцов», в 1907—1910 — режиссер Московского Малого театра.

[19] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 556. Л. 3.

[20] Там же. № 636. Л. 40.

[21] Там же. Л. 42.

[22] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 556. Л. 5.

[23] 23 ноября 1909 г. И. Э. Дуван-Торцов (директор театра) сообщал Сологубу: «Поручил перевести Вам 100 рублей за возмещение расходов по приезду Вашему в Киев на представление „Мел⟨кого⟩ бес⟨а⟩". 7 ноября 09 г.» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 878. Л. 2).

был еще идти — но Буткевич (исполняла роль Варвары. — *М. П.*) перерезала себе вены — в ванне. Случайно к ней зашел один артист и узнал, что она в 8 часов пошла в ванну (а это было в 10), встревожился — стали к ней стучать; ответа не было — выломали ⟨дверь⟩ — ванна полная крови — она без чувств, без пульса, — привезли в больницу. Если бы это был мужчина, он бы был мертв, но женщины привыкли к потерям крови — ей что-то впрыскивают, лежит поправляется, голова свежая — веселая, говорит — не от горя, жить скучно, не стоит — все равно покончу. Жутко, Анастасия Николаевна, у нас очень жутко».[24]

Постановка вызвала недоумение у зрителей. Критики сразу же обратили внимание на различие авторской интонации в романе и сценической версии «Мелкого беса». Обозреватель «Киевской мысли» писал: «Конечно, это не был „Мелкий бес", на сцене не было бытовой картины, нарисованной в романе, но зато была клиническая картина и, так сказать, „скорбный лист" тяжелого кошмарного безумия ⟨...⟩ для меня вполне ясно одно, что автор романа и автор переделки совершенно не поняли друг друга, и в то время как автор романа задался целью вызвать в читателе и гнев, и ужас перед позорной русской действительностью, автор переделки не вызывает ничего, кроме глубокого, искреннего и бесконечного сожаления к несчастному безумцу и душевной трагедии Передонова».[25] В интервью, данном газете «Театральный день», по поводу киевской постановки драмы, Сологуб сказал, что он очень доволен режиссурой Н. А. Попова и актерскими работами; трактовка образа Передонова была адекватной его художественному замыслу.[26]

Премьера в театре Незлобина состоялась 7 января 1910 года, Сологуб был в Москве на первом представлении.[27] Газета «Русское слово» сообщала: «„Мелкий бес" Ф. Сологуба прошел вчера в театре Незлобина с выдающимся внешним успехом. Автора начали вызывать после первого же акта и вызывали в течение всего вечера; он выходил раскланиваться. Много вызывали и исполнителей, и г. Незлобина. Ему и автору были поданы венки. Справедливость требует, однако, сказать, что эти горячие вызовы слышались почти исключительно с верхов и были в значительной мере щедрее того, чего заслуживает пьеса; публика же партера вела себя достаточно сдержанно. ⟨...⟩ все то больное, уродливое, кошмарное и извращенное, чем переполнен роман, из которого сделана пьеса, на сцене выступает

---

[24] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. № 252. Л. 4 об.—5. Вероятно, речь идет о драматической артистке Наталье Антоновне Будкевич (ум. 1928).

[25] *Яблоновский Александр.* Кривое зеркало // Киевская мысль. 1909. № 311. 10 нояб. С. 2. Одобрительные отклики на постановку см. в газете «Киевские вести» (1909. № 299, 9 (22) нояб. С. 3) и «Киевская мысль» (1909. № 309. 8 нояб. С. 5).

[26] См. подробное интервью с Сологубом по поводу постановки в театре «Соловцов»: Театральный день. 1909. № 111. 8 (22) дек. С. 8.

[27] 22 декабря 1909 г. Воротников писал Чеботаревской: «...крайне жаль, что Федор Кузьмич не может присутствовать на первом представлении „Мелкого беса" — 4 января. Конечно, Константин Николаевич может перенести его на 7 янв⟨аря⟩» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. № 70. Л. 9).

еще с более отталкивающей реальностью. ⟨...⟩ Вероятно, специфический характер пьесы доставит ей· успех».[28]

Незлобин предполагал сыграть «Мелкого беса» и в Петербурге, в другой редакции. Незадолго до премьеры, 3 января 1910 года Воротников извещал Сологуба о планах директора театра: «Дорогой Федор Кузьмич, только что мы говорили с Константином Николаевичем по поводу „Мелкого беса" в Петербурге. Он хочет сыграть его в Москве в новой редакции 1-го и последнего актов (о чем говорил уже с Вами в Москве) и с тем актом, который пропускался до сих пор (визит Директора к Передонову). Не можете ли Вы поскорее прислать нам переделку конца первого акта, а также измененную редакцию одной сцены последнего, где Вы даете несколько фраз Передонову во время раздачи призов? Нам надо прорепетировать возможно скорее и поставить в Москве еще в феврале. ⟨...⟩ В „Мелком бесе" для Петербурга предвидятся кое-какие перемены в артистах».[29]

В первой редакции постановки в театре Незлобина, как отмечал рецензент, «сон разыгрывался за тюлем, на подставке, в глубине, — как это прежде делалось в операх, — а виде́ния — карты и чертики — показывали на сцене волшебным фонарем. Такие приемы — совсем детские и мешают спектаклю, но в их простоте есть даже что-то милое и трогательное. „Недотыкомка" во втором акте пролетала как маленькая серая охапка: это было неплохо ⟨...⟩ В последней сцене, в маскараде, „недотыкомка" была маскарадная и говорила хриплым голосом. И это уже нехорошо».[30] Незлобин заменил трюки с волшебным фонарем живыми артистами в костюмах игральных карт. В феврале постановка прошла в Москве с нововведениями и новыми мизансценами и затем в этой обновленной редакции в марте была представлена в Петербурге.

Отклики на постановку пьесы у Незлобина были преимущественно комплиментарные по отношению к режиссеру и исполнителям, но весьма сдержанные или критические по отношению к Сологубу и самой идее авторской инсценировки.

Рецензент из газеты «Утро России» отмечал: «Спектакль утомляет, и в этом его главный недостаток театральный. Потом в пьесе, как всегда в переделках, нет формы: строгой и четкой, формы драматической — все растрепано, дрожит и мелькает, как в плохом синематографе. Потом в пьесе нет романа „Мелкий бес". ⟨...⟩ Для искусства сцены представление это совершенно ничтожно и нет литературного значения у переделки из романа, как бы ни был прекрасен роман».[31] Критик газеты «Новые люди» заявлял: «Нужды нет, что пьеса не совсем сценична, что она страдает длиннотами и довольно часто скучна, но в испол-

---

[28] *С. Я. [Потресов С. В.]* Театр Незлобина. «Мелкий бес» // Русское слово. 1910. № 5. 8 (21) янв. С. 5.

[29] ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 155. Л. 94—95 об.

[30] *Ярцев П.* «Мелкий бес» у Незлобина // Утро России. 1910. № 76—43. 9 янв. С. 5.

[31] Там же.

нении труппы Незлобина она приковывает к себе внимание зрителя, заставляет его думать».[32]

Обозреватель еженедельника «Театр и искусство» писал: «Как можно уложить „Мелкий бес" в рамки сценического произведения? Этот вопрос интересовал всех собравшихся посмотреть пьесу у Незлобина. Переделал роман в пьесу сам автор. Это усиливало интерес. Как и следовало ожидать, постигло полнейшее разочарование. „Мелкий бес" на сцене оказался чем-то отталкивающим. Патологически-садические узоры Сологуба, скрашенные в романе постепенностью нарастания и психологической мотивировкой, выступают в пьесе резкими углами. ⟨...⟩ Говорят, что одним из поводов к конфликту между Незлобиным и Марджановым было толкование „Мелкого беса". Марджанов хотел выдвинуть на авансцену именно саму передоновщину, „расстегни свои застежки",[33] половую неврастению. Незлобин с этим не соглашался и с чутьем, заслуживающим всякой похвалы, решил задрапировать, поскольку возможно, эксцессы передоновщины бытовой частью пьесы.[34] Если же и в таком виде пьеса не лишена отталкивающих элементов, вина в этом всецело на ней самой, а не на театре. Театр сделал все, чтобы создать из „Мелкого беса" ряд интересных, эффектных картин».[35]

Среди прочих высказывалось мнение, что появление драмы повредило роману. Критик еженедельника «Рампа и жизнь» сетовал: «Своему собственному детищу кто же враг, кто же желает вреда своему же творчеству. А у г. Сологуба вышло так, что он оказался врагом своему же изумительному роману. ⟨...⟩ Не будь романа, было бы и к пьесе другое отношение, а то теперь на каждом шагу напрашиваются сравнения и сравнения не в пользу пьесы. На спектакле вы слышите на каждом шагу: в романе это ярче, в романе это лучше, в романе это совсем не так. И с этим нельзя не согласится. В романе все, действительно, лучше».[36]

«Не знаю, хорошо ли это сделал Сологуб, что „переделал" свой роман в пьесу, — размышлял Вл. Боцяновский. — Думаю, что не хорошо. Помня самый роман, я смотрел пьесу с интересом, просто как ряд иллюстраций к роману. Но, думаю, что для людей, незнакомых с подлинным романом или же мало знающих Сологуба как писателя, пьеса даст о нем представление неточное. ⟨...⟩ Невольно все время хочется спросить Сологуба, зачем это ему понадобилось искромсать свое собственное детище?»[37] и т. п.

---

[32] *William*. «Мелкий бес» Федора Сологуба // Новые люди (СПб.). 1909. № 4. 15 марта.

[33] Цитата из стихотворения Ф. Сологуба «Расстегни свои застежки, и завязки развяжи...» (Впервые: Золотое руно. 1908. № 2. С. 22).

[34] Этот взгляд на роль Незлобина в постановке пьесы разделяла Ан. Чеботаревская в статье «К инсценировке пьесы „Мелкий бес"» (О Федоре Сологубе. Статьи и заметки / Сост. Анаст. Чеботаревская. СПб., 1911. С. 330—336).

[35] *Бескин Эм*. Московские письма // Театр и искусство. 1910. № 3. 17 янв.

[36] *Львов Як*. Мелкий бес // Рампа и жизнь. 1910. № 3. 17 янв. С. 54—55.

[37] *Боцяновский Вл*. «Мелкий бес» // Новая Русь. 1910. № 68. 11 (24) марта. С. 3.

Многие критики не без сожаления констатировали, что образ Передонова в инсценировке был переосмыслен автором почти до неузнаваемости: «Передонова на сцене жалко, как жалко больного, и это все время, и чем дольше, тем больше»,[38] «Если увидеть Передонова впервые на сцене, трудно понять, почему такой шум вызвал этот несчастный сумасшедший человек?»[39] и т. п.

Однако Сологуб сознательно стремился изменить образ главного героя. В интервью, данных журналистам после киевской премьеры, он пояснял свой замысел: «...личность Передонова в переделке в драматическую форму должна была еще более сгуститься и сразу предстать во всей своей ужасающей жалости. ⟨...⟩ Я создал героя не таким истым безумцем, каким он выглядел у меня в романе. Я придал драматическому Передонову больше, так сказать, человечности. Под внешней корой, покрывающей Передонова, зритель все-таки видит кое-какие проблески, возбуждающие к герою драмы не только чувство отвращения»;[40] «В романе Передонов более изображен со стороны подлости, чем слабости; в драме же наоборот. И пьеса должна проводиться не под знаком негодования и сатиры, а под знаком возможно полного сочувствия к слабому и несчастному Передонову. Чтобы каждый зритель, в себе почувствовав хоть частицу передоновщины, сжалился бы над ним и не его одного обвинил в передоновщине. Под знаком сочувствия должны быть и другие действующие лица. Чтобы каждая женщина могла понять и почувствовать, что она — в худших своих возможностях — Варвара, в лучших — Людмила».[41]

В подавляющем большинстве рецензий на постановку «Мелкого беса» — в Киевском театре «Соловцов», в театре Незлобина, а вслед за тем также и на провинциальных сценах,[42] — речь шла преимущественно о несценичности драмы.

Критики писали: «...к „Мелкому бесу" в его переделке для театра и нельзя подходить со сценическими требованиями: это не драматическое произведение, а лишь ряд иллюстраций к роману — ни дать, ни взять цыганские песни в лицах»;[43] «Говоря терминами самого Сологуба, „где царствовала строгая Ананке, воцарилась рассыпающая анекдоты Айса", и необходимое низвелось к случайному. Стройное и сложное изображение Передонова и передоновщины разбилось на

---

[38] *Ярцев П.* «Мелкий бес» у Незлобина // Утро России. 1910. № 76—43. 9 янв. С. 5.

[39] *—н.* Театр «Соловцов». «Мелкий бес» // Киевская мысль. 1909. № 309. 8 нояб. С. 5.

[40] *Эхо [Россиев П.А. ?].* «Мелкий бес» — на сцене // Театральный день (СПб.). 1909. № 111. 8 (22) дек. С. 8.

[41] *Е. Я.* У Ф. Сологуба // Утро России. 1909. № 36-3. 18 нояб. С. 5.

[42] В 1910 году пьеса была поставлена в Екатеринбурге, Екатеринославе, Харькове, Одессе, Самаре, Тифлисе и др.

[43] *Яблоновский Александр.* Кривое зеркало // Киевская мысль. 1909. № 311. 10 нояб. С. 2.

мало между собою связанные эпизоды»;[44] «Сама по себе переделка мало сценична, местами очень далека от принятых форм театрального творчества»[45] и т. п.

Среди недостатков пьесы рецензенты называли искусственность, «инородность» в сценическом действии дополнительных «эпизодов»: «Вырванные из романа страницы кое-как, рукою плотника, были „пригнаны" к условиям сцены, и получилось нечто до такой степени несуразное и неуклюжее, что человек, не читавший „Мелкого беса", наверное, ничего бы не понял из того, что делалось перед ним на сцене. В особенности нелепое впечатление оставил роман Людмилы и Саши Пыльникова»;[46] «Еще более нелепо и никчемно в пьесе появление Людмилы и ее сцены с гимназистом. Если в романе эти сцены читаются с интересом и, в общем, связаны с ходом романа, то в пьесе они совсем ни к чему и производят такое впечатление, как будто они прицеплены из какой-нибудь другой пьесы, не имеющей ничего общего с „Мелким бесом"»;[47] «Весь этот элемент мог бы быть выброшен из пьесы, но тогда остались бы одни галлюцинации Передонова, что, конечно же, утомило бы зрителя»[48] и т. д.

К неудачам инсценировки критики отнесли также картины, изображающие психическую жизнь Передонова, — галлюцинации и кошмарные сны, которые, как оказалось, невозможно передать сценическими средствами, в том числе и трюками с волшебным фонарем; «совершенно не удалось и овеществление знаменитой Недотыкомки».[49]

«Пьеса для постановки представляет очень большие трудности, — писал киевский театральный обозреватель. — Она требует, чтобы галлюцинации душевнобольного Передонова проектировались во вне его, были видны зрителям. Чтобы зритель слышал, а иногда и видел преследующую Передонова Недотыкомку. Чтобы он видел ожившие игральные карты, кривляющиеся и дразнящие Передонова. Чтобы он видел сон Передонова, которому грезятся соблазняющие его женщины. Технически почти все это очень искусно и остроумно осуществлено Н. А. Поповым, замыслам автора придана художественная форма. Но получают ли зрители, незнакомые с романом ⟨...⟩ от всего этого требуемое впечатление, — это вопрос остающийся для меня открытым».[50]

---

[44] *[Б. п.]*. Театр «Соловцов» («Мелкий бес») // Русские ведомости. Москва. 1910. 8 янв.

[45] *В. Ш.* «Мелкий бес». (Вместо рецензии) // Харьковские ведомости. 1910. 22 янв. С. 2—3.

[46] *Яблоновский Александр*. Кривое зеркало // Киевская мысль. 1909. № 311. 10 нояб. С. 2.

[47] *Лоэнгрин [Герцо-Виноградский П. Т.]*. Зигзаги // Одесские новости. 1910. № 8100. 27 апр. С. 4—5.

[48] *Капер*. «Мелкий бес». Драма Сологуба в театре Незлобина // Россия. 1910. № 1322. 13 (26) марта. С. 4.

[49] См., например: *[Б. п.]* ⟨ «Мелкий бес» в театре Незлобина ⟩ // Русские ведомости. 1910. № 5. 8 янв. С. 5.

[50] *[Б. п.]* Театр «Соловцов» («Мелкий бес») // Киевские вести. 1909. № 299. 9 нояб.

«Что, например, сталось с его страшной Недотыкомкой? — недоумевал Вл. Боцяновский. — На сцене она выглядит слишком грубо, слишком реально, и совершенно не производит впечатления того склизкого, увертливого существа, которое так хорошо известно по роману. Это большое, тяжелое, „нечто в сером", еле-еле передвигающееся с места на место, не дает ничего кошмарного. То же приходится сказать относительно снов и видений Передонова».[51]

Один из существенных упреков, предъявленных театральными критиками автору пьесы «Мелкий бес», заключался в неисполнимости сценических задач, поставленных им перед театром. Сологуб не мог не согласится с высказанными ему претензиями. В интервью, данном корреспонденту газеты «Биржевые ведомости», он пояснил свой взгляд на состояние современного театра и еще раз сформулировал идею своей пьесы:

«Я не верю, чтобы какая-либо сценическая постановка могла в наши дни воплотить замысел современного автора. Этому препятствует несоответствие сил и средств современного театра с литературными устремлениями писателей-модернистов. ⟨...⟩ Бытовые пьесы в духе Островского теперь немыслимы. То, что произошло с театром, кризис его, не прошло бесследно. К старому возврата не может быть. ⟨...⟩ Как я определяю свою пьесу? Бытовая ли она? Да, она бытовая. Она изображает быт, доведенный до его крайности и потому впавший в свою противоположность, в безумие, ужас, безобразие, кошмар. ⟨...⟩ Сумасшествие Передонова — не случайность, а общая болезнь, и это есть быт нынешней России»; «Замысел Незлобина безусловно не сходен с моим. Его театр стоит на перепутье, и он, как воспитавший себя на быте, поставил пьесу в чисто бытовых тонах. И вот в рамках своей задачи, своего замысла, своего плана, в рамках своих сил и средств он выполнил пьесу удачно. ⟨...⟩ Авторское же понимание дождется неизбежно времени для своего торжества».[52]

---

[51] *Боцяновский Вл.* «Мелкий бес» // Новая Русь. 1910. № 68. 11 (24) марта. С. 3.

[52] *Марк [Оссендовский А. М.].* У Федора Сологуба: Автор о своей пьесе «Мелкий бес». О Новом театре. Новые замыслы драматурга и беллетриста // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1910. № 11606. 10 марта. С. 3—4. Наиболее адекватное понимание авторского замысла пьесы предложил А. А. Измайлов. Он провел параллель между сценической версией «Мелкого беса» и гоголевским «Ревизором»: «Время дало ключ к художественному гиперболизму Гоголя. Всю дрянь, всю слякоть, всю мерзость старой России он действительно сконцентрировал в одной точке, как не бывает в жизни, но вышла великолепная картина. ⟨...⟩ Сологуб тоже собрал всю слизь и слякоть русской „передоновщины" в нескольких образах в той же манере гоголевского гиперболизма и дал кошмарную, хаотическую картину загнившей Руси» (*Смоленский [Измайлов А. А.].* Театр г. Незлобина. «Мелкий бес» Ф. Сологуба // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1910. № 11604. 9 марта). Статья Измайлова получила одобрение у Ан. Н. Чеботаревской, см.: Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 203—204.

Успех постановки «Мелкого беса» на столичных сценах был относительным, сравнительно недолгим и вызван главным образом популярностью романа. Авторская инсценировка не стала неотъемлемой частью репертуара русского театра.

Причина ее недолговечности, по-видимому, объясняется изменением в ней оригинального смысла и содержания романа, произошедшим при сценическом переложении.[53] Формально текст инсценировки параллелен тексту романа. Небольшие нововведения, как, например, появление дополнительных персонажей — Пожилая дама, Озлобленная дама, исчезновение из сюжета колоритных фигур Кириллова и Мурина и других, или вкусовая замена имени Рутилова (в романе его зовут Ларион, а не Платон), появление имени у Тишкова и т.п., не внесли принципиальных коррективов.

Авторская инсценировка представляется обедненной по сравнению с романом вследствие нарушения сюжетного параллелизма — редукции «эротического» сюжета, бывшего неотъемлемой частью художественного замысла «Мелкого беса», усиления темы безумия Передонова, отвлечения изображаемой реальности в бредовые сновидения героя — замены действия видéниями.

В романе Сологуба каждая деталь, даже самая мельчайшая, имеет значение сама по себе и в жизни художественного целого. Пьеса создавалась по принципу изымания из этого художественного целого отдельных деталей и фрагментов, это привело к разрушению существовавших между ними сложных смысловых отношений. В результате переложения романа явилась авторская инсценировка («автоцитата»), которая по своим художественным достоинствам и содержанию не могла конкурировать с ее первоисточником, уже к тому времени приобретшим статус классического текста.

Драма «Мелкий бес» при жизни автора издавалась один раз, литографированным способом: СПб.: Театр и искусство, 1909. Текст состоит из пяти действий, отпечатанных со сквозной пагинацией (с. 1—95), и следующих за ними двух дополнительных эпизодов с самостоятельной пагинацией (с. 1—14); за текстом эпизодов расположено добавление: «Исправленные пропуски» (с. 15—16).

Эпизоды были допечатаны отдельно и затем подшиты к общему блоку. «Эпизод первый» сопровождается авторским пояснением: «Между первым и вторым действиями». «Эпизод второй» сопровожден пометой: «Между вторым и третьим действием».

Впоследствии драма издавалась трижды: *Федор Сологуб*. Мелкий бес. Драма в пяти действиях / Edited, with an Afterword, by Stanley J. Rabinowitz. Berkely, Berkeley Slavic Specialties, 1988. 158 p. (Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts. Vol. 26); *Федор Сологуб*. Собр. соч. München: Verlag Otto Sagner, 2000. Т. 3: Двенадцать драм / Сост. Ульрих Штельнер. С. 145—211.

---

[53] Детальный сравнительный анализ см.: *Герабан Д*. К поэтике повествовательной и драматической модели мира в романе и пьесе Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Studia Russica II. Budapest. 1979. P. 171—186.

(Slavistische Beiträge. Bd. 397); *Сологуб Федор*. Собрание пьес. В 2 т. СПб.: Навьи чары, 2001. Т. 1. С. 268—422.

В современных изданиях «Эпизод первый» и «Эпизод второй» были вставлены публикаторами в текст пяти действий драмы. В берклийском издании и в издании «Навьих чар» они воспроизводятся на местах, указанных Сологубом, с сохранением авторских названий. В мюнхенском издании эти дополнительные эпизоды были внесены в текст драмы без авторских названий. «Эпизод первый», озаглавленный «Картина первая», открывает «Действие третье». «Эпизод второй» составляет «Действие четвертое». Текстологические примечания в томе отсутствуют.

В настоящем издании текст авторской инсценировки романа «Мелкий бес» печатается по прижизненному изданию, с сохранением местоположения «Эпизода первого» и «Эпизода второго» после пятого действия. Реплики и ремарки, приведенные автором в рубрике «Исправленные пропуски», внесены в текст драмы на указанные места. Принятые автором сокращения имен героев раскрыты без редакторских скобок. Очевидные ошибки и опечатки исправлены.

При текстологической подготовке были использованы те же принципы, что и при подготовке текста романа.

Требующие пояснений слова и реалии комментируются в том случае, если они отсутствуют в тексте романа.

КАРТИНА, НЕ ВОШЕДШАЯ В ОПУБЛИКОВАННЫЙ ТЕКСТ АВТОРСКОЙ ИНСЦЕНИРОВКИ «МЕЛКИЙ БЕС»

Беловой автограф авторской инсценировки «Мелкий бес» и наборная рукопись в личных фондах писателя (ИРЛИ, РНБ, РГАЛИ) не сохранились.

В черновой рукописи авторской инсценировки романа «Мелкий бес» сохранилась лишь самостоятельная дополнительная картина, которая не вошла в основной текст. Действие в ней происходит в доме председателя уездной земской управы Кириллова. По-видимому, картина должна была находиться в «Действии втором», в котором Передонов посещает влиятельных лиц города.

В работе над инсценировкой Сологуб стремился включить в нее как можно больше эпизодов из романа и максимально приблизить содержание к оригиналу. Однако связанный необходимостью учитывать ограниченность сценического времени, он был вынужден сократить объем пьесы. Текст инсценировки неоднократно переделывался, Сологуб приспосабливал его к пожеланиям режиссеров. Возможно, сцена в доме Кириллова была изъята кем-то из постановщиков драмы, а не самим автором (см. об этом в примечаниях выше).

В черновой рукописи сохранился также полный текст «Эпизода второго», который более всего пострадал от вмешательства цензуры. Сологуб внес изменения в описание снов Людмилы и в текст, предшествующий заключительной сцене, — после реплики Саши («Три духа живут в цикламене»); заключительная сцена, на-

чинающаяся словами авторской ремарки: «Уходят в Людмилину комнату. Входят Дарья и Валерия», — был вычеркнут цензором.

Текст дополнительной картины «⟨У Кириллова⟩», вариантов и отвергнутого фрагмента «Эпизода второго» воспроизводится по экземпляру авторизованной машинописи: *Сологуб Федор*. Мелкий бес. Драматическое произведение. Черновая рукопись (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 199. Л. 18—22, 25—29, 39—44).

Федор Сологуб

СЕРГЕЙ ТУРГЕНЕВ И ШАРИК

Ненапечатанные эпизоды из романа «Мелкий бес»

Впервые: *Сологуб Федор*. Сергей Тургенев и Шарик. Ненапечатанные эпизоды из романа «Мелкий бес» // Речь. 1912. № 102. 15 апр. С. 2; № 109. 22 апр. С. 3; № 116. 29 апр. С. 2.

Эпизоды из романа «Мелкий бес», озаглавленные Сологубом «Сергей Тургенев и Шарик», сохранились в нескольких вариантах: в черновой и беловой рукописях ранней редакции романа, в авторизованной машинописной копии с отдельными рукописными вставками, в газетной публикации. Между вариантами имеются разночтения преимущественно стилистического характера, связанные с разными этапами работы автора над текстом; варианты не совпадают между собой по объему.

В газетной публикации, как и в беловом автографе ранней редакции, текст глав «Сергей Тургенев и Шарик» приводится не в полном объеме. В него не вошел эпизод, повествующий о встрече писателей с прокурором Авиновицким, занимавший центральное место в этом сюжете и весьма существенный для понимания авторского замысла. По отношению к беловому автографу ранней редакции текст газетной публикации более полный, в нем имеются небольшие фрагменты, отсутствующие в беловом автографе, а также незначительные стилистические разночтения, однако не влекущие за собой радикальные изменения смысла текста.

Полный вариант глав «Сергей Тургенев и Шарик» сохранился в авторизованной машинописной копии с отдельными рукописными вставками (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 165), а также с разночтениями в черновом автографе ранней редакции романа (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 96. Л. 334, 366—372, 386—397, 402—411, 510 об.—516 об.).

В настоящем издании главы из романа «Мелкий бес» воспроизводятся по тексту первой публикации, с исправлением очевидных опечаток по оригиналу.

Не включенные в публикацию в газете «Речь» эпизоды «Мелкого беса» печатаются по тексту авторизованной машинописи: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 165. Л. 29 об.—40, 46—55. Послойные разночтения имеющихся рукописных, машинописных и печатных вариантов текста не приводятся.

Развернутый комментарий к эпизодам «Сергей Тургенев и Шарик» содержится в статье «Творческая история романа „Мелкий бес" (гл. «Ранняя редакция романа. „Смертяшкин" против „Шарика"», гл. «История текста». С. 722—743 и 747—752 наст. изд.).

См. также далее пояснения к следующим страницам «Дополнений» текста «Сергей Тургенев и Шарик».

С. 349. *Решетников* [Федор Михайлович (1841—1871)] — прозаик, автор повести «Подлиповцы» (1864) и др.; представитель демократической литературы 1860-х годов.

С. 350. *Стрелялись через платок, но повернувшись к друг другу спинами, в расчете, что пули облетят вокруг земного шара и попадут, куда надо.* — Способ кровавой бретерской дуэли, во время которой противники становились спинами друг к другу на расстоянии шейного платка или шарфа, по кончику которого держали в левой руке, по команде они поворачивались друг к другу лицом и стреляли (сообщил А.В. Востриков, автор книги «История русской дуэли». СПб., 1999). По-видимому, Сологуб пародирует произведения массовой литературы на тему дуэли, появившиеся вслед за обнародованным в мае 1894 года указом Александра III, разрешавшим поединки офицерам («Правила о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде»), согласно правилам дуэли, разрешались с расстояния не менее 10 метров. Ср. описание дуэли «через платок» в «Правилах дуэли» Франца фон Болгара (*Гордин А. Я.* Дуэли и дуэлянты. СПб., 1996. С. 173—174).

...писал даже реферат о влиянии Словацкого на Байрона. — Ироническая характеристика «патриотических» амбиций поляка-гимназиста. Виткевич взял заведомо безосновательную тему: Юлиуш Словацкий (1809—1849) начал литературную деятельность после смерти Джоржа Байрона (1788—1824).

...он показался им человеком новым. — Имеется в виду человек fin de siècle, отличавшийся (по Ч. Ломброзо и М. Нордау) болезненной нервозностью, моральным кретинизмом, циклическими депрессиями, преступными наклонностями, ослабленным интеллектом и непониманием причинно-следственных связей.

С. 357. *Старая Япония* — возможно, название одного из трактиров, появившихся на окраинах Петербурга в период русско-японской войны (1904—1905), наподобие «Порт-Артура».

С. 358. *Прелестная Эмилия...* — источник цитаты не установлен.

...почти прерафаэлитское... — Пародийное указание на расхожее представление эпигонов декадентства о живописи художников прерафаэлитского братства (возникло в 1848 году) — У. Ханта, Д. Э. Миллеса, Д. Г. Россети, стремившихся к поиску идеальной натуры в природе и тщательной ее проработке.

...принялся читать свои выписки... — Ср. вариант (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 165. Л. 27—28):

«Акушерка для благородных».

«Мычала и рогожи».

«Харчевня на двадцать четыре лошади».
«Мыльное варенье».
«Лавка смехом».
«Надстройщик».
«Школа для мальчиков и девочек обоего пола».
«Несгораемый керосин».
«Полотер и монтер дешевого просвещения».
«Шароварня для мужчин».
«Вязка чулок и носок».
«Пряники, орехи и свисташки».
«Чаи, сахары, мыла и муки».
«Монументальная мастерская».
«Музыкальные фортепьяны».

С. 359. *...посвятил его вечности и потомству ... истинный chef d'oeuvre.* — Пародийная отсылка к первой книге стихов Валерия Брюсова «Chefs d'oeuvre. Сборник стихотворений. (Осень 1894—весна 1895)» (М., 1895), в предисловии к которой он писал: «Не современникам и даже не человечеству завещаю я эту книгу, а вечности и искусству».

На каждом дереве сидит таинственная, вещая птица...— Пародия на эпигонов «нового искусства». «Сон» содержит отсылку к картинам В. М. Васнецова (1848—1926) — «Гамаюн — птица вещая» (1897) и «Сирин и Алконост» (1896), которые экспонировались в феврале 1899 года на персональной выставке живописца в Академии художеств. Творчество В. М. Васнецова пропагандировалось на страницах журнала «Мир искусства», первый номер которого (1898, ноябрь) в значительной степени был посвящен этому художнику. На мотив полотен Васнецова А. Блок написал стихотворения «Гамаюн, птица вещая» («На гладях бесконечных вод...»; впервые: Киевские вести. 1908. № 112. 27 апр.) и «Сирин и Алконост» (впервые: Записки мечтателей. 1919. № 1).

С. 360. *...ширококрылый орел, — сам Шарик, — и змея, и ворон...* — Аллюзия на произведения М. Горького «Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике».

...устами легкими, как сон. — Ср.: «Перстами легкими как сон» (А. С. Пушкин. «Пророк», 1826).

С. 361. *С рыжими волосами, с глазами зелеными и дикими, длинную и гибкую, и такую же злую.* — Портретная характеристика З. Гиппиус.

...погубить своего приятеля этою женитьбою... — Далее в машинописной копии обозначено место фрагмента в тексте романа: «...и другие гости поднялись за ними, потрезвее, писатели же и Мурин остались» (Л. 44 об.).

С. 363. *...высшее существо. В нем самоудовлетворение, гармоническое сочетание активного и пассивного элементов... Каждый из нас представляет расщепленное существо... Совершенный же человек не есть муж и не есть жена... Эти два элемента в нем соединены...*— Восходит к Платону: «Пир» (189d—193a). Ср. также: «В эмпирической действительности человека как такового вовсе нет — он существует лишь в определенной односторонности и ограни-

ченности, как мужская и женская индивидуальность 〈...〉 Но истинный человек, в полноте своей идеальной личности, очевидно не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих» (*Соловьев В. С.* Сочинения. В 2 т. М., 1988. Т. II. С. 508). По наблюдению Л. Пильд, Сологуб пародирует идеи Вл. Соловьева, высказанные им в статье «Смысл любви» (1894). См.: *Пильд Леа.* Тургенев в восприятии русских символистов (1890—1900-е годы). Тарту, 1999. С. 49—51. Тема лекции М. Волошина «Пути Эроса», прочитанная им в феврале 1907 года на «среде» Вяч. Иванова и 27 февраля в Москве (*Купченко Владимир.* Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. 1877—1916.) СПб., 2002. С. 175, 179.

С. 364. *...болезнью «великого Надсона».* — Поэт Семен Яковлевич Надсон (1862—1887) умер от туберкулеза легких.

Некрасов завидовал Минаеву — Поэта-сатирика и пародиста Дмитрия Дмитриевича Минаева (1835—1889) нередко называли эпигоном Н. А. Некрасова; Минаев адресовал Некрасову ряд сатирических стихотворений и пародий. Подробнее об их взаимоотношениях см. в предисловии В. Е. Евгеньева-Максимова к публикации писем Д. Д. Минаева к Н. А. Некрасову: Лит. наследство. Т. 51/52: Н. А. Некрасов. М., 1949. Т. 2. С. 390.

С. 365. *Другие беллетристы только мои предтечи...* — Ироническая отсылка к первым строкам «программного» стихотворения К. Бальмонта «Я изысканность русской медлительной речи / Предо мною другие поэты предтечи», из его сборника «Будем как Солнце» (М., 1903. С. 66). Вероятно, Сологуб намекает на близость романтического и общественного темперамента Горького и Бальмонта в период революции 1905—1907 гг.; сопоставление имен мелькнуло в газетах; ср., например: «Бальмонт и Горький — какое странное сопоставление с первого взгляда! Но, конечно, они — родные братья по яркости чувствования, по презрению к окружающему, по уверенности в своей силе» (*Венгеров С.* Победители или побежденные (Эволюция модернизма) // Русские ведомости. 1908. № 246, 23 окт.). Газетная вырезка этой статьи имелась у Сологуба в его собрании газетных вырезок (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 5. Л. 27). См. также: *Куприяновский П. В., Молчанова Н. А.* Из литературных отношений М. Горького и К. Бальмонта в 1890—1900-е годы // Максим Горький и XX век. Горьковские чтения 1997 г.: Материалы международной конференции. Нижний Новгород, 1998. С. 210—215.

«ФРАГМЕНТЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ГАЗЕТНУЮ ПУБЛИКАЦИЮ «СЕРГЕЙ ТУРГЕНЕВ И ШАРИК»

С. 367. *Руси есть веселие пити* — цитата из «Повести временных лет». См.: Начало русской литературы. XI—начало XII века. Сб. текстов / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева, вступ. статья Д. С. Лихачева. М., 1978. С. 98—99 (Серия «Памятники литературы Древней Руси»).

...критически мыслящие интеллигенты. — «Критически мыслящие личности» — определение интеллигенции, данное публицистом и социологом П. Л. Лавровым в работе «Исторические письма» (1870); в интеллигенции Лавров видел движущую силу истории.

С. 368. *Альгвазилы* (*араб.*) — в Испании так называли служителей правосудия или полиции, а также исполнителей инквизиционного трибунала.

...в «Русской старине» появятся мои мемуары. — Исторический журнал «Русская старина», основан М. И. Семевским, издавался в Петербурге в 1870—1918 годах.

С. 369. *Башибузуки* (*тур.*) — (букв.: сорви голова) — отряды турецкой пехоты, отличавшиеся воинственной жестокостью и отсутствием воинской дисциплины.

С. 370. *«Света, света, сказал умирающий Гёте!»* — в популярном жизнеописании Гёте (в 1911 году вышло 22-е изд.) сообщается, что перед смертью «Слуге он крикнул: „Отворите же и вторую ставню в комнате, чтобы впустить больше света". Из этих слов сделали символическое, часто цитируемое изречение: „Больше света!", которое будто бы было последними словами Гёте» (*Бельшовский Альберт* И. В. Гёте. Его жизнь и его творчество. В 2 т. СПб., 1903. Т. 2. С. 606).

С. 372. *Чумазые вы! 〈...〉 Русского языка не знаете 〈...〉 просвещенными людьми будьте, а не мазилками писачного цеха.* — Филиппика Авиновицкого перекликается с сатирическим стихотворением Сологуба «Хотите видеть самоучку?..» (1899):

То был типичный самородок,
Он толком ничего не знал,
Он только вкус различных водок,
Глаза зажмурив, различал.

И он за это самородство
От всех всегда расхвален был,
Хоть только пошлое юродство
Собою он изобразил.

(Подробнее см.: *Мисникевич Т. В.* Неизвестное стихотворение Федора Сологуба о Максиме Горьком // Русская литература. 2002. № 1. С. 224—226).

«По ту сторону добра и зла». — Образное выражение, вошедшее в обиход и ставшее популярным в конце XIX века благодаря Ф. Ницше — по заглавию его книги «По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего» (1886); здесь высмеивается эпигонское подражание Ницше.

Декаденты, по-вашему, тонкие люди. — Ср. в рассказе М. Горького «Ошибка»: «Декаденты — тонкие люди. Тонкие и острые, как иглы...» (*Горький М.* 1) Очерки и рассказы. СПб., 1898. Т. 2. С. 350; 2) Полн. собр. соч. В 25 т. М., 1968. Т. 1. С. 104).

...у какой-то дивчины изо рта ползли длинные, разноцветные ленты заунывной песни! — Ср. в рассказе Горького «Старуха Изергиль»: «...девушка пела

мягким контральто, слышался смех... и воображение рисовало все звуки гирляндой разноцветных лёнт...» (*Горький М.* Очерки и рассказы. Т. 2. С. 292); «Каждый голос женщины звучал совершенно отдельно, все они казались разноцветными ручьями и точно скатывались откуда-то сверху по уступам, прыгая и звеня, вливаясь в густую волну мужских голосов 〈...〉» (*Горький М.* Поли. собр. соч. Т. 1. С. 82).

С. 373. *Диатриба* (греч. — философская беседа, разговор) — литературный жанр, созданный киниками: небольшая проповедь на популярную философскую тему, часто в форме дискуссии с воображаемым противником.

«МЕЛКИЙ БЕС». РОМАН. 〈РАННЯЯ РЕДАКЦИЯ〉

Текст ранней редакции романа «Мелкий бес» в полном объеме публикуется впервые, по беловому автографу, хранящемуся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в фонде Ф. Сологуба: РНБ. Ф. 724. № 2—3. Отдельные фрагменты из этой рукописи воспроизводились ранее («Мелкий бес»: Неизданные фрагменты / Вступ. заметка, публ. и примеч. А. Соболева // Новое литературное обозрение [1993]. № 2 С. 156—164).

Текст воспроизводится без учета позднейшей авторской правки, вызванной необходимостью приспособить роман для публикации в журнале «Вопросы жизни» (см. об этом в настоящем издании в статье М. Павловой «Творческая история романа „Мелкий бес"»).

Правка, за редким исключением, имеет единообразный характер: Сологуб перечеркнул отвергнутые фрагменты текста, заменил отдельные слова и выражения, которые после сокращения романа нарушали логику повествования или семантическое единство нового художественного целого. Зачеркнутые фрагменты различного объема — от отдельных слов до целых эпизодов — заключены в тексте в квадратные скобки.

Текст воспроизводится с сохранением всех стилистических, синтаксических и грамматических особенностей оригинала (за исключением вариативного у Сологуба написания имени — *Лариса* — *Ларисса*, оно унифицировано по современной норме).

В настоящем издании воспроизводятся все законченные фрагменты чернового автографа ранней редакции романа «Мелкий бес», не вошедшие в ее беловой автограф.

Впервые выборочно 13 отрывков из чернового автографа, в сопоставлении с основным текстом романа, были опубликованы А. Л. Дымшицем в издании: *Сологуб Федор.* Мелкий бес. Л.: «Academia», 1933. С. 419—441.

Дымшиц привел эпизоды, которые «дают дополнительные данные для социологического понимания произведения». Часть этих отрывков в переработанном или сокращенном виде имеется в беловом автографе ранней редакции романа, они были отвергнуты лишь на заключительной стадии авторской работы.

В настоящем томе варианты и авторские дополнения текста воспроизводятся по черновому автографу (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 96) в сопоставлении с беловым автографом ранней редакции

Текст, соответствующий первой, второй и третьей главам ранней редакции белового автографа, имеется в черновом автографе в двух списках: текст раннего списка расположен на листах 1—52 об., текст позднего списка на листах 278—330 архивной пагинации. Между списками имеются незначительные несовпадения в объеме текста и разночтения преимущественно стилистического характера (изменение порядка слов, структуры фразы, замены отдельных слов и выражений и т. п.).

Начальный фрагмент первой главы, до слов: «Кто-то позвал его тихим да быстрым голосом», содержащий наиболее значительные несовпадения с текстом белового автографа, воспроизводится полностью по раннему списку (по верхнему слою). В остальных случаях все имеющиеся разночтения списков с беловым автографом ранней редакции приводятся по принципу дополнения: отсутствующий в беловом автографе фрагмент воспроизводится по одному — раннему или позднему — списку начальных глав, в другом списке фиксируются дополнительные разночтения в объеме текста (в сопоставлении с беловым автографом), если они имеются.

Текст вариантов и отвергнутых фрагментов приводится за порядковым номером примечания, отсылающего к ранней редакции, с указанием его местоположения в черновом автографе (*Л. 1* и т. д.). Зачеркнутые фрагменты текста заключены в квадратные скобки, приводятся без дополнительных редакторских пояснений. Все фрагменты располагаются в черновом автографе после соответствующего им места в ранней редакции, обозначенного порядковым номером примечания. Всего их 772.

Редакторские добавления недописанных слов приведены в угловых, или ломаных, скобках.

Авторские сокращения имен героев раскрываются без так называемых *редакторских* скобок, за единичным исключением: фамилия главного героя в раннем списке первых трех глав — *Пугаев*; в некоторых случаях она зачеркнута и сверху исправлена на *Передонов*, в других — зачеркнута до заглавной буквы, но не исправлена. В случае сокращения фамилии до заглавной буквы она раскрыта в угловых скобках по местоположению в рукописи.

Среди имеющихся разночтений белового и чернового автографов ранней редакции романа не фиксируются промежуточные варианты авторской правки, отдельные зачеркнутые слова (за некоторыми исключениями), зачеркнутые недописанные слова, а также синтаксические, пунктуационные и графические варианты.

* * *

[1] Первая тетрадь черновой рукописи открывается списком действующих лиц героев романа — Л. 1—3 об. — Так выглядит этот список.

Мелкий бес. Роман

Действующие лица

1. Передонов Ардальон Борисыч, учитель гимназии, статский советник, кандидат.
2. Малошина Варвара Дмитриевна, мещанка, любовница Передонова, выдаваемая им за двоюродную сестру.
3. Володин Павел Иванович, мастер, учитель столярного ремесла в городском училище.
4. Вершина Наталья Афанасьевна, дворянка, вдова, землевладелица.
5. Нартанович Марта Станиславовна, дворянка, молодая девица.
6. Нартанович Владислав, ее брат, гимназист.
7. Нартанович Станислав Антонович, их отец, арендатор.
8. Рутилов Ларион Платонович, домовладелец, дворянин, чиновник.
9. Гребенкина Лариса, его сестра, жена учителя гимназии.
10. Рутилова Дарья, вторая сестра, девица.
11. — — Людмила, третья сестра.
12. — — Валерия, младшая сестра.
13. Преполовенская Софья Ефимовна, теща лесничего.
14. Преполовенский Константин Петрович, ее муж.
15. Скороспелова Геня, ее сестра.
16. Грушина Марья Осиповна, вдова, домовладелица.
17. Пыльников Саша, гимназист.
18. Пыльникова Екатерина Ивановна, его тетка, дворянка, землевладелица.
19. Коковкина Ольга Васильевна, вдова чиновника, хозяйка гимназической квартиры.
20. Наталья, одна прислуга у Передонова.
21. Клавдия, тоже.
22. Фаластов Василий Яковлевич, учитель городского училища.
23. Ершова Ирина Степановна, жена сапожника, домовладелица.
24. Хрипач Николай Власьевич, директор гимназии.
25. Варвара Николаевна, его жена.
26. Гудаевский Николай Михайлович, нотариус.
27. Юлия Петровна, его жена.
28. Антоша, их сын.
29. Адаменко Надежда Васильевна, девица, землевладелица, дворянка.
30. [Саша] Миша, ее брат, гимназист.
31. Степанов (Сергей Тургенев), писатель.
32. Скворцов (Шарик), писатель.
33. Верига Александр Михайлович, уездный предводитель дворянства.
34. Авиновицкий Александр Алексеевич, прокурор.
35. Владимир, его сын, гимназист.
36. Богданов Сергей Потапович, инспектор народных училищ.
37. Скучаев Яков Аникиевич, городской голова, купец.

38. Кириллов Степан Иванович, председатель земской управы, дворянин, землевладелец.
38-а. Его жена.
39. Миньчуков Семен Григорьевич, исправник.
40. Рубовский Николай Вадимович, жандармский подполковник.
41. Мурин Владимир Иванович, землевладелец.
[41-а. Ваня, его сын, гимназист.]
42. Виткевич Казимир, гимназист.
43. Мачигин, сельский учитель.
44. Скобочкина, сельская учительница.
45. Черепнин Александр Иванович, писец из мещан.
46. Творожков, купец, Алексей Михайлович.
47. Вася } его сыновья, гимназисты.
48. Володя }
49. Вторников, купец.
50. Вася, его сын, гимназист.
51. Суровцев Евгений Иванович, врач при гимназии.
52. Крамаренко Иосиф }
53. Бультяков Владимир } гимназисты
54. Купряков Евдоким }
55. Кудрявцев Михаил }
56. Авдеев, слесарь.
57. Нил } его сыновья.
58. Илья }
59. Трепетов Георгий Семенович, земский врач.
60. Тишков, купец.
61. Карл Иванович, поручик, учитель гимнастики.

[2] Начальный фрагмент главы первой по раннему списку чернового автографа «Мелкого беса» — Л. 4—8 об. — воспроизводится далее в полном объеме.

I

[В праздничный день в начале августа из городского собора после обедни расходились прихожане. Некоторые останавливались [на городской соборной площади и] в церковной ограде, под старыми липами и кленами, и разговаривали.

— Сама [баронесса] обещала Варе, [уж] она всё может наладить, — говорил учитель Передонов, стоя в группе слушавших его молодых людей, и угрюмо посматривая на них своими маленькими, заплывшими глазками. — Уж мы с Варей и золотые кольца купили в Питере, по 20 р⟨ублей⟩ за кольцо.

— [Баронесса] может, — задумчиво сказал молоденький, розовый и завистливый немец, сослуживец Передонова, — она теща самому Щепкину, это не шутка.

— Да как же ты на ней женишься, — нахально спросил краснощекий [Фадеев], — ведь она же твоя сестра?

Все захохотали, и в смехе их было что-то грубое и неуважительное. Румяное, обыкновенно апатичное лицо Передонова, похожее на пшеничную, слегка поджаренную булку, сделалось свирепым.

— Троюродная, — буркнул он, — сердито глядя поверх своих собеседников, — на таких можно.

Но смех не унимался.

— Знаем мы, какая это троюродная, — нахально визгливым голосом кричал [Фадеев], хлопая Передонова по плечу, — небось, директорша, к ней не ходит.

— Ну, пожалуйста, — угрюмо отстранял его Передонов, — терпеть я не могу таких шуток.

[— Да и что за охота баронессе хлопотать, — вмешался щеголевато-одетый бледный и высокий Рутилов, — за всякую швейку тоже...

— Ну, да, швейку, — сердито бормотал Пугаев.]

— Да тебе самому, что ли, [баронесса] обещала, — допрашивал Рутилов.

— Не мне, а Варе. Как только, говорит, выйдете за него замуж, так я ему сейчас же и выхлопочу место инспектора.

— Ну вот, а ты веришь, — оживленно заговорил Рутилов, наклоняясь к П[угаеву] своим [высоким и] хрупким станом. — Сболтнуть-то всё можно. А ты сам отчего к ней не явился? Пошел бы, да и справился обо всем досконально.

— Пойми, что мы пошли с Варей, да не застали ее, всего на 5 минут опоздали, — она в деревню уехала, вернется через 2 недели, а мне никак нельзя было ждать, необходимо было сюда ехать.

— Сомнительно, брат, что-то, — говорил Рутилов, и смеялся, показывая гниловатые зубы.

П[угаев] задумался. Молодые люди разошлись. Остался с П[угаевым] один Рутилов.

— Конечно, — сказал П[угаев], — я на всякой могу, на какой захочу. Мне ведь не одна Варвара осталась, слава Богу.

— Само собою, за тебя, Ардальон Борисович, всякая пойдет, — подтвердил Рутилов.

Они вышли из ограды и медленно пошли по площади, немощёной и пыльной.

— Видел ты, как Марта сегодня таяла, да в меня глазенками стреляла, — спросил П[угаев], немного оживляясь. — Ведь она для меня в православную церковь притрепалась, а то бы ни за какие коврижки, они — полячишки эти заядлые.

Угрюмый восторг светился в тупых и тусклых глазах Пугаева, но он не улыбнулся.

— Что Марта, — с неудовольствием возразил Рутилов, — нашел тоже, на кого смотреть. Рябая кукушка.

— Нет, она хорошенькая. И не рябая — это веснушки у нее.

— Да дура она. Я тебе и почище барышень покажу, что тебе Марта.

— А [баронесса] как же? Как разозлится на меня.

— Ну, что ж [баронесса]. Тебе с ней не котят крестить. Пусть бы княгиня тебе место сначала оборудовала, а потом ты и окрутишься. А то как же, так зря, ничего не видя. А так-то вернее будет, как дело-то будет в шляпе.

— Это верно, — раздумчиво согласился П[угаев], и его маленькие глаза, начинающие заплывать жиром, приняли привычное им полусонное выражение.

— Ты так ей и выскажи, — уговаривал Рутилов, — постепенно выпуская свои слова, — сперва место, а то, мол, я так не очень-то верю. Скажи ей: верю я верю всякому зверю, волку и ежу, а тебе с княгиней погожу, — а как место будет, так, мол, и под венец. Место заграбастаешь, а там и венчайся, с кем вздумаешь, уж места назад не отымут.

Рутилов хохотал и убедительно смотрел в глаза П[угаеву]. П[угаев] молчал и соображал что-то, а, может быть, и ничего в эту минуту не соображал, а просто занимался слушанием речей Рутилова. А тот продолжал:

— Вот ты лучше из моих сестер возьми, — три, любую выбирай. Барышни они у меня образованные, умные, без лести сказать, — не чета твоей Варваре. Она им в подметки не годится.

— Ну...

— Верно, что твоя Варвара? Вот, понюхай.

Рутилов наклонился к земле, захватил и оторвал шерстистый стебель белены, скомкал его в кулаке вместе с листьями и грязно-белыми цветами, и, растирая всё это пальцами, поднес к носу П[угаева]. Тот поморщился от неприятного тяжелого запаха.

— Растереть да плюнуть, — говорил Рутилов. — Вот и Варвара твоя. Она и мои сестры — это, брат, две большие разницы. И в обществе приятно умеют быть, и тебе с ними калякать можно будет о чем-нибудь дельном, не об одних пирогах да кухарках, как с твоей Варварой. И бойкие барышни, живые, — любую возьми, не даст уснуть. Да и, наконец, молодые, — самая старшая [почти] втрое моложе твоей Варвары.

Рутилов говорил всё это, по обыкновению своему, очень быстро и весело, улыбаясь, но он, высокий и узкогрудый, казался чахлым и хрупким, и из-под шляпы его, очень новой, как-то безмолвно и жалко торчали жидкие, коротко остриженные светлые волоса.

— Ну, уж и втрое, — вяло возразил Пугаев, снимая и примиряя свои золотые очки.

— Право! Смотри, не зевай! Пока я жив, — а то, брат, смотри, они у меня тоже с гонором девки, — ты станешь артачиться, так и они тоже, — потом захочешь, да поздно будет, не выкусишь. Думаешь, без тебя им не найдется женихов. Они у меня бойкие да веселые, не засидятся. Пикантные девочки. Аванпосты одни чего стоят.

Рутилов подмигнул Пугаеву. Тот слушал хмуро, а глаза его были тусклы и блудливы. А только из них каждая за тебя с превеликим удовольствием.

— А ты почем знаешь?

— Уж я-то знаю, не сомневайся, сделай такую милость. Уж я тебе верно говорю. Ты сам только не зевай.

— Да в меня здесь все как есть влюбляются! — с угрюмым самодовольствием сказал П⟨угаев⟩. — Все барышни от меня без ума.

— Ну, вот видишь, ну, вот и [ты не зевай,] — лови момент. Чего киснуть-то.

— Мне бы, главное, хотелось, чтобы она не была сухопарая, — с тоской в голосе заговорил П⟨угаев⟩. — Жирненькую бы мне.

— Да уж на этот счет ты не беспокойся, — горячо убеждал его Рутилов. Они у меня барышни пухленькие, ничего, а что если теперь еще не совсем вошли в объем, так это только так, до поры до времени. А вот выйдут замуж, и они раздобреют, как старшая сестрица, Лариса-то у нас, сам знаешь, какой кулебякой сделалась.

— А как же Варвара?

— Так и Варвара, — что ж тебе Варвара, ты к ней не прилип. Псу под хвост твою Варвару.

— Да ведь пойми, [баронесса]

— Очень надо княгине о всех своих швейках хлопотать.

— Ну да, швейка, — угрюмо возразил Пугаев.

— Конечно, у нее много и так всяких дел. Я бы женился, да боюсь, что Варя большой скандал устроит, стерва!

— Ничего не устроит, какой еще к чёрту скандал.

— Ну, ты ее не знаешь. Она у меня хайло.

— А трусишь скандала, так ты вот какую штуку выкинь, — сегодня же повенчайся, или завтра, — нагрянешь с молодой женой, вот и вся недолга. Тут уж ей некогда скандала будет разводить. Что она тут может тебе сделать? Право, хочешь, я сварганю? Я всё обтяпаю, сегодня же вечером вас и окручу. С какой хочешь? Дарью хочешь? Огонь девчонка, минуты не посидит спокойно. Или Людмилу? Она тебя позабавит, — она всякого осмеет. Валерию, что ли? Барышня деликатная, самый тонкий сорт. Ну, кого же тебе? Еще не выбрал? А, право?

Передонов внезапно захохотал отрывистым и громким смехом.

— Ну, идет, — по рукам, что ли? — спрашивал Рутилов — П[угаев] также внезапно перестал смеяться.

— Скандал сделает, — угрюмо сказал он.

— Уж ты на меня положись, как на каменную гору.

— Донесет, мерзавка, — еще угрюмее бросил П⟨угаев⟩, понижая голос — [Пойми, баронесса...]

— Ничего не донесет.

— А то зарежет. Или отравит.

— Ну, еще что! Да уж ты во всем на меня положись, — во всем на меня положись, — я всё так тонко обстрою, что комар носу не подточит.

— Я без приданого не женюсь.

— Чудак, да разве они бесприданницы? Что ты, перекрестись. Ну, идет, что ли? Ну, я побегу, всё устрою. Только чур никому, ни гугу, слышь, никому.

Он потряс руку П[угаеву] и побежал от него. П[угаев] молча смотрел за ним. Барышни Рутиловы припомнились ему, — веселые, насмешливые. Какая-то нескромная мысль выдавила на его губы [какое-то] поганое подобие усмешки, — но она появилась на миг и исчезла. Смутное беспокойство поднялось в нем.

«С [баронессой-то] как же, — подумал он. — За теми ни гроша, и протекции нет, — с Варварой в инспекторы попадешь, — этак-то вернее. Потом в директоры, а там и дальше. Да и Варя наскандалит, донесет начальству, [баронессе] нажалуется». Он посмотрел за суетливо убегающим Рутиловым. «Пусть побегает», — злорадно подумал он, и эта мысль доставила ему вялое и тусклое удовольствие. Надвинул шляпу, нахмурил свои светлые брови, и отправился домой, по немощёным и пустынным улицам, заросшим лежачею мшанкою с белыми цветами, жерухою и гулявником с желтыми цветами, розовым пустырником, белою марью, дозревающим костером.

Порою вынимал он из кармана пальто карамельку, очищал ее от бумажки и отправлял в рот. Улицы были пусты и скучны. У заборов покачивалась густая и высокая крапива, с повислыми и некрасивыми, зеленоватыми цветами, виднелись бледно-розовые цветы мохнатой хатьмы, желтые цветы луговой чины, в покрытых пушком чашечках, склонившись стволами ветвистых метелок у забора рос чернобыльник с желтыми стеблями и мохнатыми листьями на белой подкладке. Пугаеву стало скучно оттого, что он один, и он заторопился домой.

Сзади его послышались поспешные шаги. П[угаев] оглянулся, — может быть, кто-нибудь знакомый. Это был гимназист Виткевич, высокий и бледный, с нахальным лицом и развязными манерами. Он торопился куда-то и широко махал руками. Поравнявшись с П[угаевым], он приподнял свою фуражку, подмигнул учителю, и сказал ему:

— Марта-то на вас как сегодня засматривалась в церкви.

— Ну, вы-то что, — угрюмо ответил П[угаев], — на вас не засматриваются, так вам завидно.

Гимназист захохотал, и крикнул, обгоняя П⟨угаева⟩:

— Ах, вы, Дон Жуан-соблазнитель. Хоть бы на свадьбу пригласили шафером.

— Ну, ну, проваливайте, — сердито говорил Передонов ⟨далее следовало: «...рано еще вам в шаферы, усы не отросли». — Ред.-сост. (Л. 286 об.)⟩.

Гимназист хохотал и проворно шагал дальше.

[3] Л. 287 — [в чужой сад, где уже наливались ранние яблоки.]

[4] Л. 287 об. — [упалые и невыметенные какие-то]

[5] Л. 288 об.—289 — [и пучки бледнорозовых мелких цветочков просвирника прятались в пазухах листьев.]

[6] Л. 289 — [торопясь заговорить о Марте.]

[7] Л. 289 — [Бог один, не все ли равно, где молиться.]

[8] Л. 289 об. — [Теперь, ожидая Передонова, она слегка волновалась, что не шло к ее простодушному, незначительному лицу.]

[9] Л. 289 об. — сильные и большие руки, [с грубою кожей.]
[10] Л. 290 — [напряженном]
[11] Л. 290—291 об. — [Вершина внимательно посмотрела на Марту, — ей хотелось, чтобы Марта была любезна, и она боялась, что Марта не сумеет занять и окончательно привлечь Передонова.]
[12] Л. 290 об. — [ему хотелось сидеть да отдыхать. Он]
[13] Л. 290 об. — [что они, Марта с ее братьями и сестрами, — дома работали в поле, ходили босые]
[14] Л. 291 — [небогатый]
[15] Л. 291 — [жили бедно.]
[16] Л. 291 об. — [и замолчала.]
[17] Л. 291 об. — [Но Передонов решительно отказался от сахару.]
[18] Л. 293 об. — [— Да, думаем, — отвечал Передонов.]
[19] Л. 293 об. — [— спросила Вершина с усмешечкой.
Уже надеялась она, что на решение переехать повлияло у Передонова желание быть ближе к Марте.]
[20] Л. 294 — [и принялся рассказывать про хозяйку.]
[21] Л. 294 — [и узор другой. Безобразие!]
[22] Л. 294 — [для чего-то]
[23] Л. 294 об. — [Пусть-ка она выкусит.]
[24] Л. 294 об. — [— Заплатить надо будет,] — стребует, — заметила Вершина.
[25] Л. 295 — и [эта заминка особенно была заметна при ее частоговорке.
— Много себе позволяет.
— Ну, да, вот еще, — досадливо сказал Передонов.
— Помилуйте, — рассудительно говорила Вершина, — с этим народом нельзя на равной ноге. От них надо подальше.]
[26] Л. 295—295 об. — [Может быть, он был недоволен отзывом Вершиной, может быть, ему просто была не любопытна та сторона дела, на которую указывала Вершина, но он угрюмо молчал, и пил пиво. Румяные щеки его с каждым глотком словно наливались новою долею багряности.]
[27] Л. 295 об. — [[Глаза его сделались [при этом] еще более тупыми, и мертвенное выражение самоудовлетворенности разлилось по лицу.]]
[28] Л. 295 об. — [Выйдет это, он еще может купить. Есть на что.]
[29] Л. 296 — Когда они взяли по одной. Он сказал:
— Да вы больше берите, у меня много, и хорошие бомбошки, — я худого есть не стану.
[30] Л. 296 — [она не прочь была бы взять побольше.]
[31] Л. 297 — [— Давно ли тебя пороли? — спросил Передонов.
— Давно, — отвечал Владислав с еще более принужденною улыбкою.]
[32] Л. 297 — [высунулась из окна,]
[33] Л. 297 — [сердито и]
[34] Л. 297 об. — [Марта и Владислав не замечали его взглядов, и продолжали шептаться да смеяться.]

[35] Л. 298 — и [что не надо торопиться. И она]

[36] Л. 298 об. — [хотела завести с Передоновым речь о женитьбе. Она несколько раз]

[37] Л. 298 об. — [выпил много пива; но оно мало на него действовало,— только глаза глядели еще более тупо и сонно, чем всегда.]

[38] Л. 299 — [во-первых, она старше вас, а вы,]

[39] Л. 299 — [— с тою же угрюмою важностью]

[40] Л. 299 об. — [красивая, молодая да скромная.]

[41] Л. 299 об. — [— Я буду много получать.]

[42] Л. 300 — [— А вы и поверили? — насмешливо спросила Вершина.

— Чего ж ей врать! — сказал Передонов, но лицо его обнаружило, что в его уме смутно зашевелились новые опасения.]

[43] Л. 300 об.—301. — они легкомысленные [болтушки, да хохотушки, над всеми смеются], а вам надо жену степенную, [чтоб она себя во всяком обществе могла не уронить.

Передонов тупо молчал. Ему уже надоело слушать всё о том же, а перевести разговор на другое он не умел. Вершина опять несколько раз глянула на него, словно пощупала его быстрыми коричневыми глазами, и сказала:]

— Вот бы взяли мою Марту, — [и вам бы хорошая невеста, и ей бы доброе дело сделали. Она на вас, заметьте, как засматривается.]

[44] Л. 301 об. — [Что же вы так скоро, — посидели бы? — сказала Вершина.]

[45] Л. 301 об. — [застенчивости и]

[46] Л. 301 об.—302 — [— Нет, пора, — прощайте, — угрюмо сказал Передонов.

Вершина проводила его до калитки, и вернулась в беседку.

Марта уже сидела там. Несъеденные леденцы еще лежали перед нею.

— Расщедрился, ухаживает, — сказала Вершина, и показала на леденцы.

Она и сама думала, что леденцы эти — признак начинающегося ухаживания, да и хотела подбодрить Марту, чтобы та живее и увереннее вела себя с Передоновым. Марта покраснела, и вяло сказала:

— Ну да, где же ухаживает!

— Нет, вы так не говорите, — возразила Вершина, как всегда тихо да быстро, и однозвучно. — Смотрите, не зевайте. Да не будьте с ним такой насýпой. Я с ним начала тут без вас говорить. Он за мамóшку свою только из-за протекции держится.

Вершина села, и вдруг стала внимательно смотреть на Мартины башмаки. Марта покраснела, и спрятала ноги.

— Что это? — криво улыбаясь, спросила Вершина, — у вас башмаки каши просят, кажется?

— Да я не заметила, — застенчиво сказала Марта.

А Вершина журила ее:

— Это вы и при госте так сидели, с разорванным башмаком? Ай-ай-ай! Разве у вас нет новых?

— Эти самые новые, Наталья Афанасьевна, — краснея, сказала Марта.

— Так надо ку́пить, — ворчливым голосом говорила Вершина. — Что ж вы не сказали? — Нельзя же такой обери́шей ходить. Вот завтра пойдемте в Гостиный, я вам куплю.

— Благодарю вас, — робко промолвила Марта.

Вершина улыбалась, и ворчала:

— Башмаки-то на тебе, милая, горят, — давно ли мы покупали, опять надо новые. Вещей беречь не умеете, вот что, не в обиду вам будь сказано.]

[47] Л. 303 об. — [растрепанная]

[48] Л. 303 об. — [Она красилась умело и старательно, не как те глупые, что лицо намажут, а за ушами так оставят, и выйдет маска. Она покрывала краской не только все лицо, шею, руки, плечи, но и все тело, — на всякий случай.]

[49] Л. 303 об — [и они подавались ему каждый день.]

[50] Л. 303 об.— 304 — [он не любил ждать еды.]

[51] Л. 21—22 — Наташке и хотелось украсть сладкий пирог и потихоньку съесть его, да нельзя было: раз, что Варвара торчит около нее, да и только, — ни выжить ее ничем, — а другое, — если и уйдет, и без нее снимать со сковороды, так она потом посчитает по следам на сковороде, сколько нет, — столько и пирожков потребует, — никак нельзя украсть ни одного. И Наташка злилась. А Варвара, по обыкновению своему, ругалась, придиралась к служанке за разные неисправности и за недостаточную, по ее мнению, расторопность.

[52] Л. 22—24 — [Она похожа была не на хозяйку, а на приживалку, которая ревниво следит за прислугой и неутомимо ищет случая своровать под ее руку.]

— Тварь ленивая, — кричала Варвара дребезжащим голосом — да что ты, обалдела, что ли, Наташка! Только что поступила, да уж ничего не хочешь делать, — ничеву́ха поганая.

— Да кто у вас и живет, — грубо отвечала Наташка.

И точно, — у Варвары прислуга не заживалась: своих служанок Варвара кормила плохо, ругала беспрерывно, жалованье старалась затянуть, а если нападала на не очень бойкую, то толкала, щипала и била по щекам.

— Молчать, стерва! — закричала Варвара.

— Чего мне молчать, — известно, у вас, барышня, никто не живет, — все вам не хороши. А сами-то вы, небось, хороши больно. Не в пору привередливы.

— Как ты смеешь, скотина?

— Да и не смеевши скажу. Да и кто у такой облаедки жить станет, — кому охота.

Варвара разозлилась, завизжала, затопала ногами. Наташка не уступала. Поднялся неистовый крик.

— Кормить не кормите, а работы требуете, — кричала она.

— На помойную яму не напасешься хламу, — отвечала Варвара.

— Еще кто помойная яма. Туда же всякая дрянь...

— Дрянь, да из дворян, а ты моя прислуга. Стерва этакая, вот я тебе по морде дам! — кричала Варвара.

— Я и сама сдачи дать умею! — грубо ответила Наташка, презрительно посматривая на маленькую Варвару с высоты своего роста. — По морде! Это что тебя-то самое барин по мордасам лощит, — так ведь я не полюбовница, меня за уши не выдерешь.

В это время со двора в открытое окно послышался крикливый, пьяный бабий голос.

— Эй ты, барыня, ай барышня? Как звать-то тебя? Где твой сокол?

— А тебе что за дело, лихорадка? — закричала Варвара, подбегая к окну.

Внизу стояла домовая хозяйка, Иринья Степановна, сапожникова жена, простоволосая, в грязном ситцевом платье. Она с мужем жила во флигельке, на дворе, а дом сдавала. Варвара в последнее время часто вступала с нею в брань, — хозяйка ходила вечно полупьяная и задирала Варвару, догадываясь, что хотят съезжать. Теперь они опять сцепились ругаться. Хозяйка была спокойнее, Варвара выходила из себя. Наконец хозяйка повернулась спиной и подняла юбку. Варвара немедленно ответила тем же. От таких сцен и вечного крика у Варвары делались потом мигрени, но она уже привыкла к беспорядочной и грубой жизни, и не могла воздержаться от непристойных выходок. Давно уже она перестала уважать и себя и других.]

53 Л. 306 об.—307 — [Он покрикивал, а она так и не присела, пока он насыщался, — смотрела ему в рот, думая, как бы угодить. И она хотела, чтобы Передонов видел, что ее руки, обнаженные до локтей, полуприкрытые широкими рукавами, все еще красивы и тонки, как прежде. Но Передонов не смотрел на ее руки, и ворчал тоскливо и сердито.]

54 Л. 307 об. — [Варвара усмехнулась:

— У меня и яду нет, — что ж, я покупать пойду отравы для тебя?

— Баба захочет, достанет, — угрюмо сказал Передонов.]

55 Л. 307 об. — [обрывая по привычке каждое предложение,]

56 Л. 308 — [А то облука́вите. За нос водить будете.]

57 Л. 308 — [— Ну и напишу, велика важность! — притворно-храбрым голосом сказала Варвара, хотя вовсе не намеревалась затевать переписку с княгиней.

— Ловчага! — бормотал Передонов. — Женись на ней! На-т-ко, выкуси! Передонов показал Варваре кукиш, и сказал решительно:

— Нет, ты мне сперва место достань.]

58 Л. 308 об. — [Скажут, — жених, так что же он не женится. Место ведь есть, не нищий, слава Богу.

— Замолола! — проворчал Передонов, не зная, что возразить.

— Мне написать недолго, — говорила Варвара, — вот только назначь день свадьбы, я так и напишу.]

59 Л. 308 об. — [Передонову было досадно, что Варвара не хочет обмануть княгиню. Он угрюмо спросил:]

60 Л. 309 — [Передонов крикнул что-то. Варвара продолжала просить.]

61 Л. 309 — [— Купи в долг, — сказал Передонов.

— Что ж в долг, в долг не дадут, мы и то везде должны.

Но разговор о деньгах не нравился Передонову.]

62 Л. 309 — [и схватил самое большое яблоко.]

63 Л. 309 об. — [— Красавица ледащая! — ругалась Варвара.

— Известно, красавица! — дразнил Передонов.]

64 Л. 309—310 — [и молоденькая, и скромная!

— Скромная! — со злобным хохотом кричала Варвара, — гимназистам на шею вешается.

— Врешь, — со спокойной угрюмостью сказал Передонов.

Он не поверил, что Марта «вешается на шею»; но ему любо было дразнить Варвару. Он привык издеваться над Варварой, и не любил ее. Да и никого никогда он не любил, и не мог ни любить, ни жалеть: он был холоден и мертв душою.]

— Вот возьму, да и женюсь на ней, — сказал он — [— А я как же? — испуганно спросила Варвара. — Это тебе ничего, что я с тобою столько лет жила?

— Нахалом не окрутишь меня, дура полосатая! — сказал Передонов, сумрачно глядя на Варвару.]

65 Л. 310 об. — [[Пока еще он мог ее прогнать, — ведь не венчаны, — так он любил показать свою власть над нею: [бил ее по щекам, щипал, ставил на колени, иногда раздевал и сек.] Она это терпела в надежде добиться того, что выйдет за него замуж. К тому же она привыкла к безнуждной жизни, и не хотелось ей опять мыкаться швейкой. [Да и любила она Передонова, — собачьею, злобною любовью.]]

66 Л. 311 — [как у барашка]

67 Л. 311 — [здешнем]

68 Л. 311 об. — [[Он полез обниматься и целоваться с Передоновым. Тот хмуро и вяло принимал изъявления его восторга. Но скоро он несколько оживился, и заговорил с гостем приветливо, Варвара тоже. Они оба любили принимать да угощать. Гостей они привечали тем более, что не все к ним ходили: жена директора гимназии считала неприличным знаться с такою сомнительною особою, как Варвара, подражали ей в этом и многие другие [разборчивые] дамы.]]

69 Л. 312 — [засуетилась и]

70 Л. 312 — [хвастливо сказал он,]

71 Л. 312 — [Передонов угрюмо и самодовольно усмехался.]

72 Л. 312 — [И чтобы покончить опасный разговор, он спросил:]

73 Л. 313 — [Заговорили о барышнях, довольно некстати. Передонов сказал угрюмо:

— Барышни! Знаем мы их. Вот здесь есть одна барышня, так к ней по ночам в окно мужчины лазают.

Володин укоризненно покачал головой, и промолвил:

— Ни стыда, ни совести! Ай-ай-ай!

— Уж это я верно знаю, — угрюмо говорил Передонов. — В окно влез ночью, — а под окном кадка стояла. Он назад лез, в кадку попал, еле выбрался, весь мокрый побежал, а вода с него ручьем, — так водяной след и оставил, — сразу видно, у кого и кто был.

Володин хихикал и повторял:

— Ловко! Ай-да барышня.

Передонова подстрекало к лганью смутное воспоминание о Мартином смехе, и усвоенная с детства привычка лгать и думать о пакостях.

— Кто ж это такая? — спросил Володин.

— Уж мы знаем! — сказал Передонов.

Он считал ниже своего достоинства сказать Володину имя барышни, которую он, Передонов, всё же удостаивал знакомством. Вмешалась Варвара.

— Кто же больше, — известно, к Марфушке лазают, — со злобным смехом сказала она.

— Скажите на милость! — воскликнул Володин, качая головою и причмокивая.

Передонов угрюмо молчал, и сосал карамельку. Он протянул леденец в бумажке Володину. Володин принялся сосать его, чмокая языком, и слушал с сочувствующим и укоряющим видом, как Варвара бранила Марту, срывая на ней свою злобу.]

[74] Л. 35—36. — Да мы еще что сделали, — с восторгом сообщила Варвара, — и в кухне-то одна половица подымается, так мы туда помои выливать велим Наташке.

[— Тише, Наташка вперед идет, — сказал Передонов.

Вошла Наташка, подала пирожки, и ушла. При ней все замолчали.]

Пачкая столовую, Передонов и Варвара оставляли залу чистою, на тот случай, если войдет хозяйка. Они боялись, что хозяйка сделает скандал, если увидит пачканные обои. Но с какою-то странною глупостью оба они и не думали остерегаться своей прислуги, которая легко могла всё это рассказать хозяйке. Володин сообразил это и сказал с опасливым удивлением:

— А как же это вы Наташке-то? А если она хозяйке скажет.

Варвара посмотрела на него с таким выражением, как будто эта мысль еще ни разу не приходила ей в голову. Передонов сказал уверенно:

— Не посмеет, — знает, что я ей в морду дам за это.

[[Начался разговор про Наталью.

— Уж такая дерзкая, — жаловалась Варвара, — просто сладу нет. Я ей слово, она мне десять.

— А ты ей в морду, — сказал Передонов.

— Она и сама сдачи даст, не задумается, — возразила, ухмыляясь, Варвара. — А ты-то, Ардальон Борисыч, на что? — хозяин ведь. Давно бы пора было ее тебе унять. Что это в самом деле? Чем на меня жабиться, надавал бы ей по роже.

Передонов с удовольствием поколотил бы Наталью, — но что, если она тоже ответит на удары ударами?

[— Нечего с нею растабарывать,— злобно говорила Варвара. — Залепить ей в рожу, и вся недолга.]]

[75] Л. 315 об. — [Он тяжело дышал, и старался вырваться.]

[76] Л. 315 об. — [и мучил]

77 Л. 315 об. — [— кричал он, — дерни его за хвост!]

78 Л. 316 — [Передонов мучил кота не то чтобы из жестокости, — он не был деятельно жесток, на это у него не хватало почину. Он был только безжалостен.]

79 Л. 316 — [— Врешь, — сказал Передонов.

— Нет, я не вру, — возразил Володин. — Спасибо скажешь, если я научу тебя его делать.]

80 Л. 317 — [— Как? — спросил Передонов.

— Ерлы́, вот как, — радостно гримасничая, отвечал Володин. — Что, кушали?]

81 Л. 318 — [сердито ответил Передонов.

— Вы сперва попробуйте, а потом и говорите, — убеждал Володин.

— И пробовать не стану, гадость, — упрямо повторил Передонов.]

82 Л. 318 об. — [[Передонов сердито смотрел на Володина, и мял салфетку. [В голове его уныло вращались всё те же мысли, — о завистниках и врагах.]]

83 Л. 318 — [видно было, что он сильно задет.]

84 Л. 319 — [— Толкуй! — сказал Передонов, и махнул рукой. — Слышали.

— Нет, извольте]

85 Л. 319 об. — [Они пришли, а мы у себя работаем] себе помаленьку, [тихо, благородно].

86 Л. 319 об. — [Как это вам понравится?]

87 Л. 40—40 об. — А инспектор что тебе сказал? — спросил Передонов.

— Шушунов? — переспросил Володин.

Он слегка замялся, потом сказал с обиженным видом:

— Известно, какой он человек. Вам, говорит, за это [по роже надо надавать] в рыло надо заехать. Изволите видеть, какая дерзость!

— Нахал, — закричала Варвара, — его самого надо по [морде] сусалам. Да я бы на вашем месте ему непременно [по морде дала] в образину заехала. Ей-Богу, — что на него смотреть, на жабину этакую.

— Да я ему и залеплю, коли он еще вздумает, — заявил Володин.

Он чувствовал себя все-таки героем. Варвара и Передонов продолжали уверять его, что он молодец, и что Верига и Шушунов скоты. Передонов в утешение дал ему еще [одну] карамельку.

88 Л. 41 — [Передонов погрузился в мрачную неподвижность. Мысли его были медленны, как его движения. Ерлы крепко засели в его голове. С чего это Володин вздумал предлагать это кушанье. Должно быть, замышляет что-то...

Передонов не умел и не любил размышлять. Поэтому он доверчиво относился и к тому, что слышал, и к тому, что слагалось в его голове, как бы это ни было нелепо. Так и теперь, глупые предположения, как-то забредшие в его темную голову, казались ему согласными с истиной.

Вот, думал он, окрутят его с Варварой.]

89 Л. 321 — [Она шутила с хозяевами и с Володиным.]

90 Л. 321 — [— Знаем, по какому вы делу, — сказала Преполовенская, — так мы вам и поверили.

— Почему же вы мне не верите? — обиженно спросил Володин, подымая брови, — разве я вас когда-нибудь обманывал?

— Да уж так, не верю, и всё тут.]

[91] Л. 322 — [Будьте смелее, Ардальон Борисыч, может быть, для вас и расстанется с сестрицей.]

[92] Л. 322 об. — [и даже сердился, зачем она его ловит.]

[93] Л. 322 об. — [большим]

[94] Л. 322 об. — [краснощекой]

[95] Л. 323—324 об. — [— Уступлю, не велик сахар, — со смехом отвечала Варвара.

Володин делал недовольное и важное лицо, — выдвигал нижнюю губу, потряхивал лбом, таращил бараньи глаза.

Шутки Преполовенской раздражали Передонова. Чтобы их прекратить, он угостил ее вином: принес из спальни бутылку с портвейном и рюмку. Одну, — потому что Володину достаточно и водки. Преполовенская выпила с удовольствием, и ждала продолжения. Но уже Передонову жаль стало вина. Он смотрел на бутылку мрачно, и думал: рубль десять копеек плачено. Преполовенская подождала, — и сама налила себе вторую рюмку. Чтобы отвлечь бесцеремонную гостью от вина, Передонов стал угощать ее домашнею вишневою наливкою: а то, думал он, всю бутылку вина выдудет.

Передонов взял яблоко, и сильно сдавил его в руке. Сок потек у него между пальцами беловатою кашицею.]

[96] Л. 323 об. — [и не привык к этому.]

[97] Л. 323 об. — [словам Преполовенской о]

[98] Л. 323 об.—324 — [Особенно же доверчив был Передонов к своим мыслям и предположениям, как бы нелепы ни были они. Всякая случайно забредшая в его голову мысль казалась ему истиной.]

[99] Л. 324 — [— Однако, квартирка-то у вас запакощена, — молвила Преполовенская, — а если хозяйка увидит?

— Будет скандал, — сказала Варвара, ухмыляясь, — да мы ее сюда не пустим, а в зале чистые обои.]

[100] Л. 324 — [свои маленькие,]

[101] Л. 324 об. — [засуетилась беспомощно и бестолково, и руки ее дрожали.

— Хозяйка? — боязливым шепотом спросил Передонов.]

[102] Л. 324 об. — [еле на ногах держится.]

[103] Л. 325 — [Пойдемте, господа, поскорее.]

[104] Л. 45 об. — [Передонов и Варвара всячески старались отвлечь ее внимание от двери в столовую; когда же она туда поворачивалась, заслоняли дверь собою. Ершова кричала:]

[105] Л. 325 об. — [Иная и не пьяная, да подлая. А я в аккурат себя соблюдаю. Да, я жена, а не то чтобы за сестру шла у своего полюбовника.]

[106] Л. 325 об. — [Знаешь! — презрительно протянула Ершова. — Мы тоже знаем, жолви тебе в бок.]

[107] Л. 326 — [Мы, небось, тоже кое-что понимаем. Хоть лыком шиты, да виды видали, — всякие! Нас, брат, не удивишь!]

[108] Л. 326 — [Кто мне может запретить?]

[109] Л. 326 — [Вон, скажу, касть поганая, — и ногой притопну.

Ершова топнула ногой, и продолжала выкрикивать:

— В один момент вы у меня вылетите.]

[110] Л. 326 об. — [Чтоб все было мирно, благородно.

— Да уж конечно, — поддакивала Варвара.]

[111] Л. 326 об. — [В душе у Передонова было тоскливо. Он не знал, что с ним сделает хозяйка, но думал, что она может сделать ему что-то скверное: донесет, задушит, или еще что-то неведомое, грозное в самой неведомости своей.]

[112] Л. 327 — [вот оно что, елёха-ваха! Не будь жадюгой.]

[113] Л. 327 об. — [Хоть и пьяная, но увидела достаточно.]

[114] Л. 328 — [такие, сякие — переэтакие! — Она разъярилась, ругалась и плевалась.]

[115] Л. 328 об. — [Хоть бы барыне какой, а то мне.]

[116] Л. 329 — [Еще они что хотят сделать, чему она полюбовника-то своего наущает, — напиши, говорит, на нее в консисторию, ее, говорит, в монастырь отправят, она ведь, говорит, из духовных, так ее там, говорит, высекут.]

[117] Л. 330 — [Немедленно же к нему привязалась] Ершова, [и]

[118] Л. 330 об. — [— говорила она, заискивающе ухмыляясь, —]

[119] Л. 330 об. — [Она говорила спокойно, — а злоба кипела в ее сердце. Она решила отомстить. Но, как особа хитрая и тонкая, она и отомстит политично, [и зло] не подвергая себя неприятностям ссоры. Она окидывала быстрыми глазами двор, меж тем как в ее изобретательном уме пробегали десятки предположений.]

[120] Л. 330 об. — [В голове Преполовенской мелькнул новый и самый злой план мщения.]

[121] Л. 331 — [с таким видом, словно речь идет о чем-то скрытном.]

[122] Л. 331 об. — [— Только вы никому не говорите, — с доверчивым видом сказала Софья.

— Ну вот, стану я, очень мне нужно.]

[123] Л. 331 об.—332 — [— Не верите, так у нее самой спросите, — живой человек. Только я это вам по секрету говорю, помните, — не болтайте.

— Ну, само собой.

— А то ведь вы знаете, у нас живо на смех подымут, — говорила Софья. — А это очень хорошее средство, испытанное, очень хорошо помогает.]

[124] Л. 332 — *Было:* Известно было всем в городе, что Передонов, говоря о женщинах и девицах, всегда

[125] Л. 332 — [Спрашивала, конечно, и у Преполовенской. На этом-то лукавая дама и основала расчет на успех своего плана.]

[126] Л. 332 об. — [Пьяная баба, вся красная, была в восторге.]

[127] Л. 52 об. — [— Эх, жаль, музыки нет, — восклицала она. — Кабы сюда гармошку, да парня Ермошку для твоей фри, — кадрель бы вышла знатная.

Она загнула похабщину, и крикнула Варваре в окно:]

128 Л. 53 — [Варвара пришла в восторг.]

129 Л. 57 об. — [Грушина любила рассказывать приятельницам о своих любовных похождениях, об ухаживателях своих, и часто в обществе делала намеки на свои любовные связи, обыкновенно только воображаемые ею. Любила она рассказывать о том, как ее ревновал покойный муж, — и рассказы эти по большей части были глупы и лживы.

Варвара встретила Грушину радостно: было до нее дело. Вообще, Передонов и Варвара всегда принимали Грушину радушно-покровительственно.]

130 Л. 58 — [смеясь скрипучим смехом]

131 Л. 58 об.—59 — [Вообще, она всячески сегодня старалась задобрить Грушину. Грушина догадалась, что ее услуги сегодня на что-то и очень понадобятся Вершиной; догадалась, что нужна, но, хитрая, не подавала и виду, что заметила что-то.

Варвара и Грушина ушли, а Передонов и Володин, выпив еще по рюмке водки, отправились в Летний сад поиграть на биллиарде. Дорогой Передонов рассказал Володину, что Женя, Софьина сестра, любовница Преполовенского. Володин немедленно этому поверил: он зол был на Женю, которая недавно ему отказала.

— Надо бы на нее в консисторию донести, — говорил Передонов, — ведь она из дух⟨овных⟩, епархиалка. Вот донести бы, так отправят ее в монастырь на покаяние, а там высекут.

Володин подумал, — не донести ли? Но решился быть великодушным, — Бог с нею. А то еще и его притянут, — скажут, докажи.]

132 Л. 59 — [во всем городе]

133 Л. 59 об. — [Всё сердится, всё рвет и мечет, ершистый так⟨ой⟩ стал, что просто страх. Вчера по морде надавал здорово живешь.]

134 Л. 60—60 об. — [— А что я вам о Преполовенских расскажу, — вдруг заговорила Варвара совсем другим голосом. — Сонька-то свою мордастую Женьку, знаете, крапивой порет.

— Да что вы! — со смехом вскрикнула Грушина.

— Верно, сегодня сама Сонька мне говорила. Это, говорит, верное средство, чтобы жиру нагулять.

— То-то она себе мордасы-то отрастила, Женька-то, — со смехом говорила Грушина, — со крапивных-то щей.]

135 Л. 60 об. — [после обеда]

136 Л. 61 — [Но это было выражено с некоторою дамскою неопределенностью.]

137 Л. 61 — [и какое место, и где]

138 Л. 62 — [А у самой глаза разгорелись, — почуяла поживу.]

139 Л. 63 об. — [— И хорошо действует? — еще раз спросила Варвара.

— Ну вот еще, — сказала с досадой Софья, — не видите разве, — живой пример перед глазами. Сперва немного опадешь с тела, а со следующего дня и начинаешь жиреть.

Наконец, убеждения и уговоры двух сестриц победили последние Варварины сомнения.]

[140] Л. 63 об. — [по голому телу]

[141] Л. 64 об.—65 об. — [— Ну, где там намучились, — унимала ее Софья. — Конечно, надо̀ повторять время от времени. Нас ведь обеих с детства стегали, да и нередко. А то и пользы не будет.

— Жалючая крапива! — посмеиваясь, говорила Женя.

Выспавшись после обеда, Передонов отправился в Летний сад, поиграть в ресторане на биллиарде. На улице встретил он Преполовенскую: проводив Варвару, она шла к своей приятельнице Вершиной рассказать по секрету об этом приключении. Было по дороге, пошли вместе. Уже заодно Передонов пригласил ее с мужем на вечер, сыграть стукалку по маленькой.

Софья свела разговор на то, отчего он не женится. Передонов угрюмо молчал. Софья делала намеки на свою сестру, таких-то ведь пышек и любит Ардальон Борисыч. Ей казалось, что он соглашается: он смотрел так же сумрачно, как всегда, и не спорил.

— Я ведь знаю ваш вкус, — говорила Софья, — вы ега́стых недолюбливаете. Вам надо выбирать себе под пару, девицу в теле.

Передонов боялся говорить, — еще подденут, пожалуй, — и молча сердито посматривал на Софью.]

[142] Л. 66 — [Неизбежно говорили и о женщинах и девицах, о распутных и о чистых, обо всех одинаково грязно и пошло: эти грязные люди не понимали и не знали девичьей чистоты; их город казался им кишащим полудевственницами (слово, которое они слышали от кого-то), жаждущими порока внебрачного или брачного.]

[143] Л. 67 — [оправился немного от своего страха, и]

[144] Л. 68 об. — [ему понравилось, что Варвара «рожу скорчит».]

[145] Л. 69 — [— Да, в чем тебе уверяться-то, чудак! Повенчаешься, все верно будет.

— В том, что они надо мной не смеются, — объяснял Передонов.]

[146] Л. 70 — [— им и на дворе стыдно будет.]

[147] Л. 70 — [— Ну, я в щелку глядеть буду, а они пускай пройдут.

— Право, уж не знаю.]

[148] Л. 70—70 об. — [Передонов ломался, чтобы победить свой страх перед бойкими барышнями, из которых каждая страшила его по особой причине: Дарья уж очень скорая да решительная, Людмила хохотом изведет, Валерия кокетка да модница.]

[149] Л. 72 — [Хохотунья Людмила первая усмотрела в этом требовании смешную сторону, и своим звонким хохотом заразила других сестер.]

[150] Л. 72 — [где стоял и ждал на дворе Передонов.]

[151] Л. 73 об.—74 об. — [Дарья первая решилась, присела на стул и быстро сняла свою обувь.

— Ну, я готова, — крикнула она, и принялась приплясывать по белому дощатому полу столовой.

Ей было немножко стыдно, и она храбрилась. На нее глядя, согласилась и Людмила. Она принялась неторопливо стаскивать с себя башмаки. Смех беспрестанно задерживал ее: снимет башмак или чулок с одной ноги, да и замрет от смеха. Меж тем Дарья все вертелась перед сестрами, приплясывая и хохоча преувеличенно-весело.

— Ну, что ж, Валерочка, голубка, — сказала Лариса, — не отставай от сестер, милая, — все вместе, заодно, что уж тут стыдиться: ведь не красть пойдешь.

— Хуже, — сердито сказала Валерия.

Она неохотно села на стул, приподняла юбку, ярко покраснела и сказала брату:

— Не торчи здесь, пожалуйста.

Рутилов исчез так быстро и ловко, как будто его здесь никогда и не бывало. Он побежал к себе надеть фрак и белый галстук. Валерия, стесняясь, ломаясь, отговариваясь, сняла один башмак, наклонилась к другому, но сейчас же опять выпрямилась и упрямо сказала:

— Не хочу.

Но прежде, чем она успела опять наклониться, — поднять свой башмак, Дарья подбежала к ней, быстро опустилась перед нею на колени, крикнула:

— Лариса, придержи ее за руки!

И принялась разувать Валерию проворно и ловко. Валерия делала вид, что отбивается. Лариса неторопливо подошла, сладко улыбаясь, и взяла ее тонкие руки в свои, белые, полные, приятно теплые и приятно мягкие. Тогда Валерия села спокойно, и постаралась заплакать, да не сумела: в этом веселые сестрицы упражнялись редко и мало. Валерии было очень стыдно думать, что надо пройти босиком по двору, а Передонов будет глядеть. Видя, что слез не выжать, она стала натянуто улыбаться, повторяя:

— Ужасно глупо! Право же, ужасно глупо! Только знайте, — я не сама иду, это вы меня насильно тащите.

Наконец, успела разуться и Людмила. Она все хохотала, и делала вид, что ей будет стыдно. Ей и в самом деле было стыдно, больше, чем Дарье, но не так, как Валерии. А Дарья неутомимо выдумывала разные шутки, и смешила сестер.]

152 Л. 76 — [Ее стыдливость заражала и других двух сестер.]

153 Л. 76 об. — [Смеялась даже и горевшая от стыда Валерия, убегая позади всех.]

154 Л. 76 об. — [— Ну что, видел? — спросил Рутилов.]

155 Л. 77 — [«Длинные у них юбки, — думал он. — Вот если бы поближе и побольше увидеть».

— Ноги юбками закрыли, — угрюмо сказал он.]

156 Л. 77 — Вот чудород, — воскликнул Рутилов, — погоди, женишься, тогда все увидишь. Ну, которую же тебе?

157 Л. 77 — [Еще смеяться в городе станут.]

158 Л. 77 об. — [Как же, — младшая, и вдруг!]

[159] Л. 78 об. — [Молоденькая, хорошенькая, — какашечка, егозу́шка.]

[160] Л. 78 об. — [И долго, ухмыляючись, воображал он разные незамысловатые картины на сюжеты, вынесенные им из домов терпимости и из сожития с Варварой.]

[161] Л. 79 — [Мысль об этом вдруг обеспокоила его.]

[162] Л. 79 об. — [когда услышала, что Передонов передумал.]

[163] Л. 80 — [— Сейчас, сейчас, — ведь не на пожар.]

[164] Л. 80 об. — [Барышни были послушны и на этот раз. Дарья изготовилась к венцу еще скорее младших сестер.]

[165] Л. 81 — [Если не будет никакой заручки, со свету сживут.]

[166] Л. 81 — [себе под нос]

[167] Л. 81 — [чуть не силой.]

[168] Л. 81 об. — [Сестры закричали все разом:

— Вот осел-то! Дурачина! Скот! Да что это он вздумал, издеваться, что ли!]

[169] Л. 81 об. — [Вот еще! Дураков надо учить. А я его еще обломаю в лучшем виде.]

[170] Л. 82 — [Первая утешилась Дарья, — и начала придумывать на его счет шутки. Поднялся хохот. Одна Валерия сердилась дольше всех, — но не вытерпела и она, засмеялась звонким и хрупким смехом.

Рутилов, видя, что сестры готовы утешиться, сказал им:

— Ну, я пойду. Мы еще посмотрим. Битый час возились с дураком.]

[171] Л. 84 — Вообще в этом кружке не уважали друг друга. При женщинах не стеснялись делать самые грязные намеки, — и женщины участвовали в общей веселости.

— Мы с биллиарда! — воскликнул Рутилов.

— Проферштелился, — уныло пояснил Передонов.

— Знаем мы, с какого биллиарда, — блеял Володин, и заливался гнусным хохотом, — будущий инспектор забавляется на биллиарде.

И все пакостно хохотали, мужчины и женщины. Только один Передонов оставался угрюмым.

[172] Л. 84 об. — Ну, как ваша дюшка поживает? — спросил Володин, корчась и хихикая. — Клавдюшка — дюшка!

И все хохотали, находя очень смешным, — что Клавдия — Клавдюшка — дюшка.

[173] Л. 87—87 об. — Если бы он был наблюдателен, то поведение Грушиной и в другом отношении возбудило бы в нем немалое беспокойство: ему легко было бы догадаться, что у нее с Варварою [существует] какой-то заговор. Варварино волнение, смешки Грушиной, их переглядыванье и перешёптыванье, — все выдавало это. Но Передонов ничего не заметил. Ему подозрительным казался один только Володин, который беспрестанно называл его будущим инспектором.

[174] Л. 90 — Софья опять начала шутить по тому случаю, что Варвара села рядом с Володиным. И Рутилов поддерживал ее. Но уже игрецкий азарт разжигал остальных, и только Володин значительно выпячивал губы да потряхивал лбом.

[175] Л. 91 об. — И все смеялись, что Передонов вместо *туз* сказал *пуз*.

Передонов всё продолжал проигрывать. Наконец он яростно разорвал карты и достал новые. Но и это не помогло.

[176] Л. 92 — Ну, с чего им давать-то, — возразила Софья.

— Нет, уж вы не говорите, — спорила Грушина, — уж я знаю, что дают, — не деньгами, так другим, чем могут.

[177] Л. 92об.—93 — Все захохотали, так как о столкновении Володина с предводителем дворянства Веригою было уже известно всем в городе. Володин охотно повторил свой рассказ: он поверил вчера Передонову и Варваре, что поступил именно так, как следовало, и думал, что теперь смеются над Веригой. Но его подняли на смех. Он обиженно выпятил нижнюю губу.

— Ничего, Павлушка, не унывай, — утешал его Передонов, — я тебе за это невесту высватаю. Знаешь девицу Адаменко?

Володин промолчал, но мысль об этом сватовстве понравилась ему.

[178] Л. 93 об. — Передонов сел на стул перед стеною и, подняв ноги, неистово топтал стену при общем хохоте.

[179] Л. 94 об. — Предосторожность почти излишняя: близорукий Передонов едва ли рассмотрел бы эти знаки. Да он ничего и не видел, кроме оголенной скверны.

[180] Л. 95 — [с того же вечера]

[181] Л. 95 об. — [кажущимся] успехом [этого леген⟨дарного⟩]

[182] Л. 97 об. — [Володин долго еще распространялся на эту тему. Видно было, что мысль вымазать дегтем ворота Марте — весьма понравилась Володину.]

[183] Л. 100 — [А прежние?]

[184] Л. 101 — [Она решила на днях показать его Передонову, улуча удобное время.]

[185] Л. 103 — [«Неужели уже успели донести что-ниб⟨удь⟩! И о чем донесли? И кто донес?»]

[186] Л. 104 — [Она не разглядела впотьмах, что есть гость, и прибежала, как была, босая. Увидела Передонова, остановилась, покраснела. Вершина сердито прикрикнула и послала ее обуться. Марта убежала.

— Она у меня бережливая, — объяснила Вершина. — Что ж, теперь тепло.

Но Передонов был недоволен.

Скоро Марта пришла прибранная и принаряженная.]

[187] Л. 105 об. — [— Да что ж...

— Молчи, пожалуйста.]

[188] Л. 106 об. — [У Влади и планы были на завтрашний день, — славно бы он его провел там, дома.]

[189] Л. 106 об. — [Ему захотелось потешиться, посмотреть, как будут сечь Владю.]

[190] Л. 108 — [Предвкушая удовольствие, которое доставит присутствие при Владином сечении.]

[191] Л. 108 — И он начал «любезничать», как умел, — повел глупые и грубые разговоры, посматривая на Марту взглядом трусливого нахала, который и не прочь бы облапить девицу, да боится.

[192] Л. 110—110 об. — Владя построил в уме умозаключение: русские — дурачье, Передонов — русский, стало быть, он дурак. Это ему понравилось, и он радостно улыбнулся, но оставил свое заключение про себя.

Марта не могла придумать, что бы теперь сказать для поддержания разговора. Она и всегда побаивалась Передонова. Теперь, впервые оставшись с ним без Вершиной, она видела, что он грубый, глупый и злой. И раньше она не по своему желанию бывала любезна с Передоновым, а только потому, что Вершина захотела выдать ее замуж за Передонова, велела ей вести себя с Передоновым сообразно этому, — а Марта не спорила по непривычке проявлять свою волю.

Помолчав немножко, Передонов рассказал, что вот какое на днях вышло приключение в городском училище: Володин сбил шапку с Вериги, а Верига его ударил по лицу, и они подрались, при учениках. Марта и Владя знали, что драки не было, но, в угоду ему, посмеялись.

[193] Л. 114 об.—115 — руки затянул над головой ремнем, ноги в щиколодках обвел каждую отдельно веревкой и притянул их к скамейке порознь, раздвинул их, одну к одному краю скамьи, другую к другому, — и еще веревкой привязал его к пояснице. Теперь Владя не мог уже пошевелиться и лежал, дрожа от ужаса, уверенный, что отец засечет его до полусмерти, — так как прежде, за малые вины, наказывал, не привязывая.

[194] Л. 115 — [и неподвижного]

[195] Л. 116 об. — И ему было досадно, зачем давеча Владя не кричал. Больно же ведь ему было, — не даром кровца брызгала, — а молчал, стервеныш. Заядлый полячишка! — думал Передонов. И уж он начал думать, что не стоило и приезжать.

[196] Л. 116 об. — А Владя [по-прежнему старался ему угодить.]

[197] Л. 117 об. — А ты, Марта, — сказал Нартанович, — после обеда получишь хлосты. Отца не учи. Двадцать горяченьких дам.

[198] Л. 118 — [лет двенадцати,]

[199] Л. 120 об. — [Передонов сердито посмотрел за ним и обратился к другому гимназисту, из старших, самоуверенному и наглому, который и сам всегда заводил с ним непристойные разговоры.

— Ну что, Виткевич, за кем ухаживаете? — спросил Передонов.

Виткевич захихикал, и зеленовато-бледное лицо его задергалось некрасивыми судорогами.

— Где уж нам, — сказал он, — это вот вы Дон Жуан.

Передонов понизил голос и сказал:

— За директорской Сашенькой приударили.

Виткевич молча самодовольно кивнул головой.

— Ну как же? — спрашивал Передонов.

— Ничего, — шептал Виткевич, — имею маленький успех, но увы! ничего существенного.

Передонов захохотал.

— А вам существенного надо?

— Да что ж ей сделается! — с нахальной ужимкой отвечал Виткевич, — нынче это усовершенствованно.

Передонов сделался опять угрюм, подумал и сказал:

— Вы смелее. Этот народ любит смелость, а кисляев он не терпит.

Виткевич посмотрел на Передонова с уважением и гадко захихикал.]

200 Л. 123 об. — [— Утром сегодня принесли, — рассказывала меж тем Варвара дребезжащим, но радостным голосом, — Клавдюшка к Соньке за тазиком побежала, я в кухне тесто на пирожки раскатывала, вдруг почталыга вваливается. Напугал, — думала, опять Павлушка лезет со своими глупостями.]

201 Л. 124 об. — [Передонов быстро шел, почти бежал. Встречные городовые раздражали, пугали его. Что им надо! — думал он, — точно соглядатаи.]

202 Л. 125 — [А ну как доберется до правды? На Грушину плохая надежда, что не выдаст, — за грош Грушина на всё пойдет.]

203 Л. 126 — [Придумала-то это Варвара, еще раньше, чем явилась к Грушиной.]

204 Л. 126 — [уверяя, что ей страшно]

205 Л. 126 об. — [что Передонов никогда ничего не узнает,]

206 Л. 127 — [в довольно глупых выражениях, но им-то казалось, что все выражено отменно-тонко, так именно, как и выражаются всегда люди высокопоставленные. Письмо надушили шипром. Остальные конверты и бумагу сожгли.]

207 Л. 127 об. — [а не в другой почтовый день: если придет в воскресенье, то]

208 Л. 127 об. — [наполовину стеклянная,]

209 Л. 128 — [старательно]

210 Л. 128 — [Хорошо бы вдеть в петлицу хоть Станислава.]

211 Л. 134 — [— Это выше станового?

— Выше.]

212 Л. 134 об. — [Не столько ели, сколько пили.]

213 Л. 135 — Передонов [слегка опьянел. Он]

214 Л. 137 об. — [Иначе он ничего не замечал.]

215 Л. 138 — [и производила впечатление противоречивого, лживого.]

216 Л. 139—139 об. — [Очевидно, что он опоздал родиться. В качестве лица судебного ведомства он обращал свое неудовольствие не только на преступленья обывателей, но, по закону справедливости, и на представителей предержащей власти.]

217 Л. 139 об. — [Знал он о горожанах подозрительно много, — и действительно, если бы каждая незнакомая проделка могла быть уличена с достаточной для предания суду ясностью, то город имел бы случай увидеть на скамье подсудимых таких лиц, которые пользовались общим уважением. Любопытных было бы несколько судебных дел!]

[218] Л. 141 об. — [И всё время, пока не подали в столовую закуску, прокурор громил то одного, то другого.]

[219] Л. 142 — [ему всегда становилось как-то неловко, если подавали слишком чисто.]

[220] Л. 142 об. — [И во всей-то гимназии теперь 177 гимназистов, а мещан 28 да крестьян 8; дворян да чиновников только 105.]

[221] Л. 142 об. — [разве уж совсем гольтепа.]

[222] Л. 143 об. — [Сам ордена получает, звезду теперь ждет, а мне и Станислава в петлицу не хочет дать.]

[223] Л. 144 — [— Как же, издавал, только маленький.

— Вот разве что маленький.]

[224] Л. 144 — [не на кого иного. Составив себе такое мнение, Авиновицкий похвалил себя мысленно за проницательность,]

[225] Л. 153—153 об. — [Рутилов старался каждый день, хоть один раз, поговорить с Передоновым наедине. Чаще всего выхвалял он ему Дарью, так как Дарья была старшая из незамужних сестер.

— Дарья тебе самая подходящая, — говорил он. — Она самая красивая. И какая, брат, она хозяйка хорошая. Она тебе пирожки лучше Варвариных печь будет.

— Лучше не надо, — угрюмо возразил Передонов.

— Чудак, ну такие же. Притом же, она будет изящная женщина, тонкая. Знаешь, нынче в книжках все описывают тонких женщин да гибких, такая мода пошла. А Дарья уж на что гибкая: ей ножниц не надо, чтобы ногти на ногах стричь, — зубами опкусает.

Передонову это нравилось, он угрюмо хохотал. Но вот у Дарьи нет никого такого, как Волчанская.]

[226] Л. 182 — [Она думала, что со своим состоянием найдет и посолиднее мужа. К тому же хотелось ей еще несколько времени пожить так, на положении вдовы.]

[227] Л. 182 об. — [дело. Четвертак в руки и еще надежда на получение тридцати копеек, — этого оказалось достаточно. Еще бы, деньги немалые.]

[228] Л. 182 об. — [шуршанье травы]

[229] Л. 182 — [увидели и смутились.]

[230] Л. 183 — [сердитая девица, глуховатая и толстая,]

[231] Л. 184 об. — [— Честное слово не скажете? — допрашивал Передонов.

— Честное слово, вы только скажите поскорей.]

[232] Л. 184 об. — [и как будто не один.]

[233] Л. 185 — [бегут, только пятки сверкают]

[234] Л. 185 — [Да и рожу могли бы дегтем залепить.

Вершина и Марта торжествовали. Они не думали, что мальчишек надо еще уличить. А как это сказать, если нельзя ссылаться на Передонова? Одна только улика и есть, какие-то неведомые 55 коп⟨еек⟩.]

[235] Л. 185 — [— А, может быть, это и не они? — спросил, сладко улыбаясь, Миньчуков.

— Ну, как не они! Я так вам буду благодарна, так благодарна, если вы их проучите.]

[236] Л. 185 об. — [И что улик нет.]

[237] Л. 185 об. — [медленный в движениях и мыслях]

[238] Л. 186 об. — [— Так как же, так и оставить? — спросила она.

— Так и оставьте, коли не найдете других доказательств.]

[239] Л. 500 об. — [Затем на Марту обрушился тяжелый гнев ее благодетельницы, пришлось ей поплакать.]

[240] Л. 146 — [(чин генерал-майора он получил при отставке, а после избрания в предводители скоро переименовался в статские советники, и скоро же получил чин действительного статского).]

[241] Л. 147 — [— Теперь вы, значит, не либерал, а консерватор.

— Консерватор, ваше превосходительство.]

[242] Л. 148 об. — [Строго говоря, самый закон признает, что правами состояний, след⟨овательно⟩ и телесною неприкосновенностью для дворян, можно пользоваться лишь по достижении 18-летнего возраста.]

[243] Л. 151 об. — [Верига замолчал.]

[244] Л. 151 об. — [и за всё то в нем, что претило Веригиным благовоспитанным чувствам.]

[245] Л. 152 — [Предводителева жена, небось, не вышла к Передонову, и сам предводитель не только не угостил хорошенько, но не предложил и чаю. Вот Скучаев и Авиновицкий, те хоть и вдовцы, а принять человека умеют. Ну, а эти, известно, аристократы.]

[246] Л. 152 — [Как-то было ему страшно, что такие маленькие, а глядят, как раз будут губернаторовы дети.]

[247] Л. 154 — [Служанки в кокетливых сарафанах. Дети — пятеро детей от двух до восьмилетнего возраста, — в рубашечках-косоворотках мальчики, в сарафанчиках девочки.]

[248] Л. 154 об. — [встретивший Передонова в передней,]

[249] Л. 154 об. — [и знает, что надо для его работы]

[250] Л. 155 об. — [куда пригласили гостя,]

[251] Л. 155 об. — [— она помогала мужу, делала за него черновую, точную работу]

[252] Л. 155 об. — [в комнате]

[253] Л. 157 об. — [учитель ленивый, но сумевший внушить многим уверенность в его больших достоинствах: уж очень много масла отпустила природа во все его повадки. Если же так нельзя, то частным образом пригласят Фаластова: он будет считаться сверхштат⟨ным⟩ учителем, а служить станет в земстве.]

[254] Л. 263 об. — [Многого в книге она не умела понять, и все то, что вычитывала из нее и хотела применить, ей не удавалось: никак ей было не сладить с отношениями составных частей кушаний, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ эти отношения давались в книге на шесть или 12 персон, а ей надо было готовить на две или три персоны, редко больше. Но все ж она иногда делала кушанья по книге.]

[255] Л. 263 об. — [— мне глупые книги некогда читать.]

[256] Л. 264 — [с видом]

[257] Л. 264 — [Но как уничтожить? Сжечь? Но еще она, пожалуй, пожар сделает. Утопить? Выплывет, конечно, и кому еще попадет! Забросить? Найдут. Нет, самое лучшее, отрывать по листку и потихоньку уносить в сортир для разных надобностей, а потом уже, когда она вся выйдет, черный переплет сжечь. На том он и успокоился.] Но как быть с Варварою? Заведет новую чародейную книгу. Нет, надо Варвару наказать хорошенько.

Передонов отправился в сад, наломал там березовых прутьев, и, угрюмо поглядывая на окна, принес их в спальню. Потом крикнул, приоткрыв дверь на кухню:

— Клавдюшка, позови барыню в спальню, и сама приходи.

Скоро Варвара и Клавдия вошли. Клавдия первая увидела розги, и захихикала.

— Ложись, Варвара! — приказал Передонов.

Варвара завизжала, и бросилась к двери.

— Держи, Клавдюшка! — кричал Передонов.

Вдвоем разложили Варвару на кровати. Клавдия держала, Передонов порол, Варвара рыдала отчаянно и просила прощения.

[258] Л. 160 — форма же дана не для того, чтобы чиновники пренебрегали ею.

[259] Л. 160 — [не положил] шляпу [в картонку, а]

[260] Л. 161 — [в наемном доме]

[261] Л. 161 — [близ Сафатской заставы]

[262] Л. 161 — [и грязных]

[263] Л. 162 об. — [А ведь вы знаете, что я ничего такого. Я и шапку с кокардой ношу.]

[264] Л. 163 об. — [А Передонов и не знал ни одного из них. Миньчуков встревожился. Положим, он бы легко мог сообразить, что всё это вздор, но]

[265] Л. 163 об. — [А то так и всыплет, — радостно продолжал исправник, — вот ей-Богу. Так что если что, я ей напишу, записочку, она и всыплет.]

[266] Л. 164 — [о новом коварстве против нее и Передонова.]

[267] Л. 165 — [закрыла окно,]

[268] Л. 166 — [— И, представьте, никогда в гимназии в сортир не ходит! Терпит с утра до 3, четырех часов!]

[269] Л. 166 об. — [Это не то, что в юбке, жди, когда к тебе придут.]

[270] Л. 168—168 об. — [А я говорю, а вы, говорю, его видели неодетого? Нет, говорит, не видела. А почему, говорю, у него такая грудь высокая? Просто, говорит, мальчик здоровый, Господь с ним, потому и грудь высокая. А я и говорю, нет, говорю, Зинаида Ивановна, вы так не доверяйтесь, а вы лучше разденьте его да и посмотрите, тогда и увидите, что моя правда. Как же, говорит, я его раздевать стану, ведь ему, говорит, стыдно будет. Мало ли, говорю, как, вот, говорю, сделайте вид, что рассердились на него за что-нибудь, возьмите розгу, да спустите штанишки. Да он, говорит, хорошо себя ведет. Мало ли что, говорю, всегда мож-

но придраться к ребенку. Что ж, говорит, я его даром обижать стану. Да вы, говорю, и не обижайте, не секите, а только положите к себе на коленки, побраните, да и отпустите, а сами, между прочим, все и узнаете.

— Нет, зачем отпускать, пусть бы она ее хорошенько приструнила, — не лезь из юбки в штаны, — злобно сказала Варвара.

— Ну, уж она не такая, — отвечала Грушина, — еще если бы тот нашалил что, а то так, говорит, я не трону. Грех, говорит, ребенка обижать. Хорош ребенок! А это не грех девчонке в мальчишкино платье выряжаться, да добрых людей обманывать.]

[271] Л. 168 об. — [и вывести ее плутни на чистую воду]

[272] Л. 168 об.—169 — [Грушина обещала еще подумать, как это сделать. Варвара ушла от нее совершенно расстроенная.]

[273] Л. 169 об.—170 — [чем по какому-то расчету. Она вообще ненавидела почему-то гимназистов, и с удовольствием слушала и сама рассказывала о них что-нибудь худое.

— Этакая распутная девчонка, — злобно говорила она, — на какую штуку пустилась, лишь бы жениха выудить. Да неужто у вас в гимназии станут терпеть такой скандал? Ее выгнать надо, вывести на свежую воду и выгнать.

Передонов угрюмо помалкивал, соображая что-то. Он]

[274] Л. 172 — [А то что она тут будет валять Петрушку.]

[275] Л. 172 — [«Да, это хорошая мысль», — подумал он.]

[276] Л. 172 об.—173 — [Передонов думал, что он должен показать себя исправным и строгим воспитателем юношества. Ему припоминались предводителевы слова, и он с гордостью думал, что быть воспитателем юношества — почтенная обязанность. Притом же, думал он, наблюдая за детьми, можно и заручиться кое-чем: ведь если дети ведут себя плохо и рассеянны во время молитвы, то виноваты в этом родители: не дают должного религиозного и нравственного направления. Да и директора не похвалят, думал Передонов, если узнают, что у него гимназисты распущены, что и Богу помолиться чинно не хотят.]

[277] Л. 173 об. — [и таких уже он совсем приравнивал к себе.]

[278] Л. 174—174 об. — [наблюдение за ученическими квартирами лежало на обязанности всех членов педагогического совета.

«А ведь смазливая девчонка», — думал Передонов. Он стал глазеть на Пыльникова, щуря глаза, и ему казалось, что Пыльников плутовски подмигивает ему. Это радовало и веселило Передонова. Ишь ты, канашка, — думал он, — в курточку залезла, а все глазенками стреляет.]

[279] Л. 175 — [ничего не спрашивала и не говорила, а]

[280] Л. 176 — [умершего лет шесть назад]

[281] Л. 176 — [с взрослыми она не хотела иметь дело, хлопотливо, и]

[282] Л. 177 — [и неразговорчивом. Он сидел у своего стола, и сжимал в руке карандаш]

[283] Л. 178 об. — [— Тоже тетя накажет?

— Что ж, накажет или нет, не все ли равно, нехорошо фискалить.]

[284] Л. 179 об. — [— Я не буду ябедничать, — сказал Пыльников, продолжая плакать.]

[285] Л. 180 — [— вы этак его совсем избалуете, коли во всем будете потакать.

— Да как же, — Ардальон Борисыч.]

[286] Л. 180 об. — [Коли бы ты мой был, так и то я бы тебя не стала наказывать за то, что товарищей не выдаешь. А чужого-то и подавно.]

[287] Л. 180 об. — В тихом омуте черти водятся.

[288] Л. 180 об.—181 — [— Да что вы, Ардальон Борисыч! — воскликнула Коковкина, — побойтесь Бога!

— Я тоже знаю кое-что, — продолжал Передонов, меня не обманете. Мы таких не станем держать в гимназии. Вот мы еще посмотрим, позволит ли вам вперед директор держать гимназистов.]

[289] Л. 181 — [— Да, не понимает, — злобно сказал Передонов, — по роже видно, что мерзавец. Его надо выпороть или исключить.

— Все-то слова у вас, Ардальон Борисыч, грозные да нехорошие, да на наше счастье вы там не один, и не самый набольший.]

[290] Л. 203 — Свирепо ругалась и плевалась. Варвара отругивалась.

[291] Л. 203 — [Новая квартира была недалеко от дома Вершиной. Вершина радовалась, — думала, что теперь можно будет чаще залучать к себе Передонова.]

[292] Л. 203 — [и набожный]

[293] Л. 203 — [он старался показать вид, что молится]

[294] Л. 203 об. — [в сторону, падала на пол и убегала куда-то]

[295] Л. 203 об. — [И так мучила она Передонова долго.]

[296] Л. 204 — [Ему казалось, что недотыкомка может прятаться только у Варвары.]

[297] Л. 204 — [Он не знал отчетливо, зачем делает это.]

[298] Л. 204 об. — [Все эти платья и другие Варварины вещи, которые он брал [в руки] и опять бросал, напоминали что-то, и казалось иногда, что в них есть что-то одушевленное, что-то безликое, бессильное, и все же страшное. Тогда Передонов принимался бормотать что-то, — чурался иногда, иногда произносил целые бессмысленные фразы.]

[299] Л. 204 об. — [не желая длить ссору,]

[300] Л. 205 — [опомнилась. Она]

[301] Л. 205 — [был человек, надолго и хорошо заведенный]

[302] Л. 205 об. — [гимназия была в должном порядке, и]

[303] Л. 205 об. — [веселости]

[304] Л. 205 об. — [которые он когда-то читал или просматривал, и много еще таких книг, из некоторых он]

[305] Л. 206 — [несмотря на свой отроческий и младенческий возраст,]

[306] Л. 206 — [посматривал по стенам, уставленным книжными полками, и]

[307] Л. 206 — [и вовсе напрасно]

[308] Л. 206 — [Я совсем напротив.]

[309] Л. 206 об. — [личным опытом, и]

[310] Л. 206 об. — [Следовательно, для меня не представляется надобности прибегать к каким-нибудь недостойным приемам расследования и сыска, которые, к тому же, находятся в совершенном противоречии с моими принципами.]

[311] Л. 206 об. — [словно отбивал дробь на барабане]

[312] Л. 207 — [о вас, — продолжал он свою сухую скороговорку, — мнение, которое я всегда считал своим долгом откровенно сообщать вам, и которое я составил на основании моих наблюдений над вашими отношениями к учебно-воспитательному делу]

[313] Л. 207 — [[Я слышал, что вы хлопочете о получении места инспектора народных училищ, и я[, конечно,] буду очень рад, в интересах [вверенной мне] гимназии, если это назначение состоится. Но я должен откровенно сказать вам, что если меня спросят о вас, то я решительно не буду иметь возможности осыпать вас горячими похвалами. Впрочем, это не столь значительное место, чтобы мой сдержанный отзыв мог вам повредить.]]

[314] Л. 207 об. — [и слышать ничего не хотите], а я [между тем]

[315] Л. 207 об. — [— Приятно слышать, — ответил директор, насмешливо улыбаясь своими широкими чувственными губами, — как жаль, что ваши заботы не устремлены однако к устранению тех пробелов, о которых мне неоднократно приходилось беседовать с вами.]

[316] Л. 208 — [в гимназию, а я знаю!]

[317] Л. 208 — [я вас совсем не понимаю.]

[318] Л. 208 об. — [остановился среди комнаты, и,]

[319] Л. 208 об. — [Что вы разумеете под этим удивительным названием?]

[320] Л. 208 об. — [чувствовал под собою твердую почву, и]

[321] Л. 209 — [Да какая девчонка, целая девка!]

[322] Л. 209 — [каким-то] словно деланным, [притворным] смехом

[323] Л. 209 — [необыкновенное]

[324] Л. 209 — [его квартирной хозяйки]

[325] Л. 209 об. — [— Все, что вы рассказываете, очень занимательно, но, извините меня, совершенно невероятно.]

[326] Л. 209 об. — [и мальчики и девочки]

[327] Л. 209 об. — [на свете]

[328] Л. 209 об. — [— А зачем же его товарищи девчонкой дразнят? — спросил Передонов.

— Должно быть, потому, что они еще дети, — сказал директор, — дети и пошалят, и подразнят один другого. И разве вам не случалось слышать, что товарищи кого-нибудь называют за скромность красной девицей, хотя знают наверное, что имеют дело с девицей мужчиной?]

[329] Л. 210 — [в ваших предположениях]

[330] Л. 210 — [и что я сам знаю, все это]

[331] Л. 210 — [— Как хотите, — сказал Передонов, — а только гимназисты туда ходят, и если это так оставить, то я не знаю, что будет. Уж если хозяйки будут заниматься сводничеством...

Хрипач еще более нахмурился и резко сказал:

— Я не могу допустить столь оскорбительных выражений по адресу лиц с безукоризненною репутациею. Вам известно, как внимательно и строго я и мои уважаемые товарищи относимся к этому вопросу; вам известно, что далеко не всем желающим разрешается иметь у себя ученические квартиры. Это обязывает каждого к особой осмотрительности в разговорах по этому поводу. Без основательных доказательств нельзя бросаться грязью. Представьте мне доказательства, — тогда другое дело.

— А вот вы его посмотрите, так сами увидите, — сказал Передонов, — а я свое дело сделал.]

[332] Л. 210 об. — [выбросил его сообщения из головы, — до поры до времени, —]

[333] Л. 210 об. — [осторожный, ловкий служака,]

[334] Л. 211 об. — [любопытствующих]

[335] Л. 211 об. — [поговорил о деле,]

[336] Л. 211 об. — [услышанную вчера в клубе]

[337] Л. 211 об. — [которая сегодня утром все мучила его приступами,]

[338] Л. 211 об. — [скорее угрюмый]

[339] Л. 212 — [в классах]

[340] Л. 212 — [не всегда кстати, какой-нибудь]

[341] Л. 212—212 об. — [Дразнить слабых и смирных он всегда любил, и никогда не упускал случая сказать что-нибудь неприятное или обидное, — заподозрить, что хорошая работа исполнена с чужой помощью, — выразить предположение, что мальчик слишком давно не был наказан дома, и что пора, — заметить, что вот в театр ходите, а уроков не учите и т. п.]

[342] Л. 212 об. — [Передонов злился, но ничего не мог сделать с этим.]

[343] Л. 212 об. — [мигрень у Хрипача, по-видимому, усилилась: хотя он выносил ее стоически, но]

[344] Л. 213 — [По дороге в сад,]

[345] Л. 213 — [для того, чтобы поздороваться с директором, а также для того, чтобы не тревожить его криком.]

[346] Л. 213 об. — [Уроки эти он взял только для детей].

[347] Л. 214 — [опять прошел мимо гимнастической залы]

[348] Л. 214 об. — [насмешливо]

[349] Л. 214 об. — [теперь]

[350] Л. 214 об. — [к себе]

[351] Л. 214 об. — [в своем кабинете]

[352] Л. 215 — [прямо]

[353] Л. 215 об.—216 — [Что же касается меня, то, раз ⟨что⟩ у меня явилось сомнение относительно того, можете ли вы заниматься гимнастикой, то я считаю своею обязанностью удостовериться в этом возможно точно, т. е. попросить нашего врача посмотреть вас, послушать ваше сердце, вообще убедиться в состоянии вашего здоровья, и тогда уже будет видно, можно ли вас таскать на гимнастику. Мы не можем, согласитесь сами, рисковать вашим здоровьем.]

[354] Л. 216 — [— Как вам угодно, — сказал Пыльников, — только мне кажется, что это лишнее.

— Позаботиться о своем здоровье никогда не лишнее, — наставительно сказал Хрипач, посмотрел с видом нетерпения на часы, и заговорил с Пыльниковым дружелюбным тоном.]

[355] Л. 216 об. — [большой]

[356] Л. 216 об. — [о городских] новостях. [Он казался мало внимательным к больным].

[357] Л. 216 об. — [всегда]

[358] Л. 216 об. — [не делал грубых ошибок]

[359] Л. 216 об. — [Хрипач рассказал ему в чем дело.]

[360] Л. 216 об. — [необыкновенно]

[361] Л. 216 об. — [переодетая]

[362] Л. 217 — [возникнут какие-нибудь сомнения и] придется, [пожалуй,]

[363] Л. 217—217 об. — ⟨После интервала:⟩

[Передонов принялся внимательно наблюдать за тем, как вели себя гимназисты. Первые опыты, с Нартановичем и Пыльниковым, показали ему, что это очень просто и полезно, и для дела, и, главное, для него самого. Если он проявит здесь свою бдительность, то начальство, думал Передонов, увидит, что он достоин повышения, и что из него выйдет чрезвычайно-хороший инспектор.]

[364] Л. 217 об. — [Оставалось только бороться со злом. А зло чудилось ему повсюду, — везде оно пряталось, и надо было изобличать его. Иногда не хватало несомненного, проверенного, — но если есть внутренне убеждение, то так называемые факты можно и присочинить. Если я убежден, — думал Передонов, — что тот или другой гимназист мерзавец, нуждающийся в исправлении, то будет полезно сгустить краски, говоря о нем с родителями.]

[365] Л. 217 об. — [Дома было скучно и тоскливо.]

[366] Л. 218 — [без дальнейших справок,] наказал сына [розгами].

[367] Л. 218 — [десятилетнего второклассника Платона Прейса, дядя которого, баварский немец, управлял имениями князя Телепнева; — четырнадцатилетнего Ивана Мурина, сына того помещика, что льнул к учительской компании, — двенадцатилетнего Василия Вторникова, того самого, к отцу которого однажды уже заходил Передонов недавно; двенадцатилетнего Шмуля Совранского, отец которого был один из самых богатых купцов в нашем городе; — такого же возраста Генриха Кашевского, сына частного поверенного; — еще несколько других, и все они были наказаны родителями в течение нескольких дней, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ Передонов успевал каждый день побывать в двух-трех домах.

Маленький Вторников, когда его собрались сечь, успел шепнуть отцу:

— Не верьте ему, он все врет, он сумасшедший.

Но отец еще яростнее обошелся с ним за столь дерзкий отзыв о столь попечительном учителе.]

[368] Л. 218 об. — [гимназистам, родители] которых

[369] Л. 218 об. — [и хотя порой трусили его угрюмости, но порой и позволяли себе грубовато обращаться с Передоновым.]

[370] Л. 218 об. — [одна из хозяек, Елена Константиновна]

[371] Л. 219 — [Эти рассказы, очевидно, доставляли Передонову немалое удовольствие.

Однажды встретился с Передоновым на улице Евдоким Купряков, пятнадцатилетний гимназист, сын богатого крестьянина-землевладельца, малый грубоватый и простоватый, ушастый, губастый, широколапый, синеглазый, загорелый и светловолосый.

— Здравствуйте, Ардальон Борисыч! — сказал он с фамильярностью, обычною в обращении гимназистов с Передоновым: — как поживаете? гимназистов посекаете? чики-чики-чик?

— Погодите, и до вас доберусь! — угрюмо отвечал Передонов. — Когда начнут вас хлестать, так на весь квартал праск пойдет.

Купряков захохотал, но весь этот вечер чувствовал себя скверно, — а ну как в самом деле доберется? И точно, на другой день Передонов «срезал» его на уроке, вечером явился к его отцу, и Купряков был высечен.]

[372] Л. 397 об. — [которая ищет женихов,]

[373] Л. 397 об. — Людмила [обладала замечательно развитою способностью собирать вести. Она знала всегда всё, что в городе случалось. И всегда она,]

[374] Л. 397 об. — [Теперь]

[375] Л. 397 об. — [— сильным, как страсть.]

[376] Л. 397 об. — [Отчего же не сходить в гости.]

[377] Л. 398 — [и в самом деле]

[378] Л. 398 — [всегда несколько]

[379] Л. 398 об. — [почти до неприличного]

[380] Л. 398 об. — [когда Людмила пришла к ним.]

[381] Л. 399 — [Зинаида Ивановна Коковкина, заслыша гостью в передней, вышла к ней навстречу.]

[382] Л. 437 об. — [— возражал Саша.]

[383] Л. 437 об. — [— бойко спросила Людмила.]

[384] Л. 437 об. — [и удивленным голосом]

[385] Л. 437 об. — [тяжко]

[386] Л. 437 об. — [громоздко]

[387] Л. 439 — [Заметно было, что] Дарья

[388] Л. 439 — [чувствительную песню]

[389] Л. 439 — [медленно] отрезая [маленьким] ножиком по [крохотному] ломтику

[390] Л. 439 — [Видно было по ее лицу, что ей приятно есть сладкое, и остальное ей, хотя и любопытно, но умеренно.]

[391] Л. 441 — [Выходило скверно, но]

[392] Л. 441 об. — [Дальше были непечатные слова.]

[393] Л. 441 об. — [глядючи на пляшущую Дарью.]

394 Л. 187 — [являлся в назначенное время, и не уходил раньше положенного срока.]
395 Л. 187 — [чайком или кофейком]
396 Л. 187 — [Он даже не каждый раз и встречался с нею.]
397 Л. 187 — [всякой]
398 Л. 187 об. — [напротив, уже он старался поскорее отделаться от Володина, хотя тот не прочь бы побыть здесь подольше: Миша ему говорил, что некогда, что надо уроки готовить,]
399 Л. 187 об. — [Володину приходилось удаляться.]
400 Л. 188 — [При ней Саша работал не лучше, не хуже.]
401 Л. 188 — [а говорит или слушает,]
402 Л. 188 — [Володин снова становился добросовестно-требователен, а Саша думал, что уж какая ему теперь воля, — как раз угодишь в угол, на 10, на 15 минут, а то и на колени, минут на 5, на 10 — и что при маме лучше было.]
403 Л. 188 об. — [и притом нисколько]
404 Л. 188 об. — [с ним, а дала, что он назначил.]
405 Л. 188 об. — [к ним он заходил каждый раз после своего урока, и рассказывал все, что там случилось.]
406 Л. 189 — [отчего же не купить.]
407 Л. 189 — [и с крапинками]
408 Л. 189 — [на фигурный галстук.]
409 Л. 189 — [м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩,] поскупится, [купить хороший,] купит [так себе,] простенький — [какой-нибудь] черный, [совсем без всякого вида.]
410 Л. 189 об. — [А устроить свадьбу надо, — чтобы угомонить Володина, чтоб он не завидовал, не зарился на инспекторское место, и не подлезал к Варваре. Итак, думал Передонов, надо, чтобы у Володина был хороший галстук.]

Передонов [вспомнил, что он должен Володину, — проиграл в стукалку. Он]
411 Л. 190 об. — [Довольный своим возражением, Володин захихикал и начал усиленно ломаться, а глаза его стали совсем тупыми, бараньими.]
412 Л. 190 об. — [Володин волновался, а Передонов был спокоен, потому что был уверен в успехе. Еще если бы один Володин пошел, думал Передонов, то могла бы быть неудача, — а ему-то, Передонову, кто-то откажет? уж он сумеет обделать дело.]
413 Л. 191 — [значит, тебе красивый галстук нужен.]
414 Л. 191 — [сидела в своем другом кресле и] с удивлением смотрела на [своих] гостей. [Она подумала сначала, что они пришли ее поздравить с Сашиными именинами, думая, что сегодня Мишины именины, но Миша был именинник в ноябре.] Гости [ничего такого не говорили]
415 Л. 191 — [со значительным видом, выпрямился, сильно]
416 Л. 191 об. — [Он славный малый. Он мой друг. Хоть]
417 Л. 191 об. — А он хороший человек.
418 Л. 192 — [— Очень приятно, — сказала Надежда Васильевна, улыбаясь.]

[419] Л. 192 — [Что он бобылем будет жить!]
[420] Л. 192 — [Вы барышня. Ну, и как же так!]
[421] Л. 192 об. — [и лелеял,] и угождал [во всем. Если небогатый, да добрый, так и хорошо].
[422] Л. 193 — [Это всякий поймет.]
[423] Л. 193 об. — [— как же это так быстро!]
[424] Л. 193 об. — [В соседней комнате раздалось новое, усиленное фырканье.]
[425] Л. 194 — [Но зачем же, помилуйте, какое же ему дело, — говорил Володин, — вы сами по себе, а он сам по себе, и зачем же вам его спрашивать.

— Как же, глава семьи, старший в роде.

— Мальчишка, — угрюмо сказал Передонов, — его дело уроки учить, а вы нам сами скажите прямо. Павел Васильевич хороший человек. Чем же он не жених. Он вас очень любит. Вот он для вас какой галстук выкупил.

— Нет, уж извините, я все-таки Мишу спрошу, — сказала Надежда Васильевна, — не могу же я о нем не позаботиться.]
[426] Л. 194 — [и развеваясь своим]
[427] Л. 194 об. — [быстрого]
[428] Л. 194 об. — [притворно-сердитым]
[429] Л. 194 об. — [Но сейчас же опять притворилась строгой, и спросила:

— Ты слышал, что я тебе говорила?

— Виноват, не буду, — прошептал Миша, не переставая смеяться.]
[430] Л. 195 — [Передонов что-то угрюмо и тихо бормотал, что-то сердитое.]
[431] Л. 195 об. — [Передонову стало немного страшно:]
[432] Л. 195 об. — [ведь это Володин жених, он и должен терпеть.]
[433] Л. 195 об.—196 — [— Слышишь, Миша, — сказала Надежда Васильевна, — он хочет взять мою руку и мое сердце.]

Миша закрылся платком. [— Согласен ли ты, — спросила его сестра, — чтоб я вышла за него замуж?]
[434] Л. 196 — [— Вот, слышите, я не могу, — обратилась Н⟨адежда⟩ В⟨асильевна⟩ к гостям.]
[435] Л. 196 — [в таком вопросе]
[436] Л. 196 — [младшего]
[437] Л. 196 — [как старшая сестрица]
[438] Л. 196 об. — [— Вот видите, я не могу, — опять сказала Н⟨адежда⟩ В⟨асильевна⟩]
[439] Л. 197 — [с него штанишки, с позволения сказать, спустить,]
[440] Л. 197 — [замуж. Я тебе решительно запрещаю. А не то я тебя тоже прутиком.

И он крепко прижал платок к лицу и убежал, рыдая, спотыкаясь на мебель, едва не падая.]
[441] Л. 197 об. — [Он к этому не привык. Ему никогда так не доставалось, и вдруг.]
[442] Л. 198 об. — [Это дело решенное.]
[443] Л. 198 об. — [почувствовал вдруг, что ему надоело все это сватанье. Он]

444 Л. 198 об. — [— ходит в дом,]
445 Л. 198 об. — [с видом отчаяния,]
446 Л. 198 об. — [Не поминайте лихом. Видно не суждено.]
447 Л. 199 — [Они ушли, смущенные, растерявшиеся от неожиданного отказа. Оба они были уверены в успехе, — и вдруг!]
448 Л. 199 — [браня и Адаменок, и Володина.]
449 Л. 199 — [Ишь ты,] богачь какой [выискался! С паршивой собаки, хоть шерсти клок. Ты, Павел Васильевич, дурака свалял.]
450 Л. 199—199 об. — [все-таки давать уроки]
451 Л. 199 об. — [М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, захочет мстить.]
452 Л. 199 об. — [Да, трудно подвигаться на свете, даже и с протекцией!]
453 Л. 200 об. — [Но она не захотела, ну, что ж, пускай поищет другого, получше.]
454 Л. 200 об. — [как-нибудь]
455 Л. 201 — [Ни Володин, ни Передонов не понимали ясно, что это над ними просто шутили, и что и без Сашина запрещения дело их было безнадежно.]
456 Л. 201 — [Мальчишка тебя подковырнул.]
457 Л. 201 — [— Что ж такое, галстук и для другой пригодится.]
458 Л. 201 об. — [Туда же, в женихи полез. Эх ты, жених!]
459 Л. 201 об. — [на самом деле]
460 Л. 201 об. — [каком-нибудь]
461 Л. 201 об. — [нежданных]
462 Л. 201 об. — [уже не сдерживаясь.] Сестра [взяла его]
463 Л. 202 — [— Право, не надо, — упрашивал Миша, — ты на радостях меня прости.
— Нельзя.]
464 Л. 202 об. — [открыла ее, сделала вид]
465 Л. 202 об. — [— Скоро же, — спокойно отвечала она.
— Вот, я давно стою.
— Зачем же стоишь?
— Отпусти.]
466 Л. 202 об. — [— И простоишь целый день.
— Хоть два дня.]
467 Л. 422 — [Сестры даже бранили ее, — за расходы и за чрезмерную пахучесть.]
468 Л. 221 об. — [— Не спорь, Антоша, не спорь, лучше признаваться откровенно, — закричала мать, и, качая сына за плечо, повторяла: — признавайся, признавайся поскорее.
Отец подбежал к ней, оттолкнул от нее Антошу, и закричал:
— Возится, дерется, — отчего я раньше ничего об этом не слышал? Возится, дерется, с кем, позвольте узнать?]
469 Л. 221 об. — [— Вот и узнаете. Вы думаете, у нас станут держать таких шалунов, — сердито говорил Передонов. — Высечь бы его хорошенько.

— Было бы еще за что, — кричал Гудаевский. — Нет, я сам пойду.]

[470] Л. 222 — [чтоб его из гимназии исключили?]

[471] Л. 222 — [— Я ничего не шалил, это неправда, — отчаянно кричал Антоша, — вы, должно быть, другого видели, а не меня.

— Сечь, сечь тебя, сечь! — злобно и визгливо кричала мать.]

[472] Л. 222 — [Они бегали по комнате, бестолково махали руками, и ленты Гудаевской развевались во все стороны, — оба они кричали, и Антоша кричал, и Передонов повторял свои сердитые угрозы и жалобы.]

[473] Л. 222 об. — [схватив сына за руку,]

[474] Л. 222 об. — [Вы чего тут смутьянить пришли?]

[475] Л. 223 — [На большую дорогу грабить пойдет!]

[476] Л. 223 — [— Сечь его надо! — визжала мать.

— Не дам, не позволю, — кричал отец.]

[477] Л. 223 об. — [— Я об его же пользе забочусь, — бормотал Передонов, — что ж, коли он нашалил, надо исправить.

— Избавьте от ваших забот! Ваше дело учить, а для поведения есть классный наставник, а у моего Антоши не вы классный наставник, вы и не суйтесь.]

[478] Л. 225 — [и потом угрюмо]

[479] Л. 225 об. — [Немедленно же иду приготовлять инструмент исправления моего миленького Антоши.]

[480] Л. 226 — [прочитал письмо и отрывисто захохотал. Он был рад.]

[481] Л. 226 — [— Ишь ты, дела завелись, по ночам шататься, — крикнула ему в след Варвара, но уже он не слышал.]

[482] Л. 226 об. — [На улицах было тихо.]

[483] Л. 229 — [недовольно]

[484] Л. 229 — [Антоша еще не знал в чем дело, но уже решительный вид у матери напугал его и заставил подозревать что-то страшное.]

[485] Л. 230 — [— Ничего, ничего, голубчик, — отвечала мать, — раздевайся скорее, это тебе будет очень полезно. Ничего, не бойся, это заживет скоро, — утешала она, и проворно раздевала Антошу.

Полураздетый Антоша сопротивлялся, брыкался ногами, и кричал.]

[486] Л. 231 об. — [Вы поступили так благородно, так благородно.]

[487] Л. 231 об. — [И потом еще сказала несколько непередаваемых слов. Передонов тупо удивился, но однако охватил руками ее талию, поцеловал ее в губы, — и она впилась в его губы долгим, жадным поцелуем. Потом она вырвалась из его рук, метнулась к двери, заперла ее на ключ, и быстро принялась раздеваться.]

[488] Л. 232 — [как всегда, и не улыбался, и шептал что-то про себя]

[489] Л. 232 — [убьет? донесет? неизвестно.]

[490] Л. 232 — [домой. Она обрадовалась, он часто приходил гораздо позже.]

[491] Л. 232 — Передонов [был мрачен и молчалив больше обыкновенного. Ему все]

[492] Л. 232 — [— По ночам карты треплешь.

— Что ж, тебе жалко, — отвечала Варвара.]

493 Л. 233 — [отправляясь в гимназию и вспоминая вчерашний вечер и ночь,]
494 Л. 233 об. — [а не девочка,]
495 Л. 233 об. — [хочет, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, пустить по городу скандальный слух.]
496 Л. 233 об. — [Вы заставляете меня страдать мигренями.]
497 Л. 234 об. — [Надеюсь, этого будет достаточно, чтобы рассеять ваши сомнения.]
498 Л. 234 об. — [слушал его угрюмо и молча. Он]
499 Л. 234 об. — [Если бы дело было чисто, — думал Передонов, — то отчего бы и его не позвать при докторе? Видно, нельзя показать. Плуты!]

Хрипач встал, показывая, что разговор кончен. Но Передонов не двигался. Хрипач вопросительно посмотрел на него.]
500 Л. 234 об. — [— сухо, с оттенком раздражения в голосе,]
501 Л. 235 — [и много за ним блох водится.]
502 Л. 235 — [а Коковкина их сводит. И Передонов с грубою откровенностью рассказал директору, в чем он подозревает Пыльникова. Хрипач слушал с явною досадой.

— Это совсем невероятно, — досадливо сказал Хрипач, — и мне очень жаль, что вы с таким доверием относитесь к недостойным сплетням, доходящим к вам, очевидно, из каких-то очень низменных кругов.

— Ну да, — возразил Передонов, — вы халатно относитесь к этому, а может выйти скандал!]
503 Л. 235 об. — [какие-то]
504 Л. 235 об. — [никакими]
505 Л. 236 — [в 1 класс. Он взял тетради гимназистов.]
506 Л. 236 — [подумал немного,]
507 Л. 236 — [последнюю]
508 Л. 236 — [Он давно уже собирался мстить за неудачу своего сватовства.]
509 Л. 236 об. ⟨*После интервала:*⟩ — [Антоша Гудаевский уже спал, когда отец вернулся из клуба. Утром]
510 Л. 236 об. — [Перед обедом]
511 Л. 237 — [но отец и не обращал на это внимания.]
512 Л. 237 — [какого-то необычайно увлекательного]
513 Л. 237 — [спиной к матери,]
514 Л. 237 об. — [— Подло! Преподло! Анафемски расподло! — кричал Гудаевский, — как ты осмелилась без моего ведома?

— И еще высеку, назло тебе высеку, — кричала Гудаевская, — каждый день буду сечь.]
515 Л. 237 об. — [из отцовских рук]
516 Л. 237 об. — [Да нет, я не таковская.

И вдруг]
517 Л. 237 об. — [— Бунт! Измена! Караул! — закричал Гудаевский.]

518 Л. 238 — [и хлопали друг друга по щекам.]
519 Л. 238 об. — [— Возьму!
— Не дам!]
520 Л. 238 об. — [погубите!]
521 Л. 238 об. — ·[одновременно]
522 Л. 238 об. — [в обе стороны,]
523 Л. 238 об. — [Это казалось ему самым удобным безопасным местом.]
524 Л. 239 об. — [струсил и]
525 Л. 240 об. — [Прибежали горничная и нянька, и разняли господ.]
526 Л. 241 — [По-прежнему на его уроках гимназисты хохотали.]
527 Л. 241 — по своей всегдашней придурковатости
528 Л. 241 об. — [— У меня были свои соображения, — угрюмо сказал Передонов, — потому я так и поставил.

— Какие соображения? — осведомился Хрипач.

— Учитель имеет право ставить отметки, — сказал Передонов. — Нельзя же из-за каждой двойки объясняться.

— Мне ничего не известно о праве учителей ставить отметки, — сухо возразил директор. — Существующими правилами учителям вменяется в обязанность оценивать познания учеников известным способом. Это — не право, а обязанность, и, как всякая обязанность, должна быть исполнена с соблюдением должной справедливости.]

529 Л. 242 — [Если бы Передонов обладал хоть какой-нибудь наблюдательностью, его бы испугало решительное выражение в этих сверкавших глазах: он понял бы, что мальчик задумал что-то дерзкое. Но Передонов ничего не замечал.]

530 Л. 242 об. — [Да так это и было. Ведь везде могли спрятаться соглядатаи. Вследствие этого постоянного всматриванья за предметы, они]

531 Л. 242 об. — [Крамаренко шел за Передоновым, и пережидал редких прохожих. Когда никого по близости не было, Крамаренко пошел быстро, и скоро догнал Передонова.]

532 Л. 243 — [решительный и злой]
533 Л. 243 — [бледный и злой,]
534 Л. 243 об. — [Ему было грустно, и он не смотрел на окружавшие его предметы. Он проходил мимо Вершинского сада.]
535 Л. 243 об. — [вздрогнул. Он]
536 Л. 243 об. — [и испугался.]
537 Л. 244 — [— завидно стало:]
538 Л. 244—244 об. — [— Вы в один тираж выиграете, а я в другой, — сказала Вершина примирительно. — Мне и по картам всё выходит исполнение желаний.

— Нет, вы не выиграете, — сердито повторил Передонов, — это никогда не бывает, что в одном городе подряд в два тиража выигрыши. Это я выиграю.

Желание Вершиной выиграть двести тысяч казалось ему в высшей степени нахальным и недобросовестным, и он не шутя сердился на нее.]

539 Л. 244 об. — [и перестала говорить о выигрыше.]

[540] Л. 245 об. — [— Выпейте хоть стаканчик, — быстро проговорила Вершина, — теперь самое такое время, чтобы чаю выпить.

— Один стаканчик, — повторила за нею и Марта неискренним голосом.

— Не хочу, — сердито повторил Передонов.]

[541] Л. 245 об.—246 — [Вершина все нет-нет да и начнет угощать его.

— С вареницем, — сказала она.

Передонов посмотрел на варенье.]

[542] Л. 246 — [Он думал, что принука ему есть, а почета нет.]

[543] Л. 246 — [и говорил неуклюжие любезности]

[544] Л. 246 — [будет невестой, а потом]

[545] Л. 246—246 об. — [С Муриным эти мечты осуществились бы, — чего же больше!]

[546] Л. 246 об. — [Но Марта смотрела на него, как на какого-то совсем неинтересного человека, который не годится в женихи, как смотрят на незанимательных мальчиков, на нищих, на неодушевленные предметы. Это злило Передонова, как измена.]

[547] Л. 247 — [с таким видом]

[548] Л. 247 — [шельмец. А то по квартирам живет, сердце неспокойно.]

[549] Л. 247 об. — [— Ну да, их пороть надо, — сказал Передонов.

— Понадобится, и выдерем, вы на этот счет не беспокойтесь, матушка Наталья Афанасьевна, — говорил Мурин.

Передонову было досадно, что Мурин, отвечая на его слова, обращается не к нему, а к Вершиной. «Невежа», — подумал он.

— Вы только слово скажите, — продолжал Мурин, — я его возьму на квартиру да так разделаю, что он у меня будет помнить.

— Ну да, — спросил Передонов, — он заплачет, вы и бросите⟨?⟩ Нет, вот я на днях так их разжелудил некоторых.

Он хотел рассказать, как ходил сечь гимназистов, но вдруг вспомнил, как Крамаренко обругал его сейчас на улице, — вспомнил, и испуганно примолк.]

[550] Л. 248 — [о наказаниях,]

[551] Л. 248 — [бесчисленные]

[552] Л. 248 — [разве уж очень весело станет, так захохочет.]

[553] Л. 248 об. — [«Марте нужно выйти замуж, — думала она, — а я, слава Богу, могу и подождать».]

[554] Л. 249 — [Вершина, криво улыбаясь, сказала:

— Так закричала, что меня разбудила. Я думала, что пожар, вскочила, испугалась, а это оказывается моя Марта о ста рублях плачет.]

[555] Л. 250 — [Я и больше для вас не пожалею, ей-Богу, право!]

[556] Л. 250 — [— Шальные деньги, — проворчал Передонов.]

[557] Л. 250—250 об. — [коли чуть что, вы его за ушонки, да за волосенки. Не обидьте, матушка, Марта Станиславовна.]

[558] Л. 250 об. — [Да что ж, ведь он это вам платит за то, чтобы вы за Ваней присматривали.]

559 Л. 250 об. — [Передонов злобно сказал:

— Вам с ним не справиться будет, он большой, он сам вас поколотит.

— Не посмеет, матушка Марта Станиславовна, — отвечал Мурин, — да чуть если что, так я с него две шкуры спущу, вы мне только слово скажите.

— И так обойдется, — сказала Марта, — он и так будет слушаться.

— Ну, а будет слушаться, ему же лучше будет. А уж я вот как буду благодарить, за этим не постою.]

560 Л. 251 — [Передонов злобно теребил скатерть, отрывая с ее концов кисти.]

561 Л. 250 — [и ему стало жалко, что он отказался.]

562 Л. 251 об. — [— Уж мы другой раз, — улыбаясь, сказала Вершина.]

563 Л. 251 об. — [Марта с радостной улыбкой смотрела на Владю: она знала, что это он сказал слесарятам, и была довольна тем, что они напакостят Передонову.]

564 Л. 252. — [И опять городовые попадались.]

565 Л. 252 об. — [Передонов достал леденец, и принялся сосать его, но и царская карамель не услаждала его горьких размышлений, и страшно ему было, и тоскливо.]

566 Л. 253 — [начальнической]

567 Л. 253 об. — [Передонов испугался. Убежал, — куда, зачем?]

568 Л. 254 — [На душе у него делалось легче.]

569 Л. 256 об. — [Выпили водки, закусили селедкой, Варвара крикнула:

— Клавдюшка, суп неси! Суп неси, слышишь, что ли, разглушье?

Передонов подошел к комоду. Там стоял аристон. Передонов, с тупым и угрюмым лицом, принялся вертеть его. Полились скрипучие, жидкие, однообразно-механические звуки. Передонова утешало, что само играет. Музыки он не понимал и не любил, а эта механическая игрушка забавила его.

Клавдия суетливо принесла суп.]

570 Л. 256 об. — [что встретил сегодня Передонов]

571 Л. 256 об. — [что я тебе скажу.]

572 Л. 257 — [Не берет, — подумал он, — губа-то у него, видно, не дура.]

573 Л. 257 об. — [с обиженным видом]

574 Л. 257—259 — [Варвара не умела молиться, не имела никаких мыслей о Боге и никаких набожных чувств, но у нее была своя религия, которой она строго следовала, — религия примет, гаданий, снов, — бездушный культ, свободный от заповедей, пригнетающий к земле, лишенный всего возвышенного и чистого.

После обеда Передонов лег спать, как всегда, если не шел на биллиард. Во сне ему снились всё бараны, да коты, которые ходили вокруг него, блеяли и мяукали внятно, но слова у них были все поганые, и бесстыже было всё, что они делали.

Выспавшись, отправился он к купцу Творожкову, отцу двух гимназистов, жаловаться на них. Он был уже разлакомлен успехом прежних посещений, и казалось ему, что и теперь будет удача. Творожков — человек простой, ученый на медные деньги, сам разжился; вид у него суровый, говорит он мало, держит себя

строго и важно, мальчики его, Вася и Володя, боятся его, как огня. Конечно, он им задаст такую порку, что чертям тошно станет.

И, видя как сурово и молчаливо выслушивает Творожков его жалобы, Передонов все более утверждался в этой своей уверенности. Мальчики, четырнадцатилетний Вася и двенадцатилетний Володя, стояли, как солдатики, вытянувшись перед отцом, но Передонова удивляло и досадовало то, что они спокойно смотрят и не обнаруживают страха. Когда Передонов кончил и замолчал, Творожков внимательно посмотрел на сыновей. Они еще более вытянулись, и смотрели прямо на отца.

— Идите, — сказал Творожков.

Мальчики поклонились Передонову и вышли. Творожков обратился к Передонову:

— Много чести для нас, милостивый государь, что вы изволили так побеспокоиться относительно моих сыновей. Только мы наслышаны, что вы и ко многим другим так же ходите, и тоже требуете, чтобы родители стегали своих мальчиков. Неужели у вас так вдруг в гимназии расшалились ребята, что и справы с ними нет? Всё было хорошо, а тут вдруг порка да порка.

— Коли они шалят, — смущенно пробормотал Передонов.

— Шалят, — согласился Творожков, — уж это известное дело; они шалят, мы их наказываем. Только мне удивительно, — уж вы меня извините, милостивый государь, коли что не так скажу, — удивительно мне очень, что из всех учителей вы один так себя утруждаете, и таким, с позволения сказать, неподходящим занятием. Своего сына, известно, иногда постегаешь, — что же делать, коли заслужит, а чужим-то мальчикам под рубашки заглядывать как будто бы оно для вас и лишнее дело будет.

— Для их же пользы, — сердито сказал Передонов.

— Эти порядки нам хорошо известны, — возразил сейчас же Творожков, не давая ему продолжать, — провинится гимназист, его в гимназии накажут, как по правилам следует; коли ему неймётся, родителям дадут знать, или там в гимназию вызовут, классный наставник или там инспектор скажет, в чем его вина; а уж как с ним дома поступить, это родители сами знают, по ребенку глядя, ну и опять же по вине. А чтоб учитель там какой сам от себя ходил по домам, да требовал, чтобы пороли мальчиков, — таких порядков нет. Сегодня это вы пришли, завтра другой придет, послезавтра — третий, а я каждый день своих сыновей драть буду? Нет уж, слуга покорный, это не дело, и вы, милостивый государь, стыдитесь таким несообразным делом заниматься. Стыдно-с!

Творожков встал, и сказал:

— Полагаю, что больше нам не о чем беседовать.

— Вот вы как поговариваете? — угрюмо сказал Передонов, смущенно подымаясь с своего кресла.

— Да-с, вот так, — отвечал Творожков, — уж вы меня извините.

— Нигилистов растить хотите, — злобно говорил Передонов, неловко пятясь к двери, — донести на вас надо.

— Мы и сами донести умеем, — спокойно отвечал Творожков.

Этот ответ поверг Передонова в ужас. О чем собирается донести Творожков? М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, во время разговора, — думал Передонов, — я что-нибудь сболтнул, проговорился, а он подцепил. У него, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, под диваном такая машинка стоит, что все опасные слова записывает. Передонов в ужасе бросил взгляд на диван, — и там, показалось ему, зашевелилось что-то маленькое, серенькое, зыбкое, дрожащее издевающимся смехом. Передонов задрожал. Не надо только выдавать себя, — пронеслась в его голове быстрая мысль.

— Дудки, меня не поймаете! — крикнул он Творожкову, и поспешно пошел из комнаты.]

575 Л. 259 об. — [какой-нибудь]

576 Л. 260 — [положить его в сюртук.]

577 Л. 260 — [принялся искать,]

578 Л. 260 — [струсила]

579 Л. 260 об. — [Ей, известно, не жалко.]

580 Л. 260 об. — [Это событие весьма встревожило Передонова.]

581 Л. 260 об. — [Но почему не боится?]

582 Л. 260 — [Да и Творожков тоже вчера говорил что-то непонятное, грозил доносом.]

583 Л. 260 об. — [на уроке у Передонова]

584 Л. 261 — [Не лучше было и с Творожковыми. Оба брата смотрели на Передонова совершенно спокойно, как будто ничего и не случилось, — выдержанные были мальчики, — но Передонову в их спокойных глазах чудилась какая-то угроза. Чего они смотрят? — тоскливо думал он, — что они злоумышляют?]

585 Л. 261 — [И точно, неприятное объяснение ожидало его.]

586 Л. 261 — [Вчера Творожков приехал к нему и рассказал многое.]

587 Л. 261 об. — [Хрипач, чтобы отчасти спасти учителев авторитет, сказал Бультякову:

— Сами виноваты, — не шалите, не ленитесь.

Но Бультяков решительно возразил:

— У нас, Николай Власьевич, есть свой классный наставник. Ардальон Борисыч, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, и не совсем здоров, что ж терпеть из-за него истязания.

Тогда Хрипач бросил всякие заботы о соблюдении трудно-соблюдаемых в этих условиях приличий, и не менее решительно сказал:

— Вперед вам не придется подвергаться чему-либо подобному. Я приглашу к себе и Ардальона Борисовича. Идите и будьте спокойны.]

588 Л. 262 — [никогда]

589 Л. 252 — [сам нигилист]

590 Л. 262 об. — [— Поймите, Ардальон Борисыч, — решительно сказал Хрипач, — что педагогу неприлично заниматься сечением...

— Я не сам секу, я только гляжу, — оправдывался Передонов, — секут родители.

Хрипач сухо и коротко рассмеялся и сказал:

— Это не меняет дела.

— Для их же пользы, — бормотал Передонов.]

591 Л. 265 — [Хлопоты об угощении приглашенных казались Варваре большим и значительным делом. Она была ленива. Одно, чем она занималась, — присмотреть за кухонной стряпней. Иногда, преодолевая леность, сама стряпала, но больше из жадности, чтоб прислуга не украла. Когда же не было стряпни, она сидела, ничего не делая, — не читала, не вязала, не шила, не раскладывала карт. Даже гадали ей другие.

На новоселье] позвали всех своих знакомых, [— и все они, конечно, придут. Мебели и посуды оказалось мало. Передонов и Варвара как-то не умели обзавестись полным хозяйством. Заняли у Преполовенских ломберный стол и кое-что из посуды, и у других знакомых тоже, у кого что.]

592 Л. 265 об. — [со своего портрета]

593 Л. 265 об. — [сортир]

594 Л. 265 об. — [в карты]

595 Л. 266 — [и тогда худо будет]

596 Л. 266 об. — [вместо форменной фуражки]

597 Л. 267 об. — [только]

598 Л. 267 об. — [очевидно]

599 Л. 267 об. — [красовалась]

600 Л. 267 об. — [Она известная ереснйца.]

601 Л. 268 — [бормотал что-то,]

602 Л. 268 об. — [т⟨ак⟩ ч⟨то⟩ Передонов не успел хорошенько выспаться после обеда]

603 Л. 268 об. — [булок]

604 Л. 268 об. — [напр⟨имер⟩, два одинаковых пирога.

Закуска и водка были уже приготовлены, и выпиванье и закусыванье начинались сразу же с приходом каждого нового гостя: вновь пришедший должен был догонять, а пришедшие раньше не отказывались составить компанию.]

605 Л. 268 об. — [Скоро гости заметили, что у всех фигур глаза выколоты. Прежде всех заметила это Грушина.]

606 Л. 269 — [Оказалось, что все фигуры лишены глаз.]

607 Л. 269 — [Я и не видела, когда это он успел им всем глаза повыколоть.]

608 Л. 269 об. — [— Чудак! — крикнул Рутилов, хлопая его по плечу.]

609 Л. 269 об. — [Все это наводило на Передонова страх.]

610 Л. 269 об. — [— Что ж, коли вам сегодня не везет, — наставительно сказала Софья, — карты не виноваты.

— А чего они кривляются? — злобно возразил Передонов.]

611 Л. 270 об. — [узнавшие от Влади, кто выдал их Вершиной.]

612 Л. 270 об. — [директор как-нибудь сторонкой натравил кого-нибудь из гимназистов на Передонова, —]

613 Л. 270 — [— с хохотом крикнул]

614 Л. 271—271 об. — [Но это не утешило Передонова, — он сохранял вид удрученного чем-то тягостным человека.

Продолжали играть, и часто подходили к столику с водкой. В первом часу ночи сели ужинать, за ужином опять много пили, все опьянели, держали себя бесчинно. Передонов принес из кухни кусочек угля и намалевал Грушиной усы. Грушина была так пьяна, что не понимала, в чем дело, и сама хохотала вместе со всеми. Ей принесли зеркало. Увидя свои усы, она обиделась, стала ругаться крикливо и неприлично, но не уходила, пока все не собрались уходить. Всем было весело. Уходя, благодарили хозяев за приятно проведенный вечер.]

615 Л. 272 об. — [— А чего они шляются, — пробормотал Передонов.

— Кто шляется? Налил глаза винищем, — ругалась Варвара.]

616 Л. 273 об. — [Такой же рыжий и отрепанный.]

617 Л. 274 — [Прибежала] Клавдия [и]

618 Л. 274 — [Плясать, так плясать!]

619 Л. 274 об. — [Передонов и Володин старались друг перед другом, но Володин выделывал чище и лише.]

620 Л. 274 об. — [Он знал, что пляшет ловко, и у него был глупо-радостный вид.]

621 Л. 274 об. — [— Ай да кадрель! — визгливо вскрикивала она.]

622 Л. 274 об. — [Когда] устали

623 Л. 275 — [— Ай да Варвара, молодец! — крикнул Мурин.

— Что же, — завистливо краснея, сказал Фаластов, — привалило тебе счастье. Коли обещает, значит, сделает. Такая особа, имеет вес.]

624 Л. 275 — [Передонов показал и конверт, и говорил для пущей убедительности:

— При мне принесли.

Очевидно, что уж тут не могло быть никакого обмана. Все так и понимали, и верили.]

625 Л. 501 — [— Нет, вы угадайте, — упрямо повторил Передонов, — коли думать умеете.

— Нет, уж где мне, — опять сказала Вершина.]

626 Л. 501 — [смотрела на него,]

627 Л. 501 об. — [конверт и уверенный барский тон письма заставили ее разом поверить,]

628 Л. 502 — [Видно было, что ей трудно совладать со злобою.]

629 Л. 502 — [Передонов радостно захохотал.]

630 Л. 502 — [чёрт возьми!]

631 Л. 502 об. — [ну, а уж теперь пусть-ка выкусят.]

632 Л. 502 об.—503 — [Она поняла, что ее радует намерение Передонова жениться не на ней, а на Варваре, — словно это было ее избавление от какой-то опасности.]

633 Л. 503 — [— Ну? ты рада, нешто? — спросил Владя.

— Еще бы, — с таким чёртом связаться.

— Зачем же тянулась?

— Я ведь не сама.

— А как...

Владя хотел что-то укоризненное сказать, но вдруг остановился и радостно крикнул:

— Ей-Богу, и хорошо! Ну их к чёрту.]

634 Л. 503 — [— Как станете вашу Марту замуж выдавать — сами узнаете, сколько хлопот. Так что лучше и не удерживайте, — некогда.]

635 Л. 503 об.—508 — [Конечно, Передонов этого не заметил. Он был весь поглощен своею радостью. Марта вернулась в беседку, когда уже Передонов ушел. Она вошла в нее с некоторым страхом: что-то скажет Вершина.

Вершина была в [жестокой] досаде: до этой поры она не теряла надежды пристроить Марту за Передонова, самой выйти за Мурина, — и вот, всё нарушено. Она быстро и негромко сыпала укоризненными словами, поспешно пускала клубы табачного дыма и сердито поглядывала на Марту.

Вершина любила ворчать. Вялые причуды, потухающая вялая похоть поддерживали в ней чувство тупого недовольства, и оно выражалось всего удобнее ворчаньем. Сказать вслух — вышел бы ясный вздор, — а ворчать, все нелепое изливается через язык, — и не заметишь, ни сама, ни другие, несвязности, противоречий, ненужности всех этих слов.

Марта [плакала, и молчала, и упорно думала, что так лучше вышло, что Передонов противный.] Может быть, только теперь [она] поняла, насколько Передонов ей противен, после всего, что случилось с ним и из-за него. Марта мало думала о любви. Она мечтала о том, что выйдет замуж и будет вести хорошо хозяйство. Конечно, для этого надо, чтобы кто-нибудь влюбился в нее, и об этом ей было приятно иногда подумать, но это было не главное.

[Когда Марта мечтала о своем хозяйстве, то ей представлялось, что у нее будет точь в точь такой же дом, и сад, и огород, как у Вершиной. Иногда ей сладко мечталось, что Вершина всё это ей подарила, и сама осталась жить у нее, курить папиросы и журить ее за леность.]

— Не сумели заинтересовать, — сердито и часто говорила Вершина, — сидели всегда пень пнем. Чего вам еще надо? Молодец мужчина, кровь с молоком. Я о вас забочусь, стараюсь, вы бы хоть это ценили и понимали, — ведь для вас же, так и вы бы с вашей стороны хоть чем-нибудь его завлекли.

— Что ж мне ему навязываться, — тихо сказала Марта, — я ведь не Рутиловская барышня.

— Гонору много [— шляхта голодраная!] — ворчала Вершина.

— Я его боюсь, — я за Мурина лучше выйду, — [плача] сказала Марта. [Еще более раздражили эти слова Вершину. Она быстро ходила по беседке, натыкалась на ее стенки, и] Вершина говорила:

— За Мурина! Скажите пожалуйста! Уж очень вы много себе воображаете! За Мурина! Возьмет ли он еще вас. Что он вам иногда ласковые слова говорил, так это еще м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩ и вовсе не для вас. Вы еще и не стоите такого жени-

ха, — солидный, степенный мужчина[, а вы вертушка, дрянная девчонка]. Покушать любите, а подумать — голова болит.

Марта ярко покраснела: она любила есть, и могла есть часто и много. Воспитанная на деревенском воздухе, в простых и грубых трудах, Марта считала обильную и сытную еду одним из главных условий людского благополучия.

[— Ну, чего разрюмилась, дрянь этакая.]

Вершина вдруг метнулась к Марте, ударила ее по щеке своею маленькою сухою ручкой и крикнула:

— На колени, негодяйка.

Марта, тихо всхлипывая, встала на колени, и сказала:

— Простите, Наталья Афанасьевна.

— Целый день продержу на коленях, — кричала Вершина, — да платье тереть не изволь, оно деньги плачено, на голые колени стань, платье подыми, а ноги разуй, — не велика барыня. Вот, погоди, еще розгами высеку.

Марта, послушно присев на краешек скамейки, поспешно разулась, обнажила колени и стала на голые доски. Ей словно нравилось покоряться и знать, что ее отношениям к этому тягостному делу наступает конец: накажут, подержат на коленях, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, даже высекут, и больно, а потом все же простят, и всё это будет скоро, сегодня же.

Вершина ходила мимо тихо стоявшей на коленях Марты, и чувствовала жалость к ней, и обиду на то, что она хочет выйти за Мурина. Ей приятнее было бы выдать Марту за Передонова или за кого другого, а Мурина взять себе. Мурин ей весьма нравился, — большой, толстый, такой добрый, привлекательный. Вершина думала, что она больше подходила бы для Мурина, чем Марта. Что Мурин так засматривается на Марту и прельщается ею, — так это бы прошло. А теперь, — теперь Вершина понимала, что Мурин будет настаивать на том, чтобы Марта вышла за него, — и мешать этому Вершина не хотела: какая-то, словно материнская, жалость и нежность к этой [наказанной] девушке овладевала ею, — и она думала, что принесет себя в жертву, и уступит Марте Мурина. И эта жалость к Марте заставляла ее чувствовать себя доброй, и гордиться этим, — и в то же время боль от погибшей надежды выйти за Мурина жгла ее сердце желанием дать Марте почувствовать всю силу своего гнева, и своей доброты, — и всю вину Марты. Вершиной тем-то особенно и нравились Марта и Владя, что им можно было приказывать, ворчать на них, иногда наказать их. Вершина любила власть, и ей очень льстило, когда провинившаяся в чем-нибудь Марта по ее приказанию беспрекословно становилась на колени [или ложилась под розги].

— Я всё для вас делаю, — говорила она. — Я еще и сама не старуха, еще и сама бы могла пожить в свое удовольствие, и выйти замуж за доброго и солидного человека, чем вам женихов разыскивать. Но я о вас больше забочусь, чем о себе. Одного жениха упустили, теперь я для вас, как для малого ребенка, другого должна приманивать, а вы опять будете фыркать, и этого отпугаете.

— Кто-нибудь женится, — стыдливо сказала Марта, — я не урод, а чужих женихов мне не надо.

— Молчать! — прикрикнула Вершина. — Не урод! Я, что ли, урод? [Наказана, да] еще разговариваешь. Ты, мать моя, сперва научись сама жить, а теперь еще в чужих платьях ещё ходишь, так будь поскромнее, да слушайся, а то ведь не на одного Владю розги найдутся. Видно, мало. Да и, конечно, надо тебя, миленькая, хорошенько пробрать, чтоб ты слушалась, делала, что велят, да не умничала. С глупа ума умничать — толку не жди.

Марта дрожала, и смотрела, жалко поднимая заплаканное и покрасневшее лицо, с робкою, молчаливою мольбою в глаза Вершиной. В ее душе было чувство покорности и готовности сделать всё, что велят, перенести всё, что захотят с нею сделать, — только бы узнать, угадать, чего от нее хотят. И Вершина чувствовала свою власть над этой девушкою, — и это кружило ей голову, и какое-то нежно-жестокое чувство говорило в ней, что надо обойтись с Мартою с родительской суровостью, для ее же пользы.

«Она привыкла к побоям, — думала она, — без этого им урок не в урок, они слов не понимают, они уважают только тех, кто их гнет».

— Пойдем-ка, красавица, домой, — сказала она Марте, улыбаясь, — вот я тебя там угощу отличными розгачами.

Марта заплакала снова, но ей стало радостно, что дело идет к концу. Она поклонилась Вершиной в ноги, и сказала:

— Вы мне — как мать родная, я вам так много обязана.

— Ну, [пожалуйте] пошла, — сказала Вершина, толкая ее в плечо.

Марта покорно встала и пошла босиком за Вершиной. Под одной березой Вершина остановилась и с усмешкой глянула на Марту.

— Прикажете нарвать? — спросила Марта.

— Нарви, — сказала Вершина, — да хорошеньких.

Марта принялась рвать ветки, выбирая подлиннее и покрепче, и обрывала с них листья, а Вершина с усмешкой смотрела на нее.

— Довольно, — сказала она наконец, и пошла к дому.

Марта шла за нею и несла громадный пук розог. Владя повстречался с ними и испуганно посмотрел на Вершину.

— Вот я твоей сестрице сейчас розог дам, — сказала ему Вершина, — а ты мне ее подержишь, пока я ее наказывать буду.

Но, придя домой, Вершина передумала: она села в кухне на стул, Марту поставила перед собой на колени, нагнула ее к себе на колени, подняла сзади ее одежды, взяла ее руки и велела Владе ее сечь. Владя, привыкший к розгам, видевший не раз дома, как отец сек Марту, хоть и жалел теперь сестру, но думал, что если наказывают, то надо делать это добросовестно, — и потому стегал Марту изо всей силы, аккуратно считая удары, — пребольно было ей, и она кричала голосом, полузаглушенным своей одеждою и платьем Вершиной. Она старалась лежать смирно, но против ее воли ее голые ноги двигались по полу все сильнее, и наконец она стала отчаянно биться ими. Уже тело ее покрылось рубцами и кровяными брызгами. Вершиной стало трудно ее держать.

— Подожди, — сказала она Владе, — свяжи-ка ей ноги покрепче.

Владя принес откуда-то веревку. Марта была крепко связана, положена на скамейку, прикручена к ней веревкой, Вершина и Владя взяли по розге и еще долго секли Марту с двух сторон. Владя по-прежнему старательно считал удары, вполголоса, а десятки говорил вслух. Марта кричала звонко и с визгом, захлебываясь, — визги ее стали хриплыми и прерывистыми. Наконец, когда Владя досчитал до ста, Вершина сказала:

— Ну, будет с нее. Теперь будет помнить.

Марту развязали и помогли ей перейти на ее постель. Она слабо взвизгивала и стонала.

Два дня не могла она встать с постели. На третий день встала, с трудом поклонилась в ноги Вершиной, и, подымаясь, застонала и заплакала.

— Для твоей же пользы, — сказала Вершина.

— Ох, я это понимаю, — отвечала Марта, и опять поклонилась в ноги, — и вперед не оставьте, будьте вместо матери, а теперь помилуйте, не сердитесь больше.

— Ну, Бог с тобой, я тебя прощаю, — сказала Вершина, протягивая Марте руку.

Марта ее поцеловала.]

636 Л. 509 — [увидя барина, подтянулся]

637 Л. 511 — [в духе умеренного народничества]

638 Л. 511 об. — [Тургенев очков не носил, а суетливостью и мягкостью приемов соперничал с Шариком.] Одеты они были [не плохо, но как-то растрепанно и нетщательно, одежды у них были какие-то мятые;] Шарик был [в белом мятом костюме,]

639 Л. 512 — [учителем духовного училища]

640 Л. 512 об. — [неукоснительно]

641 Л. 513 — [И в то же время, какою-то причудою своевольных умов, они видели в нем и привычный тип — «светлую личность»: начальство мол (директор гимназии) преследует.

И теперь они искали с ним встреч, и разговоров с ним и о нем.

— Мы об вас все дифирамбы вот от этого птенца слушаем, — сказал Шарик Передонову.]

642 Л. 513 об.—514 — [— Господа литераторы, отстаньте немного, — попросил Виткевич, — мне надо с его высокомордием нечто серьезное и секретное объясниться.

Писатели отстали.

— А славные ребята, — сказал Виткевич в полголоса, — мочиморды заправские.

Передонов угрюмо проворчал что-то.

Виткевич залепетал, наклоняясь к его уху:

— Научите, почтенный преподаватель российской словесности, — в ножки поклонюсь.

— Ну? — сердито спросил Передонов.

— Да вот относительно юной Хрипачихи, — с умиленным вздохом и похотливым блеском в глазах пояснил Виткевич.

— Что ж? — опять спросил Передонов, сохраняя на лице всё ту же деревянную невыразительность.

— Не поддается ни на какие улещивания, — огорченным голосом говорил Виткевич, — меня раззарила, а сама холодна как лед.

— Добром не хочет, надо нахалом действовать, — сказал Передонов.

— Да как?

— Да так, и не то, чтобы совсем, [по-настоящему, а только например,] а вроде... и Вы удовольствие получите, и она поймет. А ее без церемоний в охапку, и всё тут. Вы знаете, что Хрипач — свинья; ему надо пакость сделать.

Виткевич был рад совету, воспрянул духом, и погано хихикал.

Они остановились и подождали писателей. Писатели подошли, продолжая разговаривать на одну из излюбленных ими тем.]

643 Л. 515 — [Какие горизонты!]

644 Л. 515—515 об. — [— Просвет вперед и просвет назад! Какие два горизонта! Это нечто сверхдемоническое!

Тургенев меж тем напряженно думал, чтобы ему такое сказать изысканное, тонкое и глубокое, — и придумал.]

645 Л. 515 об. — [Шарик не полез за словом в карман.]

646 Л. 516 — [Передонов шел и думал, что вот-то он попорет по деревням школьников, — то-то будет потеха.]

647 Л. 516 — [Передоновым он мог восхищаться без зависти: не писатель.]

648 Л. 387 об. — [— так просто]

649 Л. 387 об. — [тихонько]

650 Л. 387 об. — [Тургенев молчал, томно склонив голову. Он думал, что его печаль — печаль великой души, томящейся в бедных оковах лживого бытия, — и гордился этою печалью.]

Передонов угрюмо шагал посреди них, щурил свои маленькие глаза, и неподвижно и тупо было его сонное лицо.]

651 Л. 388 — [Этот Баран, которого Передонов встречал почти каждый день то в одном, то в другом конце города, — начал надоедать ему.]

652 Л. 390 — [всё злобится!]

653 Л. 390 — [— Что такое? — испуганно спросил Передонов. —]

654 Л. 390 — [Как же теперь быть? — тоскливо думал он.]

655 Л. 390 об. — [(ибо он не мог при всяких обстоятельствах своей жизни не сделать чего-нибудь лишнего)]

656 Л. 391 — [Она все это время думала о коте, и не могла понять, о каком Шарике говорит гость; ну да это после разберется, а теперь...]

657 Л. 390 об. — [Просто Шарик.]

658 Л. 391—391 об. — [Так уж давно повелось, что все знакомые Передонова относились к Варваре неуважительно, с некоторым даже пренебрежением. В разговоре с нею позволяли грязные насмешки, издевки. С ним о ней говорили, — выражались грубо, он не останавливал. Насмехались над ним за нее, и он терпел. Даже новые знакомые заражались этим. Тоже было и с писателями.]

[659] Л. 391 об. — [из-под шкапа]

[660] Л. 391 об. — [припасенные им для кота,]

[661] Л. 391—392 — [В таком обращении с котом они почему-то усмотрели могучее проявление демонизма.] Кот казался им символическим, — вот именно этот, Передоновский кот. [Но символом чего он является, об этом они заспорили.]

[662] Л. 392 об.—393 — [Но все-таки на этот раз я с вами не согласен. Мне кажется, тут есть другая закавыка...

— Какая же однако? — спросил Тургенев, красный и надутый и от похвал, и от несогласия с тем, что Шарик скажет.

— Видите ли, пессимизм, — начал было Шарик.

Но Тургенев резко и презрительно перебил его.

— Ну, нет-с, извините, — пессимизм — пес, собака!

Шарик был поражен.

— Да, вы, конечно, правы, — сказал он. — Но я хочу вот что сказать: коты мудры или нет?

— Мудры, — решительно отвечал Тургенев.

— Заметьте, — продолжал Шарик, — я веду речь только о котах, а не о кошках. Кошки глупы и банальны, коты же — мудры. Коты — гимнософисты, нагомудрецы.]

[663] Л. 393 об. — [Между блуждающих по кровлям котов робко крадется окрыленная песня поэта!

— Превосходно сказано! — в восторге воскликнул Тургенев. — Мяукать — какое символическое слово!

Передонов внезапно зевнул, и при этом лицо его на мгновенье озарилось выражением удовольствия.

— Как он демонически зевает, — задумчиво сказал Тургенев, — как глубоко символична эта мрачно-зияющая реакция на банальную скуку пошлой жизни.]

[664] Л. 394 — [писателям]

[665] Л. 394 — [Вишни стояли на тарелке на столе перед гостями. Передонов время от времени брал по несколько ягод, и сплевывал косточки на пол.

Шарик и Тургенев заговорили с Варварой, и кривлялись при этом, сразу заразившись неуважением к ней. Они видели ее в первый раз, но она напоминала им что-то знакомое.]

[666] Л. 394 об. — [— Ну, я там не был, — высокомерно отвечал Шарик.]

[667] Л. 395 об. — [— Почтение, бабушка, всякому лестно, — вмешался Виткевич.

Но Варвара сразу оборвала его.

— Ну, вы, молокосос, туда же.

Тургенев, улыбаясь и мечтательно закатывая под лоб тусклые глазенки, запел приятным тенорочком:]

[668] Л. 396 — [— улыбаясь,]

[669] Л. 396 — [— А знаете, — вдруг, становясь серьезным, сказал Тургенев Шарику, — я эту эпитафию [Эмилии] вставлю в мою поэму.

— Да, это идет, валяйте, — согласился Шарик. — Вы знаете, господа, Тургенев задумал накатать поэму. — Это будет важнецкая вещь!

— Да, если мне удастся выразить то, что я хочу, — скромно сказал Тургенев.

— Удастся! — торопливо сказал Шарик, — вообразите, это великая мистическая штука, и там будет не Демон, не Сатана, — что черти! вздор, чушь, расчепушенция, — нет, великий враждебный всему идеальному дух, которого Тургенев назвал Баналом! А, каково название!

Тургенев скромно улыбался.

— Да, — сказал он застенчиво, — это будет очень интересное и глубокое по мысли творение. Я уже посвятил его вечности и потомству. Это будет мой chef d'oeuvre.

Передонов вдруг захохотал. Тургенев вздрогнул, и с ненавистью посмотрел на него.]

670 Л. 445 об. — [— часто говорил он. —]

671 Л. 445 об. — [И тот верил, и начал заискивать, и мечтал, и говорил об этом дома, — и там составляли планы, — великолепные планы будущего благополучия. Хорошо мечтается с легким желудком, — а сытая пища враждебна вдохновению.]

672 Л. 415 — [Это неправильно.]

673 Л. 415 — [А вы не смотрите ничего. Надо принюхиваться к тому, чем пахнет сверху.]

674 Л. 415 об. — [У каждого своя дорожка, и все.]

675 Л. 415 об. — [Никто меня не видит, так я что угодно могу делать.]

676 Л. 419 — ⟨*Далее было начато:*⟩

— [Богданов, видя упорство Мачигина, прибег к крайней мере, — отобра⟨л⟩]

677 Л. 446 об.—447 — [На этих сборищах бывало непристойно и пьяно. Грязные велись разговоры, и уж слишком откровенные, — недоставало только непечатных слов. Впрочем, когда в них ощущалась потребность, они произносились на ухо, передавались от одного к другому, не выключая жен, — и все хохотали. Грушина думала, что устраивает развеселые кутежи. Да не было в этих попойках ни восторга, ни размаха, — одно тупое смакование грязи, вялое щекотанье притупленных, ленивых нервов, почти атрофированных от недостатка здоровых упражнений.]

678 Л. 447 — [— они всегда и везде приходили последними.]

679 Л. 447 об. — [Но гости хохотали похотливо.

— Модные картинки! — сказал Рутилов, похотливо посмеиваясь и точа слюну. — Вот бы дамы в гости по такой моде одевались.

— Ну, что вы, разве можно! — отвечала Грушина, хихикая.]

680 Л. 448 — [подпалить Мартино платье.]

681 Л. 449 — [Венчайтесь, да и вся недолга.]

682 Л. 449 об. — [Так при каждой встрече супруги уговаривали Передонова венчаться. Варвара то верила Софьиному к себе расположению (сам Препо-

ловенский в соображение никогда никем не принимался), то объясняла это хитростью.]

683 Л. 451 — [который праздновал свою помолвку с Мартой,]

684 Л. 451 об. — [Меж тем Варвара ушла пошептаться с Грушиной, — не могла без этого.

— Сонька-то чтой-то лебезит, — тихонько говорила она, — всё Ардальона Борисыча венчаться подбивает, а о своей толстомясой уже ни гу-гу.

Грушина, хихикая, сказала:

— У Ардальона Борисыча только дурак не выиграет, так чего им ссориться, точно жалованье получают, что ни месяц.

Варвара, ухмыляясь, ответила:

— Пусть лучше в карты проигрывает, чем с барышнями валандаться. Это мне выгоднее.]

685 Л. 421 — [Видно было, что они очень заняты тем, что побывали в клоповнике, — это словно надмевало их, хотя с чего бы, кажись!]

686 Л. 402 — [— Случись там что-нибудь подобное, — уверял Тургенев, — назавтра же в парламенте! инцидент! нет прецедентов! министерство долой!

— Под суд! — свирепо крикнул Шарик, — в каторгу!]

687 Л. 402 об. — [вечности и]

688 Л. 402 об. — [— Мы коллективно напишем, — сказал Тургенев.

— Мы заорем караул на всю Европу, — крикнул Шарик.]

689 Л. 403 об. — [О, когда же настанет царство гения!]

690 Л. 403 об.—404 — [Уже не первый раз изумляло его то, что многие великолепные его выражения пролетали мимо здешних ушей. Словно их и не слышали. В других местах, по крайней мере, возражали, сердились, ну хоть смеялись, наконец, — по глупости и непониманию. Здесь же только смотрели в рот, — и вот ровно-то ничего не понимали.]

691 Л. 406 — [«Мы тоже не лыком шиты!» — думал он.

— Не всякой душе дано соприкасаться с вечными проблемами бытия, — злобно отвечал ему Тургенев.]

692 Л. 406 об. — [трудовой жизни]

693 Л. 406 об. — [я родич всероссийского скитальчества и ведовства]

694 Л. 407 — [Игроки говорили друг другу грубости, насмехались и дразнили при каждой неудаче.]

695 Л. 409—409 об. — [Скоро, еще не опьянев, все разнуздались. Каждый надеялся, что вечер окончится даровым для него наслаждением. Звали хозяйку на пару слов, и каждый возвращался обескураженным.

Грушина не отказалась бы доставить несколько приятных минут каждому из своих гостей, но не иначе, как за какую-нибудь плату. На намеки она отговаривалась, посмеиваясь:

[— Вот я, например, человек одинокий, скромный, — говорил ей Рутилов.]

— Ишь вы какой? даром-то! Что я за дура! Нет, вы подарите. Подарочек сделайте, тогда и подбивайтесь.

— А даром нельзя? — спрашивал навязчивый, но бережливый гость.
— Ишь, чего захотели!
— Ведь вас не убудет.
— Отваливайте!
Мужчины сняли сюртуки. Стало еще веселее и вольготнее.
— А нам-то и снять нечего, — сказала Варвара.]
696 Л. 412 — [Было темно.]
697 Л. 412 — [Потому и ворчал. В глазах у Передонова все становилось человекообразным и потому враждебным: всякая щель казалась улыбкой, дождь — просто непристойность чья-то с высот.]
698 Л. 489 об. — [— Дурак, щенок! — сердито крикнула Людмила.]
699 Л. 491 об. — [какую-нибудь]
700 Л. 491 об. — [и замолчала]
701 Л. 492 об. — [оделась, и]
702 Л. 492 об. — [Неужели все он дома сидит? Он любит побегать, он непоседа.]
703 Л. 492 об. — [— Чего ж ты ко мне не шел? — смеясь и хмурясь, спрашивала Людмила.]
704 Л. 493 — [врешь,]
705 Л. 493 — [любовно смеясь, забывая гнев,]
706 Л. 365—372 об. — *Далее следует фрагмент: от слов:* «Шарик высоко ценил...», *до слов:* «...наш удел слава, но бессилие». См. дополнение: «„Сергей Тургенев и Шарик". Ненапечатанные эпизоды из романа „Мелкий бес"» с. 370—373 *наст. изд.*
707 Л. 372 об. — [все заботы]
708 Л. 372 об. — [по городу]
709 Л. 372 об. — [25 сентября]
710 Л. 372 об. — [24-го числа, утром.]
711 Л. 372 об.—373 — [И Передонов поверил, что необходимо скрыть день свадьбы, а то и в самом деле помешают. Врагов-то у него хоть отбавляй.]
712 Л. 373 об. — [— Вот еще, важное кушанье, кто там его очки увидит! — возражала Варвара.
— Все ж таки важнее, — упрямо повторял Передонов.]
713 Л. 374 — [холодною и не повредить своему здоровью,]
714 Л. 374 — [— Петрушку валяешь, кто там увидит, — говорила Варвара.]
715 Л. 376 — [А так-то, в одной юбке, мне еще лучше, — тепло сегодня.
— Нечего мозготать, ты дело делай, — оборвал ее Передонов.]
716 Л. 376 об.—377 — [— Чудак, — с хохотом крикнул Рутилов, — такой и прически не бывало. И с чего тебе пришло в голову?
Передонов угрюмо молчал, но от своего замысла не отказался.]
717 Л. 379 об. — [Передонов угрюмо каялся в своей оплошности. Что-то будет? Удастся ли ему повенчаться с Варварой, как следует, назло врагам?]
718 Л. 380 об. — Некогда было раздумывать.

719 Л. 385 — [— Ловко, постоянная дама Варвара, — поощрил Мурин, — так им, охальникам, и надо.]

720 Л. 518 — [Директорша была особа из хорошей семьи, обладала светскими манерами, и вела близкое знакомство только с небольшим кругом вполне порядочных семей.]

721 Л. 518 — [при визите]

722 Л. 518 об.—520 — [Любопытная сама, она думала, что все люди любопытны, и что директорша потому сует свой нос во все дела, касающиеся ее мужа и его службы. Слова директорши казались ей притворством.]

723 Л. 522 — [Но обстоятельства так сложились, что этого письма не пришлось отдавать.]

724 Л. 568 —Передонов решил [принять самые энергичные меры для своей защиты.]

725 Л. 568 — [доносил и на тех, в ком видел своих недоброжелателей; — они вредили ему своими злыми желаниями.]

726 Л. 568 об. — [в сдержанных выражениях,]

727 Л. 568 об. — [Ответ был следить, уменьшить число его уроков, и в случае надобности немедленно донести.]

728 Л. 569 — [Недотыкомка бегала под стульями, по углам, и повизгивала.]

729 Л. 570 — [у Передонова,]

730 Л. 498—499 — Хочешь, совсем босиком пойду?

И не дожидаясь ответа, она проворно сдернула башмаки, и отдала их Саше.

— Неси, — коротко приказала она. — О, как легко!

И она побежала, припрыгивая, по дороге. Оглянулась на Сашу.

— Ну, что ж ты, живо! — крикнула она, — разувайся! Видишь, я же босая, а ты, мальчишка, без сапог шагу не можешь.

Делать нечего, послушался Саша. Краснея сильно, говорил:

— Да вы не думайте, что я — нежный. В деревне всё лето босиком отщеголял.

— Уж будто всё лето?

— Правду, всё. Тетя не позволяла носить обувь. Раз пошел в церковь в сапогах, да и то тетя высекла.

— Это хорошо, — сказала Людмила. — А меня уж давно не секли, больше полгода.

— Ну, это совсем недавно, — возразил Саша. — Кто же вас наказывает?

— Сестрица Лариса.

731 Л. 535 — [другим]

732 Л. 535 — [не будь жомом]

733 Л. 536 — [наводила на Передонова страх,]

734 Л. 561 — [Понемногу обман обнаруживался.]

735 Л. 561—562 об. — [Вершина говорила злорадно:

— Да я с самого начала сказала, что письмо подделано.

— И почерк знакомый, — говорил Мурин.

— И то возьмите, — радостно быстро говорила Вершина, — первое письмо было совсем подозрительное, и главное, без конверта. А как только он заявил подозрение, так и с конвертом устроили.

— Белыми нитками шили, — сказала Марта.

— Конечно, — подхватила Вершина. — Только ведь кому охота была мешать? И знали, да молчали. Варька — молодец, окрутила дурака.

— Ловко окрутила, что и говорить! — с хохотом крикнул Мурин.

Все весело и злорадно смеялись.

Большая радость была и у Рутиловых, когда там узнали о подделке писем.]

736 Л. 564 — [Сначала] она [не поняла, но когда поняла, то] испугалась, [как бы ей не пришлось поплатиться за это. Испуганная, сердитая]

737 Л. 564 об. — [— что мне за корысть на свою голову ворошить.]

738 Л. 564 об. — [назад]

739 Л. 564 об. — [пожалуй, и как]

740 Л. 564 об. — [— вот еще,] стану я [на него]

741 Л. 564 об. — [— кричала Грушина, и сверкала серыми глазами, —]

742 Л. 564 об. — [я вовсе не хочу, чтобы меня поймали в такой грязной проделке.]

743 Л. 565 — [— Да как же я возьму? Ведь он его в бумажнике носит, — сказала Варвара.

Она ухмылялась, как всегда, нахально, но очевидно трусила.

— Так и возьмите, украдьте, и вся недолга, — настаивала Грушина. — Болтать, небось, умели, умейте и поправлять.

Она дерзко приступала к Варваре, и пугала ее злыми последствиями, если письмо останется у Передонова.

— А то и развенчать можно, — злобно сказала она.]

744 Л. 565 — [дело крепко,]

745 Л. 565 об. — [мне не жалко, — сказала она. Вам]

746 Л. 565 об. — [только]

747 Л. 566 — [Но теперь, когда Передонову всюду мерещились враги да соглядатаи, это было особенно трудно.]

748 Л. 566 — [приходила каждый день ругаться да грозить.]

749 Л. 566 — [в последнее время]

750 Л. 567 об. — Передонов [поверил и пришел в ужас. Он вообразил,]

751 Л. 363 об. — [Сожительство с Варварой, хоть бы увенчанное браком, было ошибкой, и это смутно томило его.]

752 Л. 541 об. — [— Гиря какая! — сказала Людмила, — проведя по Сашиной голове ладонью.

— Сама ты ступка, — огрызнулся Саша, — я теперь барышня, мне дерзить нельзя, глупенькая.]

753 Л. 471 — А дома Коковкина в первый раз поступила с ним строго: высекла его и поставила на колени.

754 Л. 475 об. — Высеку! — говорила Коковкина.

— Секите, — огрызнулся Саша.

Коковкина вдруг рассердилась.

— Марш в кухню! — крикнула она.

И в кухне Саша был крепко высечен розгами.

[755] Л. 452 об. — [заложил дверь на крючок, — теперь до утра к нему не войдут.]

[756] Л. 453 — [Никто не встретился, только в одном месте залаяла собака, и лаяла долго]

[757] Л. 454 — [— самое удобное место для купцов, из которых состояла большая часть членов собрания.]

[758] Л. 456 об. — [Мачигин восторгался.]

[759] Л. 457 — [Особенно он нравился дамам.]

[760] Л. 467 об. — [Шарик пыхтел от самодовольства.]

[761] Л. 337 об. — [Володин с диким визгом плясал над обломками веера.]

[762] Л. 337 об. — [стерва! — нажаловался он.]

[763] Л. 337 об. — [отчаянно]

[764] Л. 341 — [и низким]

[765] Л. 341 — [— испуганно]

[766] Л. 342 об. — [потом вышел из гостиной и затворил за собою дверь. Никто этого не заметил.]

[767] Л. 345 об. — [комнатные]

[768] Л. 348 об. — А Людмилу, хотите, при вас накажем розгами.

[769] Л. 574 — На другой день тетя собралась уезжать. Целое утро была в нерешительности, посматривала на Сашу, и вдруг, когда уже лошади были готовы, решительно сказала Саше:

— Пошел в свою комнату, разденься, я тебя высеку.

Саша заплакал, а тетя спустилась в сад, сама нарвала розог, и потом пребольно высекла Сашу.

[770] Л. 578 — [— криво ухмыляясь, возразила Вершина. —]

[771] Л. 581 об. — [— представление]

[772] Л. 584 об. — [Передонов долго был один с трупом.]

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

М. В. Добужинский. Вид на Матятин переулок, где в детстве жил Федор Сологуб. 1900-е годы. ИРЛИ.

Татьяна Семеновна Тетерникова, мать Федора Сологуба. Фотография. 1890-е годы. Музей ИРЛИ.

Федя Тетерников (Сологуб). Фотография В. Шейнфельда. Санкт-Петербург, 1870 г. Музей ИРЛИ.

Ольга Тетерникова, сестра Федора Сологуба. Фотография Страхова. Санкт-Петербург, 1877 г. Музей ИРЛИ.

Ольга Тетерникова в детстве.

Свидетельство на звание портного, выданное Санкт-Петербургской ремесленной управой Козьме Афанасьевичу Тютюнникову (Тетерникову), отцу Федора Сологуба, 19 декабря 1862 г. ИРЛИ.

Похвальный лист, выданный Федору Тетерникову 15 июня 1877 г. Санкт-Петербург. ИРЛИ.

Свидетельство об окончании Санкт-Петербургского Владимирского уездного училища, выданное Федору Тетерникову 15 июня 1877 г. ИРЛИ.

Грамота о пожаловании Ф. К. Тетерникову ордена Св. Станислава 3-й степени. Выдана 19 апреля 1896 г. ИРЛИ.

Федор Сологуб в группе преподавателей и учеников Андреевского городского мужского четырехклассного училища. Музей ИРЛИ.

Федор Сологуб в группе преподавателей Андреевского городского мужского четырехклассного училища. Музей ИРЛИ.

Обнаженный мальчик. Снимки из несохранившегося альбома фоторабот Федора Сологуба ⟨?⟩. Музей ИРЛИ.

Василий Алексеевич Латышев. 1880-е годы.

О. К. Тетерникова в интерьере квартиры Федора Сологуба при Андреевском городском училище. Музей ИРЛИ.

Федор Сологуб с сестрой на даче. 1900-е годы. Музей ИРЛИ.

Федор Сологуб с сестрой и двумя неизвестными в интерьере их квартиры при Андреевском городском училище. Музей ИРЛИ.

Здание бывшего Андреевского городского мужского четырехклассного училища (ныне детский сад «Андрейка») на углу 7-й линии Васильевского Острова и Днепровского переулка в доме 20/2. Фотография А. Савкина.

Внутренний двор бывшего здания Андреевского городского училища, где располагался флигель, в котором в 1899—1907 годы жил Федор Сологуб. Фотография А. Савкина.

Николай Максимович Минский. Фотография В. Павловского. Санкт-Петербург, 1890-е годы. Музей ИРЛИ.

Дмитрий Сергеевич Мережковский. Фотография. 1890-е годы. Музей ИРЛИ.

Зинаида Николаевна Гиппиус. Фотография А. Пазетти. Санкт-Петербург, 1895 г.

Василий Васильевич Розанов. Фотография Клименко «Анели». Елец, 1889 г. Музей ИРЛИ.

Владимир Васильевич Гиппиус. Фотография ателье «А. Рентц и Ф. Шрадер». Санкт-Петербург, ⟨конец 1890-х годов⟩. ИРЛИ.

Александр Михайлович Добролюбов. Фотография В. В. Гиппиуса, 1890-е годы. Музей ИРЛИ.

Любовь Яковлевна Гуревич. Фотография Д. С. Здобнова. Санкт-Петербург, 1890-е годы. Музей ИРЛИ.

Зинаида Афанасьевна Венгерова. Фотография Пазетти. Санкт-Петербург, 1898 г. Музей ИРЛИ.

Аким Львович Волынский. Фотография Д. С. Здобнова. Санкт-Петербург, 1890-е годы. Музей ИРЛИ.

Георгий Иванович Чулков. Фотография «Denar». Санкт-Петербург, 1900-е годы. Музей ИРЛИ.

Федор Сологуб в группе участников поэтического кружка «Пятницы К. К. Случевского» (А. А. Коринфский, А. М. Хирьяков, В. И. Немирович-Данченко, Ф. В. Черниговец-Вишневецкий, В. П. Авенариус, А. А. Измайлов, К. К. Случевский, К. Н. Льдов, Ф. Ф. Фидлер и др.). Музей ИРЛИ.

Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская в группе актеров театра К. А. Незлобина (Москва), участвовавших в представлении пьесы «Мелкий бес». 1910 г. Музей ИРЛИ.

Федор Сологуб и Н. А. Попов, режиссер Киевского театра «Соловцов», в котором осенью 1909 г. состоялась премьера пьесы «Мелкий бес». Музей ИРЛИ.

Фотография В. Лихачева — исполнителя роли Саши Пыльникова в авторской инсценировке «Мелкий бес» (театр К. А. Незлобина). ИРЛИ.

Максим Горький и Скиталец. Открытое письмо. Начало 1900-х годов. Музей ИРЛИ.

Федор Сологуб. Фотография Канановой и Кафиевой в Тифлисе. Начало 1910-х годов. Музей ИРЛИ.

Федор Сологуб. Портрет работы художника Б. М. Кустодиева. 1907 г. Государственная Третьяковская галерея (Москва).

СЛОВНИК

Альгвазилы (араб.) — в Испании так называли служителей правосудия или полиции, а также исполнителей инквизиционного трибунала.

Башибузуки (тур.) — букв.: сорви голова; башибузуками называли отряды турецкой пехоты, отличавшиеся воинственной жестокостью и мародерством по отношению к мирному населению, а также отсутствием воинской дисциплины.

Взъерепениться — заупрямиться (*Даль.* 1 : 201).

Вожжаться (диалект.) — знаться, дружить, возиться (*Даль.* 1 : 224).

Воня — приятный сильный запах (*Даль.* 1 : 240).

Ворожка (пск.) — гаданье.

Гимнософисты (греч.) — нагие мудрецы, греки так называли индийских философов, строгих аскетов, отвергавших даже одежду, проводивших жизнь в созерцании.

Домекнуться — понять, догадаться (*Даль.* 1 : 464).

Ейкать (вытегор.) — звать, призывать кого-либо (Словарь рус. народ. говоров. Л., 1972. Вып. 8).

Елёха-ваха — эвфемизм выражения: ёб твою мать.

Епархиалка — выпускницы епархиального училища.

Ерофеич (простореч.) — водка, настоянная на травах (*Даль.* 1 : 521).

Жабиться — злиться; от *жаба* — в значении злая баба (*Даль.* 1 : 522).

Жамочки (диалект.) — пряники приплюснутой формы (Словарь рус. народ. говоров. Л., 1972. Вып. 9; *Даль.* 1 : 527).

Жахаться (диалект.) — пугаться, страшиться, ужасаться (*Даль.* 1 : 528).

Жолви тебе в бок — от *жолвь, жолвуй, желвь* — шишка на теле, опухоль, нарыв (*Даль* 1 : 530, 546).

Жома (диалект.) — скряга, жмот (*Даль.* 1 : 527).

Заручка — здесь: поддержка, покровительство.

Затрапез — грубая льняная или пеньковая ткань, пестрая или полосатая, из которой шили рабочую одежду (от купца Затрапезникова, которому Петр I передал пестрядиную фабрику) (*Даль.* 1 : 651; 3 : 104).

Золоторотцы (простореч.) — бродяги, босяки; в ед. ч. — наглый плут, человек без совести (Словарь рус. народ. говоров. Л., 196. Вып. 11).

Кадрель (простореч.) — кадриль.

Касть поганая (пск.) — пакость, гадость, скверна, паскуда (*Даль.* 2 : 95).

Карачун — смерть (*Даль.* 2 : 91).

Козны — популярная деревенская игра, в которой использовались кости от ног барана или иных животных; другое название — *бабки.*

Куманика (диалект.) — ежевика, морошка и другие лесные ягоды («конские», «второсортные») (*Даль.* 2 : 217).

Лупетка — круглая плотная рожица (*Даль.* 2 : 274).

Мамошка — любовница (*Даль.* 2 : 296).

Мозготать (пск., смл., твр.) — молоть вздор, толковать по пустякам (*Даль.* 2 : 338).

Мочиморда (маримонда) — в «Словаре русских народных говоров» (Л./СПб.: Наука, 1965—2001) слово не зафиксировано; его значение поясняется в романе Ф. Сологуба «Тяжелые сны» (глава 6), см.: «...что же это значит, маримонда? ... — А вот что значит ... я некрасивый, в такую говорит, маримонду ни одна девица не влюбится, говорит, ртом мух ловит» (*Сологуб Федор.* Тяжелые сны. Роман. Рассказы. Л., 1990. С. 54).

Наблекотать (диалект.) — наблеять, прокричать по-овечьи; насплетничать (*Даль.* 2 : 379).

Навье (диалект.) — мертвец (*Даль.* 2 : 389).

Надмевать — надувать, делать кичливым, спесивым, возносить (*Даль.* 2 : 403).

Насупа — угрюмый, хмурый человек (*Даль.* 2 : 478).

Нахмáриться (диалект.) — затянуться тучами, стать хмурым.

Ничевуха — непряха, нерукодельница (*Даль.* 2 : 548).

Обеденка (диалект.) — кухня или небольшая комната, где обедают.

Обериша (простореч.) — вероятно, от *обироша, обироха (пск.)* — вымогатель, тот, кто берет больше положенного.

Облаедка (простореч.) — от *оглоедка (диалект.)* — 1) скряга; 2) дармоедка.

Облукавить — обмануть.

Обмишулить (диалект.) — обмануть, надуть, обсчитать.

Омег (диалект.) — хмельной, ядовитый напиток.

Пота (диалект.) — до тех пор.

Потрафить — попасть, угодить впору (*Даль.* 3 : 358).

Почталыга (простореч.) — почтальон.

Пошава (ол., новг.) — повальная болезнь, эпидемия (*Даль.* 3 : 373).

Праск — треск, хлопанье бича (*Даль.* 3 : 382).

Призорок — наблюдательный (*Даль.* 4 : 414).

Принука — принуждение, неволя (*Даль.* 3 : 431).

Притрепаться — плохо причесаться, беспорядочно или грязно одеться (*Даль.* 4 : 454).

Просвирник — мальва; в просторечье — собачья рожа (*Даль.* 3 : 508).

Разглушье (простореч.) — совсем глухой человек (*Даль.* 4 : 23).

Разгрибаниться (пск., твер.) — расчувствоваться, расхныкаться, распустить нюни (*Даль.* 4 : 25).

Раздевоня (груб., диалект.) — женоподобный мужчина или юноша.

Разжелудить — дать доброго нагоняя (*Даль.* 4 : 30).

Раззарить — раззадорить, распалить (*Даль.* 4 : 31).

Разрюмиться — расплакаться, разреветься (*Даль.* 4 : 45).

Растабарывать — беседовать, болтать (*Даль.* 4 : 74).

Раять (диалект.) — звучать, раздаваться.

Сварганить (диалект.) — сделать что-нибудь плохо, на скорую руку.

Старбень — старый человек, проживший за полвека (*Даль.* 4 : 317).

Углан (диалект.) — парень, подросток; шалун, баловник; неуклюжий (*Даль.* 4 : 465).

Улещиванье — обман, обольщенье.

Упаточиться (диалект.) — умаяться, упариться (*Даль.* 4 : 500).

Уполовник (новг.) — ковш для стряпух на длинной ручке, поварёжка (*Даль.* 4 : 503).

Фалалей — простофиля, разиня; пошляк (*Даль.* 4 : 531).

Фордыбачить — храбриться; шуметь и кричать (*Даль.* 4 : 537).

Фря (простореч.) — важная особа (*Даль.* 4 : 539).

Хайло — крикунья, горлопанка (*Даль.* 4 : 541).

Хатьма — садовое растение из семейства мальвовых, одичало произрастает вдоль дорог и по краям полей.

Хлап — валет (*Даль.* 4 : 549).

Чернобыльник — крупный вид полыни.

Частоговорка (новг., пенз.) — скороговорка.

Чудодей / чудород — чудак (*Даль.* 4 : 612).

Шампанея (простореч.) — шампанское.

Шкалики — стаканчики с фитильком, заправленные салом, применявшиеся для праздничного освещения.

Штукарь — искусник, фигляр, шут (*Даль.* 4 : 646).

СОДЕРЖАНИЕ

ДОПОЛНЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Научное издание

Федор Сологуб

«МЕЛКИЙ БЕС»

Серия «Литературные памятники»

Утверждено к печати
Редколлегией серии «Литературные памятники»

Редактор издательства *А. Ф. Варустина*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Ю. Б. Григорьева, Л. Д. Колосова, Ф. Я. Петрова* и *Е. В. Шестакова*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Сдано в набор 26.05.04. Подписано к печати 17.11.04. Формат 70×90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Академическая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 70.
Уч.-изд. л. 64.2. Тираж 3000 экз. Тип. зак. № 3666. С 256

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
main@nauka.nw.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

ISBN 5-02-027129-2

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ
В СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Князь И. М. Долгоруков

ПОВЕСТЬ О РОЖДЕНИИ МОЕМ, ПРОИСХОЖДЕНИИ И ВСЕЙ ЖИЗНИ

В 2 кн.

Воспоминания И. М. Долгорукова (1764—1823), писателя, поэта, крупного чиновника, занимавшего долгие годы посты вице-губернатора и губернатора в городах центральной России, охватывают период с 1788 по 1822 год. Представленные в форме погодных записей, как семейная история одной из ветвей рода князей Долгоруковых, мемуары являются, прежде всего, бесценным источником для изучения быта и культуры родового российского дворянства, содержат глубокие суждения о вопросах внутренней политики и общественных процессов на протяжении царствования трех императоров. В столь полном объеме, с глубокой текстологической проработкой автографов, списков, авторской правки, предыдущих публикаций текста, мемуары издаются впервые. В Приложении помещены статьи и примечания. В комментариях содержатся генеалогические сведения, поясняются деловые и служебные эпизоды жизни Долгорукова, раскрываются историко-бытовые реалии. Издание снабжено именным указателем.

Поль Клодель

БЛАГАЯ ВЕСТЬ МАРИИ

В книгу вошли две редакции одной из самых известных пьес французского поэта и драматурга Поля Клоделя (1868—1955) «Благая весть Марии». Пьеса, названная драматургом «мистерией», занимает особое место в истории театра не только из-за своей духовной и эмоциональной насыщенности, но и из-за того интереса, который к ней проявляли такие выдающиеся режиссеры, как О. Люне-По, В. Дорн, А. Таиров, В. Мейерхольд. Сопоставление ранней редакции (1912 г.), развивающей темы и образы пьесы «Юная дева Виолена», и так называемой окончательной редакции для сцены (1948 г.) позволяет проследить эволюцию творчества Клоделя почти за полвека. Обе редакции публикуются в новом переводе Л. Цывьяна. Издание снабжено статьей, где прослеживается история создания пьесы и анализируются принципы мировоззрения и стиля Клоделя, и комментариями.

Хенрик Ибсен

КЕСАРЬ И ГАЛИЛЕЯНИН. РОСМЕРСХОЛЬМ

В книгу вошли две пьесы великого норвежского драматурга Хенрика Ибсена: «Кесарь и Галилеянин» (1873) — в русском переводе публикуется впервые и «Росмерсхольм» (1886). Всемирно-историческая драма «Кесарь и Галилеянин» запечатлела трагическую судьбу Юлиана Отступника, пьеса «Росмерсхольм» создана на современном автору материале, насыщена глубокой психологической и философской проблематикой. В Дополнения включены материалы, в большинстве публикуемые на русском языке впервые: заметки и предварительные наброски к обеим драмам, стихотворения Ибсена, а также статьи А. Гарборг, Г. Брандеса о пьесе «Кесарь и Галилеянин» и эссе Н. Бердяева об Ибсене. Издание снабжено статьей о творчестве писателя, комментариями, иллюстрациями и справочным аппаратом.

ПИСЬМА П. В. АННЕНКОВА К И. С. ТУРГЕНЕВУ

В книге собраны неопубликованные и публиковавшиеся ранее, но мало доступные в настоящее время письма П. В. Анненкова к И. С. Тургеневу. Научно-справочный аппарат издания включает обширный комментарий, книга содержит две вступительные статьи. Через письма раскрывается незаурядная, яркая личность корреспондента, «русского европейца», разносторонне образованного человека, глубоко сведущего в русской и европейской литературной и общественной жизни; переписка знакомит читателя с литературно-критическими взглядами П. В. Анненкова.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины «Книга — почтой»

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б; (код 812) 235-05-67

Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга — почтой»

690088 Владивосток-88, Океанский пр-т, 140 («Книга — почтой»); (код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»); (код 3432) 55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 («Книга — почтой»); (код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 73; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 («Книга — почтой»); (код 3832) 30-09-22
142292 Пущино Московской обл., МКР «В», 1 («Книга — почтой»); (13) 3-38-60
443022 Самара, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»); (код 8462) 37-10-60
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65
199034 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9 линия, 16; (код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36
450059 Уфа-59, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85